

Невский проспект, № 6.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 18

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаѣтъ 29 апрѣля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1889 Г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Безъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Весенняя выставка Имп. Акад. Худож. у венеціанскаго мастера. Карт. Н. П. Степанова (право грав. приобр. „Нивой“), грав. Волковъ.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ М. В. Крестовской.

(Продолженіе).

— Быть-можетъ, говорила она нѣжнымъ воркующимъ голосомъ, тѣмъ голосомъ, отъ котораго самыя простыя слова и фразы казались какими-то чарующими,—быть-можетъ, вы подумали что я позавидовала подарку, который вы сдѣлали Софи? Нѣтъ, мой другъ, я не могу завидовать брилліантамъ,—это сказала она съ печальной, горькою усмѣшкой,—у меня ихъ такъ много... слишкомъ много... и еще больше я право не хочу... Но вѣдь иногда невольно хочешь чего-то другаго еще... чего отъ васъ я... не получала никогда... Впрочемъ, нѣтъ... когда-то было, но давно, очень давно... задумчиво прибавила она съ глубокимъ вздохомъ,—когда мы съ вами были еще такъ молоды... Хочешь вниманія... заботъ, въ которыхъ бы чувствовалась любовь...

И она грустно склонила голову.

— Но! воскликнулъ Ѳеодоръ Густавовичъ уже съ полнымъ удивленіемъ, растерянно смотря на жену, которой почти не узнавалъ въ этой прелестной, нѣжной и грустной женщинѣ... И при томъ она кажется укоряла въ недостатокѣ вниманія, любви? Ѳеодоръ Густавовичъ почти не вѣрилъ своимъ ушамъ и мысленно спрашивалъ себя, такъ-ли онъ понимаетъ ее, какъ она говорить, не перепуталъ-ли онъ чего-нибудь по незнанію языка; но она, какъ бы желая его еще больше увѣрить, поспѣшно воскликнула:

— Да, да, это такъ! и снова заговорила печально и нѣжно.—Когда сегодня вы принесли вашъ подарокъ Софи, и я увидала при этомъ ваше лицо, услышала вашъ голосъ, то я невольно и впервые поняла (она снова тяжело, какъ-бы съ какой-то мучительной нравственной болью, вздохнула) разницу въ томъ, какъ вы дарите мнѣ и какъ дарите ей... Для нея вы—весь любовь... тогда какъ со мной—простое исполненіе долга... и долга даже непріятнаго...

Она болѣзненно засмѣялась, и остановясь въ одной изъ гостиныхъ, вдругъ опустилась на круглый атласный диванъ, окружавшій посреди комнаты громадную латанію, тоскливо сжала и вытянула вдоль колѣнъ свои красивыя обнаженныя руки...

Ѳеодоръ Густавовичъ также остановился и, не зная что ей сказать, продолжалъ молча и растерянно глядѣть на нее. Въ словахъ ея было много правды, онъ невольно сознавалъ это, но онъ никогда не думалъ чтобы это могло огорчать ее... Теперь-же, при видѣ ея тоскливой позы и грустнаго лица, ему стало казаться что онъ дѣйствительно виноватъ предъ ней отчасти; ему стало и совѣстно какъ-то, и жаль ея... Къ тому же, она была такъ поразительно и такъ трогательно красива...

— Но нѣтъ! заговорилъ онъ нѣсколько сконфуженно и смущенно,—вы ошибаетесь... даю вамъ слово ошибаетесь... Я всегда желалъ дѣлать для васъ всякій удовольствій, но вы сами... вы сами бывали со мной всегда такъ нелюбезны и... и... даже презрѣнны...

— О! она вдругъ высоко подняла голову и обдала его тѣмъ прелестнымъ взглядомъ, который бываетъ у влюбленныхъ, но гордыхъ и самолюбивыхъ женщинъ.—Я не могла заискивать и унижаться передъ вами, зная... зная что вы не любите меня...

Закрывъ лицо руками, она слегка запрокинула голову и до-бѣла закусила губы, какъ бы сдерживая рыданія; наконецъ, точно пересиливъ себя, порывисто встала и проговорила задыхающимся шепотомъ:

— Пойдемте... пора...

Но Ѳеодоръ Густавовичъ взволнованно схватилъ ея руки и судорожно сжалъ ихъ, преграждая ей дорогу. Ему вдругъ стало казаться что онъ всегда безумно любилъ эту прелестную женщину; да, вѣдь она

обольстительно прекрасна и въ то же время его жена, его законная жена, на которую онъ, вотъ уже многіе годы, въ силу какого-то ужаснаго, невозможнаго недоразумѣнія, не обращалъ никакого вниманія, поставилъ себя въ самое скверное положеніе, въ самыя глупыя отношенія вмѣсто того чтобы пользоваться всѣми своими правами.

И вдругъ теперь, когда почти все уже было навсегда потеряно, она сама намекаетъ, почти прямо говоритъ ему что любитъ его... а онъ... О, какой большой дуракъ бывалъ онъ все это время! Страстный порывъ какого-то опьяненія, страсти и раскаянія охватилъ его; лицо его побагровѣло; тяжело дыша и не пуская ее уйти, онъ стиснулъ ея руки въ своихъ рукахъ, дрожавшихъ отъ волненія.

— Нѣтъ, нѣтъ, заговорилъ онъ отрывистымъ шепотомъ,—теперь нельзя уходить, теперь намъ надо объяснять... это... это... недоразумѣніе.

Но Юлія Андреевна выдернула руки и быстро отвернулась отъ него — глаза ея горѣли торжествомъ побѣды и все лицо дрожало отъ внутренняго смѣха. Она боялась заговорить и глядѣть на него, чтобы не расхохотаться; та легкость, съ которой она одурачила его и разомъ влюбила его въ себя, потѣшала и изумляла ее самою.

— Пустите, пустите меня, заговорила она, пересиливая смѣхъ,—потомъ когда-нибудь... въ другой разъ мы поговоримъ—теперь уже поздно... сейчасъ начнутъ сѣзжаться... пустите...

Но Ѳеодоръ Густавовичъ уже не хотѣлъ ни пускать ее, ни отлагать объясненія.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорилъ онъ рѣшительно и горячо,—лучше поздно чѣмъ не будетъ совѣмъ!

Почти не понимая что онъ дѣлаетъ и зачѣмъ, онъ обнялъ ее за талію и сильнымъ движеніемъ заставилъ ее опять сѣсть на диванъ, а самъ тяжело опустился передъ ней на колѣни, страстно цѣлуя ея руки.

— Я былъ дуракъ, шепталъ онъ безсвязно,—я ничего не понималъ въ сердцѣ женщины, я думалъ что я непріятель и противень для васъ и что вы ненавидѣте меня! О, mein Gott, если бы я могъ понимать что это не такъ, я бывалъ бы самый лучшій, самый любезный мужъ! Но теперь мы понимаемъ другъ друга, теперь надо все это кончать и теперь мы будемъ immer, всегда любить другъ друга! Nicht wahr, mein Liebchen?

Она прятала свое лицо, ей хотѣлось расхохотаться прямо ему въ глаза и сказать: „о! глупый тюлень!“ Но она сдерживалась и чувствуя надъ нимъ свою власть, только перемѣнила тонъ—изъ любяща-тоскующаго перешла въ игриво-кокетливый и снисходительный, который былъ ей болѣе присущъ и въ которомъ она чувствовала себя удобнѣе и легче.

— Ну какъ знать, какъ знать! сказала она съ кокетливой улыбкой покачивая головой,—нельзя цѣлые годы только ссориться и оскорблять другъ друга, а потомъ вдругъ взять и сразу разнѣжничаться и опять влюбиться другъ въ друга. Нѣтъ, то что прежде быть-можетъ вышло бы само собой — теперь надо заслуживать! Да, прибавила она смѣясь,—надо заслуживать! Вотъ мы и посмотримъ, будетъ-ли кто-то въ этомъ стараться! А въ сердцѣ женщины вы дѣйствительно ничего не понимаете,—что правда то правда!

И смѣясь задорнымъ смѣхомъ, она смотрѣла прямо въ его недоумѣвающіе, удивленные глаза.

Смѣхъ этотъ слегка коробилъ Ѳеодора Густавовича, онъ не совѣмъ ясно понималъ чего она хочетъ и про что говоритъ ему, чувствовалъ себя отчасти даже

какъ будто оскорбленнымъ въ своемъ страстномъ, искреннемъ порывѣ къ женѣ; но его обезоруживало, наполняя страстнымъ очарованіемъ, и снова примиряло съ ней, ея лицо, злое и прелестное, съ сіявшими предъ нимъ ея темными, мрачными глазами и сочнымъ чувственнымъ ртомъ, который точно дразнилъ его, вдругъ приблизившись, когда она наклонила голову такъ близко къ нему, что онъ даже чувствовалъ его горячее, неровное дыханіе, и котораго онъ все-таки не смѣлъ поцѣловать, хотя такъ страстно желалъ бы этого.

— Ну, сказалъ онъ, подозрительно взглянувъ на нее, но все еще не вставая съ колѣнъ, — такъ это все шутки были? да?

Она съ загадочной улыбкой тихо покачивала головой.

— А вы какъ думаете? спросила она не то насмѣшливо, не то нѣжно.

— Я! я ничего не думаю! Я думаю что всѣ женщины похожи на волшебный сказка, въ которой на каждой страницѣ по два чуда и гдѣ совсѣмъ не знаешь что будетъ на слѣдующей страницѣ.

— А! сказала она смѣясь, — очень милое сравненіе! значить и я тоже похожа на волшебную сказку?

— О, вы еще больше чѣмъ всѣ другія!

— Да? ну что жъ, для васъ это должно быть очень интересно. Сказки всегда интересны — право, мнѣ нравится ваше сравненіе, въ немъ что-то новое есть, а потому можете еще разъ поцѣловать мою ручку, а затѣмъ извольте подниматься съ колѣнъ. Сейчас придетъ Софи съ M-elle Mignard — что скажетъ M-elle Mignard если застанетъ насъ въ этой трогательной сценѣ? она къ нимъ не привыкла.

— Ахъ, какой мнѣ дѣла что скажетъ эта дура! вы моя законная жена! Ну, скажите же мнѣ правду, будемъ мы теперь переставать сориться!

— Вѣдь я вамъ уже сказала: если хотите прощенія и мира — старайтесь заслужить это!

Вставъ и подойдя къ трюмо, она подняла руки высоко надъ головой и стала опрашивать въ волосахъ брильянты.

— Заслужить! сказалъ Федоръ Густавовичъ, съ сокрушеніемъ покачивая головой, — но какъ?

— Если вы очень этого захотите, тогда съумѣете понять какъ!

Федоръ Густавовичъ невольно смотрѣлъ на ея открытую шею, обнаженные поднятыя руки, на изящный затылокъ, и тихо вздыхалъ.

— Это будетъ очень трудно дѣлать! мы есть немножко капризны...

— О, да! она громко и весело засмѣялась, блеснувъ на него въ зеркалѣ ярко вспыхнувшими глазами, — я капризна, я злая, это правда — ну что-жъ, тогда и не старайтесь лучше... оставьте...

— Нѣтъ, сказалъ Федоръ Густавовичъ, не отводя отъ нея влюбленнаго взгляда, — я лучше буду стараться...

И наклонившись, онъ вдругъ прижался горячими губами къ ея тонкому, душистому затылку. Она слегка вздрогнула и, быстро отодвинувшись, ударила его своимъ вѣеромъ.

— Ну, этого вы еще совсѣмъ не заслужили... и вы напрасно такъ торопитесь, вамъ этого еще никто не разрѣшалъ, проговорила она съ сердито вспыхнувшими глазами.

— Ну, ну, я не буду больше, не буду, но... только ручку!

— Нѣтъ и ручки не заслужили.

— Ну пальчикъ, одинъ хорошенькій, маленькій пальчикъ!

— Нѣтъ, и пальчика не заслужили.

— Ну нѣтъ, это я уже заслужалъ.

И онъ хотѣлъ уже схватить ея руку, но въ эту минуту вошла Софи съ M-elle Mignard.

Федоръ Густавовичъ смущенно, какъ будто не M-elle Mignard застала его ухаживающимъ за женой, а жена — за M-elle Mignard, отшатнулся отъ Юли Андреевны, стараясь принять равнодушный и приличный видъ.

XIV.

M-elle Mignard, которой еще на пути къ гостиной послышались какіе-то поцѣлуи, съ удивленіемъ взглянула на обоихъ супруговъ. Сконфуженный видъ Федора Густавовича еще болѣе подтверждалъ это, но зная отношенія monsieur и madame, она сочла подобный случай совсѣмъ невозможнымъ и была склонна скорѣй думать, что это только такъ все ей показалось.

Едва переступивъ порогъ, она, такъ же какъ передъ тѣмъ Софи, вскрикнула и остановилась пораженная на половину искренно, на половину же входя въ роль и увлекаясь, по своему обыкновенію, торжественнымъ моментомъ.

— O madame! воскликнула она, поднимая глаза и всплескивая руками. — M-elle Софи уже говорила мнѣ, какъ вы прекрасны, но чтобы понять это вполне — нужно видѣть васъ... Это что-то необычайное!

Юлія Андреевна разсмѣялась и перейдя къ другому, болѣе удобному для приема дивану, пригласила сѣсть подлѣ себя и M-elle Mignard, и Софи. Федоръ Густавовичъ долженъ былъ отправиться въ другую залу, смежную съ роскошно убранной гостиной, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣчать гостей, и въ первый разъ за всѣ послѣднія десять лѣтъ сожалѣлъ о томъ что уходитъ отъ жены. M-elle Mignard продолжала подозрительно поглядывать своими юркими, любопытными глазами на супруговъ и особенно на Федора Густавовича. Эти любопытные взгляды M-elle Mignard крайне досаждали Федору Густавовичу, который, чтобы маскировать свой сконфуженный видъ, старался придать своему лицу нѣчто чрезвычайно солидное и серьезное.

Было уже десять минутъ одиннадцатаго, но еще никто не являлся; каждый боялся прибыть первымъ, предпочитая запоздать на цѣлый часъ. Наконецъ начало было сдѣлано двумя совсѣмъ еще юными офицерами въ блестящихъ съ иголки мундирахъ, съ дѣтски веселыми, безусыми, миловидными лицами. Оба они были изъ тѣхъ необходимыхъ для каждаго бала „кавалеровъ“, которыхъ приглашаютъ всюду исключительно какъ танцоровъ и которые служатъ общимъ фономъ картины.

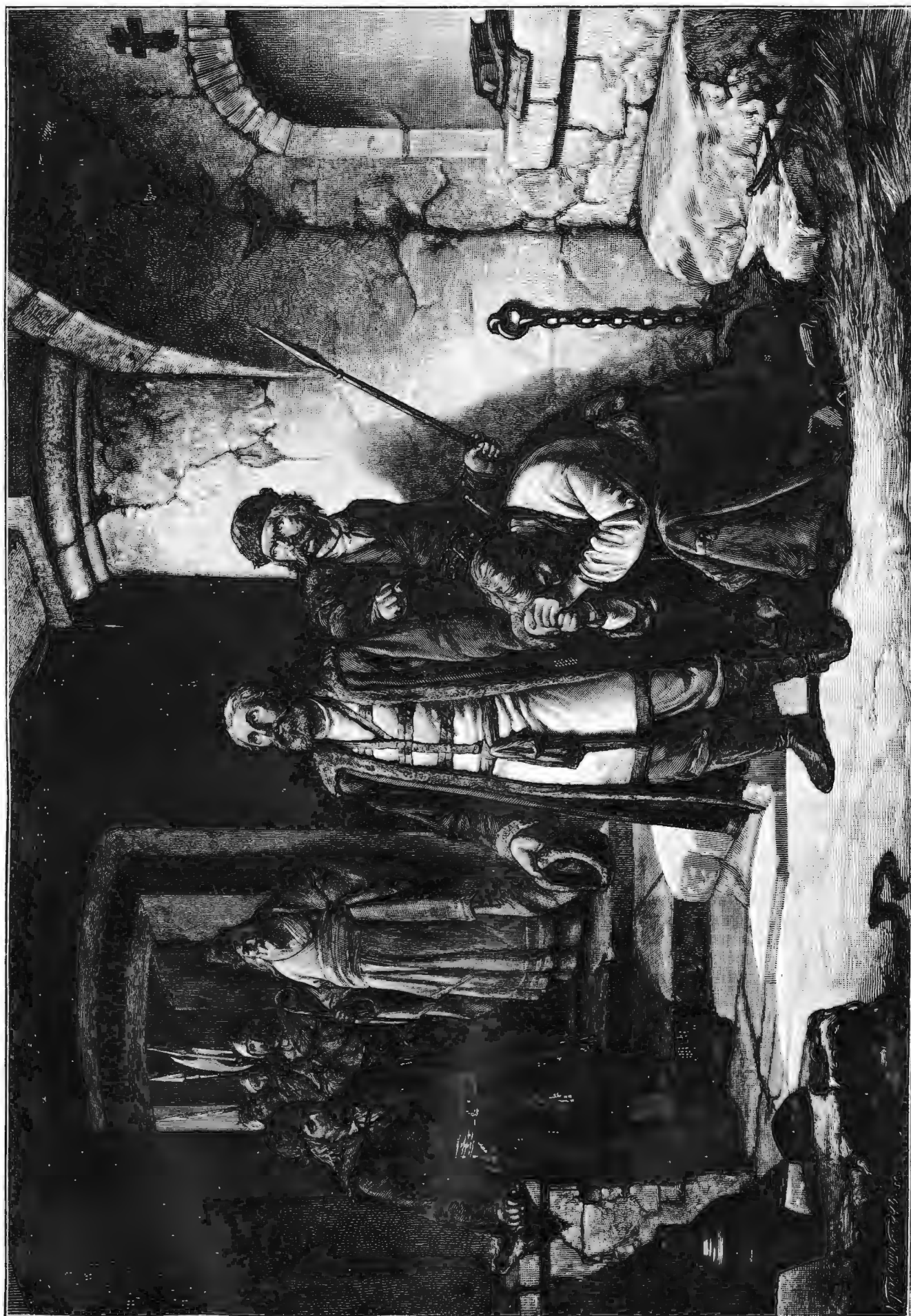
Молоденькіе прапорщики, очевидно сконфуженные тѣмъ что явились первыми, старались игривою развязностью скрыть свое смущеніе, и громко звеня шпорами, расшаркивались передъ прелестною хозяйкой, которая плохо знала даже ихъ фамиліи, но тѣмъ не менѣе сейчасъ же познакомила ихъ съ Софи и была съ ними, за отсутствіемъ другихъ болѣе интересныхъ и значительныхъ гостей, очень любезна. Она съ улыбкой болтала съ ними о разныхъ мелочахъ, избитыхъ и безсодержательныхъ, но которыя у нея выходили какъ-то особенно мило и граціозно.

Молоденькіе офицеры, не разъ встрѣчавшіеся съ нею на разныхъ балахъ и еще прежде восхищавшіеся ея красотой, еще больше очаровались ея любезностью, и уже совсѣмъ съ влюбленнымъ видомъ, на перегонку другъ передъ другомъ, осыпали ее восторженными комплиментами, усердно и весело смѣялись надъ ея остроумными замѣчаніями и всѣми силами старались занять ее, только чтобы имѣть счастье поправиться ей. Они упрашивали ее подарить имъ по одной кадрили, или хотъ одну пополамъ на обоихъ, но она отвѣчала съ кокетливой улыбкой, что съ нынѣшняго дня бросаетъ танцевать, передавая это право своей дочери.

Тогда они поспѣшили пригласить Софи, на которую, поглощенные мамашей, почти не обращали вниманія;

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Бесѣда.
Картина И. Пелевина (право гравированіи приобрѣтено „Нивой“), грав. Шюблеръ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Виленскіе мученики Антоній и Іоаннъ.
Картина академика И. П. Трутнева (право гравированіи приобрьдено „Нивою“), грав. Пастушковичъ.

но пригласивъ и получивъ согласіе, тотчасъ же обратились опять къ Юліи Андреевнѣ съ самыми горячими и искренними убѣжденіями не бросать танцевъ. Они находили такое рѣшеніе съ ея стороны просто преступленіемъ, и увѣрили чуть не со слезами на глазахъ, что она лишаетъ ихъ этимъ огромнаго счастья, что балы теперь потеряютъ всю свою прелесть и что никто не станетъ ѣздить на нихъ.

Но она все съ той же прелестной улыбкой упорно отказывалась, шутливо увѣряя, что съ нынѣшняго дня записывается въ старухи, чѣмъ приводила юныхъ прапорщиковъ совѣмъ въ отчаяніе и вызывала самые горячіе протесты.

XV.

Къ половинѣ одиннадцатаго пріѣхала Ninon съ своимъ мужемъ, молодымъ и очень представительнымъ полковникомъ въ густыхъ эполетахъ, которыя онъ носилъ какъ-то особенно эффектно и красиво, также какъ и одена на груди.

Ninon считалась одной изъ самыхъ красивыхъ и опасныхъ соперницъ Юліи Андреевны. Это была высокая, стройная блондинка, съ интереснымъ и хорошенькимъ лицомъ, которому впрочемъ слегка подкрашенные глаза, напудренные, густо завитые волосы и насмѣшливое, вызывающее выраженіе придавали нѣкоторую вульгарность.

Ninon и сама прекрасно это знала, но это нисколько не смущало ее; напротивъ, ей это нравилось, и она нарочно старалась подражать и въ манерахъ, и въ костюмахъ дамамъ *demi-mond'a* и бравировала этимъ смѣлымъ пошибомъ, на зло своимъ болѣе застѣнчивымъ пріятельницамъ, которыхъ заставляла краснѣть разными эксцентричными выходками. Съ Юліей Андреевной она повидимому находилась въ большой дружбѣ и была даже *на-ты*, но въ сущности обѣ не долгобливали другъ друга, и завидовали одна — молодости, другая — богатству и успѣху своей пріятельницы.

Еще поднимаясь по лѣстницѣ и замѣтивъ что залы совѣмъ пусты, Ninon ужасно разсердилась на своего мужа, у котораго была дурная привычка быть не только акуратнымъ, но даже пунктуальнымъ, и который всегда торопилъ ее когда она одѣвалась, вслѣдствіе чего они очень часто пріѣзжали на вечера гораздо раньше, чѣмъ это слѣдовало по мнѣнію Ninon. Мужъ ея, большой поклонникъ Юліи Андреевны, былъ тоже нѣмецъ и даже приходился Ѳедору Густавовичу какимъ-то дальнимъ родственникомъ, но обрусѣлъ гораздо болѣе своего родственника, къ которому, не смотря на все уваженіе ради богатства, относился нѣсколько свысока и покровительственно, считая за чловѣка мало образованнаго и невоспитаннаго; самъ онъ, благодаря связямъ и протекціямъ, воспитывался въ высшемъ военномъ училищѣ, гдѣ всегда отличался примѣрнымъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, чтò впоследствии, составивъ ему репутацію дѣльнаго и исправнаго офицера, помогло сдѣлать очень недурную и быструю карьеру. Не только въ выговорѣ его и рѣчи, почти литературно правильной, какъ это часто бываетъ у нѣмцевъ много занимающихся языкомъ, но даже въ лицѣ его, румяномъ и красивомъ, съ прекрасными сѣрыми глазами и темными каштановыми волосами и бакенбардами, не было ничего нѣмецкаго; за то выправка его, строго разсчитанная и какъ бы проникнутая сознаніемъ всей важности ношевія мундира — была совѣмъ нѣмецкою, не напоминаяшею русскаго офицера.

Увидѣвъ входящую Ninon, которую Ѳедоръ Густавовичъ съ торжественною, но нѣсколько фамильярною почтительностью велъ подъ руку, Юлія Андреевна любовно поднялась къ ней на встрѣчу, и протянувъ руки,

онѣ съ привѣтливими улыбками поцѣловали воздухъ, приложившись другъ къ другу щеками.

Молодые прапорщики поспѣшно вскочили, нѣсколько смущенные появленіемъ начальства въ лицѣ полковника Шилинга, служившаго въ ихъ же полку.

— Ну, познакомъ же меня съ твоей дочерью, я ею чрезвычайно интересуюсь, сказала Ninon, подчеркивая слово „чрезвычайно“.

Юлія Андреевна, предчувствуя напередъ что пріятельница сейчасъ же скажетъ какую-нибудь милую колкость, тѣмъ не менѣе поспѣшила любезно исполнить ея просьбу.

— Вотъ, сказала она, взявъ Софи за руку, — прошу любить и жаловать.

— О, еще бы! — Ninon весело протянула молодой дѣвушкѣ обѣ руки и поцѣловала ее, — мы съ вашей маманъ старые друзья, а потому я и васъ уже заранѣе готова полюбить отъ всей души. Хотя, по настоящему, съ вами бы слѣдовало скорѣй враждовать, воскликнула она шутливо, — вѣдь вы теперь наша соперница! Ахъ, сѣге, обратилась она вдругъ къ Юліи Андреевнѣ, съ печальнымъ вздохомъ, — какъ летитъ время! положительно не замѣчаешь какъ старѣешь: еще какихъ-нибудь девять-десять лѣтъ — и мнѣ придется дѣлать такой же балъ и для моей маленькой Китти. Злая дѣвочки! онѣ точно нарочно спѣшатъ такъ расти, чтобы скорѣй состарить насъ и занять наши мѣста.

Она засмѣялась и снова поцѣловала Софи, какъ бы желая хоть поцѣлуемъ смягчить свои слова.

Юлія Андреевна вспыхнула и сердито закусила губы.

— Да, сказала она, — въ сущности гораздо выгоднѣе выходить замужъ поздно (Ninon нѣсколько поздно вышла замужъ и это было ея большимъ мѣстечкомъ), а то слишкомъ рано приходится дѣлаться бабушкой.

Ninon слегка покраснѣла въ свою очередь и подумала:

„Ну, я въ долгу не останусь!“

И небрежно раскинувшись на низенькомъ креслѣ, она начала, играя глазами и вѣеромъ, говорить шутя и смѣясь самая злая и рѣзкія колкости. У нея былъ свой жаргонъ и своя манера говорить ихъ, съ самымъ невиннымъ видомъ, какъ будто совѣмъ нечаянно, безъ всякаго злаго умысла, съ милыми наивными улыбками, такъ что къ ней почти нельзя было за нихъ придираться.

Эти маленькія шпильки всегда доставляли ей большое удовольствіе, а сегодня тѣмъ болѣе. Она была не въ духѣ и оттого что пріѣхала слишкомъ рано, и оттого что ей, когда она увидѣла поражающую изящною простотой костюмъ Юліи Андреевны, вдругъ пересталъ нравиться собственный дорогой, но эксцентричный туалетъ состоявшій изъ розовой атласной юбки, затканной множествомъ пестрыхъ бархатныхъ птичекъ, откиднаго золотистаго плюшеваго трэна и такого же глубоко вырѣзаннаго лифа. Въ волосахъ ея, высоко зачесанныхъ, и на груди приютились, вмѣсто цвѣтовъ, гнѣздышки изъ листьевъ и мху съ такими же маленькими птичками, сидящими въ нихъ, какъ и на юбкѣ.

Эти гнѣздышки приводили ее сначала въ восхищеніе своей оригинальностью, но вдругъ потеряли въ ея глазахъ всю свою эксцентричную прелесть, какъ только она увидѣла на шеѣ Юліи Андреевны ея роскошное старинное ожерелье. Она сердилась и на Юлію Андреевну, которая смѣла обладать имъ, и на своего мужа, который не въ состояніи былъ доставлять ей подобныя вещи, и на этого толстаго дурака Таненбаума, который былъ такъ неприлично богатъ, и даже на юныхъ прапорщиковъ, по сіяющимъ лицамъ которыхъ она замѣтила, что они уже успѣли влюбиться въ эту молодящуюся старуху; — вслѣдствіе всего этого, бѣдной Юліи Андреевнѣ приходилось очень

плохо отъ милыхъ колкостей своей пріятельницы, и волнуясь въ душѣ, она едва сдерживалась, отвѣчая ей столь же мило, но столь же зло и остроумно.

XVI.

Къ одиннадцати часамъ съѣздъ начался вполнѣ, и гостиная стала быстро наполняться. Ѳедоръ Густавовичъ, радушный и гостепріимный болѣе чѣмъ когда-нибудь, встрѣчалъ гостей въ главной залѣ, любезно пожимая руки мужчинамъ и осыпая дамъ шумными комплиментами.

Онъ былъ чрезвычайно въ духѣ. Пріятное волненіе, охватившее его въ гостиной во время неожиданной сцены съ женой, не покидало его и теперь, придавая ему какую-то особую бодрость и оживленіе.

Онъ невольно припоминалъ тѣ фразы, которыя она въ началѣ сцены говорила ему, ихъ тонъ и выраженіе лица ея при этомъ—и все болѣе убѣждался что она положительно любитъ его, но скрывала это только будучи слишкомъ гордою женщиной.

Предъ нимъ вырѣзывались вдругъ ея жгучіе, красивые глаза, ея прелестный, какъ бы созданный для поцѣлуевъ ротъ, сочный и яркій, ея обнаженные поднятыя кверху руки—и то ощущеніе, которое онъ уловилъ на своихъ губахъ, когда поцѣловалъ ея тонкую, душистую шею, а маленькія колечки ея пушистыхъ волосъ, змѣившіяся подлѣ, вдругъ защекотали его, — снова повторялось и жгло ему губы. Его влекло и тянуло къ этой жестокой женщинѣ, не хотѣвшей дать ему поцѣловать даже одинъ мизинецъ...

Ѳедоръ Густавовичъ волновался, давно не испытывая уже ничего подобнаго; но волненіе это было пріятное, какъ бы животворное, онъ самъ себѣ казался теперь моложе, бодрѣе и даже красивѣй; проходя мимо зеркала, онъ выше поднималъ свои богатырскія плечи и самодовольно говорилъ, оглядывая себя:

— Ну, Ѳедоръ Густавовичъ, вѣдь и ты еще не старикъ! Мы съ тобой еще совсѣмъ молодцы и будемъ заживать теперь на славу.

И легкой, эластичной походкой, еще совсѣмъ молодого человѣка, онъ бросался на встрѣчу входившимъ дамамъ.

Гостиныя наполнялись все больше и больше; отъ дыханія и люстръ, въ прохладныхъ комнатахъ становилось уже тепло и душно. Въ двѣнадцатомъ часу стало пріѣзжать сразу по нѣсколько человѣкъ; дамы, шурша шлейфами и оправляясь мимоходомъ предъ зеркалами, входили въ голубую гостиную, гдѣ принимала Юлія Андреевна, и здоровались между собою, съ радостными восклицаніями и любезными улыбками. Почти всѣ онѣ были хорошо знакомы, встрѣчаясь другъ съ другомъ уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ на однихъ и тѣхъ же балахъ, визитахъ, спектакляхъ, концертахъ и въ разныхъ благотворительныхъ обществахъ, въ которыхъ почти каждая изъ нихъ была участницей или покровительницей.

Поздоровавшись съ хозяйкой, онѣ группами разсаживались на маленькихъ диванчикахъ и креслахъ, оправляя свои шлейфы, незамѣтно, но внимательно осматривъ туалеты другъ друга, принимали красивыя позы и начинали болтать всѣ вмѣстѣ, какъ умѣютъ говорить только женщины, не слушая и прерывая одна другую, о разныхъ послѣднихъ новостяхъ, концертахъ, операхъ, модныхъ пѣвцахъ, болѣзняхъ дѣтей, бенефисахъ актрисъ, проигрышахъ мужей и т. п.

Юлія Андреевна, со спокойною граціей и самоувѣреннымъ достоинствомъ, принимала своихъ гостей, съ любезной улыбкой представляя вновь прибывавшимъ свою Софи.

Но въ душѣ она волновалась; при входѣ каждого новаго лица и особенно женщины, глаза ея чуть вспыхивали, и она тревожно приготавлилась къ „па-

риванію“ колкихъ замѣчаній и насмѣшливыхъ любезностей. И дѣйствительно, неожиданное появленіе Софи вызвало всеобщую сенсацію.

Всѣ поразились, многіе даже не вѣрили.

— Какъ, неужели это ваша дочь! такая большая! Боже мой, ну кто бы могъ подумать смотря на васъ, что у васъ уже взрослая дочь!

Голоса дамъ звучали при этомъ такъ ядовито и злорадно, что Юлія Андреевна невольно вспыхивала и сердито сжимала въ рукахъ свой круглый вѣеръ, въ восточномъ вкусѣ, изъ павлиньихъ и страусовыхъ перьевъ, съ дорогой ручкой изъ золота и эмали. Но мужчины, толпившіеся въ дамской гостиной и ухаживавшіе за хорошенькими женщинами, въ особенности за прелестною хозяйкой, отчасти бессознательно поддерживали ее и помогали ей.

Хотя появленіе Софи не мало удивляло и ихъ, но они относились къ нему гораздо проще и безъ всякаго злорадства. Красота Юліи Андреевны, всегда ихъ привлекавшая, была сегодня слишкомъ очевидна и обаятельна, чтобъ такой пустой въ сущности фактъ, какъ большая дочь, могъ подѣйствовать рѣшительно охлаждающимъ образомъ. Напротивъ, они, плѣняемые ея чарующими взглядами и нѣжными улыбками, на которыя она сегодня уже не была скупа, ухаживали за ней съ особеннымъ удовольствіемъ.

Видя это, Юлія Андреевна начинала въ душѣ все болѣе успокаиваться и ободряться. Она знала что въ подобныхъ случаяхъ главная сила все-таки въ мужчинахъ, и всячески старалась очаровывать ихъ, такъ какъ, образовавъ себѣ изъ нихъ большую партію, ей уже не трудно будетъ справиться съ женщинами и заставить ихъ замолчать.

„Вотъ погодите, думала она смѣясь въ душѣ, — я докручу сегодня хорошенько головы всѣмъ вашимъ мужьямъ и поклонникамъ, и посмотримъ какъ-то тогда вы будете смѣяться и злорадствовать!“

Между тѣмъ юные офицеры, почти совсѣмъ забытые Юліей Андреевной и обдѣляемые даже ея улыбками, но все еще влюбленные и вѣрные ей, успѣли разнести вѣсть, что прелестная Юлія Андреевна отказывается отъ танцевъ. Извѣстіе это произвело новую сенсацію, всѣ подходили къ ней, спрашивали правдали это, сожалѣли, не вѣрили и упрашивали отказать отъ этого ужаснаго рѣшенія, многіхъ повергавшаго въ самое непріятное разочарованіе, такъ какъ Юлія Андреевна замѣчательно хорошо танцевала.

Но она рѣшительно и упорно отказывалась.

— Нѣтъ, господа, въ мои годы это уже не идетъ, говорила она съ кокетливой улыбкой. — Вотъ вамъ моя дочь, она замѣнитъ вамъ меня.

Но всѣмъ, при взглядѣ на Софи, сидѣвшую подлѣ матери съ печальнымъ, утомленнымъ лицомъ, дѣбалось очевиднымъ, что она-то ужъ никогда не сдѣлаетъ замѣнитъ свою мать.

Софи инстинктивно понимала эти мысли, то краснѣя, то блѣднѣя отъ всѣхъ этихъ устремленныхъ на нее насмѣшливо критическихъ взглядовъ. Отъ непривычной ей толпы чужихъ, незнакомыхъ лицъ, съ которыми ее то и дѣло знакомили, у нея пестрѣло въ глазахъ и кружилась голова. Она не помнила почти ни одного изъ названныхъ ей именъ и всѣ они смѣшивались для нея во что-то одно, непріятно смущавшее и тяготившее ее. Она съ тупою покорностью позволяла цѣловать себя всѣмъ этимъ наряднымъ, любезнымъ дамамъ, которыя называли себя лучшими подругами ея матери, но во взглядахъ и фразахъ которыхъ она невольно чувствовала что-то странное, враждебное, не только къ себѣ, но даже и къ своей матери, ихъ лучшему другу. Что же касалось мужчинъ, то на нихъ она почти не смѣла смотрѣть и только, мучительно крас-

нѣя, застѣнчиво шептала, когда они изъ любезности къ хозяйкамъ дома спѣшили заранѣе ангажировать ее на кадрили и мазурку.

Голосъ Ninon и ея смѣхъ, вызывающій и дерзкій, чаще и громче вырывался среди другихъ голосовъ, пугая и смущая Софи, которая почему-то боялась этой красивой и неприятной для нея женщины. Она невольно вздрогнула когда Ninon, завидя входившаго подъ руку съ вновь прѣбывавшей дамой Федора Густавовича, вдругъ громко крикнула ему:

— Послушайте, Федоръ Густавовичъ, мы всѣ на васъ ужасно сердиты!

Федоръ Густавовичъ, любившій хорошенькихъ женщинъ и слегка даже прѣударявшій за вѣтревую Ninon, добродушно и весело засмѣялся.

— Но! Какія преступленія я совершалъ?

— Очень большія! воскликнула Ninon, капризнымъ тономъ женщины избалованной ухаживаніями, — какъ вы смѣли до сихъ поръ прятать отъ всѣхъ насъ вашу прелестную дочку! Развѣ это не преступленіе? Теперь вѣдь мы можемъ подумать, что вы дѣлали это нарочно!

— Какъ нарочно? зачѣмъ нарочно? удивился Федоръ Густавовичъ, не совсѣмъ понимая, про чтѣ говоритъ ему Ninon.

Но Юлія Андреевна, уже все понявшая, быстро и громко заговорила со своей сосѣдкой о бенефисѣ итальянской примадонны, нарочно отвлекая вниманіе слушателей.

— Да, да, хорошо! засмѣялась Ninon, замѣтившая маневръ Юліи Андреевны и покрывая ея слова своимъ звонкимъ голосомъ. — Вы хотѣли молодиться! Нѣтъ, нѣтъ, не отрекайтесь, теперь это всѣ поняли! ай, ай, Федоръ Густавовичъ, какъ стыдно! и вы не краснѣете?

И она шутливо грозила ему, весело смѣясь.

Кругомъ всѣ насмѣшливо улыбались, искоса поглядывая на поблѣднѣвшую отъ гнѣва Юлію Андреевну, а Федоръ Густавовичъ, принявшій слова Ninon въ буквальномъ смыслѣ, благодушно и громко хохоталъ.

— О! когда имѣешь такую старушку, то старость не страшна! воскликнулъ онъ весело, и воспользовавшись удобнымъ случаемъ, схватилъ ручку Юліи Андреевны, перевернулъ ее ладонью вверхъ и звучно, со вкусомъ, точно что-то смакуя, поцѣловалъ ее въ открытое между пуговицами мѣстечко.

Ему сейчасъ же, почти всѣ мужчины, нѣсколько сконфуженные дерзкою выходкой Ninon, стали аплодировать, одобрительно и любезно смѣясь его находчивости, а Федоръ Густавовичъ, очень довольный и своей находчивостью, и поцѣлуемъ жениной ручки, шутливо раскланивался, обводя всѣхъ торжествующими взглядами.

Въ эту минуту раздались первые звуки вальса, и всѣ оживились.

Федоръ Густавовичъ не танцевалъ уже много лѣтъ, но „на радостяхъ“, какъ онъ выразился, рѣшился сегодня тряхнуть стариной и, быстро подскочивъ къ Софи, обнялъ ее за талію и воскликнулъ:

— Ну, дочка, будемъ открывать балъ!

Юлія Андреевнѣ, не любившей никакихъ трогательныхъ сценъ, а тѣмъ болѣе при постороннихъ, не особенно понравилось „столь семейное начало“ торжества; но останавливать это было уже поздно, такъ какъ Федоръ Густавовичъ, подхвативъ сконфузившуюся Софи, уже несся съ ней изъ гостиной въ залу, и большинство гостей послѣдовало ихъ примѣру.

Юлія Андреевна оглянулась и увидѣла что подлѣ нея въ выжидательныхъ позахъ стоятъ нѣсколько лучшихъ кавалеровъ, все еще повидимому рассчитывавшихъ что она переимѣнитъ свое рѣшеніе. Ихъ настойчивость была ей очень пріятна.

— Eh bien! сказала она, съ улыбкой обращаясь къ

нимъ, — сегодня мы на положеніи „мамаша“, а потому нужно выбрать гдѣ-нибудь уютный уголочекъ „возлѣ стѣнки“, и будемъ смотрѣть какъ танцуетъ дочка.

И она подошла къ порогу залы, отрицательно качая головой на новыя уговариванья и упрасиванья своей свиты.

— Господа, зачѣмъ теряете вы даромъ время? Я рѣшила что не буду — и не буду; право, я уже слишкомъ стара для этого и это было бы очень смѣшно, смѣясь отвѣчала она на ихъ просьбы, и смѣхъ ея при этихъ словахъ звучалъ такъ молодо и весело, глаза сверкали и отъ всей ея фигуры, лица и голоса вѣяло такою жизнью, страстью и очарованіемъ, что красота ея казалась еще ярче и обаятельнѣе.

Подлѣ нея остались всѣ лучшіе танцоры и самыя блестящіе кавалеры всѣхъ баловъ. Тутъ былъ и изящный баронъ Ферингъ, красивый блондинъ, съ роскошною, расчесанною бородой, которую онъ, не смотря на моду, не рѣшался подстричь и которая чрезвычайно шла къ нему, составляя нѣкоторымъ образомъ его гордость; и два брата Лотухины, блестящіе кавалергарды, прозванные въ свѣтѣ братьями-красавцами; и молодой миллионеръ Шуровцынъ, ловимый всѣми мамашами и дочками, но безнадежно влюбленный въ Юлію Андреевну; и мужъ Ninon, сдѣлавшій карьеру между прочимъ и танцами, въ которыхъ онъ былъ виртуозомъ, какъ выразилась про него жена одного изъ его начальниковъ. Недоставало только Бахманова, и Юлія Андреева тревожно поджидала его, боясь въ душѣ что онъ пожалуй совсѣмъ не прѣдетъ.

Федоръ Густавовичъ, передавшій Софи молодому Юрину, дирижировавшему танцами, подлетѣлъ къ женѣ, еще совсѣмъ красный и запыхавшійся, отъ непривычнаго для него моціона, но тѣмъ не менѣе въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и желая непременно пройти и съ Юліей Андреевной еще хоть одинъ туръ.

— Ну что такое! упрасивалъ онъ, смотря на нее влюбленными глазами, — съ мужемъ можно! Будемъ воображать что это наша серебряный свадьба, это обычай!

Но Юлія Андреевна нахмурилась; упоминаніе вслухъ о серебряной свадьбѣ, до которой ей оставалось всего какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ, было ей неприятно и она слегка даже разсердилась.

— Идите, идите, сказала она сухо, повелительнымъ голосомъ, — встрѣчайте гостей, еще не всѣ прѣехали, или устройте винтъ на своей половинѣ — право, карты идутъ къ вамъ больше танцевъ, прибавила она съ насмѣшливой улыбкой.

Федоръ Густавовичъ опять былъ нѣсколько и разочарованъ, и обиженъ, но не желалъ показывать этого при гостяхъ, и съ натянутымъ смѣхомъ развелъ руками.

— Ну, будемъ утѣшать себя картами! воскликнулъ онъ, опять не утерпѣвъ и поцѣловавъ ручку жены.

— И такъ это рѣшено безповоротно и окончательно? спросилъ вздыхая полковникъ, когда Федоръ Густавовичъ отошелъ отъ нихъ.

— Окончательно и безповоротно, повторила за нимъ Юлія Андреевна, весело играя взглядомъ.

— Въ такомъ случаѣ, вѣроятно многіе на сегодняшній день послѣдуютъ вашему примѣру; по крайней мѣрѣ я ручаюсь за себя, сказалъ онъ съ покорнымъ поклономъ.

— Отличная идея! воскликнулъ обрадовавшійся почему-то баронъ Ферингъ, — я съ восторгомъ присоединяюсь къ ней!

„Идею“ одобрили и Шуровцынъ, и братья Лотухины, которымъ она въ сущности совсѣмъ не нравилась, но которымъ не хотѣлось отстать отъ другихъ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Алмея.

Картина академика В. А. Боброва (право гравированія приобретено „Нивой“), грав. Ольшевскій. ⁹
Библиотека "Руниверс"

— Къ чему это, господа! воскликнула Юлія Андреевна, не то съ упрекомъ, не то съ одобреніемъ, — зачѣмъ вы хотите лишить моихъ бѣдныхъ дамъ лучшихъ кавалеровъ?

— А зачѣмъ же вы насъ, бѣдныхъ кавалеровъ, хотите лишить лучшей дамы?! воскликнулъ тоже съ упрекомъ полковникъ Шидиничъ.

Это неожиданное, но любезное рѣшеніе всей свиты было очень приятно Юліи Андреевнѣ, и торжествуя въ душѣ, она, смѣясь и шутя, упрашивала ихъ не дѣлать глупостей и танцовать съ другими дамами; по теперь отказывались уже они, увѣряя что имъ гораздо приятнѣе будетъ провести время разговаривая съ нею, чѣмъ танцуя безъ нея.

Между тѣмъ Юринъ, узнавъ что Юлія Андреевна рѣшительно не хочетъ танцовать, пришелъ въ полное отчаяніе. Онъ не хотѣлъ дирижировать, заявляя что теперь у него пропалъ весь пылъ и вдохновеніе.

— Боже мой! воскликнула она съ шутливымъ отчаяніемъ, — что вы всѣ со мной дѣлаете! право, мой балъ кажется совсѣмъ разстроится, если вы всѣ будете такъ капризничать!

Но Юринъ, любившій всегда подурачиться и побалагурить, требовалъ чтобы его пропустили къ выходу, говоря, что ему остается теперь только кричать:

Карету мнѣ, карету!
Пойду искать по свѣту
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

— Не пускайте его, баронъ! просила Юлія Андреевна.

Баронъ вмѣстѣ съ Шуровцынымъ и братьями Лотухиными, смѣясь и дурачась, загоразивали ему дорогу, и вырвавъ даже у него шляпу, передали ее на сохраненіе Юліи Андреевнѣ.

— Ну вотъ, теперь вы у меня подъ арестомъ, и въ наказаніе уѣдете послѣднимъ; раньше я васъ не пущу, впередъ бунтовать не будете. — Она положила въ его цилиндръ свой тонкій, кружевной платокъ. — Ну, не упрямитесь же, Юринъ, продолжала она, — будьте лучше умницей и постарайтесь дирижировать такъ чтобы заставить всѣхъ этихъ господъ отказаться отъ ихъ нелѣпаго рѣшенія. Смотрите, какъ всѣ вяло тан-

цуютъ! Идите и увлекайте всѣхъ вашимъ жаромъ; въдь когда вы захотите, такъ у васъ даже старички пускаются въ плясъ.

Юринъ оглянулся на танцующихъ; въ сущности онъ страстно любилъ и танцы, и дирижированіе, но ему хотѣлось немножко поломаться, что было его обычной манерой.

— Танцуйте, Юлія Андреевна, и я распеваю даже мертвыхъ! воскликнулъ онъ съ театральнымъ пафосомъ, но она нетерпѣливо прервала его:

— Ну такъ я приказываю, наконецъ!

— Слушаю-съ! сказалъ онъ съ покорнымъ вздохомъ, и, низко поклонившись ей, отправился къ серединѣ залы и сталъ дирижировать съ самымъ вялымъ и равнодушнымъ видомъ, издали показывая Юліи Андреевнѣ и всей ея компаніи, со смѣхомъ наблюдавшей за нимъ, и голосомъ, и жестами, и выраженіемъ лица свое полное равнодушіе къ любимому дѣлу.

— Ахъ, господа, сказала Юлія Андреевна, укорительно покачивая головой, но съ самою милой улыбкой, — право, вы меня очень огорчаете, и право, это очень не хорошо съ вашей стороны; но такъ какъ вы не хотите слушаться меня, то пойдемте ужъ лучше въ восточную гостиную, велімъ подать себѣ фрукты, мороженого и шампанскаго и будемъ болтать...

На это вся свита выразила полную готовность и съ видимымъ удовольствіемъ отправилась за ней.

Но едва они успѣли войти туда и сѣсть, какъ вбѣжалъ Федоръ Густавовичъ, искавшій жену и желавшій представить ее какому-то новому гостю, высокому, сѣдому старику, въ лентѣ черезъ плечо и въ звѣздахъ, съ красивымъ и нѣсколько надменнымъ лицомъ, которому Федоръ Густавовичъ желалъ повидимому выказать особенное уваженіе и даже почтительно придерживалъ предъ нимъ тяжелую портьеру.

Это былъ одинъ изъ очень важныхъ и вліятельныхъ сановниковъ, присутствія котораго у себя Таненбаумы уже давно и до сихъ поръ безуспѣшно добивались.

Увидѣвъ его, Юлія Андреевна вся даже радостно вспыхнула.

„А,“ подумала она, „какъ все это кстати!“ и съ изыснной граціей поспѣшно подошла навстрѣчу.

(Оконч. въ слѣд. №).

Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина.

Разсказъ В. П. Желиховской.

(Продолженіе).

III.

Изъ необычайныхъ казусовъ позднѣйшей жизни столоначальника Порфирія Перепелкина сохраненіе шести сторублевыхъ, которымъ онъ всецѣло обязанъ былъ своему спасителю, студенту Рындиному, оказывалось почти чудомъ. На великое счастье его, Рындины, съ двумя товарищами бывшими у него въ гостяхъ, выходилъ изъ дому, провожая ихъ, именно въ ту секунду, какъ грабители сбили Порфирія Семеновича съ ногъ.

Всѣ трое бросились на выручку. Воры перетрусили, ударились бѣжать, успѣвъ только сорвать съ Перепелкина шарфъ и шинель; да и ту бросили, когда за ними въ погоню ударились дворники и ворами пришлось перемахнуть черезъ заборъ.

Потерѣвшаго неизвѣстнаго чиновника внесли въ квартиру студента, положили на постель, и весьма удивились оказавшейся при немъ суммѣ денегъ, которыя Рындины тотчасъ спрятали въ свой комодъ, намѣреваясь — *въ случаѣ чего* — передать ихъ въ полицейское вѣдѣніе... Но этого „чего“ къ общему удовольствію не случилось. Докторъ, жившій рядомъ, подалъ первую помощь — и къ утру, какъ мы видѣли, Перепелкинъ пришелъ въ себя. Онъ самъ помогъ составить полицейскій протоколъ о случившемся; самолично, хотя ношатываясь и морщась отъ боли, передалъ порученныя деньги по принадлежности, въ училище, до котораго не удалось ему добраться наканунѣ, — и въ тотъ-же день, осыпавъ благодарностями студента Рындины и его добрую сосѣдку, помогавшую ему въ уходѣ за нимъ, перешагалъ домой. Зато, свершивъ всѣ эти подвиги, бѣдный столоначальникъ свалился и, къ отчаянію Марѣи, пробредилъ нѣсколько сутокъ.

Однако болѣзнь эта оказалась Перепелкину не къ смерти, а къ славі: со времени ея повезло ему счастье безпримѣрное. Во-первыхъ, начальство *вдругъ* дѣйствительно и весьма рѣ-

шительно обратило на него вниманіе. За время долгой болѣзни его не только не уволили отъ службы, какъ опасался бѣдняга, но къ празднику дали денежную награду „за отлично усердную службу“, а къ новому году былъ онъ произведенъ въ слѣдующій чинъ. Но мало того: его превосходительство во все время болѣзни Перепелкина изволило присылать о немъ навѣдываться; два раза навѣщалъ его директорскій домашній докторъ, статскій совѣтникъ Лустигаузе; а на праздникахъ, когда Порфирій Семеновичъ оправился и хотя съ бритой еще и перевязанной, но совершенно здравомыслящей головой, въ одно морозное утро наблюдалъ въ разрисованное инемъ окно, какъ во дворѣ куца Мордасова мальчишки свѣжками другъ другу глаза подбивали, — подтѣхали къ воротамъ парныя сани и самъ его превосходительство навѣстилъ „пострадавшаго...“

Послѣ этого уже не стало мѣры уваженію сосѣдей и товарищей и пріятному самодовольству Порфирія Семеновича. Гордости не было въ его кроткой природѣ. Онъ не сталъ превозноситься и чваниться, какъ сдѣлали-бы на его мѣстѣ девятидесятихъ столоначальниковъ; но вспоминалъ онъ всегда этотъ визитъ съ пріятной улыбкой и самъ не зналъ о чемъ ему пріятнѣй, въ часы досуга, бесѣдовать съ Марѣей: вспоминать-ли это неожиданное, лестное посѣщеніе, или расписывать ей сильными штрихами, съ подобавшими эффектами рѣчи, „нападеніе разбойниковъ“, геройское вмѣшательство „спасителей“ его, „прекраснѣйшаго юноши, Ивана Павловича Рындины, и его достойнѣйшихъ друзей, студентовъ, *будущихъ столбовъ науки*...“

Цѣлый годъ и болѣе не изсыкали эти бесѣды, доставляя Марѣѣ Родіоновнѣ и ея хозяйни пріятнѣйшее развлеченіе въ антрактахъ между праздничными „дурачками“ и „фифанами“ и любимую тему для дружескихъ разспросовъ сослуживцевъ, какъ вдругъ подоспѣли еще болѣе невѣроятныя событія...

Быль близокъ Великій постъ недавно покончившаго свое существованіе года и какъ разъ наступилъ канунъ пятидесятея третьяго дня рожденія надворнаго совѣтника Порфирія Перепелкина. Сумерки грязненкаго, вѣтреннаго дня глядѣли въ чистую гостиную, уставленную старинной мебелью: диваномъ и креслами съ изогнутыми, подбоченившимися ручками; столомъ съ двумя лирами, изъ которыхъ давно выпадали деревянныя струны. Въ простѣвкѣ надъ ломбернымъ, никогда не открывавшимся столомъ, украшеннымъ парой бронзовыхъ шандаловъ, зеркало, небольшое но въ очень высокой рамѣ съ позолоченными украшениями; а по стѣнамъ три-четыре старинныя раскрашенныя гравюры, изображавшія все однихъ и тѣхъ-же двухъ лицъ: юношу на одномъ колѣнѣ, завлекающаго любовью свою прекрасной дѣвицъ въ буляхъ и оттопыренныхъ рукавахъ; счастливый бракъ любящихся; рожденіе первенца и радости семейной жизни. Все это были вещи составлявшія приданое дѣвицы Кубариной, покойной госпожи Перепелкиной, вещи съ которыми Порфирій Семеновичъ сжился, какъ со старыми друзьями и безъ которыхъ жизнь казалась ему немислима. Вотъ и сейчасъ глядѣлъ онъ въ умилени на картинку подъ стекломъ въ картонной рамѣ, его сверстницу; глядѣлъ и вспоминалъ какъ, тому полстолѣтія, толстый, румяный Порфинька, въ кумачной рубашонкѣ, тыкалъ бывало пальчикомъ въ колыбель спавшаго на ней младенца и спрашивалъ свою мамашу: „Это я, мамка?..“ — „Ты, голубчикъ! Ты, мой золотенькій!“ — побажали ему мать и нянька. — „А это — папка?“ — продолжалъ онъ тыкать въ высокой кожъ господина, умилно приподнявшаго занавѣску колыбели. — „Папа твой, папенька тобою любуется, херувимчикъ нашъ ненаглядный.“ — „А вотъ эта барыня — не ты, мамка!“ — „Отчего-же не я, голубчикъ?..“ — „А у тебя нѣтъ такого хорошаго платя и головка гладенькая, безъ бантовъ!“ — объявлялъ Порфинька. — „Ахъ, ты умница! Ахъ, ты радость наша! Занятный какой, да замѣтливый!.. Ужъ быть тебѣ первымъ разумникомъ въ свѣтѣ, красавчикъ нашъ писанный!“ — восторгались, покрывая его поцѣлуями, мать и нянюшка.

Помнилъ онъ что и тогда похвалы ихъ были ему пріятны и чувствовалъ онъ почти то же радостное расширеніе сердца, какое ощущалъ и нынѣ, вспоминая сообщеніе и ласковыя рѣчи начальства.

„Да!“ вздохнулъ онъ, отводя глаза отъ памятныхъ картинокъ, „отецъ и мать были счастливы... А вотъ мнѣ такъ не удалось!.. Не знать мнѣ, видно, радостей семейныхъ... Что дѣлать!.. Всякому свое.“

Порфирій Семеновичъ, сложивъ газету, — только что имъ прочитанную и такъ и оставшуюся забытой въ рукахъ его, когда стемнѣло и онъ заглядѣлся на старую гравюру, — подумалъ: „Чайку бы выпить пора! Что это Марѳа лампу не зажигаетъ?“ — звѣнулъ и замолкъ, прикрывъ глаза рукою.

Часы постукивали возлѣ него на стѣнѣ; на дворѣ противъ обыкновенія было тихо; дождь рѣдкими, крупными каплями иногда шлепалъ въ стекла оконъ и беззвучно сливался струйками, словно слезы. Черезъ сѣнцы, изъ кухни доносились шаги и движеніе; Марѳа Родионовна тамъ тѣсто на завтрашній пирогъ завѣшивала и еще задумала барину „супричь въ день рожденія“ — сладный коржъ замѣсила ему къ утреннему кофе. Она знала что баринъ страсть охочъ до коржиковъ, къ которымъ его еще „покойница-барыня“ приохотила.

Вдругъ въ сѣнцахъ задребезжалъ звонокъ.

Порфирій Семеновичъ вздрогнулъ и удивился.

Марѳа удивилась не менѣе: вдова-чиновница и другіе рѣдкіе гости къ ней всегда съ задняго крыльца проходили, чрезъ кухню, а тутъ... кого-бъ это Богъ далъ?.. Наскорю обервевъ руки, Марѳа Родионовна отперла и еще сильнѣе изумилась. Предъ ней стоялъ рослый полицейскій.

— Что, голубушка, баринъ твой дома будетъ?

— Дома же!.. Куда ему дѣться?.. А вамъ что?

— Да вотъ Максимъ Филипповичъ — частный приставъ, знаете? — прислалъ гмъ номерокъ *Сенатскихъ Вѣдомостей*... О нихъ тамъ, что-ли, какое-то заявленіе.

Тутъ и самъ хозяинъ квартиры, прислушивавшійся съ большимъ любопытствомъ, показался въ дверяхъ.

— Въ чемъ дѣло, братецъ?

— Здравія желаю, ваше — скородіе!

— Здравствуй, любезный. Какія тамъ *Сенатскія Вѣдомости* у тебя?.. Давай сюда!.. Максимъ Филипповичъ прислалъ?

— Точно такъ, ваше — скородіе!.. Потому до васъ что-то касающееся. Извольте-сь!.. Тамъ карандашомъ отмѣчено.

— Марѳа! Зажги, голубушка, скорѣе лампу.

Марѳа ужъ зажгла, сама спорая любопытствомъ, а у Порфирія Семеновича такъ даже руки дрожали.

Чего только не передумалось ему за нѣсколько секундъ, пока разгорѣлась лампа и развертывался имъ листокъ „Прибавлений“ къ сенатской газетѣ.

Наконецъ онъ развернуть по столу, глаза Перепелкина пробѣгаютъ по столбцамъ мелкаго шрифта и останавливаются на обязательно отмѣченномъ краснымъ карандашомъ параграфѣ.

Онъ прочелъ, — но сразу ничего не понялъ, только знакомая фамилія поразила его... Онъ сдѣлалъ усиліе, сосредоточился, перечелъ еще разъ и... строчки запрыгали, заметались въ глазахъ его; онъ поблѣднѣлъ и опустилса молча на стулъ...

— Батюшка-баринъ! шептала Марѳа совѣтъ перетрусивъ. — Да что жъ тамъ такое про васъ?.. Ахъ бѣда какая стряслась?

Перепелкинъ молчалъ, широко улыбаясь, перебѣгая глазами съ Марѳы на вытянувшася полицейскаго, и никакъ не могъ осилить волненія.

Наконецъ онъ опомнился, дрожащими пальцами протеръ глаза и снова уставился на отмѣченныя строчки... Вотъ онъ... Онъ не ошибся! Точно! Точно: Савелій Порфирьевичъ Кубаринъ... Мать была Наталья Порфирьевна... Вызываются наследники... „Московская купеческая управа симъ вызываетъ наследниковъ купца второй гильдіи, Савелья Порфирьева Кубарина...“ въ третій разъ перечелъ онъ и наконецъ сознательнѣй остановилъ взоръ на встревоженной, перепуганной кухаркѣ.

— Это... это, видишь-ли, еще можетъ-быть ошибка, но тутъ вызываютъ родственниковъ дядюшки, матушкина брата роднаго, для полученія... наследства, досказалъ онъ и самъ изумился. — Ну и что жъ?.. Тебѣ жъ какое дѣло? не домекнула Марѳа Родионовна.

— А какже! поучительно обернулся къ ней околоточный. — Значитъ они это и есть — то-есть дядюшки своего племянники и наследники... А то кому жъ быть?

— Какъ же такъ! развела Марѳа руками и вдругъ сообразила и обрадовалась не въ мѣру. — Да ну васъ! вскричала она, всплеснувъ руками. — Да можетъ-ли быть?.. Наслѣдство?.. Дарьято Кузминична намедни карты кидала: „на порогъ“, говорить, „на порогъ у васъ прибыли, — деньги, да большущія!.. Деньги-шци, говорить! И почести, и слава, и восторгъ такой, что и во снѣ такого не бывало!..“

— Ну перестань! Перестань, Марѳуша!.. усмирять ее Перепелкимъ и смѣясь, и конфузясь, и самъ не зная за что взялся.

Да не тутъ-то было! Развѣ остановишь расходившуюся на радостяхъ бабу?.. Легче ядро пушечное на лету остановить.

Марѳа Родионовна, забывъ свои почтенныя годы и тучное сложеніе, металась, готова была въ присядку пойти, околоточнаго расцѣловать и барина задумишь въ объятіяхъ, рискуя тѣмъ самымъ лишить его возможности получить наследство.

— Да что ты, Богъ съ тобой! уговаривалъ ее хозяинъ. — Еще можетъ и вздоръ... То есть не вздоръ — а не я... То есть вздоръ, что я... то есть... тѣфу ты! другой, можетъ, а не я наследникъ! насылу справился съ рѣчью Порфирія Семеновичъ.

Но Марѳа и слышать не хотѣла. Какъ? чтобы въ газетѣ, „по печатному“ написали да вышло не такъ? Быть этого не можетъ!.. И полицейскій былъ такого же мѣштин: если не всемоу капиталу онъ былъ наследникомъ, то ужъ что-нибудь да навѣрно и ему, родному племяннику, перенадегъ... Онъ совѣтовалъ немедленно пойти посоветоваться съ частнымъ.

— Потому, говорилъ онъ, — Максимъ Филипповичъ эти дѣла знаетъ и не стали бы задрма́ безпокоить.

Не мудрствуя лукаво, надворный совѣтникъ рѣшился послѣдовать совѣту околоточнаго и немедленно отправился „посоветоваться“ къ знакомому приставу. На другой же день законные заявленія и запросы полетѣли въ Москву-Бѣлокаменную; а черезъ недѣлю ужъ всѣ знали что столоначальникъ Перепелкинъ не просто надворный совѣтникъ, а капиталистъ, богачъ, миллионеръ.

Въ скорости послѣ Святой недѣли съѣздили Порфирій Семеновичъ въ Москву; пробылъ тамъ недѣли съ три и возвратился изъ отпуска къ сроку, удостоверившись что онъ счастливый обладатель тридцати тысячъ годоваго дохода.

Это, безъ сомнѣнія, было очень пріятное сознание, но вмѣстѣ съ тѣмъ было въ немъ нѣчто и съ-толку-сшибательное... Въ сущности скромный, непритязательный, пятидесятилѣтній департаментскій чиновникъ не чувствовалъ въ себѣ ровно никакой перемѣны; ему хотѣлось бы, чтобы и другіе не обращали никакого вниманія на его перемѣнившіяся обстоятельства, — но это было невозможно. Старая почва уходила изъ-подъ ногъ его, а онъ никакъ не могъ перескочить съ нея на другую, чуждую ему, пугавшую его ненужнымъ просторомъ и блескомъ.

IV.

Едва вернувшись, Порфирій Перепелкинъ съ перваго же дня почувствовалъ себя нежданно-негаданно выброшеннымъ изъ спокойной колеи, укатанной имъ въ теченіе цѣлой жизни.

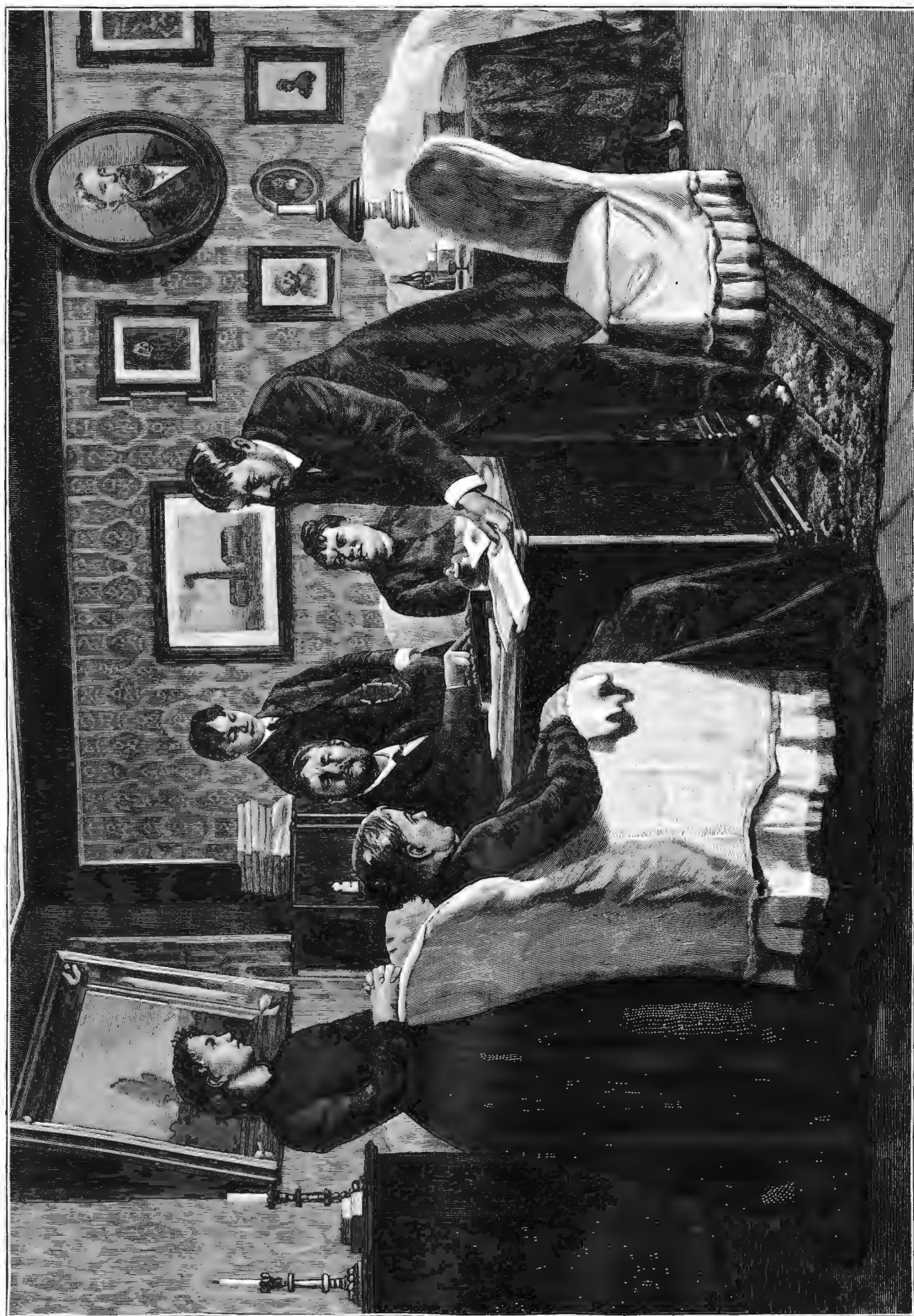
Онъ хотѣлъ бы сосредоточиться, собраться съ мыслями, обдумать свое новое положеніе и поменьку устроиться такъ, чтобъ и ему, и другимъ было хорошо, — но это оказалось невозможнымъ: знакомые, сослуживцы, дворники, сосѣди, бѣдняки-попрошайки, а что всего хуже — женщины... Цѣлая полчища, казалось ему, знакомыхъ и незнакомыхъ дамъ, дѣвицъ и въ особенноти маменекъ, ополчились походомъ на безобиднаго столоначальника, рѣшились со свѣта сжить алополучнаго „богача“. Каждая словно зарокъ положила: или женить его на себѣ или своей дочкѣ, или въ гробъ вколотить...

Утратилъ спокойствіе, свободу дѣйствій, душевную ясность несчастный Порфирій Перепелкинъ. Свѣту не взидалъ отъ вмѣшательства въ его существованіе непрошенныхъ друзей и совѣтчиковъ, отъ вниманія людей, которые мѣсяць тому назадъ на него и смотрѣть-то не хотѣли.

Отъ однихъ приглашеній и посѣщеній нашъ бѣдняга-богачъ заматался совѣтъ и голову потерялъ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Недоразумѣніе.
Картина Н. Лосева (право гравированія приобрѣтено „Нивой“), грав. Флюгель.

XVII передвижная выставка. Разсчет по наследству.
Картина Н. В. Неарева (право гравирования приобретено „Нивой“), грав. Шюблеръ.

— Господи Твоя воля! И на что только нуженъ я имъ? отчаянно обращался онъ порою къ Марѣ. — Зачѣмъ понадобился?. Вѣдь очень ясно мнѣ, что не я, а мои деньги ихъ ко мнѣ тянутъ. Такъ не могу же я всѣхъ одѣлать!.. И радъ бы на покой откуниться, да вѣдь ужъ очень много ихъ сразу меня полюбили: всѣхъ не убоготворишь, хотя бъ я самого себя обобралъ.

— Ну, что жъ дѣлать, батюшка-баринъ? успокоивала его Марѣ. — Оно, конечно, что болѣе народъ на васъ воззрится новѣ, потому что Господь васъ милостью взыскалъ; но, какъ узнали васъ ближе—и самихъ васъ полюбили и честь воздаютъ само собою!

Марѣ очевидно льстило всеобщее вниманіе къ ея барину...

Но смѣтливый столоначальникъ не вѣрилъ, чтобы „само собою“... Онъ не прочь былъ зажить пошире; не прочь былъ и самъ повеселиться и другихъ угостить—и угощалъ уже не разъ широко, не торгуясь; а многимъ даже и гораздо существеннѣе помогалъ въ нуждѣ щедрой рукою. Но, отъ природы нрава тихаго, онъ и съ молодю не бывалъ склоненъ къ беспорядочной жизни, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ тѣмъ болѣе не могъ измѣнить своего нрава... А друзья-пріятели, какъ грибы по осени кругомъ его нараставшіе, каждый день паровили покунуть на его счетъ.

— Охъ-охъ-охъ, сердечный мой, одолѣютъ тебя совсѣмъ эти прощальги, да повѣсы! сокрушались надъ нимъ почтенныя маменьки, хозяйка дома, десяти-пудовая кучиха, матушка-попадья и другія сердобольныя кумушки. — А все оттого что на холостомъ положеніи... Оженись поскорѣй—вотъ и не будетъ къ тебѣ такого доступу обираламъ этимъ, картежникамъ и лизоблюдамъ.

А за матушками заботливыми не плошали и дочки: проходу не было ему нынче отъ взглядовъ, улыбокъ и заигрываній. Барышни Мордасовы то и дѣло ему поперекъ дороги становились; то и дѣло у нихъ, не то рожденія, не то именины справлялись—и ни одинъ обѣдъ, ни одна вечеринка безъ него не могли обойтись. Проходилъ-ли онъ по двору, изъ окошекъ на него уставлялись ласковые взоры, ему умилно кивали сосѣдки, сверкая улыбками. Изъ оконъ комнатки внизу, занимаемой „учительшей-вдовой“, что, по мнѣнію Марѣ, все книжки читала, а по наблюдениямъ Перепелкина иногда дѣвчонку нещадно колотила, непременно лились звуки разстроенныхъ цимбалъ и трели самыхъ отчаянныхъ романсовъ; а не то показывалась сама Раиса Корниловна и непременно съ папирской въ обнаженной по локоть рукѣ, и отдавала его взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, которые она считала огненными, и тоже кивала ему съ кривой улыбкой, которую почему-то мнила „меланхолической и неотразимой“... Въ свой приходъ Перепелкинъ даже ходить пересталъ, до того надоѣли ему поповны и дяконницы со своими подругами.

Курсистка, впрочемъ, отпа-дьякона бойкая дочка, съ нимъ „не мидалничала“. Она ему прямо заявила, встрѣтись съ нимъ, не въ церкви,—она тамъ никогда не бывала,—а просто на улицѣ, чтобы онъ не воображалъ, что и она потому вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, что тоже „за его деньги замужъ выйти хочетъ“, а что ей надо его надоумить...

— Чѣмъ свѣчки-то ставить батюшкинымъ акаеистамъ, не разумнѣе-ль было-бы оглянуться на немущую братью, учащейся молодежи помочь?

— Отчего-жь? съ готовностью откликнулся Перепелкинъ. — Я готовъ, что могу, на хорошее дѣло, Софья Элиидифорвна! Научите какъ и что?

— Вотъ-те на! Младенецъ вы, что-ли?.. Зубы никакъ раньше моихъ у васъ прорѣзались, а спрашиваете моихъ указаній?.. Мало-ль какъ!.. Читальню устройте. Дешевыя квартиры для студентовъ. На столовыя наши пожертвуйте добрый кушъ... Сами-то нынче, навѣрно, страсбургскими пирогами съ ананасами питаетесь, да токайскимъ запиваете? ослабилась она, выказывая здоровье, но нечищенные, желтые зубы.—Такъ чего-жь?.. Снабдите голодающихъ пами да кашей по всякій день, коли вы человекъ съ мозгами, а не животное!

— Хорошо-съ! Хорошо! Переговорю со зяцкими дѣло! поѣживаясь отвѣтилъ Перепелкинъ.

А самъ скорѣй за шляпу, да въ сторону, сокрушенно помышляя: „вѣдь вотъ дури-то на себя напустила! Ничего-бъ себѣ дѣвушка, а до чего самое-себя искалѣчила! Мужикъ-мужикомъ!“

Но кромѣ передѣлокъ съ дамами, были у Порфирія Семеновича и другія печали.

Крѣпко стали на него нѣкоторые сослуживцы коситься за внезапную къ нему вѣжность начальства. Не только начальникъ отдѣленія, но и другіе, повыше его сановники, словно вдругъ прозрѣли необыкновенныя дарованія и заслуги столоначальника Перепелкина. Самъ его превосходительства, едва показавшись онъ въ департаментъ послѣ поѣздки въ Москву, неоднократно призывалъ его къ себѣ въ кабинетъ, расспрашивалъ, поздравлялъ со счастливой переименованіемъ, одобрявъ вполнѣ его намѣреніе: несмотря на свалившееся богатство, службы не оставлять,—спросилъ сколько лѣтъ онъ на службѣ и давно-ль столоначальникомъ?..

— Т-съ!.. давненько! покачалъ онъ головой, будто удивившись

его отвѣту.—Можете рассчитывать на повышение въ должности при первой вакансіи.

И не позже лѣтнихъ мѣсяцевъ стали поговаривать, что Порфирій Перепелкинъ точно получить это повышение, на зависть всѣмъ, не менѣе долготерпѣливымъ чѣмъ онъ, сверстникамъ. Это-бы все ничего, но вотъ что было не совсѣмъ хорошо: въ департаментѣ громко говорили, что его, на голову другимъ, въ чужое отдѣленіе сажаютъ; что былъ-бы онъ „порядочнымъ чело-вѣкомъ“, такъ не то что у немущихъ товарищей не перебивалъ-бы хлѣба, въ которомъ самъ не нуждается, но и совсѣмъ-бы ненужную ему службу оставилъ, чтобы другимъ вакансію предоставить... Эти толки очень огорчали мягкосердаго Порфирія Семеновича. Тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ: вѣдь пожайу они и правы; и впрямь служба нынче для него излишество и могъ-бы онъ, безъ всякаго ущерба, отказаться отъ сопряженныхъ съ нею выгодъ и отличій. Онъ-бы такъ и сдѣлалъ, охотно-бы сдѣлалъ... еслибъ возможно было уступить свое жалованіе, не уступая занятій!.. Что бы онъ дѣлалъ, еслибъ утро его не было занято службой?.. Господи-Владыко, ужъ и такъ-то незапятнаго, свободнаго времени дѣвать некуда, а если еще съ девяти часовъ до четырехъ сидѣть дома одному, такъ вѣдь это погрѣшь съ тоски!

Пожайу теперь было у него много чтенія: навписывать онъ себѣ столько газетъ и журналовъ, что Марѣ недоумѣвала, куда дѣвать всю эту бумагу... „Развѣ вмѣсто дровъ на зиму принапать, печи топить? Въ ту-же пору!“ По вѣдь нельзя-же было живому человеку одними книжками проваляться. Порфирій Семеновичъ въ продолженіе тридцати лѣтъ привыкъ утро проводить на службѣ, втянулся въ нее, и ему казалось, что безъ департамента онъ пропадетъ отъ бездѣлія, отъ скуки зачухнетъ, задохнется, что твоя рыба безъ воды, безъ живаго общенія съ людьми.

„Добро-бы семейный!“ все чаще и чаще приходила на умъ ему мысль, соблазнительная въ теоріи.

Но сколько ни перебиралъ онъ въ умѣ всѣхъ извѣстныхъ ему барышень, не исключая и новыхъ знакомыхъ, — дочерей начальниковъ отдѣленій въ своемъ и въ чужихъ департаментахъ, включительно до дочки вице-директора, — нѣтъ, ни одна не подходила подъ его идеалъ. Новыя знакомства съ удивительной легкостью составлялись имъ теперь, безъ всякаго усилія или искательства съ его стороны, и въ такихъ кругахъ, которые прежде были для него совсѣмъ недосягаемы... Но тѣхъ дамъ и дѣвицъ, которыхъ ему приходилось узнавать въ нихъ, Порфирій Перепелкинъ кажется еще болѣе боялся, чѣмъ румяной и дородной Аннушки Мордасовой или ученой Софьи Элиидифоровны Силоамской. Но кто всѣхъ страшнѣе почему-то казался надворному совѣтнику — это вдова Деларозъ, „племянница“ крупнаго, очень крупнаго превосходительства, съ которой недавно пришлось ему познакомиться...

Долго собирался разбогатѣвшій надворный совѣтникъ перемѣнить квартиру и никакъ собраться съ духомъ не могъ. Не то чтобы ему самому сдѣлалось неудобно многолѣтнее помѣщеніе; но онъ сознавалъ что ему гостей теперь надо больше звать, что „богатство обязываетъ“, какъ и дворянство, и даже болѣе его, и отнюдь не желая пренебрегать общественными условіями, а тѣмъ менѣе *скражничать*,—въ чемъ не разъ ужъ его укоряли неасытные пріятели, — соглашался вполнѣ съ тѣми кто говорилъ что теперь ему стыдно жить въ надворномъ деревянномъ флигелькѣ купца Мордасова. Съ другой стороны, такъ трудно было подняться съ насиженнаго мѣста, такъ дико представить себя окруженнымъ другими мѣстами, строениями, людьми, что Перепелкинъ откладывалъ и откладывалъ со-дня-на-день и очень обрадовался, когда, послѣ нѣсколькихъ путешествій его и Марѣ Родионовны въ напрасныхъ поискахъ за квартирами, хозяинъ его предложилъ ему дожидаться пока очистится тутъ-же, въ его каменномъ домѣ, окнами на улицу, „билитажъ“ въ восемь комнатъ. Сначала его испугала величина его будущаго помѣщенія; но тутъ виѣшалась Марѣ, шеннувъ ему предположеніе, что кто-знаетъ что можетъ случиться... А вдругъ найдетъ онъ себѣ суженую, по душѣ супругу?.. Тогда, по крайности, не надо будетъ опять беспокоиться,—новое помѣщеніе искать,—переноситься. А что тысячу, что двѣ тысячи платить, не все-ли одно, при его богатствѣ?..

— Слава Христу, незачѣмъ намъ теперича экономить, сквалыжничать: про *нашъ* вѣкъ хватить! разсуждала она.—Можно и не такія палаты нанять, коли будетъ охота.

Вообще Марѣ гораздо скорѣе и легче, чѣмъ ея скромный баринъ, свылалась съ мыслью о богатствѣ и со своимъ новымъ достоинствомъ экономки, съ нѣсколькими людьми подъ командой. Она даже подбивала барина и еще свой штатъ увеличить: кучера нанять, „экипажъ съ парой лошадокъ купить“, но на такія затѣи баринъ только головой мотнулъ, расмѣявшись. Богъ съ тобой де! На что намъ покупать?.. Мало, что-ли, каретъ и колясокъ на каждомъ углу стоять?.. Да они ему и не нужны совсѣмъ: будетъ и Ваньки простаго, ежели охота прокатиться прирѣтъ.

Онъ и то часто катался; все лѣто прокатывался по островамъ и дачамъ, куда его то и дѣло приглашали новые и старые друзья-пріятели. Чаще всего приходилось бывать, не по склонности, а такъ сказать по обязанности службы, ибо *сами*, ге-

нераль-отъ-генераловъ, значить, и приглашали его, и даже раза два въ своей коляскѣ его возили туда — „на винтъ“ у вдовы Флоры Осиповны Деларозъ, на Крестовскомъ. Генеральская семья въ Царскомъ лѣто проводила; но генераль былъ *трудолюбивъ*, не могъ, даже и лѣтомъ, надолго оставлять мѣсто своего служенія...

— Вы знаете, говорилъ онъ самъ о себѣ: — я — труженикъ! Я — жертва служебнаго долга!.. Вѣдь если *мы* не будемъ работать — *кто-жъ* будетъ?!.. Entre nous, вѣдь *это все* на мнѣ одномъ держится... Куда мнѣ разбѣзжать по дачамъ, да по за-границамъ, какъ успѣваютъ другіе!

Когда генераль въ первый разъ везъ, въ своей беззвучной коляскѣ на каучукѣ и мягкихъ рессорахъ, парой сѣрыхъ въ яблокахъ, Порфирія Семеновича на Крестовскій, онъ сообщалъ ему конфиденціально, понизивъ голосъ:

— Я вамъ скажу, милѣйшій, что еслибъ *це* моя племянница... Вы вѣдь знаете, что М-ше De-la-Rose дочь дворянской сестры моей, съ которой я былъ, въ дѣтствѣ, очень друженъ... Да, да! Очень, очень была хороша женщина покойница, и вотъ ея красавица-дочка вся въ нее!.. Да, такъ вотъ я говорю, что если-бы не Флора Юсифовна, я бы со скуки съума сошелъ лѣтомъ, въ Петербургѣ... Вы понимаете въ мои годы, въ моемъ официальном положеніи, неловко-же показываться часто въ этихъ Аркадіяхъ, Ливадіяхъ... Не правда-ли?.. Свѣтъ вѣдь золъ!

— О! Еще до чего золъ-то, ваше превосходительство! согласился Перепелкинъ.

— Вотъ именно. Вы, какъ умный человѣкъ, понимаете это... А тутъ тихо, безобидно, каждый вечеръ послѣ трудовъ я могу отдыхать... Дышать свѣжимъ воздухомъ среди цвѣтовъ, въ обществѣ милой, хорошенькой женщины... Приятно. У нея бывають тоже иногда... Устраивается иногда винтикъ, по маленькой... Такъ для препровожденія времени. Вотъ и сегодня я обѣщаль ей устроить, привезть партнера... Хе-хе!.. Ужасно она любитъ винтъ. Увлекается!.. Сердится!.. Приятно смотреть!.. Я люблю, знаете, когда этакая хорошенькая женщина волнуется. Съ жаромъ, такъ! Съ пыломъ!.. Вся раскраснѣется... Глазки бѣгаютъ!.. Вы вѣдь тоже, чай, любите хорошенькихъ? плутовски подмигнулъ генераль.

Надворный совѣтникъ улыбался нѣсколько растерянно, поправляя воротнички рубашки, показавшіяся ему вдругъ тѣсными.

— Ну да! ну да, любезнѣйшій! Не конфузйтесь! снисходительно продолжалъ генераль, похлопавъ его по колѣнкѣ.—Эге! Да какой вы наивный: краснѣете, какъ барышня!.. Это хорошо!.. Хорошо. Это я люблю... Вы, конечно, играете въ винтъ?

— Играю... только плохо-съ! Не взыщите, ваше превосходительство. Какъ сумѣю ужъ!

— О! Помилуйте!.. Вѣдь мы шута! Шутя, по маленькой.

Генераль откинулся на мягкія подушки, закуривъ дорогую сигару, и любезно подалъ сигарочницу Перепелкину.

— Чувствительно благодаренъ, ваше превосходительство. Не курю-съ! Никогда не курилъ.

— О-о?.. протянулъ генераль. — *Даже* не курите?

И онъ глубоко задумался, не объяснивъ къ чему собственно относится это *даже*... Вѣроятно мысли его были приятны, ибо струйки голубаго дыма, возносившіяся къ голубымъ небесамъ, вылетали изо рта, толстая губы котораго все шире расплыва-

лись въ улыбку, обнаруживая прекрасные зубы его каучуко-выхъ челюстей.

Перепелкина задержали на дачѣ до втораго часа. Цвѣтущая Флора не выпускала никогда своихъ гостей безъ ужина и прощаясь горячо просила скорѣе доставить ей вновь удовольствие „поиграть въ милый, прелестнѣйшій, божественный винтъ!“

Генераль и обратно отвезъ Порфирія Семеновича въ своей коляскѣ. Онъ былъ чрезвычайно въ духѣ и даже впалъ въ нѣкоторую поэзію, любуясь яркими звѣздами.

— Ну, что? какъ вамъ понравилась моя племянница, почтеннѣйшій? спросилъ онъ, вдругъ повернувшись къ своему спутнику и глядя ему прямо въ глаза.

— Прек... Прекраснѣйшая особа!.. Смѣю спросить, ваше превосходительство: онъ развѣ не русскій?

— Какъ не русская, мой милѣйшій?.. Чистой новгородской крови... Я же говорю: родственница моя! А у меня, благодаренію Богу, ни лаховъ, ни нѣмцевъ нѣтъ въ родствѣ.

— Я полагаю по фамилии-съ, по имени французскому.

— А-а!.. Вотъ васъ чтó смутило! громко разсмѣялся генераль. — Нѣтъ, милѣйшій, не смущайтесь! Ее, по настоящему, зовутъ Фіона Осиповна Снѣжкова, но какъ имя ей не нравилось, да и никому не можетъ нравиться такое глупое имя, то ее и назвали Флорой... Давно... гмъ!.. И мать, покойная сестра... гмъ! гмъ!.. такъ... Флорочкой ее называла.

— Снѣжкова-съ?.. Но почему же?.. Ахъ, да-съ! Понимаю. Онѣ, значить, уродены такъ, а въ замужествѣ состояли...

— Ну, да! ну, да! живо перебилъ генераль. — Кх-мъ! Кх-мъ!.. Само собой!.. Только мужъ ея, слава Богу, умеръ... Кх-мъ! Она очень, очень несчастна была съ нимъ, бѣдняжка. Не долго и маялась со своимъ французомъ, но очень была несчастлива. Да!.. Хотѣлось бы мнѣ, весьма бы хотѣлось пристроить ее за хорошаго человѣка!.. А?.. Чтó вы говорите, Порфирій Семеновичъ?

— Я ничего не сказалъ, ваше превосходительство. — Ничего?.. Мнѣ почудилось. А способная кака! Какъ играетъ-то, а?.. Чтó вы скажете?.. Вѣдь по такой небольшой игрѣ, а какъ она насъ съ вами почистила, а?.. Вы не сердитесь, что такъ много проиграли, почтеннѣйшій?

— Помилуйте, ваше превосходительство!.. Да мнѣ было бы совѣстно такую милую даму обыграть.

— А-а!.. Это хорошо! Ха-ха-ха!.. Скажу! скажу ей непремѣнно!.. Передамъ. Это любезно!.. Да вы опасный человѣкъ, любезный Порфирій Семеновичъ. Ну, до свиданія, до свиданія. Сѣрныя въ яблокахъ стояли уже у дома купца Мордасова.

— Завтра ѣду на два дня домой, то есть къ своимъ въ Царское, — праздничи! прибавилъ его превосходительство, пожмая руку надворному совѣтнику. — А возвратившись побываемъ опять у Флоры Юсифовны вечеркомъ, непремѣнно!..

И побывали еще раза два-три. И еще сотни двѣ-три перешли изъ укладистаго бумажника Порфирія Семеновича въ миниатюрное плюшевое портмоне госпожи Деларозъ.

Она точно была прехорошенькая и очень правила Перепелкину, но вмѣстѣ съ тѣмъ — странное дѣло! — чѣмъ болѣе она старалась его обворожить, чѣмъ болѣе генераль-отъ-генераловъ ее расхваливалъ, тѣмъ болѣе онъ боялся сближенія съ нею. Не смотря на рѣдкую, почти невозможную неопытность его въ житейскихъ дѣлахъ, все въ обстановкѣ владѣтельницы прелестной дачи на Крестовскомъ казалось ему подозрительно и фальшиво.

(Продолженіе будетъ).

О приспособленіи формъ и окраски животныхъ къ окружающей ихъ средѣ,

Профессора Н. Э. Линдемана.

(Продолженіе).

Приспособленіемъ къ преобладающей окраскѣ предметовъ обычной обстановки должно быть объяснимо преобладаніе одинаковой окраски у различныхъ животныхъ, населяющихъ одни и тѣ же опредѣленные мѣстности. Такъ, при осмотрѣ большихъ собраній птицъ въ музеяхъ, тотчасъ-же бросается въ глаза одно глубокое различіе въ первнато населеніи напр. средней Россіи и тропическихъ лѣсовъ. Окраска птицъ нашихъ лѣсовъ темная, мрачная; преобладаютъ въ ней цвѣта сѣрый и рыжеватый; яркія краски хотя и встрѣчаются кое-гдѣ, но лишь въ формѣ незначительныхъ пятнышекъ на темномъ основномъ тонѣ. Птицы-же лѣсовъ тропическихъ наоборотъ представляютъ очень яркую и пеструю окраску. Стоитъ вспомнить попугаевъ, перцебдовъ, колибри, танагръ, райскихъ птицъ и многихъ другихъ. Въ виду такого глубокаго различія можно было-бы заключить, что условія нашего климата не благоприятствуютъ образованію яркихъ и пестрыхъ красокъ, требующихъ, можетъ быть, большаго теплоты и большей яркости солнца. Но это не такъ. Цвѣты нашихъ луговъ и садовъ, и крылья многихъ изъ нашихъ бабочекъ несомнѣнно доказываютъ, что и наше солнце можетъ различнѣе и распырять обитателей нашихъ мѣстностей. Поэтому ясно, что причина темной окраски нашихъ лѣсныхъ птицъ должна быть другая. Чтобы уразумѣть эту причину, взглянемъ на характеръ обстановки, среди которой протекаетъ жизнь лѣсныхъ птицъ у насъ и въ тропическихъ странахъ.

Деревья нашего лѣса и почти всѣ наши кустарники цвѣтутъ невзрачными, мелкими цвѣтами, не окрашенными въ яркіе цвѣта. Своимъ присутствіемъ цвѣты ихъ вовсе не нарушаютъ

однообразія зелени лѣснаго купола и темной сѣтки сѣроватыхъ и бурыхъ вѣтвей. Совсѣмъ другое представляетъ намъ тропическій лѣсъ, напр. долины рѣки Амазонки. Круглый годъ, сверху до низу завѣшаны его деревья крупными и яркими цвѣтами. То распускаются собственные цвѣты деревьевъ; то покрываются послѣдніе цвѣтами лианъ, ихъ спутывающихъ; то украшаются они роскошными цвѣтами орхидей. На пышно убранныхъ и чудесно испещренныхъ деревьяхъ такого лѣса толкуются птицы, которыя яркостью и пестротой своего оперенія лишь дополняютъ общій характеръ картины, не внося въ нее никакихъ диссонансовъ. Уподобляясь цвѣтамъ, ихъ со всѣхъ сторонъ постоянно окружающимъ, члены этого пернатого общества легко укрываются за ними и вводятъ въ обманъ различныхъ хищниковъ, ихъ преслѣдующихъ. Можно думать, что многимъ птицамъ тропическаго лѣса спасла жизнь эта пестрота и яркость ихъ оперенія.

Въ однообразно окрашенномъ лѣсу средней Россіи ярко окрашенную птицу постигла-бы совсѣмъ другая участь. Она тотчасъ-же обратила-бы на себя вниманіе хищниковъ и несомнѣнно скоро сдѣлалась-бы ихъ добычею. Поэтому-то птицы нашего лѣса, за немногими исключеніями, имѣютъ такое опереніе, благодаря которому онѣ сходны съ окраскою стволовъ и вѣтвей деревьевъ, между которыми онѣ укрываются.

Совершенно подобно этому, напр., въ полярныхъ странахъ преобладаетъ *блѣдая* окраска. Я напому: бѣлаго медвѣдя, бѣлаго песца, бѣлаго полярнаго зайца, лемминговъ, бѣлую куропатку, бѣлую сову и друг. Тамъ окраска всѣхъ этихъ жи-

вотныхъ соотвѣтствуетъ цвѣту снѣга, мѣстами не сходящаго въ теченіе всего года.

Бѣлая окраска преобладаетъ также у животныхъ населяющихъ берега морей или живущихъ надъ его поверхностью. Чайки, альбатросы, фрегаты, пеликаны и другія птицы, всѣ представляются бѣлыми, и смыслъ этого явленія тотчасъ-же пойметъ тотъ кто хоть разъ только видѣлъ вѣчно безпокойное синее море, на поверхности котораго всегда разбросаны снѣжно-бѣлые гребни волпъ и бѣлыя пятна разбитой пѣны. Между этими бѣлыми полосами и пятнами совершенно исчезаютъ бѣлыя птицы, парящія надъ поверхностью моря, или сѣвшія группами на эту поверхность для отдыха или охоты. Насколько выгодно обитателямъ поверхности синяго моря надѣть на себя платье бѣлое, доказывается тѣмъ, что существо самое хитрое въ паденіяхъ или въ прятаніи, человѣкъ, тоже окрашиваетъ свои

жизнь проводить въ открытомъ морѣ, вѣчно плавая въ немъ, никогда не опускаясь для отдыха на слишкомъ далекое дно моря, никогда не приближаясь къ берегамъ его. Со всѣхъ сторонъ всегда окруженный только водою, многія изъ числа этихъ, такъ-называемыхъ *пелagicкихъ* животныхъ получили сходство съ нею, стали прозрачны какъ стекло и благодаря этой прозрачности получили возможность даже въ наиболѣе открытомъ мѣстѣ, окруженные исключительно водою, укрываться, становиться невидимыми для своихъ преслѣдователей. Такая совершенная прозрачность и безцвѣтность тѣла есть общій признакъ пелagicкихъ животныхъ и замѣчается у формъ принадлежащихъ къ самымъ различнымъ классамъ. Таковыми представляются напр. медузы или авалефы, которыя бывають иногда столь прозрачны, что, глядя въ упоръ на такое животное, долго не замѣчаешь его, несмотря на его значительную величину.

Весенняя выставка Имп. Анад. Худож. Дрессировщикъ. Группа изъ мрамора Г. Браге, грав. Флюгель.

лодки въ бѣлый цвѣтъ и одѣваетъ матросовъ въ бѣлыя блузы. Кому случалось съ нѣкотораго разстоянія видѣть разсыпавшуюся по морю флотилію такихъ лодокъ военнаго флота, тотъ сразу убѣждался въ томъ, что нельзя было найти лучшаго способа укрыть и спрятать такіе большіе предметы на совершенно открытой поверхности моря.

Обитатели южно-русскихъ степей, въ теченіе большей части лѣта покрытыхъ выгорѣвшею, желтовато-сѣрою травкою, имѣютъ окраску соотвѣтствующую этому цвѣту мѣстности. Я напому: сусликовъ, тушканчиковъ, степныхъ жаворонковъ. Животныя Сахары окрашены въ сѣрый или рыжеватый цвѣтъ.

Тогда какъ животныя, обитающія на поверхности моря, принимаютъ окраску пѣны его волпъ,—животныя живущія подъ поверхностью его, приспособляются инымъ образомъ для того, чтобы сдѣлаться по возможности мало замѣтными и такимъ образомъ либо укрыться отъ своихъ враговъ, либо подстеречь жертву. Есть много морскихъ животныхъ, которыя всю свою

Весенняя выставка Имп. Анад. Худож. Матросъ. Акварель Д. А. Бенкендорфа (собств. Е. И. В. Вел. Кн. Алексѣя Александровича), грав. Флюгель.

Много есть прозрачныхъ животныхъ между моллюсками (мякотѣлыми), между оболочниками (сальны), между ракообразными (Lertodora).

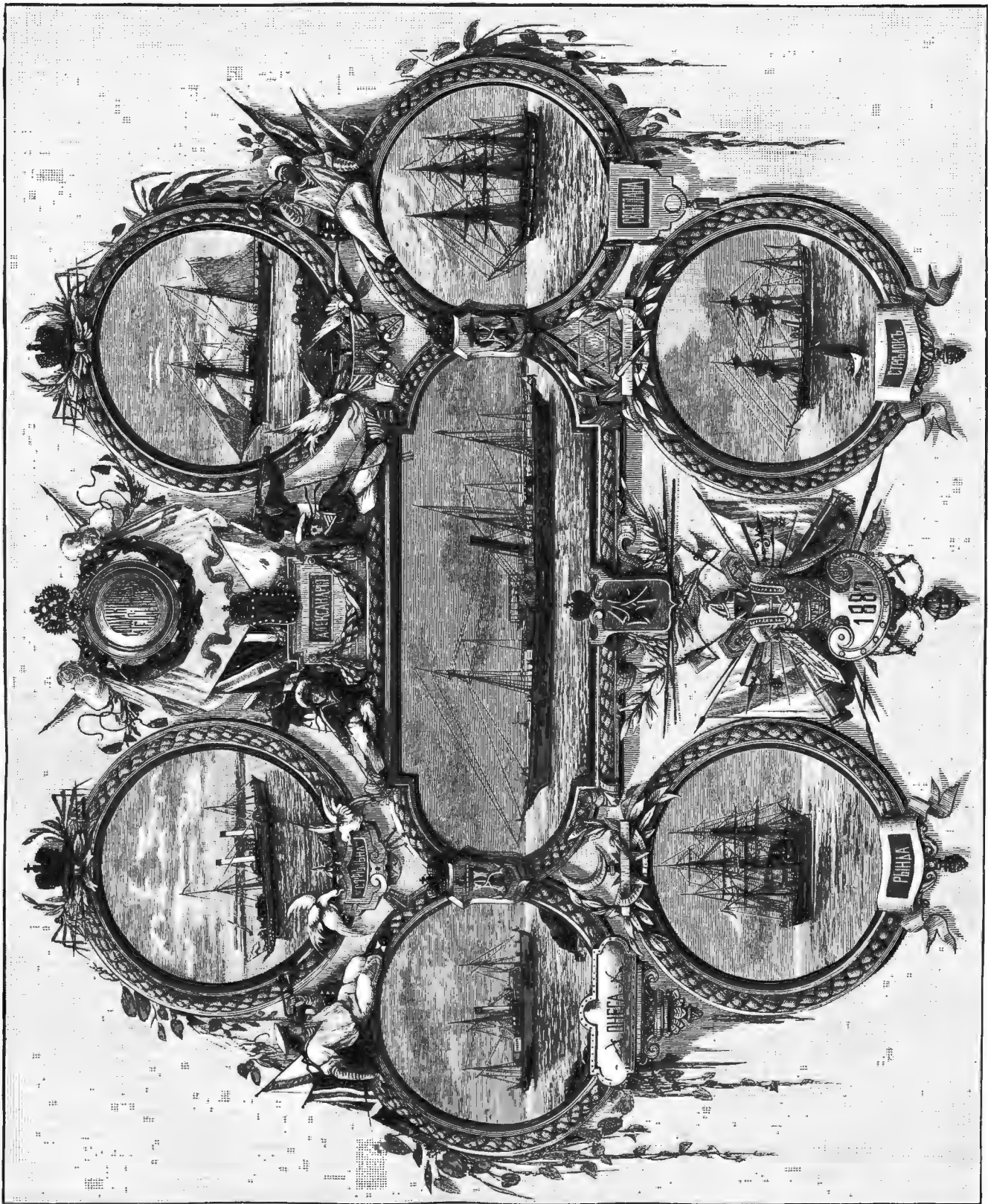
Другія морскія животныя, живущія не въ открытомъ морѣ, а на днѣ его, не имѣютъ такой прозрачности тѣла, а представляютъ окраску, сходную съ окраской окружающаго ихъ морскаго дна. Такъ между морскими рыбами есть группа *скатовъ*, имѣющихъ плоское, пластинчатое тѣло. Эти рыбы обыкновенно лежатъ на днѣ моря, между камнями, поджида тамъ свою добычу. Верхняя поверхность ихъ тѣла окрашена въ рыжеватый или бурый цвѣтъ (рѣзко отличающійся отъ обычной, серебристой окраски тѣла рыбъ вообще), дѣлающій этихъ скатовъ столь сходными съ камнями, что въ морскомъ аквариѣ напр. до тѣхъ поръ не обращаешь особаго вниманія на лежащія на днѣ его камни, пока одинъ изъ нихъ не начнетъ двигаться, такимъ образомъ заявляя о своей несолидарности съ лежащими вокругъ него настоящими камнями. Такому, просто

удивительному, сходству тѣла скатовъ съ камнями морскаго дна содѣйствуетъ еще то, что поверхность спины ихъ покрыта многочисленными бородавочками и морщипками, уподобляющимися тѣмъ шероховатостямъ, какія вырѣзало море на поверхности подводныхъ скалъ и камней.

Приспособленіе животныхъ къ предметамъ обычной ихъ обстановки выражается не только въ приобрѣтеніи ими *симпати-*

комыхъ, вообще чрезвычайно богатомъ формами и разнообразіемъ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Одною изъ наиболее выдающихся формъ такого приспособленія у насѣкомыхъ является *уменьшеніе всего тѣла* до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, благодаря которымъ оно становится вовсе незамѣтнымъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Этому содѣйствуетъ еще то, что тѣло такихъ уменьшенныхъ насѣкомыхъ

Судно Гвардейскаго экипажа. Изъ альбома подносимаго Государю Наслѣднику Цесаревичу ко дню 6 мая отъ моряковъ Кронштадта. Анварель мичмана Дядина (право гравированія приобрѣтено „Нивой“), грав. М. Рашевскій.

ческой или покровительственной окраски. Рядомъ съ такою окраскою многіе животныя обладаютъ еще такою *формой* всего тѣла или въ некоторыхъ частяхъ его, которая уподобляетъ ихъ предметамъ составляющимъ обычную обстановку ихъ, и благодаря этому получаютъ возможность укрываться еще болѣе совершенно между послѣдними. Такихъ примѣровъ болѣе совершеннаго приспособленія мы находимъ особенно много въ классѣ насѣ-

принимаетъ видъ округленнаго зернышка, окрашеннаго въ черный или темнубурый цвѣтъ, благодаря чему такое насѣкомое, залегая неподвижно на поверхности земли, становится рѣшительно невидимымъ между окружающими его крупинками почвы. Большинство нашихъ жуковъ представляется такимъ образомъ значительно уменьшеннымъ, но въ особенности замѣтательно въ этомъ отношеніи семейство такъ-назв.

солосокрылых (Trichopterygidae). Самые крупные члены этого семейства имѣютъ величину не болѣе одного миллиметра, многіе же бывають лишь около четверти миллиметра длиною (Ptilium). Эти нѣмцы между жуками живутъ на различныхъ гніющихъ растеніяхъ и питаются плѣсенью. Ничтожная величина, темная окраска и круглая форма ихъ тѣла служить имъ прекрасною защитою отъ враговъ, изъ числа коихъ поневолѣ устраняются всѣ болѣе крупныя, всѣ птицы, всѣ большія хищныя насѣкомыя, не говоря уже о млекопитающихъ. Уменьшая до такихъ микроскопическихъ размѣровъ тѣло жука, животнаго высоко организованнаго, природа производитъ дѣйствіе просто изумительное. Умъ нашъ не поражается, когда мы видимъ клѣточку имѣющую размѣры микроскопическіе, потому что простога строенія клѣточки не представляетъ затрудненій для уменьшенія величины ея. Но когда мы видимъ жука, тѣло котораго представляется меньше многихъ простыхъ клѣточекъ, тогда мы удивляемся могуществу природы, ибо такой микроскопическій жучекъ, ни вѣншимъ разчлененіемъ тѣла, ни внутреннимъ строеніемъ его, не отличается отъ жуковъ самыхъ крупнѣйшихъ. Такой нѣмцы между жуками также имѣетъ четыре крыла и шесть разчлененныхъ ногъ; голову съ парюю членистыхъ усиковъ, глазами и обычными ротовыми частями. Тѣло его одарено всѣми системами органовъ, вообще принадлежащими насѣкомымъ; всѣ органы этихъ системъ состоятъ изъ разнообразныхъ тканей, построенныхъ изъ многочисленныхъ клѣточекъ. Все это разнообразіе частей соединено въ тѣлѣ, величина котораго стоитъ на границѣ видимости для нашего глаза. Такое уменьшеніе тѣла весьма многихъ насѣкомыхъ не должно рассматривать какъ слѣдствіе неразвитаго или меньшаго совершенства ихъ. Мы должны считать его слѣдствіемъ приспособленія, выраженіемъ спеціальной дѣятельности природы.

Рядомъ съ такимъ огульнымъ уменьшеніемъ всего тѣла животнаго, замѣчаются въ классѣ насѣкомыхъ и другія болѣе тонкія и изысканныя приспособленія формы тѣла. Такъ на островѣ Явъ живетъ жукъ, *Mormolyce phyllodes*, принадлежащій къ жукелицамъ. Чрезвычайно рѣзко отличается онъ формою тѣла отъ остальныхъ членовъ этого семейства. Голова и грудной щитокъ вытянуты; надкрылія расширены и представляются въ видѣ продолговатыхъ округленныхъ пластинокъ. Благодаря этому весь жукъ получаетъ округленность листа, вытянутого въ черешокъ. Рыжій цвѣтъ и морщинистая, неправильными бугорками покрытая поверхность надкрылій еще болѣе соотвѣтствуютъ сходству жука съ морщинистою, измятою пластинкою гнилаго листа. Смыслъ такого оригинальнаго видоизмѣненія этого „листожука“ становится совершенно яснымъ для насъ, когда мы узнаемъ, что это хищное насѣкомое живетъ въ лѣсахъ, на землѣ, между лежащими здѣсь, полусгнившими листьями, неподвижно притаившись между которыми, жукъ становится трудно замѣтнымъ какъ для своей жертвы, такъ и для своихъ враговъ, несмотря на довольно большую величину (около 2 вершковъ).

Въ лѣсахъ Суринама водится безкрылое насѣкомое *Bacteria*

calamus или *фасма*, прежде всего замѣчательное по его величинѣ, такъ какъ туловище его достигаетъ болѣе четверти аршина въ длину. Въстѣ съ тѣмъ оно имѣетъ чрезвычайно оригинальный видъ. Оно удивительно похоже на обломанную вѣтку дерева. Туловище его цилиндрическое; составляющіе его сегменты уподобляются междоузліямъ стебля; поверхность его окрашена въ буроватый цвѣтъ, покрыта неровностями и шипами, а мѣстами несетъ на себѣ пучки сѣроватыхъ волосковъ, подобныхъ плѣсневымъ пятнамъ на гніющихъ вѣткахъ. У нѣкоторыхъ фасмъ эти пятна имѣютъ зеленоватую окраску и обозначаютъ тогда пятна подобныя лишайникамъ. Это насѣкомое ведетъ ночной образъ жизни. Значительная величина его тѣла, и совершенная его беззащитность, дѣлаютъ это насѣкомое предметомъ охоты для многихъ хищниковъ: обезьянъ, птицъ и другихъ. Только благодаря формѣ тѣла ему удается спастись отъ преслѣдователей. Живетъ оно въ лѣсахъ, на землѣ, между покрывающими ее обломками гніющихъ древесныхъ вѣтвей. Когда оно заслышитъ приближеніе какой-нибудь опасности, то прижимаетъ заднія ноги къ брюшку, вытягиваетъ переднія ножки и усики впередъ и, замирая въ такомъ положеніи, дѣлается столь сходнымъ съ вокругъ лежащими обломками вѣтвей, что его трудно замѣтить врагамъ.

Извѣстный путешественникъ Уоллесъ видѣлъ на Малайскомъ архипелагѣ большую дневную бабочку (*Kallima paralecta*), во время подъема очень хорошо замѣтную, благодаря величинѣ и присутствію ярко-оранжеваго пятна на верхней сторонѣ крыльевъ. Но стоитъ такой бабочкѣ сѣсть на кустъ, чтобы въ то же мгновеніе совершенно исчезнуть, какъ бы сквозь землю провалиться. Это объяснилось тѣмъ, что нижняя сторона крыльевъ окрашена совершенно въ цвѣтъ засохшаго листа и снабжена разрисовкою, похожею на распредѣленіе жилъ въ листѣ, причѣмъ и все очертаніе обоихъ крыльевъ уподобляется формѣ листа. Когда такая бабочка садится на вѣтви, она поднимаетъ крылья и прижимаетъ ихъ верхними сторонами другъ къ другу, какъ это дѣлаютъ многія изъ нашихъ дневныхъ бабочекъ. При этомъ скрывается совершенно яркая окраска верхней стороны крыла и открывается нижняя сторона послѣдняго. Поэтому въ то мгновеніе, когда летящая бабочка садится на вѣточку внутри куста, она точно такъ же принимаетъ формы, окраску и разрисовку листа, какъ будто превращается въ листъ. Это превращеніе въ листъ является столь совершеннымъ, что даже глядя въ упоръ на сидящую бабочку, ее трудно отличить отъ другихъ засохшихъ листьевъ того же куста, и замѣчаешь свою недалекость лишь въ тотъ моментъ, когда сидящая такъ бабочка снимается опять летѣть.

Такихъ бабочекъ, уподобляющихся листьямъ когда онѣ садятся на отдыхъ, мы знаемъ теперь нѣсколько, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ свѣтѣ. Однѣ изъ нихъ окрашены въ зеленый цвѣтъ, и тѣмъ еще болѣе походятъ на листья. У нѣкоторыхъ (*Siderone*) замѣчаются на крыльяхъ выемки, либо круглыя отверстія, похожія на дыры выѣденныя червями.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

У венеціанскаго мастера. (Рис. на стр. 453).

Небольшая картинка К. П. Стенанова „У венеціанскаго мастера“, третья изъ помѣщаемыхъ нами, не смотря на свои незначительныя размѣры, превосходна по исполненію. Какъ самъ венеціанскій патрицій, быть-можетъ дожъ, такъ и всѣ подробности картины выписаны съ замѣчательнымъ искусствомъ. Матерія, хрусталь, ямарокъ переданы въ совершенствѣ и заставляютъ подолгу любоваться произведеніемъ молодого художника.

Бесѣда. (Рис. на стр. 456).

Картина И. Пелевина переноситъ зрителя подъ навѣсъ деревенскаго сарая, гдѣ крестьянскія дѣти слушаютъ рассказы, быть-можетъ о томъ, какъ

Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видѣли волка... у! страшный какой!
Ежу предлагаютъ и мухъ, и козьяковъ,
Корпѣй молочко ему отдалъ свое —
Не пьеть! отступились...

Виленскіе мученики Антоній и Іоаннъ. Картина

И. П. Трутнева. (Рис. на стр. 457 и 472).

Св. Мученики Антоній и Іоаннъ происходили изъ племени литовцевъ и пострадали въ городѣ Вильнѣ, столицѣ бывшаго Литовскаго княжества, при Литовскомъ великомъ князѣ Ольгердѣ. Они были родные братья, служили при дворѣ Ольгерда и считались его любимцами. Князь этотъ, предъ вступленіемъ въ бракъ съ Витебскою княжною Маріей Ярославною, еще при жизни отца своего принялъ православіе и вмѣстѣ съ женою привезъ въ Вильну духовника ея, пресвитера Нестора. Его-то проповѣдь и обратила ко Христу братьевъ Іоанна и Антонія, которые по литовски именовались *Кумецъ* и *Нежило*.

Ольгердъ, по пѣкоторымъ сказаніямъ, послѣ смерти Маріи Ярославны возвратившись въ язычество, уступилъ требованіямъ литовскихъ жрецовъ, которые хотѣли положить предѣлъ распространенію христіанства между природными литовцами, и приказалъ заключить обоимъ братьевъ въ темницу. Послѣ двухлѣтняго заключенія Іоаннъ сталъ падать духомъ и послалъ сказать князю, что подчиняется его волѣ и отрекается отъ христіанства. Ольгердъ приказалъ освободить обоимъ братьевъ, предполагая что и Антоній раздѣляетъ мысли старшаго брата. Іоаннъ сталъ исполнять языческіе обряды, но въ душѣ остался христіаниномъ и тайно молился Христу, прося у Него прощенія за свое малодушіе. Но Антоній былъ чуждъ лицемерію и князь вскорѣ повелѣлъ возвратитъ его въ темницу. Все что только могли придумать озлобленные жрецы было употреблено для усиленія страданій воина Христова, но ничѣмъ не могли поколебать его твердости. Съ другой стороны, положеніе Іоанна было не менѣе тягостно. Придворные Ольгерда съ презрѣніемъ смотрѣли на него какъ на челоука малодушнаго и непостояннаго, христіане-же чуждались его какъ богоотступника; братъ не хотѣлъ имѣть съ нимъ общенія, до тѣхъ поръ пока тотъ не исповѣдуетъ явно своей вѣры предъ язычниками. Мучимый совѣстью, Іоаннъ исповѣдалъ ее предъ самимъ Ольгердомъ, навязавъ на себя страшный гнѣвъ князя и снова былъ заключенъ въ темницу. Многіе стекались къ братьямъ послушать ихъ проповѣди въ темницѣ и становились христіанами. Раздраженный Ольгердъ предалъ ихъ въ руки жрецовъ, которые подвергли ихъ неслыханнымъ мученіямъ—но тщетно. Наконецъ, обоимъ братьямъ былъ произнесенъ смертный приговоръ—и первымъ осужденъ былъ Антоній, какъ наиболѣе твердый. Въ день казни, 14 апрѣля, на разсвѣтѣ въ темницѣ явился пресвитеръ Несторъ и, причастивъ братьевъ, благословилъ Антонія на подвигъ мученичества. Послѣ многихъ истязаній предъ кумирами, онъ былъ повѣшенъ на дубѣ. Спусти 10 дней, послѣ многихъ му-

чей, та же участь постигла и Иоанна. Тѣла обоихъ братьевъ съ благоговѣніемъ были сняты благочестивыми виленскими христіанами и погребены при церкви Святителя Николая. Нынѣ же мощи ихъ, вмѣстѣ съ негнѣными остатками третьяго литовскаго мученика, Св. Евстафія, покоятся въ сооруженной во имя ихъ Литовскимъ митрополитомъ Іосифомъ (1852 г.) пещерной церкви, Свито-Духовскаго монастыря, изображенной па стр. 472.

Картина И. Трутнева изображаетъ тотъ моментъ, когда изысканскій жрецъ въ сопровожденіи стражи вошелъ въ темницу мучениковъ; остановившись на порогѣ, онъ торжествующе и со злорадствомъ смотритъ на жертву, обреченную смерти. На первомъ планѣ картины стоитъ Св. Антоній, совсѣмъ уже готовый идти на мученическую смерть, со смиреніемъ и покорностью возведши глаза къ небу и съ молитвой на устахъ: „да будетъ воля Твоя, Господи, надо мною!“ Одна рука его съ прощальнымъ пожатіемъ въ рукѣ брата Иоанна, который, благоговѣяно преклонивъ колѣно, съ горестными слезами принялъ къ рукѣ Антонія, напутствуя его послѣдними словами прощанія. Между братьями ворвавшейся стражѣ, со злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ, намѣревается грубо оттолкнуть Антонія отъ Иоанна и разлучить ихъ навсегда. На второмъ планѣ картины стоитъ тюремщикъ съ ключами въ рукахъ, опершись о выступъ стѣны; съ поникшею головою сострадательно смотритъ на певинныхъ мучениковъ, которыхъ во время продолжительнаго пребыванія въ темницѣ полюбилъ за ихъ христіанскую кротость и научился отъ нихъ вѣровать во Христа. Въ правомъ углу картины въ нишѣ стѣны лежитъ эпитрахиль и Евангеліе; оставленные пресвитеромъ Несторомъ. Надъ нишею старинный мѣдный крестъ, предъ которымъ св. мученики совершали ежедневныя молитвы. Въ соломѣ виденъ брошенный мечъ, напоминающій, что братья, кромѣ боярскаго достоинства, какъ любимцы Олгерда, были храбрые воины.

Иванъ Петровичъ Трутневъ, уроженецъ Калужской губ., поступилъ въ академію въ 1851 году и былъ ученикомъ профессора Б. И. Виллевалда. Въ 1858 году за программу „Крестный ходъ въ деревнѣ“ получилъ большую золотую медаль съ правомъ побѣдки на казенный счетъ за границу, въ качествѣ пансионера академіи, для усовершенствованія ея шесть лѣтъ. Въ 1859 году отправился за границу и въ теченіе шестилѣтняго тамъ пребыванія осматривалъ всѣ картинныя галереи посетилъ мастерскія извѣстныхъ художниковъ всѣхъ государствъ Европы, изучалъ разныя отрасли искусства, много собралъ матеріаловъ, написалъ нѣсколько картинъ и копій разнаго содержанія, изъ коихъ одну прислалъ на академическую выставку, а именно „Празднество бельгіецъ“, которая была приобретена г. Львовымъ. Въ 1865 году г. Трутневъ вернулся на родину и въ 1866 году былъ приглашенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловымъ для устройства въ городѣ Вильнѣ рисовальной школы. По устройствѣ школы Трутневу было предложено завѣдывать школою и преподавать въ ней; въ короткое время школа, при большомъ количествѣ учащихся, поставлена была въ дѣятельное состояніе и всѣ обучающіеся въ ней безпринятственно принимались въ Академію. Изъ числа учениковъ Виленской рисовальной школы, двое окончили полный курсъ въ Академіи Художествъ: Майманъ въ 1887 году, и Гольдблетъ въ 1888 году, получившіи большую золотую медаль съ правомъ побѣдки за границу на казенный счетъ. За отличное веденіе преподаванія въ школѣ и за прекрасные рисунки учениковъ ея, Академія въ 1881 году признала Трутнева своимъ почетнымъ членомъ общинкомъ, а за служебныя занятія въ рисовальной школѣ и въ реальномъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ рисованіе, онъ награжденъ былъ орденами Станислава и Анны 2 и 3 ст. и Владиміра 4 ст. и чиномъ статскаго совѣтника. Кромѣ служебныхъ занятій въ школѣ и реальномъ училищѣ Трутневъ находилъ время заниматься живописью; такъ въ продолженіе пребыванія въ Вильнѣ имъ исполнено было много живописныхъ работъ разнаго рода, а именно: иконостасы въ Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ, въ домовыхъ церквахъ 1-й гимназіи и духовнаго женскаго училища, въ Минскѣ 3 иконостаса въ Холмскомъ кафедральномъ соборѣ и проч.

Кромѣ означенныхъ работъ, Трутневъ изрѣдка посылалъ картины на академическую выставку, такъ въ 1872 г. послана была картина „Корчма“, за которую онъ получилъ степенъ академика, въ 1887 году послана на выставку картина „Напутственное наставленіе отъѣзжающему сыну“, а въ настоящемъ 1889 году послана на выставку помѣщаемая нами картина.

Алмея. (Рис. на стр. 461).

Академикъ Викторъ Алексѣевичъ Бобровъ, кромѣ трехъ портретовъ, экспонировалъ на выставкѣ въ Акад. Худож. картину „Алмея съ тамбуриномъ“. Этими именами (что значить по арабски „наученная“ искусствамъ) называютъ на Востокѣ, въ особенности въ Египтѣ, странствующихъ пѣвицъ и танцовщицъ, живущихъ совместно и составляющихъ какъ-бы особое сословіе. Онѣ приглашаются обыкновенно въ дома знатныхъ или богатыхъ людей въ торжественныхъ случаяхъ для увеселенія общества своими пѣснями и танцами, обыкновенно эротическаго характера.

Недоразумѣніе. (Рис. па стр. 464).

О, подними свое чело!
Не вѣрь тяжелымъ сновидѣніямъ,
Не предавайся сожалѣніямъ
О томъ, что было и прошло...

Точно эти строчки превосходнаго стихотворенія нашего маститаго поэта, Л. П. Полонскаго, послужили темою для картины Н. Д. Лосева, только талантливая кисть его переноситъ зрителя въ отдаленныя времена античнаго міра...

Разсчетъ по наслѣдству. Картина Н. В. Неврева.

(Рис. на стр. 465).

Нашъ извѣстный историческій живописецъ Н. В. Невревъ, на нынѣшней (XVII) передвижной выставкѣ, не далъ ни одной исторической картины. За то онъ поставилъ нѣсколько жанровъ, чрезвычайно интересныхъ по содержанію и замѣчательныхъ по выполненію. Въ небольшой картинѣ *Разсчетъ по наслѣдству* художникъ нѣсколькими бойкими ударами кисти сумѣлъ передать одну изъ тѣхъ страшныхъ драмъ, которыя такъ часто разыгрываются въ нашихъ богатыхъ купеческихъ семьяхъ. Глава семьи недавно скончался; его жена, пожилая женщина, убитая горемъ, еще не успѣла осушить слезъ по усопшемъ мужѣ. А сынки уже принялись за дѣло, уже все захватили въ свои руки, все *оборудовали* по своему. Имъ было не трудно все это устроить: они знаютъ, что мать, при отцѣ, ни во что не входила, знаютъ, что она ничего не смыслила въ коммерческихъ дѣлахъ и въ обращеніи съ документами, и потому постарались заготовить *этихъ документовъ* по-болше, чтобы застраховать несчастную старуху и младшую сестру свою, и заставить ихъ отказаться отъ своей доли наслѣдства. Вотъ они—хищные и разлакомившіеся на чужое добро—приступаютъ къ старухѣ-матери, указывая ей на незнакомые ей векселя, прикидывая на счетахъ, шумно доказывая и убѣждая въ вымышленныхъ итогахъ, сопоставляя фиктивные цифры, побуждая ее согласиться на нищету и разоренье. Онутанная ихъ доводами и резонами, возмущенная слѣбною корыстью и низкими разсчетами, несчастная старуха колеблется, молчитъ, не знаетъ что ей предпринять. А молодая дочь ея, дитя ея сердца—чуждая всякихъ счетовъ, неспорченная жизнью—съ презрительнымъ укоромъ смотритъ на братьевъ и невѣстку, которымъ деньги дороже ихъ чести и душевнаго покоя... Прекрасная картина и страшная по своей правдѣ!

Дрессировщикъ. (Рис. на стр. 468).

Наши выставки не богаты скульптурными произведеніями, среди которыхъ, иногда, лучшее мѣсто занимаютъ работы иностранныхъ художниковъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Энрико Брага, уже нѣсколько лѣтъ къ ряду выставившій произведенія своего рѣзца на нашихъ весеннихъ выставкахъ въ Императорской Академіи Художествъ. Въ нынѣшнемъ году имъ выставлена группа изъ мрамора „Дрессировщикъ“, изображающая молодого акробата съ собакой, весьма изящная и тонкая по отдѣлкѣ.

Матрость. (Рис. на стр. 468).

Съ тѣхъ поръ какъ русскіе акварелисты образовали общество отдѣльныхъ выставокъ, на ежегодныхъ Академическихъ выставкахъ въ Петербургѣ встрѣчается все меньше и меньше рисунковъ водяными красками. Къ числу немногихъ работъ подобнаго рода принадлежитъ этюдъ съ натуры почетнаго волнаго общника Д. А. Бенкендорфа, изображающій матроса гвардейскаго экипажа, гравюра съ котораго помѣщена на стр. 468. Оригиналъ принадлежитъ Е. И. В. Великому Князю Алексѣю Александровичу.

Суда Гвардейскаго экипажа.

(Рис. на стр. 469).

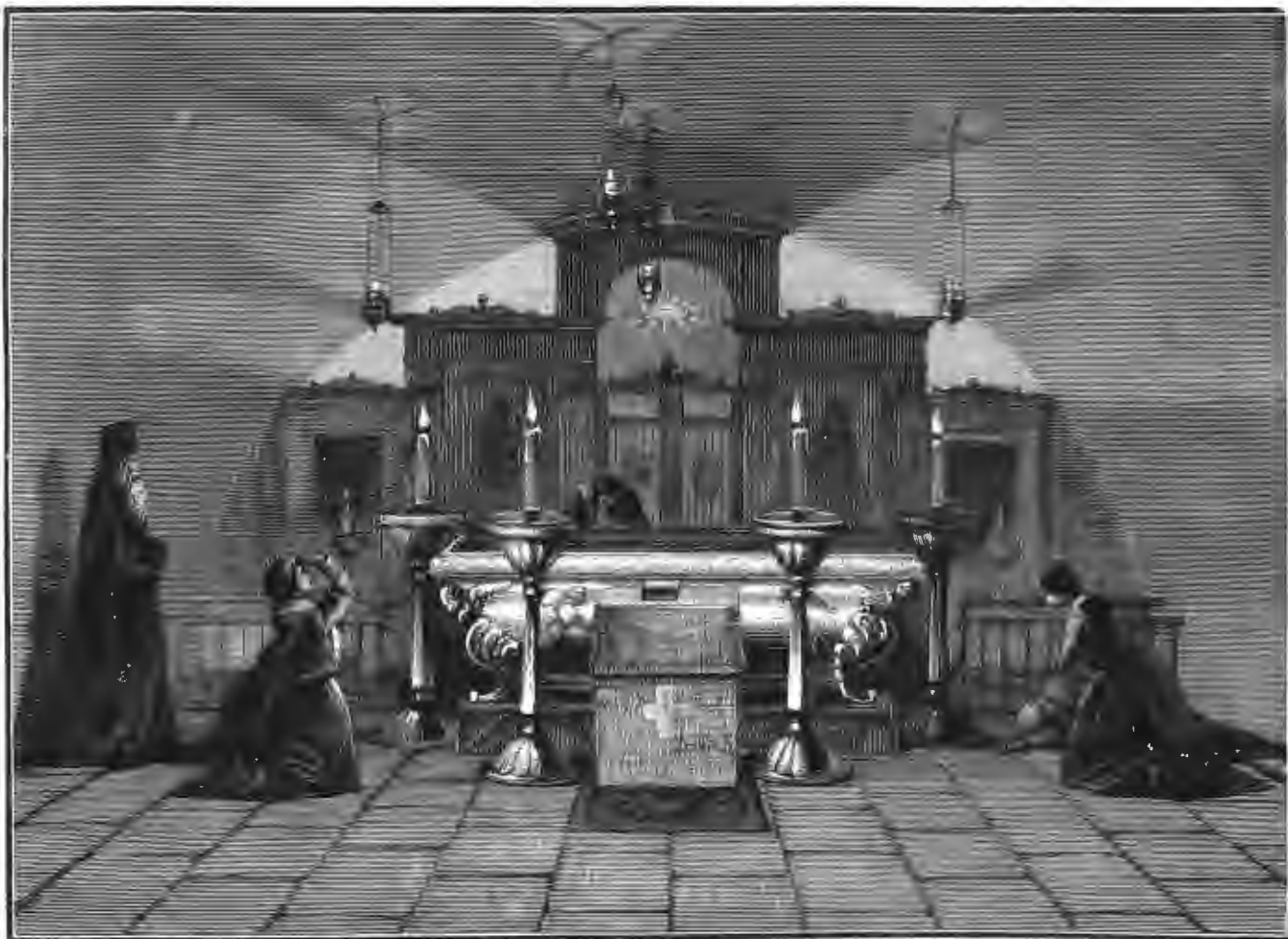
Это листъ изъ художественнаго альбома акварелей Балтійскаго флота, сдѣланныхъ мичманомъ Лидинымъ для поднесенія 6 мая сего года Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу отъ моряковъ Кронштадта.

Уже давно бібліотеки нашего Морскаго Вѣдомства ощущаютъ недостатокъ въ хорошемъ атласѣ, наглядно группирующемъ всѣ типы судовъ русскаго флота. Въ западно-европейскихъ государствахъ художественныя изданія этого рода давно существуютъ, пополняясь изъ года въ годъ съ каждымъ спускомъ новаго броненосца. У насъ подобный атласъ, кромѣ интереса простаго собранія морскихъ боевыхъ силъ, имѣетъ еще то, что наглядно иллюстрируетъ переходное состояніе, переживаемое въ настоящее время русскимъ флотомъ. Русскій флотъ богатъ не количествомъ своихъ судовъ, а количествомъ своихъ судовыхъ типовъ. И дѣйствительно, что ни судно, то новый единичный типъ, т. е. единственный для Россіи. Возьмите суда послѣдняго времени: панцирный корабль „Императоръ Александръ II“, броненосные крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“, „Адмиралъ Корниловъ“ и „Память Азова“ и весною спускаемый броненосецъ 1 ранга „Императоръ Николай I“. Все это корабли совершенно различныхъ конструкций и вооруженій. У насъ не выработалось опредѣленнаго судоваго образца, по которому, разъ на немъ остановясь, можно

было бы строить цѣлую серію однородныхъ боевыхъ единицъ, сберегая денежные затраты, сопряженныя съ постройкой судовъ все разныхъ типовъ, и дорогое время на создание сильнаго однороднаго флота. Россія преслѣдуетъ на морѣ двѣ цѣли: уничтоженіе непріятельскаго коммерческаго флота и защиту своихъ береговъ. Понятно, что по этимъ условіямъ и флотъ долженъ въ основаніи своемъ заключать два типа: океанскаго быстроходнаго крейсера и шхернаго фрегата, или сильной канонерки съ миноноской. Вотъ путь, по которому наше судостроеніе должно идти, не увлекаясь новыми проектами иностранныхъ державъ, поставленныхъ въ иныя условія съ нами и развивающихся поэтому иначе. Между тѣмъ, у насъ ищутъ разнообразія, что такъ вредно для флота въ финансовомъ отношеніи при передѣлкахъ и частыхъ починкахъ. Флотъ ошунью, съ завязанными глазами, идетъ теперь впередъ и поэтому переживаетъ лишь свое переходное состояніе, по ставъ разъ на вѣрный путь пойдетъ уже по немъ не уклоняясь ни вправо, ни влево. Вотъ почему онъ въ судовомъ иллюстрированномъ альбомѣ болѣе чѣмъ нуждается, такъ какъ

числится Его Высочество; 2) Броненоснаго флота и 3) Неброненоснаго флота; каждая изъ этихъ частей имѣетъ по своему художественно-исполненному заглавному листу и кромѣ того весь альбомъ имѣетъ особый, чрезвычайно сложной работы, заглавный листъ съ изображеніемъ рельефныхъ медальоновъ Императоровъ Петра I и Александра III, ботика извѣстнаго подъ названіемъ „Дѣдушка Русскаго флота“ и многихъ другихъ морскихъ атрибутовъ. Всѣ акварели подносятся въ особомъ роскошномъ орѣховомъ ларцѣ, сдѣланномъ по рисунку проф. Набокова и исполненномъ въ худож. мастерской Свирскаго, для чего была собрана сумма изъ добровольныхъ взносовъ всѣхъ кронштадтскихъ моряковъ. Суда въ названномъ альбомѣ исполнены акварелью и изображены при разныхъ погодкахъ и состояніи дня.

Приложенный рисунокъ изображаетъ группу 7 судовъ Гвардейскаго экипажа. Изъ нихъ „Александрія“, въ среднемъ медальонѣ, служитъ рѣчной яхтой Государа Императора. На ней въ прошломъ году произошла первая встрѣча двухъ Императоровъ. Въ правомъ среднемъ медальонѣ изображенъ фрегатъ

Пещерная церковь и гробница виленскихъ мучениковъ Свв. Антонія и Іоанна. Ориг. рис. академика И. Трутнева, грав. Барановскій.

въ немъ вѣрно и наглядно характеризуется интересный переходъ нашихъ моряковъ къ окончательному типу боевыхъ судовъ, наиболѣе удовлетворяющихъ назначеніямъ и цѣлямъ преслѣдуемымъ Россією на морѣ.

Альбомъ судовъ Императорскаго Балтійскаго флота, одинъ листъ котораго приложенъ въ нашихъ рисункахъ, началъ мичманомъ Дядинымъ въ 1887 г. и 6 мая сего года первой серіей своей въ 15 листовъ будетъ поднесенъ Государю Наслѣднику Цесаревичу, считающемуся въ спискахъ старшимъ лейтенантомъ флота. 6 мая исполнится Его Высочеству 21 годъ. Альбомъ состоитъ изъ 3 частей: 1) Гвардейскаго экипажа, въ которомъ

„Свѣтлана“, командиромъ котораго одно время состоялъ и на немъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе Е. И. В. Генераль-Адмиралъ Алексѣй Александровичъ. Лѣвый верхній медальонъ изображаетъ „Стрѣльну“, яхту Генераль-Адмирала. Правый верхній—яхту „Славянку“, служащую для прогулокъ Великихъ Князей и Княгинь, также какъ и рѣчной пароходъ „Онега“, въ лѣвомъ среднемъ медальонѣ. Нижний лѣвый медальонъ—новый стальной корветъ „Рында“, теперь возвращающійся изъ кругосвѣтнаго плаванія съ Вел. Кн. Александромъ Михайловичемъ. Правый нижній—клиперъ „Стрѣлокъ“, которымъ долго командовалъ извѣстный герой Скрыдловъ.

Политическое обозрѣніе.

Столица Франціи нѣсколько успокоилась и готовится къ торжественному открытію выставки. Слѣдственная коммисія „девяти“ производитъ дознанія о буланжистской агитаціи въ великой тайнѣ и тишинѣ и, можно думать, процессъ генерала Буланже разрѣшится еще не скоро. На это время депутатъ города Парижа поселился въ Лондонъ, нанявъ частную квартиру на Портлендской площади, недалеко отъ Реджентъ-стри-

та. На другой день послѣ своего прибытія въ столицу Англій, Буланже началъ принимать журналистовъ и якобы объявилъ имъ, что не желаетъ предстать суду сенаторовъ, завѣдомыхъ враговъ его, но готовъ съ первымъ же поѣздомъ отправиться во Францію, если его рѣшатъ предать апелляціонному суду или суду присяжныхъ. Относительно своихъ плановъ онъ пока ничего не можетъ сказать, но какъ только признаетъ

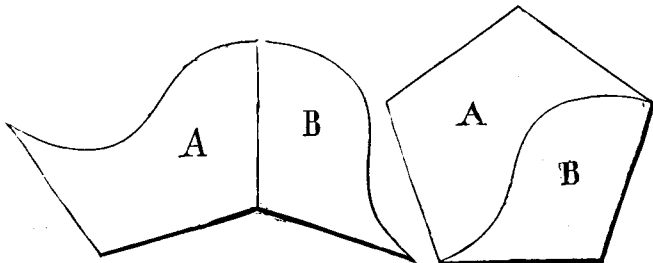
современнымъ — издасть новую прокламацію. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ *Pall Mall Gazette* генералъ сказалъ ему, что утверждающе будто буланжизмъ означаетъ войну съ Германіей и русско-французскій союзъ, поступаютъ безусловно несправедливо. Въ видахъ лучшаго достиженія цѣли Буланже соизнался откровенно, что и въ будущемъ онъ приложитъ все старанія къ тому, чтобы развить дружественныя отношенія между Франціей и Россіей, такъ какъ онъ держителъ мнѣнія, что большая часть политическихъ цѣлей обоихъ народовъ тождественны. Каждый день Буланже получаетъ нѣсколько сотъ писемъ изъ Франціи, Бельгіи и Англии. Въ числѣ писемъ много денежныхъ пакетовъ. По слухамъ, французское правительство намѣрено сдѣлать распоряженіе объ арестованіи лицъ отозвавшихся въ Брюссель и Лондонъ адресованныя на имя Буланже письма. Въ этомъ правительствѣ, будто бы, опирается на статью закона, которою монополія передачи писемъ и телеграммъ предоставлена почтовому управленію.

Столица Австріи также успокоилась послѣ бывшихъ въ ней уличныхъ безпорядковъ. Раннимъ утромъ въ самое Свѣтлое Воскресенье началось на конно-железныхъ дорогахъ стачка кучеровъ, которые были недовольны непосильною работою и частыми высканками. Буйство началось въ Фаворитскомъ кварталѣ, гдѣ находится часть сараевъ и конюшенъ общества коннокъ. Поводомъ къ безпорядкамъ послужило то обстоятельство, что правленіе, пользуясь услугами нѣсколькихъ не забастовавшихъ кучеровъ, собиралось продолжать движеніе вагоновъ, чему воспротивились забастовавшие кучера; къ нимъ присоединились свободныя въ этотъ день отъ занятій толпы рабочихъ. Безпорядки распространились и на другіе кварталы и только вмѣшательство войскъ подѣйствовало устрашающимъ образомъ на бунтовъ. 13 апрѣля стачка кучеровъ конно-железныхъ дорогъ окончилась и безпорядковъ не было, отчасти благодаря тому, что все время шелъ дождь. Всѣхъ арестованныхъ во время безпорядковъ насчитывается: кучеровъ—460, изъ нихъ 350 преданы суду, 110 отдѣлялись арестомъ при полиціи. По свѣдѣніямъ полиціи, раненыхъ 206, въ томъ числѣ 38 городовыхъ,

2 полицейскихъ агента и 20 солдатъ. Убытки отъ порчи и ломки вагоновъ конно-железной дороги достигаютъ до 10 тыс. гульденовъ. Кромѣ того, общинный совѣтъ Вѣны оштрафовалъ общество въ 50,000 гульденовъ изъ вѣсенной въ залогъ суммы. Еврейскія и жидовствующія газеты посвѣщали причины безпорядковъ агитаціи антисемитовъ, но на самомъ дѣлѣ можно считать, что сами еврейскіе гешефтмахеры вызвали стачку кучеровъ. Дѣйствительно, факты нещадной эксплуатаціи служащихъ подтвердились и эксплуатация эта объясняется тѣмъ, что большая часть акцій находится въ рукахъ евреевъ, во главѣ которыхъ стоитъ богатый банкиръ изъ евреевъ же. Эти господа требовали, конечно, крупныхъ дивидендовъ и правленіе общества, въ угоду имъ, страшно эксплуатировало трудъ служащихъ. Работать кучерамъ приходилось ежедневно отъ 16 до 18 часовъ, за сравнительно невысокое жалованіе; затѣмъ штрафы налагались часто и безпощадно. Наибольше излюбленнымъ взысканіемъ была работа въ свободный день, что дѣлалось, конечно, въ виду сбереженій. Поэтому стачка неощутима, что въ Вѣнскомъ общинномъ совѣтѣ состоялась единогласная манифестація въ пользу кучеровъ и противъ эксплуатаціи ихъ обществомъ.

Теперь въ успокоившейся Вѣнѣ засѣдаетъ, по примѣру Испаніи, Португаліи и Бельгіи, католическій конгрессъ, высказавшійся прежде всего въ пользу воцаренія свѣтской власти папы. Открылся онъ 16 апрѣля въ присутствіи вѣнскаго и пражскаго архіепископовъ и нунція Галимберти, почти всѣхъ австрійскихъ епископовъ и многочисленныхъ членовъ аристократіи. Президентомъ съѣзда избранъ г. сов. графъ Бломе. Съѣздъ постановилъ послать папѣ привѣтственную телеграмму съ протестомъ противъ лишенія папы территориальныхъ владѣній и требованіемъ, чтобы папа пользовался полными державными правами. Католическій съѣздъ получилъ отъ папы отвѣтную телеграмму, въ которой папа заявляетъ, что вогированный съѣздомъ протестъ послужилъ ему утѣшеніемъ. Съѣздъ затѣмъ обратилъ вниманіе на необходимость законодательства, значительно обезпечивающаго интересы рабочихъ. Либеральныя газеты нападаютъ за это на съѣздъ.

Рѣшеніе геометрической задачи № 22 (помѣщ. въ № 12).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — И. Мѣхова, Т. К.—ло, Ф. Ильяшенича, М. Заборскаго, А. С. Шнякренко, Г. А. Навлова, В. О. Пикель, В. А. Верейникова, Ф. Михель, М. М. Чижика, А. Дѣрфа, Б. Бернандера, А. А. Крюковой, К. К. Грѣхова, Д. Петрова, В. Кратирова, М. Н. Кочергина, Н. Ф. Юлатова, Е. Муги, К. Кольмана, Ф. А. Боронина, Л. Снегторженка, Ф. Петрова, Авопирфайдъ, О. М. Севрюгина, Н. Ф. Салуцкого, Шинкарева, Герасимова, Н. Г. Парусова, А. А. Постилова, Н. В. Люкина, А. Соболева, В. Я. Завдовскаго, А. А. Коломенскаго, С. Т. Грибова, В. Коидратьева, А. Вилькинсъ, О. К. Дунина; Москва — П. Д. Ромашова, Н. К. Двинникова, Н. Висоцаго, Н. Я. Тароватого, В. И. Логнинова, Н. П. Смирнова, Г. Покровскаго, В. Шмидтъ, И. Н. Комова, Е. Т. Лучинскаго, В. Р. Малуева, Дружинина, М. Попова, В. Нарбекова, В. И. Комарова; Александровскъ — Г. Б. Капича, Анзулъ — Г. Фохтъ, Астраханка — А. Н. Майдановой, Бѣлая-Церковь — Г. Левинбергъ, С. Д. Адлеръ, Б. Коровино — В. К. Терскаго, Брестъ-Литовскъ — И. Бульчицкой, А. Правдликъ, Бѣлгородъ — А. Поиновой, Безтроекъ — В. Карницкой, Буй — Ницифорова, Болховъ — Б. Валенко, Бузулукъ — В. Зиминскаго, Варшава — К. И. Львова, Полциертъ, Вологда — В. Панова, И. Неклюдова, Выборгъ — А. Полякова, Витебскъ — С. Пучета, Вильно — А. М. Байратевскаго, Гельмязовъ — А. Левченко, Дисна — С. А. Дубинкова, Дунаевцы — Крижановскаго, Демидовна — С. Подвысоцкаго, Динабургъ — О. Гринбургъ, Елисаветградъ — Дарионова-Иванова, Екатеринбургъ — А. Авчинникова, С. Главыцкаго, Елабуга — Н. Ушково, Зарайскъ — П. И. Ярцева, Ивановна — Д. Мерина, Износково — Дмитровскаго, Калуга — Д. Переклониной, Козловъ — В. Тамбовской, Казань — Аврорской, Киевъ — Г. Невзглядова, А. Н. Шульженко, Камратъ — Муцафы, Каменецъ-Подольскъ — П. Чейфа, Кузнецы — Ф. Перова, Кременчугъ — С. Л. Добровенскаго, Г. С. Рабиновича, Е. Доброуцкаго, Клинъ — Тимофѣева, Коломна — И. П. Бережнова, Нудруколя — И. Ясвъ, Калачъ — Д. С. Тарасенко, Кагарлыкъ — М. Мирониченко, Новоровъ — Е. Суминой, Лебедянь — В. И. Чурилина, Львовъ — М. М. Кусакова, Ладогеи — В. И. П.—скаго, Ловичъ — В. Крутикова, Мценскъ — В. Г. Максимова, Моница — Бѣлова, Малоярославецъ — К. Д. Чудакова, Манарьевъ — М. Лафина, Мелени — Н. П. Герасимова, Мо-

сальскъ — № 22,090. Н. Новгородъ — С. Нешкова, Ново-Сенани — В. Т. Костина, Новгородъ — М. Сергѣева, Никитовка — А. Феодосиевой, Новочеркасскъ — В. Абрамова, Нѣжинъ — П. В. Сидоренко, Н. Ломозъ — М. А. Болариновой, Николаевъ — Фолькертъ, Новомосковскъ — Котешникова, Одесса — А. Павани, Кункаторъ, Брейтманъ, Осовецъ — Шереметевскаго, Осипова — Ф. Листопадова, Портьче — В. Жилкина, Порховъ — С. Примакина, Пльщъ — Баеръ, Почепъ — П. Гурскаго, Петровскъ — М. Луице, Ростовъ н/Д. — С. Н. Ельяшенича, Рязань — П. Стопникова, Росслены — Г. А. Наркевича, Рыбинскъ — Е. Ф. Лучинскаго, Саратовъ — Ф. А. Фатуева, М. Кривошенина, Смѣла — И. Стахурскаго, М. Г. Павловскаго, Смоленскъ — А. Н. Шебакиной, Сорочи — Г. Б. Вассерманъ, Севастополь — Е. Гентцелъ, М. М. Ландафтъ, Симси — Кашина, Симферополь — К. Мазурова, Смоленскъ — Л. В. Сухина, Солдцъ — М. Галуговина, Старосельцы — Гольдассеръ, Сызрань — В. Орфиникова, Симбирскъ — П. Л. Яна, Сѣдлецъ — В. Головинскаго, Тамбовъ — И. М. Анашьева, Терны — В. Матиѣева, Тула — П. Никольскаго, Уфа — П. Петрова, Угмино — П. Ф. Пономарева, Харьковъ — И. Л. Штаммъ, Холмъ — К. А. К., Чувша — А. Д. Добротворцевой, Царицынъ — Спико, Швенши — Г. Блоха, Шемаха — Ширъ-Бекъ-Асберъ-Х нова, Шацкъ — А. Филмоновича, Ярославль — В. З. Лепарскаго, К. Мосагина, Феодосія — М. Рускиныхъ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 20 (помѣщенной въ № 11).

Бѣлые. Черные.
 1) К g 6—f 4 Кр. d 6—e 5
 2) Л c 4—d 4 Куда угодно.
 3) С d 5—f 6 или Л d 4—d 5
 1) . . . . . Кр. d 6—d 7
 2) Л e 5—e 7 Кр. куда угодно.
 3) К f 4—e 6 или Л c 4—d 4

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — Е. Будаговой, Б. Гувиусъ, А. А. Постилова; Москва — А. Эйхбаумъ, И. Верхоустинскаго, К. И. Богданова, Ф. Кокушкина; Варшава — А. Богговутъ, Вознесенскъ — П. И. Самаринъ, Мерчь — Г. Шульцкаго, Киевъ — А. Н. Шульженко, Львовъ — Кусакова, Николаевъ — Н. М. Прилуцкеръ, Одесса — М. Боговлянскаго, Саратовъ — П. Бѣлопольскаго, Тамбовъ — И. С. Орловъ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 19 (помѣщенной въ № 11).

Бѣлыя. Черныя.
 1) g 1—f 2 1) e 5—c 3
 2) f 2—e 3 2) f 4—d 2
 3) f 8—b 4 3) h 6—f 8
 4) f 6—g 7 4) f 8—h 6
 5) h 4—e 5 5) h 6—f 4
 6) a 7—e 3 6) f 4—g 3
 7) h 2—f 4 7) c 1—b 2
 8) a 3—c 1 8) c 3—b 2
 9) a 1—c 3

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. А. Постилова, В. И. Полина; Москва — Н. П. Смирнова; Касимовъ — Зворыкина, Камышинъ — И. С. Скородумова, Пермь — П. Матиѣва, Самара — И. М. Старостина.

Рѣшеніе ребуса № 21 (помѣщеннаго въ № 12).

„Тѣлу просторъ, душѣ тѣснота.“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. многогородныхъ подписчиковъ, при переимѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Торжество Юліи Андреевны Романъ М. В. Крестовской. (Продолженіе). — Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина. Разсказъ В. П. Желиковской. (Продолженіе). — О приспособленіи формъ и окраски животныхъ къ окружающей ихъ средѣ: Профессора К. Э. Линдемана. (Продолженіе). — Къ рисункамъ: У венеціанскаго мастера (съ рис.). — Бѣста (съ рис.). — Вилесеніе мученики Антоній и Иоаннъ. Картина И. П. Трутнева (съ 2 рис.). — Алмея (съ рис.). — Недоразумѣніе (съ рис.). — Разсчетъ по наследству. Картина Н. В. Неврева (съ рис.). — Дрессировщикъ (съ рис.). — Матросъ (съ рис.). — Суда Гвардейскаго экипажа (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Рѣшенія задачъ. — Заявленіе. — 0 переимѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключиниковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

Съ 10 Мая сего года Государственный Банкъ приступитъ къ обмѣну 5% банковыхъ билетовъ 3-го вып. (1869 г.) на новые съ купонами на 3-е десятилѣтіе.

Обмѣнъ этотъ будетъ производиться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Билеты могутъ быть представляемы какъ непосредственно въ Государственный Банкъ въ С.-Петербургѣ, такъ и во всѣ Конторы и Отдѣленія Банка, лично или чрезъ почту.

2) Владѣльцы билетовъ, живущіе въ С.-Петербургѣ, представляютъ билеты въ 5% Отдѣленіе Банка при объявленіяхъ установленной формы, вписывая въ нихъ №№ билетовъ по достоинствамъ и въ последовательномъ порядкѣ.

3) Новые билеты будутъ выдаваемы тѣмъ же достоинствамъ и за тѣми же номерами, какъ билеты 2-го десятилѣтія.

4) При приемѣ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Банка билетовъ для обмѣна, съ владѣльцевъ ихъ будетъ взимаемо за комиссію по обмѣну по 10 коп. съ каждаго листа, безотносительно къ достоинствамъ, и кромѣ того деньги на почтовые расходы въ одинъ путь (по пересылкѣ изъ Банка новыхъ билетовъ) по существующему для частныхъ лицъ почтовому тарифу.

5) Билеты, находящіеся на храненіи въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ, будутъ обмѣнены безъ особыхъ заявленій вкладчиковъ, при чемъ билеты, которые окажутся вышедшими въ тиражъ, будутъ оставлены во вкладахъ въ прежнемъ видѣ до получения о нихъ распоряженій со стороны вкладчиковъ. За комиссію по такому обмѣну будетъ взято по 10 коп. съ каждаго листа, а съ вкладчиковъ Конторъ и Отдѣленій Банка сверхъ того деньги на почтовые расходы, согласно п. 4.

6) Тѣ вкладчики, которые не пожелаютъ обмѣнить принадлежащія имъ билеты чрезъ посредство Отдѣленія вклада на храненіе или провинціальныя Конторы и Отдѣленія Банка, должны подать о семъ письменныя заявленія по принадлежности: въ Банкъ—до 1 Июня, а въ Конторы и Отдѣленія Банка—до 1 Июля текущаго года.

7) Приемъ къ обмѣну билетовъ въ Государственномъ Банкѣ, равно выдача новыхъ билетовъ, будутъ производимы ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2-хъ часовъ. Новые билеты будутъ выдаваемы чрезъ 14 дней по представленіи старыхъ; если же окажется возможнымъ, то будетъ назначаемъ менѣе продолжительный срокъ.

8) Въ приемѣ билетовъ будутъ выдаваемы именныя контрмарки, которыя не могутъ быть передаваемы другимъ лицамъ.

9) За обмѣнъ билетовъ, представляемыхъ непосредственно въ 5% Отдѣленіе Банка, лично или чрезъ почту, платы не взимаются; почтовые же расходы по высылкѣ новыхъ билетовъ обращаются на счетъ владѣльцевъ, которые могутъ присылать на этотъ предметъ наличныя деньги или срочные купоны.

10) Въ объявленіяхъ объ обмѣнѣ билетовъ, присылаемыхъ въ Банкъ по почтѣ, не должны быть номѣщаемы порученія по другимъ операціямъ; такія порученія будутъ оставлены безъ исполненія.

и 11) Во избѣжаніе задержки въ полученіи съ почты новыхъ билетовъ, владѣльцы оныхъ возможно точнѣе обозначаютъ въ объявленіяхъ какъ свои адреса, такъ и ближайшія почтovyя учрежденія, изъ которыхъ производится выдача денежной корреспонденціи.

Подписаль Управляющій Ю. Жуковский.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также приемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“

уголъ Тверской и Долгоруковскаго переулковъ, домъ Шабликина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3838 3-2

ШИШУЮЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, чекотливость красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ, и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать Eau de Lys de LOHSE. МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло. ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Приворотный Парфюмеръ 46. Jägerstrasse, Berlin. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ, и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА, НА 1889 Г., НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ: ГОДЪ VIII. „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ VIII.

СОДЕРЖАНІЕ первыхъ 4-хъ книгъ (январь—апрѣль): 1) Семья погасла! романъ И. Г. Ясинскаго (оконч.); 2) Семье побѣди, повѣсть въ 2-хъ частяхъ, Ф. Д. Нефедова (оконч.); 3) Говорю, очеркъ Д. Сибириана; 4) Ужасъ (картинки домашней жизни) Н. Ф. Бажина; 5) Папиросница (изъ типовъ женскаго пролетаріата) И. В. Назаревой; 6) По пути, рассказъ П. Лѣтнева; 7) Бабушка, рассказъ Н. Д. Ахшарумова; 8) Вицеца и Митуса, Василія Ив. Немировича-Данченко; 9) Въль экикурейства (четыре нравовъ въ Россіи XVIII в.), В. О. Михневича; 10) Наме законодательство и земская шипуаства, Я. В. Абрамова; 11) Вопросы дня (три статьи), Вл. П. Безобразова; 12) Современныя женщины—писательницы (критич. очеркъ), В. В. Чуйко; 13) Русскій студентъ (Крамской) въ качестве критики. Его же; 14) Историческія основы воспитанія, А. С. Травецкаго; 15) Кабала въ отомжѣ промышленности, Г. П. Сазонова; 16) О Парижской Ecole des chartes, И. Е. Андреевскаго; 17) На тропѣ (истор. романъ изъ жизни Людвигъ Баварскаго) Иларисы Лоде (съ нѣмецкаго); 18) Золотая радуга, романъ Давида Мюрера (съ англ.); 19) Исторія одной любви, повѣсть Цезаря Тронни (съ итальянскаго); 20) Очерки иностранной литературы, В. Р. Зотова; 21) И смѣхъ, и горе (фельетоны) Ефима Простосердова и пр. № 3850 3-1

Для слѣдующихъ книгъ, въ распоряженіи редакціи находится уже значительное количество беллетристическихъ произведеній и научныхъ статей избѣстныхъ писателей. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, 15 числа, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ изданій, безъ предварительной цензуры. Годовая цѣна: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес.; за границу—16 р. За полгода 8 р. Нижегородные подписчики, желающіе получить второе изданіе монографіи А. П. Пяткова: «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія», высылаютъ, вмѣстѣ съ годов. платою за журналъ, 17 р. 50 к. (копейки—марками). Главная контора: СПб., Владимирская, № 1-6. Здѣсь же принимается подписка на журналъ.

НАРОДНАЯ ШКОЛА (г. XXI).

Одобренъ М—вомъ Народн. Просвѣщенія и др. вѣдомствами. Годовая цѣна 4 р. 50 к. съ перес. За гран.—6 р. Редакторъ-издатель А. П. Пятновскій.

ПРО ЧТО ЩЕБЕЛАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шингагена. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ДАЛМАТСКІЙ ПОРОШОКЪ. Владѣлецъ плантацій продаетъ черезъ Агента своего **А. И. де-Спильеръ** въ **ОДЕССѢ**. 3-3 За нудъ: 36 руб., 28 руб. и 23 руб.

КУМЫСНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ въ 3/4 отъ г. Уфы, въ дачѣ Барсова—дер. Глушино. Сезонъ 1889 г. съ 20 мая по 15 августа. 1) Кумысъ—15 коп. бутылка. 2) Столъ—завтракъ одно, обѣдъ два мясныхъ блюда, 18 р. въ мѣсяцъ. 3) Квартира отъ 20 руб. за весь сезонъ. 4) Прислуга, самоваръ и др. 3 р. 5) Лошадь въ городъ 70 к. № 3857 6) Почта, книги и др. услуги безплатно. Адресоваться: г. Уфа, Якову Павлу Барсову.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ Невскій, 57, собств. домъ, Покупаютъ всѣ % бумаги. Студы подъ всѣ % бумаги. Страхованіе выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3716 Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства **АГЕНТЫ.** Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Поступила въ продажу большая гравюра: **ПОРТРЕТЫ НИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.** 1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ. 2) Государыня Императрица Марія Феодоровна. 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. 4) Великій Князь Георгій Александровичъ. 5) Великій Князь Михаилъ Александровичъ. 6) Великая Княжна Ксенія Александровна. 7) Великая Княжна Ольга Александровна. Гравюра артистически исполненная съ фотографій С. Л. Левицкаго и Ю. и отпечатанная на отличной веленовой бумагѣ, размѣромъ 10 1/2 вершк. выш. и 7 1/2 вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатани, на скалку 1 р. 25 к. Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 р., съ пересылкой и укупоркой до 1000 верствъ 3 р. 50 к., а до 2000 верствъ 4 р. 50 к. Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, размѣромъ 13 1/2 вершк. выш. и 9 1/2 вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалку 2 р. 50 к. Въ изданіи, рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.; съ перес. и укупоркой до 1000 верствъ 7 р. 50 к., а до 2000 верствъ 9 р. 50 к. Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“. Невскій просп., № 6. СПб.

СЕЗОНЪ САРПИНОКЪ Вновь выработана на 1889 г. огромная партія сарпинки новѣйшихъ рисунковъ, на дамскія платья, дѣтскіе костюмы и мужскія сорочки, прочныя красокъ, цѣною отъ 13 до 22 коп. за аршинъ. Приемъ заказовъ во всякомъ количествѣ аршинъ и пѣрсинка во всѣ города Россіи производится за счетъ фирмы; для торговцевъ условия по соглашенію. Прейсъ-курантъ, въ которомъ до 280 разнообразныхъ образцовъ, высылается заказной бандеролью за 49 коп. почт. марк. Адресъ: г. Саратовъ, К. А. Андрееву. Въ всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграниціей. **LA VELOUTINE** Специальная рисово-висмутуовая пудра. **CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.** Ц. № 3787 (6).

ЭФФЕКТНО ДЛЯ ЛѢТА! **ПАРИЖСКІЙ ДАМСКІЙ УБОРЪ!** Изъ натуральныхъ бразильскихъ жупковъ, въ красивѣйшихъ оправкахъ. Браслеты съ 10, 3, 2 и 1 жук. 5.50, 2.50, 2 и 1.50. Брошки съ 4, 3 и 2 жук. 2.50, 2 и 1.50. Серги съ 1 жук. 1.25. Шпильки черепашковыя съ 3 и 2 жук. 2 и 1.50. позолоченыя съ 1 жук. 1 р. Мужск. булавки 75 к. Цѣлый уборъ (браслетъ, брошь, серги и шпильки) 50% дешевле. Жужки эти замѣчательно эффектно отражаются на солнцѣ, а потому особенно, красивы лѣтѣмъ. **ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ, С.-Пбуржъ, Садовая, 12, кв. 22, во 2-мъ дворѣ.**

CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ) произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся. **LA POUDRE SIMON И МЫЛО à la CRÈME-SIMON** имѣютъ тотъ же запахъ. **J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.** Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3129 16-15

СКЛАДЪ ФТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

ПОЛНЫЙ АППАРАТЪ ОТЪ 10. 15. 20. Р. С.

К. И. ФРЕЛАНДЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСК. ПРОСП. № 30/16.

Съ этимъ аппаратомъ всякій, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хороше и отчетливыя фотографическія портреты. Новый преіей-куррантъ бесплатно. Самоучительъ фотографіи съ преіей-куррантомъ 50 коп. № 38533-1

МАЛОРОССІЙСКАЯ ВОДА

для уничтоженія перхоти по 1 р. 25 коп. за флаконъ. Разрѣшено С.-Петербургскимъ Врачебнымъ Управленіемъ. У парникахера Императорскихъ театровъ **ЖОРЖЪ ПЕДВЕРЪ** Невскій пр., 46, рядомъ съ Пассажемъ. За пересылку за одинъ фунтъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1889 г

НА РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ,

еженедельное изданіе.

Москва, Малая Дмитрова, д. Аленѣева. Въ каждомъ № помѣщаются: совѣты, рецепты, указанія и понятныя описанія новостей по всемъ ремесламъ и различнымъ техническимъ производствамъ, со множественными рисунками и рабочими чертежами (въ текстѣ и на 100 особызъ листахъ) разныхъ новыхъ изобрѣній, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастеровъ и хозяйства. Также образцы мужскихъ модъ и обуви всякаго сезона. Описание выставокъ, музеевъ, учебныхъ мастерскихъ, новости по техническому и ремесленному образованію.

◆ Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кустара, сельскаго хозяина, любителя ремесла и для школы. ◆

◆ 50 №№ въ годъ. ◆

◆ Премія: стѣиной календарь, изящно иллюстрированный. Одни приложенія въ розничной продажѣ стоятъ около 20 р.

6 руб. въ годъ съ перес. и доставной; 4 р. за 1/2 года.

РЕМ. ГАЗ. одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Пров.

Изъ конторы „Ремесл. Газеты“ можно выписывать всевозможныя сочиненія по различнымъ ремесленнымъ и техническимъ производствамъ.

Имѣются въ складѣ слѣдующія изданія:

- 1) Альбомы и сборники рисунковъ:
  - 1) Желѣзной мебели . . . 2 25
  - 2) Дамской и мужской обуви . . . 2 25
  - 3) Токарныхъ и рѣзныхъ издѣлій 1 75
  - 4) Мебели и др. столярн. издѣлій 2 25
  - 5) Желѣзныхъ оградъ, воротъ и пр. 1 75
  - 6) Ажурныхъ (выпиловъ) работъ . . . 60
  - 7) Надѣл. изъ серебра, бронзы и пр. 2 25
  - 8) Мягкой мебели и драпировокъ 1 75
  - 9) Токарныхъ издѣлій по дереву и кости М. А. Нетиски . . . 4 30
  - 10) 1-я и 2-я серии новыхъ рисунковъ ажурныхъ работъ, каждая по . . . 1 —

II. Книжки:

- 1) Курсъ токарнаго по дереву искусства . . . 1 70
- 2) Умѣиы. Построеніе частей машинъ . . . 3 75
- 3) Мех. тех. дер. Ручная и машинная обработка дерева съ 600 полит. (для столяровъ, плотниковъ и учебныхъ мастерскихъ). Сост. К. А. Казначеевъ . . . 2 30
- 4) Луженіе и цинкованіе . . . 60
- 5) Производство жестяныхъ работъ . . . 1 —
- 6) Окрашиваніе металловъ . . . 35
- 7) Производство деревянной мозаики, инкрустации и выжиганіе на деревѣ . . . 2 25

Цѣны на всѣ изданія указаны съ пересылкой, которая по желанію производится съ наложеннымъ платежемъ. № 38 9

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Измайловскій проспектъ, 21,

МАГАЗИНЫ:

Невскій проспектъ, 32, д. Католической церкви, и 66 у Аничкина моста, Вознесенскій проспектъ, 18—54, д. Шредера.

О-де-колонъ отъ 30 к. до 1 р.

Туалетныя воды отъ 75 коп. до 3 руб. 75 коп.

Туалетныя воды цвѣточныя отъ 80 коп. до 3 р. 20 к.

Духи Незамѣняемый букетъ 2 руб.

Духи разные отъ 15 к. до 2 р. 50 к.

Мыла отъ 10 к. до 1 р.

Пудры отъ 10 к. до 1 р. 25 к.

Зубныя элексиры отъ 75 к. до 1 р.

Воды и молоко для кожи отъ 75 к. до 2 руб. 25 коп.

Кремъ и пать для кожи отъ 25 коп. до 1 рубли. Рт. № 3804 3—3

Лечебный съ 20 мая

СТОЛЫШИНО

сезонъ по 20 августа.

Строно-соляная, желѣзистая и разсолная воды. Минеральная грязь. Кумысъ (15 к. бут.). Одиночные номера (отъ 40 к. сутк.) и семейныя дачи. Большой курзалъ. Оркестръ музыки. Все заведеніе вновь перестроено. Цѣны на квартиры, содержаніе и леченіе значительно понижены. Для маломущихъ открыто отдѣленіе съ платою по 35 р въ мѣс. за помѣщеніе съ полнымъ содержаніемъ и леченіемъ. Обладеніе съ видами курзала и дачъ, химическій анализъ, подробная такса и справочныя свѣдѣнія высылаются обращающимся (съ прилож. почт. мар.) въ Контору Столып. минер. водъ, Самарск. губ., с. Балаково, на ст. Криволучье. № 3860

А. РАДЛЕ и К^о

въ МОСКВѢ.

Одеколонъ семейный.

Духи гиацитъ.

Духи русск. писателей.

Мыло русск. писателей.

Духи съ видами Москвы.

Мыло съ видами Москвы.

Пудра жирная.

Мыло Ориза-лакте.

Вода Флоридъ для лица.

Кольдъ-кремъ-Ви. згъ.

Мыло цвѣточно-глицер.

Элексиръ борно-тимоловый.

П. № 3821 6—2

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.

Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Простятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (63) № 2946

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ ВЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жироада) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

Арчеръ СПИННЕРЪ. Апаратъ для ловли рыбы на живца; живецъ надвѣвается на голку и прикрѣпляется металлическими иланниками; съ боковъ подхватывается крючками. Цѣна 1 руб. 70 коп., на пересылку отъ 1 до 3 прибавляется 50 к. Кромѣ Азійской Россіи и Сибири. Преіей-куррантъ рыболов. принал. высылаются за 7 к. марку. № 3851 П. Ф. Наратаевъ. Невскій пр., Милотинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ И ЦАЛЪТО

Л. КЮТНЕРЪ
ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ДОМЪ ФУЛЬДА
въ МОСКВѢ.

НОВАЯ КНИГА: СОВѢТЫ ПО КОСМЕТИКЪ.

Согласованіе съ требованіемъ науки; какъ приобрести и сохранить здоровье и бѣлизну зубовъ; чистый и здоровый цвѣтъ лица; здоровье и богатство волосъ и пр. Составилъ докторъ медицины **М. БОГОЛЮБОВЪ.**

Доступны отзывы о книгѣ напечатаны въ „Московск. Вѣд.“ № 129, въ „Русск. Вѣд.“ № 137, въ „Моск. Листкѣ“ № 149 и др. Цѣна 75 к. съ пересылкою; стоимость можно высылать почтовыми марками (не приключная ихъ края къ письму). Адресоваться письменно къ Линтропъ, у Вольскаго театра, Москва. Ц. № 3848

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ: Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка). Требуется иллюстрированные каталоги *gratis et franco.* Iог. Зансъ и К^о. Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. В. № 3784 Берлинъ, Риттерштрассе 88.

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

Съ 1 Мая сего года Государственный Банкъ приступитъ къ обмѣну облигацій 3-го восточнаго займа на новыя съ купонами на 2-е десятилѣтіе.

Обмѣнъ этотъ будетъ производиться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Облигаціи могутъ быть представляемы какъ непосредственно въ Государственный Банкъ въ С.-Петербургѣ, такъ и во всѣ Конторы и Отдѣленія Банка, лично или чрезъ почту.

2) Владѣльцы облигацій, живущіе въ С.-Петербургѣ, представляютъ облигаціи въ 5% Отдѣленіе Банка, при объявленіяхъ установленныхъ формъ (для именныхъ и предъявительскихъ), вписывая въ нихъ №№ облигацій по достоинству и въ послѣдовательномъ порядкѣ.

3) Новыя облигаціи будутъ выдаваемы тѣхъ же достоинствъ и за тѣми же номерами, какъ облигаціи 1-го десятилѣтія.

4) Для получения новыхъ купонныхъ листовъ съ талонами на 2-е десятилѣтіе могутъ быть представляемы въ предѣлахъ указаннаго въ талонахъ 18 мѣс. срока также одни талоны (безъ облигацій). Выдача новыхъ купонныхъ листовъ будетъ производима предъявителямъ талоновъ съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что для уплаты страховаго сбора при пересылкѣ купонные листы будутъ опфниваемы въ половину номинальной стоимости облигацій.

5) При приемѣ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Банка облигацій для обмѣна съ владѣльцевъ ихъ будетъ взимаемо за комиссію по обмѣну по 10 коп. съ каждого листа, безотносительно къ достоинству, и кромѣ того деньги на почтовые расходы въ одинъ путь (по пересылкѣ изъ Банка новыхъ облигацій) по существующему для частныхъ лицъ почтовому тарифу. При возобновеніи купонныхъ листовъ къ облигаціямъ чрезъ посредство Московской, Варшавской, Кіевской, Харьковской, Одесской или Рижской Конторъ Банка, если облигаціи или талоны будутъ представляемы къ обмѣну не позже 1 Августа 1889 года, взаимныя почтовыхъ и комиссіонныхъ сборовъ будетъ взимаемо по 15 коп. за каждую 100 рублевую облигацію или куп. листъ и по 75 коп. за каждую 1000 рублевую облигацію или куп. листъ.

6) Облигаціи, находящіяся на храненіи въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ, какъ выданныя на предъявителя, такъ и написанныя на имена вкладчиковъ, будутъ обмѣнены безъ особыхъ заявленій вкладчиковъ. За комиссію по такому обмѣну будетъ взято по 10 коп. съ каждого листа, а съ вкладчиковъ Конторъ и Отдѣленій Банка сверхъ того деньги на почтовые расходы согласно п. 5.

7) Тѣ вкладчики, которые не пожелаютъ обмѣнить принадлежащія имъ облигаціи чрезъ посредство Отдѣленія вкладовъ на храненіе или провинціальныхъ Конторъ и Отдѣленій Банка, должны подать о семъ письменныя заявленія по принадлежности: въ Банкъ—до 1 Юня, а въ Конторы и Отдѣленія Банка—до 1 Юля текущаго года.

8) Владѣльцы именныхъ облигацій, желающіе получить новыя облигаціи на предъявителя или на другое имя, а также поручающіе высылку своихъ облигацій по адресу другихъ лицъ, присылаютъ объявленія о семъ съ засвидѣтельствованіемъ подписи нотаріальнымъ порядкомъ. Отъ постороннихъ лицъ именные облигаціи, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда новыя потребуются на прежнія имена, представляются въ Банкъ съ законными довѣренностями владѣльцевъ.

9) Именные облигаціи съ бланковыми или передаточными на нихъ надписями будутъ обмѣниваемы лишь въ томъ случаѣ, если будутъ доставлены въ Банкъ надлежащимъ порядкомъ засвидѣльствованныя заявленія на имя Банка отъ лицъ, на чюна которыхъ написаны тѣ облигаціи.

10) При именныхъ облигаціяхъ, перешедшихъ къ настоящимъ владѣльцамъ по наслѣдству, судебнымъ постановленіямъ или другимъ актамъ, должны быть представляемы сіи документы, а также удостовѣреніе объ уплатѣ пошлинъ, установленныхъ закономъ 15 Юня 1882 года.

11) Совершеннолѣтніе владѣльцы именныхъ облигацій, названные въ надписи на облигаціяхъ малолѣтними, должны представить при обмѣниваемыхъ облигаціяхъ засвидѣльствованныя копіи метрическихъ свидѣтельствъ о своемъ рожденіи въ удостовѣреніе того, что они достигли совершеннолѣтія.

12) Владѣльцы именныхъ облигацій къ своимъ заявленіямъ, подаваемымъ лично въ Государственный Банкъ, должны прилагать полицейскія или нотаріальныя свидѣтельства о личности.

13) При именныхъ облигаціяхъ, представляемыхъ къ обмѣну по порученію владѣльцевъ банками и банковскими конторами, должны быть прилагемы заявленія владѣльцевъ на имя Государственнаго Банка съ засвидѣльствованіемъ подписи владѣльцевъ нотаріальнымъ порядкомъ.

14) Облигаціи, находящіяся въ Дворянскихъ Опекахъ, Сиротскихъ Судахъ или въ казенныхъ установленіяхъ на храненіи, въ залогъ по подрядамъ, поставкамъ и проч., будутъ обмѣниваемы на общемъ основаніи.

15) Облигаціи, написанныя на имя лицъ, состоящихъ подъ опекою, для обмѣна съ написаніемъ на то же имя могутъ быть представляемы опекунами, съ приложеніемъ указовъ опекунскихъ учреждений о назначеніи ихъ опекунами.

16) Въ тѣхъ случаяхъ, когда приложенные подлинныя документы требуютъ обратно, должны быть представляемы, для оставленія при дѣлахъ Банка, засвидѣльствованныя нотаріальнымъ порядкомъ копіи.

17) Приемъ къ обмѣну облигацій и талоновъ въ Государственномъ Банкѣ, равно выдача новыхъ облигацій и купонныхъ листовъ, будутъ производимы ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2-хъ часовъ. Новыя облигаціи или купонные листы будутъ выдаваемы чрезъ 14 дней по представленіи старыхъ облигацій или талоновъ; если же окажется возможнымъ, то будетъ назначаемъ менѣе продолжительный срокъ.

18) Въ приемѣ облигацій и талоновъ будутъ выдаваемы именные контрмарки, которыя не могутъ быть передаваемы другимъ лицамъ.

19) За обмѣнъ облигацій или талоновъ, представляемыхъ непосредственно въ 5% Отдѣленіе Банка, лично или чрезъ почту, платы не взимается, почтовые же расходы по высылкѣ новыхъ облигацій или купонныхъ листовъ обращаются на счетъ владѣльцевъ, которые могутъ прислать на этотъ предметъ наличныя деньги или срочныя купоны. Тѣмъ владѣльцамъ, которые пожелаютъ обмѣнить принадлежащія имъ предъявительскія облигаціи 1-го десятилѣтія безотносительно къ номерамъ, но въ кратчайшій срокъ, могутъ быть выдаваемы новыя облигаціи изъ числа принадлежащихъ Банку (насколько это будетъ возможно по соображенію съ количествомъ сихъ облигацій). Такимъ лицамъ будутъ выдаваемы новыя облигаціи немедленно по предъявленіи старыхъ при особыхъ объявленіяхъ по установленной формѣ, при чемъ за производство обмѣна виѣ общаго порядка будетъ взимаемо 10 коп. съ каждой облигаціи 100 руб. достоинства и 25 коп. съ облигаціи 1000 руб. достоинства.

20) Въ объявленіяхъ объ обмѣнѣ облигацій или талоновъ, присылаемыхъ въ Банкъ по почтѣ, не должны быть помѣщаемы порученія по другимъ операціямъ; такія порученія будутъ оставлены безъ исполненія.

и 21) Во избѣжаніе задержки въ полученіи съ почты новыхъ облигацій, владѣльцы оныхъ возможно точнѣе обозначаютъ въ объявленіяхъ какъ свои адреса, такъ и ближайшія почтовыя учрежденія, изъ которыхъ производится выдача денежной корреспонденціи.

Подписаль Управляющій Ю. Жуковскій.

ЛЕВИНСКІЙ и ГЛОЗНИЦЪ
Издатель черниль, синьки и ваксы.
Изданіе аптекаря Мартинсона. Цѣна съ пересылкою 1 р. Безбородичскіи просп. № 21.

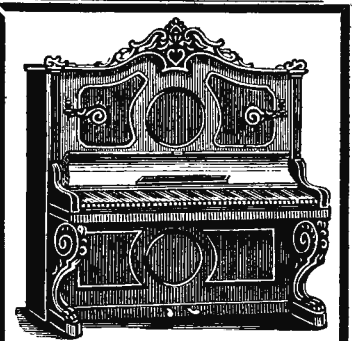
РЕЦЕПТЫ и РУКОВОДСТВО
Изданіе аптекаря Мартинсона. Цѣна съ пересылкою 1 р. Безбородичскіи просп. № 21.

ЧОКРАКСКОЕ
грязе-лечебное заведеніе въ Крыму, при озерѣ Чокракѣ. За 4 марки 7 коп. высылается брошюра. Адресовать заказнымъ Д-ру Добролюбовскому. № 3755 4-4

Дозвол. цензур., СПб., 26 апрѣля 1889 г.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6.

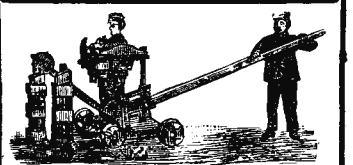
Лиц. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1. Библиотека "Гуниверс"

Въ большомъ выборѣ изящнѣйшихъ фабрикъ, по фабричнымъ цѣнамъ

ПИАНИНО
цѣною въ 400, 425, 450, 475 и 500 руб.

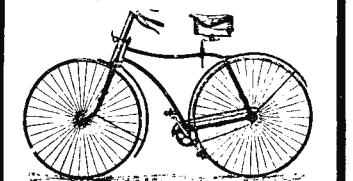
РОЯЛИ
цѣною въ 550, 600, 650, 750, 900 р. и др.
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. № 3854

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ
Москва, Красносельск. улца
№ 3843 СТРОИТЬ: 6-2
плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣлки, сортировки, мельницы, конные приводы, локомотивы 3, 4 и 6 силъ, соломорѣзки, паровыя машины, котлы, насосы всякаго рода, пожарныя трубы, сѣнныя прессы, кирпич. прессы и пр.
КОНТОРЫ и СКЛАДЫ:
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, 10.
Москва, Мясницкая улца, у Мясницкихъ воротъ, домъ Виноградова.
Иллюстрированныя каталоги безплатно.

МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛЪЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ
№ 3855 ЗАВЕДЕНІЕ 7-1
въ городѣ Евпаторіи
открывается съ 20 мая по 20 августа.
За подробностями просятъ обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губ., Гг. доктору С. П. Цепеневскому или доктору С. И. Ходжашу.

Безопасныя 2-хъ-кол. велосипеды
СВИФТЪ и ВИППЕТЪ
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Прейсъ-курранты безплатно, также брошюра виконта Барри: "О велосипедахъ и велосипедистахъ".
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3829 (3)

С. ПЕТЕРЪ ВЪНА ПЕШЪ БЕРЛИНЪ
"ЕКСИКАТОРЪ"
1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ
ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА
ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ и ПР.
БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИЩУ АГЕНТОВЪ
АДР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

XX г.

№ 19

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX

1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 6 мая 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъдост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи . . . . . 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

При семь № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за МАЙ 1889 г., съ 29 рисунками и отд. листъ съ 19 чертеж.
выкоекъ въ натур. величину и 6 рис. рукодѣльн. работъ.

Весенняя выставка Имп. Анад. Худож. Этюдъ головки. Картина И. Галкина
(право гравир. приобрѣт. „Нивой“), грав. Флюгель.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ М. В. Крестовской.

(Окончаніе).

— Вотъ, mein Liebchen, его сіятельство бывало такъ любезно, что почитало нашъ вечеръ своимъ присутствіемъ! торжественно сказалъ Федоръ Густавовичъ, видимо очень польщенный пріѣздомъ стараго князя.

Юлія Андреевна медленно подняла на сановника свои жгучіе, загадочные глаза и молча съ улыбкою глядѣла на него, точно чаруя его своимъ сіяющимъ взоромъ и давая ему время лучше разсмотрѣть себя.

— Я безконечно благодарна вамъ, князь, вы сдѣлали нашъ сегодняшний вечеръ вдвойнѣ счастливымъ, сказала она съ такою глубокою и трогательною благодарностью въ голосѣ, что князю стало даже немножко совѣстно за то, что онъ такъ долго не хотѣлъ ѣхать къ этимъ Таненбаумамъ и былъ столь нелюбезенъ съ ними, особенно съ прелестною мамаше Таненбаумъ, эффектная красота которой невольно бросилась ему въ глаза.

Онъ низко поклонился ей въ отвѣтъ на ея привѣтствіе, съ той истинно рыцарскою любезностью, которая отличаетъ почти всѣхъ воспитывавшихся въ сороковыхъ годахъ.

— Можетъ-быть вашему сіятельству будетъ угодно сдѣлать намъ честь играть карты? поспѣшилъ освѣдомиться Ѳеодоръ Густавовичъ, съ восхищеніемъ смотрявшій и на сановника, и на жену.

Но князь столь же поспѣшно, хотя и очень любезно отказался, сказавъ что ему нужно сегодня быть еще на одномъ вечерѣ, а потому онъ, къ сожалѣнію, пріѣхалъ очень не на долго. И какъ бы для большей убѣдительности, онъ даже вынулъ часы и взглянувъ на нихъ объявилъ что у него въ распоряженіи всего одинъ часъ.

„Ну, положимъ!“ подумала Юлія Андреевна, „если ты уже пріѣхалъ, то я не отпущу тебя такъ скоро — да это вздоръ, ты и самъ потомъ не захочешь.“

Она чувствовала что произвела на князя очень благопріятное впечатлѣніе, и рѣшила, что если хорошенько постараться и пококетничать съ нимъ, то этому пріятному впечатлѣнію весьма возможно будетъ перейти „въ маленькое увлеченіе“, чего ей ужасно хотѣлось. Какъ только Ѳеодоръ Густавовичъ, еще разъ почтительно раскланявшись и даже извинившись предъ своимъ почетнымъ гостемъ, убѣжалъ назадъ къ картамъ, гдѣ партнеры нетерпѣливо ожидали его, — она граціознымъ жестомъ пригласила князя сѣсть рядомъ съ нею, чѣмъ вся ея свита осталась очень недовольна, такъ какъ этотъ, официально всѣмъ хорошо извѣстный, но лично не знакомый сановникъ, стѣснялъ ихъ всѣхъ, внушая однимъ своимъ присутствіемъ тотъ невольный, почтительный страхъ, который люди склонны чувствовать къ важнымъ, высокопоставленнымъ лицамъ, хотя бы даже вовсе отъ нихъ и не зависѣли.

Юлія Андреевна всѣми силами старалась поддержать и оживить разговоръ, который хоть и не прерывался, но тѣмъ не менѣе тянулся холодно и натянuto; но въ душѣ она невольно сознавала что всѣмъ скучно и даже этому князю, котораго она всячески силилась занять. Не смотря на пріятное впечатлѣніе произведенное на него ея красотой, она начала опасаться съ оскорбительно непріятнымъ въ подобныхъ случаяхъ для женщины разочарованіемъ, что изъ этого пожалуй ничего большаго не выйдетъ. Такъ что когда портьера опять приподнялась и вошелъ Бахмановъ вмѣстѣ съ Рогозинымъ, молодымъ, но уже очень моднымъ художникомъ, котораго въ обществѣ очень любили за его веселость и какую-то особенную симпатичность, — всѣ ужасно обрадовались и встрѣтили ихъ веселыми восклицаніями.

Увидѣвъ Бахманова, Юлія Андреевна вздрогнула и поблѣднѣла; сердце ея забилося такъ сильно, что на мнovenіе ей даже показалось, что она страстно любитъ этого человѣка, который одинъ умѣлъ не покоряться ей и мучить, задѣвая ея гордость и самолюбіе; но она тотчасъ пересилила себя и холодно, почти небрежно кивнувъ ему, весело обратилась къ Рогозину:

— А! сказала она, чему-то нервно смѣясь, — это очень мило, что вы пріѣхали, а я уже думала не сбѣжали-ли вы опять куда-нибудь въ Италію или Сибирь! вѣдь вы любите внезапно исчезать.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ весело, цѣлуя ея руку, съ которой, зная красоту ея, она сняла перчатку. — Я просто заперся въ своей мастерской и работалъ. На меня напала какая-то горячка работы...

И онъ радостно обвелъ всѣхъ веселыми, добрыми глазами, въ которыхъ дѣйствительно сверкалъ особенный лихорадочный огонекъ, присущій вообще художникамъ, писателямъ и музыкантамъ, когда на нихъ вдругъ нападаютъ порывы вдохновенія, продолжающіеся иногда по цѣлымъ недѣлямъ.

Бываютъ люди, сами по себѣ не очень остроумные, не очень даже веселые, но почему-то всѣмъ невольно симпатичные, на которыхъ пріятно глядѣть

съ доброю улыбкой, пріятно слушать ихъ и быть вмѣстѣ съ ними, хотя они не говорятъ и не дѣлаютъ для этого ничего особенно умнаго или забавнаго. Подобные люди всегда однимъ своимъ появленіемъ, невольно, совсѣмъ помимо своего старанія, оживляютъ все общество, вызывая во всѣхъ какое-то особенное настроеніе непринужденной веселости и добродушныхъ шутокъ, смѣха и даже дурачества.

Рогозинъ принадлежалъ именно къ такимъ лицамъ. Всѣ его любили, всѣ ему радовались и всѣмъ стало въ немъ необыкновенно легко и пріятно. У Таненбаумовъ онъ бывалъ не особенно часто, но съ Юліей Андреевной они были большіе друзья, и онъ былъ почти единственный человѣкъ къ которому она относилась съ полной искренностью, хотя онъ никогда не ухаживалъ за ней и не разъ даже, съ добродушіемъ добраго малаго, открывалъ ей разныя ея дурныя стороны. Въ ихъ кружкѣ его почти всѣ знали и встрѣтили какъ стараго друга; у него вообще было множество знакомыхъ и, къ общему удовольствію, даже со старикомъ-княземъ, лицо котораго при входѣ Рогозина вдругъ просвѣтлѣло и даже потеряло отчасти свое строго-официальное выраженіе, они оказались хорошими знакомыми; Рогозинъ, не то благодаря своей вольной профессіи не ставившей его ни отъ кого въ зависимость, не то по природному добродушію, нисколько не стѣснялся держа себя съ княземъ такъ-же просто какъ и со всѣми другими.

— Но, Боже мой! воскликнулъ онъ, вдругъ остановившись въ изумленіи предъ Юліей Андреевной. — Да какая-же вы сегодня прелесть! Просто восторгъ и ослѣпленіе!

И съ безцеремонностью художника, который восхищается не столько самою женщиной, какъ типомъ интересной для него красоты, онъ слегка поправилъ складки ея длиннаго шлейфа, падавшаго на тигровую шкуру у ногъ ея, и разсматривалъ ее тѣмъ пристальнымъ, любующимся взглядомъ, которымъ бывало смотрѣлъ и на прекрасную картину, и на поразившую его своей типичностью голову старика-нищаго, и на классическую статую, словомъ — на всѣ тѣ предметы которые будили въ немъ струнки художника.

Чувствуя что вмѣстѣ съ нимъ ею невольно любуются и всѣ остальные, Юлія Андреевна съ покорной граціей позволила ему восхищаться собой.

— Вотъ такъ васъ слѣдуетъ написать! воскликнулъ онъ съ загорѣвшимися уже глазами. — И даже знаете что: не только въ этомъ самомъ костюмѣ, но даже и съ этимъ тигромъ у ногъ, съ этимъ индійскимъ опахаломъ въ рукахъ и въ этой самой, восточной комнатѣ! Все это чрезвычайно идетъ къ типу вашей красоты и придаетъ вамъ самой что-то восточное... И съ присущею художникамъ живостью воображенія, онъ мысленно уже видѣлъ какъ напишетъ ее въ этомъ зеленомъ бархатѣ, съ этимъ жемчугомъ на шеѣ и въ волосахъ, съ этой затаенной страстностью и какой-то коварной нѣгой искрившейся въ ея глазахъ и дрожавшей въ уголкахъ рта.

Она смѣялась, искоса взглядывая на князя, на насмѣшливо улыбавагося Бахманова, и душу ея охватывалъ тотъ радостный, счастливый восторгъ, который свойственъ только женщинамъ въ тѣ минуты, когда она сознаетъ себя прекрасною, интересною, чарующею и чувствуетъ на себѣ любующіеся взгляды мужчинъ.

Она велѣла подать сюда шампанское и фрукты, и они сидѣли тутъ отдѣленные отъ всѣхъ и никѣмъ не беспокоимые, весело болтая и смѣясь. Изъ залы къ нимъ доносились звуки музыки, и самая эта комната, вся мягкая, закрытая и по стѣнамъ и по полу пушистыми восточными коврами, изолированная отъ всѣхъ прочихъ комнатъ, со спущенными на дверяхъ персидскими шалами вмѣсто портьера и обливаемая пріятнымъ

молочнымъ свѣтомъ восточныхъ лампъ, казалось, располагала къ нѣгѣ и истомѣ. По угламъ слегка дымились курильницы съ благовонными травами, и ароматъ ихъ смѣшивался съ сильнымъ и пріяннымъ запахомъ какихъ-то пунцовыхъ оранжерейныхъ цвѣтовъ въ серебряныхъ вазахъ.

Баль былъ въ полномъ разгарѣ и отсутствіе хозяйки почти не замѣчалось танцующими гостями, а если и замѣчалось, то она мало объ этомъ беспокоилась; выбравъ всѣхъ кто ей нравился, она съ эгоизмомъ женщины предоставляла всѣмъ другимъ забавляться какъ они сами того желали.

— Знаете! воскликнулъ Рогозинъ. — Вы теперь похожи на какую-то восточную царицу! Право, въ васъ какая-то странная смѣсь Востока и Парижа. Ахъ, какую великолѣпную Клеопатру или Зеновию можно-бы написать съ васъ!

И онъ вдругъ началъ ее упрашивать чтобъ она позволила ему писать съ ней, и эта мысль заранѣе вдохновляла его, онъ уже видѣлъ Юлію Андреевну перенесенною на полотно въ образѣ Клеопатры и горячка творчества такъ охватывала его, что онъ мечталъ теперь только объ одномъ—начать скорѣй, какъ можно скорѣй.

— Вѣдь если поусиленнѣе работать, такъ можно еще къ выставкѣ успѣть. Ахъ господи, вотъ вы увидите какъ это выйdetъ! восклицалъ онъ съ разгорѣвшимся лицомъ, и не отвоя отъ Юліи Андреевны своего лихорадочнаго взгляда, старался уловить въ ея лицѣ то выраженіе которое ему хотѣлось придать ей на своей будущей картинѣ. Его художественный восторгъ невольно заражалъ и другихъ; силой своего воображенія онъ увлекалъ ихъ, заставляя и ихъ видѣть въ ней то, что желалъ видѣть самъ; но его восторгъ—восторгъ художника, отражаясь на другихъ мужчинахъ, переходилъ въ простое чувственное увлеченіе, и невольно воображая ее вмѣстѣ съ Рогозинымъ, въ разныхъ позахъ и костюмахъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ написать ее на своей картинѣ, они разгорались все больше, и болтая съ ней о разныхъ пустякахъ, не спускали съ нея страстныхъ глазъ.

Старый князь былъ горячимъ поклонникомъ женской красоты и такой рѣдкій экземпляръ ея, какой онъ видѣлъ въ лицѣ Юліи Андреевны, невольно очаровывалъ и интересовалъ его, какъ тонкаго цѣнителя и знатока. Къ тому-же, она кокетничала съ нимъ такъ очевидно, что это не могло не льстить его самолюбію. Его официальная натянутость исчезала, и, подъ влияніемъ ея чарующихъ взглядовъ, онъ постепенно сталъ обращаться изъ холоднаго и строго официального сановника, почтившаго своимъ присутствіемъ домъ, на хозяевъ котораго онъ глядѣлъ съ высоты своего положенія,—въ нѣжнаго поклонника хорошенькой женщины, предъ которой готовъ былъ и преклоняться, и ухаживать, лишь-бы добиться ея особеннаго вниманія. Онъ еще продолжалъ нѣсколько сдерживаться, стараясь до конца выдержать свою высокопоставленную роль и заморозить возникшую въ немъ страсть сознаниемъ собственнаго достоинства и уваженіемъ къ своему сану, но Юлія Андреевна уже завладѣла имъ и не желала выпускать его изъ своихъ сѣтей, придумывая для него самые обворожительные улыбки, позы и взгляды, и онъ поневолѣ сдавался ей все больше и больше. Къ тому-же, общій восторгъ и увлеченіе, которыми Рогозинъ всѣхъ заразилъ—захватывали и его, а шампанское и острый запахъ красныхъ цвѣтовъ слегка кружили ему голову.

Но въ душѣ онъ все-таки подумывалъ, что ему пора бы уже ѣхать; онъ даже опять вынулъ часы и посмотрѣлъ на нихъ больше для очищенія совѣсти, такъ какъ сознавалъ что ѣхать теперь ему совсѣмъ не хочется... Юлія Андреевна, замѣтившая это, вдругъ быстро обернулась къ нему.

— Нѣтъ, сказала она шутливымъ тономъ но съ повелительнымъ блескомъ въ глазахъ, — я не отпущу васъ такъ скоро. Развѣ для этого получаса ждала я васъ такъ долго? прибавила она быстрымъ, нѣжнымъ шепотомъ, подъ говоръ и смѣхъ другихъ голосовъ.— Нѣтъ, я этого не хочу! Неправда-ли, вы не уѣдете?

Она слегка дотронулась своей рукою до его руки и въ нѣжномъ шепотѣ ея было столько повелительнаго, а глаза такъ загадочно манили къ себѣ, что старый князь, котораго обожгло прикосновеніе ея горячей ручки, вдругъ потерялъ и послѣднее желаніе ѣхать на скучный официальный балъ вмѣсто того чтобы сидѣть въ этомъ мягкомъ ароматичномъ уголкѣ и любоваться чарующими взглядами этой прелестной женщины, и онъ покорно преклонилъ предъ ней свою сѣдую, но еще красивую голову.

— Я могу остаться еще на часокъ, отвѣчалъ онъ ей почему-то такимъ-же шепотомъ, и хотя безсознательно уже рѣшилъ не ѣхать совсѣмъ, но не хотѣлъ еще сознаться въ этомъ вслухъ не только ей, но даже и себѣ.

Она загадочно усмѣхнулась и вдругъ вспомнила, что они еще не чокались.

— Мы должны чокнуться! тихо воскликнула она.— Я буду пить, заговорила она такъ тихо, что ея слова могъ слышать только князь да Бахмановъ, молча съ угрюмымъ лицомъ сидѣвшій подлѣ нея,—за то, чтобы наше знакомство не оборвалось безслѣдно и за то, чтобы... оно не было такъ холодно какъ это шампанское!.. И запрокинувъ голову, она медленными глотками выпила до дна свой искрящійся бокаль, смотря на князя полуоткрытыми глазами, слабо мерцавшими изъ-подъ матовыхъ длинныхъ рѣсницъ.

„Въ ней есть что-то царственное и сатанинское! Вотъ именно сатанинское“, подумалъ князь съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ,—„это кака-то чародѣйка, но какъ она прелестна, какъ прелестна!“ И съ почтительнымъ поклономъ, онъ чокнулся съ ней и выпилъ все до послѣдней капли.

— Теперь, сказалъ онъ шутя но блѣднѣя,—это шампанское уже никогда не замерзнетъ!

Она засмѣялась и попросила его очистить себѣ дюшесъ.

Шуровцынъ, увидѣвшій это, вдругъ страшно огорчился и обидѣлся. Это всегда было его правомъ—и онъ кидалъ обиженные взгляды на Юлію Андреевну и недовольные на князя, отбившаго у него эту привилегію и чистившаго сочную грушу съ сосредоточенно важнымъ выраженіемъ, присущимъ вообще его лицу.

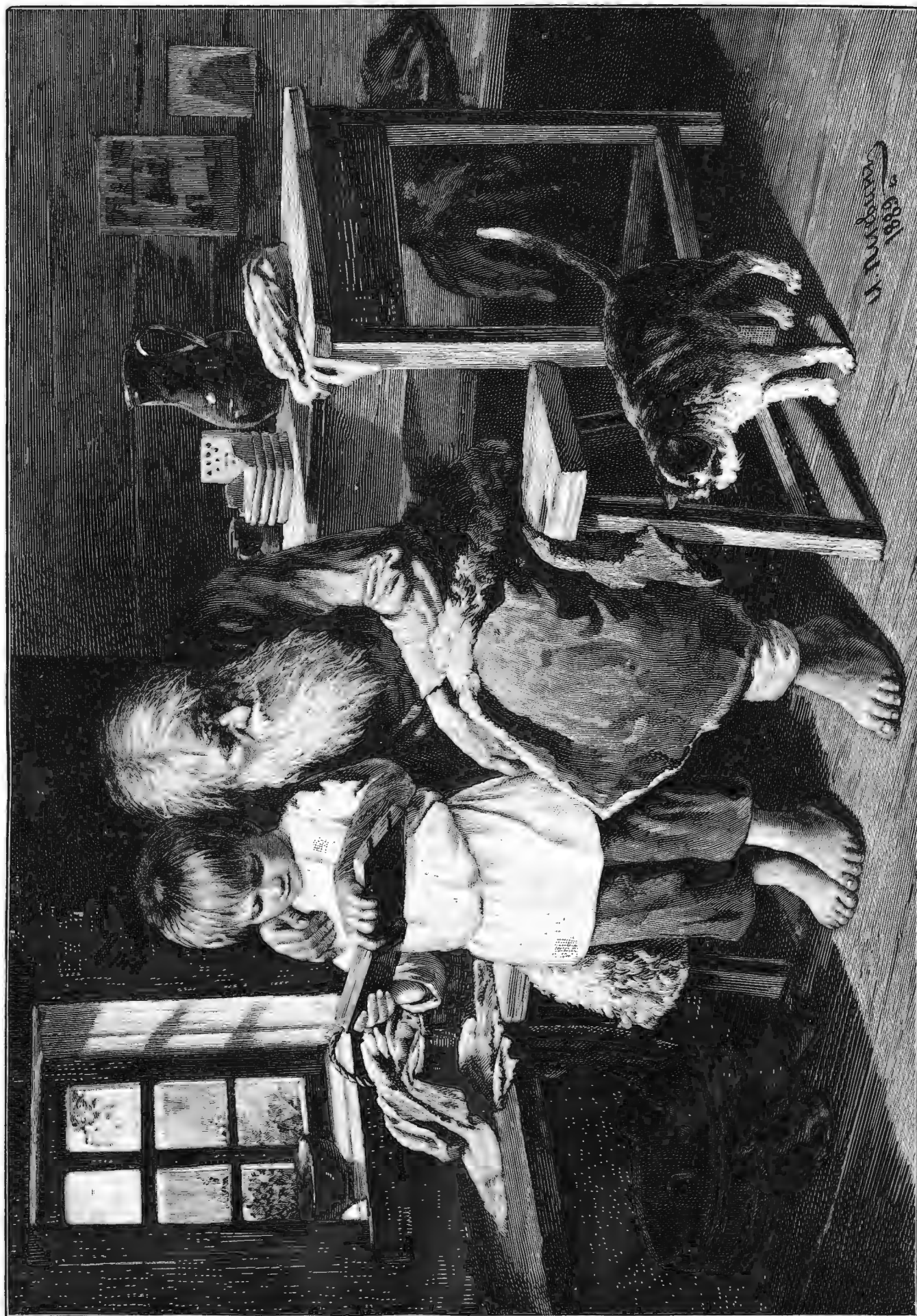
— Господи! воскликнулъ вдругъ баронъ Ферингъ, которому Рогозинъ въ пылу увлеченія подробно рассказывалъ, какой костюмъ нужно будетъ надѣть Юлію Андреевнѣ для его Клеопатры.—Вообразимъ, что мы не въ Петербургѣ и не у милой Юліи Андреевны Таненбаумъ, а гдѣ нибудь въ Кашмирѣ, въ какомъ-то заколдованномъ дворцѣ, у ногъ какой-то прекрасной индійской царицы, и пьемъ не шампанское, а восточный нектаръ!

— Да у васъ, баронъ, богатое воображеніе, засмѣялся полковникъ Шилингъ.—Я самъ никогда-бы не былъ въ состояніи придумать ничего подобнаго—но разъ что баронъ придумалъ это за всѣхъ насъ, я очень радъ позаимствовать у него! — И ставъ въ театральную позу, онъ заговорилъ, стараясь придать и голосу, и жестамъ своимъ восточную, красивую плавность.—Привѣтствую тебя, прекрасная царица, звѣзда всего Востока! Повели—и вѣрный рабъ твой умретъ за тебя!

Юлія Андреевна смѣялась и всѣмъ очень понравилась неожиданная выходка полковника. Рогозинъ нашелъ въ немъ даже что-то типичное и подходящее къ взятой на себя роли, а Шуровцынъ, пришедшій совсѣмъ въ восторгъ отъ выдумки барона, скинулъ съ одной изъ отоманокъ шитую шелкомъ подушку на полъ и усѣлся на ней, сложивъ ноги по турецки.

XVII передвижная выставка. Письмо съ родины.
Картина А. О. Пастернака (право гравирования приобретено „Нивой“), грав. Шюблеръ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. „Глуховать“.
Картина и. А. Пелвина (право гравированія приобретено „Нивой“), грав. Флюгель.

— Отчего-же и не дать иногда воли воображенію! задумчиво сказала Юлія Андреевна, смотря куда-то въ даль печальными глазами. — Дѣйствительность такъ скучна... Да къ тому-же сегодня мой послѣдній день. Я хочу чтобы онъ прошелъ весело, давайте дурачиться, пить, смѣяться! Справьте мнѣ, господа, веселую тризну.

Но ея слова вызвали общій ропотъ и негодованіе. Зачѣмъ она говоритъ такія страшныя вещи! Зачѣмъ портитъ всеобщее веселое расположеніе духа!

Но она тихо и грустно качала головой.

— Вы этого не понимаете, господа, говорила она съ грустной улыбкой. — Ну да, сегодня моя тризна, мой послѣдній день, и мнѣ пора уже сказать себѣ: довольно! ты пожила и теперь начинай спокойно стариться! Право, это совсѣмъ не страшно и не грустно. Такъ только непривычно сначала немножко! А потомъ ничего, привыкнешь... Стариться когда сознаешь, что твоя молодость воскресаетъ и повторяется вновь въ твоёмъ ребенкѣ—это не страшно и не горько, это даже приятно. Только вы, господа, этого не поймете; чтобы понять это—нужно быть матерью! воскликнула она съ прелестной, кроткой улыбкой.

— Но позвольте, вскричалъ старый князь, которому было неприятно что такая прелестная женщина говорить о старости, вообще неприятной ему,—вы тоже не можете понимать подобнаго чувства: для этого, вы сами говорите, нужно начать стариться.

— Я и начала, сказала она съ легкимъ но покорнымъ вздохомъ и, поднявъ свои прекрасныя глаза, медленно обвела ими своихъ собесѣдниковъ.

Всѣ засмѣялись вокругъ нея такъ весело и искренно, какъ будто-бы это сказала не сорокалѣтняя женщина, а семнадцатилѣтняя дѣвушка, въ устахъ которой это всегда выходитъ забавно и смѣшно.

— Напрасно вы смѣетесь, сказала она, грустно качая головой.—Когда у женщины такая большая дочь, какъ у меня, она не можетъ болѣе считаться ни молодою, ни красивою, и она должна умѣть это понять, иначе она будетъ смѣшна; вы-же первые, господа, замѣтите это и начнете смѣяться надъ ней.

Но всѣ горячо и даже обиженно стали протестовать противъ нея.

— Это бываетъ совсѣмъ въ другихъ случаяхъ, воскликнулъ баронъ Ферингъ, — если женщина стара и дурна—это дѣйствительно смѣшно, но разъ что она еще совсѣмъ молода и прелестна—эта добровольная, преждевременная старость ея—положительное преступленіе предъ всѣмъ обществомъ.

— О! Юлія Андреевна насмѣшливо расхохоталась.— Общество чрезъ мѣсяцъ забудетъ меня, какъ и вообще умѣетъ забывать всѣхъ и все что сошло съ арены, и никакого лишенія отъ этого не почувствуетъ. На мое мѣсто явится много другихъ, болѣе молодыхъ и красивыхъ, и одна изъ нихъ будетъ моя-же собственная дочь; значитъ, уступить ей свое мѣсто—мнѣ не будетъ ни обидно, ни неприятно!

— Но зачѣмъ-же, зачѣмъ-же уступать! воскликнулъ старый князь и, обернувшись къ маленькому столику стоявшему подлѣ нея, онъ быстро вынулъ изъ серебряной вазы прелестную пунцовую розу, сидѣвшую въ самой серединѣ букета.

— Взгляните, сказалъ онъ, указывая на ея пустое мѣсто, — какъ испортился отъ этого букетъ. Въ немъ образовалась некрасивая пустота на самомъ видномъ мѣстѣ, которое совершенно справедливо занимала въ немъ эта чудная роза; маленький бутончикъ посаженный на ея мѣсто не наполнитъ этой пустоты. То же самое будетъ и съ нашимъ бѣднымъ обществомъ если вы вдругъ его покинете, сказалъ онъ, совершенно забывая, что общества ихъ въ сущности различныя и что „его“ обществу нѣтъ до нея, говоря правду, никакого дѣла.

Но рыцарская любезность его находчивости всѣмъ ужасно понравилась, князь положительно дѣлался въ этомъ кружкѣ все болѣе и болѣе своимъ: его уже не дичились, но и не благоговѣли предъ нимъ. Напротивъ, съ нимъ уже и говорили, и смѣялись какъ съ равнымъ. Шампанское, которое они всѣ вмѣстѣ пили, и ухаживаніе его за Юліей Андреевной какъ-бы свело его въ ихъ глазахъ съ той недосыгаемой высоты, на которой онъ казался имъ часъ тому назадъ.

Старый князь все это внутренно сознавалъ, и все это было ему очень неприятно, но улыбки Юліи Андреевны,—которыя, какъ ему казалось, были обращены исключительно на него, — были очень приятны, а потому онъ старался заглушать въ себѣ докучливое сознаніе, мѣшавшее ему наслаждаться.

Бахмановъ сидѣлъ подлѣ него почти все время молча и среди всеобщей веселости одинъ былъ угрюмъ и недоволенъ. Если-бы Юлія Андреевна проиграла-бы сегодня свою игру — онъ отошелъ-бы отъ нея, бросивъ всѣ свои ухаживанія за ней безъ всякаго труда и сожалѣнія, убѣдивъ себя, что она давно уже перестала ему нравиться, а пожалуй даже и не нравилась никогда. Но дѣло вышло иначе: въ ухаживаніи за ней не только не оказывалось ничего пошлаго или смѣшнаго, напротивъ, въ немъ открылся тотъ особенный букетъ, ради котораго нѣкоторые молодые люди ухаживаютъ и дѣлаютъ глупости изъ-за модной актрисы или танцовщицы, въ сущности нисколько имъ даже не нравящейся, но которая сводитъ съ ума весь Петербургъ, а слѣдовательно и они тоже должны представляться сведенными съ ума.

Увлечшійся сановникъ, Рогозинъ мечтавшій написать Юлію Андреевну въ видѣ Клеопатры, эти лучшіе кавалеры бала не танцующіе—хотя и раздражали Бахманова, но въ то же время вліяли своимъ увлеченіемъ и на него самого.

Онъ сидѣлъ угрюмо, злясь и ревнуя ее ко всѣмъ этимъ господамъ, кокетство ея съ которыми и ухаживаніе которыхъ за нею было, по его мнѣнію, положительно неприлично. Но если бы ея кокетство и ихъ ухаживаніе было меньше, то и собственная его ревность, а вслѣдствіе ревности и новый приливъ увлеченія его были бы тоже гораздо меньше; онъ даже какъ-то безсознательно сознавалъ это. Намъ всегда бываетъ приятно чувствовать, что та актриса, которой всѣ рукоплещутъ, или та женщина, которая всѣхъ интересуется и увлекаетъ—принадлежитъ исключительно намъ и любить только насъ—это невольно обостряетъ чувство къ ней. Бахмановъ зналъ, что въ Юліи Андреевнѣ было гораздо больше тщеславія чѣмъ любви; къ тому же, она была горда, злопамятна и рѣдко прощала обиды, а потому теперь могла воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы отомстить ему за всѣ его насмѣшки и пренебрежительное поведеніе въ послѣднюю недѣлю и смѣнить презрѣнаго, уже наскучившаго ей поклонника новымъ, гораздо болѣе значительнымъ и блестящимъ. Когда старый князь начнетъ всюду являться за шлейфомъ Юліи Андреевны съ ея накидкой и букетомъ въ рукахъ (а зная Юлію Андреевну, Бахмановъ былъ увѣренъ, что изъ одного тщеславія и желанія похвалиться своимъ важнымъ поклонникомъ, она непременно заставитъ его все это продѣлывать), то всѣ поймутъ, что Бахмановъ смѣненъ—и смѣненъ не по своей волѣ и желанію, а просто потому, что онъ надобѣлъ и его прогнали. Этого съ нимъ еще никогда не случалось, и онъ считалъ это почти позоромъ; обыкновенно — „онъ“ охладѣвалъ и бросалъ, а теперь... Стыдъ, гнѣвъ и ревность заставили его блѣднѣть и поднимали въ немъ всю желчь.

Чѣмъ меньше Юлія Андреевна, совсѣмъ повидимому забывшая объ его существованіи, поглощенная всецѣло своимъ сановникомъ, обращала на него вниманія,—тѣмъ сильнѣе онъ волновался, ревновалъ и желалъ во что бы

то ни стало вернуть все то вниманіе, которымъ она дарила его за эти полгода.

Такъ какъ Ninon и нѣсколько другихъ лицъ открыли ихъ уютный уголокъ, то Юлія Андреевна поневолѣ покинула его и вышла въ другія комнаты, любезно разговаривая и занимая своихъ гостей, предъ которыми чувствовала себя нѣсколько виноватою въ невнимательности. Но вѣрная свита ея, въ конецъ уже очарованная ею, не покидала ея, медленно двигаясь всюду за ея длиннымъ треномъ, и только одинъ князь, котораго она не отпускала отъ себя, видимо хвастаясь имъ, шель рядомъ съ ней, своею осанистою, красивою походкой, съ пунцовой розой въ петличкѣ, которую она сама приколотила ему въ награду за его милое сравненіе и на память объ сегодняшнемъ днѣ, какъ она сказала ему, съ многозначительнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Съ другой стороны, она взяла подъ-руку Софи, съ нѣжной лаской опираясь на ея руку—не то кокетничая этимъ предъ другими, не то искренно желая хотя лаской загладить предъ ней свою вину.

Любовь, нѣжная и глубокая, не была въ натурѣ Бахманова, точно такъ же, какъ не была и въ натурѣ Юліи Андреевны; но онъ могъ страстно увлекаться, или вѣрнѣе, заставлять себя страстно увлекаться, и теперь, боясь что навсегда теряетъ ее, искренно мучился и волновался. При взглядѣ на ея красивый тонкій профиль и всю ея фигуру, стройную и какъ бы созданную для однихъ наслажденій — ему начинало казаться, что онъ страстно и безумно любитъ ее и готовъ натворить изъ-за нея сотню глупостей, лишь бы никому не уступить ее; то вдругъ онъ почти ненавидѣлъ ее съ какою-то острой и злобной болью.

Онъ то пробовалъ ухаживать за Ninon, думая пробудить этимъ ея ревность, то хотѣлъ ухажать совсѣмъ съ этого бала. Она ухаживать онъ не могъ, и злясь на Юлію Андреевну, и на себя, и на сановника, и на всѣхъ этихъ поклонниковъ курившихъ ей оміамъ и портившихъ ее тѣмъ, сознавалъ, что ухаживать онъ не въ силахъ и останется до самаго конца; ухаживаніе за Ninon, казавшейся ему глупою и пошлою, надоѣло ему чрезъ пять минутъ, тѣмъ болѣе что не производило никакого дѣйствія на Юлію Андреевну, изрѣдка только окидывавшую его насмѣшливыми взглядами.

Но когда Рогозинъ сказалъ Юліи Андреевнѣ, что для полной красоты и гармоніи ея прекраснаго туалета ей недостаетъ только живыхъ желтыхъ розъ на груди, которыя бы чрезвычайно пошли къ темному бархату ея платья и жемчугу на шеѣ, и она стала жалѣть, что не подумала и не позаботилась объ этомъ раньше, а теперь уже нигдѣ нельзя ихъ достать, Бахмановъ вдругъ, почти неожиданно для самого себя, рѣшилъ, что поѣдетъ и доставитъ ей эти розы.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Было безъ четверти два, конечно все уже давно было заперто, но въ оранжереяхъ, на Каменноостровскомъ, гдѣ онъ всегда покупалъ цвѣты, можно было достучаться и поднять садовника.

Положимъ, это будетъ глупость, и даже большая глупость, ѣхать теперь на Каменно-островскій, стучать, будить народъ, изъ-за какихъ-нибудь десяти розъ, платить за нихъ, благодаря необычному часу, бѣшенныя деньги... Но на Бахманова находило временами какое-то страстное желаніе дѣлать подобныя безумныя и эксцентричныя глупости, о которыхъ потомъ еще долго всѣ говорили.

И не сказавъ никому ни слова, онъ быстро сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, наскоро накинулъ шинель, и сѣвъ въ свои сани, крикнулъ съ какимъ-то мальчишескимъ задоромъ удивленному кучеру: „на Каменно-островскій“.

XVII.

Когда торжествующая Юлія Андреевна замѣтила

вдругъ исчезновеніе Бахманова, это очень встревожило ее.

Весь вечеръ онъ былъ очень нелюбезенъ съ ней, и хотя ходилъ за нею вмѣстѣ съ другими, но тѣмъ не менѣе съ такимъ насмѣшливымъ, скептическимъ видомъ, какъ будто не довѣрялъ ни ея успѣху, ни ея очарованію, и посмѣивался въ душѣ и надъ ней, и надъ ея поклонниками. И въ довершеніе всего ухаживать даже не простяся! Быть можетъ онъ злится и ревнуетъ? Это было бы очень пріятно Юліи Андреевнѣ; женщины всегда любятъ, когда люди правящіеся имъ ревнуютъ ихъ,—почти каждая женщина видитъ въ этомъ доказательство любви. Но Юлія Андреевна боялась, не просто ли онъ совсѣмъ охладѣлъ къ ней.

Если Бахманову хотѣлось властвовать надъ Юліей Андреевной, то и она желала власти надъ нимъ. Любить она не умѣла, но онъ правился ей болѣе всѣхъ другихъ. А потому, хотя она и сознавала, что сьумѣла затмить появленіе своей дочери, придавъ ему ничтожный, ничѣмъ не вредящій ей характеръ,—торжество ея казалось ей все-таки не полнымъ, если ей опять не удастся увлечь и покорить Бахманова. Чѣмъ больше ухаживали за ней другіе, тѣмъ больше хотѣлось ей и его заставить ухаживать за собой; но онъ какъ будто не поддавался ея чарамъ, и волнуясь въ душѣ, она кокетничала со всѣми, кокетничая въ сущности съ нимъ однимъ. Но убѣдясь, что онъ ухаживать, она вдругъ смутилась и разсердилась, ей стало скучно, досадно—и всѣ ея поклонники сдѣлались ей почему-то неприятны и противны; было даже мгновеніе, когда она вдругъ почувствовала себя уставшею, недовольною и недостигшею ничего, только потому, что не достигла новой побѣды надъ Бахмановымъ.

Но она пересилила себя, и возбуждая самоѣ-себя тою легкостью побѣдъ, которыя ей сегодня особенно удавались, стала кокетничать, точно на зло Бахманову и себѣ, еще больше, съ какимъ-то нервнымъ оживленіемъ.

Между тѣмъ у Софи разболѣлась голова и она чувствовала себя очень дурно. M-elle Mignard, замѣтившая ея блѣдность и узнавшая, что ей нехорошо, поспѣшила съ таинственнымъ видомъ сообщить Юліи Андреевнѣ, что Софи нужно отдохнуть и освѣжиться, иначе ей сдѣлается дурно.

Юлія Андреевна встревожилась, она терпѣть не могла подобныхъ сценъ на вечерахъ, считая ихъ крайне неприличными и смѣшными, и вмѣстѣ съ M-elle Mignard увела Софи въ свой китайскій будуаръ.

— Ничего, говорила она успокаивающимъ, но слегка недовольнымъ тономъ, пока M-elle Mignard суетилась возлѣ Софи, натирая ей виски одеколономъ,—это пройдетъ, просто съ непривычки. Разстегнись немножко.

Софи сидѣла блѣдная, утомленная и дорѣгой, и баломъ, и танцами, и массой необычныхъ для нея впечатлѣній, ей было очень совѣстно и оттого что ей сдѣлалось дурно, и оттого что мать съ нахмуреннымъ лицомъ хлопочетъ подлѣ нея вмѣстѣ съ M-elle Mignard.

— Мaman, пожалуйста не беспокойтесь, говорила она сконфуженно,—теперь мнѣ совсѣмъ уже хорошо, я могу опять выйти въ залу.

— Только не танцуй, мой другъ; сейчасъ начнется мазурка, и тебѣ нужно поберечь къ ней свои силы.

Поправивъ ей волосы и платье, Юлія Андреевна позволила ей выйти вмѣстѣ съ M-elle Mignard, а сама осталась на минуту еще слегка поправить прическу. Но въ ту минуту, какъ она хотѣла уже выйти въ свою очередь, она вдругъ лицомъ къ лицу столкнулась на порогѣ комнаты съ Бахмановымъ.

Она вздрогнула отъ удивленія и неожиданности, и увидѣвъ въ рукахъ его прелестныя желтыя розы, вдругъ разомъ поняла, куда онъ уѣзжалъ и кому привезъ эти розы; глаза ея вспыхнули и заискри-

лись и все лицо покрылось нѣжнымъ розовымъ румянцемъ.

— Откуда вы? спросила она, притворяясь удивленною, но съ радостной улыбкой.

Онъ насмѣшливо, но ласково, какъ будто смѣясь немножко надъ самимъ собою, подалъ ей розы.

— Вотъ, сказалъ онъ,—теперь вашъ туалетъ будетъ вполне законченъ.

Она, все еще сдерживаясь, почти съ недоверіемъ, глядѣла на него, какъ будто даже не вѣря въ возможность подобной любезности съ его стороны; но всмотрѣвшись въ его лицо и глаза, сверкашіе теперь восторгомъ и страстью, она невольно повѣрила и тихо засмѣялась.

— Но гдѣ вы ихъ достали? спросила она, вдыхая тонкій аромат благоухавшихъ розъ, напоминавшихъ цвѣтъ и запахъ персика.—Теперь все заперто! Какъ вы ухитрились?

— Ну, это не трудно, стѣить только захотѣть!

— И вы захотѣли? спросила она съ нѣжнымъ отѣнкомъ растягивая слова, и все лицо ея озарилось какимъ-то мягкимъ, ласковымъ свѣтомъ.

Онъ молча, съ выраженіемъ сдерживаемаго чувства, кивнулъ ей головой и вдругъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко, взялъ ея руку, и крѣпко прижалъ ее къ своимъ горячимъ губамъ.

Она молча, съ бессознательной улыбкой смотрѣла на него потухшими, темнѣющими глазами; какое-то странное чувство поднималось въ душѣ ея и медленно но властно обхватывало все ея существо, голова ея кружилась и ей самой хотѣлось припасть къ этой красивой головѣ, такъ страстно цѣловавшей ея руку, хотѣлось какъ будто даже заплакать...

„Отчего ты никогда не любила?..“ звучало гдѣ-то внутри ея. „Люби, люби, вѣдь это счастье... а ты никогда... никогда не знала его... этого счастья...“ Лицо ея блѣднѣло и что-то жуткое, но радостное охватывало всю ея душу...

Но она вдругъ опомнилась.

„Нѣтъ, нѣтъ! подумала она, преодолевая самоё-себя,—если это случится теперь, я все испорчу; онъ влюбленъ, потому что ревнуетъ—и чѣмъ больше онъ будетъ ревновать, чѣмъ холоднѣе я буду съ нимъ—тѣмъ сильнѣе я буду надъ нимъ!“ И она вдругъ захохотала насмѣшливымъ, торжествующимъ хохотомъ.

— А, такъ и вы значитъ умѣете дѣлать глупости, когда захотите? Но онѣ, право, не къ лицу вамъ!

Онъ поднялъ голову и смотрѣлъ на нее еще отуманенными страстью глазами, безъ мысли и безъ сознанія, какъ человѣкъ, котораго грубо оторвали отъ сладкой грѣзы.

— Бахмановъ, сказала она вдругъ, странно зазвенѣвшимъ голосомъ и кладя свои руки на его руки,—скажите мнѣ, что думали вы сегодня утромъ! скажите!

Она близко наклонила къ нему свое прелестное, поблѣднѣвшее отъ волненія лицо съ ярко горящими на немъ темными злыми глазами.—Хотите я вамъ скажу сама? вы думали: „эта женщина стара и надоѣла мнѣ, любить ее смѣшно и дико, а ухаживать за ней пошло и глупо! Къ чему мнѣ возиться съ ней, когда можно найти десятокъ другихъ на ея мѣсто, и моложе, и лучше ея!“ А теперь, Бахмановъ, теперь что вы думаете?

Она еще ближе наклонила къ нему свое лицо и глаза ея засверкали торжествующимъ огнемъ.—Теперь вы готовы умолять меня, чтобы только вернуть прошлое! А чрезъ мѣсяцъ вы будете ползать предо мной на колѣняхъ, вы отдадите быть-можетъ десять лѣтъ жизни за минуту счастья! Но этого никогда уже не будетъ,—слышите, никогда! а если и будетъ, то тѣмъ хуже для васъ, потому что это будетъ вашимъ горемъ, вашимъ униженіемъ, вашимъ стыдомъ, но вы

все-таки будете добиваться этого, потому что даже стыдъ и униженіе изъ-за меня будетъ для васъ счастьемъ! Вы не хотѣли быть господиномъ, теперь будете рабомъ; вы стыдились любить меня, а теперь я васъ измучаю, истерзаю, а вы все-таки побѣдите за мной, потому что я зла, Бахмановъ, потому что я не прощаю обидъ и умѣю мстить за нихъ!

Она съ трудомъ перевела духъ и остановилась. Грудь ея порывисто дышала, но глаза сверкали злобнымъ торжествомъ и наслаженіемъ мести.

Онъ глядѣлъ на нее молча, съ искривившимся отъ бѣшенства и оскорбленія лицомъ. Ея слова мучительно хлестали его по самолюбію. Но чѣмъ больше она говорила, чѣмъ дольше глядѣлъ онъ въ это злое, прелестное лицо ея, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ всю унижительную, беспощадную правду ея словъ. Теперь онъ ненавидѣлъ ее и боготворилъ—онъ готовъ былъ въ бѣшенствѣ ударить ее, и готовъ былъ упасть предъ ней и цѣловать ея ноги.

Когда она кончила и отошла отъ него, злая, торжествующая и гордая своей силой надъ нимъ, онъ дышалъ такъ же тяжело, какъ и она, и лицо его было такъ же блѣдно, какъ и у нея.

Но онъ вдругъ схватилъ ея руку и, самъ не зная что дѣлаетъ, стиснулъ ее.

— Все это ложь, вскрикнулъ онъ задыхающимся шепотомъ—и вы будете не такую, какою *вамъ* вздумается быть, а такую, какою *я* захочу сдѣлать васъ!

— Никогда!

И она гордо подняла голову и презрительно захохотала.

Рука ея, стиснутая какъ клещами въ его небольшой, но сильной рукѣ, вся затекла и посинѣла, но она даже не вскрикнула отъ боли, и только до крови закусила свои губы. Портьера приподнялась и на порогѣ показалась улыбающаяся Ninon.

— Но гдѣ же ты, мой другъ, опять спряталась? спросила она, подозрительно взглядывая на Бахманова,—твои старички тебя вездѣ ищутъ.

Юлія Андреевна оправилась, и еще съ трудомъ дыша, но уже со спокойнымъ лицомъ, улыбулась своей подружкѣ.

— Посмотри, сказала она,—какія прелестныя розы привезъ мнѣ Анатолій Николаевичъ.

— Боже мой, какъ это трогательно! Вы, Бахмановъ, совсѣмъ рыцарь безъ страха и упрека! насмѣшливо проговорила Ninon, иронически поглядывая на Бахманова, на котораго она давно уже дулась за его продолжительное ухаживаніе за Юліей Андреевной и невниманіе къ себѣ.

Юлія Андреевна приколола розы къ своей груди съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ глазахъ, подняла перчатку и вышла вмѣстѣ съ Ninon и Бахмановымъ въ гостиныя, гдѣ ея поклонники начали уже сильно скучать въ ея отсутствіи.

XVIII.

Въ залѣ между тѣмъ шли приготовленія къ мазуркѣ. Лакеи внесли серебряные подносы, заваленные букетами для дамъ и орденами для мужчинъ.

Увидѣвъ входящую Юлію Андреевну, Юринъ кинулся къ ней.

— Юлія Андреевна, воскликнулъ онъ,—ну ради Бога, не отнимайте у меня вдохновенія! Вы должны танцовать! Мазурка—и вдругъ безъ васъ! Развѣ это мыслимо!

Всѣ подхватили его просьбу, не только мужчины, но и дамы упрашивали ее танцовать. Она нерѣшительно, видимо колеблясь, но все еще упорно качала головой.

Старый князь, такъ и не уѣхавшій на другой балъ, умолялъ ее не лишать его удовольствія видѣть ее

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Дѣвочка.
Картина И. Творожникова (право гравированія приобрѣтено „Нивой“), грав. А. Творожниковъ.

танцующею мазурку, которую, как онъ слышалъ, она танцуетъ восхитительно.

Она взглянула на него и въ глазахъ ея загорѣлось вдругъ что-то новое.

— Ну, хорошо, сказала она, смотря на него чарующимъ взглядомъ,—я буду танцовать...

— Неужели! радостно воскликнули многіе, а Юринъ даже подпрыгнулъ отъ восторга.

— Но съ однимъ условіемъ, прибавила она, кокетливо улыбаясь.—Князь, я хочу танцовать съ вами.

Князь какъ-то растерянно вспыхнулъ.

— Со мной? помилуйте, вѣдь я не танцовалъ уже двадцать-три года, сказалъ онъ, какъ бы печально разводя руками.

— Никто не мѣшаетъ начать на двадцать четвертый, воскликнула она смѣясь,—при томъ же, вѣдь это мое единственное условіе.

Князь нѣсколько сконфуженно глядѣлъ на нее, видимо не зная на что рѣшиться. Танцовать, да еще въ домѣ Таненбаумовъ, ему очень не хотѣлось. Онъ занималъ для этого слишкомъ видный и значительный постъ; довольно и того, что онъ согласился пріѣхать къ нимъ и пробылъ у нихъ весь вечеръ. Разсматривая вопросъ съ этой стороны, князь чувствовалъ необходимость уклониться отъ предложенія прелестной хозяйки; съ другой же стороны, отказать въ просьбѣ, да еще въ подобной просьбѣ, хорошенькой женщины, было не въ его правилахъ, и онъ колебался, придумывая, какъ лучше выйти ему изъ неприятнаго положенія. Но всѣ ждали его отвѣта, онъ задерживалъ танцы, а Юлія Андреевна чаровала его своимъ безмолвнымъ взглядомъ.

— Я безмѣрно очастливленъ вашимъ желаніемъ, но боюсь, что буду неудачно выбраннымъ кавалеромъ. Шестидесять лѣтъ на плечахъ что-нибудь да значать въ подобныхъ вещахъ! говорилъ онъ, въ душѣ уже рѣшая покориться своей участи, которая если и шокировала его какъ сановника, то съ другой стороны все же отчасти льстила ему, какъ мужчине, выбранному изъ толпы всѣхъ прочихъ, молодыхъ, блестящихъ и красивыхъ, хорошенькою женщиной и царицей бала.

Глаза Юліи Андреевны блеснули гордымъ торжествомъ, и съ прелестной улыбкой она подала ему свою руку, а онъ поклонился ей съ такимъ глубоко почтительнымъ видомъ, какъ будто однимъ этимъ поклономъ хотѣлъ возвысить ее въ глазахъ всей толпы, которая послѣ этого уже не смѣла бы находить ее недостойною его дамой.

Какъ только узнали, что Юлія Андреевна будетъ танцовать, Юринъ въ восторгѣ кинулся на средину залы и вскрикнулъ „à vos places, messieurs et mesdames“ съ такимъ одушевленіемъ, что всѣ сразу оживились, повеселѣли и почувствовали, что онъ сегодня въ особенномъ ударѣ и что мазурка пройдетъ великолѣпно; а когда вошла Юлія Андреевна подъ руку со своимъ маститымъ кавалеромъ, ведшимъ ее съ рыцарски-благородною почтительностью,—по всей залѣ пробѣжалъ ропотъ изумленія.

Это была такая важная и быстрая побѣда, что невольно поражала всѣхъ точно какое-то чрезвычайное событіе, и дамы, злившіяся на Юлію Андреевну еще съ начала вечера, тихо перешептывались, провожая и ее, и князя насмѣшливыми и завистливыми взглядами и улыбками.

Раздался второй ригурнель. Юринъ всегда начиналъ мазурку польскимъ, и очень гордился этою исключительно своею выдумкой. Какъ дирижеръ танцами, онъ шелъ всегда въ первой парѣ, но теперь онъ считалъ это недовкимъ относительно князя и, подлетѣвъ къ нему, съ любезной почтительностью предложилъ ему помѣняться мѣстами. Князю это не очень понравилось,

онъ чувствовалъ себя какъ бы выставленнымъ еще больше на видъ; но Юлія Андреевна, считавшая повидимому просьбу Юрина, танцовавшаго съ Софи, вполне законною, съ милой улыбкой кивнула ему головой.

И когда прогремѣлъ второй ригурнель, и пары выстроились и двинулись, то хотя лицо князя и казалось нѣсколько смущеннымъ, но онъ такъ высоко держалъ свою сѣдую, благородную голову, шелъ такъ плавно и спокойно, съ выраженіемъ такого глубокаго достоинства и уваженія и къ себѣ, и къ своей дамѣ, эффектная красота которой въ величественномъ плавномъ польскомъ выступала еще ослѣпительнѣе, что они невольно выдѣлялись отъ всѣхъ другихъ и обращали на себя всеобщее вниманіе.

Межѣ ярые игроки бросили на время карты и подошли къ дверямъ залы полюбоваться на танцующихъ. Ѳедоръ Густавовичъ тоже пришелъ. Сегодня ему положительно и не сидѣлось за картами, да и не везло. Онъ игралъ разсѣяннo, дѣлалъ страшныя ошибки, пропускалъ хорошія игры, ставилъ штрафы и всѣ его партнеры сердились, крича на него и прося быть внимательнѣе къ игрѣ. Ѳедоръ Густавовичъ извинялся, сознавалъ свою вину и конфузился, стараясь побѣдить свою разсѣянность; но плечи и глаза жены вставали передъ нимъ и, путая все, мѣшали окончательное сосредоточиться, наполняя его голову совѣсьми другими, неподходящими для картъ мыслями, такъ что, когда его партнеры рѣшили сдѣлать маленькій перерывъ и выйти въ залу, онъ чрезвычайно обрадовался.

Увидѣвъ князя выступавшаго рядомъ съ его женой, блиставшей гордостью и красотой, онъ невольно остановился въ дверяхъ, пораженный и растроганный этою неожиданною картиной.

„О!“ сказалъ онъ себѣ, проникаясь къ женѣ еще большею нѣжностью, „это гениальная женщина! Ей надо было рождаться королевой или министромъ. Такой побѣда! Такой побѣда! Но это цѣлый выигрышъ въ двѣсти тысячъ. О, это дипломатическій побѣда: теперь мой проектъ объ акціяхъ Х. желѣзной дороги будетъ непременно проходить! Я могу быть спокоенъ“.

И онъ съ восхищеніемъ слѣдилъ за ними, проникаясь усиленнымъ уваженіемъ и къ князю, и къ женѣ, и къ себѣ, и къ своему дому, и съ гордымъ самодовольствіемъ, какъ бы желая воскликнуть: „видите-ли, кто танцуетъ съ моей женой и понимаете ли вы теперь, у кого вы!“—поглядывалъ на всѣхъ, стараясь придать лицу своему, невольно расплывавшемуся въ счастливую, благодущную улыбку, сосредоточенно важное, но равнодушное выраженіе, какъ будто онъ давно уже привыкъ къ подобнымъ вещамъ и онѣ были ему совѣсьми не въ диковинку.

Между тѣмъ польскій перешелъ въ мазурку. Князь сдѣлалъ съ своей дамой еще два тура и затѣмъ, подведя ее къ мѣсту и придвинувъ ей стулъ, раскланялся предъ ней съ самымъ глубокимъ почтеніемъ.

Ѳедоръ Густавовичъ, находившій что ему все-таки слѣдуетъ поблагодарить князя за особенную честь, оказанную ему дому, тотчасъ подлетѣлъ къ нему и радостно улыбаясь, что-то говоря и за что-то благодаря, но отъ волненія такимъ ломанымъ русскимъ языкомъ, что его не понималъ не только князь, но даже и онъ самъ, крѣпко жалъ обѣими руками руку сановника. Князь хмуро, съ недовольнымъ лицомъ, сердясь на то, что этотъ глупый нѣмецъ, своими безтактными благодарностями, обращаетъ на него еще большее вниманіе, какъ бы подчеркивая его неосторожный поступокъ,—сухо и холодно бормоталъ ему что-то сквозь зубы въ отвѣтъ, какъ бы нарочно вымещая на немъ ту побѣду, которую одержала надъ нимъ его жена, заставившая его и ухаживать за собой, и даже танцовать, какъ какого-нибудь мальчишку.

А Юлія Андреевна едва успѣла сѣсть, какъ тотчасъ же къ ней послѣдно, точно боясь, что кто нибудь опередитъ его, кинулся Юринъ.

Она съ улыбкой взглянула на него и, слегка пожавъ плечами, подала ему руку.

— Какъ вамъ не скучно танцовать съ такой старухой, сказала она, смѣясь такъ весело и счастливо, что ея лицо казалось еще прелестнѣе и моложе.

Юлія Андреевна танцевала изящно и легко, съ чисто польскимъ пошибомъ, который она унаслѣдовала отъ полячки-бабушки.

Всѣ мужчины, какъ только увидѣли ее танцующей, желали танцовать съ ней во что бы то ни стало; перебывали ее другъ у друга, не давали ей даже отдыхать и караулили ее на ея мѣстѣ цѣлыми десятками. А она, точно желая наградить себя за весь вечеръ, танцевала въ какомъ-то страстномъ упоеніи, вся разгорѣвшаяся, съ полукрѣпыми губами и блестящими, влажными глазами, и благоухающія розы трепетали и вздрагивали на ея открытой, прекрасной груди.

Она чувствовала на себѣ всѣ эти влюбленные, жадные взгляды и сознавала, что она дѣйствительно прелестна, что всѣ любятъ и восхищаются ею, и что никогда быть-можетъ еще за всю свою жизнь она не была такъ обаятельна, прекрасна, какъ сегодня, благодаря тому волненію, въ которомъ пробыла весь день, и тому радостному сознанию своего торжества, своего огромнаго успѣха, которое наполняло ее теперь такимъ счастьемъ. И она никому не отказывала, всѣмъ рсточая чарующія улыбки, которыя невольно, какъ бы еще больше, охьяняли всѣхъ какой-то захватывающей страстью и увлеченіемъ.

Она одна властно царила надъ всѣми—и не только ея дочь, съ восторгомъ любовавшаяся своей красавицей-матерью, но почти всѣ другія женщины были забыты; она смѣялась надъ ними и нарочно дразнила ихъ, увлекая ихъ мужей и отнимая у нихъ поклонниковъ, мстя имъ за тѣ обиды и насмѣшки, которыя выслушала отъ нихъ въ началѣ вечера; а блѣдное, страдающее лицо Бахманова, съ мучительной ревностью угрюмо слѣдившее за ней, наполняло ее какимъ-то жуткимъ но сладкимъ наслажденіемъ.

Она смѣялась и надъ нимъ, и надо всѣми, но всѣ они были ея покорные рабы, по крайней мѣрѣ на сегодня, ловившіе ея взгляды, радовавшіеся ея улыбкамъ; успѣхъ этотъ охьянилъ ее самоѣ и ей съ ненасытнымъ желаніемъ хотѣлось все большаго и большаго.

Въ той фигурѣ гдѣ она должна была бросить свой

платокъ, она вдругъ порывистымъ движеніемъ сорвала съ груди своей Бахмановскія розы и высоко подбросила ихъ вверхъ...

Розы разлетѣлись и кружились въ воздухѣ упавая внизъ, но сотни рукъ уже бросились ловить ихъ, всѣ суетились, всѣ толкали другъ друга, съ какимъ-то бѣшенствомъ, чтобы только поймать и перехватить у другаго ея розу, и даже старикъ-князь, совѣмъ уже было рѣшившійся не танцовать больше, но на котораго она кинула короткій жгучій взглядъ, вдругъ рванулся въ средину толпы и, ловко перехвативъ у кого-то ея цвѣтокъ, высоко поднялъ его, счастливый тѣмъ, что ему удалось добыть этотъ трофей...

А она стояла посреди ихъ, властная, торжествующая, улыбающаяся, и глядѣла на Бахманова, поблѣднѣвшаго отъ гнѣва, оскорбленія и муки, злыми наслаждающимися глазами. Но одна роза, случайно или нарочно, осталась на ея груди, и она крѣпко прижала ее къ себѣ своей горячею рукой...

Баль кончился, огни потушили и всѣ разѣхались уже на зарѣ.

Юлія Андреевна вошла въ свою комнату и молча позволила камеристкѣ раздѣвать себя. Но когда Анна ушла и она осталась одна, предъ своимъ туалетомъ, въ глубокомъ, мягкомъ креслѣ, темные, усталые глаза ея, смотрѣвшіе въ зеркало на блѣдное лицо, засіяли вдругъ гордымъ счастьемъ.

Слабый свѣтъ зари уже пробивался въ окна и свѣчи тускло мерцали, отражаясь въ зеркалѣ желтовато-красными огоньками; но она не замѣчала разсвѣта, вся еще полная впечатлѣніями проскользнувшей какъ чудный сонъ, этой ночи. Желтая роза, слегка уже поблекшая, лежала подлѣ нея и она съ задумчивой улыбкой смотрѣла на нее.

„Я спрячу ее“, подумала она съ нѣжною лаской прикасаясь къ ней, любя въ ней не только свой успѣхъ, но даже какъ будто и того, кто ей привезъ эту розу, „спрячу на память объ этомъ днѣ... Осеннія розы... быть можетъ это послѣдніе мои цвѣты“.

— Нѣтъ, воскликнула она вдругъ съ гордо загорѣвшимися глазами.—Нѣтъ, они не послѣдніе! Это было мое торжество! Мой лучший день за всю жизнь! И теперь я опять сильна и уже надолго, а мнѣ... Боже мой! Вѣдь мнѣ уже скоро сорокъ лѣтъ! Вотъ чтѣ значить быть умной женщиной!

Лицо ея сіяло счастьемъ и сознаниемъ своего торжества и успѣха, которые она такъ любила и безъ которыхъ не понимала жизни...

к о н е ц ъ .

Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина.

Разсказъ В. П. Желиховской.

(Продолженіе).

V.

Изъ числа многихъ доброкачественныхъ свойствъ, которыми природа одарила Порфирія Перепелкина, благодарность и воспоминаніе о людяхъ чѣмъ либо его обязавшихъ—не были исключены. Онъ и два года тому назадъ, едва оправившись отъ болѣзни, навѣщалъ студента Рындина, но не засталъ его; а когда вторично собрался побывать у него весной, оказалось что тотъ съѣхалъ неизвестно куда.

Теперь Перепелкину часто вспадала мысль о немъ: гдѣ онъ и что?.. не нуждается-ль?.. Нельзя-ли помочь ему?

Онъ разыскивалъ усердно, но не могъ напасть на слѣдъ. Въ университетѣ сказали ему, что тою же весной двое Рындиныхъ, оба Иваны, курсъ окончили; въ полициі то же никакого толку не добился. Два-три раза побывалъ напрасно въ мѣстахъ указанныхъ ему въ адресномъ столѣ и бросилъ искать. Потомъ сказали ему тамъ же, что Иванъ Рындинъ значится вывѣшившимъ въ Казань; онъ и положилъ что уѣхалъ его „спаситель“ и отложилъ всякіе розыски. Приходила ему на умъ и та милостивая „сосѣдка“, которую онъ такъ напугалъ, когда она компрессъ ему поправляла... Ходилъ нашъ богачъ опять въ тотъ дальній переулокъ: не узнаетъ-ли чего? Не встрѣтится-ль? Но гдѣ-жъ узнать, когда и фамиліи-то ея онъ не слыхивалъ! На томъ дѣло и стало.

Въ июлѣ, 27 числа, въ парадномъ залѣ Анфисы Ильиничны Мордасовой былъ „баль“, по случаю дня ея ангела. Баль былъ форменный, — съ нанятыми официантами и музыкой. Нечего и говорить, что хотя Порфирій Семеновичъ и не былъ танцоромъ, но все же однимъ изъ почетнѣйшихъ гостей почитался. И маменьки, и многія дѣвочки на него заглядывались, куда охотнѣе, чѣмъ на кавалеровъ и помоложе, и покрасивѣй. Впрочемъ, по истинѣ говоря, нашъ надворный совѣтникъ вовсе не былъ лькомъ шить, а напротивъ все еще, какъ Марѣа о немъ говорила, былъ „мужчина ровный“, сохранившій не только почти всѣ волосы и зубы, но даже и цвѣтъ лица, совѣмъ приличествующій пятидесятилѣтнему петербургскому чиновнику. Учителыня Раиса Корниловна находила, что у него безсмысленный взглядъ и что очень его портитъ вѣчная „телячья улыбка“... Но Анфиса Ильинична богатырски возставала противъ „зловѣщихъ словъ этой патлатой“, увѣряя будто бойка вдовушка смѣется надъ Порфиріемъ Семеновичемъ лишь убѣдясь, что *зелень винограда*... Сколько разъ де она его ни просила на свои ухарскія вечеринки съ цыганскими пѣснями, онъ ни разу къ ней не пошелъ. Она внушала своей Аннушкѣ, что такой мужъ какъ Перепелкинъ, богатый, чиновный, богобоязненный и кроткій — Божья благодать!.. Да благоразумная Анна Ѳедотовна, похожая на мать какъ птициудовая гирька

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Въ горахъ.
Картина Н. С. Самокиша (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. М. Рашевскій.

XVII передвижная выставка. Сироты.

Картина бар. М. И Кюдта (право гравированія приобретено „Нивой“), грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

О приспособленіи формъ и окраски животныхъ къ окружающей ихъ средѣ.

Профессора К. Э. Линдемана.

(Окончаніе).

Во всѣхъ выше рассмотрѣнныхъ примѣрахъ мы имѣли дѣло съ такими животными, которыя для обезпеченія существованія получили формы и окраски, уподобляющія ихъ различнымъ предметамъ окружающей ихъ обстановки. Но известны и такіе случаи, гдѣ животное совершенно беззащитное, для того чтобы избавиться отъ преслѣдованій различныхъ хищниковъ, получаетъ рѣшительное сходство въ формѣ и окраскѣ съ другимъ животнымъ, одареннымъ какими-нибудь снарядами, успѣшно защищающими его отъ враговъ. Бываютъ такіе случаи когда беззащитное животное надѣваетъ на себя маску животного могущественнаго и получаетъ чрезъ это значительную пользу. Такое явленіе, сравнительно весьма недавно открытое, называется *миметизмомъ*. Нѣсколько примѣровъ его намъ известны изъ естественной исторіи бабочекъ.

Въ центральной и южной Америкѣ встрѣчаются нѣкоторыя

число ихъ, нежели это необходимо теперь, при чрезвычайномъ ихъ взаимномъ сходствѣ. Последнее простирается, поэтому, столь далеко, что напр. у всѣхъ несъѣдобныхъ бабочекъ трехъ названныхъ семействъ, живущихъ въ Гвианѣ, въ верхушкѣ крыла имѣются оранжевыя пятна; а у такихъ же бабочекъ Бразиліи эти пятна бѣлыя.

Въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ во множествѣ порхаютъ столь хорошо защищенные несъѣдобныя насѣкомыя, летаютъ многочисленныя бабочки, принадлежащія совершенно другому семейству (именно Pieridae), не выдѣляющія помянутыхъ ѣдкихъ и горькихъ жидкостей, не обладающія вообще никакими защищающими ихъ особенностями, а между тѣмъ тоже не подвергающіяся преслѣдованіямъ обезьянъ и птицъ. Последнее объясняется тѣмъ, что по вышнему виду, по окраскѣ, по расположенію и цвѣту пятенъ на крыльяхъ, эти совершенно без-

Весенняя выставка Имп. Акад. Худож. Въ паркъ. Картина акад. Ю. Феддера (право гравир. приобрѣт. „Нивой“), грав. Рашевскій.

дневныя бабочки, которыя выдѣляютъ особыя ѣдкія, горькія и ядовитыя жидкости, изъ особыхъ железокъ. Благодаря этой способности, онѣ совершенно не съѣдобны и оставляются въ покоѣ обычными врагами бабочекъ, птицами и обезьянами, очень хорошо знакомыми съ опасными для нихъ особенностями этихъ несъѣдобныхъ бабочекъ. Благодаря этому, эти послѣднія принадлежатъ къ числу наиболѣе обыкновенныхъ насѣкомыхъ названныхъ странъ, во множествѣ населяя открытыя мѣста и лѣсныя поляны. Такія несъѣдобныя бабочки принадлежатъ къ тремъ различнымъ семействамъ, именно: *Danaidae*, *Ithomiinae* и *Heliconiinae*, носящимъ общее названіе *маракужей*. Всѣ эти бабочки средней величины, окрашены въ буроватый или черный цвѣтъ, и имѣютъ яркія красныя, желтыя или бѣлыя пятна на крыльяхъ. При этомъ заслуживаетъ особаго упоминанія слѣдующая замѣчательная черта. Хотя вообще бабочки названныхъ здѣсь трехъ различныхъ семействъ представляютъ весьма большое разнообразіе въ окраскѣ, и даже въ формахъ,—гдѣ виды ихъ, которые обладаютъ указанными полезными для нихъ особенностями, не смотря на принадлежность къ разнымъ видамъ, являются чрезвычайно сходными между собою по формамъ и окраскѣ крыльевъ. Это объясняется тѣмъ, что несъѣдобнымъ бабочкамъ одной и той же мѣстности весьма выгодно значительно сходствовать между собою, ибо насѣкомоядцы, преслѣдующія ихъ животныя, для ознакомленія со свойствами ихъ, для приобретенія опыта, необходимо должны истребить нѣкоторое число такихъ бабочекъ, чтобы впредь уже, при одномъ взглядѣ на нихъ, не пускаться на повтореніе попытки употребить ихъ въ пищу. Еслибы всѣ несъѣдобныя бабочки одной и той же мѣстности были весьма различны между собой, то это сдѣлало бы необходимымъ истребить для приобретенія такого опыта соотвѣтственно большее

защитныя бабочки (напр. *Leptalis*, *Protogonius*), вполне сходствуютъ съ описанными несъѣдобными, настолько, что не только птицы и обезьяны должны смѣшивать ихъ съ послѣдними, но даже человѣку не посвященному въ тонкости энтомологіи трудно найти между ними какую-нибудь разницу. Беззащитныя *Leptalis* и *Protogonius* утратили тотъ вышній видъ и ту окраску, какая принадлежитъ членамъ ихъ семейства (*Pieridae*), и надѣли на себя маску могущественныхъ, хорошо защищенныхъ, несъѣдобныхъ видовъ *Lycosea*, *Mechanitis*, *Heliconius* и друг., принадлежащихъ совершенно другимъ семействамъ, для того чтобы лучше обезпечить свое существованіе, вводи въ обманъ своихъ многочисленныхъ враговъ. Такъ въ царствѣ насѣкомыхъ реализуется, хорошо известное въ другихъ областяхъ, обезпеченное существованіе ничтожества подъ могущественнымъ покровительствомъ сильныхъ мира.

За примѣрами подобнаго миметизма приходится обращаться не только къ фаунѣ тропическихъ странъ. Мы можемъ найти ихъ здѣсь, вокругъ себя. Такъ въ средней Россіи водится бабочка, наз. *стекляницей* (*Sesia ariformis*), чрезвычайно похожая на шершня. Тѣло ея толстое, рыжеватое, съ ярко-желтыми поперечными полосами на брюшкѣ и пятнами на грудной области. Крылья узкія и длинныя, и въ отличіе отъ крыльевъ другихъ бабочекъ, почти не покрыты чешуйками, а стекловидно прозрачны, какъ у осмы. Для большаго сходства съ шершнемъ, эта бабочка во время полета жужжитъ, чего не дѣлаетъ ни одна другая бабочка у насъ. Вслѣдствіе всего этого, сходство этой беззащитной бабочки съ хорошо вооруженнымъ шершнемъ такъ велико, что даже человѣкъ всегда смѣшиваетъ ее съ этимъ послѣднимъ. Вводи такимъ образомъ въ заблужденіе своихъ враговъ, стекляница получаетъ возможность значительно размножаться, не смотря на свою

совершенно беззащитность. Другая из наших бабочек, *Mastoglossa fusciformis*, имѣетъ чрезвычайно большое сходство со шмелемъ, такъ что на разстояніи, и въ особенности во время полета, легко можетъ быть принята за шмеля. Въ Бразиліи водится близкая ей въ системѣ бабочка (*Mastoglossa titan*), чрезвычайно похожая на колибри.

Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнные примѣры миметизма имѣютъ цѣлью облегчить животному его существованіе, благодаря вѣншему сходству съ хорошо защищенными существами. При этомъ такое животное пользуется своими преимуществами безо всякаго ехидства, не преслѣдуя дальнѣйшихъ цѣлей. Но бывають случаи, что животное, такъ-сказать облаканное своимъ покровителемъ и при помощи маски его избѣгающее пападеій хищниковъ, не довольствуется лишь этимъ, а пускается на дальнѣйшія дѣйствія, агрессивнаго характера. Въ отличіе отъ выше-разсмотрѣннаго простаго миметизма, назовемъ его *агрессивнымъ*. Такъ есть нѣсколько мухъ изъ семейства *Syrphidae* (напр. *Volucella*, *Sphesomya*, *Milesia*, *Mallota*) и *Bombylidae*, которые по своему вѣншему виду чрезвычайно похожи на шмелей и пчелъ, и легко могутъ быть приняты за нихъ. Пользуясь такимъ сходствомъ съ этими хорошо защищенными пасткомыми, эти мухи не только избѣгаютъ преслѣдованій разныхъ враговъ, но еще обращаютъ его въ ущербъ своимъ покровителямъ, вводя ихъ самихъ въ обманъ, проликая въ ихъ собственныя гнѣзда и пристраивая тамъ своихъ личинокъ (т. е. свое потомство), живущихъ тамъ либо насчетъ запасовъ своихъ покровителей, либо истребляющихъ дѣтву послѣднихъ. Такою неблагодарностью платить въ этомъ случаѣ мухи за оказываемое имъ покровительство.

Такой агрессивный миметизмъ можетъ идти еще далѣе. Такъ существуютъ дорожныя осы, которыя охотятся всегда за извѣстными только мухами. Чтобы охота ихъ была обезпеченнѣе, онѣ приобрѣли такое чрезвычайное вѣншее сходство съ этими мухами, что на нѣкоторомъ разстояніи ихъ трудно отличить отъ послѣднихъ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой († 25 апрѣля 1889 г.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Таковы разнообразныя факты, доказывающіе, что животныя приспособлены къ предметамъ ихъ обстановки. Я могъ-бы привести еще множество подобныхъ имъ, но достаточно и приведенныхъ дабы убѣдиться что такая приспособленность есть общая принадлежность животныхъ, а не выраженіе какихъ либо исключительныхъ особенностей.

Какъ-же объясняется существованіе такой приспособленности? Мы должны признать, что каждое животное обладаетъ извѣстнымъ основнымъ свойствомъ, такъ назыв. *приспособляемостью*, которая, какъ заведенная пружина, заставляетъ организмъ животного отвѣчать на измѣненія, совершающіяся въ окружающей средѣ. Существованіе такой приспособляемости доказывается многими фактами. Особенно большое число ихъ накоплено въ ученіи о болѣзненныхъ измѣненіяхъ организмовъ. Извѣстно, напр., какъ при страданіи одной почки, другая развивается, увеличивается, чтобы возмѣстить недостаточную дѣятельность страдающей. Извѣстно какъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ сердца, увеличивается объемъ его, и этия вносятся поправка въ разстроенное кровообращеніе.

Еще въ прошломъ вѣкѣ *Трамбле* зналъ, что обыкновенную прѣсноводную гидру можно вывернуть, такъ сказать, наизнанку, какъ перчатку, и что она отъ такой операціи не погибаетъ, а скоро приспособляется къ такому новому положенію, представляетъ различныя ткани въ стѣнкахъ своего тѣла и затѣмъ продолжаетъ существовать какъ ни въ чемъ не бывало. Личинки тритона, живущія въ водѣ и дышущія наружными жабрами, по достиженіи извѣстнаго возраста, выходятъ на сушу, теряютъ эти жабры и начинаютъ дышать легкими. Если же такихъ личинокъ, помѣщенныхъ въ акварію, насильственно удерживать въ водѣ, отнять у нихъ возможность выйти изъ нея, то можно достигнуть того, что эти личинки на всю жизнь сохраняютъ свои наружныя жабры, и превратившись въ водяное животное достигнуть въ этой новой средѣ полного развитія и приступить къ метанію икры.

Василій Александровичъ Коноревъ († 22 апрѣля 1889 года). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Черная саламандра рождает живых дѣтенышей, прямо отъ рожденія дышащихъ легкими. Но во время зародышевой жизни они снабжены роскошными перистыми наружными жабрами. Если вырѣзать такого зародыша и помѣстить его въ алкариѣ, изъ котораго онъ не будетъ имѣть выхода, то удается сохранить эти наружныя жабры на долгое время, и получается животное, обладающее такими жабрами рѣзко отличающееся отъ своихъ производителей.

Такие факты доказываютъ дѣйствительное существованіе особаго, различнымъ животнымъ присущаго свойства, приспособленности, благодаря которой животное не гибнетъ при рѣзко и глубоко мѣняющихся условіяхъ жизни, а приспособляясь къ нимъ, получаетъ возможность существовать и при этихъ условіяхъ. Выше разсмотрѣнные примѣры приспособленности суть наглядное выраженіе взаимодѣйствія этой приспособленности и определенныхъ внешнихъ условій обстановки.

Къ рисункамъ.

Этюды головки. (Рис. на стр. 477).

На первой страницѣ настоящаго номера помѣщена гравюра съ картинъ некласснаго художника Ильи Саввича Галкина „Этюды головки“. Хотя художникъ и назвалъ свою работу этюдомъ, но это въ дѣйствительности вполне законченная, небольшая картинка—такъ правдиво и тонко передано въ ней удивленное личико крестьянской дѣвочки съ большими выразительными глазами.

Письмо съ родины. (Рис. на стр. 480).

Одною изъ самыхъ трудныхъ задачъ искусства слѣдуетъ, конечно, считать ту простоту и правду, которую очень немногіе изъ художниковъ умѣютъ переложить на холстѣ, не приукрашивая и не поддумывая вымысломъ и ложными эффектами освѣщенія и группировки. Если разсматривать произведеніи г. Пастернака (художника еще очень молодого и начинающаго) именно со стороны этой простоты и правды, то надо ему отдать полную справедливость: онъ удивительно просто и правдиво передалъ изображенный имъ простой и безхитростный сюжетъ. Въ тѣсной и душевной комнатѣ, прокуренной дешевымъ табакомъ, обѣдленной по стѣнамъ дешевыми любочными произведеніями и плохими литографіями,—мы видимъ три лица: троихъ солдатиковъ. Одинъ изъ нихъ, грамотный, читаетъ другому, не владеющему „письменною“ грамотой, письмо съ родины,—читаетъ, конечно не придавая особаго значенія этимъ строкамъ, которыя, очевидно, ничего не говорятъ его сердцу... Но тотъ, которому много говорятъ эти строки, присланныя издалека, съ родины,—тотъ весь обратился въ слухъ и вниманіе, и старается не проронить ни одного слова. Совершенною противоположностью имъ составляетъ третій солдатъ, который за синюю слушающаго развалился на постели, и, покуривая „табачишко“, думаетъ свои немудренныя думы.

Глуховать. (Рис. на стр. 481).

Въ чистенькой свѣтлѣкѣ, на деревянной скамьѣ сидитъ старый дѣдушка, съ бѣлой бородой, и внимательно вслушивается въ неторопливое и нетвердое чтеніе своего подростка-внука. Таково содержаніе третьей картинѣ академика И. А. Левина. Это лучшая изъ его картинъ выставленныхъ въ нынѣшнемъ году на весенней выставкѣ въ Академіи Художествъ. Старое, сморщенное лицо глуховатаго старика, старающагося уловить каждое слово, написано очень выразительно; не лишена также экспрессія и фигурка мальчика-грамоты, съ трудомъ разбирающаго по печатному.

Дѣвочка. (Рис. на стр. 485).

Картина класснаго художника 1-й степени И. И. Творожникова очень тонко и художественно передана даровитымъ рѣзцомъ его брата, гравера А. И. Творожникова. Только недостаетъ красокъ, чтобы передъ читателемъ была та самая крестьянская дѣвочка, въ полушубкѣ и большихъ неуклюжихъ башмакахъ, которая невольно заставляетъ остановиться передъ собою знатока и любителя на нынѣшней академической выставкѣ.

Въ горахъ. (Рис. на стр. 488).

Николай Семеновичъ Самокинъ выставилъ въ нынѣшнемъ году въ Академіи четыре свои произведенія: два рисунка перомъ и двѣ картины. Самою серьезною изъ нихъ является изображеніе сраженія при Авларѣ въ русско-турецкую войну 1877 г. По ней, какъ и по другой его картинѣ, изображающей сцену изъ жизни курдовъ, можно судить, какіе успѣхи сдѣлалъ молодой пенсионеръ Академіи за послѣдніе 2—3 года. Нѣкоторая эскизность его манеры писать, происходившая, можно думать, отъ большого числа работъ торопившагося научиться художника, а также подражательность французскимъ баталистамъ исчезаютъ и художникъ, родившійся въ 1861 г., и поступившій въ Академію въ 1879 г., нынѣ является самостоятельнымъ мастеромъ.

Сироты. (Рис. на стр. 489).

Давно уже М. П. Клодтъ не давалъ намъ такого милого художественнаго наброска, какъ эта картинка, полная грустной экспрессіи. Дочь-подростокъ и сынъ-мальчикъ, только что перенесшіе тяжкую утрату, только что вкусившіе всей горечи одинокаго сиротства, сидятъ на диванѣ и стараются освоиться, свыкнуться со своимъ грустнымъ положеніемъ. Бо-

же нилкая и болѣе чуткая къ ощущеніямъ горести дочь-сиротка, устремивъ неподвижный взоръ въ пространство, какъ будто старается возобновить въ своей памяти дорогія черты лица, съ которымъ смерть разлучила ее навѣки. Ея милостивое лицо прекрасно выражаетъ глубокую, грустную думу—и слезы, кажется, готовы навернуться ей на глаза. Сынъ-гимназистъ, болѣе сосредоточенный и сдержанный, относится къ своему горю иначе: онъ сумрачно уткнулся головой въ подушку дивана и старается забыться, заснуть, отрѣшиться отъ тягостныхъ впечатлѣній, которыя его истомили...

Въ паркѣ. (Рис. на стр. 492).

Картина Ю. И. Феддера переноситъ зрителя въ укромный уголокъ запущеннаго парка. Мостикъ съ перилами изъ березовыхъ стволовъ полуразвалился, дорожки мѣстами поросли травой, деревья растутъ, перешагивая вѣтвями, какъ пошло; но, все такъ тихо, уютно и покойно въ немъ, вдали отъ городского шума, въ прохладной тѣни разросшихся на волѣ вѣтвей.

Графъ Д. А. Толстой. (Портр. на стр. 493).

„Съ какою страшною скорбью узналъ Я о кончинѣ дорогаго графа Дмитрія Андреевича. Для васъ это страшная потеря, но и для Меня она можетъ быть еще тяжелѣе, а въ особенности въ настоящую минуту. Такого преданнаго, благороднаго и стойкаго человѣка и сотрудника замѣнить трудно...“ Вотъ такими золотыми словами почтилъ память усопшаго графа Толстого Государь Императоръ въ депешѣ изъ Гагатины, адресованной на имя вдовы покойнаго министра. Эти немногія слова, исходящія съ высоты трона, какъ нельзя лучше характеризуютъ и личность, и дѣятельность такого поистинѣ удивительнаго государственнаго человѣка, какимъ былъ графъ Толстой. Не взирая ни на какія трудныя времена, твердо и непоколебимо стоялъ онъ всегда на всѣхъ тѣхъ постахъ, на которые онъ былъ призванъ въ разное время. Трудно выразить, какую громадную, невознаградимую потерю понесла въ немъ наша родина, которой онъ былъ дѣйствительнымъ, любящимъ, безкорыстнымъ другомъ, для которой сдѣлалъ такъ много, то охранялъ интересы русской церкви, то создалъ новую учебную систему, энергичически насаждая въ отечествѣ истинное просвѣщеніе, то спасая дорогую ему Россію отъ внутренней крамолы, какъ червь подтачивавшей ея организмъ, то ревниво заботился о чѣстности Русской земли, твердо положивъ предѣлы издавна начавшимся земельнымъ захватамъ иностранцевъ въ Россіи. Вся его многолѣтняя дѣятельность была непрерывною борьбою съ невѣжествомъ и рутиною, съ легкомысліемъ русскаго общества, съ тайными и злѣйшими недоброжелателями Россіи, съ лвыми ея врагами. Глубокоубѣжденный, могучій боецъ за русскую національность, за русскія государственныя начала, за политическую чѣстность отечества, за родныя историческія устои, онъ принужденъ былъ почти всегда бороться одинъ. Странно сказать, но онъ былъ почти одинъ, онъ мало видѣлъ поддержки въ русскомъ обществѣ, онъ чуть не всюду встрѣчалъ противодѣйствіе, и, не обинуясь скажемъ, неостойною ненависть со всѣхъ сторонъ. Казалось, ему одному была не по силамъ эта „на жизнь и смерть заклѣтая борьба“; но, борясь и въ одиночествѣ, онъ праздновалъ полную побѣду. Онъ былъ слишкомъ уменъ, онъ былъ слишкомъ стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ, слишкомъ беззаветно вѣрилъ въ правоту ихъ и въ свое призваніе, чтобы уступить. И онъ никогда не уступалъ ничего даже въ мелочахъ, не сдавался ни на какіе компромиссы, шелъ неуклонно по намѣченному имъ пути. Онъ не терпѣлъ подумѣръ и, строго обсудивъ свои дѣйствія, завѣсивъ все то, что считалъ нужнымъ провести въ жизнь государства и общества, преслѣдовалъ свою чѣстность неуклонно, настойчиво, систематически устраивая препятствія и всегда и во всемъ оставался вѣренъ себѣ, своимъ идеямъ. Онъ былъ, какъ не многіе изъ сановниковъ, совершенно подготовленъ къ государственному поприщу, и эта подготовка въ соединеніи съ необычайною твердостью характера, громадной силой воли и ума, съ любовью къ дѣлу, дала ему возможность осуществить всѣ свои предначертанія, создать все то, что онъ хотѣлъ для блага родины. Вотъ почему онъ оставилъ глубокий слѣдъ въ исторіи нашего просвѣщенія, въ исторіи внутренней жизни Россіи и, конечно, останется вѣчно жить въ потомствѣ, какъ замѣчательнѣйшій дѣятель, какъ человѣкъ историческій въ полномъ значеніи этого слова. Пройдутъ года—и безпристрастный судъ исторіи достойно оцѣнитъ этого рѣдкаго друга Россіи.

Графа Д. А. Толстого поверхностные люди считали врагомъ

просвѣщеніи, а межъ тѣмъ онъ сдѣлалъ, въ двѣнадцатилѣтній періодъ времени, для русскаго просвѣщенія несравненно болѣе, чѣмъ было сдѣлано до него въ теченіе цѣлаго полу столѣтія. Онъ пересоздалъ дѣло образованія до неузнаваемости: улучшил преподаваніе по всѣмъ предметамъ, выработалъ новыя программы, ввелъ новыя учебники, совершенно измѣнилъ гимназическій уставъ и вслѣдъ за этимъ издалъ уставъ училищъ реальныхъ, воплотивъ отвѣчающихъ требованіямъ времени, требованіямъ истинно-реального воспитанія, а не призрачнымъ дѣльямъ. При графѣ Д. А. Толстомъ проектировано измѣненіе университетскаго устава 1863 года, открытъ Варшавскій университетъ, учреждены два историко-филологическихъ института для подготовки гимназическихъ преподавателей, исходатайствовано основаніе университета для Сибири. Число женскихъ гимназій увеличено значительно, учебная часть ихъ улучшена и онъ получили вполнѣ правильную организацію. Реформы графа коснулись и элементарнаго образованія, начавшись съ преобразованія городскихъ училищъ, учрежденія одноклассныхъ и двухклассныхъ образцовыхъ школъ; затѣмъ открыты учительскіе институты, учительскія семинаріи и женскія учительскія школы, увеличенъ въ значительной степени правительственный бюджетъ на народныя школы, созданъ типъ образцовыхъ начальныхъ школъ отъ правительства, составлено для школъ новое положеніе, школы инородческимъ получили иную организацію и, наконецъ, учреждены учительскія семинаріи для приготовленія учителей изъ инородцевъ. Число высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній со времени графа Толстого увеличилось втрое, и вообще едва-ли отыщется такая область въ нашемъ просвѣщеніи, которой не коснулась бы энергичная, твердая рука этого замѣчательнаго реформатора. Необыкновенными усиліями, путемъ тяжелой борьбы сломилъ онъ старую учебную систему, вырвалъ русскую школу изъ насти нигилистическаго гада, водворилъ классическое направленіе, и такъ-сказать подвелъ подъ школу русскую тотъ самый фундаментъ, на которомъ выросло и зиждется все современное образованіе въ Западной Европѣ.

Графъ Толстой съ менѣйшимъ рвеніемъ служилъ и интересамъ православія, интересамъ русской церкви. Онъ свершилъ одно изъ крупнѣйшихъ дѣлъ этого рода—возсоединилъ холмскихъ униатовъ; припомнимъ съ какою злобой встрѣчены были первыя попытки графа въ этомъ дѣлѣ не только со стороны польскаго общества, но и со стороны тѣхъ русскихъ, въ которыхъ чувства національной гордости и національнаго самосознанія совершенно притупились подъ разными тлетворными вліяніями. Тѣмъ же недоброжелательствомъ, тѣмъ же позорнымъ противодѣйствіемъ встрѣчены были и усилія графа искоренить зловерное вліяніе іезуитской и польско-католической пропаганды въ школахъ Западнаго края, оградить русскую церковь отъ дерзкихъ посягательствъ пресловутыхъ апостоловъ ученія Игнатія Лойолы. Твердое направленіе, настойчивое преслѣдованіе благихъ цѣлей сказались и въ отношеніяхъ графа Толстого къ духовному вѣдомству, когда онъ дѣлалъ преобразованія въ качествѣ оберъ-прокурора Св. Синода. Эта дѣятельность его также ознаменована цѣлымъ рядомъ реформъ. Онъ ввелъ выборное начало среди духовенства, энергично старался улучшить бытъ послѣдняго, возродилъ совершенно духовно-учебныя заведенія, выработалъ для духовныхъ академій, семинарій и училищъ новыя уставы; онъ призвалъ духовенство къ избранію членовъ въ училищныя совѣты духовныхъ училищъ, сдѣлалъ ректоровъ семинарій несравненно болѣе самостоятельными, поставивъ ихъ въ гораздо меньшую зависимость отъ епархіальной власти, наконецъ увеличилъ содержаніе преподавателей семинарій и духовныхъ училищъ, чѣмъ улучшалъ и самое преподаваніе, сдѣлалъ все возможное для женскихъ епархіальныхъ училищъ и, кромѣ всего, положилъ починъ въ дѣлѣ преобразованія духовнаго суда.

Какъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Толстой явился прежде всего энергичнымъ преслѣдователемъ внутренней крамолы. Взглянувъ, но обыкновенію, глубоко, въ самый корень, онъ принялъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ мѣръ для пресѣченія зла, твердою рукою сорвалъ онъ съ крамолы маску призрачной силы, и оказавшаяся ничтожною горстью безумныхъ негодяевъ, крамола захлхла. Затѣмъ всѣми своими дѣйствіями графъ показалъ, что онъ человѣкъ истинно-русскій, преслѣдующій національныя задачи. Презирая подлые клеветы иностранцевъ, не страшась криковъ негодяевъ, раздававшихся въ западной печати, онъ постоянно дѣйствовалъ въ духѣ того направленія, которое подсказывали ему и проницательный умъ его, и чувство національнаго самосознанія. Настойчиво и методически преобразовывалъ онъ администрацію въ Прибалтійскомъ краѣ и всюду, гдѣ только можно, укрѣплялъ и охранялъ русскую народность. Не смотря на массу служебныхъ дѣлъ своихъ, графъ Толстой успѣвалъ заниматься и учебно-литературными работами. Онъ достаточно потрудился надъ исторіей просвѣщенія въ Россіи, надъ исторіей вѣка Екатерины II и надъ другими научными вопросами. Его перу принадлежатъ, между прочимъ, изслѣдованіе о вліяніи католицизма въ Россіи, сперва явившееся въ видѣ брошюры „Іезуиты въ Москвѣ и Петербургѣ“, а затѣмъ въ формѣ большаго труда „Римскій католицизмъ въ Россіи“, обратившаго на себя вни-

маніе всей Европы; „Исторія финансовыхъ учреждений Россіи“—сочиненіе капитальное, удостоенное премии отъ Императорской Академіи Наукъ. Цѣлый рядъ цѣнныхъ монографій графа Толстого помѣщенъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и *Русскомъ Архивѣ*; кромѣ того онъ оставилъ огромный трудъ, еще неизданный, о просвѣщеніи въ эпоху Екатерины. Припомнимъ также, что при содѣйствіи гр. Толстого, какъ директора канцеляріи Морскаго министерства, многіе извѣстные талантливыя русскіе писатели, какъ Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій, Писемскій и др. были командированы на югъ и сѣверъ Россіи и за границу для доставленія въ *Морской Сборникъ* этнографическихъ очерковъ.

Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, почетный опекунъ, президентъ Академіи Наукъ и почетный членъ ея, почетный членъ всевозможныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, докторъ философіи Лейпцигскаго университета—родился въ Москвѣ, 1 марта 1823 года. Воспитаніе получилъ въ Царско-сельскомъ лицейѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ декабрѣ 1842 года, съ золотомъ медалю, и началъ службу въ слѣдующемъ году въ канцеляріи Императрицы Александры Феодоровны, по управленію учебными и благотворительными заведеніями. Прослуживъ здѣсь до мая 1847 года, онъ уволился, и въ сентябрѣ того-же года опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при Департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Съ 1853 по 1860 г. онъ занималъ должность директора канцеляріи Морскаго министерства, причѣмъ, въ 1860 г., назначенъ членомъ Главнаго правленія училищъ министерства Народнаго Просвѣщенія, а въ 1861 управлющимъ департаментомъ того-же министерства, съ оставленіемъ членомъ Главнаго правленія училищъ и въ должности гофмейстера, на которую былъ назначенъ въ 1859 году, при пожалованіи въ камергеры годомъ ранѣе. Въ 1862 г. гр. Толстой былъ назначенъ къ присутствію въ департаментѣ герольдіи Сената, затѣмъ переведенъ сперва во второе, а потомъ въ первое отдѣленіе 5-го департамента Сената. Въ 1864 году онъ назначенъ членомъ по учебной части совѣтовъ Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и петербургскихъ училищъ Александровскаго и ордена св. Екатерины, а въ слѣдующемъ году ему повелѣно быть оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, съ зачисленіемъ въ сенаторы неприсутствующие. 14 апрѣля 1866 года графъ призванъ на постъ министра Народнаго Просвѣщенія, на которомъ съ честью подвизался вплоть до 1880 г., когда былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и тогда же, по прошенію, уволенъ отъ обязанностей министра Народнаго Просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Только на два года была прервана плодотворная дѣятельность графа: въ апрѣлѣ 1882 года онъ занялъ мѣсто президента Императорской Академіи Наукъ, а 30 мая назначенъ на постъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, который занималъ до самой кончины, не переставая интересоваться дѣлами управленія до послѣдней минуты. Графъ Толстой скончался отъ воспаления легкихъ, 25 апрѣля текущаго года, въ полной памяти, оцѣниваемый всѣми истинно русскими людьми.

В. А. Кокоревъ. (Портр. на стр. 493).

Въ лицѣ недавно скончавшагося Василія Александровича Кокорева отечество наше лишилось одного изъ весьма крупныхъ дѣятелей, человѣка истинно-русскаго, горячо любившаго свою родину, всей душой преданнаго ей интересамъ, гордившагося ей славой. Имя Кокорева было извѣстно всей Россіи, и въ концѣ пятидесятыхъ годовъ просто гремѣло. Вращаясь въ различныхъ московскихъ кружкахъ, близко сойдясь съ просвѣщенными людьми того времени, онъ настолько подготовился къ общественной дѣятельности, что могъ откликнуться на разные вопросы, преимущественно экономическіе, и въ качествѣ публициста довольно часто принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи реформъ начала прошлаго царствованія. Писалъ онъ довольно много, преимущественно о нуждахъ и желаніяхъ русской промышленности, но больше всего о замѣнѣ откуповъ акцизною системою. Практическая дѣятельность Кокорева была разнообразна: онъ занимался откупами, пытался организовать нефтяное дѣло на самыхъ широкихъ началахъ, понявъ какими колоссальными нефтяными богатствами обладаетъ Россія; участвовалъ въ установленіи нашихъ торговыхъ сношеній съ Персіей, учредилъ Волжско-Камскій банкъ, основалъ Сѣверное страховое отъ огня общество, построилъ цѣлую колонію роскошныхъ дачъ для петербургскихъ жителей близъ Николаевской желѣзной дороги, занимался сельскимъ хозяйствомъ, особенно пчеловодствомъ, въ своемъ помѣстьѣ около озера Ильмень, гдѣ соорудилъ прекрасное дачное помѣщеніе для академистовъ и пансионеровъ Академіи Художествъ. Выѣствъ съ П. Губонинимъ построилъ онъ Уральскую горнозаводскую желѣзную дорогу; стремился организовать сбытъ русскаго битаго мяса на европейскіе рынки; наконецъ, устроилъ операцію, по которой крестьянскія общества Новгородской губерніи получили возможность пріобрѣтать у него участки земли на весьма льготныхъ условіяхъ. Въ послѣднее время Кокоревъ усердно разрабатывалъ проектъ и занимался осуществленіемъ Каспійскаго коммерческаго банка

для пущей нефтяной промышленности и Закаспийскаго края. Съ именемъ Кокорева связано еще нѣсколько различныхъ предпріятій,—напримѣръ, акціонерное общество „Сельскій Хозяинъ“, такъ называемое „Кокоревское подворье“ и поднесъ существующее въ Москвѣ и друг. Далекое не все удавалось предприимчивому, энергичному Кокореву, не разъ дѣла его запутывались, онъ разорялся, но его удивительная бодрость духа, смѣлливость и чрезвычайно практической умъ спасали его. Всю свою жизнь онъ не переставалъ трудиться, и наладивъ одно дѣло, со свойственной ему энергіей, отдавался другому.

В. А. Кокоревъ представлялъ собою чрезвычайно дѣльный характеръ, типъ настоящаго русскаго самородка, который грудью пробиваетъ себѣ дорогу. Онъ создалъ себѣ огромное состояніе, доходившее въ половинѣ шестидесятихъ годовъ до семи милліоновъ, и выдвинулся впередъ, благодаря лишь самому себѣ; достигъ всего своимъ умомъ, трудомъ, настойчивостью, энергіей, выйдя на свѣтъ можно сказать изъ тьмы ничтожества. Онъ происходилъ изъ мѣшанскаго сословія и родился въ 1817 году, въ городѣ Солигаличѣ, Костромской губерніи, гдѣ его отецъ и прочіи родня были сидѣльцами въ нѣтънкихъ домахъ и мѣстными агентами оптовыхъ виноторговцевъ. Получивъ воспитаніе на мѣдные гроши, или лучше сказать, съ грѣхомъ пополамъ выучившись грамотѣ и счисленію, Кокоревъ съ молодыхъ лѣтъ тоже сталъ заниматься

по винной части. Смѣлливость и бойкость все болѣе и болѣе выдвигали его впередъ въ старинной вино-откупной іерархіи, что однако не помѣшало ему испытать массу передрагъ и злочюченій. Въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ переѣхалъ въ Петербургъ, мало-по-малу устроился, познакомился и сблизился съ бывшимъ министромъ финансовъ М. П. Вронченко и къ пятидесятымъ годамъ сталъ однимъ изъ замѣтныхъ откупщиковъ. Съ той поры онъ уже стоялъ на дорогѣ и игралъ не послѣднюю роль какъ въ коммерческомъ мірѣ, такъ и въ образованномъ обществѣ, гдѣ цѣнили его своеобразный умъ, находчивость и несомнѣнную талантливость. В. А. Кокоревъ скончался въ Петербургѣ 22 апрѣля, отъ гриппа. Изъ его статей, кромѣ „Экономическихъ проваловъ“, обращали на себя вниманіе „Путь севастопольцевъ“, „Взглядъ русскаго на европейскую торговлю“, „Мысли о русской внутренней торговлѣ“, „Объ откупахъ“ и друг., печатавшіяся преимущественно въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

П. Б.—въ.

Фотографическая выставка въ СПб.

(Рис. на стр. 496).

Первые опыты свѣтотиски производились еще задолго до начала собственно фотографической эры. Чувствительность, напримѣръ, хлористаго серебра къ свѣту была извѣстна уже

алхимикамъ, и въ 1727 году врачъ Шульце изъ Галле употреблялъ его для воспроизведенія солнечныхъ буквъ вырѣзанныхъ на трафаретахъ. Эти опыты были однако забыты, равно какъ попытки Деви и Веджвуда въ 1802 году, благодаря тому, что не было еще найдено средства *фиксировать* полученныя копіи, т. е. дѣлать ихъ недоступными дальнѣйшему дѣйствію свѣта. Съ 1814 г. такими опытами занимался Никифоръ Ніепсъ; ему первому пришло въ голову закрѣпить изображенія предметовъ получаемыя въ камерѣ - обскурѣ. Въ 1823 г. ему удалось получить изображенія съ помощью асфальта—и такимъ образомъ онъ долженъ считаться первымъ изобрѣтателемъ фотографіи. Но честь эту перебилъ у него Дагерръ, подобно тому какъ Америкъ Веспуччи у Колумба относительно названія открытой послѣднимъ части свѣта. Въ 1829 г. Ніепсъ соединился съ Дагерромъ, который производилъ опыты въ томъ же направленіи, а по смерти Ніепса продолжалъ ихъ одинъ и въ 1838 г. открылъ способъ (названный по его имени дагерротипіей) получать изображенія на серебряныхъ пластинкахъ съ по-

Фотографическая выставка въ СПб. (въ память пятидесятилѣтія изобрѣтенія фотографіи). Съ фотогр. Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

мощью ртути, который и былъ опубликованъ въ 1839 году.

Пятидесятая годовщина этого событія и празднуется нынѣ фотографическою выставкою въ Солянѣмъ Городкѣ. Въ томъ же 1839 году, Фоксъ Тальботъ обнародовалъ свой способъ копированія изображеній на бумагѣ и впоследствии негативный процессъ на пропитанной іодистымъ серебромъ и растворомъ ляписа (азотнокислой окиси серебра) бумагѣ. Это и было началомъ современной фотографіи. Способъ его былъ усовершенствованъ Ніепсомъ-де-Сенъ-Викторъ, который въ 1847 году вмѣсто бумаги сталъ употреблять пропитанную іодистымъ серебромъ пластинки изъ бѣлка, Арчеромъ и Фрейшемъ въ Англии, замѣнившими бѣлокъ коллодиемъ. Этотъ способъ съ коллодиемъ господствовалъ до 1882 года; теперь же онъ уступаетъ мѣсто въ высшей степени чувствительнымъ пластинкамъ изъ желатина. Новѣйшіе успѣхи фотографіи состоятъ главнымъ образомъ въ приготовленіи пластинокъ чувствительныхъ не только къ свѣту, но и къ различнымъ краскамъ.

Какіе успѣхи сдѣланы ею, можно судить хотя-бы по вы-

ставленнымъ образцамъ иповенной фотографіи. Снимки академика Марей, присланные изъ Парижской физиологической обсерваторіи, передаютъ неуловимыя для глаза движенія полета птицъ, брошенныхъ предметовъ, упражненія гимнастовъ и т. п. Подобныя-же фотографіи выставлены Анньюкомъ изъ Познани. А. Лондомъ изъ парижской Salpêtrière воспроизведены фотографически спазмы лица, судороги и т. п. весьма интересныя и поучительныя съ медицинской точки зрѣнія. Также интересны примѣненія фотографіи и для другихъ научныхъ цѣлей.

Такъ, наприм., братья Анри изъ Парижа прислали образцы астрономическаго фотографированія. Благодаря имъ, сдѣланы замѣчательныя открытія новыхъ планетъ и созвѣздіи. Замѣчательно воспроизведеніе Млечнаго пути въ созвѣздіи Лебедь. Затѣмъ заслуживаютъ большаго вниманія микрофотографическіе снимки для цѣлей санитарныхъ, судебно-медицинскихъ, клиническихъ, бактериологическихъ и другихъ. Но всего выдающагося невозможно передать въ небольшой статьѣ о фотографической выставкѣ, одна изъ витринъ которой изображена на стр. 496. На гравюрѣ видны портреты Дагерра въ серединѣ и Нипса и Тальбота по бокамъ его, первый слѣва, второй справа.

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).

(Портр. на этой стр.).

Русская литература на-дняхъ потеряла еще одного изъ даровитыхъ писателей нашихъ. 28 апрѣля скончался послѣ продолжительной болѣзни Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, извѣстный сатирикъ, родоначальникъ цѣлой школы писателей такъ-называемаго обличительнаго направленія. Явившись со своими „Губернскими очерками“ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* конца пятидесятихъ годовъ, М. Е. Салтыковъ, прикрываясь псевдонимомъ Н. Щедрина, сразу завоевалъ симпатіи читающей публики. И дѣйствительно въ своихъ „Губернскихъ очеркахъ“, „Невинныхъ разсказахъ“ и частью въ послѣднемъ произведеніи „Помехонская старина“ Щедринъ обнаружилъ всю глубину своего обширнаго таланта, выказавъ при этомъ бездну наблюдательности, полное, всестороннее знакомство съ жизнью провинціальнаго міра, удивительное мастерство въ изображеніи типовъ и сценъ этого міра. „Губернскіе очерки“ во всѣхъ отношеніяхъ и даже по формѣ рѣзко отличаются отъ дальнѣйшихъ произведеній Щедрина; здѣсь его симпатіи и антипатіи выступаютъ рельефно и результаты его размышленій по поводу разныхъ общественныхъ вопросовъ, его наблюденія надъ жизненны-

ми явленіями, его взгляды формулованы совершенно ясно, опредѣленно. Представляя въ яркихъ краскахъ дѣйствительное зло, онъ указываетъ на причины его, какъ ближайшія, такъ и отдаленныя, и почти всегда изыскиваетъ способы къ его искорененію. Здѣсь вѣтъ тѣхъ туманныхъ разглагольствованій, странныхъ намековъ и скрытыхъ мыслей, перѣдко просто вредныхъ, которыми изобилуютъ позднѣйшія творенія Щедрина, особенно его сатиры съ политическимъ оттѣнкомъ. Но что важнѣе всего, въ „Губернскихъ очеркахъ“

Щедринъ не ограничивается однимъ обличеніемъ, а преслѣдуетъ и чисто художественныя задачи. Въ этихъ очеркахъ онъ старался дать разностороннее изображеніе бытовой жизни русскаго люда, множество провинціальныя типовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ тѣсную связь и значительное сходство съ тогоческими типами. Послѣдующія произведенія Щедрина, при всей ихъ талантливости, не даютъ уже читателю чисто эстетическаго наслажденія, и на людей неувлеченныхъ производятъ даже неприятное впечатлѣніе каррикатурности изображеній, фальшь, пристрастную тенденцію. Схватывая въ нихъ зачастую лишь мимолетныя вѣянія жизни, текуція событія и смотря на нихъ довольно одно-сторонне, Щедринъ изъ художника поневолѣ превращается въ фельетониста, который, ловя на лету разныя злобы дня, не успѣваетъ подвергнуть ихъ болѣе или менѣе глубокому анализу. Тѣмъ не менѣе, въ произведеніяхъ Щед-

М. Е. Салтыковъ († 28 апрѣля 1889 г.). Рис. Августъ Нейманъ, грав. Адольфъ Нейманъ.

рина будущій историкъ нашего поколѣнія найдетъ достаточно матеріала для изученія его нравовъ, ибо произведенія эти представляютъ собою зеркало, мимо котораго прошли тишь и характеры третьей четверти переживаемаго нами столѣтія и отразились въ немъ, хотя часто и въ извращенномъ видѣ, но въ полномъ составѣ.

Родъ Салтыковыхъ принадлежитъ къ числу довольно древнихъ русскихъ родовъ и фамилія эта встрѣчается еще при царяхъ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ. Сынъ довольно богатаго помѣщика, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ родился 15 января 1826 г., Тверской губерніи, Калезинскаго уѣзда, въ с. Спаскомъ, или Спасъ-Уголь. Семи лѣтъ онъ сталъ учиться грамотѣ, для чего, по обычаю „добраго стараго времени“, къ М. Е. былъ приставленъ, въ качествѣ наставника, крѣпостной человекъ Салтыковыхъ—Павелъ, живописецъ по профессіи, бойкій и смысленный малый, „видавшій виды“. Онъ занимался съ Салтыковымъ цѣлый годъ, затѣмъ эти занятія продолжала сестра Салтыкова, Надежда Евграфовна, пріѣхавшая домой, по окончаніи курса въ московскомъ Екатерининскомъ

институтъ. Помогала ей Е. П. Васильевская, ея институтская подруга, занимавшая въ домѣ Салтыковыхъ мѣсто гувернантки. Въ августѣ 1836 года, десяти лѣтъ отъ роду, М. Е. поступилъ въ 3-й классъ Московскаго дворянскаго института, откуда за успѣхи, какъ лучший ученикъ, былъ въ 1838 г. переведенъ въ Царскосельскій лицей. Здѣсь онъ началъ писать стихи, „за которые былъ часто наказываемъ“ и въ это-же время печаталъ ихъ въ *Библиотекъ для чтенія* и въ *Современникъ* Плетнева. Окончивъ курсъ въ 1844 году, Салтыковъ поступилъ на службу въ канцелярію Военнаго министерства, гдѣ прослужилъ до половины 1848 г. Въ этомъ году появилась вторая его повѣсть

„Занутое дѣло“, которую признали слишкомъ либеральною и за это перевели автора въ Витку подъ опеку тамошняго губернатора. Въ Вяткѣ Салтыковъ прослужилъ до 1855 года и затѣмъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ служилъ по министерству Внутреннихъ Дѣлъ, потомъ былъ вице-губернаторомъ въ Рязанской и Тверской губерніяхъ. Въ 1856 году Салтыковъ возобновилъ литературную дѣятельность и до 1868 года занимался писаніемъ, не покидая службы. Въ 1868 году онъ вышелъ въ отставку и, отдавшись исключительно литературѣ, написалъ около 25 томовъ разныхъ сочиненій и множество рецензій, статей и замѣтокъ.

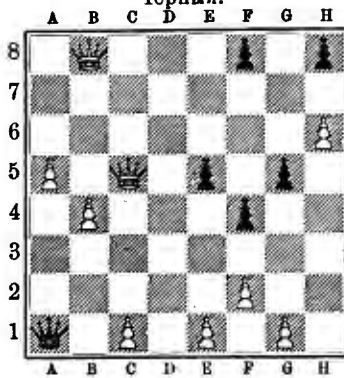
Политическое обозрѣніе.

Открытие всемірной выставки въ Парижѣ и французскія національныя торжества сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе всего міра. Монархическая Европа отказалась официально принять участіе въ торжествахъ въ виду рѣшенія правительственныхъ сферъ французской республики соединить выставку съ празднованіемъ столѣтней годовщины революціи, но не запрещаетъ въ то же время своимъ подданнымъ участвовать въ выставкѣ въ качествѣ частныхъ лицъ. Празднества начались 23 апрѣля, съ побѣдки президента республики въ Версаль. На пути слѣдованія изъ Парижа въ этотъ городъ президентъ Карно былъ встрѣчаемъ властями и привѣтствуемъ населеніемъ. По прибытіи въ Версаль, президентъ присутствовалъ при открытіи памятной доски на зданіи, гдѣ собирались генеральные штаты (депутаты различныхъ сословій). На празднествѣ президентъ Карно произнесъ рѣчь исполненную обычныхъ громкихъ фразъ о дѣятеляхъ 1789 г., которые цѣною столькихъ жертвъ будто-бы оказали Франціи и всему человѣчеству „великія услуги“; изложилъ такъ-называемые принципы 1789 г., коими якобы проникнуты учрежденія современнаго міра. Въ Зеркальной галереѣ Версальскаго дворца, гдѣ находились власти и представители государственныхъ и общественныхъ учреждений, президентъ сената Лероие произнесъ рѣчь отличавшуюся нѣсколько пессимистическимъ, не подходившимъ къ торжественной обстановкѣ характеромъ. Старый и безуречный республиканецъ говорилъ: „Если революція грѣшила смѣлостью грѣзь, то мы грѣшимъ отсутствіемъ самоотверженія, недостаточнымъ пониманіемъ своихъ обязанностей, колебаніями воли. Если революція парила слишкомъ высоко, то мы влачимся слишкомъ низко. Годовщина 1789 г. побуждаетъ насъ осуществить объединеніе сердецъ въ любви къ родной землѣ и учрежденіямъ“. Послѣ Лероие, Версальскій епископъ обратился къ президенту Карно съ рѣчью, въ которой констатировалъ, что духовенство 1789 г. раздѣляло желаніе реформъ, воодушевлявшее тогда всю Францію, принимало участіе въ движеніи, котораго впоследствии сдѣлалось жертвою, но несмотря на преслѣдованія, не переставало представлять доказательство патристическаго самоотверженія и вмѣстѣ съ тѣмъ твердости въ религиозныхъ убѣ-

жденіяхъ. „Нынѣшнее духовенство—присвокупило епископъ—исполнено такихъ же великодушныхъ чувствъ. Да не будемъ никогда отдѣлять въ нашей любви и въ молитвахъ нашихъ Францію отъ церкви“. Въ заключеніе епископъ воздалъ должное достоинству, характеру, правильному образу дѣйствій Карно, внушающему уваженіе всѣмъ партіямъ. Президентъ возвратился въ Елисейскій дворецъ въ 8 час. вечера среди привѣтственныхъ кликовъ народа. На другой день происходило открытіе выставки. На пути къ ней президентъ Карно былъ горячо привѣтствованъ толпою. При приѣздѣ на выставку президентъ Карно былъ со стороны публики предметомъ такой восторженной оваціи, что экипажъ долженъ былъ ѣхать шагомъ, а при входѣ въ центральное зданіе, онъ былъ привѣтствованъ продолжительными рукоплесканіями. Центральное зданіе представляло чудесное зрѣлище при разнообразіи мундировъ и костюмовъ всѣхъ націй. Открытіе выставки состоялось согласно программѣ. Тираръ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что успѣхъ выставки превосходитъ ожиданія. Президентъ Карно выразилъ, отъ имени Франціи, благодарность всѣмъ сотрудникамъ по устройству выставки и объявилъ выставку открытою. Рѣчамъ Тирара и Карно много аплодировали. Энтузіазмъ продолжался и при обходѣ различныхъ отдѣловъ выставки и принялъ еще большіе размѣры въ галереѣ машинъ. Здѣсь раздались громкіе восторженные клики, всѣ обнажили головы и махали шляпами. Директоры выставки представили президенту республику главныхъ экспонентовъ и начальниковъ отдѣловъ. Осмотръ иностранныхъ отдѣловъ президентъ началъ съ русскаго, причѣмъ Россія была предметомъ сочувственной оваціи. При входѣ въ русскій отдѣлъ, президентъ былъ привѣтствуемъ кликами: „да здравствуетъ Россія! да здравствуетъ Карно!“ На возвратномъ пути президента въ Елисейскій дворецъ собравшаяся на набережной и площади Согласія громадная толпа народа устроила ему восторженную овацію. Берега Сены были красиво иллюминированы. Несмѣтныя толпы народа гуляли по улицамъ. Позже были сожжены фейерверки. Празднество завершилось освѣщеніемъ всей Эйфелевской башни бенгальскими огнями, вызвавшимъ общее удивленіе.

Шашечная задача № 33.

В. Шомина.
Черныя.

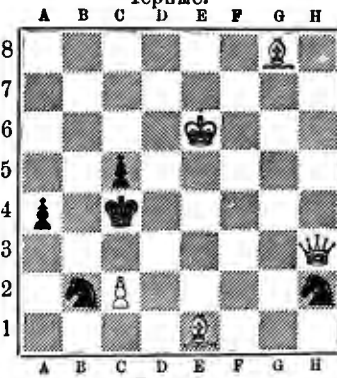

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

Шахматная задача № 34.

О. Ф.
Черныя.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Ребусъ. Задача № 35.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при череніи адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 23 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Торжество Юліи Андреевны Романъ М. В. Крестовской. (Окончаніе). — Удивительныя приключенія Порфирія Перепелина. Разсказъ В. П. Желиховской. (Продолженіе). — О приспособленіи формъ и окраски животныхъ къ окружающей ихъ средѣ. Профессора К. Э. Линдемана. (Окончаніе). — Къ рисункамъ: Головка (съ рис.). — Письмо съ родины (съ рис.). — Глуховатъ (съ рис.). — Дѣвочка (съ рис.). — Въ горахъ (съ рис.). — Сироты (съ рис.). — Въ парнѣ (съ рис.). — Графъ Д. А. Толстой (съ портр.). — В. А. Ноноревъ (съ портр.). — Фотографическая выставка въ СПб. (съ рис.). — М. Е. Салтыковъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Задачи. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

МОЙНАКСКОЕ ГРЯЗЕЛЪЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ
№ 3855 ЗАВЕДЕНИЕ 7-2
въ городъ Евпаторіи
открывается съ 20 мая по 20 августа.
За подробностями просить обратиться въ гор. Евпаторію, Таврической губ., Гг. доктору С. П. Цепеневскому или доктору С. И. Ходжашу.

ЭЛЕКТРО - ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ СРЕДСТВА
графы МАТТЕА
продаются въ складѣ Ф. Гебауеръ,
Москва, Газетный пер., д. 7.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также приемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.
„**ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО**“
уголъ Тверской и Долгоруковскаго переулковъ, домъ Шаблыкина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно. № 3838 3-8

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ и/М.
фабрикантъ волоснощетоу „ОРЕЛЬ“.
Велкаго рода двухъ- и трехъ-колесныя велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежнотн. Излугъ агентовъ. Илугъ стироваанный каталога за 10 пфен. марками. 12-6

CORSETS
LEOTY
adoptés
par le
High-Life parisien.
8. Place de la Madeleine, Paris.

НАИЛУЧШИЕ ДУХИ
LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES
достаточно известны:
ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12-11
Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Съ 1-го января 1889 года издается
ЖУРНАЛЬ СЧЕТОВОДЪ **Ө. В. ЕЗЕРСКАГО.**

Выходитъ 33 книжки въ годъ съ приложеніемъ учебниковъ, руководствъ, пособій и сочиненій по счетоводству.
Въ 1889 г. будутъ даны слѣдующія приложенія за полный годъ, именно:
1. Новое изданіе: Теорія счетоводства, по существующимъ системамъ: простой, двойной итальянской, англійской и тройной русской. Составилъ Ө. Езерскій. Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 р., перес. за 3 ф.
2) Нѣсколько мелкихъ пособій и руководствъ.
3) На выборъ, сверхъ того, по желанію подписчиковъ на три руб. любимыхъ сочиненій и изданій Ө. В. Езерскаго, списокъ которыхъ (54 названія) начечатанъ въ первой книжкѣ журнала.
Подписная цѣна на годъ 6 р., а съ приложеніемъ 9 р.
Подписчикъ 1889 г. досладоуію до 9 р. получаютъ всѣ приложенія за полный 1889 г.
Адрес.: въ С.-Пбургъ, Невскій пр., № 68, въ ред. журн. „Счетоводъ“ Ө. В. Езерскаго.

САМОУЧАЩИМСЯ СЧЕТОВОДСТВУ
представляется возможность получать въ приложеніяхъ къ журналу по ихъ выбору пособія, учебники, руководствъ и сочиненія по счетоводству.
Въ самомъ журналѣ, кромѣ статей, разъясняющихъ самыя общепонятныя языкомъ счетоводное дѣло, даются въ отдѣлѣ „вопросъ и отвѣты“ объясненія вопросовъ, возбуждаемыхъ подписчиками на столько обстоятельно, чтобы эти объясненія могли быть понятны и для остальныхъ читателей журнала. № 3866
ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

КОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ЮСИФА
Натуральная минеральная слабительная вода источника ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ
въ Будапештѣ, по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Рекомендуются какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продаются всездѣ.
Для нормальнаго приема достаточно одного виннаго стакана. Ц. № 3722 6-4
Дирекція въ Будапештѣ.
ЭФФЕКТИВНО ДЛЯ ЛѢТА!

ПАРИЖСКІЙ ДАМСКІЙ УБОРЪ
изъ натуральныхъ бразилскихъ жукоевъ въ красивѣйшихъ оправкахъ. Бракетты съ 10, 3, 2, 1 жук. 5 р. 50, 2 р. 50, 2 р. 1 р. 50.
Брошки съ 4, 3, 2 жук. 2 р. 50, 2 р. 1 р. 50.
Серги съ 1 жук. 1 р. 25. Шпильки черепаховыя съ 3 и 2 жук. 2 р. 1 р. 50.; позолоченныя съ 1 жук. 1 р. Мужскія булавки 75 к. Цѣлый уборъ: бракетты, брошки, серги и шпильки 5/6 дешевле. Жуки эти замѣчательно эффектно отражаются на солнцѣ, а потому особенно красивы лѣтомъ. № 3869
Единственный складъ

ОСКАРА ЛЕССЕРЪ.
С.-Пбургъ, Садовая, 12, кв. 22, во 2-мъ дворѣ.
ФАБРИКА и МАГАЗИНЪ
хирургическихъ инструментовъ и перевязочныхъ принадлежностей
ТОРГОВАГО ДОМА
М. РАЗУМОВЪ и А. ШИЛЛЕРЪ
Рождественка, противъ клиники, д. Фирсова, въ Москвѣ. № 3870
Мастера и поставщики Императорскаго Московскаго Университета.

МАГАЗИНЪ ЖИРАТОВСКИХЪ ГИЛЛЕ и ШИЛЛЕ № 3799 9-2
Москва, Сѣвскій переулокъ.
Издѣлія собственныхъ фабрикъ; по логно, столовое бѣлье, платки, полотенца, лѣтнія матеріи, купальныя принадлежнотн, разныя бумажныя издѣлія. Большой выборъ чулочныхъ товаровъ. Готовое приданое. Мужское, дамское и дѣтское бѣлье. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕНСКАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ ГИСТЮБЛЕРЪ
чистый щелочнокислый источникъ
освѣжающій и здоровый
СТОЛОВОЙ-НАПИТОКЪ
можно всездѣ получить.
600000 (миллонъ) бутыл.головой вывозъ.
Р. № 8871 4-1

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,
состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГЬЕВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПб.
Цѣна въ издѣн. литограф. обертнѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.
Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная, 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.
Требованія просить адресовать: въ С.-Пб-гѣ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій. 6).

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ
Предлагаетъ: сѣлки, швейки, косилки, вѣялки, плуги разныхъ системъ и бороны.
Цѣны самыя умѣренныя.
Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. № 3719 12-6

ВЪ КУНГУРСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ, ГУБКИНА, УЧИЛИЩЕ
(въ городѣ Кунгурѣ, Пермской губерніи), состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, принимаютъ безъ экзамена окончившіе курсъ въ трехъ и четырехъ-классныхъ городскихъ, по положенію 31 мая 1872 года, училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; остальные же по соотвѣствующему испитанію. Курсъ ученія 4 года, приемные экзамены 11, 12 и 14 августа. Плата за полнаго пансіонера 180 руб. въ годъ, за приходящаго 30 рублей. Для приема въ 1 классъ требуется возрастъ не моложе 14 и не старше 17 лѣтъ.
Ученики, окончившіе полный курсъ ученія, пользуются льготою 2 разряда при отбываніи воинской повинности.
За подробными свѣдѣніями желающіе благоволятъ обращаться въ канцелярію училища лично и письменно. Директоръ училища А. Хвастуновъ. № 3865 3-1

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ и ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франціи.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, морскотельныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

Продолжается подписка, на 1889 г., на литературно-политическій журналъ:
ГОДЪ VIII. „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ VIII.
СОДЕРЖАНІЕ первыхъ 4-хъ книгъ (январь—апрель): 1) *Свѣтъ ногас!* романъ Л. Л. Ясинскаго (оконч.); 2) *Свѣжія побѣды*, повѣсть въ 2-хъ частяхъ, Ф. Д. Нефедова (оконч.); 3) *Говорка*, очеркъ Д. Сибиряна; 4) *Ужасъ* (картинки домашней жизни) Н. Ө. Бажина; 5) *Иппироманиа* (изъ типовъ женскаго пролетаріата) Н. В. Назаровой; 6) *По пашнѣ*, разсказъ П. Лѣтнева; 7) *Бабушка*, разсказъ Н. Д. Ахшарумова; 8) *Вишняки и Манна*, Василія Мв. Немировиче-Данченко; 9) *Вълкѣ этикетиста* (черты нравовъ въ Россіи XVIII в.), В. О. Михневича; 10) *Наше законодательство и земская инципация*, Я. В. Абрамова; 11) *Вопросы дна* (три статьи), Вл. П. Безобразова; 12) *Сороженскія женщины-писательницы* (критич. очеркъ), В. В. Чуйновъ; 13) *Русскій судожникъ* (Крамской) въ качествѣ критика. Его же; 14) *Историческія основы воспитанія*, А. С. Трещенскаго; 15) *Кабаля въ отхожемъ промыслѣ*, Г. П. Сазонова; 16) *О Парижскій Ecole des chartes*, И. Е. Андреевскаго; 17) *На тронѣ* (истор. романъ изъ жизни Людвигъ Баварскаго) Кларисы Лоде (съ нѣмецкаго); 18) *Золотая радуга*, романъ Давида Мюрера (съ англ.); 19) *Исторія одной любви*, повѣсть Цезаря Тронкина (съ итальянскаго); 20) *Очерки иностранной литературы*, В. Р. Зотова; 21) *И смѣхъ, и горе* (фельетонъ) Ефима Простосердова и пр. № 3850 3-2
Для слѣдующихъ книгъ, въ распоряженіи редакціи находится уже значительное количество беллетристическихъ произведеній и научныхъ статей известныхъ писателей.
Журналъ выходитъ еженедѣльно, 15 числа, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ изданій, безъ предварительной цензуры. Годовая цѣна: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес.; за границу—16 р. За полгода 8 р. Иностранцы подписчики, желающіе получить второе изданіе монографіи А. П. Патновскаго: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, высылаютъ, вмѣстѣ съ годовою платою за журналъ, 17 р. 50 к. (копѣйки—марками). Главная контора: СПб., Владимирская, № 1-6. Здѣсь же принимается подписка на журналъ.

НАРОДНАЯ ШКОЛА (г. XXI).
Одобрень М-вомъ Народн. Просвѣщенія и др. вѣдомствами.
Годовая цѣна 4 р. 50 к. съ перес. За гран.—6 р.
Редаторъ-издатель А. П. Патновскій.

КРЫШКИ для переплета "НИВЫ" изъ лучшаго англійскаго каленкара съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ для ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Вслѣдствіе новѣйшаго изобрѣтенія фотографиров. доступно каждому, и этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполне хорошія портреты, группы и ландшафты.

Цѣна полн. прибора 18, 24, 35, 50 руб. и дороже.

Наборъ принадлежностей отъ 9 рублей.
Е. КРАУСЪ и Комп.
Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ.
ДЕПО для РОССІИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Руководство и иллюстр. прейсъ-курантъ высылается бесплатно. № 3867 2-1

!! НОВОСТЬ !!
АВТОМАТИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ,

для продажи безъ посредства продавца шоколада и конфетъ по 15 к., при чемъ даетъ хорошую пользу какъ продавцу, такъ и покупателю.

Желающихъ приобрести означенный аппаратъ, просятъ обратиться за свидѣніями къ П. М. Кадичу, Москва, Чистые пруды, д. Нистеръ. М. № 3863

Нахожу не лишнимъ упомянуть, что аппараты поставлены уже въ большомъ количествѣ на многихъ мѣстахъ, какъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ садахъ, на бульварахъ, въ театрахъ, и работаютъ очень успѣшно.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхование выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3718
Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше-означенному адресу.

ШИШУАЖИ МАШИНА "РЕМИНГТОНА".

Шить въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ, и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

Поступила въ продажу большая гравюра:
ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

- 1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.
  - 2) Государыня Императрица Марія Феодоровна.
  - 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.
  - 4) Великій Никитъ Георгій Александровичъ.
  - 5) Великій Никитъ Михаилъ Александровичъ.
  - 6) Великая Никитна Ксенія Александровна.
  - 7) Великая Никитна Ольга Александровна.
- Гравюра артистически исполненная съ фотографіи С. Л. Левицкаго и К^о и отпечатанная на отличной вѣлковой бумагѣ, размѣромъ 10 1/2 вершк. выш. и 7 1/2 вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. на скалкѣ 1 р. 25 к. Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 р., съ пересылкой и укупоркой до 1000 верствъ 3 р. 50 к., а до 2000 верствъ 4 р. 50 к.
- Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, размѣромъ 13 3/8 вершк. выш. и 9 7/8 вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалкѣ 2 р. 50 к. Въ изыщ. рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.; съ перес. и укупоркой до 1000 верствъ 7 р. 50 к., а до 2000 верствъ 9 р. 50 к.
- Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала "Нива", Невскій просп., № 6. СПб.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.

ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЛИ
по 30 коп.

Для сбереженія шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч.

Этотъ составъ можетъ служить жидкостью для очищенія воздуха въ комнатахъ посредствомъ пульверизатора.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 82. Рт. 3862 2-1
- 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
- 3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 - 54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

Иодисто-разсолныя воды BAD-HALL въ Верхней Австріи

Самое сильное содержаніе іодистаго разсола въ Европѣ. Для леченія при золотухѣ и болѣзняхъ половыхъ органовъ и противъ ихъ послѣдствій. Превосходное средство леченія (ванны и внутреннее употребленіе минеральныхъ водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Весьма выгодныя климатическія условія; станція ж. д. Путь черезъ Линцъ на Дунайъ.
Сезонъ отъ 15-го мая до 30-го сентября.
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ Дирекція водъ въ BAD-HALL. R. № 3747 4-0

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутуовая пудра.
CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Faix Paris.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

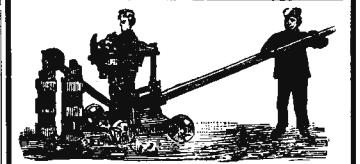
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Интелы въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не мѣнѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (64) № 2948

ЛЕВИЦКАСЪ и ГЮЗИНСКІЙ

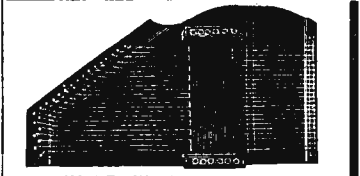

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ
Москва, Красновельск. улица № 3843 СТРОИТЬ: 6-3

плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, сортировки, мельницы, конные приводы, локомобили 3, 4 и 6 силъ, соломорѣзки, паровыя машины, котлы, насосы всякаго рода, пожарныя трубы, снѣжные прессы, кирпичи, пресса и пр.

КОНТОРЫ и СКЛАДЫ:
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, 10. Москва, Мясницкая улица, у Мясницкихъ воротъ, домъ Виноградова. Иллюстрированныя каталоги бесплатно.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

Собств. издѣлія продаются по вновь установленнымъ цѣнамъ:
№ 7 " " съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.
Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (1) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣляется скидка.

Имеется въ складѣ.

ШТУРМА УКСУСЪ
НАТУРАЛЬНЫИ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА ВЪЗВРАЩЕНІЕ ЧИСТАГО ВКУСА и ЗАПАХА.

Имеется въ складѣ.

УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ

Складъ: Невск. 96/1, по Надеждинск., маг. 26.

Выработываю только натуральныи уксусъ: окисленіемъ (при помощи атмосфернаго воздуха) изъ Штурма, Сладка и Винограднаго тина.

Прейсъ-куранты GRATIS вЪ FRANCO. Ц. № 3767 (7).

Безопасныя 2-хъ-кол. велосипедеы СВИФТЪ и ВИППЕТЪ
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представителъ д. всей Россіи Первыхъ Алех. Фабр. велосипедовъ. Прейсъ-куранты бесплатно, также брошюра вѣнкта Берри: "О велосипедахъ и велосипедистахъ".
Москва, Кузнецкій м., д. Голыцина. СПб., В. Морская, 21. Р. № 3829 (4)

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 выданъ 13 мая 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Весенняя выставка Имп. Анад. Художествъ. Маленькая швея. Карт. Н. Н. Зимина (право грав. приобр. „Нивой“), грав. Волковъ.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ
Вас. И. Немировича-
Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Клубкомъ свернувшійся, бѣлый котенокъ вдругъ вытянулся, замурлыкалъ что-то и сталъ жмуриться на солнце, залившее уже своимъ горячимъ золотомъ простенькую комнатку сквозь не плотно спущенную занавѣску. Выбѣленные стѣны, некрашеный полъ, зеленая ширмы да умывальникъ въ углу. Было такъ тихо, что, выпрыгнувъ изъ корзины, гдѣ заботливая рука устроила покойное гнѣздышко, котенокъ самъ испугался надѣланнаго имъ шума, распушилъ хвостъ, оцетинился, выгнувъ спину верблюдомъ, и нѣсколько шаговъ проскакалъ бочкомъ - бочкомъ на всѣхъ лапкахъ разомъ. Успокоясь, онъ хотѣлъ было поиграть съ огнистымъ кружкомъ солнечнаго свѣта, дрожавшимъ на полу, ткнулся въ него мордочкой, причемъ она сама загорѣлась золотистымъ свѣтомъ, но сообразивъ что не стѣитъ и, разслушавъ знакомое мѣрное дыханіе, отправился за ширму. Съ узенькой кровати свѣшивалось одеяло, котенокъ взобрался на него и пошелъ обычною дорогой

къ изголовью спавшей дѣвушки. Ткнулся ей въ подбородокъ, зашѣлъ что-то весьма ласковое, лизнулъ ей копчикъ носа и, когда та на него фыркнула, потрогалъ его мягкими лапками: что это де за мудреная штука. Потомъ опъ весьма удобно расположился у нея на шеѣ и опять зашѣлъ, да такъ сонно, что открывшая было большіе голубые глаза свои, его пріятельница вновь ихъ сомкнула и задремала еще крѣпче. Изъ другой комнаты чуть слышалось тиканье стѣнныхъ часовъ. Потомъ къ нимъ присоединилось шуршанье чьихъ-то мягкихъ туфель на полу. Скоро пріотворилась дверь и сюда вошла маленькая толстая старушка въ бѣлой юбкѣ и ночной кофтѣ. Зѣвая и крести ротъ, она подняла занавѣску и зажмурилась, обданная слѣпящимъ блескомъ и тепломъ.

— Вѣрочка!.. шепотомъ спросила она. — Вѣрочка, спишь? Не притворяйся, не притворяйся. Я вѣдь все вижу.

Но за нее мурлыкала только Маруся, еще привольнѣе свѣсившая лапки и жмурясь на старушку.

— Ишь, обѣ вмѣстѣ! засмѣялась вошедшая, пощекотала голову котенку и поправила бѣлокурую прядь волосъ, выбившуюся изъ-подъ щеки ровно дышавшей дѣвушки на подушку. — И жарко-же! шептала старушка, опять перейдя къ окну.

Она распахнула его настежь. Точно ожидавшіе только этого мгновенія колокола въ монастырѣ насупротивъ—проснулись. Громкій и гулкій ударъ прокатился съ высоты, всколыхнулъ застоившійся воздухъ, медленно и торжественно проплылъ мимо небольшого домика; за нимъ—другой, третій. Точно играя на ихъ густомъ и однообразномъ фонѣ, вслѣдъ пронесся перезвонъ болѣе мелкихъ—казалось всю комнату эту наполнили своими веселыми, радостными звуками, отражаясь отъ ея угловъ и замирая подъ потолкомъ.

— Неужели такъ поздно уже? послышалось за ширмой.—Это къ ранней обѣднѣ ударили?

— Нѣтъ, къ вечернѣ! А ты какъ думала? Ты полагаала они тебя ждать будутъ.

— Заспалась. Я бы давно встала—да пришла Маруся, жаль было ее тревожить. А потомъ она меня замурлыкала и сама я заснула. Сонъ какой я видѣла, бабушка, утромъ ужь...

— Ну, сказывай баловница, что еще тамъ у тебя оказалось?

Внучка ея уже сидѣла на кровати, свѣсивъ внизъ босые ножки и гладя котенка, потягивавшагося у нея на колѣняхъ.

— Да брось ты Марусяку. Ишь только и знаетъ что жмурится. Ну, что ты тамъ видѣла?

— Будто я дописала свою картину, и мать Варлаама приказала ее повѣсить—куда-бы ты думала? Наверное не угадаешь!

— Ну, въ ризницу, что-ли? Въ ризницу-то слишкомъ лестно... Развѣ во снѣ—не доросла ты еще до этого.

— Нѣтъ, не въ ризницу, и не въ церковь... А ты подумай.

— Къ себѣ въ келлію? Только у нея въ келліи кроми митрополитовъ никого нѣтъ.

— И опять не угадала! смѣялась внучка, показывая бѣлые и ровные зубы.

— Ну ужъ и не знаю куда еще. Не въ трапезную же... Въ школу развѣ?

— На колокольню!

— Къ грачамъ и воронамъ! Такъ. По картинѣ и честь. А что много вчера работала?

— Какже, мать Клеопатру всю дописала. Кажется выходитъ у меня. Бабушка Капитолина хвалила вчера; говорить—какъ живал.

Дѣвушка наконецъ отыскала ногами туфли, падѣла ихъ и жмурясь и зѣвая пошла къ окну. Солнце всю ее освѣтило своимъ свѣтомъ, заиграло по виткамъ ея свѣтлорусыхъ—свѣтлѣ лица—волосъ, безпорядочно па-

давшихъ на спину и на плечи. Ея румяныя большія губы безсознательно улыбались чему-то творившемуся будто въ ней самой.

— Безпоряха ты, вотъ что! недовольно смотрѣла на нее старушка.—Безпоряха была и есть. Ничему не паучилась.

— За что ты это бранишься?

— Какъ тебя не бранить! Этакую красу глупой предоставилъ Господь, а ты небрежешь. Лѣнь было на ночь заплести косы-то... Что у тебя отъ волосъ останется? Начнешь чесать—и рвешь. Каждый разъ на гребнѣ-то добрая пригоршня ихъ. А все лѣнь, все лѣнь.

— Лѣнь! засмѣялась внучка. — Тебѣ-же, бабушка, лучше, по крайности есть па что поворчать.

— Вотъ я матери Варлаамѣ расскажу про все твои дѣла. Посмотримъ, какъ заступница твоя похвалитъ тебя за это. Сегодня ужъ я за тобой приборала-прибирала. Краски въ одномъ мѣстѣ, бумага въ другомъ, кисти въ третьемъ. Платокъ подъ диваномъ въ сору. Это развѣ порядокъ? что къ тебѣ горничныя приставлены что-ли?

— Платокъ—это Марусяка затащила.

И схвативъ котенка на руки, она коснулась лица старушки его круглою головкой съ крошечными усиками.

— На возьми ее... Это она все.

— Ладно, не юли... Обѣимъ вамъ одна цѣна у меня: что Марусякѣ, что тебѣ. По разуму-то равны.

А рука у самой такъ и тинется пощекотать котенка.

— Что шельма, а? сливокъ хочешь?

Притворявшаяся до тѣхъ поръ ко всему вполне равнодушною, Марусяка разомъ почувствовала, что это выше ея силъ. При словѣ „сливки“ она соскочила на полъ и побѣжала, задравъ хвостъ и оглядываясь, къ дверямъ.

— Ну, одѣвайся, да иди чай пить! обернулась бабушка, уходя за котенкомъ.

Дѣвушка лѣниво подошла къ окну. Все за нимъ было такъ знакомо ей, такъ срослось съ ея жизнью. Инаго міра, неоглядно въ даль и ширь раскидывавшагося за стѣнами монастыря—она не знала, не думала о немъ, какъ не думаетъ дикарь-островитянинъ: есть-ли еще живые люди за голубымъ просторомъ океана, охватившаго отовсюду клочокъ земли на которомъ онъ родился и выросъ. Домикъ, гдѣ жила Вѣрочка, весь точно грибокъ поднялся въ тѣни монастырскихъ стѣнъ. Его можно было различить издали, когда солнце поднималось высоко. Но при восходѣ, когда оно затопляло своимъ свѣтомъ высокія стѣны, прочныя башни, бѣлыя колокольни, золотые и голубые купола обители—его пожалуй и не различилъ бы, чисто какъ ласточкино гнѣздо у чужой кровли. Когда же солнце заходило за монастыремъ и весь онъ, со своимъ соборомъ, церквами, зубцами стѣнъ, тонкими силуэтами колоколенъ вырѣзывался темнѣй на огнистомъ маревѣ запада, въ густой тѣни отбрасываемой этою твердыней и совсѣмъ нельзя было замѣтить крошечнаго домика „Вѣрочкиной бабушки“. Какъ домъ этотъ сливался съ громадою обители, такъ и все существованіе дѣвушки тонуло въ ней. Она родилась, болѣла, выздоравливала, играла, смѣялась и плакала, думала и училась, вставала и ложилась спать въ ея тѣни подъ звонъ ея колоколовъ. Самой себѣ иногда казалась она одною изъ тѣхъ птицъ, что жили на колокольняхъ, въ бойницахъ стѣнъ, подъ карнизами башенъ, наполнили окрестную тишину своимъ стрекотомъ и чиликаньемъ и смолкая только тогда, когда начинали говорить колокола...

Но какъ ни сжилась Вѣрочка съ этою обителью, какъ ни привыкла видѣть ее то подъ чистымъ небомъ, вѣявшимъ благоговѣйною тишиною и кроткимъ миромъ, то подъ сизыми грозowymi тучами, громами и молніями, отылавшимися ударами ея колоколовъ,—всякій разъ,

подходи къ окну, она съ невольною любовью, несознательно по теплившейся въ ея душѣ, смотрѣла на эти древнія стѣны. Особенно теперь, когда весна дышала ей въ лицо такимъ чарующимъ ароматомъ. „Откуда это?“ задумывалась она. И жасминами, и розами... Вотъ и гіацинты слышны. Должно быть у игуменъи. Нѣтъ, нѣтъ, въ тонкой струѣ этого благоуханія пахнетъ свѣжими, только что развернувшимися березовыми зелеными. Они еще мелки. Въ нихъ еще такъ ясно сквозятъ бѣлые стволы. Тонкія вѣтки лишь подернулись ими. Кажется, что эти крохотные листочки просыпались откуда-то сверху, съ неба, и до перваго порыва вѣтра упали за деревья. Солнце въ нихъ играетъ золотистыми отсвѣтами и трепещутъ подъ нимъ березки первую веселою дрожью зарождающейся жизни. Ласково, мягко и нѣжно шумитъ онѣ, когда вокругъ всколышится теплый воздухъ. Это не лѣтняя мощь, не осенній сухой шелестъ мертвѣющаго листа—это дѣтскій лепетъ веселой зелени, только что родившейся изъ своихъ темно-красныхъ почекъ... А какъ красивы древнія стѣны за этими сквозными березами, старыя почтенныя стѣны, въ щеляхъ и трещинахъ которыхъ поднялось всякое быліе, а между зубцами распустились цѣлыя деревца, отъ сѣмянъ когда-то занесенныхъ сюда вѣтромъ!..

Вонъ темная арка воротъ съ золотымъ крестомъ вверху. Вѣра знаетъ, что сидитъ теперь и дремлетъ въ нихъ мать Степанида, что она и сегодня ласково улыбнется дѣвушка и спроситъ ее, какъ спрашивала вчера, третьяго дня, годъ, десять лѣтъ назадъ.

— Ну, что, все прыгаешь, стрекоза? Прыгай, прыгай, Господь съ тобой.

И при этомъ вздохнетъ, помянетъ про часы-то „искушенія“ и опять задремлетъ.

А вонъ пять большихъ куполовъ соборнаго храма. Какъ подъ его высокими сводами гулко звучитъ ея голось, свѣжій и чистый! И какіе это купола! Есть-ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ такіе? Какъ они красивы сегодня! Темно-синіе со звѣздами и посреди ихъ выше всѣхъ—главный, золотой, какъ огонь горящій подъ этимъ солнцемъ. Тонкіе сквозные кресты на нихъ. Съ крестовъ висятъ на золотыхъ цѣпяхъ золотые шары. Ребенкомъ она вѣрила, что это лица чудесныхъ райскихъ птицъ; каждое Свѣтлое Христово Воскресенье птенцы проклевываютъ серебряными носками золотую скорлупу — и съ первымъ ударомъ колокола, красныя какъ пламя, вылетаютъ отсюда во всѣ концы міра—сообщая всѣмъ: и звѣрю дикому, и пернатому хищнику-соколу, и ласточкѣ кроткой, и сѣрому воробью одну великую вѣсть: „Христось Воскресъ...“ И тотчасъ-же невѣдомые ангелы сходили съ небесъ и вмѣсто старыхъ проклеванныхъ вѣшали новыя лица съ чудесными птицами. Качалъ и баюкалъ ихъ потомъ вѣтеръ, цѣлый годъ кропилъ ихъ дождь, сушило и грѣло солнце, будили по утрамъ гулко колокола монастырскіе...

Зеленыя кровли подъ куполами. По краямъ ихъ на теплѣ усѣлись голуби, сорвется одинъ, погуляетъ-погуляетъ въ воздухѣ, залетитъ въ какую-нибудь бойницу и опять назадъ. Вонъ церковь Варвары-Великомъ ченицы,—ея пеструю колоколенку грачи любятъ. Гнѣзда ихъ дальше въ роцѣ, что зеленымъ облакомъ заповонила лощину. Черными шапками торчатъ они тамъ на верхушкахъ. А днемъ—всѣ грачи здѣсь, и когда рослая и сильная мать Митрофанія раскачиваетъ тяжелый и ржавый языкъ толстаго стараго колокола, чтобы сильнѣе ударить имъ въ звонко гремищій металлъ—пернатые посѣтители „Варваринской вышки“ даже съ мѣста не трогаются, зная, что ихъ здѣсь никто не обидитъ. Какъ только подходитъ весна — грачи первые слетаются сюда—слушать молча, какъ заговоритъ и потомъ замретъ бронзовая пасть, а потомъ они загомянятъ и завозятся между красными и синими колонками, въ темныхъ амбразурахъ и подъ выбѣленными сводами

„вышки“, гдѣ перекрестились потрескавшіяся балки поддерживающія тѣло стараго колокола. А вся главная монастырская колокольня,—она точно пронизала синеву неба. Сквозная амбразура противъ амбразуръ приходится, въ нихъ лазурь видна, точно синія стекла вставлены. Внизу сама громада, колоколь виситъ. Вѣра помнитъ, какъ въ дѣтствѣ ей страшно было за мать Агнію, живущую подъ колоколомъ въ крохотной келіи. А вдругъ онѣ сорвется, пробьетъ потолокъ ея и рухнетъ придавивъ ее къ землѣ своимъ тяжелымъ бронзовымъ тѣломъ. Въ него звонятъ рѣдко, только въ великіе праздники,—когда всѣ должны или радоваться, или печалиться; когда птица—и та чувствуетъ. Сказывала ей Агнія, что услышавъ его тягучій ударъ подъ землей—всѣ инокини, схороненныя на монастырскомъ кладбищѣ, гдѣ такъ густа трава и такъ хорошо пахнетъ шиновикъ, начинаютъ подъ своими насыпями тихо шептать молитвы, и если прилечь въ это время да приложить ухо къ землѣ—то можно слышать глубоко-глубоко не только гудѣніе безчисленныхъ устъ, но и шорохъ рукъ, до тѣхъ поръ недвижно сложенныхъ на недвижныхъ грудяхъ. Подымаются въ гробахъ костлявыя руки и осѣняютъ крестнымъ знаменіемъ истлѣвшія лица. Замретъ главный колоколь—и опять заснутъ до слѣдующаго великаго праздника схороненныя инокини—черныя, въ черныхъ гробахъ подъ землею...

— Ну, что же ты скоро? показалась въ дверяхъ бабушка. — Да ты еще срамница и не одѣта! Ай да ну! Все въ своей рубашенкѣ стоишь! Что ты, Вѣрка? Думаешь самоваръ долго для тебя кипѣть будетъ — и не воображай. Позову Устинью и велю ей унести все прочь.

— Я сейчасъ, сейчасъ.

И бросивъ на монастырь послѣдній взглядъ, Вѣра пошла умываться.

— То-то сейчасъ. Вѣдь ужъ кажется большая. Восемнадцатый годокъ пошелъ — безстыдница ты этакая.

— Ужъ и большая! Вотъ въ обители „бабушки“ меня за младенца считаютъ.

— Избаловали они тебя. По уму-то ты, милая — младенецъ. Ты думаешь картины рисуешь, такъ и выросла,—нѣтъ, погоди. Далекое еще воробью до сороки бѣлобокой!.. Ну скорѣй, скорѣй! Нечего полоскаться-то. Рада что до воды добралась. Утка, настоящая. Ишь, вонъ должно быть отъ матери Капитолины бѣличка бѣжить къ тебѣ. Взглянь-ко, мнѣ не разсмотрѣть.

— Да, это Маша и есть.

— Ишь! А ты бы спала до сихъ поръ.

На крыльцѣ домика хлопнула дверь. Въ комнатахъ послышались быстрые шаги.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! пѣвучимъ голосомъ сказался кто-то за дверью.

— Маша — ты?.. Входи скорѣе.. Чего ты въ экую рань?

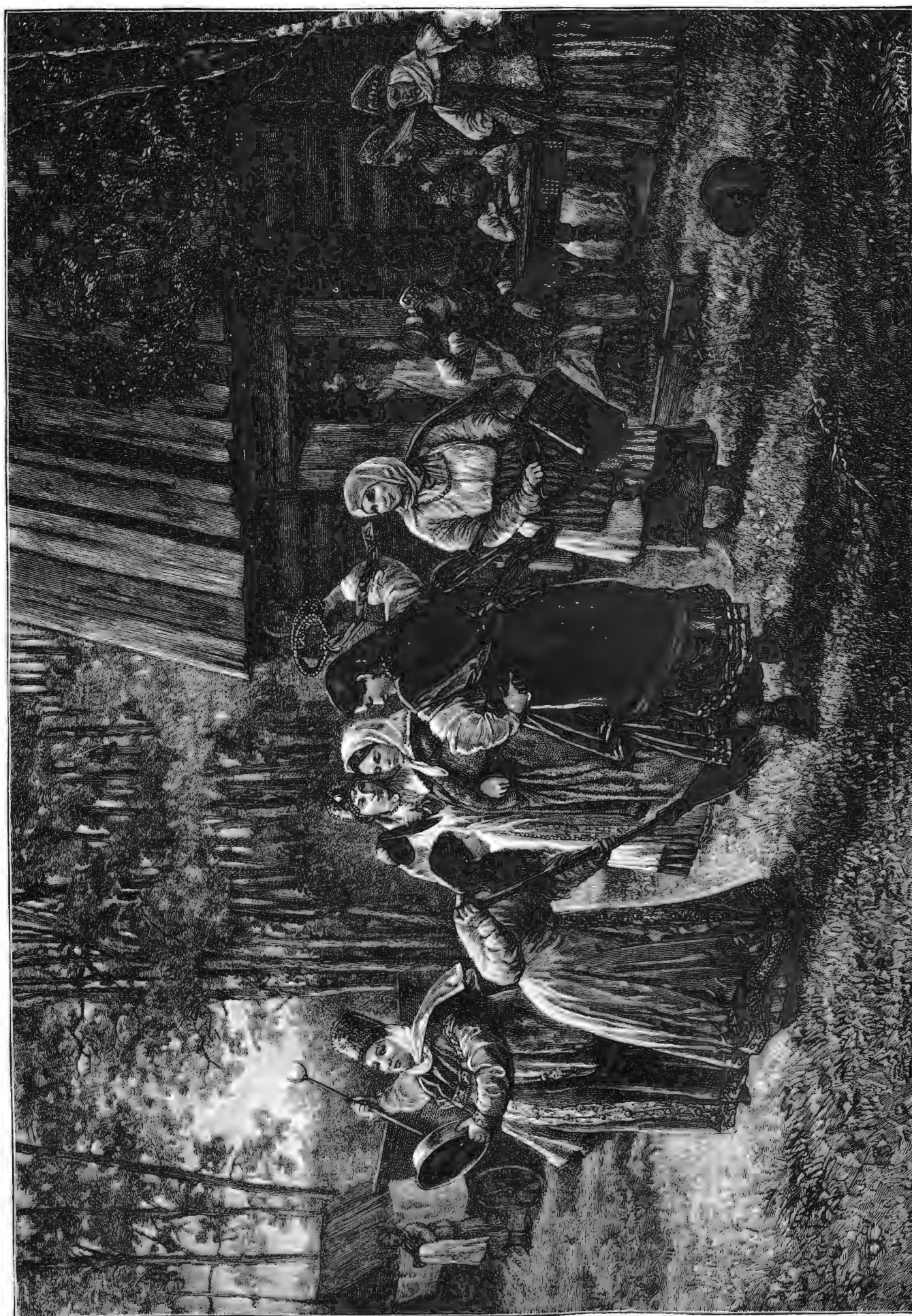
— Спаси васъ Богъ, матушка!.. поклонилась та старушкѣ. — Христось съ тобою, Вѣра... Къ тебѣ я отъ матушки Капитолины. Спосылала скорѣй. Сейчасъ чай будетъ пить — отъ обѣдни пришла, такъ звала безпрѣмѣнно. Пусть, говоритъ, придетъ, мы новую банку крыжовниковаго начинать станемъ. Опять же просфоры сегодня удались нашей старицѣ скусныя-скусныя.

— Да ты отдохни, Маша, смѣялась Вѣрочка. — Ишь, какъ заторопилась вся. Даже духъ захватило.

— И впрямь, умница ты моя... Я вѣдь сломя голову бѣжала. Мать Степанида въ воротахъ-то кричитъ мнѣ: „охъ, искушеніе, что за тобою бѣсовская сила гонится?“ Ей-то вишь досадно. Она нынче и ходитъ-то валко... Едва-едва...

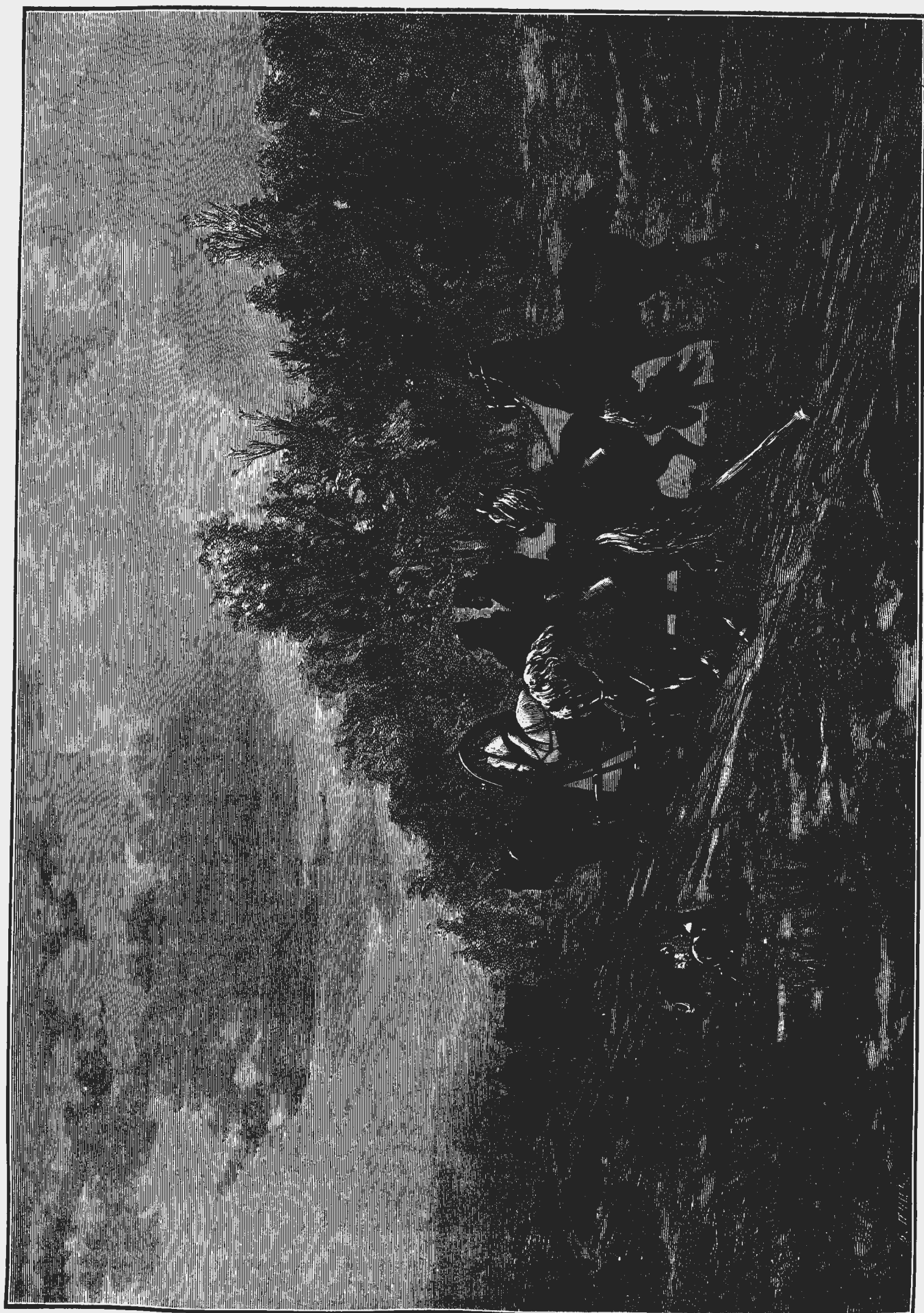
— Старая ужъ...

— Какже. Еще когда моя матушка поступила въ обитель — Степанида ужъ сидѣла подъ воротами-то и сѣдая была...

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. На дѣвичникѣ.

Картина академика А. П. Корзухина (право гравированіи пріобрѣтено „Нивой“), грав. Шлингеръ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. На конскій рынокъ.
Картина Р. Ф. Френца (право гравированіи пріобрѣтено „Нивой“), грав. Пудъ.

II.

Вѣра живо собралась въ обитель, бѣличка не ждала ее—и дѣвушка пошла одна.

Теперь она была по наружному виду похожа на монахиню. На ней было черное люстриновое платье, плотно обтянутое въ талии широкимъ кожанымъ поясомъ. На голову она набросила черный платокъ скрывававшій ея чудесные волосы. Одни глаза только смѣялись и лучились совѣтъ не по монашески; напротивъ, они дышали жизнью и мапили къ жизни. Впрочемъ, у воротъ обители она низко опустила свои длинныя рѣсницы и проходя поклонилась сидѣвшей сѣдой и сгорбленной монахинѣ.

— Здравствуй, бабушка Степанида.

— Ну что, все прыгаешь, стрекоза? Здравствуй, здравствуй. Что поздно такъ сегодня?

— Заспалась, бабушка.

— Ишь, грѣхи-то какіе! Поди и лба себѣ не перекрестила? Ахъ ты мірская грѣховодница. Подлинно—искушеніе съ тобой, ну иди. Мать Капитолина стосковалась, спосылала за тобой. А потомъ и меня старую навѣсти—не забывай. Все съ тобой точно и сама-то помоложе.

Вѣра, пройдя подъ воротами, вошла въ большой монастырскій дворъ.

Боже мой, какъ здѣсь все было ей знакомо! Какой крошкой казалась она самой себѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ игралъ подъ этими величавыми стѣнами и на какую громадную высоту выросли тогда надъ нею всѣ эти колокольни, соборы и башни! Теперь она выросла и они точно немножко понизились, но все-таки, проходя мимо нихъ, она чувствовала себя опить такой же крошечкою какъ и въ тѣ времена. Мать у нея давно умерла. Бабушка, воспитавшая ее, поселилась у обители, въ которой спасалась ея сестра. Когда умерла эта, первой уже казалась невозможнымъ уйти отсюда, переселиться въ городъ, отъ котораго верстъ за двадцать стоялъ монастырь. Къ ней пріѣзжали иногда родные, убѣждали отдать имъ дѣвочку. По ихъ словамъ, Вѣру надо было воспитать и образовать, но всякій разъ какъ старушка колебалась и начинала сдаваться на эти доводы—внучка ея или убѣжала въ монастырь и пряталась тамъ у монахинь, повѣряя имъ свое дѣтское горе, или благимъ матомъ кричала, топая ноженками: „не хочу въ городъ, хочу къ бабушкамъ“. Благодаря старухѣ-родственницѣ, всѣ монахини здѣсь назывались ея *бабушками*. Она такъ ихъ и называла, различая ихъ только по именамъ; такъ у нея была бабушка Антонида, бабушка Гликерія, бабушка Степанида. Въ свою очередь и старушки, привязавшіяся къ ребенку, звали ее внучкой. Скоро такимъ образомъ Вѣрка стала внучкою цѣлаго монастыря. Каждая изъ монахинь, будучи еще въ міру, или имѣла дѣтей и утратила ихъ, или страстно желала имѣть ихъ теперь; воскресавшіе въ нихъ материнскіе инстинкты невольно сказывались по отношенію къ общей любимицѣ. Понятно, что она и росла „вселенскою баловницей“, какъ называлъ ее старикъ-священникъ, являвшійся сюда для совершенія требъ. Для нея припрятывали лучшіе кусочки, ей вязали чулки, шили бѣлье, платья... Такъ бы, благодаря общей любви къ ней, и выросла она безграмотною, или бы старушка, настоящая бабушка, наконецъ взялась за умъ и скрѣпя сердце отвезла ее въ городъ учиться, если бы между монахинями не произошло нѣсколькихъ „бабушекъ“ пообразованнѣе. Онѣ учились въ свое время въ институтахъ, знали языки и обрадовались случаю позабыть однообразіе монастыря, занимаясь съ шустрою дѣвочкой. Такимъ образомъ только девяти лѣтъ Вѣрка выучилась читать и, какъ это бываетъ почти всегда, когда начинаютъ учить поздно—ея способности развернулись вдругъ и поразили всѣхъ окружающихъ. Дѣвочка схватывала вслѣдствіе жад-

постью галчонка въ гнѣздѣ, котораго сколько мать ни корми, а у него всегда клювъ раскрытъ широко. Ученныя бабушки, занявшіяся съ Вѣрочкой, потомъ и сами были не рады. Разъ пробужденная ими любознательность не засыпала никогда больше въ дѣвочкѣ. Она цѣлые дни приставала къ нимъ съ вопросами, требовала обстоятельныхъ объясненій, не удовлетворялась назначеннымъ для уроковъ временемъ, хотѣла чтобы ей цѣлые дни читали что-нибудь вслухъ. Скоро монахинямъ пришлось выписывать книги и самимъ учиться чтобы чѣмъ-нибудь наполнить эту ненасытную жажду знанія въ Вѣрочкѣ. Память у нея была удивительная. Монахини обратились было къ священнику, чтобы тотъ помогъ имъ, но старикъ, хотя въ свое время и кончившій курсъ въ академіи, скоро отказался отъ непосильнаго труда.

— Эта курочка клевала да клевала у васъ по зернышку да такъ наклевалась, что теперь и мнѣ передъ нею стыдно.

— Ужъ такая-ли прилежная, восхищалась мать Варлаама, — просто удивительно.

— Истинно: тѣченіемъ не лѣнива, духомъ горяща, Господеви работающа. Хорошихъ книгъ ей надо, вотъ чтѣ.

Инокіи обратились за книгами въ городъ, къ „благодѣтельницамъ“; благодѣтельницы послали имъ короба всякаго хламу. Простодушнымъ матерямъ нѣкогда было разсматривать всю эту премудрость, онѣ предоставили самой Вѣрочкѣ распутываться съ нею какъ сама знаетъ. Дѣвочка обрадовалась, перетащила мало-помалу книги къ себѣ на чердакъ и занялась чтеніемъ сама, безъ толку и безъ разбору, глотая и путешествія, и романы, и историческія сочиненія, и часто отъ одного упрямства одолевая такія, въ которыхъ ей ничто не было понятнымъ. Зато же и надоѣдала она потомъ „бабушкамъ“ со своими вопросами.

— Бабушка Гликерія, чтѣ значить это?

И она читала ей выдержку изъ какого-нибудь мудренаго „Ключа къ таинствамъ природы“ или „Сокровища мудраго каменьщика стремящагося къ совершенству“.

Бабушка выслушивала, хмурилась, задумывалась.

— Да ну же, бабушка? приставала нетерпѣливая Вѣрочка.

— А ты варенья не хочешь? у меня есть вишневое, да какое—съ косточками.

Но этотъ маневръ не удавался. Вѣрочка упиралась пальчикомъ въ книгу и требовала объясненій. Бабушка Гликерія пробовала было пуститься въ умствованія и тотчасъ же запутывалась и начинала сердиться.

— Иди, иди, Вѣрка негодная... Иди.. Ишь вздумала большаго да сыраго человѣка тревожить. Нечего грѣшить-то... Ступай, ступай,—я на молитву стану.

Вѣрка, съ раскрытой на той же страницѣ книгой, бѣжала къ другой бабушкѣ, тамъ пробовали было ее умаслить привиками, но когда это средство не дѣйствовало, брали ее за плечи и выводили за двери; дѣвочка бѣжала къ третьей, четвертой, пятой, но у всѣхъ бабушекъ ни отвѣта, ни указаній для нея въ личности не было. Она въ отчаяніи отправилась подъ ворота къ послѣдней изъ бабушекъ, къ Степанидѣ.

— Бабушка, а бабушка, ты вѣдь добрая, а? ластилась она.

— Ишь, стрекоза! Ну да ужъ не лестись.. Говори, чего надо?

— А вотъ скажи ты мнѣ, чтѣ это значить: „мудрый и каменными путями блуждающій и бездны по сторонамъ, въ мракъ уходящій, созерцающій не прекратитъ пути своя, но въ благовремени одолевъ страсть обряцетъ истинную тропу добродѣтели, содѣлавъ хищнаго льва себѣ не опаснымъ и въ души своей возростивъ агнца добродѣтельнаго и...“

Степанида задумалась.

— А ну-ко, прочви-ко еще...

Вѣрочка ей читала.

— Ты у кого спрашивала-то?

— Всѣхъ бабушекъ обѣгала, никто не понимаетъ.

— То-то... Вотъ оно высокоуміе... А простаго дѣла не сообразили... Про него это, Вѣрочка, все про него.

— Про кого?

— Ну еще... Не ко время поминать бы: про бѣса, про чорта этого самаго... Левъ-то вѣдь—онъ. Какъ про него въ писаніи сказано: „аки левъ пѣкій, кого поглатити...“

Полуудовлетворенная дѣвочка принималась читать дальше...

Книгу она бросала только для церкви.

Въ монастырѣ отлично пѣли, а Вѣрочка очень любила пѣніе. Сверхъ того, забравшись въ уголокъ и спрятавшись тамъ ото-всѣхъ, она высматривала, какъ колонны собора уходили во мракъ густѣвшій подъ его сводами, и дѣвочкѣ чудилось, что онѣ тянутся высоко-высоко и пропадаютъ въ самыхъ небесахъ; когда легкими струйками по нимъ курился вверхъ дымокъ оиміама, она представляла себѣ, что это обрывки облаковъ, что церковь вмѣстѣ съ колоннами вознеслась уже въ недосыгаемая глубины тверди, что сама она, Вѣрочка, выйдя сейчасъ на паперть, увидитъ себя повиснушею въ какомъ-то безграничномъ пространствѣ, а земля будетъ тамъ далеко-далеко внизу свѣтитъ ей робкою звѣздочкой. Очнувшись, дѣвочка смотрѣла, какъ подъ порывистымъ и трепетнымъ свѣтомъ лампадъ и восковыхъ свѣчъ, горѣли алмазные спицы и золотыя ризы и казалось шевелились лица старыхъ иконъ. Вонъ глаза Богоматери... Точно моргнула она, и Вѣрочкѣ кажется, что внизъ по золоту ризъ и серебру окладовъ катится лучистая бриллиантовая слезка... Вонъ ангелы на парскихъ вратахъ подъ сизоватымъ туманомъ ладона; чудится, что они улыбаются ей, что легкія и сквозныя перья за ихъ спинами вздрагиваютъ и трепещутъ. Еще мгновение и они развернутся и унесутъ крылатыхъ младенцевъ и съ этого полотна и изъ этого храма, а на ихъ мѣстѣ останется одно пустое, ничѣмъ не закрашенное пятно. Была одна старая икона, вся въ рубинахъ, въ жемчугахъ, изумрудахъ и алмазахъ. Камни эти искрились, загорались, окружая ее какимъ-то фантастическимъ сіяніемъ. Вѣрочка подолгу упорно всматривалась въ ликъ, когда-то изображенный на ней, и ничего не различала тамъ. И днемъ, близко подходя къ нему, она ничего не могла разсмотрѣть на этой иконѣ—ея краски давно потускли, линіи расплылись, стерлись. Но теперь, за трепетавшимъ пламенемъ свѣчей, въ нагрѣтой атмосферѣ храма, въ клубахъ то стущавшагося, то расхлывшагося оиміама—ей на мѣстѣ старой и ветхой иконы чудились разные лики, одинъ благодѣи, одинъ кротче другаго. То улыбающіеся, то печальные. Она не отводила глазъ отъ этого темнаго пятна, и вотъ въ немъ точно проступали изъ какой-то глубины другіе глаза. Ближе и ближе. Она уже различаетъ взглядъ устремленный на нее, видитъ какъ шевелятся рѣсницы этихъ глазъ, какъ свѣтъ отражается къ покрывающей ихъ влагѣ. Мало-по-малу опредѣляются брови надъ ними, бѣлѣетъ и выступаетъ лобъ—мелькнули, оянь скрылись, оянь выказались и пропали, и наконецъ совсѣмъ обрисовались печальныя уста. И Вѣрочка страстно молилась этой, ей одной явленной иконѣ. И чувствуетъ дѣвочка какой-то холодъ, вскорѣ пробѣгающій по ея тѣлу, въ груди чутко и больно колотится сердце, какъ птичка въ тѣсной клѣткѣ, стремящаяся на волю, а церковь возносится все выше и выше, и куда-то низко-низко проваливается робкая звѣздочка тамъ оставшейся земли. Теперь ужъ ее почти не видно вѣрно, мигаетъ и оянь скроется какъ бриллиантовая слезка, прокатившаяся по благодствому, ей одной открывшемуся, лику... А напѣвы звучатъ все громче,

стройнѣе, высокіе голоса кажется съ какой-то недосыгаемой высоты льются въ этотъ храмъ, вотъ они цѣлымъ потокомъ хлынули около нея, закружились, схватили ее въ свое звучное облако и уносятъ... Куда?.. Развѣ она знаетъ куда?.. Она только чувствуетъ, что сердце вотъ-вотъ переростетъ ея клѣтку и что-то горячее и жгучее подкатилось и горитъ въ ея глазахъ, что щеки ея стали влажны, а она сама такъ легка, такъ легка—что поди теперь и прыгни съ паперти—такъ и останется висѣть въ эфирѣ, какъ одинъ изъ его тысячныхъ атомовъ... Только и приходила въ себя дѣвочка—когда какая-нибудь монахиня, замѣтившая ее во мракѣ ея уголка, приближалась къ ней, клала ей на горячій лобъ свою холодную мягкую руку и спрашивала, наклонясь:

— Что, дѣвочка, у тебя головка болитъ?

— Нѣтъ... Нѣтъ... Это такъ...

И она старалась освободиться изъ-подъ ласковой руки „бабушки“, хотя иногда эта „бабушка“ была и сама еще молодою женщиной.

Возвращенная землѣ, дѣвочка долго слѣдила за своими „бабушками“.

„О чемъ это такъ вздыхаетъ мать Капитолина?.. Почему это она наклонится и долго стоитъ наклоненною и прижимаетъ рукою сердце? Что она чувствуетъ? А бабушка Агнія—почему она всегда плачетъ въ церкви, а видъ ея такая веселая и спокойная? Вонъ Варлаама о чемъ-то шепчется съ Капитолиной—къ нимъ присоединилась и Афанасія...“ И долго еще слѣдитъ Вѣрочка, какъ въ сумракѣ храма обрисовываются смутныя черныя силуэты монахинь. Еще поближе, они различаются изъ общаго фона—дальше сливаются совсѣмъ и только порою въ этомъ маревѣ чудится какое-то движеніе, слышенъ шорохъ, изрѣдка вырвется какой-нибудь загадочный звукъ и пропадетъ оянь, какъ свѣтлое пятно, проступавшее во тьмѣ на одно мгновение. А когда священникъ, высоко поднявъ Евангеліе въ золоченомъ окладѣ, идетъ въ эту тьму и оно одно тускло лучится и свѣтится въ ней—дѣвочкѣ кажется, что выпусти отецъ Спиридонъ Евангеліе изъ своихъ слабыхъ, дрожащихъ рукъ—оно поплыветъ, поплыветъ прямо по воздуху, высоко-высоко—на паперть, съ паперти уйдетъ въ пространство и загорится въ немъ новою яркою звѣздочкой...

Такъ дѣвочка жила въ эту минуту среди одной ей явленныхъ, одной ей понятныхъ чудесъ...

Она такъ забывалась, такъ входила въ самое-себя и въ свой призрачный міръ, что мать Афанасія—бабушка всегда запиравшая церковь—долго ходила по всѣмъ угламъ, высматривая, не затерялась-ли гдѣ-нибудь Вѣрочка. И Вѣрочка, случалось, задумавшаяся и восхищенная, видѣла, какъ мракъ большаго и тускло освѣщеннаго только у иконостаса храма мало-по-малу освобождался отъ черныхъ силуэтовъ монахинь. Она даже не видѣла этихъ силуэтовъ, а отгадывала ихъ, отгадывала, какъ они толпятся у выхода, одна за другой исчезаютъ въ немъ, и мракъ послѣ нихъ кажется не такъ густъ. Въ немъ, въ его исполненной молитвы и благоговѣнія глубинѣ—осталось что-то, что-то великое и страшное въ одно и то же время, что-то стущающееся тамъ вдали, но и сюда достигающее, касающееся ея самой, ея горячаго лобика, шевелящее волосы на ея головкѣ... Но вотъ рядомъ съ нею обрисовывается другой силуэтъ.

— Ишь ты шалуныя!.. А я ее ищю, ищю.

И бабушка Афанасія ласково беретъ ее за руку.

— Всегда такъ-то задумывается... Да ты не спишь ли здѣсь по уголкамъ? а?..

И низко наклонясь къ дѣвочкѣ, бабушка видитъ ея глаза широко раскрытые, полные несознаннаго еще чувства.

— Нѣтъ, не спишь?.. Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ.

И она ведетъ ее вонъ изъ церкви, позванивая ключи

чами и шаркая по полу слабыми, больными ногами. Колонны за колоннами выступают изъ мрака и пропадаютъ въ немъ. По пути, Афанасія тушитъ послѣднюю, еще робко мигающую свѣчку, и прямо въ лицо дѣвочки струится тонкій дымокъ ея, пахнуцій гарью и воскомъ—еще секунда и прохлада паперти приводитъ ее въ себя.

Высоко между колоннами церковей вырѣзывается серпъ молодого мѣсяца. Какал-то звѣздочка около. Гдѣ-то далеко-далеко лаетъ собака. Шорохъ загадочныхъ крыльевъ замираетъ въ воздухѣ.

— Ну, куда ты теперь? спрашиваетъ Афанасія.

— Къ бабушкѣ Варлаамѣ.

— Что тамъ?

— А у нея моя бабушка сегодня чай пьетъ.

И увѣренно, точно у себя дома, идетъ она въ сумракъ монастыря, у старыхъ высокихъ стѣнъ и громадныхъ, ночью еще выше кажущихся, башенъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! говоритъ опа, стуча въ дверь.

— Аминь! слышится оттуда.

Вѣра входитъ въ келью, и бабушка Варлаама ласково улыбается ей изъ-за стола, на которомъ кипятъ самоваръ, уже шипя ей навстрѣчу, точно со злости, что она заставляла его ожидать ее, такую ничтожную и маленькую дѣвочку...

III.

Не всѣ „бабушки“ у Вѣры были добрыя. Она знала нѣсколькихъ слывшихъ у нея и злыми „бабушками“.

Злая бабушка большею частію были старыя и больныя монахини, ослѣпшія, съ желтымъ отекившимъ лицомъ, едва двигавшимися ногами, носившими всѣ признаки начинающейся водяной. „Злая бабушки“ сами по себѣ не были злы. Ихъ дѣлали такими страданія и недуги. Выйдетъ бывало „злая бабушка“ на воздухъ изъ своей душевной кельи въ самый жаркій часъ лѣтняго дня, сидеть на скамью въ саду подъ акаціей, узорчатые листья которой неподвижно замерли въ свѣтѣ и зноѣ, или подъ кленомъ, подставившимъ свои зеленныя ладони солнцу... Сидеть и смотреть на липу, всю осыпанную палевымъ пухомъ, обвѣянную медовымъ запахомъ, смотреть и слушаетъ, и думаетъ, о чемъ это гудятъ пчелы въ ней. Ихъ однихъ не истомилъ жаръ. Птицы всѣ попрятались, кто въ тѣнь, кто подъ колокольни, кто подъ кровли—а пчелы роются и жужжать, и гудятъ въ пышной лигѣ. Истинные божьи работники. И только что такая „бабушка“ ставеть отходить—и боли въ ногахъ не чувствуетъ, и не холодно ей, напротивъ—старую большую грудь пригрѣло солнцемъ, и на безкровныя губы улыбка ложится, а на отекившемъ желтомъ лицѣ выступаетъ выраженіе довольства, какъ откуда ни возмись летить, точно со скалы, „бѣсенокъ“ Вѣрочка, и не разобравъ, кто это сидитъ—такъ съ разбѣгу прямо на колѣна инокини. Только вскрикнетъ та отъ боли и, собравъ послѣднія усилія, швырнетъ отъ себя егозу-дѣвочку.

— Уйму на тебя пѣтъ, дьяволенокъ! Прости меня, Царица Небесная. А ужъ поберегу я лозу для тебя. Будешь ты помнить ревность мою о Господѣ.

И долго еще злится и ворчитъ злая бабушка, потирая колѣни и охая—и пристыженная дѣвочка, уходя прочь, слышитъ за собой ея напутственные пожеланія:

— Ногу бы тебѣ сломить, пострѣленокъ. Скажу матушкѣ-игуменѣ, чтобы она не приказала тебя пускать сюда въ садъ. Спокою пѣтъ съ тобой. Точно несся муха со слѣпу на людей кидается...

Были и нервныя монахини, не любившія дѣтей съ ихъ рѣзвостію и шумомъ; была, наконецъ, одна юродивая, ходившая какъ-то смѣшно, болтала руками и головой въ разныя стороны. Та всякій разъ, встрѣчая дѣвочку, показывала ей языкъ и кричала:

— А вотъ погоди—самъ-то прижгетъ тебя. На сковородочку, на бочекъ, да огнемъ геенскимъ!.. Зашипишь только, а потомъ перевернетъ на другую сторонку, чтобы всю подрумянило... Ай, больно, больно будетъ!.. Ай, больно! Эге-ге... Ну-ко... Что?

И помѣшанная сестра Ирина начинала подплясывать, кивая Вѣрочкѣ головой, пока нарочно приставленная къ больной бѣлица не прибѣгала на крикъ и не уводила съ собою всегда на одну и ту же приманку.

— А тебя на томъ свѣтѣ прижгутъ, уже уходя къ себѣ оборачивалась она къ Вѣрочкѣ.—Прижгутъ! Сначала-то на одинъ бочекъ, а потомъ на выворотѣ!.. Шиворотъ на выворотѣ!.. Выворотъ на шиворотѣ.

Это впрочемъ очень мало огорчало дѣвочку.

Какъ легкія лѣтнія тучки, пробѣгавшія по чистому, голубому небу—вспрыснетъ дождемъ, нагремитъ, напумитъ и опять грѣетъ солнце, и опять поютъ птицы, и опять алѣютъ и голубѣютъ цвѣтики въ саду у бабушки игуменьи. Разъ, впрочемъ, Вѣрочкѣ досталось довольно серьезно. Попала ей въ руки какая-то книга, гдѣ рассказывалось о животныхъ. Прочла она о китѣ—и ахнула. Сейчасъ къ первой попавшей бабушкѣ.

— Мать Секлетей, бабушка Секлетей!

Нарвалась на этотъ разъ на „злую бабушку“, да разсуждать некогда было—оказывалось необходимымъ поскорѣе рѣшить свое недоумѣніе.

— Ну, чего тебѣ, блоха?

— Вотъ тутъ, торопилась она,—вотъ тутъ написано...

— Что написано-то? хмурилась злая бабушка.

— Будто у кита, у рыбы кита, горло столь узкое, что онъ развѣ когда селедку проглотить можетъ.

— Ну? недоумѣнно поднимала брови мать Секлетей.—Ну, а мнѣ-то какое касательство до селедокъ. Я ихъ, признаться, и въ міру ахъ какъ не любила.

— Вотъ, а какъ-же онъ, коли у него горло такое—пророка-то... Иону-то...

— Покажь книжку-то.

Вѣрочка показала.

Злая бабушка прочла. Похлопала, похлопала глазами, поблѣхла даже вся, точно испугалась, да какъ взвизгнетъ.

— Чортъ, чортъ!.. Чортъ вселился въ тебя на горе наше... Въ сомнѣніе вводить... Убить тебя мало!

И схвативъ одною рукою книгу, а другою Вѣрочку за ухо, такъ и повлекла ее къ матушкѣ-игуменѣ. Та, къ счастью, была въ саду съ „батушкой“.

— Что это, Секлетей?..

— Бѣса привела къ тебѣ, мать-игуменья!

И отдала ей земной поклонъ.

— Встань, что случилось-то? Что ты надѣлала, Вѣрочка?

Но пока Вѣрочка плакала, Секлетей, волнуясь, глотая слова, повѣдывала о томъ, какъ дѣвочка, въ которую должно быть вселился бѣсъ, повергла ея душу въ смущеніе и смятеніе вопросомъ о китѣ и ссылкой на Иону.

— Ну, и что-жь тутъ такого? вмѣшался батюшка, слушавшій внимательно.—Ни въ чемъ Вѣрочка не виновата; напротивъ, ты, мать, должна была-бы просвѣтить ея любопытство, а не хватать ее за уши, точно галку за крыло.

Потомъ батюшка обратился къ дѣвочкѣ:

— Подъ-ко сюда. Въ писаніи какъ сказано, что Господь съ Юпой сотворилъ чудо?

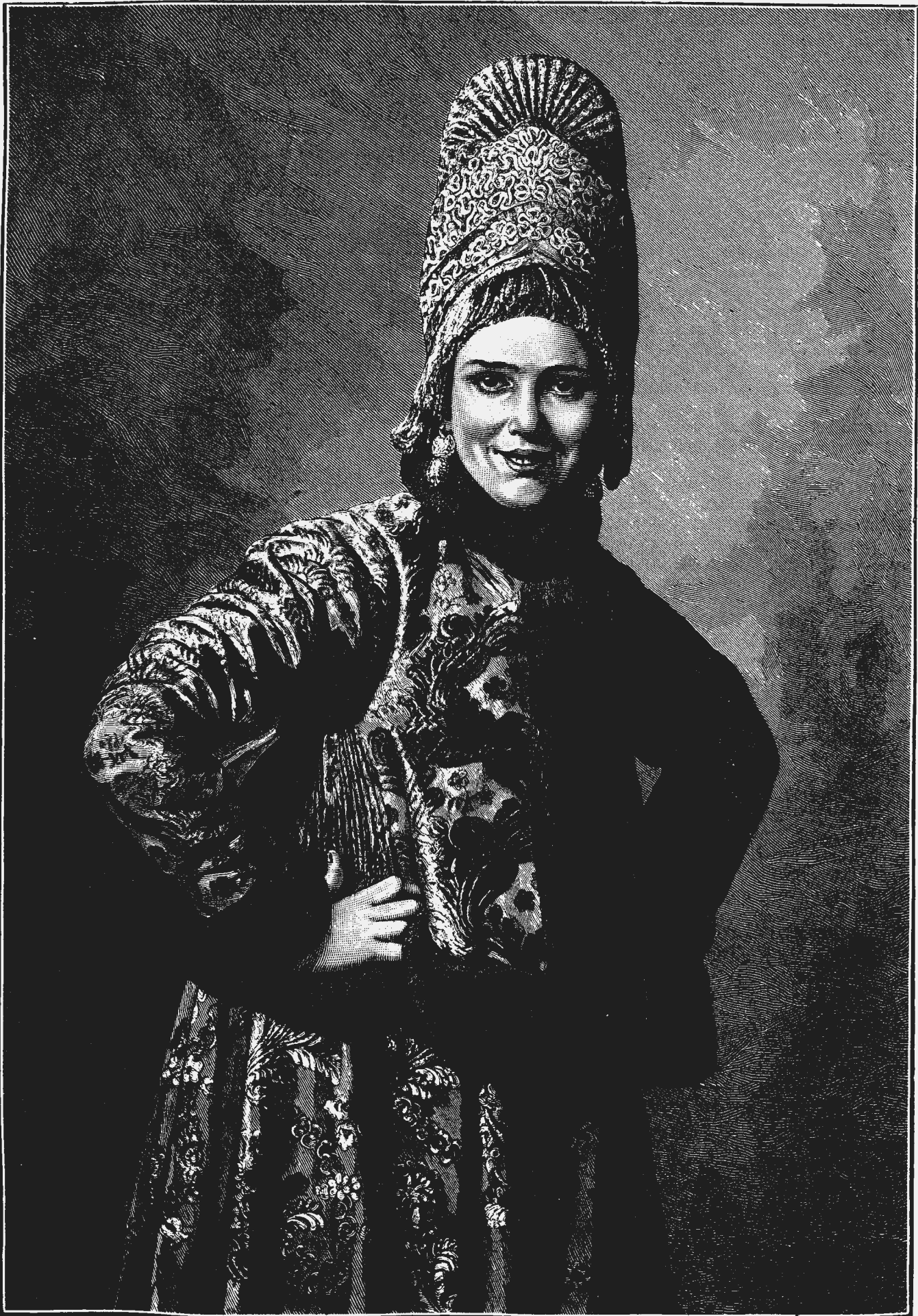
— Да.

— Ну, а скажи, какое-же бы это чудо было, если бы у кита горло-то широкое вышло, вонъ въ эту бочку—сороковую? Въ томъ самое чудо и есть. Попяла?

— Попяла, дѣдушка.

— Ну, вотъ иди себѣ съ миромъ.

Но „бабушка Секлетей“ не могла никакъ забыть послѣ своего посрамленія, и встрѣчая Вѣрочку съ ка-

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Русская дѣвушка.
Картина профессора К. Б. Венига (право гравированія приобретено „Нивой“), грав. Флюгель,
Библиотека „Руниверс“

кою-нибудь изъ ея учительницъ, шептала про себя:

„Слѣпецъ слѣпца еще водить, оба въ яму впадутъ“.

— Что это ты, мать Секлетей? оборачивалась къ ней встрѣчная монахиня.

— Ничего, такъ я... По смиренію своему: изъ Мат-оія вспоминала.

И быстро уходила прочь, твоя, по своему мнѣнію, благо.

Злые бабушки мѣшались въ воспоминаніяхъ Вѣрочки съ бабушками добрыми, и такъ какъ послѣднихъ было больше чѣмъ первыхъ, то онѣ и заслонялись совсѣмъ; да и какъ не заслониться. Разъ Вѣрочка заболѣла и лежала у себя въ домигѣ, нѣсколько дней уже не показывалась въ монастырѣ. Когда она очнулась и пришла въ себя,—первое, что увидѣла дѣвочка, было заплаканное лицо юродивой. Сестра Ирина стояла вмѣстѣ со своей бѣлицей надъ кроватью больной и порывисто, обѣими руками, крестила Вѣрочку, повторяя ни къ селу, ни къ городу: „Взыщутъ меня злые и не обрящутъ, взыщутъ меня злые и не обрящутъ, взыщутъ меня злые и не обрящутъ“. А потомъ, когда встрѣтила ее выздоровѣвшую на монастырскомъ дворѣ, ни съ того, ни съ сего ткнула ей въ ротъ морковку и закричала:

— Свиныя ѣсть—и ты ѣшь!.. Все убо прахъ...

И поскакала прочь на одной ножкѣ, болтая головой во всѣ стороны.

Больше всего любила Вѣрочка мать Серафиму, и по цѣлымъ днямъ просиживала у нея. Бабушка Серафима была богатой женщиной въ міру—и въ монастырѣ ея келья состояла изъ особаго домика съ просторными и свѣтлыми комнатами, оклеенными пестрыми обоями. Полы были застланы коврами, и по коврамъ, отъ одной двери къ другой, шли дорожки. Мебель у бабушки Серафимы была тоже особенная. Неуклюжія кресла, твердыя какъ камень, которыя Вѣрочка называла „растопырями“, и въ которыя нельзя было броситься съ разбѣгу—здѣсь отсутствовали; зато всюду стояли большія и мягкія, гдѣ она помѣщалась въ уголку, свернувшись будто котенокъ. Бабушка Серафима была учена. У нея постоянно подъ потолкомъ висѣли разныя ароматическія травы, наполнявшія ея келью нѣсколько прянымъ, но необыкновенно приятнымъ запахомъ. Когда инокиня заболѣвала—она посылала обыкновенно за Серафимой. Та брала какую-нибудь изъ своихъ мудреныхъ книжекъ и шла, а потомъ, вычитавъ что-то, брала ту или другую траву, сама готовила изъ нея настой, читала надъ нимъ молитву и посылала его съ наставленіемъ, какъ надо употреблять таковой. Былъ у матери Серафимы еще большой атласъ, и развернувъ его, она рассказывала Вѣрочкѣ про разныя страны и народы такія чудеса, что у той только дыханіе захватывало, да глаза, казалось, готовы были выскочить вонъ изъ своихъ впадинъ. Ей чудилось, что она и сама видитъ безбрежные океаны съ ихъ штормами, съ кораблями, затерянными среди ихъ простора, и дивными островами, гдѣ растутъ такіе сказочные деревья и цвѣты, и люди ходятъ нагишемъ, не терпя ничего отъ зноя и отъ холода; высокія горы покрыты вѣчными снѣгами; лѣса съ такими страшными звѣрами, передъ которыми китъ пророка Іоны показался бы пожалуй смиреннымъ и кроткимъ какъ овечка. И чудились ей долины съ фантастическою роскошью зелени, растущей и рвущейся вонъ изъ мѣры,—равнины, по которымъ струятся рѣки, блестя подъ солнцемъ, какъ змѣинныя кольца; бѣломраморныя храмы съ дивами искусства, руины

другихъ, еще болѣе великолѣпныхъ, построенныхъ невѣдомыми народами, нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ... И Вѣрочка замирала, вся обращаясь въ слухъ.

— А гдѣ, бабушка Серафима, живутъ одnogлазые люди? спрашивала она наконецъ, положивъ подбородокъ па ладони и упираясь локтями въ столъ.

— Такихъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ, когда мнѣ бабушка Степанида рассказывала?

— Вѣрно у нея подъ воротами живутъ они!.. смѣялась мать Серафима.

— Ну, а хвостатые?

— И хвостатые люди тоже тамъ у нея подъ воротами.

Вѣрочка съ сомнѣніемъ покачивала головой, не смѣя не вѣрить ученой бабушкѣ, и въ то-же время отдавая полную справедливость интереснымъ рассказамъ простой бабушки подъ воротами.

Но и не это все-таки приманивало главнымъ образомъ Вѣрочку въ келью къ бабушкѣ Серафимѣ.

У монахини была одна очень большая комната съ громаднымъ окномъ, завѣшаннымъ сборчатою шторой изъ золотисто-желтаго шелка. Это была мастерская матери Серафимы. Здѣсь стоялъ треножникъ и на немъ всегда было полотно, натянутое на раму. Около лежали палитра съ масляными красками, дальше на столикѣ тѣ-же краски „въ свинцовыхъ фунтикахъ“, какъ называла ихъ Вѣрочка. Стоило пожать такой „фунтикъ“ за хвостикъ“ и въ горлышкѣ его проступала или голубая, или красная, или желтая, или зеленая капелька. Сюда, когда освѣщеніе было достаточно хорошо, удалялась мать Серафима писать свои картины и образа, которыми она украшала обительскія церкви, посылала ихъ въ подарокъ бѣднымъ сельскимъ храмамъ, наконецъ, вѣшала у себя на стѣнахъ. Серафима была талантливая женщина. Къ ней обращались даже изъ города заказчицы, но она всѣмъ имъ отказывала.

— Талантъ—отъ Бога, и Ему Одному надо посвящать его, говорила она.

Вѣрочка готова была цѣлые часы сидѣть неподвижно, свернувшись калачикомъ, въ углу большаго кресла, и смотрѣть, какъ „бабушка Серафима“ орудуетъ своею мастерскою кистью. Она замѣчала, какъ та слаживаетъ краски, изучала приемъ, какъ держать кисть и палитру, какъ грунтовать полотно. Когда передъ нею, изъ смутныхъ и небрежныхъ набросковъ, повидимому ничего сначала не означающихъ, выступалъ, наконецъ, художественно намѣчавшійся образъ—она чувствовала, какъ что-то трепетало у нея въ груди, какъ точно въ комнатѣ воздуху становилось меньше, какъ жгло ея щеки и сохли губы. Тутъ ужъ она, хоть уцѣпи ее, не крикнула бы ни слова, чтобы не помѣшать этому творчеству, созданію чего-то живущаго и прекраснаго изъ ничего... Мать Серафима долго присматривалась къ ней во время этихъ безмолвныхъ восторговъ и, наконецъ, разъ сказала ей:

— Вѣрочка, хочешь учиться у меня рисовать?

У той даже сердце захолоуло. Она и отвѣтить ничего не могла, поблѣднѣла вся и часто-часто задышала.

— Значитъ хочешь? Ну и ладно. Сегодня я поговорю съ твоей бабушкой, спрошу благословенія у матери-игумени, а завтра милости просимъ за работу.

Мать-игуменья благословила, бабушка (настоящая) согласилась, и Вѣрочка начала такимъ образомъ учиться живописи.

(Продолженіе будетъ).

Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина.

Рассказъ В. П. Желиховской.

(Окончаніе).

VII.

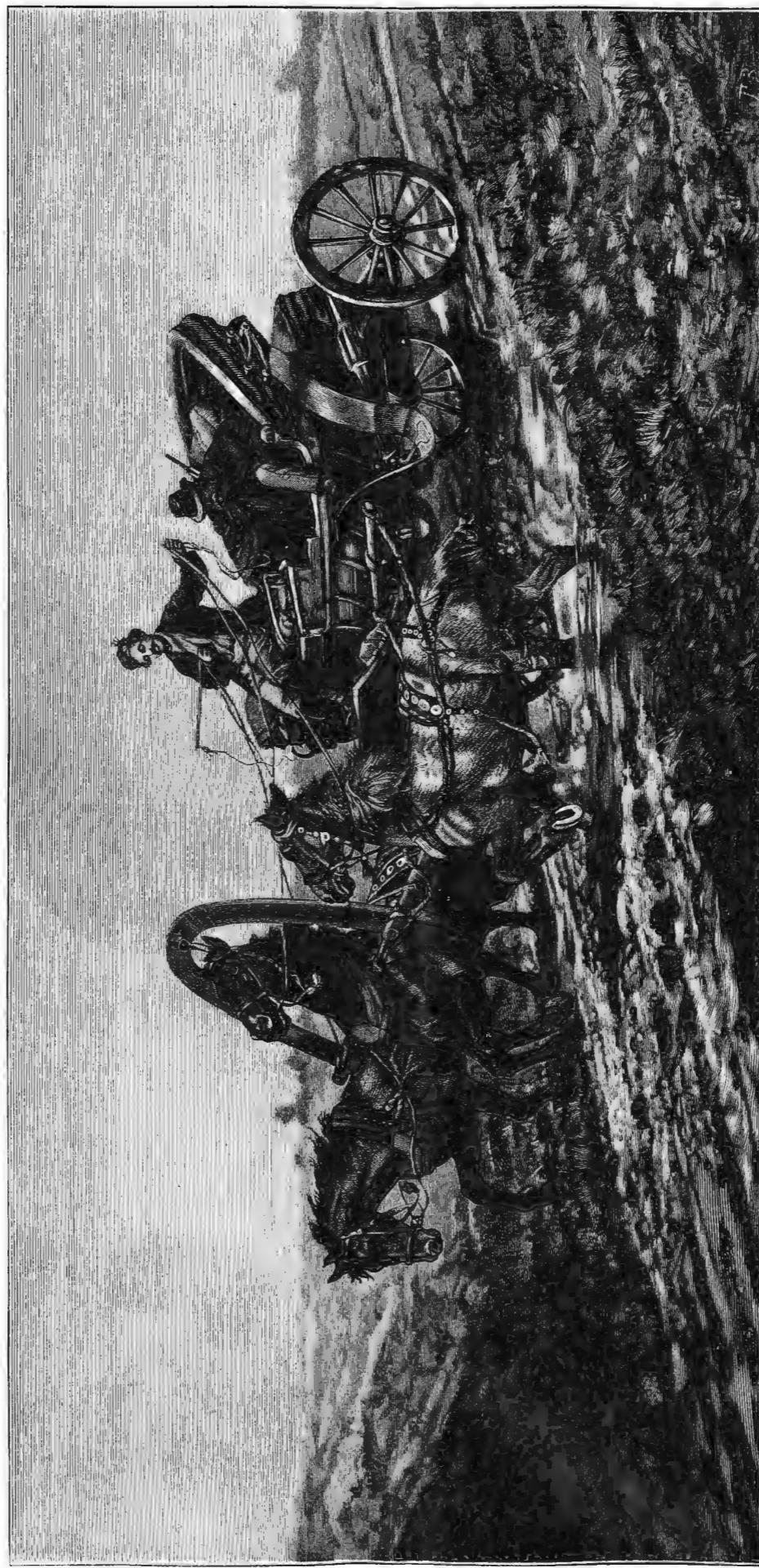
Не звалъ онъ куда и долго-ли шелъ, однако прекрасная ночь перешла уже въ разсвѣтъ; востокъ загорѣлся оранжевымъ, ши-

робымъ пламенемъ; звѣзды блѣднѣли, тонули въ зеленоватой лазури и пропадали въ ней, а онъ все шелъ и шелъ, куда глядятъ глаза, не замѣчая, что уходилъ изъ города, а не въ городъ.

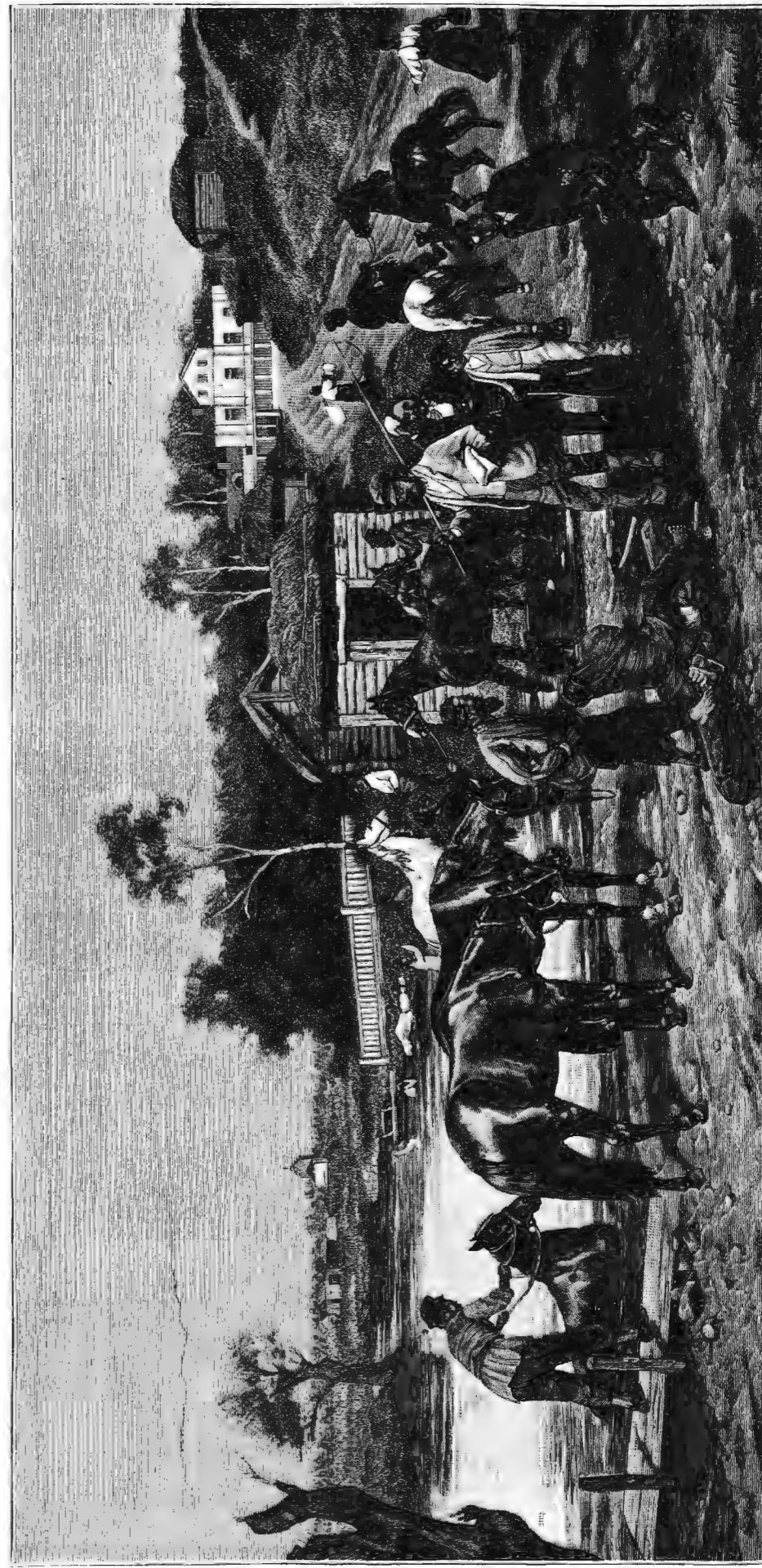

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Двѣ кавальнады. Картина проф. П. О. Ковалевскаго (право гравированія приобручено „Нивой“), грав. Раплевскій.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Тройна въ грязи. Картина проф. П. О. Ковалевскаго (право гравированія приобручено „Нивой“), грав. Шюблеръ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Купанье въ деревнѣ. Картина проф. П. О. Ковалевскаго (право гравированія приобручено „Нивой“), грав. Шюблеръ.

было, так что когда толстая барыня въ тальмѣ, вошедшая вмѣстѣ съ Перелелкиннмъ, заговорила у входа съ инвалидомъ продававшимъ свѣчи о томъ почему такъ поздно утренняя и скоро-ли ранняя обѣдья начнется, голосъ ея гулко разнесся по двоидамъ.

„До чего горласта!“ промелькнуло въ головѣ Порфирія Семеновича, хотя онъ былъ въ большой тревогѣ: никакъ не могъ найти глазами молоденькой дѣвушки.

Онъ искалъ ее по сторонамъ, вдали, у клроса; а она стояла на колѣняхъ за нимъ, въ уголокѣ, скрытая выступомъ лѣстницы въ верхній этажъ. Бѣдняжка какъ вошла такъ и забила въ темный уголокъ, стала на колѣни и не словами молилась, а горькими, отчаянными слезами. Она боролась съ собой, сдерживала рыданія, прижимая ко рту платокъ, весь мокрый, свернутый въ круглый комочекъ; но они неудержимо вырывались сотрясая ея голову и худенькія плечи. Перелелкинъ наконецъ нашелъ ее и такъ какъ нельзя же было обернуться спиной къ иконостасу, а сзади дѣвочки и мѣста не было, то онъ перешелъ въ противоположный уголокъ церкви, чтобъ не потерять ее изъ виду и прислонившись къ стѣнѣ наблюдалъ.

„Господи-Владыко! И чего она такъ убивается?.. Молоденькая такая, бѣдняжка!.. И видно что очень бѣдная... Ужь не съ голоду-ли она такъ? Можетъ давно не ѣла?“ подумалъ онъ и самъ содрогнулся изъ жалости къ ней, столько же сколько отъ невольнаго отвращенія: ему вдругъ вспомнилось „вчерашее“...

И жалость, неслезанная жалость, какъ у матери къ своему больному, голодному ребенку, охватила сердце Порфирія Перелелкина.

— Выбранной Воеводѣ Побѣдительной! неестественно громко затряпнулъ на клиросѣ дьячекъ.

„Помоги, Царица Небесная!“ началъ усердно молиться надворный совѣтникъ, вспоминая что онъ въ храмѣ Божьемъ.

Но опять мысли, неотвязныя мысли, шумнымъ потокомъ зачередовались въ головѣ, вытѣсняя молитвенное настроеніе. Кончилась утренняя. Народъ сталъ прибывать къ ранней обѣдѣ; барыня въ тальмѣ, въ ожиданіи ея, усѣлась на боковой скамьѣ; разложила возлѣ себя носовой платокъ съ завязанными въ уголкахъ деньгами и стала считать мѣдяки, сдачу съ купленныхъ свѣчей.

Дѣвушка посибншо отерла лицо, натянула платочекъ на лобъ, чтобъ закрыть свои заплаканныя, вснухшіе глаза; встала, быстро покрестилась еще на алтарь и не глядя по сторонамъ пошла къ выходу.

Какъ сорвавшійся съ цѣпи устремился за ней Перелелкинъ, стора посибншно рѣшимостью. Онъ нагналъ ее на паперти и принужденъ сказать самымъ ласковымъ голосомъ:

— Милая дѣвушка, послушайте! Чтѣ съ вами?.. Какое у васъ горе?.. Не бойтесь меня! Пожалуйста не бойтесь. Выть-можеть я смогу помочь вамъ?..

Дѣвушка, — прехорошенькая дѣвушка была она, хотя лицо ея было истомлено и теперь горѣло красными пятнами, — вздрогнула, остановилась и повела на него испуганными глазами. Въ добродушномъ лицѣ пожилаго господина, такъ неожиданно ее остановившаго, было столько участія и въ сѣрыхъ глазкахъ его выражалась такая доброта и ласка, что она хотѣла отвѣчать ему, да не смогла: именно его неожиданная ласка и раснавила снова ея горе, и слезы ея полились неудержимо, сдвинувъ горло такъ, что не могла она выговорить ни слова. Она прислонилась къ колоннѣ церковной и, закрывъ лицо платкомъ, силлася удержать слезы, справиться съ собою.

— Ну, вотъ видите, какая бѣда!.. Ну полно, милая! Успокойтесь!.. Въ чемъ дѣло? Скажите мнѣ, убѣдительно заговорилъ онъ снова, — чтѣ васъ такъ огорчаетъ?.. послушайте, душенька, вы видите: я съ добрымъ намѣреніемъ, я не злой человекъ, право! Я васъ не обижу... А если что, если можетъ-статься нужда у васъ, — денежная нужда, — я могу вамъ помочь... Я человекъ богатый.

Онъ совѣмъ позабылъ о намѣреніи своемъ скрыть этотъ фактъ, отъ особы на которую обратить вниманіе. Да дѣло въ томъ, что онъ и о другихъ-то своихъ намѣреніяхъ забывъ совѣмъ, а просто искренно желалъ бы помочь этому ребенку.

Дѣвушка казалась ему совѣмъ маленькою, и если бы Порфирій Перелелкинъ вспомнилъ теперь о своихъ матримоніальныхъ планахъ, то первый бы разсмѣялся самъ надъ собою.

— Ну, такъ полно-же, полно плакать!.. Ну?.. Соберитесь съ духомъ, скажите мнѣ, чтѣ съ вами?.. Вѣдь, Богъ милославъ, не умеръ у васъ кто-нибудь?

Она покачала головой отрицательно.

— Вотъ видите! и слава Богу! продолжалъ онъ, словно убаюкая малое дитя.—И никто не боленъ?.. Нѣтъ? А!.. Мама больна? Жаль!.. Но вѣрно не опасно?.. Вылѣчимъ, вздоръ! Все поправимъ... Перестаньте-же плакать, и просто и прямо скажите мнѣ: можно деньгами помочь вашему горю?

Дѣвушка низко склонила голову и чуть слышно прошептала:

— Да...

— Да?.. Я такъ и думалъ! вскричалъ Порфирій Семеновичъ, а самъ размышлялъ: „Нужда проклятая! Я говорю: навѣрное она не вѣщи!“

— Вотъ и слава Богу! И нечего вамъ больше плакать, дѣ-

точка моя! Потому: была нужда—и не будетъ ея больше... Вотъ и все! воскликнулъ онъ такъ увѣренно и весело, что она и сама чуть-чуть оживилась, подняла голову и посмотрѣла на него въ первый разъ во всѣ свои большущіе голубые глаза, не смѣя еще вѣрить тому, чтѣ говорилъ онъ.

— Да! Да!.. Вытирайте слезы, продолжалъ онъ,—и только поскорѣе скажите мнѣ, сколько вамъ нужно?.. Много?

— Сейчасъ? спросила дѣвушка, наконецъ осмѣлившись.

— Ну и сейчасъ, и... вообще! отвѣчалъ Перелелкинъ, тутъ же подумавъ: „вѣдь не скажетъ же она—триста тысячъ!“

По то что она сказала удивило его въ другую сторону.

— Сейчасъ мнѣ нужно три рубля, прошептала она и вся тотчасъ же вснухнула.

— Три рубля?.. изумился Порфирій Семеновичъ.— Какъ?.. Только три рубля?.. И неужели изъ-за нихъ вы такъ горько плакали?

— Не изъ-за нихъ, а изъ-за моего кольца, сорвалось у нея съ языка, и она опять всхлинула, какъ малое дитя во снѣ.

— Изъ-за кольца? еще больше удивился онъ и недобѣрчиво ее оглянулъ.—Вы, что же, хотите купить кольцо?

— За чѣмъ купить? обидчиво изумилась дѣвушка.—Не купить совѣмъ, а я... продать не хочу кольца, которое... которое мнѣ подарил... Я его больше всего люблю. И оно гораздо, гораздо дороже стоитъ, а даютъ всего... три рубля!

— Да... вотъ оно что!.. Вамъ нужно продать—и жалко?

— Ну, да... Я и не продала. Я думала дадутъ рублей двадцать,—но крайней мѣрѣ на недѣлю мама будетъ спокойна, долги заплатитъ... А тамъ, далъ бы Богъ, поправилась, сама бы опять работать стала, и я также, и... вывернувшись бы какъ-нибудь... Совѣмъ рѣшилася, понесла и вдругъ—три рубля!.. Я и не отдала.

— И прекрасно сдѣлали, сказалъ Перелелкинъ.

— Да! Прекрасно!.. А чтѣ я мамѣ вѣтъ дамъ, когда приду?.. Она ждетъ... Вотъ мнѣ теперь и жалко, за чѣмъ я не отдала!

И опять она закрыла лицо и горько заплакала.

— Ну-ну-ну! Перестаньте! заторопили онъ, говоря и въ то же время думая на тему: „вотъ дѣло-то оно самое и есть, что кушать дома нечего?“ Перестаньте! повторилъ онъ авторитетно.—Сами-то вы кушали сегодня что-нибудь?

— Я?.. Нѣтъ... Да это ничего! Я вѣдь здорова. Я могу долго...

— Ну, тамъ можете или пѣтъ, а вы вотъ чтѣ!..

Онъ оглянулся. Мимо ограды проходила женщина съ жесткимъ кувшиномъ молока и кружкой. Онъ зазвалъ ее и чуть не силой заставлялъ дѣвушку вынуть кружку, да и самъ напился, только тутъ замѣтивъ, что и у него крѣпко пересохло въ горлѣ.

— Ну, сказалъ онъ,—теперь пойдемте къ вашей матушкѣ. Далеко вы живете?.. Нѣтъ?.. И прекрасно. Показывайте дорогу къ вашей большой мамѣ, авось мы вылѣчимъ!

— Развѣ вы докторъ? удивленно спросила дѣвушка.

— Да, да! Разумѣется докторъ! съ улыбочкой подтвердилъ Перелелкинъ.—Но прежде, вотъ чтѣ... послушайте! Вѣдь надо же вамъ купить ей что-нибудь покушать... Вотъ! Возьмите, дитя мое... Вы говорили, что желали, то есть—думали получить за свое колечко двадцать рублей?.. Вотъ вамъ они. Возьмите, и идите.

Дѣвушка снова широко открыла на него глаза, покраснѣла отъ шеи до корней волосъ, хотѣла сказать что-то и не смогла. Ей опять сдавило горло. Она только глубоко перевела дыханіе и торопливо опустила руку, шаря въ кармаиѣ.

— Берите-же, душенька! Пожалуйста... вы не думайте... то-есть—вы не смущайтесь!.. Возьмите!

— Да я... я сейчасъ... Спасибо... Очень, очень васъ благодарю! Вотъ оно.

— Что это?... кольцо?.. Богъ съ вами, дѣточка! Мнѣ не надо вашего кольца! разсмѣялся Перелелкинъ.

Она опустила руку, и открывъ ротъ, смотрѣла на него огорченными взглядомъ.

— Но... по такъ я не могу!.. Я только хотѣла просить, чтобъ вы не совѣмъ... То-есть, чтобъ вы не покупали, объяснила она,—а только взяли бы пока... Пока я заработаю и отдамъ вамъ деньги.

Она говорила такъ тихо, что онъ едва могъ слышать.

— Да вѣдь я и не ростовщикъ, началъ было Перелелкинъ, по замѣтивъ, что слезы опять затуманили ей глаза, и что она рѣшительно отвернулась и уходитъ, онъ передумалъ и быстро протянулъ руку.—Ну, давайте! Давайте ваше кольцо!.. Хорошо, я его припрятчу. Пусть у меня полежитъ... Да какое оно хорошенькое!.. Ого! Милая моя, хорошо, что вы не отдали его негодю, который вамъ давалъ три рубля... Оно больше двадцати рублей стоитъ.

Дѣвушка сразу повеселѣла, взяла деньги и пошла чуть не бѣгомъ. Ей вѣдь надо было еще зайти въ мелочную лавку и въ аптеку; а мать ждала со вчерашняго дня чаю и лекарства, еще накануне прописаннаго знакомымъ докторомъ, который иногда навѣщалъ ихъ. Третьяго дня онъ заѣзжалъ, — живеть онъ очень далеко, на Петербургской. Онъ велѣлъ сейчасъ же давать его, лекарство-то; только стыдно было сказать ему, что не на чтѣ купить... Она хотѣла еще вчера снести колечко, да

мать велѣла подождать: можетъ еще и такъ пройти! И можетъ принесутъ имъ заработанная деньги, отъ одной купчихи, за мѣсяцъ бѣлья... Но денегъ не принесли и мамѣ лучше не стало... Вотъ она сегодня утромъ ранѣшенько побѣжала и чуть было долой не вернулась съ пустыми руками. Слава Богу, что зашла помолиться! Вотъ и помогъ ей Богъ...

Все это она рассказывала ему на ходу, гораздо охотнѣе теперь не только отвѣчая на его вопросы, но и сама впадая въ подробности. Пока дошли, онъ узналъ, что мать ея вдова; живутъ онѣ работой — и матери ея хорошо платили до послѣдняго времени, а нынче отъ мелкой работы у нея крѣпко глаза разболѣлись, — не можетъ она больше такой тонкой вышивки братья шить, а за простую меньше платить.

— А вотъ мы найдемъ вашей мамѣ работу выгодную, полегче! угнѣшилъ ее Перепелкинъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее попристальнѣй, только теперь увидалъ, какая она хорошенькая, и вдругъ вспомнилъ свои проекты: посвататься на первой встрѣчной, бѣдной дѣвушкѣ...

Вспомнилъ — и устыдился внутренно.

Хорошъ бы онъ былъ, еслибъ воспользовался ея бѣдностью, ея отчаяніемъ! Онъ — и этотъ ребенокъ, который не то въ дочери, чуть ли не во внучки ему годится... Да подѣломъ бы тогда вору и мука, еслибъ былъ онъ способенъ на такое преступленіе.

— А сколько лѣтъ вамъ, душенька? спросилъ онъ, и не дожидаясь отвѣта, прибавилъ: — вы, кажется, еще совсѣмъ маленькая дѣвочка? а?..

— Что?.. я — маленькая дѣвочка?.. Богъ съ вами! Да я ужь два года какъ невѣста!.. Мнѣ восемнадцать скоро, отвѣтила она, оглядѣвъ его гордымъ взглядомъ, какъ особа проникнутая собственнымъ достоинствомъ.

— Ого!.. Такъ вотъ какъ! улыбнулся еще добродушнѣе надворный совѣтникъ, а самъ про себя помыслилъ: „хорошъ бы я былъ, старый филл, если-бы да со своими деньгами сунулся свататься!“

— Какже! Два года. Мой женихъ сватался копчивъ курсъ въ университетъ, вздохнула молодая дѣвушка. — Только онъ уѣхалъ далеко, на службу, на три года... Такъ надо было: мама такъ хотѣла, потому что мы бѣдные. Ему прежде надо послужить, заработать что-нибудь... Но дасть Богъ, *одинъ* годъ ужь скоро теперь пройдетъ! Правда?

— Правда, милая барышня, правда!.. Годъ — вздорное время!.. Такъ у васъ ужь и женихъ припасенъ?.. Умница!.. И что-же, онъ нишетъ вамъ часто?

— Каждую недѣлю. Мы другъ друга любимъ съ дѣтства. Еще отцы наши были друзьями... Когда отецъ его умеръ, а потомъ вскорѣ и мать, такъ мои родные взяли его къ себѣ и онъ всегда съ нами жилъ, — даже когда большой выросъ и въ университетъ былъ, — всегда возлѣ насъ, и у мамы шилъ и ѣлъ. А послѣ умеръ и мой отецъ...

— А кто былъ вашъ батюшка? съ любопытствомъ прервалъ Перепелкинъ. — И скажите пожалуйста, какъ васъ самихъ зовутъ?

— Я Маша. Маша Ельнева, а отецъ мой докторомъ былъ, отвѣчала дѣвушка. — Оттого-то тотъ докторъ, что къ намъ съ Петербургской стороны ѣздитъ, и любитъ насъ: онъ товарищъ былъ прежде съ моимъ папой. Вѣдь и мы сюда переѣхали всего два года, а то прежде тоже тамъ, на Петербургской жили.

— Да?.. Ну, вотъ и я давно, двѣнадцать лѣтъ тамъ живу.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Какъ-же мы не видали васъ?.. Вѣрно въ другой сторонѣ.

— Вѣрно въ другой! улыбнулся Порфирій Семеновичъ, все сильнѣе проникался отеческимъ благоволеніемъ къ этой милой, простой, бѣдной дѣвочкѣ, къ счастью которой столкнула ихъ

судьба. — Ну-съ, милая барышня, а скажите-жъ вы мнѣ: какъ же зовутъ вашего суженаго?

— Моего жениха?.. Вотъ мы и пришли... Хорошо, только вы не говорите мамѣ, что я вамъ рассказала, а то она и такъ все меня болтуньей и хвастуньей называетъ... Не скажете?

— Даю вамъ слово. Ба!.. Да ужь не его ли подарокъ и колечко это, съ которымъ вамъ такъ трудно было разставаться?..

— А разумѣется его!.. Ивана Павловича мать еще его послала и онъ подарилъ мнѣ его, вмѣстѣ обручальнаго.

— Иванъ Павловичъ?.. такъ зовутъ жениха вашего? вдругъ взволновался почему-то Перепелкинъ. — А фамиліи его, прошу васъ, какъ? Ужь не Рындины-ли?

— Господи!.. Какъ-же вы это узнали?!

Она такъ удивилась, что остановилась какъ вкопанная у входа въ калитку деревяннаго, старенькаго дома.

— А вотъ видите — узналъ!.. Ну! Во истину Богъ насъ свелъ, Машенька! И благодареніе Ему за это!

— Развѣ знаете вы Ивана Павловича?

— Знаю! Знаю!.. Ужь сколько я искалъ его!.. Вотъ теперь-то Богъ приведетъ его отблагодарить... Но, пойдите! Пойдите скорѣе къ вашей матушкѣ, — ждетъ она васъ вѣрно — не дожидется! Тамъ я вамъ все расскажу и надѣюсь, что мы будемъ друзьями.

Порфирій Семеновичъ толкнулъ калитку и вошелъ во дворъ, съ смутнымъ ожиданіемъ еще какихъ-нибудь чудесъ. Такія все удивительныя приключались съ нимъ въ послѣднія времена вещи, что онъ былъ въ правѣ ожидать новыхъ приключеній... И дождался.

На крыльцѣ покосившагося, вросшаго въ землю домика стояла стройная, еще молодая и красивая женщина, хотя кроткое лицо ея и было истомлено печалью и временнымъ недоромъ. Эта женщина была тоже Машенька Ельнева, только на восемнадцать лѣтъ постарше, — ея родная мать. И въ ней Порфирій Семеновичъ тотчасъ узналъ свою сидѣлку, добрую женщину, которую онъ такъ нанималъ послѣ безсонной ночи, проведенной ею за смѣною компрессовъ на больной головѣ его, въ квартирѣ студента Рындина.

Черезъ три мѣсяца послѣ этого, въ ноябрѣ прошлаго года, въ домѣ кунца Мордасова на Петербургской сторонѣ, отпразднованы были двѣ свадьбы. Одна-то, впрочемъ, очень тихо и скромно: жилецъ бель-этажа, Порфирій Семеновичъ Перепелкинъ, надворный совѣтникъ въ отставкѣ, взявши подъ-руку вдову доктора Ельнева, прошелся съ нею до ближайшей церкви и вернулись они благополучно домой, сочетавшись законнымъ бракомъ...

И надо было слышать, какой крикъ подняли всѣ сосѣдки ихъ, кумушки, на счетъ его скривничества!.. Виданое-ли, молъ, дѣло, этакому богачу „причучисъ“, нищенскую свадьбу сыграть, ни единого знакомаго не угостивъ въ свое здравіе?.. Вотъ скаредъ, такъ ужь скаредъ!..

„Скаредъ“ только посмѣивался; улыбалась и жена его, хлопоча надъ приданымъ, не своимъ, а дочки своей, ненаглядной Машеньки, со спѣшно вернувшимся въ Питеръ молодымъ докторомъ, Иваномъ Павловичемъ Рындинымъ. И какъ дошло дѣло до ихъ бракосочетанія, то ужь тутъ вотчимъ развернулся для своей названной дочери, и такой ниръ закатилъ, какого долго въ околоткѣ не забудутъ.

Всѣ тутъ увидѣли, что Порфирій Семеновичъ Перепелкинъ человекъ скромный, но отнюдь не скрыва и не скаредъ.

— Погодите годикъ, другой! насмѣшливо говоритъ сосѣдкамъ Марѣя Родионовна, очень скоро сдружившаяся со своей кроткой хозяйкой и съ ея миловидной дочкой: — погодите, дасть Богъ, какъ мы станемъ двойнымъ крестнымъ справлять, — тогда увидите, каковъ мой баринъ скаредъ!

Новый, цѣнный вкладъ въ изученіе климата Россіи.

(Нѣкоторые способы предвидѣть погоду).

В. В. Иванова.

Мы живемъ на днѣ воздушнаго океана. Движенія его и происходиціи въ немъ перемѣны имѣютъ для насъ — говоря безъ преувеличенія — громадное значеніе. Коснется-ли дѣло сельскаго хозяйства, — этой, одной изъ важнѣйшихъ, если только не наиболѣе важной отрасли человѣческаго труда; коснется-ли оно мореплаванія, имѣющаго такое дѣйствительно огромное значеніе для науки, промышленности, торговли и пр.; наконецъ, коснется-ли ово вопросовъ о здоровьѣ — повсюду погода въ ея разнообразныхъ явленіяхъ играетъ выдающуюся роль. Слѣдовательно, нельзя отъ всей души не привѣтствовать тѣхъ, кто съ любовью посвятилъ себя трудному изученію законовъ ея повидному крайне капризныхъ явленій. Знаніе этихъ законовъ поведетъ къ возможности безошибочнаго предвидѣнія погоды, а слѣдовательно къ неисчислимо-благодѣтельнымъ послѣдствіямъ во всѣхъ сферахъ жизни. Это не преувеличенныя чашни. Это — увѣренность, взросшая на положительныхъ данныхъ. Хотя метеорологія, какъ наука, существуетъ весьма недавно; хотя она и теперь еще вынуждена завоевывать себѣ, даже въ интеллигентныхъ классахъ, права научнаго гражданства; но она дала уже во многихъ цивили-

зованныхъ странахъ блестящихъ представителей, — лицъ съ любовью посвятившихъ себя ея обоснованію и дальнѣйшему простиранію, объясняющихъ и пропагандирующихъ ее въ массахъ. Она, несмотря на предъявляемыя ею требованія безусловно точныхъ, въ опредѣленные сроки, наблюденій, находитъ множество труженниковъ, которые въ большинствѣ случаевъ безъ всякаго вознагражденія, изо-дня-въ-день, въ строго-опредѣленные часы, производятъ наблюденія надъ давленіемъ воздуха, надъ его температурою въ тѣни, надъ его влажностью и упружностью заключающихся въ немъ водяныхъ паровъ, надъ направлениемъ и силою вѣтра, надъ видомъ, направлениемъ и скоростью движенія верхнихъ и нижнихъ облаковъ, надъ временемъ и количествомъ выпадающихъ осадковъ (дождя, снѣга и пр.), подробная — надъ грозами, и т. д. Такихъ полезныхъ труженниковъ десятками числится не одна Главная физическая обсерваторія, но и метеорологическая обсерваторія Новороссійскаго университета.

Метеорологія въ Россіи ждетъ созданія (вѣроятно не въ очень далекомъ, но болѣе счастливомъ будущемъ) удовлетворительно обставленнаго отдѣла ея морской отрасли. Наконецъ,

осуществится когда-нибудь и *дѣло земледѣльческой метеорологии*. Что въ послѣдней есть настоятельная потребность, въ этомъ, между прочимъ, я могъ убѣдиться и изъ того сочувствія, которое вызвали какъ помѣщенная мною въ 1885 году въ *Нивѣ* (№ 36) статья „Предсказаніе погоды“^{*}), такъ и напечатанный тогда же фельетонъ *Правительственнаго Вѣстника* по поводу сдѣланныхъ мною въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ предложеній учредить въ Россіи правильныя сельско-хозяйственныя метеорологическія наблюденія. Осуществится мысль о земледѣльческой метеорологіи—и русскій земледѣльчикъ, крупный и мелкій, имѣя возможность предвидѣть характеръ предстоящей погоды, со временемъ на все большіе и большіе сроки впередъ, будетъ (можно отъ всей души пожелать ему этого) знать когда и что можно сѣять, когда жать, когда косить и пр. Такимъ образомъ плоды его настойчиваго труда не будутъ погибать отъ пріемовъ, основанныхъ исключительно на преданіяхъ, поговоркахъ и примѣтахъ, унаслѣдованныхъ отъ отцовъ и дѣдовъ, а на положительныхъ научныхъ указаніяхъ и на телеграфныхъ предостереженіяхъ о предстоящихъ перемѣнахъ погоды. Осуществится эта мысль и вѣроятно она будетъ много содѣйствовать прекращенію голодовокъ, иногда повальныхъ, на обширныхъ мѣстностяхъ. Въ народѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію передается не мало примѣтъ относительно предстоящей погоды, имѣющихъ дѣйствительное значеніе; но большинство такихъ примѣтъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предвидитъ погоду,— оно просто формулируетъ ту погоду, которая уже существуетъ въ данное время. Тѣмъ не менѣе всѣ эти примѣты показываютъ насколько сильно въ земледѣльцѣ желаніе знать предстоящую погоду.

Отъ общихъ разсужденій перейду къ привѣтствію новаго, недавняго труда одного изъ нашихъ наиболѣе выдающихся метеорологовъ, професс. Новороссійскаго университета г. А. Клоссовскаго. Этотъ трудъ, изданный въ Одессѣ, озаглавленъ „Осадки юго-запада Россіи, ихъ распредѣленіе и предсказаніе. Одесса, 1888 г.“ Нельзя не признать, что мы въ этомъ отношеніи богатѣемъ. Еще не очень давно (года четыре назадъ) былъ изданъ прекрасный, отличающійся богатствомъ и новизною матеріала, а также талантливостью обработки и остроуміемъ выводовъ, трудъ нашего метеоролога, А. И. Воейкова „Климаты Россіи“. Въ прошломъ же году вышла весьма обстоятельная монографія объ осадкахъ на русскомъ юго-западѣ. Я знакомя читателя *Нивы* съ этимъ послѣднимъ трудомъ; но, конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и только мѣстами, тамъ, гдѣ дѣло касается способствъ и примѣтъ, по которымъ можно предвидѣть погоду, войду въ нѣкоторыя подробности.

Обращу прежде всего вниманіе читателя на тотъ рѣзко выдающійся фактъ, что въ 1887 году метеорологическая обсерваторія Императорскаго Новороссійскаго университета получала наблюденія изъ 158 пунктовъ юго-запада Россіи; что изъ числа этихъ станцій 112, на которыхъ опредѣлялось время и количество выпавшихъ осадковъ, т. е. дождя, снѣга и пр., устроены на средства ассигнованныя главнымъ образомъ *Херсонскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ*, а также Новороссійскимъ обществомъ естествоиспытателей и *земствами Бессарабской и Таурической губерній*. Сказалъ бы какое симпатичное явленіе, если-бы не было правильнѣе выразиться—какое высоко-полевое явленіе! Безъ сомнѣнія, примѣръ названныхъ земствъ не останется безъ подражанія. Не далеко, можетъ быть, то время,

когда въ видахъ рациональнаго веденія сельскаго хозяйства по отношенію къ погодѣ, будутъ введены не только наблюденія надъ осадками, но и надъ всѣми метеорологическими элементами и явленіями, имѣющими непосредственное отношеніе къ сельскому хозяйству, лѣсоводству и пр.

Брошюра г. Клоссовскаго распадается на шесть отдѣловъ. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ читатель можетъ, между прочимъ, ознакомиться со слѣдующею картиною распредѣленія осадковъ въ Россіи въ теченіе года. Если провести на картѣ линію отъ устья Днѣстра, черезъ Николаевъ, Лугань, къ Саратову, Самарѣ и Оренбургу, то вдоль этой линіи расположена полоса Европейской Россіи, на которой, въ теченіе года, выпадаетъ слой дождя и пр. около 400 миллиметровъ (нѣсколько менѣе двухъ десятыхъ долей сажени). Отъ этой полосы, въ

направленіи на сѣверо-западъ, количество выпадающихъ осадковъ возрастаетъ; по линіи, проходящей черезъ сѣверную часть Бессарабіи, южную часть Подольской губерніи, черезъ губерніи Тульскую, Рязанскую, Владимирскую, Петербургскую и юго-западную часть Финляндіи, годовое количество осадковъ достигаетъ отъ 500 до 600 миллим. (отъ двухъ съ половиною до трехъ десятыхъ долей сажени); на всей остальной Россіи, восточнѣе этой линіи и сѣвернѣе вышеуказанной стеной полосы, осадки выпадаютъ слоемъ нѣсколько болѣе двухъ десятыхъ долей сажени. На Уралѣ, между Уфой и Златоустомъ, количество ихъ достигаетъ двадцати-трехъ сотыхъ долей сажени. На крайнемъ Сѣверѣ оно нѣсколько уменьшается. Къ Кавказу, особенно западному, количество осадковъ быстро возрастаетъ, достигая на восточныхъ берегахъ Чернаго моря *семи десятыхъ* и даже *девяти десятыхъ* долей сажени. Къ Каспійскому же морю и Средней Азии годовая сумма осадковъ также быстро убываетъ: въ фортѣ Александровскомъ,

напримѣръ, въ теченіе года выпадаетъ слой воды толщиной только пять сотыхъ долей сажени (127,7 миллим.). Это—у насъ въ Россіи. Западная Европа получаетъ изъ атмосферы слой воды, толщиной отъ трехъ десятыхъ долей до полусажени. Пиринскія горы, Швейцарія и побережье Адриатическаго моря—отъ полусажени до трехъ четвертей сажени. Но есть части земнаго шара, получающія изъ атмосферы несравненно большее количество воды, напримѣръ экваторіальная полоса Сѣверной Африки и Южной Америки. Въ Индіи выпадаетъ въ годъ слой воды, толщиной отъ одной съ третью до двухъ съ половиною сажень, а въ одной изъ ея мѣстностей (Черапунжи) слой воды изъ атмосферы достигаетъ пяти съ половиною сажень.

Далѣе г. Клоссовскій специально разсматриваетъ осадки нашего Юга. Тамъ не рѣдки какъ обильныя ливни, такъ и продолжительныя засухи. Наиболѣе богаты осадками июнь, июль и ноябрь; наиболѣе бѣденъ—февраль. Осадки эти обуславливаются главнымъ образомъ циклонами^{*}), проходящими черезъ среднюю и южную Европу, имѣющими также вліяніе и на бури Чернаго моря. Неравномѣрное распредѣленіе осадковъ въ отношеніи времени крайне неблагоприятно отражается на сельскомъ хозяйствѣ. Къ тому же, на Югѣ нерѣдки и засухи, продолжающіяся по 10—15 дней; а въ 1874 году длилась 57 дней. Въ третьей главѣ своей брошюры профессоръ Клоссовскій говоритъ о признакахъ приближенія циклона. Не вдаваясь въ

^{*}) Циклоны называютъ громадные вихри, въ которыхъ воздухъ вращается вокругъ ихъ середины, по правильнымъ, а въ нихъ—по продолговатымъ круглымъ оваламъ. Циклоны бьются отъ 100 до 3,000 миль въ поперечникѣ. Обыкновенная скорость съ которою они движутся впередъ, доходитъ до 70 миль въ часъ, если они движутся по направленію на востокъ, и до 10 миль въ часъ, если они идутъ на западъ. Иногда циклонъ стоитъ на мѣстѣ. Циклоны бьются какъ слабые, такъ и очень бурные.

Насръ-Эддинъ, шахъ Персидскій (шахъ-инъ-шахъ). Съ фот. грав. Флюгель.

^{*}) Редакція получала въ то время много писемъ, выражавшихъ живѣйшія интересы къ вопросамъ, поднятымъ этою статьею.

подробности, я приведу эти признаки, уверенный, что они могут представить интересъ для читателя.

Въ области циклона количество паровъ увеличивается. Во внѣшнихъ его частяхъ осадки образуютъ какъ бы дождевое кольцо. Въ болѣе сильныхъ циклонахъ, центральная ихъ часть отъ осадковъ свободна; въ слабыхъ—не свободна. По мѣрѣ приближенія къ внѣшней сторонѣ циклона, воздухъ становится насыщеннымъ парами; здѣсь то и происходитъ рядъ тѣхъ явленій, которые такъ-сказать оновѣщаютъ приближеніе циклона.

Такъ какъ оболочка водяныхъ паровъ, окружающая циклонъ, измѣняетъ составъ и напряженіе лучей, приходящихъ къ намъ отъ солнца и другихъ небесныхъ свѣтилъ, то это также даетъ намъ средство предвидѣть погоду.

Если лучъ свѣта пропустить черезъ стеклянную призму, то по другую ея сторону онъ разложится на цвѣта—красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, индиго, фиолетовый. Такой рядъ цвѣтовъ называется солнечнымъ спектромъ. Въ спектрѣ видны темныя *поперечныя* линіи, происходящія отъ того, что нѣкоторые лучи поглощаются раскаленною атмосферой газовъ и паровъ, ок-

Министръ Путей Сообщенія, статсъ-секретарь А. Я. фонъ-Губбенетъ.
Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

ружающею солнцемъ; но въ немъ же видны и другія группы темныхъ линій, происходящія отъ поглощенія лучей водяными парами, находящимися въ земной атмосферѣ. Если такія линіи усиливаются въ спектрѣ разсѣянаго солнечнаго свѣта, то это служитъ предвѣстникомъ дождя, почему и самыя линіи называются *дождевыми*¹⁾; онѣ встрѣчаются главнымъ образомъ въ желтой, красной и оранжевой частяхъ спектра. Желая произвести наблюдение, должно повернуть спектроскопъ къ солнцу, и притомъ наблюдение должно быть сдѣлано утромъ. Сравнивается группировка дождевыхъ линій съ постоянными темными линіями въ злевоомъ полѣ и въ голубомъ полѣ спектроскопа. Обыкновенно дождевыя линіи слабѣе линіи *E*; если дождевая линія болѣе замѣтна чѣмъ *F*, то можно ожидать дождя въ самомъ непродолжительномъ времени; если же она слабѣе чѣмъ линія находящаяся между *E* и *F*, то дождь будетъ не раньше какъ черезъ 12 часовъ.

¹⁾ Нѣкоторыя подробности о помощи спектроскопа для предсказанія погоды можно прочесть между прочимъ въ моей статьѣ, помѣщенной въ *Морскомъ Сборникѣ* за 1888 г., № 2. Въ другой же моей статьѣ въ *М. Сб.* 1862 г., № 1, можно прочесть „О сверканіи звѣздъ“, какъ признакъ погоды. (Окончаніе будетъ).

СПБ. Николаевское кавалерійское училище (по поводу 25-й годовщины основанія). Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

Маленькая швея. (Рис. па стр. 501).

Платце у куклы разорвалось. Надо его зашить,—маленькая шалуныя позабыла игрушку, утѣлась и собирается починить изъять. Сосредоточенно смотритъ малютка-швея на свои непослушные пальчики, которые никакъ не могутъ вдѣть нитку въ иглу.

На дѣвичникѣ. (Рис. па стр. 504).

Пакапутъ свадьбы, во многихъ мѣстностяхъ Россіи до сихъ поръ еще справляется древній обычай: въ самый дѣвичникъ, въ канунъ брака, собираются къ просватанной дѣвушкѣ подружки, и веселятся, хотя и поютъ плачевныя, жалобныя пѣсни, и сама невѣста поетъ „съ плачемъ“, прощаясь съ подругами и съ дѣвичествомъ; затѣмъ подружки расплетаютъ невѣстѣ косу, родители благословляютъ, а свахи уводятъ невѣсту въ баню. Парятъ невѣсту въ этотъ вечеръ съ особыми обрядами, припѣвами и прибаутками, а родители, то и дѣло, „поддаютъ изъ дома пару“ свахамъ и подруженькамъ невѣсты, посылая имъ квасовъ, меду и вина. Когда невѣста выпарится, свахи и подружки ведутъ ее изъ бани съ торжествомъ, подпѣвая и приписывая около нея; одна изъ нихъ, вздѣвъ вѣнчикъ на палку, размещаетъ передъ невѣстою дорогу отъ бани къ дому; другія, кругомъ невѣсты бьютъ въ сковороды, во вьюшки, въ мѣдныя тазы, и стараются произнести какъ можно больше шума и звона. Этотъ шумъ и звонъ, по народному повѣрью, долженъ „отогнать отъ невѣсты искуту сѣлу“, которая, какъ извѣстно, льбитъ гнѣздиться въ банѣ — этомъ постоянномъ мѣстѣ дѣйствія всѣхъ святочныхъ гаданій и колдовства.

Вотъ былъ основа, которую художникъ избралъ сюжетомъ для своей забавной картины и передалъ очень живо. Особенно привлекательно и удачно является въ картинѣ фигура лихо плещущей дѣвушки-подруженьки, съ головою повязкою въ руки; эта фигура составляетъ рѣзкую и эффектную противоположность со скромною, потупившею глаза дѣвушкой-невѣстою, которая идетъ изъ бани съ покрытою головою, въ накинутаю на плечи шубейку. Ея подруженьки и остальные гости, созванная на дѣвичникъ, еще не всѣ успѣли вокругъ нея собраться. Однѣ еще моются и парятся въ банѣ; другія, постарше, замужнія — бражничаютъ за столомъ около бани... Впереди-же всѣхъ, преважно шествуетъ къ дому сваха, звонко ударяя въ мѣдный тазъ сковородникомъ.

На конскій рынокъ. (Рис. па стр. 505).

Почетный вольный общникъ Академіи Р. Ф. Френцъ хорошо извѣстенъ посѣтителемъ нашихъ выставокъ, какъ даровитый гниписъ и вообще талантливый рисовальщикъ животныхъ. Его картина „На конскій рынокъ“, гравюра съ которой помѣщена на стр. 505, служить нагляднымъ доказательствомъ того мастерства, съ какимъ онъ передаетъ своею кистью лошадей различной породы и характера.

Русская дѣвушка. (Рис. па стр. 509).

Читатели нашего журнала уже знакомы по прежнимъ годамъ *Нивы*, съ изычною и тонкою манерою письма профессора К. В. Венига. Въ настоящемъ номерѣ помѣщается гравюра съ его картины, украшающей вышнюю весеннюю выставку въ Академіи Художествъ. На ней изображена красивая дѣвушка въ русскомъ нарядѣ, бойко избочившаяся и задорно смотрящая на зрителя. Фигура ея дышетъ жизненною правдою, а матерія наряда, мѣхъ и самое лицо переданы художественно.

Уроженецъ Ревеля, Карлъ Богдановичъ Венигъ учился въ С.-Петербургской Академіи Художествъ, гдѣ и состоитъ нынѣ профессоромъ. 23-хъ лѣтъ, въ 1852 г., онъ получилъ 2-ю золотую медаль, а черезъ 10 лѣтъ былъ награжденъ званіемъ профессора за картину „Ангелы возвѣщаютъ гибель Содому“. Особенною извѣстностью пользуется его картина „Последнія минуты Григорія Отрѣнѣва“, написанная имъ въ 1879 году и составляющая собственность Академіи.

Картины проф. П. О. Ковалевскаго.

(Рис. па стр. 512 и 513).

Профессоръ Ковалевскій экспонировалъ на текущей выставкѣ Академіи Художествъ пять картинъ, изъ коихъ помѣщаемъ слѣдующіе три предѣльные жанра. „Двѣ кавалькады“ изображаютъ часто повторяющуюся въ деревенскомъ быту встрѣчу двухъ конныхъ группъ — одной такъ-сказать первобытной и другой снаряженной со всѣми усовершенствованіями новѣйшаго спорта. Последняя, въ лицѣ амазонки и ея кавалера, красиво собравъ коней на мундштукъ, легкимъ тротомъ встрѣчу кучку крестьянъ, также пробирающихся верхомъ въ лѣсу, по всей вѣроятности съ сѣнокоса, гдѣ всѣ они, не исключая и бабъ, возли конны сѣна. Обѣ группы любятъ обоюдно диковинными приемами верховой ѣзды, каждая по своему выражая свои впечатлѣнія.

На второй картинѣ дорожный тарантасъ ухнулъ съ разгона въ такъ-называемую зажору, глубокую лужу, завязавъ переднія колеса въ невывлазную грязь. Пока ямщикъ спокойно подбодритъ лошадей — вывозите-молъ соколикъ, а въ сѣнѣ, Богъ

милостивъ, — сѣдокъ видимо колеблется, не выскочить-ли заблаговременно изъ тарантаса — хоть и въ грязь, да по крайней мѣрѣ не въ самый кисель...

Третья картина не требуетъ поясненій.

Насръ-Эддинъ, шахъ Персидскій (шахъ-инъ-шахъ).

(Портр. па стр. 516).

Повелитель сосѣдней намъ страны, заключающей въ себѣ до семи миллионъ населенія, шахъ Насръ-Эддинъ, четвертый изъ династіи Каджаровъ, вступивъ на престолъ въ 1848 году, является теперь, послѣ королевы Англійской Викторіи и Австрійскаго императора Франца-Иосифа, третьимъ въ ряду современныхъ монарховъ по продолжительности своего царствованія, достопамятнаго для насъ тѣмъ, что государь этотъ никогда не переставалъ быть нашимъ неизмѣннымъ и вѣрнымъ союзникомъ. Въ трудную для насъ годину Крымской войны 1853—56 гг., когда Англія напирала всѣ свои усилія, чтобы вовлечь и Персію въ общую противъ насъ коалицію, шахъ Насръ-Эддинъ одинъ остался непоколебимымъ въ дружбѣ къ намъ — и это повело къ разрыву съ нимъ и выѣзду англійской миссіи изъ Тегерана съ посланникомъ ея, Муреемъ, во главѣ. Этотъ историческій фактъ мы, русскіе, никогда не забудемъ и онъ снискалъ навсегда царствующему нынѣ государю Персіи общую у насъ симпатію. Но и независимо отъ того, къ нему нельзя не относиться съ особымъ уваженіемъ, какъ правителю своего народа, о благоденствіи котораго онъ несомнѣнно постоянно заботился, въ теченіе сорокалѣтняго своего царствованія.

Персію, подобно всѣмъ древнимъ государствамъ Востока, складывалась подъ особенными историческими условіями, положившими глубокой слѣдъ на ея современное намъ состояніе, въ которомъ не легко разобраться. Обычное право перенелось тутъ къ мусульманскому религіозному законодательству, ставившимъ всѣ мелчайшіе поступки человека въ полное себѣ подчиненіе; охранители древнихъ заветовъ и преданій уживаются здѣсь какъ-то съ толкователями все передъ собою нивелирующаго Корана; феодализмъ идетъ рука-о-руку съ принципомъ равноправности всѣхъ правобѣрныхъ — и производникомъ этой странной смѣси понятій является высшій классъ, состоящій изъ родственниковъ шаха (шахъ-заде), хановъ, великѣй, а рядомъ съ ними и богослововъ (улемовъ). Народъ находится у этого класса въ рабскомъ послушаніи, что отнюдь не препятствуетъ этой загнанной средѣ выдѣлять изъ себя значительный контингентъ деревней, людей святыхъ по понятіямъ мусульманства, передъ которыми всѣ преклоняются. Великая мысль стремилась выйти изъ этого круга своеобразной теологіи преслѣдуемая съ ожесточеніемъ. Бабъ и его послѣдователи за учене свое, близко подходящее къ христіанскому и ставящее женщину наравнѣ съ мужчиною, лѣтъ 30 тому назадъ были поголовно истреблены огнемъ и мечемъ. Всякое новшество неумолимо преслѣдуется, и лицамъ проведеннымъ свои молодые годы внѣ отечества, получившимъ европейское образованіе, перѣдко приходилось дорого расплачиваться по возвращеніи на родину за свое неправоуверіе и вносимыя новшества.

Персія конечно не можетъ оставаться вѣчно въ такомъ же положеніи на точкѣ замерзанія. Просвѣщеніе, идущее съ Запада, рано или поздно озаритъ ее своимъ свѣтомъ; этому сочувствуютъ и къ этому стремятся не мало уже лицъ въ самой Персіи, а въ числѣ ихъ находится и самъ шахъ Насръ-Эддинъ. Не говоря уже о томъ, что въ его управленіе не слышно о жестокостяхъ его предшественниковъ, въ 1873 году онъ сдѣлалъ шагъ до того небывалый въ Персіи, выхавъ изъ ея предѣловъ для посѣщенія прежде всего своего могущественнаго сосѣда и союзника, Императора Всероссійскаго, а затѣмъ и для путешествія по остальной Европѣ. Всѣмъ памятна любознательность, съ которою онъ изучалъ все видѣнное имъ впервые по всѣмъ отраслямъ благоустройства и просвѣщенія, съ цѣлью перенести что только возможно на родную свою почву, и лица посѣщавшія послѣ того Персію свидѣтельствуютъ единогласно, что на многомъ въ ней уже видны слѣды путешествія шаха. Тегеранъ сталъ неузнаваемъ. Стѣны его возобновились, улицы, приведенныя въ исправность, нѣкоторыя хорошо вымощены и тротуары на нихъ обсажены деревьями; часть города освѣщается газомъ, а дворецъ шаха — электричествомъ. Открылось нѣсколько гостиницъ съ европейскою обстановкою, содержимыхъ иностранцами и преимущественно французами; имѣются также и меблированныя комнаты. Эти зачатки комфорта идутъ рядомъ со введеніемъ городского благоустройства. Шахъ сдѣлалъ оберъ-полицеймейстеромъ европейца, организовавшаго и штатъ полиціи, заставляющій забывать традиціонныхъ ферашей, управлявшихся одною лишь налкою. Отъ Тегерана до ближайшей лѣтней резиденціи шаха сооружена уже желѣзная дорога на разстояніи 20 верстъ. Насръ-Эддинъ — писатель и издалъ два обширныя сочиненія. Одно посвящено описанію его путешествія по Европѣ, другое излагаетъ исторію всѣхъ персидскихъ провинцій и ихъ современное положеніе; оно состоитъ изъ большихъ двухъ томовъ и знамениты отзываются съ большою похвалою о его высокихъ до-

стоинствахъ. Сочиненіе это украшено множествомъ иллюстрацій, въ изготовленіи которыхъ принималъ личное участіе самъ шахъ, любитель фотографіи, достигшій въ ней большого искусства. Чтобы вполне оцѣнить такой трудъ, нужно знать, что въ Персіи пѣтъ еще до сихъ поръ типографій, всѣ книги переписываются каллиграфами-артистами и затѣмъ оттискиваются на камнѣ и литографируются. И при такихъ нелегкихъ условіяхъ въ Тегеранѣ издаются уже три газеты, въ которыхъ помещаются на первомъ мѣстѣ правительственныя извѣстія сообщаемыя по повелѣнію шаха. Эти общія черты лучше всего рисуютъ прогрессивныя стремленія настоящаго повелителя Ирана.

И вотъ этотъ маститый и сочувственный намъ монархъ снова посѣтилъ наше отечество; онъ-днихъ его ожидаютъ въ нашу столицу, при чемъ конечно онъ найдетъ во всемъ ея населеніи самыя оживленныя привѣтствія.

А. Я. фонъ-Гюббенетъ. (Портр. на стр. 517).

Назначенный нынѣ на постъ министра Путей Сообщенія старшій секретарь сенаторъ А. Я. фонъ-Гюббенетъ пользуется давно уваженіемъ какъ просвѣщенный и даровитый государственнѣйшій дѣятель. Онъ основательно знакомъ съ финансами, политической экономіей и дѣйствующими у насъ смѣтными и кассовыми правилами—и это знакомство обнаружилъ въ Обществѣ для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговли, куда онъ былъ приглашенъ для обсужденія настоящаго экономическаго положенія страны. При тѣсной связи задачъ и дѣятельности министерства Путей Сообщенія съ финансовыми дѣлами, съ промышленнымъ и торговымъ развитіемъ Россіи, такія знанія А. Я. Гюббенета являются весьма драгоценными и даютъ ему возможность сообразовать свои дѣйствія съ дѣйствіями финансоваго вѣдомства, идти съ нимъ рука объ руку. То дѣло, къ которому призванъ теперь А. Я. Гюббенетъ, тоже не ново для него, и тутъ онъ также имѣетъ за собою достаточный опытъ. Пять лѣтъ онъ занималъ мѣсто товарища министра Путей Сообщенія, причѣмъ имѣлъ полную возможность уснѣть себя задачи, которыя возлагаются на это министерство. Онъ всегда стоялъ за упорядоченіе желѣзнодорожнаго дѣла и за тѣ основныя начала управленія имъ, которыя выразились въ трудахъ столь извѣстной комиссіи графа Баранова. А. Я. Гюббенету удалось, насколько это было въ его силахъ, устранить нѣкоторые ощутительные недостатки казеннаго управленія и вѣдомства Путей Сообщенія, въ частности,—а это съ его стороны услуга немаловажная; при этомъ онъ обнаружилъ достаточно такта. Онъ былъ кромѣ того предсѣдателемъ „тарифной комиссіи“, труды которой дали прекрасный результатъ, способствовавшій упорядоченію одной изъ важнѣйшихъ отраслей эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и подчиненію этой отрасли непосредственному контролю правительства. Такимъ образомъ новый министр не вуждается въ подготовкѣ къ дѣятельности, выпавшей ему на долю, и дѣятельность эта нынѣ находится въ опытныхъ рукахъ, чему нельзя не порадоваться, принявъ во вниманіе всѣ прочія достоинства новаго министра.

Адольфъ Яковлевичъ фонъ-Гюббенетъ родился въ 1830 году, воспитывался въ Псковской гимназіи, а высшее образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ, окончивъ курсъ кандидатомъ правъ. При этомъ, по Высочайшему повелѣнію, ему, въ видъ изыятія изъ общаго правила, предоставлено право поступить прямо на службу въ министерства и главныя управленія. Далѣе управлялъ палатами Государственныхъ имуществъ—въ Гроднѣ, Тамбовѣ и Самарѣ и контрольными палатами Виленской и Варшавской, находясь подъ начальствомъ графа М. Н. Муравьева и старшій секретаря В. А. Татаринова въ тотъ самый періодъ, когда они оба энергически занимались переустройствомъ ихъ вѣдомствъ. Въ эпоху крестьянской реформы Гюббенетъ принималъ участіе въ введеніи въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, помещичьихъ и удѣльныхъ. Прослуживъ десять лѣтъ въ провинціи, Гюббенетъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ съ 1871 по 1874 г. занималъ должность директора канцеляріи Государственнаго контроля. Послѣ этого онъ съ 1874 года по 1880 годъ состоялъ директоромъ департамента Государственнаго Казначейства, и въ первые два года его директорства доходы по государственной росписи слишкомъ на 30 милліоновъ рублей превышали расходы; продолжалось это вплоть до турецкой войны, за все время которой онъ руководилъ полевыми казначействами, организованными имъ же самимъ на театрахъ военныхъ дѣйствій азиатскомъ и европейскомъ. При немъ составленъ и приведенъ въ исполненіе проектъ упрощенія и улучшенія счетоводства во всѣхъ мѣстныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ, что дало возможность получать изъ казенныхъ палатъ по истеченіи каждаго мѣсяца по телеграфу свѣдѣнія о поступившихъ доходахъ и произведенныхъ расходахъ во всей странѣ. Съ 1880 по 1885 г. онъ занималъ постъ товарища министра Путей Сообщенія, въ 1882 г. получилъ званіе сенатора, а въ слѣдующемъ году назначенъ старшій секретаремъ Его Императорскаго Величества. Этотъ перечень служебной дѣятельности А. Я. фонъ-Гюббенета показываетъ насколько она была разнообразна и какую массу всестороннихъ свѣдѣній могъ онъ приобрести, свѣдѣній такъ необходимыхъ на посту, который онъ теперь занялъ. П. Б.—въ.

Николаевское кавалерійское училище.

(По поводу 25-ой годовщины основанія). (Рис. на стр. 517).

Первообразъ нынѣшняго Николаевского училища, *Гвардейская школа юнкеровъ* была основана при императорѣ Александрѣ I 9 мая 1823 года, и по мысли вел. кн. Николая Павловича, предназначалась для образованія тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые, поступая въ гвардейскія войска изъ университетовъ или изъ частныхъ пансіоновъ, не имѣли достаточной подготовкы въ военныхъ наукахъ. Первоначально подпорожники, собранные изъ гвардейскихъ полковъ, составляли роту. Позднѣе, при императорѣ Николаѣ I, 9 апрѣля 1826 г. Высочайше повелѣно было чтобы дворинѣ, поступающей на службу въ полки гвардейской кавалеріи, также опредѣлялись въ школу, которая съ этого времени переименована была въ *Школу гвардейскихъ подпоручиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ*. Молодые люди дворянскаго сословія, не моложе 17 лѣтъ, по выдержаніи установленнаго при школѣ испытанія, могли подавать прошенія о зачисленіи ихъ на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и затѣмъ принимались въ школу, гдѣ сохраняли свою полковую форму. Курсъ былъ двухгодичный, предметы преподаванія исключительно военные. Весь внутренній порядокъ былъ общій съ войсковымъ. Въ лагерѣ рота и эскадронъ ходили въ Красное село вмѣстѣ съ войсками. По окончаніи курса подпоручики и юнкера производились въ офицеры.

Въ 1838 году школа утратила первоначальный, исключительно военный характеръ и преобразована была въ четырехклассное учебное заведеніе по образцу кадетскихъ корпусовъ. Сюда принимались также кандидаты пажеескаго корпуса и дѣти потомственныхъ дворянъ, изъявившіе желаніе служить въ гвардейскихъ войскахъ, въ возрастѣ отъ 13 до 15 лѣтъ, въ роту или эскадронъ по желанію. Два низшіе класса соответствовали III и IV классу кадетскихъ корпусовъ, а два высшіе—спеціальнымъ. Въ лагерное время школа выступала въ Петергофъ, въ общій кадетскій лагерь. 24 марта 1859 года, по случаю ураздненія званія подпоручиковъ, школа переименована, въ память незабвеннаго ея основателя, въ *Николаевское училище гвардейскихъ юнкеровъ*.

Наконецъ, въ 1864 году, Николаевское училище гвардейскихъ юнкеровъ, по образцу пѣхотныхъ военныхъ училищъ (Павловскаго, Константиновскаго и Александровскаго) преобразовано въ спеціальное кавалерійское заведеніе, которое составило эскадронъ и въ 1867 году получило наименованіе *Николаевскаго кавалерійскаго училища*. Курсъ установленъ двухгодичный. Къ приему допускаются только молодые люди съ законченнымъ общимъ образованіемъ, изучающіе въ училищѣ военныя предметы и строевую кавалерійскую службу. Съ поступленіемъ въ училище юнкера зачисляются на дѣйствительную военную службу и отбываютъ лагерный сборъ вмѣстѣ съ войсками въ Красномъ селѣ.

Первоначальная Гвардейская школа юнкеровъ помѣщалась недалеко отъ нынѣшняго училища, въ казармахъ л.-гв. Измайловскаго полка, на углу 1 роты; но уже въ 1825 году для нея купленъ былъ домъ графа Чернышева (нынѣ занятый Государственнымъ Совѣтомъ), а въ 1839 году она была переведена въ казенный домъ Кондукторской школы, на углу 12-й роты и Ново-Петергофскаго проспекта. 17 августа 1839 года, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, учебный курсъ былъ открытъ въ новомъ зданіи, въ которомъ и нынѣ помѣщается училище.

Съ преобразованіемъ училища, исправлявшій должность его начальника, полковникъ Сиверсъ, 15 сентября 1865 г. получилъ дальнѣйшее повышение по службѣ и былъ замѣненъ полковникомъ М. А. Таубе, который собственно и есть первый начальникъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. На долю его выпала обязанность установитъ новую учебную систему лекцій, опредѣлить порядокъ строевыхъ занятій и хозяйственнаго управленія, — что за исключеніемъ небольшихъ измѣненій сохранилось и до настоящаго времени. Въ 1873 году его замѣнилъ генералъ-майоръ В. Ф. Винбергъ, въ свою очередь уступившій мѣсто въ 1878 году полковнику А. А. Бильдерлингу, занимающему должность начальника училища по настоящее время, т. е. въ теченіе 11 лѣтъ.

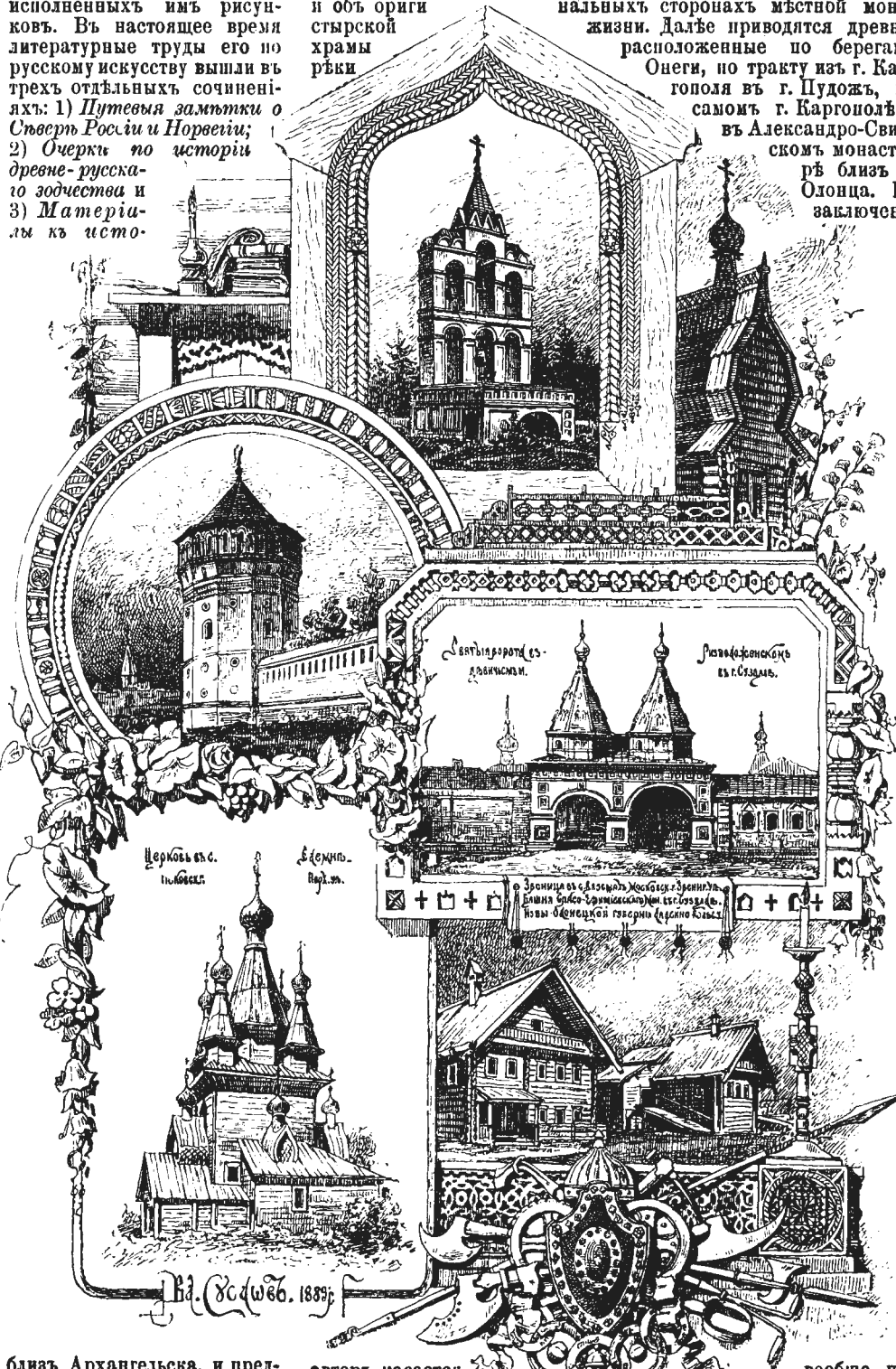
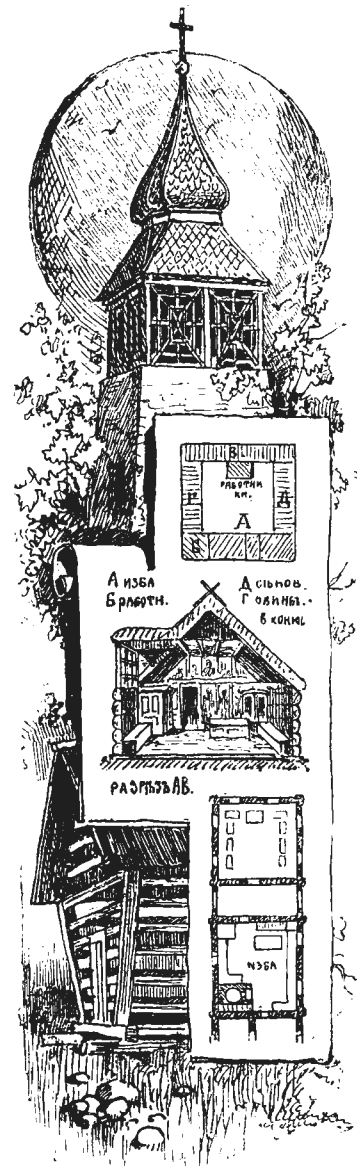
Александръ Александровичъ Бильдерлингъ воспитывался въ Пажеескомъ Его Величества корпусѣ, гдѣ окончилъ курсъ первымъ съ занесеніемъ имени его на почетную мраморную доску. Въ 1863 г. произведенъ въ корнеты кавалергардскаго полка. Въ 1870 г. окончилъ курсъ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, по 1-му разряду, произведенъ въ ротмистры, съ зачисленіемъ въ гвардейской кавалеріи и причисленъ къ Генеральному Штабу. Въ 1872 г. назначенъ дѣлопроизводителемъ военно-ученаго комитета Главнаго Штаба, а въ 1875 г. начальникомъ Тверскаго юнкерскаго кавалерійскаго училища. Въ началѣ 1877 года, полковникъ Бильдерлингъ назначенъ командиромъ 12-го драгунскаго Стародубскаго полка, съ которымъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1877—78 гг., въ составѣ Рущукскаго отряда. По окончаніи военныхъ дѣйствій назначенъ исправляющимъ должность начальника кавалерійскаго училища, а въ 1881 г. утвержденъ въ этой должности съ производствомъ въ генералъ-майоры. Его заботамъ обязано училище нынѣшнимъ его блестящимъ состояніемъ.

Библиографія.

Роскошно изданныя сочиненія В. В. Сулова *).

В области изслѣдованія древне-русскаго искусства вынѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе интереснѣйшіе труды академика архитектуры В. В. Сулова, изданные Императорскою Академіею Художествъ. Плоды его семилѣтнихъ поѣздокъ по Россіи ежегодно выставились на академическихъ выставкахъ въ цѣлыхъ серияхъ чрезвычайно добросовѣстно исполненныхъ имъ рисунковъ. Въ настоящее время литературные труды его по русскому искусству вышли въ трехъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ: 1) *Путевыя замѣтки о Сѣверѣ Россіи и Норвегіи*; 2) *Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества и* 3) *Матеріалы къ исто-*

женныхъ по берегамъ Бѣлаго моря. Онѣ представлены въ тщательныхъ гравюрахъ съ фотографій, прекрасно снятыхъ самимъ авторомъ. Этотъ любопытнѣйшій матеріалъ является у насъ впервые и знакомитъ съ образцами на одной архитектуры *). Кроме весьма удобопонятныхъ поясненій древнихъ памятниковъ русскаго стариннаго искусства, описываются старинный характеръ Поморскаго праздника, чрезвычайно любопытное путешествіе Бѣлымъ моремъ въ лодкахъ, обычные приливы и отливы рѣкъ, разсыпанные церковныя вещи, остатки древнихъ острововъ, Кемскій соборъ и пр. Въ послѣдней главѣ представляются разнообразныя свѣдѣнія о знаменитомъ Соловецкомъ монастырѣ, между прочимъ говорится о колоссальныхъ постройкахъ, о своеобразной природѣ Соловецкихъ острововъ и объ оригинальныхъ сторонахъ мѣстной монашеской жизни. Далѣе приводятся древніе расположенные по берегамъ Онеги, по тракту изъ г. Каргополя въ г. Пудожъ, въ самомъ г. Каргополѣ и въ Александровско-Свирскомъ монастырѣ близъ г. Олонца. Въ заключеніи

Древнія постройки въ Норвегіи.

ри древней Новгородско Псковской архитектуры Первая книга написана совершенно популярнымъ языкомъ и по содержанию чрезвычайно разнообразна. Въ первой главѣ авторъ касается старинныхъ бытовыхъ древностей Норвегіи, собранныхъ за послѣднее время въ стокгольмскомъ Обверномъ этнографическомъ музеѣ и еще нигдѣ не опубликованныхъ; далѣе знакомитъ съ постройками и нѣкоторыми особенностями какъ мелкихъ селеній, такъ и городовъ (Дрондгейма, Тромсо, Гаммерфеста и Вардо), затѣмъ вкратцѣ останавливается на нашихъ промышленникахъ въ Норвегіи и довольно живо рисуетъ природу сѣверныхъ окраинъ страны. Вторая глава посвящена нашему Мурманскому берегу; тутъ припоминается Печенгскій монастырь на границѣ Норвегіи и Россіи, въ краткихъ чертахъ описывается охота на китовъ, китобойные заводы, солнечныя ночи и русскіе рыболовные промыслы. Въ третьей главѣ говорится о Никольскомъ монастырѣ, близъ Архангельска, и представляется цѣлый рядъ совершенно оригинальныхъ древнихъ деревянныхъ церквей (преимущественно XVII стол.), располо-

авторъ касается роднаго наира

вообще навленія зодчества

* Сочиненія печатаны въ типографіи А. Ф. Маркса въ очень ограниченномъ количествѣ и продаются во всѣхъ университетскихъ городахъ. Главный складъ въ книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени" А. С. Суворина. Цѣна 1-му сочиненію 3 р. 50 к., на толстой бумагѣ 4 р., 2-е сочиненіе 4 р. 50 к., третье 1 р. 20 к.

* Наибольше интересныя древнія рисунки и блгодля сохраненія ихъ редкостно были представлены снимками и въ проектахъ реста-

постройки г. Суловымъ измѣрены и видъ свѣдамъ позднѣйшихъ не-Академіи Художествъ въ точныхъ вѣрціяхъ.

въ сѣверной Россіи за прошлое и настоящее время.

Къ сочиненію приложенъ перечень всѣхъ фотографій снятыхъ за время путешествія и указаніе художественныхъ предметовъ разысканныхъ г. Сусловымъ въ различныхъ церковныхъ кладовыхъ. Сочиненіе начинается прекрасно парисованною виньеткой. Начало главъ и весь текстъ также украшены различными художественными рисунками, относящимися къ путешествію. Рисунки эти, въ количествѣ 26, сдѣланы съ большимъ вкусомъ и прекрасно воспроизведены (факсимиле) цинкографіею. Кромѣ того въ книгѣ находится 14 таблицъ гравюръ съ древнихъ памятниковъ русскаго зодчества и со старинныхъ бытовыхъ вещей норвежцевъ. Книга издана большимъ форматомъ (in quarto).

Чрезвычайно художественное расположение рисунковъ, крупная печать, роскошная атласная бумага и прекрасное исполненіе рисунковъ—все это производитъ прекрасное впечатлѣніе и

весьма наглядно знакомитъ съ архитектурою старинныхъ зданій въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ, причѣмъ въ 18 чертеж. и 5 особыхъ таблицахъ указываются наиболѣе распространенныя на нашемъ Сѣверѣ типы церквей, колоколенъ, сельскихъ избъ и т. п., а также нѣкоторыя детали конструкціи. Наконецъ, въ послѣдней статьѣ „о древнихъ соборахъ въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, Ярославской губ.“, рассматриваются различные способы устройства вообще русскихъ церквей за XVI и XVII вѣка и отмѣчается какъ конструктивная сторона соборовъ, такъ и художественная. Научный обзоръ этихъ памятниковъ сопровождается 21 рисункомъ въ текстѣ и двумя особыми таблицами представляющими фасады и деталь одного изъ соборовъ.

Такимъ образомъ масса всевозможныхъ чертежей (210), прекрасно исполненныхъ фототипіею и цинкографіею съ рисунковъ

Церковь Благовѣщенія въ селѣ Посадномъ, Архангельской губ., Онежскаго уѣзда. (Изъ книги В. В. Суслова „Замѣтки о Сѣверѣ Россіи и Норвегіи“).

ставить поминутое изданіе на ряду съ самыми роскошными, представляющими интересъ не только для спеціалиста, но и для всякаго образованнаго человѣка.

Вторая книга обнимаетъ собственно пять отдѣльныхъ сочиненій и касается прямо спеціальныхъ вопросовъ древне-русскаго зодчества. На заглавномъ листѣ представлены въ видѣ красивой виньетки различныя памятники русскаго деревянной и каменной архитектуры. Къ первой статьѣ относится 40 чертежей и рассматривается одна изъ оригинальныхъ формъ наружнаго покрытія древне-русскихъ церквей и колоколенъ за періодъ XVI и XVII ст. Вторая статья „Памятники древней деревянной архитектуры въ южной Россіи“, демонстрирована 66 чертежами и представляетъ собою подробный разборъ древнихъ деревянныхъ построекъ Земли Войска Донскаго, Малороссіи, Галиціи и др. мѣстъ. Помимо детальнаго указаній, авторомъ обобщаются здѣсь вообще типы построекъ южно-русской архитектуры и сравниваются съ самобытными типами церковныхъ зданій сѣверной Россіи. Въ третьей статьѣ „Замѣтки о калмыцкихъ и древне-русскихъ постройкахъ“, находится 58 чертеж. и описываются весьма характерныя калмыцкіе храмы (хоруги), жилища и лѣтнія кочевки, устройство кибитокъ и т. п. Кромѣ того, рассматриваются множество мотивовъ и особенностей различныхъ памятниковъ церковной и гражданской архитектуры въ гг. Астрахани, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Суздальѣ и др. Четвертая статья „О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи“,

самого автора, представляетъ громадный интересъ не только для науки и современнаго направленія русскаго зодчества, но и для всякаго образованнаго человѣка, такъ какъ до сихъ поръ съ вопросомъ о русскомъ искусствѣ въ нашемъ обществѣ всегда связывается неясное и невыгодное представленіе о быломъ творчествѣ нашего народа.

Третье сочиненіе г. Суслова въ видѣ особой монографіи „Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры“ хотя довольно скромно издано, но заключаетъ въ себѣ обстоятельный разборъ памятниковъ зодчества за періодъ XI—XVII ст. Въ 175 чертежахъ этого серьезнаго труда приведены всевозможныя типы Новгородской архитектуры. Матеріалы эти настолько систематизированы, что выносятся совершенно ясное представленіе о постепенномъ развитіи Новгородско-Псковской архитектуры.

Такимъ образомъ нашъ молодой изслѣдователь русскаго стариннаго зодчества въ своихъ сочиненіяхъ обширный матеріалъ по древнему зодчеству. Надо думать, что всѣ художественныя работы г. Суслова, фигурировавшія на академическихъ выставкахъ, также не замедлятъ появиться въ особыхъ изданіяхъ.

Работы такихъ спеціалистовъ конечно обуславливаютъ извѣстный авторитетъ за ихъ сочиненіями и разумѣется будутъ рассматриваться съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе что подобныя работы по русскому искусству появляются у насъ крайне рѣдко.

Политическое обозрѣніе.

Громадный успѣхъ всемірной выставки въ Парижѣ отодвинулъ на задній планъ политическую международную жизнь остальной Европы. На этомъ торжествѣ мирной и трудолюбивой Франціи продолжаетъ сосредоточиваться всеобщій интересъ и всѣ вопросы „чистой политики“ отошли на задній планъ. Сотни тысячъ людей со всѣхъ концовъ міра прибываютъ въ столицу Франціи, чтобы воочию быть свидѣтелями матеріальнаго и торговопромышленнаго развитія страны, и по словамъ президента республики Карно, произнесеннымъ на банкетѣ парижскаго муниципальнаго совѣта 29 апрѣля, „не оставитъ Франціи безъ глубокаго убѣжденія, что она трудится для міра всего свѣта“.

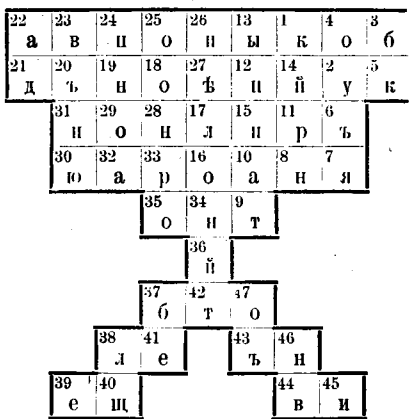
Сосѣднее наше государство, Германія встревожена въ настоящее время обширною стачкою рудокоповъ и рабочихъ въ горныхъ округахъ пререйнской Вестфалии. Начавшись около 25 апрѣля, стачка разрослась до громадныхъ размѣровъ, такъ что пришлось прибѣгнуть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ содѣйствию войска для усмокоенія расходившихся бунновъ. Число забастовавшихъ въ участкахъ дортмундскомъ, виттенскомъ, бохумскомъ и въ части эссенскаго рабочихъ 27 апрѣля простиралось до 70,000 человекъ, а 1 мая всѣхъ участвовавшихъ въ стачкѣ уже насчитывалось за 90,000. Нѣкоторыя изъ берлинскихъ газетъ полагаютъ, что стачка вызвана подстреканіями социалистовъ, но большинство объясняетъ забастовку отчасти справедливымъ недовольствомъ рабочихъ незначительнымъ вознагражденіемъ за трудъ и продолжительною работою въ шахтахъ. Особенно замѣательнымъ въ этомъ движеніи рабочихъ является непосредственное вмѣшательство императора Вильгельма. Молодой Германскій императоръ пожелалъ лично объясниться съ недовольными, и въ Берлинѣ прибыла депутація отъ дортмундскаго комитета забастовавшихъ рабочихъ. 2 мая, императоръ, принимая уголково, спросилъ ихъ, къ чему сводятся требованія рабочихъ, и получилъ въ отвѣтъ, что они настаиваютъ не столько на увеличеніи заработной платы, сколько на пребываніи въ шахтахъ не болѣе восьми часовъ. На это императоръ замѣтилъ, что онъ внимательно относится къ желаніямъ всѣхъ своихъ подданныхъ, но прежде всего рабочіе должны понять, что ими были нарушены заключенныя условія и что удерживать желающихъ работать отъ работы есть дѣло предосудительное. Императоръ надѣется, что никакой связи съ социаль-де-

мократами рабочіе не поддерживаютъ и не будутъ поддерживать и впослѣдствіи; въ противномъ случаѣ онъ прибѣгнетъ къ мѣрамъ строгости безъ всякаго снисхожденія. Императоръ милостиво относится къ рабочимъ, какъ и ко всѣмъ своимъ подданнымъ, но считаетъ cadaго социаль-демократа врагомъ имперіи и отечества. Если при дознаніи и разбирательствѣ, къ которымъ приступлено по приказанію правительства и результатъ которыхъ будетъ доведенъ властями до свѣдѣнія уголково, обнаружится, что движеніе сопровождалось социаль-демократическими стремленіями и подстрекательствами къ противозаконному сопротивленію, онъ, императоръ, не колеблется употребить всю власть, которою онъ располагаетъ, а власть эта велика. Въ заключеніе императоръ сказалъ: „Поѣжайте домой, подумайте о томъ что я вамъ сказалъ, постарайтесь воздѣйствовать на товарищей съ тѣмъ, чтобы вернуть ихъ на путь разсудительности, но прежде всего и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ не пренебрегайте товарищамъ возобновлять работы“.

Италія или, вѣрнѣе, итальянское правительство не покидаетъ мысли воспользоваться событіями происшедшими въ Абиссиніи, не смотря на то, что нежеланіе дальнѣйшаго участія Италіи въ африканскихъ дѣлахъ выразилось недавно тѣмъ, что бюджетная коммисія, послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ прерій, сократила на 2.900,000 лиръ ежегодный кредитъ на расходы въ Африкѣ. Но Криспи продолжаетъ настаивать на предоставленіи Италіи права дѣйствовать въ Африкѣ по собственному усмотрѣнію, во имя „охраны интересовъ и счастья Италіи“. О самихъ перемѣнахъ происшедшихъ въ Абиссиніи только теперь получаются интересныя подробности. Черезъ Адень получено отъ графа Антонелли донесеніе, подтверждающее извѣстіе, что негусъ былъ смертельно раненъ осколкомъ гранаты въ сраженіи съ дerviшами при Мегемнехѣ, которое произошло 10 марта и продолжалось цѣлый день. Густой туманъ содѣйствовалъ сильному урону, понесенному абиссинцами. Негусъ скончался 11 марта. Въ ночь на 12 марта дerviши атаковали абиссинскій лагерь и совершенно разгромили его. Менеликъ тотчасъ приказалъ своимъ войскамъ занять землю вологалласовъ и поддержанный стотридцатитысячною арміею провозгласилъ себя царемъ царей. Менеликъ собирается короноваться въ одномъ изъ священныхъ городовъ Абиссиніи.

Рѣшеніе задачи буквъ (ходъ короля) № 25
(помѣщенной въ № 15).

- 1) Щи.
- 2) Бошня.
- 3) Выя.
- 4) Ной.
- 5) Лѣто.
- 6) Канканъ.
- 7) Буйволь.
- 8) Дон.
- 9) Пюре.
- 10) Понтоль.
- 11) Ре.

Губокъ янтарный
Половъ давно.
Пѣною парной
Блещетъ вино!

(А. С. Лушинъ).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—Ф. А. Боронина, Ф. Михель, А. А. Носпѣва, П. В. Палкова, Лобурьянъ—Е. Мольской, Бѣгородъ—О. З. Мазуръ, Б. Корованъ—В. К. Торскаго, Лебеданъ—В. И. Чурилина, Льговъ—М. М. Кусакова, Лагодехи—В. И. Пискаго.

Рѣшеніе ребуса № 24 (помѣннаго въ № 14).

„Бдетъ бѣда на бѣдѣ; бѣду бѣдой погоняетъ“.

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ

Предлагаетъ: сѣлки, жейки, косилки, вѣлки, плуги разныхъ системъ и бороны.
Цѣны самыя умеренныя.
Прейсъ-курранты высылаются безплатно. № 3719 12-7

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. Изд. ное. 3-е. СПб. 1884 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

НОВОСТЬ!

Только 15 руб.

Настоящая электрическая столовая лампа для освѣщенія комнатъ (не смѣшивать съ электрическимъ огнемъ для закуриванія). Очень удобный, переносный аппаратъ. Пересылка за 20 фунтовъ. С.-Петербургъ, 4, Невскій проспектъ. Мт. № 3878

СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.
Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за почтовую марку въ 7 коп.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озабочиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

СОДЕРЖАНІЕ: Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть I.—Удивительныя приключенія Порфирія Перепелина Разсказъ В. П. Желиховской. (Озочиваніе). — Новый, цѣнный вкладъ въ изученіе климата Россіи. В. В. Иванова. — Къ рисункамъ: Маленькая швея (съ рис.). — На дѣвичникѣ (съ рис.). — На конскій рынокъ (съ рис.). — Русская дѣвушка (съ рис.). — Картины проф. П. О. Новалѣзнаго (съ 3 рис.). — Насръ-Эдинъ, шахъ Персидскій (шахъ-иншахъ) (съ портр.). — Статсъ-секретарь А. Я. фонъ-Гюбенетъ (съ портр.). — Николаевское кавалерійское училище (съ рис.). — Библиографія. Роскошно изданная сочиненія В. В. Сулова (съ 3 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Рѣшанія задачъ. — Заявленіе. — Объявленія.
Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Илюшинковъ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Получаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Шпала кулоновъ. № 3718
Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
ГОРНЫЙ АРТАРЪ отъ 10.15.20 р.с.
К.И.ФРЕЛАНДЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НЕВСК.ПРОСП. № 30/16.
Съ этимъ аппаратомъ всякій, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хорошіе и отчетливыя фотографическіе портреты. Новый преісъ-куррантъ безплатно. Самоучитель фотографіи съ преісъ-куррантомъ 50 коп. № 3853 3-2
ПЕЧАТЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ
ЧИСТЫЙ
ЩЕЛОЧНОКИСЛОТЫ ИСТОЧНИКЪ
ОСВЖИТЕЛЬНОЙ И ЗДОРОВОЙ
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
МОЖНО ВЕЗДЕ ВОЛУЧИТЬ.
6.000.000 (МИЛЛИОН) БУТМ. ГОЛОВОЙ ВЫВОЗЪ.

МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛЪЧЕБНОЕ И ЛИМАННОЕ
№ 3855 ЗАВЕДЕНІЕ 7-3
въ городѣ Евнаторіи
открывается съ 20 мая по 20 августа
За подробностями просить обра-
щаться въ гор. Евнаторію, Тавриче-
ской губ., Гг. доктору С. И. Ценев-
скому или доктору С. И. Ходжажу.

ИНТЕРЕСНЫЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.
Электр. подставки для часовъ—8 марокъ. Электр. огниво, зажигающее спички и свѣчи—5 мар. Электр. газоажджигатели, предохранители отъ воровъ. динамо-электрическіе приборы, сухіе элементы (батареи) и пр. **ЭЛЕКТРИЧ. ЛАМПЫ И ОСВѢЩЕНІЕ** РЕКЛАМЪ БЕЗЪ ВСЯКИХЪ МАШИИЪ Иллюстрированные проспекты бесплатно, подробный иллюстрирован. прейс-курантъ высылается за 30 пенниговъ по почтовымъ маркамъ (всѣхъ странъ).
B. S. Zadig, Fabrik electr. Apparate, Berlin W., Fri drichstrasse 178.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.
Въ виду часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать
Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse, Berlin.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ, и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

А. РАЛЛЕ и Ко **въ МОСКВѢ.**
ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ
Одеколонъ семейный. Пудра жирная.
Духи гиаинтъ. Мыло Ориза-лакте.
Духи русск. писателей. Вода Флоридъ для лица.
Мыло русск. писателей. Кольдъ-кремъ-Виолетъ.
Духи съ видами Москвы. Мыло цвѣточно-глицер.
Мыло съ видами Москвы. Элексиръ борио-тимоловый.
И. № 3821 6-3
Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.
Розничный магазинъ: Кузнечкій мостъ, д. Солодовникова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
БАЯНЪ
Выходитъ, при участіи лучшихъ музыкально-литературныхъ силъ, въ количествѣ 40 номеровъ (въ годъ) музыкально-литературнаго текста и 12 музыкальныхъ нотныхъ приложений тетрадами, до 8 пьесъ въ каждой—фортепьянной, вокальной и камерной музыки. Условія подписки на годъ съ доставкой: журналъ съ приложениями—8 руб.; одинъ журналъ—5 руб.; одинъ приложение—4 руб.
№ 3875
Всѣ вышедшіе номера высылаются новымъ подписчикамъ немедленно.
Подписка принимается: въ редакціи—СПБ., Пушкинская ул., д. № 11, кв. 58.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.
БРОКАРЪ и Ко
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.
M. № 3873 2-1

ПРО ЧТО ШЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Штумпелена. Съ портретомъ и биографіею автора. П. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

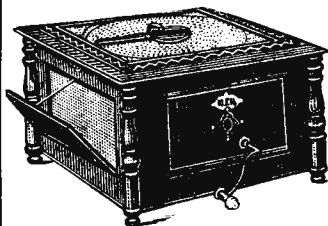
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.
ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЛИ
по 30 коп.
Для сбереженія шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч.
Этотъ составъ можетъ служить жидкостью для очищенія воздуха въ комнатахъ посредствомъ пульверизатора.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Рт. 3862 2-2
2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
3) Уголь Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54. (Розничная и оптоваа продажа).
Въ Москвѣ: 1) На Кузнечкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛИКЪ (Жиронда) Франціи.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

МАГАЗИНЪ
БОН-МАРШЕ
ФИРМА
АРИСТИДА БУСИКО
ПАРИЖЪ
Магазинъ всѣмъ извѣ- **Парижъ** **Всѣ купленный товаръ,**
стенъ прекраснымъ каче- **Галантерейный магазинъ** **переставшій нравиться по-**
ствомъ и дешезиной на- **содержитъ въ себѣ самый** **купателю или не отвечаю-**
ходящихся въ немъ то- **полный, богатый и изящ-** **щей данной гарантіи, пере-**
варовъ. **ный выборъ товаровъ.** **мянется безъ затрудне-**
нія или возвращается
плата.
Шелковыя и перестаяны матеріи, ситцы, холсты, каленкоръ, занавѣси, столовое бѣлье, костюмы для дамъ и дѣтей, готовые платья, пенюары, юбки, жерсе, мѣха. Костюмы для мужчинъ и дѣтей, шляпы, моды, обувь, готовое бѣлье. Приданое, дѣтское приданое. Мужскія и женскія рубашки. Мебель, ковры, постели, одѣяла. Принадлежности для путешественниковъ. Парижскія издѣлія. Мелочи, одѣяла, ленты, кружева, платки носовые, перчатки, чепчики, галстухи, зонтики, вѣера и т. д.
Цѣль магазина Бон-Марше—получить за все небольшое вознагражденіе и довѣріе покупателей. Цѣль эта, постоянно и точно исполняемая, сдѣлала нашъ магазинъ извѣстнымъ. Бесплатно высылаются всѣмъ желающимъ нашъ каталогъ, образчики и т. д. При покупкѣ товаровъ больше чѣмъ на 25 франковъ магазинъ принимаетъ пересылку на свой счетъ. Магазины Бон-Марше, специально устроенные для торговли галантерейными товарами, самыя большія, самыя удобныя и самыя богатые, и содержатъ въ себѣ все, что только было изобрѣтено полезнаго, удобнаго и комфортабельнаго и въ этомъ случаѣ составляютъ одну изъ достопримѣчательностей Парижа.
Къ услугамъ иностранцевъ, желающихъ посѣтить магазинъ, имѣются переводчики. Магазины Бон-Марше по преимуществу посѣщаются путешественниками и иностранцами; онъ постоянно старается заслужить это предпочтеніе. Обширное помѣщеніе даетъ возможность прибавить каждый разъ что-нибудь новое и предложить въ этомъ году къ предстоящей выставкѣ, больше чѣмъ когда либо, всѣ свои преимущества и удовлетворить своихъ покупателей, обращающихся въ магазинъ Бон-Марше, какъ въ одинъ изъ лучшихъ магазиновъ въ мірѣ.
Фирма Бон-Марше не имѣетъ представителей ни во Франціи, ни за границей и предпочтаетъ получать покупателей противъ поддѣлки товаровъ.
Фирма Бон-Марше будетъ находиться на всемирной выставкѣ 1889 г. —1-й классъ, 18 отд. Мебель, нуртеры, ковры, 2-й классъ, 36 отд. Готовое бѣлье для дамъ, мужчинъ и дѣтей. 3-й классъ, 35 отд. Костюмы для дамъ и дѣтей, готовые платья для мужчинъ и дѣтей. 4-й классъ, Общественная экономическая выставка.
Посылки для Россіи не могутъ быть высланы безъ платы и мы просимъ нашихъ заказчиковъ высылать деньги за товаръ и также за уплату посылки. Если покупка сдѣлана больше чѣмъ на 25 франковъ, то мы высылаемъ ее бесплатно до гавани или до послѣдней границы Австро-Венгріи или Германіи. А. № 3872 2-1

ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ ДОМА И НА ДАЧѢ.

Настоящій, патентованный ГЕРОФОНЪ

Обыкновенный съ 10-ю пьесами 30 р.
Герофонъ съ приспособленіемъ для громкой и тихой игры, съ 10-ю пьесами 32 р.
Добавочныя пьесы по 60 к.
Пересылка за 50 фунт.
Каталогъ нотъ для герофона и иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ — бесплатно. № 3880

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка).
Требовать иллюстрированныя каталоги *gratis et franco*.
Юг. Заксъ и Ко.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. № 3784
Берлинъ, Риттерштрассе, 88.

ИНОСТРАННЫЯ МАРКИ продаются оптомъ и въ розницу. Каталогъ 20 к. Б. Гостонскій, г. Кіевъ, Рейтарская, 17. № 3874 А—1

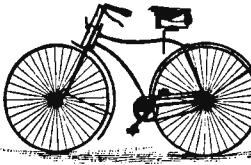
ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ ВЪКА! „АВТОМАТИЧЕСКІЙ ПРОДАВЕЦЪ“.

Продажа папиросъ, сигаръ, газетъ, шоколада, духовъ и проч. товаровъ производится этимъ аппаратомъ автоматически т. е. безъ содѣйствія кого-либо, при одномъ лишь опусканіи въ него соответствующей монеты.
Цѣна отъ 50 р.
Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку. № 3879

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДЛЯ РОССІИ.
С.-Петербургъ
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбРѢТЕНІЙ
4, Невскій пр., 4.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи
**Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,**
Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій мостъ, Б. Морская № 21.
имѣетъ
единственный складъ для всей
Россіи Велосипедовъ: (Свифтъ,
Виппетъ, Русскій Клубъ, Молни
(New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.
НОВОСТЬ
Общественный Свѣтъ, № 2
= 150 руб. =
Прейсъ-Курантъ высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ВТОРАЯ ЖЕНА, Ром. Марлитта. Пер. съ фр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
Довох. цензур., СПб., 10 мая 1889 г.

Поступила въ продажу большая гравюра: ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ СЪ АВГУСТЪЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

- 1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.
- 2) Государыня Императрица Марія Феодоровна.
- 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.
- 4) Великій Князь Георгій Александровичъ.
- 5) Великій Князь Михаилъ Александровичъ.
- 6) Великая Княжна Ксенія Александровна.
- 7) Великая Княжна Ольга Александровна.

Гравюра артистически исполненная съ фотографіи С. Л. Левицаго и № и отпечатанная на отличной веленовой бумагѣ, размѣромъ 10 1/2 вершк. выш. и 7 1/2 вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатами, на скалку 1 р. 25 к. Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 р., съ пересылкой и укупочкой до 1000 верстъ 3 р. 50 к., а до 2000 верстъ 4 р. 50 к.

Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей астаминной бумагѣ, размѣромъ 13 3/4 вершк. выш. и 9 7/8 вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалку 2 р. 50 к. Въ изящн. рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.; съ перес. и укупочкой до 1000 верстъ 7 р. 50 к., а до 2000 верстъ 9 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, С. П. Б.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ въ Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (65) № 2946

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.
СТРАХОВАНІЯ:
Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданого для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 8947 6—1

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.
Къ 1 января 1889 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 20,107 лицъ на капиталъ въ 56.795,020 руб.
Дивидендъ страхователей въ 1889 г. составляетъ 120/0.
Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи. Брошюры по страхованію жизни выдаются и высылаются, по требованію, бесплатно.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
СПБургъ, Невскій пр., № 52
прот. Им. Публ. Библиотеки.
Оптовая и рознич. продажа.
Специализиеть хронометровъ.
Рекомендую гг. военнымъ большой выборъ призовыхъ часовъ для нижн. чиновъ.
Ручательство на два года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются по востребованію бесплатно. № 3877

**МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
БУРКГАРТЪ И УРЛАУБЪ**
Москва, Красносельск. улица № 3848
СТРОИТЬ: 6—4 плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣлки, сортировки, мельницы, конные приводы локомобили 3, 4 и 6 силъ, соломорѣзки, паровыя машины, котлы, насосы всякаго рода, пожарныя трубы, сѣвныя прессы, кяржачи, прессы и пр.
КОНТОРЫ И СЛАДЫ:
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, 10. Москва, Мясницкая улица, у Мясницкихъ воротъ, домъ Виноградова.
Иллюстрированныя каталоги бесплатно

ЛЕВИЦКАСЪ и ГЮЗНИЦЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которой печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2406

С. ПЕТЕРБ. ВЪНА ПЕШТЬ, БЕРЛИНЪ
„ЕКСИКАТОРЪ“
1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ
ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА
ВЫВОДИТЪ СЕРЬСОУ И ПР.
БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИМУ АГЕНТОВЪ
АДР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

ЧАСЫ ЧЕРНЫЯ СТАЛЬНЫЯ
отъ 12 р. до 30 р.
Никел. отъ 6 р. до 15 р.
Серебр. отъ 12 р. до 50 р.
Золот. отъ 25 р. до 350 р.
Главное депо часовъ
ЭДУАРДА ВУРХАРДА.
СПБ., Гороховая ул. у Красн. моста, № 17.
Отдѣл. Вознесенск. пр. у Спильго м., № 68/3.
Прейсъ-куранты высылаю бесплатно.

**ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.**
Велѣдствіе новѣйшаго изобрѣтенія фотографиров. доступно каждому, и этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать многи хорошія портреты, группы и ландшафты.
Цѣна полн. прибора 18, 24, 35, 50 руб. и дороже.
Наборъ принадлежностей отъ 9 рублей.
Е. КРАУСЪ и КОМП.
Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ.
ДЕПО ДЛЯ РОССІИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Руководство и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются бесплатно. № 3867 2—2

ШИШУЮЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
Шьетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ,
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 21

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕН. ЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 20 мая 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1889 Г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	---	------	---	------	-----------------------	------

Чужой! Съ картины К. Арнольда, грав. Берике.

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

IV.

Бабушка согласилась, мать-игуменья благословила.

И не просто, а позвала къ себѣ дѣвочку.

— Ну, что вѣтерокъ, учиться хочешь? Съ матерью Серафимой поработать?

— Хочу, бабушка.

— Ну... Дай тебѣ Господи. Вотъ придетъ отецъ Симеонъ, отслужитъ молебень, и начинай съ Богомъ; все меньше на тебя жаловаться наши большія будутъ, а то ужь очень ты имъ надоѣла. Все летаешь, да бѣгаешь. И то ужь вчера мать Анемподиста говоритъ: „у меня отъ этой Вѣрки въ глазахъ какое-то мельканіе началось. Все мелькаетъ, все мелькаетъ,—а что такое, я и сама не знаю...“ Вотъ мать Серафима тебѣ хвостъ-то прижметъ, не будешь мелькать передъ нашими стариками.

Отецъ Симеонъ, узнавъ о желаніи Вѣрочки учиться, тоже одобрилъ.

— Дастъ тебѣ, сиротѣ, Господь доброе разумѣніе и благое поспѣяніе въ наукѣ этой, станешь ты благовременно образа для нашихъ церквей писать, и подумай, сколь сіе будетъ превозвышенно: предъ дѣломъ рукъ твоихъ молитвенники и молитвенницы прольютъ слезы и, взирая на оное, призовутъ въ сердцѣ своемъ имя Господне.

Отецъ Симеонъ, обыкновенно говорившій весьма просто, наставляя кого-нибудь впадалъ въ высренній и дидактической тонъ.

— Но помни также, что во всемъ духъ потребень, такъ и въ новой наукѣ твоей... Гдѣ это сказано: „Не виѣшняя плетенія власть и обложеніе злата или одѣяніе ризъ лѣбота, но потаенный сердца человекъ въ неистлѣннѣ кроткаго и молчаливаго духа...“ Ну-ко, гдѣ? обратился онъ къ матери-игуменѣ.

— Не знаю, отче, либо забыла.

— То-то... Сказано это... Отецъ Симеонъ запнулся, потеръ себѣ лобъ, вздохнулъ и еще потеръ, потомъ спохватился.—Что же это мы, грѣховодники, пора и молебень служить! Ну-ко, будущая иконописательница, пожалуйста съ своею бабушкою...

Правду сказать, Вѣра на первыхъ порахъ была очень разочарована. Она воображала, что Серафима ее сейчасъ же посадитъ на свой табуретъ, дастъ ей въ одну руку палитру, въ другую кисть, и предоставитъ въ ея распоряженіе ящикъ съ пестрыми красками, а дѣвочка съ мѣста начнетъ писать и лица, и деревья, и церкви, и небо голубое, и поля зеленые, и монашенъ черныхъ—прежде всего, разумѣется, своихъ безчисленныхъ бабушекъ. Она уже и распредѣлила ихъ: первую нарицуетъ настоящую бабушку и въ именины подаритъ ей послѣ молебствія, потомъ мать Варлааму, у которой такое отличное варенье изъ крыжовника, за нею слѣдовала очередь самой ея учительницы Серафимы—вплоть до Степаниды, живущей подъ воротами, въ интересномъ обществѣ хвостатыхъ и одноглазыхъ людей. Но, увя! Съ перваго же мгновенія ей пришлось надолго отложить попеченіе. Вернувшись изъ церкви, она бросилась было къ табурету и треножнику и зацапала уже палитру,—да мать Серафима съ удивленіемъ спросила ее:

— Это ты что же?

— Рисовать, бабушка.

— Сразу захотѣла. Ну нѣтъ... Потерпи еще. Еще нѣсколько лѣтъ, коли Господь дастъ тебѣ терпѣніе, посидишь на первой начальной школѣ.

— Что же теперь мнѣ дѣлать?

— А вотъ сначала руку набивай. Вотъ бумага п

карандаши. Видишь эту тетрадку? Ну, такъ какъ здѣсь и ты води вотъ эти черточки! Только старайся чтобы у тебя прямо выходило, какъ тутъ; выучишься, тогда кружки начнешь, а потомъ вотъ эти уголки, кубики. Ну, а къ тому времени для тебя закажу гипсовые, ты съ нихъ писать будешь.

И началась скучная, первоначальная подготовка.

„Вѣтерку“, какъ ее называли здѣсь, надо было много терпѣнія, чтобы каждый день высидивать опредѣленные часы за круглымъ столомъ у матери Серафимы и выводить линіи, круги и кубики, навалившись грудкой на свою же работу и муся на губахъ, казавшійся ей недостаточно мягкимъ, карандашъ. Она и уходила отсюда вся измазанная. Руки были черныя, губы и подбородокъ тоже. Часто и кончикъ носа оказывался попробовавшимъ карандаша.

— Ну, на кого ты похожа? остановила ее какъ-то мать Секлетей.

Вѣрочка посмотрѣла гордо на злую бабушку и хотѣла пройти мимо.

— Пстой, пстой, ты на себя въ зеркало взгляни... Чумазая, точно изъ трубы сейчасъ выскочила. Жаль что бабъ да дѣвокъ въ трубочисты не берутъ, какъ разъ бы тебя.

„Вѣтерокъ“ надулся, но въ отмщеніе рѣшилъ непременно изобразить злую бабушку вылъзающею изъ трубы.

Наткнулась на нее и юродивая бабушка Ирина.

— Господи спаси, Господи вызволи... поплитилась она.— Чортъ, чортъ...

Потомъ бросилась къ колодцу, схватила ведро и давай отмывать Вѣру.

— Что ты? прибѣжали на вопли дѣвочки.—Что ты, Ирина, дѣлаешь...

— Ахти мнѣ! кричала съ другой стороны, слѣшившая на выручку, бѣлица Ирины.

— Ничего, ничего. Чорта отмываю!

И она ерзала своею мозолистою рукой по скомканному совсѣсъ лицу Вѣрочки, обливая его водой.

Эти сюрпризы заставили было призадуматься Вѣрочку. „Да ужь полно, учиться-ли?“ разсуждала она. И охладѣла было, да какъ-то забралась съ бабушкой Серафимой на монастырскую колокольню. Отсюда открывался на далекое пространство дивный видъ. Направо, въ синевѣ далей змѣилась рѣка, то двоившаяся и троившаяся серебряными рукавами, то сливавшаяся въ свѣтловидныя, словно забытыя среди лѣса щиты, глубокия полосы. По другую сторону, внизъ, все внизъ, шла сплошная дрема стараго лѣса, важнаго, молчаливаго; волны вершинъ, дѣлое море вершинъ—и берега этому морю не было. Волны вершинъ далеко сливались въ туманъ какой-то; туманъ проадалъ въ небесахъ, переходя въ ихъ блѣдную, словно болѣзненную лазурь. Прямо на югъ шли дуга залежные, за ними убѣгла Богъ вѣсть куда зеленѣющая даль пологихъ холмовъ, на одномъ изъ которыхъ мерещился городъ съ искрами своихъ куполовъ, то пропадавшій, то опять выступавшій маревомъ бѣлыхъ домиковъ. Прямо подъ колокольней, подъ ногами у дѣвочки, зеленѣли крыши монастыря, обѣденные временемъ и облупившіяся зубцы его стѣнъ, горѣли ярко золотые купола, свѣтились звѣзды—и повсюду, куда только ни поворачивалась она, рядомъ съ ея головою, выше и ниже, во всѣхъ направленіяхъ чертили свѣжій и теплый воздухъ шаловливыхъ ласточки, точно стригшія что-то своими острыми крылышками. Смотрѣла, смотрѣла Вѣрочка и почудилось ей что вмѣстѣ съ этимъ монастыремъ она не-

сется куда-то далеко-далеко, несется среди этих полей, лугов и лесов... Колокольня почудилась ей мачтой этого каменного корабля... Даже голову закружило у дѣвочки.

— Бабушка Серафима! А бабушка Серафима!

— Что тебѣ?

— А можно все это нарисовать?

— Что все?

— Вот и эту рѣчку, и лес этот, и городъ?

— Отчего же нельзя. Вот погоди годика через три-четыре и ты писать станешь какъ слѣдуетъ.

— Я тогда сейчасъ на колокольню — и все это нарисую. А какъ же, бабушка Серафима, сдѣлать такъ, чтобы у меня на картинѣ ласточки летали и крылышками стригли?

— Въ картинѣ надо мгновеніе уловить; движеніе въ ней чувствуется, но его не видно.

И Серафима стала объяснять ей законы искусства.

Дѣвочка слушала ее съ закрытыми почти глазами, до того слова монахини переполняли весь ее внутренній міръ.

Слушала, слушала, да вдругъ показалось ей, что бабушка Серафима точно ушла куда-то отъ нея, замолкла.

Вѣрочка взглянула на нее и видитъ, что монахиня, вся просвѣтлѣвшая, смотритъ въ глубину небесной синевы прямо надъ собою.

— Что тамъ, бабушка, а? Что тамъ?

Та точно на землю упала съ высоты. Только съ лица ея еще не сбѣжало восторженное выраженіе какого-то неизмѣримаго счастья.

— Что тамъ въ небѣ-то?.. приставала Вѣрочка, хватаясь руками за ея черную мантию.

— Ничего... Не поймешь ты этого...

— Скажи, бабушка.

— Видишь глубь, это гдѣ синь-то погуще... Насквозь ее проникаешь взглядомъ и чудится тебѣ за нею и крыло сквозное ангела небеснаго, и лучи свѣта слѣпящаго вокругъ дивнаго лика.

— О! это написать можно, бабушка?

И у Вѣрочки даже глаза разгорѣлись.

— Были великіе художники, которые и такъ умѣли картины писать. Имъ ужъ это отъ Господа дано было. У нихъ каждый мазокъ кисти, что слово молитвы! Мало такихъ у насъ насчитывается, а были... Въ далекой странѣ одной... ты про Испанію читала-ли?

— Читала, бабушка Серафима; это гдѣ быковъ бьютъ и на гитарахъ по почамъ играютъ?

— Ну вотъ, тамъ солнце жжетъ и земля не такая какъ у насъ, и небо жаркое, горячее, синѣе этого. Росъ тамъ на улицахъ мальчикъ одинъ бездомовный, спалъ на теплыхъ камняхъ церковныхъ папертей, собиралъ апельсинныя корки и куски хлѣба выброшенные другими, болѣе счастливыми людьми, и этимъ питался, и все смотрѣлъ на небо, все любовался имъ. Сталъ онъ углемъ по стѣнамъ писать.

— Углемъ? переспросила Вѣрочка, нахмуривъ озаченно брови.

— Да, милая, углемъ, а потомъ сбился кое-какъ на краски и давай на щепочкахъ Богородицъ маленькихъ рисовать. Было это въ Кадиксѣ — городъ весь въ океанѣ вдаль на длинномъ мысѣ. Бѣлый весь, точно лилія на стеблѣ своемъ въ море брошенная. И отплывало тогда изъ Кадикса много кораблей въ Америку, и каждый кто ѣхалъ туда на этихъ корабляхъ, непременно покупалъ у мальчика щепочку съ его Богородицей... А когда выросъ этотъ мальчикъ, онъ сталъ писать такихъ Богородицъ, что передъ ними до сихъ поръ люди плачутъ отъ восторга и счастья.

— А какъ звали этого мальчика, бабушка Серафима?

— Звали его — Мурильо, душа моя. Такъ вотъ, уже большимъ, этотъ Мурильо, въ другомъ испанскомъ городѣ, въ Севильѣ, становился на башнѣ и цѣлые часы смотрѣлъ въ синь небесную, и она разверзалась ему и являлась оттуда художнику сама Матерь Божія... Оттого онъ и писалъ ее такъ хорошо, что собственными глазами видѣлъ Пречистую.

Задумалась Вѣрочка... Сошла съ колокольни... А потомъ одна часто взбиралась туда и положивъ голову на ладони и упирался локтями въ балюстраду, долго, тоже по часамъ, смотрѣла на синеву небесную... И иногда ей казалось, что лазурь эта точно рѣдѣетъ, воздухъ тамъ дрожать начинаетъ, въ глубинѣ его какой-то лучъ рождается и неопредѣленными, трепетными пятнами расплывается какое-то сіяніе... Но потомъ опять густота синевы, либо бродячее жемчужное облачко налетало, и Вѣра, разочарованная, сходила внизъ, утѣшаясь тѣмъ, что и ей, когда она будетъ большою, явится Богородица въ разверзшихся небесахъ... И она нарисуетъ ее, и приходя смотрѣть на ея картину люди будутъ плакать и молиться, какъ плачутъ и молятся они надъ Мадоннами Мурильо.

— Что притихла? шипѣла на нее въ такія минуты бабушка Секлетей. — Что притаилась, аль новую школу какую задумала?

И оборачиваясь Вѣрочка видѣла, что Секлетей озаченно слѣдитъ за нею и грозитъ ей всегда своимъ сухимъ желтымъ пальцемъ.

За то рассказъ бабушки Серафимы о рисункахъ углемъ не пропалъ даромъ.

Я думаю, учительница легкомысленнаго „Вѣтерка“ и сама потомъ была не рада. Скоро на всѣхъ бѣлыхъ стѣнахъ монастыря стали появляться какія-то необыкновенныя фигуры, набросанныя неумѣло еще дѣтскою рукою. Надъ крошечнымъ домикомъ торчала громадная труба, изъ которой въ видѣ спирали подымался дымъ, загибавшійся въ сторону и въ дыму этомъ вылетала какая-то чертовка съ растопыренными пальцами. Надъ этимъ произведеніемъ красовалась надпись: „Секлетей.“ Потомъ въ кругѣ рисовался одинъ глазъ, подъ кругомъ значились палочки замѣнявшія ноги, а подъ ними изображалось: „одноглазые люди, живутъ подъ воротами у бабушки Степаниды“. Рисовала дѣвочка и монахинь, и отца Симеона, и деревья, и угодинокъ Божіихъ такими, какими видѣла она ихъ на стѣнахъ собора, съ высоко поднятою рукою для благословенія и съ книгой въ другой рукѣ. Рисовала и голубей съ распростертыми крыльями, и купола соборовъ, болѣе похожіе на мыльные пузыри, и самый соборъ въ видѣ коробки и Богъ знаетъ что еще.

Къ этому времени относится и первое горе Вѣрочки.

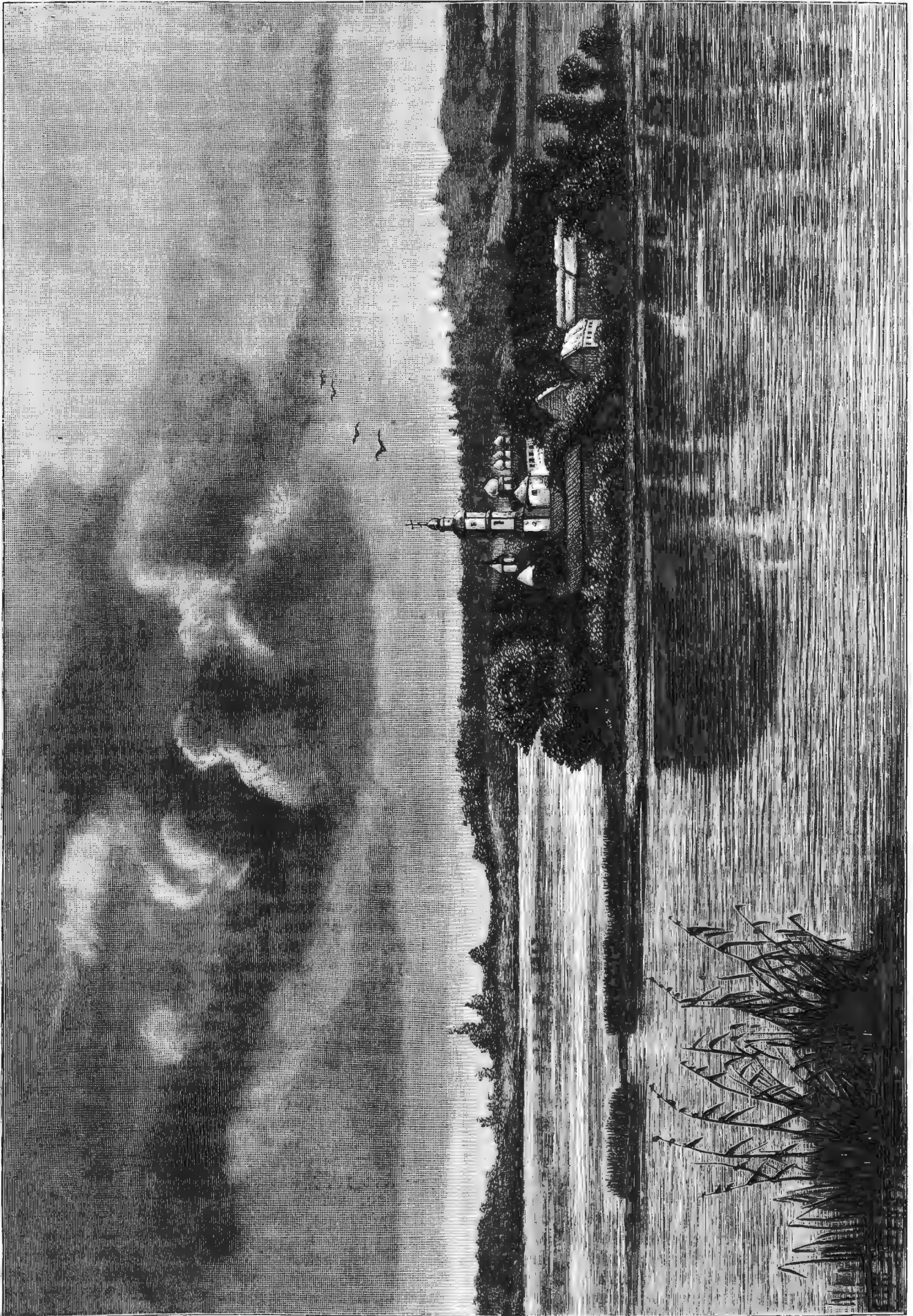
Разъ, только что она было начала изображать бабушку Секлетейку вылетающею изъ трубы, — кто-то ущемилъ художницу за ухо. Оглянувшись, она увидѣла оригиналь задуманной ею картины. Желтая и отекая мать Секлетей, кипя негодованіемъ и бѣшенствомъ, подняла крикъ, на который изо всѣхъ келлій стали сбѣгаться полуодѣтыя и простоволосыя монахини. Скоро вокругъ Вѣрочки собралась сплошная толпа молчаливыхъ, сердитыхъ бабушекъ, безмолвно созерцавшихъ на бѣлой стѣнѣ ея новое произведеніе.

— Такъ это вотъ кто расписываетъ у насъ всѣ кельи! шипѣла Секлетей. — Вотъ кто!..

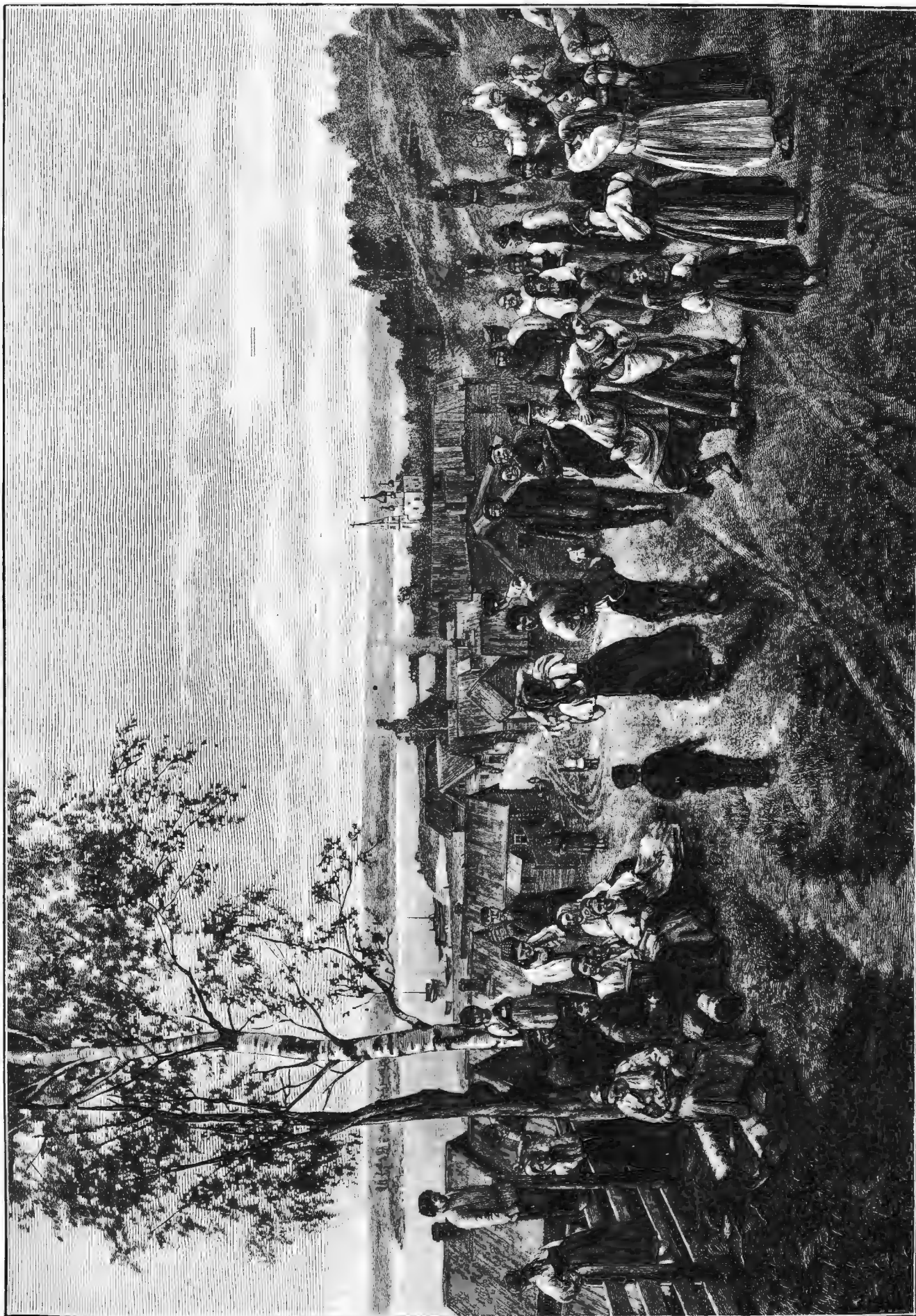
— Ахъ ты, дрянъ этакая! кричала другая больная монахиня, которой тоже не мало надоѣдала Вѣрочка. Въ довершеніе ужаса налетѣла на дѣвочку юродивая Ирина и не разобравъ въ чемъ дѣло, давай ее кропить прихваченною съ собою святою водою...

— Изуди сатана, чуръ меня, чуръ меня, изуди сатана! прыгала она вокругъ дѣвочки.

Секлетей, не выпуская изъ рукъ ея уха, торжественно повлекла ее къ бабушкѣ Варлаамѣ.

Червенецькій монастирь близь Луги (СПб. губерніи). Орган. ряс. (собств. „Нивы“) А. Константиновой, грав. Рашевскій.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Воскресенье въ деревнѣ.
Картина проф. Дмитріева-Оренбургскаго (право гравированія приобрѣтено „Нивой“), грав. Флюгель.

— Вотъ, мать-игуменья, какія дѣла завелись у насъ! зацѣла ей Секлетей.

Мать-игуменья выслушала и нахмурилась.

— Такъ это ты у насъ стѣны всѣ портить начала? Этого такъ оставить нельзя. Маша, сбѣгай-ко ты за ея бабушкой.

Настоящая бабушка явилась крайне растерянная и сконфуженная за свою внучку. Она даже всплакнула было.

— Проси прощенія, прощенія проси! шептали Вѣрочкѣ отовсюду.

Но на дѣвочку нашло. Она отвернулась въ уголь, уткнулась въ него носомъ и не поворачивалась. Ее и за плечи брали, и хотѣли заставить идти къ бабушкѣ-игуменѣ, къ Секлетей—Вѣрочка только отмахивалась да плечиками дергала.

— Что-жь ты будешь, дрянъ этакая, прощенія просить? вспылила настоящая бабушка.

— Не хочу! только и бурчала про себя Вѣрочка.

— А не хочешь, такъ запретить ей входъ въ монастырь.

И мать Варлаама тутъ-же, позвавъ старицу Степаниду, пребывавшую подъ воротами, отдала ей приказаніе отнынѣ, иначе какъ на службу—въ церковь—Вѣрочку въ монастырь отнюдь не пускать.

— Какъ паршивую овцу изъ стада вонъ! запицѣла ей вслѣдъ мать Секлетей, когда та выходила вонъ, опозоренная, какъ казалось дѣвочкѣ, навсегда. —А мать Степанида, можетъ быть вспомнивъ ангела съ огненнымъ мечомъ у вратъ рай, вооружилась даже розгой на случай самовольнаго вторженія „Вѣтерка“.

V.

Вѣрочка съ ума сходила отъ отчаянія. Безъ монастыря теперь жизнь ей казалась лишненною всякаго смысла. Не цѣлые-же дни было слоняться по комнатамъ бабушкинаго дома да бѣгать въ крошечномъ садикѣ, гдѣ всего на всего цвѣли два куста розъ, клумба сирени, да высоко раскидывали надъ деревянною крышею свои пышныя вѣтви нѣсколько серебристыхъ листвъ. Не разъ Вѣрочка подходила къ воротамъ обители, но очевидно запрещеніе еще не было снято, потому что, завидя ее, „бабушка Степанида“ хваталась за розгу, стоявшую около въ нишѣ старой стѣны, и стараясь придать своему доброму старому лицу строгое выраженіе, грозилла „Вѣтерку“. „Вѣтерокъ“ обѣгалъ стѣны монастыря—надѣясь встрѣтить вышедшую погулять Серафиму или наткнуться, какъ будто невзначай, на мать Варлааму—но увъ! какъ нарочно въ эти дни никто изъ добрыхъ бабушекъ не показывался сюда, а злыхъ и сама Вѣрочка не хотѣла встрѣтить. Такъ прошло времени до субботы, когда Вѣрочка могла показаться въ церковь монастыря съ до-боли-бьющимся сердцемъ и низко склонившею головкой. Она поэтому не замѣчала добрыхъ взглядовъ, которыми при видѣ ея перебрасывались монахини. Вѣрочка забила въ уголокъ и все время проплакала въ немъ, а когда служба кончалась, дѣвочка незамѣтно выскользнула вонъ, добралась до садика матери Секлетей и застыла въ немъ, озираясь, чтобы кто-нибудь ненарокомъ не увидѣлъ ее прижавшеюся къ старому-старому клену, въ чащѣ котораго посвистывала меланхолически какая-то вечерняя пташка. Вонъ вдали показалась сама „злая бабушка“. Идетъ черезъ силу—видимо трудно ей. Сѣла отдохнуть на скамейку.

— Простите, бабушка... только и могла выговорить дѣвочка, и вся опять залилась слезами, припадая къ рукѣ старой монахини.

— Что ты, что ты? Богъ съ тобой!.. Ну, полно, Господь проститъ.

И вдругъ у самой Секлетей задрожалъ подбородокъ,

скривился ротъ и она заплакала тоже, глядя желтою сморщенной рукой голову Вѣрочки.

Понятная вещь—запрещеніе было снято, и когда не знавшая этого Степанида при видѣ Вѣрочки вооружилась было своимъ огненнымъ мечомъ,—дѣвочка храбро прошла мимо, не обращая никакого вниманія на розгу. За то она очень сдружилась съ матушкой Секлетей—и тотчасъ-же послѣ уроковъ у бабушки Серафимы, бѣжала къ ней, садилась около и слушала ея рассказы о несчастіяхъ постигшихъ бѣдную старуху въ мірѣ. „И почему это прежде она казалась мнѣ злою?“ думала Вѣрочка, всматриваясь въ отекавшее лицо монахини и стараясь отыскать въ его чертахъ пугавшую ее прежде суровости. „Просто она больная, потому она и жалуется на все...“

А работа шла своимъ порядкомъ.

Мать Серафима, очень образованная женщина и талантливая художница, мало-по-малу посвящала ее во всѣ тайны своего искусства. Сначала тринадцатилѣтняя Вѣрочка—грунтовала ей полотно, потомъ мѣшала краски, наконецъ стала писать платъе святыхъ и Богородицъ, которыхъ изображала Серафима. Талантъ дѣвочки развивался съ такою быстротою и яркостью, что сама учительница не разъ уже посматривала на нее съ задумчивою нѣжностію.

— Скоро надо будетъ тебя отправить отсюда, наконецъ проговорила она какъ-то.

— Куда, зачѣмъ?.. Я не хочу! всполошилась Вѣрочка.

— Да вѣдь здѣсь тебѣ нечему больше учиться. Ни оригиналовъ, ни образцовъ. Дарованіе у тебя большое—а у насъ въ обители простора ему не будетъ. Замереть оно.

— Нѣтъ не замереть. Стану писать образа.

— Тебя на большее хватить. Вотъ я поговорю съ бабушкой.

Но бабушка, на всѣ убѣжденія Серафимы, только разводила руками.

— Что ужъ... Какъ ужъ... Гдѣ ужъ... повторяла она, очевидно теряясь передъ непобѣдимую логикой монахини.

— Поймите вы, Анфиса Кириловна, вѣдь такого таланта, какъ у вашей внучки, я отродясь еще не встрѣчала.

— Дай Богъ, дай Богъ! повторяла та озабоченно, безсознательно при этомъ пряча подъ платокъ выбивавшіяся съдныя космы волосъ и щури глаза, такъ что вкругъ располагались тысячи добрыхъ морщинокъ.

— Выростетъ и выучится она вамъ на утѣшеніе.

— Спаси васъ Господи!

— Я-то тутъ не причемъ. Курица орленка высидѣвшая. Вотъ и вся моя роль въ этомъ. А вѣдь у вашей Вѣрочки такой талантъ, что впослѣдствіи вся Россія гордиться будетъ.

Бабушка струсила и замахала на нее руками.

— Ну ужъ!.. Что ужъ... недовольно бормотала она.

— Въ Петербургѣ—въ академіи такихъ нѣтъ.

— Была я въ Петербургѣ... оживилась бабушка,—какже, мать моя, была... Все вывѣски. И внизу вывѣски и сверху вывѣски, и впереди и позади. Ажно и омлѣла на извозчикѣ отъ вывѣсокъ этихъ, зажмурилась да такъ, ничего не видя, до дочери и доѣхала. И потомъ у меня недѣлю голову кружило. Какъ открою глаза, такъ мнѣ сейчасъ эти вывѣски и представляются. А какъ пріѣхала—должно быть гдѣ именины праздновали, все на извозчикахъ ѣздилъ народъ. Поздравлять вѣрно. И впередъ и назадъ, и впередъ и назадъ. Такъ я потомъ ужъ до самаго отъѣзда изъ комнаты своей и не выходила.

— Ну, вотъ видите, а придется вамъ отправить туда внучку. Ужъ это я вамъ говорю. Грѣшно погребать здѣсь такой талантъ.

— Вотъ ужъ... какъ ужъ... Я ужъ и не знаю... разводила та руками.

— Да вы за нее не бойтесь, дѣвочка растетъ серьезная, не испорченная, изъ нея большой толкъ будетъ впоследствии. Сами на нее не нападаете.

— А я ужь думала ее въ монастырь сдать, все покойнѣе.

— Боже васъ сохрани,—такую жизнь да погребать здѣсь... И изъ мыслей своихъ выкиньте это.

Сунулась бабушка къ игуменьѣ-матери Варлаамѣ, съ тѣмъ-же планомъ—сдать дѣвочку въ монастырь,—та на нее окрысилась еще пуще.

— Что ты, мать, въ умѣ-ли? Выпей холодной водицы, да перекрестись. Экую юницу и въ обитель! Да тебѣ за это Господь ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ не проститъ. Рано еще хоронить-то ее! Пусть поживетъ, свѣтъ увидитъ, людей посмотритъ. Ну, устанетъ, собьетъ ее съ ногъ и затреплетъ мѣрскою непогодой—тогда милости просимъ къ намъ. А то экій бутонъ захотѣла! Еще и не распустился онъ — еще и лепестокъ - то краешкомъ сквозь почку не прорѣзался, а ты ужь его высушить хочешь. Да кто тебѣ экую злоехидную глупость внушилъ? Поди, мать, помолись сначала.

— А вѣдь сказано, мать: „и проходитъ образъ міра сего“.

— Ахъ ты неподобная, неподобная! Горе коли отъ Писанія научатся, а сердцемъ его разобрать не могутъ. Ну, да что мнѣ съ тобой говорить. Нѣтъ моего благословенія отнынѣ и во-вѣки. Вотъ тебѣ и аминь! Потомъ сама будешь благодарить меня.

— Ужели-же ее въ свѣтъ пустить?

— Не сейчасъ, пока пусть растетъ да крѣпнетъ, что деревцо молодое. Ну, а потомъ...

— Засмѣютъ ее. Вѣдь она какъ выросла здѣсь—въ смиреніи чувствъ—ничего-то она изъ мѣрскаго обихода и не выдастъ. Охъ! засмѣютъ ее мѣрскіе.

— Ты, вотъ, изъ Писанія все и не къ мѣсту, и не кстаті. А вотъ по поводу твоихъ умствованій, разверника Экклезіастъ—тамъ и найдешь: „якоже гласъ тернія подъ котломъ, такъ смѣхъ безумныхъ... И сіе суета!“ Поняла?

— Поняла! Спасибо за наставленіе, матушка Варлаама.

— Ну и Богъ съ тобой, ну и аминь тебѣ, и будетъ. А глупостей больше ты мнѣ не толкуй и самыя эти зловердныя мысли оставь втулѣ. Дурь и безъ тебя много. Хватить.

VI.

Такъ и продолжала расти Вѣрочка.

Годы шли за годами. Она все тянулась, да тянулась вверхъ. Молодое деревцо крѣпко и листвило, радуясь солнцу и Божьему свѣту. Казалось, ничто не измѣнилось вокругъ. Какъ прежде, она носила черное люстриновое платье съ кожанымъ поясомъ, такъ и теперь его носить,—только что оно подлиннѣе стало и подъ нимъ уже не видать ея молодыхъ сильныхъ ногъ. И поясъ шире ей дали, и грудь развилась надъ нимъ, плотно охваченная незатѣйливою матеріей, скроенною монахинями, почти по монашески. Тотъ-же, что и въ дѣтствѣ у нея, черный платокъ на головѣ—прежде только надѣвала она его въ бурныя погоды, а въ хорошія бѣгала простоволосою, а теперь—постоянно, какъ выходитъ изъ дому—въ немъ. Нельзя—большая, стыдно ходить непокрытою. Казалось и въ окружающемъ ее мѣрѣ не измѣнилось ничего. Та-же мать Степанида сидитъ подъ воротами, только сгорбилась больше. „Въ землю расту теперь!“ пояснила она сама какъ-то... Шла мимо нея вчера Вѣра—посмотрѣла-посмотрѣла на нее вратница—и головой покачала.

— Что ты, бабушка Степанида?

По старой памяти, она и теперь звала ее бабушкой, какъ и другихъ въ ея дѣтствѣ постригшихъ монахинь.

Только новыя были для нея „матери“ или „сестры“.

— Охъ, искушеніе!.. Ишь ты налилась-то какъ. Слово яблоко садовое... Охъ, искушеніе!.. А дьяволь-то поди—ходить - ходить — сомущаетъ - сомущаетъ и во снахъ и на яву... Все, подлець, думаетъ—съ какой-бы стороны приступить ему къ дѣвицѣ... Охъ, налилась дѣвушка, охъ, спѣть-спѣть яблочко-то...

Вѣра долго смѣялась потомъ, вспоминая о сокрушавшейся надъ нею Степанидѣ.

Дѣйствительно, самъ себѣ незамѣтно выровнялся „Вѣтерокъ“ въ красивую, сильную и здоровую дѣвушку. И при этомъ не потеряла она времени даромъ. Напротивъ, уже во многіе сельскіе храмы посланы образа ея письма и, по словамъ теперь уже старогостараго отца Симеона, передъ ними и плачутъ и молятся простые и немудрячіе люди, слезы которыхъ до Господа доходчивы, хотя здѣсь въ суетномъ мѣрѣ и незамѣтны. Скоро и въ соборную церковь—повѣсятъ ея работу. И не только сама она работаетъ, но вмѣстѣ съ сильно одряхлѣвшею матерью Серафимой и другихъ учить этому. Теперь на ихъ рукахъ цѣлая школа рисовальная въ монастырѣ—и не мало бѣлицъ пристрастилось, съ благословенія матери Варлаама, къ этому дѣлу...

Подумаешь, сколько лѣтъ прошло уже!.. А она все чувствуетъ попрежнему себя облюбованною монастыремъ дѣвочкой - подросткомъ. Точно еще вчера она рисовала „бабушку Секлетю“ вылетающею изъ трубы съ растопыренными руками... Злую бабушку Секлетю оказавшуюся потомъ такою доброю. Глубоко лежитъ теперь она въ сырой землѣ, на монастырскомъ кладбищѣ. Часто ходитъ къ ней „въ гости“ Вѣрочка помолиться надъ простымъ сѣрымъ камнемъ, на которомъ и надписи никакой не высѣбли... Положили старушку изнемогшую отъ земныхъ недугуговъ и успокоенную смертью, по ея собственному приказанію, подъ старымъ вязомъ, засыпали землей и плитой покрыли, чтобы крѣпче ей лежалось и покойнѣе спалось.

— Нельзя безъ надписи-то! увѣщевала ее тоже сильно состарившаяся мать Варлаама.

— Пошто нельзя?

— А спросать: кто похороненъ-то, за кого молиться?

— Похоронена „раба Божія“, молитесь за „рабу Божію“. Онъ, сестра, и безъ имени разберетъ!..

Важно шумитъ надъ ней старый вязъ, сочная трава пробивается изъ-подъ плиты, голубые цвѣтики какіе-то наивно улыбаются въ ней всякій разъ какъ вѣтромъ повѣетъ и заколышетъ траву, заслоняющую имъ свѣтъ Божій. И Капитолина рядомъ умѣстилась—приятельницы при жизни-то были, всегда и въ церкви рядышкомъ стояли молились. А вонъ тамъ подалѣ—Ирина-юродивая... Эта умирая въ себя пришла, у всѣхъ прощенія просила: „если и обидѣла кого, такъ не своей, а бѣсовской во мнѣ пребывавшею силой“. Надъ нею и плиты нѣтъ, такъ—холмикъ. Вѣрочка обсадила его сиренюю, а наверху розовый кустъ принялся. И пышно распускаются надъ тѣломъ юродивой яркія алыя розы. Каждая съ горсть величиной. Любитъ должно быть мать сыра земля бѣдную старицу малоумную, вволю питаетъ цвѣты украсившіе ея послѣднюю темную келью. Изъ школы, въ хорошіе дни, бѣгаетъ сюда Вѣра и, забившись въ кустахъ сирени, прислушивается ко всему, что творится кругомъ него. Могила бабушки Секлетей чужи полюбили, цѣлые утра и вечера стрекочутъ, возятся и дерутся въ листь надъ нею. Какая-то крохотная пичуга, у самой плиты въ густой травкѣ, подъ защитой „мірней монахини“ даже гнѣздо свила, притомъ еще и птенцовъ своихъ въ немъ высидѣла... Сначала пугалась Вѣрочки, а потомъ перестала ея бояться—та ей корму доставляла сюда и около сыпала вдоволь, чтобъ самцу не далеко было летать за нимъ... И могилку Ирины—соловьи любятъ и зяблики.

Иной разъ кажется Вѣрѣ, что какъ распоются птицы, каждая вѣточка сирени гремитъ и стрекочетъ, и щебечетъ своимъ голосомъ... И чудится ей вмѣстѣ съ другими монахинями, что въ великіе праздники, дѣйствительно, внизу, по удару большаго колокола, гудуть и молятся покойницы. Порывисто, словно выкликиваетъ священные слова юродивая мать Ирина, точно истово читаетъ ихъ самоуглубленная бабушка Секлетейя...

Такъ и сама Вѣрочка не замѣтила, какъ ей пошелъ восемнадцатый годокъ...

Пройдя монастырскія ворота и увидѣвъ надъ собою громадную колокольню, она вспомнила сегодняшній сонъ и невольно улыбулась. Должно-быть ее замѣтили, потому что окно въ ближайшей кельѣ отворилось и оттуда выглянуло старческое лицо.

— Здравствуй, Вѣрочка! Спаси тебя Богъ.

— Здравствуйте, бабушка Серафима.

— Неужели ты ужъ въ школу?

— Нѣтъ, мать Капитолина свою Машу прислала ко мнѣ, зоветъ чай пить.

— То-то, а я думала въ школу. Нашихъ дѣвочекъ еще ни одной поди нѣтъ.

— Лѣнятся? засмѣялась опять Вѣрочка.

Въ этомъ возрастѣ постоянно хочется смѣяться. Есть ли къ этому поводъ, или нѣтъ,—все равно.

— Да, дѣло молодое. А у меня большая новость есть, для тебя именно И не ждешь ты поди!

— Что такое?

— Въ школѣ скажу тебѣ, обрадуешься вотъ какъ. Ну ужъ иди къ Капитолинѣ-то, иди. Поди у нея самоваръ выкинь, второй приказала Машѣ своей на-

ставить... Это она вѣрно хочетъ чтобы ты ей портретъ нарисовала.

— Отчего же, я съ удовольствіемъ.

— Отлично. Старица она достойная и монахиня исправная. Да и любить тебя.

Монастырскіе дворы были теперь тихи и пустычны. „Матери“ и „сестры“ вернулись домой отъ ранней обѣдни и пили чай у себя. Изрѣдка на какомъ-нибудь крыльцѣ показывалась захопотававшаяся бѣлица, схватывала кипѣвшій тамъ самоваръ и, шибко торопясь, вносила его въ широко отворенныя двери. Однѣ птицы возились и чиликали во всю. Цѣлыми стаями срывались онѣ съ колоколенъ и, облетѣвъ вокругъ обители, возвращались назадъ щебеча такъ, будто имъ удалось сдѣлать не-вѣсть какое великое открытіе. Высокія стѣны соборныя, расписанныя фресками, смотрѣли сегодня особенно ярко. Колокольня вся тонко выдѣлялась изъ синевы неба. Налѣво, пестро размалеванная, такъ и рѣзала глаза трапезная... Чуть колыхались своими густыми вершинами высокіе тополи, меланхолическій вѣтеръ тихо пробѣгалъ по вѣтвямъ старыхъ вязовъ и мимоходомъ шевелилъ былинки поднявшіяся изъ щелей и трещинъ, точно пробуя, крѣпко-ли онѣ держатся въ камнѣ своими незамѣтными корнями. Маленькій бѣлый голубокъ, любимецъ Вѣрочки, замѣтивъ ее, сорвался съ купола, на которомъ онъ было засѣлъ, трепеща крыльями и волнуясь подлетѣлъ къ ней, уцѣпился за ея плечо, сталъ клевать зерна, которыя она подала ему въ горсти.

— На, не жадничай... Знаешь вѣдь что свое всегда получишь... смѣялась она.

(Продолженіе будетъ).

Кто-же?

Разсказъ Петра Дорошенко.

I.

Наступила глубокая осень 187* года. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, я усѣбно сдалъ кандидатскій экзаменъ въ Московскомъ университетѣ, и въ пылу самыхъ радужныхъ надеждъ, безпечно шелъ навстрѣчу ярко обрисовавшейся будущности, которая должна была, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ тогда казалось, вознаградить за всѣ лишеныя и невзгоды первой поры жизни.

Судебная реформа только-что состоялась. Необъятное поле дѣятельности повидимому открывалось нашему поколѣнію. Стремленіе „стать новымъ проводникомъ великихъ освободительныхъ идей“, изгладить честнымъ, безпристрастнымъ отношеніемъ къ дѣлу печать отверженія тяготѣвшію на лицахъ причастныхъ прежнему судопроизводству, обуяло насъ, и я со страстной настойчивостію добивался мѣста въ одномъ изъ вновь открывшихся округовъ.

Желающихъ было много; протекціи-же — никакой. Не мало времени потратилъ я, проживая въ Петербургѣ послѣдніе свои гроши, уцѣлѣвшіе отъ былыхъ уроковъ, пока мнѣ наконецъ по счастью удалось получить назначеніе при Н-скомъ окружномъ судѣ.

Я чувствовалъ подъ собою почву, и какой-то туманъ отдѣлялъ уже меня отъ недавняго, нерадостнаго прошлаго.

Послѣдній потомокъ дворянскаго захудалаго рода, я лишился отца въ малолѣтствѣ. Мать рѣдко упоминала о немъ. Ея блѣдное, сосредоточенное лицо, вѣчно трудящіяся руки, неизгладимо сохранились въ моей памяти. Мы жили втроемъ. Она, я — рѣзвый, веселый мальчуганъ, — да старая, беззубая няня, вѣчно новязанная темнымъ платкомъ, постоянно брюзжащая, но преданная намъ инстинктивно, безгранично любовью, составлявшая отличительную черту людей прежняго закала. Какимъ чудомъ самоотверженію ей удавалось содержать и кормить насъ — составляеть и донынѣ для меня такую необъяснимую задачу, которую не осилилъ-бы ни оди́въ политико-экономъ.

Изъ ежедневныхъ причитаній и нѣкоторыхъ недомолвокъ старухи, уже впоследствии, я пришелъ къ убѣжденію, что слабыхъ характерность и поведеніе отца довели насъ до крайнихъ предѣловъ разоренія; я не докучалъ разспросами матушкѣ, изъ опасенія огорчить ее.

Мое пребываніе въ губернской гимназій влекло за собою тяжелыя безпрерывныя жертвы. Матушка еле-еле питалась, проводя половину ночей за иглой, нарядами уѣздныхъ щеголихъ прибавляя нѣсколько крохъ къ своему скудному бюджету.

Изъ послѣдняго класса гимназій, мнѣ удалось найти кондидію на лѣто у зажиточнаго помѣщика, такимъ образомъ я заработалъ достаточно чтобы отправиться въ университетъ на собственные средства.

Съ какою гордою самоувѣренностію переступилъ я порогъ нашего ветхаго, покосившагося домишки въ Л*, единственнаго уцѣлѣвшаго наслѣдія когда-то славившихся роскошью предковъ. Да уцѣлѣлъ-то онъ вѣроятно все потому, что никому покушнику не могъ приглянуться.

Съ четырьмя двадцатипятирублевыми въ карманѣ, мнѣ казалось въ пору съ самимъ Крезомъ потягаться. Я выложилъ ихъ на темный, покоробившійся отъ времени и употребленія столикъ матушки, и щетно умолялъ ее принять половину моего сокровища.

— Не надо, родной, со счастливою улыбкою отстраняя ихъ говорила она. — Тебѣ самому пригодится! И много-ли мнѣ нужно чтобы дожить свой вѣкъ? Копить небо не стану теперь, разъ что Богъ поможетъ окончить свою задачу.

Не долго довелось мнѣ погостить у не! Жизнь, борьба маняла впередъ. Со стѣсненнымъ сердцемъ по бодримъ духомъ обнялъ я это блѣдное, исхудалое милое существо, единственную привязанность въ жизни, и доселѣ раздается въ ухахъ ея твердый, задушевный голосъ:

— Прощай, Ваня, дорогой! Помни послѣдній завѣтъ матери: святой сохрани твое единственное достоиніе: доброе имя. На честный только трудъ благословляю тебя.

Не суждено намъ было уже свидѣться.

II.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Т*, одинъ изъ самыхъ трудныхъ городишекъ средней полосы Россіи, я получилъ предписаніе отправиться въ отдаленную волость уѣзда, для производства слѣдствія по довольно сложному уголовному дѣлу.

Это было первое возложенное на меня порученіе. Я жаждалъ его какъ манна небесная; мигомъ собрался, и усаживался въ старую, почтовую бричку, извѣдалъ нѣчто подобное тому что вѣроятно ощущаетъ полководецъ, заноса ногу въ стремя своего боеваго коня.

Мнѣ предстояло сдѣлать безъ малаго сто верстъ по проселочной черноземной дорогѣ, вслѣдствіе осенняго ненастья предвратившейся въ липкую, непролазную грязь. Чуть свѣтъ я выѣхалъ изъ городской околицы, и съ наивностію человѣка еще не посвященнаго во всѣ прелести подобнаго путешествія — рассчитывалъ добраться къ вечеру до мѣста назначенія

Непрерывный дождь, падавшій какъ черезъ сито съ минутными порывами расходившагося вѣтра, не въ силахъ былъ охладить мое юношеское рвеніе. Быстро шагая по скрипящимъ половицамъ низкихъ, закоптѣлыхъ комнатъ на постоялыхъ дворахъ, чтобы кое-какъ отогрѣть окоченнѣе члены, я немилосердно торопилъ заспаннаго старосту, чествовавшаго что лошадей нѣтъ, или что онѣ „сей мину“ съ перегону и что слѣдуетъ

ВѢСТНИКИ ВЕСНЫ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Назина, грав. М. Рашевскій.

Средневѣковыя майскія празднества во Флоренци. Картина Ж. Вагреца, грав. Веберъ.

Панно проф. К. Е. Маковского, писанныя для бар. фонъ-Дервиза. „Живопись“.
Съ фотогр. (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Имѣт“) грав. Флюгель.

жизни что образованію ея предѣль, а ей всего еще тринадцать лѣтъ минуло. Ну да Богъ поможетъ. Сестра Андрея Васильевича замужемъ была въ Петербургѣ, за чиновнымъ лицомъ; бездѣтная и крестная ей притомъ. Она и вызвалась взять ее къ себѣ для окончанія воспитанія; иначе отецъ ни за что бы не отпустилъ; а вернулась она къ намъ раньше срока. Тетушка приказала долго жить прошлой зимой, а ей не статочное дѣло оставаться болѣе на чужихъ людяхъ. Да вотъ и она сама, довершила свой разговоръ болтливая Екатерина Александровна.

Вскорѣ появился самъ маіоръ въ сопровожденіи мѣстной знаменитости, которая, послѣ тщательнаго осмотра поврежденій, немедленно приступила къ дѣлу.

Ея загорѣлое, но сосредоточенное и умное лицо мгновенно разсѣяло гнѣздившееся во мнѣ недовѣріе, и не вдаваясь въ лишеныя всякаго интереса подробности, скажу только, что

Лондонская желѣзнодорожная расчетная контора (RAILWAY CLEARING HOUSE).

Переводъ очерка Отто Вальдау.

Нашъ вѣкъ такъ изобавованъ различнаго рода удобствами передвиженій, что намъ и въ голову не приходитъ думать о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжено на практикѣ учрежденіе прямыхъ сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ. Такъ, на примѣръ, выдавал билеты изъ Парижа или Лондона въ Константинополь, черезъ Вѣну и Софію, необходимо принимать въ расчетъ плату различнымъ частнымъ обществамъ и государствамъ, по линиямъ которыхъ проѣзжаютъ пассажиры; приходится распределять процентное участіе каждой дороги и сумму сбора, взимаемаго на станціяхъ, принадлежащихъ одновременно различнымъ линиямъ. Наконецъ произведенный расчетъ долженъ пройти черезъ многократный контроль, прежде чѣмъ получится конечный результатъ, а именно: что общество Х имѣетъ получить извѣстную сумму съ правительственной дороги В, за которой въ свою очередь числится долгъ линии А. Въ Германіи и Австріи расчетъ сравнительно проще, потому что большинство дорогъ принадлежитъ государству или крупнымъ желѣзнодорожнымъ компаниямъ. Гораздо запутаннѣе отчетность британскихъ дорогъ, составляющихъ, всѣ безъ исключенія, собственность частныхъ предпринимателей (мелкихъ). Но англичане обладаютъ особымъ талантомъ къ упрощенію дѣловыхъ сношеній и распределенію труда,—талантомъ, которому они въ значительной степени обязаны своими успѣхами въ области торговли. Въ то время какъ другія государства производили торговые платежи звонкой монетой или банковыми билетами,—обычай, сохранившійся во многихъ странахъ и до сихъ поръ,—Англія создала систему чековъ, благодаря которой, съ одной стороны, устраняется кропотливый счетъ денегъ и связанный съ нимъ рискъ, съ другой—привлекаются къ обороту многомилліонные капиталы, которые иначе оставались бы безъ движенія. При дальнѣйшемъ развитіи ежедневныхъ торговыхъ сношеній между банками и крупными торговыми домами, оказались уже затруднительными и платежи чеками, почему, какъ извѣстно, была учреждена „Банкирская расчетная контора“ (Banker's clearing house), ведущая въ настоящее время расчетъ между банками всего Соединеннаго королевства. Дѣла этого учрежденія достигли съ теченіемъ времени громаднаго развитія, колеблясь ежегодно между 6.000.000.000 и 7.000.000.000 фунтовъ стерл. или ста двадцатью и ста сорока тысячами милліоновъ марокъ (отъ 60.000.000.000 до 70.000.000.000 рублей). Система расчетовъ оказалась настолько удобна, что нашла примѣненіе и въ отчетности желѣзныхъ дорогъ, когда послѣднія получили болѣе развитіе. Лондонская расчетная желѣзнодорожная контора основана въ 1842 году при сравнительно скромныхъ условіяхъ—и обнимала въ началѣ лишь девять компаній. Впрочемъ и тѣ вскорѣ прекратили свое существованіе и были поглощены болѣе крупными обществами. Но, съ постройкой новыхъ мѣстныхъ и параллельныхъ путей, веденіе расчетовъ между компаниями до такой степени осложнилось, что упрощеніе счетоводства сдѣлалось настоятельною необходимостью, какъ въ интересахъ дорогъ, такъ и въ интересахъ населенія. Потребность эта чувствовалась уже во времена почтовыхъ сообщеній, такъ какъ почтовые экипажи также принадлежали отдѣльнымъ предпринимателямъ и поддерживали сообщенія на ограниченныхъ разстояніяхъ. На пути между Лондономъ и Эдинбургомъ, сборъ дѣлился между двѣнадцатью почто-содержателями, изъ которыхъ каждый имѣлъ долю не только въ перевозкѣ пассажировъ и товаровъ, но и въ платѣ отъ правительства за доставку почты. Какъ ничтожна была тогда корреспонденція можно судить по одному изъ произведеній Вальтеръ-Скотта, въ которомъ упоминается, что лондонская почта привозилась въ столицу Шотландіи въ маленькой тележкѣ и состояла верѣдью изъ... одного письма. Тѣмъ не менѣе почто-содержатели имѣли свою расчетную контору въ Лондонѣ, которая опредѣляла сумму сбора, причитающагося каждому изъ общей кассы. По примѣру этой конторы, а также прототипу ея—Banker's clearing house—основана была желѣзнодорожная расчетная контора, которая черезъ три года послѣ своего

по опыту могу любому хирургу рекомендовать способъ ея лѣченія. Я одну секунду только почувствовалъ страшную боль, потомъ что-то хрустнуло и послѣдовало немедленное облегченіе.

Она вытерла потомъ всю руку маслянистою жидкостью, отдававшей крѣпкимъ и довольно неприятнымъ запахомъ, забинтовала длинной полотняной полосой, поданной тонкими пальцами Ольги Андреевны, подвязала ее платкомъ, и самодовольно оглядѣвъ законченную работу, выговорила съ достоинствомъ патентованнаго эскулана:

— Не сумѣвайся, родимый, завтра встанешь что встрепанный; но еще денекъ обождать слѣдь. Потомъ въ путь дороженьку соберись съ Богомъ; ну, а теперь соснуть тебѣ пора.

И отвѣсивъ кругомъ низкій поклонъ, она вышла изъ комнаты въ сопровожденіи Ольги, тайношевно ей что-то шептавшей.

(Продолженіе будетъ).

основанія (1845 г.) насчитывала уже шестнадцать компаній, линіи коихъ имѣли однако протяженіе не свыше 656 англ. миль. Интересно прослѣдить, насколько тогдашнее движеніе отличалось отъ нынѣшняго. Въ 1845 г. по желѣзнымъ дорогамъ было перевезено круглымъ числомъ 517,888 пассажировъ, изъ коихъ 235,000 пользовались первымъ классомъ, 215,000 вторымъ, остальные третьимъ классомъ, т. е., изъ общаго числа только 13% ѣхало въ болѣе дешевомъ классѣ, тогда какъ теперь число пассажировъ третьяго класса достигаетъ 90%. Къ тому же, существовало обыкновеніе у богатыхъ людей, въ отличіе отъ массы путешественниковъ, возить съ собою экипажъ и лошадей, для того чтобы съ конечной станціи продолжать путь en grand seigneur. Это дорогое удовольствіе было повидимому довольно распространено, такъ какъ небольшое сравнительно количество желѣзныхъ дорогъ обладало почтенной цифрой 7,573 конскихъ вагоновъ.

Расчетная контора уже тогда зарекомендовала себя быстрымъ и справедливымъ распределеніемъ суммъ между компаниями. Тѣмъ не менѣе не было недостатка въ жалобахъ; бывали случаи, что одна дорога пользовалась, безъ предварительнаго заявленія, вагонами другой, а служащіе въ расчетной конторѣ не замѣчали такого злоупотребленія. Съ теченіемъ времени контора побудила желѣзнодорожныя правленія ввести однообразную систему счетоводства, безъ чего контроль былъ немислимъ. Для производства всей этой запутанной работы, контора раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, которыя въ свою очередь распределяются на нѣсколько под-отдѣленій, имѣющихъ каждое своего непосредственнаго начальника. Главные департаменты слѣдующіе: пассажирскаго движенія, товарнаго, департаментъ протяженій, посылокъ, утеряннаго багажа, пенсіонной кассы, прирѣзнія служащихъ, департаментъ сбереженій и т. д. Весь персоналъ служащихъ достигаетъ 1,500 человекъ слишкомъ. По первому департаменту—пассажирскаго движенія, сравнительно легче производить контроль и распределять полученные сборы между различными обществами, которыя ежемѣсячно доставляютъ конторѣ свѣдѣнія о проданныхъ билетахъ, по своимъ и чужимъ дорогамъ. Такъ какъ англійскія желѣзныя дороги имѣютъ болѣе 18,000 станцій и большинство изъ нихъ выдаетъ билеты прямаго сообщенія, то расчетная контора вѣдаетъ лишь билеты продаваемые на конечныхъ станціяхъ, оставляя надзоръ за остальными дорожными контролерамъ, которые доставляютъ свѣдѣнія en blocъ центральному учрежденію. Ни въ одной странѣ путешествія не обставлены такими удобствами и не производятся въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ Англіи, гдѣ дороги перевозятъ въ годъ до 750 милліоновъ лицъ, что составляетъ до двадцати поѣздовъ на человѣка. Такъ какъ огромное большинство пассажировъ проѣзжаетъ короткія разстоянія, то на каждого приходится среднимъ числомъ не болѣе 70 пфениговъ, что однако составляетъ общую почтенную сумму въ 500 милліоновъ марокъ. Обстоятельства упрощающія распределеніе огромной суммы сбора за проѣздъ пассажировъ заключаются въ томъ, что здѣсь платежъ производится наличными деньгами, между тѣмъ какъ при товарномъ движеніи необходимо допустить нѣкоторый кредитъ. Подробное разсмотрѣніе сложныхъ отчетовъ, происходящихъ отъ того, что пассажиръ съ однимъ билетомъ ѣдетъ по нѣсколькимъ дорогамъ, завело бы насъ слишкомъ далеко. Достаточно будетъ привести одинъ примѣръ, чтобы иллюстрировать всю запутанность расчетовъ. Дорога отъ Манчестера до Карсейла—587 миль—принадлежитъ одиннадцати компаниямъ, на долю каждой изъ коихъ приходится: 122, 102, 92, 76, 53, 50, 49, 24, 17, 1 и 1 миль. Расчетъ, конечно, упрощается употребленіемъ вспомогательныхъ книгъ, составленныхъ исключительно для расчетной конторы; но такъ какъ для окончательнаго утвержденія счетовъ требуется предварительный контроль, то необходимо содержать вдвое болѣе служащихъ, чѣмъ требовалось бы для первоначальнаго расчета. Второй департаментъ—товарнаго движенія,

гораздо труднее было подчинить условиям центрального контрольного бюро. Пассажиры, будь онъ тяжелѣе или легче, платятъ одну и ту же сумму за проездъ, и за исключеніемъ „увеселительныхъ поѣздокъ“ и сбора съ лицъ, служащихъ на желѣзной дорогѣ,—для которыхъ существуетъ особый тарифъ,—плата за пассажировъ развита только по классамъ. При перевозкѣ же товаровъ, являются различные тарифы, смотря по роду товаровъ, по способу доставки (пассажирскимъ или товарнымъ поѣздомъ) и вѣсу товаровъ. Но самую трудную задачу представляютъ вагоны, которые съ одной системы дорогъ безпрепятственно переходятъ на другую и за пользованіе которыми каждое общество должно платить извѣстную сумму съ мили. Расчетная контора нашла однако практической путь контролированія вагоновъ и достигла такихъ результатовъ, что расчеты ея никогда не подаютъ повода къ пререканіямъ. Контрольный чиновникъ, имѣющій вездѣ свободный доступъ, осматриваетъ каждый поѣздъ передъ выходомъ его со станціи отправленія; отмѣчаетъ №№ вагоновъ вмѣстѣ съ именемъ владѣльца, мѣсто назначенія и количество груза, и обозначивъ всѣ эти свѣдѣнія на каждомъ вагонѣ, ежедневно посылаетъ донесенія о нихъ въ главную контору. Въ виду того что товарные поѣзда останавливаются также на промежуточныхъ станціяхъ, гдѣ вагоны частью отдѣляются, частью прицепляются новые, такіа записи производятся на всѣхъ подобныхъ пунктахъ. Полученныя въ Лондонѣ донесенія сравниваются между собой и, если они согласуются—вносятся въ соответственныя книги. Контроль этотъ настолько удобенъ, что расчетная контора можетъ всегда дать свѣдѣнія о томъ, напримѣръ, гдѣ находится въ данную минуту вагонъ № 0, принадлежащій X дорогѣ, или сколько миль и по какой дорогѣ прошелъ такой-то вагонъ наканунѣ и т. п. При расчетѣ прибыли, причитающейся каждому обществу за перевозку товаровъ, являются еще и другія соображенія, а именно: той станціи, на которой производится нагрузка, причисляется особое вознагражденіе, точно такъ же, какъ за временное храненіе товаровъ и, наконецъ, за убытки, вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, поврежденій и т. п. Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ руководствуются числомъ миль, сдѣланныхъ по каждой дорогѣ. Расчетная контора строго слѣдитъ за правильностью расчетовъ между дорогами и составляетъ самую лучшую желѣзнодорожную полицію, не допускаящую фальшиваго объявленія вѣса при перевозкѣ товаровъ.

Третій департаментъ вѣдаетъ *протяженія* пройденныя каждымъ локомотивомъ и вагономъ по той или другой дорогѣ. Въ 1887 г. (за 1888 г. еще не собраны статистическія свѣдѣнія) находились въ движеніи на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ: 13,000 локомотивовъ, 34,000 пассажирскихъ вагоновъ, 469,000 багажныхъ, 13,000 почтовыхъ и различныхъ наименованій вагоновъ, всего 529,000 вагоновъ, сдѣлавшихъ 277,000,000 миль. Расстояние это такъ велико, что равняется 11,000 кругосвѣтныхъ путешествій или, иначе сказать, превышаетъ вдвое удаленіе солнца отъ земли. Средняя дѣятельность каждого локомотива выражалась въ передвиженіи 30 вагоновъ на 18,000 миль протяженія. Все это огромное движеніе регулируется при помощи 300 чиновниковъ занимающихся въ департаментѣ протяженій. Счетоводство, котораго требуетъ эта система, настолько сложно, что отдѣльныя статьи (суммы) платежей, заносимыхъ за пользованіе подвижными составами другихъ дорогъ, достигали въ отчетномъ году 24,000,000. Система нумераціи, слѣдящая за движеніемъ баждаго вагона, дѣйствуетъ съ точностью часоваго механизма. Контролеры, на обязанности которыхъ лежить провѣрять всѣ вагоны и дѣлать ежедневно массу записей, пользуются для сбереженія времени особаго рода топографическими знаками, состоящими изъ точекъ и тире, различно расположенныхъ, какъ напримѣръ: . . . или . . . \ — и т. д.

Доставленіе посылокъ составляетъ также весьма существенный отдѣлъ желѣзнодорожнаго движенія, потому что англійскія почтовые конторы принимаютъ только извѣстные предметы, и то съ ограниченіемъ до 11 фунтовъ вѣса и 3 $\frac{1}{2}$ фунтовъ длины. Всѣ посылаемые по желѣзнымъ дорогамъ посылки отправляются пассажирскими поѣздами, такъ что на долю послѣднихъ, кромѣ 750,000,000 пассажировъ и почты, приходится еще всѣ посылки, лошади и экипажи. Сборъ за доставку посылокъ достигаетъ 65,000,000, а за почту 11,000,000 марокъ въ годъ. Хотя это правило кажется на первый взглядъ очень выгоднымъ для желѣзнодорожныхъ обществъ, однако надо принять въ соображеніе, что одна доставка 34,000,000 почтовыхъ отправлений по адресамъ обходится не дешево; кромѣ того, нѣкоторые предметы, какъ напримѣръ: рыба, овощи, фрукты, подъ страхомъ значительныхъ штрафовъ, должны быть доставляемы адресатамъ въ извѣстные часы, что на практикѣ неминуемо требуетъ особыхъ расходовъ. Расчетная контора употребляетъ на веденіе этого отдѣла 200 чиновниковъ, достигшихъ въ своемъ дѣлѣ такого навыка, что ошибки или недосмотры соста-

вляютъ рѣдкія исключенія. Въ извѣстныхъ времена года, въ особенності передъ Рождественскими праздниками, посылки накаплиются въ громадномъ количествѣ, и здѣсь ясно выкачивается вся методичность дѣйствій конторы, которая умѣетъ выпутаться изъ хаоса предметовъ, наводняющихъ почтовые конторы и желѣзнодорожныя станціи. Большинство крупныхъ торговыхъ домовъ, акціонерныхъ обществъ, общественныхъ учреждений и т. д., имѣютъ текущіе счета съ расчетной конторой, задача которой вслѣдствіе этого еще болѣе осложняется. Здѣсь продолжаетъ дѣйствовать кредитная система, потому что потеря времени, связанная съ пріемомъ денегъ отъ отправителей, была бы значительнѣе, чѣмъ трудъ и рискъ, связанные со счетоводствомъ. Департаментъ *утраченного пассажирскаго багажа* гораздо обширнѣе, чѣмъ могъ бы быть при болѣе осторожности со стороны самой путешествующей публики. А между тѣмъ парламентскій актъ, возлагающій отвѣтственность за собственность пассажировъ на желѣзнодорожныя правленія, настолько строгъ, что ведетъ къ различнымъ злоупотребленіямъ, а именно: нѣкоторые лица дѣлаютъ себѣ професію изъ того, что заявляютъ о потерѣ багажа и требуютъ вознагражденія за вещи, которыя никогда имъ не принадлежали. Хотя большинство подобныхъ попытокъ не ведетъ ни къ чему, но иногда онѣ и удаются, благодаря существующему въ Англии обычаю не выдавать квитанцій на пассажирскій багажъ. Число найденныхъ и сданныхъ въ расчетную контору пассажирскихъ вещей выражалось въ 1887 году цифрой 67,113; въ этомъ числѣ находились: 14,000 чепановъ и сундуковъ, 5,304 дорожныхъ сумокъ, 9,000 кожаныхъ и холщевыхъ мѣшковъ, 13,500 зонтиковъ, 10,000 предметовъ верхней одежды, 3,500 бумажниковъ съ деньгами и векселями, золотыя вещи, коньельки и др. предметы. Линь незначительная часть всего этого имущества требуется владѣльцами обратно; все остальное продается съ аукціона въ пользу обществъ.

Организаторскій талантъ расчетной конторы перешелъ и къ ея служащимъ, что видно изъ значительныхъ суммъ, собранныхъ послѣдними на основаніе различныхъ кассъ: пенсіонной, болыничной и призрѣнія. Контора покровительствуетъ такому стремленію своихъ чиновниковъ, жертвуя изъ собственныхъ фондовъ суммы, равныя взносамъ изъ средствъ служащихъ. Призрѣніе служащихъ организовано по образцу крупныхъ лондонскихъ кооперативныхъ ассоціаций и сохраняетъ персоналу много издержекъ, снабжая его напр. обѣдами за половинную цѣну, сравнительно съ ресторанами. Этотъ департаментъ представляетъ собою миниатюрное акціонерное общество, приносящее однако хорошей доходъ; изъ годоваго сбора въ 190,000 марокъ остается чистой прибыли 11,500 марокъ, изъ которыхъ выплачивается по 10% дивиденда. То же самое можно сказать и относительно литературнаго клуба, который принесъ значительную прибыль, хотя участники пользуются такими удобствами, какихъ они нигдѣ не могли бы имѣть. Изъ другихъ учреждений, созданныхъ служащими для взаимнаго вспоможенія, занимаетъ выдающееся мѣсто сберегательная касса, приносящая своимъ сочленамъ 4% въ годъ. Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что „контора“ хорошо вознаграждаетъ своихъ служащихъ, для чего необходимо конечно соответственный приходъ. Желѣзнодорожныя общества несутъ расходы соразмѣрно протяженію линій, а такъ какъ валовой сборъ достигаетъ 1,300,000,000 марокъ въ годъ, то содержаніе расчетной конторы не составляетъ ощутительнаго бремени. Учрежденіе это является для дорогъ самымъ дешевымъ надежнымъ контролемъ и представляетъ ту выгоду, что всѣ члены подчиняются безпрекословно его распоряженіямъ. Также благодаря конторѣ, на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ могла быть введена однообразная система, безъ которой столько конкурирующихъ обществъ врядъ ли могли бы процвѣтать на ограниченномъ пространствѣ Соединеннаго королевства. Контора помѣщается близъ самыхъ станцій Юстонъ и Кингсъ-Кроссъ и вблизи университета. Какъ въ большинствѣ англійскихъ общественныхъ зданий, вѣншинный видъ конторы крайне непривлекателенъ; но тѣмъ удобнѣе и цѣлесообразнѣе ея внутреннее устройство. Кромѣ обширныхъ помѣщеній для служащихъ, имѣется нѣсколько въ высшей степени элегантныхъ салоновъ для директоровъ желѣзнодорожныхъ правленій, которые ежедневно собираются здѣсь для рѣшенія тарифныхъ вопросовъ и обсужденія другихъ общихъ интересовъ. Охраняемая парламентскими постановленіями, контора съ теченіемъ времени приобрѣла такой неограниченный авторитетъ, что ея рѣшенія признаются повсемѣстно за окончательныя и никогда еще не подавали повода къ судебнымъ разбирательствамъ. „Контора“ составляетъ государство въ государствѣ, имѣющее собственную администрацію и поддерживающее миръ между многочисленными желѣзнодорожными компаниями, между которыми иначе неминуемо являлись бы постоянныя пререканія. (с.)

Къ рисункамъ.

Чужой!.. (Рис. на стр. 525).

Примыльнѣйшій жанръ изъ жизни животныхъ. Въ отсутствіе

хозяина квартиры, за дверью раздаются шаги и кто-то пытается повернуть ручку замка. Оба сторожа встревожены. Тонкимъ собачьимъ чутьемъ они безошибочно слышали чужаго.

Но громадный водолазъ, увѣренный въ своей силѣ, лишь съ любопытствомъ воззрися въ дверь, спокойно ожидалъ послѣдствій, тогда какъ маленькій пинчеръ очевидно струсилъ до крайности: хвостъ у него поджатъ, уши насторожены и весь онъ дрожитъ отъ страха, припадая на лапки...

Череменецкій Иоанно-Богословскій монастырь.

(Рис. на стр. 528).

Въ 20 верстахъ отъ города Луги, среди прелестнаго озера, на прежнемъ островѣ, а теперь полу-островѣ, на холмѣ чрезвычайно живописно расположенъ Череменецкій монастырь, снимокъ съ котораго мы прилагаемъ.

Когда именно возникъ монастырь, точныхъ свѣдѣнй не имѣется, но устное мѣстное преданіе гласитъ, что въ царствованіе Иоанна Васильевича III, въ 1478 г. на островѣ, на которомъ стоитъ теперь монастырь, въ деревнѣ Русына, крестьянину Мокию явилась икона Св. Апостола и Евангелиста Иоанна. Великій князь, узнавъ объ этомъ, повелѣлъ основать монастырь во имя Святаго, а въ документахъ хранящихся въ монастырѣ, онъ не разъ названъ *изстари* существующимъ. Въ концѣ XVI вѣка монастырь подвергся нашествію литовцевъ и былъ сожженъ, монахи частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ; уцѣлѣли два старца и черный попъ; по всей вѣроятности уцѣлѣла и церковь, такъ какъ, по удаленіи непріятеля, богослуженіе было восстановлено.

Длина Череменецкаго озера 13 верстъ, глубина отъ 3 до 12 арш.; оно изобилуетъ рыбою. Видъ на монастырь, со всѣми его постройками, замѣчательно красивъ, хотя вслѣдствіе разныхъ пристроекъ и перестроекъ онъ совершенно утратилъ свою древнюю внѣшность. Вокругъ церкви на холмѣ расположены небольшое кладбище, нѣсколько построекъ и гостиница для прїѣзжающихъ. Кроме нѣсколькихъ интересныхъ иконъ въ соборѣ, въ монастырской библиотекѣ хранятся: библія Острожскаго изданія 1581 г. и древній синодикъ съ 33 гравюрами, сдѣланными довольно грубо, купленный, какъ гласитъ надпись, въ Москвѣ и пожертвованный монастырю „въ 1759 г. 1 июля служителемъ господина Исаковича-Неплюева“.

Воскресенье въ деревнѣ. (Рис. на стр. 529).

Большой холеть профессора Дмитриева-Оренбургскаго изображаетъ воскресный день въ богатомъ торговомъ селѣ на берегу судоходной рѣки. На выгонѣ передъ избами, крытыми тесомъ и обнесенными дощатымъ заборомъ, въ яркихъ лучахъ лѣтняго солнца, собралась празднично нарядная толпа разгуляться на праздникѣ. Въ тѣни березки, окруженный дѣвушками и молодухами, усѣлся паренъ съ гармоникой, подъ которую пляшетъ красивая пара въ центрѣ картины. Въ толпѣ окружившихъ ее зрителей, старый подвыпившій мужичонко не вытерпѣлъ подъ забористые звуки гармонки и тоже пускается въ плясъ, таща за собой и старуху-жену, которая съ негодованіемъ отсовываетъ его, къ общей потѣхѣ... На заднемъ планѣ, въ правомъ углу, пришедшій на побывку солдатикъ, молодецки покручивая усы, прїударяетъ за мѣстными аристократами, по всему вѣроятію дочками старосты или писаря... Старый и малый — все высматривало на улицу...

Вѣстники весны. (Рис. на стр. 533).

Снова птицы летятъ издалека
Къ берегамъ растопляющимъ ледъ
Солнце теплое ходитъ высоко
И душистаго ландыша ждеть...

Фетъ.

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
„Весна идетъ, весна идетъ,
Мы молодой весны гонцы,
„Она насъ выслазала впередъ!“

Тютчевъ.

Средневѣковыя майскія торжества во Флоренціи.

(Рис. на стр. 536).

Между всѣми народами Италіи, флорентинцы славились и донныя славятся особенною любовью къ празднествамъ. Празднованіе Май въ Тосканѣ держалось въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Молодые крестьяне сажали передъ домою своей возлюбленной майское дерево, увѣшанное вѣнками, апельсинами и конфетами, затѣвали вокругъ него танцы и пѣли майскія пѣсни, между тѣмъ какъ городская молодежь обоего пола выходила за городскія ворота въ торжественныхъ процессіяхъ, съ вѣнками на головахъ и цвѣтушими вѣтвями въ рукахъ, дабы отпраздновать возвращеніе весны всевозможными играми и увеселеніями.

Одна изъ такихъ игръ изображена на прилагаемомъ рисункѣ. Дѣйствіе происходитъ при дворѣ Любви. На старинной площади у воротъ alla Croce собралась молодежь въ праздничныхъ нарядахъ. Всюду гирлянды цвѣтовъ и пестрыя знамена. Красивый юноша на первомъ планѣ, принадлежавшій къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ флорентійской знати, такъ какъ на рукавѣ его богатаго платья вышитъ гербъ Ручеллаи, подаетъ первой красавицѣ лилію, символъ красоты и чистоты, а также и города Флоренціи, такъ что этотъ призъ имѣетъ двойное значеніе. Улыбающіяся подружки повидимому безъ зависти одобряютъ выборъ, между тѣмъ какъ трубные звуки далеко разносятъ славу прекраснѣйшей лиліи въ долину Арно.

На такомъ торжествѣ девятилѣтній Дантъ впервые увидѣлъ свою Беатриче.

Панно проф. Маковского. „Живопись“.

(Рис. на стр. 537).

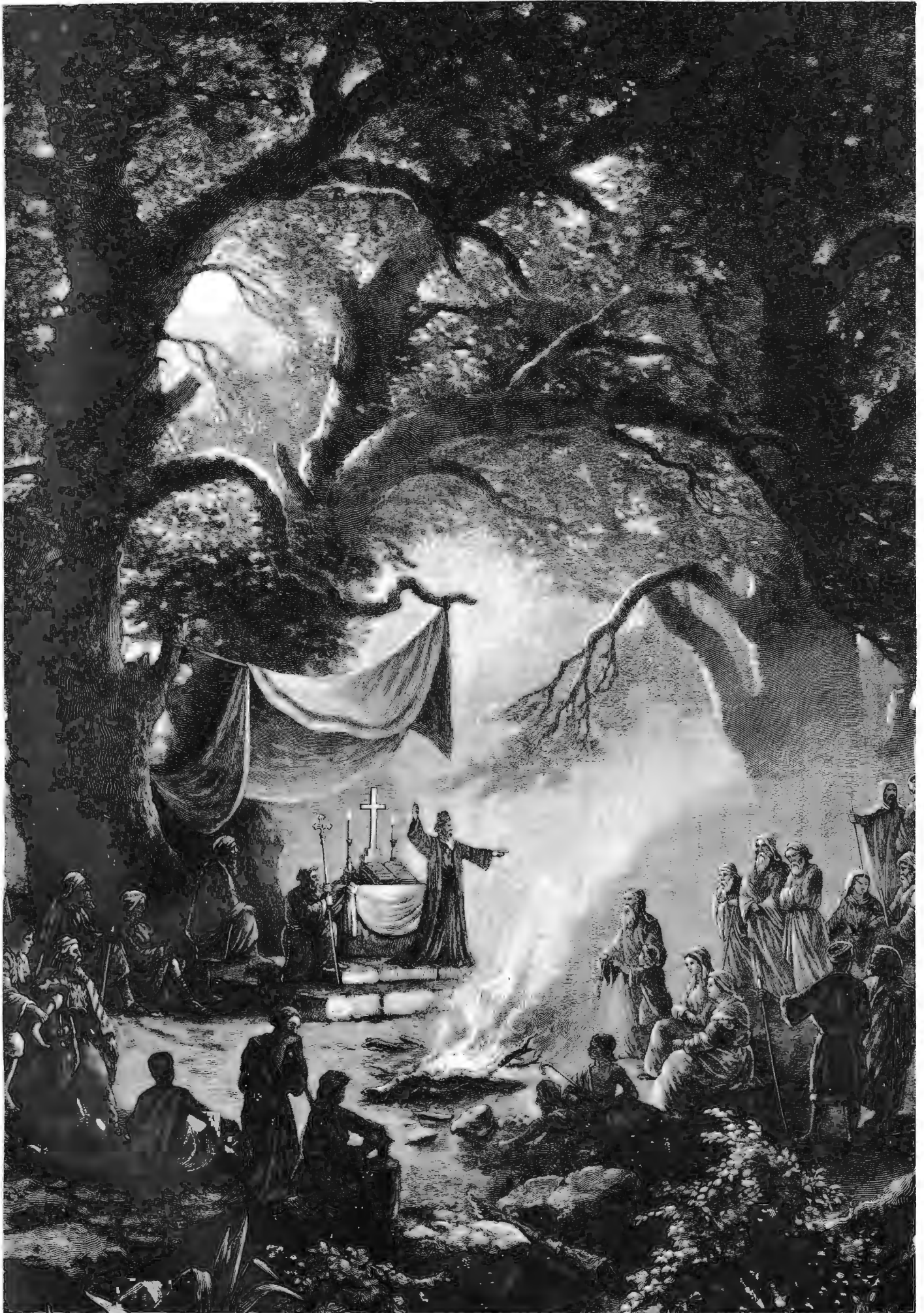
Европейская живопись, по преданіямъ, обязана своимъ возникновеніемъ дочери горшечника изъ Коринѳа, Дабутата. Замѣтивъ на освѣщенной солнцемъ стѣнѣ тѣнь своего возлюбленнаго, она обвела профиль его головы углемъ, и получился первый силуэтъ. Впослѣдствіи нерѣдко прибѣгали къ подобному приему и, между прочимъ, Клеантъ, изъ того-же города Коринѳа, былъ извѣстенъ въ древности своимъ искусствомъ рисовать по тѣни. Панно профессора К. Е. Маковского изображаетъ сцену, какъ молодой пастухъ собирается увѣковѣчить на камнѣ черты своей подружки.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій. (Портр. на этой стр.).

Недавно исполнилась сотая годовщина рожденія Дмитрія Николаевича Бантышъ-Каменскаго, извѣстнаго своими трудами по русской исторіи, знатока XVIII вѣка, и весьма дѣятельнаго администратора. Первый по времени биографъ „достопамятныхъ людей“ нашего отечества, онъ всю жизнь неутомимо собиралъ матеріалы для жизнеописаній и оставилъ намъ замѣчательные труды, которые и до сихъ поръ не устарѣли и служатъ, во многихъ отношеніяхъ, единственнымъ источникомъ при занятіяхъ русской исторіей и литературой. Его „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“, вышедшій въ восьми томахъ и заключающій въ себѣ болѣе шестисотъ биографій лицъ болѣе или менѣе прославившихся на разныхъ поприщахъ, — представляетъ поистинѣ капитальный трудъ для тогдашняго времени, исполненный однимъ человекомъ безъ вся-

Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (по поводу 100-й годовщины рожденія).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

Маронитская проповѣдь подъ недрами Ливана. Съ картины А. Ригера, грав. Кюссъ.
Библиотека "Руниверс"

кихъ сотрудниковъ и притомъ весьма обстоятельно,—трудъ, говорившій о глубокой любви его автора къ родинѣ и къ ея исторіи. Его заботливостью перейдутъ въ исторію многія имена и событія, которыя безъ его участія остались бы во мракѣ забвенія. Онъ съ честью послужилъ родинѣ не только какъ литературный труженникъ, но и какъ прекрасный, честный, просвѣщенный администраторъ. Такъ, напимѣръ, въ сравнительно короткое время управления своего Тобольскою губерніей, онъ привелъ въ отличное состояніе Тобольскъ, его казармы, больницы, освѣщеніе, тюремный замокъ, улучшилъ бытъ пересельныхъ и осѣльныхъ, довершилъ устройство двухъ казачьихъ полковъ—русскаго и татарскаго, ввелъ во многихъ мѣстахъ разведеніе картофеля и выдѣлку холста изъ крапивы, значительно увеличилъ городскіе доходы, не обременяя жителей налогами, умѣлъ убить дикое племя вогуловъ отмѣнить „калымъ“ (т. е. обычай продавать дочерей, который ранѣе мѣшало неимущимъ вогуламъ вступать въ бракъ), лично умиротворилъ ссорившіяся кочующія племена остяковъ и самоѣдовъ. Въ сѣверномъ краѣ губерніи появилась еще въ 1816 г. особенная болѣзнь эпидемическаго характера, и неутомимый администраторъ сдѣлалъ все для ея пресѣченія. Во время управления другою губерніей—Виденскою, онъ соорудилъ нѣсколько военныхъ госпиталей, осушилъ не мало болотистыхъ мѣстностей въ окрестностяхъ города и вообще самъ входилъ въ нужды городскихъ обывателей, будучи доступнымъ для всѣхъ и каждого, безъ различія сословія и состоянія. Дважды бывъ губернаторомъ, онъ не оставилъ своей многочисленной семьѣ ничего, кромѣ честнаго имени.

Старинная боярская фамилія Бантышъ-Каменскій происходитъ изъ Молдавіи. Представитель ея, Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій приходится внукомъ знаменитому русскому сатирику Антоху Дмитріевичу князю Кантемиру и не менѣе извѣстному архіепископу Амвросію (Зергисъ-Каменскому), павшему отъ руки мятежника во время чумы въ Москвѣ. Отецъ Дмитрія Николаевича также былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ изслѣдователей русской старины и извѣстенъ архивными изысканіями и изданіемъ многихъ книгъ по языковѣданію и богословію. Нашъ историко-біографъ родился въ Москвѣ, 5 ноября 1788 года, и по обычаю тогдашняго времени еще семилѣтнимъ ребенкомъ былъ записанъ въ лейбъ-гвардію Семеновскій полкъ. Отсюда онъ былъ исключенъ, въ числѣ прочихъ малолѣтокъ, императоромъ Павломъ Петровичемъ, и въ 1800 году зачисленъ въ архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ „юнкеромъ“. Мать Бантышъ-Каменскаго рано оставила его сиротой и онъ былъ отданъ отцомъ на попеченіе сенатора Теплова, его друга, въ семействѣ котораго Бантышъ-Каменскій и получилъ первоначальное воспитаніе... Дальнѣйшимъ образованіемъ онъ обязанъ отцу. Около 1810 года онъ былъ командированъ въ Сербію, причемъ имѣлъ случай обозрѣть южную Россію и всѣ мѣста на пути своего слѣдованія, чѣмъ онъ послѣ воспользовался для своихъ работъ. Благодаря вліянію отца, Бантышъ-Каменскій на литературное поприще выступилъ еще юношей; ему было всего 16 лѣтъ, когда онъ издалъ свое первое сочиненіе „Россійнинъ при гробѣ патриарха Гермодена“, выдержавшее два изданія, а затѣмъ перевелъ сочиненіе г-жи Коттень: „Матильда или записки, взятія изъ исторіи Крестовыхъ походовъ“, изданное три раза. За годъ до смерти отца, онъ, въ 1813 году, сталъ посѣщать лекціи въ Московскомъ университетѣ и въ томъ-же году издалъ: описаніе жизни и гибели дѣда своего Амвросія, архіепископа Московскаго, „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ, служившихъ въ царствованіе Петра Великаго“—трудъ переведенный на французскій и англійскій языки.

По смерти отца, Бантышъ-Каменскій перевелся изъ Москвы въ петербургскую Коллегію иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ получилъ командировку за границу. Съ блестящимъ образованіемъ, великолѣпно владѣя языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и латинскимъ, Бантышъ-Каменскій готовился уже сдѣлать дипломатическую карьеру и получилъ назначеніе въ Неаполь, въ русскую миссію, когда сложившіяся иначе обстоятельства заставили его занять мѣсто правителя канцеляріи малороссійскаго военнаго губернатора князя Н. Г. Реннина. Пребываніе на этомъ посту дало возможность нашему молодому писателю заняться исторіей Малороссіи, которую онъ издалъ, въ четырехъ частяхъ, въ 1822 и, вторично, въ 1830 году. Вскорѣ онъ получилъ мѣсто гражданскаго губернатора въ Тобольскѣ, которое съ честью занималъ, съ марта 1825 по августъ 1828 года; въ 1836—1837 гг. былъ губернаторомъ виденскимъ, затѣмъ причисленъ былъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, при Блудовѣ присутствовалъ въ совѣтѣ министерства, состоялъ членомъ Департамента удѣловъ, и въ 1841 году получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Бантышъ-Каменскій скончался 25 января 1850 г. Тѣло его погребено въ Москвѣ. Кромѣ знаменитаго своего труда: „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“, вышедшаго въ 1836 и 1847 гг., Бантышъ-Каменскій издалъ: „Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію“ (1810), „Жизнь Н. Н. Бантышъ-Каменскаго“ (1818), „Княжна Марія Меншикова“, романъ безъ имени автора (1833), „Биографія россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельд-маршаловъ“ (1840—41), „Жизнь Мазены“ (1834), „Источники малороссійской исторіи“ и проч. П. Быковъ.

Подъ ливанскими кедрми. (Рис. на стр. 541).

Ливанъ составляетъ самую высокую часть сирійскихъ мѣловыхъ горъ и тянется параллельно берегу верстъ на 160. Издали Ливанскія горы, вслѣдствіе своего строенія въ видѣ крутыхъ, скалистыхъ уступовъ, представляются сѣровато-бѣлою стѣною очень живописнаго вида, хотя нѣсколько однообразной окраски, кое-гдѣ оживленной полосками зелени. Но это впечатлѣніе измѣняется съ приближеніемъ къ горамъ, и бѣдный издалека растительностью Ливанъ при ближайшемъ наблюденіи поражаетъ разнообразіемъ и богатствомъ своей флоры. Особенно замѣчательнымъ для туристовъ представляется знаменитый кедровый лѣсъ, у подножія крутаго Даръ-ель-Кодиба на высотѣ почти 900 сажень. Онъ является остаткомъ тѣхъ кедровыхъ лѣсовъ, которые когда-то доставляли іудейскому царю Соломону бревна на постройку храма. Въ этомъ лѣсу и происходила та сцена, которую изобразилъ на своей картинѣ Альбертъ Ригеръ.

Ночью, при яркомъ сіяніи луны, монахи совершаютъ богослуженіе среди живописно расположенныхъ маронитовъ. Какъ извѣстно, этимъ именемъ называется христіанская секта въ Сири, ведущая свое начало отъ небольшого числа мопоевитовъ, поселившихся на Ливанѣ съ 680 года, и сумѣвшая сохранить свою независимость и религиозныя убѣжденія во всѣ времена господства ислама до нашихъ дней.

Памятникъ Жанъ-Жаку Руссо. (Рис. на стр. 544).

22 января настоящаго года на площади Пантеона въ Парижѣ воздвигнута статуя Жанъ-Жаку Руссо, изображеніе которой помѣщено на стр. 544 нашего журнала. Знаменитый писатель и мыслитель родился въ Женевѣ 16 іюня 1712 года. Его отецъ, простой часовщикъ, былъ французскаго происхожденія. Предки Руссо покинули отечество во время религиозныхъ смутъ во Франціи. При самомъ рожденіи Жанъ-Жака, онъ лишился матери; въ первые годы своей жизни онъ былъ на попеченіи тетки съ материнской стороны. Бѣгство старшаго брата сдѣлало его единственнымъ сыномъ въ семьѣ. Съ дѣтства чтеніе Плутарха и рыцарскихъ романовъ придало поэтической отгѣнокъ его воображенію, и безъ того горячому. Но протекло не мало лѣтъ, пока созрѣлъ его талантъ. Первая половина его жизни прошла въ полной неизвѣстности. Едва началось его образованіе, какъ вслѣдствіи одной дуэли принудили его отца покинуть Женеву. Оставленный на попеченіи дяди, онъ былъ отданъ въ ученіе къ граверу. Жизнь Жака у него была не легкою. Онъ бѣжалъ. Скитался нѣкоторое время вокругъ Женевы, онъ нашелъ убѣжище у баронессы Варенсъ (Warens), молодой и красивой женщины, только что обращенной въ католичество. Посланный ею въ Туринъ, онъ тамъ перешелъ въ католичество, и съ тѣхъ поръ началась его скитальческая жизнь. Онъ служилъ лакеемъ, былъ учителемъ музыки, домашнимъ учителемъ, секретаремъ, переписчикомъ нотъ, жилъ во Франціи, Швейцаріи, куда бѣжалъ изъ-за своего „Эмиля“, въ Англию, откуда въ 1767 году вернулся снова во Францію, гдѣ и умеръ въ 1778 году, оставивъ по себѣ память глубокаго мыслителя и творца „Новой Элоизы“, „Эмиля“, „Признаній“ и другихъ замѣчательныхъ произведеній.

Башня Эйфеля. (Рис. на стр. 544).

Когда разсматриваешь издали эту башню въ 300 метровъ или болѣе 140 сажень, то она представляется легкой, граціозною, воздушною; точно сплетенная изъ металлическихъ витей, она высится къ небу. По мѣрѣ приближенія постройка становится все массивнѣе, монументальнѣе. У подножія невольно останавливаешься пораженный громадною массою металла, собранною съ математическою точностію и являющеюся можно-сказать самымъ смѣлымъ произведеніемъ, которое когда-либо предпринимало инженерное искусство. Но удивленію нѣтъ конца, когда взбираешься по лѣстницамъ внутри башни, посреди цѣлаго лѣса металлическихъ жердей, бревенъ, устоевъ, крѣпленій, перепутанныхъ самымъ фантастическимъ образомъ.

Принцъ Зеллэ-Султанъ.

(Портретъ, лично врученный въ Испани Е. М. Бѣлозерскому. На стр. 545).

Подъ именемъ Зеллэ-Султана, т. е. „Тѣни Султана“, въ Персіи извѣстенъ старшій сынъ шаха, „шахивша“, царя царей; настоящее имя его Султанъ-Масудъ-Мирза. Онъ самый популярный изъ сыновей шаха и въ настоящее время составляетъ надежду и гордость Персіи. Принцу теперь около 40 лѣтъ. Какъ ни слабо еще развита общественная и политическая жизнь современной Персіи, но трудно себѣ представить чѣмъ она была 40 лѣтъ тому назадъ: печать настоящей азіатской кривости и отсталости лежала тамъ на всемъ, конечно и на воспитаніи принца. Не смотря на такіа неблагопріятныя условія его дѣтства, принцъ поражаетъ путешественника своимъ свѣтлымъ умомъ, знаніемъ исторіи и политическаго положенія европейскихъ государствъ.

Въ качествѣ политическаго дѣятеля страны, принцъ начинаетъ выдвигаться только съ 1874 года, когда въ Персіи, вслѣдствіе царившаго тамъ повсюду произвола и насилія, началось

сильное брожение среди населения, а в Испагани, древней столице Персии, даже вспыхнуло открытое возмущение, принявшее огромные размеры. Нужно было найти подходящего человека для умиротворения края. На ком остановиться в столь трудное время? Шах выбрал Зелла-Султана, тогда еще очень молодого человека, и послѣ никогда не имѣлъ причины раскаиваться въ своемъ выборѣ: принцъ сразу показалъ себя хорошимъ администраторомъ съ большими государственными способностями и заговорилъ съ народомъ такимъ языкомъ, какого давно ужъ не слыхали. Возстаніе быстро прекратилось, спокойствие было водворено, безопасность обезпечена.

Принцъ энергично принялся за водвореніе порядка и излеченіе тѣхъ многихъ язвъ, которыя постоянно растрavлялись его предшественниками. Въ цѣлой Персии до сихъ поръ еще нѣтъ точнаго закона, поэтому произволъ и насиліе царятъ въ ней еще до настоящаго времени: при распущенности и небезопасности чиновниковъ, взяточничество практикуется въ самыхъ ужасныхъ размѣрахъ.

Зелла-Султанъ прежде всего обратилъ вниманіе на судопроизводство, учредивъ существующій до сихъ поръ Диванъ-ханъ, такое судилище, въ которомъ судъ производится въ присутствіи выборныхъ гражданъ отъ города, шейха-уль-исламъ отъ духовенства и личнаго секретаря его высочества.

Такъ какъ во время безурядковъ персидскіе купцы выѣхали изъ столицы, то нужно было ихъ вернуть обратно въ Испанію для восстановленія прерванной торговли. Принцъ обѣщалъ имъ свое содѣйствіе и покровительство, и купцы вернулись въ свои прежнія лавки и безобязательно принялись за торговлю.

Въ первое время управленія Зелла-Султана въ Испагани производились самыя нахальныя воровства, приводившія населеніе столицы въ отчаяніе. Тогда принцъ, подражая прежнимъ правителямъ, своимъ предшественникамъ, вошелъ въ стачку съ ворами, и познакоившись съ ними ближе, велѣлъ всѣхъ перехватывать, а наворованное ими имущество возвращать по принадлежности. Затѣмъ въ Испагани стало тихо и спокойно.

Принцъ Зелла-Султанъ не забывалъ также сельскаго населенія и христіанъ; для перваго онъ нѣсколько уменьшилъ подати, оказывалъ нѣкоторые пособія и субсидіи для орошенія полей, безъ котораго урожай совершенно немислимы въ Персии; для христіанъ онъ сдѣлалъ также не мало: онъ даровалъ имъ льготы по торговлѣ наравнѣ съ персіянами, другими словами, призналъ ихъ равноправными.

Когда принцъ Зелла-Султанъ былъ назначенъ правителемъ всей южной Персии, древняя персидская столица Испаніи, нѣкогда гремящая на Востокахъ своей ученостью, торговлей и богатствами, но въ нынѣшнемъ столѣтіи уже обратившаяся въ кучу развалинъ и мусора, опять сдѣлалась столицей южной Персии и теперь, благодаря заботамъ о ней Зелла-Султана, считается вторымъ городомъ всего Персидскаго государства.

Пріѣхавъ въ свою резиденцію, его высочество прежде всего принялся за пути сообщенія, построилъ шоссе и мосты между Испаганью и Ширазомъ и даже одно время проектировалъ постройку желѣзной дороги отъ Шираза до Бушира, главнаго пункта персидской торговли на Персидскомъ заливѣ, но этотъ проектъ тогда еще не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Въ городѣ были реставрированы всѣ историческія, еще Шахомъ-Аббасомъ построенныя зданія, что придавало Испагани совершенно новый видъ.

Пользуясь самымъ радушнымъ гостеприимствомъ его высочества, я неоднократно имѣлъ возможность видѣть нескрываемую принцемъ симпатію къ Россіи. Вотъ однажды, между прочимъ, что онъ сказалъ мнѣ на аудіенціи: „Зная силу Россіи, надо быть дуракомъ, чтобы искать союзовъ гдѣ-то вѣдъ, когда подъ бокомъ есть такая держава, которая своей человеколюбивою политикою въ Азіи давно привлекаетъ къ себѣ всѣ сердца, чего, къ сожалѣнію, о другихъ (читай: объ англичанахъ) нельзя сказать ни въ какомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, былъ-ли когда-нибудь примѣръ, чтобы русское правительство предательски и коварно поступало съ тѣми, которые отдавались подъ его покровительство? Еслибы даже и правда была, что Англія — мой другъ, а Россія — врагъ, то я все-же предпочту отдаться честному врагу, чѣмъ сомнительному другу. Поэтому, я открыто высказываю свои симпатіи къ Россіи.“

Военное дѣло — душа Зелла-Султана, а войско — любимое дѣтище его, на которое онъ не жалѣетъ ни денегъ, ни заботъ и которое поражаетъ европейца своею выправкой и интеллигентнымъ видомъ среди азіатской дичи. Всего у него войска около 50,000 человекъ — сила очень внушительная въ Азіи и имѣющая значеніе для Зелла-Султана. Хотя принцъ Зелла-Султанъ и старшій сынъ шаха, но официальнымъ наследникомъ престола, валліатомъ, считается Музаффаръ-Эддинъ-Мирза, правитель Азербейджана, сынъ шаха и принцессы царской крови, тогда какъ Зелла-Султанъ — сынъ шаха и рабыни. Чтобы избѣжать обычныхъ усобицъ между многочисленными сыновьями шаха послѣ его смерти, въ царствованіе Фетхъ-Али-Шаха былъ установленъ новый порядокъ для престолонаслѣдія, по которому наследникомъ престола можетъ быть только старшій сынъ шаха, родившійся отъ принцессы царской крови. Этимъ, конечно, и объясняется, почему Зелла-Султанъ не сдѣлался официальнымъ наследникомъ престола.

Зелла-Султану предстоитъ рѣшить еще много задачъ, чтобы дать персидской жизни настоящее серьезное теченіе.

Недожиданность выдающихся государственныхъ дѣятелей всѣхъ странъ узнается по тому, что они умѣютъ находить себѣ надежныхъ и умныхъ помощниковъ. Зелла-Султанъ только подтверждаетъ это почти правило исторіи: его приближенные весьма выдающіеся люди.

Е. Бѣлозерскій.

Политическое обозрѣніе.

Стачка углекоповъ въ Вестфалии, а затѣмъ и въ Силезіи, куда она была занесена изъ прирейнскихъ округовъ, близка къ окончанію, благодаря личному вмѣшательству императора Вильгельма. Совѣты, которые далъ глава государства въ своей внушительной бесѣдѣ съ депутатами рабочихъ, произвели благотворное вліяніе. Но выслушавъ одну изъ заинтересованныхъ сторонъ, Германскій императоръ не отказалъ въ аудіенціи вестфальскимъ шахтовладельцамъ, которая произошла на третій день послѣ представленія императору депутаціи рабочихъ. Принимая хозяевъ коней, во главѣ которыхъ находился депутатъ рейхстага Гаммахеръ, императоръ сказалъ, что онъ доволенъ тѣмъ, что выслушалъ обѣ стороны. „Относительно причинъ стачки и средствъ къ прекращенію ея — говорилъ въ своей рѣчи Вильгельмъ — я жду подробныхъ донесеній отъ властей. Въ виду значительнаго вреда, которое терпитъ все населеніе (тѣмъ болѣе, что произошла стачка также въ Силезіи), теперь главное — покончить какъ можно скорѣе съ большою вестфальскою стачкой. Свою точку зрѣнія я изложилъ рабочимъ въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ. Это произвело на рабочихъ хорошее впечатлѣніе и они воздержались отъ всякихъ сношеній съ социальными демократами. Телеграммы изъ Вестфалии свидѣтельствуютъ, что на слова мои тамъ откликнулись. Я довѣрю здравому патристическому смыслу делегатовъ рабочихъ и вѣрю, что они не безъ успѣха приложатъ свои старанія къ тому, чтобы побудить товарищей возобновить работы. Настоятельно совѣтую горнозаводскимъ обществамъ отнынѣ поддерживать возможно большее общеніе съ рабочими и ждалъ-бы, чтобы они заботились о предоставленіи рабочимъ случаевъ заявлять свои желанія. Я особенно дорожу тѣмъ, чтобы достигнутый пока успѣхъ былъ благополучно доведенъ до конца и чтобы тѣ общества, которыя даютъ занятія многочисленнымъ рабочимъ, никогда не упустили изъ виду, что они имѣютъ передъ государствомъ обязанность заботиться какъ можно больше о благѣ рабочихъ и прежде всего избѣгать всего того, что можетъ ставить населеніе цѣлой провинціи въ подобное затруднительное положеніе“. Послѣ того пребывающіе въ Берлинѣ делегаты вестфальскихъ углекоповъ и членъ рейхстага Гаммахеръ, послѣдній въ качествѣ уполномоченнаго вестфальскихъ шахтовладельцевъ, условились

относительно основныхъ принциповъ соглашенія, существенными пунктами которыхъ является восьмичасовая работа (не включая входа и выхода изъ шахтъ), отмена сверхкомплектной работы, допускаемой лишь въ исключительныхъ случаяхъ и не иначе какъ по предварительному соглашенію съ депутатами, избираемыми углекопами, наконецъ извѣстное увеличеніе заработной платы. И работы понемногу возобновляются.

Забота о благѣ рабочихъ въ Германіи не только составляетъ обязанность хозяевъ, какъ о томъ заявилъ императоръ Вильгельмъ въ своей бесѣдѣ съ шахтовладельцами, но и само государство принимаетъ посильныя мѣры. Такъ извѣстный законопроектъ относительно обезпеченія рабочихъ отъ послѣдствій старости и неспособности къ труду обсуждается нынѣ въ рейхстагѣ въ третьемъ чтеніи, причемъ имперскій канцлеръ заявилъ, что его вовсе не удивляетъ, что противъ законопроекта высказываются социаль-демократы, свободомыслящіе и поляки, но его удивляетъ оппозиція консервативовъ относительно вопроса, касающагося коренныхъ основъ всей имперіи. При этомъ канцлеръ выразилъ желаніе, чтобы законъ былъ вотированъ до будущихъ выборовъ, такъ какъ неизвѣстно, будетъ-ли въ слѣдующихъ годахъ столько досуга, какъ нынѣ, и также просилъ консервативовъ, имперскую партію и національ-либераловъ порвать связь съ социаль-демократами, поляками, вельфами, французами и свободомыслящими.

Въ то время какъ рейхстагъ занятъ обсужденіемъ этого законопроекта, Берлинъ приготовился къ торжественной встрѣчѣ Итальянскаго короля. Берлинскій магистратъ предложилъ городскому совѣту ассигновать 150,000 марокъ на убранство улицъ по случаю прибытія въ Берлинъ Итальянскаго короля, которыя послѣ оживленныхъ преній были ассигнованы, и къ пріему короля Гумберта сдѣланы блестящія приготовленія. Въ нѣсколькихъ пунктахъ възданныхъ улицъ поставлены триумфальные арки, а дома великолѣпно убраны.

Король пріѣхалъ въ Берлинъ 9 мая, въ 10 час. 33 мин., и былъ встрѣченъ на вокзалѣ императоромъ, всеми принцами, имперскимъ канцлеромъ, всеми министрами и генералитетомъ. Встрѣча имѣла самый сердечный характеръ, императоръ и король неоднократно обнимались и лобзали другъ друга.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— Именные Высочайшіе указы: 1) Государственному Совету, Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу быть Членомъ Государственнаго Совета. 2) Комитету Министровъ, Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу быть Членомъ Комитета Министровъ.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Гатчина.

6-го мая 1889 г.

— 6 мая, въ высокаторжественный день Рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича кронштадтскими моряками была поднесена Его Императорскому Высочеству художественный альбомъ, исполненный въ продолженіе двухъ лѣтъ мичманомъ Дядиннымъ и изображающій виды судовъ Балтійскаго флота.

— Е. И. В. Вел. Кн. Константину Константиновичу Всемилостивѣйше повелѣно быть Президентомъ Императорской Академіи Наукъ.

— 10 мая, по Варшавской желѣзной дорогѣ прибылъ въ Гатчину Его Высочество владѣтельный Князь Черногорскій Николай съ сыномъ, Наслѣднымъ Княземъ Даниломъ. Ко времени прихода поѣзда, на платформѣ былъ выстроены въ парадной формѣ почетный караулъ, эскадронъ кирасирскаго Ея Величества полка, въ пѣшемъ строю, со штандартомъ и хоромъ сочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и здоротрубачей. Изъ Царскаго Села прибылъ на валса съ карауломъ. За 10 минутъ до при-
бытія поѣзда пріѣхалъ Его Величество Го-

Статуя Жанъ-Жана Руссо, открытая 3 февраля (22 января) 1889.
Работы Поля Берге. Грав. Барановскій.

сударь Императоръ и Его Имп. Выс. Вел. Кн. Георгій Александровичъ. Его Величество поздоровался съ карауломъ. Когда подошелъ поѣздъ, караулъ отдалъ честь. Изъ вагона вышелъ Князь Черногорскій съ Наслѣднымъ Княземъ. Ихъ Высочества были сердечнымъ образомъ привѣтствованы Его Величествомъ. Князь Черногорскій поѣхалъ во Дворецъ, гдѣ постѣлилъ Ихъ Величества и на экстренномъ поѣздѣ прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь на станціи Варшавской желѣзной дороги Его Высочество встрѣтили Ихъ Имп. Выс. Вел. Кн. Владимиръ, Алексѣй, Сергѣй и Павелъ Александровичи, Константинъ Константиновичъ, Михаилъ Николаевичъ съ сыновьями, Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій съ сыномъ. Тутъ же было военное начальство. Послѣ встрѣчи, Князь отбылъ въ Зимній Дворецъ, гдѣ для него отведены апартаменты въ 4-й запасной половинѣ. Съ Княземъ Черногорскимъ прибыли: его министр, воевода Божидаръ Петровичъ, адъютантъ Николаичъ и воспитатель Наслѣднаго Князя полковникъ Овсяннѣй.

— 3 мая прибылъ въ Тифлисъ Шахъ Персидскій. На вокзалѣ, роскошно убранномъ, Шахъ былъ встрѣченъ главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, и многими начальствующими лицами и депутатами. Когда Шахъ вышелъ черезъ царскіе покои на поѣздъ вокзала, былъ произведенъ салютъ изъ орудій и заиграла туземная музыка. Шахъ вмѣстѣ съ главноначальствующимъ сѣлъ въ открытый экипажъ и прослѣдовалъ прямо во дворецъ по

Парижская всемірная выставка 1889 г. Видъ башни Эйфеля съ трехверстнаго разстоянія.

улицамъ, переполненнымъ народомъ, разставленными шпалерами войсками и воспитанниками учебныхъ заведений. По всему пути Шахъ былъ привѣтствованъ громкимъ „ура“. Вечеромъ была блестящая иллюминація, противъ дворца поставленъ былъ транспарантъ.

4 мая, Шахъ Персидскій, въ сопровожденіи Главноначальствующаго и блестящей свиты, посѣтилъ женское заведеніе Св. Нины, первую мужскую гимназію, кадетскій корпусъ и кавказскій музей. Въ 6 часовъ во дворцѣ былъ въ честь Шаха обѣдъ, на который приглашены начальствующія и другія высшихъ чиновъ лица.

Въ театрѣ, заново реконструированномъ и роскошно убраннымъ, была устроена для Шаха особая ложа изъ балкона. Въ ней съ Шахомъ помѣстились князь Дондуковъ-Корсаковъ и верховный визирь Шаха; во всѣхъ прочихъ ложахъ находились приглашенные дамы, по четыре въ каждой. Партеръ былъ наполненъ приглашенными военными и гражданскими чинами. При появленіи Шаха въ ложѣ, всѣ присутствующіе встали и привѣтствовали гостя поклономъ, а театральныи оркестръ исполнилъ національный персидскій маршъ. 5 мая Шахъ, въ сопровожденіи своей свиты, при звукахъ военныхъ хоровъ, салютъ изъ орудій и громкомъ „ура“ войскъ и публички, отбылъ въ 9 часовъ утра по военно-грузинской дорогѣ во Владикавказъ.

— 9 мая, въ 2½ часа дня, съ экстреннымъ поѣздомъ, Шахъ прибылъ въ Москву. Шаха встрѣчали: генералъ-губернаторъ, командующій войсками, генералитетъ, представители города и сословій. По выходѣ Шаха изъ вагона музыка заиграла „встрѣчный маршъ“, а когда Шахъ прошелъ по фронту, — исполнила персидскій гимнъ. Послѣ принятія Шахомъ ординарцевъ городской голова поднесъ ему хлѣбъ-соль на деревянномъ блюдѣ. Съ вокзала, въ открытомъ экипажѣ, вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ, Шахъ прослѣдовалъ во Дворецъ. На подѣздѣ Дворца Шаха встрѣтили графъ Орловъ-Давыдовъ и другія начальствующія лица дворцоваго вѣдомства. Шахъ обѣдалъ у генералъ-губернатора. Обѣдъ сервированъ на 112 персонъ; затѣмъ Шахъ присутствовалъ на парадномъ спектаклѣ въ Большомъ театрѣ.

— 11 мая, Шахъ прибылъ въ Петербургъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ. Повелителю сосѣдней Россіи страны была оказана торжественная встрѣча. Еще съ вечера на-

канунѣ городъ сталъ украшаться флагами, балконы и подѣзды домовъ драпировались коврами и матеріями. Изъ Гатчины въ Петербургъ прибыли Ихъ Величества, изъ Царскаго Села — Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ. Къ 12 часамъ на станціи Николаевской желѣзной дороги былъ выстроенъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка, со-

Послѣ встрѣчи, Его Величество Государь Императоръ и Его Величество Шахъ Персидскій сѣли въ открытую коляску и направились въ Зимній Дворецъ.

По всему пути, начиная отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги и вплоть до подѣзда Эрмитажа, гдѣ отведены аппараты для Его Величества Шаха Персидскаго, были разставлены войска въ парадной формѣ, въ мундирахъ, при одномъ холодномъ оружіи; кавалерія была въ пѣшемъ строю.

На всемъ пути стояли несметныя толпы народа. Музыка во время проѣзда играла персидскій гимнъ.

Для Его Величества Шаха Персидскаго отведено помѣщеніе въ новыхъ комнатахъ Императорскаго Эрмитажа.

По прибытіи Высочайшихъ Особъ во Дворецъ, при встрѣчѣ Шаха въ комнатахъ Эрмитажа присутствовала Ея Величество Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини, а также гофмейстеры и фрейлины.

Въ 6¼ часовъ вечера, въ Концертной залѣ Зимняго Дворца, состоялся парадный обѣдъ.

За столомъ, по правую сторону Ея Величества, занялъ мѣсто Шахъ Персидскій, по лѣвую — владѣтельный Князь Черногорскій. Государь Императоръ сѣдѣлъ противъ Государыни Императрицы; по правую сторону Его Величества сѣдѣла Великая Княгиня Марія Павловна, по лѣвую — Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. Рядомъ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ сѣдѣлъ Князь Даніилъ Черногорскій; рядомъ съ Шахомъ сѣдѣла Княжна

Милица Черногорская. За Высочайшимъ-же столомъ, кромѣ Особъ Императорской Фамиліи, сѣдѣли супруги Министровъ и высокопоставленныхъ лицъ, фрейлины, великій визирь Шаха, черногорскій воевода Божидаръ Петровичъ и персидскій посланникъ.

За обѣдомъ Его Величество Государь Императоръ провозгласилъ тостъ за здоровье Его Величества Шаха Персидскаго, причемъ, по знаку коменданта, съ Петропавловской крѣпости раздался салютъ въ 21 выстрѣлъ. Затѣмъ Шахъ Персидскій провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора. При каждомъ тостѣ музыка играла тушь. Послѣ обѣда Шахъ возвратился въ парадномъ экипажѣ въ Эрмитажъ. Ихъ Величества отбыли въ Аничковъ Дворецъ.

Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ; на Невскомъ проспектѣ горѣли газовыя звѣзды; густыя толпы народа гуляли по улицамъ.

Принцъ Зелле-Султанъ, старшій сынъ персидскаго шаха. Съ фот. грав. Нейманъ.

знаменемъ и хоромъ трубачей. Въ три четверти втораго часа прибыли на вокзалъ Его Величество Государь Императоръ и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ. Его Величество былъ въ общегенеральской формѣ съ Андреевской лентой и имѣлъ на груди портретъ Персидскаго Шаха. Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ имѣлъ на груди такой же портретъ.

Въ 2 часа дня поѣздъ прибылъ въ Петербургъ. Когда поѣздъ подошелъ, войска взяли на-караулъ, знамя склонилось, музыка заиграла встрѣчу. Государь Императоръ радужно привѣтствовалъ Высокаго Гостя, который, обмѣнявшись привѣтствіями съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями, пошелъ по фронту караула, вмѣстѣ съ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, причемъ музыка играла персидскій гимнъ.

С М Ъ С Ъ .

Первый заработокъ. Король Итальянскій, Викторъ Эммануилъ, еще будучи молодымъ человѣкомъ, разъ встрѣтилъ на охотѣ крестьянина. Король только что однимъ выстрѣломъ убилъ двухъ куропатокъ.

— Вы, нечего сказать, хорошо стрѣляете, замѣтилъ крестьянинъ.

— Не правда ли? возразилъ король.

— Вы, значитъ, могли бы избавить меня отъ лисицы, которая воруетъ у меня куръ?

— Почему же нѣтъ?

— Если вы это сдѣлаете, я вамъ заплачу два солда.

— По рукамъ, отвѣчалъ король. — Завтра я явлюсь къ вамъ съ собаками и избавлю васъ отъ вора.

— Давайте вашу руку.

Король подаль ему руку и на слѣдующее утро, вмѣстѣ съ собаками, пришелъ въ назначенный часъ. Не замедлила явиться и лисица. Король убилъ ее и представилъ крестьянину.

— Пожалуйте два солда, съ торжествомъ сказалъ онъ.

— Вотъ они — возьмите, отвѣчалъ крестьянинъ.

Король взялъ деньги,

— Клянусь Богомъ, воскликнулъ онъ, смотря на монеты: — вотъ первыя деньги, которыя я заработалъ!

На утро онъ прислалъ крестьянину платье, ожерелье и пару серегъ его женѣ — и тутъ только крестьянинъ узналъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. (N.)

Весьма интересное открытіе сдѣлано недавно въ Акрополѣ, въ Афинахъ, а именно: вырыта надпись, на которой сохранился счетъ расходовъ по сооруженію статуи Афины-Паллады Фидія. Здѣсь имѣются расписки строителей въ полученіи 100 талантовъ серебра и перечень суммъ, издержанныхъ на покупку золота и слоновой кости. Цифры показываютъ, что отношеніе золота къ серебру, за 438 лѣтъ до Р. Хр., выражалось 14 съ небольшою дробью, т. е. было приблизительно то же что и лѣтъ тридцать тому назадъ. (с.)

Географія. Рассказываютъ, что одинъ изъ камергеровъ императрицы Екатерины II имѣлъ обыкновеніе, не задумываясь, сразу отвѣчать государя на всѣ ея вопросы. Однажды онъ доложилъ императрицѣ о прибытіи посла изъ Вѣны, не освѣдомившись предварительно о подробностяхъ путешествія.

— Сколько дней находился курьеръ въ пути? спросила императрица.

— Восемь дней, ваше величество.

Пораженная такою невѣроятною, при тогдашнихъ условіяхъ путешествія, скоростью, Екатерина продолжала:

— Какою же дорогою онъ ѣхалъ?

— Черезъ Франкфуртъ, Лейпцигъ, Гамбургъ и Амстердамъ, ваше величество.

Тогда императрица смѣясь сказала:

— Ой, ой! а куда же дѣвалась географія?

— Она осталась у него вълово, ваше величество. (с.)

Анекдотъ изъ жизни Юрьева. Недавно умершій писатель С. А. Юрьевъ отличался необычайной разсѣянностью, вошедшей даже въ поговорку. Какъ-то Островскій позвалъ его къ себѣ на вечеръ. У Юрьева была срочная работа, и онъ написалъ записку: „прости, быть не могу“, которую, однако, не послалъ по адресу, а спряталъ въ карманъ сюртука. Кончивъ работу, Юрьевъ вспомнилъ о приглашеніи Островскаго и поѣхалъ къ нему. „Что такъ поздно?“ спросилъ драматургъ. „Некогда было, писалъ статью... Ахъ, да,—спохватился онъ, сунувъ зачѣмъ-то руку въ карманъ,— у меня къ тебѣ есть письмо, забвль отдать!“ Островскій вскрилъ конфертъ и расхохотался. „Что такое?“ спросили его. — „Да вотъ Сергѣй Андреевичъ отдалъ мнѣ сейчасъ письмо, въ которомъ уведомляетъ меня, что сегодня быть у меня не можетъ.“ (в.)

Гробница Чингисхана. Смертные останки Чингисъ-Богота (монгольское имя Чингисхана) покоятся въ мѣстечкѣ Киа-и-сенъ. Они заключены въ серебряный гробъ, который монголы неохотно показываютъ чужимъ. Гробъ закрытъ драгоценными тканями. Многочисленные пилигримы стекаются сюда, чтобы приложиться ко гробу съ тѣмъ-же благоговѣніемъ, какое подобаетъ находящемуся въ живыхъ властителю. Гробъ находится не въ храмѣ Ламы, а въ особой палаткѣ, охраняемой принцами крови. Говорятъ, что массивный серебряный гробъ Чингисхана, сохранившійся до сихъ поръ отъ нашествія хищниковъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Монголіи, наконецъ перевезенъ сюда и здѣсь оставленъ, такъ какъ эта мѣстность по своему положенію и бѣдности, болѣе гарантирована отъ хищническихъ набѣговъ. (с.)

Сколько лѣтъ городу Одессѣ. Одесскія газеты рассказываютъ, что теперь идутъ споры о томъ, когда слѣдуетъ праздновать столѣтній юбилей Одессы. Одинъ находитъ, что юбилей приходится на 14 сентября текущаго года, ибо 14 сентября 1789 года была завоевана крѣпость Хаджи-Бей, нынѣшня Одесса. По мнѣнію другихъ, торжество слѣдуетъ справлять въ 1894 году, такъ какъ 27 мая 1794 года издавъ рескриптъ императрицы Екатерины II, въ кото-

ромъ упоминается объ устройствѣ у Хаджи-Бей „военной гавани, кучино съ купеческою пристанью“. Но уже въ то время тамъ было около 600 домовъ и до 3½ тысячъ жителей. Слѣдовательно, городъ уже существовалъ. (в.)

Въ Норвегіи предполагаютъ снарядить въ 1890 г. экспедицію къ сѣверному полюсу, поручивъ завѣдываніе ею д-ру Хансену. Норвежцы утверждаютъ, что никакая другая страна не можетъ дать людей столь закаленныхъ и приспособленныхъ къ арктическимъ путешествіямъ, какъ Норвегія. Многолѣтнее пребываніе въ полярныхъ странахъ не можетъ принести норвежку большаго вреда. На этотъ разъ будетъ сдѣланъ опытъ достигнуть сѣвернаго полюса черезъ землю Франца-Иосифа. (с.)

Оригинальная лотерея. Недавно, по сообщенію мелкой прессы, одна изъ петербургскихъ дамъ любительницѣ собакъ устроила лотерею, предметами розыгрыша въ которой послужили щенки чрезвычайно хорошей собачки кингъ-чарльса. Не смотря на высокую пятирублевую цѣну билетовъ, они были расхвачены быстро другими такими же любительницами собакъ. Вырученную сумму въ нѣсколько сотъ рублей употребили на благотворительныя дѣла. Послѣ лотереи состоялся роскошный фестиваль, а живые выигрыши были вручены по принадлежности въ нарочно приготовленныхъ изящныхъ корзинахъ, подбитыхъ атласомъ со стегаными атласными ватными подстилками и пуховыми подушками. (в.)

Говорящіе локомотивы. Изъ Нью-Йорка пишутъ: Нимъ Крикль, знаменитый американскій юмористъ, высказалъ однажды мысль, что надо считать за счастье, если нашъ вѣкъ произвелъ только одного Эдиссона. Дюжина подобныхъ изобрѣтателей могла бы произвести „величайшее смятеніе; каждое десятилѣтіе имѣло бы свой собственный отпечатокъ, и каждое новое изобрѣтеніе отходило бы въ область прошедшаго, не бывъ хорошенько разработано. Подобное соображеніе невольно приходитъ на умъ, при обнаруженіи новаго открытія Эдиссона—*железнодорожно-парового мимеографа*, которымъ дѣлается новый шагъ въ область невѣроятнаго, хотя вообще въ наше время трудно признать существованіе такой области. Эдиссонъ въ компаніи съ великимъ железнодорожникомъ Запада, Томасомъ Лаури, взялъ привилегію на аппаратъ, который самымъ оригинальнымъ образомъ долженъ замѣнить паровые свистки локомотива. Теперь паровикъ не будетъ больше свистѣть и неестово завывать, итѣ! къ радости всѣхъ нервныхъ людей,—онъ будетъ *говорить*, конечно громовымъ голосомъ, который нельзя сравнить ни съ чѣмъ инымъ какъ съ гнѣвной рѣчью Зевеса Кронона. Лингваграфъ—простой аппаратъ, состоящій изъ скромныхъ трубокъ, проволоки клавиатуры, вдвигаемыхъ по желанію фонограммъ, и обращенной назадъ трубки,—произноситъ, напримѣръ, при входѣ въ туннель слово: „туннель“, такимъ громовымъ голосомъ, что его слышать не только должностныя лица, но и пассажиры въ поѣздѣ. Короче сказать, всѣ сигнальные свистки, служившіе источникомъ безчисленныхъ ошибокъ со стороны малоопытныхъ служащихъ, будутъ теперь замѣнены словами. Имена станцій—если это изобрѣтеніе получитъ право гражданства—будутъ также выкрикиваться локомотивомъ во время хода поѣзда. Проекты, связанные съ новымъ открытіемъ доведеннымъ уже до взятія привилегіи, очень широки; такъ напримѣръ, предполагается что встрѣчные поѣзда будутъ имѣть возможность дѣлать одинъ другому вѣрныя сообщенія; пассажиры перестанутъ тревожиться непонятными сигналами и, съ приближеніемъ опасности, будутъ предупреждены заранее, лучше ли имъ оставаться на мѣстахъ или выскакивать изъ вагона. Первый „говорящій“ локомотивъ составитъ новое чудо природы, которое однако по всей вѣроятности не замедлитъ уступить мѣсто новымъ изобрѣтеніямъ, о которыхъ намъ пока и не снится. (с.)

Задача буквъ № 36.

Н. С. Даржана.

Найти слѣдующія 7 словъ:

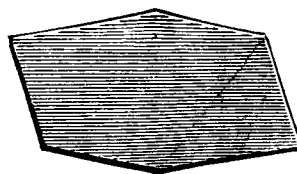
- 1) Русскій поэтъ 16. 24. 35. 30. 18. 8. 11. 32. 1. 34.
- 2) Одинъ изъ разорившейся семьи патрицѣвъ въ Римѣ 4. 36. 17. 22. 19. 29. 15. 20.
- 3) Жара 27. 31. 12. 28.
- 4) Садъ въ Едемѣ 23. 3. 13.
- 5) Потомки мулата и мулатки 25. 5. 10. 21. 7.
- 6) Женское имя 2. 33. 6. 9.
- 7) Рѣчка въ Курляндіи 26. 14.

				1									
					2	3							
			4	5	6	7	8	9					
	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19			
			20		21	22	23	24	25	26		27	
28		29							30		31		32
33		34							35				36

Буквы найденныхъ словъ помѣстить въ предлагаемой фигурѣ.

рѣ на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждого искомаго слова. Затѣмъ, данную фигуру, наполненную буквами, разрѣзать на 12 частей, которыя должны быть соединены въ одинъ квадратъ, но такъ, чтобы получилась фамилія извѣстнаго русскаго писателя и названія трехъ изъ его произведеній.

Геометрическая задача № 37.

Раздѣлить данный шестиугольникъ на четыре части такъ, чтобы сложивъ ихъ получилась правильннй шестиугольникъ.

Шутка-шарада. Задача № 38.

Есть древній городъ; съ давнихъ лѣтъ прославленъ онъ. Его названье давнымъ-давно ужъ знаетъ свѣтъ; Но, господа, прошу вниманья: Прочтемъ его наоборотъ: По русски тишь онъ знаменуетъ, А по туземному — что родъ. Весь человѣчскій волнуеъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озабочиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Подъ званіемъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть I. (Продолженіе). — Кто же? Разсказъ Петра Дорошенко. — Лондонская желѣзнодорожная расчетная контора. Переводъ очерка Отто Вальдъа. — Къ рисункамъ: Чужой! (съ рис.). — Череменичъ Іоанно-Богословскій монастырь (съ рис.). — Воскресенье въ деревнѣ (съ рис.). — Вѣстники весны (съ рис.). — Средне-вѣковая майская торжества во Флоренціи (съ рис.). — Панно проф. Ивановскаго. „Ниволисъ“ (съ рис.). — Д. Н. Бантышъ-Каменскій (съ портр.). — Подъ ливанскими недрами (съ рис.). — Памятникъ Ж. Ж. Руссо (съ рис.). — Башня Эйфеля (съ рис.). — Принцъ Зелалъ-Султанъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Газная извѣстія. — Сибирь. — Задачи. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахерскихъ въ Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутуовая пудра.

CHATELAIN FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3787 (9).

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ

LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES

достаточно извѣстны:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12-12

Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЦАРЬ-ДЪВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевича Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнокъ перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также приемъ заказовъ; дѣлы самыя умѣренныя.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“

уголь Тверской и Долгоруковскаго переулковъ, домъ Шабликина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3884 2-1

Поступила въ продажу большая гравюра:

ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ СЪ АВГУСТЪИШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

- 1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.
- 2) Государыня Императрица Марія Феодоровна.
- 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.
- 4) Великій Князь Георгій Александровичъ.
- 5) Великій Князь Михаилъ Александровичъ.
- 6) Великая Княжна Ксенія Александровна.
- 7) Великая Княжна Ольга Александровна.

Гравюра артистически исполненная съ фотографіи С. Л. Левицкаго и Ю. и отпечатанная на отличной веленовой бумагѣ, разбѣромъ 10 1/2 вершк. выш. и 7 1/2 вершк. ширинъ. Ц. 1 р., съ перес. накатанн. на скалку 1 р. 25 к. Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 р., съ пересылкой и укупоркой до 1000 верствъ 3 р. 50 к., а до 2000 верствъ 4 р. 50 к.

Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей астампной бумагѣ, разбѣромъ 13 1/2 вершк. выш. и 9 1/2 вершк. ширинъ. Ц. 2 р., съ перес. на скалкѣ 2 р. 50 к. Въ изящн. рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.; съ перес. и укупоркой до 1000 верствъ 7 р. 50 к., а до 2000 верствъ 9 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“. Невскій просп., № 6. СПб.

ЛЮБИМЦЪ И ГИОЗИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ

Предлагаетъ: сѣялки, жейки, косилки, вѣялки, плуги разныхъ системъ и борозы. Цѣны самыя умѣренныя. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3719 12-8

ШОКОЛАДЪ

Д. И. АВРИУСОВА СЫНОВИ

ВЪ МОСКВѢ.

№ 3885

продается во всѣхъ городахъ **РОССІИ**

ЭФФЕКТНО для ЛѢТА:

ПАРИЖСКІЙ ДАМСКІЙ УБОРЪ!

Изъ натуральныхъ бразильскихъ жемчужъ, въ красивѣйшихъ оправкахъ

Браслеты съ 10, 3, 2, и 1 жук. 5.50, 2.50, 2 и 1.50.
Брошки съ 4, 3 и 2 жук. 2.50, 2 и 1.50.
Серги съ 1 жук. 1.25.

Шпильки черепаховыя съ 3 и 2 жук. 2 и 1.50. позолоченыя съ 1 жук. 1 р.

Мужск. булавки 75 к.

Цѣлый уборъ (браслетъ, брошь, серги и шпилька) 60% дешевле.

Жуки эти замѣчательно эффектно отражаются на солнцѣ, а потому особенно красивы лѣтомъ. Высылка во всѣ города Россіи. **ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ**

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ.
С.-Петербургъ, Садовая, 12, кв. 22, во 2-мъ дворѣ.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франціи.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, косметическихъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ШТУРМА УКУСЪ

НАТУРАЛЬНЫЙ ВЫСОКАГО КАЧЕСТВА БЕЗЪ ВРЕДНЫХЪ ВЪСЪЕДЕНІЙ ЧИСТАГО ВКУСА и ЗАПАХА.

УКУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ

Складъ: Невск. 96/1, по Надеждинск., шагъ 28.

Вырабатываютъ только натуральныя укусы — окисляющія (спра. вонючія атмосфернаго воздуха) въ Спиртѣ, Сахарѣ и Ванилиновомъ масле.

Разныхъ системъ и величинъ. За пересылку (кромя Азіатской Россіи) отъ 1-го до 12 прибавляется 40 коп.

Точные размѣры и цѣны помѣщены въ иллюстрированномъ каталогѣ, который магазинъ высылаетъ за 1 семикопѣеч. марку.

С.-Петербургъ, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, магазинъ П. Ф. Каратаева. № 3886

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петерб. Трущобы“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Продолжается подписка, на 1889 г., на литературно-политическій журналъ:

ГОДЪ VIII. „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ VIII.

СОДЕРЖАНІЕ первыхъ 4-хъ книгъ (январь — апрель): 1) *Свѣтъ погасъ!* романъ І. І. Ясинскаго (оконч.); 2) *Свѣтъ побѣди,* повѣсть въ 2-хъ частяхъ, Ф. Д. Нефедова (оконч.); 3) *Говорю,* очеркъ Д. Сибиряка; 4) *Ужасъ* (картинки домашней жизни) Н. Ф. Бажина; 5) *Патриотка* (изъ типовъ женскаго пролетариата) К. В. Назарьева; 6) *По нѣшнѣ,* разсказъ П. Лѣтнева; 7) *Вавушки,* разсказъ Н. Д. Ахзарумова; 8) *Виченца и Мантуя,* Василия Ив. Немировича-Данченко; 9) *Вплъ экикурейства* (цѣрты нравовъ въ Россіи XVIII в.), В. О. Михневича; 10) *Наше законодательство и земская инципация,* Я. В. Абрамова; 11) *Вопросы дня* (три статьи), Ва. П. Безобразова; 12) *Современныя женщины-писательницы* (критич. очеркъ), В. В. Чуйно; 13) *Русскій гудожникъ* (Крамскій) въ качествѣ критика. Его же; 14) *Историческія основы воспитанія,* А. С. Травецкаго; 15) *Кабала въ отожженіи* пром. сл. Г. П. Сазонова; 16) *О Парижской Ecole des chartes,* И. Е. Андреевскаго; 17) *На тронѣ* (истор. романъ изъ жизни Людвигъ Баварскаго) Иларіисъ Лоде (съ илменкаго); 18) *Золотая радуга,* романъ Давида Мюррея (съ англ.); 19) *Исторія одной любви,* повѣсть Цезаря Тронки (съ итальянс.); 20) *Очерки иностранной литературы,* В. Р. Зотова; 21) *И смѣхъ, и горе* (фельетонъ) Ефима Простосердова и др.

Для слѣдующихъ книгъ, въ распоряженіи редакціи находится уже значительное количество бѣллетристическихъ произведеній и научныхъ статей извѣстныхъ писателей.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, 15 числа, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ изданій, безъ предварительной цензуры. Годовая цѣна: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес.; за границу — 16 р. За полгода 8 р. Иногородные подписчики, желающіе получить второе изданіе монографій А. П. Пятковскаго: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, высылаютъ, вмѣстѣ съ годов. платою за журналъ, 17 р. 50 к. (копѣйки — марками). Главная контора: СПб., Владимирская, № 1-6. Здѣсь же принимается подписка на журналъ

НАРОДНАЯ ШКОЛА (г. ХХІ).

Одобрены М — вомъ Народн. Просвѣщенія и др. вѣдомствами.

Годовая цѣна 4 р. 50 к. съ перес. За гран. — 6 р.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ

Н. И. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ГАРМОНИ

Однорядная въ 2 3/4, 4 1/2, 5 1/2, 6, 8, 9, 10, 12, 16 и 24 р.
 Двухрядная въ 12, 14, 18, 20, 22, 25, 30 и 35 руб.
 Трехрядная въ 30, 50, 60 и 75 р.
 Самоучитель Соколова по 1 руб.
 Ноты его же по 75 коп. и 1 р. за тетрадь.
 Иллюстрир. прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 3890
 музыкальных инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьяна.

Усовершенствованныя Народныя Цитры

собрать, издѣлія продаются по вновь усовершеннымъ цѣнамъ:
 съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.
 „ 7 „ „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.
 Самій долгій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
 За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

И. Ф. МЮЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (2) Ц. № 3864
 Торговцамъ дѣляется скидка.

CORSETS LEOTY adoptés par le High-Life parisien.

20-12

8. Place de la Madeleine, Paris.

Торговый Домъ Ж. Блокъ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ, Б. Морская № 21.

имѣеть единственный складъ для всей Россіи велосипедовъ: Свифтъ, Виппегъ, Русскій клубъ, Молли (New Rapid), Имперладъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
 Общественный Свѣтъ, № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.
 Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Рож. Марлитта. Пер. съ язм. II. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Только что вышелъ **ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ** и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),

дополненный 32 мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большого туалетнаго зеркала со шнатулой.

Усѣбхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служить лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотой стilia и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительна, а именно 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

Глицериновое молоко 75 к.—Ирисовое молоко 1 р. 25 к.
МОЛОКО ДЕРМОФИЛЬ 2 руб. 25 коп.
 ВОДА ДЕ ЛИСЪ ДЕ НИНОНЪ 1 р. 50 к.
О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4 (Эстрактъ) по 50 к. и 1 р.

Туалетная вода спеціальная по 90 коп.
 Туалетная вода Шипръ по 1 руб.

Туалетный укусъ по 60 коп.
 Укусъ Виолетъ де-Паркъ по 75 коп.

ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА

по 80 к. и 1 р. 60 к.

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Иносора Бреони | Юноей клубъ | Виолетъ де-Паркъ
 Буно Императрисъ | Коззурра | Бѣлая Роза
 Шампака | Олопонанкъ

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Рт. 3883 2-1
 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
 3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18-54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ. и Cosmet. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи высылаютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптеки или Cosmet. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (68) № 2946

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ БУРКГАРТЪ И УРЛАУБЪ

Москва, Красносельск. улица № 3843

СТРОИТЬ: 6-5 плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, сортировки, мельницы, конные приводы, локомобили 3, 4 и 6 силъ, соломотрясы, паровыя машины, котлы, насосы всякаго рода, пожарныя трубы, сѣнные прессы, кипрч. прессы и пр.

КОНТОРЫ И СКЛАДЫ: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, 10. Москва, Мясницкая улица, у Мясницкихъ воротъ, домъ Виноградова.

Иллюстрированные каталоги бесплатно

МАТУРИАННАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА МАТТОНИ ГИСГЮБЛЕРЪ

чистый источникъ
 сѣвѣмнотѣльный и здоровый
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
 можно вездѣ получить.
 600000 (миллион) бутыл. годовою вывозъ.

МОЙНАКСКОЕ ГРЯЗЕЛЪЧЕБНОЕ И ЛИМАННОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

№ 3855

въ городѣ Евпаторіи

отрывается съ 20 мая по 20 августа.

За подробностями просить обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губ., Гг. доктору С. П. Цеценевскому или доктору С. И. Ходжашу.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 67, собств. домъ,
 Покупаетъ всѣ % бумагъ.
 Ссуды подъ всѣ % бумагъ.
 Страхование выигранныхъ займовъ.
 Переводы на всѣ города.
 Оплата купоновъ. № 3716
 Также нуженъ вѣрныя съ постояннымъ источникомъ жальства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ и/М.

фабрикантъ велосипедовъ „ОРЕЛЬ“.

Вскаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 шфен. марками. 12-7

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Частота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительства. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
 Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

EAU DE SUEZ

Депю въ С.-Петербургѣ — А. М. Рузановъ, Гостиный дворъ, № 40.
 Въ Москвѣ — А. Слю и Ко., Тверская, д. Варгина.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

Обяснительная брошюра высылаются бесплатно по требованію вышеозначенными депо и Г.-мъ Суазъ 9, rue de Prony, Парижъ.

Дозвол. ценаур., СЛБ., 17 мая 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СЛБ., Невскій, 6. Библиотека „Руниверт“

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 22

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX
1889

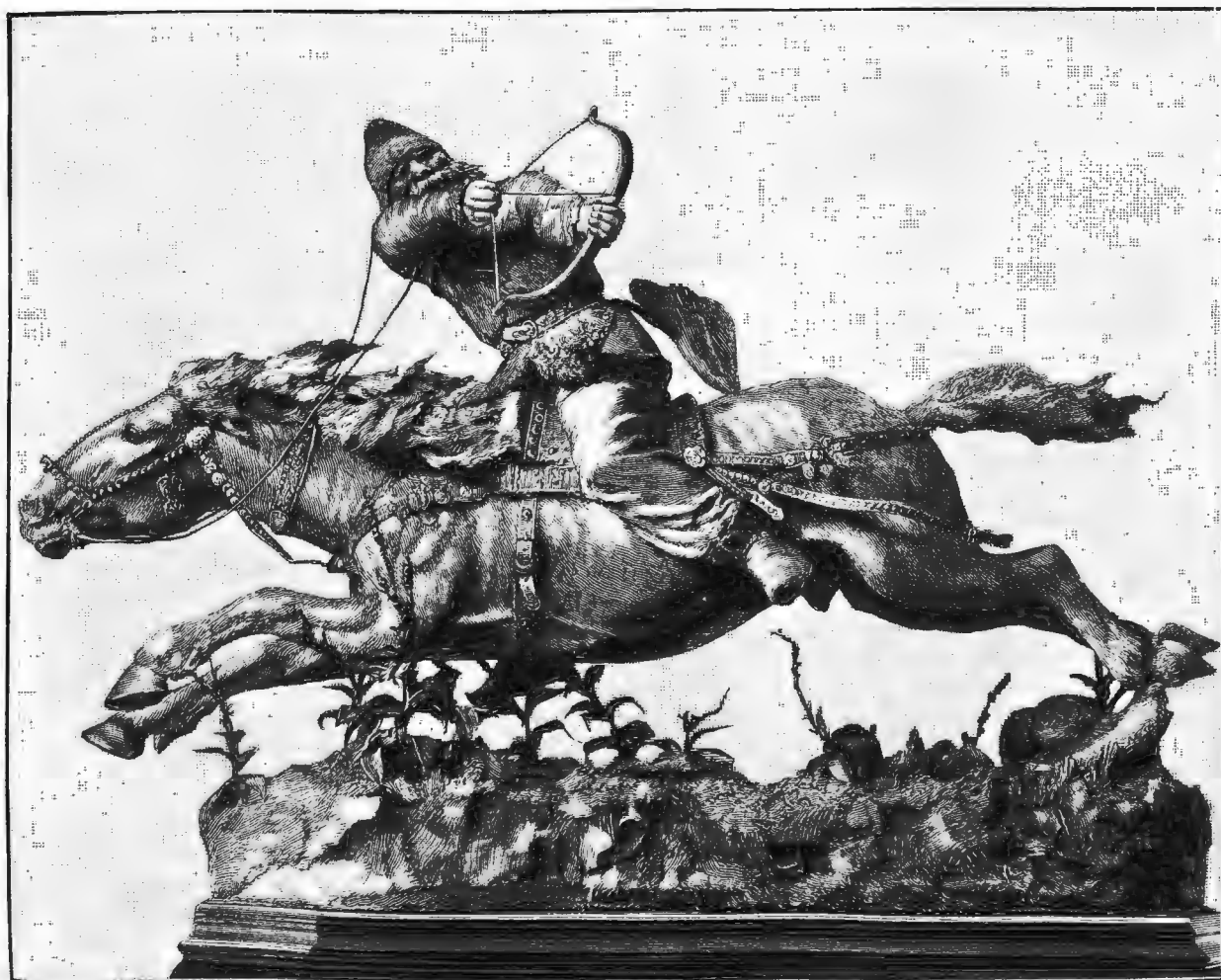
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 27 мая 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1889 Г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложениями.

XVII передвижная выставка. Синоѣ. Группа Л. В. Позена, съ фот. грав. Флюгель.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (продолженіе).

VII.

Благодаря удачѣ Вѣрочки, ставшей совсѣмъ „большою художницей“, мать Варлаама благословила открыть Серафимъ съ нашею вострушкой рисовальную школу. Теперь здѣсь уже работало много бѣлицъ и дѣвушекъ „бѣдныхъ родственницъ“, жившихъ у монахинь на ихъ иждивеніи. Когда, кончивъ съ матерью Капитолиной (не „бабушкой“, потому что „злая бабушка Капитолина“ давно уже покоилась на молчаливомъ кладбищѣ, рядомъ съ Секлетеей), Вѣрочка, обойдя монастырскія службы, хлѣбную и квасную, вошла въ эту школу, — тамъ уже работало нѣсколько ея подругъ. Это была большая комната съ высокими окнами. Очевидно здѣсь все было вновѣ. Стѣны, ничѣмъ не оклеенныя, пахли еще лѣсомъ. На сосновыхъ доскахъ даже проступалъ смоляной потъ; некрашеный полъ, ничѣмъ не прикрытый, представлялъ еще много скважинъ и щелей, наскоро задѣланныхъ мохомъ. У оконъ, въ разныхъ положеніяхъ, стояли треножки и мольберты, тоже своего ручнаго монастырскаго дѣла. Окна были отворены, и теплый воздухъ, вмѣстѣ съ запахомъ цвѣтовъ, вольно струился сюда, чуть шевели волосы бѣлицъ и обливая ихъ разгорѣвшіяся на работѣ щеки.

— Ну что, Саша? подошла Вѣрочка къ одной изъ своихъ приятельницъ. — Какъ у тебя работа идетъ?

— Да вотъ боюсь, не совладаю съ глазами.

— Ой-ой-ой, какъ ты ихъ раскосила своему ангелу! засмѣялась Вѣрочка.

— А ты, чѣмъ смѣяться, взяла бы да и поправила.

— Сейчасъ. Дай взглянуть. Эко искусство какое дивное, ты бы ужъ на лбу третій глазъ ему написала.

— Экая злая!

И вспыхнувшая Саша взяла да и мазнула пальцемъ по свѣжимъ краскамъ.

— Милая, прости, я только пошутить съ тобой хотѣла.

Но у Саши крупныя слезы сыпались на румяныя, здоровыя щеки.

— Не думаешь же, что я обидѣть тебя пожелала.

И совсѣмъ растерявшаяся дѣвушка взяла свою подругу за руку.

— Нѣтъ, я не то... А досадно что второй годъ учусь и ничего у меня не выходитъ. У Ижотовскихъ богомазовъ лучше. Должно быть ужъ такая уродилась я неспособная.

— Захотѣла—два года, я семь лѣтъ училась здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, должно быть ужъ у меня выйти не можетъ.

— А знаешь почему? Бабушка Серафима состарилась, у тебя и образцовъ хорошихъ нѣтъ. Коли бы у насъ было съ чего, такія-ли мы бы картины здѣсь писали. Помнишь, прошлый мѣсяць, для Спасо-Евфимьевской церкви, что мы дѣлали. Змія геенскаго писали и въ пасть ему какихъ-то сломанныхъ грѣшниковъ посадили. Одинъ у меня даже вышелъ такимъ точно онъ у него въ зубахъ завязъ... А что подѣлаешь—просить! Церковь сельская, бѣдная. Коли-бы мы ей не написали такого образа, пришлось бы закзывать имъ у богомазовъ... А еще раньше помнишь? Мать Варлаама просила тоже для знакомой церкви написать и такого же змія... А въ пасть къ нему желѣзнодорожный поѣздъ съ грѣшниками и кочегаромъ-чортомъ на локомотивѣ, на всѣхъ парахъ двигается. Далеко-ли уѣдешь съ такими работами?

Саша, забывъ свои слезы, улыбалась уже.

Въ сѣняхъ послышался старческій кашель. Кто-то тамъ тяжело шаркалъ калошами по полу.

— Мать-игуменья, мать-игуменья! всполошились бѣлицы и какъ распуганныя птички разлетѣлись въ разные стороны, каждая къ своему дѣлу.

Сырая, тяжелая и очевидно тоже начинавшая страдать водяною, мать Варлаама, задыхаясь и кашляя, взошла въ мастерскую, помолилась истово на образа и по привычкѣ пытливо оглядѣла дѣвушекъ.

— Здравствуйте, дѣточки, здравствуйте. Спаси васъ Царица Небесная.

— Вашими молитвами святыми, матушка...

— Ну гдѣ моимъ грѣшнымъ молитвамъ до свѣтлаго престола Ея вознестись... Работаете, красавицы?

— Работаемъ, матушка-игуменья...

— Ну, труждайтесь, труждайтесь... Труждающийся да ясть, сказано... Въ тунеядствѣ бо нѣсть спасенія... А Серафима не пришла еще?

— Нѣтъ...

— По слабости своей... Постоила старушка божья въ церкви, и устала... Ну, пусть ее отдохнетъ. А гдѣ Вѣрочка?

Дѣвушка подошла и поцѣловала ей руку.

— Ишь какая краса богоданная растетъ! Не здѣсь бы тебѣ быть—въ большомъ городѣ, по твоему таланту, слѣдовало бы тебѣ учиться и стала бы ты тогда писать всѣмъ на удивленіе. А то, что у насъ: житіе скудное, примѣра чтобы настоящаго не видишь... Ну, да никто какъ Богъ! Коли даетъ онъ тебѣ силу такую, значитъ, и на дорогу настоящую, какъ Моисея древле, выведетъ. Ты только Его помни. Ну, что бабушка?

— Кланяться приказала.

— Когда она хлѣбы-то печь будетъ?.. Испекла бы мнѣ булокъ. Такихъ, какъ у нея, ни у кого нѣтъ... Ну, садитесь-садитесь и работайте, а я посмотрю, да порадуюсь на васъ...

И мать Варлаама сѣла въ углу въ большое кожаное кресло, и радуясь прохладѣ и молодымъ лицамъ кругомъ, только вздыхала да перебирала четками.

— Слѣдовало бы мнѣ поученіе вамъ сказать, какъ въ свѣтѣ и въ монастырѣ жить, себя соблюдать и Богу угождать, да ужъ очень я немощна и трудно мнѣ балакать съ вами, молодыми. Смѣяться-то вы не станете, а про себя подумаете пожалуй: „и что эта старая разболталась...“ Орина? Ты это что—Егорія пишешь?

— Да, матушка, благословите.

— Ладно. А змія чудоваго подъ нимъ кончила? Что-жь ты ему сизыя крылья сдѣлала! Надо ему сѣрыя, какъ у мыши летучей.

— Да краски такой не хватило.

— Охъ, недостатки наши! А жало ему на хвостѣ позабыла?

— Нѣтъ, у него во рту жало.

— А ты и на хвостъ посади. Все страшнѣй будетъ. Опять же лапы ему написала ты короткія. Вытяни—тебѣ ничего не стоитъ, а богомольцу все поученіе... Прежде лучше писали. Помню, я еще молодая была,— съ батюшкой въ монастырь одинъ ѣздила, такъ тамъ Егорій былъ настоящій—не на конѣ сидѣлъ, а на львѣ крылатомъ, а у чудовища изъ пасти-то вмѣсто зубовъ зміи огненные торчали... Ажно задрожала я, какъ увидѣла, и изъ поздрей у него пламя исходило, а изъ глазъ—стрѣлы сыпались. Это внушительно было... Ну, вотъ и мать Серафима ползетъ. Здравствуй, здравствуй!..

— Удостоили посѣтить, мать Варлаама.

— Да вотъ влѣзть-то влѣзла, а вылѣзти и трудно. Толста и стара, и ноги не слушаются.

— А вы бы изъ бѣлицъ кого взяли... Все бы опа васъ подъ локотокъ.

— И впрямь!.. Орину, что-ли? Она сильнѣй дру- гихъ-то... Не тяжело тебѣ будетъ?

— Помилуйте, матушка, я съ полнымъ моимъ удо- вольствіемъ, съ радостью.

— Ну, пособи старухѣ... Потомъ, какъ доживешь до моего—и тебѣ подсоблять будутъ. Да... Эко ветхость моя, да забывчивость!.. Вѣрно на покой пора... Изъ города благодѣтельница генеральша Ольга Васильевна, дай ей Господь многія лѣта, прислала вамъ красокъ разныхъ, кистей и картинъ. Смотрѣла я, спаси ее Богъ, можетъ быть по ея скусу и хорошія картинки, а по моему—никуда не годятся! Все деревья, да рѣки, да горы... А то еще и съ козлами есть, и съ еленами. Ну, да въ Священномъ Писаніи про еленей сказано: „Аки елень на источники водные“. Значитъ и то во спасе- ніе. Я съ Оринуко и пришлю вамъ...

И старушка удалилась, опираясь на плечо сильной молодой бѣлицы.

— Вѣрочка, зайди ко мнѣ, призвала ее Серафима.

У монахини и здѣсь была своя отдѣльная комната.

— Садись. Новость есть у меня... Вчера получила телеграмму. Знаешь кто у меня сегодня будетъ?

— Не знаю... Родные?

— Нѣтъ... То-есть родной. Еще бы!.. Чего роднѣ— братъ мой. Слыхала ты? А, впрочемъ, я тебѣ и не рассказывала никогда. Моя вѣдь фамилія въ міру Ряд- нова была. Вѣрно ты видѣла въ журналахъ, что мы выписываемъ, гравюры съ картинъ Ряднова.

— Да развѣ это братъ вашъ?..

И Вѣра даже загорѣлась вся отъ любопытства.

— Да, какже.

— Вѣдь онъ художникъ—чуть не первымъ его у насъ считаютъ. Да, читала. Хотъ бы глазкомъ однимъ взглянуть на него.

— И обѣими посмотришь. Я познакомлю тебя съ нимъ.

— Вотъ счастье-то! Вотъ радость!.. То-то я во снѣ сегодня видѣла, будто мать Варлаама благословила картину мою на колокольню повѣсить высоко-высоко... Только ужъ и смѣяться онъ станетъ надъ нами.

— Почему?

— А потому, простыя мы здѣсь, неученыя. Онъ-то, поди, къ какимъ привыкъ. Опять-же, чтó мы тутъ пишемъ? Ему вовсе пожалуй и не интересно будетъ все это.

— Ну ладно!.. Тамъ увидимъ. Я сама о немъ лѣтъ пятнадцать извѣстія не имѣла. Онъ не писалъ,—только чтó въ газетахъ о немъ говорили читала. Я пойду до- мой—приму его тамъ, а ты приготовь здѣсь, чтобы товаръ лицомъ показать ему. Нечего-де передъ нами голову-то задирать, мы сами не простыя... смѣялась Серафима, уходитъ.— Да вотъ чтó, остановилась она въ дверяхъ.— О тебѣ-то я съ нимъ отдѣльно говорить буду. Потому онъ многое можетъ если захочетъ...

Когда ея покровительница ушла, дѣвушка сообщила вѣсть, казавшуюся ей такою счастливою, другимъ по- другамъ своимъ; но тѣ, къ крайнему ея удивленію, не обратили на это никакого вниманія. Одна изъ нихъ, младшая Алена, какъ ее звали тутъ, даже недовольно проговорила:

— Мало-ли ихъ сюда шлются. На прошлой недѣлѣ этотъ лохматый изъ города пріѣзжалъ—тоже, гово- рятъ, картины пишетъ. Какъ мать Серафима отвер- нулась, онъ и взялъ, дуракъ этакой, меня за подборо- докъ, да и шепчетъ: „какая вы милочка...“ Ну, я его тутъ, правду сказать, кистью въ носъ и ткнула.

— Да вѣдь вы понимаете, это знаменитость! Его картины у самого царя есть.

— А намъ-то чтó, намъ онъ ихъ не подарить, а подарилъ-бы—куда ихъ дѣвать!

Вспомнила Вѣрочка, какъ она всегда мечтала пови- дать бы хоть одного заправскаго, настоящаго худож-

ника, показать ему, чтó она пишетъ, и отъ него услы- шать правду: стоитъ она чего-нибудь или не дѣльше этихъ подругъ своихъ пошла—богомазка простая, только съ претензіями большими. И по ночамъ ей снилось, что видитъ она то одного, то другаго изъ живописцевъ, картины которыхъ попадались дѣвушка въ журналахъ разныхъ. Дивилась она имъ, любовалась ими. А теперъ вдругъ ей страшно стало. Въ самомъ дѣлѣ, семь лѣтъ училась она, только этимъ жила и дышала, и вдругъ окажется, что ни къ чему. Да и въ самомъ дѣлѣ, чтó это все созданное до сихъ поръ ею? И она даже съ ненавистью посмотрѣла на свои полотна. Ей больно стало за нихъ. Она зажмурилась, представляя себѣ, какъ Рядновъ войдетъ, презрительно обѣжитъ ихъ взгля- домъ и отвернется съ гримасой. А потомъ вопросъ ба- бушки Серафимы: „Ну, что братецъ, какъ?..“ И слѣ- дующій затѣмъ отвѣтъ: „Да ничего... Ничего... Старай- тесь, барышни, старайтесь. Можетъ быть что-нибудь у васъ и выйдетъ“. Ей приливалъ кровь къ щекамъ отъ этого. Заранѣе дѣлалось стыдно. Вправду, ну чтó она, куда она годится со своею мазней?.. Да развѣ что- нибудь могло изъ нея выработаться здѣсь въ глуши?.. И чѣмъ больше шло время впередъ, тѣмъ ужаснѣе становилось ея состояніе. Если бы было возможно, она какъ-то сейчасъ бы взяла-бы да ножемъ, ножницами, чѣмъ попало, изодрала всѣ эти холсты, чтобы отъ нихъ остались самые маленькіе лоскутья, и зашвырнула ихъ подальше, такъ чтобы и не отыскать никому. А то тоже выдумала—работать! Точно не одна у ней дорога. Пока при бабушкѣ, а потомъ въ монастырь. Здѣсь состариться, обратиться въ такую же бабушку и замереть совсѣмъ, переживая отъ заутрени до обѣдни, отъ обѣдни до вечерни, отъ вечерни опять до заутрени— и такъ каждый день, и каждый годъ, пока не снесутъ ее, старую, развалившуюся, отекающую, желтую, подъ тѣ вонъ высокіе вязы и не схоронятъ въ мать сыру землю.

— Чтó это ты, Вѣра? спросила Саша.

— А?..

— Да такъ ходишь изъ угла въ уголь, ажъ поло- вицы дрожать... И побѣлѣла вся. Неможется тебѣ?

Вѣрочка сѣла въ кресло и застыла тамъ. Она закрыла глаза—такъ бы просидѣть до вечера, а вечеромъ домой уйти. И не видать бы этого Ряднова. Еще смѣяться станеть, пожалуй. Она вѣдь не знаетъ, какой онъ. А чтó если сказаться теперь больной, да уйти. Одно— мать Серафима обидится пожалуй... Нечего дѣлать, надо ждать. И она сидѣла и ждала, между тѣмъ какъ сердце ея, словно маятникъ, отбивало все время; си- дѣла, безсознательно глядя въ окно на голубое небо, на вершины какихъ-то деревьевъ, на птицъ, пролетав- шихъ мимо, и что-то весело и счастливо чирикавшихъ ей на-лету. Она и сама не знала, сколько времени про- сидѣла тамъ.

Орина, провожавшая игуменью, влетѣла въ мастер- скую какъ сумасшедшая.

— Идутъ, идутъ!.. кричала она изъ сѣней.

— Кто идетъ-то?

— Мать Серафима съ какимъ-то цивильнымъ... Сюда идетъ.

И шмыгъ за свой мольбертъ.

VIII.

Вѣрочка опять зажмурилась, и когда открыла глаза, въ мастерскую уже входила бабушка Серафима съ бра- томъ.

Ставъ въ уголь, дѣвушка оттуда всматривалась въ знаменитаго, какимъ она его считала, художника. Онъ былъ высокъ ростомъ и нѣсколько сутуловатъ. Глаза, вдумчивые, во все всматривались по привычкѣ при- стально, точно наблюдая и отмѣчая повсюду харак- терныя черты. На блѣдномъ лицѣ—будто чужими ка-

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. У знахарки.
Картина Н. П. Шаховскаго (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Флюгель.
Библиотека "Руниверс"

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Старуха съ книгой.
Картина проф. Н. А. Кошелева (право гравированія приобрѣтено „Нивой“), грав. Шюблеръ.

зались большія чувственныя губы и энергической, прямой подбородокъ. Высокій лобъ его начиналъ уже лысѣть и въ рѣдѣнкой бородкѣ серебрились раннія сѣдины.

— Вотъ, братъ, и мое царство! Не даромъ и я, Ряднова, въ молодости кое-чему училась; не совсѣмъ, какъ видишь, забыла.

— Да у тебя и талантъ былъ. Если бы ты не пошла въ монастырь...

— Оставь объ этомъ, строго оборвала его Серафима, и какая-то тѣнь промелькнула по ея лицу.

— Чтѣ хорошо здѣсь у васъ—это виды изъ оконъ.

И не обращая вниманія на сидѣвшихъ за мольбертами ученицъ, поджавшихъ губки, чтобы показаться совсѣмъ „по-монашенски“ скромными и смиренными, онъ подошелъ къ ближайшему окну, да и застылъ тамъ, не отрывая взгляда отъ картины, раскидывавшейся передъ нимъ. Дѣйствительно, было чѣмъ залюбоваться. Мастерская была построена на холмѣ, за нею внизъ шель довольно крутой откосъ, занятый монастырскими цвѣтниками и садомъ. Въ лощинѣ пониже, молодые деревья охватило весеннею зеленою дымкой, легкою какъ пухъ и пышною какъ облако. Изъ этого чуднаго царства первой листвы, еще не огрубѣвшей и не утратившей нѣжнаго аромата, подымались колоколенки и купола, и то прятались, то снова выходили на свѣтъ бѣлыя зубчатая стѣны съ большими угловатыми башнями. Еще дальше змѣилась рѣка и далеко-далеко раскидывалась лѣсная глушь... Облако изъ-за нея всползло на небо, круглое, могучее—все оно по краямъ точно затлѣло подъ солнечными лучами.

— Да... Есть много хорошихъ художниковъ, а лучше природы не найдется мастера, раздумчиво проговорилъ гость.

— Вы, мірскіе, говорите—природы, а мы Творцу, великому художнику, все приписываемъ, наставительно прибавила сестра.

— Все равно. Смысль одинъ.

Въ его голосѣ чувствовалась какая-то усталость, иногда онъ даже срывался, какъ у всѣхъ, кто много думаетъ и наблюдаетъ, но мало говоритъ.

— Однако картины этого Великаго Художника ты еще увидишь, а теперь не угодно-ли тебѣ моихъ ученицъ посмотреть... Вотъ рекомендую—бѣлица наша Стефанія.

— Это вы что-же рисуете? мягко спросилъ Рядновъ, съ трудомъ оторвавшись отъ окна. Замѣтивъ смущеніе страшно покраснѣвшей дѣвочки, онъ постарался заговорить съ ней еще ласковѣе.—Хорошо... Право, недурно... Только чтѣ это такое?

— Я... я не знаю... Совсѣмъ пылала та, отводя глаза въ сторону и опуская ихъ внизъ. Очевидно ей хотѣлось уйти въ землю отъ этихъ разспросовъ.

„Э! да онъ не страшный совсѣмъ“, думала про себя Вѣрочка.

— Какъ не знаете?... Вѣдь сами вы этого не видѣли?

— Нѣтъ, видѣла.

— Гдѣ же это?... Развѣ вы были въ Сиріи?..

— Какой Сиріи?

— Да вѣдь это сирійская женщина у колодца.

— Я не была въ Сиріи, широко раскрыла глаза дѣвушка.—Я это въ журналѣ видѣла.

— Ты, братъ, не смущай ихъ. Наша обитель, видишь-ли, совсѣмъ бѣдная. Такая бѣдная, что выписывать образы и оригиналы намъ далеко не по карману. Слава Богу, когда гравюры хорошія попадаются, да и тѣхъ мало. Ну, вотъ мои ученицы берутъ иллюстрированные журналы и пишутъ съ нихъ. А раскрашиваютъ: или по моему указанію, или какъ Богъ на душу положитъ. Для образовъ и для картинъ изъ Священнаго Писанія это ничего. Мы потомъ даримъ ихъ нашимъ посѣтителямъ и богомольцамъ, посылаемъ

въ скудные и убогіе приходы. Еще какъ благодарны бываютъ!

— Да я ничего... улыбнулся Рядновъ.—Хотите ли пришлю вамъ оригиналовъ?

— Чего? подняла брови удивленная дѣвушка.

— Оригиналовъ пришлю.

— Это что-же такое? перевела она недоумѣвающій взглядъ на мать Серафиму.

— Картины, съ которыхъ вы писать будете.

— Не знаю, право... Какъ матушка-игуменья благословить.

— А сами вы не желаете?

— Я... право... мы не можемъ такъ... Какъ матушкѣ будетъ угодно...

Рядновъ перешелъ къ слѣдующему мольберту и едва-едва могъ подавить улыбку, такъ и просившуюся на его губы. Онъ долго смотрѣлъ на знаменитаго Георгія Побѣдоносца:

— Вы это съ чего-нибудь пишете?

— Нѣтъ, изъ головы! отвѣтила бойкая Ирина.

— Кто-жъ это вамъ посоветовалъ снабдить чудовище двумя жалами?... Впрочемъ, это у него на хвостѣ не жало, а копье... Должно быть мать-природа выростила его...

— Я сама видѣла, смѣялась Ирина.

— Во свѣ?

— Нѣтъ, въ нашей церкви—въ селѣ. Тамъ точно такой Егорій.

— Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ дальше.

И мать Серафима, взявъ его подъ-руку, повела къ другимъ бѣлицамъ. Рядновъ подолгу останавливался передъ нѣкоторыми. Бѣдныя, всѣ писали почти, воспроизводя на полотнѣ гравюры, помѣщавшіяся въ иллюстрированныхъ журналахъ, доступныхъ по цѣнѣ обители. Далъ журналъ Рафаэлевскую Мадонну, и Мадонна эта списывалась пятью-шестью ученицами, причемъ краски клались ad libitum—кто какую хотѣла. Одна дѣлала Богородицу съ черными глазами, другая съ голубыми. Одѣяніе ея то являлось краснымъ, то желтымъ, то синимъ, то зеленымъ. Рядновъ покачивалъ головою и хвалилъ, стараясь быть ласковымъ, и это стараніе, несмотря на незнакомство съ жизнью и людьми, такъ и читала въ его тонѣ Вѣрочка. Въ ней ужъ сказывалось чуткое самолюбие талантливой природы, такъ часто замѣняющее опытность. „Да, хорошо, очень хорошо... Поздравляю васъ... Большіе успѣхи,“ ронялъ онъ, напоминая крупнаго столичнаго артиста, ненарокомъ попавшаго зрителѣмъ въ плохой любительскій спектакль, гдѣ никто ничего не знаетъ, всѣ врутъ, но врутъ наивно, играютъ скверно и неловко. А онъ всѣхъ хвалитъ и на всѣ вопросы отвѣчаетъ однимъ: „великолѣбно“. Чтѣ дѣлать, положеніе обязываетъ быть любезнымъ. Такимъ образомъ, обходя работы бѣлицъ и дѣвушекъ, жившихъ въ монастырѣ, Рядновъ началъ уже утомляться и все чаще и дольше заглядывать въ окно, за которымъ изъ-за лѣса серебрилось круглое облако, поднимаясь все выше и выше на темно-голубое небо. „И это недурно... Я радъ, что случай позволилъ мнѣ познакомиться съ вами!“ лѣниво ободрялъ онъ краснѣвшихъ ученицъ, какъ вдругъ остановился, точно его ударило что-то, раскрылъ широко свои усталые глаза да такъ и впился въ одну картину.

— Ради Бога... это кто у васъ рисовалъ?... Да нѣтъ, не у васъ это вовсе... это подарили вамъ?

Серафима торжествовала. Вѣрочка стояла вся бѣлая какъ мѣль... Вотъ-вотъ упадетъ въ обморокъ...

— Нѣтъ, это не можетъ быть, чтобы здѣсь писали...

— Я для тебя подъ конецъ берегла сюрпризъ. Душа моя, Вѣрочка, подойди...

Видя что та не двигается съ мѣста, она взяла ее за руку и притянула къ себѣ.

Вѣрочкѣ казалось, что полъ ходуномъ ходитъ подъ нею.

— Вотъ рекомендую тебѣ и художницу. Это наша общая внучка, а мы всѣ ея бабушки.

Но Рядновъ вовсе не слушалъ ее. Онъ самъ схватилъ Вѣрочку за другую свободную руку и грубо толкнулъ ее къ картинѣ.

— Это вы писали, вы? Да ну-же!

— Я! чуть слышно отвѣчала Вѣрочка.

Рядновъ смотрѣлъ и молчалъ.

— Нравится? спросила его Серафима.

— Сколько вамъ лѣтъ? рѣзко обернулся онъ къ Вѣрочкѣ.

— Восемнадцать.

Опять задумался.

— И это вы, вы писали?.. Вы однѣ, безъ посторонней помощи?

— Я.

— И оригинала не было? Сами видѣли и сами написали?

— Да...

— Ну, такъ я васъ отъ души поздравляю: у васъ великій, слышите-ли вы меня, великій талантъ.

Точно небо раскрылось передъ нею, даже закружило всю... Ей-ли это говорятъ?.. И кто же!..—Бѣгите отсюда и учитесь. Учитесь серьезно и много.

И онъ опять уставилъ своими пристальными глазами въ полотно, бывшее передъ нимъ.

Вѣрочка написала на немъ верхнюю амбразуру монастырской колокольни. За перилами стояла въ ней молодая монахиня, блѣдная, больная и одновременно кроткимъ и печальнымъ взглядомъ смотрѣла задумчиво внизъ... Куда? Глядя на нее видно было что разумѣется не на монастырь, а далеко-далеко за его стѣны. Цѣлая драма читалась въ этомъ молодомъ лицѣ, полномъ самопожертвованія, тоски объ утраченномъ счастьи, раскаянія о произнесенномъ обѣтѣ... Рядомъ на перилахъ помѣстился блѣдный голубокъ, точно собравшись сорваться и улетѣть куда-то.

— Это зачѣмъ? этого не нужно, это слишкомъ слащаво. Дайте мнѣ кисть. Нѣтъ-ли ножика?

И онъ нервно, порывисто счистилъ голубя прочь...

— Вошь, вошь его... озабоченно повторилъ онъ. — Такія вещи, сантиментальными деталями, только портятся.

Потомъ съѣлъ, взявъ краски, замазалъ выскобленное мѣсто... Опять возрился на лицо монахини, мазнулъ у нея подъ глазами разъ, другой. Они сдѣлались отъ этого еще глубже и выраженіе въ нихъ усилилось. Мимоходомъ поправилъ руку... Усѣлся поудобнѣе и совсѣмъ забывъ гдѣ онъ и что онъ, сталъ работать, кладя блики въ одномъ мѣстѣ, смягчая грубость мазка въ другомъ, здѣсь проводя морщину, тамъ слегка поправляя тонъ и все время онъ объяснялъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ... Рядновъ, заработавшись, не видѣлъ, что всѣ эти раскрасившіяся, любопытныя личики бѣлице, обступившихъ его, изъ-за его плеча наклонялись, лихорадочно слѣдя за его работою и затаивая дыханіе... Окончивъ съ лицомъ монахини, онъ, чтобы лучше рассмотреть сдѣланныя имъ поправки, откинулся и нечаянно ударился затылкомъ о вздернутый носъ Алены. Та даже и не крикнула, а только присѣла отъ боли. Но художникъ даже не замѣтилъ этого...

— Дайте-ка мнѣ индиго! приказалъ онъ.

Кисть его опять работала, привычно, властно, смѣло. И вдругъ небо въ амбразурѣ колокольни — этотъ фонъ, на которомъ красиво выдѣлялась головка монахини,—стало жаркимъ... Такъ и почувствовалось, что теперь полдень, что солнце палитъ во всю и что только здѣсь, на колокольнѣ, есть еще клочекъ тѣни и оживляющей прохлады...

— Фигура деревянная! вырвалось у него. — Мало жизни у нея въ корпусѣ... И все это оттого, что вы слишкомъ старательно выписали платье, старались что-

бы оно на ней сидѣло хорошо. Это ложь передъ дѣйствительностью. То есть не ложь, а... Ну да все равно. Вотъ видите какъ надо...

И онъ мазнулъ нѣсколько черныхъ тѣней на монашеской мантии, разбросалъ на ней складки и вдругъ тѣло стало живымъ. Всѣ увидѣли, что монахиня дѣйствительно опирается на перила, что и платье легло такъ, какъ лежитъ обыкновенно.... Кончивъ все это, Рядновъ всталъ и самъ изумился. Что это онъ въ самомъ дѣлѣ?

— Однако и захватили же вы меня всего... Большой, большой талантъ...

И ни съ того, ни съ сего онъ наклонился и, взявъ дѣвушку за голову, притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Я вамъ въ отцы гожусь... Не смущайтесь... Говорю вамъ: много, много вамъ дано. А кому много дано, съ того много и спросится. Такъ видѣ у васъ говорится?.. обернулся онъ къ матери Серафимѣ.

— А у васъ не такъ? съ упрекомъ переспросила она, глядя ему въ глаза.

Онъ засмѣялся.

— Ну объ этомъ послѣ потолкуемъ, сестра... Нѣтъ, какой алмазъ отыскался у тебя! Вотъ не ожидалъ! Да она и сама...

И только теперь Рядновъ обратилъ вниманіе на Вѣрочку; ужъ пришедшая въ себя, счастливая, съ ярко разгорѣвшимися голубыми глазами, съ живымъ и свѣжимъ румянцемъ, залившимъ ей щеки, она была въ полномъ смыслѣ слова обворожительна. Въ волненіи она не замѣтила, какъ платокъ черный и уродливый, которымъ она завязывала себѣ голову, сползъ у нея и открылъ массу бѣлокурыхъ, бѣлѣе ея уже загорѣваго лица, волосъ.

— Да вы, барышня, и сами картина... Какъ звать-то васъ?

— Вѣра.

— А по батюшкѣ?

— Николаевна.

— Ну, Вѣра Николаевна, мы еще съ вами поведемся и другія картины ваши посмотримъ. Потолкуемъ обстоятельно, какъ слѣдуетъ. Человѣку, такому какъ вы, любезности нечего говорить, надо указать, чего ему недостаетъ...

— Развѣ ты остаешься здѣсь? радостно спросила Серафима.

— Да, я думаю даже поработать... Недѣли двѣ ассигную на это.

— Вотъ и отлично. Да гдѣ же ты помѣстишься?

— Я уже нашелъ себѣ комнатку, у монастыря у самага.

— У кого?

— А ужъ этого не знаю... Самъ не спросилъ, мнѣ не сказали... Ну теперь пойдемъ къ тебѣ, сестра. Намъ обо многомъ, многомъ надо еще перетолковать и вспомнить многое... Прощайте, красавицы-дѣвицы, не поминайте лихомъ...

И онъ, возбужденный, счастливый, вышелъ изъ монастырской уже безъ того выраженія усталости, которое сначала было замѣтно и въ лицѣ его, и въ голосѣ.

IX.

Счастливая, задыхавшаяся отъ радости, Вѣрочка бродила по монастырю.

Теперь, именно теперь, ей хотѣлось быть одною. Идти домой — тамъ начнутся разспросы бабушки; къ монахинямъ — онѣ тоже набросятся на нее, желая узнать что сказалъ ей Рядновъ, что она думаетъ дѣлать... Въ самомъ дѣлѣ, что она думаетъ дѣлать? Теперь самой ей являлась эта задача — и она тщетно ломала себѣ голову надъ нею. Прежде другіе занимались этимъ, другіе тревожились за нее и задумывались. Э!

да не все-ли равно, пока такъ хорошо живется, и день свѣтлѣе, и небо тепло и сине, и птицы поютъ такъ громко, и вся душа ея свѣтла, какъ день, и безоблачно лазурна какъ небо, и поетъ какъ эти птицы. Дѣйствительно, все въ ней пѣло. Теперь ей хотѣлось только одного, чтобы никто не пришелъ и не подсмотрѣлъ, что съ нею дѣлается. Смѣяться стануть! Потомъ, когда она освоится со всѣмъ, привыкнетъ къ этимъ радостнымъ ощущеніямъ, заберетъ себя въ руки, она сама пойдетъ на нихъ... Только не сейчасъ, не сейчасъ...

Самое лучшее уйти къ покойникамъ.

Тамъ тихо, зелено, прохладно. Тамъ только вѣтки колышутся надъ безмолвными могилами, ревниво защищая ихъ отъ солнечныхъ лучей, чтобы они не мѣшали спать, не будили мертвыхъ. И Вѣрочка засмѣялась. Прежде, когда она была маленькой, ей самой казалось это такъ. Она вѣрила, что покойники просыпаются и выходятъ изъ своихъ могилъ, что ихъ только не видятъ живые, а они ходятъ между ними, подсказываютъ имъ, Богъ вѣсть съ какой стати, ни съ того, ни съ сего, разныя мысли, слова, зовутъ васъ громко по имени когда вы бѣжите одинъ или одна по аллеѣ, а оглянетесь—никого, только что-то словно смѣется въ воздухѣ, да холодная дрожь бѣжить по остывающему тѣлу. Птицы—тѣ ихъ видятъ, оттого-то такъ громко и радостно онѣ поютъ надъ могилами. Особенно щеглы такъ и выкрикиваютъ свои: „здравствуй, здравствуй, здравствуй!“

И Вѣрочка пошла, какъ шутя говаривала она, въ гости къ злымъ бабушкамъ, ставшимъ потомъ такими добрыми.

Вотъ куны вязовъ. Какъ важно и медлительно колышутся ихъ зеленыя вершины. Тихо-тихо качаются опущенныя вѣтви, точно онѣ концами своими ласкаютъ кого-то, притаившагося въ травѣ, точно заигрываютъ съ кѣмъ-то, кто ловитъ ихъ оттуда невидимыми руками. Дерновая скамья надъ безымянною плитою бабушки Секлетей. Сѣла Вѣрочка и смотреть—въ ней самой расцвѣли что-ли, цвѣты эти, распустились пышно и жадно дыша теплымъ воздухомъ эти почки... Вонъ голубые глазки какіе-то словно мигаютъ ей изъ травы лукаво и наивно... „Насъ не видать,“ точно говорятъ они, „а мы всѣхъ видимъ—и тебя тоже, и знаемъ, что ты теперь счастлива и радостна, какъ счастливы и радостны мы.“ Вонъ розовыя губы шиповника раскрылись безстыдно и жадно пьютъ прохладу, словно задыхался ею. Темно-красныя гвоздики курятъ благоуханія, словно кадила разсыпанныя въ травѣ... Роятся надъ ними съ соннымъ звономъ своимъ золотыя пчелы, заползаютъ во влажныя чашечки цвѣтовъ, со дна самого пьютъ капельки проступившаго на немъ меда и, тяжело подымаясь, летятъ на дальніе ульи, къ пчельницѣ Аграфенѣ, что весь монастырь въ постные дни снабжаетъ такимъ вкуснымъ и какъ слеза чистымъ медомъ... Желтый курслѣпъ нахально подымается уже—ишь траву перерастаетъ, гордый цвѣтокъ. Чудится ему что онъ удержалъ на лепесткахъ своихъ золотой солнечный лучъ и бахвалится, и не совѣтается никогда съ какимъ-нибудь другимъ цвѣткомъ... А птицы-то, птицы! такъ и заливаются щеглы. Одинъ уцѣпился за конецъ слабенькой вѣтки и старается во всю, точно горошина перекатывается по его горлу, и маленькіе булавочные глазки такъ и радуются, такъ и дразнятъ Вѣрочку. Чижи разодрались въ липѣ, только слышны ихъ крики и безпокойные голоса. И впрямъ разодрались; желтый пухъ посыпался, должно быть досталось кому-нибудь. Меланхолически посвистываютъ дрозды.. И они прилетѣли... Прислушивается-прислушивается Вѣрочка къ ихъ гаммѣ и никакъ понять не можетъ, на что это они жалуются, на кого, на какую теперь обиду плачутся... Дрозды съ

дѣтства съ самаго были ея любимцами. Затаясь въ травѣ или въ кустахъ, забывалась она, глядя какъ они комками швыркаются въ траву, у самаго ея носа, точно камни, пущенные чьею-нибудь сильною рукою...

Хорошо!.. Такъ хорошо, что такъ бы и крикнула на весь этотъ благоухающій, поющій и согрѣтый солнцемъ міръ.

Она сказала, что у нея талантъ, большой талантъ... Она до того забылась, что самъ засѣлъ за ея картину. О, она сохранить ее до конца жизни! Она по глазамъ его видѣла, что онъ не лгалъ. Такъ не лгутъ. Ишь какъ загорѣлся самъ! И вѣдь никто ему не указывалъ на ея картину, самъ отыскалъ ее и остановился... Теперь ей и работать будетъ легче, теперь она знаетъ, чего можетъ ожидать отъ себя... О, она не сложитъ рукъ, не уподобится рабу лѣнивому, зарывшему ввѣренное ему богатство въ землю! Она приумножитъ его, чтобы всѣ ее любили и гордились ею, и настоящая ея бабушка, и тѣ другія, обительскія бабушки. И когда сдѣлается она знаменитою художницею, она пришлетъ имъ много-много своихъ картинъ, такъ много, что люди нарочно стануть ѣздить въ этотъ захолустный монастырь, чтобы только полюбоваться ими... Жизнь теперь передъ нею ложится безбрежнымъ, широкимъ просторомъ. Алѣющая заря встаетъ, въ ея сіяніи тонуть зловѣщія тучки, ни одной не видать... Неужели и всякій ожидающій ее день будетъ такъ же свѣтлѣе и безмятеженъ?.. Какое это радостное чувство—увѣренность въ самой себѣ! Ничто не можетъ сравниться съ нимъ, ничто! Вчера еще могли быть колебанія, разочарованія, а сегодня легко и хорошо... И какими счастливыми она сдѣлается ихъ всѣхъ, всѣхъ, кого привыкла любить съ дѣтства... Бѣдной больной старушкѣ Стенанидѣ-подворотницѣ, отдѣльную, свѣтлую, сухую и здоровую келью выстроить, большую печь прикажетъ ей вывести, чтобы ветхой денями бабушкѣ тепло и уютно тамъ было. Нарочно для нея напишетъ картину: темную арку воротъ, грозно стоящую подъ нею съ розгой въ рукахъ и добрымъ-добрымъ лицомъ Стенаниду, такимъ добрымъ, что чѣмъ строже она хмурится, тѣмъ добрѣе глаза ея свѣтятся, а вдали—не рѣшающуюся переступить черезъ этотъ порогъ потеряннаго рая, смущенную, раскраснѣвшуюся виноватую дѣвочку съ опущенными глазами и невѣдомо зачѣмъ перебирающую свое платье тоненькими пальчиками еще только складывающихся рукъ... И опять нарисуетъ и старицѣ Θεодосіи, помнящей „ея шкоды“, подаритъ картину, изображающую ея пріятельницу, злую бабушку Секлетей, когда она, захвативъ за ухо маленькую шалунью, написавшую углемъ на стѣнѣ что-то обидное ей, обернулась и кричитъ на всю обитель и изо всѣхъ келлій выбѣгаютъ встревоженныя простоволосыя монахини... Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо!.. Теперь довольно, не станетъ она писать ни змѣевъ крылатыхъ, ни чудовищъ огнедышащихъ, ни грѣшниковъ изъязвленныхъ, съ головками змѣй поселившихся въ ихъ тѣлѣ и съ надписью изъ пасти каждой змѣи, какой именно грѣхъ она представляетъ. Впрочемъ пѣтъ, еще одно исключеніе сдѣлаетъ она, такъ и быть, для матери Варлаамы. Самую страшную на ея вкусъ напишетъ ей картину, съ адомъ, съ исковерканными осужденными въ немъ—какъ закажетъ ей простодушная игуменья.

— Оставаться-ли мнѣ здѣсь?..

И она въ первый разъ равнодушными глазами оглядѣла обитель.

Точно что-то въ эти два-три часа сдѣлалось съ этими старыми стѣнами. Будто принизились онѣ и облупились еще болѣе, и колокольня словно въ землю вросла, и купола ихъ потускли... И самый соборъ отсюда сквозь деревья такимъ неуклюжимъ смотреть, и слышкомъ суровы угольники, написанные на его стѣнахъ...

Кровавая годовщина во Франціи Шарлотта Корде на пути къ гильотинѣ Рис де-ла Шарлери грав. Гейне.

Кровавая годовщина во Франціи. Топленіе вандейцевъ въ Луарѣ. Рис. де-ла-Шарлери, грав. Гейне.

У входа, у самых дверей въ соборъ спитъ монахиня на стулѣ... Мухи ее облѣпили всю... Сладко спитъ... И все кругомъ спитъ также... Да, теперь ее, еще вчера такую простую и наивную дѣвушку, мѣръ зоветъ и не удержиимо влечетъ къ себѣ. Широкой и загадочный какъ море, столько лѣтъ тщетно бившійся своими неугомонными волнами въ эти старыя стѣны... Туда, туда, скорѣе — на удачу! Пусть вѣтеръ надуваетъ паруса, пусть непогода несетъ ея ладью... Навстрѣчу зарѣ, ярко свѣтящей ей, навстрѣчу тѣмъ невиданнымъ берегамъ, о которыхъ до сихъ поръ только читала она, но никогда ихъ не видѣла даже во снѣ.

И вдругъ будто все перевернулось... Разомъ что-то оборвалось въ ея сердцѣ...

Надъ церковью Варвары великомученицы глухо ударили колоколь... Другой отвѣтилъ ему съ главной колокольни и два этихъ полныхъ, густыхъ и тягучихъ звука, переплетаясь и волнуя застоявшійся воздухъ, понеслись

въ высоту далеко-далеко... Вслѣдъ за ними мальчишески задорно, словно въ перебѣжку, зазвонили маленькіе колокола тоненькими и радостными голосами... Опять загудѣли большіе — и далеко-далеко ожило все спавшее, все замершее было въ полуденномъ зноѣ... Неужели тамъ, въ этомъ суетномъ морѣ „мира прелестнаго“, она не услышитъ больше этихъ колоколовъ, подъ звонъ которыхъ она росла здѣсь и радовалась, и печалилась, — колоколовъ, встрѣчавшихъ ея утро и провожавшихъ ея вечеръ?.. Какъ часто они отгоняли отъ нея дурныя мысли, какъ благоговѣйна и свята казалась тишина, смѣнявшая ихъ торжественную и важную мольбу!

И Вѣрочка ни съ того, ни съ сего разрыдалась, да такъ, что все еще цѣплявшійся за вѣточку вяза щегленокъ сорвался прочь и камешкомъ ударился въ чашу липы, гдѣ продолжали возиться неугомонные чижіи...

(Продолженіе будетъ).

Кто-же?

Газсказъ Петра Дорошенко.

(Продолженіе).

IV.

Предвѣшанія ея сбылись. На слѣдующее утро я проснулся совершенно бодрымъ, боли почти не ощущалось, и при другой обстановкѣ, я не преминулъ бы пуститься немедленно на поиски заколдованной Михайловки; но маіоръ такъ добродушно кипятился, выказывая всю безразсудность подобнаго поступка, Катерина Александровна такъ убѣдительно просила подарить имъ хоть одинъ денекъ, а въ довершеніе, Ольга Андреевна такъ задушевно глянула на меня, что, нечего грѣха таить, служебное рвеніе тутъ же охладѣло, и я, съ помощью услужливой софистики, пришелъ къ убѣжденію, что существенный интересъ не пострадаетъ отъ суточной проволоочки.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но неизгладимымъ рѣзцемъ запечатлѣлся въ моей памяти этотъ короткий день, проведенный въ простой радушной семьѣ, словно у тихой пристани. Какъ теперь вижу просторную комнату, съ денежными, свѣтлыми обоями, съ балкономъ, выдающимся на незатѣйливый и уже оголенный садъ. Она служила заразы и гостиницей, и столовой.

Въ углу, старомодный кожаный диванъ съ протертыми мѣстами, носившій слѣдъ многочисленныхъ странствованій, излюбленное мѣсто стараго маіора. Вблизи круглый столъ, покрытый бѣлою вязанною салфеткой, подвешенною одной изъ дѣвчонокъ-подростковъ въ торжественный день; на немъ въ порядкѣ лежала бѣлая кипа „Русскаго Инвалида“, единственной газеты, за которой маіоръ признавалъ право гражданства. Рядомъ помѣстительная корзинка съ рукодѣліемъ Ольги Андреевны, исполнявшей зачастую обязанность лектрисы, когда маіоръ утомлялся читать вслухъ приказы отдаваемые по русской арміи. На подоконникѣ красовались горшки съ пахучей геранью, а надъ ними висѣла клѣтка съ канарейкой, щебетаніе которой покрывало даже по временамъ дѣтскіе возгласы.

Кругомъ стѣнъ чино стояла разнокалиберная мебель, отнюдь не претендовавшая на изысканность современнаго комфорта, такъ какъ жесткія сидѣнья могли соперничать лишь съ деревянными неуклюжими спинками. Въ простѣночномъ зеркалѣ отражалась лубочная исполненія, но бьющая въ глаза рѣзкостью тоновъ, объемистая картина, изображающая какой-то эпизодъ Севастопольской обороны.

Въ глазахъ Андрея Васильевича она составляла достопримѣчательность его скромнаго дома, и онъ никогда не упускалъ случая торжественно подводить къ ней каждаго почитателя; тутъ-же слѣдовалъ разговоръ о продолжительномъ пребываніи въ одномъ изъ бастионовъ, о полученныхъ тамъ двухъ ранъ, и со вполне законнымъ чувствомъ гордости, обращалось вниманіе на тутъ-же висѣвшій подъ стекломъ дипломъ на георгиевскій крестъ.

Въ установленные часы, уже знакомая мнѣ Матрена, въ сопровожденіи молодой дѣвки въ яркомъ сарафанѣ, накрывали столъ, вносили дымящійся супъ или шипящій самоваръ, и вся семья собиралась вокругъ. Меня сажали на почетное мѣсто, и съ чисто русскимъ хлѣбосолюствомъ, всѣ попеременно старались отгадать мои вкусы или предупредить мои желанія.

Вглядываясь въ стройный обликъ Ольги, окруженной цѣлою группой бѣлокурыхъ и смуглыхъ дѣтей, которыхъ она степенно одѣляла толстыми ломтями ея нарѣзаннаго домашняго хлѣба, я невольно вспомнилъ о Гетевской Шарлоттѣ; но дол-

женъ сознаться, что прежняя охота подтрунивать надъ сентиментально-влюбчивымъ Вертеромъ пропала у меня.

Впервые встрѣченная въ жизни необычайная красота и чарующее изящество внушали мнѣ непреодолимое желаніе заглянуть хоть поверхностно въ ея духовный мѣръ.

Весь день прошелъ въ общихъ разговорахъ, въ обоюдныхъ разспросахъ, и лишь вечеромъ, когда Андрей Васильевичъ пошелъ совѣщаться со своимъ кучеромъ, какъ бы доставить меня въ его тарантасъ до пресловутой Михайловки, а Катерину Александровну вызвала Матрена для какого-то распорядка, я остался наединѣ съ молодой дѣвушкой.

— Я полагаю, Ольга Андреевна, началъ я въ видѣ предисловія, — что послѣ петербургской жизни, деревенское одиночество тяжело на васъ отзывается?

— И вы жестоко ошибаетесь, отвѣтила она съ обворожительной улыбкой, не вмѣщавшей однако и тѣни кокетства. — Тамъ я была пересажена на чуждую почву, здѣсь — я дома, у своихъ.

— Чувство вполне понятное. Однако-жь, въ ваши годы чувствуется потребность въ обществѣ, въ развлеченияхъ...

— Вы это изъ собственнаго опыта выводите? перебила она. — Нѣтъ, мнѣ они останутся долго, если не всегда, чуждыми. Послѣ юности, знавшей только одни лишения, для меня настала трудовая жизнь; но для женщины, для молодой дѣвушки въ особенности, это статья иная.

— Нѣтъ, отчего же, по мнѣ довольно быть просто полезною всѣмъ окружающимъ насколько силъ хватитъ.

Она произнесла это безъ всякой рисовки, такъ естественно, какъ уже сложившееся въ ней непоколебимое убѣжденіе.

— И въ итогѣ будетъ одно лишь постоянное самоотверженіе?

— Ну, громкія слова подъ стать великимъ дѣяніямъ, а малому кораблю мелкое плаваніе. На то и многочисленныя семьи чтобы хлопотъ и занятій на всякаго взрослога хватало. Отецъ и мать всѣ старанія приложили, зачастую подвергались лишеніямъ, чтобы дать мнѣ образованіе; теперь настала моя чередъ благодарить ихъ, помогая развитію подрастающихъ братьевъ и сестеръ.

— Неужели этотъ мелкій, тяжелый кругъ педагогической дѣятельности можетъ удовлетворить васъ при вашей юности?

И у меня чуть было не сорвалось: „и красотѣ“.

— Да я педагогикой со всѣми ея теоріями и возрѣвными во все и не задаюсь, отвѣтила она съ очаровательною улыбкой. — Чтò впрочемъ не мѣшаетъ мнѣ — вѣрѣте или нѣтъ, это ваша воля — справляться съ дѣломъ не хуже многихъ патентованныхъ воспитательницъ. Какъ вамъ это нагляднѣе истолковать? Онѣ добросовѣстно, методичнѣе чѣмъ я, могутъ стать, относятся къ задачѣ; запасъ знаній навѣрно гораздо обширнѣе будетъ, а перевѣсъ все-таки въ концѣ концовъ останется за мной. Я всю душу полагаю въ преподаваніе своимъ дорогимъ близкимъ, изопрямъ выясняю смутное не книжными примѣрами, а упрощенными мыслями, сочувствую имъ во всѣхъ встрѣчаемыхъ трудностяхъ, а какъ искренно радуюсь малѣйшему успѣху! Это-то и устанавливаетъ между ними и мною ту духовную, свѣтлую связь, поддерживающую въ нихъ постоянно бодрость духа и удаляющую отъ свободнаго взятаго труда всю горечь и сухость, на которую такъ часто пеняютъ. Жаль что вы ужъ завтра насъ покидаете, закончила она, — я заставила бы васъ присутствовать при моемъ классѣ, и вы сами бы увидѣли что въ моихъ сло-

вахъ нѣтъ ни тѣни хвастливости, а лишь убѣжденіе почерпнутое изъ опыта.

— Я и безъ всякаго экзамена готовъ вамъ повѣрить на слово и преклониться передъ вашимъ методомъ, но изложеніемъ его вы избѣгли прямого отвѣта на мой вопросъ. А меня всецѣло занимаетъ мысль, какъ можно мириться съ жизнью однообразною, сѣрою какъ это широко раскинувшееся надъ нами небо, когда извѣдалъ за предѣломъ этого узкаго горизонта оживленіе, интересы, стремленія, постоянный водоворотъ столицы?

— Жаль и тутъ мнѣ нельзя не сказать: поживите — присмотритесь. Вотъ скоро годъ что я вернулась къ своимъ, и этотъ годъ промчался такъ быстро, что мнѣ иногда кажется будто всего двѣ-три недѣли какъ я каталась съ тетей по Невскому, или слушала, замирая отъ восторга — вы видите я этого не скрываю — Патти въ какой-нибудь модной оперѣ. Тамъ меня ласкали, баловали, старались развлекать и веселить, а часто, не смотря на всѣ заботы тети, мнѣ было душно, скучно, сердце рвалось сюда! Вы упомянули про интересы, оживленіе; пожалуй такъ, но сколько пустоты скрывается за ними! Каждый стремится безъ оглядки къ своей цѣли, выбивается изъ силъ для какого-нибудь мѣста, креста, чина, почести, а какъ выкинешь хорошенько, — какіе это все пустяки! Я такъ же какъ и всѣ, жила тамъ для себя, и этого сознания было достаточно чтобы мысленно краснѣть, сравнивая это бесполезно потерянное время съ трудными днями матушки. Съ возвращеніемъ въ этотъ забытый уголокъ, мой личный горизонтъ расширился, а душевный недугъ какъ рукой сняло. Теперь я уже приглядывалась къ домашнему хозяйству; мама можетъ по утру лишній часъ поспать, въ увѣренности что ничего отъ этого не пострадаетъ. Съ Божіею помощью нашъ Сережа выдержалъ вступительный экзаменъ однимъ изъ первыхъ. У отца зрѣніе стало слабѣть, въ особенности при свѣтѣ, слезы навертываются, словно туманъ застилаетъ глаза; каково ему было длинные, зимніе вечера одному коротать? Мама за день такъ устанетъ, что лишь только уложитъ дѣтей, ее неодолимо клонитъ ко сну; за то теперь, какъ все въ домѣ стихнетъ, я вступаю въ должность лектрисы. Чтеніе, по правдѣ сказать, довольно одностороннее бываетъ; главное чтобы про походы, сраженія и непремѣнно подвиги русской армии. Мы всего Михайловскаго-Давыдовскаго по этой части изучили. Переходъ Суворова черезъ Альпы изъ книги Милютина я хоть сейчасъ наизусть скажу, а вотъ „Войну и миръ“ Толстаго такъ мнѣ пришлось одной дочитать. Взглядъ автора на ходъ военныхъ дѣйствій раздражалъ батюшку, а какъ мы дошли до пассивной, или вѣрнѣе, случайной роли всѣхъ вождей въ бранномъ дѣлѣ, такъ онъ просто вышелъ изъ себя, вырвалъ у меня книгу изъ рукъ, да приказалъ чтобы она никогда ему на глаза не попадалась. Не мало труда мнѣ стоило успокоить его.

— И вы не дремлете за этимъ чтеніемъ? Честь и слава вамъ! По моему за одно это времяпровожденіе васъ можно было бы причесть къ сонму прославленныхъ героевъ.

— Не смѣйтесь, тихимъ, задушевымъ голосомъ возразила она мнѣ. — Не можетъ быть чтобы у васъ въ жизни не было сильной привязанности — къ отцу, матери, сестрѣ, чтобы вы не испытали хоть разъ какъ хорошо на душѣ, когда вамъ удалось успокоить, утѣшить, обрадовать ихъ! Скажите, какое личное, даже возвышенное удовольствіе можетъ сравниться съ этимъ сознаніемъ. Если жъ, силой обстоятельствъ, оно осталось вамъ чуждо, мнѣ остается лишь одно — пожалѣть о васъ.

— Вы рѣдкая, чудная дѣвушка! неволью вырвалось у меня, и съ чувствомъ пылкаго восторга я схватилъ ея руку и крѣпко пожалъ ее.

Легкая краска пробѣжала по ея задумчивому челу. Она удивленно взглянула на меня, и такъ же просто отвѣтила:

— Въ чемъ же рѣдкость? Вамъ должно-быть не приходилось затрогивать эту тему съ другими женщинами, говорить съ ними откровенно по душѣ, если это васъ такъ поражаетъ! А ужъ въ заслугу себѣ я и не поминила этого ставить. Счастье слагается по понятіямъ каждаго человѣка и слѣдовательно непременно своеобразно. Чтѣ кажется мнѣ верховъ блаженства — вызвало бы можетъ-быть улыбку состраданія на лицѣ свѣтской женщины. Да къ чему далеко искать, развѣ вы сами не начали съ того что чистосердечно меня пожалѣли, полагая что я въ этой глухой деревушкѣ томлюсь какъ вольная птица въ клѣткѣ? А я надѣюсь, что я достаточно убѣдила васъ какъ мнѣ дорогъ мой маленькій мірокъ, какъ онъ отвѣчаетъ всѣмъ моимъ потребностямъ...

— Ольга Андреевна, разрѣшите-ли вы мнѣ поставить еще одинъ вопросъ?

— Важнѣ или нескромнѣ предъидущихъ, должно быть, если требуется особое предисловіе? Отчего же нѣтъ.

— Вы только что упомянули про счастье свойственное каждому человѣку отдѣльно. Я съ вами согласенъ, и оттого-то мнѣ дорого было бы знать, какъ именно вы понимаете его, приподнять хоть край завѣсы вашихъ завѣтныхъ думъ.

— А ну какъ вы прежде всего узнаете, что я считаю любопытство далеко не исключительно женскимъ порокомъ?

И слегка приподнятая верхняя губка придавала ей не то насмѣшливое, не то лукавое выраженіе.

— Вы не дипломатъ и не свѣтская дама, какъ, по крайней мѣрѣ, тотчасъ утверждали, чтобы прибѣгать къ уловкамъ; а я настойчивъ. Повторяю: чего вы ждете отъ жизни?

— Ничего не жду, еще меньше требую, а живу — и счастливо, отвѣтила она твердо и ясно.

На минуту, словно навѣянная дума заволокла ея оживленное выраженіе. Я молча любовался ею. Огонекъ вспыхнулъ снова въ ея глубокомъ взорѣ, когда она продолжала:

— Вы не подумайте, что кромѣ ежедневной, трудовой жизни, я никакихъ радостей не знаю... Вотъ, наприимѣръ, лѣтомъ, когда старшіе найдутъ что мнѣ отдохнуть надо или просто такой стихъ на меня найдеть, возьму я книгу, только не эпопею на этотъ разъ, и пойду въ рощу, тутъ недалеко, съ версту будетъ... Тамъ у меня излюбленное мѣсто есть. Дѣти его Ольгинымъ царствомъ прозвали. Высокій столѣтній дубъ съ широко раскинутыми вѣтвями, надъ холоднымъ, прозрачнымъ ручейкомъ. Въ самые знойные дни тамъ тѣнь и особая, убаюкивающая тишина. Сначала я примусь внимательно читать, а мало-помалу, сама не берусь объяснить какъ, въ головѣ у меня, точно собственная книга слагается, и всѣ вопросы которые меня или тревожили или смущали, вдругъ снова встаютъ, и для всѣхъ у меня мгновенно является разгадка, такая полная, простая. И мнѣ такъ легко становится на душѣ. Я такъ ясно чувствую, что все зло на землѣ происходитъ отъ недоразумѣній. Еслибы каждый человекъ могъ бы взойти въ себя, глазъ-на-глазъ съ природой, онъ уразумѣлъ бы цѣль жизни, устыдился бы своихъ дурныхъ помысловъ, отрекся бы отъ зависти, вражды и гнѣва и сердце его преисполнилось бы одной любовью ко всему и ко всѣмъ... Я по цѣлымъ часамъ способна лежать тамъ, на мягкой, душистой травѣ, съ яркими просвѣтами голубаго неба межъ тихо шелестящихъ листьевъ, прислушиваясь къ веселому треску кузнечиковъ, къ пѣнію птицъ, перекидывающихся своими трелями, пока наконецъ сгрустнутъ обо мнѣ дома и придутъ звать меня къ ужину. И я всякій разъ съ новыми силами, точно возродившись, возвращаюсь домой, къ жизненной прозѣ.

Она вдругъ остановилась, пылливо взглянула на меня, и какъ будто отвѣчая собственной мысли:

— Да, я не ошиблась.

— Въ чемъ? въ свою очередь удивленно спросилъ я.

— Да просто въ томъ, что я такъ откровенно принялась выкладывать свою душу передъ вами. Вообще я привыкла таить въ себѣ свои вѣчатлѣнія. Поддѣлиться не съ кѣмъ... Мамѣ недосугъ; помню, я какъ-то разъ попробовала — она только махнула рукой, прибавивъ, что и въ молодости-то она до фантазерства не охотницей была. Съ отцомъ мы душа въ душу живемъ. Я, можетъ статься, не напрасно его любимицей слышу въ семьѣ, но не съ его характеромъ владѣться въ отвѣченности. Дѣти еще малы. Вы же мнѣ человекъ совершенно чужой, случай занесъ васъ къ намъ, завтра мы разстанемся, чтобы, вѣроятно, никогда болѣе не встрѣтиться; а съ вашихъ первыхъ словъ я почувствовала, что между нами характерами есть что-то общее, и что, во всякомъ случаѣ, вы не способны трунить надо мной.

— Для этого надо быть совсѣмъ дурнымъ или погибшимъ человекомъ, возразилъ я съ жаромъ; — съ моей стороны было-бы дерзкимъ самомнѣніемъ полагать, что я на самомъ дѣлѣ заслуживаю вашъ лестный отзывъ, но вы не ошиблись въ томъ, что я способенъ оцѣнить то, чтѣ мнѣ довелось услышать.

— То-то! шутиливо погрозились она. — Иначе васъ слѣдовало бы въ наказаніе продержатъ еще цѣлыя сутки у насъ въ плѣну.

— И какъ бы я благословилъ свою судьбу! неволью вздохнулъ я.

— Такъ за чѣмъ-же дѣло стало?

— А слѣдствіе? Полагаю, что меня въ Михайловкѣ ждутъ не дождутся. Несчастнаго Мурашкина третьи сутки не хоронятъ.

— Да, вы правы, мѣшкать грѣшно. И какъ это у людей руки поднимаются на подобныя дѣла! съ глубокимъ вздохомъ замѣтила она.

— Онъ слылъ за богача по всему околотку. Цѣль бросается въ глаза. Деньгами рассчитывали поживиться.

— Деньги! все деньги!.. И въ нашемъ мирномъ уголкѣ рѣдкія бури ими только и нагоняются. Придетъ письмо отъ Коли, старшаго брата... Ну, конечно, онъ молодецъ, жизнь въ Твери дороже, чѣмъ въ какомъ-нибудь уездномъ городѣ... Наконецъ, товарищи, веселыи ирушки, искушенія на каждомъ шагу... Назначеннаго, по правдѣ сказать, скуднаго содержанія далеко не хватаетъ. Вотъ и разразится гроза. Отецъ топаетъ, бранится, достается всей молодежи огуломъ, клятнется, что болѣе не станетъ потакать дурнымъ наклонностямъ; мама плачетъ, убивается, иногда даже въ постель сляжетъ; дѣти притихнутъ, а я лавирую между ними, стараюсь примирить враждующія стороны.

— Въ концѣ-концовъ слабый полъ торжествуетъ и субсидія все-таки высылаются, вставилъ я.

— Не даромъ же прикажете мнѣ тактику изучать; а вотъ,

Кровавая годовщина во Франци. Шарлотта Корде. Рис. Рацберъ, грав. Паннемареръ.

Кровавая годовщина во Франци. Г-жа Роланъ. Рис. Раиберъ, грав. Паннемакеръ.

прибавила она со вздохомъ,—ни въ какой книгѣ не найдете средства разбогатѣть.

— Вотъ и довелось мнѣ, Ольга Андреевна, изловить васъ на противорѣчїи!

— Гдѣ же вы взяли противорѣчїе? Развѣ мнѣ лично деньги нужны? — искра неподдѣльнаго негодованїа блеснула въ ея взорѣ.—Домъ свой есть, одѣта, сыта, книгъ достаточно! Неужели я отважилась бы грѣшить противъ Бога, прося бѣдшаго? Хотите знать, на что они мнѣ нужны, эти мнѣшескія богатства? Такъ слушайте-же!—И пригибая свои тонкіе пальцы къ ладони, она стала высчитывать:—старика бы нашего я тотчасъ бы свезла на воды на Кавказъ. Какъ ненастье настанетъ, ревматизмы его такъ разойдутся, что до окочевѣлости членовъ доводить. Маму не допускала бы горевать очень часто, когда приходится счета сводить. Колю-бы содержала такъ... ну, какъ у нихъ тамъ принято. Всѣмъ дѣтямъ полную обмундировку. Съ годами всѣхъ братьевъ на ноги бы поставила, сестеръ замужъ бы выдала, каждой бы приданое дала, и...

— И что? вставилъ я, любуясь ея оживленїемъ.

— Ахъ, да, позабыла... Вдовѣ пономаря неуремѣнно бы козову купила, взаимѣ ея рижей, что третьяго дня пала.

— А что-же сами? полюбобытствовали вы.

— Что сама? Не нарадовалась бы глядя на нихъ и зажила-бы себѣ припѣваючи.

— То-есть, нашли бы себѣ хорошаго мужа, хоть немного къ вамъ подходящаго, и полюбили-бы его всею душой?

И высказывая это предположенїе, я почувствовалъ что меня словно въ сердце кольнуло.

— Ну, *то-есть*-то ужъ здѣсь не у мѣста. Признаться откровенно, я никогда не задавалась мыслию о замужествѣ. Поглядите сами, развѣ мнѣ мало чѣмъ наполнить сердце?

И она сїяющимъ нѣжнымъ взоромъ обвела группу свѣжихъ, веселыхъ дѣтей, шумно вломившихся въ двери.

— Оля! Оля! Что-же ужинъ? Мы всѣ проголодались! вопилъ бойкій мальчикъ, влѣзая ей на колѣни.

— Оленька! голубушка! приди, растолкуй мнѣ, полушенокотомъ молила сестра-подростокъ, — какъ я ни трудилась, а не могу одна одолѣть эту противную задачу.

— Выручай, душечка Оля, живѣе! приставала, въ свою очередь, десятилѣтняя вострушка.—Я, ей Богу, не виновата. Надо же было этому глупому гвоздю разодрать мое платье. Гляди, дыра какая! Если мама замѣтитъ—быть грозѣ. А игру эту придумалъ все онъ!

И она толкнула въ спину младшаго брата, уставившаго въ полъ свои пристыженные глаза.

— Хорошо, хорошо, сейчасъ разберу, успокаивала она ихъ, — пойдите вмѣстѣ. А заболталась я таки съ вами! Хотя сознаетесь-ли теперь, что жизнь моя достаточно полна, и что всякое сожалѣніе обо мнѣ было-бы совершенно излишнимъ?

Я подавилъ тяжелый вздохъ и молча кивнулъ головой.

(Продолженіе будетъ).

Кровавая годовщина во Франціи (1789—1889).

(Рис. на стр. 557, 560, 561, 564 и 568).

Французскіе республиканцы, въ связи съ текущею парижскою выставкой, празднуютъ столѣтнюю годовщину событїа, которое нѣкогда, сравнительно еще недавно, считалось международною, всемірною эрой, въ родѣ паденїа Западной Римской имперїи, бѣгства Магомета, Крестовыхъ походовъ, открытїа Америки и т. п. Стоя у подножїа баши—нельзя вѣрно опредѣлить ея высоту, которая кажется громадною; нужно было почти цѣлое столѣтїе для того чтобы отодвинуться отъ этого событїа на приличное разстоянїе, окинуть его безпристрастнымъ взглядомъ со всѣхъ сторонъ и опредѣлить его точные размѣры.

Кто на своемъ вѣку не читалъ громкихъ фразъ о „великой французской революціи“, о пресловутыхъ „принципахъ 1789 года“, о „правахъ человѣка“, о дѣятеляхъ „конвента“ и „комитета общественного спасенїа“, этихъ якобы благодѣтелей человѣчества, обновившихъ мїръ крещенїемъ въ морѣ пролитой ими крови? Фразами этими недавно еще переполнены были чуть не всѣ книги, до учебниковъ исторїи включительно. Нужны были десятки лѣтъ кропотливаго труда и критики, изслѣдованїа документовъ, мемуаровъ и др. памятниковъ, словомъ всесторонняго изученїа эпохи для того чтобы люди и событїа первой революціи предстали нашимъ глазамъ въ истинномъ ихъ видѣ и свѣтѣ; нужны были колоссальные труды Карлейля, Зибеля, Тэна и др., для того чтобы сорвать съ этихъ событїй призрачный ореолъ, разобраться въ путаницѣ полу-искреннихъ увлеченїй, пустозвонныхъ фразъ и всевозможной фальши, которыми сознательно или безсознательно окутывали ихъ историки и публицисты первой половины нашего вѣка, словно мумїю въ безконечные свѣтки исписанные словесными иероглифами. Такъ-называемая „великая французская революція“ была именно священнымъ прахомъ, обитымъ безконечными свѣтками панегириковъ: этихъ бинтовъ, послѣдовательно накрученныхъ одинъ на другой, оказалось такое множество, что мумїа приняла колоссальные размѣры титана, невольно вселяя къ себѣ суевѣрное благоговѣнїе—и долгое время считалось чуть не святотатствомъ прикоснуться къ ней скальпелемъ критики. Была пора когда писать противъ революціи—значило навлечь на себя обвиненїе въ мракобѣсїи и всеобщее гоненїе, полный ostracisme, лишенїе воды и огня. Но вотъ, благодаря трудамъ помнунтыхъ и многихъ другихъ ученыхъ, ссохшіеся бинты подрѣзаны и размотаны одинъ за другимъ—мумїа обнажилась предъ нами въ настоящїй ростъ и во всей своей неприглядной наготѣ.

Что же такое „великая“ французская революція?

Само собою разумѣется, что въ короткой журнальной статейкѣ нѣтъ возможности дать хотя бы краткїй очеркъ этого многосложнаго событїа, одно изложенїе коего занимаетъ нѣсколько томовъ; можно лишь намѣтить разницу между прежними поверхностными взглядами на нее и современными провѣренными научной критикой.

„Революція—была возстанїемъ всего народа противъ угнетавшаго его меньшинства аристократїи“—вотъ избитая, устарѣлая фраза, которою такъ долго злоупотребляли.

„Революція была насилїемъ ничтожнаго меньшинства ея вожаковъ надъ громаднымъ большинствомъ людей благонамѣренныхъ, насилїемъ совершеннымъ при помощи *черни* (не крестьянъ, которые напр. въ Вандѣ открыто стояли и сражались за короля, и не рабочаго престоляродья, которое въ Лионѣ и Тулонѣ боролось противъ республиканскихъ демагоговъ, пока не было заугнано неслыханными ужасами,—а именно черни, т. е. подонковъ городского населенїа, которые не способны быть гражд-

данами никакого общества и только терпятъ въ немъ, такъ какъ нельзя же ихъ истребить)“.

Вотъ что говоритъ безпристрастный приговоръ новѣйшихъ историковъ.

Какимъ образомъ могло это ничтожное меньшинство воспротивовѣствовать надъ огромнымъ большинствомъ?

Общюе (всегдашнее) причиною было постоянно упускаемое изъ вида обстоятельство, что огромное большинство людей благонамѣренныхъ—пассивно по самой своей природѣ; оно никогда не имѣетъ взаимной тѣсной связи, оно поглощено безконечно-разнообразными интересами текущей въ извѣстномъ порядкѣ государственной и общественной жизни, а потому всегда разрознено; заговорщики же, связанные единствомъ цѣли (состоящей въ разрушенїи этого порядка), всегда образуютъ тѣсно-слоченную шайку, члены коей находятся въ постоянномъ общенїи и крѣпко стоятъ другъ за друга, такъ какъ это единственный ихъ шансъ на успѣхъ. Поэтому въ моментъ переворота, благонамѣренные люди застигаются имъ врасплохъ, начинаютъ всматриваться въ него, каждый толкуетъ его себѣ сообразно со своимъ образомъ мыслей, добросовѣстность заставляетъ ихъ колебаться относительно необходимости мѣръ и часто вступать въ академическіе споры другъ съ другомъ,— между тѣмъ какъ у заговорщиковъ, людей которымъ нечего терять и нечѣмъ стѣсниться, все давно порѣшено и они дружно идутъ къ цѣли, нагло и безсовестно попирая всѣ права своихъ противниковъ. Таково именно и было отношенїе благонамѣреннаго большинства во французскомъ обществѣ времянъ революціи: оно держало себя съ изумительною пассивностью, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, пока его не застрашали терроромъ.

Второю причиною, частною въ данномъ событїи, было исключительно несчастливое стеченїе многихъ обстоятельствъ. Главнѣйшія изъ нихъ — слабость короля, дѣлавшаго уступки за уступками революціонному движенїю, вмѣсто того чтобы энергичски подавить его въ самомъ началѣ, и неспособность его правительства, которое не умѣло принять мѣръ къ дѣйствительному успокоенїю недовольства въ странѣ, разоренной войнами Людовика XIV и безумными тратами двора Людовика XV. Отсюда возможность такихъ явленїй, какъ напр. разграбленїе чернью Парижскаго арсенала и затѣмъ пресловутое взятїе Бастиліи, такъ недавно еще изображаемое въ видѣ геройской битвы, тогда какъ въ сущности это было варварское избиенїе нѣсколькихъ инвалидовъ многотысячною толпою науськанной черни, которую можно было разогнать нѣсколькими зарядами картечи.

Третьею причиною была шатость понятїй въ самой благонамѣренной части общества и духъ поверхностнаго и легкомысленнаго отрицанїа, поспѣянный предшествовавшею литературою XVIII вѣка и въ особенности такъ-называемыми „энциклопедистами“, творенїа которыхъ въ наше время серїозный человѣкъ не можетъ читать безъ улыбки. Что касается черни, то съ нею вожаки революціи совѣтъ уже не церемонились, разсѣивая въ ней возмутительныя клеветы на иезуитку-королеву Марїю-Антуанету и возбуждалъ ненависть противъ лучшаго изъ королей.

Кто же были эти вожаки революціи и во имя чего они вели свою безсовѣстную пропаганду? Имѣютъ ли они хоть жалкое иезуитское оправданїе, что цѣль оправдываетъ средства?

Увы! исторїя безощадно низвела этихъ людей съ искус-

стеннаго пьедестала, поставила их на надлежащія мѣста и разоблачила ихъ мотивы. Не имѣя возможности привести характеристику хотя-бы наиболее выдающихся дѣятелей революціи, которыхъ десятки, возьмемъ по крайней мѣрѣ двухъ наиболее прославленныхъ вожаковъ ея: Робеспьера и Марата (портр. на стр. 564).

Максимиліанъ Робеспьеръ, родившійся въ 1758 году, адвокатъ изъ Арраса, человекъ весьма ограниченнаго ума, тупой и близорукой доктринеръ, и какъ это всегда бываетъ у такихъ людей, непоколебимо увѣренный въ непогрѣшимости своихъ утопическихъ воззрѣній, тѣмъ самымъ и занявъ первое мѣсто въ рядахъ революціи. Мирабо, называвшій его за невзрачную фигуру и хриплый голосъ „кошкой хлебнувшюю укусу“, прибавлялъ однако, что Робеспьеръ „вѣрить всему что говорить и ни передъ чѣмъ не остановится“. Онъ и не останавливался, загнѣвъ ни больше, ни меньше какъ истребить всѣхъ несогласныхъ съ его образомъ мыслей. А образъ его мыслей состоялъ въ томъ, что всякій человекъ выдающійся чѣмъ либо изъ толпы, происхожденіемъ, богатствомъ, умомъ, талантомъ, есть аристократъ и долженъ быть стертъ съ лица земли. Величайшій мастеръ на клевету и лицемѣріе, онъ изводилъ своихъ соперниковъ прикрываясь возвышенными цѣлями; уже во время сентябрьскихъ убійствъ, онъ прежде всего позаботился о томъ, чтобы всѣ его личные враги были перебиты. Подозрительный до крайности, онъ былъ настоящимъ творцемъ террора и довелъ его до того, что для осужденія обвиняемыхъ не требовалось уже никакихъ свидѣтельствъ и уликъ—достаточно было „одной патристической совѣсти присяжныхъ“ набираемыхъ съ улицы изъ той-же черни. И кровь лилась, запружая всю Францію своими потоками, гильотины не доставало уже для исполненія всѣхъ казней, пришлось прибѣгнуть къ огульнымъ разстрѣливаніямъ и топленіямъ въ рѣкѣ... Богъ знаетъ чѣмъ-бы это кончилось, еслибъ самъ извергъ не былъ казненъ въ свою очередь.

Марать, родившійся въ 1744 г., въ юности учился medicinѣ, затѣмъ, скитаясь по Европѣ, добывалъ себѣ средства къ жизни писательствомъ и преподаваніемъ французскаго языка. Наконецъ, незадолго до революціи, ему удалось получить мѣсто врача при лейбъ-гвардіи брата короля, герцога Артуа. Въ самомъ началѣ революціи онъ выступилъ крайнимъ демагогомъ. Лишенный всякаго мужества, до такой степени, что прятался въ погребахъ клуба корделеровъ во время опасностей, исполненный вѣншией и внутренней грубости и пошлости, безнравственный сластолюбивый вѣтхій вѣтхій чувственную жизнь на дурно пріобрѣтенныя деньги, онъ славился необузданностью своихъ рѣчей и умѣньемъ науськивать ими толпу на убійства и насилия; его доносы сдѣлали его пугаломъ всѣхъ партій. Онъ былъ главнымъ подстрекателемъ сентябрьскихъ убійствъ, во время которыхъ были варварски умерщвлены заключенные въ тюрьмахъ. Во время процесса Людовика XVI, онъ въ своемъ листѣ требовалъ избиенія 200,000 приверженцевъ стараго порядка и сокращенія конвента до одной четверти. Робеспьеръ не успѣлъ казнить его только потому, что былъ предупрежденъ Шарлоттою Корде. Эта мужественная дѣвушка (портр. на стр. 560), считая Марата главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій страны, явилась къ нему якобы съ просьбой и заколола этого изверга, который принималъ ее сидя въ ваннѣ.

За этими двумя главными дѣятелями революціи слѣдуетъ цѣлая фаланга восторженныхъ, также разоблаченныхъ исторіей. Одни изъ нихъ оказались безумно-дерзкими мечтателями или тупыми доктринерами, не знавшими ни своего народа, ни его потребностей, ни способа управленія имъ,—и это еще „лучше“ изъ всѣхъ, каковы, напр.: Сенъ-Жюстъ, Камилль-Демуленъ и нѣсколько др.; Мирабо, Дантонъ и множество другихъ заклѣплены уже неотразимымъ обвиненіемъ въ продажности и своекорыстности; затѣмъ идутъ подлые трусы въ родѣ Эбера, издававшій грязный уличныя листокъ Pèrre-Duchesne, изверги-палачи въ родѣ Карье, топившаго въ Луарѣ сотнями осужденныхъ, связанныхъ попарно (рис. на стр. 557), предатели какъ Фукье-Тивилль и ему подобные... Вотъ представители этой стоголовой гидры, которые, отдѣлвшись отъ короля и провозгласивъ республику, тотчасъ набросились другъ на друга и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пожирали партію партію со всеми ея приверженцами въ населеніи, пока наконецъ „жизнь стала невозможна въ странѣ“ и явился новый Геркулесъ въ лицѣ Бонапарта, задушившаго эту гидру.

Припомните легенду о простацкѣ, который, подслушавъ заклинанія волшебника, вызывавшаго духовъ, подумалъ, что въ этомъ все и дѣло. Въ свою очередь вызвалъ онъ духовъ—и былъ растерзанъ ими, такъ какъ не зналъ заклинаній, которыми управляютъ ими.

Такъ и эти люди вызвали духъ революціи, не имѣя понятія объ управленіи стихійными силами даже въ мирное время, и началось взаимное и всеобщее истребленіе, которому не предвидѣлось конца, пока не явился волшебникъ знавшій „такое слово“ заклинанія.

Въ годину тяжкихъ бѣдствій разореной страны, когда единственнымъ средствомъ помочь ей были-бы дружныя усилія соединенныхъ силъ правительства къ подъему экономическаго бла-

госостоянія при строжайшемъ внутреннемъ порядкѣ,—эти люди не наши ничего лучше какъ разрушить до основанія какою-бы то ни было порядокъ, опрокинуть весь государственныя строй и не замѣнивъ его ничѣмъ кромѣ анархіи уличной черни. Тотчасъ по всей Франціи начались поджоги замковъ и помѣщичьихъ усадебъ, приостановка работъ, голодъ, паденіе ассигнацій новаго правительства до того, что пара сапогъ стоила нѣсколько сотъ франковъ, и поголовное бѣгство эмигрантовъ.

Прежніе историки обвиняли именно эмиграцію во всѣхъ бѣдствіяхъ террора, утверждая будто-бы страхъ вызваннаго эмигрантами сочувствія при дворахъ остальной Европы и опасенія коалиціи противъ Франціи, заставили вожаковъ революціи прибѣгнуть и къ казни короля со всѣмъ семействомъ, и ко всѣмъ ужасамъ террора. Исторія разоблачила и эту фальшь, неоспоримо доказавъ, какъ разъ наоборотъ, что ни при одномъ дворѣ не было расположенія вести серьезную войну противъ революціи и, напротивъ, террористы воспользовались походомъ ничтожной армии герцога Брауншвейгскаго какъ предлогомъ для начатія своихъ неистовствъ; разъ началъ ихъ, они уже не въ силахъ были сдержать разнузданной черни и началась повсемѣстная бойня.

Если мы кинемъ бѣглый взглядъ на тѣ революціонныя учрежденія которыми террористы надѣялись замѣнить прежній государственный строй—намъ представится зрѣлище достойное дома сумасшедшихъ: то праздникъ федерации, на которомъ шествуетъ балаганно-маскарадная процессія народовъ всего міра, явившаяся благодарить революцію за дарованную имъ свободу; то упраздненіе религіи и взамѣнъ установленіе культъ *богини-разума* (*déesse raison*), которую изображали уличныя дѣвки, носимыя въ торжественныхъ процессіяхъ по Парижу (рис. на стр. 568); то засѣданія національнаго собранія и конвента, въ которыхъ то и дѣло врывается толпа черни и рыночныхъ бабъ, несущихъ на пикахъ отрубленные головы и сбрасывающихъ эти головы на столъ предсѣдателя... Потерявшій голову партіи съ послѣднимъ алчностью звѣрей снѣшатъ истребить одна другую: жирондисты губятъ умѣренныхъ, Гора—жирондистовъ, члены конвента—другъ друга—до столбовъ революціи: Робеспьеръ—Дантона, Таллиенъ—Робеспьера, Баррасъ съ директоріей—остатки конвента, до тѣхъ поръ пока наконецъ страна задыхается въ морѣ крови и зловонія и кидается въ желѣзные объятія Наполеона.

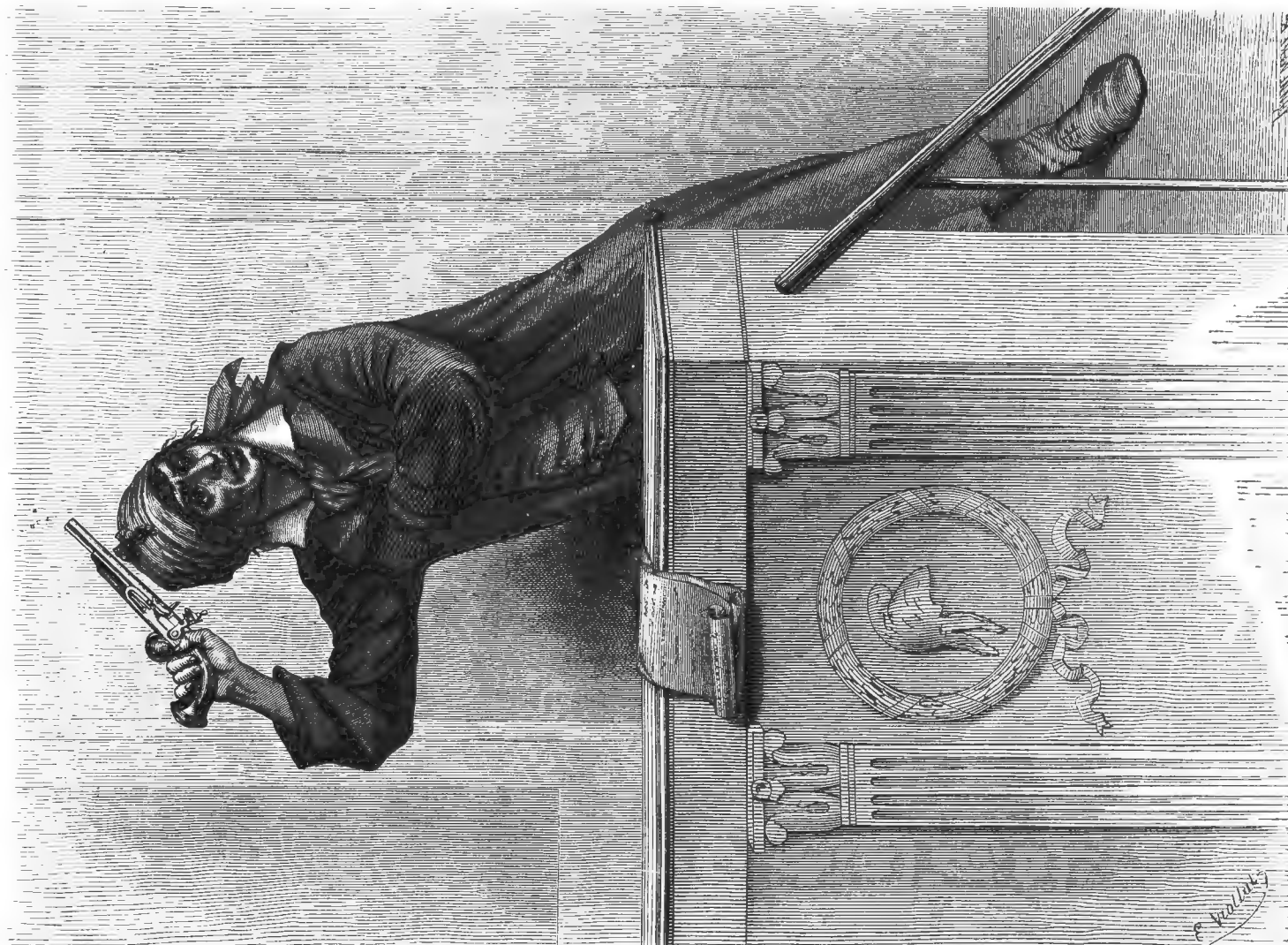
Особенное, исключительно „великой“ революціи свойственное звѣрство состояло въ томъ, что она не щадила и женщинъ, не только казня ихъ, но еще цинически издѣваясь надъ своими жертвами: во время топлений въ Луарѣ ихъ связывали попарно съ мужчинами, что называлось „республиканскою свадьбой“. Безсмертныя слова одной изъ казненныхъ, г-жи Роланъ (портр. на стр. 561), жены президента жирондистскаго министерства, можно бы поставить эпиграфомъ къ исторіи революціи. Спокойно всходя на эшафотъ, она обратилась къ статуѣ свободы и воскликнула: „О, свобода, какихъ только преступленій не совершаютъ во имя твое!“

Исторія поучительна не столько положительными сколько отрицательными сторонами занесенныхъ въ лѣтописи ея событій. Французская революція—есть залитая кровью вежа, поставленная въ назиданіе грядущему человѣчеству, для того чтобы оно знало куда не слѣдуетъ идти. Она—есть наглядное доказательство той непреложной истины, что нельзя насильственно ломать историческаго строя народной жизни въ угоду какому-бы то ни было доктринамъ (ученіямъ), нельзя по книгамъ перестраивать вѣками сложившуюся жизнь, хотя-бы эти книги были самою премудростью, а не только бреднями полуобразованныхъ энциклопедистовъ XVIII вѣка.

Прекрасно изложенъ общій взглядъ на французскую революцію въ слѣдующихъ строкахъ датскаго газеты *Dagens Nyheder*:

„Чѣмъ обязаны мы революціи? Великими идеями? Нѣтъ, ибо онѣ были извѣстны задолго до нея. Но мы обязаны ей распространеніемъ великихъ идей въ массѣ народа, которая лишена всякой возможности не только повѣть ихъ, но хотя бы установить между ними какую-бы то ни было связь; мы обязаны ей всѣми общественными волненіями и первозвонью нашего вѣка, стремленіемъ идти на пути развитія большими прыжками впередъ—и затѣмъ неизбежно отступать назадъ, тогда какъ вѣчный законъ самой природы постоянно ставитъ намъ на видъ спокойное и постепенное развитіе, въ которомъ каждый моментъ имѣетъ свое значеніе и гдѣ прежде всего требуется чтобы образованность предшествовала расширенію гражданскихъ правъ, а не наоборотъ; мы обязаны ей звонкими фразами и громкими словами, на приманку коихъ охотно идетъ толпа, недостаточно образованная для того чтобы понять всю пустоту ихъ; наконецъ ей же обязаны мы склонностью насильственно налагать руки на унаслѣдованныя воззрѣнія и на старинный бытъ, полагаясь на собственную мудрость и непогрѣшимость, что, нарушалъ историческую и правовую непрерывность, ведетъ поочередно отъ революціи къ реакціи и обратно и становится настоящимъ тормазомъ разумнаго и равновѣрнаго прогресса“.

Кровавая годовщина во Франці Марагъ Рис Виола, грав. Паннемакеръ.

Кровавая годовщина во Франці. Максимилианъ Робеспьеръ Рис. Виола, грав. Паннемакеръ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Багумъ.
Картина проф. Л. Ф. Лагеріо (право гравированія приобрѣтено „Нивой“), грав. Ращевскій
Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Убѣгающій скиевъ. (Рис. на стр. 549).

Прекрасная группа нашего извѣстнаго и талантливаго скульптора Л. В. Позена представляетъ собою не только художественное воплощеніе фантазіи въ живомъ и рельефномъ образѣ; эта группа, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и плодъ глубокаго изученія скиескихъ древностей нашего драгоценнаго Эрмитажнаго музея. Изъ этого музея заимствованы художникомъ всѣ бытовые подробности одежды, вооруженія самаго скиеа и сбруи его коня. Типъ лица самаго скиеа, точно такъ же, какъ и типъ его могучаго степнаго коня, цѣликомъ взяты съ изображеній скиевовъ на фризѣ знаменитой Никопольской скиеской вазы, отрытой въ Чертамлыцкомъ курганѣ. Чрезвычайно оригинальна и смѣла та поза, которая придана художникомъ всаднику-скиеу, пускающему свою ядовитую стрѣлу въ нагоняющаго его не-пріятеля. Конь, скачущій черезъ степные кусты, преспокоенъ: онъ скачетъ во весь опоръ и скиевъ-наѣздникъ сидитъ на немъ какъ пригвозженный къ сѣдлу, твердо вѣря своему коню, съ которымъ онъ сжился и свыкся съ дѣтства. Такъ скакать можетъ только настоящій степной конь; такъ усидѣть на немъ можетъ только степной наѣздникъ.

У знахарки. (Рис. на стр. 552).

Картина П. П. Шаховскаго представляетъ молодую болынюю, пришедшую къ знахаркѣ за извѣстнымъ „приворотнымъ зельемъ“, которое должно покорить ей сердце милаго. Сѣдая колдунья, чтобы придать пущую важность тому корешку, который она собирается продать щедрой и легковѣрной клиенткѣ, шепчетъ на воду посреди торжественной обстановки, прибирая безсвязныя изреченія въ родѣ: „шилды-будылды, чуръ меня чуръ“, и т. п.

Старуха съ книгой. (Рис. на стр. 553).

Эта типическая старушка была экспонирована проф. Кошелевымъ на недавно закрывшейся выставкѣ Имп. Академіи Художествъ. Въ старинныхъ дворинскихъ и куческихъ домахъ до сихъ поръ еще попадаются такія няни, экономки и т. п., являющіяся добрымъ гениемъ всей семьи, близко принимающія къ сердцу всѣ ея невзгоды и радости и блюдушія привычнымъ хозяйственнымъ взглядомъ за всѣми ея интересами. Отъ зоркихъ глазъ такой старушки не скроется ни малѣйшій безпорядокъ или злоупотребленіе прочей прислуги, никакая проказа младнихъ членовъ семьи, которые впрочемъ у ней же найдутъ и защиту въ случаѣ слишкомъ суроваго отношенія старшихъ къ шалости. Къ сожалѣнію, типъ этотъ, съ развитіемъ „маргаритиновой цивилизаціи“ въ среднихъ и низшихъ слояхъ городского населенія, становится все рѣже и рѣже, вытѣсняемый модными представителями и представительницами нашей невозможной прислуги. Нѣтъ вѣрнѣе пословицы: *tel maître, tel valet* (каковъ господинъ, таковъ и слуга). Въ теченіе тридцати лѣтъ у насъ проповѣдывалось какое-то высшее призваніе женщины и пренебрежительное отношеніе къ истинному ея назначенію, какъ жены, матери и хозяйки дома; результатъ получился такой, что *высшихъ* женщинъ мы не нашли, а *хозяекъ* и воспитывавшуюся ими прислугу растеряли. Большинство современныхъ городскихъ дамъ понятія не имѣютъ о томъ, что дѣлается въ дѣтской, въ кухнѣ, въ прачешной и т. д. и совершенно безсильно противъ того силтенія распушенности, лжи, обмана, невѣроятной небрежности, полнаго неумѣнья и хищническихъ инстинктовъ до открытаго воровства, которое составляетъ характеръ 99% нашей прислуги.

Батумъ. (Рис. на стр. 565).

Въ 1878 году, по Берлинскому трактату Батумскій округъ, вмѣстѣ съ городомъ Батумомъ, перешелъ къ Россіи, присоединенъ къ намѣстничеству Кавказскому и составляетъ съ 1882 г. часть Кутаисской губерніи. Будучи прекрасною морскою гаванью, Батумъ, расположенный въ глубинѣ бухты, является лучшею якорною стоянкою на восточномъ побережьи Чернаго моря. Съ 6000 жителей въ годъ присоединенія къ Россіи, Батумъ насчитывалъ въ 1882 г. уже 8670 обитателей, и съ каждымъ годомъ ростъ населенія въ немъ увеличивается, вмѣстѣ съ торговымъ его значеніемъ, въ особенности со времени проведенія Батумской линіи, составляющей часть Поти-Тифлисской желѣзной дороги.

Этотъ интересный и живописный городъ Закавказья, въ лунную ночь, и воспроизведенъ мастерскою кистью профессора Лагоріо на его картинѣ, украшавшей въ нынѣшнемъ году академическую выставку.

Эйфелева башня. (Рис. на стр. 569).

Башня, воздвигнутая по проекту и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инженера Эйфеля, или, какъ ее теперь всѣ называютъ, Эйфелева башня,—является на Парижской выставкѣ сооруженіемъ самымъ замѣчательнымъ, грандіознымъ и выдающимся, въ прямомъ и переносномъ значеніи этого слова. По окончаніи выставки она будетъ оставлена на Марсовомъ полѣ какъ воспоминаніе о всемірной выставкѣ 1889 г. и памятникъ генія, энергіи и труда французовъ.

Въ 1886 году, во время подготовительныхъ работъ по сооруженію выставки, Локруа, въ то время министръ торговли и промышленности и генеральный комиссаръ выставки, задумалъ увѣковѣчить ее какимъ-нибудь замѣчательнымъ сооруженіемъ. Было представлено нѣсколько проектовъ французскими инженерами, изъ которыхъ болѣе всего понравился проектъ Эйфеля, воздвигнуть башню въ 300 метровъ, т. е., почти въ 143 сажени. Онъ былъ принятъ, хотя не мало было толковъ о возможности подобнаго сооруженія. 6 мал особая коммисія финансовъ и контроля утвердила принятіе проекта и ассигновала на выполненіе его изъ средствъ государства 1½ милліона франковъ. Въ случаѣ стоимости дороже этой суммы, Эйфелю предоставлялось самому изыскать недостающія средства, и съ этою цѣлью ему, или вѣрнѣе компаніи, которая дала бы деньги, предоставлялось право эксплоатации башни въ теченіе 20 лѣтъ. Эйфель принялъ условія, подписалъ съ правительствомъ соглашеніе 27 декабря 1886 г. и черезъ 20 дней начались первые работы.

Мысль о возможности соорудить постройку на много выше существующихъ, впервые появилась у Эйфеля еще въ 1885 г., когда онъ съ нѣсколькими инженерами изучалъ устройсто металлическихъ мостовыхъ устоевъ. Первый проектъ желѣзной башни былъ разработанъ имъ въ сотрудничествѣ съ инженерами Нугье и Кехлиномъ и архитекторомъ Совестромъ. Высотою башня Эйфеля должна превосходить почти вдвое всѣ существующія сооруженія. Она должна подыматься на 143 сажени, тогда какъ высочайшее на свѣтѣ строеніе, Вашингтонова колонна, достигаетъ только 79 сажень. За нею по высотѣ слѣдуютъ: Кельнскій соборъ 73 саж., Руанскій соборъ почти 70 саж., шницъ Страсбургскаго собора достигаетъ 63½ сажень, пирамида Хелонса 64 саж., шницъ Петропавловской крѣпости—65 саж., Исаакіевскій соборъ около 59 сажень, куполъ церкви швалдовъ въ Парижѣ 49 сажень, Пантеонъ—37 сажень, Александровская колонна въ Петербургѣ только 23 сажени.

Особенно важнымъ явился вопросъ какова должна быть почва и фундаментъ, чтобы выдержать громадную тяжесть башни, одно желѣзо которой вѣситъ свыше 17 милліоновъ фунтовъ, съ платформами, ресторанами и др. почти 22 милліона фунтовъ. Исслѣдованіе почвы дало самыя благоприятныя результаты, и вслѣдствіе остроумнаго основанія въ видѣ 4 громадныхъ устоевъ, давленіе не слишкомъ превосходитъ 7½ фунтовъ на квадратный сантиметръ. Эти 4 устоя или быка, до 400 кв. саж. каждый, представляютъ цѣлое зданіе. 2 изъ нихъ, обращенныя къ Сенѣ, поставлены на кессонахъ (по 4 подъ каждымъ), а 2 другихъ покоятся на слоѣ гидравлическаго цемента, толщиной почти въ 3 аршина, подъ которымъ находится слой гравія и песку болѣе 8 аршинъ толщиной. Всѣ подземныя работы были окончены къ 30 іюня 1887 года и затѣмъ немедленно началась постройка самой башни. Первая часть башни достигаетъ 26 сажень. Здѣсь настанъ прочный полъ изъ желѣзныхъ бревенъ и пустотѣлаго, весьма легкаго кирпичца; вторая часть башни, въ формѣ усѣченной пирамиды, на высотѣ 54 сажень оканчивается площадкой или террасой, почти въ 1,600 кв. саж. На ней, между прочимъ, въ числѣ 4 ресторановъ, находится и русскій, въ которомъ почти ничего нѣтъ русскаго; третья-же имѣетъ видъ стрѣлы, увеличивающейся на верхушкѣ шпигелемъ, и въ этой части, на страшной высотѣ отъ земли, наслана внутри башни третья площадка, надъ нею башня поднимается уже въ видѣ колокольни, внутри которой вѣетъ лѣстница на высоту 20 аршинъ; ведетъ она къ электрическому маяку въ 3 сажени высоты и въ 4 аршина по диаметру; съ этого послѣдняго ежедневно освѣщаютъ Парижъ и окрестности почти на 70 верстъ вдаль. Башня увѣнчивается громоотводомъ, служащимъ въ то-же время и шпигелемъ, на которомъ развѣвается національный флагъ; размахъ этого флага достигаетъ 7 аршинъ, снизу-же онъ едва виденъ. На башню поднимаются при посредствѣ подъемныхъ машинъ, которыхъ еще не вполнѣ готовы. Описание ихъ будетъ помѣщено въ одномъ изъ ближайшихъ №№.

Политическое обозрѣніе.

Одновременно съ посѣщеніемъ Итальянскимъ королемъ Берлина, сѣверная столица Россіи ошачливлена пребываніемъ въ ней двухъ вѣнценосныхъ гостей: шаха Персидскаго и князя Николая Черногорскаго. Въѣздъ въ Петербургъ его величества шаха Персидскаго состоялся 11 мая при великолѣпной погодѣ,

при чемъ, замѣчаетъ *Journal de St.-Petersbourg*, ему оказана была радушная встрѣча какъ со стороны двора, такъ и несмысленной толпы народа, напоявшаго на пути слѣдованія великолѣпно декорированныя и убранныя флагами улицы и площади. Такимъ-же радушіемъ и такою-же предупредительностью отли-

чался, впрочем, приемъ Насръ-Эддина съ того момента, какъ онъ переступилъ русскую границу, и его величество могъ, такимъ образомъ, убѣдиться, что доброжелательство и искренняя дружба, встрѣченныя имъ въ его предшествовавшихъ путешествіяхъ, въ 1873 и въ 1879 гг., остались безъ измѣненія. Теперь, какъ шестнадцать и десять лѣтъ тому назадъ, Россія сознаетъ заслуги этого просвѣщеннаго государя передъ его страной и попрежнему убѣждена въ твердость и чистосердечность его намѣреній сблизить и упрочить добрыя сосѣдскія отношенія, долженствующія существовать между обоими правительствами и ихъ народами. Можно надѣяться, что новый визитъ его величества шаха Персидскаго усилитъ эти дружественныя отношенія.

Наканунѣ пріѣзда шаха Персидскаго прибылъ въ Петербургъ князь Николай Черногорскій, нашедшій, какъ и въ прежнія свои посѣщенія, самый радушный и сочувственный приемъ среди русскихъ, что и не могло быть иначе, такъ какъ князь Николай, искренный и искренній другъ Россіи, „не только государь доблестнаго народа, имѣющаго славную исторію и связаннаго съ русскимъ народомъ тѣсными узами вѣры и языка, говоритъ та-же газета, но и лично повсюду и всегда умѣлъ приобрести большое къ себѣ уваженіе“.

Пріемъ оказанный Берлиномъ королю Итальянскому отличался замѣчательнымъ великолѣпіемъ. По словамъ берлинскихъ газетъ, король Гумбертъ и Криспи въ восторгъ какъ отъ сердечнаго пріема берлинцевъ, такъ и отъ убранства города. Криспи сказалъ даже, что въ этомъ отношеніи Берлинъ перешагнулъ Римъ. Самымъ замѣчательнымъ событіемъ должно признать парадный обѣдъ, состоявшійся въ честь высокыхъ гостей 9 мая, и произнесенные на немъ тосты. На обѣдѣ императоръ Вильгельмъ благодарилъ короля Гумберта за доказанную нынѣшнимъ его посѣщеніемъ дружбу. „Войска мои—присовокупилъ императоръ—тоже исполнены признательной гордостью. Пью за здоровье ихъ величествъ короли и королевы и доблестныхъ итальянскихъ войскъ, равно какъ за нашу непоколебимую дружбу“. Король отвѣтилъ на итальянскомъ языкѣ: „Посѣдка моя является исполненіемъ высокаго и признательнаго долга. Германія и Италія, по достиженіи ими объединенія, служатъ залогомъ европейскаго мира. Наши арміи сдѣлаютъ исполнить возложенную на нихъ высокую задачу. Пью за здоровье императорской четы, императорской фамилии, славной германской арміи и за преуспеваніе Германіи“. Государя пронесли тосты громко и торжественно, какъ присягу, причемъ все время рука одного изъ нихъ покоилась въ рукѣ другаго. Впечатлѣніе тостовъ было громадное и, по общему мнѣнію, рѣдко два монарха обмѣнивались публично столь задумчивыми словами.

Также не долженъ быть обойденъ молчаніемъ обѣдъ данный въ отелѣ „Kaiserhof“ германскимъ парламентомъ въ честь г. Криспи 14 мая. Президентъ рейхстага Девецовъ, провозгласивъ тостъ за здравіе обоихъ государей, объявилъ, что нѣтъ на свѣтѣ народа, котораго нѣмцы любили-бы больше итальянскаго

и съ которымъ они такъ были-бы готовы раздѣлять дальнѣйшую судьбу, причемъ выставилъ на видъ, что союзъ обоихъ государей гарантируетъ сохраненіе европейскаго мира. Вице-президентъ Бенда сказалъ на итальянскомъ языкѣ рѣчь, въ которой назвалъ Криспи „знаменитымъ“ государственнымъ мужемъ и чествовалъ г. Криспи, какъ главную опору счастливаго союза. При этомъ г. Бенда вспомнилъ впервые во все время торжествъ о третей союзницѣ, Австріи, которая уже не разъ до того заявляла на страницахъ своихъ газетъ, что она принимаетъ сердечное участіе въ чествованіяхъ короля Гумберта въ Берлині. Г. Криспи произнесъ рѣчь, въ которой наметнулъ на то, что хотя союзники въ состояніи во всякое время вести войну, все-таки они желаютъ мира.

Въ тотъ же день король Гумбертъ съ сыномъ и свитой уѣхали изъ Берлина въ десятомъ часу вечера. Императоръ Вильгельмъ провожалъ своихъ гостей на вокзалъ. Пропаніе монарховъ было сердечное. Обратное путешествіе король Гумбертъ предпринялъ чрезъ Фрейбургъ и Люцернъ.

Въ Бѣградѣ, 14 мая, состоялся съѣздъ напредняковъ подъ открытымъ небомъ въ скверѣ ресторана. Толпа любопытныхъ, окруживъ ограду, наблюдала за происходившимъ внутри сквера. Когда напредники крикнули: „Живіо Гарашанинъ!“ изъ толпы послышалось „regeat!“ и напредники бросились отгонять толпу отъ рѣшетки. Толпа состояла преимущественно изъ учениковъ разныхъ школъ, приказчиковъ, подмастерьевъ и учащихся мальчишекъ. Когда напредники выходили изъ сквера, толпа встрѣтила ихъ криками и свистками. Несмотря на вмѣшательство полиціи, нѣсколько мальчишекъ успѣли бросить камнями въ напредниковъ; тѣ, имѣя при себѣ оружіе, начали стрѣлять въ толпу, которая отвѣтила на выстрѣлы градомъ камней и бросилась на Гарашанина, шедшаго впереди друзей. Гарашанинъ выстрѣлилъ въ упоръ въ одного гимназиста и смертельно ранилъ его. Это случилось передъ зданіемъ министерства, близъ дворца; Гарашанинъ скрылся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а толпа двинулась къ дому Гарашанина и перебила у него всѣ окна. Затѣмъ перебиты были окна и уничтожена вся мебель въ напреднякомъ клубѣ и въ редакціи „Видело“. Едва къ вечеру взводу солдатъ и коннымъ жандармамъ удалось разсѣять толпу, чему отчасти помогъ начавшійся дождь. Ранено, преимущественно пулями изъ револьверовъ, человекъ десять.

15 мая, утромъ, безпорядки возобновились. Толпа разыскала скрывшихся напредниковъ и напала на нихъ, крича: „Вы убили!“ Нѣсколько напредниковъ было убито, два были опасно ранены, одинъ убитъ. На помощь полиціи были вызваны конные жандармы, но главнымъ улицамъ разсѣжались сильныя патрули, магазины затворены. Молодежь приметъ участіе въ похоровахъ убитаго Гарашаниномъ гимназиста. Выясняется, что безпорядки преднамѣренно вызваны напредниками, которые съѣхались съ револьверами въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ. Проѣздъ былъ для нихъ безилатный.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 14 мая, Его Императорское Величество Государь Императоръ, въ Собственномъ Его Величеству Дворцѣ, изволилъ вручить его величеству Шаху Персидскому портретъ Свой, украшенный брилліантами, для ношенія на груди на Андреевской лентѣ. Послѣ завтрака въ Собственномъ Его Величеству Дворцѣ, Шахъ Персидскій, въ 2 часа дня, отбылъ изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ. Его величества Шаха провожали: Его Величество Государь Императоръ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великіе Князья. На станціи былъ выставленъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Въ 2 часа 40 минутъ по той же дорогѣ Ихъ Императорскія Величества отбыли въ Гатчину.

Правительственныя распоряженія.

— *Высочайшій рескриптъ Председателю Комитета Министровъ.* Божественный Промыслъ чудесно спасъ Меня, Императрицу и Дѣтей Нашихъ отъ неотвратимой гибели въ день крушенія поезда 17 октября 1888 года. Съ единодушному и глубокому чувству благодарности, соединившему всѣхъ русскихъ людей въ благоговѣйную молитву къ Богу, присоединилось горячее желаніе знать причины несчастія, одна мысль о коемъ возбудила всеобщій ужасъ. Нынѣ предварительнымъ объ этомъ событіи слѣдствіемъ обнаружено, что онъ коренится въ нерадѣніи и неосторожности должностныхъ лицъ не только частной, но и государственной службы, и въ ослабленіи у послѣднихъ сознанія своего

служебнаго долга, обязывающаго ихъ къ неуклонной бдительности при употребленіи вѣрренной имъ власти.

Въ общемъ порядкѣ теченія дѣлъ слѣдственное производство надлежало бы обратить къ разсмотрѣнію уголовного суда для преслѣдованія лицъ, подлежащихъ обвиненію. Но совершившееся надъ Нами дивное явленіе милости Божіей, посреди всеобщей неосторожности и въ отсутствіи человѣческаго предвидѣнія,—побуждаетъ Меня въ настоящемъ случаѣ усматривать грозное внушеніе свыше каждому изъ поставленныхъ на дѣло начальствъ вѣрно соблюдать долгъ своего званія. Посему, признавъ возможнымъ обратиться Монаршее милосердіе на обвиняемыхъ по дѣлу о крушеніи, Я положилъ: 1) судебное производство по сему дѣлу прекратить. 2) Министру Путей Сообщенія войти въ разсмотрѣніе обнаруженныхъ саѣдствіемъ неправомерныхъ дѣйствій и упущеній по службѣ должностныхъ лицъ, обвиняемыхъ по сему слѣдствію, для наложенія дисциплинарнымъ порядкомъ слѣдующихъ на нихъ взысканій и для устранинія на будущее время безпорядковъ въ отпращиваніи службы, на нихъ возложенной.

Произведеннымъ по сему дѣлу изслѣдованіемъ собраны многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о неудовлетворительномъ состояніи Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Всѣ эти свѣдѣнія не могутъ и не должны остаться въ забвеніи: въ нихъ главное начальство, вѣдающее пути сообщенія, найдетъ важныя указанія для принятія соот-

вѣтственныхъ мѣръ къ устранинью не только на упомянутой, но и на другихъ желѣзно-дорожныхъ линияхъ, безпорядковъ, неустойчивости и хозяйственныхъ упущеній, вредящихъ безопасности движенія и нарушающихъ правильный ходъ желѣзнодорожной службы. Для сего все содержащееся въ слѣдственномъ производствѣ указанія и свѣдѣнія, относящіяся къ сему предмету, должны быть сообщены министромъ Юстиціи министру Путей Сообщенія.

Поручаю вамъ вышеизложенное сообщить къ исполненію подлежащимъ Министрамъ.

На подлинномъ Собственному Его Императорскаго Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

13 мая 1889 года.
С.-Петербургъ.

Военное и морское дѣло.

— 18 мая, въ Петергофѣ, на Дворцовой площадкѣ, передъ Большимъ Дворцомъ, въ Высочайшемъ присутствіи происходилъ церковный парадъ полкамъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскому и уланскому, по случаю ихъ полковыхъ праздниковъ. Послѣ парада, въ Большомъ Дворцѣ былъ завтракъ, къ которому были приглашены лада Свѣты, командиры и офицеры лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго и уланскаго полковъ. За завтракомъ Государь Императоръ, поднимая бокалъ, провозгласилъ тостъ въ честь Князя Черногорскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Пью за здоровье Князя Черногорскаго, единственнаго искреннаго и вѣрнаго друга Россіи“.

— 20 мая, въ 11 часовъ утра, состоялись

въ Высочайшемъ присутствіи: въ Новомъ Адмиралтействѣ закладка строящихся броненосца „Гангутъ“ и броненосной канонерской лодки „Грозный“, а вслѣдъ затѣмъ, на Галерномъ островѣ, спускъ на воду броненоснаго корабля „Императоръ Николай I-й“.

Броненосный корабль „Императоръ Николай I“, къ постройкѣ котораго было приступлено 8 марта 1886 года, приготовленъ къ спуску 20 сего мая.

Постройка корпуса корабля производилась въ Петербургѣ, на Галерномъ островѣ, Обществомъ франко-русскихъ заводовъ, его мастерами, изъ стали Александровскаго и частью Путиловскаго заводовъ. Корабль будетъ вооруженъ 14-ю нарѣзными дальнѣй-

вечера прибылъ съ экстреннымъ поѣздомъ Шахъ Персидскій со свитой. На станціи привѣтствовали Шахъ мѣстныя власти съ генералъ-губернаторомъ въ главѣ. Послѣ приѣма генералъ-губернатора въ вагонѣ, Шахъ обошелъ почетный караулъ и сѣлъ съ генералъ-губернаторомъ въ коляску. На пути слѣдованія были выставлены отъ станціи къ Бельведеру шпалерами войска варшавскаго гарнизона. Съ цитадели былъ произведенъ 21 выстрѣлъ. Городъ украсилъ флагами. Вечеромъ была иллюминація. 16 мая въ замкѣ былъ раутъ.

Шахъ посѣтилъ выставку издѣлій желскаго труда. Пребываніе Шаха въ Варшавѣ продолжено; онъ останется по крайней мѣрѣ до

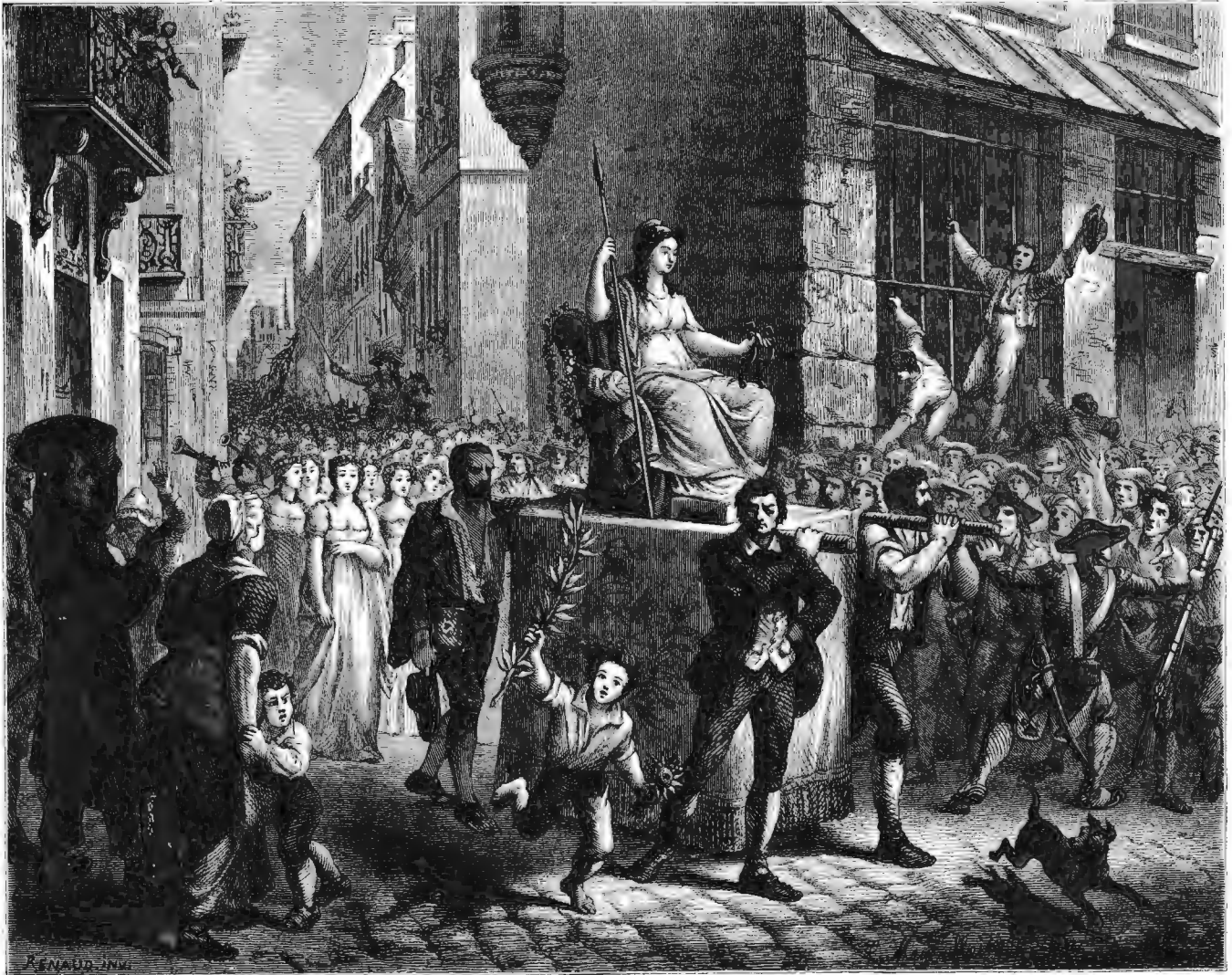
оруженной на средства Е. В. Паскаловой, и открытіе пожертвованнаго А. Алексѣевой дома для призрѣнія душевно-больныхъ.

— Въ Верхне-Сергилскомъ заводѣ сгорѣло 350 домовъ, причѣмъ погибло семь человѣкъ.

Некрологъ.

— Въ Ташкентѣ, 4 мая, въ 8 часовъ утра, состоялось перенесеніе праха покойнаго туркестанскаго генералъ-губернатора фонъ-Кауфмана къ новопостроенный соборъ.

— 8 мая, въ крѣпости Ивангородѣ, Люблинской губерніи, состоялась церемонія отправления въ городъ Гомель останковъ фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго и его суируги. Останкамъ

Кровавая годовщина во Франціи. Кошунственная процессія танъ-называемой „богини разума“, въ Парижѣ. Рис. Рено, грав. Гейне.

ными орудіями, минными аппаратами и скорострѣльными пушками Гочкиса.

Изъ губерній и областей.

— Въ Варшаву, 15 мая, въ седьмомъ часу

вторника (23 мая); 22 мая онъ отправится на охоту въ Спалу.

— Въ Москвѣ, 15 мая, происходило освященіе акушерской клиники университета, со-

покойнаго была отдана честь всѣми войсками ивангородскаго гарнизона, подъ командою коменданта крѣпости генералъ-лейтенанта Комарова.

С М Ъ С Ъ .

Наши предки. Было сдѣлано вычисленіе, для опредѣленія количества предковъ, какое можетъ имѣть одинъ человѣкъ. На первомъ мѣстѣ отецъ и мать. Затѣмъ слѣдуютъ: два дѣда и двѣ бабушки, четыре прадѣда и четыре прабабушки и т. д. Продолжая прогрессивное исчисленіе, уже въ десятомъ колѣнѣ получается 2046 предковъ, а въ двадцатъ первомъ, то есть по истеченіи двадцати одного поколѣнія, у cadaго человѣка насчитывается 1.467,150 предковъ.

Изъ раскольничьихъ нравовъ. Псковскіе раскольники „Федосѣевскаго толка“ практикуютъ въ послѣдніе годы довольно странный обычай—играть свадьбы, по мѣстному выраженію, „на мѣлокъ“, что находятъ и выгодиѣ, и свободѣ. Порядокъ этихъ свадебъ такой. Приѣзжаетъ невѣста къ жениху, котораго встрѣчаетъ ее, затѣмъ устраивается легкое пированіе или лучше сказать скромная попой-

ка—и дѣлу конецъ. За вѣчаніе не приходится платить, и въ случаѣ, если невѣста не понравилась, ее безъ церемоніи отправляютъ назадъ къ роднымъ. Не только мѣщане, но и купцы находятъ такіе браки выгодными. Однако, правительственныя и городскія управленія, конечно, признаютъ такіе браки незаконными, и купцы женатые „на мѣлокъ“ не считаются женатыми. (В.)

Своеобразная профессія. Парижане—большіе любители ребусовъ, шарадъ, загадокъ и т. п. Какъ только въ кофейняхъ, ресторанахъ и читальняхъ появляются новыя нумера журналовъ, содержащихъ ребусы, посѣтители приходятъ въ волненіе. Каждый пробуетъ свое остроуміе надъ разрѣшеніемъ данныхъ задачъ. О нихъ толкуютъ, горячатся, даже спорятъ, и наконецъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ мудрости хозяина, положеніе котораго зачастую было бы весьма затруднительно, если бы у него подѣ-

рукою не было своего рода фактотума, такъ-называемаго разгадчика. Это обыкновенно непризнанный талант, неудачникъ, который, вслѣдствіе частаго упражненія въ разгадываніи ребусовъ, достигъ въ этомъ дѣлѣ большаго искусства и съ помощью его добываетъ себѣ пропитаніе. Въ дни появленія означенныхъ журналовъ онъ обѣгаетъ всѣ мѣста, посѣщая страстными разгадывателями загадокъ, и приноситъ хозяину въ закрытомъ конвертѣ рѣшенія, за что получаетъ по полфранку. Говорятъ, эта своеобразная профессія даетъ порядочный заработокъ. (с.)

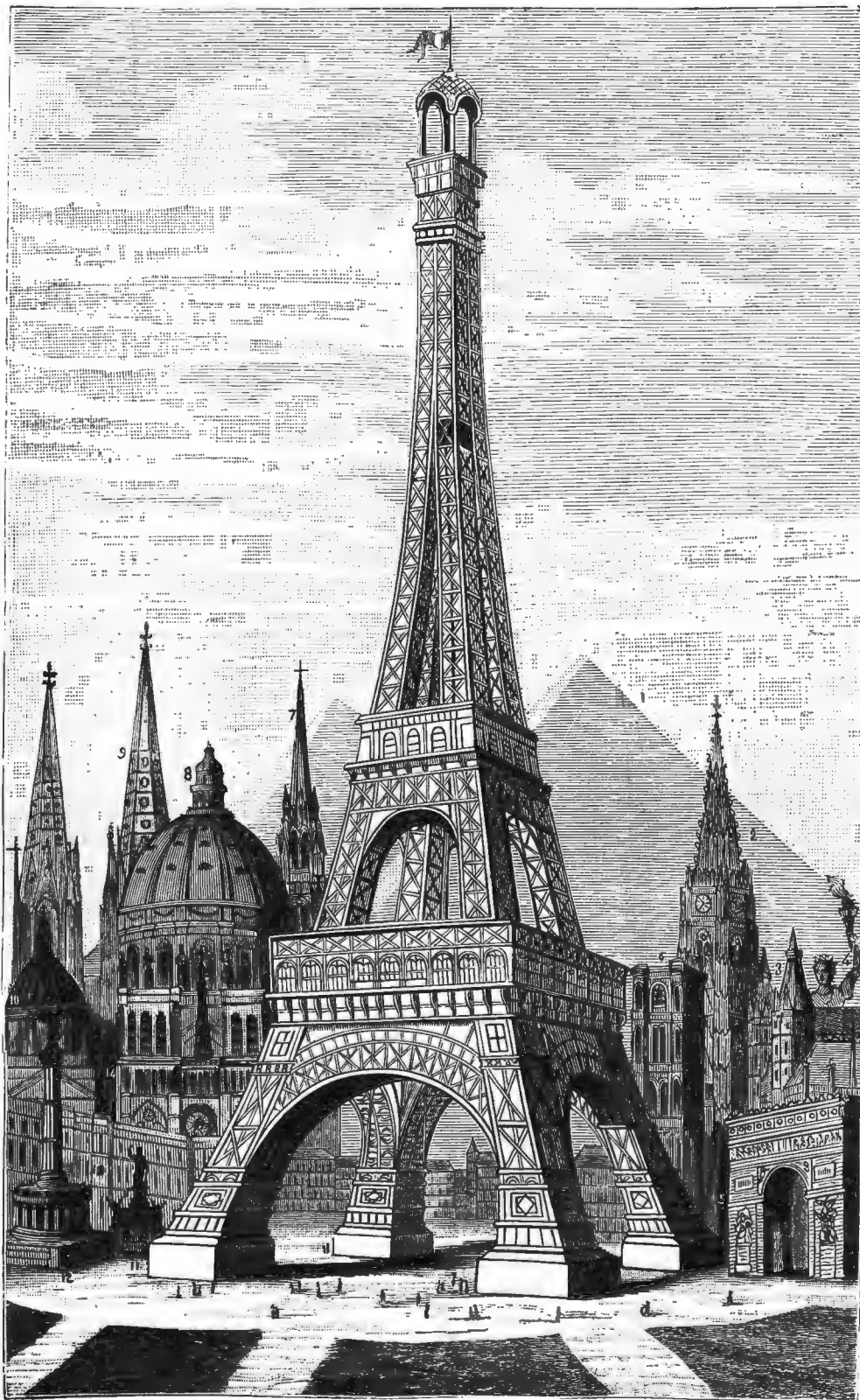
По первой ит-мецкой, Нюрнберго-Фюртской желѣзной дорогѣ, движеніе, какъ извѣстно, было открыто 7 декабря 1835 г. Но надо знать сколько для этого пришлось преодолѣть препятствій, надъ которыми тенежнее поколѣніе можетъ только смѣяться. Баварское правительство сдѣлало между прочимъ запросъ высшей медицинской коллегіи о вредѣ или безвредности желѣзной дороги на здоровье. Коллегія отвѣтила приблизительно слѣдующее: „Ба-да по желѣзной дорогѣ въ интересахъ общественнаго здоровья должна быть воспрещена. Быстрое движеніе неминуемо производитъ у пассажировъ мозговую болѣзнь, представляющую особый видъ *delirium furiosum*. Если вѣдущіе хотятъ пренебречь этой опасностью, то правительство обязано по крайней мѣрѣ оградить постороннихъ зрителей. Одинъ видъ быстро мчащагося поезда причиняетъ такую же мозговую болѣзнь, и поэтому желательнo, чтобы каждый путь былъ съ обѣихъ сторонъ огороженъ деревяннымъ заборомъ, вышиною по крайней мѣрѣ въ пять баварскихъ локтей“ и т. д. Это вовсе не вымышленный анекдотъ, говоритъ *Frankische Courier*, официальный документъ и до сихъ поръ хранится въ архивѣ Нюрнберго-Фюртской желѣзной дороги; но правитель-

ство было настолько благоразумно, что не обнаруживало его. (с.) Курьезные нравы Авлабарцевъ. Этотъ народъ, какъ сообщаетъ *Тифлисскій Вѣстникъ*, отличается диковинными нравами. Одинъ изъ курьезовъ быта авлабарцевъ, это пріобрѣтеніе жениха, такъ сказать, съ аукціона. Одна дѣвица пылала страстью къ одному молодому

человѣку, который отвѣчалъ ей тѣмъ-же. И вотъ состоялось обрученіе. По туземному обычаю, жениху вручили часть приданаго — 2000 рублей, а наканунѣ вѣчанія послано было жениху и остальное приданое. Насталъ вечеръ вѣчанія, ждутъ жениха... Уже полночь, а его все еще нѣтъ. Родители невѣсты посылаютъ его разыскивать. Но всѣ поиски тщетны. Лишь ночью одинъ изъ товарищей жениха привезъ назадъ приданое все сполна и объявилъ что женихъ вступаетъ въ бракъ съ другою дѣвушкою, потому что получаетъ за ней больше приданаго, изъ котораго родители новой невѣсты уже вручили ему 4000 рублей. (в.)

Женщина герой. Касался въ своихъ воспоминаніяхъ быта волжскихъ жителей второй половины прошлаго вѣка, гр. А. Д. Блудова разсказываетъ (въ *Русск. Архивѣ*) о замѣчательномъ героиствѣ бабки своей, Катерины Ермолаевны. „Бабушка была вдова и жила въ Танкѣвѣ (Спасскаго уѣзда, Казанской губ.), гдѣ вела борьбу съ разной волынницей, свободно разгуливавшей по Волгѣ. Бывало она созоветъ всѣхъ дворовыхъ и другихъ молодыхъ крестьянъ, наберетъ отрядъ чело-вѣкъ въ 300 или четыреста,

раздастъ имъ охотничьи ружья, пистолеты, патроны, поставитъ двѣ маленькія пушки у воротъ усадьбы, и засядетъ въ неприступную крѣпость, ожидая неприятеля. Канава вокругъ сада замѣняла крѣпостной ровъ. Мужики большей частью откупались отъ молодцовъ развѣзавшихъ по рѣкѣ, но бабушка имѣла свои понятія о

Парижская всемірная выставка. Башня Эйфеля и ея сравнительная высота.

1. Большая пирамида. 2. Вѣнскій соборъ. 3. Церковь Св. Евстазія. 4. Статуя Свободы въ Нью-Йоркѣ. 5. Триумфальная арка Звѣздъ въ Парижѣ. 6. Ратуша въ Берлинѣ. 7. Церковь Св. Николая въ Гамбургѣ. 8. Соборъ Св. Петра въ Римѣ. 9. Кельнскій соборъ. 10. Пантеонъ въ Парижѣ. 11. Статуя Германіи въ Нидервальдѣ. 12. Колонна Побѣды въ Берлинѣ. 13. Обыкновенные четырехъ-этажные дома. 14. Соборъ Парижской Богоматери.

честь и достоинствах барыни-помещицы и не шла на сделки с неприятелем. И вот он однажды решился наказать гордячку, предупредив ее, однако, что идет на нее походомъ. Крикъ, плач и вой подняли въ деревнѣ. Однако бабушка не испугалась и велѣла палить изъ пушекъ въ добрыхъ молодцовъ, а сама послала вѣрнаго слугу къ ближайшему пикету за помощью. Посыльный долго

не возвращался и военная команда не скоро прѣехала на подводахъ, а бабушка Катерина Ермолаевна съ замѣтательнымъ присутствіемъ духа и распорядительностію выдержала нештучное нападеніе разъяренныхъ разбойниковъ. Безъ пушечнаго ей-бы, вѣроятно, не сдобровать. Однако команда пришла во-время и усадьба и деревня уцѣлѣли. Вотъ какія въ старину были женщины!" (в.)

Библиографія.

Курсъ лесоводства для низшихъ лесныхъ школъ. Составилъ Э. Арнольдъ. СПб. Изданіе Лѣснаго департамента. 1889.

Прекрасно составленное руководство, содержащее въ весьма сжатомъ изложеніи характеристику лѣсныхъ и дальнѣйшихъ подраздѣленій лѣсныхъ участковъ, ученіе о лѣсной почвѣ, описаніе русскихъ древесныхъ породъ, опасностей коммъ подвергается лѣсъ, главы о посѣвѣ лѣса, устройствѣ питомниковъ и школъ и др. пріемовъ лѣсоразведенія, системы и формы лѣснаго хозяйства и оборотъ его, лѣсную таксацію и лѣсоустройство, — все это съ вопросникомъ по главамъ, облегчающимъ изученіе.

Садовый словарь. Объясненіе словъ употребляемыхъ въ садоводствѣ и описаніе встречаемыхъ въ садахъ растений съ указаніемъ ухода за ними. Составилъ П. Е. Волженштейнъ. 1889. Изд. К. Л. Риккера.

Эта первая въ Россіи попытка сгруппировать въ алфавитной послѣдовательности все интересное садовода. Въ описаніи растений соблюденъ слѣдующій порядокъ: послѣ названія рода (русскими и латинскими буквами) приведены: словопроизводство, семейство, число видовъ въ родѣ (въ скобкахъ), мѣсто нахождения въ природѣ, естественное развитіе, условія ухода (составъ земли, способъ размноженія, и для болѣе нѣжныхъ растений — температура зимой и лѣтомъ). Послѣ описанія рода перечислены наиболѣе замѣчательныя въ садовомъ отношеніи виды съ переводомъ ихъ названій и съ указаніемъ: мѣста произрастанія въ природѣ, окраски цвѣтовъ, формы листьевъ, времени цвѣтенія, вышины въ футахъ и дюймахъ и нѣкоторыхъ свѣдѣній о долговѣчности, разновидностяхъ и синонимахъ. Кромѣ описанія родовъ и видовъ растений, словарь содержитъ въ себѣ истолкованіе всѣхъ техническихъ пріемовъ, терминовъ, инстру-

ментовъ и т. п., употребляемыхъ въ садоводствѣ, а также и вообще ботаническихъ.

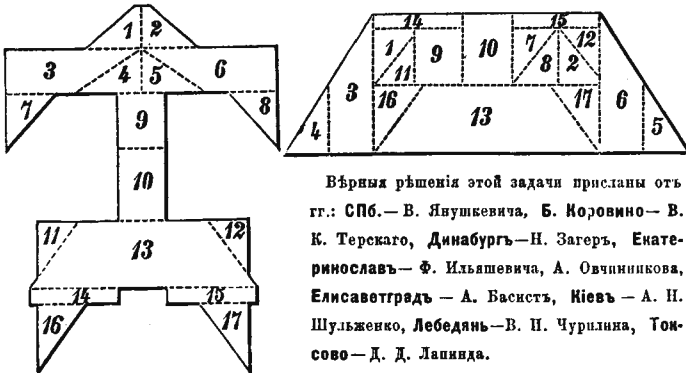
Русская дендрологія или перечисленіе и описаніе древесныхъ породъ и многолетнихъ вьющихся растений, выносящихъ климатъ средней Россіи на открытомъ воздухѣ. Dr. Э. Регель. Выпускъ II. СПб. 1889. Изд. К. Л. Риккера.

Популярное наставленіе къ русскому плодоводству или руководство къ уходу за яблонями, грушами, вишнями и сливами въ климатѣ сѣверной и средней Россіи. Dr. Э. Регель Изд. II, исправленное и дополненное. СПб. 1889. Изд. К. Л. Риккера.

Первая книга есть второй выпускъ новаго изданія *русской дендрологіи*, составленной съ обычною автору основательностію и добросовѣстностію, главными качествами его ученыхъ трудовъ. Въ предлагаемомъ выпускѣ содержится описаніе семействъ: восковниковъ, березовыхъ, плюсовыхъ, ореховыхъ, ивовыхъ, вязыныхъ, коноплевыхъ, тутовыхъ, лоховыхъ, гречишныхъ, ягодковыхъ и кирказоновыхъ, со многими рисунками. Вторая брошюрка, появляющаяся также вторымъ, исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ, содержитъ необходимыя свѣдѣнія для всѣхъ занимающихся плодовыми садами.

Гигіена голоса. Для артистовъ, учителей, учениковъ и любителей пѣнія, ораторовъ и проповѣдниковъ. Составилъ М. Н. Глубоковскій, врачъ при Императорскихъ Московскихъ театрахъ. М. 1889 г. Ц. 1 руб. Назначеніе этой книги видно изъ ея заглавія. Добавимъ, что Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія она уже одобрена для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также для библиотекъ учитѣльскихъ семинарій и институтовъ."

Рѣшеніе геометрической задачи № 28 (помѣщ. въ № 15).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — В. Янушкевича, Б. Корвино — В. К. Терскаго, Динабургъ — Н. Загеръ, Енатинославъ — Ф. Ильашевича, А. Овчинникова, Елсаветградъ — А. Басистъ, Кіевъ — А. Н. Шульженко, Лебедянъ — В. П. Чурилина, Токсово — Д. Д. Лапидъ.

Рѣшеніе ариметической задачи № 29 (помѣщ. въ № 15).

Число 2519 дѣлится на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9, причеиъ остатокъ является единицею меньше дѣлителя.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. А. Поспѣева, Герасимова, Н. Я. Риттеръ, Н. В. Панкова, Нидермиллеръ, Ф. Михель, Н. Сануенко,

Ф. А. Боронина; Москва — И. Я. Романова, С. Павлова, Н. Серебрянникова, О. В. Кашинцева, Б. Корвино — В. К. Терскаго, Баускъ — О. Киришейтъ, Варшава — Б. С. Косой, К. Кондратьева, Вильно — Р. Врумбергъ, Гомель — М. С. Дунаевскій, Динабургъ — Л. И. Кладкина, Енатинославъ — С. М. Анисимова, Елань — П. Г. Булакова, Изобильный — В. Покровскаго, Износково — Дмитріевскаго, Калуга — В. Шмидтъ, К. Подольскъ — П. Чешѣи, Кременчугъ — С. Л. Добровенскаго, Каменская — В. Е. Севрюгова, Колышки — М. Дымшицъ, Лебедянъ — В. И. Чурилина, Мальковичи — Цехалъ, Милени — И. П. Герасимова, Нинитовна — А. Феодосьева, Н. Тагилскъ — Е. В. Смольникова, Осовецъ — Шереметевскаго, Одесса — Рейсевича, Разградъ — Ченгеліева, Рѣвница — В. Татарскаго, Смоленскъ — Л. В. Сухинина, А. С. Добрынина, Смѣла — Д. Ротшюбейн, Саратовъ — Н. Каменова, Севастополь — Б. Айвазъ, М. М. Ландшафтъ, Тула — В. Филатова, Н. Добрынина, Тверь — О. Федоровича, Тотма — А. Горохова, Успенковна — П. Сраговича, Холзичи — З. Дубравскаго, М. Самуйловича, Херсонъ — Д. И. Богославскаго, Харьковъ — С. Бизлева.

Рѣшеніе шашечной задачи № 26 (помѣщенной въ № 15).

М. М. Воуляскаго, Кузнецъ — А. Перова, Молога — М. Н. Неустрова, Островъ — С. Судоплатова, Пермь — П. Ф. Матвѣева, Токсово — П. Баранова.

Бѣлыя. Черныя.

1) с 1 — b 2	1) a 1 — e 1
2) b 8 — e 5	2) d 4 — f 6
3) h 6 — f 8	3) c 5 — g 1
4) f 8 — d 6	4) h 4 — i 2
5) f 4 — g 5	5) f 6 — h 4
6) d 6 — g 3	6) e 1 — куда угодно.
7) a 5 — e 1	

Рѣшеніе шахматной задачи № 27 (помѣщенной въ № 15).

Бѣлые. Черные.

1) La 4 — e 4	1) c 6 — c 5
2) Ce 8 — a 4	2) c 5 — c 4
3) d 3 : c 4 x	3) Kp. d 5 : e 4
4) Ca 4 — c 2 x x	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — С. А. Андреева, Н. В. Люмина, Ф. А. Боронина, А. А. Поспѣева, Москва — П. Ворохутинскаго, Н. И. Смирновъ, Диска — С. А. Дубинкова, Елецъ — В. Поляера.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при переимѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 ноп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ. Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть I. (Продолженіе). — Кто же? Разсказъ Петра Дорошенко. (Продолженіе). — Кровавая годовщина во Франціи (1789—1889) (съ 4 портр. и 3 рис.). — Въ рисующій Убагыячій снѣгъ (съ рис.). — У знахаримъ (съ рис.). — Стараха съ инугой (съ рис.). — Батумъ (съ рис.). — Эйфелева башня (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Снѣсъ. — Библиографія. — Рѣшенія задачъ. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшинновъ.

EAU DE SUEZ

Депо въ С.-Петербургѣ — А. Н. Рузановъ, Гостинный дворъ, № 40.

Въ Москвѣ — А. Сіу и Ко., Тверская, д. Варгина.

Рѣ. № 3887

Объяснительная брошюра высылается безплатно по требованію

ГРЯЗЕ-ЛИМАННОЕ И ГИДРОПАТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
ВЪ КЛЕЙНЪ-ЛИБЕНТАЛѢ БЛИЗЪ ОДЕССЫ
ОТКРЫТО СЪ 15-го МАЯ ПО 1-е СЕНТЯБРЯ
 противъ золотухи, ревматизма, нервныхъ и женскихъ болѣзней, малокровія, сифилиса и пр. Лечение купальями, ваннами, минеральными водами, электричествомъ, массажемъ и проч.
 Подробныя свѣдѣнія высылаются по требованію. № 3898
 Адресъ для писемъ: Одесса, доктору Вагнеру, Бульвардъ, домъ Марazzi.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

ДЛЯ ОКРАШИВАНІЯ СЪДИНЫ:
 ПОМАДА, флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для удобства: жидкая и густая помада, по пол-флакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к. Гороховая ул., д. № 57, магазинъ-парикмахерская Ивановой. № 3893

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Карзина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и во всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцахъ.

ЦАРЬ-ДЪВЦА.

Вс. Соловьева.
Ром. хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этого объёма
имеет эпоху правления и низложения Царевича
София. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ
перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл.
2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ АППАРАТЫ!
Подный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка).
Требовать иллюстрированные каталоги *gratis*
и *franco*.

log. Зансъ и Ко.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ
Германи. R. № 3734
Берлинъ, Риттерштрассе. 88.

МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛЪЧЕБНОЕ И ЛИМАННОЕ
№ 3855 ЗАВЕДЕНИЕ 7-5
въ городѣ Евпаторіи

открывается съ 20 мая по 20 августа.
За подробностями просить обра-
щаться въ гор. Евпаторію, Тавриче-
ской губ., Гг. доктору С. П. Цепенев-
скому или доктору С. И. Ходжашу.

Вновь полученныя вороненой стали
часы отъ 12 р.; съ календаремъ по
23 р.; такіе же съ фазисами луны
стальные и серебряные по 30 р. Ни-
кельные отъ 6 р. Будильники амери-
канской системы отъ 4 р. 50. Прини-
маю поставку призовыхъ часовъ за стрѣльбу
по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Гг. иногород-
нымъ карманные часы выслать на свой счетъ.
Главное депо часовъ Эд. Бурхарда, СПб.,
Гороховая улиц., у Краснаго моста, № 17.
Отдѣл.: Вознесенск. пр. у Синяго м., № 68/3.
Прейсъ-курранты высылаю бесплатно.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
готоваго мужскаго, дамскаго, дѣт-
скаго платья, а также приемъ за-
казовъ; цѣны самыя умѣренныя.
„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“
уголь Тверской и Долгоруков-
скаго переулкa, домъ Шаблыки-
на въ Москвѣ. Иллюстрирован-
ный преісъ-куррантъ высылается
бесплатно. № 3884 2-2

ИНОСТРАННЫЯ МАРКИ продаются оптомъ
и въ розницу. Каталогъ 20 к. Б. Гостонскій,
г. Кіевъ, Рейтарская, 17. № 3874 4-2

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе вынужденныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3716
Также нужны вѣрные съ постоян-
нымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше-
означенному адресу.

НОВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Компотъ
ТОВАРИЩЕСТВА
А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕЙ
въ Москвѣ

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, 2.

Розничный магазинъ, представляющій въ своемъ составѣ
самый полный, богатѣйшій и изящнѣйшій выборъ товаровъ.

Шелковыя, Шерстяныя, Фантази и Бумажныя матеріи, Полотно, Гардины, Столо-
ное бѣлье, Дамскіе и дѣтскіе костюмы, Верхнія дамскія вещи, Утреннія и домашнія
платья, Готовыя юбки (Jupes d'arrêees), Джерсей, Дамскія шляпки, Обувь, Резиновыя
калоши, Дамское, мужское и дѣтское бѣлье, Мужскія, дамскія и дѣтскія сорочки,
Трикотажъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, Ковры, Клеенки, Драпировки, Мебельныя ма-
теріи, Постельное бѣлье, Одыхла и Пледы, Галантерейный, Парфюмерный, Вахро-
мный и Игольный товаръ, Шерсть, Ленты, Кружева, Носовыя платки, Перчатки, Чу-
лочный товаръ, Зонтъ-ки и Антука, Вѣера, Кухонныя и хозяйственныя принадлежности,
Искусственныя и канцелярскія принадлежности, Дѣтскія игрушки и проч. и проч.
Продавать всѣ товары исполнѣ добросовѣстно и по крайне умѣреннымъ цѣнамъ
составляетъ основаніе фирмы МЮЪ и МЕРИЛІЗЪ. Добросовѣстному слѣдованію
этой принципіу фирма обязана замѣчательно быстрому возрастанію своей торговли.—
Фирмою организовано:

Спеціальное отдѣленіе для исполненія
иностранныхъ заказовъ.
Выписывая товаръ, заказчики могутъ рассчитывать на самое точное и скорое исполненіе.
Образцы и иллюстрированные преісъ-курранты высылаются по желанію бесплатно.
Заказы при выпискѣ товаровъ, имѣющихся въ магазинѣ съ готовностію, не тре-
буются. Товаръ высылается почтой съ наложеннымъ платежомъ. Упаковка на счетъ
фирмы; пересылка на счетъ заказчиковъ.
Магазинъ МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ, спеціально организованный для удовлетворенія
требованій насчетъ моды, одѣяя, туалетныхъ и хозяйственныхъ принадлежно-
стей, представляетъ значительный и превосходно устроенный складъ всего, что въ
означенной отрасли предметовъ опытомъ признано удобнымъ, полезнымъ и необхо-
димымъ. Въ составѣ своихъ 28 отдѣленій онъ можетъ быть отиъченъ какъ достопрі-
мѣтельность Москвы. II. № 3894

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
держащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину-
нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только
имѣется Аптеки или Космет. магазинъ, но не менѣе
двухъ флаконовъ.
Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (67) № 2946

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДЕЛОКЪ.
БРОКАРЪ И КО
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДЕЛОКЪ.

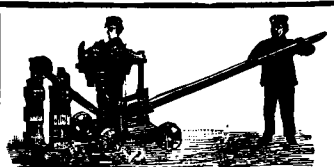

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ ВЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жирома) Франціи.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, косметическихъ лавкахъ и косметическихъ ма-
газинахъ.

Поступила въ продажу **НОВАЯ КНИГА** (изданіе Ф. Пайленкова):
МЕТЕОРОЛОГІЯ и КЛИМАТОЛОГІЯ
Д. А. ЛАЧИНОВА,
Профес. Лѣсного Института. 383 стр., съ 122 рис. и 6 картанами въ текстѣ. Ц. 2 руб.
Библиотека "Руниверс"

**МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД
БУРКГАРТЪ И УРЛАУБЪ**
Москва, Красносельск. улица
№ 3843

СТРОИТЬ: 0-6
плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, сортировки, мельницы, конные приводы, локомобили 3, 4 и 6 силъ, соломоубойки, паровыя машины, котлы, насосы всякаго рода, пожарныя трубы, сѣнные прессы, кирпич. прессы и пр.

КОНТОРЫ И СКЛАДЫ:
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, 10.
Москва, Мясницкая улица, у Мясницкихъ воротъ, домъ Виноградова.

Иллюстрированные каталоги бесплатно

**ПОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА
ФРАНЦА ЮСИФА**

Натуральная минеральная сла-
бительная вода источника
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ
въ Будапештѣ,
по отзывамъ меди-
цинскихъ авторите-
товъ, она дѣй-
ствуетъ легко, анки-
ратно и безъ вся-
кихъ вредныхъ по-
слѣдствій.

Рекомендуется
какъ слабительная
вода, не содержащая
въ своемъ составѣ
вредныхъ здоровью веществъ.
Продается вездѣ.
Для нормальнаго приема достаточно од-
ного виннаго стакана. Ц. № 3722 6-8
Дирекція въ Будапештѣ.
Главное депо въ С.-Петербургѣ, у Франца
Диль, Гостиный Дворъ, 93.

**СКЛАДЪ
ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ**

полный
аппаратъ
отъ
10. 15. 20 р.с.

К.И.ФРЕЛАНДЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НЕВСК.ПРОСП.
№ 30/16.

Съ этимъ аппаратомъ всѣмъ, даже дѣтямъ,
могутъ безъ посторонней помощи и знанія
дѣла, снимать хорошіе и отчетливые фото-
графическіе портреты. Новый преѣсъ-ку-
рантъ бесплатно. Самоуничтожь фотографія
съ преѣсъ-курантомъ 50 коп. № 38533-3

ЛЕНИНГЪСЪ И ГЛОЗНИГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

**МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ**
чистый
цѣлебный источникъ
освѣжающій и здоровый
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
можно вездѣ воучить.
(600000 миллион) бутыл. галовой вывозъ.

**НИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“**

Шьетъ въ 3 раза
быстрѣе пера. Чисто-
та, четкость и красота.
Введена во всѣхъ
Министерствахъ и
иныхъ правительствъ
и частныхъ учрежд.
Преѣсъ-журналъ, содер-
жащій дѣтъ Правительствъ и другихъ учре-
жденій, высылаются бесплатно. № 5748
Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

Только что вышелъ **ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ**
и поступилъ въ продажу

**АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),**

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатан-
ными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми моно-
граммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заклю-
чающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей,
буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туа-
летнаго зерна со шнатушкой.

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ
весьма короткое время, служить лучшимъ доказательствомъ, на-
сколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей
ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предме-
товъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотой
стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остае-
тся попрежнему весьма незначительная, а именно 1 руб., съ пе-
ресылкою 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться въ С.-Петербургѣ, въ
Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахе-
ровъ во Франціи и за границей.

**LA
VELOUTINE**

Спеціальная рисо-
визмутовая пудра.

CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (10).

А. РАЛЛЕ и К^о **ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ** **ВЪ МОСКВѢ.**

Мыло горное.
Кольд'кремъ виолетъ.
Молоко глицериновое.
Мыло лимонное.
Мыло велютино.

Пудра глицеринов. цв.
Вода флоридъ.
Мыло земляничное.
Глицеринъ велюрь.

Ц. № 3821 6-4

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.
Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

**С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ**
Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія
произведенія:

Глицериновое молоко 75 к.—Ирисовое молоко 1 р. 25 к.
МОЛОКО ДЕРМОФИЛЬ 2 руб. 25 коп.
ВОДА ДЕ ЛИСЪ ДЕ НИНОНЪ 1 р. 50 к.
О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4
(Экстрактъ) по 50 к. и 1 р.

Туалетная вода спеціальная по Туалетный укусъ по 60 коп.
90 коп. Укусъ Виолетъ де-Пармъ по
Туалетная вода Шипръ по 1 руб. 75 коп.

ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
по 80 к. и 1 р. 60 к.

Искора Бреони | Жюкей Клубъ | Виолетъ де-Пармъ
Буне Императрисъ | Кюдзюра | Бѣлая Роза
Шампака | Юпопаньясь

**ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:**

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церк-
ви, № 32. Рт. 3823 2-2
2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шреде-
ра, № 18-54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ.

**ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ**
СПБургъ, Невскій пр., № 62
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Специальность хронометрствъ.

Никел. открыт. часм отъ 7 руб. и дороже.
Стальн. " " " 14 " " "
Серебрян. закр. " " 15 " " "
Зол. дамск. закр. " " 30 " " "
Зол. мужск. закр. " " 50 " " "

Ручательство на два года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный ил-
люстрированный преѣсъ-курантъ высылаются
по востребованію бесплатно. № 3899

**МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ
ПЛАТЬЕВЪ И ШАЛЬТО**

Л. КЮТНЕРЪ
ГАЗЕТНЫЙ ПЕРДОМЪ ФУЛЬДА
ВЪ МОСКВѢ.

ROBES (I MANTEAUX)
L. KUTNER MOSCOU.

**Арчеръ
СПИННЕРЪ.**
Аппаратъ для ловли
рыбы на живца; жи-
вецъ надвѣвается на
иглолку и прикрѣ-
пляется металличе-
скими планниками;
съ боковъ подхва-
тывается крючка-
ми. Цѣна 1 руб.
10 коп., на пере-
сылку отъ 1 до 3
присылается 50 к.,
кромя Азиатской
Россіи и Сибири.
Преѣсъ-курантъ
рыболов. принадл.
высылаются за 7 к.
марку. № 3891
П. Ф. Каратаевъ.
Невскій пр., Миллю-
тинъ рядъ, № 18,
въ С.-Петербургѣ.

Штабшпицеръ всеслѣдствъ Русской Арміи

**Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,**
Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ. Б. Морская № 21.

имѣетъ
единственный Складъ для всей
Россіи Велосипедовъ: (Свифтъ,
Виппертъ, Русскій Клубъ, Мол-
ни (New Rapid), Импераль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Оборудованный велосипедъ № 2
= 150 руб. =

Преѣсъ-курантъ высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ВТОРАЯ ЖЕНА Ром. Жарковскаго. Пер. съ
жиз. П. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 23

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

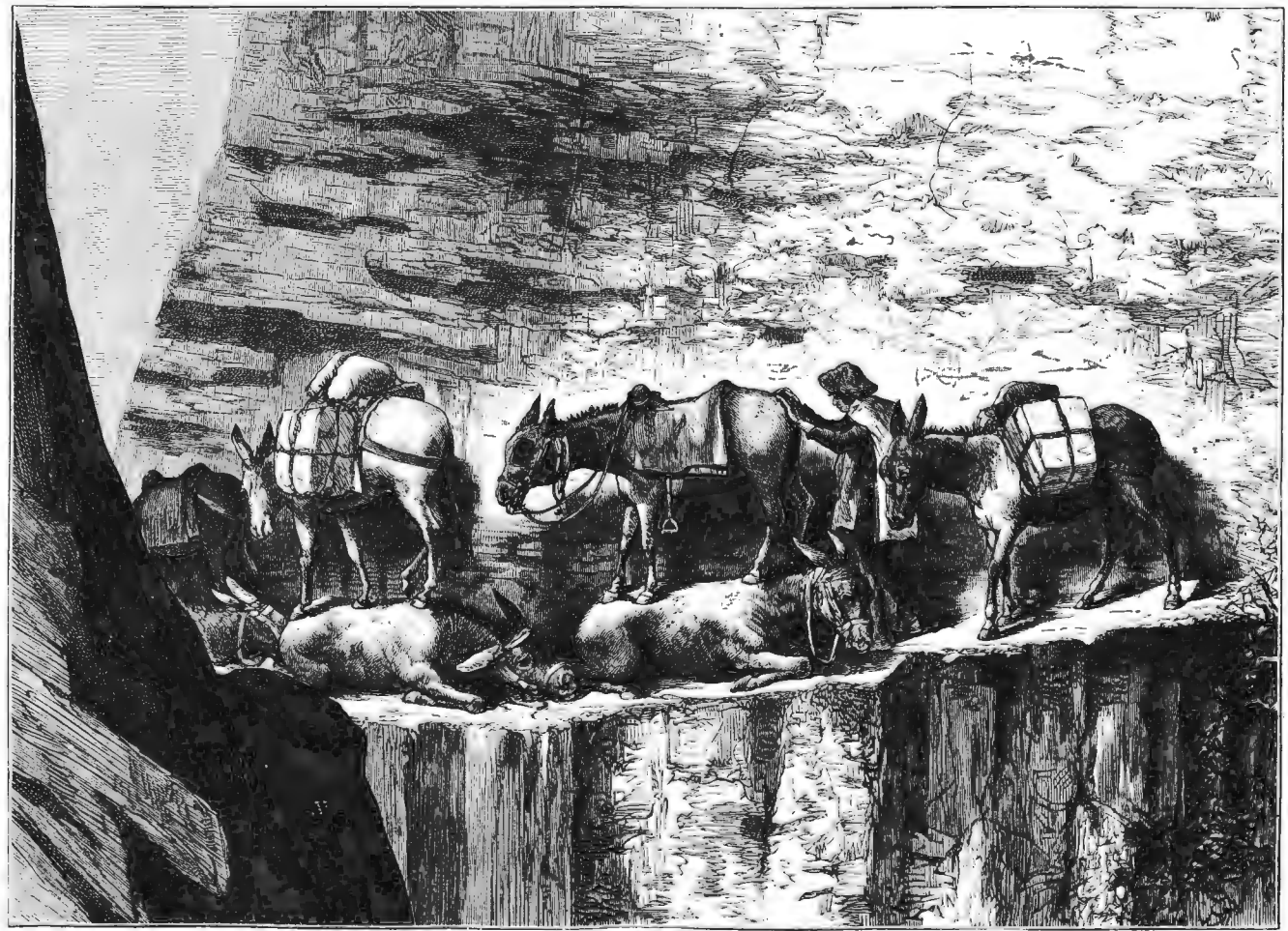
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 3 іюня 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1889 Г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Вездѣ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложениями.
При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1889 г., съ 35 рисунками и отд. листъ съ 32 чертеж.
выкроекъ въ натур. величину и 15 рис. выпильныхъ работъ.

Встрѣча вьючныхъ муловъ въ Кордильерахъ. Рис. Ріу, грав. Рашевскій.

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Х.

Мать Варлааму за послѣднее время начала одолѣвать тоска. Не душевная, происходящая отъ разочарованій, несбывшихся надеждъ, — нѣтъ. Въ этомъ отношеніи равновѣсіе игуменъ каждому могло бы показаться завиднымъ. Ни къ чему болѣе она не стремилась, къ смерти готовилась, ни въ чемъ не сомнѣвалась. Постигла ее тоска тѣлесная.

— Ноги прежде не чувствовала, говаривала она, — а нынче чувствую, и не болятъ, а вотъ знаю что есть онѣ, — тянетъ ихъ какъ-то, ну и въ поясницѣ томленіе. Лягу — повернуться трудно, встать хочу — встать больно. Сказано: плоть немощна. Сидѣть тоже нудно, а ходить пойдешь, ноги подкашиваются. Сдѣлаешь шага два-три и ужъ такъ бы и привалилась куда...

Выслушавъ подробный отчетъ о посѣщеніи Рядновымъ ея рисовальной школы, довольная за нее и счастливая похвалой „сугубаго гостя“ (ипостасный господинъ, сказываютъ въ самомъ Питерѣ его знаютъ и уважаютъ, какъ же! Знаменитый господинъ, не шалда какая празднопатающая!), немного разволновалась она, походила-походила по своей кельѣ и на воздухъ ее потянуло. За послѣднее время впрочемъ всѣ ея прогулки совершались въ заколдованномъ кругѣ монастырскаго кладбища. Все она выбирала себѣ могилу сама. („Ой, пора-пора! Кость мозжить, земля въ землю просится, и душенькѣ-то въ лохмотьяхъ этихъ“, указывала она на свое отекавшее, тучное тѣло, — „куда какъ трудно — на волю ей пора, ждетъ не дождется, скоро-ли призоветъ ее къ себѣ Царь Небесный“). Правилось ей и мѣстечко у юродивой Ирины — липы цвѣли тамъ и пчелы роились, и кувшинчики голубѣли таково-ли привѣтливо да ласково; и около Капитолины тоже хорошо было, вязы тамъ къ самой землѣ опускали свои вѣтви и цвѣлые дни по нимъ суетились и щебетали птицы... Такъ и сегодня позвала она свою бѣлицу, сильную простую дѣвушку Ѳеклисту, ушедшую въ обитель отъ отцовскихъ побоевъ.

— Ну-ко, блаженная, спаси тебя Богъ, подмоги-ка мнѣ старой да хворой.

Та взяла ее подѣ локотокъ.

— Ну ужъ а ногами-то я п сама перебирать еще въ силахъ... Эхъ, старость, старость!.. Пришла я сюда такая же какъ ты сильная да здоровая. Животрепачая была бабочка, чтò говорить... Ну а теперь пора, въ землю расту вишь... Какъ осень придетъ, такъ и я съ лѣтомъ уйду отъ васъ. Спасайтесь безъ меня, голубки...

Пришла она на кладбище и только что потянула носомъ „вимиамы цвѣточные“ („цвѣты-то тоже Богу молятся, у нихъ свой языкъ, не словами, а ароматами,“ объясняла она Ѳеклиствѣ, на чтò та только сопѣла да хмыкала), вдругъ видитъ, сидитъ и плачетъ на дерновой скамьѣ любимица ея, Вѣрочка.

— Что ты радость? Ишь!.. Обидѣлъ кто тебя? Подѣ ко мнѣ.

— Никто не обидѣлъ, это я такъ, отъ радости, бабушка...

— Отъ радости плакать не надо. А ты помолись — и пройдеши... Слышала я, слышала какъ тебя питерскій-то богوماзь превознесъ. Сказываютъ, знаменитый онъ господинъ и отъ всѣхъ вельможъ ему идетъ сугубое вниманіе. Ну, дай Богъ, дай Богъ, вздохнула она, — дѣвица ты выросла у насъ умная, простая, хорошая... Нельзя про тебя ничего дурнаго сказать. Не даромъ мы на тебя сколько годовъ радовались. Говорила мнѣ Серафима, охъ искушеніе, что онъ тебя въ Питерѣ

зоветь учиться... Ну что жь... И я давно твоей бабушкѣ говорила, не слѣдъ соколу-то явному жить съ утицами сѣрыми... Да не слушала она меня. Ну, а теперь вотъ и ипостасная особа то же самое ей скажетъ...

— Ей нельзя ѣхать, бабушка. Куда ей старой и дряхлой...

— Отчего нельзя? Она старая? Какая она старая, коли ей... Поди и шестидесяти пяти лѣтъ нѣтъ.

— Шестидесять семь.

— Ну вотъ... Я вотъ старая. На восьмой десятокъ склонилась!.. Чтò же ты думаешь?

— А и сама не знаю. Коли одна поѣду — не пересеть она этого.

— Коли Господь ей твердости не далъ, не перенесеть... Охъ, искушеніе... Иной разъ человѣцы и распустили бы хвосты навлиномъ, а Богъ-отъ тутъ: смиришь, говоритъ, и не превозвышайся, да... Объ томъ ты и плачешь?..

— Нѣтъ... А такъ, и хорошо мнѣ, и смутно...

— Ну, это слезы легкія... если отъ хорошаго. Смотрю я, смотрю, дѣтко, вотъ въ уголокъ этотъ, что между Капитолиною-то и затворницей нашей Меланіей — святая была, должно теперь тамъ молится за насъ недостойныхъ — и очень мнѣ куточекъ этотъ по душѣ... Такъ бы и легла я тамъ. Ты какъ думаешь — красиво, а?..

— Очень, бабушка... А вамъ зачѣмъ?

— Да все же могилку-то себѣ еще въ живѣ приспособить хочу... Чтò же, благословить что-ли Акимку рыжаго, пуцай его, спасенный, роеть. Ѳеклиста, сбѣгала бы ты къ нему утречкомъ завтра... Исподволь-то, не торопясь и ему легко, и мнѣ любо станеть. По крайности загода увижу, какъ лежать буду.

— Рано вы, бабушка, собираетесь.

— Молодому-то все рано. А Богъ знаетъ и спрашивать не станеть, а какъ часъ придетъ и иди къ нему на судъ. Что ты, скажетъ, грѣшная раба... Охо-хо-хо! А и тотъ вонъ уголочекъ около юродивой нашей, около Ирины, тоже хорошъ, — тѣсно маленечко, ну да мы съ нею въ землѣ-то не поссоримся. Рукъ-то тамъ не раскинешь, лежи, какъ положить. Ужъ подождачь что-ли? Слышь, Ѳеклиста, завтра ты не забывай Акимку, я еще подумаю. Ну, Господь тебя спаси!.. Возьми-ка меня, дѣвушка, подѣ локотки, вотъ такъ... Недуги наши...

И поддерживаемая сопѣвшею Ѳеклистой, игуменья пошла домой...

И легко, и радостно, и смутно было на душѣ у Вѣрочки. Она не долго оставалась здѣсь и направилась опять къ себѣ въ мастерскую. Тамъ бѣлицы вѣрно про нее говорили — какъ вошла она такъ и смолкли. И заработали сильно.

— Чего вы? То какъ чечотки языками звоните, то словно воды въ ротъ набрали... весело замѣтила имъ Вѣрочка.

— А мы, дѣвушка, про тебя судачили, засмѣялась ей Алена.

— Ну что жь такое. И при мнѣ можно.

— Вотъ Маша-то ужъ и замужь тебя выдала.

— За кого это?

— А за адманта этого брульянтоваго, за самого-то пресвѣтлаго Ряднова.

— Тоже нашли, покраснѣла Вѣрочка. — Да онъ на меня и не посмотритъ — чтò я передъ нимъ.

— Небось, еще какъ смотреть. Въ глазахъ-то у него какіе хвостики виляютъ, сдѣлай милость.

— Ужъ вѣрно давно и женатъ онъ.

— А гдѣ кольцо? Кабы женатъ былъ, кольцо бы послѣ... Я ужъ и то на руки ему смотрѣла.

— Старъ онъ для Вѣрки-то... Полно вамъ, дѣвки, дурить. Эки несуразныи! То словно казанскіи сироты сидятъ, то распустятъ, лукавки, языки и давай болтать ими, что овцы хвостомъ.

— Это Ирина, потому что ей самой королевичъ-то папъ поправился, смѣялась Алена. — Такую она теперь напишетъ картину, что матушкинъ братецъ сейчасъ ей пословъ персицкихъ съ дарами пошлетъ и за себя ее возьметъ. И станетъ тогда Ирина-то наша, дѣвоньки, каждый день по зарямъ умыватися, шелковымъ платомъ утиратися, пряниками вяземскими закусывать.

Кругомъ все захохотали.

— Онъ, сказываютъ, здѣсь гдѣ-то себѣ и горенку нанялъ. Рисовать будетъ у насъ. Обитель ему очень по душѣ пришлась.

— Чтожь, давай Богъ, и насъ прославить. Станутъ сюда люди ѣздить, намъ гостинцы возить.

— Стоеросовые, для тебя. А что, дѣвоньки, можно въ монастырѣ свадьбы вѣнчать?

— Еще чего. Ужь не ты-ли собираешься за Акимку рыжого?

— Нѣтъ ее банный домовой облюбовалъ—какъ смеркнется, такъ онъ косматый и ходитъ кругъ ея кельи, ходитъ да урчитъ: у-у-у!

Все такая же смутная и радостная пла домой Вѣрочка... Она даже позабыла со Степанидой попрощаться, къ крайнему неудовольствію старушки.

— Инъ какая забенная стала! Аль языкъ у тебя у вострухи отвалился? заворчала подворотница.

— Прости, бабушка... И въ самомъ дѣлѣ забыла.

— Богъ проститъ... Старому человѣку, сама знаешь, только и радости, что уважаютъ его да почитаютъ.

— Я не хотѣла тебя обидѣть.

— Знаю... ты меня прости... Сидишь здѣсь, сидишь... Рада бы перемолвиться—да вотъ только Жучка одна и есть собесѣдница.

Старая собака, тоже вся побѣлѣвшая, захлопала хвостомъ о землю, поднимая съ нея пыль.

— Вѣтки мы съ тобою стали, вѣтки... Анфисѣ Кирилловнѣ кланяйся отъ меня, воструха...

Вѣра побѣжала къ себѣ не по дорогѣ, а по полю. Въ дверяхъ дома она замѣтила хлопотавшую о чемъ-то Устинью.

— Что ты это?

— Гости у насъ... Принесло чертей! отмахивалась она крайне недовольная.

— Какіе гости?

— Да бабушка жильца пустила мірскаго. Не было еще печали.

Вѣрочка вошла въ горницу и удивилась даже. За столомъ въ ожиданіи обѣда сидѣлъ вмѣстѣ съ бабушкой Серафимой и Рядновъ.

— Я и не зналъ, что у васъ нашелъ себѣ комнату, радостно улыбнулся онъ ей. — Ну и слава Богу. Я-то очень радъ. Станемъ мы теперь рисовать съ вами. Я васъ поопытиѣ — чего еще не знаете покажу, анъ смотришь и самъ помолодѣю съ вами.

Бабушка—точно ее обнесло всю. Только моргала да престилась.

— Чтѣ съ тобою? пристала къ ней внучка.

— Какъ ужъ... что ужъ... и въ толкъ не возьму... Не разберусь ужъ. Такъ онъ про тебя наговорилъ мнѣ, что и ухамъ не вѣрю. Точно съ неба сверзилось. Жили-жили тихо, скромно, благословенно—и вдругъ, невѣсть какимъ вѣтромъ навѣяло... И то и другое. И такая ты и саякая... Какъ ужъ жить-то тутъ, я и ума не приложу.

— Какъ жили, такъ и жить будемъ.

— Охъ... улетишь ты у меня, пташка. Не удержатъ тебя теперь въ влѣтѣ нашей убогой.

Вѣрочка только смѣялась, цѣлуя старушку.

Апфиса Кирилловна, заботясь о приумноженіи внучки-на капитала, сдавала, случалось, богомольцамъ нѣсколь-ко комнатокъ со столомъ въ своемъ домѣ. Городской ямщикъ прямо къ ней привезъ Ряднова и тотъ нанялъ себѣ помѣщеніе именно здѣсь. Ему все нравилось тутъ: и чистота комнатъ, и идиллическій складъ жизни, и сама богобоязненная старушка, и ворчливая Устинья, и даже котенокъ, вылѣзшій изъ ваты ему на встрѣчу и сладко такъ и дремотно замурлыкавшій у него на колѣняхъ съ бѣлымъ пушкомъ на носу и наивными, глупыми, веселыми глазами. Когда же онъ пришелъ сюда вмѣстѣ съ сестрою и та сообщила ему, что это домъ Вѣрочки, Рядновъ обрадовался еще больше. До сихъ поръ въ немъ не угасло еще святое пламя любви ко всему прекрасному.

Не смотря на то, что позади за нимъ были долгіе годы изсушающей работы, что жизнь на первыхъ порахъ вовсе не щадила его, а обколачивала отовсюду,—художникъ сберегъ въ душѣ своей способность радоваться всякому таланту. Другіе въ его годы уже дѣлались ремесленниками, болѣе или менѣе совершенными, но повторяющимися, выработавшими себѣ тѣ или другіе шаблоны и думающими лишь объ одной паживѣ. Когда онъ вспоминалъ сверстниковъ, съ которыми вмѣстѣ когда-то учился въ академіи, потомъ ѣздилъ въ Римъ и горѣлъ пламенною любовью къ вѣчнымъ идеаламъ красоты и правды—ему за нихъ становилось и больно, и стыдно. Такими-ли они были тамъ подъ темно-голубыми небесами Итали, до перваго, крупнаго успѣха. Его успѣхъ этотъ не испортилъ, не развратилъ, не загасилъ въ немъ души... Понятно съ какимъ радостнымъ изумленіемъ въ этой, ничего не обѣщавшей ему глуши, онъ, какъ библейскій елень, жаждавшій источниковъ водныхъ, наткнулся на родникъ чистаго и свѣжаго талаша, какимъ именно представлялась ему Вѣрочка. Да, сидя здѣсь за столомъ и отвѣчая на разспросы сестры, онъ въ то же время задумывался, какъ бы во чтѣ бы то ни стало вытащить отсюда эту дѣвушку на свѣтъ, на просторъ и поставить ее свѣжею и сильною на прямую дорогу искусства. Онъ былъ идеалистъ до сихъ поръ, можетъ-быть именно поэтому онъ не сдѣлалъ себѣ богатства, а приобрѣлъ только крупное имя. Онъ работалъ не много, но всякое его произведение заставляло подниматься на ноги всѣхъ, кому дорога была художественная правда. Всѣ отѣнки, всѣ живописные цехи, сектанты искусства сходились въ уваженіи къ нему. Критика находила для него столько восклицательныхъ знаковъ и прилагательныхъ, что въ ея распоряженіи для другихъ уже не оказывалось таковыхъ. Можетъ быть поэтому онъ и былъ чуждъ зависти, что его никогда не сравнивали съ другими, а ихъ именно примѣряли на него... Ему не большы были чужіе успѣхи, потому что его успѣхъ никогда не шелъ книзу. Можетъ-быть. Зависть является незамѣтно. Это микроорганизмъ, котораго зарожденіе не подмѣтитъ никакъ. Онъ сказывается впоследствии, уже расплодившись въ душѣ и сердцѣ и заразивъ ихъ своимъ быстро развивающимся ядомъ. Онъ именно заговорилъ съ растерявшеюся бабушкою о томъ, что ей необходимо переѣхать будетъ въ Петербургъ или Москву, гдѣ ея внучка найдетъ настоящихъ профессоровъ и истинную школу. Апфиса Кирилловна сначала было не поняла его, а потомъ, когда въ ея памяти воскресли вывѣски и извозчики, извозчики и вывѣски, вывѣски вверху, вывѣски внизу, вывѣски по сторонамъ, вывѣски впереди и позади—ей страшно стало и закружило совсѣмъ старушку. Точно эти вывѣски уже замелькали въ явь передъ нею и извозчики, и кучера съ крикомъ и бранью загрохотали, обгоняли ее, пересѣкали ей путь, громыхая дребезжащими колесами по крупнымъ булыжникамъ мостовой...

Парижская всемирная выставка 1889. Общій видъ выставки съ птичьего полета. По рис. Ш., грав. Шюблеръ.

— Что ужь... Какъ ужь!.. повторила она въ отвѣтъ.— Ужь и не знаю...

— Да и знать-то нечего, весело торопился что-то доказывать ей новый жилецъ.—И знать нечего, а надо ѣхать!..

— Я ужь... Не знаю ужь... Помру скоро—тогда ужь!

— Ну вотъ, съ неудовольствіемъ протянулъ онъ,— помирать собирается. Вы сначала на свою внучку порадайтесь. Вотъ приведу я васъ на выставку, да какъ увидите вы сплошную и восхищенную толпу передъ ея картинами и услышите крики восторга и шепотъ одобренія (Рядновъ любилъ выражаться преувеличенно, въ этомъ отношеніи камертонъ у него былъ высокъ и тонъ приподнятый), тогда...

Но что такое тогда—старушка не соображала.

Слово „выставка“ опять напомнило ей вывѣски—онѣ казалось ужь и теперь снова мелькаютъ передъ нею. Она не нашла покоя даже и у себя, куда зашла отдохнуть и все сидѣла съ опущенными руками.

XI.

Вѣрочка не долго оставалась съ гостями. Она ушла къ себѣ въ комнату. Ей такъ хотѣлось одуматься, пережить все случившееся сегодня, все такимъ головокружительнымъ ураганомъ ворвавшееся въ миръ и покой ея существованія. Она сѣла на стулъ и засмотрѣлась въ раскрытое окно, за которымъ тяжело висѣли кисти сирени. Сытый, встопорченный воробей суетливо прилетѣлъ, упѣпился за подоконникъ, осмотрѣлъ всю комнату, уморительно наклоняя голову то вправо, то влево, потомъ взволнованно сталъ чистить носикъ, и громко чирикнувъ что-то, исчезъ за цвѣточною клумбой. Подъ нею была скамейка, куда дѣвушка уходила часто вязать и вышивать.

— Хорошо здѣсь у васъ! вдругъ послышалось оттуда.

Вѣрочка разслышала голосъ Ряднова.

— Да, благодать. Главное—тишина эта. Вашихъ суетныхъ бурь мы не знаемъ. Истинно мирная пристань.

— Погоди, сестра. Забудь пожалуйста, хоть на одну минуту, что ты монахиня.

— Какъ же это такъ! Не ожидала я отъ тебя.

— Ахъ, да я вовсе не хотѣлъ тебя обидѣть! нетерпѣливо перебилъ онъ ее.—Я, напротивъ, очень уважаю данный тобою обѣтъ, спасайся сколько и какъ можешь. Я о другомъ. У меня эта Вѣрочка изъ головы не выходитъ.

Вѣрочка только-что хотѣла показаться въ окнѣ, какъ услышала свое имя. Совсе не желаніе узнать о чемъ они говорить будутъ, но какое-то смущеніе приковало ее къ мѣсту.

— Этакій талантъ, и гдѣ же развился—здѣсь. Въ глуши. Скажи пожалуйста—училась она чему-нибудь?

— Какже. Ты не смотри, что она такою простенькою выглядываетъ. Тутъ у насъ были образованныя монахини; теперь, правда, не стало ихъ: оскудѣла вѣра въ нашемъ сословіи, братецъ, охъ, оскудѣла!—онѣ-то и занимались съ нею. Я тоже учила ее. И начитана она весьма. Людей только не видѣла, потому и кажется такою. А что, неловка она, что-ли, какъ на твой взглядъ?

— Нѣтъ, не о томъ совсѣмъ я. Людей, ты говоришь, не видала. Этого вотъ именно жаль. Твоя вина—ты-бы могла ей свѣтъ показать и съ жизнью познакомить.

— Вотъ тебѣ и на!.. Грѣхъ съ тобою только. Вы, мірскіе, до всего доходите суетнымъ умомъ своимъ, и толкомъ разобрать ничего не можете, потому что не правдою Господнею живете, а своимъ свѣтскимъ мудрованіемъ.

— Ну, запѣла!

— Да гдѣ-жь бы я ей свѣтъ показала! Слава Богу—всѣ мы здѣсь надежно отъ свѣта-то укрылись. На колокольню что-ли ввести ее, да оттуда ей: смотри-де свѣтъ, какой онъ?

— Мнѣ тебя не понять совсѣмъ, сестра... Вѣдь городъ близко, что-же ты не могла завязать знакомства тамъ?

— Зачѣмъ это?

— Да хотя-бы для нея.

— Не надо. Потому и выросла она голубицей чистою, что свѣтъ въ это дѣло мѣшаться не могъ. Какъ цвѣточекъ раскрылся подъ монастырской стѣной...

— Для художника не то надо. Ему сильныя ощущенія, какъ весенняя гроза благодатны. Талантъ его будятъ, душу живую воскрешаютъ въ немъ. Что-же ты думаешь долго ее такъ при монастырѣ оставить? Ну, хорошо, положимъ, она здѣсь работаетъ, да вѣдь какъ? Подумай—полное отсутствіе техники. Изъ-подъ cadaго мазка у нея такъ и брызжетъ талантомъ, точно огонь изъ-подъ молота, а въ сущности, посмотри, какъ она рисуетъ. Все это ужасно наивно дѣтски. Вытани руку ея монахини—больше самой будетъ. Ей надобна школа настоящая. Разумѣется, будь я женатъ, забралъ бы я ее отсюда, и поминайте какъ звали, не оставилъ бы вамъ такое сокровище.

— Да и мы не прочь отпустить ее. Только вотъ бабушка ея. Не выживетъ. А что касается города, то ты не бывала тамъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ я тебѣ въ праздникъ... послѣ-завтра хоть, покажу ихъ—полюбуйся!.. Чему бы тамъ наша королевшна научилась? Нѣтъ, это ты оставь. Слава Богу, что мы выростили ее такую.

— У нея есть какія-нибудь средства?

— Да, какже! У бабушки—тысеченокъ пятокъ, да отъ матери ей осталось ей столько же. Землица гдѣ-то, говорятъ рублей четырехста въ годъ доставляетъ.

— Отчего бабушка ея не постриглась?

— Она и безъ того, видишь ли, что твоя монахиня. Строгой жизни старуха. Пуще насъ еще всѣ обѣты исполняетъ. А только давно бы она постриженіе припяла и мы бы охотно полюбили ее вѣдь, но тутъ есть секретъ какой-то. Она его намъ не рассказывала, а мы не разспрашивали. Отецъ Симеонъ былъ и зналъ—да молчалъ. Ни слова никому не говорилъ...

Вѣрочка еще въ первый разъ слышала объ этомъ. Она всполошилась вся даже—какой это секретъ отъ всѣхъ могъ быть у бабушки?

— Что-нибудь изъ ея прежней жизни или касающаея Вѣрочки? спросилъ Рядновъ.

— Нѣтъ, видишь: когда была еще жива мать Капитолина, то она рассказывала будто...

Дѣвушка вся насторожилась, но ей не суждено было сегодня узнать даже уголка заповѣдной тайны. Дѣло въ томъ, что Маруська, потягиваясь и мурлыча, выбралась было на подоконникъ и лапки тамъ свѣсила. Жмурыкъ на солнцѣ, она лѣниво помахивала пушистымъ хвостикомъ. Она уже засыпать стала, какъ вдругъ все тотъ же суетливый, злополучный воробей нахально помѣстился на вѣтку у самаго ея носа. Маруська обидѣлась, поднялась, и даже ротъ раскрыла. Задрожала вся, а наглецъ покачивался на стеблѣ сирени, какъ будто это вовсе до него не касается, зачиликалъ, да такъ задорно и громко, что котенокъ намѣтился, примѣрился, выбралъ моментъ, когда воробей зачесалъ у себя подъ крылышкомъ, да и перемахнулъ къ нему... Увы! Маруська и не сообразила, что вѣтка, достаточная для воробья, ее не сдержитъ, и оборвалась прямо на мать Серафиму. Та подняла крикъ. Вѣрочка тоже должна была выйти изъ своей засады и побѣжала къ старушкѣ со стаканомъ воды въ рукахъ.

Мать Серафима успокоилась, но уже не отпустила отъ себя Вѣрочку.

— Сиди здѣсь, съ нами. Или скучно тебѣ?

— Нѣтъ. Отчего-же?

При ней художникъ больше не разспрашивалъ сестру,

и бабушкина тайна такъ и осталась пока невѣдомою для внучки.

— Учиться, учиться вамъ еще надо—много учиться! обернулся къ ней Рядновъ.

— А вы долго учились? перѣшительно спросила она его, и покраснѣла.

Обитель вовсе не научила ее непринужденно и беззапѣчно говорить съ посторонними.

— Я! усмѣхнулся онъ,—и до сихъ поръ учусь.

— Вотъ!.. подняла она брови.

— Вы удивляетесь? Учиться всегда надо. Наблюдай, копи впечатлѣнія и трать изъ этого капитала только проценты. Все изучай, что подъ руку идетъ. Тѣнь вотъ отъ этого куста легла на зеленую травку. Смотри какъ травка кажется здѣсь и тамъ какъ... Человѣкъ попался—въ него всматривайся. Уродъ ли онъ, красавецъ ли—все равно. Даже дурную картину изучай, какъ бы у тебя ея недостатокъ не повторились. Смотришь и замѣчаешь, что въ ней только дальше проведено то, что у тебя въ самомъ зародышѣ есть, ну, и всѣ несовершенства твои ясно тебѣ сказываются. Это большая наука, Вѣрочка, трудная, копотливая. И читать надо—много читать. Чтобы писать человѣка, надо изучить его и въ прошломъ, и въ настоящемъ, да и не одного его, а и обстановку, въ какой онъ живетъ—страну его, народъ... И все это надо. Все. Старые художники еще дальше шли. Слыхали-ли вы о Микель Анджело, Леонардо да-Винчи?

— Какъ-же, и видѣла гравюры съ ихъ картинъ.

— Да, ну такъ они прежде, чѣмъ кисть въ руки взять, анатомами были, изучали тѣло человѣческое. Оттого и рисунокъ у нихъ такъ силенъ и правиленъ. И фугуры ихъ всѣ такъ пропорціональны. Рядомъ съ художественной, идетъ у нихъ и техническая правда... А у насъ нынче начинаютъ иначе работать. Нутромъ все—есть талантъ и давай писать швабрами,—чѣмъ небрежнѣе, тѣмъ лучше... Впрочемъ, вотъ и сами увидите...

— Гдѣ?

— Не все же вы здѣсь сидѣть будете... Въ колодцѣ этомъ.

— Въ чемъ?

— Въ колодцѣ.

— Какой же это колодець? обидѣлась Вѣрочка и смѣло подняла на него глаза.—Здѣсь всѣ такіе хорошіе и добрые.

— Я не объ этомъ совсѣмъ. Я не противъ того, чтобы разбитые и измученные жизнью въ монастырь шли. Кому покой нуженъ, у кого и умъ и мускулы для борьбы и работы ослабли. Ну, а вамъ здѣсь стыдно.

— Поговори, поговори съ нимъ! недовольно отозвалась мать Серафима.—Онъ тебя научить... Иоаннъ Златоустъ какой выискался.—И монахиня тяжело поднялась, и переваливаясь пошла въ домъ.—Чайку прикажу собрать на воздухѣ.

Вѣрочка воспользовалась ея отсутствіемъ.

— Вотъ о чемъ я хотѣла спросить васъ. Что по вашему должна я сдѣлать?

— Бѣжать отсюда. Живая къ живымъ.

— Живымъ... И здѣсь не мертвымъ.

— Талантъ—это обязательство. По немъ уплата съ васъ потребуется—и людьми и Богомъ. Что-же вы станете себя морить здѣсь!

— Такъ все и бросить?

— Да! И жалѣть нечего. Не навсегда прощаетесь. Вздумали и вернулись посмотрѣть, все-ли здѣсь на своемъ мѣстѣ. Прямо, знаете, какъ хорошіе пловцы, трахъ въ воду съ головою! И чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше.

— Страшно.

— Чего страшно? Что жизнь помнетъ? Намъ, художникамъ, это на пользу бываетъ. Только объ одномъ надо заботиться—любовь къ человѣку сберечь у себя

въ душѣ. Чтобы этотъ огонекъ не погасъ. Вотъ если его задуетъ—тогда плохо. Тогда отъ художника только мастеровой остается. Въ міръ, въ міръ, милая вы моя дѣвочка, и безъ оглядки! Обитель и безъ васъ стоитъ крѣпко. Вотъ мать Серафима, сестрица моя, увѣряетъ, что ее здѣсь легионы аполовъ сторожатъ. При чемъ же вы тутъ-то?

— А бабушка?

— Бабушка, бабушка... Что же ей вашу жизнь заѣдать! И курица не претендуетъ, когда ся цыплята вырастутъ и...

— Что вы говорите это! оборвала его негодующая дѣвушка.—Бросить тѣхъ, кто меня любитъ, кто жизнь свою на меня положилъ всю, кто только мной одной и дышетъ... А еще говорите, что надо любовь къ человѣку сберечь въ душѣ! Хороша любовь если такъ близкихъ-то бросать. Круть, верть—и кончено.

— Да... разумѣется вы правы. Впрочемъ, вѣдь и отсюда вы хоть каждый день писать можете.

— Нашли! Замѣнили чѣмъ... Нѣтъ ужъ, знаете, лучше не смущайте меня—и безъ того отъ вашихъ словъ голова закружилась. Ходуномъ все кругомъ идетъ. Слушать-то васъ я думаю грѣшно даже.

А самое такъ и типетъ слушать.

— Вотъ такъ его, Вѣрочка, торжествовала стоявшая у окна мать Серафима.—Что, братъ, ты думаешь у васъ у однихъ у мірскихъ своя правда... Нѣтъ, у насъ тоже есть она и не вашей чета. Нашель къ кому приравнять, къ курицѣ...

— А развѣ Вѣрочка не мірская?..

— Вѣрочка?.. запнулась монахиня.—Что жъ что мірская, а все-таки она по Божьей правдѣ живетъ. Невѣры вы. Кабы вѣрили да слово Божье знали—и рассуждали бы иначе... Что сказано-то? поди и псалмовъ-то не знаешь, а весь свѣтъ произошелъ: Свѣтильникъ погама моимъ и свѣтъ стезямъ моимъ... Ну ладно, иди-те чай пить... успокоилась она.—Всѣ въ мірскіе какъ тѣ, о которыхъ Соломонъ въ притчахъ своихъ говоритъ: „Возненавидѣша бо премудрость—слова же Господня не прияша...“

А между тѣмъ зерно, зароненное Рядновымъ въ чуткую душу Вѣрочки, быстро пускало ростки и подымалось въ ней цѣлымъ міромъ неопредѣленныхъ и непонятныхъ ей самой стремлений. Первую ночь—она не спала до утра и прометалась на своей постели, сбрасывая Маруську на полъ, пробуя молиться и ощущая, что нѣтъ въ душѣ ея прежняго жара и благоговѣнія. Она зажгла свѣчку и хотѣла читать, но строчки двоились и троились въ ея глазахъ, мелькали передъ ними непонятныя, ничего не говорившія ея смятенному уму. Міръ—тотъ, разстилавшійся за стѣнами обители, искрился и горѣлъ передъ нею радужными красками. Она видѣла себя уже тамъ, среди другихъ людей, среди обстановки незнакомой ей, жизни чуждой, но такой увлекательной и блестящей, такой заманчивой и красивой. „Въ колодцѣ“, повторила она про себя... Хорошо ему говорить, свободному, ничѣмъ не связанному!.. „Въ колодцѣ“... И ей дѣйствительно дѣлалось и холодно, и душно. И тьма охватывала кругомъ, и точно въ самомъ дѣлѣ она опускалась все ниже и безвозвратнѣе на дно этого колодца... Заснула она только подъ утро и тяжелымъ мучительнымъ сномъ. Когда бабушка вошла къ ней, Вѣрочка металась и стонала.

— Что ты... что ты, рѣдная?.. разбудила ее та.

— Это ты... Ну слава Богу. Мнѣ невѣсть что чудилось.

— Опять на колокольню что-ли вѣшали? Ужъ вѣсто картины не тебя-ли самую.

— Нѣтъ. Хуже. Привидѣлось мнѣ, бабушка, что подползъ ко мнѣ большой болотный змѣй, весь сѣрый въ черныхъ кольцахъ, и обвился онъ вокругъ меня и душить сталъ, а пастью прямо въ лицо мнѣ дышетъ и

жаломъ грозить. Хочу я крикнуть — не могу, отбить-ся — руки не шелохнутся...

— Господь съ тобой!.. Это все отъ крови... кровь въ тебѣ ходитъ...

— Какая кровь?..

Весь этотъ день и слѣдующіе за нимъ, дѣвушка из-бѣгала встрѣчь съ Рядновымъ.

— Вы точно спрячетесь отъ меня! замѣтилъ онъ ей какъ-то, наткнувшись на нее у входа въ обитель.

— Нѣтъ, что же... покраснѣла та.

— И хорошо дѣлаетъ... отвѣтила за нее бабушка Степанида. — Что бы это за дѣвица была, коли бы она отъ мускова сословія не пряталась. И завсегда ее хвалить за это буду. Значитъ настоящаго природу. Не вѣтренница. И ты ее не упрекать за это долженъ, а напротивъ хвалить...

— Я ее и не упрекаю, смѣялся онъ.

— Нѣтъ, мы тоже сидимъ-сидимъ подъ воротами да кое-что видимъ. Глазокъ-то и у насъ за все про все запущенъ. Насъ не обманешь. А ты слушай меня старуху, и хоть тебя, благородный господинъ, и не знаю, а зла и тебѣ не пожелаю... Присядь ко мнѣ, Вѣрочка... Хорошо дѣлаешь, что отъ кавалеровъ обѣгаешь... Бѣгай, бѣгай отъ нихъ...

XII.

Вѣра далеко не была такъ наивна, какъ могло показаться съ перваго взгляда. Правда, она совсѣмъ не знала жизни, но не знала ее только по своему личному опыту. За то ей много рассказывали о ней монахини, рѣдкая изъ которыхъ не пережила болѣе или менѣе сильнаго потрясенія. Сверхъ того, дѣвушка много читала и, хотя безъ разбора, но вдумывалась въ прочитанное, ставила себя въ положеніе тѣхъ кого описывали ея книги, соображала какъ бы она поступила на ихъ мѣстѣ, и надо сказать правду, не всегда была согласна съ авторами, создававшими эти положенія и находившими исходы изъ нихъ. Такъ и теперь, промучившись и продумавъ цѣлый день, она вечеромъ пришла домой, веселая опять какъ птичка, обрадовавшаяся солнцу послѣ сѣраго дня и дождливой погоды. Она кинулась къ бабушкѣ, обвила ее руками, точно ее хотѣли отнять у нея, и не выпускала старуху.

— Пстой, ну тебя, брось!.. Фу!.. Что ужъ... Затормошила совсѣмъ... Съ чего это ты?

— Знаешь, милая, хороша... Вѣдь мы не расстаемся, а? не разстанемся никогда?

Передъ Анфисой Кирилловной опять замелькали вывѣски, десятки, сотни, тысячи вывѣсокъ. Она отошла назадъ и руками замахала на внучку.

— Нѣтъ ужъ... Если такъ... Что ужъ! Поѣзжай ужъ одна... Богъ съ тобой. Куда мнѣ — я на первой ступици развалюсь.

— Это куда же ты меня гонишь одну?

— А туда... гдѣ это учатся... Я ужъ не знаю... ужъ это ты ужъ у другихъ спроси...

— Ну, бабушка, заужикала, теперь отъ тебя долго толку не добьешься!.. Слушай же лучше мое рѣшеніе. Садись вотъ такъ. Положи руки сюда. Отлично...—Она мимоходомъ поправила волоса, выбившіеся у старушки изъ-подъ чепчика. — Ну, слышишь... Я тебѣ буду теперь говорить: никуда, бабушка, я отсюда не тронусь, а буду, какъ и прежде, жить себѣ здѣсь да поживать.

— Какъ же это... Это ужъ — я не знаю ужъ.

— Не жужжи. Такъ этому быть и никто меня разговорить не можетъ.

— О чемъ вы это? вошелъ въ эту минуту Рядновъ, цѣлый день работавшій сегодня у монастыря.

Вѣрочка сначала смѣшалась и по старой дѣтской еще привычкѣ взидась за неповинное платье и давай его тормошить своими тонкими и красивыми пальцами. Но улыбка, пробѣжавшая по лицу Ряднова,

вернула ей самообладаніе. Она смѣло подняла глаза на него...

— Такъ, я бабушкѣ это рѣшеніе свое объявляла.

— Смѣю спросить, по какому вопросу?

— А относительно своего отъѣзда въ Петербургъ, учиться.

— Ну значить поздравить васъ?

— Да. Я остаюсь здѣсь, дома!

— Вотъ тебѣ и разъ, опѣшилъ Рядновъ.—Какъ же это, барышня? А работать?

— Да вѣдь вы рассказывали, что начали двадцати двухъ лѣтъ. Да? Значитъ у меня много еще впереди остается. Будетъ время. Успѣю... И вся раскраснѣвшаяся она отправилась къ себѣ.—Бабушка! крикнула она старушкѣ изъ своей комнаты. — Вамъ ужъ и одѣваться пора. Скоро зазвонятъ къ вечернѣ.

— Я сейчасъ-сейчасъ...

Старушка совсѣмъ развеселилась и глаза у ней заблестѣли, и заходила она проворно, и даже кота за ухо дернула.

— Зачѣмъ, дрянь этакая, на комодъ забираешься, вотъ тебѣ!

Короче, ее нельзя было узнать теперь — ожила.

— Вотъ, видишь, какой еще ты молодецъ, смѣялась ей Вѣрочка. — Да, ты молодецъ, а кошка дура, дура... Дура Марусяка...

Какъ разъ въ эту минуту ударили въ колоколь.

— Вотъ и опоздала, совсѣмъ безпричиннымъ смѣхомъ смѣялась Вѣрочка. — Вотъ и опоздала.

Но та только накинула на себя большой ковровый платокъ и пошла.

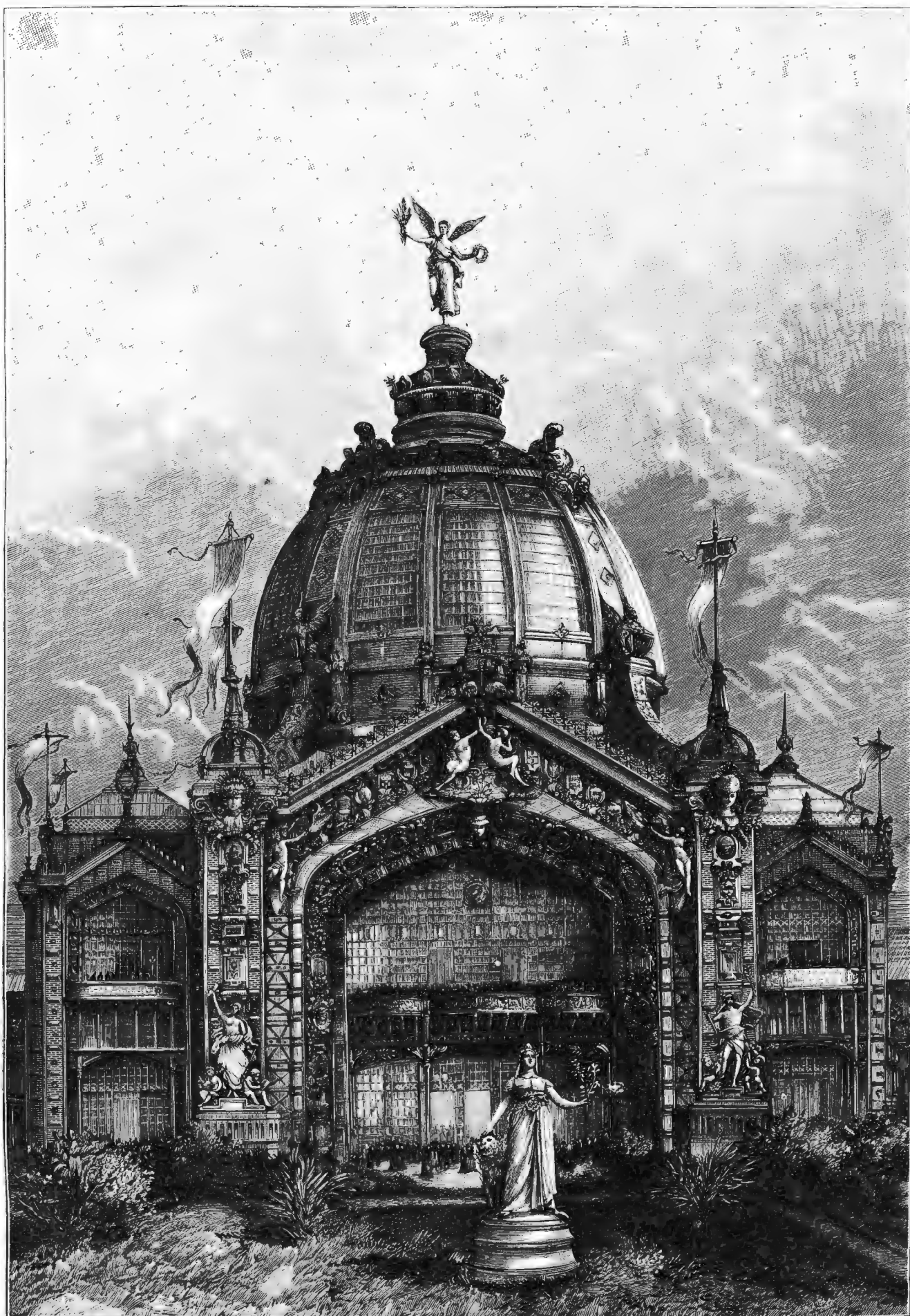
— Меня вѣдь, старуху, никто не осудитъ! оправдалась она. — Мнѣ не передъ кѣмъ...

Служба сегодня шла у Варвары великомученицы. Маленькая церковь вся горѣла огнями, было душно. Сильно пахло воскомъ и ладономъ. Мать Варлаама распорядилась открыть окна, и пѣніе молодыхъ монахинь разносилось далеко посреди высокихъ стѣнъ монастыря. Рядновъ тоже пошелъ туда, но не выдержавъ жары и кое-какъ выбрался сначала на паперть, а потомъ сталъ у окна. Голубой вечеръ все густѣлъ незамѣтно подкрадывавшимся къ западу сумракомъ. Двѣ-три звѣздочки, вспыхнувъ въ глубинѣ надъ обителью, робко замигали, словно смаргивая слезы... Художникъ засмотрѣлся въ открытое окно церкви. Желтый свѣтъ струился отсюда въ окутывающую его синюю, смутную марь. Желтый свѣтъ, то застилавшійся клубами сизоваго дыма, то разгоравшійся огнистыми языками свѣчей. Онъ различалъ отсюда и матовый блескъ окладовъ, и черные силуэты монахинь мирно опускавшихъ и подымавшихъ головы. Вонъ и русоволосая Вѣрочка стоитъ... Какъ ясно ея лицо, какимъ безмятежнымъ спокойствіемъ вѣютъ его черты!.. Хорошо-ли онъ дѣлалъ, что звалъ ее въ омутъ житейскаго моря, подъ бури и грозы его? Хватило-ли бы у нея силъ, у взросшей здѣсь, подъ звонъ этихъ колоколовъ, въ тѣни надежныхъ стѣнъ? Хватить-ли у нея энергии тамъ?..

— Брось, оставь, не смущай! говорилъ ему какой то голосъ. — А лучше уходи прочь отсюда, не вноси раздвоенія и неразрѣшимыхъ сомнѣній въ эту свѣтлую душу...

А Вѣрочка, успокоенная и рѣшившаяся, молилась сегодня легко и хорошо. Ее ужъ ничто не мучило. Туча сторовой прошла, не задѣвъ ея хрустальной души, не затмивъ ея прозрачности—такъ только тѣнь пробѣжала по ней и то мимолетная... Здѣсь она знаетъ всѣхъ и всѣ ее знаютъ. Здѣсь ей привольно и легко... Чего же болѣе?.. Вонъ написанная ею Богоматерь — какъ хорошо смотритъ она въ переобѣгающемъ свѣтѣ лампадъ, колеблемыхъ вѣтеркомъ изъ окна, на всѣ эти блѣдныя, изможденныя, склоняющіяся передъ

Парижская всемирная выставка 1889. Центральный павильонъ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

псю лица... Можетъ быть Вѣрочка и неправильно ее написала — да вѣдь лучшихъ здѣсь не было еще... И она начинала гордиться своей работой...

Пусть будетъ пока все какъ было, а тамъ что загадывать! Чтѣ Богъ ей укажетъ.

Прошла еще недѣля. Рядновъ смотрѣлъ ея картины, училъ ее, но ни однимъ словомъ не заикался о прежнихъ своихъ планахъ. И она совсѣмъ сжилась съ нимъ и помирилась. Да и прежде она не сердилась на его вмѣшательство въ ея судьбу... Разъ она сидѣла въ мастерской и работала, какъ художникъ озабоченно вошелъ къ ней.

— Здравствуйте и прощайте, Вѣрочка. Да благословите васъ Богъ!.. Такъ, кажется, по вашему?

— А по вашему развѣ иначе? съ тихимъ укоромъ поклонила она голову. — Куда это собрались вы?

— Вотъ сейчасъ получилъ телеграмму, надо ѣхать, очень важное дѣло. Гдѣ мнѣ сестру найти?

Что-то словно защемило въ сердцѣ у Вѣрочки. Ей разомъ стало больно. Она даже поблѣднѣла и кисть упала изъ рукъ ея, проведя безобразную черту по начатой картинѣ.

— Что вы, родная?..

— Такъ, ничего; не долго же вы погостили у насъ.

— Нельзя, слишкомъ важное и спѣшное дѣло.

Вѣрочка встала.

— Я сама проведу васъ... Мать Серафима вѣрно сидитъ подъ вязами...

Они вышли. Слезы наполнили глаза дѣвушки. Ей хотѣлось, чтобы онъ не замѣтилъ этого...

— Надолго вы уѣзжаете?

— Не знаю... Да вѣдь собственно дѣла у меня никакого нѣтъ здѣсь.

— Пожалуй навсегда оставляете насъ?

И голосъ ея дрогнулъ.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— А вамъ развѣ жаль меня будетъ? спросилъ онъ.

— Да, я привыкла. Вы такъ много сдѣлали теперь для меня. Мы вѣдь здѣсь привязчивы...

— Вотъ чтѣ, Вѣрочка,—мало-ли что случается,—возьмите мой петербургскій адресъ. Если вы когда-нибудь попадете въ положеніе, которое потребуетъ чѣй-нибудь помощи или совѣта, не обращайтесь ни къ кому кромѣ меня. Слышите? Я сейчасъ же отзовусь, получивъ отъ васъ письмо или телеграмму...

— Благодарю васъ... только и проговорила она, пожимая протянутую ей руку.

Мать Серафима оказалась дѣйствительно подъ вязами. Она было встревожилась отъѣздомъ брата, но тотъ ее успокоилъ...

(Продолженіе будетъ).

Кто-же?

Разсказъ Петра Дорошенко.

(Продолженіе).

VI.

Цѣлый рои новыхъ мыслей, смутныхъ желаній, встрепенулъ въ моей душѣ. Мнѣ неудержимо хотѣлось крикнуть ей, что она безсознательно себя обманываетъ, что грѣшно дробить юношескій пылъ на эти мелкія привязанности, хоронить эту рѣдкую красоту въ глухомъ захолустьѣ, когда за одинъ ея чудно-ласковый взоръ можно жизнь отдать.

Я зналъ, что свѣтлый обликъ Ольги, безыскусственная сердечность ея бесѣды, на-вѣкъ запечатлѣются во мнѣ, и въ эту минуту ясно сознавалъ, что способенъ влюбиться въ нее со всей страстностью юноши, никогда доселѣ не испытаннаго этого чувства. „Вотъ оно—счастье, любовь, настоящая цѣль жизни“, назойливо твердилъ мнѣ незнакомый, но опяняющій голосъ. „Слѣдствие, купецъ Мурашкинъ, поджогъ, трудовая карьера, невозможность связать себя, легкомысленность всякаго признанія“, не умолкая протестовала разумъ, и я словно въ чадѣ принялся быстрыми неровными шагами ходить по комнатѣ. Въ борьбѣ со своими мыслями, я тупо смотрѣлъ, какъ Матрена накрыла ужинъ, какъ шумная ватага дѣтей ринулась къ своимъ мѣстамъ, какъ Ольга своей граціозною постанью подошла къ дымящейся похлебкѣ и принялась разливать ее, и только заботливый голосъ Екатерины Александровны прервалъ нить моихъ размышленій:

— Полно вамъ шаркать по комнатѣ, точно мытникъ. Завтрашнихъ заботъ это не поможетъ размыкать, а пора себя подкрѣпить на сонъ грядущій. Милости просимъ чѣмъ Богъ послалъ.

Я машинально провелъ рукой по лбу и направился къ указанному мѣсту. Она прищурила свои небольшие но ласковые глаза, и взглянувъ на меня, всплеснула руками:

— Чтѣ съ вами, родимый? Не хуже-ли опять къ вечеру стало? Щеки-то какъ макъ разгорѣлись, да и глаза какъ-то странно блестятъ! Ужъ не лихорадка-ли пристала?

Какъ уличный школьникъ, я необдуманнѣмъ движеніемъ попурилъ голову, но сообразивъ всю нелѣпность своего положенія и невозможность для добродушной Екатерины Александровны мгновенно постигнуть мою душевную тревогу, осилилъ себя и отвѣтилъ развязно:

— О лихорадкѣ и помину нѣтъ; я васъ увѣряю что здоровъ вполне. Но, признаться, предстоящая мнѣ на завтра процедура меня сильно волнуетъ. Мнѣ не повезло-ли для перваго опыта. Столько побочныхъ обстоятельствъ легко могутъ дѣло еще затемнить. А кромѣ того у васъ здѣсь очень душно стало.

— Чтѣ съ вами, помилуйте, я и въ байковомъ платкѣ согрѣюсь не могу, возразила Екатерина Александровна.

— Это не удивительно, вставила Ольга, — сегодня не топили, а къ вечеру морозъ всѣ лужи сковалъ.

Я обернулся было къ ней чтобы возразить въ свою защиту и встрѣтилъ ея пылливо-устремленный взоръ. Слово блеснуло между нами. Угадала-ли она произведенное ея впечатлѣніе, только быстрымъ движеніемъ она отвернула го-

лову. Мнѣ почудилось алое зарево залившее ея черты, и въ охватившемъ меня смущеніи, слова замерли на устахъ.

Появленіе Андрея Васильевича выручило меня.

— Я, кажись, замѣшкался, замѣтилъ онъ, потирая свои застывшія руки, но за то всѣмъ распорядился на славу.—Такою вамъ тройку саврасыхъ собралъ, что мигомъ доставятъ васъ въ злосчастную Михайловку. Ты, Оля, распорядись только, чтобы побольше подушекъ подъ больную руку положили. Какъ примется мерзляя кобылдашины отсчитывать, такъ вы, батенька мой, чего добраго и караулъ закричите.

Я пытался отклонить эту излишнюю заботливость, но онъ и договорить мнѣ не далъ.

— Въ чужой командѣ пришлый не распоряжайся, отрѣзалъ онъ.—У меня изстари заведено правило: сказано—исполнено. Оттого и образцовый порядокъ въ домѣ видѣть могли.

И самодовольная улыбка блеснула подъ длинными, сѣдыми усами.

Ужинъ прошелъ оживленно. Дѣти безъ умолку болтали, но лишь только рѣзвость достигала извѣстныхъ границъ, какъ олимпийское движеніе насупленныхъ бровей стараго майора тотчасъ водворяло порядокъ. Екатерина Александровна зорко слѣдила за моей тарелкой, и волею-неволею мнѣ покорно приходилось глотать накладываемые куски, чтобы спова не вызвать подозрѣній о моемъ здоровьи.

Ярѣдка, съ замираніемъ сердца, я взглядывалъ на молодую красавицу. Простота обращенія, отсутствіе всякаго кокетства, невозмутимая чистота лучистаго взора дѣйствовали отрезвляюще на меня.

Самообольщенію не было простора. „Сегодня ты здѣсь, завтра не будешь, а черезъ недѣлю едва-ли и вспомянешь!“ твердилъ я себѣ мысленно, но безъ примѣси горечи.

Прямо изъ-за стола, дѣти подошли подъ родительское благословеніе и, сопровождаемая старшей сестрой, разошлись по своимъ угламъ. Майоръ съ видимымъ наслажденіемъ принялся раскуривать длинную трубку, съ вычурнымъ ятарнымъ чубукомъ, предварительно выставивъ мнѣ ее съ наивной гордостью:

— Полюбопытствуйте, батенька,—тоже трофей въ своемъ родѣ, скажу я вамъ. Еще покойный дѣдъ заслуженнымъ полковникомъ ее изъ Туречины вывезъ. При взятіи Силистрии, на глазахъ самого Суворова отличился. „Помилуй Богъ хорошо, молодецъ Коринъ“, и при всякой встрѣчѣ такъ воспоминалъ его подвигъ. Дѣдъ, въ главѣ своего полка, первымъ ворвался въ крѣпость, важнаго пашу собственноручно въ полонъ взялъ, да на память тогда эту самую трубку прихватилъ. У насъ въ роду всѣ папки на это зелье.

Рѣчь о прославленномъ дѣдѣ породила цѣлый рядъ воспоминаній изъ собственнаго боеваго опыта. Екатерина Александровна пріютилась въ старомъ мягкомъ креслѣ и, не смотря на всѣ усилія, подвижные глаза все суживались, голова тихонько раскачивалась подъ мѣрный тактъ мужниныхъ словъ, пока утомленная не склонилась на грудь, и ровное дыханіе обли-

чло торжество укоренившейся привычки. Въ самый разгаръ его повѣствованій о Севастополѣ, Ольга Андреевна неслышными шагами скользя по комнатамъ, подошла къ матери, любовно посмотрѣла на нее, локвкимъ движеніемъ поправила чепецъ, наполовину сползшій на лобъ и придававшій комическій отгбнокъ ея добродушному лицу, достала изъ корзины пестрое дѣтское платье и, присѣвъ къ столу, принялась за работу. Иголка такъ и блистала въ ея проворной рукѣ.

„Траншеи, окопы, правый флангъ, атака, тылъ непріятеля, картечь“, звучало въ моихъ разсѣянныхъ ухахъ, а взоръ жадно ловилъ малѣйшій отгбнокъ этого задумчиваго, прекраснаго лица, мягко озареннаго свѣтомъ лампы.

„Суждено-ли мнѣ увидать ее снова? Гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ произойдетъ эта желанная встрѣча? Ужели на-вѣкъ я ей останусь чуждымъ? Чѣмъ подарить ее жизнь въ награду за безпредѣльное довѣріе къ ней?“ Эти вопросы, смѣняя другъ друга, возставали въ возбужденномъ умѣ, и сердце невольно томилось подъ гнетомъ непроницаемости грядущихъ дней.

— Однако, пора и по порамъ разойтись. Старуха моя ужъ давно примѣръ подаетъ, заключилъ Андрей Васильевичъ, — да и вы сами точно готовитесь носомъ клонуть.

Привычнымъ жестомъ онъ сдунулъ остывшій пепель, и мнѣ почудилось, что подобный удѣлъ постигнетъ и мои завѣтныя мечты.

— Что ты, Господь съ тобой, напраслину все на меня звонидишь! недовольно откликнулась Екатерина Александровна, встрепенувшись подъ звукъ отодвинутаго кресла.—Я такъ... Что-жъ, Иванъ Петровичъ, обратилась она ко мнѣ, — отгбздъ на завтра, безповоротно?

— Чуть только заря займется, Андрей Васильевичъ обнадежилъ меня, что лошади ужъ будутъ готовы.

— Такъ стало-быть съ вечера проститься надо. Не взыщите съ меня, старухи, что не встану проводить васъ. Оно конечно-бы и слѣдовало, но ужъ такъ она меня изнѣжила,—и при этомъ она ласково погладила своенравно въющіеся волосы дочери,— что не приведи Богъ, какъ теперь тяжела на подъемъ стала.

— Помилуйте, Екатерина Александровна, этого-бы еще не доставало! Мнѣ и такъ стыдно вспомнить всѣ причиненныя вамъ хлопоты. Глубокую и теплую благодарность приношу вамъ за вашъ радушный, чисто родственныи пріемъ, за ласковый уходъ, за все... Вѣрите мнѣ, что краткое пребываніе въ вашемъ домѣ на-вѣкъ отраднымъ воспоминаніемъ сохранится въ моей памяти. Мнѣ и теперь кажется...

Я разсчитывалъ краснорѣчиво описать хоть часть навѣянныхъ ощущений, но голосъ невольно дрогнулъ; мысли снутились.

— Ахъ, родной мой! какое-же тутъ безпокойство! Мы сами душевно рады, что Богъ съ добрымъ человѣкомъ свелъ! И стоять-ли благодарить за такую обыкновенную услугу. Вотъ если въ самомъ дѣлѣ вамъ по сердцу пришлось наше гостепрїимство, то заверните погостить къ намъ, какъ только свободное времячко выберется. Дожливой осенью никакая деревня въ авантажъ не будетъ, за то ужъ лѣтомъ—сушій рай.

— Но съ условіемъ, чтобы чуръ назадъ не торопиться, замѣтилъ маіоръ.—А коль доброй волей не останетесь, такъ я васъ и въ военно-плѣннаго обращу.

— Я высоко цѣню ваше приглашеніе, и конечно не упущу случая воспользоваться имъ, но врядъ-ли мнѣ это скоро удастся, отвѣтила я и горячо подцѣловалъ пухленькую руку Екатерины Александровны, протянутую мнѣ на прощаніе.

— Скоро-ли, нѣтъ-ли, знайте одно, что въ всегда желанныи гость въ Верхяхъ.—Ея губы коснулись моего склоненнаго лба, и голосъ прозвучалъ истиннымъ участіемъ, когда она добавила:—Теперь покойной ночи, а завтра въ добрый часъ. Да сохранить васъ Богъ и испосилетъ вамъ полный усѣхъ.

— Мнѣ раненко вставать не диковинка; еще завтра свидимся, замѣтилъ маіоръ, и на возраженіе, сорвавшееся у меня съ языка сурово произнесъ: „дццъ“, и круто повернулъ на каблукахъ.

Мнѣ предстояло теперь прощаніе съ ней.

Цѣлый рой мыслей тѣснился въ умѣ, а непривычная робость сковывала уста. Тихимъ движеніемъ, Ольга подала мнѣ свою красивую, слегка загорѣвшую руку:

— Будьте счастливы, не забывайте насъ совсѣмъ. Но если ваша хваленая жизнь съ тревогой и борьбой надомитъ васъ или хотъ просто прескучитъ вамъ, вспомните что у тихой пристани бываетъ хорошо; загляните къ намъ.

Я вникъ въ ея черты, силсъ разгадать въ ея взорѣ, не таится-ли подъ этими словами намека, общанія, хотъ блѣдной искры надежды. Нѣтъ, то была пустая мечта. Часъ не пробилъ. Я ясно видѣлъ, что въ сердцѣ ея пока не было мѣста для ивой любви.

— И вы снова приподымите духовный покровъ? Введете за собой въ свое обѣтованное царство?

— Оно вѣдь красно бываетъ только въ лѣтніе звонные дни. Надо еще сперва себѣ усвоить мои мысли, чтобы вполне быть способнымъ оцѣнить его.

И чѣмъ-то свѣтлымъ, безпредѣльно чистымъ обдало меня.

Я страстно желалъ принасть къ ея рукѣ, но непоборимое

смущеніе овладѣло мною. Я только судорожно сжималъ эту руку въ моей, несвязно бормоча:

— Да, мы должны свидѣться, непременно... я это чувствую... тогда, быть можетъ и вы, въ свою очередь... поймете то...

Какое-то сложное чувство, не то изумленіе, не то состраданіельная нѣжность промелькнула въ ея взглядѣ.

— Иванъ Петровичъ, что вы тамъ запронастились! Пора на отдыхъ. Налѣво кругом—аршъ! И высокая фигура маіора съ заженною свѣчой въ рукахъ появилась на порогѣ.

VII.

Тщетно пробовалъ я заснуть въ эту ночь. Картины убогаго прошлаго чередовались съ соблазнительнымъ наводненіемъ возможной будущности, и какъ неотвязный кошмаръ давило сознаніе предстоящей на утро обязанности. Полу-обугленный трупъ Мурашкина, грозное пожарище, понятые, опросъ свидѣтелей, вся эта мрачная сторона жизни казалась еще безотраднѣе въ сравненіи съ идеальными сферами къ которымъ душа моя стремилась вслѣдъ за синеокой обворожительницей.

Когда Андрей Васильевичъ, въ потертомъ халатѣ, съ неизмѣнной спутницей въ лѣвомъ углу рта, взомелъ въ отведенную мнѣ комнату, чувство одобряющаго удивленія сказалось въ его взглядѣ:

— Ага! батенька мой! въ полную дорожную форму ужъ облекся! Вотъ люблю. Достоинъ быть военнымъ.

Высшей похвалы для него не могло быть.

Вслѣдъ за нимъ появилась Матрена, въ красномъ платкѣ, съ растрепанными прядями волосъ выбивавшихся изъ-подъ него, со стоптанными башмаками на босу-ногу, держа въ рукахъ поднось съ дымящимся чаемъ, густыми сливками и цѣлою грудой лешечекъ домашняго издѣлія.

— Отвѣдайте, батюшка, потчивала она, съ широкой улыбкой на измятомъ отъ сна лицѣ. — Прямо съ пылу; кажись потрафила. Барышня приказала съ вами въ дорогу отпустить.

Наскоро напившись чаю и къ вящему удовольствію Матрены расхваливъ ея угощеніе, я всталъ прощаться съ гостепрїимнымъ хозяиномъ.

— Постойте, остановилъ онъ, — не такъ, а какъ подобаеъ православнымъ. Ужели на то столкнуться съ милымъ человѣкомъ, чтобы никогда о немъ болѣе и помину не было?

Повелительнымъ жестомъ онъ указалъ мнѣ на стулъ. Суетившаяся около моихъ политковъ, Матрена мигомъ присѣла на чемоданъ.

Наступила минута молчанія.

Маіоръ всталъ, перекрестился и троекратно облобызался со мною.

— Ну, теперь съ Богомъ, въ путь, и я въ правѣ разсчитывать, что вы непременно побываете въ нашихъ палестинахъ.

Я возразилъ, что отнынѣ это станетъ моимъ самымъ пылкимъ желаніемъ, и посреди изъявленій моей признательности, мы вмѣстѣ направились къ подъѣзду.

Кругомъ была мертвая тишина, и въ опустѣлой гостиниой царилъ сѣрвато-печальный полу-тонъ медленно вступающаго въ свои права дневнаго свѣта.

Жаднымъ взоромъ я окинулъ все это мнѣ хорошо знакомое убранство, какъ-бы силсъ урвать изъ него что-то и унести съ собою въ скитальческую жизнь.

Въ выходномъ коридорѣ, намъ на встрѣчу быстро мелькнула бѣлая тѣнь, стараясь скрыться въ смежную дверь.

— Стой, бѣглянка, откуда? скомандовалъ маіоръ.

— Ольга Андреевна! радостно воскликнулъ я.

— Я бѣгала къ тарантасу провѣрить все-ли тамъ хорошо уложено. Ты вчера еще самъ приказалъ про подушки. Помнишь?

— И похвалю. Хозяйскій глазъ всюду пуженъ. А вѣдь прерасторпная она у меня? обратился онъ ко мнѣ, и гордая улыбка освѣтила его суровое, обвѣтренное лицо.

— Я совершенно сковфуженъ такою заботливостью, а главное, вы могли простудиться: на зарѣ и въ такомъ легкомъ платкѣ.

— У меня платокъ есть, посмотрите, возразила она, кутаясь поверхъ пепюара во фланелевую шаль.—Не безпокойтесь; меня простуда не беретъ. Правда, напочка, что я въ тебя уродилась?

И неподажаемо граціознымъ движеніемъ, она обвила своими гибкими руками жилистую шею старика, подобно цѣпкой лѣнѣ въющейся вокругъ величаваго дуба.

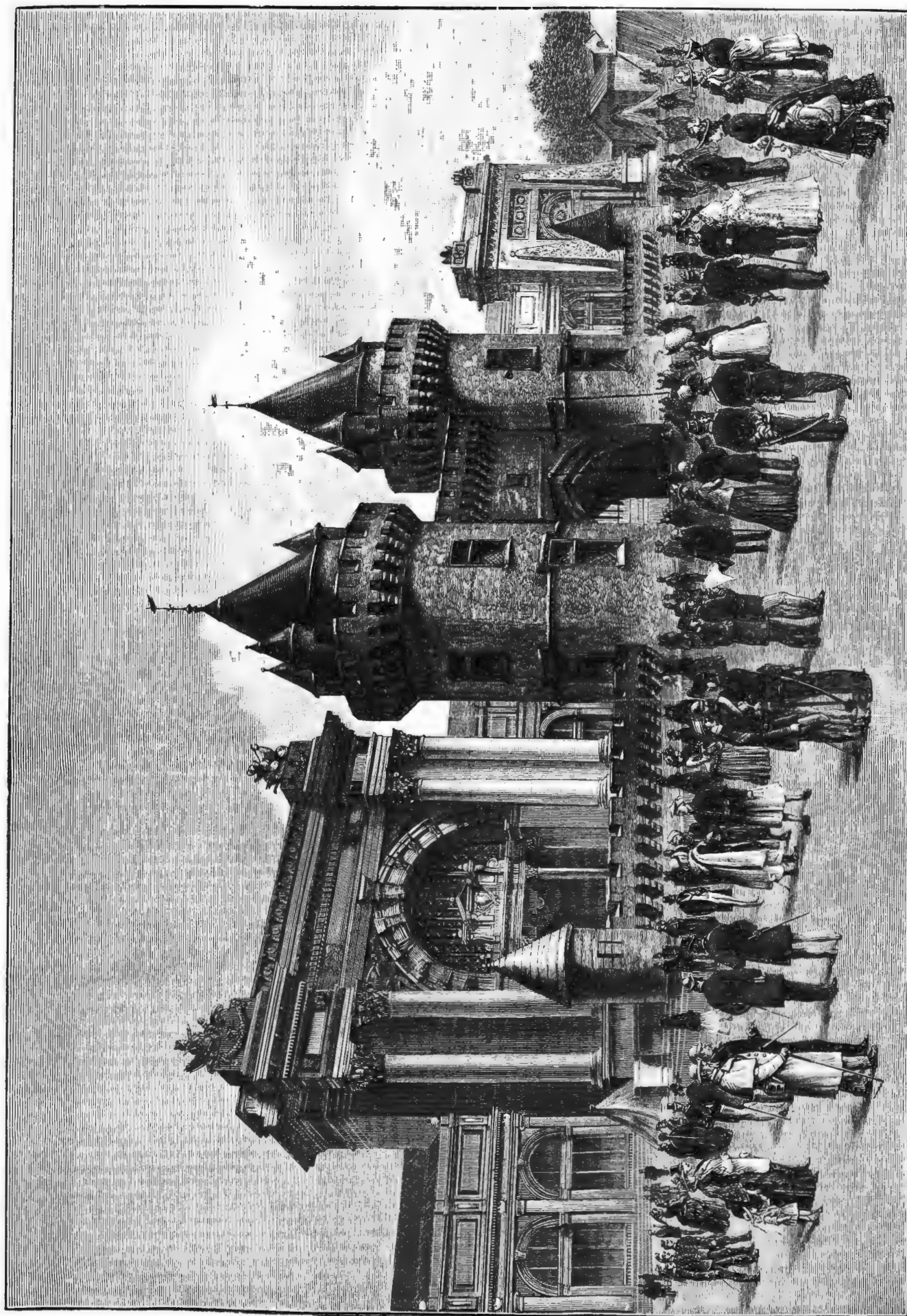
— Скажи на милость! Вотъ-такъ гренадеръ! промычалъ онъ.

— Теперь ужъ все равно; коль я попалась Ивану Петровичу на глаза въ этомъ неглиже, пойдемъ, по крайней мѣрѣ, проводимъ его вмѣстѣ.

И не дожидаясь возраженій, она первая выступила подъ навѣсъ.

Тарантасъ стоялъ ужъ у подъѣзда, запряженный тройкой коренастыхъ и сытыхъ рабочихъ лошадей. Кучеръ, прилаживаясь къ сидѣнію, то замахивалъ арьякъ, то поправлялъ поясъ, то перебиралъ возжи, и на всѣ предписанія Андрея Васильевича, самоувѣренно отвѣчалъ:

— Будьте благонадежны, ваше высокородіе, въ цѣлости предоставлю.

Парижская всемирная выставка 1889. Отдѣль Военнаго министерства. Рис. Фишеръ, грав. Рашевскій.

Поголянка, нумысо- и водо-лечебное заведение близъ Динабурга.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Б. Томашевича, граф. Ангереръ.
 1. Общій видъ. 2. Кургаузь на берегу Западной Двины. 3. Берегъ Западной Двины. 4. Дача-пансионатъ. 5, 7, 9. Типы дачъ. 6. Отдѣленіе водо-лечебнаго заведенія. 8. Куржисное заведеніе.

Матрена, раскрасившись, вылезла из экипажа, доложив что все готово. Медлить болѣе было невозможно.

Я подошелъ къ Ольгѣ Андреевнѣ и на глазахъ ея отца у меня достало рѣшимости поднести почтительно ея свѣжую руку къ своимъ плавающимъ губамъ. Волненіе душило меня; я черезъ силу выговорилъ:

— Благодарю еще... прощайте... молю не забывать...

— Къ чему *прощайте*? Лучше *до свиданія*, выговорила она своимъ груднымъ мелодичнымъ голосомъ.

— Не покиньте лихомъ, да руку-то руку поберегите, осторожьтесь! крикнулъ мнѣ майоръ во слѣдъ. — Добраго пути желаемъ, а ты, Кондратій, смотри, не зѣвай.

И когда я, усѣвшись, снялъ фуражку на прощаніе, онъ привычнымъ тономъ скомацловалъ: „трогай!“

Бубенчики дрогнули. Кондратій взмахнулъ кнутомъ, присвис-

тывая. Я высунулся насколько могъ и приковалъ свой взоръ къ прелестному, дорогому силуэту.

Яркая полоса широко раскинувшейся зари подползла подъ край слегка покосившагося навѣса и служила пурпуровымъ фономъ стройному облику молодой дѣвушки. Утренній морозецъ алою краской игралъ на ея задумчивомъ лицѣ, а вѣтерокъ мѣрно колыхалъ, словно фантастическими крыльями, воздушныя складки ея бѣлой одежды. Длиныя косы падали до самыхъ колѣвъ, и кое-гдѣ, на въющихъ волоскахъ, дрожали наподобіе брилліантовъ заиндевѣвшія росинки.

Крутой поворотъ скрылъ наконецъ изъ глазъ моихъ долго блѣвшее лицо, и мнѣ показалось будто что-то родное оторвалось отъ сердца. Тоска одиночества съдымъ туманомъ нахлынула и охватила меня...

(Продолженіе будетъ).

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

Очеркъ Н. П. Дружинина.

11 февраля 1889 года исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти М. М. Сперанскаго. Память его должна быть дорога Россіи. Съ именемъ Сперанскаго неразрывно связано множество вѣщайшихъ предметовъ, до сихъ поръ не утратившихъ своего значенія и даже не имѣющихъ потерять его когда-либо. Дѣятельность его и способности были изумительны. Величайшею заслугою должно почитаться упроченіе въ странѣ закона и законности. Ибо на законѣ и законности держатся государства, закономъ и законностью измѣряется ихъ сила въ настоящемъ и полагается твердый залогъ будущаго. И эта заслуга принадлежитъ Сперанскому. Имъ выполненъ величайшій трудъ, недостижимый еще до сихъ поръ для многихъ и образованнѣйшихъ странъ: составлены для Россіи *полное собраніе и систематическій сводъ ея законовъ*. Сперанскій вообще „сынъ своихъ дѣлъ“, какъ удачно выразился его биографъ, баронъ Корфъ („Жизнь графа Сперанскаго“, СПб. 1861 г., напеч. по Высочайшему повелѣнію). А всѣ дѣла его были направлены къ пользѣ, славѣ и укрѣпленію отечества.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій родился 1 января 1771 г. въ селѣ Черкутинѣ, Владимірской губерніи и уѣзда. Отецъ его былъ мѣстнымъ священникомъ. Окончивъ курсъ сначала во Владимірской, а потомъ въ только что основанной высшей Александро-Невской семинаріи въ Петербургѣ, онъ былъ оставленъ при послѣдней учителемъ. Ему предстояла блестящая карьера духовнаго дѣятеля. Тогдашній митрополитъ Гавріилъ выказывалъ къ нему самое лучшее расположеніе. При немъ Сперанскій не разъ произносилъ вдохновенныя проповѣди, собиравшія слушателей увлеченіе самого молодого проповѣдника. Но вскорѣ Сперанскій вошелъ въ сопркосновеніе со свѣтскою дѣятельностью и обончательно отдался ей, выйдя изъ духовнаго вѣдомства. Еще въ бытность свою учителемъ, онъ сдѣлался домашнимъ секретаремъ князя Куракина. Когда-же послѣдній занялъ, съ воцареніемъ императора Павла, высшій постъ генераль-прокурора, Сперанскій оставилъ семинарію и 2 января 1797 г. вступилъ на службу по его канцеляріи. „Жаждя ученія—говоритъ послѣ Сперанскій—обудила меня выйти изъ духовнаго званія. Я надѣялся ѣхать за границу и усовершенствоваться себя въ нѣмецкихъ университетахъ, — но вмѣсто того завлекся службою...“ И трудно представить себѣ болѣе блестящій ходъ службы. Дарованія его рѣшительно поработали всѣхъ въ его пользу. Князя Куракина въ короткое время смѣнили еще три лица, и всѣ четыре начальника соображали другъ съ другомъ въ возложеніи разныхъ отличій на подчиненнаго. Съ воцареніемъ Александра I, 19 марта 1801 г., Сперанскій, уже статскій совѣтникъ, былъ назначенъ со званіемъ статсъ-секретаря состоять при Д. П. Троицкомъ. Затѣмъ, съ образованіемъ *постояннаго* совѣта при особѣ государя и назначеніемъ Троицкаго управляющимъ канцеляріею совѣта, Сперанскій занялъ мѣсто начальника третьей ея экспедиціи — по части духовной и гражданской. Троицкскій имѣлъ громадное значеніе въ началѣ царствованія Александра I. Онъ былъ докладчикомъ и главнымъ редакторомъ государя, и пользовался трудами Сперанскаго во всѣхъ возлагавшихся на него порученіяхъ. Сперанскій, въ свою очередь, замѣчательно удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ. Съ блестящимъ даромъ слова соединялъ онъ столь-же блестящее перо. Съ необыкновенною восприимчивостью онъ умѣлъ уловить всякую мысль и облексти ее въ прекрасную форму, дать ей еще дальнѣйшее развитіе. Сперанскій сочинялъ всѣ манифесты, указы и прочіе государственныя акты, весьма многочисленныя въ началѣ царствованія Александра I. Имя молодаго дѣятеля звучало очень громко. Имъ, какъ и прежде, дорожили и люди возвышавшіеся, и люди утратившіе значеніе. Графъ Кочубей такъ-сказать отспорилъ его чередъ государемъ у начинавшаго терять значеніе Троицкаго, сдѣлавшись министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Вступивъ въ службу по названному министерству, Сперанскій близко сошелся съ близкимъ къ государю кружкомъ молодыхъ и горячихъ реформаторовъ — Кочубей, Новосильцова и Строганова. Тутъ-же онъ сдѣлался извѣстнымъ и лично государю. А когда кружокъ этотъ распался, Сперанскій остался въ особомъ

приближеніи къ государю. Съ этого времени началась пора наибольшаго его значенія. Рѣдко кому приходилось въ такой мѣрѣ собственными силами добиваться довѣрія у государей, и еще рѣже—заслуживать его въ такой-же степени.

Александръ былъ полонъ мыслей о преобразованіяхъ, о совершенномъ обновленіи Россіи. Изъ ежедневныхъ почти бесѣдъ и занятій съ государемъ по этому предмету, среди множества текущихъ дѣлъ, Сперанскій составилъ *планъ всеобщаго государственнаго образованія*, которымъ имѣлось въ виду учрежденіе управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона. Работа эта вскорѣ была обдумана и разсмотрѣна вдвоемъ съ государемъ. Императоръ нашелъ только необходимымъ приводить въ дѣйствіе задуманныя преобразованія постепенно. И первымъ повымъ установленіемъ явился Государственный Совѣтъ, торжественно открытый 1 января 1810 г. Сперанскій назначался государственнымъ секретаремъ. За учрежденіемъ Совѣта послѣдовало новое учрежденіе министерствъ. Дальше утверждено было (не приведенное, впрочемъ, въ дѣйствіе) новое устройство Сената. Въ то-же время предпринимались обширныя финансовыя мѣры, направленные къ упроченію денежной и кредитной системы, къ упорядоченію государственныхъ расходовъ и улучшенію доходовъ. Затѣмъ беззавѣтная дѣятельность Сперанскаго выразилась во многихъ другихъ отношеніяхъ. Чего онъ ни касался, — на всемъ оставался глубокой слѣдъ его ума, знаній, способностей и любви къ родинѣ. Сперанскій работалъ неутомимо и притомъ самъ, ни на кого не полагаясь. Трудно представить себѣ какъ доставало у него времени и силъ для выполненія тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ задачъ, которыя онъ принималъ на себя.

При такихъ условіяхъ вліяніе и значеніе его возросли въ высшей степени. А рядомъ и одновременно съ тѣмъ, росли зависть, недоброжелательство и интриги. Въ людяхъ-же старараго порядка, осторожныхъ, и тѣмъ болѣе въ тѣхъ, которые не знали Сперанскаго, возникали опасенія за будущность Россіи, увлекаемой на путь преобразованія. Произведенныя обновленія были уже весьма велики и смѣлы. Общественно гораздо болѣе. Близость Сперанскаго къ государю страшила ихъ. Увеличивалось число друзей Сперанскаго и также увеличивалось число его враговъ. При большой численности врагами его явились къ тому-же люди весьма сильные. Ему была объявлена тайная, но непримиримая война. Интрига велась тонко, послѣдовательно и твердо. На Сперанскаго взводились самыя гнусныя обвиненія. Это была дѣлая сѣтъ обвиненій, въ которую онъ улавливался. Въ то-же время надвигалась грозная война съ Наполеономъ. Государь, народъ и общественное мнѣніе были настроены крайне тревожно. Два лица, также стоявшія близко къ государю, предложили Сперанскому войти съ ними въ союзъ, приобщить ихъ къ своимъ видамъ и втроемъ править страной, ограничивъ власть императора... Съ негодованіемъ отвергнувъ предложеніе, Сперанскій не открылъ этого государю. Тогда подобное обвиненіе съ присоединеніемъ извѣта въ сношеніяхъ съ Наполеономъ—было введено на него... При описанныхъ условіяхъ тревожнаго состоянія и при большомъ искусствѣ, съ которымъ все это было сдѣлано — гибель Сперанскаго оказалась устроеною... Въ ночь на 18 марта 1812 г. онъ былъ отвезенъ въ Нижній-Новгородъ... Это была ссылка... Черезъ полгода онъ былъ перевезенъ въ Пермь и здѣсь положеніе его стало еще тяжелѣе, благодаря угодливости мѣстнаго начальства... Но отсюда же ему удалось отправить длинное письмо къ государю. Въ немъ тономъ безупречнаго человѣка, вѣрнаго слуги, горячаго со справедливымъ государемъ, Сперанскій описалъ все свое участіе въ начинаніяхъ Александра, оправдалъ принятыя мѣры и отвѣтилъ на всѣ обвиненія. Въ заключеніе онъ просилъ позволить ему жить въ своемъ имѣніи, въ Новгородской губерніи. Это письмо дошло по адресу. Государь вначалѣ возмѣнилъ было намѣреніе вновь призвать Сперанскаго въ Петербургъ. Но его отговорили отъ этого, и Сперанскому было разрѣшено лишь просимое. Въ 1814 г. онъ поселился въ своемъ имѣніи и сталъ жить здѣсь въ полномъ уединеніи и ученыхъ занятіяхъ. Но онъ продолжалъ глубоко страдать. На немъ тяготѣли гнусныя

обвинения, а претериваемое изгнание дѣлало ихъ вѣроятными, не смотря на всю ихъ неспособность. Онъ былъ бесиленъ разсѣять ихъ, а враги его располагали всѣми средствами къ тому чтобы позорить его имя. Самая возможность когда либо уличить ихъ и возстановить себя — ослабилась съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ забывались и исчезали доказательства и средства къ тому. Съ тѣмъ же полнымъ достоинствомъ и тономъ певниаго и страдающаго человѣка, Сперанскій сталъ просить у государя или суда со своими обвинителями на какихъ бы то ни было условіяхъ, понимая всю невыгоду своего положенія, или рѣшить все самымъ простымъ, „хотя и несравненно менѣе удовлетворительнымъ образомъ“: доставить ему способъ „оправдать себя противъ словъ не словами, а дѣлами“, то есть, службою.

Послѣ этого письма послѣдовало назначеніе Сперанскаго въ 1816 году губернаторомъ въ Пензу. Отсюда же 19 марта 1819 года онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири. Назначеніе это сопровождалось двумя собственноручными письмами государя весьма милостиваго содержанія. Назначеніемъ Пензенскимъ губернаторомъ, объявлялъ ему Александръ, имѣлось въ виду „служеніемъ вашимъ дать намъ возможность доказать явно, *сколь враги ваши несправедливо васъ оклеветали*. Иначе призывъ вашъ въ Петербургъ походилъ бы единственно на послѣдствіе дворскихъ измѣненій и не загладилъ бы въ умахъ оставшіяся непріятныя впечатлѣнія... Но желаніе мое, — продолжалъ государь — стремитесь къ тому, дабы открыть служенію вашему обширнѣйшее поприще и заслугами вашими дать мнѣ *явную причину приблизить васъ къ себѣ*.“ Такое поприще Александръ усматривалъ пока въ устройствѣ сибирскихъ дѣлъ. А Сибирь обращала на себя въ то время особое вниманіе. На мѣстное начальство поступило множество жалобъ, указывавшихъ на вопіющія злоупотребленія. Генералъ-губернаторъ Пестель управлялъ ею 11 лѣтъ изъ Петербурга, занимаясь здѣсь преслѣдованіемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ, лично ему не угодившихъ. Другія же угодныя ему лица дѣлали на мѣстѣ что хотѣли... На Сперанскаго возлагалось — объѣхавъ Сибирь, обличивъ лицъ, предающихся злоупотребленіямъ, предавъ ихъ суду и исправивъ что возможно немедленно, главнымъ образомъ въ то же время составить *планъ будущаго управленія Сибирью*, и вернувшись въ Петербургъ, доложить обо всемъ лично государю. Затѣмъ ему обѣщалось въ столицѣ „другое занятіе, болѣе сходное тому *приближенію*, въ коемъ — писалъ государь — я привыкъ съ вами находиться“. (Для характеристики Сперанскаго слѣдуетъ замѣтить, что скромность не позволяла ему давать распространеніе этимъ письмамъ, снимавшимъ съ него всякія подозрѣнія. Но въ 1826 году, получивъ знакъ отличія безпорочной службы не за 30, а за 25 лѣтъ, вслѣдствіе вычета времени ссылки, Сперанскій привнесъ на это жалованіе государю. Въ подтвержденіе же жалобы, онъ приложилъ упомянутыя письма покойнаго Александра и тѣмъ съ этихъ поръ окончательно устранилъ всякое предубѣжденіе противъ себя со стороны Николая Павловича).

Сперанскій блестяще выполнилъ трудную задачу водворенія порядка въ Сибирь. Тамъ совершались дѣйствительно возмутительныя явленія. При общемъ страхѣ, сдерживавшемъ подачу жалобъ, послѣднія получались Сперанскимъ во множествѣ по мѣрѣ движенія по Сибири. Генералъ-губернаторъ долженъ былъ непрерывно работать самъ и при этомъ совершать громадныя переѣзды. Канцелярія его была малочисленна и притомъ состояла изъ случайныхъ лицъ. Сперанскій имѣлъ полномочіе устранять отъ должности всѣхъ служащихъ и даже губернаторовъ. Но встрѣчался со множествомъ поводовъ къ примѣненію этихъ полномочій, не имѣлъ людей, которыми можно было бы замѣнить удаляемыхъ служащихъ. Положиться было не на кого. Самъ онъ не былъ лично безопасенъ со своимъ дѣятельнымъ преслѣдованіемъ злоупотребленій. Минувъ разныя строгія формальности и рѣшая многое собственною властью, Сперанскій все же подготовилъ 73 дѣла, слѣдовавшія къ высшему разсмотрѣнію, съ привлеченіемъ по нимъ 680 чел. обвиняемыхъ и предъявленіемъ высканій въ пользу казны на 2.850,000 р. При всемъ томъ онъ занимался разными учеными изысканіями и составлялъ проекты будущихъ преобразованій въ краѣ. Вообще трудъ, выполненный имъ въ Сибири, былъ громаденъ.

Въ Петербургъ вернулся Сперанскій 22 марта 1821 г., — ровно черезъ 9 лѣтъ. Образовавъ былъ комитетъ, получившій названіе Сибирскаго, для разсмотрѣнія всѣхъ возбужденныхъ имъ дѣлъ, принятыхъ мѣръ и составленныхъ предположеній. Все, что предлагалось Сперанскимъ, было одобрено, принято и утверждено. Сибирь получила новое устройство. И въ послѣднемъ еще изданіи Свода Законовъ 1857 г., въ особенности, въ т. II, ч. 2., громаднѣйшее число статей относится къ 22 іюля 1822 г., то есть, ко дню утвержденія государемъ большей части проектовъ Сперанскаго относительно Сибири.

Поглощенный до конца царствованія Александра I сибирскими дѣлами, Сперанскій оказалъ странъ величайшую обезсмертившую его услугу уже при императорѣ Николаѣ I.

Еще въ 1700 году Петръ Великій учредилъ комиссію для согласованія Уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 г. съ законами, вышедшими послѣ того. За эту комиссію послѣ-

довалъ непрерывный рядъ другихъ комиссій, на которыя почти всѣми послѣдующими государями и государынями возлагалось собраніе отечественныхъ законовъ или составленіе изъ нихъ систематическаго свода или, наконецъ, сочиненіе новыхъ уложеній. Комиссіи эти дѣйствовали, однако, съ малымъ успѣхомъ или и безъ всякаго успѣха. Ибо задача ихъ была нипутнѣйшая. Во всѣхъ государствахъ на первыхъ порахъ развитія она ставится, но весьма рѣдко, и лишь въ теченіе цѣлыхъ столѣтій оказывается достижимою и болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшаемою. Особенно настойчиво преслѣдовалась она у насъ. Ни одно царствующее лицо не упустило ее изъ вида. Ради осуществленія той же задачи, Екатерина II создала даже большое число депутатовъ отъ всѣхъ сословій, составившихъ вмѣстѣ съ представителями присутственныхъ мѣстъ знаменитую Екатерининскую законодательную комиссію 1767 г. При императорѣ Александрѣ существовала уже десятая комиссія составленія законовъ. Всѣ эти комиссіи, обходя труднѣйшее *начало* — собраніе всѣхъ законовъ, — приступали къ *серединѣ* — составленію систематическаго свода — или къ *концу* — сочиненію новыхъ уложеній. Между тѣмъ, всѣ три задачи, каждая порознь и всѣ вмѣстѣ, съ каждымъ годомъ становились труднѣе и труднѣе.

Передъ всѣми громадными трудностями дѣла очутился императоръ Николай Павловичъ. Немедленно по вступленіи на престолъ, онъ взялъ его подъ свое особое покровительство. Комиссія составленія законовъ 31 января 1826 г. была преобразована во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Начальникомъ новаго учрежденія былъ назначенъ Балугьянскій. Но главнымъ дѣятелемъ, душою Отдѣленія — однако, скромно, безъ шума, безъ имени — сдѣлался Сперанскій. Императоръ пожелалъ, чтобы сначала были собраны всѣ законы, начиная съ Уложенія 1649 г., и затѣмъ, изъ законовъ, оставшихся въ силѣ, не отиѣненныхъ, безъ сочиненія новыхъ, былъ составленъ сводъ для руководства крайне нуждавшейся въ немъ практики. Такого рода путь указывался неудачнымъ опытомъ 126 лѣтъ. Самъ Сперанскій, и до той приминавшій участіе въ комиссіи составленія законовъ по части сочиненія новаго Гражданскаго Уложенія, стоялъ на той-же точкѣ зрѣнія. Въ теченіе 10 лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ, во время своихъ продолжительныхъ странствованій по Россіи, онъ увидѣлъ, съ какими фактическими условіями примѣненія встрѣчаются произведенія теоретическаго законодательнаго творчества; убѣдился въ необходимости исходить изъ условій слишкомъ большаго разнообразія и различія состава и положенія отдѣльныхъ частей имперіи. Она нуждалась не столько въ новыхъ законахъ, сколько въ томъ, чтобы старые сдѣланы были болѣе доступными и извѣстными не однимъ специалистамъ. Сперанскій съ жаромъ принялся за эту работу. Самъ онъ писалъ планы, отглавленія, раздѣлялъ трудъ и за всѣмъ слѣдилъ непосредственно, съ помощію своего громаднаго организаторскаго таланта. Ничто не проходило безъ его просмотра или передѣлки, ничто не дѣлалось безъ его указаній и тонкихъ замѣчаній. И уже лѣтомъ 1827 г. въ распоряженіе государя были предоставлены *историческія обзоры* всего движенія и всѣхъ переходовъ законодательства, начиная съ 1649 г. *Обозрѣнія* занимали *несколько тысячъ листовъ*. „Это — монументальная работа“ сказала Государь, пожаловавъ при этомъ Сперанскаго брилліантовыми знаками ордена Св. Александра Невскаго и ничего не жалѣя для награжденія прочихъ чиновниковъ во все время.

При II Отдѣленіи была заведена большая типографія. Составленіе полнаго Собранія Законовъ началось съ 1826 г. и окончилось уже 1 марта 1830 г. Печаталось оно съ 1 мая 1828 г. и окончено было печатаніемъ 1 апрѣля 1830 г. Оно заключало въ себя всѣ узаконенія, издававшіяся съ уложенія 1649 г. по 12 декабря 1825 г., день вступленія на престолъ императора Николая. Всѣхъ актовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, содержалось въ немъ 30,920 и оно состояло изъ 45 болшихъ томовъ. Затѣмъ было отпечатано пять томовъ Второго Полнаго Собранія Законовъ, начиная съ 12 декабря 1825 г., по тому за каждый годъ. Въ началѣ же 1832 г. начался и въ томъ же году окончился печатаніемъ Сводъ Законовъ, состоявшій изъ 15 томовъ и заключавшій въ себя 42,198 статей. Въ немъ содержались только законы *дѣйствующіе*, расположенные въ системѣ, отвѣчавшей всѣмъ тогдашнимъ научнымъ требованіямъ.

Всѣ эти труды были предложены экстренному засѣданію Государственнаго Совѣта 31 января 1833 г. Государь произнесъ при этомъ рѣчь съ мастерскимъ изображеніемъ значенія работы, подозвалъ къ себѣ Сперанскаго, обнялъ его и надѣлъ тутъ же сшитую съ себя Андреевскую звѣзду. Сводъ воспринялъ свою силу съ 31 января 1835 г. Труды эти составляли замѣчательное явленіе, истинное величайшее благодѣніе для страны, чрезвычайно содѣйствовавшее укрѣпленію законности въ управленіи, водворенію порядка и правды, дальнѣйшему развитію отечественнаго законодательства и науки права.

Послѣ того Сперанскій выпустилъ Продолженія къ Своду Законовъ и слѣдующіе тома Второго Полнаго Собранія Законовъ. За общимъ же сводомъ послѣдовали 12 томовъ Свода Военныхъ Постановленій, напечатанные еще при Сперанскомъ,

по обнародованные уже послѣ его смерти. Онъ же усиля сдѣлать весьма многое въ отношеніи Свода Узаконеній для губерній прибалтійскихъ, также обнародованнаго послѣ него. Совершенно былъ оконченъ при немъ Сводъ Законовъ для губерній западныхъ, вовсе не обнародованный, вслѣдствіе предположеній распространить на эти губерніи общія узаконенія. Большое движеніе было дано при немъ же собранію законовъ финляндскихъ. Наконецъ, не оставлены были безъ вниманія мѣстные законы и обычаи Бессарабіи, Кавказа и Сибирскихъ инородцевъ. Для послѣднихъ — также уже послѣ него — въ 1841 году, напечатанъ былъ составленный при немъ Сводъ степныхъ законовъ. Весьма большое участіе принималъ Сперанскій, кромѣ того, въ работахъ комитета 6 декабря 1826 г., въ которомъ обсуждались предположенія, между прочимъ, объ отменѣ крѣпостнаго права. Участіе его отражалось затѣмъ на многихъ другихъ законодательныхъ работахъ времени. Наконецъ, Сперанскій преподавалъ законовѣдѣніе нынѣ въ Востъ

почивающему государю, тогда наслѣднику-цесаревичу, Александру Николаевичу. Результатомъ его лекцій явилось „Руководство къ познанію законовъ“. Смерть помѣшала автору окончить послѣднее. Онъ скончался 11 февраля 1839 года, возведенный незадолго до того въ графское достоинство. Когда государю было донесено о его смерти, растроганный Николай Павловичъ выразился: „Михаила Михайловича не всѣ понимали и не всѣ умѣли довольно цѣнить. Сперва и я самъ въ этомъ болѣе всѣхъ, можетъ статься, противъ него грѣшилъ. Мнѣ столько было наговорено о его превратныхъ идеяхъ, о его замыслахъ... Клевета осмѣлилась коснуться его даже и по случаю исторіи 14 декабря! Но потомъ время и опытъ уничтожили во мнѣ дѣйствіе всѣхъ этихъ наговоровъ. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностью, съ неустававшею никогда дѣятельностью. Теперь всѣ знаютъ, чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны, и клеветники давно замолчали...“

Къ рисункамъ.

Встрѣча вьючныхъ муловъ въ Кордильерахъ.

(Рис. на стр. 573).

Въ Андахъ или Кордильерахъ, какъ называется громадный хребетъ, проходящій вдоль всего материка Южной Америки, ближе къ западному ея берегу, — весьма нерѣдокъ случай изображенный на нашемъ рисункѣ. Дѣло въ томъ что торговый караванный путь пролегаетъ въ нихъ часто по узенькому карнизу на страшной высотѣ надъ бездною и при томъ заворачиваетъ за уголъ горы, такъ что одному каравану съ этого мѣста не видно другаго, встрѣчнаго каравана — и вотъ происходитъ встрѣча на самомъ опасномъ мѣстѣ; разойтись нѣтъ никакой возможности. Какъ же поступаютъ при этомъ погонщики? Они развѣиваютъ муловъ одвого каравана; привычныя животныя покорно ложатся на землю, а мулы другаго каравана переходятъ по ихъ спинамъ, неся полный вьюкъ; затѣмъ, первый караванъ снова навьючивается и какъ ни въ чемъ не бывало — продолжаетъ путь. Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, — которые все-таки бывають при всей осторожности и привычкѣ муловъ, — принято съ приближеніемъ къ такому карнизу трубить въ рогъ или подавать сигналъ крикомъ чтобы задержать встрѣчный караванъ, если такой окажется по ту сторону заворота.

Всемирная выставка въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 576, 577, 581 и 584).

24 апрѣля открылась всемирная выставка въ Парижѣ. Много говорилось и писалось чудеснаго и необычайнаго о ней, но выставка, даже въ своемъ все еще неоконченномъ до сихъ поръ видѣ, превосходитъ всѣ ожиданія. Двухлѣтняя непреклонная работа и желѣзная энергія создали вѣчный памятникъ мысли и труду человѣка въ образѣ нынѣшней выставки, которая навсегда сохранится въ памяти у видѣвшихъ ее и на страницахъ исторіи для потомства.

Въ нѣсколькихъ строкахъ невозможно, хотя вкратцѣ, передать, чего только ли разиѣстилось на Марсовомъ полѣ, въ Трокадеро, по Орсейской набережной и на Эспланадѣ Инвалидовъ.

Нашъ рисунокъ на стр. 576 и 577 живо передаетъ общій видъ выставочныхъ построекъ на Марсовомъ полѣ съ громадною Эйфелевой башней. Направляясь къ ней отъ Трокадеро по Іенскому мосту, который виденъ на нашей гравюрѣ справа, еще не вступая на набережную, у самаго берега рѣки замѣчаешь нѣсколько любопытныхъ построекъ. Такъ вправо и влѣво отъ моста замѣтны двѣ постройки „Международнаго петролея.“

дальѣ влѣво тянется длинное зданіе съ башенками и за нимъ круглое помѣщеніе панорамы трансатлантической компаніи.

За этими постройками, во всю длину набережной помѣстился цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ небольшихъ построекъ,

передающихъ наглядно исторію человѣческаго жилья. Здѣсь и обиталище троглодита въ пещерѣ, жилища каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, затѣмъ — постройки древне-египетскія, ассирійскія, индусскія, финикійскія, еврейскія, персидскія, античной Греціи, германскія, гальскія, романо-итальянскія и талло-романскія; дальѣ посѣтитель попадаетъ въ жилища африканскихъ дикарей, краснокожихъ, инковъ и ацтековъ, еще нѣскольکو шаговъ и онъ изъ Мексики попадаетъ въ Ланландію, а оттуда въ Аравію или Суданъ, и въ Китай и Японію. Тутъ-же среди построекъ въ стиляхъ романскомъ, средневѣковомъ и Возрожденія, пылкая фантазія даровитаго строителя французской оперы, архитектора Шарля Гарнье помѣстила постройку должествующую изобразить что-то русское. И тутъ-же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ничтожныхъ жилищъ до-историческаго человѣка, поднимается въ высъ чудо строительнаго искусства

нашего вѣка — башня Эйфеля. Вокругъ ея четырехъ громадныхъ устоевъ помѣстилось множество отдѣльныхъ зданій, изъ которыхъ каждое представляетъ маленькую выставку. Тутъ у праваго ея устоя возведена постройка Суэцкаго канала въ египетскомъ вкусѣ, за нею павильоны: аргентинскій, бразильскій, мексиканскій, венецельскій, боливійскій и другіе. По эту сторону башни, ближе къ зрителю, среди зелени, прютилась выставка государственныхъ мануфактуръ, Эйфелевъ павильонъ, павильонъ обществъ телефоновъ, финляндскій павильонъ, четырехугольное зданіе съ башенками; вправо отъ мостика, ведущаго отъ историческихъ жилищъ, шведскій и норвежскій домики, театръ „des Folies Parisiennes“, за которымъ едва примѣтна среди деревьевъ русская изба, страннаго вида. Направляясь отъ Эйфелевой башни къ главному зданію выставки, посѣтитель проходитъ мимо обширныхъ водоемовъ съ фонтанами по прелестному саду. Направо отъ него находится дворецъ свободныхъ искусствъ съ театральнымъ отдѣломъ, въ центральной постройкѣ съ куполомъ. За дворцомъ находятся зданія республикъ Урагвал, Санъ-Доминго, Парагвал, Гватемалы, павильоны Гаити, индійскій; затѣмъ въ томъ-же ряду китайскій павильонъ, марокская и египетская выставки. Впередъ этихъ построекъ, въ длинныхъ, параллельно лежащихъ помѣщеніяхъ, въ томъ же ряду съ дворцомъ свободныхъ искусствъ, помѣстились Японія, Сербія, Греція, Санъ-Марино, Норвегія, Румынія,

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій (по поводу 50-й годовщины смерти).
Съ совр. портр. грав. Шюльеръ.

Петръ I въ Нѣмецкой слободѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Зомцова, грав. Шюблеръ.

Португалия, Испания, Соединенные Штаты, заявившие целое длинное здание, Швейцария и Италия. Напротив дворца свободных искусств возвышается дворец „изящных искусств“, где красуются произведения живописи, скульптуры и т. п., а пальво, у проходного на выставку здания—разместились Италия со своими колониями, Дания, Бельгия и Голландия. Теперь, миновав большой фонтан и две постройки города Парижа по сторонам его, посетитель находится у громадного центрального павильона с куполом, изображенного на стр. 581. В зал его и происходило торжественное открытие выставки. По обе стороны от него, в глубь, идут главные выставочные помещения. В первом ряду, направо от центрального павильона, за отделом чеканных изделий и мозаики, находится Русский отдел, а пальво соответственное место заняла Австро-Венгрия.

Задняя сторона выставки занята колоссальным машинным отделом, который узнать не трудно по высоким трубам, извергающим целые тучи дыма. Кроме Марсова поля, не мало интересного поместилось по другую сторону Сены и вдоль набережных ее. Так, на Эспланаде Инвалидов находится выставка французских колоний: Алжира, Туниса, Аннама, Тонкина, Индо-Китая и т. д. Напротив колоний поместилась выставка военного министерства в весьма живописном здании, изображенном на стр. 584.

Кумысное и водолечебное заведение Погулянка.

(Рис. на стр. 585).

На расстоянии 13 часовъ езды отъ Петербурга и въ 7 верстахъ за Динабургомъ, на берегу Западной Двины, въ великолѣпномъ 200-лѣтнемъ громадномъ сосновомъ бору, устроено графомъ Платеромъ-Зибергомъ кумысное и водолечебное заведение подъ названіемъ „Погулянка“, которое я имѣлъ случай навѣстить и гдѣ провелъ нѣсколько дней во время прошлагодняго лечебнаго сезона. Впечатлѣнія вынесенныя мною изъ этого юнаго лечебнаго заведенія самыя благопріятныя, и поэтому, какъ врачъ, считаю своимъ долгомъ сообщить о немъ нѣсколько словъ.

Нельзя было выбрать мѣста болѣе удобнаго въ сѣверной полосѣ Россіи для устройства лечебнаго заведенія какъ Погулянка, хотя эта послѣдняя и возникла не по инициативѣ врача, а просто благодаря здравымъ понятіямъ самого владѣльца. Грунтъ земли здѣсь вездѣ песчаный; но такъ какъ все пространство занимаемое лечебными заведеніями и дачами покрыто хмолтъ, то пыли здѣсь совершенно нѣтъ. Равно не ощущается и вѣтра, котораго шумъ иногда слышится въ вершинахъ гигантскихъ сосенъ, но внизу тихо какъ въ комнатахъ, да притомъ еще пружинной бальзамическими испареніями хвойнаго лѣса. Прежде всего я долженъ сказать, что, не смотря на значительный капиталъ (300 тысячъ руб.) затраченный графомъ Платеромъ на устройство Погулянки, меня тамъ пріятно поразило отсутствіе всякой коммерческой спекуляціи, которая, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась, всегда непріятно поражаетъ больныхъ, особенно незажиточныхъ; здѣсь же вездѣ проглядывалъ принципъ гуманности, и не смотря на весьма умѣренныя цѣны, какъ самъ владѣтель, такъ и супруга его, лечившаяся въ прошломъ году сама въ Погулянкѣ и жившая наравнѣ со всеми другими больными въ пансіонѣ, съ постоянною готовностію исполняли не только всѣ справедливыя требованія, но по возможности и капризы больныхъ.

Посѣтивъ въ 1869 году Самарскія кумысныя заведенія и невольно сравнивая ихъ съ Погулянкою, я, признаюсь, не могу не дать во многихъ отношеніяхъ преимущество послѣдней надъ первыми. Во всякомъ случаѣ отсутствіе стѣнныхъ жаровъ, пыли, вѣтровъ и сухаго степнаго воздуха въ Погулянкѣ можетъ вліять лишь благопріятно на всѣхъ истощенныхъ, нервныхъ и въ особенности страдающихъ грудными болѣзнями. Что же касается того общепринятаго мнѣнія будто стѣнной кумысы имѣетъ болшую преимущественность надъ приготовленнымъ изъ кобыляго молока въ другихъ мѣстностяхъ, то это, по моему убѣжденію, скорѣе повѣріе, чѣмъ наукою и практикою доказанный фактъ.

Слѣдующій комплексъ строеній составляютъ Погулянку:

1) *Кумысное заведеніе*, большой 2-хъ-этажный домъ съ огромною въ 2 этажа залою и 50-ю отдѣльными номерами по бокамъ для помѣщенія больныхъ. Всѣ здѣсь помѣщающіеся больные составляютъ одинъ пансіонъ, который рассчитанъ на болѣе скромныя требованія; обстановка номеровъ простая, столъ простой, но вполне удовлетворительный. За то и суточная плата за квартиру съ полнымъ содержаніемъ весьма умѣренная, а именно, смотря по величинѣ номера, 1 р. 25 к. или 1½ р., причѣмъ больные пользуются безплатно совѣтами врача при заведеніи.

2) Возлѣ кумыснаго заведенія небольшой домикъ, въ которомъ, подъ наблюденіемъ врача заведенія, опытнымъ татаринномъ готовится изъ кобыляго молока отличной кумысы, который отпускается по 40 коп. бутылка, по 20 коп. полубутылка, причѣмъ въ абонементъ дѣлается скидка 15%.

3) *Пансіонъ—второй*, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ кумыснаго заведенія, для больныхъ привыкшихъ во всѣхъ отношеніяхъ къ болшему комфорту. Здѣсь комнаты снабжены отличными кроватями, мягкой мебелью и столъ превосходный. Плата въ сутки 3 руб.

4) *Около 50-ти дачъ* различной величины, разбросанныхъ по бору, въ недалекомъ разстояніи отъ обоихъ лечебныхъ заведеній и предназначенныхъ главнымъ образомъ для семейныхъ больныхъ.

5) *Водолечебное заведеніе*, снабженное всевозможными ваннами и дунами, въ томъ числѣ и дунами Claret.

6) *Большой красивый ресторанъ* на самомъ берегу Двины, съ отличнѣмъ буфетомъ; отсюда прелестный видъ на рѣку и на лѣса, поля и луга на противоположномъ берегу.

7) *Пароходъ* принадлежащій заведенію совершаетъ нѣсколько разъ въ день рейсы между Динабургомъ и Погулянкою.

Въ 10-ти верстахъ отъ Погулянки большое имѣніе Ликено, принадлежащее также графу Платеру, снабжаетъ оба пансіона ежедневно свѣжкою провизіей.

Въ интересахъ больныхъ, не имѣющихъ возможность отпраться въ дальнія кумысныя заведенія, я считалъ своимъ долгомъ сдѣлать это краткое сообщеніе о юномъ лечебномъ заведеніи, которому, по моему убѣжденію, предстоитъ блестящая будущность.

Лейбъ-хирургъ Гиршъ.

Петръ I въ Нѣмецкой слободѣ. (Рис. на стр. 589).

Нашъ незабвенный историкъ, С. М. Соловьевъ, слѣдующими словами рисуетъ влеченіе великаго преобразователя къ Нѣмецкой слободѣ, которую москвичи называли Кокуемъ, шутили-во покривая на иностранцевъ: „Нѣмецъ, маршъ на Кокуй“.

„Россія поворачивала къ Западу, и при этомъ поворотѣ встрѣтилась съ Западомъ у себя въ Нѣмецкой слободѣ. Молодой царь, сгорая неудовлетворенною жаждой знанія, уже начинаетъ создавать новое, и тутъ встрѣчается съ людьми, которые были именно призваны для того, чтобы выучить русскихъ необходимымъ вещамъ, завести то что сами Русскіе не могли у себя устроить. Понятно что царь долженъ былъ обратиться преимущественно къ этимъ людямъ. Но этого мало что одинъ изъ нихъ выучилъ его разнымъ частямъ математики, другой строилъ ему кораблики: между иностранцами онъ нашелъ человѣка, къ которому сильно привязался, съ которымъ сталъ неразлученъ. Этотъ человѣкъ и былъ Лефортъ.“

Здѣсь же, въ Нѣмецкой слободѣ, юный царь впервые встрѣтилъ не теремныхъ женщинъ съ печатой мертвой обрядности и отчужденности отъ общества, а бойкихъ, живыхъ и веселыхъ собесѣдницъ изъ среды цивилизованнаго нѣмецкаго мѣщанства, во главѣ которыхъ стояла красавица Анна Моисъ, дочь иностраннаго золотыхъ дѣлъ мастера, прибывшаго въ Москву въ половинѣ XVII вѣка. Въ ихъ обществѣ быть-можетъ впервые зародилась у молодого царя мысль объ ассамблеяхъ, которые должны были вывести русскую женщину изъ ея затворничества.

Рисунокъ г. Земцова изображаетъ одно изъ частныхъ посѣщеній Петромъ Нѣмецкой слободы. Лефортъ показываетъ любознательному царю плачь какой-то крѣпости; подруга Анны наполняетъ его кубокъ прохладительнымъ напиткомъ. Соучастующіе царю русскіе бояре стараго закала неодобрительно смотрятъ на близость царя къ иностранцамъ, не понимая истиннаго смысла этой близости, долженствовавшей послѣдствіемъ принести такіе обильные плоды на славу обновленной Россіи.

Замокъ Иттеръ въ Тиролѣ. (Рис. на стр. 592).

На одной изъ вершинъ горной цѣпи Тироля, около тысячи метровъ надъ уровнемъ моря, находится прекрасный замокъ Иттеръ, пріобрѣвшій всеобщую извѣстность своимъ романтическимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ и окружающею его великолѣпною панорамною высокоихъ горъ Тироля и чудесныхъ долинъ. Замокъ Иттеръ сооруженъ былъ въ XII столѣтіи и служилъ долгое время разбойническимъ гнѣздомъ, изъ котораго герон тогдашняго времени, такъ-называемые „рыцари-грабители“ (Raubritter) совершали свои хищническіе набѣги на торговые караваны и мирные города. Въ XVI вѣкѣ императорскія войска взяли штурмомъ укрѣпленный замокъ, сдѣлавшіея впоследствии собственностью Зальцбургскаго архіепископа. Въ семидесятыхъ годахъ нашего столѣтія Иттеръ былъ купленъ мюнхенскимъ промышленникомъ, поставившимъ себѣ задачею спасти историческое зданіе это отъ окончательнаго крушенія. Не лишая замка его средневѣковаго характера и стиля, былъ произведенъ значительный ремонтъ, дабы превратить разбойническое гнѣздо грабителей-рыцарей XII вѣка въ комфортабельное жилище для культурнаго поколѣнія XIX вѣка. Реставраціи замка была полна, и ей была подвергнута также шести-этажная башня, съ высоты которой древніе рыцари наблюдали за приближающеюся добычею. Вполнѣ сохранена также капелла (домашняя церковь), освященная въ 1474 г.; алтарь, хоры, древняя живопись и скульптура, украшающія стѣны—все это прекрасно сохранилось. Но за то жилое помѣщеніе замка совершенно во вкусѣ новѣйшаго времени. Замокъ этотъ лѣтъ десять тому назадъ пріобрѣтенъ былъ нашею знаменитою пианисткой, бывшимъ профессоромъ Петербургской консерваторіи, г-жею Софіею Менгеръ. Здѣсь, въ этомъ романтическомъ древне-историческомъ замкѣ, въ одной изъ наиболѣе красивыхъ горныхъ мѣстностей столь щедро надѣленного природою Тироля, симпатичнаго артистка проводитъ съ тѣхъ поръ лѣтнее время и до глубокой осени. Здѣсь и въ продолженіе многихъ лѣтъ, во время лѣтнаго сезона, гостилъ у ней Францъ Листъ, называвшій г-жу Менгеръ „meine Tochter im Geiste“ (дочерью по духу). Во время пре-

бываніи Листа замокъ Иттеръ сдѣлался для меломановъ-поклонниковъ величайшаго изъ венгерскихъ композиторовъ и гениальнѣйшаго пианиста всего міра, чѣмъ-то въ родѣ Мекки для правовѣрныхъ мусульманъ. Туда стекались всѣ знаменитости музыкальнаго міра, и замокъ Иттеръ, благодаря своей очаровательной хозяйкѣ и ея знаменитому гостю (нерѣдко восхищавшему многочисленныхъ визитеровъ своею чудною игрою), сдѣлался оживленнымъ музыкальнымъ центромъ. Фортепиано, на которомъ игралъ Листъ, хранится теперь еще въ одной изъ залъ замка.

Дѣвочка-великанъ. (Рис. на стр. 593).

Въ Русскомъ отдѣлѣ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ показывается, недавно прѣхавшая туда, замѣчательная великанша. Она еще ребенокъ. Ей всего одиннадцать лѣтъ, вѣсилье же она восемь пудовъ, ростомъ около трехъ аршинъ (193½ сантиметра). Имя ея Лиза Лыска. Родители ея, крестьяне Харьковской губерніи, изъ мѣстечка Краснокутскъ, переселились въ

Донскую область. Здѣсь 16 сентября 1877 года въ мѣстечкѣ Веселомъ и родилась Лиза, и въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ жизни ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ дѣтей. Только по четвертому году стала замѣтнѣе ея необычайный ростъ, который особенно быстро пошелъ на девятомъ и десятомъ годахъ. Лиза Лыска вполне здоровая дѣвочка; образъ ея жизни, наклонности и проч. совершенно соотвѣтствуютъ ея возрасту. Она охотно играетъ съ другими дѣтьми, а въ часы досуга забавляется преимущественно куклой или мячикомъ, что со стороны представляеть довольно оригинальное зрѣлище. Такъ какъ для ея роста нигдѣ не могутъ найти подходящей кровати, то за нею постоянно возятъ ея собственную складную желѣзную кровать, длиною почти полторы сажени (около десяти футовъ). При довольно приятномъ лицѣ, эта „дѣвочка-великанъ“ обладаетъ грубымъ, сухимъ, даже неприятнымъ и твердымъ голосомъ. Замѣчательно, что во всей семьѣ она одна только громаднаго роста; ея родители, а также братья и сестры — все люди даже ниже средняго роста.

Спускъ броненосца „Императоръ Николай I“.

(Впечатлѣнія очевидца).

(Рис. на стр. 592).

Я сидѣлъ преспокойно въ своемъ кабинетѣ, за обычнымъ дѣломъ, заваленный книгами и бумагами, когда явился ко мнѣ (рано утромъ, 20 мая) одинъ изъ молодыхъ моихъ пріятелей и привезъ мнѣ билетъ „для входа на Галерный островъ въ день спуска на воду броненосца *Императоръ Николай I*“. Я никогда не бывалъ на спускахъ большихъ кораблей и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ зрѣлищѣ; впечатлѣніе вынесенное мною было поразительное, и я вѣроятно не забуду его во всю жизнь.

Подѣхавъ къ деревянному мостику противъ Коломенской части, у Каликина моста, я прошелъ черезъ обширные дворы Адмиралтейства, мимо сараевъ съ миноносками и всякимъ строительнымъ матеріаломъ, къ тому эллингу, на которомъ стоялъ колоссальный новый броненосецъ, выставившій со стороны двора свой красиво обрисованный носъ, съ прекрасною вызолоченною фигурою императора Николая. Я не успѣлъ разсмотрѣть эту часть судна, потому что масса народа сбѣжала мимо эллинга на лѣвую дамбу, на которой предстояло занять мѣсто и мнѣ. Опасаясь, что мнѣ придется стать въ заднихъ рядахъ, вмѣстѣ съ другими поспѣшилъ и я на дамбу.

Опасенія мои оказались однако же совершенно излишними. Я выбралъ себѣ отличное мѣсто, почти у самой рѣшетки, ограждавшей дамбу, и какъ разъ пртивъ Царской бесѣдки, выстроенной на лѣвой дамбѣ. Въ этой бесѣдкѣ, украшенной коврами и убранными растеніями, уже толпились генералитетъ и кое-кто изъ посольскихъ миссій; а весь навѣсъ, устроенный на правой дамбѣ между бесѣдкой и эллингомъ, былъ уже биткомъ набитъ публикой, преимущественно дамами, блиставшими свѣжестью и вѣжными оттѣнками своихъ легкихъ лѣтнихъ нарядовъ. Около меня мало-по-малу собралась также порядочная масса народа, въ которой преобладали флотскіе офицеры и ихъ семьи, старые опытные моряки и иностранцы. Особенно много было англичанъ и нѣмцевъ; нѣмецкій и англійскій языки слышались всюду кругомъ. Между этими обѣими дамбами, изъ-подъ широкой арки эллинга видна была чудовищная корма „Николая I“, окруженная, вылощенная, выглаженная до поразительнаго щегольства, съ тремя изящнѣйшими, легкими прорѣзными балкончиками, на которые вели ловко-маскированные двери. Надъ этими балкончиками видны были два круглыхъ отверстія — словно позднѣе огромнаго морскаго чудовища *); значительно ниже ихъ впередъ выставлялся громадный руль, накрѣпко забитый толстыми брусками на винтахъ и привѣдennyй въ состояніе полной неподвижности **); а по сторонамъ руля торчали два громадные винта, — будущіе двигатели гиганта.

Надѣво отъ эллинга и его обѣихъ дамбъ открывалась чудная картина Невскаго устья, принявшаго вполнѣ праздничный видъ по поводу морскаго торжества. Вся середина рѣки, почти до Николаевского моста, была заставлена военными судами и крейсерами, которые были расцвѣчены массою сигнальныхъ флаговъ. Между этими судами взадъ и впередъ сновала цѣлая флотилія паровыхъ, большихъ и малыхъ катеровъ, гребныхъ судовъ и лодокъ. Въг на судахъ пробили стклянки: половина двѣнадцатиугольная. На правой дамбѣ ужъ и яблоку негдѣ упасть: — глазамъ больно отъ блеска звѣздъ, мундировъ и блестящаго шитья... Генералы, адмиралы, министры, посольства всѣхъ націй — тѣсною массою толпились на площадкѣ, между Царскою бесѣдкою и пристанью, на концѣ дамбы. Вниманіе публики обращаютъ на себя китайскій посланникъ, въ своей курьезной тибетскѣй съ зеленымъ шарикомъ, какой-то молодой турокъ въ высокой фескѣ, и японецъ — въ треуголкѣ и европейскомъ придворномъ мундирѣ.

Но вотъ, вдали, гдѣ-то по судамъ раздалось ура! Въ одинъ

*) Эти отверстія служатъ люками для минныхъ пушекъ.
**) Отмѣчаю эту подробность, потому что она имѣетъ важное значеніе при спускѣ судовъ: малѣйшее движеніе руля при спусканіи судна со штагелей, и повести къ величайшимъ несчастіямъ.

мигъ команды всѣхъ судовъ взлѣзаютъ на рей. Всѣ лѣстницы, ведущія къ реямъ, словно оживаютъ — покрываются сплошною массою движущихся бѣлыхъ пятенъ, которыя быстро подзудъ вверхъ — и вотъ уже выстроились стройными рядами на громадной высотѣ надъ налудами; и ужъ громкое, дружное ура оглашаетъ оттуда воздухъ, по мѣрѣ того какъ паровой катеръ, везущій Государя Императора и Августѣйшее Семейство, проходить мимо судовъ и заворачиваетъ къ пристани правой дамбы. Едва успѣлъ этотъ катеръ причалить и Августѣйшее Семейство поднялось по лѣстницѣ къ бесѣдкѣ, вмѣстѣ съ Княземъ Николаемъ Черногогорскимъ и его дочерью, какъ раздалась музыка „встрѣчи“ и „гимнъ“, и катеръ за катеромъ стали подходить къ пристани, высаживая все новыхъ и новыхъ высокихъ гостей. Затѣмъ началась осмотръ броненосца, который длился недолго... Музыка гремѣла и позади эллинга, и на самомъ броненосцѣ. До публики долетѣло съ налуды броненосца громкое и дружное „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!“ Вскорѣ послѣ того Государь Императоръ и всѣ Члены Августѣйшаго Семейства появились въ Царской бесѣдкѣ. Рядомъ съ Государемъ мы видѣли Морскаго министра и г. Дюбуа, директора Франко-Русскаго завода, на которомъ производилась постройка броненосца. Наступала торжественная минута...

Со стороны эллинга раздалась какаля-то команда; потомъ какіе-то люди закопошились, какъ мураши, около винтовъ и подъ самымъ килемъ морскаго чудовища. Раздалось постукиванье молотковъ о какія-то металлическія части — и продолжалось довольно долго, мѣняя тоны, то приближаясь, то удаляясь. Потомъ началась какаля-то другая работа: — стучали топоры, падали съ трескомъ какія-то тяжелыя доски... Стукъ то усиливался, то ослабѣвалъ, то опять начинался съ новою силою. Кругомъ жужжаніе голоса:

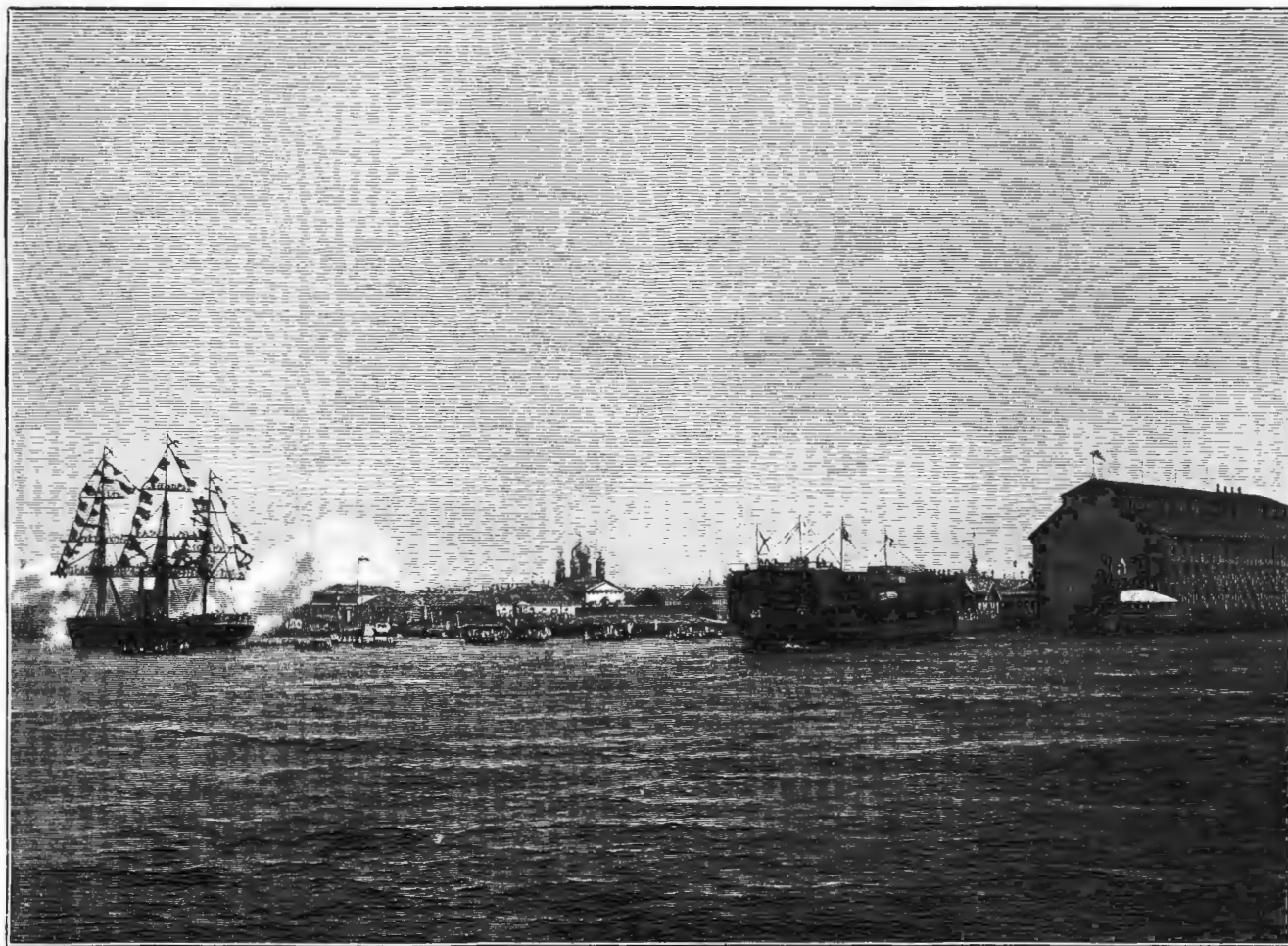
„Подпорки выбиваютъ...“ „Подрубаютъ что-то...“ „А на чемъ же онъ теперь держится?...“ „Онъ теперь повисъ на канатахъ...“ „Салазки подъ него подведены, — а эти салазки на канатахъ...“

— Былъ у насъ, въ Англии, недавно, такой случай, утѣшаетъ сади какой-то англичанинъ, — что спускали большой корабль на Темзѣ, да машина на немъ была невѣрно установлена. Какъ спустили, такъ онъ на серединѣ рѣки и перевернулся... 250 человекъ команды погубило!

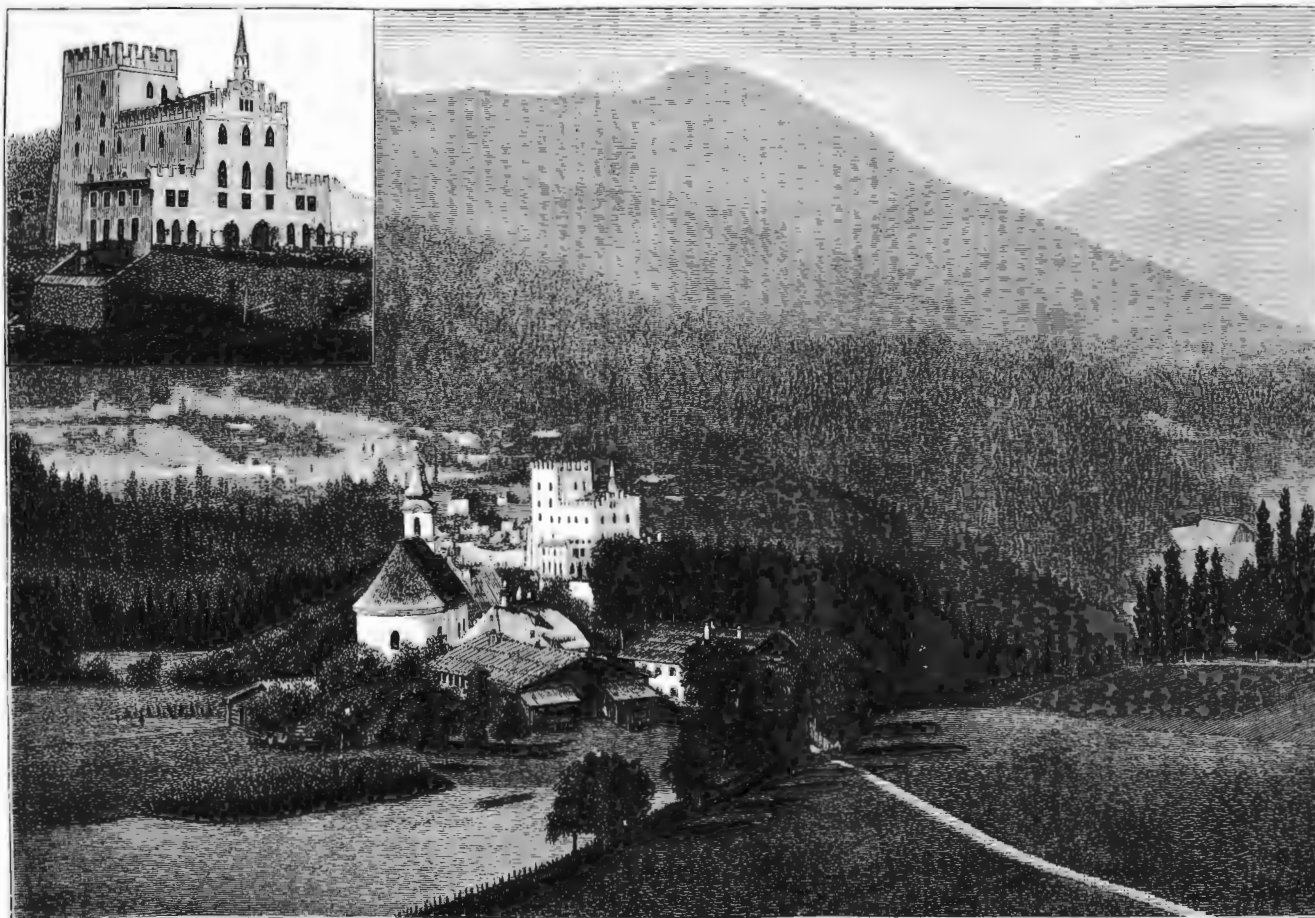
И разсказывалъ объ этомъ съ истинно-британскимъ хладнокровіемъ.

А постукиванье все продолжается — все стучать и падають какія-то доски... И вдругъ смолкло. И жужжанье публики тоже разомъ прекратилось, какъ по командѣ наступила мертвая тишина. Всѣ замерли въ ожиданіи и притаили дыханіе... Среди этой тишины раздался два глухія удара, словно по чему-то мягкому — и затѣмъ гдѣ-то наверху, едва слышное: ура!

Если бы не этотъ возгласъ, то никто бы не замѣтилъ перваго движенія новорожденнаго колосса — такъ оно было тихо и по-степенно... А между тѣмъ, онъ уже двигался... Но крики наверху раздались громче, смѣлѣе: колоссъ плавно сползалъ съ наклонной плоскости эллинга и уже погружался въ воду рулемъ и винтами. Тутъ уже общій восторгъ охватилъ всѣхъ присутствовавшихъ: общее и громкое ура! bravo! огласило обѣ дамбы и перекачилось дальше, на суда и въ толпы народа, покрывавшія берегъ Невы. А чудовище, среди привѣтственныхъ и радостныхъ криковъ, уже ползло къ концамъ обѣихъ дамбъ. Самъ Русскій Царь привѣтствовалъ поклономъ новорожденное могучее дѣтище Русскаго флота... Вотъ оно, все быстрѣе и быстрѣе двигался впередъ, пошло мимо насъ, заграждая отъ насъ правую дамбу... По это движеніе все-же было настолько плавно и равномерно, что я успѣлъ совершенно ясно разсмотрѣть фигуру какого-то матросика въ одномъ изъ круглыхъ оконъ броненосца, и въ другомъ — широко-улыбающуюся физиономію рабочаго, который, снимая фуражку, раскланивался съ публикой. Вотъ наконецъ и носъ сползъ въ воду — большая сильная волна

Спуск броненосного корабля „Императоръ Николай I“, 20 мая 1889 г., въ С.-Петербургѣ, съ Франко-Русской верфи.
Съ фот. инженеръ-полковника Н. А. Козлова, грав. М. Рашевскій.

Замокъ Иттеръ близъ Гопфгартена въ Тиролѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

хлынула въ стороны, ударила о дамбы и цѣлымъ дождемъ брызговъ окатила передніе ряды публики.

— Самъ крестится и насъ водой кропитъ! замѣтилъ смѣясь какой-то старый морякъ, среди криковъ, которые все еще не смолкали.

— All right! замѣтилъ тотъ же англичанинъ, который такъ спокойно рассказывалъ о крушеніи на Темзѣ.

А между тѣмъ, „Николай I“ былъ уже далеко. Онъ уже выдвинулся на средину Невы, бросилъ якорь и сталъ по течению,

среди привѣтственныхъ салютовъ всѣхъ своихъ товарищей. На его палубѣ уже весело развѣвались по вѣтру подбитые флаги...

Когда салюты окончились, отъ пристани правой дамбы отчалилъ паровой катеръ—на немъ Государь Императоръ со своимъ Августѣйшимъ Семействомъ поѣхалъ въ объѣздъ молодого колосса. Черезъ нѣсколько минутъ до насъ донеслись радостные клики команды „Николай I“, привѣтствовавшей своего Монарха...
П. Полевой.

Политическое обозрѣніе.

Сербія продолжаетъ быть предметомъ всеобщаго интереса. Сходка напредниковъ и послѣдовавшимъ затѣмъ безпорядкамъ придаетъ важное общественное и политическое значеніе. Исчезнувшая, было, съ политической арены партія Гарашанина появилась внезапно на собраніи въ такомъ значительномъ числѣ, и для сербовъ стало несомнѣннымъ, что это дѣло рукъ тѣхъ, кому нынѣшній государственный порядокъ вещей въ Бѣлградѣ не особенно по вкусу. Отреченіе короля Милана отъ престола, переходъ власти къ патриотамъ, затѣмъ предстоящее коронованіе юнаго короля, въ то время когда въ Сербію уже вернется изъ Россіи митрополитъ Михаилъ, 500-лѣтній юбилей Косовской битвы, предстоящіе выборы въ скупщину, все это безъ сомнѣнія смущало Австрію, считавшуюся недавно столь сильною своимъ вліяніемъ въ Сербіи, и вотъ въ Бѣлградѣ дѣлается вдругъ извѣстнымъ, что напредники, о которыхъ было совсѣмъ позабыли, собираются въ Бѣлградѣ 14 мая. Вначалѣ этому событію не придавали никакого значенія, но значительныя старанія сдѣлать съѣздъ партіи возможно замѣтнѣе обратили на себя вниманіе, чему способствовали толки о томъ, что съѣздъ этотъ вызывается и устраивается искусственно, притомъ не безъ содѣйствія и помощи Австріи, которой въ настоящее время весьма кстади было показать, что въ Сербіи не мало недовольныхъ современнымъ строемъ въ государствѣ. Собралось отъ 600 до 1500 человекъ напредниковъ, которые, можно думать, теперь горько раскаиваются въ своемъ усердіи къ Австріи. Сходка окончилась, какъ уже извѣстно изъ предыдущаго обозрѣнія, крупными безпорядками. Побоища, разгромъ нѣсколькихъ напредническихъ домовъ и убійства были печальнымъ финаломъ ея. Внѣзятъ, однако, въ безпорядкахъ напредниковъ, первыхъ полѣзшихъ въ драку, а въ особенности главари ихъ, Гарашанина, застрѣливаго реалиста Мишковича. Торжественныя похороны его подтвердили далѣе, что дѣло напредниковъ надо считать проиграннымъ. Самъ Гарашанинъ формально арестованъ въ крѣпости вслѣдствіе жалобы отца погибшаго гимназиста Мишковича и по постановленію синода.

Само собою разумѣется, вся австрійская печать сильно занимается этими событіями, вина въ нихъ, конечно, не напредниковъ, и отзывается съ неодобреніемъ объ арестованіи Гарашанина, замѣчалъ, что противъ него несомнѣнно начать будетъ тенденціозный процессъ. Вообще въ Вѣнѣ держится мнѣніе, что Миланъ долженъ вернуться къ диктатурѣ (!).

Вслѣдъ за этими событіями сербское національное самознаніе вновь проявилось въ горячей встрѣчѣ, устроенной возвратившемуся въ Бѣлградъ митрополиту Михаилу. Онъ вернулся наконецъ на родину, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребы-

ваніи въ изгнаніи, на которое былъ обреченъ австрофильскимъ режимомъ прежняго царствованія въ Сербіи. Въ Бѣлградъ митрополитъ Михаилъ прибылъ совсѣмъ неожиданно 18 мая, тѣмъ не менѣе въстъ о пріѣздѣ горячо любимаго и уважаемаго архипастыря быстро облетѣла городъ, берегъ покрылся массами народа, впереди стояло духовенство и коммисія, назначенная изъ обѣихъ народныхъ партій для поздравленія отъ столицы и синода. Прибылъ также русскій посланникъ, г. Персіани. Съ приближеніемъ парохода публика залгла факелы и раздались крики „живію“. Послѣ привѣтствія митрополитъ сѣлъ въ карету. Населеніе, окруживъ карету, внезапно устроило факельное шествіе. На другой день митрополитъ Михаилъ сдѣлалъ визиты представителю Россіи, регентамъ и министрамъ; всѣ они тотчасъ же заплатили визиты. Оба для митрополитъ принималъ множество разныхъ лицъ и корпорацій. 21 мая митрополитъ Михаилъ былъ принятъ въ аудіенціи королевѣч.

Возвращеніе митрополита Михаила на родину также раздражаетъ австрійскихъ политиковъ. „По истинѣ отрадное для насъ зрѣлище—восхищаетъ *Neue Freie Presse*—являетъ сцена, на которой должна быть доиграна до конца драма Восточнаго вопроса. Гарашанинъ въ тюрьмѣ, фанатическій руссофилъ Михаилъ снова въ Бѣлградѣ, а дочь Черногорскаго князя помолвлена съ однимъ изъ Русскихъ великихъ князей. Эти немногія обстоятельства обрисовываютъ положеніе, надъ которымъ не могутъ не призадуматься австрійскіе государственные люди“.

Но „австрійскіе государственные люди“ могутъ призадуматься также и надъ другимъ. Вслѣдъ за возвращеніемъ въ Италію короля Гумберта, въ нѣкоторыхъ газетахъ, въ томъ числѣ и въ *Diritto*, появились замѣтки, гдѣ заявляется, что отнынѣ тройственный австро-германо-итальянскій союзъ слѣдуетъ считать окончательно утратившимъ свое значеніе. Замѣтки эти Австріи не слѣдовало бы оставлять безъ вниманія, въ особенности въ виду частныхъ сообщеній, полученныхъ въ Парижѣ изъ Рима и подтверждающихъ извѣстіе о томъ, что между Италіей и Германіей подписана военная конвенція. Конвенція эта ставитъ итальянскую армію въ условія подобныя тѣмъ въ какихъ находится армія баварская. Въ Римѣ будетъ находиться германская военная делегация, а итальянская военная делегация, въ меньшемъ противъ германской составѣ, будетъ находиться въ Берлинѣ; цѣлью ихъ обѣихъ будетъ объединеніе итальянской и германской армій и приведеніе ихъ къ одному типу подл командованіемъ германскаго генерала. Конвенція эта заключена безъ участія Австріи. Впрочемъ, все это пока телеграфныя извѣстія, за точность которыхъ нельзя ручаться.

Дѣвочка-великанъ Лиза Лысна (11-ти лѣтъ). Грав. Шюблеръ.

С М Ъ С Ъ.

Изъ жизни Булгакова. Про извѣстнаго повѣсу тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, Булгакова, человека даровитаго, имѣвшаго большія связи и враждавагося въ высшемъ кругу, г-жа Голо-

вачева рассказываетъ нѣсколько интересныхъ анекдотовъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*. Вотъ одинъ изъ нихъ. Булгаковъ въ мартовскій день явился какъ-то на Невскомъ безъ шляпки и обращалъ вни-

маніе всѣхъ гуляющихъ своимъ сюртукомъ (военнымъ) ярко-зеленаго цвѣта, съ длинными полами. Дѣло въ томъ, что вышелъ приказъ замѣнить черное сукно на военныхъ сюртукахъ зеленоватымъ и поны сдѣлать нѣсколько подлиннѣе. Булгаковъ нервнѣе сдѣлалъ себѣ новую форму, но преднамѣренно утрировалъ ее. Великій князь Михаилъ Павловичъ, проѣзжая по Невскому, замѣтилъ Булгакова, подозвалъ его къ себѣ и грозно велѣлъ сѣсть въ сани, сказавъ:

— Я тебя отвезу къ государю.

Булгаковъ, садясь въ сани, сдѣлалъ видъ что зацѣпился и уткнулся носомъ въ полость, проговоривъ:

— Вотъ что значитъ садиться не въ свои сани!

Великій князь разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Такъ пошелъ садись въ свои сани и прямо поѣзжай на гауптвахту, на Обнуну...

Булгакову могли-бы грозить переводъ въ армію и другія серьезныя наказанія за его разныя повѣсничества, но онъ всегда умѣлъ каламбурами или чѣмъ-либо другимъ разсмѣшить великаго князя, и повѣсь все съ рукъ сходило. Однако, если Булгакова не было утромъ видно на Невскомъ проспектѣ, а вечеромъ въ балетѣ, то всѣ знали, что онъ посаженъ на гауптвахту великимъ княземъ. (Б.)

Вагонъ-школа. На Закавказской желѣзной дорогѣ появляется новинка—вагонъ-школа. Устройство этого вагона довольно замысловато. Въ немъ находится нѣсколько отдѣленій — для жилища учителя, для помѣщенія самой школы и проч. Мѣстопребываніе вагона неопредѣлено. Одинъ мѣсяцъ онъ будетъ стоять на запасномъ пути одной станціи, два мѣсяца около другой, опять одинъ или два мѣсяца близъ третьей и т. д. Словомъ, въ теченіе круглаго года онъ будетъ находиться около тѣхъ станціи, гдѣ это окажется необходимымъ и гдѣ дѣти желѣзнодорожныхъ служащихъ терпятъ неудобство отъ неимѣнія школъ вблизи станціи. Большинство станціи Закавказской желѣзной дороги находится въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ. Для такихъ-то станціи школа-вагонъ — это изобрѣтеніе въ американскомъ духѣ—пожалуй, послужитъ хорошую службу. (Б.)

Францъ Ксаверій Габельсбергеръ. Наше время, страдающее отъ недостатка времени, придумало и средство для сбереженія времени. Путешествія, на которыя отцы наши употребляли цѣлые дни, мы, при помощи локомотива, совершаемъ въ нѣсколько часовъ; съ быстротою молніи по электрической проволоцкѣ передаемъ слова съ одного конца земли на другой, и даже избѣгаемъ и той небольшой траты времени, которая сопряжена съ писаніемъ, подачей, передачей и доставкой телеграммъ, и переговариваемся другъ съ другомъ по телефону. И какъ несносно и сколько времени тратится когда пишешь письмо или отчетъ общеупотребительнымъ способомъ! Мы дѣлаемъ это скорѣе, мы стенографируемъ! Стенографія есть

постоящее дѣтище нашего времени, порожденное потребностями новой системы, постепенно вводившейся, съ начала XIX-го столѣтія, въ еронейскихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Поддерживаемая духомъ торопливости, стремленіемъ къ невозможному сбереженію времени и мѣста, духовной и тѣлесной силы, стенографія является однимъ изъ замѣчательныхъ явленій нашего вѣка. Не умалила заслугъ болѣе раннихъ скорописцевъ, начиная съ древняго Тирона, писавшаго цинцероновскую *Quousque tandem* нѣсколькими крючками,—мы можемъ считать изобрѣтателемъ стенографіи Франца Ксаверія Габельсбергера, родившагося въ Мюнхенѣ ровно сто лѣтъ тому назадъ, 9 февраля 1789 г.

Это было въ 1817 году. Нѣсколько болѣзненный баварскій канцлеръ, сидя въ свободныя часы при свѣтѣ лампы, обдумывалъ удобную и скорую систему письменныхъ знаковъ, чтобы во время засѣданій баварскаго министерства имѣть возможность лучше записывать рѣчи ораторовъ.

Открытие баварскаго сейма доставило ему первый случай публично испытать свое изобрѣтеніе. Какой рядъ триумфовъ съ того времени и до сихъ поръ, когда въ 50 нѣмецкихъ и другихъ парламентахъ рѣчи народныхъ представителей начертываются по его системѣ, когда насчитывается болѣе 500 габельсберговскихъ стенографическихъ обществъ съ 15,000 сочленовъ, и сотни тысячъ людей кромѣ нихъ пользуются его письменными знаками, когда даже настоящая академія—Королевскій саксонскій стенографическій институтъ въ Дрезденѣ — занимается разработкой стенографіи Габельсбергера! Можно жаловаться на духъ вѣка, виѣшнимъ выраженіемъ котораго служитъ стенографія, можно грустить о прекрасномъ времени когда люди жили и писали медленно, осмотрительно и спокойно—и тѣмъ не менѣе нельзя отказаться отъ чествованія памяти гениальнаго изобрѣтателя Габельсбергеровской стенографіи въ столѣтнюю годовщину его рожденія. (С.)

Д-ръ Дабсонъ рекомендуетъ противъ остраго насморка новое средство, дѣйствительность котораго подтверждается и швейцарскою врачебною газетою. Оно состоитъ изъ вдыханій камфоры, которыя должны производиться слѣдующимъ образомъ: Полную чайную ложку камфорнаго порошка насыпаютъ въ высокой сосудъ и, наполнивъ его до половины киниткомъ, прикрываютъ отверстіе сверху изъ бумаги воронкой, верхушку которой открываютъ настолько, чтобы въ нее вошелъ весь носъ. Затѣмъ вдыхаютъ теплыя водяныя пары, насыщенные камфорой, въ теченіе 10—15 минутъ, повторяя эту процедуру чрезъ четыре или пять часовъ. Самый упорный катарръ послѣ троекратныхъ вдыханій исчезаетъ, а въ большинствѣ случаевъ вовсе не потребуетъ повторенія, если энергично взяться за дѣло сразу. (С.)

Ребусъ. Задача № 39.

Геометрическая задача № 41.

Прямыми линиями пересѣкающимися подъ угломъ въ 120°, раздѣлить эту фигуру на такія 3 части, изъ которыхъ можно было-бы составить правильный шестиугольникъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 ноп. почтовыхъ марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Подъ званіемъ колоноловъ. Романъ Вас. И. Неширлова-Данчино. Часть I. (Продолженіе). — Кто-же? Разсказъ Петра Дорошенко. (Продолженіе). — Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Очеркъ Н. П. Дружинина (съ портр.). — Бѣ русскіи: Встрѣча вьючныхъ муловъ въ Иордыльерахъ (съ рис.). — Всемирная выставка въ Парижѣ (съ 3 рис.). — Кушное и водочное заведеніе Погуляна (съ рис.). — Петръ I въ Итальянскій слободѣ (съ рис.). — Замокъ Иттаръ въ Тироли (съ рис.). — Дѣвочка-великанъ (съ рис.). — Служба броненосца „Императоръ Николай I“. П. Павлова (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Сѣкъ. — Задача. — Заявленіе. — Объявленія. — При семъ же прилагаются „ПARIЖСКІИ МОДЫ“ за ІЮ в 1889 г., съ 33 рис. и отдѣльный листъ съ 32 чертмъ, выкроенъ въ натур. величину и 15 рис. вышивныхъ работъ.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Задача буквъ № 40.

(1)	(2)	(3)	(4)
12	19	25	13
21	26	5	6
11	32	27	8
9	4	3	31
30	24	16	1
28	2	17	29
18	20	10	22
7	15	14	23

Найти 8 словъ. Буквы найденныхъ словъ размѣстить на мѣстахъ соответствующихъ чиселъ четырехъ данныхъ прямоугольниковъ. Сложить затѣмъ эти прямоугольнички такъ, чтобы изъ нихъ составилъ одинъ прямоугольничекъ, въ которомъ можно бы было прочесть пословицу.

- 1) Вьючное животное 1. 2. 3. 4.
- 2) Насѣкомое 5. 6. 7.
- 3) Приданое 8. 9. 10. 11.
- 4) Мѣра вѣса 12. 13. 14. 15.
- 5) Колѣно рѣчи между двухъ изгибовъ 16. 17. 18. 19. 20.
- 6) Небольшое судно 21. 22. 23. 24.
- 7) Рыболовный снарядъ 25. 26. 27. 28.

8) Часть лица 29. 30. 31. 32.

Продается во всѣхъ книжн. магазинахъ и на станціяхъ ж. д. новая книга:

ПАРИЖЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

Цена 1 р. 60 к.

Полный русскій путеводитель для будущихъ на всемирную выставку 1889 г.

Въ приложеніи: русско-франц. діалогъ для лицъ, не владѣющихъ французск., записная книжка и планъ. Составлено по оффиц. даннымъ и лучшимъ иностраннымъ путеводителямъ. № 3906

CORSETS
LEOTY
adoptés
par le
High-Life pa-
risien.
8. Place de la
Madelaine, Paris.

МАТТОНИ
ГИСТЮБЛЕРЪ
Чистый
ЩЕЛОЧНОКИСЛОТЫ ИСТОЧНИКЪ
ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ и ЗДОРОВЫЙ
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
можно вездѣ волочить.
Содержитъ миллионъ бутыль галлонъ вывозъ.

НОВЫЙ
рыболовный преис-
курантъ вышлетъ
изъ печати и выси-
лается бесплатно
по требованію
Поставл. Моск.
Рыболовн. Общ.
На Рождество, въ Москвѣ, И. Глазуновъ.

НИВА и **ГЛОСНИ**
имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которою печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“

ДЛЯ
НАРУЖНАГО
употребленія
разрѣшенный медицинскимъ
совѣтомъ министерства внут-
реннихъ дѣлъ.
Главное депо: б. Ко-
ношневная, № 14
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Продается:
въ Харьковѣ и въ Кіевѣ
во всѣхъ аптекахъ и апте-
карскихъ магазинахъ.
Цена 1 р. 20 к. за
стлянку.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М.
фабрикантъ велосипедовъ
„ОРЕЛЬ“.
Велого рода двухъ- и
трехъ-колесные велосипе-
ды для взрослыхъ и
дѣтей. Составныя части
и принадлежности. Идутъ
агентомъ. Иллюстриро-
ванный каталогъ за 10
пфен. марками. 12—8

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ БОЛЬШАЯ ГРАВЮРА:

ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ СЪ АВГУСТЪИШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ. 2) Государыня Импе-
ратрица Марія Феодоровна. 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Але-
ксандровичъ. 4) Великій Князь Георгій Александровичъ. 5) Великій Князь Ми-
хайль Александровичъ. 6) Великая Княжна Ксенія Александровна. 7) Великая
Княжна Ольга Александровна.
Гравюра артистически исполнена съ фотографій С. Л. Левицкаго и № и
отпечатана на отличной веленовой бумагѣ, разбѣромъ 10 1/2 верск. выш. и
7 1/2 верск. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатанн. на скалку 1 р. 25 к. Въ рамкѣ
подъ стекломъ 2 р., съ пересылкой и укрупной до 1000 верстъ 3 р. 50 к., а до
2000 верстъ 4 р. 50 к.
Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, разбѣромъ
13 1/2 верск. выш. и 9 1/2 верск. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалку 2 р. 50 к.
Въ изящн. рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.; съ перес. и укрупной до
1000 верстъ 7 р. 50 к., а до 2000 верстъ 9 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“. Невскій
просп. № 6. С. Пб.

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ

Предлагаетъ: сѣялки, жейки, косилки, вѣялки, плуги разныхъ системъ и бороны.
Цѣны самыя умѣренныя.
Прейсъ-курантъ высылается бесплатно. № 3719 12—9

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО.

Практическіе совѣты для разведенія фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарни-
ковъ. Съ 72 рисунками. Цена 60 коп. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“,
Карбасникова, Деяриена, Стасюлевича и друг. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ
П. Луковникова (СНБ, Лештуговъ пер., 2). Мт. № 3911

во всѣхъ книжкахъ духовъ и у насѣхъ парикмахе-
ровъ во Франціи и за границей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисо-
пигментовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris. Ц. № 3767 (11).

ШОКОЛАДЪ
ТОПКА ПЕРВОУЧАСНО
А. И. АВРИКОСОВА СЫНОВИИ
ВЪ МОСКВѢ.
С. № 3885
3—2
продается
во всѣхъ городахъ
РОССІИ.

Желающихъ приобрести дѣлствительно-хо-
рошія бѣлыя изразцовыя
ПЕЧИ
а также изъ
МАЮЛИКИ
и
ТЕРРАКОТТЫ
просить обращаться въ кончарно-изразцо-
вый заводъ № 3918
„АБО“.
Ноябра и выставка: Столярн. пер.,
д. № 13, уг. Казначейск., СНБ

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ ВЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛИБЪ (Жиронда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, моспа-
тельныхъ лавкахъ и косметическихъ ма-
газинахъ.

МАГА
ЖИРАДОВСКИХЪ
ГРЕЛЛЕ и
ИЗДѢЛІА СОБСТВЕННЫХЪ ФАБРИКЪ: по-
лотенца, лѣтнія матеріи, купальныя принадлежности, разныя бумажныя издѣлія.
Большой выборъ чулочныхъ товаровъ. Готовое придное. Мужское, дамское и
дѣтское бѣлье. Иллюстрированный преис-курантъ высылается бесплатно. № 3799 9—3

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ
БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНЫХЪ и МОСКОВ-
СКИХЪ посредствомъ лекцій и
переписки, совершенно замѣняю-
щей усное преподаваніе; подыи-
шее ручательство за усвѣхъ; пла-
та умѣренная; подробныя условія
и пробныя письма выслаются
бесплатно.
Преподаватель коммерческихъ
наукъ Ц. № 3902
С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ
Адресъ: Москва, Арбатъ, Малый
Песковский пер., д. Адамовича.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхование вингринскихъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3716
Также нужны вѣрныя съ постоян-
нымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше-
означенному адресу.

ВОЙЛОЧНЫЯ ТУФЛИ!!!
Въ скоромъ времени выйдутъ изъ печати
преис-курантъ Войлочныхъ туфель фабрики
В. Ф. Спѣкина (Садовая, домъ № 24, между
Гороховой и Мучнымъ переулкомъ) и бу-
детъ разосланъ постоишимъ покупателямъ.
Желающихъ имѣть преис-курантъ на
туфли прошу сообщить свои адреса конто-
рѣ фабрики. № 3904 2—1

НИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза
быстрѣ пера. Чистота,
четкость и красота.
Введена во всѣхъ
Министерствахъ и
мног. правительствъ
и частныхъ учрежд.
Преис-курантъ, содерж. многочисленныя
отзывы отъ Правительства и другихъ учре-
жденій, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Будяницкій мостъ. Б. Морская, 21.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
державшему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину-
нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только
имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не менѣе
двухъ флаконовъ.
Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (68) № 2946

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
собств. издѣлія продаются по вновь уда-
ршеннымъ цѣнамъ:
съ 3 педалами по 4 р. и 4 р. 50 к.
7 — — — — — съ приспособленіемъ для
легкой и скорой настройки по 6 рублей.
Самый легкій инструментъ для изученія.
Пріятный тонъ. Въ короткое время про-
даны многія тысячи.
За пересылку по почте прошу прилагать
за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. преис-курантъ съ кѣмъ инстру-
ментамъ бесплатно. 131 Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.
ВТОРАЯ ЖЕНА, Ром. Маршанта. Пер. съ
нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

РУКОВОДСТВО

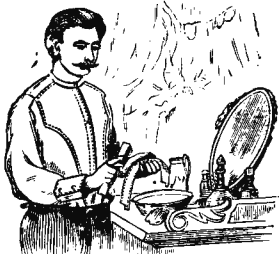
КЪ ОБУЧЕНИЮ ЦЕРКОВНОМУ ПѢНІЮ СЪ ПРАВИЛАМИ И УКАЗАНИЯМИ.

1) Какъ самому научиться играть на скрипкѣ по нотамъ. 2) Какъ преподавать нотную азбуку къ пѣнію въ школахъ. 3) Какъ обучать дѣтей церковному пѣнію по слуху и по нотамъ. 4) Какъ изъ учениковъ школы организовать для церкви хоръ въ 3 голоса: басъ и альтъ съ дискантомъ. 5) Какъ давать голосомъ тонъ хору съ помощью камертона, при хоровомъ стройномъ исполненіи словъ и пѣнія пѣсенный изъ службъ Православной Россійской церкви. Составлена по опыту учителя пѣнія Киевскихъ городскихъ приходскихъ училищъ Николаемъ Даниловичемъ Аблажскимъ. Цена 1 рубъ 75 к. (для подписчиковъ 1 р. 35 к.) съ пересылкой. № 3907

КРАСКИ

1. Для малярныхъ работъ въ туссто-разведенномъ видѣ.
2. Для любителей живописи готовая къ употребленію по 20 к. за фунтъ. № 3901
3. Краски фирмы **К. АНДЕРССОНЪ и К^о**, высыхающія черезъ 2 часа.
4. Производство малярныхъ работъ и окраска цемента и асфальтовыхъ половъ. Прейсъ-курантъ бесплатно. Контора и складъ: Толмазовъ пер., д. № 3, кв. 7.

УСОВЕРШЕНСТВАННОЕ РЕЗИНОВОЕ ВѢЛЪЕ

Вполнѣ замѣняющее полотняное, отличается своею прочностью и простотою чистки; только несколько разъ потереть щеткой съ мыломъ и опять получается прежняя бѣлзна. Воронникъ стоячий . . . . . 40 к. . . . . отложной . . . . . 60 " Манжетъ . . . . . 1 " Манишка . . . . . 1 " Галстукъ . . . . . 40 " Кусокъ мыла . . . . . 15 " Запонка для воротничка . . . . . 10 " . . . . . манжетъ . . . . . 15 "

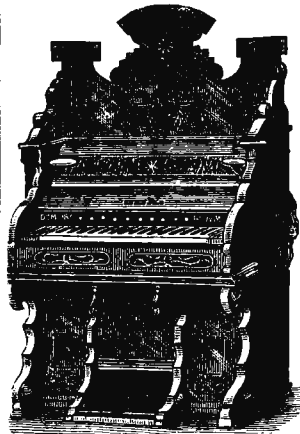
Изгородныхъ покупателей просимъ при заказахъ прилагать одну треть стоимости въ задатокъ, остальную деньги могутъ быть переведены наложеннымъ платежемъ.

Главные склады резиновыхъ издѣлій **ПИХЛАУ и БРАНТЪ** въ Москвѣ, Петровка, д. Соколова.
Оптовый складъ
Пялинка, противъ Старого Гостиннаго двора, д. Общества Телѣжк. яровъ.
Оптовымъ покупателямъ дѣлается значительная уступка. П. № 3903

7 Р. НОВОСТЬ!! 7 Р.

Секретная камера въ видѣ маленькаго альбома, который, безъ предарит. умѣнія, фотографируетъ незаметно.
Рекомендуемъ всѣмъ фотограф. аппаратамъ отъ 10 р. до самыхъ изящныхъ, также объективы и пластинки всѣхъ фабрикъ и всѣ принадлежности. В. № 3905 5-1
Новый преисъ-курантъ бесплатно.

ФИСГАРМОНИЯ

Прекрасный инструментъ для духовной и свѣтской музыки. Американскія фисгармоніи, незамѣнимо пріятные, благородные звуки которыхъ очаровываютъ каждый слушателя, излучая отъ дѣла которыхъ украшаетъ каждую залу, стоятъ только 110, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 руб.
Французскія фисгармоніи: 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.
Играть на фисгармоніи можно легко учиться; кто немного играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не составляетъ никакого труда. Школы и ноты для фисгармоніи въ большомъ выборѣ. Иллюстрированный преисъ-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи—бесплатно.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Большая Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнечій мостъ, д. Захарыина.

Только что вышелъ ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русскои азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туалетнаго зеркала со шкатулкой.
Усибѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служить лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стили и безукоризненно выполнены въ литографическомъ отношеніи.
Цена альбома, не смотря на значительныя дополненія, остаётся попрежнему весьма незначительная, а именно 1 руб., съ пересылкою 1 рубъ 30 коп.
Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Иодисто-разсолныя воды BAD-HALL въ Верхней Австріи.
Самое сильное содержание йодистаго раствора въ Европѣ. Для леченія при золотухѣ и болѣзняхъ половыхъ органовъ и противъ ихъ послѣдствій. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе минеральныхъ водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, нефирь). Весьма выгодныя климатическія условия; станція ж. д. Путь черезъ Линцъ на Дунайъ.
Сезонъ отъ 15-го мая до 30-го сентябрю.
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаются.
Дирекція водъ въ BAD-HALL. К. № 3747 4—3

ВЪ КУНГУРСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ, ГУБКИНА, УЧИЛИЩЕ
(въ городѣ Кунгурѣ, Пермской губерніи), состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, принимаетъ безъ экзамена окончившіе курсъ въ трехъ и четырехъ классныхъ городскихъ, по положенію 31 мая 1872 года, училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; остальные же по соответствующему испытанію. Курсъ ученія 4 года, пріемные экзамены 11, 12 и 14 августа. Плата за полнаго пансіонера 180 руб. въ годъ, за частичнаго 30 рублей. Для приема въ 1 классъ требуется возрастъ не моложе 14 и не старше 17 лѣтъ.
Ученики, окончившіе полный курсъ ученія, пользуются льготою 2 разряда при отбытіи воинской повинности.
За подробными свѣдѣніями желающіе благоволятъ обращаться въ канцелярію училища лично и письменно. Директоръ училища А. Хаустовъ. № 3865 3—2

Цѣлебный источникъ ФРИДРИХА въ Гнезънѣ, провинц. Познань.

По анализу Д-ра Езераха въ Берлинѣ, относительно минеральныхъ составныхъ частей весьма схожей съ источниками Карлсбада и Франценсбада, съ успѣхомъ употреблений и рекомендуемыхъ медицинскими авторитетами противъ желудочныхъ и кишечныхъ страданій, запавъ печени, геморроя, страданій мочевого пузыря, золотухи, катарровъ носовой полости, глотки, горла, дыхательнаго горла, легкихъ, мочевого пузыря, кромѣ того, при астмѣ, да въ какъ diureticum при почечныхъ и желчныхъ камняхъ, и вообще въ тѣхъ болѣзняхъ, которыя лечатся карлсбадскими и франценсбадскими водами. В. № 3900
Лѣченіе водами и ваннами—купальни и сады отвѣчаютъ всѣмъ современнымъ требованіямъ отъ заведеній этого рода. Большой выборъ квартиръ и отелей, врачей и аптекъ.
Воды высылаются бутылками въ 3/4 литра по 40 пенниговъ.
Подробнѣйшія свѣдѣнія отъ владѣльца источника П. Флатова въ Гнезънѣ.

EAU DE SUEZ

Рѣ. № 3887
Обяснительная брошюра высылается бесплатно по требованію вышеозначеннымъ депо и Г-мъ Суэзъ 9, rue de Prony, Парижъ.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

Дело въ С.-Петербургѣ—А. М. Рузико въ Гостинный Дворѣ, № 40.
Въ Москвѣ—А. Сіу и К^о, Тверская, д. Варягина.
Парижъ—А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1. Библиотека „Руниверс“

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная английская карманная двухтактная швейная машина СЪ ИО-ЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.
Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесою не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ самая тонкая, такъ и самая толстая матерія, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесою доступна вѣсьмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. Цена въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣхъ, ящикъ 11 р. 25 к., пересылка 75 к. Въ Сибирь и на Кавказъ за 4 фунтъ. Главный складъ въ Москвѣ, въ ишечубужанскомъ магазинѣ „Полиграфъ“, Мясницкая, д. Ермоловыхъ. № 2914

МОЙНАКСКОЕ ГРЯЗЕЛЪЧЕБНОЕ И ЛИМАННОЕ

№ 855 ЗАВЕДЕНІЕ 7-6
въ городѣ Евпаторіи
открывается съ 20 мая по 20 августа.
За подробностями просить обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губ., Г-г. доктору С. П. Целеневскому или доктору С. П. Холжашу.
АКРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОИАН.

Карм. формъ. въ замков. кошельк. 8 р. 50 к. пересылка за 2 ф.
Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 р. 50 к. пересылка за 4 ф.
„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, поляр. охоты, моря и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія „универсальнаго бинонала“.
Спеціальн. театральн. бинональ отъ 5 до 65 р.
Зрительн. трубы въ 5 р. 50, 11, 14, 20, 28 р. и дорожн.
Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. 2-1 и дорожн. № 3909
СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
Е. КРАУСЪ и К^о
въ Парижѣ, Aven. d. l. Républic., 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойна, № 40.
Иллюстр. преисъ-курантъ высыл. бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва; С.-Петербургъ,
Кузнечій Мостъ, Б. Морская № 21.
имѣетъ
единственный Складъ для всей
Россіи Велосипедовъ: Swiftъ,
Виннетъ, Русскій Клубъ, Мол-
нин (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Ошелюстанный Свѣтъ № 2
= 150 руб. =
Прейсъ-Курантъ высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

XX г.
№ 24

г. XX
1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.
Выданъ 10 Юня 1889 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарель (1/2 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ . . . . . 6 р. 50 к.
Безъдост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи . . . . . 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Весенняя выставка Имп. Акад. Худ. Окрестности Желоса въ Пиринейхъ. Съ карт. С. И. Васильковскаго. грав. Шлиперъ

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

ХІІІ.

Прошелъ мѣсяць. Іюнь стоялъ въ этомъ году жаркій, сухой. Ни капли дождя не упало на жаждавшую влаги землю. Трава горѣла; рѣчка, протекавшая за монастыремъ, едва сочилась. Въ обители готовились къ празднику, мастерская была пока закрыта и Вѣрочка почти все время проводила съ бабушкой.

— Не узнаю я тебя, говорила она старушкѣ.—Ты точно скрываешь что отъ меня.

Дѣйствительно, Анфиса Кирилловна спала съ лица совѣсьмъ и точно потерянная ходила цѣлые дни.

— Такъ я это, успокаивала она дѣвушку.— Сама знаешь, какіе мои года.

— Что года! И то бабушка Варлаама говоритъ, что ты у меня совѣсьмъ молодая старушка. Нѣтъ, ты что-то будто-бы прячешь отъ меня.

И въ памяти Вѣрочки мелькнулъ намекъ матери Серафимы на какую-то бабушкину тайну, подслушанную ею въ окнѣ у себя въ комнатѣ.

— Глупости... Снится мнѣ все это время несуразное... Смерть моя близка, вотъ что, вырвалось у той.

— Что-же снится?

— Не къ добру.—И бабушка сѣла въ кресло.— Не къ добру, дитятко... Ужь и ума не приложу, а не къ добру. Къ смерти моей должно быть.—Видимо, ей самой хотѣлось высказаться. Чувствовала, что легче будетъ.— Видишь-ли ты, каждую ночь ко мнѣ дѣдушка твой приходитъ. Какъ засну—онъ и стоитъ надо-мною, страшный, страшный...

— Ну, вотъ видишь... Отслужи панихиду—и перестанетъ приходять.

— Нельзя, нельзя по немъ панихиду-то служить.

— Отчего нельзя? изумилась Вѣрочка.

— Потому что... нельзя. Что ужь... Какія панихиды еще!

Вѣрочка ничего не понимала, пошла было къ себѣ, да уже въ дверяхъ разслышала, какъ бабушка сама съ собою заговорила:

— Какъ это о живыхъ панихиды служить?.. Почему я знаю,—коли бы умеръ, другое дѣло.

И дѣвушка приадумалась.

Она была круглою сиротою. Когда-то приютила ее бабушка, которую и она и всѣ считали вдовой. Что бы значила нечаянно услышанная ею фраза: „какъ это о живыхъ панихиды служить!..“ Вернувшись она попробовала было приласкаться къ бабушкѣ—прежде это приводило старушку въ хорошее расположеніе духа, но теперь не подѣйствовало. До того растерялась Анфиса Кирилловна, что когда Устинья разбила ея любимую фарфоровую чашку, подарокъ и память покойной матери Секлетеи, такъ старушка только головой покачала:

— Все къ одному, все къ одному! проговорила она.— Все къ тому же. За мною это—по мою душу.

— Чашка-то по душу? старалась сама разсмѣяться и ее разсмѣшить Вѣрочка.

— Да вѣдь прежде не билась же?.. Теперь какъ разъ. Все къ одному, все къ одному, милая.

А тутъ еще и Маруська прибавила. Схвативъ за хвостъ невѣдомо гдѣ отысканнаго ею мертваго вороненка, она задомъ едва-едва вползла въ комнаты и прыгавъ притащила его на самую середину комнаты, а притащивъ, сѣла надъ нимъ и давай умываться, точно и въ самомъ дѣлѣ совершила что-то путное.

— Ну, вотъ видишь?..

Окончательно обезкураженная старушка пошла подъ ворота къ Степанидѣ и все рассказала ей.

— Къ смерти это?

— Не къ смерти, а не хорошо, глубокомысленно соображала та.—Не хорошо. Сказываешь, Секлетеина чашка-то?

— Секлетеина. Невдолгъ передъ самою смертью-то и подарила мнѣ она.

— Ну, вотъ, поди ты, мать, и отслужи панафиду по ней-то, по Секлетеѣ... Душевная старица была—и тебя любила. Это не кто, какъ она.

И панихиду отслужила, и повидимому успокоилась Анфиса Кирилловна, а внучка ея все на нее поглядывала съ опаской.

— Не больна ты, бабушка?

— Нѣтъ.

— А ты бы къ доктору въ городъ послала.

— Ну, куда медику земному съ скорбью моею совладать. Одинъ у меня медикъ, то—Царица Небесная, коли Она не поможетъ, что земные сдѣлать могутъ! Господь съ ними. Пушай другихъ ужь надувають средствами своими неподобными.

Пришелъ и праздникъ.

Богомольцевъ сошло въ монастырь видимо-невидимо. Таборами стали кругомъ. Слава Богу еще если у нихъ телѣга была,—подъ телѣгою жили, а то такъ жгло солнце, что монахини, утѣшая ихъ, говорили:

— А вы думали какъ, лежокъ, други, путь ко спасенію? Нѣтъ, братцы,—трудень, охъ трудень! Это еще что, когда солнце жжетъ—горше тому, кого совѣсть-то жечь станетъ... Охъ, какъ тяжело тому, кто совѣсть ощутитъ!..

Особенно трудно пришлось женщинамъ и дѣтямъ. Въ обители отвели имъ и квасную, и хлѣбную,—а все мѣста не хватало. Пустили на кладбище бабъ—подъ вызы и липы—все тѣни больше, хоть какая ни на есть, а прохлада,—и цѣлые дни проводили тамъ бабы, красныя-красныя, распаренныя,—а за стѣнами обители оставалось еще больше. И такіе жары стали, что даже урядникъ обезпокоился и донесеніе послалъ становому: „какъ бы не случилось чего съ народомъ отъ знойнаго расположенія“. Еще лучше другихъ пришлось нищимъ. Тѣ, какъ заняли мѣста по обѣ стороны монастырскихъ воротъ, такъ и не уходили оттуда. У нихъ днемъ и вечеромъ тѣнь была—полуднями жгло малость, да все же сравнительно это еще благодатью оказывалось. Теперь Вѣрочка каждый разъ приходила въ обитель съ мѣдяками въ карманѣ. Не могла она равнодушно миновать всѣхъ этихъ хромыхъ, слѣпыхъ, всю эту искалѣченную братію, назойливо пѣвшую, глаголавшую и вопіявшую о хлѣбѣ насущномъ. И бабушка тоже одѣляла ихъ. Ближе другихъ ко вратамъ въ обитель отвоёвывалъ себѣ мѣсто такой здоровенный старикъ, что ему мѣсто было бы совѣсьмъ не здѣсь, а гдѣ нибудь на большой дорогѣ. Рожа красная, точно обожженная, сѣдая борода всклокоченная, волосы тоже сѣрой шапкой торчатъ, воротъ лохмотной рубахи разстегнутъ и оттуда потная красная грудь видна. Онъ зорко всматривался въ Вѣрочку и пробовалъ даже заговаривать съ ней, благодаря ея за милостыню. Та поневолѣ отвѣчала ему. Не отвѣтитъ, по ея понятіямъ, значило бы оскорбить его и сдѣлать ему еще горше и безъ того горькую милостыню.

— Эй, умница... остановилъ онъ ее разъ.— Какъ звать-то тебя, благодѣтельница? За кого молиться мнѣ?

— Вѣрой звать, улыбнулась она.

— Ну, Господь съ тобой, пошли Онъ тебѣ царствіе небесное.—А изъ-подъ встопорченныхъ бровей зорко и хитро смотрѣли его острые глаза.— Должно быть недалеко живешь ты тутъ, что все съ матерью ходишь?

— Недалеко, недалеко, старикъ...
И она бѣжала скорѣй прочь.
— Эхе-хе-хе... еще зорче присматривался онъ къ ней.
Но когда она проходила съ бабушкой, нищій не отводилъ совсѣмъ глазъ отъ нихъ обоихъ.
Разъ Вѣрочка шла мимо, онъ ее клюкой поманилъ къ себѣ. Та подошла.
— Ну, прости, всю мѣдь раздала, ничего не осталось.
— Господь съ тобою!.. Развѣ только это и надобно странному человѣку? Ты меня словомъ своимъ подари. Старушка эта матерью тебѣ приходится?
— Нѣтъ, бабушкой...
— И давно вы тутъ живете, милая?
— Давно, какъ себя помню.
— А гдѣ?
Но она посмотрѣла ему въ глаза и чего-то страшно ей стало, слишкомъ ужъ жадно глядѣлъ онъ на нее, слишкомъ остеръ и лукавъ былъ его взглядъ.
— Не видать отсюда!.. кинула она ему и прочь пошла.
— Не видать, ну что-жь, и на томъ спасибо. Спаси тебя Господь Всемилостивый!
До того непріятель сдѣлался Вѣрочкѣ этотъ нищій, что она стала ходить въ обитель другими воротами.
Старикъ не успокоился. Онъ сумѣлъ подобраться къ Степанидѣ.
— Охъ, ужъ и обитель у васъ, матушка, не знаю какъ ваше имя святое...
— Степанида.
— То-то. Видалъ я много обителей, что каменіи самоцвѣтные какъ жаръ горитъ,—ну, а такой не случилось еще. Ахъ, не случилось! Адаманти настоящій... И добродѣтели въ вашихъ старицахъ, матушка. Истинно умиляешься, какъ Господь васъ превознесъ и прославилъ... Ты думаешь, что сидимъ мы у воротъ, — а мы все видимъ и все слышимъ.
— А ты въ какихъ монастыряхъ-то еще бывалъ?
— Бывалъ я, сударыня моя, матушка богоданная, на Соловецкихъ островахъ, что посередь моря студеного стоятъ, обитель великая, и честь ей межъ другими не малая. Бывалъ я и на Валаамѣ, сподобилъ меня Господь Герману угоднику Своему поклониться, и у Троицы-Сергія благолѣпиемъ чина небеснаго и красотой храмовъ подлинно ослѣпленъ былъ... И на Авонѣ ходилъ въ турецкую сторону... А все лучше вашей обители нѣтъ.
— Сказываютъ хороша, коли не лукавить.
— Чего лукавить—первая... Вижу я, матушка, бѣгаетъ въ монастырь къ вамъ, ежедневно почитай, дѣвица одна хорошая и милостыни творить, и сама какъ голубица кроткая. Кто она будетъ?
— Сирота одна... Съ бабушкой своей живетъ здѣсь.
— Видѣлъ, видѣлъ старушку съ ней. Почтенная старушка. Анфисой Кирилловой кажись зовутъ еще ее?
— Да, какже. Давно тутъ живетъ!..
— А по фамилии ее Рѣньевой величаютъ? Такъ... Мы за тѣхъ вѣдь, кто подаетъ намъ, особливо молимся. За всѣхъ вопче, а за благодѣтелей—въ отличку.
— Видалъ гдѣ ее?.. удивилась его любопытству при-вратница.—Раньше видалъ, что-ли?
— Нѣтъ, такъ народъ говорилъ. Хорошая старушка, благослови ее Богъ. Что же она замужемъ что-ли?
— Вдовствуетъ.
— Ну и Богъ съ нею... Вдовствуетъ... И домокъ у нея здѣсь свой?
— Какъ же. Зайди за ворота, да посмотри—крыша тесовая, а надъ ней клены, вонъ у стѣны недалеко.
— Ну, спасибо, спасибо тебѣ, мать Степанидушка. Будешь молиться, не забудь помянуть меня грѣшнаго.
— А поминать-то какъ?
— А просто, матушка, старца недостойнаго... Господь

съ нимъ, съ именемъ. Это у дворяновъ, которые, имена есть, а намъ сирымъ, да гладнымъ, да хладнымъ и такъ отлично. И безъ имени живетъ... Какъ помремъ—Богъ-то и безъ имени разберетъ, кого куда... Прости мать!..

— Господь простить.

Сѣлъ на свое мѣсто старикъ-нищій и задумался. Крѣпко задумался. Даже богомольцевъ сталъ пропускать. Взглянетъ на домикъ Анфисы Кирилловны, вздохнетъ и опять задумается... Разъ только у него вырвалось:

— И при капиталѣ должно-быть.

— Кто? переспросилъ у него сосѣдь-калѣка.

— Такъ я... вопче... Грѣхи наши. Охо-хо-хо, парить-то какъ. А завтра я, слышь, Тимошей, не приду.

— Чего такъ?

— Довольно мнѣ возжаться съ вами. Можетъ мы и сами изъ дворяновъ, ты какъ думаешь?.. На лошадахъ отсюда поѣду... Вотъ чтò... Довольно!

— Кажись водки тутъ не продаютъ, гдѣ это ты зѣнки-то свои налилъ?

— Молчи, дуракъ. А то такъ я клюкой тебя огрѣю. Не знаешь, съ кѣмъ говоришь, мужичище...

Тотъ только ротъ разинулъ на расходившагося нищаго.

XIV.

На другой день бабушка съ внучкой только что сядились обѣдать, какъ въ прихожей раздался шумъ и послышался чей-то грубый голосъ; повидимому кто-то спорилъ съ Устиньей.

— Ступай, ступай! куда идешь, пьяная твоя харя! кричала та.—Иди подъ окно, къ кухнѣ, оттуда подамъ.

— Молчи, дура... Я не за милостыней!..

— Чего прешь! Здѣсь старая барыня!

— Ее-то мнѣ и надо.

Устинья было стала въ дверяхъ, но чья-то сильная рука оттолкнула ее прочь. Вѣрочка вскочила изъ-за стола, бабушка встала тоже. Двери распахнулись и на порогѣ показалась громадная фигура стараго нищаго. Онъ опирался на клюку, весь въ лохмотьяхъ, рубаха его плохо защищала тѣло, да онъ, впрочемъ, и не нуждался въ этой защитѣ; сумка за плечами... Онъ тяжело перешагнулъ обутою въ лапти ногой черезъ порогъ.

— Здравствуйте! угрюмо проговорилъ онъ, отыскавъ глазами образъ, снялъ шапку съ расклеившимся козыремъ и перекрестился.

— Миръ дому сему...

— Чего вамъ? обратилась къ нему Вѣрочка.— Ступайте на кухню, тамъ васъ накормятъ...

Онъ даже не взглянулъ на нее. Глаза его были упорно прикованы къ бабушкѣ. Та, стоя у стѣны, тоже не отводила отъ него своихъ глазъ, все болѣе и болѣе округлявшихъ подъ впечатлѣніемъ невыразимаго ужаса...

— Что-же... Аль гнать будете, какъ гнала хамка ваша... Въ кухню—либо подъ окно...

Та молчала.

Изъ передней смотрѣла сюда испуганная Устинья, подмигивая Вѣрочкѣ на окно. Въ случаѣ-де чего—крикну...

— Не узнаете, Анфиса Кирилловна?.. А вы посмотрите... Положимъ двадцать три года время-то длинное... Кого не измѣнить, а вотъ я васъ узналъ... Сейчас узналъ... Слѣдовало-бы встрѣтить, какъ слѣдуетъ. И блудному сыну возвращающемуся съ раскаяніемъ радуются, не тоямо что... А хозяину и подавно...

И онъ пошелъ къ ней, все такъ же грузно и тяжело ступая лаптями.

Анфиса Кирилловна, не отводя отъ него глазъ, безсознательно, словно защищаясь, протянула руки впередъ и задрожала вся, такъ что голова ея вся заходила...

Панно проф. К. Е. Маковского, писанья для бар. фонъ-Дервиза. „Счастливая Аркадія“.

Съ фотогр. (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

— Бабушка, бабушка, кто это?

— Скажи ей что-ли... Скажи... А то хошь я скажу? Мнѣ все равно—я дома вѣдь...

Онъ вздохнулъ, снялъ съ себя суму, оглядѣлся куда-бы положить ее, по очевидно сообразилъ, что здѣсь ей не мѣсто.

— Эй, халда! обернулся онъ въ переднюю.—Возьми-ка, сунь куда...

Устинья опѣшила и, растерянная, подхватила суму и повесла ее.

— И клюку въ уголь поставь... Понадобится учить тебя.

Она приняла и клюку.

— Нельзя сказать, чтобы ласково встрѣчали опосля разлуки. Ну да ужь Богъ съ вами. Лишь-бы сладко да сытно покормили... Садись, Анфиса, что-ли... Да что ты на меня словно на звѣря лютаго смотришь?

— Бабушка, бабушка, да кто-же это?

— Сонъ-то... сонъ-то... Вотъ онъ тутъ и есть, бормотала та.

— Поди панихиды по мнѣ служили, анъ я и не померъ. Еще жить собираюсь. Изъ безвѣстнаго отсутствія-то и вернулся... А вы, супруга моя любезная, вдовствовали все. Ишь отъ сладкой-то жизни какъ разнесло васъ! Ну да что-же—Господь съ вами. А только кинули вы меня тогда, какъ бѣшеную псу подъ заборомъ—да и ушли спасаться. Вы-то спаслись—а мнѣ каково эти двадцать три года было? Искаль я, искаль я васъ—десять лѣтъ. Все вотъ на этихъ ногахъ. Ну а теперь пора отдохнуть. Поговоримъ потомъ, какъ дѣла наши обладать—а теперь обѣдать давайте... Садись что-ли... сурово обернулся онъ къ Вѣрочкѣ.—Отъ дочки, отъ Саши—родилась? отрывисто спросилъ онъ у Анфисы Кирилловны.—Что ты въ молчаливцы пошла что-ли?.. Да оно и спрашивать нечего—вся въ нее, въ покойницу... Безъ меня и родилась. Ну иди къ дѣду-то—цѣлуй ему руку...

Вѣрочка двинулась было къ нему... Но тутъ Анфиса Кирилловна внезапно обрѣла даръ слова.

— Постой, постой... Поди, Вѣрочка, къ матери Варлаамъ—тамъ и пообѣдай, а мы тутъ поговоримъ, безъ тебя.

— Что она дѣда не хочетъ уважить?

— Не дѣдъ ты ей, а ворогъ лютый, злодѣй... Считала я тебя мертвымъ и радовалась, анъ за грѣхи-то меня Господь и покаралъ.

— Это ты правильно. Господь за грѣхи завсегда караетъ.

— Зачѣмъ съ того свѣта проявился?.. Ступай, ступай прочь. Какъ оставилъ, такъ и иди. Нѣтъ тутъ твоего ничего...

— Анфиса! Аль забыла? приподнялся онъ.

— Бабушка! бросилась къ ней дѣвушка, вся блѣдная.

— Не бойся, милая... Молодую меня онъ тиранилъ, точно, а теперь и у меня на него управа найдется... Устинья, урядникъ-то здѣсь вѣдь на площади?

— На площади, матушка, на площади.

— Ну такъ помни, Алексѣй. Вѣдь я вѣдаю, куда тебя убрали тогда. Чуть ты что—сейчасъ тебя сдамъ. И будь покоенъ, никакой у меня къ тебѣ жалости нѣтъ. Вся какая и была—выболѣла... И не боюсь я теперь даже нисколечко...

— Ишь какая безстрашная стала! ворчалъ старикъ-нищій, почесываясь подъ пазухой.—Тебѣ ничего въ хороминахъ этихъ—а меня всякая тля поѣдомъ ѣсть, живаго мѣста нѣтъ...

— Вѣра, ступай къ матери Варлаамъ! уже строго обратилась къ ней бабушка.

— Какъ-же я тебя одну оставлю?

— За меня не бойся.

Она не узнавала своей старушки. Теперь все лицо ей горѣло негодованіемъ, и добрые глаза грозно смо-

трѣли на нищаго. „За меня не бойся, повторила она,—не мнѣ его бояться. Вечеромъ приходи.“

— Что-жъ дѣда и привѣтить нельзя?

— Какой ты ей дѣдъ! Скажите, какой родной выискался. Ты, по острогамъ шляючись, вспомнилъ-ли когда объ насъ? Дѣдъ!.. Иди, иди, дѣточка, иди.

Анфиса Кирилловна благословила ее и вывела за двери. Посмотрѣла ей въ слѣдъ и, убѣдясь, что та уже около воротъ обители—вернулась назадъ, гдѣ, сидя за столомъ, мужъ ея, такъ неожиданно вернувшійся, тяжело сопѣлъ, оглядывая все по сторонамъ.

— Ну, зачѣмъ пожаловалъ?

— Извѣстно, домой пришелъ.

— Домой!.. А гдѣ у тебя домъ-то?

— Здѣсь. Гдѣ жена—тамъ и домъ.

— Поздно вспомнилъ...

— Поѣсть-то вы дадите странному человѣку? стукнулъ онъ тяжелымъ кулакомъ о столъ.—Дьяволы! Поѣсть-то будетъ чего?

— Ладно... не шуми. Не кабакъ тебѣ здѣсь... Не острогъ.

При словѣ острогъ—нищій опять присмирѣлъ.

— Хорошо это тоже острогомъ корить... Господь грѣшника прощаетъ, а ты строже Бога хочешь быть?

— Прощаетъ точно и радуется ему... только кающемуся.

— А можетъ я и каюлся.

— Кабы каюлся, такъ-бы ты сюда силкомъ не лѣзь—звѣрь звѣремъ. Покаяніе тоже... Устинья, давай тамъ что есть у тебя.

А сама Анфиса Кирилловна отошла въ уголь, сѣла тамъ въ кресло и стала смотрѣть на него.

— А ты ѣсть не будешь?

— Нѣтъ.

— Со мной брезгуешь? усмѣхнулся онъ.—Ну что-же, мнѣ больше останется. Водки!

— Нѣтъ тебѣ водки. Тутъ честный домъ—водки не держутъ.

— Спосылай.

— Некого.

— А Устинья на что?

— Что-же мнѣ съ тобой одной остаться? Не знаю какъ ты за горло умѣешь хватать?

— Не забыла? усмѣхнулся нищій.

— Какъ забыть—помню. Много благодарна.

— То-то... А то я бы напомнилъ. И сладкой водки нѣтъ?

— Сказано тебѣ—не кабакъ здѣсь.

— Старухи сладкую водку завсегда пьютъ. Я бы и сладкой выпилъ.

— Обойдешься.

— Ироды!.. И старикъ съ жадностью навалился на щи. Онъ съ какой-то собачьей жадностью и быстротой глоталъ ихъ, обливался ими и уже не глядѣлъ на Анфису Кирилловну. Противно было слушать, какъ онъ чавкалъ и сопѣлъ при этомъ, точно у него каждое мгновение хотѣли отнять лакомое блюдо.

Старуха смотрѣла-смотрѣла на него и мало-помалу въ сердце ея закрадывалась жалость. Она даже слезинку сморгнула. Такой-ли онъ былъ прежде! Она помнила его красивымъ и ловкимъ офицеромъ. Давно это было—такъ давно, словно когда-то во снѣ она видѣла, а не на яву съ нимъ бѣжала изъ родительскаго дома. Нѣсколько дней счастья—а тамъ пошли кутежи, побои, игра... Она медленно качала головой... А потомъ что было—страшно вспомнить... Суды да тюрьмы... Вспомнила она какъ водили его въ арестантскомъ халатѣ подъ ея окнами... Отсидѣлъ—выпустили; пожалѣла—приняла. А онъ еще и того хуже... И пошла опять мука мученская... пока не услали. А тамъ и она уѣхала и въ первый разъ во все время замужества покой и тихое счастье узнала... А все жаль и какъ жаль-то!..

Сердце щемить. И вѣдь есть еще въ чертахъ что-то прежнее... Покажется и опять спрячется. Какая-то мысль мелькнула у нея въ головѣ. Она встала и пошла къ себѣ въ комнату. Порылась въ комодѣ и вынула въ бархатномъ футлярѣ старый дагеротипъ. Фотографій тогда еще не существовало — въ тѣ далекія времена. Скорбная и смягчившаяся, она вернулась опять и сѣла въ кресло... Мужъ ея немного насытился... И сталь ѣсть медленнѣе.

— Что еще? грубо спросилъ онъ, поднимая на нее воспаленный взглядъ. Это потное, жадное лицо было въ полномъ смыслѣ слова ужасно.

— Узнаешь?.. И она показала портретъ издали.

— Чего такого? недоумѣвалъ нищій. — Давай-кось сюда. Небось, не возьму. Мнѣ эта штука не къ чему.

— Устинья, подай ему.

— Сама гнушаешься? Ну, гнушайся... Что-же, обижай: коли Богъ обидѣлъ, такъ люди и подавно должны.

— Посмотри хорошенько.

Старикъ-нищій взглянулъ, но солнечные лучи такъ падали на дагеротипъ, что онъ ничего не видѣлъ. Онъ повернулся иначе.

— Ну, узналъ что-ли?..

Бродягу точно ударило что-то. Онъ зажмурился даже въ первую минуту и опять открылъ глаза... Всмотрѣлся пристально, впился своимъ острымъ взглядомъ въ молодого и красиваго офицера, такъ и рисовавшагося ему въ потускнѣвшихъ тонахъ и тѣняхъ портрета. Что-то пробѣжало по лицу его. Заслонился дагеротипомъ отъ хозяйки, чтобы та его не видѣла. А рука дрожить такъ и ходить ходуномъ, и видеть это Анфиса Кирилловна — и сладко и больно дѣлается на душѣ. Повернулся старикъ къ зеркалу что висѣло на стѣнѣ, посмотрѣлъ на себя; еще разъ воззрился на портретъ и вдругъ портретъ покотился на полъ, а самъ онъ опрокинулся на столъ и, схвативъ грубыми, черствыми цѣпкими пальцами свои всключенныя сѣдины, зарыдалъ, весь вздрагивая и шатая стулъ, на которомъ сидѣлъ, столъ и тарелки.

Анфиса Кирилловна, вся просвѣтленная, встала, подошла къ образу, перекрестилась и безмолвно положила передъ Спасителемъ земной поклонъ.

XV.

Вѣрочка вернулась уже съ вечерни. Сердце ея билось до боли, когда она переступала порогъ ихъ еще сегодня утромъ такого мирнаго домика: „что-то теперь тамъ?“

— Ну что? устало спросила ее бабушка.

— Отецъ Симеонъ боленъ. За него служилъ Захарія. Очень ужъ скоро онъ гонить. Бабушки недовольны.

И она вопросительно посмотрѣла на старушку. Та поняла и показала наверхъ.

— Тамъ?..

— Да.

— Спитъ?

И она разслышала храпѣніе надъ собою.

— Я его пока въ мезонинъ помѣстила. А потомъ не знаю... Что Богъ дастъ — то и будетъ.

— Останется онъ съ нами?

Анфиса Кирилловна промолчала, задумалась.

— Плакалъ сегодня... Не знаю, что потомъ, а пока ничего... Плакалъ, каялся...

— Прости его, бабушка.

— Эхъ, Вѣрочка, не знаешь ты... Вотъ погоди сама увидишь можетъ быть... Что ужъ... Всего не расскажешь. Да и говорить грѣхъ. Точно я тебѣ на него жаловаться стану.

— Матушка, взшла Устинья, — какъ съ нимъ-то быть мнѣ — на ночь?

— А что?

— Опасно. Не случилось-бы бѣды. Я его снаружи

запру, а къ намъ позову спать Акиму-могильщика. Чего-чего, онъ совладеетъ, онъ сильный.

— Не надо! всполошилась Вѣрочка.

— Постой, строго остановила ее бабушка. — Ты вѣдь его не знаешь, какой онъ. Дѣйствительно слезы его смутили меня. Не бывало этого съ нимъ прежде. Ну а вдругъ... За себя-то я не боюсь. Мнѣ скоро и безъ этого придется предстать передъ Нимъ, подняла она глаза на икону. — А тебѣ вѣдь жить еще... Въ самомъ дѣлѣ, Устинья, это ты хорошо надумала, позови Акима, пусть ляжетъ наверху въ передней комнаткѣ. А въ той дверь замкни въ самомъ дѣлѣ. Если постучится, пусть отомкнетъ Акимъ. Поставь ему туда воды, мяса, хлѣба, коли ѣсть захочетъ — пусть ѣсть. Спички...

— Охъ, матушка, спички — что вы! Спать онъ насъ.

— Не спать. Съ чего ему палить-то...

Всю ночь надъ собою слушала Вѣрочка, не смыкавшая глаза, сначала храпъ старика-дѣда, потомъ тяжелые шаги его, подъ нимъ гнулись половицы. Наконецъ подъ утро старикъ успокоился и дѣвочка заснула. Когда она встала — было уже поздно. Окно ея оказалось отворено, солнце свѣтило въ комнату, пѣли громко птицы въ кустѣ сирени и Маруся возилась на полу съ катушкой отъ нитокъ. Вѣрочка встала, одѣлась и вышла. Бабушку она застала серьезною, сидѣвшею задумчиво въ креслѣ.

— Ну что, бабушка?

— Все слава Богу.

— А онъ? (Она еще не хотѣла называть его дѣдомъ. Это слово не повертывалось ей на языкѣ).

— Въ городъ я его съ Акимкой услала.

— Совсѣмъ?

— Нѣтъ. Пусть одѣнется. Купить себѣ платья какого да бѣлья и въ банѣ вымоется. И такъ всю постель выколотить пришлось. Грязи на немъ за двадцать лѣтъ-то сколько накопилось. Ты меня прости, дитятко.

— За что это?

— А ужъ такъ. Что потомъ будетъ — не знаю. А пока должна я его здѣсь пріютить.

— Напротивъ, я рада, бабушка.

Вечеромъ пріѣхалъ изъ города дѣдъ. Онъ былъ одѣтъ въ широкомъ и мѣшкомъ сидѣвшемъ на немъ сюртукѣ и въ чистомъ бѣлѣ. Вымытое лицо лоснилось. Глаза старались глядѣть ласково, но не долго выдерживали и загорались недобрымъ, грознымъ огонькомъ.

— Здравствуй! неловко проговорилъ онъ, обращаясь къ Вѣрочкѣ.

Дѣвочка серьезно подошла къ нему, взяла его за руку, потянулась къ нему на носкахъ и поцѣловала въ щеку. Старикъ сначала отвернулся, а потомъ положилъ ей руку на голову.

— Добрая... И та... Старуха-то моя добрая... Обѣ добрыя.

А Анфиса Кирилловна въ это время, отвѣдя въ сторону Акима, исповѣдывала его.

— Ну что, какъ, Акимушка?

— Ничего, все слава Богу.

— Не бѣдовалъ онъ?.. Нѣтъ? И хорошо, а вотъ что: водки не просилъ? Мой-то — водки, а? Только ты правду.

— Просилъ только малость: пришли мы къ Елифанову въ кабакъ, они спросили себѣ сначала одинъ, а потомъ другой стаканчикъ. Я тоже значить. А потомъ они сказали: „буде, довольно“ и пошли благородно какъ слѣдуетъ быть. Нищаго нашего одного встрѣтили, Трифона. Приказали ему полтину дать, я далъ. А то ничего, все въ порядкѣ. Полиція тутъ ко мнѣ пристала. „Какого ты это, спрашиваетъ, старичка ведешь?“ Я имъ и говорю: „божьяго“. Нашъ, говорю, „монастырскій старичекъ“, ну отплыли...

Такимъ образомъ дѣдушка поселился въ домикъ у Анфисы Кирилловны. Онъ былъ все время угрюмъ и

молчаливъ. Зорко смотрѣла за нимъ бабушка—и какъ ни старалась Вѣрочка быть попрежнему веселою, но чувствовала, что это ей не удастся, что какая-то туча нашла на все и заслонила надолго ихъ беззаботное, тихое счастье.

Дѣдушка сверху сходилъ только обѣдать и ужинать, сидѣлъ молча и тяжело вздыхалъ. Когда Анфиса Кирилловна пробовала съ нимъ заговаривать—онъ или ничего не отвѣчалъ ей или, пристально глядя на нее, неизмѣнно спрашивалъ старушку:

— Вѣдь все равно, милости отъ тебя не будетъ. Чего-же нужно-то?

— Что ужъ... терялась старушка.—Я ужъ и не понимаю.

— А и понять не трудно. Сосеть!

— Водки и не проси! вооружалась всею своею твердостью Анфиса Кирилловна.—У насъ ея, проклятой, и въ заводѣ нѣтъ. И не томи ты меня.

— Слѣдовательно, и сама молчи.

Ходили къ нему наверхъ только Устинья и Акимъ. Съ ними онъ разговаривалъ подолгу, случалось.

— Ну что, дѣдушка? спросила какъ-то разъ у первой Вѣрочки.

— Жалятся, ахъ, какъ жалятся! подперла она щеку ладонью и завздыхала.—Такъ жалятся, такъ жалятся, просто самую слезой прошибаетъ.

— У нихъ,—и она таинственно наклонилась къ дѣвущкѣ,—у нихъ въ этомъ вотъ самомъ мѣстѣ, милая ты моя, показала она подъ ложечкой, — такой шпанный червь сидитъ, и сидитъ онъ, красавица ты моя, ужъ не мало, охъ, ужъ не мало годовъ. И какъ только утро, онъ и начинаетъ его, старика-то вашего, сосать. Сосеть, сосеть, ни ему вздоху вольнаго, ни веселья настоящаго. Залей, требуетъ, залей... Чумбеть старичекъ-то отъ бабушкиной строгости. Чумбеть. „Устинюшка, говоритъ, сколько я годовъ на свѣтѣ прожилъ, въ сколькихъ можетъ странахъ, народахъ и острогахъ побывалъ, а никто покуда надо мною такого тиранства не дѣлалъ. Охъ, никто, милая ты моя“. Ужъ я плакала, плакала слушаючи его. „Купи ты мнѣ, говоритъ, родная, водочки, вотъ эстолько... Спаси душу мою.“

— Что-же, купила?

— Что ты, что ты! замахала на нее руками Устинья.—Стану я такими дѣлами заниматься. Я не потатчица, слава Господу... Поплакала я съ нимъ точно, а водки ему не покупала, ну онъ и озлился. „И ты, говоритъ, такая-же тигра лютая какъ и госпожа твоя, всѣ вы здѣсь въ образѣ звѣриномъ ходите, только, говоритъ, однихъ роговъ вамъ не дадено, а то совсѣмъ вы черти треклятые...“

Какъ-то сидѣла у себя подъ окномъ дѣвушка, читала что-то, видитъ, шмыгъ мимо хромой нищій. Увидалъ ее, почесался.

— Иди на кухню, тамъ подаютъ.

— Я не затѣмъ, родная... Пріятель у меня тутъ...

— Какой пріятель?

— Закадыка... Вмѣстѣ мы съ нимъ дѣла-то дѣляли. Сказываютъ: заточили вы его... Повидать-бы...

Окно дѣдушки изъ мезонина выходило какъ разъ надъ окномъ Вѣрочки. Блуждавшій изъ угла въ уголъ, старикъ какъ разъ подошелъ въ это время къ нему и былъ тотчасъ-же замѣченъ нищимъ.

— Алеша, ахъ волкъ те заклюй, ты!

Старикъ отошелъ было отъ окна, потомъ вернулся.

— Чего тебѣ, Тимошка?

— Ахъ ты, ежова голова... А сказывали въ тиранствѣ ты, пропадомъ попадаешь. Ишь у тебя кафтанъ-то какой! Ступай внизъ скорѣйча...

И Тимошка показалъ ему посудину съ водкой.

Вверху и потомъ на лѣстницѣ послышались торопли-

вые шаги и скоро въ садикѣ появился дѣдушка, ослышавъ поглядывая на окна. Не замѣтили-бы!..

— Отыскаль-таки меня... ласково говорилъ дѣдушка старику-нищему.

— Во! мы не отыщемъ? мы пріятеля завсегда можемъ на днѣ найти... Отъ насъ, братъ, и въ омутѣ не спрячешься, нѣтъ. Мы для пріятеля въ ниточку.

— А ты ужъ пьянь, Тимошка? съ завистью проговорилъ тотъ.

— Живъ Богъ, жива душа моя... А я пьянь точно... Сказывали мнѣ, заключенъ ты, а вижу что вдали.

— Точно что я нынѣ на благородномъ положеніи. Давай скорѣе, поднеси что-ли...

Тимошка изъ-подъ полы подаль ему посудину. Вѣрочка слышала какъ забулькала водка.

— Ну!.. Первый ты благодѣтель таперича, Тимоша. Оживилъ ты меня—надо правду сказать, я ужъ помирать собирался. Ну, теперь нѣтъ, теперь поборемся. Теперь мы посмотримъ... И онъ злобно оглянулся на домикъ.—Ахъ, вы—тигры!..

— Кого ты это... Старушку свою?.. Блаженную?..

— Блаженную... Вѣдьма она—вотъ что!

— Алексѣй! съ укоризною остановилъ его Тимошка.—Смотри-ко какой она тебѣ кафтанъ отъ щедротъ своихъ возвела. Примѣчательный весьма кафтанчикъ-то! Поди на постелѣ настоящей спишь? Ахъ ты капидонъ немилостивый! И онъ его ткнулъ локтемъ въ бокъ.

— Пойми ты... Вторую недѣлю ни вотъ эстолько.

— Точно что... удивлялся Тимошка.—Притѣсненіе.

— Вилъ я ее прежде, смертнымъ боемъ, понимаешь, ну а теперь чинно, благообразно, пальцемъ не ткнулъ. Вчера, прошу—хамка тутъ въ услуженіи—ты незамѣтно, говорю, въ родѣ какъ для образа масло, въ лампадочку накапай мнѣ. Зашипѣла и прочь пошла... Давай-ко еще... Плесни-ко... На каменку.

— На каменку... Ха! Съ водки-то веселье ты, Алексѣй!.. Теперь, ваше благородіе, ты вотъ какой. А мы хоша и мужики, а водкой благородныхъ поимъ, допускаемъ тоисъ благороднаго къ водкѣ... Намъ что, другъ, намъ все одно, потому тоже и у благороднаго друга.

— Ужъ такъ ты меня этимъ ободрилъ. Теперь я опять человекъ, духъ въ себѣ чувствую... Ужели вся? удивился онъ.

— Вся, друже По пути-то сюда я, признательно сказать, самъ раза три глотнулъ. Слабость моя, невозможно. Но только я Бога помню!

— Вотъ что, купи еще, старичекъ. Поди купи.

— Давай, принесу. Я Бога, братъ, забыть никогда не согласенъ. Вотъ онъ-ты, сидимъ мы съ тобой подъ кусточкомъ, а Онъ видитъ. Вотъ Онъ вишь... Видитъ сидятъ православные и благообразно вкушаютъ... А Онъ на насъ радуется, потому мы безъ грѣха значить, безъ бунту, а какъ-бы съ молитвой даже... Кому мы вредъ приносимъ?

— Денегъ у меня нѣтъ. А я сейчасъ...

Дѣдушка вихремъ сорвался, сбиль съ ногъ Устинью, хлопотавшую у крыльца, вбѣжалъ въ гостиную замѣнявшую въ то-же время и столовую, загремѣлъ тамъ въ буфетѣ и такъ же выскочилъ вонъ.

— Бери... Скорѣйча. Да смотри, дьяволъ! Чего кажешь-то, спрячь! Живо у меня чтобы водки!

— Ужели серебряныя?

— Серебро... У насъ серебро, братъ, будь спокоенъ. На всѣ, слышишь. На всѣ, сколько дадутъ подъ залогъ... Чтобы и въ запасѣ осталось. Но только, Тимошка, ты у меня смотри. Ежели сбѣжишь—не жить тебѣ.

— Алексѣй!.. Капидонъ! Ужли-же да мы... слезливо запѣлъ тотъ.—Кажется доказали сколько мы тебя любимъ... Ахъ, родители вы наши... Безпремѣнно жди.

— На эфтомъ самомъ мѣстѣ.

(Продолженіе будетъ).

Его Императорское Высочество Великий Князь Константинъ Константиновичъ, Президентъ Академіи Наукъ
Съ фотогр. Левицкаго, грав. Геданъ.

Кто-же?

Разсказъ Петра Дорошенко.

(Продолженіе).

VIII.

Вернувшись въ Т* по благополучномъ окончаніи слѣдствія, я всѣми силами принялся разогрѣвать въ себѣ чуть было не остывшій служебный пылъ. Я хорошо сознавалъ, что усидчивый трудъ единственное вѣрное средство въ борьбѣ съ черезчуръ сильнымъ впечатлѣніемъ произведеннымъ на меня бѣлокурой красавицей, впечатлѣніемъ породившимъ цѣлую вереницу несбыточныхъ грѣзъ.

До сихъ поръ я чуждался чопорнаго губернскаго общества, но въ погонѣ за развлеченіями сталъ посѣщать клубъ, и оттуда естественно попадалъ на кой-какія дворянскія вечеринки. Но сравненіе провинціальнаго львицы, въ дорогихъ выписныхъ туалетахъ, вѣчно жеманныхъ, исключительно занятыхъ стараніемъ изображать что-то возвышенное и не ронять своего достоинства, съ обворожительной простотой Ольги Андреевны еще яснѣе подчеркивало ея превосходство и возводило ея на недостижимый пьедесталъ.

Я пытался было разспрашивать нѣкоторыхъ старожиловъ о семьѣ Коринныхъ; но, что рѣдко бываетъ въ провинціальному мірѣ, гдѣ каждый знаетъ вашъ доходъ, высчитываетъ долги, считаетъ священнымъ долгомъ вторгнуться въ вашъ домашній бытъ, изучить слабости, вусы, отношенія и стремленія, всѣ единогласно отзывались незнаніемъ.

Одинъ неутомимый земець какъ-то вскользь упомянулъ о Коринѣ, и на мои разспросы повѣдалъ, что познакомился съ нимъ на дворянскихъ выборахъ, что это какой-то антикъ, упорно отказывающійся примкнуть къ какой-либо партіи, и что его крутой несговорчивый нравъ чуть было всѣмъ не насолил. Разсерженный, въ свою очередь, онъ ретировался до окончанія собранія, и съ тѣхъ поръ о немъ въ городѣ и слуху не было.

Чтобы усилѣннѣе побороть въ себѣ поползновеніе воспользоваться гостепріимнымъ предложеніемъ маіора, я далъ себѣ зарокъ цѣлые полгода не возвращаться въ Верхы. Первое время, въ особенности, не мало силы воли потребовалось чтобы устоять противъ искушенія. Но съ теченіемъ дней, готовая было всплунуть страсть улеглась. Я сталъ рѣже думать объ Ольгѣ, и хотя она продолжала являться мнѣ въ лучезарномъ обликѣ рѣдкой красоты, но я уже относился къ ней спокойно.

Когда быстро наступившее жаркое лѣто сплошными облаками удушливой пыли сказалось въ городѣ, я уже чувствовалъ себя настолько закаленнымъ, что смѣло готовился предпринять отложенную поѣздку, но тутъ на зло подосѣла новая командировка.

Меня отравили въ смежную губернію замѣстить судебного слѣдователя, разстроенное здоровье котораго безотлагательно требовало продолжительнаго отпуску.

Почти цѣлый годъ пришлось исполнять его должность, пока наконецъ къ веснѣ судьба мнѣ улыбнулась, и состоялось мое назначеніе на открывшуюся ваканцію въ Т*.

Высоко цѣня приобретенную независимость, я съ гордымъ сознаніемъ осиялъ подъ собою твердую почву, и покончивъ съ разнородными хлопотами по водворенію на новомъ мѣстѣ, удлилъ свободное время, чтобы взять двухъ-недѣльный отпускъ.

Меня тяготила мысль, что послѣ задушевнаго прощанія съ Коринными, мое, безъ малаго двухлѣтнее исчезновеніе, должно имъ было показаться и страннымъ, и неблагодарнымъ. Я жаждалъ облить себя въ ихъ мнѣніи, и напередъ зналъ, что они не только простятъ мнѣ, но и искренно порадуются о выпавшемъ мнѣ на долю прочномъ положеніи.

Въ самомъ радужномъ состояніи духа, и на этотъ разъ въ собственномъ, изыщномъ тарантасикѣ, катилъ я по знакомой дорогѣ.

Солнце медленно сходило съ небосклона, оставляя по себѣ огненный слѣдъ на лазурномъ, безоблачномъ небѣ; легкій вѣтерокъ, пропитанный медовымъ запахомъ цвѣтущей ржи, мѣрно колыхалъ широкія поля тучныхъ колосьевъ, раскинутыя по обѣ стороны проселочной дороги; невидимый перенесъ неутомимо повторялъ свой однообразный припѣвъ, взвившаяся ласточка быстрыми кругами мчалась къ поднебесью, все въ природѣ обличало безмятежный просторъ, обдавало благоухающею тишиною.

Я полной грудью вдыхалъ вечернюю прохладу и, по мѣрѣ приближенія къ цѣли, радостныя картины все явственнѣе возставали въ моемъ возбужденномъ воображеніи.

Удивленіе и переполохъ въ семьѣ, при звукѣ колокольчика, оповѣщающаго о неожиданномъ гостѣ, шумная, радужная встрѣча, упрёки старика, возгласы хозяйки, невольное смущеніе этихъ бархатныхъ, вдумчивыхъ глазъ, снова бесѣды съ ней, прогулки вмѣстѣ, туда въ завѣтную роцу, ощущаемая близость, признаніе, быть-можетъ согласіе и участь на вѣкъ рѣшеная...

И въ самый разгаръ этихъ грѣзъ, вдругъ раздался сильный

голосъ моего ямщика. Опъ кнутомъ тыкалъ въ пространство по направленію къ деревушкѣ, живописно раскинутой по зеленѣющему холму:

— Вона, Верхы-тѣ самые будутъ. Куда сворачивать-то слѣдъ?

— Въ усадьбу Коринныхъ.

Онъ быстро обернулся, недоумѣваячки вскинулъ глазами и тутъ-же переспросилъ:

— Къ маіорскимъ что-ли? Да для-че тебѣ, баринъ?

Краска кинулась мнѣ въ лицо отъ этого, какъ мнѣ показалось, неумѣстнаго вопроса, и я съ невольнымъ раздраженіемъ крикнулъ:

— Отчета тебѣ что-ли надо, дуракъ? Сворачивай, знай!

Возница мой только потрясъ головой и натянулъ возки; привычные кони дружно взяли въ гору, свернули вправо, промчались мимо перваго порядка и вынесли на небольшую лужайку, прилегавшую къ самой маіорской усадьбѣ.

Громкій возгласъ тяжелаго разочарованія вырвался изъ моей груди.

Тутъ только я понялъ роковое значеніе озадачившаго меня вопроса. Такъ намятый мнѣ сбренѣкій одно-этажный домикъ, съ двумя бѣлыми колонками, поддерживающими красную, отъ времени побурѣвшую крышу, стоялъ передо мною съ на-глухо заколоченными окнами и входною дверью.

Свѣжая, изумрудная трава кой-гдѣ пробивалась между расшатанными ступенями крыльца; навѣсъ еще замѣтнѣе покачивался въ сторону, тщедушныя куры вяло бродили подъ нимъ, отыскивая себѣ кормъ. Отъ тщательно раскинутого передъ домомъ цвѣтника и слѣда не осталось.

Всюду чулось мрачное запустѣніе покинутого гнѣзда.

— Что случилось? гдѣ-же маіоръ? тревожно спросилъ я ямщика дрогнувшимъ голосомъ.

— То-то на мой ладъ и вышло, зря только проѣхали! отвѣтилъ онъ, останавливая тройку у самаго подъѣзда.— А мнѣ почему знать? Мы не тутошныя.

Онъ снялъ шапку, и почесывая затылокъ добавилъ:

— Самъ-отъ хозяинъ, маіоромъ всѣ величали, еще лѣтошній годъ Богу душу отдалъ.

— А вдова, дочъ, дѣти, вѣдь не сквозь землю же провалились! Гдѣ они? и сердце все судорожнѣе сжималось.

— Опослѣ баяли у насъ, проходящая вишь баба сказывала, что смилостивился Господь надъ сиротскою долею. Старшую-то дочъ просватали за питерскаго богача, и что всей семьѣ за нимъ, какъ за каменной стѣной, надежно. А почему доподлинно знать. Може она и сблехнула, вишь таперича народецъ какой! философически заключилъ онъ.

— Когда-же все это могло случиться? нетерпѣливо настаивала я.

— Не можемъ знать; а кажись что еще до зимняго Микола всѣмъ домою отселева выбрались.

— Господи! хоть кого-бы нибудь изъ здѣшнихъ толкомъ разспросить! тоскливо воскликнулъ я.

Словно въ отвѣтъ на мой призывъ, группа деревенскихъ ребятъ, собравшихся на непривычный звукъ колокольчика, вынырнула изъ мѣстами разобраннаго плетня, и дико озираясь, окружила мой тарантасъ.

— Нѣтъ-ли здѣсь кого изъ господскихъ? обратился я къ нимъ.

Вмѣсто отвѣта, они стали другъ съ другомъ переглядываться, выставляя на показъ свои крѣпкіе, бѣлые зубы, рѣзко выдающиеся на загорѣлыхъ, испачканныхъ лицахъ.

— Эй вы, дурни, чего молчите? Баринъ чество спрашиваетъ! вмѣшался ямщикъ.

— Мнѣ потолковать надо. Кликните кого постарше, живѣе! торопилъ я.

Ни одинъ не двинулся; всѣ продолжали такъ-же бессмысленно ухмыляться.

Досада все сильнѣе разбирала меня.

— Не всѣ же тутъ повымерли. Матрена гдѣ? Подавайте мнѣ Матрену сюда! вспомнилъ я наконецъ.

— Тѣлка Матрена? Нешто ты ее знаешь? спросила, выступая впередъ, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, съ черными быстрыми глазами, свѣтившимися сквозь нависшія приди всклокоченныхъ волосъ.

— Какъ не знать! только клички скорѣй и на орѣхи поучишь, обрадовался я.

— Да она далече, баринъ. Еще зимой съ барыней укатила.

— Да у кого-нибудь ключи отъ дома-то хранятся? Вѣдь присматриваютъ же за нимъ, настаивалъ я.

— Присматриваютъ? да что съ нимъ дѣется, размѣялась она,— а ключи вѣстимо остались. У костоправки, може слыхалъ, и по сю пору висятъ.

— Аксинья? хоть она, слава Богу, жива и здѣсь осталась!

И при воспоминаніи объ ея удачномъ лѣченіи, у меня гора съ плечъ свалилась. Зная ее за смышленную бабу, я уже ощущалъ въ рукахъ интересовавшую меня нить.

— Послушай, голубушка, предложилъ я, — ползай-ка сюда, ко мнѣ, да укажи дорогу къ Аксиньиной избѣ.

Минутное колебаніе выразилось на ея пугливомъ личикѣ, но желаніе прокатиться побороло страхъ къ чужому человѣку, и

храбро вспорхнувъ на подножку, она худую черною рученкою, указала ямщику требуемое направленіе. Не прошло и трехъ минутъ какъ я уже переступалъ порогъ Аксиньиной свѣтлой, обширной хаты.

(Продолженіе будетъ).

Иосифъ Сѣмашко, митрополитъ Литовскій, и его историческое значеніе.

(Портр. на стр. 613).

Имя покойнаго митрополита Литовскаго Иосифа Сѣмашко неразрывно связано съ великимъ актомъ возвращенія униатовъ въ лоно нашей православной Церкви, — съ актомъ первой государственной важности. Этому акту уже минуло пятьдесятъ лѣтъ. Въ началѣ 1839 года, униатскіе епископы и знатнѣйшее духовенство западной и юго-западной Руси, собравшись въ Полоцкѣ, постановили просить государя императора Николая Павловича о дозволении униатамъ „присоединиться къ прародительской православной Всероссійской Церкви“. По опредѣленію св. Синода и по волѣ императора Николая, ходатайство униатскихъ епископовъ было разрѣшено въ благоприятномъ для нихъ смыслѣ, и дозволено: „по правиламъ Св. Отецъ, принять епископовъ, священниковъ и всю паству греко-униатской Церкви въ полное и совершенное общеніе св. православно-каатолической восточной Церкви и въ нераздѣльный составъ Церкви Всероссійской“. Этотъ актъ изданъ былъ въ свѣтъ 25 марта 1839 года, а въ началѣ юня того-же года около 2.000.000 русскихъ подданныхъ, населявшихъ западныя и юго-западныя губерніи Россіи, получили возможность вновь соединиться съ тою Церковью, отъ которой они были насильственно отторгнуты 250 лѣтъ тому назадъ; а чтѣ всего важнѣе—получили возможность въ своемъ духовно-нравственномъ развитіи не зависѣть отъ гибельнаго польско-католическаго вліянія.

Значеніе этого важнаго историческаго событія не можетъ быть вполнѣ понято для тѣхъ, кто не знакомъ хотя сколько-нибудь съ исторіею Уніи въ русскихъ областяхъ бывшаго польско-литовскаго государства. Съ другой стороны, только тотъ, кто хоть немного знакомъ съ исторіею Уніи и мученической дѣятельностью ея духовныхъ подвижниковъ, спасшихъ русскую паству отъ полнаго поглощенія ея католичествомъ—только тотъ въ состояніи оцѣнить историческое значеніе такого дѣятеля, какъ Иосифъ Сѣмашко, благодаря которому, собственно говоря, и совершилось воссоединеніе униатовъ съ православною Церковью. Поэтому мы, прежде чѣмъ ознакомить нашихъ читателей съ биографіею этого замѣчательнаго человѣка, предпослажемъ ей въ сжатыхъ и общихъ чертахъ исторію Уніи, отъ самаго введенія ея (въ 1596 г.) и до эпохи воссоединенія, въ 1839 г.

Собственно, слово „унія“, по значенію своему, ничего иного не означаетъ какъ *единеніе*. Это слово въ исторіи нашихъ западныхъ окраинъ является, впрочемъ, въ двоякомъ значеніи:—общественно-политическомъ и религіозномъ или церковномъ. Въ смыслѣ общественно-политическомъ *Уніей* былъ названъ изданный въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ *актъ единенія* Польши съ Литвою, по которому Польша окончательно соединилась съ Литвою, сначала въ качествѣ равноправной союзницы и содержавница, а затѣмъ—совершенно пеработила Литву и уничтожила всякую тѣнь ея бывшей политической самостоятельности, навизавъ ей и свои законы, и свои обычаи, и свою религію, при помощи рьяныхъ миссіонеровъ-іезуитовъ.

Но миссіонеры-іезуиты наткнулись въ Литвѣ на русско-литовскія области, въ которыхъ населеніе оказалось очень упорнымъ и неподалчивымъ, въ смыслѣ преданности своей вѣрѣ—вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ, искони принадлежавшихъ къ православной восточной Церкви. Русскіе подданные литовскихъ великихъ князей, завоеваніемъ отторгнутые отъ древней Руси въ періодъ Монгольскаго ига, никакъ не хотѣли порвать религіозно-нравственную связь съ родной своей страной—не хотѣли отказаться ни отъ русскаго языка, ни отъ православной вѣры. Іезуиты, какъ опытные дѣльцы, не затруднялись въ средствахъ для распространенія католицизма: соблазны и приманки всякаго рода были пущены въ ходъ для того, чтобы поколебать твердость русскаго, православнаго населенія. Но только высшіе слои его оказались падкими и податливыми на приманки, въ видѣ привилегій, въ видѣ всякихъ льготъ, почестей, чиновъ, богатствъ и связей;—народъ, въ огромномъ, сплошномъ большинствѣ, стоялъ стѣною и слышать не хотѣлъ о католичествѣ.

Тогда іезуиты, вспомоществуемые королями-фанатиками и панами-изувѣрами, рѣшились не бороться противъ этого упорнаго и непоколебимаго пристрастія народа къ православію,—они рѣшились ловко обойти неудобное препятствіе и пойти на сдѣлку. Съ этою цѣлю они склонили на свою сторону нѣкоторыхъ православныхъ епископовъ, подкупили ихъ обѣщаніями всякихъ личныхъ выгодъ, а главное: посулили имъ, что высшіе представители православнаго духовенства будутъ уравнины въ правахъ съ католическими епископами и прелатами, и слѣдовательно получать очень важное политическое значеніе въ Польшѣ, гдѣ эти „духовные князья“ пользовались на сеймахъ большимъ вліяніемъ. Этими-то, болѣе стоговорчивымъ и покладивымъ православнымъ епископамъ іезуиты предложили приступить къ религіозной и церковной *Уніи* съ западною Церковью, къ той Уніи, которая была провозглашена еще гораздо

ранѣе, на Флорентійскомъ соборѣ, и съ негодованіемъ отвергнута Московскими великими князьями и всѣмъ русскимъ народомъ и духовенствомъ. Въ сущности, іезуиты сумѣли представить довѣрчивымъ простакамъ-епископамъ эту Унію въ очень скромномъ видѣ: они могли остаться вполнѣ православными, признавши *только* надъ собою главенство папы и измѣнивъ въ своемъ вѣроученіи *одинъ* догматъ о происхожденіи Св. Духа, т. е. прибавивъ въ осьмомъ членѣ Символа Вѣры *только два слова*: „и Сына“ (filioque). „Только одинъ догматъ!“ убѣждали краснорѣчивые іезуиты—„и стоимъ-ли изъ-за этого бороться, ссориться, враждовать другъ съ другомъ!“ И вотъ, двое епископовъ, луцкій, Кириллъ Терлецкій, и брестскій, Поцѣй, привлекли на свою сторону слабохарактернаго Кіевскаго митрополита Михаила Рагозу и составили грамоту, въ которой заявляли, отъ лица всего западно-русскаго духовенства, о желаніи принять Унію, т. е. признать состоявшимся соединеніе Церкви восточной съ церковью западной на вышеприведенныхъ условіяхъ. Эту грамоту, составленную тайно, Поцѣй и Терлецкій повезли въ Римъ къ папѣ, были удостоены всякихъ почестей, и, вернувшись на родину, стали переманивать на свою сторону православное духовенство. При помощи обмановъ и подкуповъ удалось собрать въ Люблинѣ въ 1596 г. соборъ изъ представителей православнаго духовенства, увлеченныхъ Терлецкимъ и Поцѣмъ, и объявить дѣло Уніи окончательно рѣшеннымъ.

Трудно передать тотъ страшный взрывъ негодованія, который вдругъ охватилъ все русское населеніе польско-литовскихъ областей, когда православные узнали о томъ, что ихъ, даже безъ ихъ спроса и вѣдома, прямо принуждаютъ признать себя униатами. Православные вступили въ борьбу съ іезуитами и съ униатами, слотились въ кружки и братства, отстаивали вѣру свою всѣми усиліями ума и воли, всѣми орудіями богословской и ученой премудрости—но борьба оказалась имъ не по силамъ... Противъ нихъ шло тѣсно-слоченное іезуитство, подкрѣпленное сильными и богатыми католическимъ польскимъ дворянствомъ и знатью, поддерживаемое прочно-организованнымъ польскимъ государствомъ. Іезуиты, въ теченіе какихъ-нибудь 50—60 лѣтъ, путемъ разныхъ, безчисленныхъ происковъ и подвоховъ, сумѣли привлечь на свою сторону и окатоличить православное дворянство западныхъ и юго-западныхъ русскихъ областей; сумѣли отнять у народа и у горожанъ главное орудіе защиты—средства къ образованію. Русское населеніе этихъ областей, при держивавшееся православіемъ, оказывалось совершенно безсильнымъ и безпомощнымъ; ему оставлено было только одно право: умирать за вѣру отцовъ и дѣдовъ—и оно страшно воспользовалось этимъ правомъ.

Страшныя преслѣдованія религіозныя, къ которымъ польское шляхетство и духовенство прибѣгали для обращенія православныхъ въ униатство или въ католичество—вынуждали православныхъ толпами убѣгать изъ польско-литовскихъ областей, на окраины заселенныя сброднымъ казацкимъ населеніемъ. Мало-по-малу вольнолюбивыя стремленія казаковъ, добивавшихся упроченія своей независимости и пріобрѣтенія правъ гражданства въ предѣлахъ Польши, смѣшались и тѣсно слились съ общимъ стремленіемъ всего русскаго населенія—сбросить съ себя религіозный гнетъ католической и униатской пронаганды. Начался рядъ страшныхъ, кровопролитныхъ, неслыханныхъ по своей жестокости казацкихъ войнъ, въ которыхъ религіозное движеніе играло чрезвычайно важную роль.

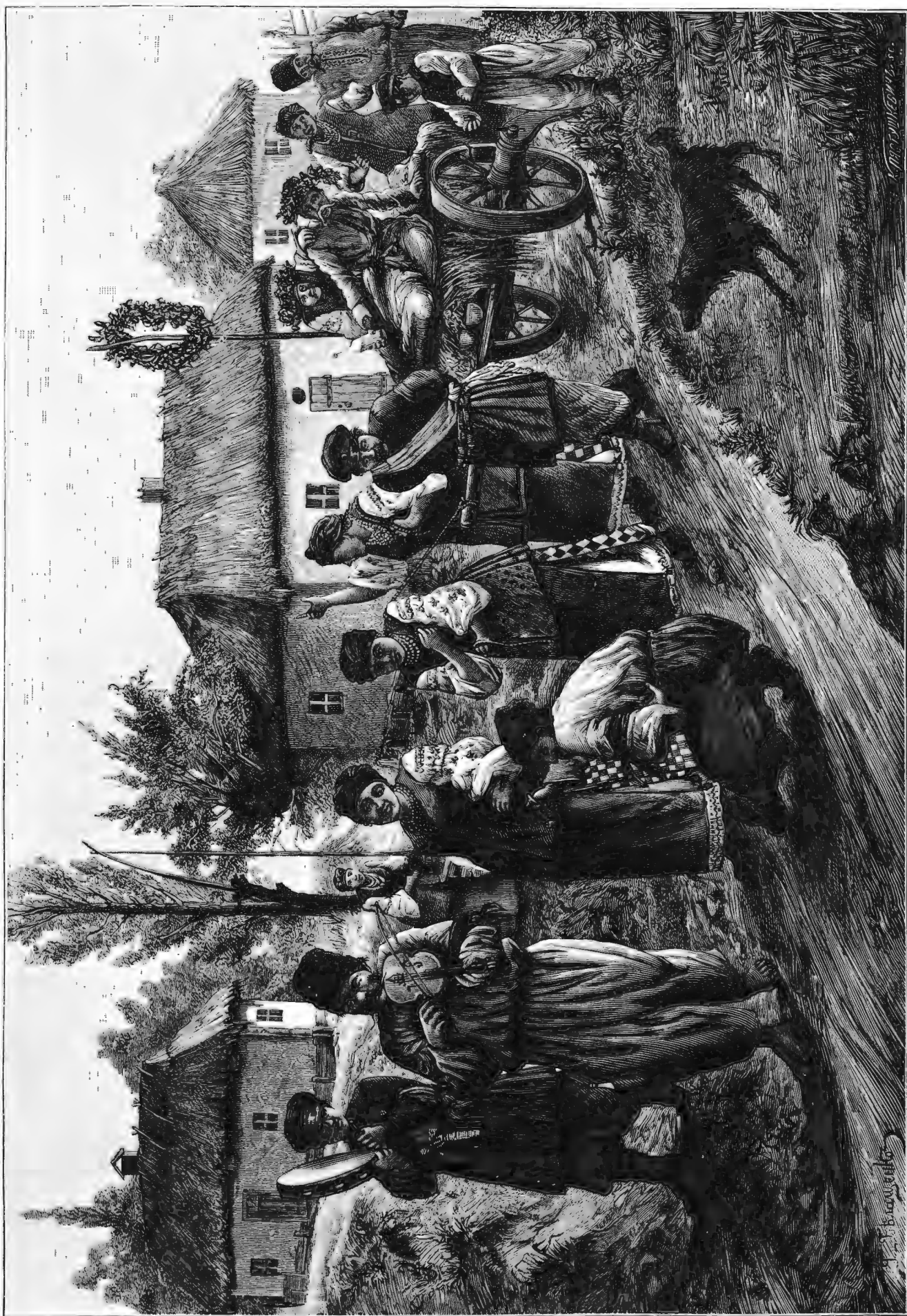
Эти войны, съ одной стороны, ослабили и привели Польшу къ паденію; съ другой—указали русскому населенію польско-литовскихъ областей единственный путь къ спасенію отъ окончательной гибели въ соединеніи съ остальною Русью.

Мы знаемъ, какъ это соединеніе произошло, при посредствѣ Богдана Хмельницкаго, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича; знаемъ, какъ, въ послѣдующія царствованія, связь между присоединившеюся къ намъ Малороссіею и собственно Русью окрепла и стала неразрывною, несмотря на всѣ интриги и усилія Польши. Но присоединеніе Малороссіи не закончило собою исторію Уніи. Подъ властью Польши оставались еще громадныя области, населенныя русскимъ православнымъ населеніемъ, надъ которымъ католическіе и униатскіе миссіонеры продолжали производить свои страшные, безжалостные опыты.

Едва-ли, однако-же, многимъ извѣстно, что именно XVIII столѣтіе (и не только въ порвой, а и во второй половинѣ) представляло собою самую страшную, самую кровавую страницу въ мученической лѣтописи православнаго и униатскаго населенія русскихъ областей Польши, гдѣ, какъ извѣстно, свобода воли и свобода совѣсти существовали только для шляхетства, а не для народной массы (хлоповъ). Огражденная съ юга отъ Крыма и Турціи новыми русскими владѣніями, Польша пользовалась въ теченіе XVIII вѣка почти полною безопас-

Всемирная Парижская выставка 1889. Отдѣль изящныхъ искусствъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Послѣдній день малорусской свадьбы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бѣлацка, грав. Плѣтшкевичъ.

государемъ графу Д. И. Блудову, который съумѣлъ его доблестно вынести на своихъ плечахъ. Мѣры, принятыя правительствомъ, конечно подняли противъ него всю католическую Польшу и даже римскую Курію. Пана затѣялъ обширную полемику съ Русскимъ правительствомъ по поводу огражденія униатовъ и дарованныхъ имъ новыхъ правъ. Польская аристократія, пользуясь своими обширными связями въ Петербургѣ, и въ обществѣ, и при дворѣ — пустила въ ходъ всевозможныя интриги и даже анонимныя письма въ защиту существующаго въ Польшѣ порядка вообще и ордена базилианъ въ частности. Но тутъ-то и выказалась неутомимая энергія и замѣчательный умъ Иосифа.

Иосифу было поручено написать отвѣтъ на напскія поты — и этотъ отвѣтъ, заключающій въ себѣ превосходно-изложенную исторію отношеній между униатами и католиками, былъ такого свойства, что возраженія на него оказались невозможными; а между тѣмъ онъ еще болѣе открылъ глаза Русскому правительству на бездну неправды и страданій, испытываемыхъ въ Западной Россіи массою русскаго населенія.

4 августа 1829 года Иосифъ былъ уже назначенъ викарнымъ Бѣлорусскаго епископа, оставаясь членомъ коллегіи, и вполнѣ преданъ, прежде всего, заботамъ о русскомъ воспитаніи бѣлаго униатскаго духовенства и народа. Польское возстаніе на нѣкоторое время приостановило его труды; но не надолго. Въ 1832 году онъ опять уже объѣзжалъ свою епархію, устраивалъ Жировицкую семинарію, собиравъ около себя священниковъ, училъ ихъ обрядамъ восточной Церкви и всѣхъ увлекалъ за собою по новому пути. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что и польское возстаніе еще болѣе расположило Русское правительство твердо идти по этому пути преобразованій, указанному Иосифомъ Сѣмашкой. Мало того, Иосифу пришлось даже нѣсколько сдерживать излишній пылъ ревнителей православія, которые слишкомъ скоро хотѣли управиться съ униатствомъ и спѣшили достигнуть полнаго воссоединенія ихъ съ православною Церковью. Иосифъ, превосходно знакомый съ мѣстными условиями народной жизни, совѣтовалъ не спѣшить, „знать предѣлы возможнаго, не желать передѣлать вдругъ то, что поляки дѣлали въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ.“ „Лучше

не отвращать напрасно умовъ излишнею поспѣшностью въ измѣненіи наружной оболочки греко-униатской церкви“, — говорилъ Иосифъ; „но присоединить оную въ существенномъ отношеніи къ греко-россійской Церкви“.

Такимъ образомъ, въ планѣ дѣйствій, между Иосифомъ Сѣмашкой и партією ревнителей православія произошла нѣкоторая рознь, которая нѣсколько охладила даже расположеніе императора Николая къ Иосифу и грозила затормозить дѣло. Этому временному затрудненію помогъ митрополитъ Московскій Филаретъ, который предложилъ: „составить изъ православныхъ и униатовъ, изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, особый комитетъ для униатскихъ дѣлъ. Цѣлью этого комитета должно было быть: согласованіе взаимныхъ отношеній греко-россійской и греко-униатской Церкви, а также пріуготовленіе мѣръ, которыя нужно принять впоследствии для успѣшнаго хода униатскаго дѣла“. Около этого времени, въ концѣ 1834 года, и самъ Иосифъ Сѣмашко тайно принялъ православіе и вступилъ въ этотъ комитетъ уже какъ православный членъ его. Дѣятельность этого комитета много способствовала тому, чтобы полное воссоединеніе униатовъ съ православною Церковью было приведено въ исполненіе, какъ мы уже видѣли въ началѣ нашей статьи, въ 1839 г., а всѣ дѣла по униатскому вопросу въ 1842 году были преданы въ вѣдѣніе Св. Синода.

При воссоединеніи униатовъ съ православною Церковью Иосифъ Сѣмашко былъ возведенъ въ санъ митрополита Литовскаго, и съ той поры до самой своей смерти (23 ноября 1869 г.) не переставалъ усиленно трудиться на благо и просвѣщеніе своей паствы и на пользу Россіи.

Въ память совершившагося воссоединенія униатовъ съ православною греко-россійскою Церковью была выбита, по желанію императора Николая I, серебряная медаль. На лицевой ея сторонѣ изображенъ въ силіи лучей осьмиконечный крестъ; надъ нимъ вверху надпись: „Торжество Православія“; а внизу: „25 марта 1839 года“. На оборотѣ медали помѣщено обронное изображеніе Нерукотвореннаго Спаса. Надъ этимъ изображеніемъ, наверху, надпись: „Такова имама первосвященника“. Евр. VIII, 1; внизу: „Отторгнутые насиліемъ (1596) воссоединены любовью (1839)“. (См. рис.). П. Полевой.

Къ рисункамъ.

Желось. (Рис. на стр. 597).

Желось — наибольшее мѣстечко во французскомъ департаментѣ Нижнихъ Пиринеевъ принадлежитъ къ округу города По, отличающемуся необыкновенною живописностью съ великолѣпнымъ видомъ на всю панораму Пиринейскихъ горъ. Зимній пейзажъ изъ окрестностей Желоса, принадлежащій кисти нашего художника, С. И. Васильковскаго, составлялъ одно изъ лучшихъ украшеній истекшей выставки въ Академіи Художествъ.

Панно проф. К. Е. Маковскаго. „Счастливая Аркадія“. (Рис. на стр. 600 и 601).

Продолжая серію панно К. Е. Маковскаго, помѣщаемъ снимокъ съ большаго холста, изображающаго буколическую (пастушескую) идиллію въ счастливой Аркадіи, мионической царствѣ любви и безмятежныхъ радостей на лонѣ роскошной природы. Три молодыя пастушки пляшутъ подъ звуки волюнки настуха и свирѣли юнаго поднаска, окруженныхъ кушонами. На правой сторонѣ рисунка виденъ амуръ на пантерѣ, которую онъ обуздываетъ розовой ленточкой. — символъ укрощенныхъ страстей.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Президентъ Академіи Наукъ. (Портр. на стр. 605).

Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату Великій Князь Константинъ Константиновичъ назначенъ президентомъ Императорской Академіи Наукъ. Его Императорскимъ Высочествомъ для вступленія въ Академію Наукъ въ званіи президента, былъ избранъ день 13 мая, на который приходилось обычное майское (последнее передъ лѣтними въ Академіи ваканціями) засѣданіе общаго собранія всѣхъ трехъ отдѣленій. По прибытіи Августѣйшаго президента въ Академію, въ 2 часа, Его Императорскому Высочеству были представлены вице-президентомъ академикомъ В. Я. Буныковскимъ всѣ служащія по хозяйственной и административной частямъ Академіи, а непрѣбывающіи секретаремъ академикомъ К. С. Веселовскимъ — служащія по ученымъ учрежденіямъ: ученые хранители музеевъ, библиотекари, лаборанты разныхъ лабораторій и пр. — По вступленіи затѣмъ Его Императорскаго Высочества въ малую конференцъ-залу, засѣданіе въ ней общаго собранія открылось чтеніемъ Именнаго Высочайшаго указа, уже извѣстнаго читателямъ *Нивы*.

Чтеніе этого указа, по словамъ *Правительственнаго Вѣстника*, Августѣйшій президентъ и всѣ присутствовавшіе академики выслушали стоя.

Затѣмъ Его Императорское Высочество обратился къ собра-

нію съ слѣдующими словами: „Проникнутый благоговѣніемъ и исполненный безграничной признательности къ волю моего Государя, удостоившаго поставить меня во главѣ перенявшаго въ Россіи ученаго сословія, я съ волненіемъ и невольнымъ трепетомъ приступаю къ этой должности, пламенно желая, при вашемъ содѣйствіи, хотя со временемъ когда-нибудь оправдать Всемилостивѣйшее оказанное мнѣ довѣріе. Выпавшее на мою долю призваніе представляется мнѣ обязанностью столько-же отрадною и завидною, сколько трудною и отвѣтственною. Академія насчитываетъ въ своемъ знаменитомъ прошломъ не одного президента, съумѣвшаго доблестно вести ее къ высокой цѣли. Не легко занять мѣсто такихъ дѣятелей, какими были графъ Разумовскій, графъ Орловъ, княгиня Дашкова, графъ Блудовъ, графъ Литке и ближайшій мой предшественникъ, недавно скончавшійся графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Но я твердо намѣренъ, съ Божьей помощью и по мѣрѣ силъ, всегда быть вѣрнымъ своему долгу и убѣжденъ, что Императорская Академія Наукъ и впредь, какъ въ прошедшіе сто шестьдесятъ четыре года, будетъ неизмѣнно стремиться по начертанному ей нашими великими Государями пути къ пользѣ, чести и безсмертной славѣ дорогаго нашего Отечества“.

Эти слова произвели живѣйшее впечатлѣніе на присутствовавшихъ, которые выразили свое имъ сочувствіе вставаніемъ со своихъ мѣстъ.

Затѣмъ непрѣбывающій секретарь, ординарный академикъ, д. т. с. К. С. Веселовскій, поднявшись со своего мѣста, привѣтствовалъ Августѣйшаго президента отъ имени всей Академіи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Ваше Императорское Высочество!“

„Императорская Академія Наукъ съ благоговѣнною признательностью приняла извѣстіе о Всемилостивѣйшемъ назначеніи Вашего Высочества президентомъ. Она позволяетъ себѣ видѣть въ этомъ назначеніи знакъ особаго благоволенія къ ней ея Августѣйшаго Поворотителя.“

„Когда императоръ Петръ Великій, рядомъ безсмертныхъ своихъ преобразованій,

„придалъ мощно бѣгъ державный

„Кормѣ роднаго корабля“,

„тогда вѣнцомъ своихъ трудовъ на пользу Россіи онъ призвалъ за благо учредить эту Академію Наукъ, давая тѣмъ знать, что наука, которая есть не что иное, какъ знаніе, приведенное въ систему и долженствующее руководить человѣка на какомъ бы онъ поприщѣ ни дѣйствовалъ, достойна быть предметомъ и государственныхъ поощреній. Такой взглядъ на науку, завѣщанный Петромъ, свято съ тѣхъ поръ сохранился, чему краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служатъ болѣе чѣмъ полтора-вѣковая лѣтопись нашей Академіи, испещренная непрестанными знаками милостей и покровительства, изливавшихся

съ высоты Престола на старѣйшее первенствующее учрежденіе Имперіи. Но еще никогда, въ теченіе полутора-вѣка, Монаршее благоволеніе не выражалось столь явственно, какъ возложеніемъ нынѣ заботы о преуслѣянн Академіи на столь близкаго сердцу Царскому Члена Августѣйшей Семьи.

„Возведеніе Вашего Императорскаго Высочества въ званіе президента возвышаетъ всѣхъ насъ и вноситъ въ нашу среду такое же оживленіе, какое распространяется отъ Царскаго слова повсюду, куда бы оно ни доносилось на всемъ пространствѣ Русской земли“.

Вслѣдъ за симъ предсѣдающій въ Отдѣленіи русскаго язы-

что Ваше Императорское Высочество, съ любовью посвящая силы свои возложеннымъ на васъ Монаршею волею новымъ заботамъ, съ блескомъ впишете имя свое въ лѣтописи русской Академіи Наукъ, во главѣ цѣлаго періода ея исторіи, на продолжительность котораго мы имѣемъ основаніе рассчитывать“.

Затѣмъ собраніе перешло къ слушанію текущихъ дѣлъ, относящихся до разныхъ вопросовъ внутреннего порядка.

Отдѣлъ искусствъ на Парижской выставкѣ.

(Рис. на стр. 608).

Такъ-называемый „Дворецъ искусствъ“ помѣщается на Мар-

Ольга Николаевна, королева Виртембергская.

(По поводу 25-й годовщины вступленія на престолъ). Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Карль I, король Виртембергскій.

ка и словесности, ординарный академикъ т. с. Я. К. Гротъ обратился къ Его Императорскому Высочеству, отъ имени этого отдѣленія, съ слѣдующею рѣчью:

„Ваше Императорское Высочество!

„Сознавая въ полной мѣрѣ великую милость, оказанную Государемъ Императоромъ Академіи Наукъ дарованіемъ ей въ президенты Вашего Высочества, Отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣетъ еще и особенную причину радостно привѣтствовать въ лицѣ вашемъ главу нашего учрежденія. Кому не извѣстно, что русская литература, составляющая предметъ занятій втораго отдѣленія, дорога вамъ не какъ любителю ея только, но какъ одному изъ ея дѣятелей, какъ автору произведеній, появленіе которыхъ въ печати встрѣчено было съ живымъ сочувствіемъ всею грамотною Россіей? „Отдѣленію отраднѣ увѣренность, что Ваше Императорское Высочество примете къ сердцу интересы его наравнѣ съ пользами прочихъ частей Академіи, въ составѣ которыхъ оно хотѣ и является младшимъ членомъ, но всегда стремилось достойно занимать свое мѣсто, къ чести созданнаго Петромъ Великимъ знаменитаго учрежденія, къ преуслѣянн и славѣ русской науки.

„Желая и впредь дѣйствовать въ томъ же духѣ, мы твердо надѣемся на просвѣщенную поддержку вашу и не сомнѣваемся,

совомъ полѣ, налѣво отъ Эйфелевой башни, если стать лицомъ къ центральному павильону выставки. Прекрасное зданіе вмѣщаетъ въ себѣ массу произведеній искусства современныхъ мастеровъ. Нижній этажъ зданія раздѣленъ на двѣ половины, одна изъ которыхъ отведена французскимъ художникамъ, а другая иностраннымъ. Первая часть, въ свою очередь, распадается на 12 салоновъ, раздѣленныхъ на большія галереи, предназначенныя для картинъ большихъ размѣровъ. Въ залахъ перваго этажа, нѣсколько меньшихъ по размѣрамъ, будутъ помѣщены небольшія произведенія. Всѣ выставлемые предметы размѣщены чрезвычайно удобно для обозрѣвателя, такъ что, несмотря на кратковременность работъ по установкѣ, получается поразительное впечатлѣніе, чѣмъ обязаны рвенію, искусству, знанію и вкусу Анри Гавара.

Послѣдній день малороссійской свадьбы.

(Рис. на стр. 609).

Обычай, изображенный на рисункѣ г. Блѣшенка, заключается въ слѣдующемъ. Когда родители новобрачной, послѣ двухъ или трехдневнаго угощенія всѣхъ родственниковъ, поѣзжанъ и приглашенныхъ на свадьбу, находятъ что уже достаточно поито и погуляно, — старый батько (отецъ невесты) объявляетъ, что у него нѣтъ больше ни горилки (вина),

пи грошей (денег) покупать его. — „Пу, что-жь дѣлать“, заявляютъ гости, обращаясь къ новобрачнымъ, „везите баба до шинка (кабака), продадимъ старого и купимъ горилки“. И вотъ престарѣлыхъ родителей усаживаютъ на возъ, новобрачные вирагаются, дружки идутъ впередъ съ плясомъ и музыкой, гости по сторонамъ тѣлги, и вся процессія направляется къ ближайшему шинку. Здѣсь старый батько въ послѣднюю минуту конечно откупается, т. е. выставляетъ гостямъ еще нѣкоторое количество вина и тѣмъ дѣло кончается. Всего интереснѣе въ этой процессіи тотъ серьезный комизмъ, съ которымъ она выполняется и на который такіе мастера малороссы.

Карль I, король Виртембергскій, и королева Ольга Николаевна, его супруга.

(Портр. на стр. 612).

Въ июлѣ текущаго года жители Штутгарта, главнаго города Виртембергскаго королевства, будутъ торжественно праздновать двадцатипятилѣтіе со дня вступленія на престолъ его величества короля Виртембергскаго Карла I, супруга ея королевскаго величества Ольги Николаевны, русской Великой Княгини. Сынъ короля Вильгельма I, Карль I (Фридрихъ - Александръ) родился 6 марта 1823 года и вступилъ на престолъ 25 іюня 1864 года. Въ 1870 году, король, заключившій оборонительный и наступательный союзъ съ Пруссіей, принималъ участіе во франко-прусскаго войны. Въ октябрѣ того же года собраніе знатнѣйшихъ членовъ въ Каннштадтѣ, городѣ округа Неккаръ, высказались за присоединеніе королевства Виртембергъ къ Германскому союзу, которое и состоялось 25 ноября 1870 г. Карль I пользуется любовью и уваженіемъ населенія; онъ всегда покровительствовалъ людямъ науки и искусства. Немало содѣйствовала королю въ приобретеніи симпатій виртембергскаго народа, его Августѣйшая супруга Ольга Николаевна, обладающая высокими качествами ума и души. Дочь въ Воссѣ почившихъ императора Николая Павловича и императ-

Императоръ Николай I. Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

Иосифъ (Сѣмашко) митрополитъ Литовскій (по поводу 50-й годовщины воссоединенія униатовъ). Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

рицы Александры Оеодоровны, Августѣйшая тетка имѣя благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича, Великая Княгиня Ольга Николаевна родилась 30 августа 1822 г. Ея воспитательницею была камеръ-фрейлина дѣвица Анна Алексѣевна Окулова, изъ почтеннаго семейства Окуловыхъ, бывшихъ друзей поэта князя Вяземскаго и сосѣдей по Остафьеву, имя которыхъ принадлежитъ исторіи отечественнаго просвѣщенія. Въ числѣ наставниковъ Великой Княгини были, между прочимъ, извѣстный знатокъ литературы, писатель П. А. Плетневъ, протоіерей Г. П. Павскій, прославившійся своими филологическими изысканіями и библейскими переводами, и знаменитый нашъ поэтъ В. А. Жуковскій, внушившій Великой Княжнѣ особенную любовь къ русской литературѣ и пользовавшійся до самой кончины большою благоклонностью своей ученицы. Когда Великая Княжна сочеталась бракомъ, 1 іюля 1846 года, съ наследнымъ принцемъ Виртембергскимъ Карломъ - Фридрихомъ - Александромъ, она вскорѣ написала, исполненное трогательныхъ выраженій, письмо къ Жуковскому. Въ этомъ письмѣ она дѣлилась съ поэтѣмъ своимъ счастьемъ, выражала уваженіе къ своему бывшему наставнику, съ которымъ не разъ имѣла письменныя сношенія. Если Жуковскій успѣлъ вдохнуть своей Августѣйшей ученицѣ любовь къ литературѣ и ко всему изысному, то другой почтенный наставникъ Великой Княжны Ольги Николаевны, протоіерей Павскій, тоже умѣлъ бросить сѣмена добрыя въ восприимчивую душу ея, умѣлъ развить въ ней высокую религіозность и ревность къ православію. Великая Княгиня всегда живо интересовалась религіозными вопросами и когда вышло извѣстное сочиненіе А. С. Хомякова „Quelques mots par un chrétien-orthodoxe“, Великая Княгиня повелѣла пастору въ Штутгартѣ перевести это сочиненіе на нѣмецкій языкъ. Въ настоящее время Великая Княгиня достигла преклонныхъ лѣтъ, но не взирая на свой шестидесятилѣтній возрастъ, сохранила большую бодрость тѣла и духа и, окруженная любовью и симпатіями

своих подданных, продолжает относиться съ презрительным интересом къ литературнымъ явленіямъ вообще и къ литературнымъ произведеніямъ родины своей въ особенности. Русскіе, живущіе въ Штутгартѣ, желая ознаменовать, по случаю двадцатипятилѣтняго царствованія ея супруга, свою преданность и признательность королеві Виртембергской, рѣшили уредить постоянную кровать въ мѣстной Ольгинской больницѣ (Olga Heilanstalt), состоящей подъ покровительствомъ ея королевскаго величества.

П. Б.

Императоръ Николай I. (Рис. на стр. 613).

Твердый волею и глубоко преданный всему, что могло быть полезно для блага, чести и процвѣтанія Россіи, императоръ Николай, уже съ самаго начала царствованія, обратилъ вниманіе на бѣдственное положеніе униатовъ въ губерніяхъ Западнаго и Юго-Западнаго края — и уже задумывался неоднократно надъ рѣшеніемъ труднаго униатскаго вопроса, когда ему передана была смѣлая, горячая записка Іосифа Сѣмашко, въ которой онъ такъ правдиво и такъ мрачно описывалъ положеніе несчастныхъ униатовъ, поглощаемыхъ католичествомъ. По словамъ графа Д. Н. Блудова, императоръ Николай „глубоко чувствовалъ ту великую историческую неправду“, на основаніи которой горсть пришельцевъ, пановъ и ксендзовъ, имѣла право угнетать русскій народъ и удалять его отъ Россіи. Известно, какъ быстро и энергично принималъ императоръ Николай первыя, необходимыя мѣры для исправленія „исторической неправды“ (указъ 9 окт. 1827 г.). Разъ приступивъ къ этому дѣлу, императоръ Николай уже не отступалъ отъ него ни на шагъ и смѣло пошелъ къ достиженію великой дѣлы воссоединенія униатовъ съ православною Церковью, выказавъ при этомъ ту непоколебимую твердость, которая въ такой степени была ему свойственна и выказалась во многихъ его государственныхъ дѣяніяхъ. Смѣло можно сказать, что это „воссоединеніе“ почти 2.000.000 русскихъ подданныхъ по духу и вѣрѣ съ остальнымъ русскимъ народомъ, принадлежить къ величайшимъ историческимъ заслугамъ императора Николая и стоить многихъ громкихъ побѣдъ и завоеваній.

Архіепископъ Антоній Зубко. (Портр. на стр. 616).

По благословенію Св. Синода 7 и 8 іюня повсемѣстно будутъ происходить торжественныя празднованія 50-лѣтія воссоединенія униатовъ съ православною церковью. Въ епархіяхъ Минской, Могилевской, Кіевской, Подольской, Вольнской, Литовской и Полоцкой, въ началѣ празднествъ, по окончаніи литургіи отслужены будутъ нанихиды объ улобоженіи вѣнчавшихъ дѣятелей принимавшихъ участіе въ великомъ историческомъ событіи, а именно: въ Божѣ почившаго императора Николая Павловича, митрополита Іосифа Сѣмашко, архіепископовъ: Василія Оршанскаго, Антонія Зубко, Михаила Брестскаго, и епископовъ: Игнатія Полоцкаго и Филарета Могилевскаго, „а равно и всѣхъ подвизавшихся въ этомъ дѣлѣ“.

Въ числѣ „подвизавшихся“ одно изъ первыхъ мѣстъ бесспорно принадлежитъ архіепископу Антонію Зубко, котораго портретъ мы помѣщаемъ въ нынѣшнемъ № *Июль*. Архіепископъ Антоній родился въ 1797 году, воспитаніе получилъ въ Полоцкой семинаріи, а затѣмъ въ Виленскомъ университетѣ, поступивъ на богословскій факультетъ, сошелся съ Іосифомъ Сѣмашкой — подружился съ нимъ на всю жизнь, сроднился съ его любимыми идеями и возрѣніями на Унію. Впоследствии, избранный униатскимъ депутатомъ въ С.-Петербургскую римско-католическую коллегію, онъ и здѣсь дѣйствовалъ за одно съ Сѣмашкой, какъ вѣрный другъ и товарищъ, а впоследствии, когда началось дѣло воссоединенія, былъ ближайшимъ и лучшимъ помощникомъ Сѣмашки, который опредѣлялъ его ректоромъ въ Жаровицкую униатскую семинарію. Смѣлый и рѣшительный по характеру, онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, что могло способствовать успѣху святаго дѣла воссоединенія. Такъ онъ, первый изъ униатскихъ іереевъ надѣлъ священническую ризу великороссійскаго покроя, и одинъ изъ первыхъ (вмѣстѣ съ Сѣмашкой) присоединился къ православію въ 1834 г., уже будучи Брестскимъ униатскимъ епископомъ. Впоследствии Антоній, много потрудившись для дѣла воссоединенія, епископствовалъ въ Минскѣ и удалился на покой. Уже будучи на покой, онъ издалъ весьма важную и любопытную книгу „О греко-униатской церкви въ Россіи“ (1864). Последніе годы преосвященный провелъ въ глубокомъ уединеніи, въ Пожайскомъ монастырѣ близъ Ковны, и скончался 15 февраля 1884 г. на 87-мъ году отъ рожденія.

Политическое обозрѣніе.

19 мая, въ Петергофѣ, послѣ парада, во время Выпечнаго завтрака, по словамъ *Привѣтственнаго Выпечника*, Его Императорскаго Величества, подливъ бокалъ, провозгласилъ тостъ въ честь князя Черногорскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „*Дру за здоровье князя Черногорскаго, единственнаго искренняго и вѣрнаго друга Россіи*“. Эти слова, которыми почтилъ Русскій Царь славянскаго князя, быстро облетѣли всю Европу и про-

Виды города Вильны. (Рис. на стр. 616).

Городъ Вильна — некогда столица могущественнаго Литовскаго княжества — лежитъ на излучистой рѣчкѣ Вилии, въ замѣчательно красивой, разнообразной и живописной мѣстности. Со времени окончательнаго присоединенія Литвы къ Польшѣ, г. Вильна потерялъ всякое политическое и даже всякое административное значеніе. Но за то этотъ удобный, красивый и богатый городъ сдѣлался средоточіемъ мѣстной іезуитской пропаганды католицизма, который отсюда, сильными лучами, черезъ Витебскъ и Полоцкъ, расходился во всѣ стороны, обезличивая коренное русское православное населеніе исконныхъ русскихъ земель. Въ самой Вильнѣ, некогда (при Литовскихъ князьяхъ) процвѣтавшей православными храмами, въ началѣ нынѣшняго столѣтія учрежденъ былъ поляками знаменитый Виленскій университетъ — главный центръ католической и униатской пропаганды въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Въ православные Виленскіе храмы обращены въ костелы или въ жилища помѣщенія, до такой степени обезображены и перестроены, что въ нихъ невозможно было узнать прежнихъ храмовъ. Только уже съ 1863 года, когда, послѣ польскаго возстанія, здѣсь вновь повѣло русскимъ духомъ, эти храмы были вновь возстановлены изъ развалинъ (въ томъ числѣ и Никольскій соборъ), благолѣпно украшены и устроены по образцу православныхъ храмовъ и возвращены православной наставѣ. Въ періодъ наибольшаго угнетенія православія, Вильна была центромъ дѣятельности униатскаго монашескаго ордена базилианъ, которые успѣшно замѣнили іезуитовъ въ дѣлѣ изувѣрства и угонченной религіозной нетерпимости.

Икона поднесенная Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ варшавскими дамами. (Рис. на стр. 617).

12 января, Государынѣ Императрицѣ имѣли счастье поднести супруга командующаго войсками графиня Мушина Пушкина, супруга камергера княгиня Радзивиллъ и супруга варшавскаго губернатора баронесса Медель сооруженную обитательницами города Варшавы, въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ 17 октября минувшаго года, икону Покрова Пресвятой Богородицы и адресъ съ выраженіемъ вѣрно-подданныхъ чувствъ.

Ея Императорскому Величеству, по принятіи иконы, благоудно было поручить имѣвшимъ счастье поднести ее, передать сердечную Ея Императорскаго Величества благодарность супругѣ г. главнаго начальника края и всѣмъ участвовавшимъ въ сооруженіи иконы.

Икона сооружена на подобіе древняго складня.

Въ верхней части ея изображено явленіе Покрова Пресвятой Богородицы, а непосредственно подъ нимъ, въ средней части складня, соборнѣ изображены святые, имена коихъ носятъ члены Царской Семьи; на боковыхъ створахъ помѣщены: справа — при. Андрей Критскій, слева пророкъ Іосія — святые, память коихъ празднуется въ приснопамятный отнынѣ день 17 октября; надъ ними же, въ верхней части створъ — два колѣнопреклоненные ангела.

По всему верхнему краю иконы тинется надпись: „Радуйся Покрове, заступленіе и спасеніе, радуйся, Радосте наша, покрывала насъ отъ страшнаго зла честнымъ Твоимъ омофоромъ“.

На каймахъ средней части складня находятся стихи изъ псалмовъ, на верхней: „Велиі еси, Господи, и чудны дѣла Твоя“; на нижней: „Велия слава Его спасеніемъ Твоимъ“.

Въ закрытомъ видѣ складень изображаетъ церковныя двери, на створахъ коихъ помѣщена выпись изъ псалма 90-го: „Ангеламъ Своимъ заповѣсть о Тебѣ сохрани Ти во всѣхъ путехъ твоихъ“.

На оборотной сторонѣ иконы начертано: „Прими, Богомъ хранимая Царица, благоговѣнное приношеніе молящихся о Тебѣ. Обитательницы гор. Варшавы. 1888 г.“.

Складень исполненъ въ мастерскихъ придворнаго фабриканта Хлѣбникова въ Москвѣ; величина ея въ открытомъ видѣ 8 вершковъ ширины и 7 вышины. Онъ весь сдѣланъ изъ золота съ чеканными украшеніями, а надписи изъ бриллиантовъ. Особенно же художественно исполнена живопись иконъ фряжскаго письма.

Нашъ граверъ, г. Волковъ, приложилъ особенное стараніе при ксилографическомъ воспроизведеніи свѣтлоснаго снимка съ этой иконы, выработавъ мельчайшія подробности чеканной работы.

извели повсюду сильное впечатлѣніе. Прежде другихъ отозвались о немъ австрійскія газеты, на которыя петергофскій тостъ повліялъ удручающимъ образомъ. Называя его „знаменательнымъ событіемъ“, онѣ, подъ давленіемъ неудачъ, понесенныхъ австро-венгерскою политикою за послѣднее время, видятъ въ немъ усиленіе „панславизма“ (?). *Neue Freie Presse* замѣчаетъ, что якобы въ Петербургѣ теперь господствуетъ не славянскій,

а панславистскій духъ, такъ что Россія, не забываясь нисколько объ остальной Европѣ, желаетъ только удовлетворить желанія славянскаго міра. Германскія газеты попробовали было воспользоваться петергофскимъ тостомъ довольно лукаво, но ошиблись въ своихъ расчетахъ. „Вѣдная Франція, уповающая на помощь Россіи“, восклицали эти газеты. „Ее не только не считаютъ подходящею союзницею, но прямо отталкиваютъ!“ Подобнаго рода выходки не остались безъ возраженія со стороны французской прессы. Въ *Temps* появилась замѣтка, гдѣ говорится, что „общественное мнѣніе Германіи, одобряющее лобзности расточаемыя королю Гумберту въ Берлинѣ, не имѣетъ права сѣтовать на то, что въ Петербургѣ объявляются въ дружбѣ съ княземъ Черногорскимъ“. Затѣмъ *Paris* уже прямо отвѣчала на неприличныя инсинуаціи нѣмецкихъ газетъ: „Положимъ, что петергофскій тостъ означаетъ,“ говорилось въ ней, „что Россія не желаетъ такого союза, гдѣ-бы ей пришлось выступить на защиту не русскихъ интересовъ. Русскіе хотятъ быть только русскими. Исключеніе она дѣлаетъ по отношенію къ Черногоріи, связанной съ Россіей вѣковыми узами. Это ея право и ея долгъ. Но во Франціи, какъ и въ Россіи, знаютъ, что въ настоящее время интересы обоихъ государствъ отождествляются и что нравственный союзъ, не связывающій ни одного изъ обоихъ народовъ, на дѣлѣ соединитъ ихъ надолго“. Въ орлеанистскомъ *Soleil* говорится, что „сказаннымъ Русскимъ Царемъ въ Петергофѣ слова не относятся къ Франціи, а обращены по адресу ложныхъ друзей Россіи. Политика есть дѣло интересовъ, а не чувствъ, а при вышнѣмъ положеніи Европы, у Франціи и Россіи имѣются общіе интересы. Въ интересахъ Франціи, чтобы Россія была вліятельною въ Европѣ, а Россія заинтересована въ томъ, чтобы Франція была могущественною державою“.

Но нѣкоторыя германскія газеты, какъ напримѣръ *Kreuzzeitung*, видятъ по отношенію къ Германіи въ петергофскомъ тостѣ оскорбленіе Германскому народу и императору Вильгельму. Впрочемъ, и среди нѣмецкой печати нашлись благодарные люди. *Boersen Courier* удивляется, что *Kreuzzeitung* не понимаетъ различія между политической дружбою и личною дружбою, какая существуетъ между императоромъ Вильгельмомъ II и Русскимъ Царемъ. *Kurier* полагаетъ, что ради этой послѣдней дружбы Германскій императоръ не сдѣлаетъ ничего въ политическомъ отношеніи, что нарушало бы интересы Германіи въ интересахъ Россіи; поэтому никакихъ образомъ, говорится въ *Boersen Courier*’ѣ, нельзя считать петергофскій тостъ оскорбительнымъ для Германскаго императора и народа, и послѣ него личные дружескія отношенія обоихъ монарховъ не измѣнятся. Что же касается смысла тоста, по словамъ этой газеты, то онъ означаетъ, что свою политику Россія намѣрена вести совершенно самостоятельно, не обращая вниманія на другія государства и не нуждаясь въ союзѣхъ.

Другія газеты, не рѣшались нападать на Россію, обрушиваются со всею ненавистью на Черногорію и ея князя Николая. Такъ *Pesther Lloyd* въ своей безыслѣной злобѣ печатаетъ безконечную статью по поводу дружбы между Россіей и Черногоріей. Вся эта невѣроятна длинная статья полна угрозами князю Николаю Черногорскому. „Князь Николай Черногорскій,“ говоритъ *Pesther Lloyd*, „единственный вѣрный другъ Россіи; пусть такъ! Онъ можетъ считать это полезнымъ для себя, но для насъ онъ становится уже по одному этому подозрительнымъ. Другъ Австро-Венгріи не долженъ быть непримѣнно врагомъ Россіи, потому что Австро-Венгрія не имѣетъ никакихъ серьезныхъ основаній для того чтобы стать противникомъ Россіи, но совершенно наоборотъ, вѣрный другъ Россіи, въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ не быть самымъ рѣшительнымъ врагомъ Австро-Венгріи. Поэтому-то мы и считаемъ не лишнимъ напомнить князю Черногорскому, что вернувшись въ свое отечество онъ будетъ находиться довольно далеко отъ своихъ

русскихъ покровителей, но за то непосредственно близко отъ австро-венгерской границы.“

Совершенно иное впечатлѣніе произвелъ въ славянскихъ земляхъ тостъ Государя Императора. Чешскія газеты высказываютъ искреннюю радость. Черногоріи, говорятъ они, гордость славянства, Россія его надежда. Въ Сербіи, не смотря на то, что вниманіе общества поглощено крупными внутренними событиями, петергофскій тостъ произвелъ весьма глубокое впечатлѣніе. Печать единодушно толкуетъ Царское слово, какъ знаменательное для славянства событіе. *Народный Дневникъ* высказываетъ мнѣніе, что если дѣло дойдетъ до борьбы, то факты покажутъ, что есть еще другіе друзья, готовые участвовать въ войнѣ за святое славянское дѣло. *Дневный Листъ* говоритъ, что петергофскій тостъ нагналъ на европейскую лигу мира, и въ особенности на миролюбивую Австро-Венгрію, такой страхъ, какъ будто русскія войска выступили уже въ походъ. *Сербская Независимость* находитъ, что звучація въ петергофскомъ тостѣ самозваніе и довѣріе Россіи къ собственной мощи распространили паническій страхъ на ея враговъ, особенно на вѣнскую и петтскую печать, тогда какъ съ другой стороны къ Россіи довѣрчиво обратились взоры тѣхъ, которые видятъ въ словахъ Царя предзнаменованіе скорого осуществленія надеждъ, возлагаемыхъ ими на священную миссію Россіи.

Въ заключеніе надо отмѣтить по поводу тоста Государя Императора слова брюссельской газеты *Nord*:

„Требуется-ли, въ самомъ дѣлѣ, возвращаться еще къ тосту Русскаго Императора въ честь князя Черногорскаго, тосту который былъ предметомъ столь оживленныхъ комментариевъ и особенно эксплуатаціи европейской печати? Называя князя Николая единственнымъ искреннимъ другомъ Россіи, Императоръ Александръ III на самомъ дѣлѣ только констатировалъ фактъ, историческій фактъ. Превратности международной политики не дѣлали развѣ въ данный моментъ изъ каждой европейской державы противника или врага Россіи? Развѣ со стороны многихъ народовъ Россія не встрѣтила неблагодарности вмѣсто признательности, на которую она, повидимому, имѣла право рассчитывать? Одно только маленькое, но героическое княжество Черногорское проявляло къ Россіи непоколебимую и преданную любовь. Развѣ не было кстати напомнить объ этомъ единственномъ случаѣ—благодаря которому князь Николай и его народъ занимаютъ привилегированное мѣсто въ сердцѣ каждаго русскаго—въ тотъ самый день, когда тотъ-же князь, помимо политическаго союза, вступилъ и въ родственныя отношенія съ Императоромъ Александромъ? Имѣется-ли дѣйствительная надобность искать въ изліяніи Высочайшихъ чувствъ рикшетный ударъ, направленный въ другія государства, и можно-ли благоразумно подозрѣвать желчную заднюю мысль въ тостѣ, провозглашенномъ посреди ликованія въ семейномъ кругу и по случаю обручальнаго пира?“

Въ Сербіи за послѣдніе дни совершилось высокорадостное для Сербскаго народа возстановленіе на митрополичій постъ Михаила.

26 мая телеграфъ сообщилъ, что лже-митрополитъ Теодосій Мравичъ и епископы удаляются на покой добровольно. Они явились на поклонъ къ митрополиту Михаилу и заявили, что оставляютъ каѳедры для законныхъ іерарховъ. На другой день подписанъ былъ регентствомъ указъ объ увольненіи по прошенію Мравича и двухъ другихъ епископовъ, вмѣсто коихъ восстанавливаются митрополитъ Михаилъ и епископъ Іеронимъ, а въ день Св. Троицы, утромъ, обнародованъ указъ о возстановленіи митрополита Михаила и епископа Іеронима. Въ прошеніи объ отставкѣ Мравичъ и епископы говорятъ, что удаляются въ интересахъ государства, ради достоинства и мира церкви, и оставляютъ каѳедры заслуженнымъ и достойнѣйшимъ іерархамъ. Литургія въ этотъ день продолжалась около четырехъ часовъ; церковь не могла вмѣстѣ молитвеннаго, масса народа покрывала соборную площадь. Присутствовали король, русскій представитель, регенты и министры.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Е. И. В. Вел. Кн. Петръ Николаевичъ, 23 мая, отправился изъ С.-Петербурга съ курьерскимъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги въ городъ Кіевъ, сопровождая его высочество князя Черногорскаго и свою высоконазначенную невѣсту княжну Милицу Николаевну. Поѣздъ тронулся при кликахъ „ура“ и „живо“. Высоконазначенные женихъ и невѣста отправились въ Кіевъ за благословеніемъ къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Александрѣ Петровнѣ. Князь Николай съ княжною Миллицею прослѣдуетъ изъ Кіева за границу.

— 27 мая, въ 3 часа дня, прибыли изъ-за границы въ Петергофъ ихъ величества король и королева Эллингскіе, съ королевскимъ семействомъ: наслѣдникомъ герцога Спар-

танскимъ Константиномъ, королевичами: Николаемъ, Андреемъ и Христофоромъ, королевичами Александромъ и Марією. Е. И. В. Вел. Кн. Павелъ Александровичъ встрѣчалъ ихъ величества на границѣ. И. И. В. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ съ супругою Вел. Княг. Александрою Іосифовною и сыновьями Константиномъ и Дмитріемъ Константиновичами выѣхали на экстренномъ поѣздѣ изъ Петербурга и встрѣтили королевскую семью въ Красномъ Селѣ и оттуда вмѣстѣ послѣдовали въ Петергофъ. На станцію въ Новый Петергофъ, въ 2 часа 45 мин. прибыли Ихъ Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ и другія особы Императорской Фамиліи. Его Императорское Величество былъ въ обще-германскаго формѣ съ греческою лентою Служителя. Когда подошелъ поѣздъ съ греческою

королевскою фамиліей, музыка почетнаго караула заиграла греческій гимнъ. Ихъ Императорскія Величества родственно привѣтствовали ихъ величества короля, королеву и королевскую семью.

Въ 7 часовъ, въ Петергофѣ, въ Большомъ Петровскомъ дворцѣ, въ Петровской залѣ, состоялся фамиліальный обѣдъ на 37 особъ, къ которому были приглашены, кромѣ особъ Императорской Фамиліи, ближайшія лица свиты Ихъ Величества. За обѣдомъ игралъ придворный музыкантскій хоръ.

Дѣла церкви.

— 29 мая, въ Петербургѣ съ большою торжественностію происходила закладка храма во имя Милующей Божіей Матери и въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величества 15 мая 1883 года, со-

оружаемаго въ Галерной гавани. Послѣ молебствія была совершена и самая закладка храма. Въ основаніе была положена мѣдная доска съ соотвѣствующею надписью. Первый камень на доску положилъ оберъ-прокуроръ Святейшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ.

— Въ Ригѣ, 22 мая, на площади передъ вокзаломъ Рижско-Динабургской желѣзной дороги состоялась закладка часовни въ память чудеснаго избавленія Ихъ Величествъ отъ грозившей 17 октября опасности. Торжество происходило въ присутствіи властей и массы народа.

— Святейшій Синодъ опредѣленіемъ отъ 10—12 мая 1889 года, постановилъ существующую въ городѣ Бугульмѣ, Самарской епархіи, женскую общину возвести въ общежительный женскій монастырь, съ училищемъ при немъ для дѣвочекъ, съ наименованіемъ сего монастыря Казанско-Богородицкимъ женскимъ общежительнымъ монастыремъ.

Архіепископъ Антоній Зубовъ. (По поводу 50-лѣтія воссоединенія Уніатовъ).

Морское дѣло.

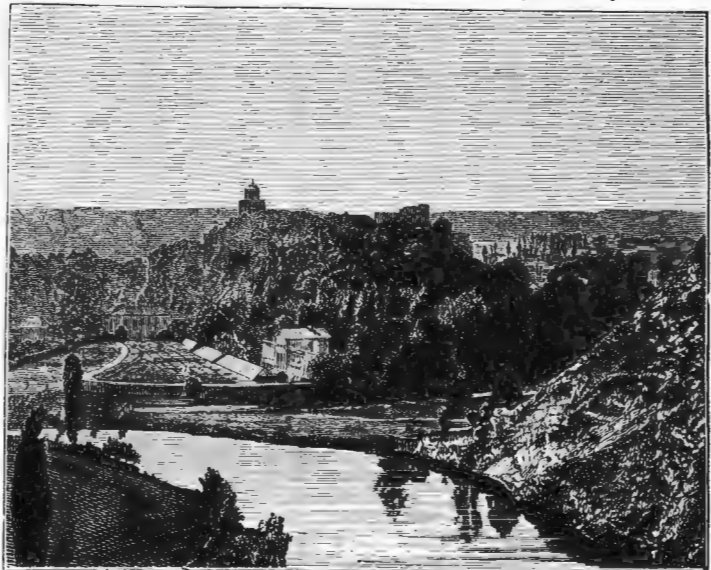
— 23 мая, возвратился изъ кругосвѣтнаго плаванія корветъ „Витязь“. Корветъ началъ кампанію 24 мая 1886 года. Кругосвѣтное плаваніе продолжалось 387 дней, причемъ сдѣлано всего 35,369³/₄ мили; изъ нихъ подъ парами — 14,513¹/₄ мили и подъ парусами — 20,854¹/₂ мили. Во все время плаванія корветъ „Витязь“ выдержалъ стойко и благополучно четыре шторма: въ Бискайской бухтѣ—3 и 4 октября 1886 года; въ Ионскомъ морѣ—18 ноября 1887 года; тамъ же—31 августа 1888 года и въ Охотскомъ морѣ—10 сентября 1888 года.

— Какъ видно изъ отчета о дѣйствіяхъ Главнаго гидрографическаго управленія Морскаго министерства за 1886 годъ, русскими судами въ этомъ году произво-

дились разныя гидрографическія работы въ Восточномъ океанѣ, въ Балтійскомъ морѣ и его заливахъ, въ Вѣломъ, Каспійскомъ, Черномъ и Азовскомъ моряхъ, а также въ озерахъ Онежскомъ, Рутосалайнентъ и Сувасвесе. Между прочимъ, крейсировавшимъ въ Беринговомъ морѣ, во вторую половину отчетнаго года, клиперомъ „Крейсеръ“ впервые былъ осмотрѣнъ берегъ на разстояніи 35 миль отъ м. Гинтера до мыса Фаддея, на южномъ берегу лимана рѣки Анадырь. При этомъ была открыта и описана значительная бухта, съ глубиною отъ 5 до 15 сажень и песчанымъ грунтомъ, названная бухтою Угольною, вслѣдствіе найденныхъ въ ея береговыхъ обнаженіяхъ пластовъ каменнаго угля.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Изъ официальной вѣдомости о ввозѣ керосина за первую четверть текущаго года

Замковая гора въ Вильнѣ.

Никольскій соборъ въ Вильнѣ.

Общій видъ города Вильни.

въ Англію, представляющую собой, какъ известно, одного изъ крупнейшихъ потребителей на европейскомъ нефтяномъ рынкѣ, видно, что въ 1889 году ввозъ изъ Россіи увеличился почти втрое сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, между тѣмъ какъ ввозъ

въ удовлетворительномъ состояніи и обѣщали урожай выше средняго, а мѣстами даже и хорошій. Яровые хлѣба, въ общемъ, были повсемѣстно болѣе или менѣе удовлетворительны, хотя холода въ началѣ мая, а затѣмъ засуха, сильно задерживали ихъ ростъ;

явили объ ихъ единодушномъ желаніи, для увѣковѣченія памяти чудеснаго спасенія Государя Императора и Августѣйшаго Семейства отъ опасности при крушеніи желѣзнодорожнаго поѣзда 17 октября 1888 года, прекратить торговлю и освободить прикащиковъ

Медаль въ память воссоединенія униатовъ съ православною Церковью.

американскаго продукта уменьшился на 6,5 процентовъ.

— Вслѣдствіе заморозковъ 6, 8 и 10 мая, во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, а затѣмъ жаркой и сухой погоды въ серединѣ мая, простоявшей почти повсемѣстно до 20-хъ чиселъ этого мѣсяца: развитіе растительности во многихъ мѣстностяхъ приостановилось, кое-гдѣ на югѣ Россіи хлѣба (особенно — яровые) начали блекнуть, на сѣверѣ же поздніе яровые почти не показывались изъ земли. Осими въ настоящее время, въ общемъ, обѣщаютъ урожай лишь средній или близкій къ среднему, а озимал пшеница — ниже средняго. Главный поясъ неудовлетворительнаго состоянія озимыхъ хлѣбовъ обнимаетъ губерніи южныя степныя: Кубанс. область и Ставропольск. губ., распространяясь на большую часть губерній Подольск., Киевск., Полтавск., Харьковск., Курск. и Черниговск., а также на южную половину Самарск., западную — Саратовск., Симбирск., Нижегородск., и на нѣкоторые уѣзды Казанск. и Пензенск. губ. Кромѣ того, осими не вполне удовлетворительны во многихъ мѣстностяхъ западныхъ губерній и кое-гдѣ въ губерніяхъ Ярославск., Тверск. и Костромск. На остальномъ пространствѣ Европейской Россіи осими находились

тѣмъ не менѣе, надежды на удовлетворительный урожай яровыхъ нигдѣ еще не были потеряны, а во многихъ мѣстностяхъ, особенно на югѣ и на востокѣ Россіи, они находились къ 20 мая въ очень хорошемъ состояніи.

и сидѣльцевъ отъ занятій въ воскресные дни и двенадцатые праздники. Его Императорскому Величеству, 20 сего мая, благоугодно было Собственноручно начертать: „Это весьма утѣшительно и похвально. Искренно благодаримъ ихъ за это доброе начало“.

Некрологъ.

— Запрѣла скончался въ гор. Казани директоръ мѣстнаго реального училища, д. ст. с. А. П. Орловъ, пѣвственный своими трудами по сейсмологіи (ученіе о землетрясеніяхъ) Россіи, бывший почти единственнымъ представителемъ въ Россіи этой интересной отрасли знанія.

— Въ Киевѣ 20 мая скончался предсѣдатель кievской археографической комисіи М. В. Юзефовичъ.

— Въ Минскѣ, 21 мая скончался епископъ Минскій Варлаамъ.

Смѣсь.

Легенда о Петрѣ Великомъ. Въ Черниговск. губ. вѣдомостяхъ напечатана крайне интересная легенда, записанная въ с. Ковчинѣ, Черниговскаго уѣзда. Языкъ легенды представляетъ смѣсь великорусскаго, малорусскаго, и бѣлорусскаго нарѣчій. „Лувъ царь Петро. Були такі волшебницы Лютра и Утерянка. Петро, выпросивъ земли на шкуру у Утерянки, порѣзавъ шкуру на дробненьки ремени, пошивавъ ихъ, отъ Двины до Дви-

Икона поднесенная Государынѣ Императрицѣ дамами города Варшавы 12 янв. 1889 г. Съ фот. грав. Волковъ.

Торговля.

— Петербургскіе купцы и торговцы, въ числѣ свыше 1,500 лицъ, въ поданномъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода прошеніи за-

го и бѣлорусскаго нарѣчій. „Лувъ царь Петро. Були такі волшебницы Лютра и Утерянка. Петро, выпросивъ земли на шкуру у Утерянки, порѣзавъ шкуру на дробненьки ремени, пошивавъ ихъ, отъ Двины до Дви-

ни обновееть землю и построивъ крѣпость. Воевавъ вонь изъ Утерянкою и изъ Лютрою. Лютру убивъ одинъ казакъ, а зъ Утерлянкою царь Петро воевавъ еще много лѣтъ. Дочка ни полюбыва Петра, ходила по саду зъ имъ и вонь спрашуетъ ни, чи возмю и твою матку, чи нѣ. Хоть семь годъ стой, дакъ не возмешь. Есть у тебѣ солдатъ Иванъ, дакъ его смерть у моеи матки, а матчина у его. Ну якъ же его узнати? питае Петро. Ты зроби пиръ, на пиру якъ улюбюци, поляжуть спати; вонъ засне пидъ деревомъ, дерево усхне, бо въ его сыла изъ рота иде, якъ дымъ. Тогда Петро зробивъ пиръ, узнавъ его. Посли пиру Петро найшовъ его на учени и давай спрашувать, чтожь ты можешъ узять ни. Приставъ до его. Вонъ тадѣ и каже: „позвольте пугвицю зорвати“. Той каже: „хочъ уси зривай“. Москаль зорвавъ пугвицю, выстрѣливъ пугвицею и убивъ Утерянку: якъ его въ катре пугнулся, сичай и умеръ. Царь, сѣвъ на лошади, перескочивъ черезъ Двину, только задни канаты конь умочивъ, городомъ, якъ побѣгъ, дакъ пудкова одарвалася, ударилася въ стѣну и темеръ высить. Царь Петро ходивъ у заработки, въ чужой земли зробивъ корабель, адъ его й стали у насъ корабли“. Въ этой легендѣ, какъ видно, элементы мифическіе смѣшаны съ историческими. Волшебницы Лютра и Утерянка—олицетвореніе злаго начала, Петръ—добро. Съ этою древнею мифическою основою (борьба свѣта и тьмы) смѣшано и историческое преданіе о борьбѣ Петра со шведами. Лютра и Утерянка, вѣроятно, есть не чѣд иное, какъ лютеране. Любовныя отношенія Петра Великаго къ волшебницамъ указываютъ на бракъ царя съ Екатериною I, происходившею изъ лютеранской семьи. Въ легендѣ интересна, въ научномъ отношеніи, и добавка о томъ, какъ Петръ выманилъ у волшебницы мѣсто подъ крѣпость, окруживъ его сѣтью изъ воловьей шкуры. Она сходна съ преданіемъ объ основаніи Карэзгена Дидоною (в.)

Странные брани. Много страннаго уже извѣстно объ Индіи, но новыя чудеса все еще не переводятся въ этой загадочной странѣ. Къ числу послѣднихъ относится обычай индусовъ бракосочетать между собой неодушевленные предметы. Ни одинъ индусъ, владѣтель сада или огорода, не станетъ вкушать плодовъ его, пока не сочтается бракомъ различныхъ деревъ въ немъ—преимущественно мангуса съ тамариндовымъ деревомъ или жасминовымъ кустомъ. Церемонія эта обставлена очень торжественно, совершается всегда въ присутствіи браминовъ и потому связана съ большими издержками.

Хозяинъ вновь выкопаннаго бассейна ни за чѣд не станетъ чер-

пать изъ него воды, пока не сочтается его бракомъ съ бананомъ, который съ этой цѣлью всегда садятъ на краю его.

Самый странный бракъ тотъ, который одинъ изъ мѣстныхъ раджей ежегодно совершаетъ на свой счетъ между саллиграмомъ и тульзи. Салиграмъ—это закругленные камешки, теченіемъ рѣкъ отторгаемые отъ известковыхъ скалъ. Они очень многочисленны и выдолблены на нихъ водою различныя фигуры слывуть между индусами за письма Вишну. Разбившій такой камешекъ неизбежно подвергнется бы народному мшению, изъ опасенія божественнаго гнѣва. Тульзи—это небольшой священный кустарникъ. Камень ежегодно сочтается бракомъ съ кустомъ. При этомъ устраиваются пышныя процессіи, съ участіемъ богато разукрашенныхъ слоновъ, верблюдовъ, лошадей. На переднемъ, самомъ нарядномъ слонѣ возлежитъ крошечный саллиграмъ, который отправляется съ визитомъ къ обрученному съ нимъ тульзи. Затѣмъ совершаются перемены, обычныя при всѣхъ бракосочетаніяхъ, и молодые до слѣдующаго года оставляются въ одномъ изъ храмовъ. Тысячи зрителей обыкновенно присутствуютъ при этомъ ежегодномъ торжествѣ и всѣ угощаются на счетъ раджи. (N.)

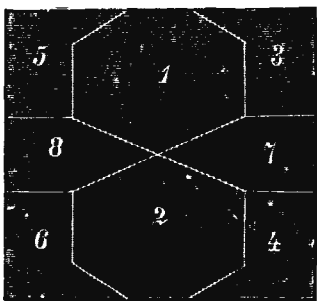
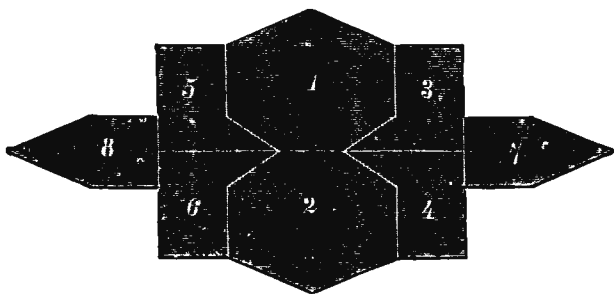
Въ настоящее время, при помощи фонографовъ Эдиссона, сдѣлалась возможною пересылка по почтѣ образцовъ голоса. Недавно былъ такой случай: Обладательница извѣстнаго въ Нью-Йоркѣ soprano доверила фонографу образецъ своего пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепьяно; затѣмъ инструментъ былъ отправленъ въ Чикаго. Тамъ, какъ сообщаютъ газеты,—фонографъ воспроизвелъ вѣбранный ему образчикъ голоса вполне живо, за исключеніемъ немногихъ отгѣнковъ въ пѣніи. Еще раньше Эдиссонъ общался посредствомъ фонографа, сохранивъ для послѣдующихъ поколѣній голоса нашего времени, какъ бы закупоривъ ихъ въ бутылки,—теперь же имъ достигнуто то, что пѣвцы и пѣвицы могутъ пересылать по почтѣ импрессарию и театральнымъ агентамъ образцы своихъ голосовъ. (с.)

Невольное пророчество. Въ 1855 году марта 27,—какъ рассказываетъ въ Р. Архивѣ отецъ Архангельскій,—Филаретъ, знаменитый митрополитъ, прибылъ въ Успенскій соборъ (въ Москвѣ) служить насхальную утреню. Діаконъ Дмитрій Семеновъ подноситъ ему митру. „Это что?“ спрашиваетъ Филаретъ.— „Митра“.— „Для чего такая?“ Діаконъ тутъ только замѣтилъ, что митра траурная. „Ты смерть, что-ли, мнѣ пророчишь? Самъ умрешь!“ Діаконъ умеръ въ томъ-же году, 9 декабря. (в.)

Рѣшеніе ребуса № 30 (помѣщеннаго въ № 17).

„По Сенькѣ и шапка“.

Рѣшеніе геометрической задачи № 31 (помѣщ. въ № 17).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—С. И. Зимины-Ханкина, А. А. Коломенскаго, В. П. Софійскаго, А. Р. Устрицева, Герасимова, Л. Эрнстова, И. Е. Иванова-Кузнецова, П. Александрова, И. Столярова, В. Круглова, А. В. Евстихьева, Ф. Михеля, В. Кузнецова. Москва—В. В. Щербова, А. И. Кудрявцева, Н. Халоева, Шибровыхъ, М. Уткина, Н. Жащина, А. А. Шемуриня, С. Н. Калабашкина, Н. К. Двининова, М. И. Преображенскаго, Александрополь—М. Влѣбородова, Б. Игоровъ—В. К. Терскаго, Барвенново—Д. Гагилева, Буй—М. Левашевой, Воронежъ—И. Климентова, Выборгъ—А. Подьява, Динабургъ—О. Гинцбургъ, Дисна—С. А. Дубникова, Екатернославъ—А. Авчинникова, Ф.

Ельашевича, Зимарово—А. Н. Аглова, Кременчугъ—М. Б. Клермана, С. Л. Доброленскаго, Е. Е. Добровицкаго, Кіевъ—А. Н. Шульженко, А. Бабкина, С. Д. Адлеръ, Кузнецко—Ф. И. Перова, Вазанъ—Гер. на, Млопица—И. Я. Александрова, Лебедань—В. И. Чурлиши, Львовъ—М. М. Кусисова, Лявы—М. К. Боголюбова, Мальковичи—Щеханъ, Свинувъ, Манарзевъ—М. Лафина, Мотовилыха—А. Н. Рылова, Минскъ—В. Яриловича, Мценскъ—В. Г. Макимова, Одесса—М. Я. Брѣгманъ, Позна—П. Е. Шумъва, Петрополь—М. Кунге, Подольскъ—М. Зарѣвичъ, Рыпинъ—Ермолаева, Судогда—В. И. Голубева, Саратовъ—С. Я. Сидорова, Тольсово—Д. Д. Ланна, Тифлисъ—К. Карли ва, Тамбовъ—И. Ананьева, Холмъ—К. А. Котелевскаго, Царицынъ—Н. А. Скороходова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Рѣшеніе задачи буквъ (ходъ коня) № 32

(помѣщенной въ № 17).

(2)				(5)				(1)			
5	8	3	16	13	10	23	28	25			
а	п	й	а	п	ъ	в	ъ	ч			
9	15	6	9	20	29	26	11	22			
о	к	и	р	и	с	е	а	а			
7	4	1	14	17	12	21	24	27			
м	н	в	а	р	н	н	ъ	м			
			19	30	35						
			п	ч	е						
			34	45	18						
			б	ы	е						
			31	36	33						
			а	в	т						
			44	39	42						
			м	с	т						
			41	32	37						
			б	с	л						
			38	43	40						
			а	б	т						

- 1) „Война и миръ“.
- 2) „Анна Каренина“.
- 3) „Въ чѣмъ счастье“.
- 4) „Власть тьмы“.

Л. Н. Толстой.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—Н. В. Панкова, Володы, Ф. Михель, П. П. Добужинскаго, В. Васильева, В. А. Василевскаго, Ф. А. Боронина, А. Берландеръ, Москва—В. Иванова, Н. К. Динянинова, И. Я. Романова, Барвенново—Д. Г. Гилева, Б. Корвиню—В. К. Терскаго, Бѣгородъ—Ф. З. Мазуръ, Варшава—Н. В. Зеленскаго, Витебсь—С. Печета, Дисна—С. А. Дубнякова, Елисаветградъ—И. В. Ларионова-Иванова, Лебедань—В. И. Чурлиши, Николаевъ—Фолькертъ, Ставрополь—П. Фридрихсъ, Шацкъ—А. А. Тюмешева, Юрьевъ—А. А. Павловскаго.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ къ бандеролю.

СОДЕРЖАНІЕ: Подъ званъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть I. (Продолженіе).— Кто-же? Разсказъ Петра Дорошенко. (Продолженіе).— Иосифъ Стѣшко, митрополитъ Литовскій, и его историческое значеніе (съ портр. и рис.).— Къ рисункамъ: Желость (съ рис.).— Панно проф. И. Е. Маковского „Счастливая Армада“ (съ рис.).—Его Императорское Высочество Великій князь Константинъ Константиновичъ, Президентъ Академіи Наукъ (съ портр.).— Отдѣлъ искусства на Парижской выставкѣ (съ рис.).—Послѣдній день малороссійской свадьбы (съ рис.).—Царь I, король Виртембергскій, и королева Ольга Николаевна, его супруга (съ 2 портр.).— Императоръ Николай I (съ портр.).— Архіепископъ Антоній Зубко (съ портр.).—Виды города Вильны (съ 3 рис.).—июна, поднесенная Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ варшавскими дамами (съ рис.).— Политическое обозрѣніе.— Разныя извѣстія.— Смѣсь.— Рѣшенія задач.— Заявленіе.— Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ниюшинковъ.

Библиотека "Руниверс"

НОВЫЕ ДУХИ

Всемирной Парижской Выставки
въ 1889 году

„БУКЕТЪ ГВОЗДЪ“ (VOUQUET-CLOU)

СОСТАВЛЕННЫЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЮ
ХИМИЧЕСКОЮ ЛАБОРАТОРІЕЮ

(Измайловскій проспектъ, 21).

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, № 32, д. Католической церкви.
  - 2) Невскій проспектъ, № 66, у Анчичина моста.
  - 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, 18 — 54, д. Шредера (Оптовая и розничная продажа).
- Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковъхъ. П. № 3921 2—1

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ СПЕЦІАЛЬНО ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

А. Я. ПАНАФИДИНА,

С.-Петербургъ, Б. Итальянская, д. № 8,
поступили въ продажу слѣдующія книги:

- Руководство къ собиранію, храненію и наблюденію надъ насекомыми и друг. низш. животными и Скелетированіе. Ю. Симашко. Съ 81 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Гербаризація. Соч. Ю. Симашко. Съ 6 рисунк. Ц. 40 к.
- Лѣтнія занятія въ полѣ съ перомъ и карандашемъ. Съ 82 фиг. Ц. 1 р. 50 к.
- Обиходная книжка, содержащая: Папючныя и перелетныя работы. Формовку изъ гипса. Гальванопластику. Токарныя и плотничьи работы. Выпильваніе изъ дерева и цинка. Токарное искусство. Рѣзная работа по дереву. Приготовленіе физич. приборовъ и моделей. Съ 238 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р.
- Гофманъ. Современная магія. Практическій руководитель къ изученію фокуснаго искусства. Съ 318 рис. въ текстѣ. Перев. съ англ. Ц. 3 р. 50 к.
- Космосъ для юношества. По Керберу. Ц. 2 р. 50 к.
- Погода, руководство къ ея изученію и предсказанію. Сост. П. А. Литвинскій. Съ 43 рис. Ц. 85 к.
- Наставленіе къ ловлѣ рыбъ и раковъ въ нашихъ прѣсныхъ водахъ. Сост. М. Виногооровъ. Съ 53 рис. Ц. 1 р.
- Начатки ботаники. Г. Д. Гукера. Переводъ съ англійскаго; съ измѣненіями и дополненіями А. Ф. Баталіна. Съ 67 рис. Ц. 40 к.
- Кронебергъ, А. Элемент. начала геометр. анализа, или такъ назыв. Новой Геометріи. Съ атласомъ. Четв. на 19 табл. Ц. 3 р.
- Банъ, А. профессоръ. Наука воспитанія. Полный переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р. 50 к.
- Билбинъ, Н. И. О тригонометрическихъ функціяхъ. Ц. 1 р. 20 к.
- Ловля, содержаніе, строеніе и жизнь комнатныхъ и пѣвчихъ птицъ. Сост. Ф. Булгаковъ. Съ 27 рис. Ц. 1 р.
- Небо для невооруженнаго глаза. Пособіе при лѣтнихъ занятіяхъ. Сост. П. Литвинскій. Съ 25 рис. Ц. 1 руб.
- Важнѣйшіе годы всемірной исторіи. Пособіе при повтореніи курса всеобщей и русской исторіи. Сост. Новопащенко. Ц. 20 к.

Выписывающіе отъ А. Я. Панафидина за пересылку не платятъ. № 3922

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

въ популярномъ изложеніи

П. П. ГИЛЬДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюръ 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

ПОУТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ БОЛЬШАЯ ГРАВЮРА:

ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

- 1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.
- 2) Государыня Императрица Марія Феодоровна.
- 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.
- 4) Великій Князь Георгій Александровичъ.
- 5) Великій Князь Михаилъ Александровичъ.
- 6) Великая Княжна Ксения Александровна.
- 7) Великая Княжна Ольга Александровна.

Гравюра артистически исполненна съ фотографіи С. Л. Левицкаго и № 1 о печатанная на отличной веленовой бумагѣ, размеромъ 10 1/2 вершк. выш. и 7 1/2 вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатами, на скалку 1 р. 25 к. Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 р., съ пересылкой и укупошкой до 1000 верстъ 3 р. 50 к., а до 2000 верстъ 4 р. 50 к.

Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, размеромъ 13 7/8 вершк. выш. и 9 7/8 вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалку 2 р. 50 к. Въ изящн. рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.; съ перес. и укупошкой до 1000 верстъ 7 р. 50 к., а до 2000 верстъ 9 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“. Невскій просп., № 6. СПБ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ромъ-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ромъ этотъ обнимаетъ эпоху правленія и изложенія Царевны Софій. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка) Требуется иллюстрированные каталоги *gratis et franco*.

Юг. Зансъ и №.

Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. R. № 3734
Берлинъ, Риттерштрассе 88.

Вышло НОВОЕ изданіе Ф. Павленкова:

КОТОРЫЙ ЧАСЪ?

Руководство для новѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства всевозможн. солнечныхъ часовъ. Съ 13 рис. Составилъ И. Вавиловъ. Академія Наукъ признала эту книжку полезн. пособиемъ для учебн. цѣлей. Мт. Цѣна 30 коп. № 3918

Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА (изданіе Ф. Павленкова):

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ХИМИЧ. ТЕХНОЛОГІИ

В. И. СЕЛЕЗНЕВА. Съ 70 рисунками въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к. № 3919

добавь въ складъ духовъ и у всехъ парикмахеровъ во Франціи и заграничій.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (12)

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 8-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3716
Также нужны вѣрныя съ постоянными мѣстамъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ЭФФЕКТНО для ЛѢТА:

ПАРИЖСКІЙ ДАМСКІЙ УБОРЪ!
Изъ натуральныхъ бразильскихъ муновъ, въ красивѣйшихъ оправкахъ
Браслеты съ 10, 3, 2, и 1 жук. 5.50, 2.50, 2 и 1.50.
Брошки съ 4, 3 и 2 жук. 2.50, 2 и 1.50.
Серги съ 1 жук. 1.25.
Шпильныя черепаховыя съ 3 и 2 жук. 2 и 1.50.
позолоченныя съ 1 жук. 1 р.
Мужск. булавки 75 к. № 3920
Цѣлый уборъ (браслетъ, брошь, серга и шпильна) 50% дешевле.
Жуки эти замѣчательно эффектно отражаются на солнцѣ, а потому особенно красивы летомъ. Высылка во всѣ города Россіи.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ
ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ.
С.-Петербургъ, Садовая, 12, кв. 22, во 2-мъ дворѣ.

ТОВАРИЩЕСТВА
А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕИ
въ Москвѣ

С. № 3862 3—3

По весьма убраннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

СКРИПКИ въ 2 1/2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и др.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ въ 3 1/2, 5, 7, 12, 18 и 30 р.

СКРИПКИ 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей.

Школа Баганца ч. I—1 р., ч. II и III по 1 р., 50 к.

АЛТЫ и ВИОЛОНЧЕЛИ

Гитары 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и др. Отъ 8 р. съ механизмомъ для струнъ. Школа Соколова по 1 1/2, 3 и 4 1/2 р.

Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.

Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрированы прейсъ-курантъ—бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 3915

Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С. Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.

Москва. Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

МАТТОНИ

ГИСТЮБЛЕРЪ

чистый

щелочной источникъ

освежительный и здоровый

СТОЛОВЫЙ=НАПИТОКЪ

можно везде получить.

Бесплатно (имитация) бутылъ головной вывозъ.

ЛЕВИНСКІЕ и ГИЗЕНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2406

Сущестующая нинѣ въ г. Нижнемъ-Новгородѣ и состоящая въ вѣдѣніи Нижегородскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества Постоянная выставка кустарныхъ произведеній Нижегородской губерніи принимаетъ заказы на нижеслѣдующіе предметы: судовыя цѣпи, желѣзныя и мѣдныя полотна для ситъ и другихъ надобностей, топоры, долота, лопаты, вилы, сошники, подпальники, на ножовой товаръ, ножницы, желѣзные сундуки, замки, металлическія части для казенныхъ пист., пружины на пояса нижнихъ воинскихъ чиновъ, малыя пружины для аммуниціи, крючки и петли, рыболовные крючки, металлическія игрушки, мозаичныя работы изъ дерева, мебель крашеную въ русскомъ стилѣ, деревянную посуду, Балахнинскія кружева, вышитыя гладью и въ выдержку и проч.

Заказы слѣдуетъ адресовать или въ гор. Нижний-Новгородъ, въ Нижегородское Отдѣленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества или въ гор. Нижний-Новгородъ, Завѣдующему Постоянной выставкой кустарныхъ произведеній Нижегородской губерніи. № 3917

Поставщики водоснабженія Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. Блокъ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ

единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: (Сифотъ, Виплетъ, Русскій Клубъ, Молния (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свѣтъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Курантъ высылаются бесплатно.

Поставщики водоснабженія Русской Арміи.

Только что вышелъ **ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ** и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **болѣе 400** рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туалетнаго зеркала со шнатулкой.

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распространенныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительна, а именно 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛИ.

Карм. форм. въ замше. кошельк. 8 р. 50 к. пересылка за 2 ф.

Больш. форм. съ футляръ и ремн. 9 р. 50 к. пересылка за 4 ф.

„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, поля, охоты, моря и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля“.

Спеціальн. театральн. бинокли отъ 5 до 65 р.

Зрительн. трубы въ 5 р. 50, 11, 14, 20, 28 р. и дорож. № 3909

Минроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. 2 и дорож. № 3909

СИЛІКАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.

Н. КРАУСЪ и К^о.

въ Парижѣ, Aven. d. l. République, 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 40.

Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. бесплатно.

А. РАЛЛЕ и К^о ПРИВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ **въ МОСКВѢ.**

Мыло зорное. Кольд'кремъ виолетъ. Молоко глицериновое. Мыло лимонное. Мыло вельютинь.

Пудра глицеринов. цв. Вода флоридъ. Мыло земляничное. Глицеринъ вельюръ.

П. № 3821 6—5

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.

Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ШТУРМА УКУСЪ

НАТУРАЛЬНЫЙ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА ВЕЗЕВЪ БЕДЕНЪ ЧИСТАГО ВКУСА в ЗАПАХА.

УКУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. ФШТУРМЪ

Складъ: Невск. 96/1, по Невскому двѣск., мартъ 26.

Выработываю только натуральныя укусы, окисляющія (при помощи атмосфернаго воздуха) въ Штирца, Солода и Винограднаго вина.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ и ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жириода) Франціи.

Находится во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

7 Р. НОВОСТЬ!! 7 Р.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

полный АПАРАТЪ отъ 10. 15. 20 рр.

К.И. ФРЕЛАНДЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ. НЕВСК. ПРОСП. № 30/16.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (69) № 2946

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствъ и мног. правительствъ, и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

EAU DE SUEZ

Рт. № 3887

Объяснительная брошюра высылается бесплатно по требованію вышеозначеннымъ депо и Г-мъ Суэзь 9, rue de Prony, Парижъ.

Доввол. пенаур, СПб., 7 іюня 1889 г.

Депо въ С.-Петербургѣ — А. М. Рузановъ, Гостинный Дворъ, № 40.

Въ Москвѣ — А. Сіу и К^о, Тверская, д. Варгина.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

ВТОРАЯ ЖЕНА, Ром. Маршанта. Пер. съ нѣм. II. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Библиотечка „Ридивера“, д. 1.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 25

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 17 юня 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
страни) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Везъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

И. Н. Дурново.
Высочайшимъ рескриптомъ отъ 6 мая 1889 года, назначенный по смерти графа Д. А. Толстаго временно управлять Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретарь Дурново призванъ на высокій постъ министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ сказано, что графъ Толстой скончался, не успѣвъ еще окончить исполнѣннѣ дѣло ему ввѣренное и совершить всѣ предначертанія Государя, и что Дурново избранъ Монархомъ, какъ ближайшій сотрудникъ покойнаго графа въ первое время его управленія, близко знакомый съ его правилами и намѣреніями. Такимъ образомъ, статсъ-секретарь И. Н. Дурново избранъ въ качествѣ настоящаго преемника графа Толстаго и въ официальномъ и въ фактическомъ смыслѣ. Безъ малаго три года онъ состоялъ товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ и, какъ старѣйшій и ближайшій сотрудникъ графа Толстаго, не разъ вполне самостоятельно управляя министерствомъ во время отсут-

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретарь И. Н. Дурново.
Съ фотогр. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

ствія и болѣзни графа ясно показали свою полную солидарность съ политической программой великаго государственнаго дѣятеля, обнаруживъ и твердость и энергію въ преслѣдованіи правительственныхъ цѣлей. Когда въ Прибалтійскихъ губерніяхъ произошли прискорбныя событія, коренившіяся въ стараніи коноводовъ анти-русской, политики обойти законъ при помощи всевозможныхъ хитростей, И. Н. Дурново „сорвалъ личину съ этихъ коноводовъ“, удаливъ городскихъ головъ Ревеля и Риги, Грейфенгагена и Бюнгнера, которые отказывались исполнять указы Правительствующаго Сенага. Въ это время онъ замѣщалъ больнаго графа Толстаго, и внутренне враги Россіи увидѣли, что И. Н. Дурново столь же настойчиво относится къ дѣлу проведенія истинно русской политики въ краѣ. Всѣ знающіе новаго министра какъ человека, его бывшіе подчиненные, его сослуживцы отзываются о немъ съ глубокимъ уваженіемъ, съ удовольствіемъ воспоминають о его добромъ, прекрасномъ характерѣ,

о его общительности и чрезвычайной доступности. Эти отличительныя качества И. Н. Дурново вполне обнаружилъ и тогда, когда онъ нѣсколько лѣтъ къ ряду былъ предводителемъ дворянства Черниговской губерніи и позже, когда занималъ постъ Екатеринославскаго губернатора. На этомъ посту онъ заслужилъ общую любовь и благодарность жителей. Несмотря на сильно обострившіяся отношенія между русскимъ и еврейскимъ населеніемъ Екатеринославской губерніи, при этомъ начальникѣ не было рѣшительно никакихъ столкновеній между враждующими сторонами, не было тѣхъ ужасныхъ еврейскихъ погромовъ, окончившихся столькими жертвами изъ русскаго населенія, которые имѣли мѣсто позднѣе. При немъ не было и вопиющихъ безобразій въ мѣстномъ городскомъ самоуправленіи, безобразій въ послѣдствіи доведшихъ городскіе финансы до полнѣйшаго разстройства. И. Н. Дурново умѣлъ вносить съ собою всюду какое-то умротвореніе, но ни эта черта, ни его добродушіе нисколько не мѣшаютъ ему проявлять твердость, силу воли въ государственномъ управленіи вмѣстѣ съ живою, энергичною дѣятельностью. Онъ отличается большою независимостью, что такъ важно на столь высокомъ посту, на которомъ трудно избѣжать столкновенія съ разнородными вліяніями, порою довольно сильными.

Иванъ Николаевичъ Дурново происходитъ изъ дворянъ Чер-

ниговской губерніи; онъ владѣлецъ имѣнія Черниговскаго уѣзда, села Жукотокъ, въ которомъ и родился въ 1830 году. Недолго прослуживъ въ военной службѣ, которую онъ началъ съ іюля 1848 г., И. Н. Дурново былъ предводителемъ дворянства Черниговской губерніи, сперва уѣзднымъ, а затѣмъ губернскимъ, въ должности котораго состоялъ до 1865 г. Екатеринославскимъ губернаторомъ И. Н. Дурново былъ назначенъ въ 1871 г. и занималъ этотъ постъ до 1882 года, когда, по назначеніи графа Толстаго министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ былъ призванъ занять высшую должность въ государственномъ управленіи—товарища министра. Въ 1885 году И. Н. Дурново назначенъ статсъ-секретаремъ. Въ 1886 г. И. Н. Дурново повелѣно быть главноуправляющимъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, почетнымъ опекуномъ и членомъ Государственнаго Совѣта, а въ слѣдующемъ онъ назначенъ сенаторомъ. Чинъ дѣйств. статск. совѣтника онъ получилъ въ 1869 г., чинъ тайнаго совѣтника—въ 1882 году. Въ маѣ 1883 года ему пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла и въ этомъ-же году онъ назначенъ сенаторомъ. Кромѣ русскихъ орденовъ, онъ имѣетъ еще иностранныя: Льва и Солнца 1 степени и Папскій орденъ Пія IX большаго креста.

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Дѣдушка прошелся по саду, увидѣлъ Вѣрочку въ окнѣ и насупился.

— Ты чего — слѣдишь? Слѣди, слѣди. Жалуйся, поди, на дѣдушку-то, жалуйся. Ну да будетъ, будетъ меня тиранить, поиди скажи ей—пусть она сунется, я ее, вѣдму, увстрѣчу.—И онъ сжалъ свой громадный кулакъ.—Я ей докажу свою правду... Всѣ вы тутъ съ ума сбились. Я васъ выучу, выучу. Ха, вы думали ослабѣлъ старикъ? Я вамъ покажу, въ струну у меня тинись, слышишь.

Вѣрочка широко открытыми глазами смотрѣла на него ничего не понимая.

— Чего пучишься? Прежде ее полѣномъ билъ, а теперь вотъ хоть скамьей этой.

И схвативъ скамью, онъ съ страшной силой выворотилъ ее изъ земли и швырнулъ прочь. Дѣвушка съ крикомъ отскочила отъ окна.

— Чтѣ, тигры, чувствуете теперича, кто здѣсь хозяинъ надъ вами будетъ... Я вамъ...

И глаза у него обезумѣли и остеклѣли, и лицо побавровѣло.

Поздно вернулась домой Анфиса Кирилловна. Устинья встрѣтила ее на крыльцѣ.

— Ахъ, матушка, бѣда у насъ въ домѣ.

У той и колѣни подкосило. Сѣла она на ступеньку и часто часто задышала. „Воды, воды дай“. Подала ей Устинья напитокъ.

— Ну, говори теперь. Чего еще Господь послалъ, какое горе?

— Ложки столовыя три изъ буфета пропали.

— Фу ты!.. Я думала нивѣсть чтѣ... Окаянная ты, такъ сказала словно съ Вѣрочкой чтѣ случилось.

— Нѣтъ, Вѣрочка у себя замкнувшись.

— Какъ замкнувшись, съ чего это?

— Да дѣдушка бунтуютъ, пьяные они. Я уже и за Акимкой послала, у меня въ кувнѣ Акимка сидитъ...

— Господи!.. гдѣ-же онъ водки-то досталъ? Самъ бѣгалъ съ ложками-то?

— Нѣтъ, нищій тутъ у нихъ былъ одинъ, изъ ихнихъ пріятелей...

Качая головою, Анфиса Кирилловна вышла въ горницы... На диванѣ развалился сидѣлъ ея мужъ, разутый и страшный какъ никогда. Посмотрѣла она на него и руками всплеснула.

— Не идравится вамъ? Вы дамы—вамъ и не идравится. Ну, ничего, привыкнете.

На столѣ былъ графинъ съ водкой и стаканъ.

— Видишь, мы тоже по благородному изъ графина пьемъ... А вы такъ, мадамъ, полагали что совсѣмъ

старика покорили? Нѣтъ.—И онъ ударилъ по столу.—На песьемъ положеніи, въ мезонинѣ! Ты вѣдь жена мнѣ, подлая душа твоя, понимаешь ты это? Жена да боится мужа, и Богъ велѣлъ. Ну да теперь у меня съ тобой, съ ехидой, другой разговоръ будетъ. Зови внучку-то. Пусть она посмотритъ какъ я величаться надъ тобой стану.

— Ты у меня Вѣру не тронь.

— Слышь, зови!—И у него глаза налились кровью.—Разорву...

— Ну, ну... Молчи... Поди къ себѣ наверхъ.

— Наверхъ?.. Врешь... Сама ступай наверхъ. Тамъ у меня теперь Тимошка живетъ. А я здѣсь. Я тебѣ дамъ наверхъ!

И вдругъ поднявшись, онъ сгрѣбъ было ее ланицей за чепчикъ и за волосы. Анфиса Кирилловна взвизгнула и покатила, да къ счастью Акимка оказался у нея за спиной.

— Баринъ, оставь!

— Вотъ и тебѣ!

И старикъ закатилъ ему здоровую пощечину.

— А, ты вотъ какъ! удивился Акимка и бросился на него.

Оба свалились на полъ.

— Ты вотъ какъ!

— Душатъ, убиваютъ, каррауль! кричалъ дѣдушка.

— Кто тебя убивать станетъ! Устинья, веревокъ...

Акимъ съ своей воловьей силой живо подмялъ подъ себя старика и крѣпко-накрѣпко связалъ его.

Вѣрочка, ни жива, ни мертва, сидѣла у себя въ комнаткѣ. Съ минуту продолжалось молчаніе. Видимо пьяный старикъ оглушенъ былъ всѣмъ этимъ. Потомъ очнулся и сталъ орать.

— Карауль, бьютъ, рѣжутъ, каррауль!.. Тимошка!..

Суматоха поднялась повсюду... Изъ монастыря, куда донеслись эти крики, выбѣжали монахини, простоволосыя, испуганныя и блѣдныя. Вѣрочка въ окно выскочила, бабушка дрожала на крыльцѣ. Наконецъ вдали показалась мать Варлаама, вся помертвѣвшая отъ ужаса. Ее вели подъ руки. Голова игуменьи болталась во всѣ стороны. Видимо потрясло со-всѣмъ бѣдную.

— Что тутъ, что тутъ?..

— Карауль!.. Убиваютъ... Карауль! неслось въ открытыя окна домика.—Карауль, ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ...

— Горе-то мое, плакала Анфиса Кирилловна.—Злодѣй мой напился. Такой же нищій ему водки при-несъ... Вотъ и вышло все.

— Вотъ что, матушка — пожалуйте съ внучкой къ намъ въ обитель, а до утра съ нимъ Акимка останется здѣсь, пригласила ее Серафима.

Такъ и рѣшили они.

На другой день старикъ сидѣлъ на диванѣ развязанный и угрюмый. Тимошка былъ запертъ наверху... Акимка не далъ имъ опохмѣлиться; посему чувствовали они себя слабыми и разбитыми. Суровая вошла Анфиса Кирилловна. Старикъ вскинулъ на нее глаза и опустил ихъ.

— Н-ну, какое теперь твое рѣшеніе будетъ?

— Видно повадился кувшинъ по воду ходить... Что ты вчера надѣлалъ? Всю обитель Божью обезпокоилъ. Да еще пріятеля привелъ къ себѣ такого же какъ и самъ.

— У меня свои — у тебя свои... бормоталъ старикъ.

— Что же мнѣ теперь съ тобою, опять запереть наверхъ и Акимку къ тебѣ приставить? Такъ еще не острогъ у меня, да и обители святой въ поношеніе это! Ты къ острогамъ привыкъ, не удержалась она. — Къ замкамъ да къ рѣшеткамъ...

— Вѣдьма!.. сорвалось у него.

Анфиса Кирилловна встала и низко ему поклонилась.

— Это тебѣ спасибо, что другаго и имени для меня тверезый не нашель за все что я терпѣла. Ну да теперь все равно. Вотъ тебѣ рѣшеніе мое. Вчера мать Варлаама совѣтовала мнѣ послать за урядникомъ и сдать тебя. Пуцай власти дѣлаютъ съ тобой что слѣдуетъ по закону. Вѣдь я знаю, бѣглый ты, — ну да не мнѣ судить тебя и не мнѣ выдавать. А вотъ тебѣ — дамъ я денегъ на дорогу и ступай на всѣ четыре стороны. Свѣтъ великъ, разойтись можно. И забудь ты про меня, какъ я про тебя забыла. Забудь, слышишь, совсѣмъ забудь — и никогда у тебя жены не было! Прошу у тебя такой милости, низко прошу!

И вставъ она поклонилась ему въ ноги.

— Ну тебя... Не уйду я...

— Не уйдешь... Ну, тогда по благословенію игумена я значить отправлю тебя куда слѣдуетъ. Пуцай же тебя по закону судятъ.

— Сколько денегъ-то дашь мнѣ?

— Сколько дамъ — столько и дамъ.

— Знаю я щедрость твою, какже!.. мнѣ бы на годъ хватило — я бы оправился... ста три дашь?..

Она качала головой глядя на него. По лицу ея текли крупныя слезы.

— Куда же ты пойдешь?

— Не твоего это ума дѣло. Можетъ я самъ въ дальній монастырь какой въ работники... гдѣ пить нельзя... Въ Соловки что-ли или на Валаамъ. Думаешь, легко мнѣ — я пожалуй самому себѣ противень какъ, а не могу. Слабость моя гнететъ меня. Будь онъ проклять тотъ кто и водку эту выдумалъ.

Когда вернулась Вѣрочка, дѣдушки ужъ не было.

Наверху Устинья мыла мезонинъ.

— Грязи-то, грязи, шипѣла она.

— Куда онъ ушелъ? спрашивала дѣвушка.

— Съ пріятелемъ своимъ съ Тимошкой нищимъ туда вонъ! показала она на дорогу къ городу. — Денегъ ему бабушка дала, много дала. Потомъ они оба стали, подъ образомъ помолились и распрощались. Тимошка-то потомъ догналъ его... Охъ, не къ добру!.. Тимошка-то слышалъ что деньги у него есть.

Тишина опять кругомъ. Вѣрочка прошла въ спальню къ Анфисѣ Кирилловнѣ. Та лежала.

— Что съ тобой, бабушка?

— Сонъ-то, сонъ-то какой... Смерть это. Скоро-скоро распрощаемся мы съ тобой, Вѣрочка... чувствую я, не подняться мнѣ.

XVI.

И дѣйствительно, не къ добру вышло...

Дня черезъ два послѣ того шла Вѣрочка изъ мона-

стыри. Мать Серафима только что получила письмо отъ брата, въ которомъ онъ еще разъ просилъ ее подтвердить молодой художницѣ что если вздумаетъ она ѣхать въ Петербургъ учиться, пусть напишетъ ему. Онъ встрѣтитъ ее и устроитъ на новомъ мѣстѣ. „А то ваша бѣлокурая дикарка окажется здѣсь какъ въ лѣсу.“ Въ воротахъ, только что заговорила она со Степанидой, какъ издали увидѣла на всѣхъ парахъ несущуюся къ ней Устинью.

— Ахти, дѣвушка, сказывала я тогда... Ой, матушка, страховитое-то время какое, не ждавши, не гадавши...

— Что случилось? такъ и всполохнулась Вѣра.

— Бабушка сейчасъ поѣхала... Туда, у рѣчки, гдѣ въ логу орѣшникъ еще... Дѣдушку тамъ нашли. Акимушка повезъ ее туда.

Вѣрочка, не прощаясь съ изумленной и испуганной бабушкой Степанидой, побѣжала къ указанному мѣсту.

Дорога огибала монастырскую стѣну. Снизу — башни обители казались еще громаднѣе. Вотъ окна мастерской; Алена и Ирина замѣтили дѣвушку и машутъ ей платочками. Не знаютъ, что тутъ горе случилось великое. Мать Серафима изъ-за нихъ смотритъ, — недоумѣваетъ вѣрно, куда это такъ стремительно, чуть дыша, несетъ ея любимица. Наткнулась на камешекъ, чуть сама не покатила внизъ по крутому скату, хорошо что еще старая ольха удержала... Расшиблась о нее немного. Устинья уже впереди далеко, только между деревьями красное платье ея полохнется и раздувается какъ парусъ подъ вѣтромъ. „Сонъ въ руку“, и Вѣра на бѣгу чуть живая мимоходомъ вспоминаетъ, какую больно, измученно все это время казалась ей бабушка. Какъ это еще на нее подѣйствуетъ? И что случилось такое? Больнаго дѣдушку нашли, ограбленнаго?.. Или его уже и въ живыхъ нѣтъ...

— Сказывала я про Тимошку, про ницаго! кричитъ ей тоже на бѣгу оборачиваясь Устинья. — Его это дѣло, кому другому...

Должно быть что-нибудь страшное, безвозвратное. Только бы бабушку въ конецъ не подкосило это!.. Вонъ между деревьями и рѣчка блеснула... Точно темная сталь въ тѣни. Блеснула и опять спряталась. Омутилась рѣчка, холодная, то какъ ниточка сочится, а то вспыхнетъ и грудюю яро бѣжитъ по лугамъ да низинамъ. Опять плесо замерещилось, тамъ и орѣшникъ. Оттуда сюда и гулъ доносится... Поневоля остановилась дѣвушка. Голову кружило, грудь такъ подымало отъ натуги, что казалось вотъ-вотъ треснутъ ребра и покажутся сквозь разорванное ими тѣло. Она схватилась руками за сердце. Захолонуло даже. Земля качается подъ ногами. Незамѣтно опустилась въ траву... Минуту-другую отсидѣлась и встала. Чей-то плачь внизу, да какъ отчаянно. Неужели это бабушка, что съ ней такое? Плачь прерывается криками... Смолкнетъ все и опять, точно вѣтромъ наноситъ.

— Вѣрочка, дѣтка моя! завидѣла ее старушка издали. — Одна ты у меня...

Замерла у нея на шеѣ. Толпа кругомъ разступилась. Двѣ бѣлицы изъ монастыря, Акимка, мужики какіе-то... Что это тамъ лежитъ за ними такое?

— Что они, бабушка, зачѣмъ?

— Каравулимъ, голубка, пока что... Староста насъ приставилъ къ яму.

— Къ чему? Къ кому приставилъ?

— Къ тѣлу примѣрно... къ скоропостижному тѣлу, чтобы значить все спокойно было... становаго ждемъ такъ для порядка...

Вѣрочка подвинулась и крикнула тоже. На полянкѣ отмели, съ широко открытыми глазами лежалъ дѣдушка. Страшный такой и бѣлый. Никогда онъ бѣлымъ такимъ не былъ. Борода торчитъ, еще ужаснѣе лицо его отъ этого: волосы на добъ сбились, одинъ

Музыка и вино. Съ картини Ф Бивев, грав. Манкастропа.

открытый глаз закрыли, по другому муха ползеть... На самый зрачек съела, рёсницы и не дрогнуть... Дальше поползла, а мертвец все так же пристально смотреть въ синее-синее сегодня небо... Плечо голое какъ-то вывернуто, рука подъ спину попала, оно и выдалось, торчитъ угломъ... Отъ него черезъ всю грудь шрамъ, красный, вспухшій. Подъ щекой громадный подтекъ... И крови-крови подъ шеей!.. Ужасъ!.. просо-салась въ песокъ, а все еще свертками сгустилась на-верху.

Страшно Вѣрочкѣ, а не можетъ глазъ отвести отъ убитаго... Должно быть голого нашли его крестьяне, собрали вѣтокъ и листьевъ, прикрыли. Изъ-подъ нихъ впереди босыя ноги торчатъ, на одной пальцы загнулись да такъ и заостенѣли. Около, лохмотья чьи-то собраны, сума старая, рваная, клюка...

— Мухъ-то, мухъ-то сгоните, заботливо хлопочетъ Устинья.

Мужики съ недоумѣніемъ смотрятъ на нее.

— Мухи... По глазу...

— Ему, милая, теперь все одно... Онъ не чувствуетъ... Что муха, что другое... Ползи... Ему топерчи слободно.

Согнанная съ глаза муха передетѣла на шею... Только теперь замѣтила Вѣрочка рану тамъ, запеклась, посинѣла и вздулась. Густо-густо обсѣли ее мухи.

— Ну вы, подлыя! смахнулъ ихъ мужикъ.

Снялись темнымъ роємъ и опять опустились.

— Не сгонишь ихъ... Кровь чувствуютъ.

— Милый ты мой!.. плакала бабушка.—И христіанской кончины не сподобилъ тебя Господь...

— Пойдемъ, пойдемъ, бабушка... умолила ее Вѣра.

— Вправду, увели бы старушку, убивается пону-сту, нудить только...

— Эй, Акимка, подавай телѣжку... Вотъ что, матушка, какъ становой прѣдетъ, сейчасъ и сядимъ тебѣ тѣло, тогда и хорони, а теперь что же... Ъхала бы домой право... Что хорошаго...

— Сказываютъ, и Тимошку пымали въ городу, слышалось около.

— Н-ну! любопытствовала Устинья.

— Въ кабакѣ... онъ съ яво снялъ значить платье, ну всѣмъ и удивительно стало,—видятъ сукно хорошее, чистое на Тимошкѣ-то... откуда ему Богъ послалъ, а онъ вдругъ какъ вынетъ сотельную бумажку да и оретъ: „Вотъ мы какъ. Пей въ мою голову, православные! За все плачу“. Его сейчасъ Митричь, нашъ онъ, за шиворотъ и сгребъ. Да о-земь. Ну Тимошка видитъ пропало его дѣло и повинился. „Верите, братцы, говорятъ, деньги, а меня къ угодникамъ пустите, грѣхъ мой замолить великій. А не пустите, вамъ же хуже, грѣхъ-то на васъ будетъ.“ Ну они его не послушали и руки ему назадъ. Сидитъ тапериче.

— Какъ онъ старичка-то вашего!

— Еще вчера ихъ здѣсь обѣхъ видѣли. Старичекъ тутъ на вольномъ воздухѣ пилъ водку. И Тимошка съ нимъ былъ.

Увози домой старушку, Вѣра никакъ не могла понять чего та убивается.

— Вѣдь истиранилъ онъ васъ, бабушка.

— Ахъ, истиранилъ... Да вѣдь и то надо вспомнить, какой на первыхъ порахъ онъ былъ-то... Пока пить да играть не сталь... Душа въ душу жили мы съ нимъ тогда... И какъ увидѣла я его сегодня, такъ только эти первые сладкіе годы и помню я, а все что потомъ было, словно туманомъ заволочло—и не вижу, и не знаю... Госюди, прости Ты ему прегрѣшенія его, ради кончины его мученической! молилась она, вся обливаясь слезами.— Не вспомни Ты ему на страшномъ судѣ Твоемъ злобы да одури его! Не самъ собой онъ это... Прости и Ты, какъ я ему простила!..

XVII.

Похоронили дѣдушку. Вѣра ждала, что бабушка теперь начнетъ оправляться. И въ обители думали — разъ Господь Своимъ промысломъ удалилъ съ ея дороги эту „препону великую“, она пострижется и приметъ чинъ ангельскій.

— Хотя и до сихъ поръ ты была монахиней въ сердцѣ своемъ, ну а теперь пора и вовсе къ намъ приобщиться, ласково убѣждала ее мать Варлаама.

Анфиса Кирилловна сама подумывала о тишинѣ и спокойствіи монастырской кельи. Вѣрочка, пока что, могла бы жить съ нею.

— Не долго, безъ грусти повторяла старушка.— Не долго земля меня къ себѣ тянетъ. Точно кто-то снизу оттуда стучитъ ко мнѣ и шепчетъ: „ну же скорѣй, пора тебѣ.“

Дѣвушка озабоченно всматривалась въ бабушку и, увы! вмѣсто признаковъ улучшенія, находила въ ней странное равнодушіе ко всему. Несчастіе со своимъ старикомъ она пережила спокойно, но послѣ бывало сядетъ въ кресло, забудутъ ее, она и просидитъ нѣсколько часовъ безучастно глядя передъ собою въ уголь. Забываться стала—по нѣскольку разъ одинъ и тотъ же вопросъ предлагала Устинѣ или внучкѣ; разъ ушла и пропала, только вечеромъ нашли ее на монастырскомъ кладбищѣ, покойно спящею сидя на скамѣ.

— Что ты, бабушка? спросила ее Вѣра.— Развѣ не могла дома отдохнуть?

— Нѣтъ, надо привыкать къ этому мѣсту-то. Сладко здѣсь...

— Чѣмъ, бабушка, сладко?

— Ты не знаешь, ты молодая еще была, не тѣмъ занималась, а я со всѣми этими,—махнула она рукой на зеленые холмики,—дружна была! И плакали мы, и радовались вмѣстѣ. Пора и мнѣ къ нимъ.

Мать Варлаама тоже замѣтила что дѣло не ладно.

— Плоха бабушка твоя! сказала она Вѣрочкѣ.— Пошлю вотъ за докторомъ въ городъ.

Прѣхалъ и этотъ. Прежде всего потребовалъ мадеры, достали ему. Выпилъ...

— Я иначе не могу, объяснилъ онъ.— Наука-то тоже жертвъ возліятельныхъ требуетъ.

Потомъ въ монастырь пошелъ прохладиться, къ молодой монахинѣ Устинѣ присталъ:

— Нутренняя болѣзнь у тебя, полѣчить бы надо.

Та прогнала его.

Порадовалъ мать Варлааму вѣсточкой:

— Скоро всѣ монастыри запрутъ, а монаховъ съ монахинями на Сахалинъ.

— Зачѣмъ это?

— А чтобы завѣтъ Господень исполняли, населяли землю.

— Дуракъ ты, дуракъ и есть, вспылила спокойная и невозмутимая мать Варлаама.— Читалъ-ли ты когда Дмитрія Ростовскаго-то?

— Нѣтъ — не удостоился. Я такихъ книгъ не читаю...

— Жаль, все бы мозгу-то больше прибавилось. И у него нашелъ бы ты, зачѣмъ монахи нужны. Кажутся они тебѣ, малоумному, негодными, анъ у Бога-то имъ особый счетъ ведется. Сухіе колья, кажется выбросить ихъ въ огонь,—а вставь ты ихъ въ землю, по нимъ виноградъ вьется, а безъ нихъ онъ бы погибъ и у земли весь изнылъ. Такъ и монахи... А ты невѣглась несмысленный! закончила она и велѣла ему идти вонъ изъ монастыря.

Докторъ смѣлся, и приди къ бабушкѣ, приказалъ ей языкъ высунуть. Посмотрѣлъ, сдѣлалъ глаза страшные и головой покачалъ, пульсъ въ руки взялъ, считать началъ.

— Ого-го-го! Однако.

— Что однако? нетерпѣливо спросила его Вѣрочка.

— Ну, говорить,—старушка, скоро ваше дѣло и того, бай-бай въ деревянномъ маленькомъ домикѣ пора, со-вѣтую готовиться.

Вѣрочка разсердилась:

— Мы васъ не для того пригласили!

— А для чего, молодая особа?—если для сладкихъ разговоровъ, такъ я не кондитеръ вамъ, а сказалъ по чистой совѣсти: будьте готовы, бабушкѣ вашей не дол-го осталось скрипѣть на семь свѣтѣ.

Сунула ему скорѣе дѣвушка денегъ и вонъ выпро-водила.

— Ты, бабушка, на него, на глупаго, не обращай вниманія. Его и мать Варлаама изъ обители выгнала и невѣгласомъ назвала.

— Мнѣ-то онъ правильно сказалъ, улыбнулась она.— Что-же, я не боюсь...

— Полно, полно, поживешь еще.

— Нѣтъ, дѣточка моя. Сюда, показала она на серд-це,—точно чья-то рука холодная проникаетъ и жметъ, и жметъ—и дышать-то нечѣмъ бываетъ. Ну, да чтó, слава Богу, что сама знаю. Приготовиться могу.

Приказала она себѣ шить рубаху чистую, платье черное—люстриновое, башмаки нарочно купила новые. Выбрала себѣ даже мѣсто на кладбицѣ, въ самомъ да-лекоу уголкѣ, гдѣ шиповникъ такъ сгустился, что въ стороны ему уже и дороги не было, все вверхъ рвался, и черезъ изгородь длинными, колючими, щед-ро осыпанными краснымъ цвѣтомъ, вѣтвями переки-дывался.

— Тутъ будетъ хорошо лежать, покойно. Тутъ и шума никакого, и никто не зайдетъ сюда.

Окончивъ съ этимъ, сдѣлала она за себя вкладъ въ монастырь какъ за мертвую, на „вѣчную свѣчку“, на „вѣчныя панихиды“, свела счеты всѣ и указала Вѣ-рочкѣ, гдѣ ея деньги находятся. И когда всѣ ожидали съ болью и печалью, какъ бы и вправду не умерла „бабушка“,—она ожила и окрѣпла разомъ, какъ выльй цвѣтъ въ засуху неожиданно напоенный влагою.

— Ну, вотъ видишь, бабушка, какимъ ты молодцомъ нынче! радовалась Вѣрочка.

— Да, да... Точно десятка два годовъ съ костей скинула. Такъ бы я теперь все ходила, да ходила...

И стала въ саду копаться сама — чего прежде не дѣлала, въ кельи въ гости ходить, то къ одной старушкѣ, то къ другой; а до сихъ поръ только въ цер-кви, да на монастырскомъ дворѣ съ ними встрѣчалась. Разъ даже въ городъ съѣздила съ Вѣрочкой, ее въ соборѣ оставила у обѣдни, а сама зачѣмъ-то къ нота-ріусу сходила напротивъ,—какъ послѣ оказалось, завѣ-щаніе просила его написать. На поблекшемъ совѣмъ лицѣ румянецъ явился, глаза загорѣлись ярче въ цѣ-ломъ сіяніи мелкихъ морщинокъ, голосъ сталъ громче, и улыбка, давнымъ-давно не появлявшаяся, заиграла на устахъ ея. Вѣрочка всѣ свои опасенія забыла.

— Пора, бабушка, на зиму и варенье варить и со-ленья всякое заготовлять.

— Пора, пора, вотъ погоди, скоро! засмѣялась она.— Мы эту зиму не здѣсь жить будемъ.

— А гдѣ-же?

— Ты гдѣ-нибудь въ городу большомъ учиться ста-нешь. А я... я тоже.

— Что тоже?

— Не здѣсь... Ну, чего пристала-то?.. Ишь любопыт-чина какая.

Теперь, когда Вѣрочка уходила въ монастырь, ей бабушка говорила:

— Вернись скорѣе, мнѣ безъ тебя скучно.

— Ладно.

Бывало если засидится въ школѣ, либо у матери Серафимы—смотреть и старушка за нею.

— Не помѣшаю я вамъ-то?

— Нѣтъ, бабушка, съ чего.

— Ну, такъ ужъ и я посижу... Погляжу ужъ на васъ-то...

И худѣть стала. Всѣ платья широки ей оказались. Лицо тоже опало.

— Это къ здоровью, говорила мать Варлаама Вѣ-рочкѣ.— Ты думаешь легко это чрево свое таскать. Тоже ноша, да какая! Иной разъ хребетъ-отъ жа-лится, жалится, поетъ на чрево... ну, а кто еже-ли худой — тому лучше, легче. И живетъ худой дольше. И сильнѣе онъ. Ногамъ-то, какъ тебѣ кажет-ся, легко-ли?..

Одно только замѣчала странное Вѣрочка. Идетъ-идетъ ея бабушка, да вдругъ и оглянется вопросительно, а позади никого нѣтъ. Или, сидя въ комнатѣ и задумав-шись, вдругъ подыметъ голову и спрашиваетъ: „что?“ Да не у Вѣрочки, а такъ. Шла она разъ подъ воро-тами и оглянулась такъ. Воззрѣлась на нее Степанида и головой покачала.

— Кличуть тебя? спросила она.

— Да, разсѣянно отвѣчала бабушка,—кличуть.

— Ну, вотъ... Я знаю. Сколько разъ примѣчала-то...

А сама потомъ матери-игуменни и говорить:

— Плохо ея дѣло. Вѣдь это вонъ оттуда кли-чуть, указала она на глубь зеленой аллеи, за которой виднѣлась ограда монастырскаго кладбища.

— Чего еще выдумаетъ? строго застучала на нее посохомъ мать-игуменья.

— Не стучи!.. Я знаю... сколькихъ нашихъ старицъ проводила, и всѣ онѣ передъ концомъ-то самое это чув-ствовали и звали ихъ туда гласы разные. Помнишь—Секлетею-то?.. такъ ее не токмо звали, а за подолъ мантии тянуло что-то! Все, говорить, тянетъ да тянетъ меня туда. Вотъ оно какое откровеніе-то бываетъ, и это ты, помани мое слово, скоро, охъ! скоро хоронить намъ Анфису-то придется.

— Не слышишь-ли ты гласовъ? смѣясь спросила ее Варлаама.

— Нѣтъ. Ужъ будь спокойна. Услышу—сейчасъ схиму приму и изъ-подъ воротъ въ келью матери Меланіи уйду...

XVIII.

Анфиса Кирилловна становилась все бодрѣе и бодрѣе, но худѣла не по днямъ, а по часамъ. Цѣлые дни она возилась прибирая свои комоды, сундуки и ящики. Въ ея комнатѣ на полу уже возвышались груды всякаго тряпья. Изъ старыхъ связанныхъ узлами чулковъ выта-скивала она Богъ знаетъ когда припрятанныя деньги и укладывала ихъ въ шкатулку. Подъ спудомъ, подъ цѣлыми горами всевозможныхъ лоскутковъ оказывались у нея золотыя вещи, кольца, серьги—все это поступало туда же. Наконецъ, черезъ недѣлю разобравшись, она позвала въ свою комнату Устинью.

— Бери это, голубушка, приказала она.—Связки-ко въ узелъ.

— Куда, нести что-ль?

— Къ себѣ неси ужъ.

— Зачѣмъ ко мнѣ?

— А это я тебѣ за вѣрную службу... Чего ужъ кажется...

Устинья попятилась и въ глаза ей воззрившись да-же—не съ ума-ли сошла старушка, нѣтъ, смотреть на нее ласково и смѣется.

— Что-й-то я не пойму, мнѣ это?

— Тебѣ, тебѣ!.. и она шутя толкнула ее въ спину.

— Мать Пресвятая Богородица Черниговская!.. Да тутъ, что добра-то, платьевъ, пальтовъ—и все мнѣ. Во всю жизнь не сносить мнѣ.

— Ну, убирай, убирай!.. Мнѣ мѣсто нужно. Что ужъ...

Узлы были вынесены. Анфиса Кирилловна стала выни-мать изъ другихъ ящиковъ куски старыхъ матерій, плотныхъ какъ кожа. И складывала ихъ въ комодъ. „Эти-то въ наше время были—теперь такихъ не дѣ-

лаютъ“, сображала она. „Это Вѣрочка, выйдетъ замужъ, носить будетъ. А эта черная, это матери Варлаамъ“, и она написала на бумажкѣ „матери-игуменни отъ упокойницы рабы Анфисы“, положила въ другое отдѣленіе комода, нашла другой кусокъ — такая-же надпись, но уже „матери Серафимъ за Вѣрушкино неоставленнице“. Одѣяло изъ бѣличьяго мѣха большое — встряхнула его — отлично сохранилось отъ моли, ни одной пушинки не упало. Сложила и опять бумажку: „Старицѣ Степанидѣ, что подъ вратами — для тепла и успокоенія тѣлеснаго“.

„Ей надо“, соображала она про себя, „по зимамъ-то мерзнетъ — все за меня молитву прочтеть“.

Акимку позвала — нашла гдѣ-то въ кладовой шубу епотовую, сѣрымъ сукномъ крытую. Выцвѣло сукно — ну, да онъ сносить.

— Вотъ что, Акимушка, золотой ты мой... Возьми-ко, носи на здоровье.

— Ну, вотъ, съ недоумѣніемъ отозвался онъ, — сама сносишь.

— Это муской мѣхъ, не дамскій. Носи, носи — мнѣ скоро деревянный мѣхъ понадобится. Я тебя не забуду, Акимушка, умру — получишь, я уже и записала тебѣ за труды твои. Только вотъ, — и она нахмурилась и въ дѣловой тонъ перешла, — знаешь въ уголку то мѣсто, гдѣ шиповникъ разросся?

— Это гдѣ въ опрошломъ году мать Епифанію схоронили?

— Нѣтъ, въ правомъ углу, голубчикъ. Такъ ты шиповникъ не тронь, не замай его сердешнаго. Тамъ, я видѣла, птица живетъ внизу-то, гнѣздо вить начинается. Что ее Божью тревожить, а отступилъ еще поправѣй есть плѣшечка такая. Совсѣмъ голая лысинка — ея какъ разъ для меня довольно. Такъ вотъ, милый, вырой ты мнѣ тамъ ямку!.. Какъ услышишь, что померла я — такъ на томъ самомъ мѣстѣ. Да рой съ молитвой, не чертыхайся, не клини никого. Трудно будетъ — помни, что я о тебѣ вспомнила на этомъ свѣтѣ, и на томъ молитесь буду. Помни это. Съ хорошими мыслями рой, устанешь — отдохни, не сразу... А то, какъ чертыхаться да клясть будешь, тяжело и мнѣ въ такой могилѣ лежать придется, — охъ, какъ тяжело! И еще къ тебѣ просьбица моя — глубже рой, а чтобы вода сверху не сочилась, припаси глинки и округъ ямы-то сложи, какъ опустятъ меня въ могилку — первымъ дѣломъ глиной забросай, а потомъ землю ужъ. Понялъ ты меня?

— Понялъ, матушка, Анфиса Кирилловна.

Она говорила съ нимъ такимъ дѣловымъ тономъ, что онъ и разжалобиться не могъ; по крайней мѣрѣ, ему и въ голову не пришло.

„Заботливая старуха“, мелькало у него въ мысляхъ, „все обдумала“.

— Понялъ, матушка, все сдѣлаю, какъ сказали...

— И вотъ еще... Вишь у меня бутылочка здѣсь стоитъ. Изъ Ерусалима мнѣ богобоязненная инокиня одна привезла, такъ — какъ выроешь ты ямку — сейчасъ и полей ее маслицемъ этимъ. Вотъ оно, тутъ стоять будетъ. Вспомни, не забудь.

Затѣмъ, успокоившись и кончивъ со всѣми заботами, старуха на часъ, на два въ день, въ хорошее время стала ходить на свою будущую могилу. Устинья носила за ней стулъ туда и оставляла ее одну. Старуха гнала ее прочь отъ себя.

— Нечего тебѣ здѣсь прохлаждаться... Ступай, ступай!..

Когда вдали затихалъ шумъ ея шаговъ и скрипъ затворившейся за нею калитки, Анфиса Кирилловна, полузакрывъ глаза, представляла себѣ, какъ она будетъ лежать здѣсь „тихо, мирно и благообразно“. Какъ крѣпко надъ нею наслонится земля и станетъ вся эта зелень отрадная пробиваться къ ея „деревянной кельѣ“ своими незамѣтными корнями. И такъ же, какъ теперь,

распоются птицы вверху, гомоня и возясь въ листьѣ, пожалуй посѣютъ кусты какіе, здѣсь подымутся они, и станутъ въ нихъ вить гнѣзда свои дрозды. Дроздъ птица умная и поетъ когда — словно Богу молится. И солнышко обласкаетъ могилу ея своимъ тепломъ и свѣтомъ... Вѣрочка пріѣдетъ сюда когда-нибудь, можетъ замужемъ будетъ — кудрявыя головки дѣтей наклонятся надъ этимъ мѣстомъ и станутъ спрашивать: „Здѣсь что-ли бабка лежить?..“ И удивятся, зачѣмъ это ее зарыли въ землю. И сладкая грусть охватывала старушку.

— Что все сказываютъ, помирать собираешься? приходила къ ней сюда Варлаама.

— Да. Надо, матушка-игуменья.

— Здѣсь что-ли мѣсто себѣ выбрала?. Ничего, куточекъ хорошій. А я тамъ вонъ.

И они переходили туда и спокойно разсуждали, чей уголокъ лучше.

— Правда, здѣсь „веселѣе“ лежать около своихъ, соображала Анфиса Кирилловна, — справа одна инокиня, слѣва другая.

Но она не завидовала Варлаамѣ. Игуменья всю свою жизнь тормозилась и возилась съ инокинями. И по смерти выбрала себѣ между ними могилу. Ея, Анфисы Кирилловны, мѣсто лучше. Деревьевъ нѣтъ, правда. За-то солнцу доступа больше. Опять-же тишина. Сюда часто монахины заходятъ, а туда, въ тотъ уголокъ, рѣдка забредеть...

— Тишина! еще разъ повторяла она, всю свою жизнь любившая тишину, — опять-же и то — тутъ, гдѣ мать Варлаама хочетъ — гробъ у гроба стоитъ почитай. Тѣсно. А ей — просторно будетъ. Тихо около. Приятельницы ея все-таки шагахъ въ шести-семи.

Потолковавъ съ Варлаамой, обѣ онѣ подымались и шли вонъ отсюда, вздыхая и совершенно спокойно думая о переселеніи въ землю, точно изъ одной кельи въ другую.

— Рано только ты собралась, мать! укоряла ее Варлаама.

Старушка молча улыбалась — она знала, и это ей было довольно.

— Вотъ чтó, пришла она разъ къ матери Серафимѣ. — Вы ужъ не оставьте мою Вѣрочку. Въ случаѣ...

— Ну, еще подождемъ этого случая. Ишь какая вы бодрая стали.

— Господь мнѣ посылаетъ. Потому надо... И свѣчка какъ погасаетъ, такъ вспыхиваетъ...

— Ну, ну! А за Вѣрочку вы не беспокойтесь. Я уже все обдумала. Ей, мать моя, безъ насъ-то еще и лучше будетъ. Что ужъ тутъ! Мы вѣдь, старухи, только на дорогѣ стоимъ у нихъ. Живому — живое, и молодому — не то нужно...

— Такъ, такъ, что ужъ... и ужъ...

— Ну да, *ужъ*... засмѣялась мать Серафима. — На ноги мы Вѣрочку поставили, а тамъ *ужъ* ея будетъ дѣло.

— Вотъ, вотъ я и говорю ужъ.

Въ церкви Анфиса Кирилловна служила все панихиды по покойномъ мужѣ и на колѣняхъ горячо молилась, чтобы вмѣнилъ ему Господь мученическую кончину его во искупленіе. Милостивно раздавала она отъ имени его и вклады дѣлала.

Затѣмъ еще черезъ нѣсколько дней внезапно простилась съ Вѣрочкой и уѣхала.

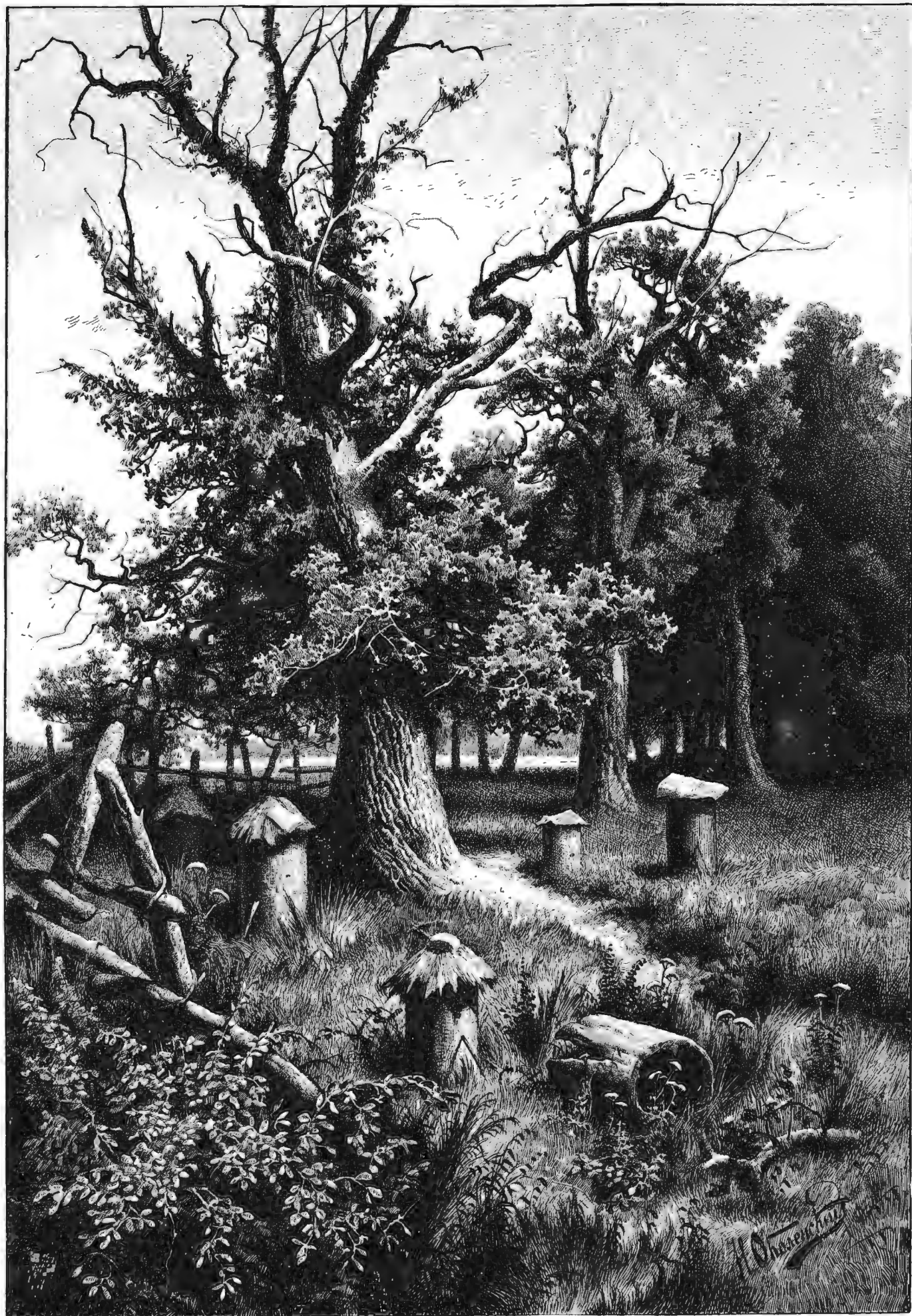
— Куда? спрашивали ее.

— Такъ, надо. Дѣло одно.

Вернулась черезъ недѣлю просвѣтленная совсѣмъ.

— Ну, теперь все покончила! радовалась она. — Теперь ужъ никакихъ дѣловъ такихъ за мною... Была на могилѣ дочери, поправитъ вѣдла, — крестъ-то покоился. Опять-же панихиду отслужила и поплакала. Теперь ужъ хоть завтра въ дорогу.

(Продолженіе будетъ).

Пчельникъ. Ориг. рис (собств. „Нивы“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.
Библиотека "Руниверс"

Кто-же?

Разсказъ Петра Дорошенко.

(Продолженіе).

IX.

Она съ перваго взгляда признала меня.

— Добро пожаловать, соколикъ мой ясный! Вотъ уже не чала видѣть. Какими судьбами нечаянно-негаданно занесъ тебѣ Господь въ наши края?

— Да вотъ собрался Кориныхъ навѣститъ, за старинную хлѣбъ-соль поблагодарить, а взаи́мъ радушной встрѣчи нашелъ одинъ пустой, заколоченный домъ.

И грустная нота, вопреки самообладанію, звучала въ моемъ голосѣ.

— О! о! охъ! вздохнула Аксинья, — грѣхи наши тяжкіе, и на все-то Его Господня воли! Не долго послѣ твоего посѣщенія, пришлось ему голубчику, Андрей-то Васильевичу, своимъ земнымъ странствіемъ порадовать семейку. Турецкія да французскія вражки пули много разъ щадили его разудалую головушку, а довелось ему смерть принять отъ самой этой ретиматизики, что по зимамъ да въ ненастье его одолевала. Въ самыя святки она лучше всего и разыгралась! Сколько я въ ту пору барышнѣ ни подсобладала его сердечнаго разными спиртами да снадобьями растирать—все проку не было. За дохтуромъ послали, а онъ только на себя форсу напускаетъ; прости Господи, но болѣ насъ грѣшныхъ смыслить. Все-то онъ ихъ успокаиваетъ; кручиниться не велитъ, не опасно молъ, теритъ надо. Погода установится — полегчаетъ. А не усилъ онъ отъѣхать, совсѣмъ плохо стало. На что выносивъ старикъ, а ужъ тутъ невоготу знать. Хватаетъ все за лѣвый бокъ, да жалобно стонетъ. Дотронуться до себя не даетъ. Гонца погнали, дохтура воротилъ. Какъ вошелъ да поглядѣлъ, только руками развелъ. Сталъ это онъ по своему, по чечему, толковать, что гнѣздо вишь она себѣ, ретиматизика-то анаеумская, у него въ тѣлѣ свила, ну а теперь къ самому сердцу и подступила, а супротивъ нея вся его хваленая ученость—шабашъ. Послали за пономъ, сподобилъ его Господь сообщить пречистыхъ Таинъ, а затѣмъ и приказалъ долго жить. Барышня отъ него все время не отходила, руку его изъ своей не выпускала, и послѣдній наказъ ей такъ и отдалъ. „Береги“, говоритъ, „Олинька, мать свою. На тебѣ я ихъ всѣхъ оставляю.“

При этихъ словахъ растроганная воспоминаніемъ Аксинья стала громко всхлипывать, и конечно не обошлось безъ надлежащихъ причитаній. Я покорился этой необходимой дани деревенскимъ приличіямъ, и терпѣливо выдержалъ первый патискъ, но когда она должна была остановиться, чтобы перевести духъ, я посибно спросилъ:

— Но что же дальше? Что вызвало ихъ отъѣздъ? Правда-ли, что Ольга Андреевна замужемъ?

— Правда, истинная правда, вдругъ оживилась она. — Чудныя дѣла на свѣтѣ бывають. Голенкій—охъ, а за голенскимъ Богъ. Дай только срокъ, все по порядку разскажу. Да я словно угорѣлая аль басурманка какая, ничѣмъ не поотчивала тебя, родимый! Не собрать-ли чайку, съ дороги-то небось проголодался?

Не мало труда стоило мнѣ убѣдить ее, что я ничего не желаю, кромѣ занимавшаго меня разсказа. Она приняла наконецъ традиционную позу русской бабы, т. е. склонила правый високъ на широкую ладонь, локоть которой поддерживался лѣвой, и продолжала свое повѣствованіе.

Ея простая рѣчь такъ глубоко врѣзалась въ моей памяти, что я предпочитаю привести ее здѣсь почти дословно.

— Ужъ и убивались они, горемычныя, сложишь отца-батюшку въ сыру-землю. На саму барыню словно столбнякъ какой нашелъ. Слезинки не проронитъ, и день-деньской сидитъ, глаза выпяливши; ни дать, ни взять истуканъ безчувственный. Барышнѣ, самъ знаешь, уму разуму не занимать. Какъ у ней подъ сердцемъ ни точитъ, а видитъ, совладать надо, не то все прахомъ поидетъ. Имѣньишко-то не Богъ вѣсть какое досталось, десятинъ двѣсти еле насчитаешь, а ихъ самъ-девятъ на лицо. Весна приспѣла и она всюду посиѣла. И въ поле съѣздить, и въ луга заглянетъ, и со стариками покаликается. Гдѣ сподручнѣ исполу отдастъ, гдѣ нужно за носокъ или живнво напередъ договорится. Всѣ только дивуются; съ непривычки, а все въ толкъ беретъ. Дѣло у нея въ рукахъ спорится, и ее жалѣючи, нието и въ мысляхъ не держитъ сироту объегорить. Даромъ что въ домѣ и по хозяйству атаманомъ обывлялась, а за матерью, что за сырымъ яйцомъ ходитъ. Кручина-то ихъ злая помаленечку утихать стала. Видитъ вдова безпомощная что еще жить можно; на свою дочку не нарадуется, а барышня такъ привѣтливо смотритъ. На душѣ знать у ней свѣтло, что отповскій зарокъ хранить свито. Урожаемъ Богъ благословилъ. Тутъ бы слѣдъ радоваться, а прийтѣчаю я, подъ самое Успеніе, что она, сердечная, бродитъ дня осеняго сумрачнѣ. Я къ Матренѣ толкнулась, она мнѣ свояченицей приходитъ, та мнѣ тайну ея и повѣдай. Братишка старшій, что въ военное обученіе сданъ, письмо прислалъ, кается ей что бумагу, лещель что-ли у нихъ проывается, подмахнулъ; значить съ него ушлату по немъ требуютъ, а коль онъ недоимку

учинить, то его въ офицеры начальство не доведетъ. Читамши письмо, она побѣдѣла, что покойница, руки затряслись, а матери все жъ не сказала. Сама управиться наровитъ. Что было деньжонокъ въ домѣ сколотила, сама къ Архию Федотовичу сходила (что ни на есть зажиточный мужикъ на селѣ) и подъ рожъ остальныхъ у него заняла. Все выслала въ срокъ. А сама, опосля, голубушка, убивается, какъ ей зиму долгую да голодную съ семьей промыкаться. Дома виду не покажетъ, а бывало, какъ улчить времячко, на могилку батюшкину убѣжить, припадетъ ко кресту деревянному, да горячими, сиротскими слезами такъ и обливается. Вѣришь-ли, сердце надрывается на нее гляючи. Вотъ только подъ Воздвиженіе, вечерѣло ужъ, слышимъ мы вдругъ на селѣ трубы загрубили, и изъ-подъ горы охотники выѣзжаютъ. Все попарно, со сворами. Собаки-то, потомъ сказывали, все сотенныя. Позади цѣлый обозъ идетъ. Вѣстимо дѣло диковинное; разспрашивать стали: „чьи будете да откуда?“ — „Графскіе, говорятъ, издалеча; въ отъѣзжее поле собрались. Травою покончили. Здѣсь привалъ назначенъ. Самъ баринъ слѣдомъ ѣдетъ.“

Надо же было такъ случиться что о ту пору барышня съ малыи дѣтками въ рошѣ была. Пора настала домой идти, анъ черная, грозовая туча надъ ними и повисни. Только выбрались на дорогу, а ливень и хлестать началъ. Графъ проѣзжіи тутъ и подвернись. Ослобонилъ ей мѣсто рядомъ съ собой, предлагаетъ ее съ дѣточками до двора подвести. Какъ не принять услугу! а и невдомекъ ей, голубицѣ кроткой, что суженый ейный онъ самый и есть. Катерина Александровна по дому мечется, словно кура кудахтаетъ, грозы-то самой сильно испужалась, а сердце и не чувствуетъ, что счастье къ ней на тысячной тройкѣ подкатываетъ. Принилась она гостя незнаго за услугу благодарить, потчивать, и узнавши про охотничьи затѣи, уговорила на ночлегъ у нихъ въ домѣ остаться. Онъ для виду спервоначала отказывался, а Матрена опосля сказывала все на нашу писаную красавицу заглядывался. Такъ цѣлыхъ два денька и прогостилъ. Охотники его по селу разсыпались, и озорничаютъ, не приведи Господи! Съ молодыи парнями пьютъ залихватски, краснымъ дѣвкамъ спокоя не даютъ. Пиръ горой на селѣ, степенные люди только перекрестились имъ во слѣдъ, когда проводили. Глян-ко, прошла недѣля-другая; они снова нагринули. Графъ ужъ прямо въ усадьбу. И пошло люлюканіе по полямъ да лѣсамъ. День-деньской прорыскають, а вернутся съ пустыми руками. „Мѣстность барину больно приглядѣлась, кабы вотъ только не протравитъ зайца“, промѣжь себя охотники толкуютъ да зубы скалятъ. А вечера самъ-отъ всѣхъ у господъ проводить. Дѣтамъ гостинцевъ цѣлую кучу навезъ, барышнѣ угодить наровитъ, а ужъ передъ барышней мелкимъ сбосомъ разсынается. Матрена что?—а и ту не обидѣлъ; какъ собрался уѣзжать въ первый разъ, четвертвую подарилъ. Ошалѣла баба, отродисъ такихъ деньжищъ не было. Радовались ужъ мы съ нею! Прочили нашей барышнѣ богатаго женишка, какъ вдругъ (и посейчасъ въ толкъ не возмю) промѣжь нихъ контра вышла. На что смиренница была, а тутъ, сказывають, изъ лица измѣнилась, глаза что молнія блестятъ, бросилась въ свою свѣтелку да и заирисъ на ключъ. Онъ, угрюмый да гнѣвливыи, зашагалъ по горницѣ, пока въ темну ночь ему коней впрягали, и съ хозяевами не простившись, былъ таковъ.

— Такъ за кого же она вышла? перебилъ я нетерпѣливо.

— Дай срокъ, развззка не далеке. Объ графскихъ болѣ ни слуху, ни духу. „Отсталъ значитъ“, думаемъ про себя. О самомъ знимемъ Миколѣ, въ темноту, слышимъ серебряные бубенцы такъ и заливаются. Сани прямо на дверь. Сбросилъ онъ шубу на руки оторопѣлой Матренѣ, да маршъ прямо къ самой барышнѣ. „Такъ и такъ молъ, приглянулась мнѣ больно вапа дочка, благословите.“ А она, сердечная, отъ радости просто обезумѣла. Слова выговорить не можетъ. Глазами только водить вокругъ. Индо креститься зачала, не дявольское-ли навожденіе къ ней подстучаетъ. А барышня сама тутъ чуднѣ всѣхъ показалась. Встала тихо, плавно вымолвила: „Погодите, маменька“, да нареченнаго жениха за собой и увела. Побесѣдовали они не долго съ глазу-на-глазъ. Вышли. Онъ, что солнце сияетъ; она, ни кровинки въ лицѣ, глаза важныя, мягкій лучъ въ нихъ свѣтится. „Порѣшили судьбу“, говоритъ, и какъ сжатый спонъ, матушкѣ родной въ ноги упала. Ну, а затѣмъ все какъ слѣдъ. Образомъ благословили, и поднялась же сумятица въ домѣ. Женихъ торопитъ сборами. Всю семью увезъ въ свою усадьбу, далъ чѣмъ за сто верстъ будетъ. Отъ царскихъ своихъ хоромъ маюрскій-то кровъ ему за старо лукошко казался. Тамъ и повѣнчали ихъ послѣ нова года.

— Что же у него они всѣ теперь тамъ живутъ? спросилъ я.

— Нѣтути, золотой мой. Опослѣ свадьбы Матрена еще разъ тутъ побывала. Мы всѣ даже уши развѣсили слушаемши какихъ диковинъ да какого богатства она тамъ насмотрѣлась. Ужъ подлинно того и въ книгахъ не прописать. Вѣришь, нѣтъ, а и голы стѣны даже въ шелковый штофъ...

Но описание графской роскоши, меня ничуть не занимало, и я нетерпеливо повторил свой вопрос.

— А я и запомнила: ты про молодых? После свадьбы они не долго побыли; укатили въ заморскіе крал, а вернулись-ли, про то не вѣдаю. Тошнехонько было Ольгѣ Андреевнѣ со своими разставаться, но онъ самъ настоялъ, а супротивъ мужа развѣ можно идти? Старая барыня вслѣдъ за ними въ Москву собралась. У ней тамъ свойственники есть, да и парнишекъ въ гимназію—полно такъ-ли? замысловато больно—опредѣлили. Зятекъ объ ней позабылся. Содержаніе, вишь, не хуже губернаторскаго отсыпалъ.

— А изъ себя каковъ онъ? полюбоществовалъ я.

— Вѣстимо какъ важный баринъ. Рослый, осанистый, съ лица пригожъ, только гордыни непомерной, всѣ сказываютъ.

— Это ей не подѣ-стать. Но въ такомъ случаѣ, какъ онъ рѣшился на подобный выборъ? Кориннымъ далеко до знати, съ невольной желчью возразилъ я.

— То-то онъ не сразу, родимый. Самъ отстать хотѣлъ, да ужъ на что крѣпко приворожила она его. На то и занобушка чтобъ не устоять.

И воспоминаніе прошлаго освѣтило ея старческое лицо не то радостно, не то плутовато улыбкой.

— А что она, бабушка, спросилъ я послѣ минутнаго колебанія, — любить-ли мужа?

Аксинья удивленно расширила глаза:

— Что ты? что ты, Господь съ тобою! Нешто она негодная тварь кака! Самъ видѣлъ какъ ласкова да любовна со всѣмъ, а тутъ, подумай, мужъ, да еще какой! Кормялецъ и благодѣтель. Какого еще ей, на твой взглядъ, рожна нужно? Слыхалъ небось: „Мужъ любить жену здоровую, жена—мужа богатаго“?

Лишнее было бы допытываться болѣе.

— Спасибо тебѣ, бабушка, теперь все развѣдалъ про Коринныхъ, кромѣ одного и самаго существеннаго. Какъ теперешняя фамилія Ольгѣ Андреевнѣ?

— Фамилія? переспросила она недоумѣвающимъ тономъ.

Я тутъ только повялъ свою оплошность и спѣшилъ пояснить:

— Да, ты мнѣ до сей поры не сказала какъ ея мужъ прозывается. Графъ да графъ; развѣ ихъ мало на Руси!

— Ну, родимый, не взыщи съ меня, старухи. Со всѣмъ моимъ удовольствіемъ услужила бы да память на старости лѣтъ отшибло. А и то правду сказать, прозвище-то охъ! какое мудреное. Натощакъ не выговоришь, право слово. Когда барышню просватали, тутъ вѣрвые мы прослышали, да гдѣ запомнили! И посейчасъ по всему селу про нихъ молва идетъ: графъ да графскіе; съ насъ достаточно. Чтѣ тутъ подѣлаешь?

И въ заключеніе она только развела руками.

Это послѣднее обстоятельство меня сильно раздосадовало; но хорошо знакомый съ сельскимъ бытомъ, я зналъ напередъ что всякая дальнѣйшая попытка обречена на безуспѣшность.

Пока ямщикъ выкармливалъ усталыхъ лошадей, а словоохотливая Аксинья суетилась около самовара, и добылъ у нея ключи и отправился къ покинутой усадьбѣ.

Пробравшись черезъ черное крыльцо, я вошелъ въ столь памятную для меня гостиную. Спертымъ и затхлымъ воздухомъ обдало меня. Неуклюжая мебель стояла разбросанно, храня еще отпечатокъ суетливаго беспорядка, нераздѣльнаго съ милой отъѣзда. Густой слой пыли покрывалъ скривившія подъ ногами половицы, на которыхъ безмятежно почивали клочки сухаго сѣна и мелко рваныя бумажки. На окнахъ все еще стояли горшки цвѣтовъ, но отъ когда-то любимыхъ питомцевъ Ольги виднѣлись лишь жалкіе, безобразные остовы. Простѣнное зеркало съ продольной трещиной словно подернулось туманомъ, и севастановская картина перестала уже отражаться въ немъ. Я тщетно искалъ подлѣ ней георгіевскаго диплома, заслуженной награды стараго служаки; онъ исчезъ, но за то въ отдаленномъ углу, на покосившемся и окончателно продавленномъ диванѣ, я узналъ, между цѣлымъ ворохомъ негодной рухляди, плетеную корзинку. На днѣ ея валялся еще недошитый дѣтскій рукавичекъ.

Точно свѣтлый лучъ прошлаго ворвался вдругъ въ это мертвое заустѣніе. Я ринулся къ ней, необдуманнмъ движеніемъ схватилъ этотъ забытый признакъ дорогаго присутствія, на половину уже его запряталъ въ карманъ... и остановился.

— Не все-ли конечно безворотно и на вѣкъ? процѣдилъ я сквозь зубы, и въ безсильномъ гнѣвѣ швырнулъ его отъ себя.

Мнѣ душно стало въ этой убогой обстановкѣ, еще такъ недавно дышавшей жизнью и радужнымъ привѣтомъ, и подлѣ гнетомъ невеселыхъ думъ, я вернулся къ Аксиньѣ. Молча наполни чаю, и на этотъ разъ уже разсѣянно внималъ ея безконечнымъ розсказаніямъ, соображая на чтѣ мнѣ употребить столь долго желанный отпущекъ.

Мнѣ казалось что мое внезапное возвращеніе въ Т* должно неминуемо посвятить всѣхъ и каждого въ постигшее меня разочарованіе, даромъ что и ни съ кѣмъ не обмолвился о моей завѣтной мечтѣ, и во избѣжаніе толковъ и пересудовъ, я рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ чтобы побывать на родномъ пепелищѣ.

Какъ только подали лошадей, я распрощался съ хозяйкой, и перемѣнивъ направленіе, помчался къ самой близлежащей отъ этого захоlustя, желѣзнодорожной станціи.

X.

Лѣтъ шесть спустя, мнѣ пришлось прожить недѣли двѣ въ Петербургѣ.

Наканунѣ отъѣзда, мы обѣдали вдвоемъ съ университетскимъ товарищемъ у „Медвѣди“. Адвокатъ по профессіи, но истый музыкантъ по призванію, Шмелевъ, со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ убѣдилъ меня провести съ нимъ вечеръ въ италіанской оперѣ.

Первый актъ Фауста былъ въ самомъ разгарѣ, когда намъ удалось, шагалъ черезъ изрядное число ногъ, съ трудомъ добраться до своихъ мѣсть.

Съ тревогой завязатаго театрала, Шмелевъ быстро окинулъ сцену, и вздохнувъ облегченнымъ сердцемъ, шеннулъ мнѣ на око:

— Слава Богу! не опоздали!

И затѣмъ, представивъ меня своимъ собственнымъ наблюдениемъ, онъ тотчасъ погрузился въ привычный музыкальный экстазъ.

То притаивая дыханіе, онъ ждалъ хорошо знакомой трудной или высокой ноты, то вдругъ закрывалъ глаза какъ-бы сосредоточивая въ себѣ звуки ласкавшей его мелодіи, или едва примѣтно отбивалъ темпъ по колѣну такъ же вѣрно какъ палочка дирижера носилась въ воздухѣ надъ внимательнымъ оркестромъ.

Но вскорѣ и пересталъ, внутренне подтрунивалъ, наблюдать за нимъ. Вліяніе истинно-художественной музыки при рѣдкостномъ исполненіи, давало себя чувствовать. Скептицизмъ мой мигомъ слетѣлъ, и я уже чувствовалъ заразительность восторженнаго одушевленія, царившаго вокругъ меня.

Въ началѣ втораго акта, легкій шорохъ заставилъ меня машинально поднять глаза.

Въ доселѣ пустую ложу входили двѣ дамы, въ сопровожденіи высокаго статскаго. На короткое мгновение, пока онѣ усаживались, лицо одной изъ нихъ рельефно освѣтилось яркимъ лучемъ газовой люстры.

Я почувствовалъ что весь холодѣю.

Боже мой, какія воспоминанія поднялись во мнѣ роемъ!

„Ужели она?“ промелькнуло у меня въ умѣ, и сердце замерло въ трепетномъ ожиданіи.

Нечего и говорить что съ этой поры весь интересъ представленія былъ для меня потерянъ.

Я не отрывалъ упорнаго взора, напрягая всѣ старанія чтобы разглядѣть и изучить такъ поразившую меня женщину.

Она сидѣла въ полъ-оборота, такъ что на темномъ фонѣ я могъ лишь уловить тонкій, замѣчательно красивый профиль. Густа коса пепельнаго цвѣта обрамляла тяжелою діаметромъ едва склоненную головку. Свободно выюющиеся локоны спускались отъ нея, какъ у древнихъ статуй, открывая артистическую линію затылка и плечъ; небрежно воткнутая бриллантовая стрѣла сдерживала ихъ своенравные порывы. Бѣлое атласное платье съ вырѣзанною грудью и нитка крупнаго жемчуга обвивавшаго шею довершали ея нарядъ. Благодаря темнымъ бровямъ, еще разительнѣе казались матовый цвѣтъ ея прозрачной кожи. Она равнодушнымъ взоромъ обвела всю залу. Я такъ и впился въ ея лицо.

Мнѣ сдавалось что выраженіе Ольги Коринной такъ запечатлѣлось въ моей памяти, что одного взгляда достаточно чтобы подтвердить догадку или разсѣять предположеніе. Но тутъ случилось со мною то, чтѣ вѣроятно всякій не разъ испытывалъ во снѣ. Стремись къ цѣли—вотъ-вотъ рукой подать, но въ рѣшительный моментъ кака-то невѣдомая сила отстраняетъ ее все дальне и дальне.

Да, формой глазъ, незнакомка какъ будто напоминала мягкій обликъ Ольги Андреевны, но они казались темнѣе, какой-то грустнѣе, непроницаемый туманъ окутывалъ ихъ. На этихъ строгихъ, сухихъ губахъ я тщетно сталъ-бы доискиваться свѣжей доврѣчивой улыбки, такъ безпечно шедшей на встрѣчу жизненной борьбѣ.

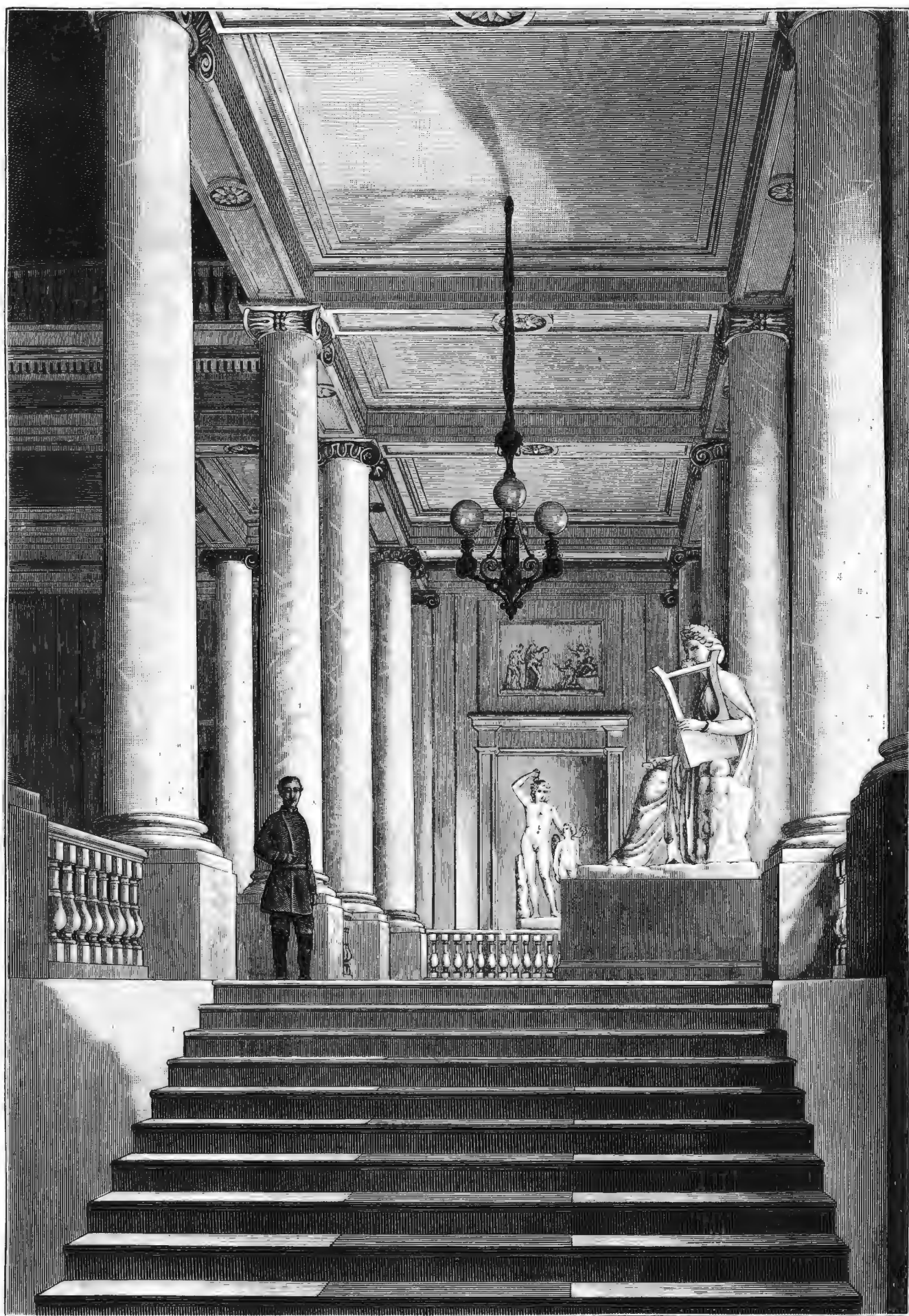
Когда незнакомка встала въ антрактѣ, она мнѣ показала выше Ольги; въ гибкости тонкаго стана не было слѣдовъ той крѣпкой жизненной силы, которая довершала въ Ольгѣ Андреевнѣ мощный образъ русской красавицы.

Такой быстрой, а главное, разительной перемѣны не могло быть, продолжалъ думать я, чувствуя, что колебаніе мое только усугубляется. Изъ живой, энергичной Ольги ни подлѣ какимъ давленіемъ не выработалась-бы эта равнодушно застывшая grande-dame. Ужъ не маска-ли это? или на самомъ дѣлѣ она мнитъ себя такъ высоко, что простыхъ смертныхъ не удостоиваетъ даже небрежнымъ вниманіемъ? Нѣтъ, я вижу ясно въ ея недоступной красотѣ тепличное растеніе, расцвѣтшее подлѣ блѣдными лучами особеннаго, условнаго солнца. Далекъ Ольгѣ Коринной до этой мраморной красавицы. Чтобы положить конецъ этому наводженію, я машинально перевелъ лорнетъ на ея сосѣдку.

Трудно было вообразить болѣе рѣзкій контрастъ. День и ночь—это сравненіе такъ и просилось на языкъ. Смуглый, чисто южный цвѣтъ лица, большіе, блестящіе черные глаза, тонкій оранный носъ съ розовыми подвижными ноздрями какъ у арабской чистокровной лошади, свѣжій алмазъ губы, по временамъ блѣднѣвшія отъ нервнаго закусыванія крѣпкими бѣлыми зубами, привлекали вниманіе своей оригинальной прелестью. Курчавые

Сборъ древеснаго сока. Ориг. рис. академика Суходольскаго. грав. Ангереръ.

Верхняя часть лѣстницы въ Импер. Академіи Художествъ. Ориг. рис. О. Веннга, грав. Флюгель.

волосы, воронова крыла, подстриженные по новой модѣ, спускались на крутой, энергичный лобъ. Черное шелковое платье плотно облегло ея роскошныя формы. Изъ-под кружевной рукава мелькала стройная рука, каждое движение которой обнаруживало сочетание граціи со скрытой силой. Ярво-красная живая камелия, воткнутая съ боку въ волосы, и длинная золотая змѣя, обвивавшая руку пониже локтя, были единственными свѣтлыми точками ея строгаго, изыскаго наряда.

Пасколько трудно было безошибочно опредѣлить ея года, настолько легко, съ перваго взгляда, прийти къ выводу, что все существо ея дышало могучими страстями и недюжинною энергіей.

Не успѣла ея блѣдная сосѣдка встать со стула, какъ она съ видимымъ, мнѣ даже показалось—подчеркиваемымъ, уваженіемъ, послѣдовала ея примѣру. Сопровождавшій ихъ господинъ воспользовался этимъ передвиженіемъ, чтобы, быстро нагнувшись, сказать ей почти на ухо нѣсколько словъ. Ему было на видъ лѣтъ за сорокъ.

На его поблекшихъ, или точнѣе сказать, измятыхъ чертахъ лежалъ отпечатокъ величавой скуки. Все въ его сдержанной особѣ, отъ формы бѣлокурыхъ, тщательно расчесанныхъ бакенбардъ до покроя фрака и узенькаго, чуть замѣтнаго бѣлаго галстука, изобличало англомацію, вѣвшуюся въ плоть и кровь. Однакоже за этой личиною небрежнаго равнодушія и успѣлъ подмѣтить подозрительную искорку, вспыхнувшую въ его сѣрыхъ металлическихъ глазахъ во время краткаго сообщенія.

Молодая женщина чуть-чуть повела плечомъ; не то горькая, не то непреклонная складка мгновенно скривила углы рта, злобная молнія блеснула въ темномъ взорѣ и ненавистью дышащій взглядъ полетѣлъ во слѣдъ удалившейся дамы.

„Что это—моя фантазія? или впрямь на глазахъ тысячи зрителей мрачная драма завязывается?“ мысленно спросилъ я себя, но голосъ моего пріятеля не замедлил прервать нить моихъ размышленій.

— Забѣльскій, да встанешь-ли ты наконецъ? Точно окаменѣлъ на крестѣ! Теперь, братъ, больше не выйдетъ. Отхлопалъ и ладони, не жалѣлъ перчатокъ, да ужъ и заслужила она! L'air des bijoux, вѣдь это пробный камень для артистки, а какъ она съ нимъ совлада!.. Но какова жара въ залѣ! прохладиться необходимо.

И сунувъ мнѣ руку подъ локоть, онъ направился къ выходу. Я воспользовался давкой, чтобы, указавъ на интересовавшую меня ложу, спросить у Шмелева не знаетъ-ли онъ кто эти элегантныя дамы.

Онъ окинулъ обихъ пытливымъ окомъ цѣнителя женской красоты.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—какъ это ни странно. Такихъ красавицъ нельзя проглядѣть. Какое удачное сочетание контрастовъ! Современный Парисъ былъ-бы въ сильномъ затрудненіи которой изъ двухъ поднести пресловутое яблоко. На мой вкусъ черная лучше, но для любителей эстетики и поэзіи блондинка совершеннѣйшій идеалъ. Это, навѣрное, иностранки. Одного кавалера, длиннаго, бѣлокурога, я не знаю,—онъ дипломатомъ такъ и смотритъ; но за то другой, только что вошедшій, это графъ Orgoni, итальянскаго посольства, одинъ изъ самыхъ соблазнительныхъ представителей золотой молодежи. Однако поздравляю, ты не совсѣмъ утратилъ вкусъ въ скитаніи по захоустыямъ. А тебѣ которая больше приглянулась?

— Право, не рѣшилъ, пытался я отвѣтить небрежнымъ тономъ;—такъ, заинтересовали обѣ. Ты мнѣ столько натрепалъ сегодня про петербургскую знать, что я имѣлъ полный поводъ предполагать, что эти выдающіяся ея представительницы тебѣ, хоть по имени, знакомы.

— Да вѣдь, повторяю тебѣ, что онѣ не абонированы, а случайныя посѣтительницы. Тѣхъ я на перечетъ знаю. А все не мѣшаешь освѣдомиться про незнакомокъ, заключилъ онъ.

Но лишь только онъ завидѣлъ маленькій кружокъ горячо спорившихъ меломановъ, какъ дилеттантизмъ одержалъ верхъ надъ любопытствомъ. Когда онъ вернулся къ своему креслу, на мой нетерпѣливый вопросъ, онъ досадливо хлопнулъ себѣ по лбу, чистосердечно признаваясь:

— Виновать, голубчикъ! Ей-ей изъ головы вышло! Но ты не безпокойся; въ слѣдующемъ антрактѣ спеціально справками займусь.

Подъ предлогомъ не стѣснять его свободы дѣйствій, а въ сущности чтобы безпрерывнѣе продолжать свои наблюдения, я отказался покинуть залу, и съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ-бы подчинился магнетической силѣ, снова сталъ слѣдить за бѣлокурой красавицей. На этотъ разъ, дама въ черномъ первую удалилась въ глубину ложи, а она сидѣла неподвижно, машинально перебирая складки дорогаго вѣера. Изъ-за плеча ея виднѣлось оживленное лицо красиваго иностранца. Онъ съ неподдѣльнымъ жаромъ объяснялъ ей что-то.

Вдругъ слабая краска заиграла на ея мраморномъ челѣ; она испуганно подняла густую завѣсу своихъ темныхъ рѣсницъ, и въ устремленномъ на него взорѣ многое сказалось. Нѣмой укоръ и грустное состраданіе, а яснѣе всего прочелъ я въ это мгновеніе тяжелую, гнетущую скорбь.

Завѣса сняла съ глазъ моихъ. Застывшая жизнь забилась подъ холодной маской. Что-то больно кольнуло сердце. Теперь я такъ-же хорошо зналъ, что у меня передъ глазами Ольга Корина, какъ ясно сознавалъ что надъ нею свершилось что-то недоброе.

Тотъ долженъ быть мужъ ея. Онъ всему виной. Съ мгновенно зародившимся недоброжелательствомъ, я сталъ его отыскивать глазами. Въ ложѣ его не было, и я уловилъ только странное выраженіе на лицѣ незнакомой брюнетки.

Погруженная на видъ въ чтеніе афиши, она лишь изподлобья взглядывала въ сторону Ольги. Кака-то злобная черта искажала ея жгучую, безспорную красоту. Мнѣ невольно припомнилась притаившаяся змѣя, готовящаяся броситься на доврчивую жертву.

Кто она? Какую роль суждено ей играть въ судьбѣ Ольги Андреевны?

Но не успѣлъ я мысленно оформить эти вопросы, какъ самый обыкновенный случай позаботился дать мнѣ желанный отвѣтъ.

XI.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить человѣка счастливѣе этого графа! Явленно долетѣло до моего слуха.

Я быстро оглянулся. Въ самомъ проходѣ, шагахъ въ трехъ передо мной, одинъ молодой человѣкъ, очевидно принадлежащій къ выснимъ слоямъ общества, бесѣдовалъ со стройнымъ кавалергардомъ.

— Только не для тѣхъ кто по лицу станутъ судить. Можно подумать, что онъ только что длинной англійской проповѣди, пожалуй еще натошакъ, подвергся. Отъ всей его персоны такъ и вѣетъ силиномъ, а кажись, чѣмъ жизнь не угодила! Состояніе громадное, и къ тому-же совсѣмъ не по модѣ, въ блистательномъ порядкѣ. Служба улыбалась, да еще какъ, пока самъ изъ каприза не бросилъ. Il s'est enfin passé le luxe d'un mariage d'amour¹⁾, и тутъ даже счастливо поналъ. Кто-бы осмѣлился въ этой оборотистой графинѣ заподозрить какую-то бѣдную, никому не известную провинціалку!

— О! я не о томъ, возразилъ первый съ усмѣшкой. — Мнѣ просто пришло на умъ, что его на показъ выставленная respectability²⁾ ничуть не мѣшаетъ отличить обстановку семейную жизнь. En voilà un qui varie à sa convenance le culte de la blonde à la brune, passant de la plus adorable des femmes à la plus piquante des maîtresses³⁾.

— Что ты! неужели? спросилъ оживленно офицеръ.

— Помилуй, кто-же этого не знаетъ!

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю графиню. Чтѣ ей за охота публично съ ней показываться?

— Въ томъ-то и заключается ловкость обстановки, что счастливая соперница самымъ приближеннымъ лицамъ у ней состоитъ.

— Въ качествѣ чего?

— Въ домъ ее ввели подъ фирмой воспитательницы маленькаго сына, но по этой части она кажется слаба. Мало-помалу она стала изображать изъ себя dame de compagnie⁴⁾, и теперь ты рѣдко гдѣ встрѣтишь графиню безъ этого неизбѣжнаго сателлита. Для вышей благовидности, pour sauver la situation⁵⁾, однимъ словомъ, графъ со сдержаннымъ вздохомъ поясняетъ своей важной роднѣ и друзьямъ, что иностранные языки страдали при незатѣйливомъ воспитаніи его жены. Онъ де слишкомъ хорошо знаетъ непреклонность свѣтскихъ условій, чтобы рискнуть подвергнуть ее строгому суду безъ предварительной подготовки.

— Однакоже она экзаментъ выдержала такъ блистательно, что въ былое время намъ съ тобой и позавидовать-бы можно?

— Какъ тебѣ сказать: и да и нѣтъ. Она держится безукоризненно. Un diamant sans paille⁶⁾, и ты въ правѣ былъ утверждать, что для какой нибудь Косиной или Ворониной (что-то въ этомъ родѣ, хорошо не припомню), это въ своемъ родѣ подвигъ и не малый. Но если глубже вникнуть, въ ней много странностей; въ особенности въ складѣ ума, si toutefois elle en a⁷⁾, такъ какъ всѣ наши дамы это единогласно отрицаютъ.

— Еще-бы! это въ порядкѣ вещей. Подобную красоту кто-же ей простить!

— Я не прочъ съ этимъ согласиться, хотя обыкновенно, чѣмъ простишь нападаетъ женскій персоналъ, тѣмъ многочисленнѣе и воодушевленнѣе являются защитники изъ нашей среды. Графиня-же не сумѣла сойтись съ женщинами, а мужьямъ оттолкнула отъ себя.

— Однако, Orgoni. Посмотри какъ южные глаза мечутъ искры. Il n'a pas l'air d'y aller de main morte⁸⁾.

— Ничего ровно не доказываетъ. Его социальное положеніе угаживать за всѣми хорошенькими женщинами. Понытаешь счастье какъ ты, какъ я и цѣлая сотня другихъ, и убѣдившись въ бесплодности любовной стратегіи, преспокойно отстанешь.

¹⁾ Онъ себѣ дозволилъ роскошь жениться по любви.

²⁾ Чопорность.

³⁾ Вотъ человѣкъ поклоняющійся по усмотрѣнію и бѣлокурой и брюнеткѣ, такъ какъ воспитательнѣйшая изъ женъ чередуется съ самой задорной фавориткой.

⁴⁾ Компаніонку.

⁵⁾ Чтобы скрыть положеніе.

⁶⁾ Бриллиантъ безъ изъяна.

⁷⁾ Если таковой имѣется.

⁸⁾ Онъ кажется не зѣваетъ.

Далѣ:

- 1 и 72 нуля: триллионъ квадриллионовъ.
- 1 и 78 нулей: миллионъ триллионовъ квадриллионовъ.
- 1 и 84 нуля: биллионъ триллионовъ квадриллионовъ.
- 1 и 90 нулей: миллионъ биллионовъ триллионовъ квадриллионовъ.
- 1 и 96 нулей: квинтиллионъ.
- 1 и 192 нуля: секстиллионъ.
- 1 и 384 нуля: септиллионъ.
- 1 и 768 нулей: октиллионъ.

1 и 1536 нулей: нониллионъ.

1 и 3072 нуля: дециллионъ.

Само собой разумѣется, что нельзя составить себѣ даже приблизительнаго представленія объ этихъ колоссальныхъ цифрахъ. Если предположить, что всѣ тѣла планетной системы, включая солнце, состоятъ изъ отдѣльныхъ песчинокъ, то общее число ихъ далеко не составило-бы дециллиона. Чувствуя себя безсильными объять необъятное, мы складываемъ оружіе и не идемъ дальше по этому пути. (С).

Воспоминанія Блондена.

Въ *Lippincotts Magazine* помѣщена статья знаменитаго акробата I. Ф. Блондена, заключающая въ себѣ нѣкоторыя замѣтки относительно его профессіи. Между прочимъ Блонденъ говоритъ слѣдующее:

Вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ, что я хожу по канату и продѣлываю на немъ разныя штуки. Существуетъ нѣсколько родовъ акробатскаго искусства; мы, знатоки дѣла, признаемъ заслуживающими вниманія только три формы, изъ которыхъ, впрочемъ, одна въ настоящее время почти совершенно вышла изъ употребленія. По степенямъ трудности первое мѣсто занимаетъ „высокій канатъ“, натягиваемый настолько высоко, насколько позволяютъ смѣлость акробата и предписанія закона; второе мѣсто принадлежитъ „низкому канату“, на которомъ обыкновенно упражняются болѣе молодые силы и который возвышается надъ землей только отъ семи до восьми футовъ; и наконецъ идетъ древне-франкскій, совершенно устарѣвшій „кошій канатъ“. Нечего и говорить, что при этой формѣ трудность исполненія наименьшая.

Хожденіе по проволочному канату считается также отраслью нашего искусства, но специалисты не признаютъ ее за таковую. Какъ это ни кажется страннымъ, но ходить по проволокамъ гораздо легче, чѣмъ по обыкновенному пеньковому канату, и при небольшомъ терпѣніи и природной способности можно въ теченіе трехъ-четырехъ недѣль усвоить элементарное искусство хожденія по проволочному канату. Одинъ изъ моихъ помощниковъ, во всю свою жизнь никогда не ставившій ноги на канатъ, разставившись со мной, въ непродолжительномъ времени сдѣлался весьма известнымъ проволочнымъ акробатомъ и выручалъ большія деньги.

Канатный акробатъ, подобно поэту, родится таковымъ, его нельзя воспитать искусственно. Мнѣ самому было не болѣе четырехъ лѣтъ, когда я уже прыгалъ по канату, а восьмью лѣтъ въ Туринѣ далѣ, въ присутствіи короля, представленіе на высокомъ канатѣ. Почти всѣ безъ исключенія молодые ученики въ циркѣ, обучаются кромѣ другихъ вещей и пляскѣ по канату, и между тѣмъ только очень немногіе идутъ далѣе первоначальныхъ правилъ искусства. Обычный способъ обученія состоитъ въ томъ, что учениковъ заставляютъ ходить по узкой доскѣ, ширина которой ежедневно убавляется, пока она не достигнетъ ширины обыкновеннаго каната.

Канатъ, употребляемый первоклассными акробатами, въ глазахъ публики кажется очень простымъ, а между тѣмъ устройство его и постановка требуютъ чрезвычайной тщательности. Канатъ, который я чаще всего употребляю, состоитъ изъ гибкой стальной проволоки, обтянутой самой лучшей пенькой; поперечникъ его имѣетъ около 1 3/4 дюйма, длина достигаетъ нѣсколькихъ сотъ локтей, а стоимость доходитъ приблизительно до 500 долларовъ. Замѣчу мимоходомъ, что достигши, въ которыхъ я первый появляюсь, очень тяжелы и превосходной работы. Перчатки къ нимъ когда-то принадлежали знаменитому тенору Маріо. Вообще же костюмы мои обыкновенно насколько возможно легки, а на ногахъ я ношу обыкновенные тонкіе кожаные башмаки съ мягкой подошвою.

Къ полному вооруженію принадлежитъ конечно и балансирный шестъ. Употребляемый мною сдѣланъ изъ ясеневаго дерева, имѣетъ длины 26 футовъ и вѣситъ отъ сорока до пятидесяти фунтовъ. Онъ состоитъ изъ трехъ частей, такъ что легко разбирается и въ дорогѣ занимаетъ не много мѣста.

Мнѣ часто задаютъ вопросъ, какъ я себя чувствую, разгуливая по канату. Если хотятъ собственно знать, не испытываю-ли я чувства страха или нервнаго безпокойства, то я долженъ отвѣтить рѣшительнымъ „нѣтъ“. Идя по канату, я смотрю вверхъ на 18—20 футовъ и, смотря по расположенію духа,

тихо насвистываю или напѣваю про себя какую нибудь мелодію. Кромѣ того, я всегда придерживаюсь такта играющей виолы музыки, такъ какъ нахожу, что это мнѣ значительно облегчаетъ сохраненіе равновѣсія.

Ежедневныхъ упражненій я нынѣ вовсе не дѣлаю, и даже самыя трудныя штуки, какъ напр. прыжокъ черезъ стулъ на серединѣ каната, причѣмъ я перекувыркиваюсь въ воздухѣ и встаю на ноги по другую сторону стула, я продѣлываю обыкновенно безъ всякихъ приготовленій, какъ мнѣ на умъ взбредетъ. Поэтому я при каждомъ представленіи могу разнообразить свою программу, отчего она мнѣ и не надоедаетъ. Я могъ бы въ теченіе очень долгаго времени не дотрогиваться ногой до каната и затѣмъ съ такой же увѣренностью опять по немъ двигаться, какъ будто бы никогда и не прекращалъ упражненій. Въ доказательство того, какъ мало значить для меня упражненіе при какомъ-нибудь новомъ кунштукѣ, я разскажу о своей поѣздкѣ на двухколесномъ велосипедѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда этотъ инструментъ былъ еще новинкою, мнѣ пришло въ голову воспользоваться имъ для моихъ представленій. Я заказалъ для себя велосипедъ съ желобкомъ въ колесахъ, чтобы его можно было установить на канатѣ, а во всемъ остальномъ онъ не отличался отъ другихъ. Его должны были мнѣ доставить нѣсколько ранѣ представленія, чтобы я могъ его испробовать, а между тѣмъ онъ прибылъ какъ разъ въ то время, когда я готовился къ выходу. Я обрадовался ему какъ ребенку новой игрушкѣ; тотчасъ же усѣлся на него и съ полнымъ успѣхомъ проѣхалъ на немъ предъ огромной толпой зрителей, воображавшихъ, конечно, что я упражнялся нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя я самъ никогда не испытываю безпокойства, я, къ сожалѣнію, долженъ признать, что, за исключеніемъ моихъ помощниковъ, всѣ тѣ, которыхъ я носилъ по канату на своей спинѣ, ощущали всегда сердцебиеніе. А между тѣмъ имъ нѣтъ ни малѣйшей причины страшиться. Все что отъ нихъ требуется, это сидѣть совершенно спокойно, стараться не обхватывать меня слишкомъ крѣпко за шею и все остальное предоставить мнѣ. Когда я перешошу кого-нибудь въ первый разъ, я болтаю о совершенно постороннихъ вещахъ, чтобы ослабить въ немъ чувство страха, и настоятельно всегда требую, чтобы, находясь между небомъ и землею, онъ не смотрѣлъ внизъ. Однако, субъекты переносимые мною, повидимому, никогда не чувствуютъ себя вполне хорошо и я всегда слышу вздохъ облегченія, когда мы достигаемъ конца каната и платформъ. Не одинъ разъ жертва громко, съ глубокимъ убѣжденіемъ, восклицала: „Нѣтъ, больше никогда!“

О своемъ переходѣ чрезъ Ниагарскій водопадъ Блонденъ разсказываетъ слѣдующее: Я находился надъ водопадомъ на высотѣ почти въ 150 футовъ и долженъ былъ пройти разстояніе около 1200 футовъ. При первомъ представленіи возбужденіе было не малое. Всѣ желѣзныя дороги отправляли особые поѣзда. По обоимъ берегамъ были устроены подмостки, занимавшія приблизительно половину англійской мили въ длину; на нихъ тѣснилась толпа. Я продолжалъ свои представленія до 1860 г., когда я прошелся по канату на костыляхъ въ присутствіи принца Уэльскаго, совершавшаго тогда свое путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ и по Канадѣ. Затѣмъ я ходилъ по канату въ холщевомъ мѣшигѣ, возилъ тачку, кувыркался, стряпалъ и таскалъ на спинѣ человека. Однако, хотя я вовсе не чувствую приближенія старости, во всякомъ случаѣ врядъ-ли мнѣ долго еще придется выступать публично: но когда наступитъ день, въ который канатъ мой будетъ снятъ въ послѣдній разъ, и я сложу свой балансирный шестъ, чтобы болѣе не дотрогиваться до него, мнѣ будетъ очень тяжело на сердцѣ. (С).

Къ рисункамъ.

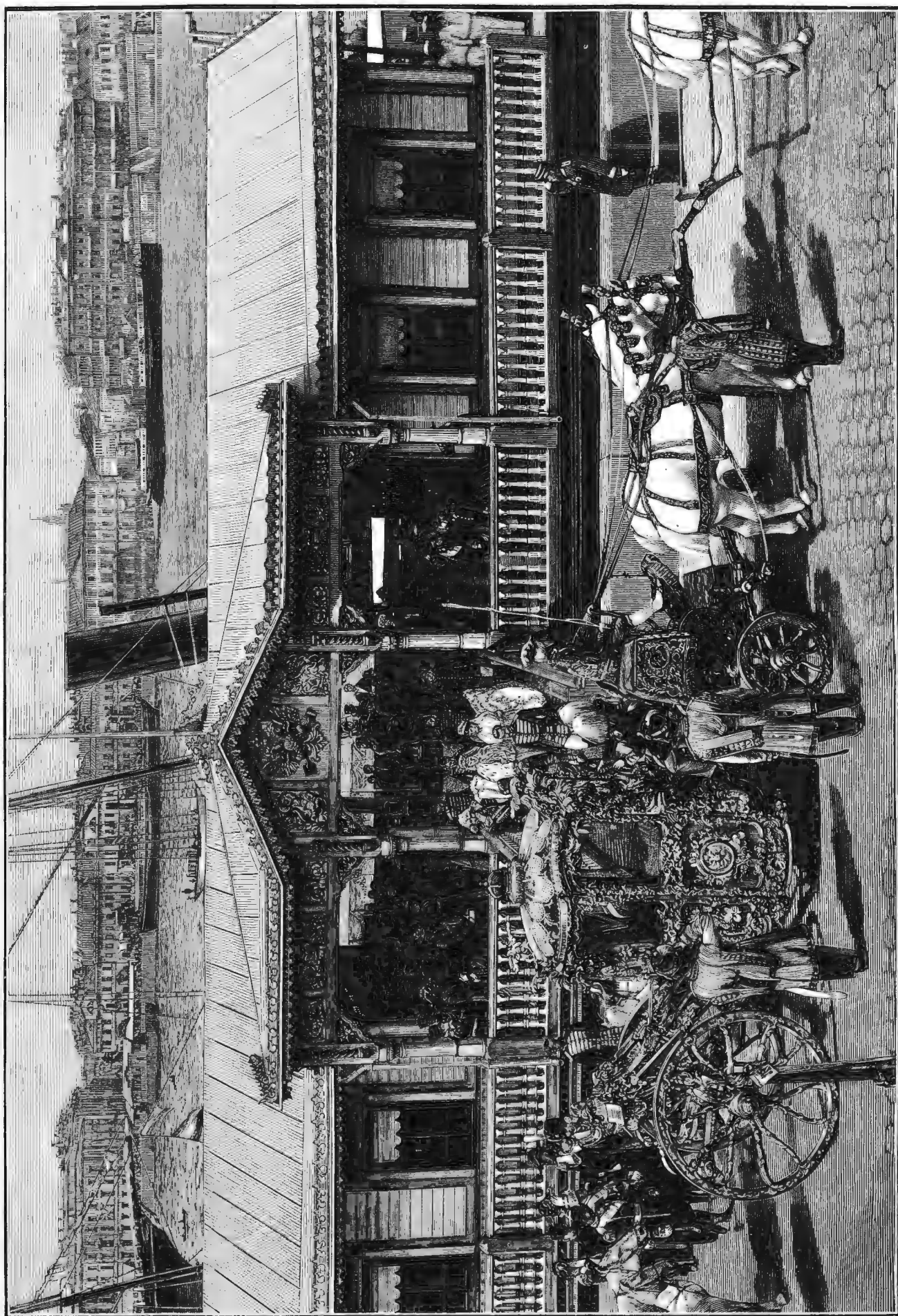
Музыка и вино. (Рис. на стр. 624 и 625).

Франческо Винеа, одинъ изъ болѣе молодыхъ итальянскихъ живописцевъ, живущій во Флоренціи, особенно охотно занимается воспроизведеніемъ бытовыхъ сценъ съ фигурами XVI и XVII вѣка. Всѣ его картины написаны всегда очень нѣжно и тонко, съ сильными красочными эффектами, что можно видѣть и въ рисункѣ „Музыка и вино“, помѣщенномъ на стр. 624 и 625. Молодой красавецъ, въ богатомъ костюмѣ, весело напѣваетъ миловидной простолудинкѣ какую-нибудь мелодич-

ную пѣсенку, которыхъ такъ много у итальянцевъ, а его слушательница, по виду служанка въ остеріи, держитъ пузатую и тонкогорлую бутылку съ искрометнымъ итальянскимъ виномъ. Оно, вмѣстѣ съ очаровательной улыбкой, будетъ наградой щеголеватому пѣвцу.

Пчельникъ. (Рис. на стр. 629).

Лѣтній полдень. Раскаленный воздухъ напоенъ ароматами цвѣтговъ. Все живое попыталось отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Ни звука, все тихо. Только изрѣдка трудолюбивая пчел-

Торжественный въездъ Греческой королевы Александры Георгиевны въ СПб. Прибытіе Высококараченной невѣсты на царскую пристань.
Съ фотогр. генерала Несветича, грав. Флюгель.

ка, прогудѣвъ въ воздухѣ, подлетитъ къ улью, вся пожелтѣвшая отъ цвѣточной пыли, торопливо вбѣжитъ въ него, чтобы сложить въ соты свою медовую ношу, и снова вылетитъ.

Сборъ древеснаго сока. (Рис. на стр. 632).

Собіраніе сока растений, для прохладительнаго питья, распространено по всему земному шару. На островѣ Явъ, нѣкоторые ліановидные, растущіе въ сырыхъ лѣсахъ виды *Cissus* служатъ какъ бы растительными источниками. Изъ надрѣза виноградной лозы вытекаетъ такое количество водянистаго сока, что въ короткое время можно наполнить стаканъ и получить вкусный, прохладительный напитокъ. Многіе виды семейства аралиевыхъ также доставляютъ вкусное питье, почему напр. въ Индіи даже называютъ растительными ключами—фитокренами. Если перерѣзать молодую цвѣточную почку *американской алычи*, растенія извѣстнаго въ европейскихъ садахъ подъ названіемъ *столетняго алоэ*, то въ теченіе сутокъ вытекаетъ около 365 граммовъ, въ недѣлю 2½ килограмма сока; истеченіе его продолжается 4—5 мѣсяцевъ, причемъ хорошая агава даетъ за это время до 50 килограммовъ сока, который, благодаря содержанію сахара и бѣлковинныхъ веществъ, приходить въ броженіе и доставляетъ мексиканцамъ опяняющій напитокъ, извѣстный подъ названіемъ *пулька*.

Наши клены и березы доставляютъ также значительное количество сока, если надрѣзать или просверлить стволъ аршина на полтора отъ земли. Сокъ кленовыхъ содержитъ въ себѣ

кристаллическій сахаръ и у нѣкоторыхъ американскихъ видовъ въ такомъ количествѣ, что въ прежнее время его добывали для выдѣлки сахара. Березовый сокъ или березовка, вытекающій изъ надрѣзовъ дѣлаемыхъ весной, составляетъ также сладкое питье, изъ котораго съ помощью броженія и примѣсей можно приготовить березовое вино.

Лѣстница въ Имп. Академіи Художествъ.

(Рис. на стр. 633).

Величественное зданіе Академіи Художествъ въ СПБ., какъ извѣстно, строилось по проекту перваго директора ея, знаменитаго Кокорина, но докончено не имъ, а Юріемъ Фельтеномъ, пѣмецкимъ архитекторомъ, поселившимся въ Петербургѣ около 1770 года, бывшимъ также директоромъ Академіи и умершимъ въ 1801 году. Фельтень, впрочемъ, ни въ чемъ не отступалъ отъ плана Кокорина, за исключеніемъ лѣстницы, которая и была построена имъ въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка. Колоннаду же на ней съ хорами или обходомъ по верхнему этажу прибавилъ президентъ Оленинъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Фельтень же достроилъ и плоскій куполь надъ срединою главнаго фасада, закончивъ его статуей *Минервы*, изваянную профессоромъ Прокофьевымъ изъ дерева. Кромѣ того, Фельтень оставилъ въ Петербургѣ: зданія стараго ломбарда, лютеранскія церкви Св. Анны и Св. Екатерины и Армянскую (на Невскомѣ).

Бракосочетаніе Е. И. В. Великаго Князя Лавла Александровича съ королевною Греческою Александрой Георгіевной.

Торжественный вѣздъ Высоконареченной Невѣсты въ Петербургъ.

(Рис. на стр. 637, 640, 641, 644 и 645).

По Высочайше установленному церемонаіу, по прибытіи Августѣйшихъ Жениха и Невѣсты, особъ Императорской Фамиліи и Высокихъ гостей въ Петербургъ моремъ изъ Петергофа, торжественная процессія должна была слѣдовать отъ Царской пристани на Англійской набережной Невы вдоль набережной и затѣмъ, мимо Сената, Синода, Конногвардейскаго манежа и Исаакиевскаго свѣра, по Большой Морской и Невскому до Казанскаго собора и обратно въ арку Главнаго штаба къ Зимнему дворцу. Еще наканунѣ всѣ эти улицы и площади, равно какъ и большая часть прилежащихъ и набережной Васильевскаго острова, а въ меньшей степени и вся столица украсились греческими и русскими флагами, декоративными драпировками, балдахинами, растеніями, гирляндами зелени, горностаевыми маляями и проч. Въ день вѣзда, 3 іюня, самая Нева приняла праздничный видъ,—благодаря собраннымъ у Николаевского моста военнымъ судамъ: *Держава*, *Царевна*, *Рында*, *Витязь*, *Азия* и *Забіяка*, которыя съ утра расцвѣтились флагами по линіямъ главныхъ снастей, и множеству пароходовъ, сновавшихъ по всѣмъ направленіямъ вдоль и поперекъ рѣки. Съ 11½ часовъ утра по набережнымъ, площадямъ и улицамъ на пути процессіи стали шалерами войска всѣхъ родовъ оружія, а за ними на навели многотысячныя толпы народа. Николаевскій мостъ представлялъ сплошную мозаику человѣческихъ головъ. Казалось, весь городъ высыпалъ на улицу, да такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ немногихъ, оставшихся по домамъ въ качествѣ сторожей. Въ полдень, на Англійской набережной, отъ Царской пристани, начали устанавливаться золоченныя кареты, фэтоны и коляски для Высочайшихъ особъ, придворныхъ дамъ и чиновъ, и верховныя лошади для Высочайшихъ особъ и свиты. Въ первомъ часу начался съѣздъ лицъ участвовавшихъ въ процессіи, и скоро эта часть набережной стала представлять блестящую толпу военныхъ и придворныхъ мундировъ и роскошныхъ русскихъ платьевъ придворныхъ дамъ. Ровно въ часъ на военныхъ судахъ засвистали всѣхъ наверхъ, реи покрылись шеренгами матросовъ, загрохотали пушечные выстрѣлы салюта, отдававшіеся безконечными раскатами по Невѣ и островамъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ невискихъ устьевъ эхо особенно сильно. Изъ Петергофа прибыла эскадра Императорскаго кортежа. Какъ только Императорская яхта „Александрія“ вошла въ устье рѣки, матросы на военныхъ судахъ пошли по марсамъ и стали на реяхъ, оглашая воздухъ кликами „ура“. Когда Государыня Императрица съ Высоконареченною Невѣстою сошла съ яхты на берегъ, почетный караулъ отдалъ честь, музыка заиграла греческій гимнъ. (Этотъ моментъ изображенъ на нашей гравюрѣ, стр. 637, воспроизведенной съ фотографіи генерала Несвѣтевича, снятой имъ для *Нисы*). Ихъ Величества Государь Императоръ и Король Греческій прошли по фронту караула и поздоровались съ нимъ. Государь Императоръ былъ въ общегенеральской формѣ и лейтѣ ордена Спасителя, Греческій Король—въ русской формѣ и Андреевской лейтѣ. Въ это время подѣхала золотая карета, въ которую сѣла Ея Императорское Величество вмѣстѣ съ королевною Александрой Георгіевной. Карета эта замѣчательна по своей красотѣ; она вся сплошь золотая и разрисована знаменитыми художниками. Ее подарилъ въ 1746 году Фридрихъ Великій императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Слѣдующая карета

была сдѣлана при Екатеринѣ Великой въ 1763 году; на ней живописны работы знаменитаго Ватто, она тоже вся золочена. Какъ только тронулась золотая карета, въ которой завилла мѣсто Государыня Императрица, имѣя по лѣвую сторону отъ себя Высоконареченную Невѣсту, Королеву Александру Георгіевну, раздались звуки гимна и крики „ура“, единодушно и восторженно подхваченнаго массами народа. Государь Императоръ сѣлъ на бѣлаго коня. Шествіе открылось въ 1 часъ 25 минутъ пополуночи, согласно церемонаіу. Солнце съ яснаго неба ярко озаряло блестящую роскошную картину (набросанную тутъ-же нашимъ сотрудникомъ, г. Алексѣевымъ, въ общемъ видѣ съ Николаевского моста, рис. на стр. 640, и фотографированную г. Диго съ балкона „Русскаго Ллойда“, рис. на стр. 641).

Шествіе согласно церемонаіу открылъ полиціимейстеръ съ 12 жандармами. Затѣмъ слѣдовали эскадронъ Собственнаго Его Величества козволъ, имѣя въ рукахъ ружья наклоненными впередъ. Далѣе, за придворными лакеями, арабами въ восточныхъ костюмахъ съ шальями черезъ плечо, скороходами съ булавами, слѣдовали чины Императорской охоты и ея начальники, свѣтлѣйшій князь Голицынъ, верхомъ; за нимъ фхаль первый золотой фэтонъ съ церемоніимейстерами гг. Ржевскимъ и барономъ Штемелемъ, имѣвшими въ рукахъ жезлы; за ними фхаль съ высокимъ жезломъ исправляющій должность церемоніимейстера, князь Долгорукій, также въ золоченомъ фэтонѣ, церемоніимейстеръ князь Васильчиковъ, камеръ-юнкеры и камергеры—верхомъ, и вторые чины Двора. Далѣе фхали въ золоченыхъ каретахъ: греческій посланникъ князь Маврокордато, управляющій дворомъ Греческаго Короля, гофмейстеры и др. чины Двора. Въ должности гофмаршала князь Оболенскій съ высокимъ жезломъ сидѣлъ въ открытомъ фэтонѣ; за нимъ слѣдовала карета въ шесть лошадей пугонъ съ первыми чинами Двора. Оберъ-гофмаршалъ князь Трубецкой слѣдовалъ съ жезломъ въ открытой коляскѣ.

За эскадрономъ гусаръ въ ихъ красивой формѣ, слѣдовала Ея Величество Государыня Императрица, въ каретѣ, запряженной восемью бѣлыми лошадьми, съ султанами, съ богатой упряжью, вышитой золотомъ по красному фону и украшенной блестящими стразами. У дверецъ кареты фхаль штальмейстеръ Килевичъ и командующій Собственнымъ Его Величества козволемъ, флигель-адъютантъ Шереметевъ. За каретою Государыни Императрицы слѣдовали ихъ Величества Государь Императоръ и Король Греческій, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, Наслѣдникъ Греческій, Великіе Князья и блестящая свита. Нѣкоторые Великіе Князья находились въ строю при своихъ частяхъ. За первую каретою слѣдовала вторая, въ которой фхали ея Величество Королева Эллиновъ и Е. И. В. герцогиня Эдинбургская Марія Александровна. По сторонамъ кареты фхали штальмейстеры князь Мещерскій и Новосильцовъ. Затѣмъ слѣдовали въ золотыхъ каретахъ Великіи Княгини Марія Павловна и Елисавета Теодоровна, Великая Княгиня Ольга Теодоровна, Великая Княгиня Ксенія Александровна, Королева Марія Греческая и герцогиня Елена Георгіевна Мекленбургъ-Стрелицкая.

Эскадронъ кирасиръ Его Величества замыкалъ поѣздъ Высочайшихъ Особъ.

За кирасирами фхала золотая карета съ оберъ-гофмейстери-

ноя и таковая же карета съ статсъ-дамами. Далѣ слѣдовала золотая карета съ сопровождающею Е. И. В. Герцогиню Единбургскую г-жею Фицъ-Вильямсъ и княгинями Голицыной и Гагарипой. Въ послѣдней золотой каретѣ ѣхали фрейлины. У дверей всѣхъ экипажей шли придворные служители, а у экипажей Высочайшихъ Особъ ѣхали шталмейстеры.

Когда поѣздъ приблизился къ Казанскому собору и Ихъ Величества вышли изъ экипажей, на паперть вышелъ высокопреосвященный Исидоръ митрополитъ С.-Петербургскій съ Крестомъ и Св. водою, въ сопровожденіи соборнаго духовенства и хора казанскихъ пѣвчихъ. При пѣніи тропаря „Заступнице усердная“, вступила Царская Семья въ соборъ, гдѣ Ихъ Величества и всѣ Высочайшія Особы прикладывались къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери. Въ соборѣ было совершено краткое молитвословіе съ многолѣтіемъ. Митрополитъ Исидоръ благословилъ Высоконареченныхъ Жениха и Невѣсту иконою Казанской Божіей Матери, поднесенною причтомъ собора, и сказалъ Невѣстѣ-Королеви краткое слово.

Изъ собора процессія направилась обратно по Невскому къ Зимнему Дворцу (фотографія Бруно-Зенгера на стр. 644).

Когда торжественный кортежъ приблизился къ Зимнему Дворцу, съ Петропавловской крѣпости загремѣлъ салютъ въ 101 выстрѣлъ. Парадные экипажи въѣхали во дворъ, гдѣ главный караулъ отъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка отдалъ честь. (Художникъ Нивы г. Алексѣевъ послѣлъ на Александровскую площадь къ прибытію процессіи и набросалъ рис. на стр. 645).

Все шествіе отъ Царской пристани до Казанскаго собора и оттуда до Зимняго Дворца продолжалось полтора часа. Силою масса народа, размѣстившагося вдоль всего пути, восторженными привѣтствіями выражала свое искреннее сочувствіе къ радости Царской Семьи. Въ 2 ч. 40 м. раздался салютъ въ 101 выстрѣлъ съ Петропавловской крѣпости и началось шествіе черезъ аванзалу, Фельдмаршальскій, Петровскій, Гербовый залы, Пакетную комнату въ соборъ. Впереди шли церемоніймейстеры, камеръ-юнкеры, камергеры и прочіе придворные чины, младшіе впереди по два въ рядъ, замыкаясь оберъ-гофмаршаламъ княземъ Трубецкимъ. Затѣмъ шествовали Высочайшія Особы. Вслѣдъ за Высочайшими Особами шествовали статсъ-дамы и фрейлины въ роскошныхъ русскихъ платьяхъ. Процессія эта представляла необычайно эффектное и рѣдкое по торжественности своей зрѣлище.

Въ соборѣ Зимняго дворца всѣ Высочайшія Особы были встрѣчены придворнымъ духовенствомъ съ духовникомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ протопресвитеромъ Янышевымъ во главѣ. По совершеніи краткой молитвы, шествіе направилось обратно въ томъ же порядкѣ во внутренніе покои.

Въ началѣ четвертаго часа начался разѣздъ, а въ 3 час. 30 м. Ихъ Императорскія Величества, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Августѣйшія Дѣти Ихъ Величествъ уѣхали въ Анчиковъ дворецъ.

Вечеромъ въ городѣ зажглась иллюминація и до поздней ночи по Невскому и по прилегающимъ улицамъ толпились гуляющія массы народа.

Новый, цѣнный вкладъ въ изученіе климата Россіи.

(Нѣкоторые способы предвидѣть погоду).

В. В. Иванова.

(Окопчаніе).

Вотъ таблица г. Пспн, составленная на основаніи наблюдений въ Бельгіи:

Напряженность дождевой линіи.	Температура воздуха.	Предсказаніе.
Меньше <i>i</i> (линіи между <i>E</i> и <i>F</i>)	ниже 5° выше 5°	возможенъ снѣгъ. не будетъ дождя.
Равна <i>i</i>	ниже 5° между 5° и 7,5° между 7,5 и 10° выше 10°	дождь. дождь вѣроятенъ. дождь невѣроятенъ. не будетъ дождя.
Больше <i>i</i> , но меньше <i>F</i> и въ то же время линіи въ зеленой части явственны	ниже 7,5° выше 7,5°	дождь невѣроятенъ. не будетъ дождя.
Больше <i>i</i> , но меньше <i>F</i> и линіи въ зеленой части неявственны	ниже 10° выше 10°	дождь вѣроятенъ. дождь невѣроятенъ.
Равно <i>F</i>	привсякихъ температурахъ.	дождь. большой дождь.

Если полоса уменьшается медленно, но мѣрѣ поднятія спектроскопа къ зениту, то это служитъ признакомъ, что въ верхнихъ слояхъ воздуха находится избытокъ водяныхъ паровъ; если-же полоса постепенно усиливается, то это — признакъ приближающихся осадковъ.

Для наблюдений можно употреблять небольшіе спектроскопы, специально изготовляемые Броунингомъ въ Лондонѣ.

Погоду можно предвидѣть и по мерцанію звѣздъ. Кто не знаетъ, что блескъ звѣздъ и ея цвѣтъ постоянно мѣняются? Каждый разъ, при наступленіи дождя, а также при увеличеніи количества паровъ въ воздухѣ, мерцаніе звѣздъ увеличивается; зимою оно вообще сильнѣе. Мерцаніе увеличивается даже за день или за два до наступленія дождя, и прекращается съ его прекращеніемъ. При приближеніи циклона, мерцаніе звѣздъ становится наибольшимъ. При преобладаніи голубаго цвѣта неба особенно можно ожидать дождя, и дождь бываетъ тѣмъ обильнѣе, чѣмъ рѣзче этотъ голубой цвѣтъ. Если атмосфера спокойна, то слѣдъ, описываемый звѣздой, вполнѣ рѣзокъ и правиленъ; если предстоитъ дождь, то слѣдъ дѣлается размытымъ; если воздухъ сильно взволнованъ, то слѣдъ зубчатый и напоминаетъ бахрому. При приближеніи циклона, слѣдъ получаетъ видъ какъ бы распадающагося на отдѣльныя зерна; онъ становится четкообразнымъ.

Дождя можно ожидать: 1) если солнце садится за толстую тучу, и восточный горизонтъ окрашенъ пурпуровымъ или мѣдно-краснымъ цвѣтомъ; 2) если солнце садится съ сильно окрашенными красными лучами; 3) если солнце восходитъ окруженное краснымъ кругомъ и лучи его какъ бы укорочены; 4) если при восходѣ солнца образуются облака красныя и черныя.

Золотистый цвѣтъ вечерней зари служитъ признакомъ хорошей погоды.

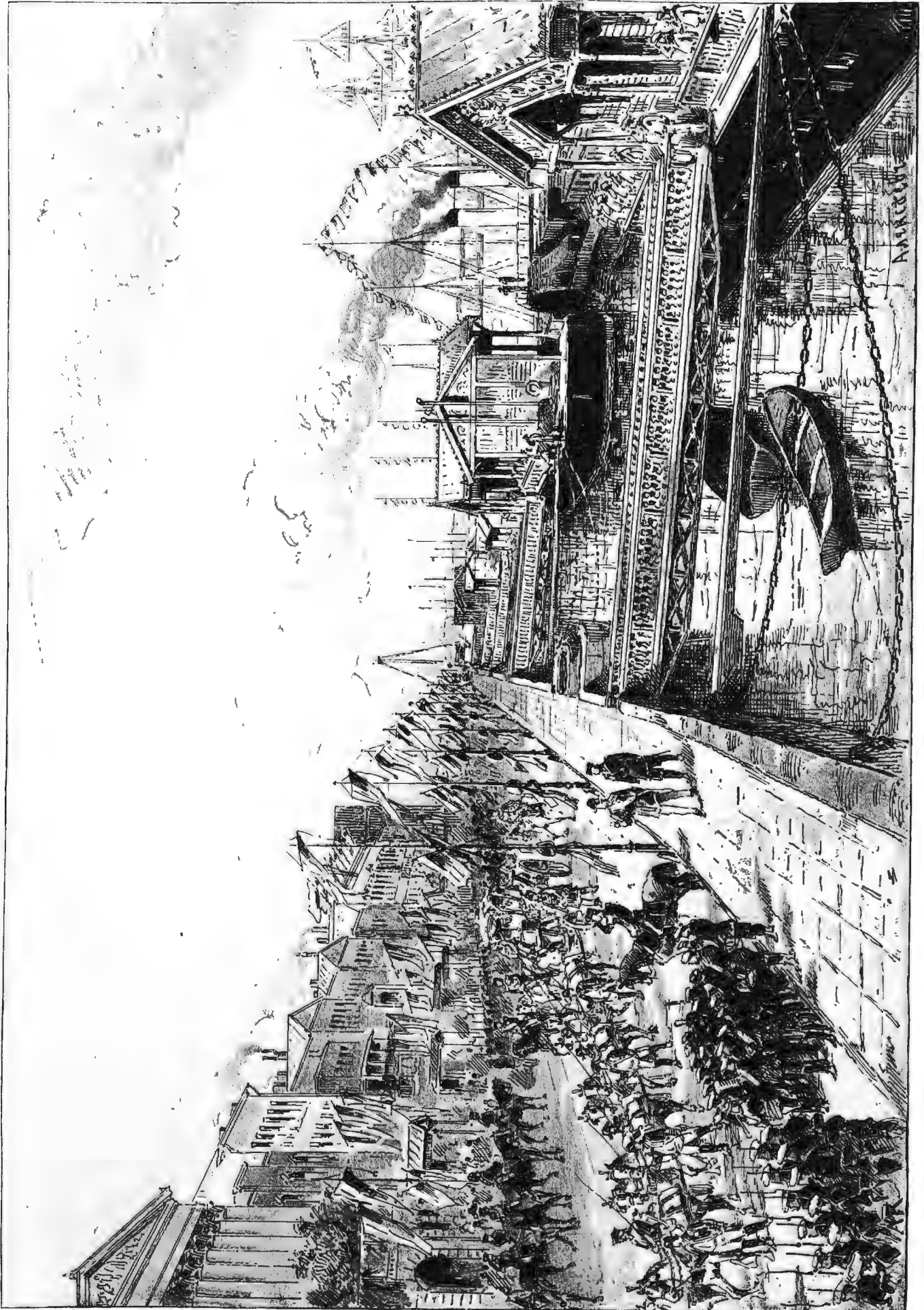
Предвидѣть дождь можно также и изъ наблюденія надъ различными степенями прозрачности воздуха: чѣмъ менѣе прозраченъ воздухъ, тѣмъ вѣроятнѣе дождь, и тѣмъ большаго его количества можно ожидать.

Наконецъ и самыя верхнія, тонкія, такъ-называемыя, по ихъ виду, *перистыя* облака указываютъ предстоящую погоду. Они чаще всего движутся отъ юго-запада, запада и сѣверо-запада. Изъ *эти* случаевъ ихъ появленія, въ 74 случаяхъ можно ожидать осадковъ, а если они движутся отъ сѣверо-запада, запада и юго-запада, то вѣроятность дождя увеличивается до 80 случаевъ изъ ста. Въ среднемъ выводѣ осадки бываютъ черезъ 18—19 часовъ послѣ появленія перистыхъ облаковъ. Если, при появленіи перистыхъ облаковъ отъ юго-запада, замѣчается и пониженіе ртутнаго столбца въ барометрѣ, то вѣроятность дождя увеличивается, и притомъ эта вѣроятность будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше направленіе перистыхъ облаковъ будетъ отклоняться отъ направленія вѣтра.

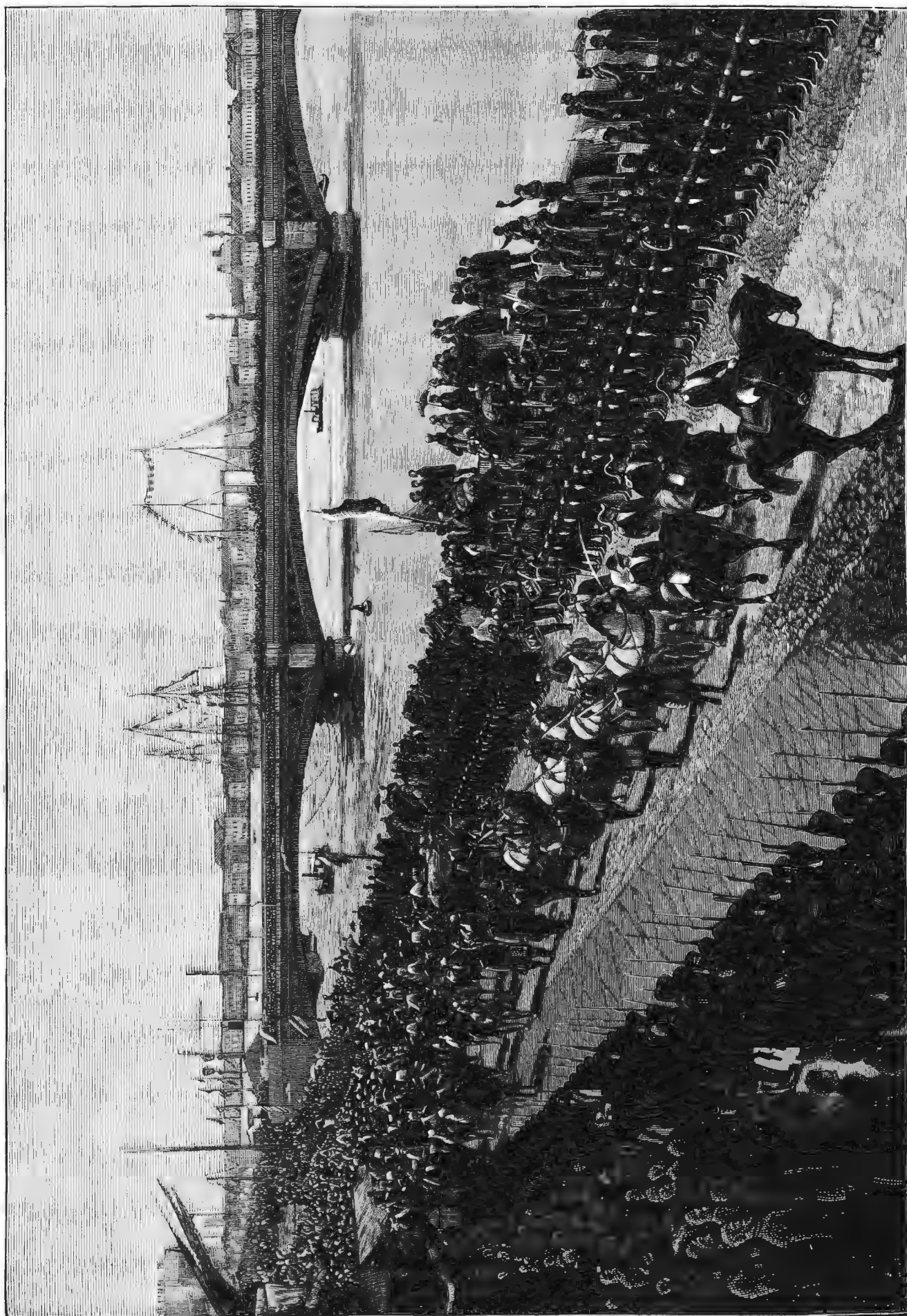
IV отдѣлъ брошюры г. Кюссовскаго посвященъ грозамъ, которыя всегда сопутствуютъ циклонамъ. Грозы зарождаются главнымъ образомъ на окраинахъ большихъ циклоновъ, въ юго-восточной части послѣднихъ. Съ прекращеніемъ вихревой дѣятельности воздуха и наступленіемъ затишья, выражающагося высокимъ стояніемъ барометра, прекращается и грозная дѣятельность. Наибольшій процентъ грозъ, а въ особенности грозъ съ градомъ, приходится отъ точекъ горизонта, лежащихъ между юго-востокомъ и юго-западомъ, особенно весною и осенью; лѣтомъ-же грозы болѣе равномерно распределяются по всему горизонту.

Въ заключеніе я приведу изъ брошюры г. Кюссовскаго описаніе слѣдующаго интереснаго наблюденія доктора Буйвида, завѣдывающаго бактериологическою станціею въ Варшавѣ. 4 мая 1887 года въ Варшавѣ выпалъ градъ необычайныхъ размѣровъ. Г. Буйвидъ взялъ 1 куб. сантиметръ жидкости градины, расплавленной и очищенной отъ внѣшнихъ примѣсей, бросилъ въ стерилизованный желатинъ и потомъ вылилъ смѣсь на стеклянную пластинку; когда жидкость застыла, онъ помѣстилъ ее между двумя плоскими стеклянными колоколами. По прошествіи трехъ дней вся пластинка покрылась мелкими колоніями бактерій. Приблизительный расчетъ показалъ, что въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ взятой воды, полученной отъ таенія градины, находилось 21,000 бактерій, изъ которыхъ каждая разрослась въ колонію. Этотъ неожиданный результатъ служитъ доказательствомъ, что бактеріи не происходятъ изъ воздуха, такъ какъ въ литрѣ воздуха Буйвидъ никогда не находилъ болѣе ста бактерій. Результаты культуры обнаружили, что бактеріи эти принадлежали стоячей водѣ.

Въ послѣдней V главѣ г. Кюссовскій разсматриваетъ два случая ливней, 28 сентября и 9 октября 1887 года, и бури и заносы 17 декабря того-же года. Я приведу здѣсь изъ этой главы описаніе бѣдствій, причиненныхъ циклономъ 17 декабря. О послѣдствіяхъ бури можно судить по слѣдующему письму землевладѣльца Скадовскаго: „Уровень воды въ Днѣпрѣ поднялся болѣе чѣмъ на сажень. Вода залила всѣ хаты рыбаковъ (на островахъ Днѣпра), разрушила во многихъ изъ нихъ стѣны и заставила искать спасенія на чердакахъ и скирдахъ. Запасы сѣна и камыша, сложенные въ небольшихъ стожкахъ, рыболовныя снасти и домашняя утварь у многихъ снесены въ воду. Печальная участь постигла рогатыя скоты этихъ рыболововъ. Онѣ уцѣлѣли только у тѣхъ стариковъ, которые, благодаря своей опытности и находчивости, приняли во-время особыя мѣры; у остальныхъ онѣ погнѣли, частью отъ холода въ

Торжественный въезд Греческой королевы Александры Георгиевны в СПб. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Алексева, фотохемиграфия Голпе.

Торжественный въездъ Греческой королевы Александры Георгиевны въ СПб. Шествіе процессіи по Англійской набережной.
Съ фотогр. Дито, грав. Шюблеръ.

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходилось провести почъ выше брюха въ водѣ, въ большинствѣ-же случаевъ волны заносили его въ Дибирь. Количество скота, погибшаго въ Дибировскихъ гирляхъ, громадно сравнительно съ количествомъ поселенцевъ гирль и ихъ состоятельностью. Особенно сильно проявилось дѣйствие воды въ д. Козій Мысъ, гдѣ берегъ лимана, отстоящій обыкновенно на 40 и болѣе сажень отъ высокой глиняной скалы, приблизился къ самой скалѣ и поднялся на высоту почти сажени, при чемъ волны размыли и разрушили матери-

новую скалу на разстояніи 5 саж. въ глубь берега. Въ м. Станиславъ, вѣтеръ разрушилъ мельницу. Въ Херсонѣ разбилось множество плотовъ, на вѣскольکو десятковъ тысячъ рублей".

Это напоминаетъ мнѣ сдѣланное мною вѣскольکو лѣтъ назадъ предложеніе предупредить, посредствомъ самыхъ простыхъ семафоровъ (мачта съ подвижнымъ крыломъ наверху, ночью — фонарь), поставленныхъ по берегамъ рѣки, жителей этихъ береговъ, какъ о предстоящихъ разливахъ рѣки, вслѣдствіе бурь, такъ и о весеннихъ и осеннихъ половодьяхъ.

Дѣти поля.

Стихотвореніе П. В. Быкова.

Всѣ цвѣты и травы эти,
Что съ весною зацвѣли,—
Это все родныя дѣти
Кроткой матери-земли.
Горячо она ихъ любитъ;
Ихъ рости изъ года въ годъ,
Грѣбеть, вѣжить и голубить
Въ пору зимнихъ непогодъ.

Чуть въ лазури засверкаетъ
Вешній лучъ, и стужи нѣтъ —
Ужъ малютокъ выпускаетъ
Мать-земля на Божій свѣтъ,
Чтобъ весна изъ нихъ соткала
Для луговъ живою коверъ,
Чтобы ихъ краса ласкала
И дѣтей, и старца взоръ;

Чтобъ искалъ въ нихъ сходства съ милой
Томный юноша-поэтъ;
Чтобъ цвѣли и надъ могилой
Тѣхъ, кто палъ подъ ношей бѣды;
Чтобы вмѣстѣ съ лентой яркой
Въ косы ихъ вилетѣла могла
Чернобровая дикарка
Южно-русскаго села...

Политическое обозрѣніе.

На политическомъ горизонтѣ пронеслось было облачко, смутившее многихъ. Появились вдругъ слухи довольно безпокойнаго свойства о военныхъ приготовленияхъ Россіи, но тотчасъ же исчезли, какъ только стало извѣстнымъ откуда и для чего они. И нынѣ, даже въ вѣнскихъ газетахъ пишутъ: „Биржа убѣдилась теперь, что недавняя политическая тревога не имѣла никакого основанія.“ Причемъ *Politik* говоритъ, что берлинскими и нештскими распространителямъ ложныхъ слуховъ о войнѣ не везетъ и что всѣ ихъ разглагольствованія повсюду встрѣчаютъ недоброуіе и категорическія опроверженія. Тѣмъ не менѣе, они отразились неблагоприятно на биржѣ, и не только для Россіи, но и для самихъ инсинуаторовъ. Нынѣ, впрочемъ, призраки всего тревожнаго исчезли и нашъ курсъ снова поправился. Но изреченіе, что желаніе мира, надо готовиться къ войнѣ, у многихъ не выходитъ изъ головы, и прежде всего у Криспи. Такъ, 5 іюня, въ засѣданіи палаты депутатовъ, при обсужденіи бюджета военнаго министерства, правительство потребовало 11 милліоновъ на расходы по управленію африканскими владѣніями. Баккарини предложилъ вкиснувать декларацию, что ассигнованные раньше на этотъ предметъ 8 милліоновъ признаются достаточными. Криспи поставилъ вопросъ о довѣрїи. Предложеніе Баккарини было отвергнуто большинствомъ 185 голосовъ противъ 66, послѣ чего палата значительнымъ большинствомъ голосовъ вотировала мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, выражающей довѣрїе министерству. Эта побѣда правительственной партіи, на довольно рискованной почвѣ довѣрїя къ ея дѣйствіямъ, какъ-бы служить подтвержденіемъ того, что дружба съ Германіей обойдется Италіи не дешево.

Впрочемъ, забота объ усиленіи своихъ военныхъ средствъ проявляется не въ одной только Италіи. Во Франціи, въ самый разгаръ выставки, свидѣтельствующей о трудѣ и энергіи французовъ на почвѣ мирнаго процвѣтанія промышленности, въ то самое время, когда министр-президентъ Тираръ просилъ представителей иностранныхъ державъ подтвердить своимъ соотечественникамъ, что „правительство французской республики, не жертвуя своимъ достоинствомъ и честью, искренно желаетъ жить въ добромъ согласіи со всѣмъ свѣтомъ“, морской министръ, адмиралъ Краицъ, во время преній о бюджетѣ морскаго министерства, заявилъ что „вскорѣ потребуются сдѣлать большое усиліе въ дѣлѣ морскихъ сооруженій. Мы потребуемъ на это кредитъ въ пятьдесятъ или шестьдесятъ милліоновъ“. Но это дѣло будущаго, и нынѣ французское правительство занято своимъ исконнымъ врагомъ Буланже и его сторонниками. Послѣдніе, радѣя не въ мѣру о своемъ главарѣ, своими неосторожными поступками и рѣчами вреда себѣ и генералу, только помогаютъ его противникамъ, которые, быть можетъ, и не такъ бы усердствовали, еслибъ имъ не напоминали бы о „національной партіи“.

Неосторожное и безразсудное поведеніе Деруледа, Лагерра и другихъ буланжистовъ въ Ангулемѣ имѣло послѣдствіемъ арестованіе ихъ самихъ. Это случилось какъ разъ въ то время, когда слѣдственная коммисія открыла якобы злоупотребленія, сдѣлан-

ны Буланже въ бытность его министромъ, по подрядамъ военному вѣдомству. Правда, генералъ Буланже поторопился дать по этому поводу объясненія корреспонденту *Figaro*, который передаетъ, что подряды эти заключены помимо обычныхъ правилъ счетоводства во время дѣла Шнебеля, и Буланже заявилъ, что онъ хотѣлъ тайно и быстро экипировать 900,000 человекъ, а потому и далъ президенту Греви подписать декретъ, который ему было разрѣшено входить въ подкомитетныя соглашенія съ промышленниками. Этимъ путемъ онъ, Буланже, въ вѣскольکو дней успѣлъ достигнуть того, что численность французской арміи значительно превысила германскую. *Temps*, говоря о разговорѣ Буланже съ корреспондентомъ *Figaro*, считаетъ возможнымъ утверждать, что указанные Буланже факты не составляютъ на основаніи общаго права тѣхъ пунктовъ обвиненія, которые обнаружены были дознаніемъ. Нынѣ слѣдственная коммисія верховнаго суда приступила къ препровожденію протоколовъ засѣданій къ генеральному прокурору, такъ какъ разсмотрѣнные документы и показанія свидѣтелей уже представляютъ достаточно данныхъ для того, чтобы дать ходъ дѣлу противъ Буланже. Коммисія однако продолжаетъ разсмотрѣніе секвестрованныхъ бумагъ, найденныхъ у вѣсколей мадамъ Бутонъ, на площади Мадленъ № 19, адресованныхъ отъ Буланже комитету національной партіи.

Пограничныя столкновенія въ Германіи за послѣдніе годы стали повторяться довольно часто. У всѣхъ еще въ памяти имена Шнебеля, Кауфмана и другихъ, но столкновенія изъ-за нихъ проходили довольно скоро и благополучно. Совѣтъ иной оборотъ принимаетъ дѣло изъ-за вѣсколей Вольгемута, полнейскаго комиссара въ Мюльгаузенѣ. Онъ прїѣзжалъ въ Швейцарію для того, чтобы сдѣлать за преступною дѣятельностью германскихъ социалистовъ, — по словамъ же швейцарскихъ газетъ, якобы для побужденія ихъ къ совершенію политическихъ преступленій, почему этотъ черезчуръ усердный агентъ былъ де арестованъ, а затѣмъ и выпроваженъ изъ Швейцаріи. Но Германія не одобрила дѣйствій швейцарскихъ властей и обвиняетъ въ потворствѣ Швейцаріи социалистамъ и анархистамъ. Такъ въ *Северо-Германской Всеобщей Газетѣ* напечатано: „1 (13) іюня представитель Германіи предъявилъ начальнику швейцарскаго департамента иностранныхъ дѣлъ жалобу на то, что Швейцарія злоупотребляетъ предоставленнымъ ей правомъ на нейтралитетъ, и что швейцарскія власти не исполняютъ сопряженныхъ съ этимъ правомъ обязанностей“. На это Союзный Совѣтъ заявилъ въ нотѣ адресованной германскому правительству, что вводимыя на швейцарскія союзныя власти обвиненія въ сообщничествѣ съ социалистскими элементами несраведливы и неосновательны. Швейцарскія власти всегда исполняли по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ свой долгъ и свои обязательства, касающіяся нейтралитета Швейцаріи, принципъ котораго отрицается Германіей. Нейтралитетъ Швейцаріи считается однимъ изъ принциповъ междунаціональнаго права Европы и никѣтъ, и меньше всего самою Швейцаріей, не оспаривается. Швейцарія будетъ попрежнему добросовѣстно соблюдать этотъ нейтралитетъ.“

Библиографія.

Flora von Deutschland. Herausgegeben von den Professoren Dr. Schlechtendal, Dr. Langethal и Dr. Ernst Schenk. V Auflage, revidirt von Dr. Ernst Hallier Professor der Botanik an der Universität Jena. Gera-Untermhaus 1888. Verlag von. E. Köhler. Band 1—30 nebst Register.

(*Флора Германіи*, издаваемая профессорами Dr. Шлехтенда-

лемъ, Dr. Лаугеталемъ и Dr. Эрнстомъ Шенкомъ. V издание, пересмотрѣнное и дополненное Dr. Эрнстомъ Галлеромъ, профессоромъ ботаники въ Йенскомъ университетѣ. Гера-Унтергаусъ. 1888. Изданіе Э. Кёлера. 30 томовъ и указатель).

Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго этому изданію, заключающему въ себѣ описаніе (550 печатныхъ листовъ текста) и

изображение (3283 раскрашенных таблиц) всех растений, свойственных Германии. А так как флора обеих стран больше чем наполовину одинакова, то сочинение это можно считать полезным приобретением для библиотек и русских учебных заведений. Каждое растение изображено на

особой таблицей с таким совершенством исполнения, что рисунок трудно отличить от ручной акварельной работы; притом, средина рисунка занимает общий вид (habitus) растения, а кругом изображены отдельные его части в увеличенных размерах, как-то: листья, цветы, плоды и проч.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божію Милостію

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій,
царь польскій, великій князь финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ 4-й день сего іюня, въ соборной церкви Зимняго Дворца, въ Нашемъ присутствіи, торжественно совершенно бракосочетаніе Любезнѣйшаго Брата Нашего Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича съ Дочерью Его Величества Короля Эллиновъ Королевною Александрою Георгиевною.

Возбѣщая о семъ радостномъ для сердца Нашего событіи и повелѣвая Супругу Великаго Князя Павла Александровича Александру Георгиевну именовать Великою Княгинею, съ титуломъ Императорскаго Высочества, Мы вполне убѣждены, что вѣрные подданные Наши соединятъ теплыя мольбы ихъ съ Нашими ко Всемогущему и Всемилосердному Богу о дарованіи постоянного, неизбѣимаго благоденствія Любезнымъ сердцу Нашему Новобрачнымъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 4-й день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ девятое, Царствованія же Нашего въ девятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

— Въ воскресенье, 4 іюня, во второмъ часу дни, совершилось, согласно Высочайше утвержденному церемониалу, бракосочетаніе Великаго Князя Павла Александровича съ Ея Королевъ. Высоч. королевною Александрою Георгиевною. На Невѣ, противъ Зимняго Дворца, вытнулася флотилія Императорскихъ яхтъ. Высоконареченную Невѣсту одѣвали къ вѣнцу статсъ-дамы: княгиня Барятинская и баронесса Вудбергъ, и греческая гофмейстерина г-жа Сапуница. Въ 1 часъ 15 минутъ началось шествіе въ церковь. Въ предшествіи придворныхъ чиновъ, Государь Императоръ шествовалъ подъ руку съ ея величествомъ королевою Эллиновъ, Государыня Императрица съ ея величествомъ королемою. Высоконареченные Женихъ и Невѣста шествовали рядомъ. Въ церкви Высочайшихъ Особъ встрѣтилъ высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ. Вѣнчаніе совершалъ протопресвитеръ Янышевъ. Вѣнды держали: надъ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ, Ихъ Императ. Высочества: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Вел. Кн. Алексій Александровичъ и Вел. Кн. Дмитрій Константиновичъ, надъ Невѣстою королевною — ея братья королевичи Наслѣдникъ Константинъ и Николай и Вел. Кн. Александръ Михайловичъ. Послѣ вѣнчанія чинами Святѣйшаго Синода было совершенно благодарственное молебствіе, сопровождавшееся установленнымъ салютомъ. Въ 5 часовъ въ Николаевской залѣ былъ обѣденный столъ, на 600 человекъ, для всѣхъ чиновъ Двора и особъ первыхъ трехъ классовъ. Положенные по церемониалу тосты сопровождались салютомъ съ Петропавловской крѣпости и стоявшихъ на Невѣ, противъ Дворца, судовъ.

Въ 9 часовъ въ Гербовой залѣ состоялась балъ, послѣ котораго, въ 10 час. вечера, послѣдовалъ церемониальный отъѣздъ Высоконовобрачныхъ во Дворецъ Е. И. В. Великаго

Князя Павла Александровича, на Английской набережной, противъ Морскаго училища.

— Въ понедѣльникъ, 5 іюня, въ 9 час. вечера, въ Маринскомъ театрѣ былъ парадный спектакль. Императорскій подѣздъ былъ убранъ растеніями. Фойе театра, въ которомъ была устроена Императорская гостиная, превратилось въ зимній садъ, съ пальмами, лаваніями и массою цвѣтовъ, совершенно скрывавшихъ перила у входовъ въ фойе. Роскошно сервированный чайный буфетъ находился въ фойе, чайные же буфеты съ прохладительными, фруктами и шампанскимъ были устроены еще въ первомъ и третьемъ ярусахъ, а также въ 4 ярусѣ, гдѣ были воспитанники военноучебныхъ заведеній и фельдфебеля гвардейскихъ полковъ.

При входѣ Ихъ Величество въ ложу, оркестръ исполнилъ греческій гимнъ, а затѣмъ „Боже Царя храни“. При концѣ русскаго гимна зала огласилась кликами „ура“.

Спектакль состоялъ изъ 3-го акта оперы Сьрова „Юдишь“ и одно-актнаго балета „Капризы бабочки“, соч. Пегина. Легкая, веселая музыка, написанная г. Кротковымъ, вполне гармонировала съ содержаниемъ балета, заимствованнымъ изъ извѣстной поэмы Я. П. Полонскаго: „Кузнечикъ — музыкантъ“. Роль бабочки исполняла балерина г-жа Никитина.

Дѣла церкви.

— Въ Вильну, 6 іюня, по случаю празднованія 50-й годовщины воссоединенія униатовъ, прибыли епископы Арсеній Рижскій и Никаноръ Одесскій. Наканунъ прибыли профессора Коляловичъ и Малышевскій. Празднованіе началось 6 іюня всенощнымъ бдѣніемъ, совершеннымъ преосвященными Алексіемъ, Никаноромъ и Арсеніемъ въ Свято-Духовомъ монастырѣ, въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ начальствующихъ лицъ и пріѣзжихъ почетныхъ гостей. 7-го, въ томъ же храмѣ совершена заупокойная литургія съ панихидою по почившимъ дѣтелямъ во воссоединенію униі. Въ часъ дня состоялось въ актовомъ залѣ 1-й гимназій общее собраніе Свято-Духовскаго братства въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ членовъ-братчиковъ и почетныхъ гостей. Хоръ былъ составленъ воспитанниками духовной семинаріи и другихъ учебныхъ заведеній. Собраніе открылъ протоіерей Гомолицкій; рѣчи произнесли: преосвященный Никаноръ, проф. Коляловичъ, протоіерей Левинъ и преподаватель семинаріи Кирилловичъ. Въ заключеніе крестьянинъ Минской губ., Новогрудскаго уѣзда, произнесъ стихи своего сочиненія, вызвавшие одобреніе всего собранія. Собраніе закончилось въ 4 часа пѣніемъ „со святыми упокой“ въ память почившихъ дѣтелей воссоединенія униі.

8 іюня архіепископъ Алексій съ городскимъ духовенствомъ совершилъ крестный ходъ и отслужилъ молебствіе на Соборной площади. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

— Въ Полоцкѣ, 6 іюня, епископомъ Полоцкимъ и Витебскимъ Антономъ отслужена въ Софійскомъ соборѣ всенощная, по окончаніи которой епископъ роздалъ народу крестики и брошюры въ память воссоединенія униатовъ. 7-го, утромъ, совершенъ крестный ходъ изъ всѣхъ полоцкихъ церквей въ Софійскій соборъ, гдѣ преосвященнымъ, въ сослуженіи мѣстнаго архимандрита, ректора витебской семинаріи, и всего полоцкаго духовенства, отслужена панихида по почившимъ дѣтелямъ воссоединенія, литургія и молебень. На литургіи законоучителемъ кадетскаго корпуса произнесено соответствующее случаю слово. Въ обильномъ торжествѣ принималъ участіе всѣ учебныя заведенія. На богослуженіяхъ пѣлъ соединенный хоръ воспитанниковъ учительской семинаріи и духов-

наго училища. Городъ былъ украшенъ зеленью, флагами и цвѣтами.

8 іюня, совершены, при громадномъ стеченіи народа, литургія и крестный ходъ на воду. Вечеромъ въ залахъ корпуса состоялось народное чтеніе. Раздавались брошюры.

— Въ Минскѣ, 8 іюня, въ соборѣ, женскомъ монастырѣ и екатерининской церкви отслужены молебны.

— Въ Варшавѣ, 7 іюня, архіепископъ Леопольдъ совершилъ въ кафедральномъ соборѣ, въ сослуженіи архимандрита и 5 протоіереевъ, панихиду по императорѣ Николаѣ, почившимъ дѣтелямъ воссоединенія униатовъ съ православной церковью, архіепископамъ Антонию, Василию и Михаилу, епископамъ Филарету, Игнатию и всѣмъ пастырямъ и мирянамъ, содѣйствовавшимъ воссоединенію. На панихидѣ присутствовали гражданскіе и военные чины, попечитель учебнаго округа, учителя и ученики духовнаго училища.

— 29 минушаго мая, происходила въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры хиротонія настоятеля Владиміро-Вольнскаго первокласснаго монастыря, архимандрита Александра въ санъ епископа Сухумскаго.

Правительственныя распоряженія.

— Въ особо уважительныхъ случаяхъ министру Финансовъ, по соглашеніи съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, представляется разрѣшать отсрочку и разсрочку недоимокъ окладныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей, числящихся на сельскихъ обывателяхъ всѣхъ наименованій, безъ ограниченія суммы, съ тѣмъ, чтобы продолжительность отсрочки не превышала пяти лѣтъ, общая же продолжительность той и другой льготы — десяти лѣтъ. При возбужденіи ходатайствъ о дарованіи сельскимъ обывателямъ льготъ по взносу окладныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей, губернская начальства дѣлають распоряженіе о приостановленіи, впредь до разрѣшенія сихъ ходатайствъ, взыскапія недоимокъ посредствомъ отдачи недоимщиковъ въ заработки и продажи принадлежащаго имъ имущества.

— Постановлено, что „мѣщанскіе старосты и ихъ помощники, а равно члены мѣщанскихъ управъ, гдѣ сінъ послѣднія учреждены по приговорамъ мѣщанскихъ обществъ, избираются срокомъ на три года.“

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на производство пріемныхъ экзаменовъ для поступленія въ 1 классъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ одновременно какъ ученикамъ приготовительныхъ классовъ, такъ и поступающимъ со стороны, именно въ маѣ мѣсяцѣ.

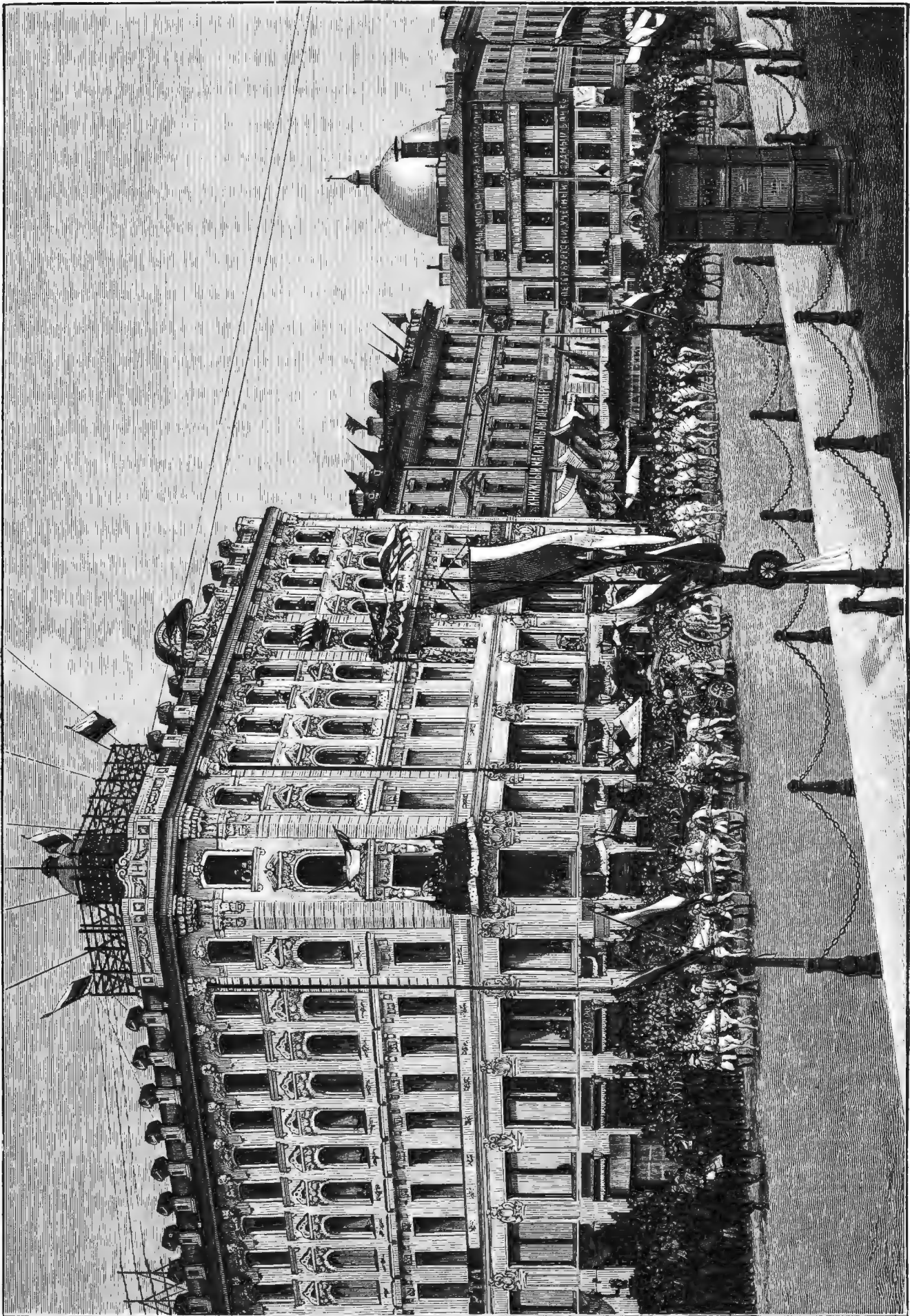
— Высочайше повелѣно: допустить избраніе маклеровъ при Николаевской биржѣ изъ нехристіанъ, но въ количествѣ $\frac{1}{3}$ всего наличнаго состава биржевыхъ маклеровъ и съ тѣмъ, чтобы старшій маклеръ былъ обязательно изъ христіанъ, и, сообразно съ симъ, дополнить § 51 Высочайше утвержденнаго 13 декабря 1885 года устава Николаевской биржи слѣдующимъ примѣчаніемъ: „число маклеровъ изъ нехристіанъ не должно превышать $\frac{1}{3}$ наличнаго состава биржевыхъ маклеровъ. Старшій маклеръ долженъ быть изъ христіанъ.“

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ г. Гжатскѣ, Смоленской губерніи, при мѣстной тюрьмѣ устраивается школа садоводства и огородничества.

Неврологъ.

— 1 іюня, скончался въ Петербургѣ бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета Орестъ Федоровичъ Миллеръ.

Торжественный въездъ Греческой королевы Александры Георгиевны въ СПб. Процессія на обратномъ пути отъ Казанскаго собора.
Съ фотогр. Бруно-Венгера, грав. Рашевскій.

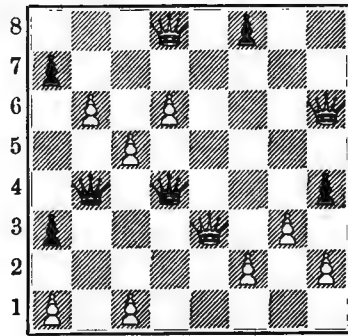

Торжественный въезд Греческой королевы Александры Георгиевны въ СПб. Прибытіе процессіи къ Зимнему дворцу.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Аленстева, грав. Ольшевскій.

Шашечная задача № 42.

Черныя.

А В С D E F G H

Бѣлыя.

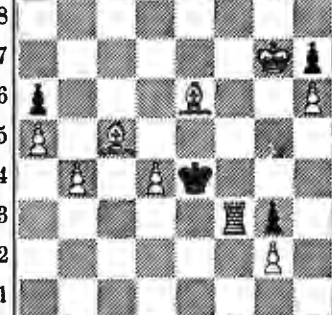
Бѣлыя начинаютъ и запираютъ всѣхъ черныхъ.

Шахматная задача № 43.

Г. Г.....

Черныя.

А В С D E F G H

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Алгебраическая задача № 44.

Одна русская пословица состоитъ изъ 12 буквъ; если эти буквы замѣнить числами соответствующими мѣстамъ алфавита русской азбуки, то между ними получимъ слѣдующія соотношенія:

- 1) Разность перваго и четвертаго относится къ третьему, какъ восьмое къ десятому числу.
- 2) Двѣнадцатое относится къ суммѣ втораго и пятаго, какъ третье къ десятому числу.
- 3) Четвертое относится къ одиннадцатому, какъ разность шестаго и седьмаго къ разности девятаго и втораго.
- 4) Разность двѣнадцатаго и втораго относится къ пятому, какъ разность перваго и девятаго къ суммѣ четвертаго и одиннадцатаго безъ седьмаго числа.
- 5) Первое относится къ суммѣ третьяго и одиннадцатаго, какъ сумма восьмаго и четвертаго къ суммѣ девятаго и пятаго.
- 6) Третье относится къ двѣнадцатому, какъ десятое къ восьмому числу.
- 7) Десятое относится къ четвертому, какъ восьмое къ одиннадцатому числу.
- 8) Корень квадратный изъ суммы шестаго и девятаго равенъ седьмому числу.
- 9) Корень кубический изъ суммы девятаго и удвоеннаго седьмаго равенъ четвертому числу.

10) Удвоенное шестое число равно разности девятаго и пятаго числа.

11) Разность шестаго и седьмаго равна одиннадцатому числу.

12) Сумма восьмаго и двѣнадцатаго равна суммѣ третьяго, втораго и пятаго числа.

Ребусъ. Задача № 45.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Новое, большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

ГЁТЕ „ФАУСТЪ“

Объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ Энгельберта Зейбертца, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.
Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *Русскія Вѣдомости* (№ 346), говорятъ о книгѣ слѣдующее: „Предпріятіе г. Маркса вполне теперь, является большою заслугою передъ цѣлительными изданными изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу — мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не ошибемся, сказавъ, что такого изданія безсмертной поэмы Гёте мы еще не видали... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ выполнилъ свою задачу блистательно, какъ въ этихъ работахъ, такъ и во множествѣ политипажей, находящихся въ текстѣ „Фауста“. Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта, — онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствительность тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ напечаталъ все это съ роскошью, которую насъ не избаловали русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много) — хоть вѣшал на стѣну, бумага великолѣпна, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгую вкусъ того времени, — ни банальной позолоты, ничего, что рѣзало-бы глаза... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ.“

Цѣна въ роскошномъ конномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., перес. за 35 фунтовъ по разстоянію.

Съ требованіями проситъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА

Невскій пр., д. 29—31, рядомъ съ Думою, въ С.-Петербургѣ.

Получаетъ и продаетъ процентныя бумаги, русское золото и серебро, иностранныя деньги въ кредитныхъ билетахъ, золото и серебро.

ВЫДАЕТЪ СУДЫ

подъ билеты I займа. . . . . 250 руб.

II займа. . . . . 225 „

Подъ другія проц. бумаги 10 проц. ниже биржевой цѣны.

ПРИНИМАЕТЪ ВКЛАДЫ:

до востребованія и на срокъ, а также на текущій счетъ.

Принимаетъ страхов. бил. I и II по 80 коп.

Исполняетъ биржевыя и иногородныя порученія въ точности.

Телефонъ конторы № 100. Мт. № 3932

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

К. БАУХЪ

В. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болѣй, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операций, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлѣхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умеренныя.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Широнда) Франція.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, монастырскихъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

СОДЕРЖАНІЕ: И. Н. Дурново (съ портр.). — Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть I. (Продолженіе). — Кто-же? Рассказъ Петра Дорошенко. (Продолженіе). — О числахъ. Германа Гатена. — Воспоминанія Блондена — Къ рисункамъ: Музына и вино (съ рис.). — Пчельникъ (съ рис.). — Сборъ древеснаго сока (съ рис.). — Лѣстница въ Имп. Академіи Художествъ (съ рис.). — Браносочетаніе Е. И. В. Великаго Князя Павла Александровича съ королевною Греческою Александрой Георгіевной. Торжественный вѣздъ Высокоархереиной невесты въ Петербургъ (съ 5 рис.). — Новый, цѣнный вкладъ въ изученіе климата Россіи. В. В. Иванова. (Окончаніе). — Дѣти полей. Стих. П. В. Быкова. — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Разныя извѣстія. — Задачи. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ялюшниковъ.

НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и фансимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученого Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошныхъ коленкоров. переплетахъ съ золотыми тисненіями — 8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“ — 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями проситъ обращаться въ СПбургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами — копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р.; въ колѣн. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-держащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Проситъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (70) № 2946

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Карзина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ известнымъ книгопродавцамъ.

Библиотека „Руниверс“

ШИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ, а частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
Кузнечій мостъ. Б. Морская. 21.

CORSETS LEOTY
adoptés par le High-Life parisien.

8. Place de la Madeleine. Paris

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь усовершенственнымъ цѣнамъ:

съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.
" 7 " " " съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

Самый легкий инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время продали многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прому прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. преісъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (4) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

С ПЕТЕРЪВЪНА ПЕШТЬ. БЕРЛИНЪ

„ЕКSIKKATORЪ“
1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ

ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА
ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ И ПР.
БРОШИРА БЕЗПЛАТНО ИШУ АГЕНТОВЪ
АДР. ИНЖ. ГРИТТЕРЪ ВАРШАВА

ПРОБОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

Петра Тимофѣевича Фирсова,
Москва, Москворѣцкая улица.

Имѣетъ громадный выборъ разныхъ всевозможныхъ сортовъ пробокъ рижскихъ и заграничныхъ фабрикъ и собственной выработки, а также имѣются въ большомъ количествѣ: капсулы, смолка и проч. товары, требующіеся для закупки посуды. Адресъ телеграммы: Москва, Фирсову.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ

РЭСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫЩЕЛЪВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. И. СЕРГѢЕВА.

Альбомъ этотъ отличается изысканствомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ изданіи. Литограф. обертка 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія просить адресовать: въ СПБ., къ контору журнала „Нива“ (Новскій, 6).

№ 1. РИСОВЫЙ КРАХМАЛЬ

ЗА ЧИСТОТУ ЭТОГО КРАХМАЛА ГАРАНТИРУЕТСЯ

РИГА

УПАКОВКА ЭТОГО КРАХМАЛА ВЪ ДЕРЕВЯННЫХЪ ЯЩИКАХЪ, УСТРАНЯЕТЪ ТЪ НЕДОСТАТКИ, КОТОРЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ ПРИ УПАКОВКѢ ВЪ БУМАГУ ИЛИ ВЪ КАРТОННЫХЪ КОРОБКАХЪ

Подъ вышеупомянутой маркой, вновь устроенная фабрика въ Ригѣ поставитъ

ПО ВСЕМА УМЕРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:

Рисовый крахмалъ перваго сорта, Блестящій бриллиантовый крахмалъ,
Крахмальную рисовую пудру, Крахмальный клейстеръ,
Вѣнскій клейстеръ, Кормовую муку

И КАКЪ НОВОСТЕ:

КРАХМАЛЬ ЦВѢТА КРЭМЪ.

Фабрикатъ эти при отличномъ качествѣ превосходятъ своимъ содержаніемъ большинство другихъ фабрикатовъ.

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ колоніальныхъ и аптечныхъ торговыхъ.

Продолжается подписка на политическую, общественную и литературную газету:

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ пересылкой: на годъ (съ января) 4 руб., на 9 мѣс. (съ января и апрѣля) 3 руб., на 6 мѣс. (съ января, апрѣля и іюля) 2 руб., на 3 мѣс. (съ января, апрѣля, іюля и октября) 1 руб.

За границу на годъ—6 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ по 10 к. за строку печата (35 буквъ).

АДРЕСЪ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Преображенская, 4.

Редакторъ И. В. Скворцовъ.
Издатель А. А. Гревъ.

№ 3927 2-1

Адвокатъ, архитекторъ, врачъ, купецъ, офицеръ, фабрикантъ или другое лицо можетъ за плату отъ 25 до 47 руб. въ годъ (смотря по роду занятій) застраховать въ Страховомъ Обществѣ „Россія“ 10,000 руб. на могущія произойти вслѣдствіе несчастнаго случая смерть или инвалидность. Съ третьяго года страхованія годичные взносы уменьшаются. Страхованія принимаются также съ условіемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взносовъ наследникамъ или же самому застрахованному, по достиженіи имъ 65-ти лѣтняго возраста.

Справиться въ Главной Конторѣ Стрховаго Общества „Россія“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, 13) или у агентовъ въ городахъ Имперіи. По требованію высылаются бесплатно подробныя брошюры.

№ 3935 4-1

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHATELAINES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Туль

Предлагаетъ: сѣлки, жейки, косилки, вѣлки, плуги разныхъ системъ и боромы. Цѣны самыя умеренныя.

Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. № 3719 12-10

ВОЙЛОЧНЫЯ ТУФЛИ!!!

Въ скоромъ времени выйдеть изъ печати преісъ-курантъ Войлочныхъ туфель фабрики В. Ф. Спѣхина (Садовая, домъ № 29, между Гороховой и Мучнымъ переулками) и будетъ разосланъ постояннымъ покупателямъ.

Желающихъ имѣть преісъ-курантъ на туфли прому сообщить свои адресы конторѣ фабрики. № 3904 2-2

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

МАТТОНИ ГИСТЮБЛЕРЪ

Чистый щелоческо-солевой источникъ
ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ И ЗДОРОВЫЙ
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ

можно всездѣ возучить.
(600000 миллион) бутыл. галовой вывозъ.

МОЛЬДАКОТЬ

Усовершенствованная английская карманная двухниточная швейная машина СЪ МОЛЕСОМЪ и автоматическимъ выбрасывающимся челнокомъ.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ сама тонкая, такъ и самая толстая матерія, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и вселѣй можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемого къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р. въ полнор. орѣзъ, личикъ 11 р 25 к., пересылка на 75 к. Въ Сибирь и на Кавказъ за 4 фунт.

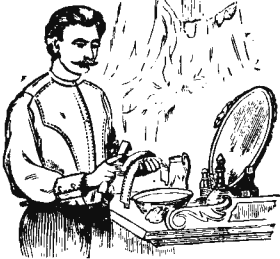
Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Маслицкая, д. Ермаковскихъ.

Въ Нижегородской ярмаркѣ: Бразильскій пассажъ, № 58. № 3924

НАВОЖДЕНІЕ. Ромъ изъ современн. жизни Вс Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЛЕНИНГЪСЪ и ГРОЗНИЦЪ
имѣютъ честь сообщать, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ "Нива". № 2408

Усовершенствованное Резиновое Вѣлье

вполнѣ замѣняющее полотняное, отличается своею прочностью и простою чисткой; только нѣсколько разъ потереть щеткой съ мыломъ и опять получается прежняя бѣлина. Воронникъ стоячій . . . р. 40 к.
отложной . . . " 60 "

Манжеты . . . 1 " "
Машинка . . . 1 " "
Галстукъ . . . 40 "
Кусокъ мыла . . . 15 "
Запонка для воротничка . . . 10 "
манжетъ . . . 15 "

Иногородныхъ покупателей просимъ при заказахъ прилагать одну треть стоимости въ задатокъ, остальные деньги могутъ быть переведены наложеннымъ платежомъ.

Главные склады резиновыхъ издѣлій **ПИХЛАУ и БРАНТЪ** въ Москвѣ, Петровка, д. Соколова.

Оптовый складъ Пилникъ, противъ Старого Гостиного двора, д. Общества Теплыхъ ридовъ.

Оптовымъ покупателямъ дѣлается значительная уступка. П. № 3908

7 Р. НОВОСТЬ!! 7 Р.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

ПОЛНЪЯ АППАРАТЪ отъ 10. 15. 20. р. р.

К.И.ФРЕЛАНДЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ. НЕВСК. ПР.СП. № 30/16.

Секретная камера въ видѣ маленькаго альбома, который, безъ предварит. умѣнья, фотографируетъ незамѣтно.

Рекомендуемъ всѣ виды фотограф. аппаратовъ отъ 10 р. до самыхъ изящныхъ, также объективы и пластинки всѣхъ фабрикъ и всѣ принадлежности. В. № 3905 5-8

Новый прейсъ-курантъ бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій Мостъ. Б. Морская № 21.

имѣетъ единственныя Склады для всей Россіи Велосипедовъ: (Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2 = 150 руб. =
Прейсъ-Курантъ высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ дѣльна увертюры, большія поурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Сисемъ пьесъ для Оркестра - Манопана, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ - бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. - Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

Только что вышелъ **ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ** и поступилъ въ продажу
АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

Дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туалетнаго зеркала со шпателью.

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительна, а именно 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала "Нива" (Невскій, 6).

Весьма легко для каждого заниматься фотографированіемъ. Предлагаемъ **ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ КАМЕРУ ШТИРНА.** Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р. Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту. Носится незамѣтно подъ сюртукомъ. Весьма удобна. Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.

Единственная продажа для всей Россіи. Краткое печатное наставленіе къ фотографированію прилагается бесплатно. Аппараты для съемокъ изображеній въ кабинетную величину, съ хорошимъ объективомъ, начиная съ 15 рублей. Большой выборъ всѣхъ предметовъ касаящихся фотографіи.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ **БРУНО ЗЕНГЕРЪ и Ко** С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР., № 25-1.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА "ГУНИАДИ-ЯНОСЪ"

По свидѣтельству врачей и авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и Вѣрное дѣйствіе, МЯГКІЙ ВКУСЪ, МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 3934 10-1

НАСТОЯЩІЯ ЕГИПЕТСКІЯ папирсы СЪ ФАБРИКЪ "С. А. Сахарово и Georgis D. Мастр" № 3930 ВЪ КАИРО 2-1

необыкновенно ароматичныя и замѣчательно пріятнаго вкуса. Въ жестяныхъ коробкахъ каирской упаковки по 100 папирсовъ, цѣною въ 3¼, 3½, 3¾, 4¼, 4¾, 5, 6¼, 6½, 6¾, 8¼ р. смотря по качеству и величинѣ папирсовъ. Единственное депо для Россіи у **БРУНО ВАЛЕНТИНИ.** С.-Петербургъ, уг. Казанскаго моста и Невскаго пр., д. 18-27, кв. 92.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 67, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Суды подъ всѣ % бумаги. Страхование выигрышныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3923 3-1

Также нужны въ Россіи съ постоянными мѣстами жительства **АГЕНТЫ.** Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Существующая нинѣ въ г. Нижнемъ-Новгородѣ и состоящая въ вѣдѣніи Нижегородскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества Постоянная выставка кустарныхъ произведеній Нижегородской губерніи принимаетъ заказы на нижеслѣдующіе предметы: судовыя цѣпи, желѣзныя и мѣдныя полотна для ситя и другихъ надобностей, торкры, долота, лопаты, вилы, сошники, подильники, на ножевой товаръ, ножицы, желѣзные судушки, замки, металлическія части для казачьихъ пикъ, пряжки на пояса нижнихъ воинскихъ чиновъ, малыя пряжки для амуниціи, крючки и петли, рыболовные крючки, металлическія игрушки, мозаичныя работы изъ дерева, мебель крашеную въ русскомъ стилѣ, деревянную посуду, Балахнинскія кружева, вышиванія гладью и въ выдержку и проч. Заказы слѣдуетъ адресовать или въ гор. Нижній-Новгородъ, въ Нижегородское Отдѣленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества или въ гор. Нижній-Новгородъ, Завѣдующему Постоянной выставкой кустарныхъ произведеній Нижегородской губерніи. № 3917 5-2

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ Франкфуртъ и/М. фабрикантъ велосипедовъ **"ОРЕЛЬ"**.

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Имѣютъ агентствъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. 12-9

ШОКОЛАДЪ А. И. АВРИНСОВА СЫНОВИИ ВЪ МОСКВѢ. С. № 3885

продается во всѣхъ городахъ **РОССІИ**

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

г. XX

№ 26

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к. Издавъ 24 Юля 1889 г.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКИЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ . . . . . 6 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи . . . . . 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Графъ Д. Н. Влудовъ.
Незадолго передъ своею смертію знаменитый исторіографъ Карамзинъ указавъ императору Николаю Павловичу на челоѣка достойнаго занять отвѣтственный постъ въ государственной высшей администраціи. Этотъ челоѣкъ былъ Влудовъ, родственникъ Державина и Озерова, другъ Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, Уварова, Дашкова, тотъ самый Влудовъ, чье имя тѣсно связано съ происхожденіемъ извѣстнаго Арзамасскаго общества, съ великой реформой освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и съ подготовительными работами ко введенію судебной реформы въ нашѣмъ отечествѣ. Постоянно находясь подъ благотворнымъ вліяніемъ Карамзинскаго кружка, замѣчательно способный, превосходно воспитанный, съ огромнымъ запасомъ знаній, челоѣкъ рѣдкой души, онъ блистательнымъ образомъ оправдалъ рекомендацію Карамзина и своею многотрудною служебною дѣятельностью сни-

Графъ Дмитрій Николаевичъ Влудовъ (по поводу 25-й годовщины его смерти). Съ соврем. портр. грав. Шюблеръ.

скалъ себѣ всеобщее уваженіе, благодарность потомства и оставилъ по себѣ дорогую, незабвенную память. Графъ Влудовъ займетъ въ исторіи Россіи одну изъ блестящихъ страницъ, ибо, кромѣ заслугъ своихъ въ качествѣ неутомимаго, въ высшей степени полезнаго администратора, онъ имѣетъ большое значеніе въ умственномъ движеніи русскаго общества, какъ наборникъ науки, какъ двигатель отечественнаго образованія. Дѣятельность гр. Влудова была чрезвычайно обширна, отличалась многосторонностью. Онъ принималъ участіе въ изданіи дополненій къ Своду Законовъ, въ разработкѣ преобразовательныхъ проектовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія вообще и по разнаго рода законодательнымъ вопросамъ въ частности. Самымъ сложнымъ трудомъ гр. Влудова была его работа по изготовленію изданнаго въ 1845 году „Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, при которой просмотрѣны и приняты въ соображеніе всѣ лучшіе своды европейскіихъ

законодательствъ. На эту работу онъ употребилъ много времени и самаго кропотливаго труда, выказавъ бездну терпѣнія, сообразительности и обширныхъ историко-юридическихъ свѣдѣній. Немало поработалъ онъ и надъ крестьянскою реформой, въ которой онъ принималъ непосредственное участие, глубоко сочувствуя самой идеѣ освобожденія крестьянъ, и на его долю выпала за то высокая честь скрѣпить своею подписью, въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, актъ освобожденія крестьянъ внутри Имперіи. Участіе графа Блудова въ дѣлѣ этого освобожденія касалось не только коренныхъ русскихъ, но и крестьянъ Царства Польскаго, на необходимости сербской и полной крестьянской реформы въ которомъ онъ настаивалъ еще въ 1856 году, будучи вице-предсѣдателемъ польскаго департамента Государственнаго Совѣта. Онъ обращался къ тогдашнему намѣстнику Царства Польскаго, князю Горчакову, съ отношеніемъ, въ которомъ говорилъ о необходимости ограничить власть гминныхъ войтовъ, устранить общественныя управленія городскія и сельскія и преобразовать бытъ крестьянъ на основаніяхъ, постановленныхъ указомъ 1846 года. Тогда мысль эта была замята и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ получила осуществленіе.

Заботился гр. Блудовъ и о судебныхъ реформахъ въ нашемъ отечествѣ; біографы его утверждаютъ, что этотъ замѣчательный государственный челоѣкъ и въ домашней бесѣдѣ, и при отиравленіи служебныхъ обязанностей, всегда высказывалъ задушевную мечту свою о преобразованіи или совершенномъ измѣненіи существовавашаго у насъ порядка судопроизводства и судоустройства. Совершеніе основы труда по разработкѣ всѣхъ относящихся до преобразованія судебной части проектовъ принадлежитъ всецѣло гр. Блудову. Онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на разрѣшеніи такой важной задачи и въ качествѣ главноуправляющаго II отдѣленіемъ Канцелярїи Его Величества составилъ и внесъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта цѣлый рядъ проектовъ, служившихъ тогда основаніемъ предложеній о преобразованіи судебной части. Не смотря на преклонныя лѣта свои, на болѣзненное состояніе, графъ Блудовъ принималъ самое дѣятельное, самое горячее участіе въ послѣдующихъ работахъ по этому многосложному государственному предпріятію. Кромѣ служебныхъ занятій, гр. Блудовъ заботился объ изданіи письменныхъ памятниковъ отечественной древности, стараясь сдѣлать ихъ доступными каждому. При немъ напечатано нѣсколько томовъ дворцовыхъ разрядовъ, копіи съ 20 записныхъ книгъ московскаго Разряднаго архива и обнародовано много актовъ, касающихся сношеній древней Руси съ иностранными державами. Состоя президентомъ Императорской Академіи Наукъ, онъ заботился о составленіи проекта новаго устава Академіи, а въ качествѣ члена Русскаго археологическаго общества и Общества исторіи и древностей россійскихъ, онъ дѣлалъ все что было въ силахъ, относился необыкновенно тепло и участливо къ каждому полезному предпріятію ученому и литературному. По словамъ академика Грота, графъ Блудовъ, находясь „на высотѣ гражданскихъ почестей, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ наукѣ и ея представителямъ, являлъ себя не начальникомъ и не вельможею, а челоѣкомъ, въ достойнѣйшемъ значеніи этого слова“. Нѣкогда онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ литературнаго движенія „блистательной и кипѣвшей новою жизнью“ Карамзинской эпохи. Въ первыя два десятилѣтія нынѣшняго вѣка онъ находился въ рядяхъ той фаланги молодыхъ писателей, которая ратовала, подъ знаменемъ Карамзина, оружіемъ ироніи противъ крайностей школы Шишкова. Позднѣе онъ редактировалъ послѣдній томъ исторіи Карамзина и напечаталъ брошюру „Послѣдніе дни и кончина императора Николая I-го“, переведенную на языки польскій, французскій, англійскій и нѣмецкій. Истинный другъ просвѣщенія, гр. Блудовъ спасъ въ 1848 году наши университеты отъ закрытія, а въ послѣдніе дни жизни не переставалъ заботиться о судьбѣ нашихъ учащихся.

Таковы черты плодотворной дѣятельности этого блестящаго русскаго сановника, на котораго сыпались награды и которыи, имѣя всего 43 года, былъ уже въ чинѣ тайнаго совѣтника. Родъ Блудовыхъ весьма древній и происходитъ отъ воеводы Ивещея Блуда, во св. крещеніи Іоны, извѣстнаго въ концѣ X вѣка и павшаго въ борьбѣ съ поляками на Бугѣ въ 1018 году. Родовначальникъ Дмитрій Николаевичъ Блудова, Борисъ Семеновичъ ѣздилъ въ 1528 году посломъ Василя Іоанновича къ хану крымскому Сайдыть-Гирею. Отъ сына этого пошла, Ѳеодора, родился Семень Ѳеодоровичъ, участвовавшій въ возведеніи Бориса Годунова на царство и бывший потомъ воеводою въ Алатырѣ. Назарій Васильевичъ Блудовъ, по прозвищу Беркутъ, находился въ числѣ воеводъ-сподвижниковъ Пожар-

скаго и Минина во святомъ дѣлѣ спасенія отечества; отъ сѣдмаго колѣна этого Беркута и произошелъ графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. Онъ родился въ селѣ Романовѣ, Суздальскаго уѣзда, Владимірской губерніи, 5 апрѣля 1785 года, въ небогатой дворянской семьѣ. Рано потерявъ отца, онъ выросъ подъ надзоромъ матери, Екатерины Ермолаевны, рожденной Тишиной, женщины необыкновенно красивой, умной и высоко нравственной. Не смотря на свою молодость, она отказалась отъ втораго брака и посвятила себя сыну, стараясь дать ему наилучшее воспитаніе. Переѣхавъ съ нимъ въ Москву, Екатерина Ермолаевна, кромѣ гувернеровъ, приглашала давать уроки сыну лучшихъ учителей, профессоровъ университета и университетскаго пансіона. Дмитрій Николаевичъ обнаружилъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ прекрасныя способности и удивлялъ всѣхъ, и наставниковъ, и постороннихъ, своею богатою памятью, которую сохранилъ до послѣднихъ дней. Къ занятіямъ наукою онъ чувствовалъ влеченіе, но еще болѣе любилъ чтеніе и въ особенности историческое, отъ котораго его было трудно оторвать. Языки французскій, нѣмецкій и итальянскій онъ зналъ прекрасно еще въ юности, а англійскій изучилъ въ Лондонѣ, въ бытность совѣтникомъ посольства. Онъ также занимался усердно и классическими древними языками, которыхъ не забылъ даже и въ старости. По обычаю того времени, онъ едва-ли не съ пеленокъ былъ занесенъ въ списки Измайловскаго гвардейскаго полка, но мать исходатайствовала сыну увольненіе изъ военной службы, и въ 1800 году, пятнадцатилѣтнимъ отрокомъ онъ поступилъ въ московскій Архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, юнкеромъ. За свои выдающіяся способности и знаніе языковъ онъ скоро произведенъ былъ въ переводчики, а затѣмъ и въ чинъ коллежскаго ассесора. Въ архивѣ онъ особенно подружился съ Андреемъ и Александромъ Тургеневыми и съ Дашковымъ; послѣдній познакомилъ его съ Жуковскимъ. Любовь къ литературѣ, театру и сходство вкусовъ быстро сблизили Блудова съ Жуковскимъ, который вмѣстѣ съ Дашковымъ и по-этомъ Карамзиннымъ имѣлъ огромное вліяніе на образованіе характера Блудова. Въ 1807 году Блудовъ былъ посланъ въ Голландію, а въ 1810 получилъ мѣсто правителя дипломатической канцелярїи графа Каменскаго, который находился въ Молдавіи и посылалъ его съ важными порученіями въ Петербургъ. Изъ пребыванія своего въ Молдавіи, молодой Блудовъ вынесъ сочувствіе къ славянамъ и съ той поры гдѣ могъ отстаивалъ интересы этого племени. Въ 1813—1817 годахъ онъ состоялъ повѣреннымъ въ дѣлахъ сперва при Шведскомъ дворѣ, а потомъ при Лондонскомъ. Съ 1822 года онъ былъ откомандированъ въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ и уже болѣе не возвращался на дипломатическое поприще. Когда произошли прискорбныя событія на Сенатской площади въ декабрѣ 1825 года, Блудовъ получилъ важное порученіе присутствовать въ комисіи по разслѣдованію бунта и за исполненіе Высочайшаго порученія былъ пожалованъ въ статсъ-секретари, назначенъ тогда-же товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія и главноуправляющимъ иностранныхъ исповѣданій. За устройство греко-уніатскихъ церквей онъ получилъ въ 1828 г. высочайшую благодарность и чинъ тайнаго совѣтника. Въ 1830—1840 годахъ онъ управлялъ министерствомъ Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, снова министерствомъ Юстиціи и, наконецъ, былъ назначенъ (1839 г.) управляющимъ II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцелярїи, членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ департамента Законовъ, съ пожалованіемъ тогда-же чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а съ 1840 года присутствовалъ въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго. Независимо отъ этого онъ принималъ участіе во многихъ комисіяхъ: по разграниченію губерній, по устройству Закавказскаго края и проч. За многолѣтніе служебные труды свои въ 1842 году Блудовъ возведенъ въ потомственное графское достоинство. Съ воцареніемъ императора Александра II, графъ Блудовъ былъ назначенъ (1855 г.) президентомъ Академіи Наукъ, въ слѣдующемъ году предсѣдателемъ еврейскаго комитета, а потомъ (1857 г.) комитета дѣтскихъ приютовъ, а 1 января 1862 г. — предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Д. Н. Блудовъ скончался 19 февраля 1864 г., въ тотъ самый день, когда Государь подписалъ указы объ окончательномъ устройствѣ быта крестьянъ въ Польшѣ. Тѣло графа погребено въ Александро-Невской лаврѣ. Графъ Блудовъ, какъ прекрасно характеризуетъ его академикъ Гротъ — принадлежалъ къ высшему обществу по рожденію и по обстоятельству, среди почестей сохранялъ простоту нравовъ, среди обаяній власти выше всего ставилъ законность, среди легкости къ обогащенію не измѣнилъ безкорыстію и умѣренности.

П. Быковъ.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

ХІХ.

Ночь была ясная, лунная. На монастырской колокольнѣ было два часа.

Анфиса Кирилловна лежала въ спальнѣ. Сегодня ей не спалось, но бессонница была легкая, безъ жару, безъ истомы, безъ тщетныхъ и мучительныхъ усилій

забыться и задремать; старушка два раза уже вставала и ходила въ комнату къ Вѣрочкѣ. Крестила внучку, при чемъ котенокъ, спавшій на подушкѣ у дѣвушки, просыпался, томно мурлыкая и раскидываясь еще вольготнѣе, упирался розовыми лапками въ разгорѣвшуюся щеку дѣвушки. Теперь старушка успокоилась, и слыша черезъ стѣну ровное дыханіе ея, широко открытыми глазами смотрѣла въ сумракъ, въ которомъ кроткій свѣтъ лампы, ровно горѣвшей за краснымъ стекломъ, боролся съ серебристымъ сіяніемъ мѣсяца, полоскою ложившимся на полъ черезъ большое, ничѣмъ не завѣшенное окно. На полу рѣзко обрисовывались отраженные вѣтви какого-то куста, порою онѣ колыхались и Анфиса Кирилловна соображало: „должно быть вѣтеръ подымается“. Разъ по полу пробѣжало черное пятно и тотчасъ бабушка вспомнила, что какая-то птица повалилась по ночамъ летать мимо, большая-большая. Какъ-то даже за окномъ ея сѣла и вся на лунномъ свѣту рѣзко обрисовалась.

И какъ тихо!.. Такъ тихо, что въ возбужденномъ слухѣ само собою рождаются загадочные звуки, плывутъ-плывутъ, свиваются и словно падаютъ въ какую-то бездну, не оставляя ничего послѣ себя. Что-то словно шуршитъ за окномъ, должно быть вѣтеръ сильнѣе... Еще и еще... Заколыхало вѣтви такъ, что онѣ въ стѣну дома застучали, точно за нею стоитъ кто-то... А свѣтъ лампы ровно лется, и отрадно Анфисѣ Кирилловнѣ смотрѣть какъ выступаетъ въ свѣтломъ кругѣ этого огонька потускнѣвшій образъ Черниговской Божіей Матери... „Ахти мнѣ“, думается старушкѣ, „обо всемъ земномъ позаботилась, а главнаго-то не сдѣлала. Ризъ на иконахъ не вычистила. Потемнѣли даже и сіяніе лампы не играетъ на нихъ, только корона свѣтится самоцвѣтными камнями...“ Всмотривается старушка въ ликъ Богородицы, благостно обращенный къ ясному лицу Младенца, сидящаго у Нея на колѣнахъ со свиткомъ въ одной рукѣ и съ другою, протянутой и сложенной словно для благословенія. И чудится Анфисѣ Кирилловнѣ, что эта рука къ ней движется, что сама Пречистая смотритъ уже не на Сына Своего, а на нее—и хорошо и легко на душѣ, и чувствуетъ она: „Умирать не страшно, хоть сейчасъ... Готовалъ.“

Невольно вспоминается ей какъ эта-же икона висѣла у ея матушки и такъ-же какъ у нея, т. е. съ подушекъ, обѣ онѣ видѣли ее передъ собою. Вотъ этотъ вѣнчикъ у короны сдѣлала ея мать, корону убрала рубинами и изумрудами она уже... И такъ всю жизнь со всѣми своими великими горестями и печальми провела она подъ этимъ сіяніемъ кроткимъ, и если жаловалась кому, такъ только Ей, Предстательницѣ; если и просила помощи, такъ у Нея лишь одной. И вспоминалось Анфисѣ Кирилловнѣ, какъ, избитая, вся въ синякахъ, съ болью во всемъ тѣлѣ, съ горькимъ сознаниемъ обиды въ смущенной душѣ, она лежала послѣ безобразныхъ сценъ съ мужемъ, слушая изъ другой комнаты его пьяный и дикій бредъ, и какъ подъ сіяніе этой лампы, подъ взглядомъ Пречистой Дѣвы въ ней смирилась тревога, расцѣввалось озлобленіе, упрекъ замиралъ на устахъ—и слезы кротости и любви выступали на глазахъ ея... А потомъ, словно кошмаръ, гибель всего во что она вѣрила: взяли ея мужа—и ни въ сердцѣ своемъ, ни во взорахъ близкихъ людей, невольно опускавшихъ, она не находила ему оправданія. Слава Богу, прошло то время, совсѣмъ прошло. Она увезла сиротку-внучку и скрылась здѣсь въ тишинѣ и забвеніи, въ тѣни этой обители... И дни шли за днями, годы за годами—не замѣтно, одинъ похожій на другой, подъ звонъ все тѣхъ-же колоколовъ, все съ тѣми-же стариками, маленькія слабости которыхъ и огорченія не вносили особенно густыхъ тѣней въ ея счастливое существованіе... И выросла она свою дѣвочку, и чувствуетъ, что если

на Страшномъ Судѣ Господнемъ спросятъ у нея, „что ты сдѣлала съ ней и чему научила ее“, она смѣло подыметъ свои очи и отвѣтитъ: „добро сдѣлала и добру научила“. И благодарное чувство наполняло сердце ея, когда она вспомнила какую любовью заплатила ей внучка, какъ она заботилась о своей старушкѣ, какъ онѣ обѣ сжились съ нею... „Призри ее, Богородица, не оставь когда меня не будетъ!“ беззвучно шепчетъ бабушка, и чудится ей во взглядѣ благостнаго лика внятное: „Призрю и не оставлю...“

„Не сдѣлала-ли я зла кому?“ роется Анфиса Кирилловна въ памяти, „можетъ по невѣдѣнію и незнаемое?“ Только въ своей душѣ она не находитъ ни раздраженія, ни чувства обиды... Она всѣмъ простила, значить и всѣ ее проститъ также... Одно только темнымъ облакомъ заволокло ея послѣдніе дни: смерть ея мужа... Что-то защемило сердце Анфисы Кирилловны. Она поднялась на подушкѣ. Такъ и видится ей зеленый берегъ рѣки, песчаная отмель и это прикрытое вѣтвями могучее тѣло ея безпутнаго старика, съ широкою раною на шеѣ, съ багровыми и синими подтеками на лицѣ, съ мухою такъ спокойно чистившею себѣ головку на его остеклѣвшемъ глазу, и съ другими плотною черною каймою освѣвшими на самой ранѣ... Чу, что это прожужжало въ воздухѣ? Не та-ли эта муха? Бьется... Подлетѣла къ лампадѣ, сѣла на нее, и какою-то свѣтлою искоркою упала внизъ... Да... Это одно стоитъ передъ нею—и не знаетъ она сама въ который уже разъ допрашиваетъ старушка у своей совѣсти, у иконы, которой вѣрить, у огонька этой лампы, у тишины ночной, у полосы луннаго свѣта: могла-ли она поступить иначе?.. Вѣдь онъ самъ-бы ушелъ, только сначала измучивъ Вѣрочку, оскорбивъ въ ней все, что съ такимъ тщаніемъ было взращено въ ея дѣтской, чистой и незлобивой душѣ. Онъ самъ-бы ушелъ, когда гармонія этой кроткой жизни была-бы нарушена... Она отпустила его съ миромъ, она снабдила его всѣмъ для новаго существованія. Онъ самъ нашель недостойныхъ товарищей своихъ... И опять ея уста шепчутъ молитву за него... И ужъ не только ради мученической кончины его молить она прощенія ему,—а ради слезъ нежданно тогда пролитыхъ имъ, ради всей ея чистой жизни, ради искупленія, которое она несла за него и ради „Твоей собственной благодати, Господи!“ заканчиваетъ она эту молитву. И чудится ей, что въ тишину ея комнаты вселилось что-то, что чей-то духъ стоитъ между нею и этою лампадой, но не злой, не мстительный, а очищенный скорбью и покаяніемъ. Чувствуетъ она, что не одна здѣсь, что вмѣстѣ съ нею присутствуетъ кто-то чье дуновение едва-едва замѣтно проносится по ея лицу—волосамъ... Даже огонекъ въ лампадѣ если и не заколебался, то все-же въ немъ замѣтно какое-то движеніе. Онъ вытянулся ярче, освѣтилъ низенькую комнату и опять упалъ за край краснаго стекла и мирно свѣтитъ оттуда на лежащую... Не забыла-ли она еще чего?.. Нѣтъ, кажется все... Да... Кому она отдастъ иконы свои? Она обѣщала Сергія Радонежскаго (слова Богу, ризу ей хорошо обновилъ мастеръ въ городѣ)—въ монастырь. Была и прежде на немъ риза, но тонкая и не искуснаго чекана. Теперь не стыдно сдѣлать это пожертвованіе, по крайности будутъ молиться и ее вспомнятъ, скажутъ: „помяни ее Господи во царствіи Твоемъ...“ Она смѣется вспоминая удивленіе мастера, которому на ризу эту она отдала старинные Екатерининскіе рублевики. Двѣсти штукъ ихъ было, отъ бабки еще достались ей они вмѣстѣ съ многими другими. Эти послѣдніе—ею и были назначены на ризу. Вонъ другія иконы—тѣ тоже въ церковь Варвары Великомученицы, а эту въ соборъ—не иначе. Черниговскую Божію Матерь—надо отдать Вѣрочкѣ. Она—фамильная. Она отъ матери къ старшей дочери споконъ вѣку шла, съ тѣхъ поръ какъ еще

Степной воръ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Каразина, грав. Флюгель.

Знаменщикъ текинской конной милиціи. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, грав. Шлиперъ.

при Екатерину I домъ сгорѣлъ и все бывшее въ немъ погибло, а на другой день среди головней, золы и угля падали этотъ образъ уцѣлѣвшимъ и чудесно сохранившимся. Анфиса Кирилловна вѣрила, что всякая злая мысль у ея внучки испарится какъ роса подъ солнцемъ безо всякаго слѣда при одномъ взглядѣ на этотъ образъ.

И когда зазвонили утренніе колокола къ ранней обѣднѣ, когда въ кухнѣ послышался шумъ, Устинья встала, попробовала было подняться и Анфиса Кирилловна — но уже не могла. Шевельнулась и руку переложила и головой повернулась, но встать у нея не было силъ, точно ее подрѣзало что-то, ни малѣйшей боли нигдѣ, а чувствуетъ, что придется ей теперь уже лежать — пока не придетъ ея часъ... Что-же, она только улыбнулась, счастливая и тихая... А колокола звонили все громче и громче, буди остротность и наполняя всю ея маленькую комнату своимъ торжественнымъ благовѣстомъ. Онъ еще казался торжественнѣе въ окружавшей ее мистической тишинѣ... И отзвонили... И опять безмолвіе обступило ее воспоминаніями.

Устинья вошла къ ней.

— Позови Вѣрочку.

— Встанете чай пить?

— Нѣтъ, не встану! Позови Вѣру — разбуди.

Вѣра прибѣжала встревоженная, но успокоилась увидя улыбающееся лицо бабушки.

— Что ты, милая?

— Я не встану больше, Вѣрочка. — Она положила ей руку на голову. — Помни, не разлучайся никогда съ этою иконою... указала Анфиса Кирилловна. — А остальные въ обитель, какъ скажу я тебѣ. Вотъ что еще: сегодня ты ужь не ходи въ монастырь, а побудь со мною... Можетъ быть вечеромъ...

Но замѣтивъ что на глазахъ дѣвушки выступили слезы, она улыбнулась ей еще разъ.

— Будетъ тебѣ, глупая... Видишь я не страдаю, совсѣмъ... Что ужь! прибавила она по своей привычкѣ.

XX.

Маленькій домикъ Рѣпьевой весь наполнился монахинями. Черные силуэты ихъ мелькали въ комнатахъ и рѣзко выдѣлялись на зеленомъ фонѣ небольшого свѣжаго и сплошь осыпаннаго сегодня алмазною росой садика. Даже мать Степанида бросила врата обители и посадила туда на свое мѣсто молоденькую бѣлицу. Варлаама, Серафима и другія монахини безмолвно сидѣли въ гостиной, — онѣ еще не могли войти въ спальню къ Анфисѣ Кирилловнѣ. Та передъ соборованіемъ исповѣдывалась и приобщалась. Вѣрочка, блѣдная, растерянная, показывалась то у себя гдѣ сидѣли ея товарки по школѣ рисованья, то среди важныхъ и молчаливыхъ старухъ, то въ саду. Не зная что ей дѣлать, въ ожиданіи близкой бѣды и перелома всей ея жизни, она то припадала къ матери Серафимѣ, то садилась рядомъ съ Варлаамой. Бабушки все такъ же безмолвно гладили ее по головкѣ, ласкали и, точно отвѣчая ея глазамъ полнымъ слезъ, покачивали головою, словно говоря: „довольно, грѣшно роптать.“ Наконецъ и отецъ Симеонъ вышелъ и позвалъ Вѣрочку. Она бросилась къ умирающей; обняла ее и прижалась къ ея разомъ исхудавшему лицу... Какіе большіе глаза стали у бабушки, какъ обострился носъ! Губы бѣлыя-бѣлыя совсѣмъ.

— Послѣ, послѣ простимся... съ усиліемъ шепчетъ старушка. — Въ правомъ верхнемъ комодѣ пакетъ.

Вѣрочка пошла, отперла комодъ. Тамъ лежало нѣсколько конвертовъ. Дѣвушка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на бабушку.

— Который отцу Симеону... за исповѣдь... Поди отдай. Этотъ-ли? Покажи. Другой за похороны, тотъ потомъ... Ихъ позови.

Вѣрочка, глотая слезы, вышла къ священнику. Тотъ взялъ конвертъ съ деньгами и изумился.

— Распорядительная старушка, похвалилъ онъ. — Обо всемъ озаботилась заранѣе, чтобы не застало ее яко тать въ нощи. Ну, что-же, дай Богъ каждому. Истинно во блаженномъ успеніи!..

Вмѣстѣ съ монахинями вошла и дѣвочка въ спальню къ бабушкѣ.

— Умру... заговорила она, — умру, такъ въ лѣвомъ верхнемъ комодѣ тутъ. Простите, Вѣрочка раздастъ.

— О насъ заботится, недовольно заговорила мать Варлаама. — И что это еще *умру* да *умру*. Вонъ я сколько разъ умираю и исповѣдывалась — и все жива, на дыбахъ-то брожу пока Господь грѣхамъ терпитъ, и ты вотъ...

Но тутъ Анфиса Кирилловна строго посмотрѣла на нее, такъ что у Варлаамы точно языкъ обрѣзало.

— А и ежели... смущенно заговорила она, — что-же, надо надѣяться...

— Я и надѣюсь на милосердіе Его! обратила старушка взглядъ на иконы. — Вижу... Но уже плохо. Словно пятно какое между мною и ими дрожить... Почитайте, почитайте-ко... И взглядомъ показала она на Евангеліе.

Славянскаго она не понимала и держала у себя русское.

— Которую главу?

— А на удачу — раскройте...

Мать Варлаама съѣла. Кругомъ столпились монахини. Благоговѣйная тишина нарушалась только ихъ дыханіемъ, да шелестомъ платья... Игуменья раскрыла книгу и начала:

„И вотъ пришелъ человекъ, именемъ Іаиръ, который былъ начальникомъ синагоги. И падши къ ногамъ Иисуса, просилъ Его войти къ нему въ домъ.“

„Потому, что у него была одна дочь, лѣтъ двѣнадцати и та была при смерти. Когда-же Онъ шелъ, народъ тѣснилъ Его“.

Вѣрочка, сидя въ ногахъ у бабушки, безмолвно плакала... Смутно вспоминала она потомъ, какъ совершалось соборованіе, какъ снова началось прерванное чтеніе, какъ дребезжащій, проникнутый внутреннимъ волненіемъ голосъ Варлаамы читалъ (урывками укладывалось все это въ памяти дѣвушки:

„Но Иисусъ, услышавъ это, сказалъ ему: не бойся, только вѣруй и спасена будетъ“.

И потомъ:

„Все плакали и рыдали о ней, но Онъ сказалъ: не плачьте — она не умерла, но спитъ...“

Потомъ сталъ въ головахъ ея отецъ Симеонъ и читалъ что-то... Вѣрочка помнитъ какъ бабушка подняла было руку, чтобы перекреститься, но не осилила, — и Серафима взяла ея руку въ свою и въ то время какъ читалъ отецъ Симеонъ, дѣлала крестное знаменіе, и благодарный взглядъ старушки скользилъ по всѣмъ окружающимъ ея лицамъ. Вдругъ она очнулась, точно какая-то забота пробѣжала по ея лицу.

— Что тебѣ? наклонилась къ ней Серафима.

— Вѣрочка гдѣ?.. гдѣ?

Очевидно глаза уже плохо служили ей.

— Здѣсь я, бабушка.

Вѣра взяла ея руку и приложила къ губамъ своимъ.

— Вотъ... забыла... Акимѣ напомни... Устинѣ отдай за годъ впередъ... Плиту не надо, слышишь?.. Какъ у мамы у твоей, крестъ деревянный поставь...

Еще смутнѣе, будто въ туманѣ, помнила Вѣрочка, точно все это застили ей слезы, какъ бабушка благословила ее, какъ потомъ она сама безъ посторонней помощи вдругъ подняла руку и стала словно снимать съ лица и заострившагося носа паутину, и глаза у нея все шире и шире открывались и радостное изумленіе было въ нихъ, и свѣтлая улыбка ложилась на безкровныя губы...

— Бабушка, бабушка! звала ее Вѣрочка.

— Что ужь... какъ ужь... шептала та.

— Не желаешь-ли чего? наклонилась къ ней мать Варлаама.

Послѣдній проблескъ жизни озарилъ умирающую, свѣтильня вспыхнула еще разъ чтобы погаснуть со-всѣмъ...

— Да, желаю...

— Чего?

Она приподнялась и опять упала.

— Желаю, скорѣе угадали чѣмъ слышали посто-роннѣе, — разрѣшиться и со Христомъ быти!

— Амины! послышалось тихое и торжественное отца Симеона, и онъ началъ отходную...

Розовые лучи заката широко лились въ комнату... Съ послѣднимъ изъ нихъ отошла въ царство свѣта и тихая, кроткая и робкая душа старушки... Вѣрочку увели пока въ монастырь. Мать Степанида пришла обмывать бабушку. Варлаама и Серафима остались тоже въ домигѣ...

Словно какой-то сонъ, помнится Вѣрочкѣ ночь за окномъ — темная, сырая. Небо заволокли тучи, въ стекла стучались неугомонныя капли дождя, будто допрашиваясь: надъ кѣмъ это горять тутъ восковыя свѣчи. Изрѣдка въ застоившемся воздухѣ проносилось чье-то дуновение и пламя свѣчей колебалось, и странныя тѣни бѣжали по неподвижному лицу съ опущенными сѣдыми рѣсницами, по рукамъ сложеннымъ на груди и потускнѣвшему золоту покрыва... Монотонное чтеніе. Мать Степанида вызвалась и, перевертывая листы, она ласково и важно смотреть на Вѣрочку.

— Шла бы спать, шепчетъ она ей. — Чего ты... Завтра помолишься...

И пришло это *завтра*. Тучи не сошли съ неба, вся зелень на садикѣ повисла, обмокшая, словно заплаканная. Слезы падали съ нея на землю, слезы струились по стекламъ оконъ и по стѣнамъ домика, ровно капали съ кровли въ образовавшіяся за ночь лужи... Вѣтеръ блуждалъ тоскливо вокругъ, въ трубахъ стопалъ, и когда бабушку понесли въ открытомъ гробѣ (заранѣе заказала — какъ умерла сейчасъ же и доставили изъ города), онъ забирался подъ покровъ, словно искалъ тамъ чего-то, шевелилъ ея сѣдые волосы... Странно было совсѣмъ обмиравшей дѣвушкѣ видѣть какъ на подушкѣ лежитъ сжавшееся въ кулачекъ лицо ея бабушки, какія синія пятна выступили на немъ. Гробъ несли на рукахъ, и голова Анфисы Кирилловны, въ тактъ мѣрному шагу монахинь, качалась вправо и влево на тонкой шеѣ. Отпустъ въ рукахъ вздрагивалъ и шевелился, точно дрожали державшія его и заостренныя уже руки... Кто-то плакалъ позади, у Вѣрочки уже слезъ не было вовсе... Въ церкви во время панихиды она видѣла только восковыя руки изъ гроба, восковыя, желтыя, тонкія. Липо бабушки заслоняла фигура одной изъ монахинь. Поздно вечеромъ вошла Вѣрочка въ церковь, бабушка такъ же покойно спала послѣднимъ сномъ, только вѣки ея словно слиплись. Огоньки лампадъ робко вздрагивали за своими стеклами, колыхалось пламя свѣчей, загадочныя тѣни бѣжали по темнымъ расписаннымъ стѣнамъ, на которыхъ то выступали, то вновь пропадали во мракѣ золотыя вѣнцы полустертыхъ ликовъ. Тускло свѣтились ризы и таинственно звучалъ голосъ монахини произносившей въ этой тишинѣ священныя слова. Вѣрочкѣ казалось, что и лики иконъ, и ветхія изображенія святыхъ по стѣнамъ, и самыя колонны и огоньки свѣчей и лампадъ прислушиваются къ этимъ словамъ, и черная ночь, столпясь тысячами тѣней за окнами, тоже боится проронить хоть одинъ звукъ... Зашипѣла и погасла догоравшая свѣча... остатокъ фитили смежилъ умирающій огонекъ свой въ растоившемся

воскѣ, пустиль вверхъ, словно послѣднее дыханіе, струйку дыма... Тихо-тихо подымается она и тонетъ въ сумракѣ подъ тяжелыми сводами... Гдѣ-то теперь утонула душа ея старушки?.. И Вѣрочка въ первый разъ сегодня находить у себя живоносные источники слезъ, и легко ей на душѣ становится, такъ легко что немного спустя она засыпаетъ на скамейкѣ у стѣны и открываетъ глаза только тогда, когда солнце уже смотритъ въ церковь и пламя свѣчей незамѣтно колыхается въ яркомъ свѣтѣ дня... Все просвѣтлѣло кругомъ, тучъ какъ не бывало. Синее небо видно въ окна... И только лицо усопшей кажется еще меньше, словно оно истаяло въ эту ночь въ молчаніи и тишинѣ храма.

Акимка не забылъ приказаній отданныхъ ему старушкой... Все было исполнено какъ она хотѣла. И шиповникъ съ гвѣздами не тронули — свѣ обступилъ съ одной стороны могилу, и когда въ нее, подъ молитвенный нагѣвъ опустили гробъ, стоявшіи около монахини нечаянно толкнули длинныя вѣтки и пышные розовые лепестки полетѣли внизъ на черную съ серебряными крестами крышку... Вслѣдъ за ними посыпались комья земли, послышались всхлипыванія... Вѣрочка чувствуетъ что кто-то беретъ ее за руки и ведетъ за собой; она безсознательно повинуется. Она лишена теперь всего. Ей все равно, — кругомъ пустота... Такая пустота, что ей страшно шевелиться, думать, говорить и плакать въ ней.

Только колокола, такъ печально звонившіе когда отпѣвали бабушку, напутственно провожавшіе ее въ могилу, и теперь наполняютъ эту страшную пустоту. Она прислушивается къ нимъ, чутко прислушивается, и ей кажется что она начинаетъ понимать ихъ языкъ, разбирать сочетанія всю жизнь пронесившіяся надъ нею, встрѣчавшія ея пробужденіе и благословившія ее на сонъ грядущій... Колокола всякій выдающійся день ея простой и тихой жизни осѣнявшие своимъ звучнымъ и торжественнымъ привѣтомъ... И теперь она, приоднявшись на своей постели, слушаетъ ихъ, съ болью слѣдитъ за послѣднимъ ударомъ... Вотъ-вотъ замираетъ онъ... замеръ... Только въ воздухѣ что-то дрожитъ послѣ него, будто медленно уносящаяся куда-то душа потонувшего звука... Услышитъ-ли она ихъ потомъ, въ той пустынѣ невидимой и страшной, которая открываетъ ей свою неоглядную даль — тамъ, за стѣнами этого тихаго и мирнаго монастыря?..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Подъ грохотъ почтоваго поѣзда, чуждая всему ее окружавшему, Вѣрочка поневолѣ уходила въ самое себя и съ грустнымъ удовольствіемъ припоминала знакомыя лица и мѣста, всю эту вчерашнюю быль, такъ не похожую на сегодняшнюю сказку, на эту дѣйствительность, кажущуюся ей фантастическимъ сномъ. Завявшійся травой холмикъ надъ гробомъ бабушки, бѣлый крестъ, пахнувшій еще сосною, живо принимавшіеся кругомъ и торопливо убравшіеся бѣлыми цвѣтами кусты около, скамья куда приходила бесѣдовать съ нею бабушка Варлаама, возня чижей и щегловъ въ густолиствѣ вязы и липъ и эта гулкая, торжественная молвь монастырскихъ колоколовъ, тотъ священный говоръ мѣдныхъ языковъ о чемъ-то не здѣшнемъ, великомъ, таинственномъ, рождавшемся и замиравшемъ въ высотѣ... И теперь, въ шумѣ желѣзной дороги порою чудились ей знакомые удары, именно такіе какіе напутствовали ее, когда она отбѣжала отъ тихой и мирной пристани, такъ безмятежно и безболѣзненно пріютившей ея счастливое, безоблачное дѣтство. Она хотѣла себя увѣрить, что стѣнитъ ей только открытыя глаза, и передъ нею въ-явь заблѣютъ облитыя солнечнымъ свѣтомъ стѣны монастыря съ кудрявыми березами око-

ло, голубыми звѣздными куполами за ними и громадною сквозною колокольней, словно попавшею въ тучу всякой крикливой, кругомъ нея роившейся птицы... Но, увы! открывая глаза она только и видѣла какое-то сладкое и глупое лицо сидѣвшаго напротивъ молодаго человѣка, еще болѣе сладкое и глупое отъ его усилій быть любезнымъ съ молодою „монахиней“, каковою оны считалъ Вѣрочку. У нея не было другихъ костюмовъ, и она выѣхала въ своемъ обычномъ. Черное люстриновое платье, черный платочекъ на головѣ... И платью служивалось въ рукавахъ у самыхъ кистей рукъ — совсѣмъ „по иночески“, какъ былъ убѣжденъ ея случайный спутникъ. Она и спящею притворилась, чтобы онъ не слишкомъ приставалъ къ ней со своими разспросами. Такъ ей было лучше. Такъ ее еще окружалъ ея миръ. Она видѣла всѣхъ этихъ печальныхъ и смятенныхъ монахинь, выбѣжавшихъ ее проводить за ворота обители, слышала напутственный говоръ благословеній... Чтѣ-то теперь дѣлается въ ея домикѣ? Мать Варлаама поселила тамъ на время одну старую и вѣрную женщину.

— Когда-нибудь, измученная и усталая, захочешь отдохнуть—анъ келійка-то твоя мирная и будетъ тутъ готова. Приѣдешь — точно вчера ее оставила.

И трогать ничего не велѣла игуменья, пусть хоть черезъ десять лѣтъ будетъ все какъ было вчера, когда разстроенная дѣвушка ходила по милымъ комнатамъ прощалась съ ними надолго, надолго. Да, еще мѣсяцъ тому назадъ, когда онѣ всѣ ждали отвѣта Ряднова на письмо его сестры Серафимы, Вѣрочку такъ тянуло въ этотъ миръ, такъ хотѣлось испробовать свои молодя силы, помѣряться съ его шумными волнами и побѣдить ихъ... Въ такихъ яркихъ краскахъ рисовалась и слава, и счастье, призрачное, словно сонъ, издали манившее ее къ себѣ... А когда пришло это письмо: милое, доброе, полное ласки и участія — ей вдругъ стало страшно. Ей такъ захотѣлось навсегда остаться посреди этихъ ставшихъ ей родными и близкими старухъ, позабыть даже, совсѣмъ позабыть о томъ мирѣ, который въ неизвѣданныя дали раскидывался за ихъ гостеприимными стѣнами, когда она подумала что ей одной придется столкнуться съ этимъ чуждымъ миромъ лицомъ къ лицу!.. И теперь, когда все уже совершилось, Вѣрочкѣ хотѣлось бы еще вѣрить что сегодняшней дѣйствительности нѣтъ кругомъ, что это сонъ, и только сонъ, что вчерашняя былъ въ краскахъ и звукахъ незбылемо стоитъ еще кругомъ. А какъ провожали ее колокола!.. Даже самый большой ударилъ — вѣроятно бабушка, по обительскому повѣрью, услышавъ его, молилась за свою внучку въ тѣсномъ и темномъ гробѣ...

Да, вотъ это письмо. Она чувствуетъ его въ своемъ карманѣ. Оно одно еще дѣлаетъ ей менѣе страшнымъ чуждый и, какъ ей казалось вчера вечеромъ и сегодня утромъ, враждебный ей миръ... Она вынула этотъ лоскутокъ почтовой бумаги и стала пробѣгать ровными, твердымъ почеркомъ написанныя строки:

„Милая и дорогая сестра“, писалъ Рядновъ. „Очень тебѣ благодаренъ за то что ты ни минуты не сомнѣвалась въ моей готовности сдѣлать все что могу для нашей Вѣрочки. Ты видишь — я ее считаю своею тоже, какъ будто бы она всю жизнь прожила на моихъ глазахъ. Правду говоря, оставивъ васъ, я не разъ вспоминалъ эту голубоглазую дикарку, представляя ее себѣ тоненькою и граціозною въ ея темномъ платьѣ, сидящею за мольбертомъ, улыбающеюся и счастливою, какою ее оставилъ въ нашемъ мирномъ уголкѣ. Я даже порывался писать ей, вызвать ее сюда, сказать ей что она не въ правѣ зарывать своего таланта въ землю. что по этому обязательству и Богъ, и люди потребуютъ отъ нея большой уплаты впоследствии, но всякій разъ меня невольно останавливалъ страхъ расше-

велить этотъ такъ плотно, прочно и стройно сложившійся вокругъ нея строй вашей строгой и, если хочешь, полной жизни. Но разъ ея бабушки нѣтъ, разъ эта связь ея молодости съ вашимъ отрицаніемъ „здѣ пребывающаго града“ (такъ кажется?) разорвана — ничего лучшаго ты не могла и придумать, какъ написать ко мнѣ. „Уложи ее“, запакуй, свяжи и отправь на желѣзную дорогу. Пусть, когда въ Москвѣ она приѣдетъ въ вокзалъ, телеграфируетъ мнѣ немедленно, я ее встрѣчу въ Петербургѣ. Иначе она растеряется совсѣмъ. Увѣрь ее, чтобы она ничего не боялась и ничему не удивлялась. Я постараюсь облегчить ей первые моменты знакомства съ новымъ миромъ и новыми людьми, пристрою ее, найду ей все что надо и впредь буду ей полезенъ. Въ средствахъ она не нуждается. Годъ поработаетъ здѣсь, а тамъ поѣдетъ въ Италию. Впрочемъ, чтѣ загадывать: будь что будетъ, а будетъ чтѣ Богъ велитъ, слѣдовательно и толковать нечего...“

— Это у васъ отъ кого? послышалось Вѣрочкѣ.

Она съ удивленіемъ подняла глаза.

— Чтѣ вамъ угодно?

Глупое и сладкое лицо юноши смотрѣло на нее съ ревнивымъ любопытствомъ.

— Письмо?

— Да, письмо... Развѣ вы не видите?

— А вамъ разрѣшается... письма-то?

— Кому намъ?

— Монахинямъ.

— Да я не монахиня совсѣмъ, улыбнулась она, до вѣрчиво глядя своими большими голубыми глазами на терявшагося юнца. Она еще не выучилась осторожно-сти въ сношеніяхъ съ людьми.

— Какъ не монахиня, а ваше платье?

— Не монашеское... Я выросла только въ монастырѣ.

— А я думалъ такая молодая... хоро... — онъ запнулся, — и уже... Даже странно дѣбалось... У васъ есть знакомые въ Петербургѣ? окончилъ онъ, совсѣмъ замирая.

— Есть, спокойно отвѣчала она.

„Какой странный!“ думалось дѣвушкѣ.

— Кто такіе?

— Рядновъ.

— Это не художникъ-ли знаменитый?

— Да, онъ самый.

— Вотъ какъ!.. А то я... вотъ моя карточка... если чтѣ — все-съ... я съ удовольствіемъ.

Вѣрочка взяла, повертѣла карточку, съ недоумѣніемъ глядя на собесѣдника.

— Зачѣмъ мнѣ?

— Ну тамъ, знаете, можетъ-быть понадобится... Вы однѣ въ цѣломъ городѣ...

— Благодарю васъ! просто замѣтила она и, не желая обижать юношу, спрятала его карточку. Тотъ разомъ ободрился.

— Потому, знаете, Петербургъ это лѣсъ вѣдь. Туда страшно. Смотри на кого еще нанадешь... Другой бы на моемъ мѣстѣ... а я съ полной деликатностію... Помилуйте. Теперь вотъ вы, напримѣръ, по добротѣ, а есть такіе, которые вообразятъ что...

И юноша совсѣмъ запутался и захлопалъ глазами.

— Чтѣ вообразить?

— Ну тамъ, знаете... разное... И въ газетахъ даже сколько разъ приходилось читать... Оно тоже вѣдь... какъ на кого наткнешься... Сколько вамъ лѣтъ?

— Девятнадцать...

— Вы совсѣмъ въ Петербургѣ?

— Да, по крайней мѣрѣ надолго.

— Будемъ знакомы! У меня папаша съ мамашей домъ свой имѣютъ на Гороховой... Вы что-же жить будете въ Петербургѣ? То есть... не то... учиться что-ли или такъ?

— Да, учиться живописи.

На морскомъ берегу. Рис. Коркозь, грав. Лёдерсъ.

— У Ряднова?

— У него.

— Экий счастливецъ этотъ Рядновъ!.. хорошо право ему.

— Да, онъ знаменитый...

— Нѣтъ, не потому... а вотъ вы...

— Я васъ не понимаю.

— Помилуйте, чего тутъ непонятнаго,—и юноша покраснѣлъ, — ему-то, Ряднову, отлично. Такая ученица хорошенькая!

Вспыхнула Вѣрочка, но тотчасъ засмѣялась.

— Ну, знаете, онъ не изъ такихъ, онъ серьезный.

— Знаемъ мы этихъ художниковъ... всѣ они серьезныше... Нѣтъ, право, я вамъ визитъ сдѣлаю.

— Зачѣмъ это? нахмурилась Вѣрочка.

— Я безъ дурной цѣли, заторопился онъ, — я если хотите даже съ мамашей. Она все сдѣлаетъ о чемъ я попрошу.

На станціяхъ Вѣрочку оглядывали любопытные, заговаривали съ нею, но совсѣмъ не такъ застѣнчиво, какъ этотъ юнецъ. Какой-то тонкій, какъ спаржа, и зеленый совсѣмъ, со стеклышкомъ въ глазу, пассажиръ подсѣлъ было къ ней, потянулъ носомъ и прищурившись замѣтилъ:

— Какъ вы не боитесь?

— Чего?

— Бѣхатъ одной. Помилуйте, мало-ли нахаловъ!

Вѣрочка замолчала.

— Какая вы кокетка! Какъ хорошо разсчитанъ этотъ черный платокъ на вашихъ волосахъ... Вы Золя читали?

— Что такое? не поняла она.

— *Нану* Золя читали? Прекрасная книга и даже нравственная... Римскій папа на что ужъ—и тотъ одобрилъ... Хотите я вамъ дамъ?.. Или, если вы желаете, пожалуйста ко мнѣ въ купе, я вамъ вслухъ самъ читать буду. И вамъ удобнѣе чѣмъ во второмъ классѣ сидѣть. У меня — въ первомъ.

— Благодарю васъ, мнѣ не надо... Я привыкла одна и читаю всегда сама. Со мною есть книги...

Едва-едва удалось развязаться ей съ этимъ господиномъ. Она больше уже и не выходила изъ своего уголка, радуясь, что судьба послала ей другаго спутника, все краснѣвшаго, конфузившагося и путавшагося. Этотъ по крайней мѣрѣ не былъ страшень... Она пошла было въ дамское купе, но тамъ оказались дѣти. Окна были затворены и Вѣрочка чуть не задохнулась. Поневолѣ вернулась назадъ. Подъ самымъ Петербургомъ, лицо юноши изъ сладкаго и глухаго сдѣлалось глупымъ и печальнымъ...

— Вотъ мы сейчасъ простимся и можетъ быть больше не увидимся!

— Ну такъ что-же?

— Вамъ-то легко... вамъ все равно...

— А вамъ?

— Ну, не скажите... Знаете... знаете... достаточно разъ увидѣть... а впрочемъ...

И онъ покраснѣвъ уткнулся въ окно.

На первыхъ порахъ мнръ не показался ей такъ ужасенъ, какъ она себѣ воображала иногда. Чуждо, но ничего что бы ее пугало въ немъ пока не было. На станціяхъ суетились люди, стоялъ беспорядочный говоръ, одинъ бѣжалъ въ одну, другой въ другую сто-

рону, какія-то растеряныя женщины съ узлами тормошили и суетились пока кондукторъ не вталкивалъ ихъ куда слѣдуетъ. но ничего поражающаго во всемъ этомъ не было. У нея, привыкшей къ спокойному обиходу обители, только голова немного кружилась отъ всей этой кутерьмы кругомъ, тѣмъ не менѣе она съ любопытствомъ всматривалась, часто вовсе не понимая о чемъ хлопочутъ и куда стремятся.

Но когда вдали блеснулъ куполь Исаакія и показался Петербургъ — дѣвушка растерялась. Ей казалось, что на нее надвигается оттуда что-то страшное, громадное, непонятное, которое, какъ разъ захватитъ, такъ ужъ не отпустить больше. Ей сдѣлалось жутко, такъ жутко что она каялась зачѣмъ поѣхала, зачѣмъ не осталась среди родной ей тишины и покоя... Кругомъ заторопились и засуетились. Юноша завязывалъ свой узелъ, другіе перетягивали чемоданы, лихорадочное ожиданіе чего-то росло и сообщалось ей...

— Газеты, сегодняшнія газеты! кричалъ ей въ ухо разносчикъ, пробравшійся въ вагонъ. — Любопытное убійство въ Щербаковомъ переулкѣ. Очень интересно...

— Вашъ билетъ! остановился передъ нею кондукторъ. — Господа, ваши билеты!..

— Не нуженъ-ли вамъ носильщикъ? У васъ есть багажъ? подслуживался юноша.

Но она рѣшительно ничего не могла сообразить. Подала билетъ, отказалась отъ носильщика, не понимая что она дѣлаетъ и говорить... „Это вашъ саквояжъ?“ спрашивали ее,—она отвѣчала *нѣтъ*, хотя саквояжъ былъ ей. Потомъ поѣздъ медленно вползъ въ сумракъ какого-то громаднаго, казавшагося ей безконечнымъ сооруженія; она растерялась еще больше. Направо, на панеляхъ стояла толпа людей,—она и не видала такихъ. Ей казалось что тутъ тысячи лицъ. И всѣ эти лица будто смотрятъ на нее и ей дѣлается и больно, и стыдно чего-то... Всѣ повскакали съ мѣсто и двинулись къ выходу... Она сидѣла... Сердце билось съ невыносимой натугой. Вагонъ опустѣлъ... Толпа какъ будто клубится и спутывается и одной волной смѣшавшись катится тамъ за окномъ... Гулъ все растетъ и растетъ... Свѣтъ какой-то... Грохотъ, что-то громадное двигается въ сторонѣ должно быть.

— Наконецъ-то я васъ отыскалъ! Что это вы забились сюда и не выходите?

Она подымаетъ глаза и видитъ вдали радостно улыбающагося ей Ряднова.

— Я ждалъ васъ, ждалъ... Ну, добро пожаловать...

И волосатая съ просѣдою голова наклоняется къ ней... Вѣрочка встала... Художникъ взялъ ее за руки и крѣпко пожалъ ихъ.

— Ну, ужъ я знаете по родственному!—и онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.—Вотъ такъ, ну отлично что надумались. Добро пожаловать, добро пожаловать. Вы устали вѣрно?

— Нѣтъ, растерялась! признается она.

— Еще-бы не растеряться. Изъ монастыря да сюда прямо... Это ваши вещи?.. Носильщикъ!.. Гдѣ ваши квитанціи отъ багажа?.. Дайте ихъ сюда...

Какъ въ туманѣ Вѣрочка исполняетъ все что отъ нея требуетъ Рядновъ и выходитъ вмѣстѣ съ нимъ вонъ...

(Продолженіе будетъ).

Кто-же?

Разсказъ Петра Дорошенко.

(Продолженіе).

Мнѣ довелось, въ былое время, слишкомъ глубоко заглянуть въ ея чистую душу чтобы не постичь мгновенно все то что она выстрадала при сознаніи что ея лучшія стремленія осмѣяны и обречены погибели подъ безпощаднымъ жерновомъ сухаго бездушія и презрительной гордости. Борьба была неравна между этой возвышенною, жаждущею самоотверженія натурой и двумя существами, закаленными въ пороки. Она

была обречена погибели, и при одной этой мысли безсильная ненависть закипала у меня въ груди, охватывая и негодяя-мужа, и дерзкую авантюристку. Я не сводилъ съ нея глазъ, теперь уже бѣгло читая по закрытой книгѣ снова застывшаго лица, и корилъ себя безумцемъ что такъ долго могъ сомнѣваться въ ея козлостности.

— Полно, Забѣльскій, ей-ей это нешрилично, ткнулъ меня

доктемъ Шмелевъ, незамѣтно усѣвшійся рядомъ со мной. — Могутъ замѣтить наконецъ. А вѣдь мои догадки вполнѣ оправдались. Одинъ всевѣдущій хроникеръ мнѣ сейчасъ подтвердилъ что блѣлокурал lady (фамилію онъ запомнилъ) замужемъ за совѣтникомъ англійскаго посольства, тѣмъ самымъ что сидитъ за оборожительной бронею, vicomtesse de Liencourt, супругой французскаго секретаря. Твое дорнирование имъ по меньшей мѣрѣ можетъ назойливымъ показаться.

Но въ эту минуту мнѣ было не до увѣщаній Шмелева съ его лживыми свѣдѣніями, не до Маргариты въ рубинѣхъ, съ раздражительнымъ трагизмомъ борющейся между расемъ и Фаустомъ, влекущимъ ее изъ тюрьмы; я видѣлъ что опера клонилась къ концу, а съ ней должно было неизбѣжно прекратиться мое случайное свиданіе.

„Не воспользоваться-ли разбѣдомъ чтобы подойти къ ней и возобновить давнишнее знакомство?“ мелькнуло у меня въ умѣ. Но я тутъ же порѣшилъ, что этотъ сумасбродный порывъ не выдерживалъ критики. Я не имѣлъ малѣйшаго основанія полагать что мое краткое посѣщеніе оставило какой-либо слѣдъ въ ея памяти, и легко могъ очутиться въ неловкомъ положеніи челоука вынужденнаго назвать свое имя, прилетая къ тому еще обстоятельству нашей случайной встрѣчи. И это могло бы произойти подъ насмѣшливо-горделивымъ взоромъ ея величаваго супруга. Наконецъ, кто могъ мнѣ поручиться что такъ внезапно вызванное воспоминаніе убогаго прошлаго не отзовется болѣзненно на ея самолюбіи? И подобно скуцу, ревниво оберегающему свое таинственное сокровище, я содрогался при одной мысли что мелочностью тщеславнаго свѣтскаго чувства она могла бы на вѣкъ затемнить совершенство—лишь на короткій мигъ улыбувшася мнѣ идеала. На слѣдующій день я долженъ былъ вернуться въ провинцію на неопредѣленное время, и не всего-ли вѣроятнѣе что судьба, забросившая ее въ столь замкнутую, чуждую мнѣ сферу, никогда пасъ болѣе не сведетъ на жизненномъ пути?

Но на этотъ разъ я хотѣлъ по крайней мѣрѣ добиться ея новаго имени. Незвѣстность тяготила меня. Если когда-то дорогой образъ опять такъ насильственно вторгся въ мою скромную, безмятежную жизнь, пусть будетъ въ моей волѣ хоть издали слѣдить за яркой звѣздой, прислушиваясь изрѣдка къ далекому эхо великосвѣтскаго міра.

Безплодность Шмелевскихъ стараній была на-лицо. Оставлялось дѣйствовать самому.

Послѣдній актъ былъ въ самомъ разгарѣ, когда по знаку мужа, графиня тихо встала, собираваясь уѣхать.

Я вскопчилъ такъ стремительно, что озадаченный другъ еле успѣлъ пробормотать мнѣ во слѣдъ нѣсколько словъ, пропавшихъ втунѣ. Но страсть къ музыкѣ поглощала все; онъ не успѣвалъ за мной.

Какъ проворно я ни перепрыгивалъ по вытянутымъ ногамъ, павлекая на себя неслестныя замѣчанія, какъ я съ лихорадочной тревогой ни шарилъ по вѣшалкѣ, отыскивая шубу, плохо знакомый съ расположеніемъ театра я поспѣлъ къ выходу въ ту самую минуту какъ рослый вывѣдной, въ щегольской англійской ливреѣ, широко распахнувъ дверь, почтительно докладывалъ:

— Пожалуйте, ваше сіятельство.

Я остановился какъ вкопанный; ожиданія мои разлетѣлись въ прахъ. Весь мой расчетъ сводился къ заведенному обычаю выкрикиванія фамиліи при всякомъ разбѣдѣ.

Она стояла нѣсколькими ступенями выше меня, въ собольей шубѣ крытой свѣтлымъ бархатомъ, съ кружевной накидкой на пышныхъ волосахъ. Оргоні находился рядомъ, держа бережно въ рукахъ призначенный мною вѣеръ и дорожную бонбоньерку. Его большіе глаза теперь уже не жгли, а тихо мѣли, словно храня отпечатокъ томнаго разочарованія.

Я успѣлъ лишь бѣглымъ взглядомъ окинуть обоихъ.

Графиня быстро спускалась. Стоя на мѣстѣ, я безсознательно загораживалъ ей путь. Она была такъ близко, что меня вдругъ обдало мягкимъ запахомъ фіалки.

— Pardou, выговорила она, машинально вскинувъ на меня глазами.

Наши взоры столкнулись. Мгновенное недоумѣніе сказалося на лицѣ. Она приостановилась. Нѣтъ, я поклянусь что это не было плодъ разыгравшаго воображенія: радостная тѣнь легла на строгія черты; лучистый блескъ брызнулъ изъ застывшихъ глазъ, слово привѣта готово было сорваться изъ полуоткрывшихся губъ... но черствымъ, безошаднымъ звукомъ рѣзнуло мнѣ ухо:

— *Passerez-vous enfin, ma chère?* *) И лучезарнымъ видѣніемъ мелькнула она передо мною.

Француженка, поровнявшись со мною, окинула всю мою фигуру любознательно задорнымъ взглядомъ, ничуть не стѣняясь, сдѣлала своему кавалеру какое-то замѣчаніе на мой счетъ и залилась звонкимъ, холоднымъ смѣхомъ.

Да, я могъ и долженъ былъ казаться ей смѣшнымъ, подъ натискомъ внезапно пробужденныхъ ощущеній, въ своей еготкѣ незамѣтно снувшей съ плеча, съ кашне неуклюже болтающимся вокругъ шеи, и шапкой нервно сжатой въ кулакѣ.

*) *Пройдете-ли вы наконецъ, моя милая?*

Когда, совладавъ съ собою, я выбѣжалъ на улицу, и морознымъ воздухомъ мнѣ освѣжило пылавшее лицо, до меня долетѣлъ только звукъ захлопнувшейся двери, и при яркомъ освѣщеніи газоваго рожка я разглядѣлъ лишь графскую корону надъ замысловатымъ гербомъ.

На другой день, не простившись со Шмелевымъ во избѣжаніе всякихъ стѣснявшихъ меня объясненій, покорялся обстоятельствамъ, я покинулъ Петербургъ.

ХІІ.

Въ дождливый октябрьскій вечеръ, довольно многочисленное общество собралось у К—го предводителя дворянства. Послѣ вышеприведенной встрѣчи, я не болѣе года оставался въ Т. По служебнымъ соображеніямъ меня перевели на Югъ, и въ теченіе трехъ лѣтъ, я успѣлъ вполнѣ свыкнуться съ чуждымъ мнѣ краемъ, сойтись съ новыми людьми.

Молодежь танцевала подъ звуки фортепіано; люди степенные, къ которымъ я въ полномъ правѣ былъ себя причислить, засѣли въ вить, съ тѣмъ неутомимымъ азартомъ, который служитъ одной изъ отличительныхъ чертъ провинціальнаго нравовъ. Въ самый разгаръ игры, офиціантъ подошелъ ко мнѣ, сообщая вполголоса, что становой приставъ дожидается меня въ передней по очень важному сообщенію.

Я, извинившись передъ партнерами, поспѣшилъ выйти къ нему.

Всю личность Беневоленскаго, изъ неудачниковъ-семинаристовъ, можно было обрисовать тремя штрихами: заносчивостью со всѣми кого онъ считалъ ниже себя, подобострастнымъ трепетомъ предъ тѣмъ чѣмъ имѣлъ образъ начальства, и тайнымъ культомъ Бахуса. Никому не доводилось его видѣть пьянымъ, но темно-багровый носъ обличалъ, а людская молва приписывала ему вахмистерскую замашку, состоящую, какъ извѣстно, въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ на сонъ грядущій.

На этотъ разъ, не смотря на торчащие гривой всклокоченные волосы, на криво застегнутый скюртукъ (явный признакъ сильнаго волненія), я съ перваго взгляда убѣдился, что хмѣля у него ни въ одномъ глазу не было.

— Извините, что обезкокоилъ, ваше благородіе, оправдывался онъ, вытягиваясь въ струнку передо мною,—но смѣю завѣрить васъ, что отлагательства не терпятъ. Дѣло необычайное; слѣдствие нужно немедленно произвести. Я опротивѣю прискакавъ въ городъ, господивъ исправникъ въ свою очередь полетѣли къ начальнику губерніи самолично доложить, а меня къ вамъ послали, чтобы промедленія не вышло.

— Убийство вѣрно? На горячій слѣдъ поспѣть надо?

— Нѣтъ, не то-съ. Намъ только предстоитъ одна формальная сторона дѣла: удостовѣреніе факта смерти; но особы, можно сказать. Въ домѣ савоннаго лица-съ. Они конечно тяготятся соблюденіемъ строгихъ предписаній закона; такъ и наказывали поспѣшить непременно. Самоубійство сіятельной особы, легко сказать; за всю мою долготѣнную службу, въ первый разъ встрѣчаюсь, не безъ торжественности заключилъ онъ.

— Кто и гдѣ? уже равнодушнымъ тономъ спросилъ я. За частой практикой я успѣлъ освоиться съ подобными явленіями.

— Графиня Клеменцкая въ своемъ помѣстьѣ Элваразъ, II стана, отъ города верстахъ въ восьмидесяти будетъ.

— Какъ, женщина? Еще молодая?

— Лѣтъ десять какъ въ замужествѣ состояла, а вѣнчалась совсѣмъ молоденькою, и изъ себя красавица писанная.

— Клеменцка! повторялъ я,—странно что мнѣ впервые приходится эту фамилію слышать.

— Помилуйте-съ, ваше благородіе. Да они по всей губерніи первѣйшими богачами слывутъ. Въ одной межъ пятнадцатыхъ тысячъ десятинъ, а усадьба—чѣд и говорить. Любого дворца стоитъ-съ. И подумаешь только, отъ колкихъ благъ самовольно лишить себя жизни! Чудныя дѣла на свѣтѣ творятся!

И онъ философически вздохнулъ.

— Какимъ-же образомъ, въ такомъ незначительномъ разстояніи, ихъ никогда въ городѣ не было видно? мало того, объ нихъ никто никогда не говорилъ.

— Въ былые годы-съ, они здѣсь по лѣтамъ жила, но мало съ кѣмъ изъ помѣщиковъ являлись. Свое достоинство выдерживали. Опослѣ слышно было что изъ Петербурга они-съ въ теплые края выселились, а теперь только съ половины августа пожаловали къ намъ, словно на грѣхъ, Господь предопредѣлялъ.

— Когда это случилось?

— Сего числа, надо полагать. Когда камерьонгфера графини взошла утромъ, по обыкновенію, въ спальню, то сію минуту такъ неистово взвизгнула, что вся дворня сбѣжалась. Ея сіятельство, безъ всякихъ признаковъ жизни, лежало-съ въ постели съ прострѣленной грудью и шилолетомъ въ походѣвшей рукѣ.

— Найдено-ли письмо или записка съ изъясненіемъ побудившей причины?

— Не могу знать, ваше благородіе. Объ этомъ никто не упоминалъ.

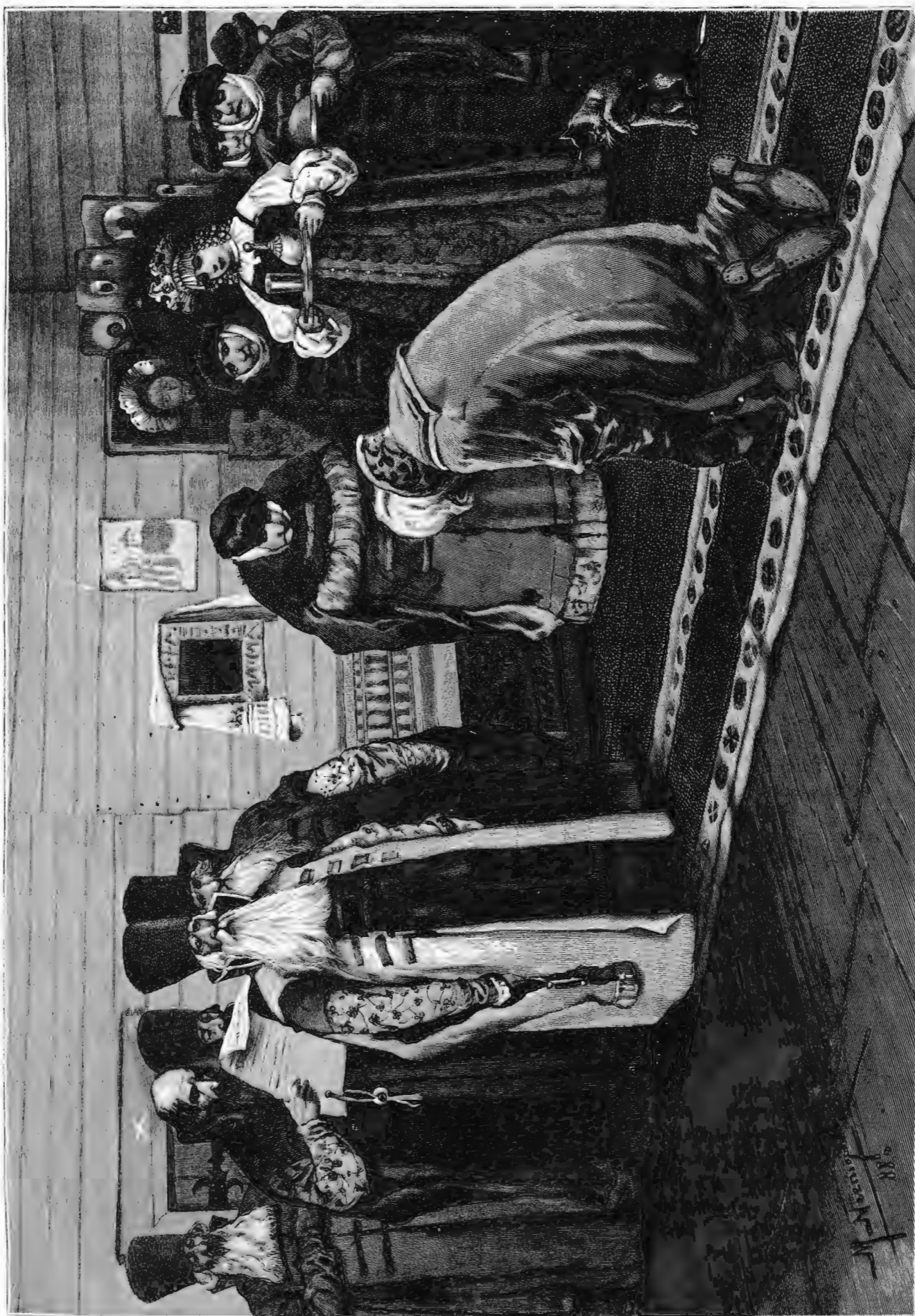
— Такъ что-же побуждаетъ васъ такъ достовѣрно относить эту смерть къ самоубійству?

Беневоленскій, озадаченный вопросомъ, только выпучилъ глаза на меня:

— Да вѣдь мнѣ все передали со словъ самого графа-съ.

Воскресный день въ Малороссіи. Игра въ матку (родъ лапты). Ориг. рѣс. (собств. „Нивы“) Козачинскаго, грав. Ольшевскій.

Съ государевымъ словомъ (царская невѣста). Оряг. рис. (собств. „Нивы“) М. Нестерова, грав. Шюблеръ.

Кому же знать коль не имъ? Развѣ мыслимо убійство въ вельможномъ домѣ, при подобной обстановкѣ?

— О подобномъ фактѣ можно судить лишь на мѣстѣ, предварительно ознакомившись съ причинами способными его вызвать. Время нечего терять зря. Распорядитесь лошадками, пока я вернусь въ гостиную объяснить мое внезапное исчезновение, да за разъ предупреджу и доктора, который намъ необходимъ.

И отпустивъ его, я вернулся къ своимъ петерфильмовымъ и уже негодующимъ партнерамъ.

Не успѣвъ я занкнуться о прискорбномъ случаѣ вызывавшемъ мой немедленный отъѣздъ, какъ извѣстие о самоубійствѣ петербургской графини электрической искрой уже обожгло всѣ гостиныя. Танцы мгновенно прекратились, и толпа молоденькихъ головокъ толпилась въ дверяхъ, съ испуганно любопытнымъ выраженіемъ на возбужденныхъ лицахъ ловя малѣйшее слово изъ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми я счелъ возможнымъ сообщить обстунившему мени обществу.

— Графиня Клеменцка! возможно-ли! когда же она пріѣхала? послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Погибнуть въ цвѣтѣ лѣтъ такую ужасающую смертью! Dieu! que c'est épouvant! *) щебетала хорошенькая вице-губернаторша, сентиментально закатывая глазки.

— Жили не по-людски, вотъ и пришлось умереть по-собачьему,

Домашняя бесѣда.

Общедоступныя занятія и развлечения.

I.

Выпиливаніе и ажурныя работы по дереву.

Выпиливаніе по дереву въ настоящее время можно считать однимъ изъ самыхъ распространенныхъ развлеченій среди молодыхъ людей. Но несмотря на это, и теперь, преимущественно въ провинціи, и особенно среди начинающихъ, приходится слышать жалобы на почти полное отсутствіе практическихъ указаній и совѣтовъ по этому поводу. Выписывая изданный *Нисой* „альбомъ“ рисунковъ для выпиливанія по дереву, наши читатели, а также и другія лица неоднократно обращались къ намъ съ просьбой помочь имъ въ этомъ отношеніи. Имѣя въ виду помѣщать время отъ времени отдѣльныя статьи о различныхъ занятіяхъ и развлеченияхъ, представляющихъ съ одной стороны приятное и полезное времяпровожденіе, особенно въ лѣтнее, вакаціонное время, а съ другой стороны не требующихъ ни особенныхъ денежныхъ затратъ, ни специальныхъ приспособленій, редакція исполняетъ желаніе своихъ корреспондентовъ и посвящаетъ свою первую бесѣду *выпиливанію по дереву*.

Для того чтобы выпиливать изъ дерева прежде всего нужно конечно самое дерево. Въ настоящее время употребляется съ этою цѣлью очень много сортовъ. Наиболѣе употребительно *ореховое*. Оно продается фанерами толщиной въ $\frac{1}{8}$, $\frac{3}{16}$ и $\frac{1}{4}$ дюйма; болѣе толстыя фанеры (Fourgnier, т. е. тонкія доски) пріобрѣтаются на заказъ. Вообще чѣмъ дерево толще, тѣмъ конечно труднѣе и медленнѣе оно илится, но очень тонкія фанеры неудобны тѣмъ, что скоро ломаются. Нужно при этомъ очень тщательно и осторожно выпиливать мелкія вещи, иначе вырѣзки тотчасъ ломаются и хотя въ общемъ ихъ не трудно склеивать, но все-таки работа уже много теряетъ въ чистотѣ. Цвѣтъ ореховаго дерева всѣмъ извѣстенъ, хотя есть различныя оттънки. Чѣмъ гуще, чѣмъ интенсивнѣе цвѣтъ какого-нибудь дерева, тѣмъ оно считается красивѣе и дороже. Вообще ореховое дерево самое удобное для выпиливанія: оно не очень твердо и не очень слоисто. Кромѣ толщины фанеры, на легкость выпиливанія очень много влияетъ крѣпость дерева; иные сорта, напр. амарантовое, розовое, до того крѣпки, что пила почти совсѣмъ ихъ не беретъ, зубцы поминутно тупятся, пила очень разгорячается и легко рвется.

Всякое дерево легче и лучше пилится противъ волоконъ, а не вдоль; вдоль волоконъ пила идетъ неровно, особенно въ слоистыхъ сортахъ, и легко вязнетъ. Покупая дерево, нужно очень внимательно наблюдать, чтобы въ немъ не было трещинъ. Иногда трещины очень грубы и велики, но съ этимъ поповолѣ приходится мириться, оттого что иначе трудно достать фанеру; но въ простыхъ сортахъ нужно по возможности избѣгать трещинъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ при выпиливаніи будутъ выпадать кусочки. Всякое дерево продается или цѣлыми фанерами, при чемъ плата уже устанавливается по соглашенію, или же квадратными футами. Плата за футъ приблизительно отъ 30 до 70 к., 1 р. и выше. Кромѣ того, особенно цѣнные сорта, и преимущественно въ болѣе толстыхъ кускахъ (служащихъ между прочимъ и для вытачиванія колонокъ, ножекъ, кружковъ, балясинъ и пр.) продается на фунты, причемъ тоже доходятъ до 1 р. за фунтъ. Выбирая дерево, нужно смотрѣть достаточно ли оно высушено; сырое дерево трудно просушивать и его легко можетъ покосоробить. Кромѣ того, мы совѣтуемъ покупать фанеру уже отчасти приготовленную для выпиливанія, т. е. состроганную до гладкости съ одной стороны. Къ шероховатому, не вполне очищенному дереву плохо пристаеетъ бумага (рисунки) и потомъ теряется много лишняго времени на шли-

*) Боже! какъ это потрясаетъ!

жельно вставила старая дѣва, въ должности бича К—скаго общества.

— Не тѣмъ будь помянута покойница, а въ этомъ приговорѣ есть малая толчка правды, замѣтилъ одинъ изъ старожилковъ.— Если люди по рожденію и состоянію призваны принимать у себя хорошее общество, обязаны такъ-сказать пригнать къ нему, а вмѣсто того, всѣхъ чуждаются, предпочитаютъ жить затворниками,—вѣрная примѣта: къ добру не приведетъ.

Мнѣ претили всѣ эти пересуды, и торопя доктора, сводившаго нашъ мирный счетъ, я сталъ прощаться съ хозяйкой.

— Не слушайте вы ихъ болтовни, наутственно сказала она мнѣ виолголоса:—Не даромъ же я впрямь на свѣтѣ столько лѣтъ прожила, поневолѣ пріучилась разгадывать людей. Свѣтлую душу легче порочной загубить! Мнѣ сдается, Иванъ Петровичъ, что за ея тяжкій грѣхъ другіе у Небеснаго Судьи въ отвѣтъ будутъ.

Я уже переступалъ въ переднюю, а серебристый голосъ вице-губернаторши явственно долеталъ мнѣ въ слѣдъ:

— Mr. Забѣльскій, прошу васъ, со слѣдствія прямо ко мнѣ. Смотрите, не забудьте. Я хочу все знать до малѣйшихъ подробностей. Le suicide d'une femme jeune et belle c'est souvent l'épilogue du roman le plus palpitant! *)

(Продолженіе будетъ).

фовку. Покупая дерево разныхъ сортовъ или нѣсколько фанерокъ одного и того же сорта, нужно выбирать ихъ одной толщины (самый употребительный размѣръ для выпиливанія $\frac{1}{8}$ и $\frac{3}{16}$ дюйма), чтобы, въ случаѣ составленія узора изъ разныхъ кусковъ или сортовъ, они ровно приходились бы другъ къ другу.

Начинающимъ или вообще пилящимъ мы совѣтуемъ употреблять преимущественно ореховое дерево; оно не дорого, не трудно въ работѣ и красиво. Кромѣ того большое удобство составляетъ то, что его можно получать почти въ какомъ угодно размѣрѣ, до 4 аршинъ въ длину и болѣе аршина въ ширину, такъ что можно не стѣсняться при выборѣ рисунка. Большинство же цѣнныхъ и рѣдкихъ деревьевъ продаются въ очень узкихъ фанеркахъ и для большихъ вещей не годятся. Лицамъ берущимъ лобзикъ въ первый разъ въ руки мы совѣтуемъ покупать *милу*. Она мягче всѣхъ другихъ сортовъ и очень дешева. Хороша также и *ольха*. Изъ другихъ сортовъ для любителей укажемъ слѣдующіе: *красное дерево*, прекраснаго цвѣта, не дорого (почти въ одной цѣнѣ съ орехомъ), приятно въ работѣ и тоже можетъ быть пріобрѣтаемо въ очень большихъ фанерахъ. *Пива*, съ ароматическимъ запахомъ (изъ него дѣлаютъ карандаши), чрезвычайно удобно въ работѣ, такъ какъ совершенно не слоисто и одинаково хорошо пилится какъ вдоль, такъ и поперекъ. Изъ него можно выпиливать самые тонкіе рисунки. Въ очень большихъ размѣрахъ не встрѣчается. *Американскій каштанъ*, дерево не всегда встрѣчающееся въ продажѣ; довольно крѣпко, чрезвычайно бѣлаго цвѣта и по бѣлизнѣ можетъ замѣнить слоистую кость. *Розовое дерево*; встрѣчаются сорта прелестныхъ темныхъ оттънковъ, но оно очень дорого, очень крѣпко, слоисто и продается узкими дощечками. *Амарантъ*, густаго темно-фиолетоваго цвѣта, еще крѣпче (самое крѣпкое дерево изъ всѣхъ существующихъ въ продажѣ), тоже дорого. *Лимонное дерево*, блестяще золотистаго цвѣта, мягче предъидущихъ и удобно въ работѣ; къ сожалѣнію, не широко. *Черное дерево*, совершенно чернаго цвѣта, тяжело, крѣпко и съ трудомъ поддается пилѣ. Затѣмъ *цинаръ*, *кипарисъ*, *пальма*, *коремская береза*, *буке*, *кленъ* и др.

Изъ этого перечня видно, что сортовъ дерева очень много, но, повторяемъ, для любителя достаточно ограничиться ореховымъ, краснымъ деревомъ, пѣвгой и бѣлымъ букомъ. Ихъ надо имѣть въ запасѣ по нѣскольку фанерокъ, остальные же сорта можно употреблять для мелкихъ украшеній, для вставокъ, мозаики, наклейки на другія, простыя породы и т. д. Объ этомъ ниже.

Кромѣ того въ продажѣ существуютъ еще другія, очень тонкія (до $\frac{1}{80}$ дюйма), такъ-называемыя обклеенныя фанеры (обыкновенныя фанеры, которыми обклеивается мебель). Изъ нихъ тоже можно выпиливать, но съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій, о которыхъ тоже послѣ.

Изъ нихъ преимущественно продаются орѣхъ, красное, груша; нѣкоторые сорта окрашиваются въ разные яркіе цвѣта, какъ говорятъ, *морятся*. Такъ напр. есть моренный *агартъ* очень красивыхъ цвѣтовъ, зеленоватаго, голубоватаго, фіолетоваго. Часто выпиливаемыя вещи составляютъ изъ нѣсколькихъ сортовъ дерева, изъ двухъ, трехъ, четырехъ и болѣе; такъ дѣлаются различныя сложныя рамки, въ видѣ домиковъ, подчасники, кровшпейны, шканики и пр. Тутъ съ умѣньемъ расколдовать сорта и подогнать ихъ соответствующихъ цвѣтовъ,—дѣло вкуса.

Кромѣ дерева, любители выпиливаютъ еще изъ нѣкоторыхъ другихъ матеріаловъ: слоновой кости, перламутра, черепахи,

*) Самоубійство молодой и красивой женщины, это чаще всего эпилогъ самаго захватывающаго романа.

серебра и пр. Это уже предполагает значительную опытность. Кроме того перечисленные предметы очень дорого стоят. Мы можем только посоветовать дѣлать иногда мелкія вставки изъ упомянутыхъ матеріаловъ; напр. на шкатулкѣ изъ розоваго дерева очень эффектно выйдетъ вставка въ видѣ медальона изъ слоновой кости или серебра, или доска для альбома, выпиленная изъ чернаго дерева, съ инкрустациями изъ перламутра и т. д.

Мы потому такъ долго остановились на деревѣ, что матеріалъ для выпиливанія—самое важное при этомъ занятіи. Обладая хорошими сортами дерева, невольно начинаешь больше стараться, и наоборотъ изъ дурнаго матеріала не создашь ничего хорошаго, и при плохомъ выборѣ и однообразіи фанеръ, невольно теряешь любовь къ этому дѣлу. При этомъ мы настоятельно совѣтуемъ только одно: непремѣнно доводите до конца начатую вещь, а не бросайте на полдорогѣ. Распущенность вообще нигдѣ не хороша, а при подобныхъ занятіяхъ тѣмъ болѣе; терпѣніе и выдержка необходимы. Часто вещь не будетъ удаваться сначала; придется не разъ передѣлать ее, исправить. Ничего не значить: тѣмъ пріятнѣе будетъ добиться цѣли. Посиѣнностью можно только испортить и изломать уже выпиленные части. Затѣмъ, никогда не отдавайте вещи мастерамъ склеивать или пригонять,—„все сами!“ пусть будетъ вашимъ девизомъ. Пусть вся вещь, съ начала до конца, будетъ обязана своимъ существованіемъ только вамъ однимъ.

Выбирая рисунокъ, кроме самаго узора, который дѣло вкуса каждого, нужно смотрѣть, чтобы контуры его были ясно видны, въ противномъ случаѣ нельзя вѣрно и точно выпилить. Начинаящему мы не совѣтовали-бы брать очень мелкіе узоры. Въ двухъ альбомахъ рисунковъ, изданныхъ *Нивою*, желающіе найдутъ самые разнообразныя мотивы, начиная отъ простыхъ и кончая болѣе сложными. Кроме того мы совѣтуемъ составлять наиболѣе простые рисунки самимъ. Удовольствіе самой работы возрастаетъ когда рисунокъ скомпанованъ самимъ авторомъ, не говоря уже о пользѣ, которую приобретаешь вслѣдствіе развитія руки и глаза. Сначала можно брать различныя части изъ готовыхъ уже рисунковъ и составлять изъ нихъ одно цѣлое. Позднѣе можно начать рисовать самимъ; есть вещи въ которыхъ повторится одинъ и тотъ же узоръ нѣсколько разъ. Напр. достаточно нарисовать одну пластинку вѣера и потомъ перевести ее нужное количество разъ. Рамки по большей части состоятъ изъ двухъ или четырехъ симметрическихъ частей. Довольно нарисовать одну и потомъ копировать ее. Также составляются шкатулки и проч.

Рисунки всего лучше приклеиваются къ дереву простымъ крахмаломъ. Нужно только слѣдить, чтобы крахмалъ былъ тщательно размѣшанъ и чтобы не было кусковъ. Нужно хорошенько разгладить рисунокъ, чтобы клей присталъ равномерно ко всему рисунку, въ противномъ случаѣ неприклеенныя мѣста будутъ задираются пилой при выпиливаніи и портить рисунокъ, такъ что приходится пилить уже наугадъ. Послѣ наклейки фанеру нужно положить на нѣсколько часовъ подъ прессъ, или просто наложить на нее что-нибудь тяжелое, нѣсколько книгъ, кирпичей, положить ее подъ ножку стола, роля и пр. Это дѣлается для того чтобы дерево не покособилось. Если же это забыли сдѣлать или вообще если дерево скособилось, нужно образовавшуюся на другой сторонѣ выпуклость поливать осторожно горячей водой и держать передъ огнемъ. Но нужно это дѣлать осторожно, чтобы дерево не согнулось въ противоположную сторону. Если рисунокъ не хотѣть портить, а желаютъ его сберечь до другаго раза, тогда его не наклеиваютъ, а переводятъ, *калькируютъ* его на дерево. Для этого служатъ особымъ образомъ приготовленная бумага краснаго, синяго или чернаго цвѣта. Ее кладутъ на фанеру, покрываютъ рисункомъ, прикрѣпляютъ то и другое къ дереву по угламъ гвоздиками, булавками или кнопочками и слегка обводятъ контуры рисунка смичкой, шпилькой или вязальной иглой. На деревѣ получается ясный отпечатокъ узора и одинъ рисунокъ можетъ служить такимъ образомъ много разъ. Нужно только изъ предосторожности покрыть узоръ полученный на деревѣ легкимъ растворомъ простаго вишневаго клея съ помощью кисточки, для того чтобы во время продолжительной работы не стерлись нѣкоторые очертанія.

Инструменты употребляемые для выпиливанія слѣдующіе: на первомъ планѣ стоитъ каждому извѣстный *лобзикъ* (Laubsäge), стальной или деревянный—это все равно. Стальной болѣе упругъ, но деревянный легче. Лучше если есть по крайней мѣрѣ два лобзика: маленькій и большой. Чѣмъ длиннѣе лобзикъ, тѣмъ больше можетъ быть діаметръ выпиляемой вещи; но если работа очень ужъ велика, то можно, наклеивши рисунокъ и приготовивши все какъ слѣдуетъ, прямо перенести фанеру на нѣсколько частей по желанію и соображаясь съ величиною лобзика, по прямымъ или ломанымъ линіямъ, нужно только стараться, чтобы распилъ проходилъ болѣе по пустымъ, чистымъ промежуткамъ, а не по узору. Потомъ, по окончаніи работы, эти мѣста прикладываются и приклеиваются другъ къ другу, такъ что не видно почти мѣста склейки. Покупаая лобзникъ нужно тоже обратить вниманіе на то, чтобы верхніе и нижніе зажимы, въ которые вставляется пила, были хорошо надрѣзаны и крѣпко держали пилу.

Пилы продаются дюжинами и бываютъ различныхъ нумеровъ: наиболѣе употребительныя № 1 и № 0, по есть №№ крупнѣе № 2 и № 3, которые употребляются для предварительной и болѣе быстрой распилки фанеръ по прямой линіи, и есть болѣе мелкіе № 00 и № 000 для тонкихъ рисунковъ. № 000 такъ тонки, что очень легко рвутся, особенно если туго натянуты. Поэтому лучше спрашивать въ магазинѣ другой сортъ этого же №, употребляемый для выпилки металловъ; онъ острѣе и лучше закаленъ, хотя немного и дороже.

Станкомъ, на которомъ производится выпиливаніе, служитъ маленькій верстачекъ (струбцинка) привинчивающійся къ столу винтомъ. Дырочки въ узорѣ фанеры просверливаются или простыми маленькимъ шильцемъ или особымъ инструментомъ, который называется *дралъ*, въ родѣ маленькаго колесорота. Онъ болѣе удобенъ, оттого что при работѣ имъ меньше устаютъ руки, особенно при просверливаніи твердаго дерева, и во-вторыхъ потому, что онъ вообще можетъ быть полезенъ въ хозяйствѣ, особенно если вы приобретете достаточное количество разнаго размѣра *тѣрочекъ*, которыми можно просверливать также и металлы.

Когда все готово, вставляютъ пилу въ нижнюю цапфу лобзика, зажимаютъ ее, продвѣваютъ сквозь одно изъ отверстій въ фанерѣ и зажимаютъ сверху. Кладутъ фанеру въ прорѣзъ верхней доски струбцины и начинаютъ пилить. Водить лобзикомъ нужно совершенно свободно, только слегка надавливая пилой на дерево. Лобзикъ конечно держать въ правой рукѣ, а лѣвой подвигаютъ и поворачиваютъ фанерку. Образующіеся опилки нужно постоянно сдувать тремъ, иначе они покрываютъ собой и мѣшаютъ видѣть рисунокъ. Руку съ лобзикомъ держать прижатой къ лотку, причемъ непремѣнно нужно стараться, чтобы лобзикъ шелъ совершенно перпендикулярно къ плоскости фанеры и не уклонялся бы ни вправо, ни влѣво. Въ противномъ случаѣ прорѣзанные кусочки не будутъ выпадать изъ фанеры и самый видъ узора будетъ различенъ на верхней и нижней сторонѣ фанеры, что въ тонкой работѣ можетъ испортить всю вещь. Закруглять нужно медленно, плавными движеніями руки, избѣгая крутыхъ поворотовъ, иначе линіи будутъ неправильны. Можно пилить какъ угодно, но лучше, если контуры рисунка остаются съ лѣвой стороны; во всякомъ случаѣ лучше не допилить, чѣмъ перепилить и уйти за контуры, оттого что въ первомъ случаѣ погрѣшность легко исправляется подпилкомъ, а во второмъ ничего сдѣлать нельзя и узоръ получается некрасивый. Пилы часто бываютъ нарѣзаны криво, и при всемъ стараніи не идутъ по указанному направленію. Лучше ихъ всегда предварительно попробовать на простомъ кускѣ фанеры и если онѣ, при прямомъ направленіи лобзика и правильномъ положеніи руки, пилить въ косъ, то нужно, не вынимая ихъ изъ лобзика, легко и быстро пройти по зубцамъ подпилкомъ съ той стороны, въ которую уклоняется пила, тогда зубцы выпрямятся. Часто во всей дюжинѣ наберется не болѣе двухъ или трехъ хорошихъ пилъ. Иногда пила очень хороша или остается послѣдняя извѣстнаго № и къ ней привыкнешь, тогда если она оборвется, можно не бросать ее, а отпустить винты сверху и внизу лобзика, которые держатъ зажимы; они сблизятся между собою и тогда можно вставить даже маленькій обрывокъ пилы.

Чѣмъ толще пила, тѣмъ выпиливаніе идетъ быстрѣе, но чѣмъ она тоньше, тѣмъ работа чище. Углы, особенно острые, надо опиливать съ большою осторожностью. Дойдя до угла, пилу совсѣмъ перестаютъ надавливать впередъ и продвигаютъ нѣсколько разъ вверхъ и внизъ на одномъ мѣстѣ совершенно свободно. Въ это время лѣвою рукою осторожно поворачиваютъ фанеру, остерегаясь производить это быстро, чтобы не ущемить пилу. По умѣнью хорошо обходить углы и по длиннымъ прямымъ линіямъ узнается искусство мастера въ выпилкѣ.

Окончивъ какой-нибудь отдѣльный кусокъ, берутъ *цикло*, стальную пластинку съ ровно обрѣзанными краями и ею начинаютъ сдирать уцѣлѣвшую бумагу съ узора. Впрочемъ еще лучше дѣлается это такъ-называемой *стеклянной* бумагой, которой бываетъ нѣсколько №№, отъ самой мелкой до крупной. Техника самая простая. Отрываютъ доскутокъ и трутъ имъ выпиленную фанеру, сначала крупной бумагой, а потомъ мелкой. Полировать выпиляемые вещи никогда не слѣдуетъ. Это нейдетъ. Самое большее что можно сдѣлать, это пройти по сабѣ бумаги большимъ кускомъ прессованной пемзы и потомъ слегка покрыть воскомъ, и то преимущественно темныя сорта дерева.

Отшлифовывая стеклянной шкуркой, нужно стараться, чтобы не обломать острые уголки, вѣточки, арабески и выдающіяся части узора, что вообще случается не особенно рѣдко. Если выпиленная вещь имѣетъ снаружи очень сложныя и запутанныя очертанія, то когда ее опилать кругомъ (наружный контуръ рисунка выпиливается всегда послѣ всего) ее не вынимаютъ, а оставляютъ въ выпиленномъ кускѣ какъ въ футлярѣ и начинаютъ шлифовать шкуркой. При такихъ условіяхъ это можно сдѣлать безопасно, не боясь обломать рисунка. Различныя погрѣшности въ выпиливаніи сглаживаются подпилочками, которыхъ необходимо имѣть цѣлый ассортиментъ: плоскій, круглый, полукруглый и треугольный.

Отпилифованныя и исправленныя вещи приговяются одна къ другой и прилепаются. Собственно говоря, эта часть работы требует особенной аккуратности и вниманія. Многие обыкновенно отдаютъ готовыя вещи для склейки мастерамъ, но мы рѣшительно не советуемъ этого дѣлать. Всегда старайтесь чтобы вещь вся была сдѣлана вами. Тѣмъ болѣе что пригонка вовсе не трудна, если не спѣшить. Прямые бочки обыкновенно выстругиваются маленькими желѣзными рубаночками, которыми очень ловко дѣйствовать. Поэтому прямыя линіи никогда не опиляются прямо по рисунку, а всегда оставляется мѣсто или поля для работы рубанкомъ. Для скашивания угловъ въ рамкахъ существуетъ даже особенный инструментъ, безъ котораго впрочемъ легко обойтись и можно удовольствоваться циркулемъ и прямоугольникомъ. Приклеивать отдѣльныя части одна къ другой всего лучше простымъ столярнымъ клеемъ, наблюдая только чтобы онъ былъ горячъ и не очень густъ, въ противномъ случаѣ получится нечистая работа. До склеиванія вещь должна быть окончательно отдѣлана, отшлифована, подогнана, гдѣ нужно, должны быть придѣланы петельки, личинки и пр., и ни въ какомъ случаѣ не нужно производить этихъ манипуляцій во время склейки или послѣ нея. Этимъ вы рискуете только попусту загрязнить или поломать вещь. Оставшіяся кускамъ клея даютъ засохнуть и потомъ счищаютъ ихъ осторожно острой стамесочкой или просто перочиннымъ ножомъ. Теперь впрочемъ все болѣе и болѣе входитъ въ обычай избѣгать по возможности склеиванія и всю работу производить на винтахъ. Выходитъ лучше, чище и даже крѣпче. Винтики продаются *гроссами* (12 дюймовъ) и бываютъ разной величины, отъ $\frac{1}{4}$ дюйма длины. Всего лучше употреблять № 3 въ $\frac{1}{2}$ дюйма, ими очень удобно свинчивать двѣ фанерки; острый же кончикъ, прошедшій насквозь, легко отпиливается той-же пилой или подпилкомъ. Работа на винтахъ имѣетъ еще то преимущество, что ее всегда можно всю разобрать, что очень важно въ дорогѣ или перевозкѣ, а также въ случаѣ передѣлки вещи. Мы вообще советуемъ начинающимъ свинчивать вещи гдѣ это можно, избѣгая по возможности клею. Только для винтика всегда нужно раньше шильцемъ приготовить отверстіе въ фанеркѣ, оттого что какъ винтикъ ни тонокъ, но можетъ расколоть дерево.

Въ заключение нѣсколько словъ о мозаикѣ. Мозаикой въ выпиливаніи называютъ вставки въ выпиливаемую вещь узорами и инкрустаций изъ другихъ сортовъ дерева. Это дѣло требуетъ большой опытности и умѣнья, для этого существуютъ особые пожные станки, стоющие довольно дорого. Но небольшія вставки можно безъ особеннаго труда дѣлать каждому. Берутъ два куска дерева, положимъ, каштановое и орѣховое. На одну фанеру приклеиваютъ плотно крахмаломъ листъ бумаги и на этотъ послѣдній съ другой стороны наклеиваютъ другую фанерку. Такимъ образомъ оба куска дерева соединены бумагой. Тогда на одну изъ фанерокъ наклеиваютъ рисунокъ и начинаютъ выпиливать, какъ обыкновенно, но выпиленные и выдающіеся кусочки не бросаютъ, а собираютъ въ отдѣльную коробочку.

По окончаніи работы прямо стамеской или ножомъ раздѣляютъ обѣ фанерки или опускаютъ ихъ на минуту въ теп-

лую воду и тогда бумага отстаетъ легко. Затѣмъ выпиленные кусочки изъ орѣховаго дерева вставляютъ въ каштановое и наоборотъ. Получаются двѣ фанерки съ мозаиковыми инкрустациями. Главное условіе при мозаикѣ—это литье совершенно перпендикулярно, ничуть не уклоняясь въ ту или другую сторону. Тогда и отрѣзки получаютъ правильныя и легко вставляются въ соответствующіе вырѣзы. Если же пилили хоть немного подъ угломъ, то одинъ изъ кусочковъ получается болѣе другаго и не вставляется потомъ въ фанеру. Такъ какъ здѣсь выпиленные отрѣзочки не бросаются и вставляются послѣ назадъ, то отверстія дѣлаютъ въ нихъ шильцемъ для выпиливанія не произвольно, гдѣ придется, а въ какомъ-нибудь углу, вообще на границѣ контура. Это дѣлается для того, чтобы потомъ, по вставкѣ кусочковъ на надлежащее мѣсто, не было бы по возможности замѣтно дырочекъ. Мозаиковыя вставки бываютъ иногда очень эффектны, если цвѣта дерева подобраны со вкусомъ; только нужно выбирать попроче узоры, гдѣ меньше бы было острыхъ угловъ, а преобладали бы плавныя кривыя, а то въ углахъ часто выкрашиваются и ломаются вставки.

Каждую выпиленную вещь можно отдѣлать различными украшеніями. Для этого теперь въ магазинахъ продается масса бронзовыхъ и всякихъ другихъ штукъ: бронзовыя ножки драконами для шкатулокъ, бронзовыя колечки для выдвиганія ящичковъ, крючочки для подчасниковъ, ажурныя петельки, гвоздики съ разноцвѣтными стеклянными головками, ручки для ящичковъ, угольнички, бронзовыя багетки и карнизники, прибивающіеся бронзовыми гвоздиками по краямъ для того, чтобы скрыть погрѣшности склейки. Всякія украшенія—дѣло вкуса, но мы не советуемъ бы очень пестрить ими работу, такъ какъ въ ажурныхъ вещахъ простота составляетъ основную прелесть. Шкатулочки обиваются внутри матеріей, сбранной мелкими пуфами, въ крышку можно вставить зеркало, въ рамки вставляются бронзовые ободки съ шлифованными стеклами и пр.

Выборъ вещей для выпиливанія очень разнообразенъ: кромѣ обыкновенныхъ мелкихъ кабинетныхъ вещицъ, можно выпилить и очень крупныя вещи. Мы знали двухъ любителей, которые сдѣлали себѣ изъ темнаго орѣха ажурные обои на всю комнату. Получилось въ высшей степени эффектное впечатлѣніе. Можно выпиловать кюветы, туалеты. Можно обклеивать вырѣзными фанерами уже готовую мебель; комодики, сундуки и пр. Дѣлаютъ круглыя доски для столиковъ, простыя или мозаиковыя, отдѣлываютъ садовыя бесѣдки ажурными украшеніями въ русскомъ вкусѣ и пр.

При желаніи можно найти и другія приложенія выпиливанія. Берутъ напр. двѣ картины и наклеиваютъ на фанеру съ обѣихъ сторонъ, потомъ распиливаютъ ее по возможности неправильно, замысловатыми линіями на множество кусочковъ. Эти кусочки можно складывать такъ, что получаютъ двѣ складныя картины. Такимъ же образомъ распиливаютъ географическія карты, по губерніямъ, по государствамъ, по направленію рѣкъ и горныхъ хребтовъ, такъ что здѣсь удовольствіе уже прямо соединено съ пользой.

Другъ.

Къ рисункамъ.

Степной воръ. (Рис. на стр. 652).

Осторожно пробирается туркменъ съ награбленной добычей въ высокіхъ камышахъ закаспійскихъ степей. Осторожно ступаетъ по густой травѣ небольшая но выносливая стелная лошадка, къ пристанищу своего хозяина, который, зорко оглядываясь по сторонамъ узкими глазами, держитъ на всякій случай на-готовѣ свое гибкое копые. Этотъ интересный типъ одного изъ многочисленныхъ племенъ населяющихъ наши окраины живо переданъ въ акварели извѣстнаго нашего художника Н. Н. Каразина, воспроизведенной въ гравюрѣ на стр. 652).

Знаменщикъ текинской милиціи. (Рис. на стр. 653).

Чрезвычайно плодородной и прекрасно орошенный оазисъ Ахаль-Теке населенъ однимъ изъ многочисленныхъ туркменскихъ племенъ, коего численность достигала до 4000 кибитокъ. Сыздавна они были извѣстны въ средней Азій, какъ отъявленные грабители и разбойники, наводившіе ужасъ на окрестныя мѣстности. Въ одиночку, какъ это можно видѣть на помянутомъ рисункѣ Н. Н. Каразина, помѣщенномъ въ настоящемъ номерѣ, или цѣлыми партіями совершали они свои набѣги, даже на пограничныя русскія области. Чтобы положить конецъ ихъ хищничествамъ, русское правительство неоднократно снаряжало экспедиціи для покоренія оазиса. Послѣ безплодныхъ походовъ 1874, 1876, 1878 и 1879 г., оазисъ наконецъ былъ покоренъ въ 1881 г. генераломъ Скобелевымъ, а съ 1883 г. составляетъ часть закаспійскихъ русскихъ владѣній. Съ тѣхъ поръ хищничества прекратились и дикіе, необузданныя текинцы теперь трудно узнать въ дисциплинированномъ земскомъ войскѣ—милиціи. Одинъ изъ представителей его, зна-

менщикъ текинской конной милиціи воспроизведенъ на стр. 653, гравюрѣ съ рисунка карандашемъ В. Радомскаго.

На берегу моря. (Рис. на стр. 657).

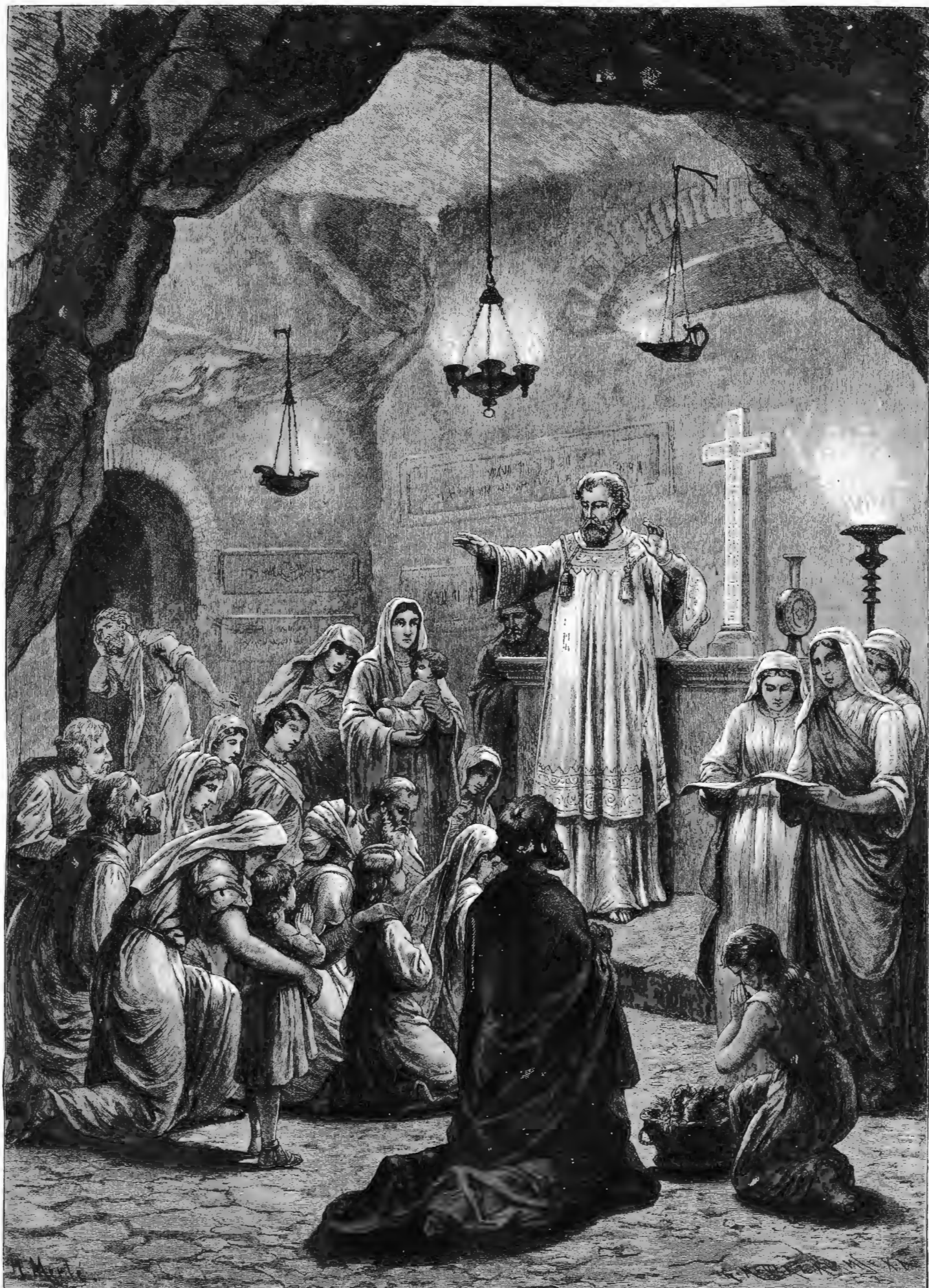
За высокой каменной верандой далеко-далеко тянется море. Съ шильцемъ нагоняетъ оно волну за волной на пологій песчаный берегъ, на которомъ высятся вѣха, предостерегающая проходящія мимо суда. Два-три изъ нихъ выростаются сілуетомъ вдаль, да изъ-за горизонта тянется полоска дыма отъ удаляющагося парохода. Но море, то тихое, то бурное, столь заманчивое для увидѣвшаго его впервые, кажется мало занимаетъ обѣихъ дѣвухецъ, сидящихъ на первомъ планѣ картины.

Воскресный день въ Малороссіи. (Рис. на стр. 660).

Досуги праздниковъ нашъ народъ часто посвящаетъ какому-нибудь физическому развлеченію или забавѣ. Въ играхъ, хоровахъ, пляскахъ, утомленное за недѣлю тяжелой работой тѣло находится въ легкомъ движеніи, пріятный отдыхъ. Игры въ свайку, городки, бабки не разъ, можно думать, наблюдалъ читатель гдѣ-нибудь въ деревнѣ или пригородѣ. На стр. 660 помѣщено изображеніе любопытной игры въ матку, встрѣчаемой въ Малороссіи. Это родъ ланты, гдѣ попеременно одинъ изъ играющихъ поддаетъ мячъ палкою или лантой другому.

„Съ Государевымъ словомъ“. (Рис. на стр. 661).

Художникъ изобразилъ очень живо тотъ торжественный моментъ въ древне-русской жизни, когда послы государевы, развѣжая по Руси съ его полномочною грамотою, приѣзжаютъ къ одному изъ скромныхъ и небогатыхъ заолустныхъ дворянъ и другихъ служилыхъ людей, и объявляютъ о томъ, чтобы „часа не

Ночное богослужение первых христианъ въ Римскихъ катакомбахъ. Рис. Мелле; грав. Гейеръ.

мѣшкая“ всѣ свозили своихъ дочерей-дѣвицъ для досмотра въ опредѣленные, указанные въ грамотѣ, города, для „смотрины“ его бояря и околнничихъ, посланныхъ съ этой цѣлью по всей Россіи. „А который изъ васъ дочь у себя утаитъ и къ боярамъ нашимъ не повезетъ, и тому быть отъ цари въ великой ошалѣ и въ казни“—такъ заключалось грозное „царское слово“.

И слушаетъ то слово, стоя на колѣняхъ, отецъ, слушаютъ его всѣ домашніе — жена, мама (т. е. нянька) дочери, сѣвныя дѣвушки и подруги. Слушаетъ съ замираніемъ сердца и сама дѣвица, которой ближе всего касается „государево слово“—и дрожить въ рукахъ ея тотъ подносъ съ сулеею и со стаканомъ, который она еле держитъ въ рукахъ. Ей мерещатся въ близкомъ будущемъ и страхи, и ужасы, и тревоги, и волненія, и—возможность быть царицей, возможность стать „первою изъ первыхъ“ женщинъ на все Русское царство... Возможность вывести въ люди весь захудалый, бѣдный родъ свой, начиная отъ отца и матери, до братьевъ и дальнихъ родичей. Но сколько ей нужно пройти испытаній, сколько одолѣть козней, сколько вынести всякихъ униженій, прижимокъ, рассчитанныхъ оскорбленій, сколько наслушаться клеветъ, наветовъ, осужденій!.. Но блескъ вѣнца туманитъ ей голову и она обо всемъ забываетъ въ виду того отдаленнаго счастья, которое можетъ ей выпасть на долю. Не такъ думаетъ ея отецъ: онъ предвидитъ нескончаемые хлопоты, расходы, убытки, неудачи, возможность опалы и строгихъ взысканій, въ случаѣ если бы дочь не сдумала угодить ближайшимъ царскимъ вельможамъ и роднѣ, которая, конечно, встрѣтитъ ее враждебно... И старый, опытный чело-вѣкъ грустно клонитъ голову, слушая „государево слово“, и въ душѣ молить Бога, чтобы мимо его „шла чаша сія...“

Ночное богослуженіе первыхъ христіанъ въ римскихъ катакомбахъ. (Рис. на стр. 665).

Во время преслѣдованія христіанъ, въ теченіе первыхъ четырехъ вѣковъ христіанской церкви въ Римскомъ государствѣ, послѣдователи новаго ученія видѣли себя почти всюду вынужденными скрываться отъ постоянно возрастающихъ притѣсненій императорскихъ чиновниковъ и отъ преслѣдованій черни—въ пустыняхъ и ущельяхъ, гдѣ они собирались и исполняли свое богослуженіе. Въ самомъ Римѣ христіане искали убожища преимущественно въ тѣхъ обширныхъ и запутанныхъ подземельяхъ, которыя еще и донныя составляютъ подъ названіемъ катакомбъ одну изъ достопримѣчательностей семихолмаго города. Эти, высѣченныя въ мягкомъ туфѣ, ходы находятъ повсюду въ окрестностяхъ Рима и составляютъ въ общей сложности пространство длиною верстъ съ тысячу. Вначалѣ катакомбы служили мѣстомъ погребенія умершихъ, могилы которыхъ, одна надъ и возлѣ другой, тѣсно были выбиты горизонтально въ стѣнахъ галерей и задѣлывались каменною доскою, носившею соотвѣтственную надпись. Позже подземныя пространства служили мѣстомъ собраній для христіанскихъ общинъ и доставляли угнетаемымъ, какъ это извѣстно, хотя временное убожище и пріютъ во времена жестокайшихъ преслѣдованій въ III и IV вѣкахъ. Первое время катакомбы были одноэтажными и являлись скорѣе широкими, чѣмъ высокими ходами; позже начали встрѣчаться галереи одна надъ другою, въ три, четыре и даже пять ярусовъ, съ узкими и высокими проходами, которые развѣтвлялись въ стороны, съ значительными помѣщеніями для богослуженія. Исторія катакомбъ начинается съ конца перваго вѣка христіанства. Во многихъ изъ нихъ найдена живопись, относящаяся, какъ это можно сказать почти съ увѣренностью, до этой ранней эпохи. Самая древняя надпись заключаетъ указаніе на консульство въ 107 году, а другая 110 года. Находящаяся въ катакомбахъ церкви или капеллы имѣютъ своеобразную форму и устройство: онѣ бы-

ваютъ четырехугольныя, восьмиугольныя и крестообразныя. Въ нихъ-то и совершали первые христіане свое богослуженіе во времена преслѣдованій, какъ это видно на нашемъ рисункѣ на стр. 665. Въ небольшомъ помѣщеніи, освѣщенномъ многочисленными лампадами, возвышается въ глубинѣ алтарь съ крестомъ и передъ нимъ священнослужитель въ облаченіи. Онъ простеръ впередъ руки, чтобы дать общинѣ благословеніе. Слѣва, у дверей стоитъ сторожъ и прислушивается. Такіе сторожа были разставлены на далекое пространство, чтобы предупредить въ-рующихся отъ грозившей имъ опасности быть накрытыми фанатическими преслѣдователями ученія Христова. Несмотря на эти мѣры предосторожности, императорскимъ солдатамъ нѣрѣдко удавалось проникать въ эти тихія убожища и захватывать христіанъ на мѣстѣ „преступленія“. Тогда ихъ влекли въ судъ, тамъ исповѣдники новой вѣры, безъ дальнихъ околичностей, приговаривались къ смерти на аренѣ цирка, гдѣ они должны были подвергаться травлѣ дикими звѣрьми. Но это-то безропотное мученичество и влекло тысячи новыхъ прозелитовъ къ христіанству.

Дворецъ Е. И. В. Великаго Князя Павла Александровича въ СПБ. (Рис. на стр. 668).

Въ дополненіе къ рисункамъ изображающимъ торжественный въѣздъ Греческой королевы Александры Георгіевны въ СПБ., помѣщеннымъ въ № 25 *Нивы*, прилагаемъ въ гравюрѣ фотографическій снимокъ съ дворца ея Августѣйшаго сунуруга, Великаго Князя Павла Александровича. Это красивое зданіе расположено на Англійской набережной Невы, неподалеку отъ Царской пристани, главнымъ фасадомъ къ рѣкѣ.

Памятникъ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому въ СПБ. (Рис. на стр. 669).

Въ понедѣльникъ, 5 іюня, въ три часа дня, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ состоялось торжественное открытіе памятника въ Бозѣ почивающему принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, поставленнаго на Литейномъ проспектѣ, противъ Маринской больницы. Это мѣсто, гдѣ красуется генеръ-памятникъ, находилось въ палисадникѣ выше-названной больницы.

Принцъ Петръ Георгіевичъ, сынъ принца Петра-Фридриха-Георга Ольденбургскаго (р. 1784, † 1812) и принцессы Екатерины Павловны (р. 1788, † 1819), дочери императора Павла Петровича, родился 14 (26) августа 1812 года въ Петербургѣ, съ молодыхъ лѣтъ пользовался большимъ довѣріемъ своего Августѣйшаго дяди, императора Николая I, въ 1832 году получилъ чинъ генераль-майора, въ 1834 генераль-лейтенанта и въ 1841 генерала-отъ-инфантеріи. Еще ранѣе получивъ юридическое образованіе со степенію доктора правъ, принцъ скорѣе перешелъ въ гражданскую службу и былъ главноуправляющимъ IV отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи, сенаторомъ и предѣвателемъ Департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Въ концѣ 1880 года праздновался 50-лѣтній юбилей его много-полезной службы, которой онъ не покидалъ до самой кончины, послѣдовавшей 2 (14) мая 1881 года. На памятникѣ принцъ изображенъ стоящимъ и опирающимся лѣвою рукою на два тома законовъ. На лицевой сторонѣ памятника находится слѣдующая надпись: „Просвѣщенному Благотворителю, Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому 1812—1881“. Три прочія стороны пьедестала украшены барельефами. На правой сторонѣ принцъ изображенъ бесѣдующимъ съ воспитанниками Училища Правовѣднія; тутъ же присутствуетъ директоръ училища Пошманъ. На лѣвой сторонѣ принцъ бесѣдуетъ съ воспитанницами. На той сторонѣ пьедестала, которая выходитъ къ Маринской больницѣ, принцъ изображенъ у одра больнаго.

Политическое обозрѣніе.

Въ воскресенье, 11 іюня, императоръ Францъ-Иосифъ принималъ членовъ австро-венгерскихъ делегаций и прочелъ рѣчь, содержащую какъ бы указанія на предстоящій политической характеръ начавшейся сессіи делегаций. Въ своей тронной рѣчи императоръ прежде всего подтвердилъ, что полученные имъ искреннія изъявленія вѣрнопоподданническихъ чувствъ народностей Австро-Венгрии утѣшили его въ глубокомъ горѣ. Затѣмъ, коснувшись отношеній имперіи къ иностраннымъ державамъ, императоръ заявилъ, что эти отношенія, равно какъ и общее направленіе вѣдшей политики, нисколько не измѣнились. „Въ полномъ согласіи съ нашими союзниками мое правительство стоитъ за направленіе къ продолжительному мироустроенію настоящаго непрочнонаго положенія Европы и не теряло надежды на сохраненіе мира, не взирая на продолжающееся повсюду увеличеніе военныхъ силъ, которое и насъ заставляетъ продолжать усовершенствованіе нашей боевой способности. Вслѣдствіе достойнаго сожалѣнія рѣшенія короля Милана отречься отъ престола и по несовершеннолѣтію короля Александра, Сербскому правительству было дано регентство, которое меня увѣрило самымъ формальнымъ образомъ, что оно сохранитъ теперешнія дружественныя отношенія къ имперіи. Исполнен-

ный расположенія къ сосѣднему Сербскому королевству, и я съ своей стороны желаю того же и надѣюсь, что благоразуміе и патриотизмъ сербовъ предохранитъ страну отъ серьезныхъ опасностей.“ Затѣмъ въ рѣчи относительно Болгаріи говорится, что въ ней господствуютъ спокойствіе и порядокъ (!) и что пріятно констатировать постоянное преуспѣваніе этой страны, не смотря на трудное ея положеніе. Далѣе въ ней упоминается о преуспѣваніи и развитіи Боснии и Герцеговины. Въ заключеніе императоръ заявилъ, что правительство, принимая въ соображеніе финансовое положеніе монархіи, стремилось къ тому, чтобы требованія военнаго бюджета были доведены до минимума. Вслѣдствіе чрезвычайныхъ надобностей пока неизбѣжно продолжать тѣ мѣры предосторожности, на которыя въ прошломъ году были потребованы чрезвычайный кредитъ, и еще предпринять такія срочныя распоряженія, которыя необходимы для усиленія боевой способности. Въ концѣ рѣчи высказывается надежда, что делегации, патриотизмъ которыхъ испытанъ на дѣлѣ, не откажутъ правительству въ своемъ содѣйствіи. Рѣчь эта вызвала разнорѣчивыя толкованія. Вѣнскія газеты, обсуждая тронную рѣчь, находятъ, что рѣзкое указаніе ея на непрочность положенія дѣлъ замѣтно ослабляетъ ея общій

мирный тонъ. То мѣсто рѣчи, которое касается Сербіи, истолковывается газетами въ смыслѣ предостереженія регентству на счетъ того, чтобы оно непремѣнно сдержало данныя имъ обѣщанія. Мѣсто, касающееся Болгаріи — говорятъ газеты — озадачило делегаціи. Притомъ де *Neue Freie Presse* говоритъ въ передовой статьѣ, что упоминаніе о Болгаріи въ тронной рѣчи сдѣлано умышленно, съ политической цѣлью. Но подобный умыселъ безцѣленъ и врядъ-ли можетъ произвести въ Петербургѣ непріятное впечатлѣніе, такъ какъ на Болгарію перестали де обращаться всякое вниманіе. Также де напрасны строчки той же газеты, по поводу избранія въ президенты делегаціи князя Альфреда Виндишгреца и графа Зичи, гдѣ говорится: „Графъ Зичи и князь Виндишгрецъ напоминаютъ собою то время, когда Россія не питала еще ни малѣйшей ненависти къ Австріи. Дѣды князя призывалъ русскихъ въ Венгрію, а графъ Зичи, бывший посолъ въ Константинополѣ и другъ графа Игнатьева, никогда не былъ непріателемъ Россіи. Стремленія Австро-венгерской монархіи миролюбивы, въ ней не существуетъ ни одной воинственной личности въ родѣ графа Вальдерсе. Къ сожалѣнію, Россія непримирима“. Но непримиримостью скорѣе отличается сама Австро-Венгрія; по крайней мѣрѣ многія не австрійскія газеты истолковывали тронную рѣчь какъ воинственную угрозу, въ чемъ старается ихъ разувѣрить *Presse*. Да и самъ составитель рѣчи, можно думать, не ожидалъ того впечатлѣнія, какое произвела тронная рѣчь. Графъ Кальноки уже во вторникъ представилъ бюджетной комисіи австрійской делегаціи краткій очеркъ настоящаго политическаго положенія, въ которомъ онъ какъ бы разъясняетъ тронную рѣчь. „Моя задача — говорилъ Кальноки — заключается въ томъ, чтобы выяснитъ, а также и успокоитъ общее настроеніе, которое въ настоящее время находится подъ пессимистическими вліяніями. Общее положеніе остается безъ перемѣнъ; мы рѣшительно не видимъ нынѣ опасности для мира, хотя положеніе дѣль и неустойчиво. Перемѣнамъ на Юго-Востоку, вызваннымъ внутренними причинами, придано было преувеличенное толкованіе. Говорятъ, будто Румыніа враждебна намъ теперь; это не вѣрно. Я питаю полное довѣріе къ тому, что Румыніа слишкомъ гордится своею національностью и новоприобрѣтенною, взятою путемъ борьбы независимостью, чтобы легко и безъ достаточныхъ основаній отказаться отъ нихъ.“ Относительно Сербіи, графъ Кальноки сказалъ, что регентство дало положительное увѣреніе сохранить дружественныя отношенія къ сосѣдней державѣ и что нѣтъ причинъ предполагать, чтобы регентство измѣнило своимъ обѣщаніямъ. Сохраненіе дружескихъ отношеній мирнаго сосѣдства соответствуетъ интересамъ Сербіи. „Мирныя намѣренія всѣхъ монарховъ и твердая воля ихъ сохранить миръ, — заявилъ въ концѣ своего очерка графъ Кальноки, — не подлежатъ никакому сомнѣнію; къ тому же стремятся и правительства; никто не

хочетъ брать на себя отвѣтственности за нарушеніе мира и за послѣдствія такого нарушенія. Австрія не имѣетъ воинственныхъ намѣреній, она довольна вывѣршимъ правовымъ положеніемъ и не питаетъ замысловъ относительно расширенія своихъ предѣловъ. Наша мирная политика опирается на вѣрныя союзницы — Германію и Италію; кромѣ того, наша восточная политика такъ безукоризненна и безкорыстна, что въ ней мы не останемся безъ поддержки со стороны державъ слѣдующихъ одинаковымъ съ нами воззрѣніямъ. Наконецъ, нѣтъ ни одного государства, съ которымъ мы не находились бы въ совершенно нормальныхъ отношеніяхъ; такимъ образомъ мы состоимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ также и съ Россіей“.

Во Франціи правительственная партія за последнее время терпитъ неудачи, въ то время какъ ея главнѣйшіе противники торжествуютъ. Процессъ, возбужденный въ Ангулемѣ противъ Деруледа, Лагерра и Лезана, если и окончится не вполне благоприятно для всѣхъ обвиняемыхъ, то во всякомъ случаѣ рѣшеніе ангулемскаго суда, приговорившаго Деруледа къ обыкновенному штрафу въ 100 фр. и оправдавшаго Лезана, газеты считаютъ равносильнымъ оправданію подсудимыхъ. Рядомъ съ этимъ министерство Тирара уже дважды не имѣло на своей сторонѣ большинства депутатовъ въ палатѣ, еще не такъ давно сильно поддерживавшей правительство.

Въ Штуттартѣ, какъ уже извѣстно читателямъ *Нивы*, нынѣ происходятъ торжества по случаю 25-лѣтняго благополучнаго царствованія короля Карла. На нихъ, въ числѣ прочихъ высокихъ гостей, присутствуетъ Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, прибывшій въ Штуттартъ 12 іюня. На вокзалѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ встрѣченъ былъ, по порученію короля, принцемъ Вильгельмомъ. При встрѣчѣ присутствовали также всѣ принцы королевскаго дома, генералитетъ и русская колонія. Въ вокзалѣ была выставлена почетная рота со знаменемъ и хоромъ музыки. Публика привѣтствовала Наслѣдника Цесаревича самымъ сочувственнымъ образомъ. Во дворцѣ Его Императорское Высочество было чрезвычайно сердечно привѣтствовано королею и королевою. По поводу юбилея, 10 (22) іюня, въ *Staatsanzeiger* опубликованъ королевскій манифестъ, начинающійся словами: „Моему народу!“ Въ немъ король выражаетъ удовольствіе, что онъ былъ призванъ выполнить долгъ правителя въ тревожное время великихъ событій и благодаритъ народъ за многочисленныя доказательства вѣрности и преданности, которыми онъ не преминулъ выказать ему и при нынѣшнемъ торжествѣ. Благодареніе Виртемберга будетъ и впредь составлять дѣль его стремленій. Высшую награду своихъ заботъ король видитъ въ чувствѣ признательности и вѣрности своего народа. „Да исполнитъ Богъ — говоритъ въ заключеніе король — свое благословеніе на меня, на мою супругу, на домъ мой и на всю Виртембергскую страну“.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ Правительствующему Сенату.

Признавъ за благо возстановитъ дѣйствіе статьи 142 сюда основныхъ государственныхъ законовъ, изданныхъ 1857 года, повелѣваемъ: согласно съ первоначальнымъ начертаніемъ основныхъ постановленій о бракѣ Членовъ Августѣйшаго Дома Нашего, статью 60 учрежденія о Императорской Фамиліи (свода законовъ томъ I, часть I, раздѣлъ второй, изданія 1886 года) изложить въ слѣдующемъ видѣ: „Бракъ мужскаго лица Императорскаго Дома, могущаго имѣть право на наследованіе престола, съ особою другою вѣрой, совершается не иначе, какъ по восприятіи ея православнаго исповѣданія (ст. 40 основныхъ государственныхъ законовъ)“.

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С.-Петербургѣ.
6 іюня 1889 года.

Финансы.

— Государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи 1889 года поступило съ 1 января по 1 апрѣля сего года 201,795 милл. руб., въ томъ числѣ обыкновенныхъ и оборотныхъ 196,135 милл. руб. и чрезвычайныхъ 5,660 милл. руб.; вмѣстѣ же съ поступленіями въ счетъ смѣты другихъ лѣтъ (10,880 милл. руб.), общая сумма доходовъ равняется 212,675 милл. руб. По сравненію съ поступленіями въ первые три мѣсяца 1888 года, доходовъ въ 1889 году оказывается больше: въ счетъ росписи текущаго года на 25,189 милл. руб., а въ общемъ итогѣ на 20,228 милл. руб.

— По 1 іюня 1889 года въ совѣтъ Госу-

дарственнаго дворянскаго земельного банка представлено отдѣленіями банка 7,899 дѣль о ссудахъ. Разсмотрѣно совѣтомъ 7,758 дѣль. Изъ сего числа разрѣшено 7,322 дѣль о ссудахъ на сумму 206,277,000 рублей.

Морское дѣло.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Военнаго Министра, 23 минувшаго мая, Высочайше соизволилъ на возстановленіе въ зданіи № 5—224, занимаемомъ штабомъ 49-го пѣхотнаго Брестскаго полка, въ гор. Севастополѣ, комнаты, въ коей скончался отъ ранъ генералъ-адъютантъ Корниловъ, съ сосредоточеніемъ въ этой комнатѣ всѣхъ предметовъ, относящихся къ памяти покойнаго адмирала.

Наука.

— По почину Туркестанскаго генералъ-губернатора и начальника Закаспійской области, въ настоящее время обращено вниманіе на метеорологическія наблюденія какъ въ Средней Азій, такъ и въ Закаспійской области. Такъ, недавно, открыта метеорологическая станція въ Каркахъ, назначеніе которой, между прочимъ, должно будетъ состоять въ наблюденіи надъ колебаніемъ уровня воды въ Аму-Дарѣ, какъ извѣстно, въ особенности пріобрѣвшей значеніе съ появленіемъ на ней вновь созданной аму-даринской флотиліи и будущаго вольнаго пароходства. Затѣмъ, въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ устройство такой же станціи въ Асхабадѣ.

Открытія.

— Извѣстно, что мѣстороженіе сапфира находится на островѣ Цейлонѣ, откуда до сихъ поръ и вывозитъ въ Европу этотъ драгоцѣнный камень. Но въ настоящее время

обнаружено, что сапфиръ попадается и на Уралѣ. Одинъ торговецъ каменными издѣліями въ гор. Екатеринбургѣ владѣетъ сапфиромъ, добытымъ, но его словамъ, въ Уралѣ. Тѣмъ-же лицомъ недавно пріобрѣтенъ отъ одного золотопромышленника найденный въ Троицкомъ уѣздѣ, въ золото-содержащихъ пескахъ, очень цѣнный и рѣдкій камень — еиклазъ.

Изъ губерній и областей.

— 4 іюня, въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи, произошелъ страшный пожаръ, начавшійся въ 11 часъ утра и продолжавшійся весь день и слѣдующую ночь. Сгорѣло до тысячи строеній; наиболѣе пострадали базарная площадь, на которой сгорѣли всѣ лавки, и прилегающія улицы; сгорѣло болѣе половины Дубенской и Бѣльманской ул. и Красная гора. Изъ общественныхъ зданій сгорѣли: православная церковь, католическій костелъ, тюремный замокъ и прогимназія. Ночью прѣхали вольныя пожарныя команды изъ Ровно и Дубно, но въ это время пожаръ уже былъ локализованъ. Пожаръ распространился столь быстро, что не удалось спасти ни имущества жителей, ни товаровъ въ лавкахъ. 5 іюня, прибылъ въ Острогъ волынской губернаторъ. О выдающихся несчастныхъ случаяхъ съ людьми свѣдѣній не имѣется. Убитки также пока неизвѣстны, но ихъ опредѣляютъ лица, знающія Острогъ, свыше милліона. Говорятъ, что большая часть домовъ и лавокъ не была застрахована.

Новыя книги.

Всѣ виноваты. (Die Mitschuldigen). Комедія въ 3-хъ дѣйств. (въ стихахъ) Гёге. Переводъ Э. Репмана. Москва. 1889 г. 100 стр.
Который часъ? И. Вавилова. Общедоступ-

ное руководство къ построению всевозможныхъ солнечныхъ часовъ и повѣркѣ обыкновенныхъ часовъ по солнцу безъ помощи часовника. Съ 13 рис. Изд. Ф. Павленкова. СПб. 1889 г. 43 стр.

англійскаго Е. А. Сысоевой. СПб. 1889 г. 227 стр.

Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и

кова. Вып. XXII. Изд. К. Риккера. СПб. 1889 г. 160 стр.

Парижъ и его окрестности. Полный русскій путеводитель для ѣдущихъ на Всемирную Выставку въ Парижъ, съ приложеніемъ русско-

Дворецъ Е. И. В. Великаго Князя Павла Александровича, на Англійской набережной Невы въ СПб. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Гербертъ Спенсеръ. Воспитаніе, умственнаго, нравственное и физическое. Начата подъ ред. В. О. Корша, французскихъ діалоговъ, записной книжки и плана гор. Парижа. Москва. 1889 г. 222 стр.

С М Ъ С Ъ.

Камни падающіе съ неба составляютъ явленія въ Россіи почти ежегодныя; они сначала хранятся какъ предметы любопытства, а затѣмъ теряются и пропадають бесполезно какъ для ихъ владѣльцевъ, такъ и для науки. Занимаясь издавна изученіемъ этихъ камней, покорнѣйше прошу лицъ имѣющихъ метеориты, аэролиты, воздушные или упавшіе съ неба камни, а также самородное желѣзо, или знающихъ у кого таковыя находятся, войти со мною въ согла-

шеніе о передачѣ ихъ мнѣ для описанія, или о полной уступкѣ ихъ, за извѣстное вознагражденіе, для моей коллекціи. Для достовѣрности неземнаго происхожденія камня или желѣза, прошу высылать мнѣ предварительно небольшіе образцы съ указаніемъ времени (годъ, мѣсяць и число) и мѣстонахожденія (уѣздъ, волость, деревня) камня, а равно и вѣса или величины цѣлаго, по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ. Вас. Остр., 13 линія, д. 2. Юл. Симашко.

Такъ-называемое женское движеніе въ Даниі сдѣлало значительные успѣхи: „Датская женская корпорація“ распространилась по всей странѣ и руководство ею находится въ очень дѣятельныхъ рукахъ. При открытіи парламентской сессіи, министру внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателямъ обоихъ собраній имперскаго сейма былъ поданъ депутаціей названнаго общества адресъ съ 20,000 подписей, въ которомъ испрашивалось для женщинъ право выборовъ. Просьба подписана четырнадцатью тысячами замужнихъ и шестью тысячами незамужнихъ женщинъ; наибольшее число подписей поступило изъ провинцій. „Если можно было добиться такого большого сочувствія къ праву общинныхъ выборовъ“, пишетъ въ *Morgenbladet* одна изъ руководительницъ „женскаго общества прогресса“ въ Копенгагенѣ, г-жа Юганна Мейеръ, „представляющему выгоды для однихъ незамужнихъ женщинъ и связанному лишь съ вопросомъ о податныхъ сборахъ, то можно себя представить какъ велико будетъ участіе, когда дѣло коснется политическаго права подачи голосовъ и избираемости какъ замужнихъ, такъ и незамужнихъ женщинъ.“ Впрочемъ, „женское общество прогресса“ не ограничивается одною агитаціею; оно стремится также къ тому, чтобы сдѣлать женщину способною получить права избранія и пользоваться ими. Съ этою цѣлью въ Копенгагенѣ открыта недавно школа соціально-политическихъ наукъ для женщинъ. Попечитель высшихъ учебныхъ заведеній Фалькеншеръ преподаетъ въ ней внутреннюю политическую исторію Даниі съ 1848 г.; гг. О. Г. А. Андрушъ, кандидатъ Оскаръ Гапсенъ и Н. И. Нёрлундъ читаютъ законодѣніе, этику и психологию. (с.)

Въ Вашингтонѣ, по слухамъ, будетъ изданъ законъ, воспрещающій ввозъ книгъ изъ Англіи. Американскіе сборщики охранительныхъ пошлинъ желаютъ избавиться не отъ англійскихъ писателей, а отъ издателей. Каждый англійскій писатель можетъ и впрямь, по дорогомъ цѣнѣ, занимать и поучать читателей-американцевъ, но онъ долженъ отдать свое сочиненіе въ рукописи американскому издателю, который съ своей стороны доставитъ заработокъ американскимъ печатникамъ и книгопродавцамъ. Такъ какъ лондонскіе издатели знаютъ по опыту, что сбытъ книгъ въ Англіи относится къ такому въ Америкѣ какъ одинъ къ четыремъ, а для романовъ—благодаря англійской системѣ библиотекъ

для чтенія—какъ одинъ къ двѣнадцати, то понятно, что англійскіе писатели повергнуты въ немалое смятеніе. (с.)

Г. Исаакъ Робертсъ довелъ до свѣдѣнія Королевскаго астрономическаго общества въ Лондонѣ объ одномъ астрономическомъ событіи огромной важности. Исаакъ Робертсъ въ послѣднее время занимается фотографированіемъ туманныхъ пятенъ, надѣясь, съ помощью подробнаго изученія получающихся изображеній, приподнять хотя часть завѣсы съ космической загадки. Наши читатели вѣроятно знакомы съ созвѣдіемъ Андромеды и съ находящеюся въ ней туманностью. До сихъ поръ существовали только рисунки этой туманности, видимой и простымъ глазомъ. Исаакъ Робертсъ сдѣлалъ съ нея фотографическій снимокъ и имѣетъ полное право сказать, „что теперь впервые появилось ясное изображение этой туманности“. Особенно цѣнное значеніе фотографія Робертса заключается въ томъ, что она показываетъ туманность въ стадіи развитія, исполнѣя соотвѣтствующей гипотезѣ Канта-Лапласа о происхожденіи солнечной системы. Насколько мы можемъ довѣрить своимъ глазамъ, туманность эта сгущается въ солнечную систему. Посрединѣ туманообразнаго вещества, которое со временемъ должно или поглотиться, или распастись на кольца, мы видимъ центральное тѣло. На наружной границѣ туманнаго пятна образованіе колецъ уже началось, такъ что въ этой области туманность походитъ на кольцо Сатурна. Система колецъ расположена симметрически къ вышеупомянутому центральному ядру. Если эта туманность почти съ достовѣрностью подтверждаетъ теорію Лапласа, то такое впечатлѣніе еще болѣе усиливается при разсмотрѣніи двухъ другихъ фотографическихъ снимковъ съ туманныхъ пятенъ. Эти изображенія показываютъ намъ пятна дальнѣйшей стадіи развитія, представляющей почти планетный типъ. Хотя холодная наука, не увлекаясь такимъ подтвержденіемъ теоріи Лапласа на самомъ небѣ, должна доискиваться дальнѣйшихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе весьма утѣшительно знать, что изслѣдованіями Робертса сдѣланъ уже значительный шагъ къ достиженію этой цѣли. (с.)

Нищія въ старой Руси. Православная церковь искони была попечительницей и кормилицей нищихъ, убогихъ и калѣкъ, которыхъ она, какъ видно изъ церковныхъ судовъ великаго князя

Памятникъ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому въ СПб.
Съ фотогр. генерала Насѣтевича, грав. Шюблеръ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Владимира, причисляла къ церковнымъ людямъ; ея священныя при- торы и паперти служили для нищихъ надежнымъ пристанищемъ и убъжищемъ; къ оградѣ церковной примыкали ихъ скудная избушка, клѣти и келья. Въ XVII вѣкѣ нищія въ Москвѣ дѣлились на соборныхъ, монастырскихъ, патриаршихъ, гуляющихъ и богадѣль- ныхъ. Послѣдніе жили при устроенныхъ при церквахъ богадѣльняхъ; первый устроитель такихъ общежитій былъ патриархъ Іоакимъ; царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ особенно умножилъ такіе благотвори- тельные дома, велѣлъ нищихъ кормить и содержать на изживеніе патриаршаго дома и на этотъ предметъ общественаго призвірія указано было собирать въ патриаршій домъ по три алтына съ цер- квей митрополитскихъ, архіепіскопскихъ и епископскихъ. Такія по- шлины собирали чиновники святительскаго двора: десятичники, недѣль- щики и намѣстники. Петръ Великій въ 1701 году уредилъ тоже до шестидесяти нищенскихъ богадѣлень при московскихъ церквахъ, для помѣщенія въ нихъ самыхъ старыхъ, дряхлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ; здѣсь же назначено было воспитывать и малолѣт- ныхъ до десяти лѣтъ. До половины XVIII столѣтія нищія жили при церквахъ, большую частью „подъ кровомъ бревеннымъ“, т. е. въ скудныхъ избушкахъ. Императрица Елисавета, въ 1748 году, ука- зала строить при церквахъ вмѣсто деревянныхъ богадѣлень камен- ныя, съ крѣпкими каменными сводами. Первымъ примѣромъ въ дѣ- лахъ милосердія были нищелюбивые цари и пастыри. Отправляясь на богомолье или въ путь, цари и патриархи во всю дорогу раздавали ручную милостыню нищей братіи, которая ожидала ихъ на всѣхъ перекресткахъ, мостахъ, у городскихъ воротъ, на крыль- цахъ у церквей и монастырей. Въ старой Москвѣ сборныя мѣста нищихъ находились въ Кремлѣ, и у другихъ большихъ церквей, особенно на Варваринскомъ крестцѣ, въ Китай-городѣ и на прочихъ крестцахъ. Тутъ сходились удрученные бѣдностью, старостью или неудачами, пѣвцы воспѣвавшіе исторію богатаго и убогаго Лазаря и Алексѣя человека Божія, болѣею частью слѣпые, жалобными, заунывными голосами испрашивая себѣ подаеніе у прохожихъ и пробѣжкихъ. Тутъ же выставлялись гробы и даже тѣла убогихъ для сбора на ихъ погребеніе, а „божедомы“ вывозили изъ убогаго дома подкидывшей, въ телѣжки. При царѣ Іоаннѣ Грозномъ между ни- щими на Флоровскомъ мосту нерѣдко являлся и лѣтомъ, и зимой, одинъ блаженный „нагоходецъ“, нищій духомъ, отъ нищихъ охот- нѣе принимавшій подаеніе, чѣмъ отъ богатыхъ. Это былъ Василій Блаженный, въ память котораго называется, весьма важный въ историческомъ отношеніи, соборъ Покровскій, оригинальнѣйшій по архитектурѣ храмъ въ цѣломъ свѣтѣ. Заботы о нищихъ на Русь подмѣчены даже и иностранцами. Бывшіе въ XVI вѣкѣ въ Москвѣ чужеземцы говорили про русскихъ, что „москвитяне весьма пекутся о нищихъ, которымъ всякій подаетъ по своему достатку, одѣваетъ, кормитъ и вводитъ къ себѣ въ домъ.“ (в.)

Анекдотъ о графѣ Соллогубѣ. Въ одномъ изъ историческихъ нашихъ изданій разсказанъ любопытный анекдотъ объ извѣстномъ авторѣ „Тарантаса“. Гр. Соллогубъ, почему-то слышій за чело- вѣка неспособнаго ни къ какому дѣлу, занялся въ Москвѣ устрой- ствомъ образцовой тюрьмы. Въ это самое время вся Москва твер- дила извѣстные куплеты его кончавшіеся припѣвомъ: „благодарю, не ожидалъ!“ Объ этихъ куплетахъ зналъ императоръ Александръ Николаевичъ, который, при осмотрѣ московской тюрьмы, всѣмъ чрез- вычайно интересовался и разспрашивалъ обо всемъ подробно у Сол- логуба, шедшаго впереди государя въ гофмейстерскомъ мундирѣ. Осмотръ продолжался почти цѣлый часъ; гр. Соллогубъ все пока- зывалъ, все объяснял. Вернувшись послѣ осмотра въ приемную залу, государь спросилъ у одного изъ придворныхъ: „А Соллогубъ тутъ за- чѣмъ же?“ — „Да онъ то, ваше величество, и устраивалъ всю тюрьму“. „Какъ, это ты устроилъ?“ спросилъ шутливо государь у Соллогуба. „Точно такъ, ваше величество“, — „Благодарю, не ожидалъ“, сказалъ онъ, смѣясь, поды токъ куплетамъ графа, сдѣлавъ общій всѣмъ поклонъ и пошелъ садиться въ коляску. „Посудите сами, какъ мнѣ было все это горько“, разсказывалъ Соллогубъ автору этого анекдота. „Мнѣніе о моей полной неспособности къ чему либо серьезному до того уже крѣпко установилось, что сдѣлай я что нибудь дѣйствительно серьезное—все обращается въ шутку“. Соллогубъ говорилъ это со слезами на глазахъ; но не смотря на весь драматизмъ его поло-

женія, собесѣднику ужасно хотѣлось смѣяться. Впрочемъ, когда черезъ годъ тогъ же собесѣдникъ встрѣтился съ гр. Соллогубомъ въ Петербургѣ и спросилъ у него о тюрьмѣ, графъ уже не печал- лился, а весело отвѣтилъ: „все вышло прекрасно,—государь пожа- ловалъ мнѣ звѣзду.“ (в.)

Древняя церковь. Близъ Большой улицы въ городѣ Вильнѣ, на искусственно сдѣланной насыпи, стоитъ очень скромная, и по архитектурѣ, и по размѣрамъ, русская церковь, обнесенная тоже весьма скромною деревянною оградой. Церковь эта посѣщается далеко не многими, а межъ тѣмъ по воспоминаніямъ она должна быть дорога каждому русскому. Вотъ что значита на трехъ боль- шихъ чугунныхъ, въ ростъ челоуѣка, доскахъ, находящихся внутри ограды одной изъ стѣнъ, обращенной къ Большой улицѣ. На первой доскѣ: „Православная церковь сія есть первая каменная хри- стианская святыня въ Вильнѣ. Она сооружена на мѣстѣ азыческаго капища идола Раугутса, въ 1345 году, супругою великаго князя литовско-русскаго Ольгерда—Маріею Ярославною, княжною Витеб- скою, и посвящена Св. великомученицѣ Параскевѣ, нареченной Пят- ницѣ“. На второй доскѣ надпись: „Церковь сія, Божіею Милостию, возстановлена изъ развалинъ и возобновлена въ настоящемъ видѣ въ 1865 г., въ царствованіе императора Александра II, Самодержца Всероссійскаго, по благословенію высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита Литовскаго и Виленскаго, тицеіемъ бывшаго главнаго начальника сѣверо-западнаго края, графа М. Н. Муравьева, при преемникѣ его, генералъ-адъютантѣ К. П. фонъ-Кауфманѣ и вилен- скомъ губернаторѣ С. Ѳ. Панютинѣ“. А на третьей доскѣ написа- но: „Въ сей церкви императоръ Петръ Великій, въ 1705 году, слу- шалъ благодарственное молебствіе за одержанную побѣду надъ войсками Карла XII-го, подарилъ ей знамя, отнятое въ той побѣдѣ у шведовъ, и крестилъ въ ней африканца Ганнибала, дѣда знамени- татаго поэта нашего А. С. Пушкина“. Надписи сдѣланы бронзо- выми литыми буквами. Къ сожалѣнію, внутри ограды этой русской церкви расположились торговцы, изъ которыхъ одинъ продаетъ разныя фигуры излюбленныхъ поляками людей: Наполеона I, Мицкевича, Крашевскаго и друг. (в.)

Въ гамбургскомъ зубоврачебномъ журналѣ за послѣднюю четверть года помѣщено интересное сообщеніе, заслуживающее воз- можно широкаго распространенія, такъ какъ случаи проглыванія зубовъ, къ сожалѣнію, далеко не рѣдки. Къ одному франкфуртскому дантисту явился какой-то господинъ и заявилъ, что ночью, во время сна, онъ проглотилъ свои искусственные зубы, сдѣланные ему въ Кельнѣ слишкомъ 7 лѣтъ тому назадъ. Такъ какъ зубы были изго- товлены по старинной методѣ, съ открытыми проволочными зацѣп- ками, то положеніе пациента представляло серьезную опасность: зубы, своими двумя проволочными зацѣпками, составлявшими вмѣстѣ четыре крючка, могли зацѣпиться за стѣнки желудка или кишокъ. Дантистъ, прежде всего убѣдился что проглоченное тѣло уже до- стигло желудка, что видно было изъ того, что пациентъ могъ сво- бодно и безболѣзненно вдыхать воздухъ и глотать, а также, что поданный ему кусокъ сладкаго пирога легко прошелъ въ желудокъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы заставить постороннее тѣло пройти чрезъ желудокъ и кишки, не повредивъ ихъ. Для этой цѣли зубной врачъ заставилъ пациента съѣсть сваренный на молокѣ кисель смѣшанный съ горстью бумажныхъ нитокъ, наръзанныхъ кусками въ палецъ длины. Кисель походилъ на густой молочный супъ съ лапшой. Пациентъ долженъ былъ три раза поѣсть этого киселя изъ нитокъ и кромѣ того принять въ полдень 15 граммъ кастороваго масла. Не смотря на эти мѣры, проглоченный пред- метъ оставался въ желудкѣ. На второй день пациентъ полу- чилъ сначала 100 грам. краснаго вина и затѣмъ опять пор- цію киселя изъ нитокъ (на этотъ разъ свареннаго безъ мо- лода, только на водѣ) съ прибавленіемъ краснаго вина. Утромъ на третій день—то же лѣченіе, что и на второй. На третій день послѣ полудня, искусственные зубы вышли безъ всякаго затрудненія, совершенно обмотанные въ съѣденныя нитки (чѣмъ была устранена возможность пораненія острыми крючками). Если-бы пациентъ при- нялъ на пустой желудокъ одного кастороваго масла (безъ киселя съ нитками), то, по всей вѣроятности, зубы зацѣпились бы въ же- лудкѣ или въ кишкахъ. (с.)

Рѣшеніе шашечной задачи № 33 (помѣщенной въ № 19).

Бѣлыя.	Черныя.
1) с 5 — е 7	1) f 8 : d 6
2) b 4 — с 5	2) d 6 : b 4
3) а 5 : с 3	3) а 1 : d 4
4) g 1 — h 2	4) d 4 : g 1
5) h 2 — g 3	5) f 4 : h 2
6) b 8 : f 4	6) g 5 : e 3
7) e 1 — f 2	7) h 8 — g 7
8) h 6 : f 8	8) e 3 — d 2
9) с 1 : e 3	

дамка и шапка
заперты.

Рѣшеніе шахматной задачи № 34 (помѣщенной въ № 19).

Бѣлые.	Черные.
1) Ф h 3 — h 6	К b 2 — d 3
2) Кp. e 6 — f 5+	Кp. с 4 — b 5, d 4
3) с 2 — с 4, с 2 — с 3++	
1)	Кp. с 4 — b 5
2) Кp. e 6 — d 7	Куда угодно.
3) Ф h 6 — с 6++	
1)	Куда угодно.
2) Кp. e 6 — d 7+	
3) Ф h 6 — f 4, с 6++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — Н. Можаяна, А. Матвѣева, А. Савельева, С. Т. Грябова, Н. В. Иван- кова, А. А. Посылева, Москва — Н. П. Свиринова, Брянскъ — Д. Потапова, Е. Свири- нова, Харьковъ — Ф. З. Мауэръ, Н. Нов- городъ — I. Грешингеръ, Островъ — С. Судо- платова, Пермь — П. Ф. Матвѣева, Са- мара — Н. М. Старостина.

Рѣшеніе ребуса № 35 (помѣщенная въ № 19).
„Смѣлость города беретъ“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ пред- ставлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Графъ Д. Н. Блудовъ (съ портр.). — Подъ званіемъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе). — Кто-же? Разсказъ Петра Дорошенко. (Продолженіе). — Домашняя бесѣда. Общедоступныя занятія и развлече- ченія. — Къ рисункамъ: Степной воръ (съ рис.). — Знаменитый теннисной миллионъ (съ рис.). — На берегу моря (съ рис.). — Воскресный день въ Малороссіи (съ рис.). — „Съ Государевымъ словомъ“ (съ рис.). — Ночное богослуженіе первыхъ христіанъ въ римскихъ катакомбахъ (съ рис.). — Дворецъ Е. И. В. Великаго Князя Павла Александровича въ СПб. (съ рис.). — Памятникъ принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому въ СПб. (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Заявленіе. — Рѣшенія задачъ. — Объявленія.

Только что вышел ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛѢ ВЪЩИЛИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туалетнаго зеркала со шатуной.

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стили и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительная, а именно 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛѢ ЗУБОВЪ ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франціи. Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКОЕ

граве-лечебное заведеніе товарищества врачей въ Крыму, въ г. Керчь. Сезонъ съ 20 мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрь, которая высылается за 1 семикоп. марку. Адресов. въ г. Керчь, д-ру Филимовичу.

ПРОБочная ТОРГОВЛЯ

Петра Тимофѣевича Фирсова, Москва, Москворецкая улица. Имѣетъ громадный выборъ разныхъ всевозможныхъ сортовъ пробочъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ и собственной выработки, а также имѣются въ большомъ количествѣ: капсулы, смола и проч. товары, требующіеся для укупорки посуды. Адресъ телеграммъ: Москва, Фирсову.

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

МАТТОНИ ГИСТЮБЛЕРЪ ЧИСТЫЙ ЩЕЛОЧНОКИСЛОТЫ ИСТОЧНИКЪ ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ И ЗДОРОВЫЙ СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ МОЖНО ВСЕГДѢ ВОЛУЧИТЬ. 6000000 (миллион) БУТЛЪ ГОДОВОЙ ВЫВОЗЪ.

7 Р. НОВОСТЬ!! 7 Р.

Секретная камера въ видѣ маленькаго альбома, который, безъ предварит. утѣшенія, фотографируетъ незаметно. Рекомендую всѣ виды фотограф. аппаратовъ отъ 10 р. до самыхъ изящныхъ, также объективы и пластинки всѣхъ фабрикъ и всѣ принадлежности. В. № 3905 5-4 Новый прейсъ-курантъ бесплатно.

ЛЕВИНГЕТЪ и ГЮЗИНГЕТЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не включая). Требуется иллюстрированные каталоги gratis et franco. Iог. Заксъ и Ко. Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Берлинѣ, Риттерштрассе 88.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и за границей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутуовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

2 рубли на 6 1/2 мѣсяцевъ, съ 15-го іюня по 1-е января 1890 г. принимается подписка на «Русскій Справочный Листокъ», газету биржевую и торгово-промышленную, съ расширенной программой, въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи: Петровка, д. Кабанова. Цѣна съ пересылкой. № 3936 4-1

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ БОЛЬШАЯ ГРАВЮРА:
ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.
1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ. 2) Государыня Императрица Марія Теодоровна. 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. 4) Великій Князь Георгій Александровичъ. 5) Великій Князь Михаилъ Александровичъ. 6) Великая Княжна Ксенія Александровна. 7) Великая Княжна Ольга Александровна.
Гравюра артистически исполненная съ фотографій С. Л. Левицаго и Ю. Л. Отпечатанная на отличной веленовой бумагѣ, размеромъ 10 1/2 вершк. выш. и 7 1/2 вершк. ширинъ. Ц. 1 р., съ перес. на скалкѣ 2 р. 50 к. Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 в., съ пересылкой и укупоркой до 1000 верстѣ 3 р. 50 к., а до 2000 верстѣ 4 р. 50 к.
Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, размеромъ 13 3/8 вершк. выш. и 9 3/8 вершк. ширинъ. Ц. 2 р., съ перес. на скалкѣ 2 р. 50 к. Въ изящн. рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.; съ перес. и укупоркой до 1000 верстѣ 7 р. 50 к., а до 2000 верстѣ 9 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“. Невскій просп., № 6, СПб.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

длѢ ВОЛОСЪ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

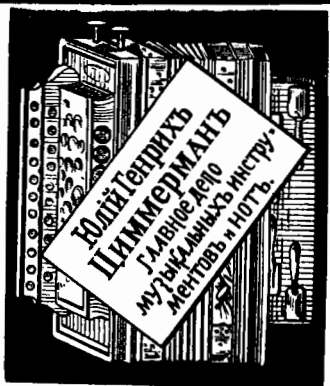
Просить непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (71) № 2946

Компотъ

ТОВАРИЩЕСТВА А.И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕИ ВЪ Москвѣ

Продолжается подписка на политическую, общественную и литературную газету:
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ пересылкой: на годъ (съ января) 4 руб., на 9 мѣс. (съ января апрѣля) 3 руб., на 6 мѣс. (съ января, апрѣля и іюля) 2 руб., на 3 мѣс. (съ января, апрѣля, іюля и октября) 1 руб. За границу на годъ—6 руб.
ОБЪЯВЛЕНІЯ по 10 к. за строку петита (35 буквъ). АДРЕСЪ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Преображенская, 4.
Редакторъ И. В. Скворцовъ. Издатель А. А. Грессе.
№ 3927 2-2

ДЕШЕВО

Иллюстриров. ПРЕЙСКУРАНТЬ-БЕЗПЛАТНО
С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

НАСТОЯЩІЯ
ЕГИПЕТСКІЯ папиросы
СЪ ФАБРИКЪ
„G. A. Sagaroscho и Georgis D. Masra“
№ 3930 ВЪ НАИРО 2-2
необыкновенно ароматичныя и замѣ-
тельно пріятнаго вкуса. Въ жестяныхъ
коробкахъ наирской упаковки по 100 па-
пиросъ, цѣною въ 3¼, 3½, 3¾, 4¼, 4¾,
5, 6¼, 6½, 6¾, 8¼ р. смотря по каче-
ству и величинѣ папиросъ.
Единственное дело для Россіи у
БРУНО ВАЛЕНТИНИ.
С.-Петербургъ, уг. Казанскаго моста и
Невскаго пр., д. 18-27, кв. 92.

МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ
ЦИГЛЕНЪВЪ ДАЛЬТО

ROSES ET MANTILLA L. HUITNER MOSCOU.

Л. КЮТНЕРЪ
ГАЗЕТНЫЙ ПЕРЛОМЪ ФУЛЬДА
ВЪ МОСКВѢ.

ИНОСТРАННЫЯ МАРКИ продаются оптомъ
и въ розницу. Каталогъ 20 к. Б. Гостонскій,
г. Кіевъ, Рейтарская, 17. № 3874 4-3

Поставщики всѣмъ войскамъ Русской Арміи

Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,
Москва, | С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ. | Б. Морская № 21.

ИМѢЕТЪ
единственный Складъ для всей
Россіи Велосипедовъ: (Свифтъ,
Виппетъ, Русскій Клубъ, Мол-
ни (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Велосипедъ „Свифтъ“ № 2
= 150 руб. =

Пресса-Куриты высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

А. РАЛЛЕ и К^о **ПРИВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ** **ВЪ МОСКВѢ.**

Мыло зорное.
Кольд'кремъ виолетъ.
Молоко глицериновое.
Мыло лимонное.
Мыло вельютинъ.
П. № 3821 6-6

Пудра глицерпнов. цв.
Вода флоридъ.
Мыло земляничное.
Глицеринъ вельюръ.

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.
Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

НОВЫЕ ДУХИ
Всемирной Парижской Выставки
въ 1889 году
„БУКЕТЪ ГВОЗДЪ“
(BOUQUET-CLOU)
СОСТАВЛЕННЫЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЮ
ХИМИЧЕСКОЮ ЛАБОРАТОРІЕЮ
(Измайловскій проспектъ, 21).
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

ПАРИЖСКАЯ
67 ВЫСТАВКА 1889

- 1) Невскій проспектъ, № 32, д. Ка-
толической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, № 66, у Анич-
кина моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Ка-
занской улицы, 18 — 54, д. Шредера
(Оптовая и розничная продажа).

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д.
Третьяковскихъ. Гл. № 3921 2-2

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ“
ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІЯ:
Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданого для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 3847 6-2

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.
Къ 1 января 1889 г. въ Обществѣ „Россія“ было застра-
ховано 20,107 лицъ на капиталъ въ 56.795,020 руб.
Дивидендъ страхователей въ 1889 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣ-
нія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Мор-
ская, № 13) и въ агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи.
Брошюры по страхованію жизни выдаются и высылаются,
по требованію, бесплатно.

№ 4711.

Изготовленные подъ этою фабричною
маркою
О-ДЕ-КОЛОНЪ,
ДУХИ,
Туалетныя мыла высочайшаго достоинства,
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА,
Препараты для нѣжности кожи,
ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА,
КРАСКИ,
МАСЛА ДЛЯ ВОЛОСЪ, ПОМАДЫ,
Туалетная вода и т. п.
приобрѣли благодаря ихъ высокімъ ка-
чествамъ и ихъ дешевой извѣстности
по всемъ міръ.
Просимъ всѣхъ покупающихъ парфю-
мерныя издѣлія требовать при покупкѣ
издѣлія, снабженныя настоящею фабрич-
ною маркою № 3987 5-1

№ 4711.

которыя продаются почти во всѣхъ луч-
шихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ
магазинахъ Россіи.
Главное Дѣло у Александра Тисъ и Ко,
Пушкинская, № 4, въ СІВ.

Существующая нынѣ въ г. Нижнемъ-Ново-
городѣ и состоящая въ вѣдѣніи Ниже-
городскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Техническаго Общества Посто-
янная выставка кустарныхъ произведеній Ни-
жегородской губерніи принимаетъ заказы
на нижеслѣдующіе предметы: судовой цѣпи,
жѣлзныя и мѣдныя полотна для ситъ и
другихъ надобностей, топори, долота, ло-
паты, вилы, сошники, подильники, на по-
левой товаръ, ножницы, жѣлзные сундуки,
замка, металлическія части для казачьихъ
пистъ, пряжки на пояса нижнихъ воинскихъ
чиновъ, мадыя пряжки для амуниціи, кро-
чки и петли, рыболовные крючки, металли-
ческія игрушки, мозаичныя работы изъ дере-
ва, мебель крашеную въ русскомъ стилѣ,
деревянную посуду, Балахнинскія кружева,
вышивныя гладью и въ выдержку и проч.
Заказъ слѣдуетъ адресовать или въ гор.
Нижній-Новгородъ, въ Нижегородское От-
дѣленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Тех-
ническаго Общества или въ гор. Нижній-
Новгородъ, Завѣдующему Постоянной вы-
ставкой кустарныхъ произведеній Нижего-
родской губерніи. № 3917 5-3

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ всѣ % бумаги.
Судятъ подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3925 3-2
Также нужны вѣрные съ постоя-
ннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по выше-
означенному адресу.

ШИПУЦАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Шипеть въ 3 раза
быстрѣ пера. Чисто-
та, четкость и красота.
Введена во всѣхъ
Министерствахъ и
мног. правительствъ,
и частныхъ учрежд.
Прейс-куррантъ, содерж. многоцѣпн.
отымы отъ Правительства и другихъ учре-
жденій, высылаются бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

ЖИВА

XX г.

№ 27

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX

1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 1 июля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫНРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1889 Г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. нумера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

При семъ № прилагаются бесплатныя приложенія: „Важнѣйшія русскія деревья“, печатанныя 12 красками, и „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮЛЬ 1889 г., съ 29 рисунками и отдѣльный листъ съ 29 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 25 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Мѣстечко Анапуръ на Военно-Грузинской дорогѣ (Навказъ). Съ фотогр. грав. Ольшевскій.

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

II.

Бѣдную закружило даже, когда она со станціи вышла на Знаменскую площадь.

На первыхъ порахъ она не замѣтила ничего: ни Невскаго, пропадавшаго въ золотистомъ туманѣ солнечнаго освѣщенія, изъ котораго выдавалась въ самой глубинѣ картины только игла Адмиралтейства, ни людей, ни шумной площади, заставленной конками, гремящей колесами безчисленныхъ экипажей, съ свѣтлыми куполами церкви и громадными домами, какихъ еще никогда въ жизни ей не приходилось видѣть. Ей казалось, что откуда-то на нее налетѣла колоссальная волна, подхватила и несетъ далеко-далеко, заглушая ея голосъ, заставляя ее обмирать отъ новыхъ захватывавшихъ ей дыханіе, не дававшихъ минуты очнуться ощущеній. Она не обратила вниманія на поданную Ряднову коляску и когда онъ посадилъ ее, она не замѣтила какъ носильщики снесли и уложили туда багажъ. Лица, дома, фонарные столбы, экипажи, омнибусы, все это мелькало передъ ней сливаясь во что-то общее, дикое ей, чего она пожалуй-бы испугалась еслибы могла разобратъся со своими ощущеніями. Она точно во снѣ вспомнила бабушку и ея рассказы о вывѣскахъ. Вывѣски дѣйствительно направо и налево, спереди и позади шли какою-то одной непрекращавшеюся и все заслонившею полосою. Съ громкимъ звономъ налетали на нее и казалось хотѣли раздавить дѣвушку конки и уносились мимо, все такъ-же оглушительно звоня; толпа народу сновала во всѣ стороны, и Вѣрочка не соображала: какъ это *они* не сталкиваются и не разбиваются одни о другихъ, какъ враждебныя волны при встрѣчѣ взбрасывающіяся вверхъ бѣлыми взмывами разгнѣванной пѣны. Черезъ улицу показалась сѣрая однообразная масса солдатъ. Вѣрочка никогда не видѣла столько ихъ вмѣстѣ. Ряды за рядами шли. Впереди гремѣли барабаны и какъ-то чудно свистали флейты... На штыкахъ искрилось солнце... Солдаты остались позади и опять остановился экипажъ Ряднова. Наперерѣзъ шли похороны... Тихо колыхались страусовыя перья наверху, медленно переступали лошади подъ черными траурными попонами, среди бѣлаго дня желтыми пятнами казались огни факельщиковъ. Серебряная парча гроба ярко горѣла, на ней рѣзко выдѣлялись длинные зеленые листья вѣнковъ... Позади—кареты... Смутно мелькнули заплаканныя и равнодушныя лица. Почему-то Вѣрочка вспомнила, какъ качалась со стороны въ сторону голова ея бабушки, когда въ открытомъ гробѣ переносили ее изъ домика въ монастырскую церковь, и какъ шаталась шедшая за нею мать Варлаама, которую вели подъ руки двѣ бѣлицы... Коляска повернула налево по Морской... Какая-то улица наперерѣзъ протянулась вправо и влево въ той-же веселой золотистой дымкѣ, потомъ опять просторъ площади уставленной дворцами, бронзовый всадникъ взвившійся вверхъ на могучей темной лошади, чахлая зелень небольшого сквера; громадная, подавляющая масса Исаакія, и пестрый швейцаръ выскочившій изъ подъѣзда, и словно откуда-то съ высоты упавшее „пріѣхали“ Ряднова.

— Я вамъ нашель помѣщеніе по той-же лѣстницѣ, гдѣ живу самъ...

Она слушаетъ его, благодарить, но ничего не понимаетъ... Она не замѣчаетъ съ какимъ изумленіемъ швейцаръ осматриваетъ ея костюмъ... Лѣстница крытая пестрою „дорожкой“ кажется ей великолѣпною, дверь передъ которой они останавливаются—слишкомъ большою, коридоръ куда входятъ—ужасно темнымъ, а ком-

натка гдѣ наконецъ она садится въ кресло—такую высокою, такой высокою, что она сама, Вѣрочка, точно разомъ уменьшилась на половину и опять стала крошечною дѣвочкой... Ей чудится что весь домикъ покойной бабушки умѣстился-бы здѣсь...

— Ну, Марья Францовна подастъ вамъ самоваръ, хлѣба, сливокъ и чаю, а я васъ оставлю пока разобратъся и придти въ себя, смѣется Рядновъ. — Когда разберетесь со всѣмъ, и съ вещами и съ впечатлѣніями, успокоитесь и отдохнете хорошенько, тогда я приду къ вамъ и мы потолкуемъ. А объедемъ, разумѣется, у меня...

Вѣрочкѣ кажется, что она должна-бы проводить его до дверей, но она совсѣмъ не можетъ встать съ кресла, точно отяжелѣла. Ей лѣнь двинуться, лѣнь подумать. Мысль словно свинцомъ налилась... Она долго осматриваетъ обои, свѣтлые съ какими-то золотистыми разводами. На окнахъ сквозятъ занавѣси бѣлыя. Все чисто, очевидно для нея вымыто. Шторы полуслущены. Въ окно видна зелень сквера и за ней величаяя темная масса собора... Посреди ея комнаты—большой мольбертъ. Неужели это Рядновъ позаботился о ней? Рядомъ столикъ, на которомъ палитра, кисти, ящикъ съ красками. Табуретъ около. У стѣны столъ покрытый чистою скатертью. У другой — письменный. Какія-то книги на немъ... Кто-то стучится къ ней въ комнату.

— Аминь! отвѣчаетъ она по привычкѣ и спохватывается, видя улыбающееся лицо какой-то дамы.

— Вѣра Васильевна? спрашиваетъ та ее.

Дѣвушка наконецъ соображаетъ, что ей надо встать.

— Да... это я.

— Ну, познакомимтесь. Я хозяйка этой квартиры. Вамъ господинъ Рядновъ не говорилъ развѣ? Марія Францовна...

„Что-то нужно сказать ей?“ думаетъ Вѣрочка и восторженно смотритъ на даму.

— Вы вѣрно очень устали съ дороги? снисходительно улыбается та.—Отдохните, отдохните... Рядновъ такъ заботится о васъ. Говоритъ, что вы ему сестрой поручены. О дочери нельзя такъ думать!.. Вотъ и книги вчера привезли для васъ. Лермонтова, Пушкина, Майкова, Фета купилъ... Шекспира полное собраніе, Байрона... Свои картины повѣсилъ на стѣны для васъ...

Вѣрочка смотритъ: дѣйствительно—въ золотыхъ рамкахъ висятъ большія картины, но ей не до нихъ; она съ усиліемъ прислушивается къ болтовнѣ хозяйки.

— А спать вы будете вонъ въ той комнатѣ... Я какъ могла все вамъ устроила... Вотъ посмотрите.

Дѣвушка только теперь видитъ двери, растворенныя въ слѣдующую комнату.

— Пожалуйста сюда...

Она идетъ... Небольшая спальня. Окно завѣшано шторою. Обои темные. Простенькая кровать, столикъ около. Мраморный умывальникъ дальше. Такихъ не видывала еще Вѣрочка.

— Есть-ли вода? заботливо спрашиваетъ Марія Францовна, жметъ ногой какую-то пружину, и къ удивленію дѣвушки, сильная струя бьетъ изъ крана вверхъ. Она смотритъ гдѣ образъ—его нѣтъ. Ей странно и чудно. Въ той комнатѣ тоже нѣтъ образовъ.

— Надо образа повѣсить.

— А у васъ есть съ вами?

— Да.

— Ну потомъ, мы это сдѣлаемъ все...

Въ комнатѣ рядомъ, двери въ которую были замаскированы гардинами, слышатся звуки рояля.

— Это у васъ сосѣдка... Консерваторка одна...

— Что такое консерваторка?

Марія Францовна съ удивленіемъ смотритъ на нее. Откуда така дикая выискалась? Объясняетъ, но какъ Вѣрочка ни напрягаетъ слуха, ни усиливается сообразить — ничего понять не можетъ... Когда хозяйка наконецъ ушла оставивъ ее одну—дѣвушка вдругъ заплакалась сама не зная чего.

Такъ ее застала и горничная съ самоваромъ.

— Устали вѣрно? сочувственно говоритъ ей та,—съ дороги...

Потомъ, замѣчая костюмъ дѣвушки, недоумѣло качаетъ головой.

„Не изъ монастыря-ли сбѣжала-то?“ думаетъ. „Отъ чувствъ это бываетъ... Отъ чувствъ бываетъ все... Какой-нибудь покрутился около, ну она и ушла рѣшимши... Дѣла!“

Когда часа черезъ два Рядновъ вошелъ сюда — Вѣрочка одѣтая крѣпко спала въ креслѣ передъ чаемъ, котораго она не пила, и самоваромъ выкипѣвшимъ и меланхолически замолчавшимъ наконецъ...

III.

Черезъ нѣсколько дней, освоившись со всѣмъ ее окружавшимъ, Вѣрочка только улыбалась вспоминая свое тогдашнее положеніе. Что-то близкое къ чувству умиленія вызывалъ въ ней Рядновъ, съ такою тонкою деликатностію заботившійся о ней, предупреждавшій всякое ея еще смутное желаніе и подсказывавшій ей то что она должна была дѣлать. Ни однимъ словомъ не намекнулъ ей художникъ на ея странный для Петербурга костюмъ, но когда она вышла съ нимъ вдвоемъ гулять — насмѣшливые или удивленные взгляды встрѣчавшихся сами открыли ей, насколько она смѣшна была полумонахиней, среди этой разряженной и пестрой толпы... Марія Францовна оказалась тоже доброю женщиною. Она нѣсколько дней возилась съ Вѣрой Васильевной, открывая ей разныя тайнства женскаго туалета, доселѣ неизвѣстныя дѣвушкамъ. Съ однимъ корсетомъ сколько было возни, пока она выучилась носить его. Платья заказанныя у портнихи должны были явиться только черезъ недѣлю — и всю эту недѣлю Вѣрочка предпочла просидѣть дома и не выходить никуда, послѣ первой неудачной прогулки съ художникомъ. Вечерами онъ приходилъ къ ней или она подымалась въ его квартиру — веселая, цвѣтушая, свѣжая, какъ только что раскрывшаяся почка, жадная къ теплу и свѣту, и такъ же наполнявшая казалося всю его мастерскую своимъ нѣжнымъ ароматомъ. Первый разъ когда она вошла сюда, ее ослѣпила невиданная роскошь обстановки. Въ беспорядкѣ окружавшемъ ее, въ этомъ миражѣ ковровъ, картинъ, статуй, парчи, какихъ-то шлемовъ, кольчугъ и щитовъ, оружія, книгъ, букетовъ, вазъ, — беспорядкѣ требовавшемъ гораздо болѣе вкуса и обдуманности чѣмъ самый строгій порядокъ, — было столько увлекающей красоты и изящества, что ея комната, на первыхъ порахъ казавшаяся ей такою роскошною, теперь являлась жалкою, голою, казарменною. Цѣлые часы она проводила въ глубокихъ креслахъ или на тахтѣ, крытой кавказскими коврами, прислушиваясь ко всему, что говорилъ ей Рядновъ объ искусствѣ, художникахъ, къ его воспоминаніямъ объ академіи и нѣсколькихъ поѣздкахъ за-границу. Отъ этого голоса, проникнутаго подкупающею искренностію, ее казалось охватывала какая-то истома. Она готова была цѣлые дни сидѣть и слушать, иногда полузакрывъ глаза и представляя себѣ въ-явь картины чужой природы, типы далекихъ людей, дивные остатки античнаго зодчества, о которыхъ онъ передавалъ ей такъ живо и ярко. Тишина стояла кругомъ. Сквозь плотно затворенныя и по вечерамъ тяжелыми темными гардинами закрытыя окна шумъ съ улицы не проникалъ сюда. Свѣтъ лампъ мягко отражался на рамахъ, большихъ

и малыхъ, покрывавшихъ почти всѣ стѣны. Въ ихъ золотѣ плохо различала она записанныя полотна, только изрѣдка какое-нибудь точно удивленное лицо выдѣлялось со стѣны и будто наклоняясь смотрѣло на нее, полоса золотистаго блеска ложилась на парчѣ скомканной въ углу, на щитахъ и кольчугахъ, сталь которыхъ казалась еще мрачнѣе среди всей этой окружавшей ихъ роскоши. За то тѣмъ ярче со столовъ свѣтились старинные кубки, венеціанское стекло, мозаика, инкрустаціи зеркалъ, Богъ вѣсть гдѣ отысканныя Рядновымъ въ его бродяжествѣ по всему бѣлу-свѣту. По мрамору камина шла арабская вязь, которая казалось то выступала, то пропадала въ сумракѣ. На софахъ и тахтахъ валялись пестрые подушки; большіе альбомы, папки съ фотографіями и рисунками лежали тутъ же, и бѣдной Вѣрочкѣ, до сихъ поръ не видѣвшей ничего подобнаго, казалось что во всемъ мірѣ Божіемъ нигдѣ нѣтъ такой роскоши и блеску... Днемъ она цѣлыми часами неподвижно высиживала здѣсь же, Рядновъ писалъ съ нея „монахиню-бѣлицу“ и она охотно служила для него натурой... Остальную часть времени, пока было свѣтло, она работала у себя за мольбертомъ, копируя картины доставлявшіяся ей учителемъ, внимательно прислушиваясь къ его указаніямъ, торопливо и лихорадочно спѣша перенести ихъ скорѣе на полотно, точно для того чтобы не забыть ихъ... Цѣлый новый міръ открывался передъ нею, міръ полный дивнаго блеска и несказанной прелести. Точно въ церкви голосъ священника — звучали ей слова Ряднова, когда онъ рассказывалъ ей о великихъ художникахъ, жившихъ давно и оставившихъ свои имена какъ завѣщанія потомству. Дивный міръ, за одинъ уголокъ котораго она бы отдала теперь все свое прежнее существованіе!.. Неужели она могла жить такъ какъ жила, ничего не зная, ничего не понимая, среди тѣхъ простыхъ сердцемъ, безхитростныхъ монахинь, умѣвшихъ только любить и баловать ее?.. Мало-по-малу она узнавала какую страшную борьбу выносить талантъ прежде чѣмъ завоевываетъ свое положеніе, какія драмы бѣшеннымъ ураганомъ врываются въ казавшуюся ей издали столь спокойною жизнь художника... И эта толпа, это общество, представлявшееся ей такимъ умнымъ, добрымъ, чуткимъ къ красотѣ и правдѣ, въ рассказахъ Ряднова являлось и злымъ, и своекорыстнымъ, и презрительнымъ, готовымъ унижать художника за каждую минуту, когда онъ подчиняетъ себѣ толпу силою своего генія... Да, не такъ легка казалась ей теперь ея задача, но за то и побѣда будетъ радостнѣе и ея будущее свѣтлѣе. Рядновъ умѣлъ передать ей огонекъ своего вдохновенія, вызвать въ ея душѣ тѣ же боевыя инстинкты, благодаря которымъ ему удалось завоевать эту толпу, покорить ее себѣ. Самая красота и правда, которымъ собиралась служить она, оказывались совсѣмъ иными чѣмъ она предполагала. Путь художника чудился ей тоже своего рода „послушаніемъ“, подвижничествомъ, но несравненно болѣе труднымъ и интереснымъ. Часто Рядновъ являлся къ ней недовольный, раздражительный...

— Что это съ вами? спрашивала она.

— Посмотрите на меня своими ясными глазами... Авось отойду.

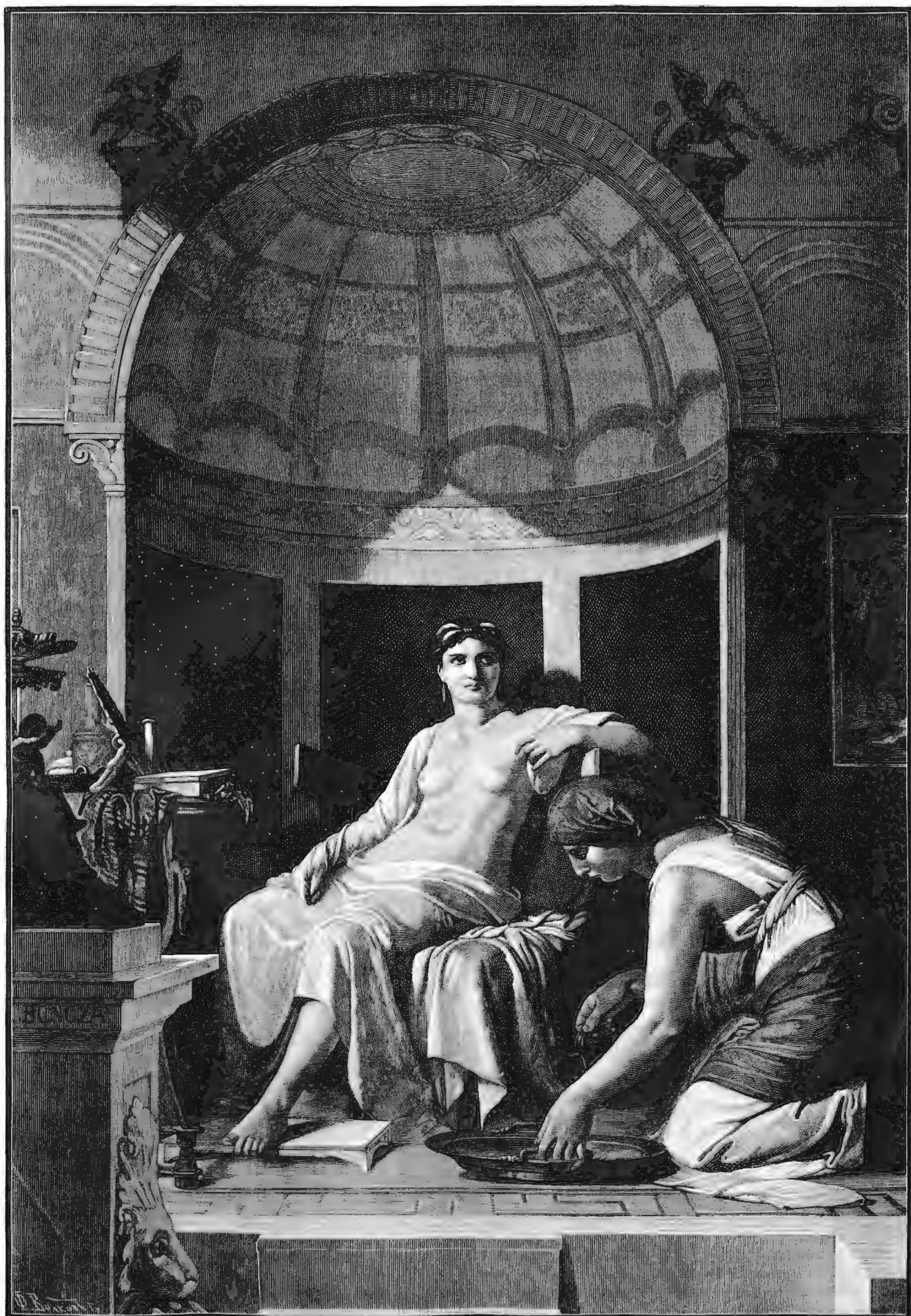
— Случилось что-нибудь? заботливо спрашивала она, глядя въ его блѣдное лицо и лихорадочно загоравшіяся глаза.

— Новую картину задумываю... Вы не беспокойтесь. Это всегда такъ...

И она наблюдала за этими родовыми болями творчества, предшествовавшими каждой работѣ. Она и сама, мало-по-малу уходя въ свое дѣло, начинала чувствовать то же самое... Все окружающее не удовлетворяло ее, ни яркое солнце, ни голубое небо... Ни тепло лѣтнаго дня, ни прелесть сѣверной ночи... Въ умѣ и въ

ЛѢТНІЙ ДЕНЬ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Писемскаго, грав. Флюгель.

Римская матрона въ термахъ. Картина академика Бонча-Томашевскаго, грав. Волковъ.

сердцѣ копошилась зарождавшаяся идея — и всякій звукъ, образъ, всякое ощущеніе, казалось, служили ея воплощеніемъ, казалось лишь отгѣняли то одну, то другую ея сторону. Она переставала удивляться когда посреди живаго и увлекательнаго разсказа Рядновъ срывался съ мѣста, подходилъ къ столу и набрасывалъ что-то на память. Она сама пріучилась ловить и удерживать мимолетныя, казалось случайно въ ея воображеніи пронесившіеся образы, сочетанія, штрихи... Эти души будущихъ картинъ, эти ихъ сѣмена обѣщавшія потомъ такую пышную жатву!.. Въ первый же день какъ было готово ея платьѣ, Рядновъ повелъ дѣвушку въ Эрмитажъ... Она не могла осилить новыхъ впечатлѣній... Осмотрѣвъ одну только залу, она поблѣднѣла и зашаталась. Рядновъ подхватилъ ее и усадилъ...

— Что съ вами?

— Слишкомъ сильно... О, какой это мѣръ, какъ хорошо все!.. И какъ себѣ самой жалка я со своими надеждами и попытками! Развѣ можно дойти до этого?

— Слава Богу, что у васъ проявилось это недоверіе къ себѣ... Лучшее доказательство молодого таланта! Увѣренность придетъ потомъ: работайте, учитесь, думайте...

Но думать она не могла. Она смотрѣла, вся уходя въ эти полотна, раскрывавшія ей необъятный мѣръ наслажденія. Ей казалось что она слѣдитъ за ихъ созданіемъ, за каждымъ ударомъ гениальной кисти, за каждымъ мазкомъ этихъ потускнѣвшихъ для толпы, но Вѣрочкѣ выступавшихъ во всей своей первоначальной прелести красокъ...

— Какъ это хорошо! какъ хорошо! только и повторяла она. — Какъ они были счастливы, эти великіе мастера, оставившіе по себѣ такое наслѣдіе! какъ они были счастливы!..

Слезы навертывались на ея глаза, слезы радостнаго восторга, слезы вѣрующей, увидѣвшей святыню...

Рядновъ только жалъ ея руку и улыбался.

— Да, вы — настоящая!.. У васъ есть то, что теперь такъ рѣдко и у талантливыхъ людей. У васъ есть энтузіазмъ и сила... Вы еще плачете передъ картинами... Богъ знаетъ чего бы я не далъ за то, чтобы умѣть чувствовать такъ какъ чувствуете вы!

Она забывалась и уходила въ свой восторгъ такъ, что когда наступалъ часъ оставлять залу сказочнаго міра, она точно просыпалась и съ удивленіемъ оглядывалась кругомъ...

— Уже? Пора? говорила она съ сожалѣніемъ и, уходя, казалось еще ласкала взглядомъ всѣ эти дивныя дива...

IV.

„Письма оттуда! Письма изъ дому!“ Вѣдь монастырь былъ для нея домомъ. Вѣрочка съ жадностью бросалась къ нимъ, запирала двери — и когда Рядновъ стучался къ ней, она не пускала его къ себѣ.

— Вѣрно вѣсти отъ бабушекъ? смѣялся онъ ей.

— Да... Сейчасъ, только прочту!..

И она читала ихъ и перечитывала, потомъ, бродя изъ угла въ уголъ, представляла всѣхъ ихъ себѣ, думала какъ часто онѣ вспоминаютъ о ней, говорятъ о „вѣтеркѣ“, котораго изъ ихъ тихой и мирной пристани занесло Богъ знаетъ въ какую даль... Вотъ кривыя строки матери Варлаамы, одна на другую лѣзетъ, буквы сливаются — дрожить рука у старушки. Крупный почеркъ матери Серафимы, круглыя, сильныя буквы какъ и она сама. Даже Степанида изъ-подъ воротъ — и та нацарапала ей что-то, что Вѣрочка разбираетъ скорѣе сердцемъ чѣмъ глазами. Всѣ ее помнятъ, молятся за нее, желаютъ ей всѣхъ благъ, изобилія плодовъ земныхъ и благорастворенія воздуха. И когда начинаютъ звонить соборныя колокола, дѣвушкѣ кажется что это на зло разстоянію за тысячи верстъ долетаетъ къ ней звучное „здравствуй, родная“ тѣхъ другихъ — изъ ея

дорогой обители... Потомъ она долго чувствуетъ себя радостною и возбужденною...

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, когда она „отперлась“, къ ней вошелъ Рядновъ.

— Ну что, Вѣрочка (онъ ее звалъ по старому), какъ вы думаете провести сегодня?

— Нынче я не работаю, дала себѣ отдыхъ.

— Отлично, я тоже. Знаете, отправимся обѣдать куда нибудь „dahin, dahin wo die Citronen blüh'n“.

— Это еще что?

— Я вамъ по-русски: туда гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ, гдѣ въ яркихъ листьяхъ померанецъ какъ золото рдѣетъ.

— Развѣ это въ Петербургѣ? наивно спросила дѣвушка.

— Хотя и не совсемъ, но есть такіе уголки. Мы скромно. Сядемъ на пароходъ у Лѣтняго сада — и двинемся на острова. Я знаю тамъ рестораничекъ... Для приличія пожалуй возьмемъ съ собою Марью Францовну.

— Для какого приличія?

И она широко раскрыла глаза.

— А чтобы не сказали чего нибудь про насъ.

— Кто-же сказать можетъ? Кому же какое дѣло? Поѣдемъ лучше вдвоемъ — право, веселѣе.

— Ну, такъ и быть по сему!

День былъ тихій и теплый. Небо голубое, хоть-бы и не въ Петербургѣ. Нева какъ будто стояла. Дымъ отъ фабрикъ уносился въ высоту столбами, порою мимо плыли пароходы оставлявшіе позади серебряную полосу. Жалкая и чахлая зелень сегодня смотрѣла празднично и ярко, праздничны и веселы были и лица ѣхавшихъ съ Вѣрочкой пассажировъ. Теперь-бы ее не „узнали“ старушки-бабушки — черное кашемировое платьѣ плотно обтягивало ея станъ, простенькая шляпка очень шла къ ея наивному, радостному личику. Она уронила платокъ и не замѣтила. Сидѣвшій напротивъ старичекъ поднялъ и передалъ его Ряднову.

— Ваша дочь потеряла...

— Какая дочь?

И Рядновъ вспыхнулъ. Вспыхнулъ и потомъ засмѣялся. Засмѣялась и Вѣрочка, и чего-то ей стало стыдно и жутко... Она взглянула на Ряднова, тотъ сидитъ нахмурясь. Странное дѣло, ему было неприятно, что его считаютъ такимъ старымъ, а его ученицу такою молодою. На душѣ тучкой пробѣжало сожалѣніе объ утраченной молодости; онъ съ болѣзненнымъ чувствомъ подумалъ, какъ-бы хорошо было если-бы ему не стукнуло уже сорока пяти лѣтъ, а ей не было только девятнадцать... Отбавить-бы отъ него и прибавить ей... Онъ задумался смотря изподтишка на свѣжее личико Вѣрочки. Яркій и густой румянецъ свободно ложился по его нѣжной бѣлизнѣ. Длинные рѣсницы придавали необыкновенную прелесть ея большимъ голубымъ глазамъ. Что-то не прежде свѣтилось въ нихъ. Не было того наивнаго удивленія, съ какимъ еще недавно они открывались на весь Божій мѣръ. Теперь они смотрѣли вдумчиво — по „его Рядновскому рецепту“ наблюдали за всѣмъ что творилось кругомъ, ловили трудно замѣчаемыя черточки красоты, и когда она опускала внизъ рѣсницы — Рядновъ догадывался, что она переживаетъ въ самой себѣ, занотовываетъ въ памяти свои наблюденія... Двѣ толстыя косы позади, длинные, того золотатаго цвѣта, на который, какъ нѣсколько разъ замѣчалъ онъ, съ такою завистью посматривали проходившія мимо дамы...

— Ну, дочка! принудилъ онъ себя пошутить, хотя правду сказать съ очень кислымъ выраженіемъ лица. — Ну, дочка, пріѣхали... Выходите...

Они вышли въ Новой деревнѣ и сейчасъ-же сѣли въ лодку, которая доставила ихъ на другой берегъ рѣки въ небольшой рестораничекъ, стоявшій тамъ у самой воды.

Тутъ на воздухѣ были раскинуты столики. Пока никого не было, Рядновъ съ дѣвушкой заняли одинъ изъ такихъ и ждали обѣда, любуясь игрою солнца въ водѣ, отраженіемъ въ ней противоположнаго берега и слѣдами долго остававшимися на поверхности рѣки послѣ паромовъ, подымавшихся вверхъ по рѣкѣ и спускавшихся внизъ мимо.

— Хорошо!

— Жалка эта природа! съ нѣкоторымъ уныніемъ проговорилъ Рядновъ. — Меня никогда такъ не тянуло въ Италию какъ теперь... Только васъ не хочется бросить здѣсь.

— Зачѣмъ-же бросать? наивно раскрыла свои глаза дѣвушка.

— То есть какъ это зачѣмъ?

— Я съ вами поѣду... Вѣдь у меня хватитъ средствъ на это?

— Вотъ тебѣ и на!.. А что скажутъ?

— Кто?

— Ну да всѣ знающіе меня, тѣ которыхъ я познакомилъ съ вами.

— А пусть себѣ говорятъ что хотятъ.

— Какъ такъ?

— Развѣ мнѣ не все равно? Ну, засмѣялась она, — стану думать, что вы повезли дочку.

Его опять передернуло. Она замѣтила и удивилась.

— Что... вы не хорошо себя чувствуете?

— Нѣтъ, такъ... Глупости это все.

— А-а-а! Александръ Петровичъ! слышалось въ дверяхъ ресторана.—И Вѣра Васильевна здѣсь! Отлично... Вы меня не прогоните?

Рядновъ обрадовался даже. Ему въ эти именно минуты почему-то хотѣлось присутствія третьяго между ними... Вѣра Васильевна тоже привѣтливо улыбнулась пришедшему.

— Ну что, шутилъ тотъ,—не скоро еще собираетесь наши грѣхи замаливать—подъ черную шапку?

— Это въ монастырь? А вотъ сначала вы схимникомъ сдѣлайтесь.

— Долго-же вамъ ждать придется.

Новый ея знакомый и прежде былъ ей извѣстенъ по имени. Молодой писатель, Сергѣй Никаноровичъ Дороцкій часто посѣщалъ мастерскую Ряднова, гдѣ его представилъ художникъ своей ученицѣ. Она произвела впрочемъ такое сильное впечатлѣніе на его сердце, что онъ готовъ былъ уже теперь записать ее въ великіе гении. Сначала Александръ Петровичъ думалъ, что Дороцкій затронетъ сердце дѣвушки, но она оставалась совершенно равнодушною къ красивому и талантливому поэту, страстно читавшему ей свои стихотворенія и увлеченно совершенно напрасно.

— Вамъ нравится Дороцкій? спросилъ ее разъ Рядновъ.

— Да... съ недоумѣніемъ отвѣтила она, словно давая себѣ отчетъ, нравится онъ ей или нѣтъ.

— Правда, онъ очень симпатиченъ?..

— Чѣмъ это?.. То есть—если хотите... Я не думала еще объ этомъ.

— Эге! весело рѣшилъ Рядновъ, — да я вижу что моя ученица совсѣмъ мраморная. Только для одного искусства раскрывается и бьется ея маленькое сердечико... Оно такъ и слѣдуетъ. Сначала дѣло, а потомъ личное счастье.

— Какое личное счастье?

— Ну, любовь что-ли.

— Ахъ, это что въ романахъ? такъ простодушно проговорила дѣвушка, что Рядновъ готовъ былъ расцѣловать ее въ эту минуту. — Я объ этомъ еще не думала. Да и Дороцкій какой-то странный вѣдь.

— Чѣмъ это?.. все больше и больше радовался ея учитель.

— Точно онъ не настоящій.

— Ну теперь ужъ и я васъ не понимаю.

— Не настоящій, не всамомдѣлшній. Я право не умѣю рассказать. Такъ онъ и говорить не по настоящему... Стихи часто декламируетъ... Потомъ все о себѣ да о себѣ рассказываетъ... Не такой онъ какъ вы.

— Вы это что-же всѣхъ хотите на меня примѣрять? Этакъ нельзя. Характеры и типы разнообразны.

А на самомъ дѣлѣ онъ былъ очень радъ этому.

— Ну, что, все работаете? обратился на этотъ разъ Рядновъ къ Дороцкому.

— Да... Строчками вѣдь живемъ... Ну и надо...

— Что-же вы нынче дѣлаете, чѣмъ собираетесь насъ подарить?

— Такъ, пустяки.—И Дороцкій эффектно взбилъ себѣ волосы.—Романъ одинъ—и знаю достанется мнѣ за него жестоко... Ну да объ этомъ что!.. А вотъ я все на Вѣру Васильевну люблюсь... Первую героиню свою съ васъ пишу. Жаль только...

И онъ запнулся.

— Что жаль? спросилъ его художникъ, любуясь нѣсколько смутившеюся дѣвушкой.

— Нѣтъ еще Пигмалиона, который-бы вдохнулъ душу живую въ нашу Галатею.

— Вотъ тебѣ и на! Да развѣ я не живалъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Какъ-же?

— Еще-бы!.. Развѣ это значить жить?.. Для женщинъ *жить*—синонимъ глагола *любить*... А вы любили кого?

— Я всѣхъ люблю, совершенно искренно отвѣтила та.

— Ну вотъ это-то и скверно, что всѣхъ. Нужно одного полюбить да во всю, такъ чтобы чувство это весь свѣтъ-бы заслонило, чтобы не видѣть ничего.—Дороцкій приводилъ себя все въ большее и большее возбужденіе.—Знаете-ли что значить любить? скажи мнѣ любимая женщина: „Дороцкій, прыгни съ четвертаго этажа“—и я прыгну.

— Зачѣмъ это? И какая глупая можетъ сказать это?.. И этажи здѣсь при чемъ-же?

— Доказательство, Вѣра Васильевна. Надо всѣми порами организма любить, вездѣ и во всемъ только и видѣть любимое существо, дышать тѣмъ воздухомъ какимъ она дышетъ... Да... люди способные любить такъ—родятся, какъ рождаются поэтами. Да что впрочемъ... Это у меня выражено въ одномъ моемъ стихотвореніи.

И не ожидая приглашенія, онъ началъ декламировать съ такимъ дѣланнымъ пафосомъ, что Вѣра Васильевна почему-то стало совѣстно—и она, скользя въ взглядомъ по лицу Ряднова, потушилась.

А Дороцкій уже заливался:

Но ты мнѣ встрѣтилась и людямъ сталъ я братомъ!

Еще ребенкомъ ты пахнула на меня

Весеннихъ ландышей манящимъ ароматомъ.

Я сталъ передъ тобой, колѣна преклоня.

Сложилъ тебѣ алтарь и на него взошла ты;

Какъ жрецъ передъ тобой молитвы я читалъ.

Заржавѣлъ мечъ бойца... Въ пыли забыты латы—

Я жилъ одной тобой... Одной тобой дышалъ...

Дышалъ тѣмъ воздухомъ, которымъ ты дышала;

Стремился разгадать случайный каждый взглядъ;

Готовъ былъ цѣловать тотъ прахъ, гдѣ ты ступала;

Создалъ себѣ кумиръ, изъ жизни сдѣлалъ адъ.

Но этотъ адъ любви мнѣ былъ дороже рай!..

И такъ далѣе знаете...

— Развѣ вы носили когда-нибудь латы? съ недоумѣніемъ подняла на него глаза свои дѣвушка.

Рядновъ расхохотался.

— Я развѣ какуюнибудь глупость сказала?

— О, нѣтъ... нѣтъ...

Снисходительно улыбался и поэтъ.

— Нѣтъ, разумѣется. Вы еще не привыкли. Мы, поэты, выражаемъ наши чувства образомъ. Но какъ вамъ нравятся эти стихи?.. Только правду...

— Я всегда говорю правду.

— Такъ какже?

— Вы говорите о кумирѣ, о томъ что вы ее на алтарь поставили... А развѣ забыли что сказано: не сотвори себѣ кумира?..

Рядновъ развеселился окончательно. Дорожкѣй пожалуй плечами и съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на Вѣрочку.

— Экъ въ васъ закъваска сидитъ эта, монастырская! Что-же вы сказали-бы вотъ про это стихотвореніе?

Александръ Петровичъ пришелъ было въ ужасъ...

— Стаканъ вина, Сергѣй Никаноровичъ... хотѣлъ было онъ отвести отъ себя ливень стиховъ, но, увы! поэтъ уже сѣлъ на своего пегаса, даль ему шпоры и страстно глядя на дѣвушку началъ:

Твоя любовь—въ порывахъ страсти,
Ея волненія—безъ конца.
Она заманчивѣе власти
И ярче царскаго вѣнца.
Когда-бъ сокровища вселенной
Мнѣ были посланы судьбой,
Я здѣсь остался-бъ неизмѣнный,
Пошелъ-бы нищимъ—за тобой!..
И сбросивъ царскую порфиру,
Челомъ, украшеннымъ вѣнцомъ,
Склонился-бъ я на диво міру
Передъ тобой простымъ рабомъ...
Когда-бъ на небѣ былъ я Богомъ!
Оставивъ ангеловъ своихъ,
Сошелъ-бы я къ земнымъ тревогамъ
Найти свой рай—у ногъ твоихъ.

И какъ будто не совладѣвъ съ внезапно охватившимъ его порывомъ, Сергѣй Никаноровичъ наклонился, схватилъ руку Вѣрочки и прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— Что вы?.. что вы?.. растерялась та.—Сергѣй Никаноровичъ, съ чего вы это, за что?

Рядновъ тоже нахмурился.

— Простите, мы, поэты, ничего не умѣемъ дѣлать вполонину—намъ извинительно многое, что для другихъ...

Кто-же?

Разсказъ Петра Дорошенко.

(Продолженіе).

XIII.

Не смотря на послѣдствіе буровъ и все приложенное стараніе, тяжелая дорога, при ночной вѣдѣ, взяла таки свое: блѣдный осенній день совсѣмъ ужъ занялся, когда наши измученныя клячи остановились передохнуть у подножія горы, на вершинѣ которой величественныя строенія Элвораза медленно выплывали изъ серебристаго тумана.

Прямая аллея стройныхъ тополей вела прямо къ оградѣ широко раскинутаго замка въ готическомъ стилѣ съ легко и причудливо разбросанными башнями. Кирничный цвѣтъ фасада, съ широкими выступающими бѣлыми колоннами, съ такимъ же фундаментомъ и откосами у разноцвѣтныхъ оконъ, отчетливо выдѣлялся на уже рѣдѣвшемъ фонѣ столѣтняго, тщательно содержимаго англійскаго парка. Просторная, краснымъ пескомъ утрамбованная дорога, огибала передъ домомъ, вопреки знойному лѣту, безукоризненно сохранившійся газонъ. Посреди его высокій фонтанъ мѣрно билъ изъ пасти мраморнаго дельфина. Пестрые, запоздалые цвѣты обрамляли его пахучимъ кольцомъ.

Глазъ невольно робѣлъ передъ этой строгою пышностью, свято хранившею отпечатокъ минувшихъ временъ, и чѣмъ-то подавляющимъ вѣяло отъ этого величаваго памятника старины.

— Вотъ такъ палаты! воскликнулъ докторъ, протирая заspanные глаза.—И отъ столь утонченнаго комфорта, своевольно совершить переселеніе ad patres! Ну-ка, батенька, раскусите эту штуку!

Отвѣтъ остался за мной, такъ какъ въ эту самую минуту тарантасъ остановился у подъѣзда.

Въ свѣтлыхъ просторныхъ сѣняхъ, съ поломъ изъ бѣлаго и чернаго мрамора, расположеннаго шашками, Беневоленскій уже суетился въ кругу нѣсколькихъ лакеевъ, въ темныхъ ливреяхъ съ испуганно-растеряннымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Сюда, сюда пожалуйста! Его сіятельство теперь нельзя видѣть. Они опочиваютъ-съ. Во всю ночь глаза не могли сомкнуть. Но къ вашему приѣму всѣ распоряженія заблаговременно сдѣланы. Цѣлый апартаментъ, можно сказать, отвели-съ. Господни исправникъ тамъ теперь кофе кушаютъ, васъ поджидаютъ-съ.

— Нѣтъ, я лучше потомъ какъ-нибудь; а первымъ дѣломъ

— Ну, довольно! морщился художникъ.— Вы напрасно только смущаете Вѣрочку... Она не привыкла...

— О, вы должны, напротивъ, быть предметомъ общаго поклоненія...

Не извѣстно до чего-бы дошло это. На глазахъ у дѣвушки стояли уже слезы, да къ счастью одно изъ оконъ ресторана отворилось и въ немъ показалось раскраснѣвшееся лицо молодого офицера.

— Э! Дорожкѣй!.. Шутъ гороховый!.. Ты здѣсь?.. Ступай сюда... Скорѣе... Тебя только недостаетъ...

— Князь Ахаль-Текинцевъ! шепотомъ сообщилъ поэтъ Ряднову и Вѣрочкѣ, и точно успокоивая ихъ:— я сейчасъ-сейчасъ... ушелъ въ ресторанъ.

— Ну что вы скажете, Вѣра Васильевна?.. спросилъ ее Рядновъ.

— Не знаю, право... У бабушки у моей, у настоящей, пояснила она,—пѣтухъ такой былъ одинъ. Мы его всѣ звали почему-то „Кирь-царь-Персидскій“. Онъ никогда не опускалъ перьевъ, а цѣлые дни ходилъ восторженно и хвостъ вѣромъ держалъ и поминутно взлеталъ на заборъ—орать оттуда другимъ пѣтухамъ что-то особенное. Мнѣ... вы знаете, осуждать вѣдь грѣшно... но, право, мнѣ Сергѣй Никаноровичъ этого пѣтуха напоминаетъ.

— Вотъ за это сравненіе дома и я вамъ ручки расцѣлюю.

— Зачѣмъ?

— Ужъ очень я доволенъ вами. Какъ вы въ простотѣ своей душевной опредѣлили нашего пріятели! Такъ я его теперь и буду звать „Кирь-царь-Персидскій“.

Они не дождались впрочемъ возвращенія „Кира-царя-Персидскаго“, а сѣвъ въ лодку отправились на противоположный берегъ рѣки, къ пароходной пристани.

(Продолженіе будетъ).

я желаю видѣть покойницу и обозрѣть мѣсто происшествія. — Иванъ Петровичъ, а послѣ дороги не худо бы обогрѣться? недоумѣваячи предложилъ докторъ.

— Ваша воля, Василій Яковлевичъ, я вамъ не мѣшаю, отвѣтилъ я пожимая плечами, и бѣгло окинувъ толпившуюся прислугу, обратился къ одному парню, на видъ помышленнаго остальныхъ:—Пожалуйста проводите меня, а вы, Беневоленскій, доложите исправнику что я въ свою очередь буду ждать его для составленія протокола.

Не успѣлъ я пройти въ слѣдующую комнату, какъ крупныя шаги доктора Журина раздались у меня за спиной.

Мы прошли большую залу въ два свѣта, съ художественно исполненными фресками. Цѣлая вереница легкокрылыхъ амуровъ неслась по стѣнамъ, сираяя какой-то веселый пиръ. Въ рѣзныхъ, золоченыхъ креслахъ, обитыхъ стариннымъ штофомъ, сказывался тотъ-же вычурный стилъ. Затѣмъ мы вступили въ парадную гостиную, съ стѣнами обтянутыми дорогомъ, хотя и поблекшею, китайскою матеріею, очевидно той же эпохи.

Свѣозъ спущенныя тюлевыя занавѣси едва пробивался тусклый дневной свѣтъ, кое-гдѣ бросая свѣтлый бликъ на тяжеловѣсныя золотыя рамы семейныхъ портретовъ, симметрично развѣшенныхъ по стѣнамъ. Напудренные вельможи во французскихъ каф-тапахъ, красавицы въ робондахъ съ надменными лицами отражались въ широкихъ простѣлочныхъ зеркалахъ. Невольно жутко становилось на сердцѣ въ этихъ обширныхъ, опустѣвшихъ покояхъ. Чѣмъ-то давно минувшимъ, загробнымъ вѣяло отъ этой мрачной пышности.

Рядомъ, небольшая, круглая комната являлась живымъ и благотворнымъ контрастомъ. Большая стеклянная дверь, въ итальянскомъ вкусѣ, вела на широкую террасу, откуда открывался рѣдкостный видъ на изящно разбросанный цвѣтникъ, на живописные пригорки, на быструю, прозрачную рѣчку, серебристой лентой изгибавшуюся среди густой растительности, обаянной своимъ причудливымъ колоритомъ ранней осени.

Смущенный глазъ пріятно отдыхалъ на веселыхъ, кретоновыхъ обояхъ (полевые цвѣты на свѣтленькомъ фонѣ), на мягкой мебели уютно гнѣздившейся подъ сѣнью тропическихъ растений. Небольшой шкэфъ, со стеклянною дверкой, изъ-за которой видѣлись сочиненія Лермонтова, Пушкина, Тургенева, Тол-

Веселый мальчуга. Рис. Дворака, грав. Брендамурь.

стаго; низкія пальцы съ недошитою, затѣвливую работою, дорогое пианино съ раскрытою тетрадью, письменный столикъ, съ разставленными фотографіями и всѣми принадлежностями; въ довершеніе, объемистая золоченая кѣтка, со множественностью мелкихъ птицъ разныхъ породъ, въ запуски щебетавшихъ,—все изобличало вкусъ, наклонности, занятія обитательницы этого уютнаго угла.

Оно казалось еще дышало ея присутствіемъ.

Изъ-за опущенной шелковой драпировки, по временамъ доносился робкій, сдержанный шепотъ. Рука нашего проводника чуть замѣтно дрогнула, когда онъ благоговѣнно приподнял драпировку.

Глазамъ нашимъ представилась духъ захватывающая картина.

Прямо противъ входа, на темномъ фонѣ малиновыхъ обоевъ, мрачно выступала старинная широкая кровать, съ бронзовыми насѣтками на красномъ деревѣ и угловатостью линий, принадлежавшей къ модѣ наполеоновскихъ временъ. Въ котахъ вычурнаго золотого голубка сосредоточивались складки мягкой алой матери, ниспадавшей пологомъ по обѣ стороны ея. На высокихъ бѣлосвѣжкихъ подушкахъ, обшитыхъ тонкимъ кружевомъ, чуть свѣсившись, безмятежно покоилась исхудалая, но все еще сохранившая свою идеальную прелесть, молодая головка. Густыя бѣлосвѣжкія косы, мѣстами забрызганныя зловѣщими, бурными пятнами, ниспадали до самаго ковра. Подъ кружевною сорочкой просвѣчивала тонкая шея и вѣжливый контуръ мраморной груди. Ниже, лѣвѣе—широкое, алое пятно указывало мѣсто смертельной раны.

Пальцы правой руки, неестественно откинутой, судорожно сжимали пистолетъ, тогда какъ лѣвая ладонь на половину исчезала въ складкахъ голубаго атласнаго одѣяла. Все это мелькнуло предо мной во мгновение ока и я замеръ на порогѣ.

Въ безжизненномъ тѣлѣ графини Клементы я призналъ развѣ и неприступную красоту итальянской оперы, и беззавѣтно доврчивую Ольгу Корину.

У меня помутилось въ глазахъ, языкъ прилипъ къ гортани, колѣни задрожали и я инстинктивно прислонился къ стѣнѣ. Не сумѣю опредѣлить какъ долго продолжалось это мучительное оцѣпенѣніе. Дрогнувшій голосъ доктора прервалъ торжественность тяжелой минуты:

— Жаль бѣдную! Какъ хороша!

Это восклицаніе мгновенно вернуло мнѣ сознаніе жизни и предстоящей неотвратимой обязанности.

Я мѣрными, автоматическими шагами, чтобы вѣрнѣе скрыть охватившій меня ужасъ, приблизился къ постели, и въ порывѣ страстнаго желанія отдать послѣдній долгъ измученной страдальницѣ, преклонилъ колѣна передъ ней.

Но молитва оставалась чужда моей смущенной душѣ. Жадно всматриваясь въ ея холодныя черты, я напрягалъ всѣ силы ума и воли чтобы вырвать у смерти грозную тайну, ревниво оберегаемую. Графиня казалась спящею, и лишь густая фіолетовая тѣнь на спущенныхъ вѣкахъ и слегка посинѣвшія губы обличали что этотъ сонъ уже переступилъ вѣчность. Безмятежный миръ точно просвѣтилъ ея застывшее чело, и я, наученный опытомъ, тщетно искалъ на немъ той глубокой скорбной черты, которая изобличаетъ послѣднюю борьбу человѣка самовольно избравшаго стезю гибели.

Чѣмъ долѣе я вглядывался, тѣмъ яснѣе разрасталось во мнѣ сознаніе, что коварное предательство подстергало ея доврчивый покой. Въ эту минуту мнѣ не надо было уликъ чтобы знать, что не усталая, деревянная рука положила предѣлъ своему земному жребію; я умственно осиялъ хитро сплетенную паутину, разставленную ради безнаказаннаго торжества людской злобы.

Благоговѣнно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, я припалъ воспаленными губами къ недвижной рукѣ на вѣкъ умолкнувшей жертвы. Мнѣ вспомнился тотъ далекій, прощальный поцѣлуй, та чудная дѣвушка такъ жаждавшая семейнаго, мирнаго поприща... Быть можетъ, если-бъ я дернулъ тогда, она не лежала бы теперь окровавленной на этомъ пышномъ ложѣ, какъ жалкій обломокъ выброшенный приливомъ житейскихъ бурь.

Бѣдное сожалѣніе, озлобленное горе закипало у меня въ груди. Я мысленно принесъ ей клятву, ничего не щадя возстановить истину вокругъ ея загадочной смерти, и сорвавъ личину съ ея тайныхъ враговъ, отдать ихъ въ руки правосудія. Мнѣ явственно сказывался перстъ Божій въ сѣбленіи этихъ неожиданныхъ встрѣчъ. Не онъ-ли забросилъ меня случайно въ Верхи, чтобы теперь я сталъ грознымъ обличителемъ темнаго, кроваваго дѣла? Мысль о возможности мщенія бурнымъ потокомъ пронеслась во мнѣ; я чувствовалъ за собою непоколебимую энергію.

Когда я, приподнявшись, сталъ у изголовья покойной, ни чей опытный глазъ не уловилъ бы во мнѣ слѣда пережитаго волненія. Рѣшительнымъ жестомъ, я приказалъ удалить изъ комнаты притаившихся въ углу женщинъ и всѣхъ непрічастныхъ къ слѣдствію лицъ.

— Что-жь, господа, приступимте! обратился я холодно-дѣловымъ тономъ къ століщему, рядомъ съ докторомъ, исправнику.

— Конечно, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Такъ внезапно и сильно

потрясенному графу весьма тягостно соблюденіе законныхъ формальностей, и намъ остается лишь одно: поскорѣе предоставить въ его распоряженіе тѣло супруги для совершенія надъ нимъ христіанскихъ обрядовъ. Это предписываетъ намъ долгъ самаго простаго состраданія.

— Но не въ ущербъ не менѣе священнаго долга служенія истинѣ, я полагаю? довольно рѣзко возразилъ я.

— Кто же это въ умѣ станеть держать? Мы съ вами, Иванъ Петровичъ, не впервые орудуемъ на этомъ тяжеломъ поприщѣ, и вы всегда находили во мнѣ ревностнаго оберегателя законности; но сегодня намъ приходится считаться съ исключительнымъ событіемъ.

— Тѣмъ развѣ что обстановка иная? Взаимъ темной лачуги стѣны штюфомъ обиты? Для предстоящихъ мнѣ обязанностей это безразлично.

— Развѣ я къ тому рѣчь клоню? Выслушайте меня до конца. Помимо всѣхъ медицинскихъ удостовѣреній, достаточно взглянуть и тронуть чтобы убѣдиться что смерть вступила въ свои права. Не такъ-ли?

Я утвердительно кивнулъ.

— Затѣмъ приступимъ къ признанію самоубійства. Очевидность его также неоспорима...

— Въ имѣете въ рукахъ документъ: собственноручное сознаніе покойной? живо перебилъ я.

— Нѣтъ. По крайней мѣрѣ пока еще ничего не найдено.

— Такъ позвольте спросить, на какомъ основаніи вы строите свое предположеніе?

— Перестаньте шутить. Всякій ребенокъ былъ бы въ состояніи отвѣтить за меня.

— Тѣмъ болѣе я настаиваю и жду разъясненій.

— Во-первыхъ: орудіе смерти еще хранящееся въ ея рукѣ...

И онъ загнулъ палецъ къ ладони.

— Надо еще освидѣтельствовать, не могло ли оно быть вложено по совершеніи преступления.

— Во-вторыхъ: порядкомъ всѣхъ окружающихъ предметовъ, такъ же наглядно доказывающей отсутствіе посторонняго лица, какъ и борьбы или сопротивленія.

— Вамъ никогда не приходилось слышать, что самый вѣрный способъ тайнаго убійства—это нападеніе на спящаго врага? иронически освѣдомился я.

— Да, но въ данномъ случаѣ, необходимо допустить существованіе врага, а всѣ окружающіе графиню боготворили ее. Вамъ легко будетъ удостовѣриться въ этомъ изъ краткаго разспроса. Отчаяніе на всѣхъ здѣшнихъ лицахъ. Если мы допустимъ убійство съ корыстной цѣлью, то какимъ же образомъ преступникъ не воспользовался шкатулкой съ деньгами и, вонъ тамъ въ углу, драгоцѣнностями, лежащими подъ стекломъ? Ихъ, говорятъ, на изрядную сумму, а по словамъ довривенной горничной—все на мѣстѣ, ни малѣйшей бездѣлушки не пропало. Наконецъ, заключилъ онъ съ торжествующей улыбкой,—самъ графъ, а ему, признайтесь, ближе всѣхъ слѣдуетъ принять это дѣло къ сердцу, ни на минуту не усомнился признать самоубійство въ этомъ скорбномъ случаѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Нигдѣ и никогда судебная хроника не заносила въ свои столбцы устраненія мужемъ постылой или почему-либо мѣшавшей ему жены? Равнымъ образомъ искусный преступникъ никогда не изощрялся придавать содѣянному убійству отгѣнокъ долженствовавшій упрочить за нимъ полнѣйшую безнаказанность?

— Иванъ Петровичъ, неужели можно подозрѣвать такое ужасное злодѣяніе?

Краска мгновенно сошла съ его полнаго, румянаго лица, и онъ всплеснулъ дрогнувшими руками.

— Я ничего и никого не подозрѣваю, пока дознаніе не обнаружитъ настоящихъ причинъ, доведшихъ женщину во цѣлѣтѣ лѣтъ и, какъ по всему кажется, въ исключительно счастливой обстановкѣ, до крайнихъ предѣловъ отчаянія. Я единственно хотѣлъ предостеречь васъ насчетъ возможности и видимой опасности преждевременныхъ заключеній.

— Ну то-то же, обрадовался онъ, обтирая платкомъ свой влажный лобъ. — А вѣдь ей-ей въ меня наугали.

— Вы первый на очереди, обратился я къ Журину съ напускнымъ равнодушіемъ; но когда подъ его проворными пальцами затрещалъ батистъ сорочки, обнажая зияющую рану, я невольно закрылъ глаза.

— Да, бишь, я чуть было не забылъ, дернулъ меня за рукавъ слегка смущенный исправникъ. — До вашего пріѣзда выходила ко мнѣ иностранка, самая близкая, неразлучная подруга покойницы, по словамъ всей прислуги. Уже какимъ ломаннымъ языкомъ она со мной объяснялась.. но суть дѣла не трудно было понять. Она передала мнѣ, по порученію графа, его сильное желаніе и настоятельную просьбу чтобы мы избѣгли вскрытія тѣла, если это мало-малески возможно.

— Я не могу принять на себя отвѣтственности за подобное уклоненіе отъ предписанія закона. Пусть рѣшаетъ докторъ: это къ его обязанности болѣе относится.

Мнѣ не мало мужества потребовалось на этотъ отвѣтъ. Отъ одной мысли видѣть на своихъ глазахъ расластаннымъ, подвергнутымъ отвратительно-грубой процедурѣ нѣкогда живое существо сохранившее въ моей памяти всю свою обаятельную

презесь, сердце мое болѣзненно шемило, холодный потъ выступалъ на лбу, и я съ нѣмыми трепетомъ ждалъ приговора Журина.

— А мнѣ на чтѣ? Смерть мгновенная: безъ конвульсій и агоніи. Причина явная: огнестрѣльная рана въ самую полость сердца. Вѣрно намѣчено; рука не дрогнула.

Онъ вытащилъ изъ карманнаго прибора зондъ и острый ножъ, засучилъ рукавъ, и не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ онъ выпустилъ изъ пальцевъ что-то круглое, буроватаго цвѣта, быстро покотившееся на гладкую поверхность стола.

— А вотъ вамъ и пуля въ коллекцію вещественныхъ доказательствъ. Моя обязанность кончена. Можете успокоить его сіятельство.

— Нѣтъ, Журинъ, это не достаточно. Осмотрите правую руку и опредѣлите могъ-ли послѣдовать такой удачный выстрѣлъ при лежачемъ положеніи субъекта? Въ предсмертной судорогѣ не естественно-ли было бы выпустить пистолетъ? Наконецъ, вполнѣ-ли нормально положеніе застывшей руки?

— Ну, педантъ же вы, какъ я погляжу! пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ, но тѣмъ не менѣе тщательно выполнилъ мое требованіе.

Я самъ не сводилъ глазъ съ тѣла, мысленно стараясь воспроизвести драматическую сцену.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, Журинъ провѣлъ рукою по набѣжавшимъ морщинамъ и мѣрнымъ голосомъ сообщилъ:

— Выстрѣлъ долженъ былъ произойти почти въ упоръ, хотя слѣдовъ обжога на бѣлѣ не видать. На практикѣ такъ же часто встрѣчается выпаденіе оружія изъ руки, какъ и окоченѣлость пальцевъ, происшедшая здѣсь. Я не скрою, что безмяннанный палецъ и мизинецъ какъ-то странно загнуты, но не надо упускать изъ виду что передъ нами женщина, чуждая, вѣроятно, правильныхъ пріемовъ стрѣльбы. По всему этому, я прихожу къ заключенію, что изъ положенія трупа не вытекаетъ ни малѣйшаго довода въ подкрѣпленіе подозрѣнія, высказаннаго Забѣльскимъ.

— Я не возражаю. Порядокъ соблюденъ.

— Протоколъ уже у меня составленъ въ надлежащемъ смыслѣ, подхватилъ исправникъ, и не упустилъ случая кинуть въ мою сторону иронически-торжествующій взглядъ.

По исполненіи чисто полицейскихъ формальностей, товарищи стали настаивать чтобы я вмѣстѣ съ ними пошелъ закусить.

Жажда добиться истины (слова доктора никакъ не могли разсѣять моихъ подозрѣній) терзала меня. Я только залпомъ выпилъ стаканъ холодной воды и тутъ же принялся чинить дознаніе.

(Продолженіе будетъ).

Важнѣйшія русскія древесныя породы.

(Описаніе особаго приложения при этомъ №, печатаннаго 12-ю красками).

Прилагая при настоящемъ № *Нивы* изображенія нашихъ древесныхъ породъ, мы надѣемся заинтересовать большинство нашихъ подписчиковъ. Не только учащіеся найдутъ для себя интереснымъ и полезнымъ познакомиться болѣе подробно и вѣрно съ окружающею ихъ древесною растительностью, такъ рѣзко отличающеюся уже и по наружному виду отъ всей остальной флоры, но и люди зрѣлаго возраста изъ городскихъ жителей получать возможность безъ дорогихъ атласовъ и руководствъ разобратся въ главнѣйшихъ представителяхъ нашего роднаго лѣса. Для большей наглядности, кромѣ общаго вида каждаго дерева, имѣются еще изображенія отдѣльныхъ частей его, какъ - то: листьевъ, цвѣтви, плодовъ и пр. Къ тому же, изъ этихъ детальныхъ рисунковъ всякій легко увидитъ, какое разнообразіе растительности находится въ нашемъ отечествѣ, чтѣ по большей части совершенно ускользаетъ отъ нашего вниманія, такъ какъ глазъ нашъ съ дѣтства свыкся съ ихъ видомъ и уже необходимо нѣкоторое напряженіе воли, чтобы сосредоточить на этомъ свое вниманіе. Благодаря такимъ условіямъ, не часто попадаетъ человѣкъ умѣющій отличить осокорь отъ клена, не говоря уже о различіяхъ между разными видами послѣдняго; многіе даже затрудняются распознавать молодую ель отъ сосенки. Всякій рисунокъ помогаетъ сосредоточить наше вниманіе на предметѣ, а потому, еслибы даже не явилось охоты заняться опредѣленіемъ и различеніемъ деревьевъ, все таки наши рисунки принесутъ нѣкоторую пользу, невольно обращая вниманіе на то, чтѣ иначе легко могло бы пройти незамѣченнымъ.

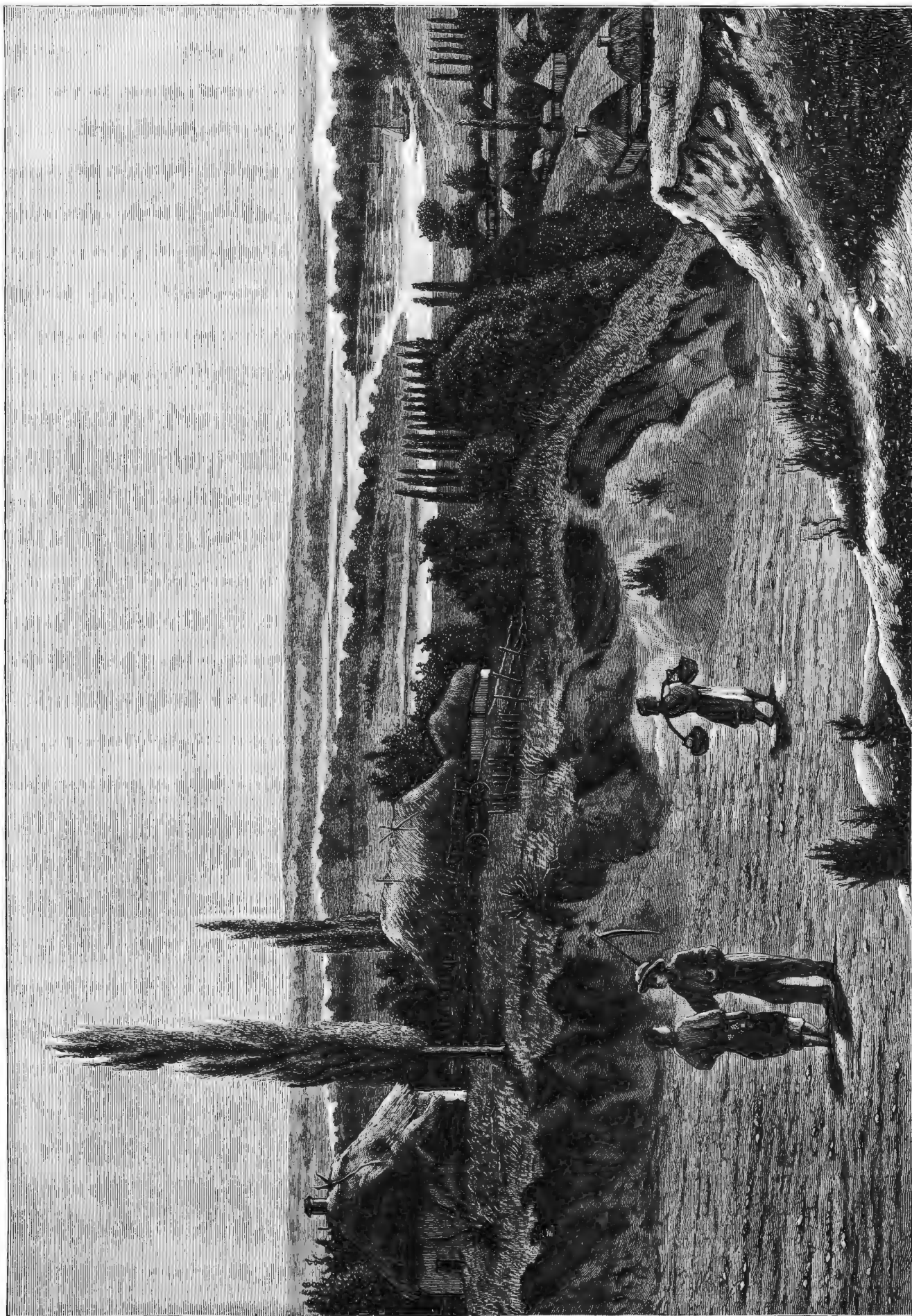
Первый рисунокъ изображаетъ выросшую въ сухомъ сосновомъ лѣсу (бору) сосну, *красную сосенку*, какъ называетъ ее народъ. При сравненіи старой сосны съ елью легко замѣтить, что у первой вся нижняя часть ствола, такъ-называемая комлевая, лишена сучьевъ. Уже издали краснѣетъ сосновый лѣсъ, высоко поднимаются стволы сосенъ, покрытые цѣликомъ (а у болѣе старыхъ, преимущественно лишь въ верхней своей части) мѣднокрасною корою. Если прибавить, что игольчатые, или пожалуй шиловидные листья, такъ-называемыя хвои, сидятъ всегда попарно, — далѣе, что у старыхъ сосенъ всѣ сучья собраны наверху въ видѣ раскидистаго, болѣе или менѣе округленнаго шатра, то описаніе этой породы будетъ закончено. Да впрочемъ, кто не знаетъ и помимо этого нашу сосенку, которая, не вполнѣ доходя до крайнихъ предѣловъ древесной растительности на сѣверѣ, распространена по всей Россіи до Малороссіи, чтобы затѣмъ снова появиться въ Крыму и на Кавказѣ; слѣдуетъ впрочемъ указать на то, что раньше, до истребленія лѣсовъ въ средней и южной Россіи, сосна росла у насъ почти повсемѣстно. Такое широкое распространеніе этого дерева объясняется его крайнею неприхотливостью къ питательности почвы и даже къ климату. „Гдѣ сосна выросла, тамъ она и красна“, говоритъ народъ. Хотя сосна принадлежитъ къ породамъ, у которыхъ главный корень глубоко уходитъ въ землю, тѣмъ не менѣе это нисколько не мѣшаетъ ей произрастать какъ на глубокихъ пескахъ, или на жидкой болотной грязи, такъ и на мелкомъ слоѣ почвы въ горахъ; даже болѣе: можно сказать, что нѣтъ почти почвы, на которой сосна не могла бы расти, что зависитъ отъ ея замѣчательной способности приспособленія развѣтвленности корней къ почвеннымъ условіямъ. Въ горахъ главный корень, такъ-называемая „рѣдька“, просто не развивается, взмѣстъ чего разползаются длиннѣйшіе корни близъ, а отчасти даже и на поверхности земли. Конечно, вслѣдствіе различія условій мѣсто-

нахожденія, ростъ и свойства древесины далеко не будутъ одинаковы: полндревесная, здоровая сосна можетъ вырости лишь тамъ, гдѣ стержневой корень не встрѣчаетъ трудно пробиваемаго слоя или подпочвенной воды, или же слишкомъ тощей — подзольной земли, когда дереву приходится голодать, или же когда знойность и суровость климата не переходятъ извѣстнаго предѣла, — при наличности же этихъ неблагоприятныхъ условій сосна бываетъ корявая и многосучковая. Различаютъ поэтому *кондовую сосну* (кондовке), выросшую на сѣверѣ на возвышенностяхъ въ свѣжей суглинисто-песчаной (боровою) почвѣ, и *мяндовую* (мяндакъ), встрѣчающуюся на тощемъ и сухомъ пескѣ, а нѣкоторые еще и *вѣтряннику*, сосну торфяныхъ болотъ.

Не такова молодая сосна; вѣтви ея расположены правильными мутовками почти до самаго низа, причемъ ежегодно образуется только одна мутовка и посреди послѣдней, какъ удлинненіе ствола, одинъ верхушечный побѣгъ. Благодаря этому, легко опредѣлить возрастъ сосны приблизительно до сороковаго года; для этого стоитъ лишь сосчитать число мутовокъ, да прибавить къ нему единицу, для перваго года, когда мутовки не образуются. Но смотря по густотѣ бора, у сосны уже съ пятнадцатаго лѣта, если не раньше, самыя старыя, т. е. нижнія, мутовки постепенно засыхаютъ и начинаютъ опадать, вслѣдствіе чего самое густое сосновое насажденіе все болѣе рѣдѣетъ. Происходитъ это отъ естественной потребности сосны пользоваться со всѣхъ сторонъ освѣщеніемъ, — понятно, что чѣмъ болѣе разрастается дерево въ вышину и ширину, тѣмъ менѣе свѣта получаетъ нижняя его часть; при отсутствіи же свѣта, столь необходимаго для растений, затѣненные мутовки постепенно хирѣютъ, наконецъ отмираютъ и отламываются. Долго еще по кое-гдѣ торчащимъ сучьямъ можно возобновить число мутовокъ, но постепенно ежегоднымъ нарастаніемъ новаго годичнаго слоя древесины, эти комельки все болѣе уходятъ въ дерево и наконецъ вполнѣ заростають — вотъ причина, почему только до 40 лѣтъ опредѣлимъ возрастъ сосны по мутовкамъ. Послѣ сказаннаго не требуетъ разъясненія, почему сильно затѣненные сосенки угнетаются и пропадаютъ: сосна — свѣтолюбивая порода.

Какъ и другія хвойныя породы, она также относится къ голосѣмяннымъ: пестикъ имѣетъ видъ отверстой чешуи, не замыкающей сѣмяпочку (яичко); сверхъ того цвѣты однополы, образуютъ тычиночныя мужскія и женскія соцвѣтія въ видѣ небольшихъ шишекъ на концахъ прошлогоднихъ побѣговъ. У сосны стержень мужскаго соцвѣтія развѣтвленъ и тычинки не сидятъ, какъ у еловыхъ, по одиночкѣ на этихъ коротенькихъ вѣтвяхъ, а собраны вкупѣ колосьями. Женскія шишки крупнѣе, онѣ составлены изъ широкихъ слегка мясистыхъ гризновато-вишневаго цвѣта чешуекъ, несущихъ снизу со внѣшней стороны по маленькому прицвѣтному листочку, а со внутренней, на самомъ основаніи, — два яичка. По опыленіи каждый отверстыи плодolistикъ — пестикъ разрастается, твердѣетъ, сперва зеленѣетъ, а затѣмъ бурѣетъ — образуетъ чешую шишки, которая прикрываетъ два, лежащія подъ каждою и разросшіяся въ крылатыя сѣмена, яичка. Должно пройти 18 мѣсяцевъ, чтобы сѣмена созрѣли, и только на третью весну разверзаются шишки.

Кромѣ обыкновенной сосны, у насъ имѣется на югѣ еще крымская (*Pinus Laricio Pallasiana Endlicher*), которая имѣетъ весьма большую будущность: по южнымъ, сыпучимъ пескамъ идетъ она гораздо успѣшнѣе обыкновенной, да притомъ, по-видимому, ея смола содержитъ много скипидару тѣхъ же качествъ какъ французскій, добываемый изъ приморской сосны.

Видъ Китаева, въ окрестностяхъ Кіева. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) П. Васильчюна, грав. Ралевскій.

Сельская свадьба въ Сербіи. Рис. Грёллера, грав. Геданъ.

Сибирский кедр напоминает сосну, лишь иглы длиннее и сидят всегда пучками по пяти; он и принадлежит къ семейству сосновых, тогда как ель, пихта и лиственница — къ еловымъ. Безкрылая, съдбовная сѣмена, созрѣвающія также по истечении 18 мѣсяцевъ, всѣмъ извѣстны подъ названіемъ кедровыхъ орѣховъ. Какъ показываетъ уже наименование этого кедра, родиной его должна считаться Сибирь, гдѣ эта порода дѣйствительно является очень распространенною, образуя подчасъ цѣлыя лѣса, такъ-называемые „кедровники“; въ Европейскую же Россію отъ Урала кедръ заходитъ недалеко.

Кедровая древесина очень прочна и тонкослойна, но притомъ весьма мягка и обладаетъ весьма приятно-пахучимъ кипариснымъ запахомъ, вслѣдствіе чего идетъ на разные благовонные ящики и проч., а въ Тиролѣ и Швейцаріи употребляется на самыя тонкія и дорогія рѣзные работы и выточку молочной посуды — уваряютъ, что молоко, кромѣ пріятнаго вкуса, долѣе сохраняется въ кедровыхъ сосудахъ.

Съ нашимъ кедромъ не слѣдуетъ смѣшивать ливанскій или настоящій кедръ (*Cedrus Libani*), кое-гдѣ разводимый у насъ на южномъ берегу Крыма.

Ель отличается отъ сосны болѣе конусовиднымъ, пирамидальнымъ обликомъ; стволъ ея весьма рѣдко развѣтвляется на крупныя сучья и сверху обыкновенно заостряется. Сучья, расположенныя болѣе или менѣе кольцеобразно, у взрослыхъ на просторѣ деревьевъ покрываютъ стройный, сѣроватый стволъ его донизу, а въ лѣсу — только въ верхней его части, становясь постепенно, по мѣрѣ приближенія къ низу, все длиннѣе. Хвои — четырехгранныя, со всѣхъ сторонъ одноцвѣтны и направлены по одиночкѣ во всѣ стороны. Шишки съ болѣе тонкими чешуйками и созрѣваютъ въ одинъ годъ. Народная примѣта гласитъ, что изобиліе еловыхъ шишекъ къ урожаю ярого, а сосновыхъ — къ урожаю ячменя. Ель также скорѣе — дерево сѣвера, заходитъ даже дальше сосны на сѣверъ и встрѣчается еще тамъ, гдѣ растительность борется съ ледяною смертью; на югъ же ель спускается не такъ далеко, какъ сосна; границы южнаго ея распространенія приблизительно можно установить, проведя линію отъ Житомира на Черниговъ, Тулу, Рязань, Казань, Уфу до Камчатки.

Ель сравнительно съ сосною требовательнѣе къ почвѣ, причемъ сухость грунта является главнымъ препятствіемъ для ея произрастанія. Она растетъ лучше всего на плодородныхъ, глинистыхъ, т. е. свѣжихъ, даже сырыхъ почвахъ, рѣдко на болотѣхъ, гдѣ попадаетъ зарѣдка захирѣвшимъ кустикомъ, а на пескѣ или въ сильно песчаныхъ мѣстностяхъ ель совсѣмъ не идетъ. Но какъ какъ корни ея не углубляются въ почву, то достаточно весьма неглубокого слоя, почему она вырастаетъ также роскошнымъ деревомъ на мелкомъ покровѣ горныхъ скалъ. Понятно, что по этой причинѣ ель весьма неустойчива противъ вѣтровъ, но за то представляетъ тѣневыносливую породу, образующую у насъ на сѣверѣ большіе дремучіе, темныя лѣса. Въ первые годы еловый всходъ растетъ весьма медленно, затѣмъ быстрѣе, но позже (къ 20—30-лѣтнему возрасту) ель догоняетъ сосну, отъ которой затѣмъ снова отстаеетъ, достигая предѣльнаго возраста къ 250—300 году, тогда какъ 400—600-лѣтнія здоровыя сосны не рѣдки.

Слѣдуетъ упомянуть, что такъ-называемыя листья хвойныхъ (хвои) совсѣмъ не основательно уподобляютъ листьямъ лиственныхъ породъ. Истинными листьями здѣсь являются тѣ бурья плеочки, въ ножкахъ которыхъ сидятъ иглы, послѣднія же не что иное, какъ недоразвитыя, укороченныя вѣточки, исполняющіе обязанность (функцию) истыхъ листьевъ, — разрѣжьте продольно пару сосновыхъ иголокъ, отдѣленную осторожно съ пленками отъ вѣточки, и вы увидите при основаніи между обѣими хвоями маленькій бугорокъ — верхушку побѣга, который лишь весьма рѣдко развивается.

Въ сѣверовосточной Россіи, примѣрно по линіи отъ Архангельска къ мѣсту слиянія Камы и Вятки и оттуда къ Уралу нѣсколько южнѣе Уфы, и по всей Сибири растетъ вмѣстѣ съ обыкновенною елью — сибирская (*Picea obovata Ledebur*), считаемая многими за разновидность обыкновенной. На Кавказѣ большія пространства покрыты другимъ видомъ ели — восточнымъ (*Picea orientalis Carrer, Pinus orientalis Linn.*). Въ лѣсоводственномъ отношеніи всѣ виды ели сходны.

Сосна и ель имѣютъ широкое употребленіе, какъ строевой и шпильный лѣсъ, хотя еловый и уступаетъ сосновому въ прочности, но за то ель имѣетъ одно преимущество, подчасъ весьма важное, — легкость древесины. Подсочка ели (сдирка коры) мѣстами для получения смолы менѣе распространена, чѣмъ у сосны, что зависитъ отъ того, что еловая „живица“ или „сѣра“ содержитъ менѣе скипидара и болѣе канифоли (твердѣющая часть смолы); равно и добываніе смолы выкуркой или выгонкой (нагрѣваніе древесины въ закрытыхъ ямахъ, печахъ и сосудахъ, причемъ она обугливается и выдѣляетъ смолу, „смолянякъ“ или „осмоло“). Смолы накопляется въ корѣ въ особыхъ желвакахъ, изъ которыхъ живица извлекается проколомъ. Эта жидкость весьма цѣнится и продается дорого фунтами. „Еловый листъ“, видъ листового лишая, растущій на старыхъ деревьяхъ въ сѣверныхъ сырыхъ равнинахъ, по мнѣнію народа, особенно цѣлѣбенъ и отваръ изъ него на далекомъ сѣверѣ употребляется отъ разныхъ простудныхъ невзгодъ.

Пихту, весьма вообще сходную съ елью, легко отличить по хвоѣ: иглы также сидятъ по одиночкѣ, но расположены гребнемъ по двумъ сторонамъ вѣтвей; онѣ плоскія, сверху темно-зелены, а съ изнанки изборозжены двумя продольными серебристыми полосками. Затѣмъ шишки, созрѣвающія также какъ у ели въ одинъ годъ, въ противоположность послѣднимъ, не свѣшиваются внизъ и по мѣрѣ созрѣванія распадаются, такъ что на деревѣ сохраняется только отвѣсно стоящій стержень шишки; — подобно тому, какъ на елку насаживаютъ къ Рождеству Христову свѣчи, такъ и природа украшаетъ дерево, но только весною, когда красное солнышко воскрешаетъ міръ къ новой жизни. Пихта произрастаетъ у насъ почти исключительно въ привислинскихъ губерніяхъ, въ Сибири и на Кавказѣ встрѣчаются цѣлыми лѣсами два другіе вида. Почти совмѣстно съ сибирскою елью, начиная съ сѣверо-востока Россіи, и по всей Сибири распространяется сибирская пихта (*Abies sibirica Ledebur*), а на Кавказѣ преимущественно въ западной — величественная кавказская (*Abies Nordmanniana Steven*). Виды пихты за исключеніемъ сибирской глубоко укореняются, възыскательность къ почвѣ у нихъ не больше чѣмъ у ели, но за то они еще болѣе тѣневыносливы, почему и въ старости пихтовыя насажденія держатся сомкнуто. Продолжительность жизни пихты очень велика, европейская достигаетъ 400 и болѣе лѣтъ. Древесина пихты у насъ очень мало употребляется, а въ Сибири преимущественно на выжиганіе угля и рудныя крѣпи (лѣсъ для уюринъ при проведеніи шахтъ).

Лиственница имѣетъ наиболѣе неправильный видъ, вслѣдствіе того что она даетъ много промежуточныхъ вѣтвей между старыми, такъ что мутовчатое расположеніе, свойственное и ей, какъ настоящему хвойному дереву, вполне теряется; притомъ верхушечный побѣгъ обыкновенно длиннѣе и слабѣе и поэтому свѣшивается нѣсколько внизъ; наконецъ сучья отходятъ отъ ствола довольно горизонтально, затѣмъ свѣшиваются, а верхушки сучьевъ дугою изгибаются снова вверхъ. Хвои мягкія и опадающія, между тѣмъ какъ у всѣхъ другихъ хвойныхъ онѣ жесткія и сидятъ по нѣскольку лѣтъ сразу, до семи. Зимомъ — вѣтви бородавчатыя; каждая бородавка развиваетъ весною или пучекъ иголокъ или вытягивается въ длинную вѣтвь, несущую хвои по одиночкѣ, еще нѣкоторыя развертываются въ соцветія. Шишки — мелкія, созрѣваютъ въ одинъ годъ и не распадутся. Въ настоящее время лиственница встрѣчается въ Россіи лишь въ Литвѣ (если не считать искусственныхъ насаженій). Начиная съ Ветлуги по правой сторонѣ Волги и по всей Сибири растетъ сибирская (*Larix sibirica Ledebur*). Древесина лиственницы еще прочнѣе сосновой, хорошо идетъ на подводныя постройки. Расположеніе корней тоже что у сосны. Долговѣчность лиственницы простирается болѣе чѣмъ на 500 лѣтъ. Древесина по прочности мало уступаетъ дубу, превосходя послѣдній еще въ томъ отношеніи, что вслѣдствіе особенности пропитывающей ее смолы, ее не точитъ червь.

Кипарисъ напоминаетъ обликомъ пирамидальный тополь, только вся увѣя болѣе скучена и сомкнута, такъ что уже издали онъ выдѣляется своею стройностью. Но это не туземное растение, хотя теперь оно очень распространено у насъ въ Крыму. Къ кипарисовымъ принадлежатъ можжевельники и нежной-дерево или ягодный тисъ (*Taxus baccata Linne*). Слѣдуетъ еще упомянуть, что это двудомныя растенія: женскія особи приносятъ ягоды, мужскія — шишки.

Ильмовыхъ, къ которымъ принадлежитъ изображенный видъ вяза, берестъ, легко отличить отъ другихъ лиственныхъ породъ: пластинка листа, листовой отгибъ, спускается вдоль черешка съ одной стороны ниже, чѣмъ съ другою, благодаря чему листъ пріобрѣтаетъ разнобокую форму. Но за то довольно трудно различить отдѣльные виды илимовъ; всѣ илимы какъ по наружному виду, такъ и въ сельскохозяйственномъ, а также и въ употребленіи очень сходны и отличимы только по нѣкоторымъ ботаническимъ признакамъ, — такъ у изображеннаго вида цвѣты и рѣснитчатые плоды длинночерешковые, почему называютъ его также вислоплоднымъ илимомъ. Трудно поэтому дать картину распространенія разныхъ илимовъ; встрѣтите его и въ Финляндіи, и на самомъ югѣ, и хотя они выростають значительнымъ деревомъ, но чистыхъ насаженій почти нельзя встрѣтить — наиболѣе къ сѣверу распространены вѣроятно вязъ. Стволъ рѣдко правильный, обыкновенно болѣе или менѣе изогнутъ и развѣтвленъ уже довольно низко. Длинные побѣги вслѣдствіе непрерывнаго, появленія все новыхъ и болѣе крупныхъ листьевъ свѣшиваются внизъ, — чѣмъ отдѣльно стоящія дерева илимовъ, въ остальномъ похожія на дубъ, легко отличить отъ послѣдняго. Корни частью глубоко вознаются въ землю, частью располагаются поверхностно. Древесина очень хорошо противостоитъ удару и давленію, и при отдѣлкѣ очень красива. Илимы, какъ почти всѣ остальные лиственные породы, не только цвѣтутъ, но и приносятъ зрѣлыя плоды, собранные зелеными пучками, до распусканія листьевъ, такъ что кажется, будто эта порода дважды зеленѣетъ. Подчасъ на стволахъ образуются пробковыя наросты (что однако не представляетъ отличительнаго признака для особаго вида), чаще всего подобныя въ разрѣзѣ звѣздчатые образованія встрѣчаются у полевого илима (*Ulmus campestris Smith*). Въ на-

родъ полевой илимъ на югѣ обыкновенно называется берестомъ, хотя впрочемъ даютъ это названіе иногда и вязу; нерѣдко илимы называются также карагачами.

Изъ многочисленныхъ видовъ ивовыхъ изображена ива или ветла, *ивушка зеленая*. Невозможно здѣсь вдаваться въ подробности, даже одно перечисленіе всѣхъ народныхъ названій заняло бы слишкомъ много мѣста. Ивовыя чаще кустарники, рѣдко древовидны; мужскіе и женскіе цвѣты собраны простыми сережками, завязь содержитъ много яичекъ, а плодъ—раскрывающаяся двустворчатая коробочка, выпускающая мелкія пушистыя сѣмена. „Когда съ ивы цухъ летитъ, сѣи повдній овесъ“, совѣтуетъ народная мудрость. Листья всегда цѣльные и расположены по одиночкѣ. Одни виды цвѣтутъ до распускания листьевъ, другіе въ облиственіи состояни; пятимужал даже лишь въ августѣ. Древесина ихъ мягкая, малоцѣнная, но кора большинства ихъ содержитъ много дубильныхъ веществъ, а гибкія вѣтви незаменимы для плетения корзинокъ. Отъ сѣмянъ иву разводитъ трудно, но воткнутой въ землю черенокъ, даже коль, легко укореняется и подобно илчу быстро покрывается густою порослью. Ивы хотя и попадаютъ повсюду, но любятъ селиться преимущественно около береговъ и на сырыхъ мѣстахъ. „Гдѣ вода, тамъ верба; гдѣ верба, тамъ и вода“, ходитъ поговорка.

Изъ тополей изображены четыре вида; самый распространенный—осина, округлые, зубчатые, длинно-черешковые листья которой трепещутъ при дуновении малѣйшаго вѣтерка („осина проклятое дерево—на немъ Иуда удавился, и съ тѣхъ поръ на немъ листъ дрожитъ; осина и безъ вѣтру шумитъ“), при томъ она отличается еще стройностью высокаго безсучковаго ствола. У осокоря листья треугольныя, лопасти вытянуты почти въ прямую линію, между тѣмъ какъ у бѣлаго тополя изрѣдка образуютъ яйцевидный треугольникъ, т. е. лопасти округлены; чаще-же у послѣдняго листья трех- или пятилопастныя, да кромѣ того на изнанкѣ пушистыя. Наконецъ у раины или пирамидальнаго тополя вѣтви всѣ прижаты къ стволу. Строеніе цвѣтовъ сходно съ тѣмъ, какое у ивы, только тычинки многочисленнѣе и сидятъ подобно пестикамъ въ женскихъ цвѣтахъ на желѣзистомъ кружкѣ. Осина, *горькая осинушка*, или какъ ее нѣмцы называютъ „дрожачій тополь“, повсемѣстно распространена и подчасъ образуетъ цѣлыя лѣса, хотя между другими деревьями не особенно приятно ее имѣть, ибо, благодаря обильному образованію прикорневой поросли, она сильно засоряетъ мѣстность и даже вытѣсняетъ другія породы. На осинѣ почки большія—къ урожаю ячменя; осина въ сережкахъ—урожай на овесъ. Осокорь—величественное дерево водоемныхъ луговъ; по всѣмъ берегамъ и островкамъ „плавнямъ“ южныхъ рѣкъ или поймамъ Волги красуются его толстые стволы съ широкой, плоско-выпуклой увѣей. Въслѣдствіе темнаго, буроватаго ядра древесины этотъ видъ тополей вѣроятно и получилъ наименованіе чернаго тополя. Осокорь легко разводится по сыпучимъ южнымъ пескамъ и черезъ 15 лѣтъ даетъ хорошей дровяной и баклушной лѣсъ, который безъ вреда можетъ быть вырубается, такъ какъ вскорѣ образуется отъ нея обильная поросль, если только на вырубленныхъ мѣста не пускать скотъ.

Раина у насъ на югѣ—любимое декоративное растеніе; впрочемъ, оно иноземное и пока разводится черенками.

Наконецъ дошли до березы, *кудрявой березки*, которая владѣчество надъ русскими лѣсами раздѣляетъ только съ сосною. Подобно послѣдней, она мало притязательна къ почвѣ, притомъ, не имѣя рѣдки, а развѣтвляясь лишь нетолстыми, расходящимися въ сторону на незначительную глубину, корнями, береза отнюдь не нуждается въ глубокой почвѣ. Ее легко отличить и зимою по бѣлой корѣ; къ тому-же и стволъ ея болѣе ровный и высокій, сравнительно съ большинствомъ другихъ лиственныхъ. Увѣя весьма раскидистая, что даетъ старой березѣ кудрявый видъ, тогда какъ въ молодости верхушка заострена, а тонкія вѣтви прижаты къ стволу. Соцвѣтія раннею весною являются уже готовыми, распускаясь прежде листьевъ на верхушкахъ прошлогоднихъ вѣтвей. Мужскіе цвѣты собраны вальковатыми сережками въ кисть, составляющую продолженіе побѣга, тогда какъ женскіе—въ видѣ маленькіхъ яйцевидныхъ сережекъ, собранныхъ также въ кисть,—выходятъ тутъ-же при основаніи мужеской кисти изъ угловой почки. Мужскіе цвѣточки собраны группами по три, тогда какъ женскіе сидятъ попарно за своими чешуйками. Береза очень свѣтлолюбива, а поэтому опережаетъ всѣ вѣтви съ нею растущія дерева, выбиваясь вверхъ; равно и въ чистотѣ насажденіи она рано изрѣживается и, какъ въ бору, въ старомъ березовомъ лѣсу деревья всегда стоятъ просторно и слабо отбѣняютъ землю. Тѣмъ не менѣе къ старости верхушка округляется и выросши на просторѣ деревья въслѣдствіе свѣшиванія длинныхъ гибкихъ вѣтвей принимаютъ видъ, какъ будто у нихъ руки-вѣтви опущены внизъ наподобіе челоука убитаго горемъ; эти особы представляютъ собою слѣдовательно не особый видъ; часто такія березы называютъ „плакучими“. У нѣкоторыхъ березъ молодія вѣтви бывають обильно усыяны бородавками, у другихъ-же вмѣсто бородавокъ вѣтви покрыты мягкимъ пучкомъ. Многіе ботаники поэтому различаютъ бородавчатую березу (*Betula verrucosa Ehrhard*) отъ пушистой (*B. pubescens Ehrhard*); послѣдняя особенно распространена на самомъ сѣ-

верѣ. Вѣкъ березы незначителенъ: отъ 120 до 140 лѣтъ, хотя единичныя деревья доживаютъ и долѣе.

Употребленіе древесины березы чрезвычайно разнообразно, а въ крестьянскомъ быту она является одною изъ самыхъ важныхъ породъ: лучину еще долго не вытѣснитъ керосинъ, равно какъ настой спиртовой и отваръ молодыхъ почекъ не выйдетъ изъ употребленія; а березовые вѣники, а уголь, а березовый деготь, употребляемый при изготовленіи черной кофтяной кожи, а наконецъ желтая краска изъ коры и березовый сокъ, добываемый подсоскою березѣ (сверлять отверстіе въ которое вставляютъ деревянную втулку; по послѣдней высачивающійся сокъ течетъ въ поставленный сосудъ; на зиму отверстіе забивается деревянною пробкою, шпонтонъ) весною; зтоль любимый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ напитокъ также и цѣлебень. Добываніе сока конечно губитъ деревья: „березовицы на грошъ, а лѣсу на рубль изведешь“, говорятъ крестьяне. Зато „кабы не лыко, да не береста, такъ бы мужиковъ рассыпался“; верхній слой березовой коры, кромѣ высидки дегтя, идетъ и на подстилку подъ тесовыя кровли, и на подѣлку буркаковъ, черпаковъ, берестовыхъ лаптей и проч. На Семика дѣвки лентами завиваютъ березку, идутъ въ лѣсъ, кумятся, крестятъ кукушку и ходятъ хороводомъ по деревнѣ.

Хотя береза и значительно распространена, тѣмъ не менѣе, какъ господствующая древесная порода, она достигаетъ своихъ предѣловъ по линіи проведенной отъ Кіева чрезъ Полтаву, средину Харьковской губерніи прямо на Волжскъ по Волгѣ, а оттуда къ Оренбургу; отдѣльными-же деревьями попадаетъ и южнѣе, напр. въ Таврической губерніи, а на Кавказѣ на высотахъ не менѣе 5,000 ф.—даже снова лѣсками.

Ольха и береза составляютъ семейство березовыхъ. Изображенная черная ольха вырастаетъ роскошнымъ деревомъ; въ то-же время на тонкой, болотной вышинѣ цѣлыя заросли кустарной черной ольхи образуютъ извѣстныя ольховыя трясинны, по которымъ лишь съ большимъ трудомъ можно перебраться, перепрыгивая съ кочки на кочку.

Такимъ образомъ, смотря по почвеннымъ условіямъ, преимущественно-же въ зависимости отъ влажности грунта, она вытягивается въ высокое безсучковое почти до верхушки дерево, вышиною до 100 ф., при толщинѣ у колыя до аршина и болѣе, или-же прозябаетъ многосучковымъ кустарникомъ. Сходнымъ образомъ относятся и корни—отвѣсные образуются лишь въ глубокой, рыхлой почвѣ, причѣмъ свѣжесть грунта—непремѣнное условіе. Отъ черной легко отличить бѣлую ольху (*Alnus incana De Candolle*) по листьямъ: у первой листъ голый, въ молодости клейкій и почти круглый, или часто на концѣ съ выемкой, у бѣлой, напротивъ—листъ заостренный и сѣроватый отъ волосковъ. Серебристо-сѣрый цвѣтъ гладкой коры и особенно нижней стороны листа далъ ей названіе „бѣлой“, у черной—кора темная, а къ старости почти черная. Издали ольху пожалуй можно принять за илимъ, однако по листу и трехрядному расположенію ихъ легко отличить отъ послѣдняго. Черная ольха болѣе распространена въ странахъ съ умѣреннымъ и теплымъ климатомъ, бѣлая напротивъ преобладаетъ на сѣверѣ. По цвѣтамъ ольха отличается отъ березы тѣмъ, что женскія сережки по созрѣваніи не распадаются, а превращаются въ маленькую одеревѣвшую шишку, похожую на хвойную; по послѣднимъ даже зимою легко отличить ольху. На ольхѣ много сережки—къ урожаю овса, а много шишекъ—къ урожаю ячменя. Древесина не особенно прочна на воздухѣ, но зато подъ водою и въ постоянно сырой землѣ другими нашими породами незаменима. „Исподволь и ольху согнешь, а вкрутъ и вязъ переломитъ“, говорятъ крестьяне.

Бунь—высокоствольное дерево съ замѣчательно высоко оцененнымъ, гладкимъ даже въ старости, свѣтло-серебристымъ стволомъ, издали какъ-бы напоминаетъ сытаго, растолстѣвшаго челоука. Увѣя стараго бука сводообразно округлена и богато снабжена цѣльными, продолговато-яйцевидными, продольно и очередно расположенными, сочно-темнозелеными листьями. Съ молодости онъ переноситъ сильное вѣтненіе, почему даже въ старости остается сильно густымъ. Мужскія отвислыя цвѣточные головки появляются вмѣстѣ со стоячими женскими на одномъ и томъ-же деревѣ. Послѣднія состоятъ изъ двухъ цвѣтковъ, охватенныхъ общимъ четырехраздѣльнымъ покровомъ (плюскою); при созрѣваніи плюска лопається крестообразно, причѣмъ два трехгранныхъ слѣдственныхъ орѣшка выпадаютъ. Древесина особенно цѣнится за его красоту и легкую обдѣлку при значительной прочності; размягченная водянымъ паромъ, она легко гнется, почему и получила широкое примѣненіе въ издѣліи, какъ гнутая, такъ-называемая вѣнская, мебель. Распространенъ у насъ бука только въ Крыму, на Кавказѣ, въ Бессарабіи и юго-западныхъ привислинскихъ губерніяхъ.

Дубъ по справедливости называется царемъ чернолѣсья. Смотри по грунту (дубъ любитъ глубокую, не тощую и свѣжую почву, въ которую корни уходятъ далеко) и по густотѣ окружающаго лѣса (это свѣтлолюбивая порода), онъ вырастаетъ стройнымъ деревомъ или захирѣвшимъ деревцомъ, даже кустикомъ. Дубъ высоко очищается отъ сучьевъ лишь въ лѣсу; на просторѣ онъ рѣдко достигаетъ болѣе 3-хъ сажень вышины и сильно разрастается въ сучья, образуя шатеръ, затѣняющій до 15 саж. въ діаметрѣ; но что берегается древесиною въ вы-

шину, то съ излишкомъ расходуется, можно сказать, въ ширинѣ свода и толщинѣ сучьевъ — нѣсколько человекъ подчасъ не обхватятъ стволъ подобнаго дуба. Красота этого дерева заключается въ неправильномъ, какъ-бы капризномъ, червеобразномъ изгибѣ его сучьевъ, въ причудливости его облика, увеличивающейся еще сѣтчато-растрескавшимся видомъ темпосѣрой или бурой коры; притомъ благодаря глубокому укорененію онъ сильно противостоитъ бурлямъ, такъ что дубъ сираведливо одицетворяютъ могучей силѣ и стойкости. „Держись за дубокъ, дубокъ въ землю глубоко“, ходитъ поговорка.

Развѣсистый шатеръ и сучья покрыты листовою общезвѣстной формы: вытянутый къверху, расширенный и тупо-округлый листъ, въ верхней половинѣ лопастный, а въ нижней извилистый. „Когда листъ съ дуба и березы опалъ чисто, будетъ легкой годъ для людей и скота; когда листъ на дубу развернулся въ заячье ухо, сѣи овесъ. Не сѣи пшеницы прежде дубоваго листа“. Мужскія свѣшивающіяся сережки, сидящія при основаніи молодыхъ побѣговъ, отличаются рѣдкоцвѣтностью; женскія — собраны на вершинѣ побѣга и состоятъ изъ трехчленного, трехгнѣздаго и краснорыльцеваго пестика, каждый имѣетъ при основаніи маленькое блюдце, состоящее изъ сросшихся прицвѣтничковъ и охватывающее цвѣтокъ снизу. При созрѣваніи плода блюдце сильно разрастается (у бука вполне отдѣляется сѣмя), а изъ гнѣздъ завязи только одно превращается въ крупное сѣмя, всѣмъ извѣстный желудь съ его блюдцемъ. Наиболее у насъ распространенъ лѣтній дубъ и всѣ сохранившіеся еще въ средней Россіи лѣса составлены изъ него, желскіе цвѣты и желуди котораго черны. Въ юго-западной Россіи попадается зимній дубъ съ сидящими желудями (*Quercus sessiliflora* Sm.), а на югѣ еще нѣсколько, между которыми замѣчательны въ Крыму — пушистый (*Q. pubescens* Willdenow) съ пушистыми листьями и вѣтвями, а для Кавказа — кавказскій (*Q. macranthera* Fischer et Meyer). Древесина дуба славится своею прочностью, чѣмъ объясняется то, что вполне дупловатые, вмѣщающіе въ себѣ подчасъ до 15 человекъ, стволы еще долго зеленѣютъ, доживаютъ иногда до 1000 лѣтъ, пока бури ихъ не свалитъ. Кора идетъ на дубленіе кожъ, а желуди поджариваютъ и мелютъ на кофе. Такъ называемые черныя орѣшки, идущіе на изготовленіе черныхъ „галловыхъ“ чернилъ, происходятъ отъ укола черной орѣхотворки, живущей на особомъ, азиатскомъ видѣ дуба (*Q. infectoria*); сходные желвачки развиваются и на разныхъ другихъ видахъ дуба.

Грабъ — на югѣ вѣрный спутникъ бука, но его стволъ никогда не бываетъ такъ правиленъ и обыкновенно вскорѣ раздваивается на большое число тонкихъ, удлиненныхъ и тѣсно прижатыхъ другъ къ другу сучьевъ, благодаря чему безлиственная верхушка напоминаетъ собою громадную метлу. Притомъ его стволъ, хотя схожъ съ буковымъ, рѣдко бываетъ правильно округленъ, а большею частью изборозженъ, почему на торцѣ рѣдко имѣетъ правильный видъ. Рѣдка образуется только на глубокой почвѣ. Грабъ почти неистребимъ, такъ какъ даже подъ мордою животныхъ снова отростаетъ на пенькахъ густая поросль, и лишь въсплѣтствіи получаетъ онъ притомъ видъ приземистаго конуса, усѣяннаго мельчайшими листьями. Листъ сходенъ съ ильмовымъ, но правильный, по краямъ остро-двунальчатый. Плодъ — орѣшекъ, охваченный большимъ, трехлопастнымъ крыломъ. Кромѣ Крыма и Кавказа, на востокѣ грабъ заходитъ къ намъ съ запада и распространяется до линіи, проведенной отъ Курляндіи черезъ Витебскую губернію на Полтавскую. Древесина бѣлаго и однообразнаго сложенія, хорошо сопротивляется удару и тревнію, но коробится, почему мало употребляется столярами, но незаменима для кулаковъ — зубьевъ къ зубчатымъ колесамъ, колотушекъ и проч. У древодѣловъ извѣстна подъ именемъ бѣлаго бука древесина граба, привезенная къ намъ изъ-за границы.

Кленовыя наши за исключеніемъ татарскаго клена (*Acer tartaricum* L.) весьма легко отличимы отъ другихъ породъ формою листа, а также между собою — нѣкоторыми особенностями въ формѣ пластинки. Листья пальчато-лопастные, только у татарскаго цѣльные, яйцевидные, почему народъ мѣтно называетъ его не-кленомъ. Это наименованіе уже показываетъ, что у кленовыхъ есть еще болѣе характерный признакъ — это именно двукрылый плодъ, причѣмъ послѣдніе у разныхъ видовъ направлены различно. У татарскаго они отвѣсны и красныя; водится этотъ видъ въ восточной Россіи. Наиболее распространенъ остролистный кленъ (*Acer platanoides* L.): каждая изъ пяти лопастей пальчатато листа длинно заострена, да кромѣ того края лопастей имѣютъ еще по нѣскольку крупныхъ, длинно заостренныхъ зубцовъ — отсюда и названіе. Крылья направлены вверхъ и вбокъ.

У явора лопасти тупы и вслѣдствіе небольшой величины крайнихъ листъ издали кажется трехлопастнымъ; крылья сходятся подъ значительнѣе болѣе острымъ угломъ, нежели у остролистнаго. Яворъ или бѣлый кленъ (*Acer pseudo-platanus* L.) дѣйствительно является однимъ изъ самыхъ высокихъ деревьевъ, свойственныхъ средней Россіи. Наконецъ у чернаго клена, который часто также называется папаномъ (*Acer campestre* L.), листья мельче чѣмъ у остролистнаго и края лопастей не имѣютъ тѣхъ зубцовъ; крылья направлены горизонтально. Этотъ видъ скорѣе древовидный кустарникъ и изрѣдка бываетъ деревомъ

средней величины. Преимущественно ютится онъ по лѣснымъ опушкамъ и по полямъ, почему и названъ полевымъ. Заходитъ онъ сѣвернѣе явора и попадаетъ въ Московскую губернію. На Кавказѣ имѣется еще нѣсколько видовъ. Желтовато-зеленые цвѣты разносоставные, снаружи внутрь по порядку слѣдуютъ: чашечка, вѣнчикъ, оба пятичленные; наконецъ въ одномъ изъ нихъ погруженныхъ въ мясистое широкое донце 5—10 тычинокъ, въ другихъ двустолбчатый пестикъ, окруженный часто зачаточными тычинками, но изрѣдка послѣдніе бываютъ вполне развиты, такъ что подобные цвѣты обоюдно. Древесина по свойствамъ подходить къ липовой. Къ кленовымъ относится также монснй каштанъ, названный такъ благодаря сходству иглистаго плода съ плодомъ съѣдобнаго каштана; во всемъ остальномъ онъ рѣзко отличается отъ послѣдняго. Это дерево перенесено къ намъ изъ Азіи, но выдерживаетъ зиму на защищенныхъ мѣстахъ даже въ Петербургѣ и вырастаетъ большимъ деревомъ. Его листья пальчато-разсѣченные, сидящіе какъ у кленовъ, парами; соцвѣтіе въ видѣ свѣчей красиво убираетъ это дерево весною; цвѣты крупные, бѣлые; плодъ — деревянистая коробочка, покрытая мягковатыми шипами. Древесина мягкая, сѣмена идутъ въ кормъ скоту.

Изъ липъ главнымъ образомъ распространена мелколистная (*Tilia parvifolia* Ehrh.), листъ которой снизу гораздо свѣтлѣе и въ углахъ главныхъ жилокъ усаженъ пучечками бурыхъ волосковъ. У крупно-листной, встрѣчающейся дико рѣдко даже на Кавказѣ и почти исключительно въ садахъ, листъ съ обѣихъ сторонъ одинаково свѣтлозеленаго цвѣта, а волоски бѣлые, притомъ листъ гораздо крупнѣе и нѣжнѣе на ошупь. Липу легко отличить и зимою: сучья отходятъ подъ довольно острымъ угломъ, ихъ концы же тонки и гибки и свѣшиваются внизъ. Очень старая, выросшая на просторѣ, липа широко раскидываютъ свои сучья, такъ что ихъ можно принять за дубы, но по изогнутости концовъ (хотя это признакъ здѣсь и не такъ явственный) все-таки можно не ошибиться. Липа еще болѣе дуба расположена къ дупловатости, даже у молодыхъ является сердцевинная гниль, что уже указываетъ на непрочность ея древесины, и дѣйствительно она очень мягка и непрочна, но въ то же время легка, а поэтому хороша для внутреннихъ частей столярныхъ издѣлій, на легкіе ящики, деревянную посуду, ложки, кузовки экипажей и пр. Какъ топливо и какъ строевой лѣсъ, это малоцѣнная порода, вырочемъ крестьяне вслѣдствіе пахучести древесины ея охотно строятъ свои бани. Цѣнное примѣненіе липы — ея зубъ или лыко, употребляющееся въ громадныхъ количествахъ на мочальную издѣлія: рожи, цыновки, плетение лаптей („сосна кормитъ, липа обуваетъ“) и снастей, а липовые луки идутъ на покрывшя товары. Относительно свѣта и почвы липа не особенно възысательна; корни могутъ глубоко выдѣраться въ почву. Замѣчательна еще ея обильная побѣгопроизводительная способность: нерѣдко случается замѣтить, что у комля престаряются (она живетъ нѣсколько сотнями лѣтъ) липы еще выступаютъ новые побѣги. Въ цвѣткѣ всѣ части по пяти, только тычинки имѣются въ большемъ числѣ; цвѣты по нѣскольку сидятъ на длинной ножкѣ, снабженной блѣднымъ листочкомъ въ видѣ язычка, до половины къ ней приросшимъ. Плодъ вслѣдствіе незаростанія одногнѣздый и обыкновенно односѣмянный орѣшекъ. Цвѣты даютъ извѣстный потогонный чай, а липовый медъ славится своимъ ароматомъ. Листья распускаются на этой породѣ позже другихъ, равно какъ и цвѣты (обыкновенно въ іюлѣ, отчего и мѣсяцъ этотъ въстарину назывался *липецъ*).

Ясень легко узнать по непарно-перистымъ супротивнымъ листьямъ, а зимою по сѣрымъ, какъ будто тупо обрубленнымъ, вѣтвямъ и матово-черно опушеннымъ почкамъ. Цвѣты, собранные въ вѣтвистые пучки, крошечные и представляютъ обѣдненный типъ сирени; состоятъ они изъ одного пестика съ сердцевидно сдвоенною завязью и раздвоеннымъ рыльцемъ, а съ обѣихъ сторонъ пестика торчатъ двѣ тычинки. Впрочемъ, обыкновенно цвѣты разносоставные и на нѣкоторыхъ особяхъ появляются лишь мужскіе, на другихъ — женскіе; наконецъ встрѣчаются съ двуполоыми и однополоыми цвѣтами выѣсть. Пыльники до лонанія темно-фіолетоваго цвѣта, вслѣдствіе чего еще не раздвинутые мужскіе цвѣты нѣсколько сходны съ ягодками ежевики; тогда мужскіе недѣлимые кажутся усѣянными ягодками, не имѣя еще листьевъ, которые распускаются только послѣ цвѣтенія. Плодъ — крылатка; удлиненное плоское сѣмя, начиная съ основанія, заключено въ длинно вытянутое въ противоположную сторону крыло. Ясень на хорошей, плодородной, глубокой и свѣжей почвѣ (корни вонзаются глубоко) вырастаетъ въ стройное многосемянное дерево съ широко раскинутымъ шатромъ. Концы вѣтвей, особливо у деревьевъ средняго возраста, загибаются дугой не внизъ, а вверхъ, толстые же сучья отстоятъ взаимно довольно далеко. Это дерево доходитъ даже до Петербурга; на югѣ въ горахъ свѣняется остролиственнымъ (*Fraxinus oxuphylla* Marschall Bieberstein). Древесина его крѣпка, упруга, вязка и очень сухая (содержитъ не болѣе 35% воды), почему изъ свѣже-срубленныхъ вѣтвей легко разводитъ огонь; особенно много разрабатывается ясневая древесина столярами; дрова ясневые сухи, и даютъ много жару. Кора идетъ на дубленіе и употребляется вмѣсто хивы.

В. Грубе.

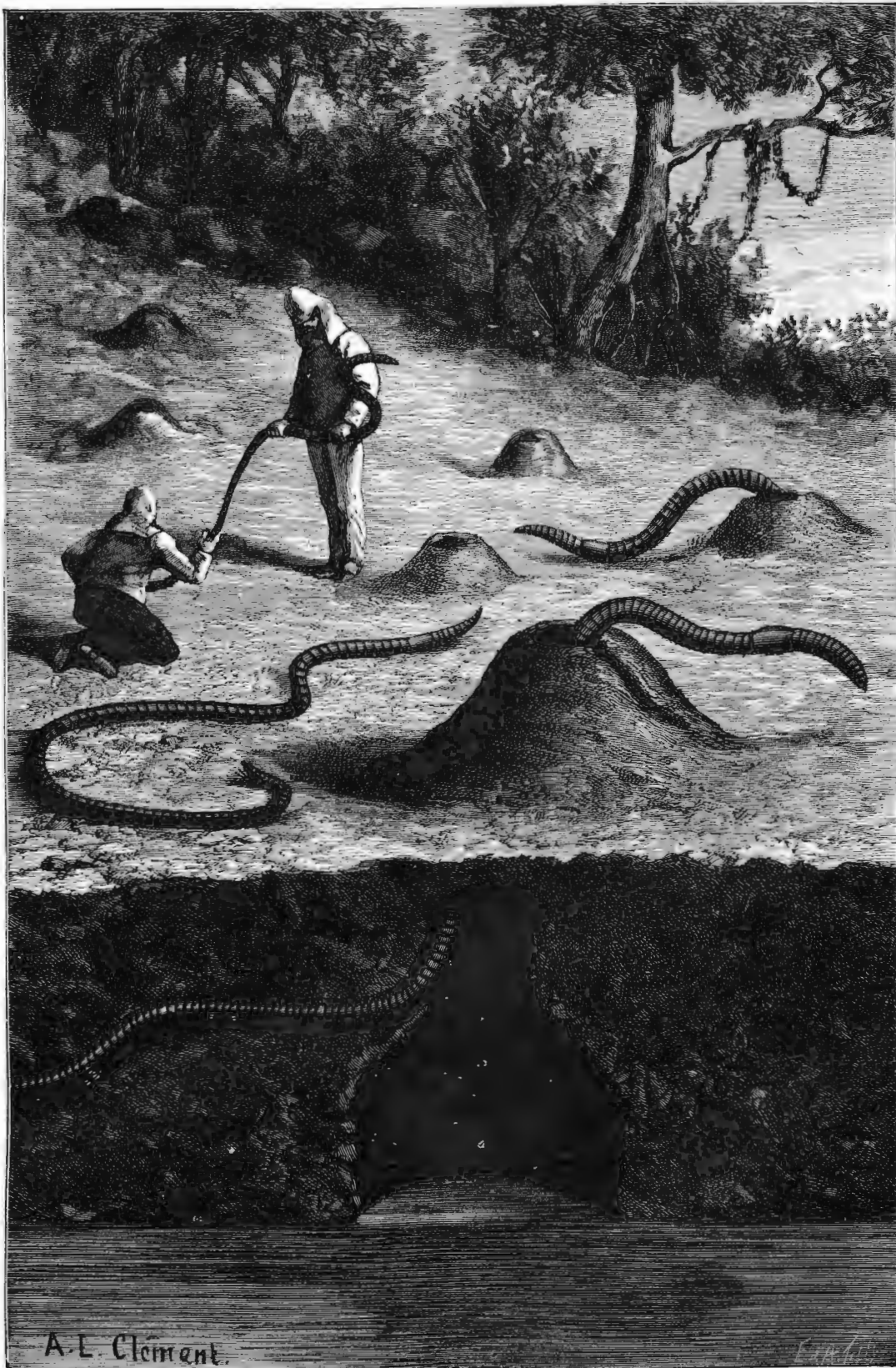
Къ рисункамъ.

Военно-Грузинская дорога. Анануръ.

(Рис. на стр. 673).

Въ 1784 году, непосредственно за ратификаціей трактата между

танное въ Запискахъ Историческаго Общества, о тогдашней поѣздкѣ по этому трудно доступному пути. Отъ Владикавказа до Ананура прошелъ онъ рядъ страшныхъ ужасовъ: дорога шла во многихъ мѣстахъ по карнизамъ скалъ, терлась въ

Австралійскій земляной червь (*Megascolides australis*), Рис. Клеманъ, грав. Тилли.

Екатериной II и Грузинскимъ царемъ Иракліемъ, командующій войсками на Кавказской линіи, графъ П. С. Потемкинъ, послалъ поручика Пшичевича черезъ горы въ Тифлисъ, съ извѣщеніемъ царя Ираклія о скоромъ своемъ къ нему прибытіи. Пшичевичъ былъ первый русскій офицеръ, оставившій намъ чрезвычайно интересное описаніе, недавно напеча-

лѣнныхъ дѣбрыхъ, находилась подъ грозой снѣжныхъ обваловъ и была такъ опасна, отъ безпрестанныхъ нападѣній лезгинъ, что опъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ терялъ надежду увидѣть Тифлисъ. Наконецъ, на шестой день подобныхъ мученій, подвезли его къ монастырю, расположенному на той сторонѣ перевала, въ мѣстности чрезвычайно живописной и по своей

растительности говорящей уже о южном климатѣ. Монастырь этотъ назывался Анапуромъ. Къ удовольствію своему нашелъ онъ тутъ часть русскихъ егерь изъ отряда Бурнашева, которые успѣли уже устроиться по-русски, а рядомъ съ ихъ жильемъ начинало зарождаться и мѣстечко. Отъ Анапура онъ доѣхалъ уже безпрепятственно до Тифлиса. Съ того времени и началъ этотъ этапъ Военно-грузинскаго пути имѣть свое значеніе, тутъ построился рядъ духановъ и домиковъ, а когда князь Барятинскій проложилъ превосходное шоссе отъ Тифлиса до Владикавказа, то одну изъ станцій на немъ сдѣлалъ Анапуръ. Туристы, восхищающіеся замѣчательною живописностью нашей Военно-грузинской дороги, ѣздятъ по ней не спѣша и въ особенности любятъ Млетъ, Пассанауръ и Анапуръ — три станціи, на которыхъ они чаще всего останавливаются.

Лѣтній день. (Рис. на стр. 676).

„Не бойся!“ услыхалъ я въ шепотѣ листовъ:
 „Чудеснаго не жди въ тѣни моихъ кустовъ!“
 „Русалка никогда подъ купою березъ
 „Не выжимала здѣсь своихъ зеленыхъ костей,
 „И никогда въ тѣни моихъ родныхъ дубовъ.
 „Не встрѣтишь ты лѣсныхъ, уродливыхъ духовъ.
 „Но слушай, слушай ты, что я тебѣ шепчу!
 „Ты можешь встрѣтить здѣсь красавицу одну,
 „Одну красавицу изъ ближняго села...
 „Она свѣжа какъ май, какъ юноша смѣла...
 „Она садится здѣсь на край гнилаго ина,
 „Къ ладони жаркую головку приклони;
 „Она садится здѣсь печальна и одна,
 „Въ neodолжимыя мечты погружена,
 „И долго слушаетъ какъ соловей гремитъ—
 „И не по твоему желаетъ и груститъ.
 „Но не спѣши бѣжать навстрѣчу къ ней!..
 „Всѣхъ сказочныхъ чудесъ—повѣрь!—она страшнѣй;
 „И можетъ-быть, увя!“ шепталъ мнѣ лѣсъ густой,
 „Ты отъ меня уйдешь съ мучительной тоской,
 „И для души твоей придетъ пора чудесъ,
 „Пора такихъ чудесъ, какихъ не знаетъ лѣсъ.“

Я. Полонскій.

Римская матрона въ термахъ. (Рис. на стр. 677).

У римлянъ термами назывались обширныя публичныя бани. Въ нихъ, на ряду съ разными приспособленіями для купанья, устраивали помѣщенія для тѣлесныхъ упражненій, для бесѣдъ, для прогулокъ и научныхъ лекцій. При термахъ были библиотеки и собранія произведеній искусствъ; въ нихъ сходились чтобы провести время праздные римляне и римлянки. Онѣ отстраивались съ замѣчательною роскошью и развалины ихъ до сихъ поръ вызываютъ удивленіе туристовъ. Первые роскошныя термы были предоставлены на всеобщее пользованіе въ Римѣ при Августѣ на Марсовомъ полѣ. Тамъ-же были построены термы Нерономъ, возобновленны Александромъ Северомъ. Самыя роскошныя термы были воздвигнуты Каракаллою къ юго-востоку отъ Авентинскаго холма и Діоклеціаномъ въ восточной части Квиринала. Развалины ихъ представляютъ до сихъ поръ величественное зрѣлище.

Веселый мальчуга. (Рис. на стр. 681).

Художники Дворакъ, Стукъ и Край, извѣстны какъ талантливые рисовальщики дѣтей, съ ихъ горемъ и радостями, во всевозможныхъ проявленіяхъ изобрѣтательности дѣтскаго ума, при самой простой, нехитрой обстановкѣ. Какъ образецъ подобныхъ произведеній, мы помѣщаемъ на стр. 681 рисунокъ перваго изъ помянутыхъ живописцевъ. На немъ изображенъ шалунъ-мальчикъ, который надѣлъ на себя чью-то чужую, слишкомъ большую шляпу и, весело улыбаясь, очень доволенъ своей выдумкой.

Видъ Китаева. (Рис. на стр. 684).

Окрестности поселя Китаева и Китаевской пустыни, находящейся въ десяти верстахъ отъ Кіева, принадлежатъ къ числу живописнѣйшихъ въ Россіи. Дорога къ нимъ идетъ съ горъ Кіевскихъ, на берегъ Днѣпра, ниже монастыря Выдубицкаго, на устьѣ Лыбеди, а оттуда вдоль самой рѣки подъ навѣсомъ утесовъ. Преданіе гласитъ, что окрестность пустыни Китаевской была любимымъ мѣстомъ отдохновенія князя Андрея Боголюбскаго; здѣсь будто-бы находился загородный домъ его, называвшійся въ простонародіи Китаемъ, отъ чего и пустыня получила де свое наименованіе. Съ вершины горы, на которой доселѣ еще показываютъ мѣсто дворца великокняжескаго, сквозь чащу лѣса прорывается очаровательный видъ на синюю струю Днѣпровскую и необъятный горизонтъ черниговской дебри, изображенный нашимъ художникомъ.

Разоренная татарами, обитель Китаевская обновлена въ началѣ XVIII в. кіевскимъ намѣстникомъ, кн. Голицынымъ, во имя Преподобнаго Сергія.

Крестьянская свадьба въ Сербіи. (Рис. на стр. 685).

У сербскихъ простолудиновъ браки совершаются не столько по сердечному влеченію, сколько изъ матеріальныхъ расче-

товъ семействъ жениха и невѣсты. Когда сватовство слажено сватами, назначается для бракосочетанія одинъ изъ праздниковъ или воскресныхъ дней. Невѣста, въ сопровожденіи друзей, родственниковъ и другихъ близкихъ лицъ, отправляется на лошади торжественнымъ поѣздомъ съ музыкантами или даже съ однимъ волынщикомъ къ дому жениха. Братья невѣсты въ пріятныхъ выраженіяхъ передаютъ невѣсту жениху. Послѣ того отправляются въ церковь. Тамъ, во время бракосочетанія, священникъ соединяетъ бѣлыми платкомъ руки невѣсты и жениха, послѣ чего шафера покрываютъ головы вѣнчающихся тяжелою тканью, предназначенною невѣстѣ въ подарокъ, а сверху надѣваютъ вѣнцы; священникъ надѣваетъ на указательные пальцы лѣвой руки обручальныя кольца. Окончаніе вѣнчальнаго обряда возвѣщается населенію музыкою и пистолетными выстрѣлами. На обратномъ пути изъ церкви всѣ предаются необузданному веселью и свадебный поѣздъ участниковъ, въ живописныхъ и своеобразныхъ нарядахъ, представляетъ красивую картину, какъ это можно видѣть на стр. 685. Въ домѣ невѣсты ея мать встрѣчаетъ молодыхъ, предлагая имъ съ благословеніями хлѣбъ и вино, послѣ чего всѣ присутствующіе садятся за столъ. При разставаніи молодая цѣлуетъ всѣхъ гостей въ лѣвую щеку, за что тѣ одариваютъ ее деньгами.

Австралийскій червь (Megascolides australis).

(Рис. на стр. 689).

Въ южной Африкѣ и Австраліи водятся дождевые черви огромной величины. О самомъ большомъ изъ видовъ, встрѣчающихся въ Гипсландѣ (въ Австраліи), сдѣлано недавно сообщеніе профессоромъ зоологии Мельбурнскаго университета Балдвинномъ Спенсеромъ. Червякъ этотъ (Megascolides Australis) достигаетъ длины шести англійскихъ футовъ; его находятъ на обрывистыхъ берегахъ рѣчонковъ и подъ срубленными стволами деревьевъ, а иногда вырываютъ плугомъ изъ земли. Вѣрнѣйшимъ признакомъ присутствія червя подъ землей служитъ ясно слышимое клохтанье, производимое пресмыкающимся, когда наступитъ на землю ногой. Червякъ живетъ чаще всего въ мѣстахъ, гдѣ земля изрыта кротовыми норами. Кротъ вырываетъ узкія земляныя ходы, ведущія въ болѣе широкомъ помѣщеніи, пересѣченное во всѣхъ направленіяхъ ходами червя. При входѣ въ нору, находится почти всегда большая конусообразная куча помета, принадлежащая однако не червю, а кроту; что касается перваго, то, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, въ противоположность нашему дождевому червю, онъ никогда не оставляетъ своего помета на поверхности почвы. Куда дѣвается то огромное количество земли, которое онъ, при наступательномъ движеніи впередъ, пропускаетъ сквозь свое тѣло, пока еще не изслѣдовано. Между тѣмъ какъ наши дождевые черви перетаскиваютъ въ свои норы листья и другія части растеній, въ австралийскомъ червѣ не наблюдалось ничего подобнаго. Вытащить его изъ норы цѣлкомъ чрезвычайно трудно. Если разрыть ходъ, червякъ съ величайшей быстротой уходитъ въ землю, издавая вышеупомянутое своеобразное клохтанье. Если его схватить по срединѣ тѣла, то онъ прицѣпится обоими концями къ стѣнкамъ норы съ такой силой, что его легче перервать пополамъ, чѣмъ оторвать отъ земли. Ходы, имѣющіе $\frac{3}{4}$ д. въ діаметръ, внутри смазаны слизистою жидкостью, выступающей изъ спинныхъ поръ червя и облегчающей ему движеніе впередъ. Движеніе это происходитъ такимъ образомъ, что червь поднимаетъ сначала одинъ конецъ тѣла и, держась въ такомъ положеніи, съ силой притягиваетъ остальную часть корпуса; при слѣдующемъ движеніи другой конецъ подымается и служитъ точкой опоры, остальная часть корпуса вытягивается впередъ. Эта смѣна движеній происходитъ такъ быстро, какъ будто червякъ равномерно переступаетъ ногами. Въ нору, когда тѣло его не находится на всемъ своемъ протяженіи въ соприкосновеніи съ землей, червякъ не дѣлаетъ попытокъ къ движенію и лежитъ въ бездѣйствіи. Запахъ его напоминаетъ креозотъ, а когда червь разлагается, то образуетъ маслянистую жидкость, которую туземцы пользуютъ какъ средствомъ противъ ревматизма. Домашнія птицы не употребляютъ въ пищу этого вида червей ни живыми, ни мертвыми. (с.)

Подъемныя средства на башню Эйфеля.

(Рис. на стр. 692 и 693).

Подъемныя средства на Эйфелеву башню весьма разнообразны; на вкусъ каждого найдется особый способъ. Прежде всего—знаменитыя лѣстницы перваго этажа, которыя, благодаря низкимъ ступенямъ, частымъ площадкамъ и постоянно смѣняющейся панорамѣ вокругъ, не вызываютъ никакого утомленія. Всѣ, поднимавшіеся по нимъ, единогласно утверждаютъ, что достигъ этого этажа гораздо легче, чѣмъ подняться на пятый этажъ многихъ парижскихъ домовъ. Такихъ лѣстницъ четыре; онѣ расположены между четырьмя столбами. Другія четыре лѣстницы ведутъ изъ перваго этажа во второй; эти послѣднія виты и менѣе отлоги. Отъ втораго этажа до верху имѣется еще 160 метровъ винтовой лѣстницы, но она предназначается исключительно для служебныхъ цѣлей. Посѣтители же, для того чтобы подняться въ третій этажъ, въ знаменитую залу съ зеркальными стѣнами, имѣющую болѣе 25

аршинъ длины и ширины, должны прибѣгать къ помощи подъемныхъ машинъ. На первый и второй этажъ можно также, помимо лѣстницъ, подниматься на такихъ же машинахъ. Способъ этотъ предпочитается многими, ради сбереженія времени и усилія, а также ради ознакомленія съ новымъ ощущеніемъ — подниматься въ пространство безъ сотрясенія, толчковъ и всего того, что могло бы нарушить иллюзію какъ бы убѣгающаго отъ насъ міра... Ощущеніе это можетъ сравниться съ путешествіемъ на воздушномъ шарѣ, въ саняхъ или на пароходѣ, по совершенно гладкой поверхности воды и при полномъ отсутствіи вѣтра. Между этажами башни находится въ дѣйствиіи три системы подъемныхъ машинъ. Двѣ изъ нихъ, системы Ру-Комбалюзье и Лепанъ, поддерживаютъ сообщеніе только съ первымъ этажемъ. Двѣ другихъ, американской системы Отиса, по желанію поднимаютъ пассажировъ почти моментально въ первый и второй этажъ. Отъ второго этажа къ вершинѣ башни ведетъ одна только машина, системы Эду, которая съ послѣдней выставки не переставала работать въ Трокadero и пользовалась большимъ успѣхомъ.

Двигателемъ всей системы машинъ является давленіе воды, которая дѣйствуетъ изъ резервуаровъ, находящихся во второмъ этажѣ и даже наверху башни. Верхняя цистерна можетъ вмѣщать не менѣе 20,000 литровъ воды. Локомобиль, помѣщаемый въ подошву башни, безостановочно поднимаетъ воду въ названные бассейны, такъ сказать, сифонными трубами, изъ которыхъ она будетъ расходоваться по мѣрѣ надобности.

Большинство подъемныхъ системъ, дѣйствующихъ вертикально, неудобопримѣнимы для нижнихъ этажей башни. Ходы оставленные для подъемовъ въ столбахъ, не только наклонны, но, между первымъ и вторымъ этажемъ, имѣютъ даже значительный изгибъ. Верхній подъемъ, хотя и вертикаленъ, но встрѣчаетъ также не совсѣмъ обыкновенныя условія. Чтобы справиться со всѣми этими затрудненіями, пришлось придумать новыя комбинаціи.

Общество Ру-Комбалюзье и Лепанъ установило, какъ мы уже говорили, двѣ машины идущія только до первого этажа. Каждый изъ этихъ подъемовъ имѣетъ по двѣ безконечныя цѣпи, состоящая изъ толстыхъ желѣзныхъ звеньевъ около метра длины. Обѣ цѣпи идутъ параллельно и дѣйствуютъ совершенно одинаково. По мѣрѣ того какъ звено одной цѣпи подвигается впередъ, подвигается и соответственное звено другой цѣпи.

Каждая цѣпь помѣщена между двухъ рельсовъ (катковъ), которые не позволяютъ ей скатиться внизъ. Звено цѣпи попадаетъ въ колесико съ углубленіемъ, подобно тому какъ при четырехугольныхъ колесахъ, вокругъ которыхъ вращается такъ-называемая древогая цѣпь.

Самымъ интереснымъ въ этой системѣ является тотъ способъ, которымъ дѣйствуютъ колеса; а именно: они не перетаскиваютъ цѣпь черезъ верхній валежъ, а подталкиваютъ отдѣльныя звенья цѣпи снизу вверхъ. Такимъ образомъ цѣпь, или лучше сказать обѣ цѣпи, могли бы, хотя это совершенно невѣроятно, повратиться, безъ всякаго вреда для пассажировъ. Камера продолжала бы двигаться вверхъ подталкиваемая обрывками цѣпи, оставшимися между рельсами. Быстрота подъема при этой системѣ достигаетъ одного метра въ секунду, следовательно, весь путь продолжается одну минуту. Двухъэтажная камера подымаетъ 200 персонъ сразу.

Кому угодно во второй этажъ! Здѣсь уже все чисто по американски: всѣ торопятся, слышать. Во второй этажъ машина подымается во столько же времени, сколько требуется для подъема въ первый этажъ. Камера, по системѣ Отиса, поднимается по наклонному и дугообразному пути посредствомъ весьма простаго механизма. А именно: кабель, дойдя до находящейся во второмъ этажѣ катушки, снова опускается къ землѣ и здѣсь наматывается на исполнивскій блокъ, каждая отдѣльная часть котораго или каждая катушка, если можно такъ назвать

ее, состоитъ изъ 6 колесъ въ 14 метровъ діаметромъ. Сильные автоматическіе тормазы служатъ предупрежденіемъ всякой опасности; къ тому же система Отиса не нова и давно уже испробована.

То же самое можно сказать и о третьей машинѣ, системы Эду, которую надо пользоваться для подъема на третій этажъ, въ знаменитую стеклянную залу, изъ которой зритель, защищенный отъ вѣтра, можетъ наслаждаться несравненно панорамой, разстилающейся на 100 километровъ вокругъ. Машина Эду, дѣйствующая въ значительномъ числѣ парижскихъ домовъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ металлическаго стола, на верхнемъ концѣ котораго утверждена камера; другой конецъ его движется въ пустомъ цилиндрѣ, который помѣщается подъ землей, на подобіе колодца. Вода, нагнетаемая въ цилиндръ, поднимаетъ кверху, подобно поршню, металлическій стержень, а следовательно и самую камеру съ ея грузомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что для машины Эду требуется глубина ниже исходной точки, равная той высотѣ, на которую онъ долженъ подняться. Геніальная идея, положенная въ основаніе устройства 3-го подъема, состоитъ именно въ томъ, что эту исходную точку нашли возможнымъ принять на половинѣ всего пробѣгаемаго пути. Разсматривая внимательно башню, можно замѣтить внутри, около восьмого колѣна верхней части, небольшую террасу; отсюда и начинается подъемъ машины Эду. Ниже террасы, подобно колодезю, помѣщается пустой цилиндръ съ металлическимъ стержнемъ, поднимающимъ камеру до стеклянной залы. Укрѣпленная на металлическомъ поршнѣ камера соединена съ кабелемъ, перекинутымъ черезъ катушку на вершинѣ башни. Къ другому концу этого кабеля прикреплена другая камера, которая, по мѣрѣ поднятія первой, опускается, и наоборотъ. Длина кабеля между прочимъ такъ рассчитана, что въ тотъ моментъ когда металлическій поршень весь войдетъ въ цилиндръ, или, другими словами, когда машина находится на нижнемъ концѣ своего пути, обѣ камеры останавливаются въ среднемъ этажѣ одна возлѣ другой. Но вотъ машина приводится въ дѣйствіе; первая камера поднимается, вторая, вслѣдствіе того, опускается и, такъ какъ терраса находится какъ разъ по серединѣ пробѣгаемаго пути, то первая камера достигаетъ стеклянной залы въ тотъ моментъ, когда вторая опустится во второй этажъ. Здѣсь она принимаетъ пассажировъ, между тѣмъ какъ первая всегда возвращается порожнею. Обѣ камеры останавливаются въ среднемъ этажѣ; пассажиры второй пересаживаются въ первую и поднимаются на вершину, пройдя путь въ 160 метровъ въ два этапа. Эти камеры не имѣютъ ничего общаго съ тѣми коробками, въ которыя сажаютъ пассажировъ при обыкновенныхъ подъемныхъ машинахъ. Онѣ поднимаютъ по 63 человека заразъ, и все путешествіе взадъ и впередъ продолжается не болѣе 5 минутъ. Переходъ изъ одной камеры въ другую, въ видахъ порядка и сбереженія времени, устроенъ такъ, что пассажиры входятъ съ одной стороны, а выходятъ съ другой.

Система сильныхъ тормазовъ и здѣсь, какъ и при другихъ подъемахъ, предупреждаетъ всякую опасность. Самое неприятное, что можетъ постигнуть пассажировъ, это — остановка на полъ-пути въ ожиданіи помощи съ внутренней лѣстницы. И такъ резюмируемъ: башня Эйфеля, кромѣ лѣстницъ, имѣетъ пять подъемныхъ машинъ. Онѣ такъ рассчитаны, чтобы доставлять въ часъ 2,350 персонъ въ первый и второй этажи и 750 на вершину башни.

По лѣстницамъ и по машинамъ могутъ одновременно подниматься на башню до 5,000 человекъ въ часъ, и при помощи обоихъ подъемовъ Отиса и Эду, достигнуть вершины башни можно въ 5 минутъ. Для производствъ всей работы, т. е. подъема должнаго количества воды въ верхніе резервуары, требуется 400 лошадиныхъ силъ. Подъемы эти будутъ, по всей вѣроятности, играть не послѣднюю роль въ ряду тѣхъ чудесъ механики, которыя предстоитъ увидѣть тѣмъ кто побываетъ лѣтомъ текущаго года на Марсовомъ полѣ.

Политическое обозрѣніе.

Тревожное и не вполне благоприятное впечатлѣніе, произведенное тронною рѣчью императора Франца-Иосифа при приемѣ австро-венгерскихъ делегацій, совершенно исчезло, отчасти благодаря личнымъ объясненіямъ Австро-Венгерскаго императора, которыми онъ сообщилъ депутату Демелю, въ бесѣдѣ съ нимъ, отчасти сообщеніямъ графа Кальноки передъ делегаціями, а главнымъ образомъ — настоящему положенію дѣлъ. Только на болгарское правительство австрійская тронная рѣчь произвела пріятное впечатлѣніе, о чемъ слышитъ сообщитъ австро-венгерская печать. Пештская оффиціозная *Nemzet* присовокупляетъ, что Стамбуловъ посылалъ выразить Вѣнскому двору признательность принца Фердинанда и свою собственную за милое отношеніе императора къ Болгаріи. Рядомъ съ этимъ нельзя обойти молчаніемъ, что при объясненіяхъ графа Кальноки предъ делегаціями Венгерскаго сейма, многие изъ особенно ретивыхъ депутатовъ не могли удержаться отъ оживленныхъ и воинственныхъ рѣчей, не вполне гармонизировавшихъ съ примирительнымъ тономъ сообщенія Кальноки. *Journal de S.-Pé-*

tersbourg говорить по этому поводу: „Послѣ делегацій австрійской гр. Кальноки долженъ былъ поддерживать свою политику передъ делегаціею венгерскою. Парламентскія пренія въ этомъ собраніи отиѣчены, по обыкновенію, большимъ оживленіемъ, чѣмъ въ собраніи делегатовъ другой половины монархія, причѣмъ и въ фантазіи тоже въ нихъ недостатка не бываетъ. Одинъ изъ наиболѣе блестящихъ ораторовъ оппозиціи, графъ Альбертъ Аппонъ, отдавая справедливость заслугамъ графа Кальноки, заявилъ о желаніи видѣть политику болѣе рѣшительною и болѣе увѣренною въ самой себѣ: онъ желалъ бы именно, чтобы Австрія поддержала короля Милана. Не совсѣмъ понятно, какими образомъ эта поддержка могла бы осуществиться и какимъ образомъ иностранная держава могла бы помѣшать главѣ независимаго государства отказаться отъ короны, если имъ это признано необходимымъ: собственные интересы этого главы государства, разумѣется, ему самому не менѣе дороги, чѣмъ кому бы то ни было другому... Другой ораторъ, г. Анбогъ, повидимому, совсѣмъ забылъ, что Сербія и Румынія государства не-

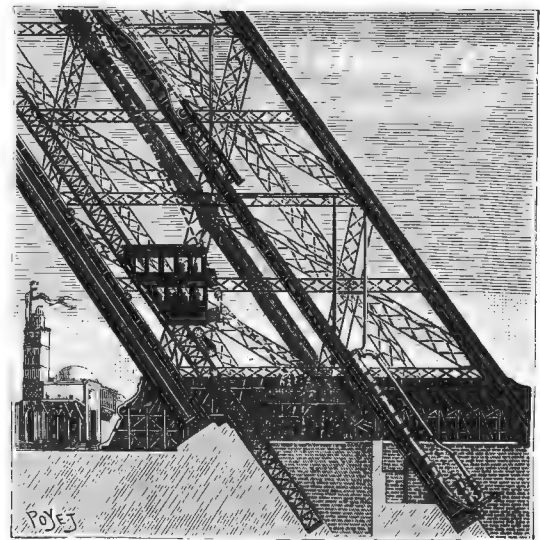
зависимы и имѣютъ прежде всего обязательства передъ самими собой. Онъ распредѣлилъ по своему тѣ 200 тысячъ чело-

своихъ собственныхъ интересовъ. Гр. Кальноки возобновилъ свои предшествовавшія объясненія и, отвѣчая одному делегату, подъявшему болгарскій вопросъ, просилъ, чтобы этотъ вопросъ оставленъ былъ въ сторонѣ, напомнивъ при этомъ, что требуется признаніе всѣхъ державъ для того, чтобы придать легальный характеръ нынѣшнему болгарскому режиму. Скажемъ со своей стороны, что въ томъ, что касается этой несчастной страны, точка зрѣнія Россіи, основанная на правѣ и уваженіи къ трактатамъ, хорошо извѣстна всѣмъ: намъ не зачѣмъ къ ней возвращаться. Обсужденія иностранныхъ дѣлъ въ венгерской делегаціи окончились утопическимъ желаніемъ депутата Чернатони организовать европейскій конгрессъ для разрѣшенія спорныхъ между великими державами вопросовъ.

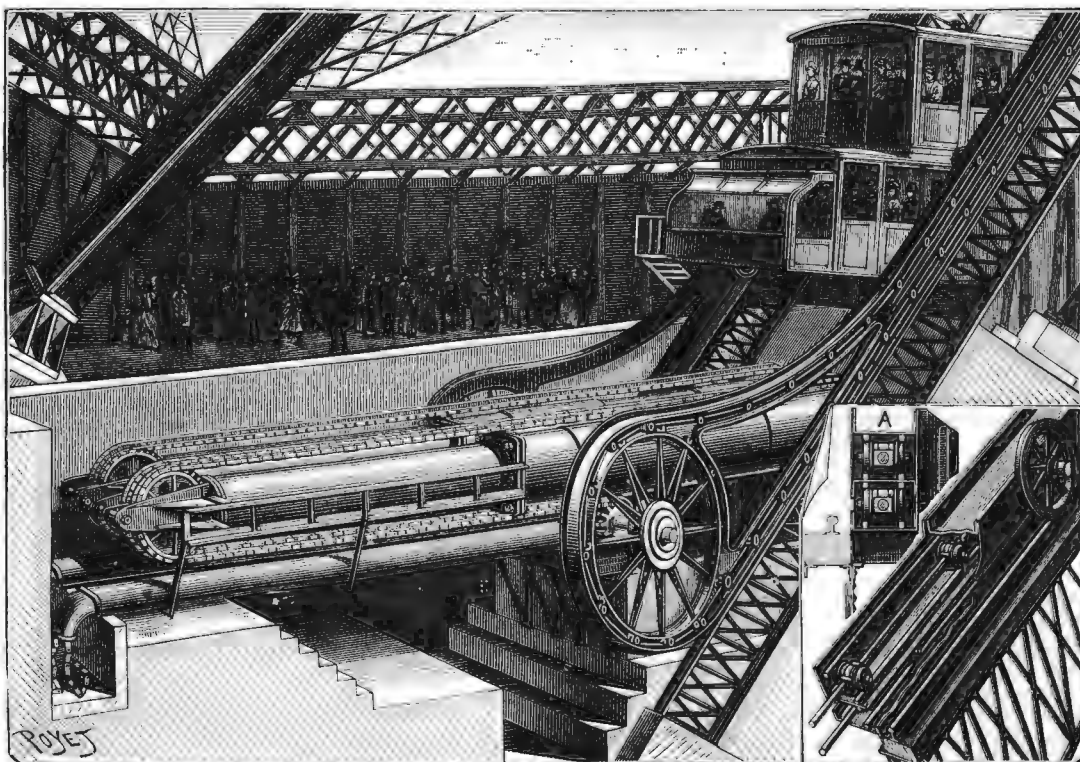
Вслѣдъ за этими событиями, маленькая Сербія, сильно обезпокоивающая въ настоящее время свою сосѣдку Австрію, отпраздновала 500-лѣтнюю годовщину Коссовской

Всемирная Парижская выставка 1889. Разрѣзъ подъемной машины Отиса на башнѣ Эйфеля. Грав. Пойэ.

Всемирная Парижская выставка 1889. Нижний механизмъ подъемной машины Отиса. Грав. Пойэ.

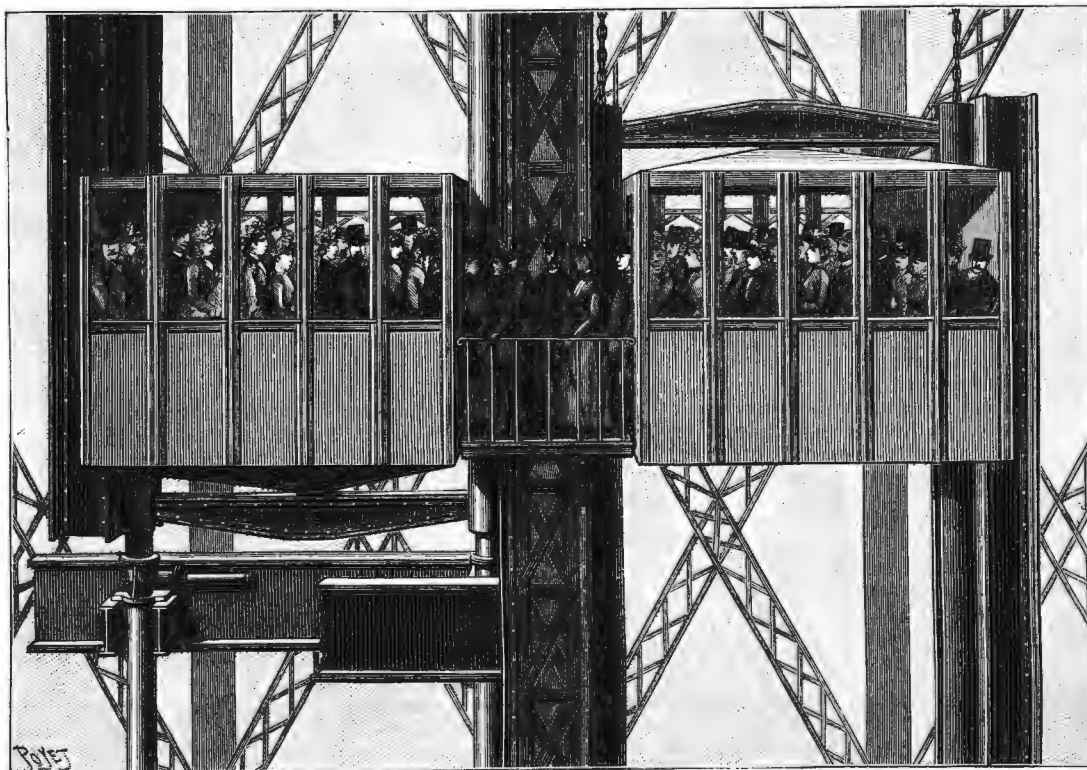
Всемирная Парижская выставка 1889. Механизмъ подъемной машины Ру-Комбалузье и Лепала на первомъ этажѣ башни. Грав. Пойэ.

вѣкъ, которые составляютъ арміи этихъ двухъ странъ, и желалъ бы дать имъ назначеніе, для котораго отнюдь, какъ кажется, не созданы эти арміи. И сербы и румыны вѣдь, безъ всякаго сомнѣнія, содержатъ свои арміи для защиты только

битвы и торжественно муромазала своего юнаго короля Александра. Пять столѣтій тому назадъ на Коссовскомъ полѣ, у самой границы Сербіи съ Босніей, 15 іюня произошла знаменитая битва между турками, подъ водительствомъ Мурада I, и сербами,

во главѣ которыхъ былъ царь Лазарь. Въ битвѣ пали оба предводителя и съ того времени начался упадокъ могущества Сербскаго королевства. Торжественное воспоминаніе этого событія, являющагося какъ бы послѣднимъ проявленіемъ нѣкогда сильнаго королевства, состоялось въ Крушевицѣ, старинномъ и прежде славномъ городѣ. Нынѣ Крушевица небольшой провинціальный городокъ, въ которомъ не насчитываютъ и 5,000 жителей, но въ день торжества население его удвоилось, а праздникъ если и не отличался особенною пышностью, то во всякомъ случаѣ надолго останется у многихъ въ памяти по счой задумчивости и патриархальности. Въ Крушевицѣ король встрѣтилъ восторженно. На триумфальной аркѣ написаны были названія всѣхъ земель стараго Сербскаго царства. Королю бросали подъ ноги цвѣты и вѣнки. Въ церкви царя Лазаря коро-

танія, а королю могущества и славы. Тостъ этотъ былъ принятъ восторженно; по требованію присутствовавшихъ, оркестръ исполнилъ русскій гимнъ, прослушанный гостями стоя, послѣ чего раздались „живіо“. Въ 10 часовъ было факельное шествіе ко дворцу. Въ другихъ мѣстахъ королевства сербы также отпраздновали этотъ день; только ихъ соплеменники, живущіе въ предѣлахъ Австро-Венгерской монархіи, были лишены возможности справить свой національный праздникъ. Во избѣжаніе якобы демонстрацій въ велико-сербскомъ духѣ, были приняты полицейскія мѣры, не разрѣшавшія сербамъ Хорватіи, Венгріи, Босніи и Герцеговины отпраздновать этотъ великій для нихъ день. Въ печати и въ населеніи высказывается сильное негодованіе противъ Австріи по поводу принятыхъ ею самыхъ крутыхъ мѣръ, съ цѣлью пресѣчь всякое участіе мѣст-

Всемирная Парижская выставка 1889. Подъемная машина Эду со второго на третій этажъ башни. Грав. Пойе.

ли встрѣтилъ митрополитъ Михаилъ съ епископомъ Геронимомъ и духовенствомъ, съѣхавшимся изъ всѣхъ церквей и монастырей времени царя Лазаря. Коссовское торжество началось всеобщимъ бѣднѣемъ. Городъ покрылся траурными флагами. Стеченіе народа было громадное. 16 іюня городъ украсился, вмѣсто траурныхъ, національными флагами. До полудня состоялась закладка пороховаго завода. Первый камень положилъ король. Послѣ полудня былъ концертъ всѣхъ хоровъ для сбора на Косовскій памятникъ. Въ 7 часовъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ король, высшее духовенство, сановники и иностранные гости. Первый тостъ былъ провозглашенъ въ честь короля головою древней Сербской столицы, который выразилъ желаніе, чтобы при королѣ Александрѣ возобновилась славная эпоха стараго Сербскаго царства. По повелѣнію короля, отвѣчалъ генералъ Груичъ. Онъ сказалъ, что завѣтное желаніе Сербскаго народа можетъ осуществиться только при безграничной преданности трону, согласіи въ народѣ и его единодушій. Отъ имени иностранныхъ гостей провозгласилъ тостъ корреспондентъ *Times*, а отъ русскихъ гостей говорилъ профессоръ Кулаковскій, пожелавшій сербскому народу единенія и процвѣ-

нхъ сербовъ въ народномъ праздникѣ Сербіи. Въ Панчовѣ православное населеніе, собиравшееся на панихиду по коссовскимъ героямъ, было разогнано полиціей при участіи войскъ. Вѣсть объ этомъ происшествіи произвела здѣсь потрясающее впечатлѣніе. Затѣмъ, во вторникъ, 20 іюня, состоялась обрядъ миропомазанія Сербскаго короля Александра I въ Кралевѣ. Туда прибылъ русскій посланникъ для присутствованія при миропомазаніи короля. Посланника встрѣтили за городомъ власти и адъютантъ короля. По прибытіи посланника въ отведенное ему помѣщеніе пѣвческое общество пропѣло русскій гимнъ, народъ кричалъ „ура“. Затѣмъ король принялъ посланника въ аудіенціи. При провѣдѣ и отбѣдѣ посланника оркестръ исполнилъ русскій гимнъ, сопровождавшійся народнымъ „ура“. *Journal de St.-Petersbourg* привѣтствуетъ вѣнчаніе на царство короля Сербіи Александра слѣдующими строками: „Россия принимаетъ слишкомъ горячее участіе во всемъ, что касается судьбы Сербскаго народа, почему и искренно желаетъ счастья и благоденствія царствованію юнаго государя, присоединилась къ чувствамъ, кои преисповзываютъ сердца всѣхъ вѣроподобныхъ короля Александра“.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

При этомъ №. прилагается для гг. подписчиковъ четвертое бесплатное приложение:

„ВАЖНѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРЕВЕСНЫЯ ПОРОДЫ“,

художественно исполненное и отпечатанное 12-ю красками на лучшей веленовой бумагѣ. Настоящій №. для отдѣльной продажи отпускается безъ этого приложенія, которое продается отдѣльно по 50 коп. за экз.; съ перес. накатан. на скалку 75 коп.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 17 іюня, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ изволилъ прибыть въ Петергофъ изъ Штутгарта.

— 18 іюня, въ 11 часовъ 30 минутъ утра, Ихъ Императорскія Величества, вмѣстѣ съ Королевою Греческою, Вел. Кн. Михаиломъ Александровичемъ, Вел. Княжною Ксенією Александровною, Е. И. В. Герцогинею Эдинбургскою, королевичемъ и королевной Греческими и принцемъ Ольденбургскимъ, изволили отбыть изъ Петергофа на Императорской яхтѣ въ финляндскія шхеры.

— Торжественный вѣздъ высоконазаченной невѣсты Великаго Князя Петра Николаевича княжны Милицы Николаевны Черногогорской въ Петербургъ состоится въ іюль мѣсяцѣ съ Николаевского вокзала.

Правительственныя распоряженія.

— Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлано распоряженіе о доставленіи губернскими административными властями свѣдѣній:

а) о размѣрѣ принадлежащихъ отдѣльнымъ сельскимъ и волостнымъ обществамъ мірскихъ капиталовъ; б) объ источникахъ, изъ которыхъ образовались мірскіе капиталы, и в) о порядкѣ хранения и расходования мірскихъ капиталовъ и о томъ назначеніи, какое дадутъ имъ волостныя и сельскіе сходы.

— Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предписало административнымъ властямъ губерній немедленно озаботиться о своевременномъ пополненіи хлѣбозапасныхъ магазиновъ.

— Въ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ разрабатывается вопросъ о реформѣ нынѣшнихъ дворянскихъ депутатскихъ собраній въ Западномъ краѣ.

Дѣла церкви.

— Въ Харьковѣ, 19 іюня, на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда, состоялась закладка деревяннаго храма, сооруженнаго при возникающемъ тамъ Спасовомъ скитѣ. Храмъ будетъ готовъ въ августѣ. Монастырскія кельи и гостиница строятся. Недалекъ отъ Спасова скита будутъ расположены молитвенныя и благотворительныя учрежденія.

— На мѣсто скончавшагося 22 мая преосвященнаго Варлаама, епископа Минскаго, назначается епископъ Орловскій Симеонъ, а на Орловскую кафедру переводится епископъ Дмитровскій Мисаилъ, первый викарій Московской епархіи.

— 14 минувшаго мая, въ Малодорогостай-

скомъ приходѣ, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи, приняли православіе 11 чеховъ поселка Подгаецъ. 29 мая, въ томъ же приходѣ приняли православіе 13 чеховъ. Можно разсчитывать, что скоро здѣсь закончится дѣло воссоединенія чеховъ.

— Училищный совѣтъ при Св. Синодѣ, чтобы привлечь кандидатовъ священства къ болѣе охотному служенію народному образованію, выработываетъ проектъ о зачисленіи школьной службѣ учителей церковно-приходскихъ школъ изъ воспитанниковъ семинарій въ срокъ службы церковной.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ Муганской степи производились опыты разведенія американскаго хлопка. Нынѣшнею весною посѣвы расширены.

— Нынѣшнимъ лѣтомъ, спросъ на русскіе крахмальныя продукты за границу значительно увеличился. Они требуются преимущественно въ Англію.

Искусства изобразительныя.

— Московское общество любителей искусства открыло въ нынѣшнемъ году конкурсъ на слѣдующія преміи: за жанровую живопись—въ 400, 250 и 150 руб.; за пейзажную—въ 250, 150 и 100 руб.; за портретную—въ 150 руб. Участвовать въ конкурсѣ могутъ только русскіе художники, учившіяся живописи въ своемъ отечествѣ. Послѣднимъ срокомъ доставленія конкурсныхъ произведеній въ общество назначено 5 декабря сего года, причемъ ихъ авторы должны скрывать свои фамиліи подъ девизами, въ запечатанных конвертахъ, приложенныхъ къ картинамъ.

— Академисты декоративнаго класса Имп. академіи художествъ гг. Рейнбергъ, Васильевъ, Венигъ и Овсянниковъ получили порученіе написать декорации для постановки будущего зимаю, на домашней сценѣ графа А. Д. Шереметева, трагедіи Пушкина: „Борисъ Годуновъ“. Эти декорации, надъ которыми названные молодые художники начали уже работать подъ руководствомъ своего профессора М. А. Шишкова, будутъ, по опредѣленію академическаго совѣта, сочтены за конкурсныя задачи, исполненіе которыхъ требуется отъ оканчивающихъ курсъ академіи.

— Кружокъ чешскихъ художниковъ намѣренъ устроить въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и нѣкоторыхъ большихъ провинціальныхъ городахъ временныя выставки картинъ

чешскихъ художниковъ, съ которыми наша публика, вообще, очень мало знакома. Выставки эти предполагается устроить осенью.

Литература и наука.

— Къ пятисотлѣтію дня кончины героя Куликовской битвы, великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго (19 мая 1389 года) усердіемъ стараго сотрудника *Московскіяхъ Вѣдомостей* К. Н. Цвѣткова изначию издана книжка „Великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской и преподобный Сергіій Радонежскій“.

— Въ виду совпаденія столѣтней годовщины смерти Джона Говарда, скончавшагося въ Херсонѣ, въ 1790 г., со временемъ созванія въ Петербургѣ IV международнаго конгресса, русское правительство, желая почтить память знаменитаго филантропа, учреждаетъ международный конкурсъ на сочиненіе „О значеніи Джона Говарда въ исторіи тюремной реформы“.

— Я. А. Макаровъ, производившій вслѣдованія на Амурѣ и за Байкаломъ, собралъ обширную геологическую коллекцію для восточно-сибирскаго отдѣла Географическаго общества.

— Предстоящій восьмой сѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей состоится 28 декабря 1889 года и продолжится до 7 января 1890 года.

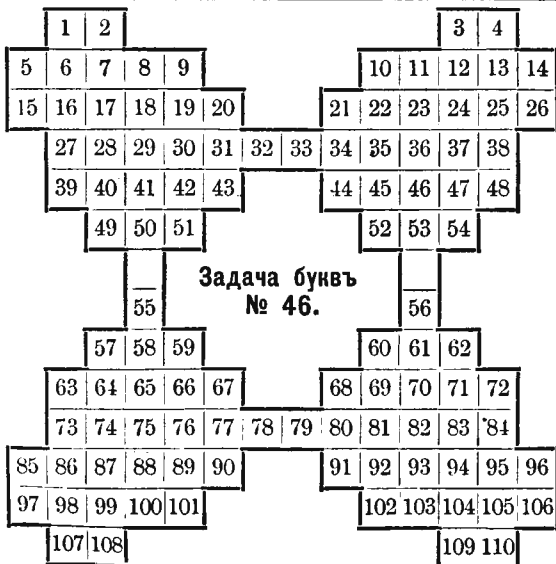
Медицина.

— Въ Парижѣ, лѣтомъ нынѣшняго года, имѣютъ быть международныя конгрессы: съ 29 іюля н. ст., въ теченіе трехъ дней, по вопросамъ объ алкоголизмѣ, и съ 4 по 11 августа—гигіеническій.

Археологія и древности.

— Въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи поступилъ отъ преосвященнаго Геронима восьмиконечный крестъ, на которомъ начертана слѣдующая надпись: „Симъ крестомъ благословилъ преподобный игуменъ Сергіій князя Дмитрія на погана даря Мамая и рекъ: симъ побѣждая врага. Влѣто 1380 августа 27 дня“.

— Съ октября 1889 года до конца января 1890 г. въ Московскомъ историческомъ музеѣ будетъ устроена Археологическимъ обществомъ выставка древностей, къ участию въ которой приглашаются всѣ владѣльцы древнихъ коллекцій, причемъ общество беретъ на себя расходы по пересылкѣ сюда и обратно. Присылка коллекцій уже началась.

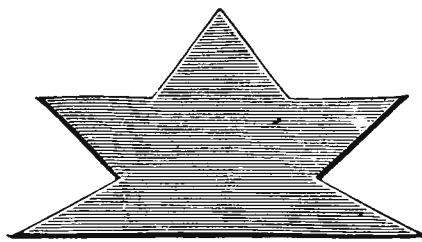
Задача буквъ № 46.

Найти 23 слова. Буквы пайденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ соответствующихъ цифръ, затѣмъ данную фигуру разбѣзать на 4 равныя части и составить такъ, чтобы получилось стихотвореніе извѣстнаго русскаго поэта.

1. Фамілія поэта, произведеніе котораго составляетъ тему задачи 86, 1, 7, 32, 45, 44, 39, 48, 58, 67.
2. Складная перегородка 69, 70, 25, 83, 72.
3. Женское имя 63, 77, 71, 57.

4. Плодь 96, 105, 76, 65.
5. Рыболовный снарядъ 106, 98, 17, 20.
6. Фамілія изв. русскаго писателя 38, 85, 110, 102, 103, 82.
7. Франтъ слѣдующій модѣ 5, 23, 4, 24, 12.
8. Плечевые знаки 2, 8, 9, 26, 22, 62.
9. Затопляемые во время разливовъ дуга 90, 108, 15, 30, 20.
10. Родъ листьевъ на деревьяхъ 93, 79, 47, 3.
11. Часть ведра 28, 73, 80.
12. Дерево 66, 55, 64, 74, 107, 54.
13. Свойство характера 109, 59, 11, 16, 61, 42, 41, 19, 94, 95.
14. Буква русской азбуки 56.
15. Рѣка въ Европѣ 60, 100, 101, 104, 18.
16. Рѣка въ Сибири 87, 63, 81, 89, 53, 14.
17. Злакъ 99, 92, 13, 6.
18. Выжатыи хлѣбъ 33, 43, 37, 36, 51.
19. Церковно-слав. буква 97, 84, 40, 49.
20. Мѣстоименіе 34, 35.
21. Нанитокъ 75, 21, 78.
22. Музыкальныя сочиненія 88, 27, 91, 10.
23. Знаменитый нѣмецкій поэтъ 46, 31, 50, 52.

Геометрическая задача № 47.

Данную фигуру раздѣлить на шесть частей, по сложніи которыхъ получится квадратъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть II. (Продолженіе). — Кто-же? Разсказъ Петра Дорошенко. (Продолженіе). — Важнѣйшія русскія древесныя породы. (Описание особаго приложенія). — Къ рисункамъ: Военно-Грузинская дорога. Анануръ (съ рис.). — Лѣтній день (съ рис.). — Римская матрона въ термахъ (съ рис.). — Веселый мальчуганъ (съ рис.). — Видъ Китаева (съ рис.). — Крестьянская свадьба въ Сербіи (съ рис.). — Австраліійскій черта (Megasciops australis) (съ рис.). — Подъемныя средства на башню Эйфеля (съ 4 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Заключеніе. — Задачи. — Объявленія. — При семь № прилагаются: „ВАЖНѢЙШІЯ РУССКІЯ ДЕРЕВЬЯ“, печатанныя 12 красками, и „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІУЛЬ 1889 г., съ 29 рис. и отдѣльный листъ съ 29 чертежами выкроекъ въ натур. величину и 25 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., Невскій, № 6.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и изложенія Царевны Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Зс Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

С. ПЕТЕРБУРГЪ ПЕШЬЕ ВЪ БЕРЛИНѢ „ЕКСИККАТОРЪ“ 1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ВЪВЕДЕНІЕ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ И ПР. БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИЩУ АГЕНТОВЪ АДР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

ПИТОМНИКЪ РОХЕЛЯ

въ С.-Петербургѣ, уголъ Лабораторн. шоссе и Полугровск. просп. высылаетъ бесплатно иллюстр. каталогъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ, ягодныхъ кустарниковъ, крагетуса для изгородей, розъ, многолѣтнихъ раст. и пр., съ краткимъ объясненіемъ ихъ культуры.

ПЕШИЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содержитъ многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ Москва С.-Петербургъ Бузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

Пенровская Община сестеръ милосердія симиъ объявляетъ лицамъ, желающимъ помѣщать своихъ дочерей, родственницъ или опекаемыхъ ими въ число пансіонерокъ Пенровской женской гимназіи (Министерства Народнаго Просвѣщенія) съ 8 педагогическимъ классомъ, что плата за полугодіе пансіонеру 220 р. въ годъ и 30 р. единовременно на экипировку, плата за обученіе музыкѣ отдѣльно по 50 р. въ годъ. Французскій языкъ обязателенъ для всѣхъ учащихся. Преподаваніе латинскаго языка входитъ въ программу бесплатно. Приходящія платятъ 60 р. въ годъ. Дочери священно и церковно-служителей пользуются обученіемъ музыкѣ бесплатно. Пропенія принимаются въ Канцеляріи Государств. Великой Книжныи Александрій Петровны (Васильевскій Островъ, 4 линия, д. № 21) ежедневно кромѣ праздниковъ.

CORSETS LEOTY adoptés par le High-Life parisien. 8. Place de la Madeleine, Paris.

ДЛЯ ВОЛОСЬ Малороссійская вода для уничтоженія перхоти, за флаконъ 1 р. 25 к., за пересылку за 1 фунтъ; у парикмахера Императорскихъ театровъ ЖОРЖЪ ПЕДДЕРЪ Невскій пр. 46. рядомъ съ Пассажемъ.

ЛЕВИНГЪСЪ и ГЮЗИНГЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405 ИМѢЮ РЕКОМЕНДАЦИИ въ основательномъ знаніи двойной бухгалтеріи; желаю получить мѣсто. Рязанской губерніи, С. Ижевскаго, Н. Н. Самсонову. № 3952

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ. ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр. СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ, въ популярномъ изложеніи П. П. ГИЛЬДИЧА. Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры. Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ колѣнк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к. Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

МАГАНИРАДОВСКИХЪ ГИЛЬДИЧЪ и ДИТРИХА Софіяна. ЗИНЪ МАНУФАНТУРЪ № 3799 9-4 логно, столовое бѣлье, платки, полотенца, лѣтнія матеріи, купальныя принадлежности, разныя бумажныя издѣлія. Большой выборъ чудоточныхъ товаровъ. Готовое приданое. Мужское, дамское и дѣтское бѣлье. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

Лодисто-разсолныя воды BAD-HALL въ Верхней Австріи. Самое сильное содержаніе лодистаго разсола въ Европѣ. Для леченія при золотухѣ и болѣзняхъ половыхъ органовъ и противъ ихъ послѣдствій. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе минеральныхъ водъ, завершеніе, ванны, массажъ, нефиры). Весьма выгодныя климатическія условія; станція ж. д. вѣдханіе, массажъ, нефиры). Весьма выгодныя климатическія условія; станція ж. д. вѣдханіе, массажъ, нефиры). Сезонъ отъ 15-го мая до 30-го сентября. Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ Дирекція водъ въ BAD-HALL. В. № 3747 4-4

Въ всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей. LA VELOUTINE Специальная рисово-вспумотвая пудра. CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris. Ц. № 3767 (16).

„НОВОСТИ ДНЯ“ (ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА). (ГОДЪ VII). Цѣль газеты „Новости Дня“ въ общедоступной формѣ служить для читателей живымъ и яркимъ отраженіемъ интересовъ текущей дѣйствительности. „Новости Дня“ удовлетворяютъ, какъ столичныхъ читателей, быстро схватывая на лету злобу столничнаго дня, такъ и провинціальныхъ, давая въ отдѣлѣ беллетристики легкое и занимательное чтеніе въ формѣ романовъ, повѣстей, очерковъ и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ ежедневномъ фельетонѣ. ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА — съ 1-го іюля на 6 мѣс.: съ доставкой въ Москвѣ — 5 р., иногороднимъ — 5 р. 50 к., за-границу — 7 р. 90 к. Въ истекающей половинѣ года, между прочимъ, напечатаны слѣдующіе общіянные оригинальные романы и повѣсти: „ДАМА САМЪ-ТРЕТЕЙ“, пов. соч. кн. С. В. Голицына, „ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ“, соч. Н. Г., „МУКИ ПРОМЕТЕЯ“, пов. соч. Н. А. Хлюпова, „ДВѢ СЕСТРЫ“, пов. С. Г. Нестерова, „ПЕРСТЪ БОЖІИ“, ист. пов. Д. Дмитриева. Печатаются: „ЧЕРНЫЙ ВИТЯЗЬ“, ром. изъ современной жизни, К. В. Назаровой, „СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРОЙ“, ром. Н. Осипова, „ЗА СТО ТЫСЯЧЪ“, ром. В. Ривалля, а послѣ 1-го іюля — „БЕЗПРИДАННИЦА“, ром. въ 2 ч., соч. кн. С. В. Голицына, „ПОЛОНЕННАЯ МОСКВА“, истор. романъ изъ эпохи отечественной войны, Д. С. Дмитриева, и друг. Кромѣ того, на страницахъ „Нов. Дня“ появляются обстоятельныя корреспонденціи изъ Парижа о всемірной выставкѣ. „Новости Дня“ съ 1-го января текущаго года выходятъ въ увеличенномъ до размаѣра большихъ газетъ форматѣ, причемъ цѣна осталась прежня. Годовымъ подписчикамъ высылается отдѣльно отпечатанный романъ В. Ривалля — „БУЦЦЕННЫЙ МУЖЪ“, полугоднымъ — съ прилагатю 1 р.; въ отдѣльной продажѣ цѣна романа 2 руб. Адресъ: Москва, Ясеніцкая, д. бр. Сытовыхъ. Ц. № 3946

ИРИСЪ-КУРАНТЫ GRATIS в FRANCIS. ШТУРМА УКУСУСЪ НАТУРАЛЬНЫЙ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА БЕЗВРЕДЕНЪ ЧИСТАГО ВКУСА и ЗАПАХА. УКУСУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ. Складъ: Невск. 98/1, по Надеждинск., маг. 26.

Вновь получены вороненыя стали часы отъ 12 р.; съ календаремъ по 23 р.; такіе же съ фазисами луны стальные и серебряные по 30 р. Никелевые отъ 6 р. Будильники американской системы отъ 4 р. 50. Принимаю поставку призывныхъ часовъ за стрѣлку по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Гг. иногороднимъ карманные часы высылаетъ на свой счетъ. № 3949. Главное депо часовъ ЭД. ВУРХАРДА, СПБ., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17. Отдѣл.: Вознесенск. пр. у Синаго м., № 68/3. Прейсъ-куранты высылаетъ бесплатно.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ Франкфуртъ и/М. фабрикантъ велосипедовъ „ОРЕЛЪ“. Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Имущъ агентствъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. 12-10

ПРОБОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ Петра Тимофѣевича Фирсова, Москва, Москворѣцкая улица. Имѣетъ громадный выборъ разныхъ всевозможныхъ сортовъ пробочъ рижскихъ и заграничныхъ фабрикъ и собственной выработки, а также имѣются въ большомъ количествѣ: ванусли, смола и проч. товары, требующіеся для укупорки посуды. Адресъ телеграммъ: Москва, Фирсову. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію съ первой почтой бесплатно. № 3933 3-3

Усовершенствованныя НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ собоств. издѣлія продаются по вновь усовершенствованнымъ цѣнамъ: съ 3 подалями по 4 р. и 4 р. 50 к. съ 7 — съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей. Самый легкій инструментъ для изученія. Принятый тонъ. За короткое время проданы многія тысячи. За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт. I. Ф. МЮЛДЕРЪ Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (5) Ц. № 3864 Торговцамъ дѣлается скидка.

**БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ,
НАСОСОВЪ ВСЯКАГО РОДА и
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИИЪ**
молотилокъ, вѣлковъ, мельницъ Триумфъ,
локомобилей 3, 4 и 6 силъ, сѣвальныхъ прес-
совъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, соломо-
рѣзокъ, десятичныхъ вѣсовъ, натковъ для
№ 3942 бѣлья и пр. 6-1

**МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ.**

С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линія, № 2.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.
Иллюстрир. каталоги высыл. безплатно.

**ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.**

Вследствие новѣй-
шаго изобрѣтенія фо-
тографиров. достигну
каждому, и этими ап-
паратами можетъ всѣ-
кій, безъ особенной
подготовки, снимать
вполнѣ хорошіе пор-
треты, группы и ланд-
шафты.

Цѣна полн. прибора
18, 24, 35, 50 руб. и
дороже.

Наборъ принадлежностей отъ 9 рублей.
Просимъ не смѣшивать съ рекламир. крайне
дешев. аппаратами.

Е. КРАУСЪ и Комп.
Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ.
ДЕПО ДЛЯ РОССИИ: в
С.-Петербургѣ, Мойка, № 40.
Руководство и иллюстр. прейсъ-курантъ
высылаются безплатно. № 3914 9-1

Новый иллюстрированный прейсъ-курантъ
англійскихъ рыболовныхъ принадлежностей
высылается за 7 коп. марку.

П. Ф. КАРАТАЕВЪ.
С.-Петербургъ, Миллионнъ рядъ, № 18.

**ЗУВНОЙ ВРАЧЪ
КОРОБЧЕВСКІЙ**

Приготовление искусств. зубовъ на каучукѣ
(безъ крохотокъ) и металлѣ; пломбированіе
и леченіе. Приемъ отъ 10 до 4 ч. кромѣ
№ 3945 воскресныхъ дней. 2-1

Офицерская ул., д. 18, кв. 2.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

**Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,**
Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ
единственный Складъ для всей
Россіи Велосипедовъ: Свифтъ,
Виппетъ, Русскій Клубъ, Мо-
ния (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Вопреки предвѣдѣнію
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Только что вышелъ **ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ**
и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫЖИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатан-
ными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми моно-
граммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заклю-
чающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей,
буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туа-
летнаго зеркала со шнатулкой.

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ
весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, на-
сколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей
ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ пред-
метовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотой
стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остаег-
ся попрежнему весьма незначительна, а именно 1 руб., съ пе-
ресылкою 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ
Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

По свидѣтельству
врачебныхъ авто-
ритетовъ этотъ
Purgativ имѣетъ
слѣдующія пре-
имущества:

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Аккуратное
и ВѢРНОЕ
дѣйствіе,
МЯГКІЙ ВКУСЪ,
МАЛАЯ
ДОЗА.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

2 рубля на 6 1/2 мѣсяцевъ, съ 15-го іюня по 1-е января 1890 г.
принимается подписка на

«Русскій Справочникъ Листокъ»,
газету биржевую и торгово-промышленную, съ расширенной
программой, въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи: Петро-
ва, д. Кабанова. Цѣна съ пересылкой. № 3936 4-2

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССИЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ
Предлагаетъ: сѣялки, жнейки, косилки, вѣялки, плуги разныхъ системъ и бороны.
Цѣны самыя умѣренныя.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3719 12-11

ВЪ КУНГУРСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ, ГУБКИНА, УЧИЛИЩЕ
(въ городѣ Кунгурѣ, Пермской губерніи), состоящее подъ Высочайшимъ покровитель-
ствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, принимаются безъ экзамена окон-
чившіе курсъ въ трехъ и четырехъ-классныхъ городскихъ, по положенію 31 мая 1872
года, училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; остальные же по соотвѣ-
ствующему испытанію. Курсъ ученія 4 года, приемные экзамены 11, 12 и 14 августа.
Плата за годнаго пансионера 180 руб. въ годъ, за приходящаго 30 рублей. Для приема
въ 1 классъ требуется возрастъ не моложе 14 и не старше 17 лѣтъ.

Ученики, окончившіе полный курсъ ученія, пользуются льготою 2 разряда при отбъ-
ваніи воинской повинности.

За подробными свѣдѣніями желательнѣе обращаться въ канцелярію учили-
ща лично и письменно. Директоръ училища А. Хвастунъ. № 3865 3-3

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
державшему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину-
нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только
имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе
двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона, — пров. Кинуненъ. (72) № 3946

**ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ**

СПБургъ, Невскій пр., № 52
прот. Им. Публ. Библіотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Специальность хронометровъ.
Рекомендую золот. глухіе
мужские часы полухронометръ
въ 120 р., которые не уступаютъ вѣрности
хода хронометра въ 350 р.

Ручательство на 2 года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный ил-
люстрированный прейсъ-курантъ высылается
по востребованію безплатно. № 3947 10-1

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКОЕ
грязе-лечебное заведеніе товарищества врач-
ей въ Крыму, въ г. Керчи. Сезонъ съ 20
мая по 1-е сентября. Подробности въ бро-
шюрѣ, которая высылается за 1 семикоп. мар-
ку. Адресов. въ г. Керчь, А-ру Филимовичу.

7 Р. НОВОСТЬ!! 7 Р.

Секретная камера въ видѣ маленькаго
альбома, который, безъ предвѣрн. умѣнія,
фотографируетъ незабѣтно.

Рекомендую всѣ виды фотограф. аппара-
товъ отъ 10 р. до самыхъ изысканныхъ, так-
же объективы и пластинки всѣхъ фабрикъ,
и всѣ принадлежности. В. № 3905 5-5
Новый прейсъ-курантъ безплатно.

**УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЕ
РЕЗИНОВОЕ ВѢДЪЕ**

вполнѣ замѣняющее холотняное, отличается
своею прочностью и простотою чистки: толь-
ко нѣсколько разъ потереть щеткой съ мы-
ломъ и опять получается прежняя бѣлзна.

Воротнички стоячіи . . . . . р. 40 к.
" отложной . . . . . " 60 "

Манжеты . . . . . 1 " "
Машинка . . . . . 1 " "
Галстукъ . . . . . " 40 "
Кусокъ мыла . . . . . " 15 "
Заванка для воротничка . . . . . " 10 "
" манжетъ . . . . . " 15 "

Иногороднымъ покупателямъ просимъ при
заказахъ придавать одну треть стоимости
въ задатокъ, остальные деньги могутъ быть
переведены наложеннымъ платежомъ.

Главные склады резиновыхъ издѣлій
ПИХЛАУ и БРАНТЪ
въ Москвѣ, Петровка, д. Соколова.
Оптовый складъ
Ильинка, противъ Старога Гостиного двора,
д. Общества Телѣжъ радковъ.
Оптовымъ покупателямъ дѣлается значи-
3-3 тельная уступка. П. № 3908

Существующая нинѣ въ г. Нижнемъ-Нов-
городѣ и состоящая въ вѣдѣніи Нижне-
городскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Техническаго Общества Посто-
янная выставка кустарныхъ произведеній
Нижегородской губерніи принимаетъ заказы
на нижеслѣдующіе предметы: судовыя цѣпи,
желѣзныя и мѣдныя поковки для сѣтъ и
другихъ надобностей, топоры, долота, ло-
паты, вилы, сошники, подильники, на по-
жевой товаръ, ножницы, желѣзные сундуки,
замки, металлическія части для казачьихъ
пикъ, пряжки на пояса вижныхъ воиновскихъ
чиновъ, малыя пряжки для амуниціи, кро-
чки и петли, рыболовные крючки, металличе-
скія игрушки, мозаичная работа изъ дере-
ва, мебель крашеную въ русскіе стѣлы,
деревянную посуду, Балахнинскія кружева,
вышиванія гладью и въ выдержку и проч.

Заказы слѣдуетъ адресовать или въ гор.
Нижній-Новгородъ, въ Нижегородское От-
дѣленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Тех-
ническаго Общества или въ гор. Нижній-
Новгородъ, Завѣдующему Постоянной вы-
ставкой кустарныхъ произведеній Ниже-
городской губерніи. № 3917 5-4

XX г.

№ 28

ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX

1889

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.). Выданъ 8 июля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

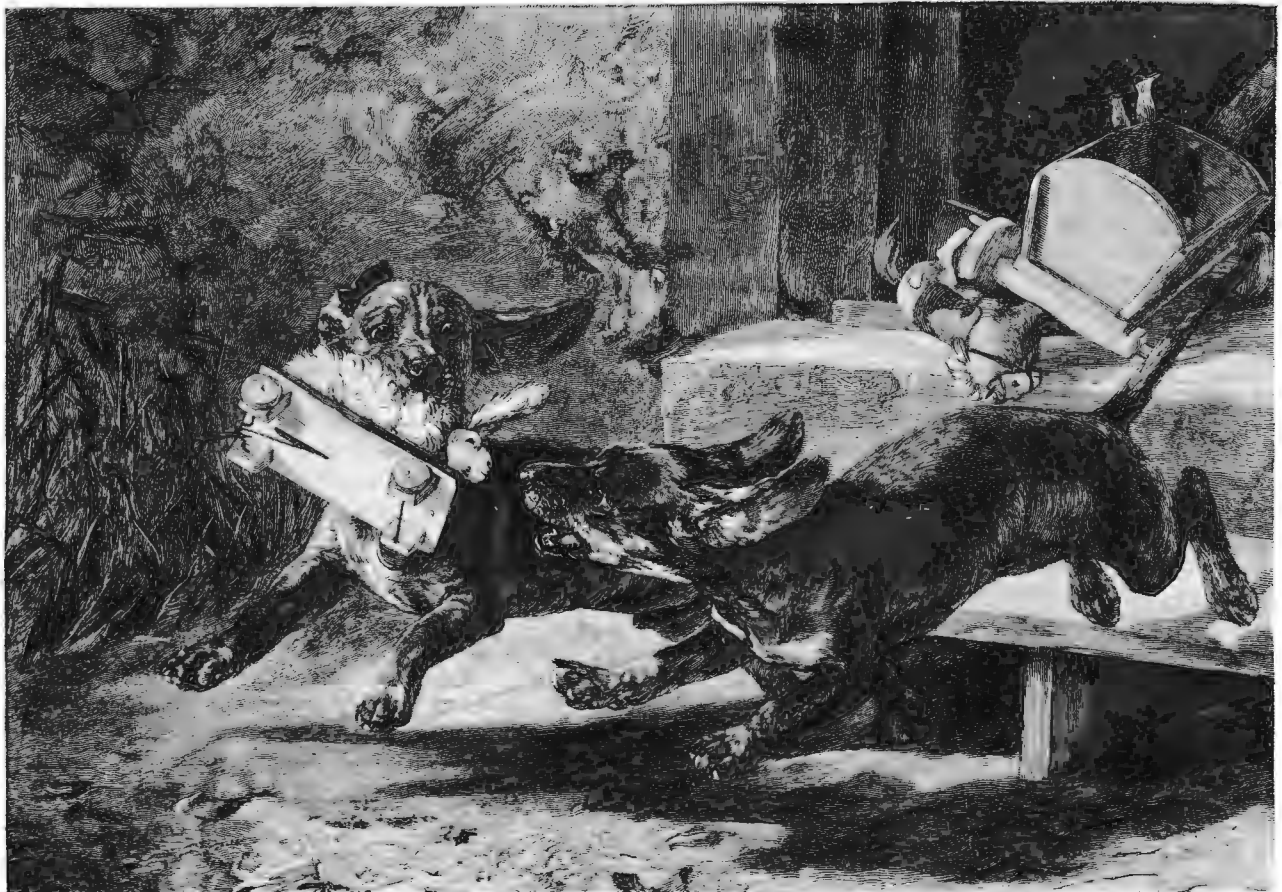
Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

<p>ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (¼ шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к. — Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.</p>	<p>ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:</p>		<p>ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.</p>		
	Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.		Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин.	6 р.
	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.		Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи	7 р.
	За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд.			9 р.	

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. нумера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Затравили. Картина Бидермана-Арендса, грав. Кнезингъ.

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

V.

— Что-же, ко мнѣ чай пить? перѣшительно спросилъ ее Рядновъ.

Не понимая самъ почему—теперь онъ стѣснялся съ нею гораздо болѣе чѣмъ прежде. Точно между ними прошло что-то такое, отнявшее отеческую искренность у одного и безтревожную привязанность у другой. Прежде-бы онъ не задалъ даже такого вопроса, а просто, поднимаясь къ себѣ, крикнулъ-бы ей прямо: „Вѣрочка, жду васъ—чай пить. Не задержите, а то мой Семень браниться будетъ. Вы знаете, онъ вѣдь строгій. Смотрите!“ А теперь „Вѣрочка“ все чаще и чаще смѣялась „Вѣрой Васильевной“, и она уже не такъ рѣшительно какъ во время оно шла къ нему наверхъ и звонила у его дверей, чего-то краснѣя, когда дѣйствительно суровый нелюдимъ Семень, большой знатокъ „прологовъ“ и всякихъ „житій“, отворялъ ей съ своимъ отрывистымъ, точно чего-то не одобряющимъ: „пожалуйте...“

— Что-же, ко мнѣ чай пить?

— Да, я сейчасъ. Только не надоѣмъ-ли вамъ слишкомъ?

Тогда, прежде, она-бы не спросила объ этомъ.

— Нѣтъ, разумѣется... „Семень чаю“, слышала она сверху въ дверяхъ ея квартиры.

Придя къ себѣ и не снимая накидки, она подошла къ окну и прижалась горячимъ лбомъ къ его холоднымъ стекламъ. За ними въ скверѣ—толпился народъ, играли дѣти, сидѣли на скамьяхъ подобно каменнымъ изваяніямъ неподвижныя няньки. Налѣво темнокрасныя колонны Исаакія, вся его мрачная и величавая масса съ черными ангелами вверху раскинувшими свои черныя крылья, съ золотымъ громаднымъ куполомъ, такъ красиво рисовавшимся на голубомъ и безоблачномъ сегодня небѣ... Но она не видѣла ничего этого. Она только смотрѣла внутрь, въ свою душу, сама не понимая что съ нею дѣлается, но уже не ощущая въ себѣ ни прежней тишины, ни прежняго равновѣсія... То ей было чего-то стыдно, то тянуло къ чему-то, къ чему—она сама не могла-бы сказать.

„Жить, жить и любить надо!“ вспомнилась ей высокопарная фраза Кира-царя-Персидскаго... И она засмѣялась даже: такъ уморительна показалась ей въ эту именно минуту взъерошенная фигура поэта, читающаго стихи о томъ, что онъ желалъ-бы быть на небесахъ Богомъ только для того, чтобы сейчасъ-же опять спуститься на землю и склониться къ ея ногамъ... И вдругъ въ ея головѣ пронеслось: „а вѣдь Александръ Петровичъ обрадовался, когда я засмѣялась надъ Дороцкимъ... И вѣдь какъ обрадовался—точно я его избавила отъ какихъ-бы сомнѣній. Значитъ онъ смотрѣлъ на него серьезнѣе, если думалъ, что я могу обратить болѣе вниманія на этого пѣтуха...“

И она, сама не зная почему, покраснѣла.

Въ дверь къ ней постучали. Вошла Марья Францовна, какъ всегда веселая, улыбающаяся, болтливая.

— Здравствуйте, здравствуйте, отшельница, а я къ вамъ съ тонкимъ порученіемъ... Вы знаете, у меня угловое отдѣленіе занялъ этотъ пріѣзжій кievскій помѣщикъ... Красинскій. Молодой, богатъ... Ну такъ онъ видѣлъ васъ—и въ восторгѣ... Спрашиваетъ: не продадите-ли вы своихъ картинъ... Разумѣется, ему хочется только познакомиться съ вами... „Если, говорить, нѣтъ у нея ничего готоваго—я-бы хотѣлъ заказать ей копію съ Мадонны Мурильевской, что въ Эрмитажѣ“... Вотъ-бы вамъ—женихъ. Образованный, все время за границей жилъ, и такъ понимаетъ, такъ понимаетъ искусство!..

У меня ужъ тутъ въ прошломъ году двѣ свадьбы было. Могу сказать—я ихъ и устроила. Что дѣлать! Надо признаться, страсть моя—выдавать замужъ. Мнѣ-бы, знаете, не комнаты держать, а свахой быть, право... Одного подтолкнешь, другую ободришь—смотришь: и готово дѣло. А этотъ Красинскій про васъ-то говорить: „она сама картинка. Такую я-бы съ удовольствіемъ помѣстилъ у себя...“ Что-же, пойдете замужъ?

— Благодарю васъ, сухо обрѣзала Вѣрочка,—я не собираюсь...

— Это въ васъ все еще монашеское сидитъ, монашеское! не обращала вниманія словоохотливая хозяйка. — Вы только познакомьтесь съ нимъ...

— И знакомиться не хочу... Зачѣмъ?

— Ни малѣйшаго желанія? обращала по своему обыкновенію все въ шутку Марія Францовна.

— Да.

— Ну, такъ я знаю почему это.

Вѣрочка не отвѣтила ей ни слова.

— Знаю, знаю... и вы знаете...

— Что еще?..

— А то, что скоро свадьба будетъ... Разумѣется, не Красинскаго...

Марья Францовна подошла къ ней близко-близко и прямо къ лицу ея наклонилась смѣющаяся, съ тѣмъ зазорнымъ выраженіемъ, которое всегда поневолѣ заставляло улыбаться и Вѣрочку.

— Выдумали опять что-нибудь?

— Нѣтъ, не выдумала. Съ какой стати мнѣ выдумывать? Глаза есть—и слава Богу! Вижу...

— Что вы видите?

— Правда, онъ старъ для васъ... Ну, да со старичками-то покойнѣе... Опять же—учитель. Чувство признательности. Ну что-же, я все таки рада... рада.

— Да о чемъ вы это? вся покраснѣла и вздрогнула Вѣра.

— Чего вы притворяетесь?.. Или еще ни до чего не договорились? Не дѣлайте большіе глаза—они у васъ и безъ того велики... Я вамъ предсказываю (перехожу для васъ только на ампула гадалокъ), что скоро вы будете называться М-ше Ряднова.

Дѣвушка вскочила съ мѣста и лихорадочно проплась по комнатѣ.

— Какія глупости!

— Хотите пари?..

— Говорю вамъ, глупости...

— Ну, Богъ съ вами... Прощайте, пойду утѣшать бѣднягу Красинскаго.

Что съ нею дѣлалось въ эти минуты—Вѣра едва ли могла дать себѣ отчетъ. Ей отчего-то было и смѣшно, и жутко, и что-то новое, незнакомое, бурнымъ приливомъ поднималось въ ея душѣ. Она вспомнила совѣтъ матери Варлаамы, благо ея портретъ попался ей въ эту минуту: „найдеи на тебя смятеніе духа—стань на колѣна и помолись... Богъ всему научитъ! Лучшаго совѣтника не найдешь“... Она дѣйствительно склонилась у окна. Въ этомъ положеніи ей былъ виденъ крестъ собора... Хотѣла молиться, но слова молитвы были только на устахъ, ничѣмъ не отзываясь въ ея взволнованной душѣ... Въ головѣ тоже словно шумѣло что-то, кружило ее. Она оставалась такъ, положивъ голову на подоконникъ, какъ вдругъ кто-то стукнулъ въ ея двери. Она только что успѣла вскочить съ мѣста...

— А я ждалъ-ждалъ васъ, да и зашелъ за вами...

— Я сейчасъ, сейчасъ.—Почему-то она не могла смотрѣть теперь прямо въ глаза Ряднову.—Я, Александръ Петровичъ, сейчасъ.

— Да вы не торопитесь, усмѣхнулся онъ.— Или вы моего Семена боитесь?..

Она пошла къ себѣ въ спальню, пригладила волосы, на одну секунду замерла думая о чемъ-то; потомъ, встряхнувъ головой, точно отгоняя отъ себя безотвязную мысль, вернулась назадъ.

— Ну, я теперь готова... пойдете...

„Правда, онъ старъ для васъ“, пронеслись въ ея памяти слова хозяйки... Она искоса посмотрѣла на Ряднова. „Въ чемъ это она замѣтила его старость? правда, сѣдина въ волосахъ и бородѣ... Но это не портить его нисколько. Напротивъ“... Поймала себя на этой мысли, и вся застыдившаяся и еще болѣе смущенная, опустила голову внизъ, поднимаясь по лѣстницѣ. Войдя къ нему, Вѣра вся точно застыла, свернувшись въ уголку тахты, своимъ любимомъ мѣстечкѣ. Почему-то у ней промелькнула мысль: чтѣ если бы она увидѣла здѣсь—на этомъ самомъ мѣстѣ—другую женщину? И болѣзненное чувство закралось въ ея душу.

— Чего это вы запоздали? машинально спросилъ ее Рядновъ, чтобы говорить и не продолжать далѣе это неловкое молчаніе.— Засталъ я васъ какою-то странною...

— Такъ, Марья Францовна задержала.

— Хорошая она!

— Да.— И вдругъ точно что-то осѣнило Вѣру.— Хорошая, только у нея несчастная страсть всѣхъ сватать.

Рядновъ выпрямился точно на пружинѣ.

— И васъ также?

И онъ принужденно засмѣялся.

— Да... И меня.

— За кого же это? Позвольте васъ спросить, если вы не сочтете это за нескромность.

— Вы какъ будто на меня сердитесь?

— Нѣтъ, помилуйте, на чтѣ же... Развѣ я имѣю право сердиться... Вы вольны поступать какъ вамъ угодно.

Раздраженіе его все росло и росло. Онъ самъ чувствовалъ, что дѣлается нелогиченъ, и чѣмъ больше понималъ свою неправоту, тѣмъ больше злился на нее, на эту дѣвушку, такъ покойно и красиво усѣвшуюся въ угольѣ и такъ пытливо глядящую на него въ эту минуту.

— Мнѣ только хотѣлось бы знать... Это такъ понятно... Я вѣдь, принудилъ онъ себя улыбнуться, но улыбка его вышла совсѣмъ не искренняя, — я вѣдь считаю себя вашимъ хорошимъ знакомымъ.

Странное дѣло, чѣмъ тяжелѣе и больнѣе было ему, тѣмъ спокойнѣе становилась дѣвушка. И откуда она, только что выскочившая изъ обители, могла научиться этому знанію сердца, этому умѣнью владѣть собою? Не входятъ-ли они въ общую сумму того, чтѣ мы называемъ женскимъ инстинктомъ?

— Еще бы... Развѣ я стала бы скрывать отъ васъ... Тамъ у нея завелась какой-то молодой и богатый кіевскій помѣщикъ... Красинскій...

— Какже, угрюмо проговорилъ Рядновъ, — какже, знаю... Былъ у меня, купилъ вотъ эту мазню.

И онъ злобно толкнулъ мольбертъ со стоявшею на немъ и почти оконченной картиной. Толкнулъ ногой грубо и несдержанно, такъ что треножникъ вмѣстѣ съ работой рухнулъ на полъ.

— Ну и чтѣ же вы отвѣтили Маріи Францовнѣ?

— Ничего.

— То есть какъ же это ничего? Вѣдь нужно же было что-нибудь сказать ей.

— Зачѣмъ же... Чтѣ же я могу ей сказать... Вѣдь я вовсе не собираюсь замужъ. Не засмѣяться же мнѣ ей въ лицо, какъ она того стояла. Обидѣлась бы.

Но за то онъ засмѣялся—и засмѣялся искренно, весело, на этотъ разъ даже самъ не замѣчая крайней непослѣдовательности переходовъ отъ одного ощущенія къ другому.

— Ну, она вообразить, что вы подаете ей надежду.

— Нѣтъ, не вообразить.

— Почему вы думаете?

— Потому... потому что она тотчасъ же сдѣлала другое предположеніе.

— Не будетъ нескромностию спросить: какое?

Вѣрочка, не смотря на все свое самообладаніе, вспыхнула и затруднилась чтѣ ей отвѣтить. Она не научилась еще въ мирѣ скрывать что-нибудь.

— Ну же, Вѣра Васильевна...

Она опять молчала. Только задыхалась сильнѣе и отвела свои искренніе и довѣрчивые глаза отъ его возросительнаго взгляда въ упоръ.

— Этого... этого я вамъ сказать не могу...

Рядновъ вдругъ развеселился и зашагалъ по комнатѣ.

— Она въ сущности очень хорошая, хотя и нѣмка, эта Марья Францовна... Или полька?.. Да, бишь, о чемъ это я... Кирь-царь-Персидскій!.. и онъ уже совсѣмъ не кстати засмѣялся еще разъ.— Иначе: шутъ гороховый... Такъ чтѣ же она вамъ выпалила еще? А...

— Я ужъ вамъ сказала, что нельзя...

— Жаль... Эхъ, свахи-свахи!.. Коли бы не старость моя... Не уступилъ бы я васъ никому!..

Сказалъ и самъ испугался. Незамѣтно посмотрѣлъ на нее. Вѣрочка молчала, перебирая кисть подушки и глядя внизъ, точно ее заинтересовалъ вдругъ затѣйливый узоръ восточнаго ковра, покрывавшаго тахту... Онъ замѣтилъ только что она точно вдругъ поблѣднѣла и тотчасъ же опять румянецъ залилъ ея лицо.

— Да... Лѣтъ бы десять-пятнадцать долой... другое бы я заплѣлъ.— И вдругъ онъ осмѣлился сразу, какъ въ воду кидаются, внизъ головой.— Ужъ не на мой-ли счетъ она прохаживалась?..

Вѣрочка молчить, только часто-часто дышетъ.

— Да?.. на мой?.. онъ чувствовалъ будто ужасно глупѣетъ въ эту минуту.— Ну что же, и на этотъ разъ ошиблась... Развѣ она не понимаетъ, что въ этихъ лѣтахъ я только и могу ждать отъ васъ одного чувства, чувства уваженія и дружбы... Не такъ-ли?.. Въ самомъ дѣлѣ, ну представьте если бы я вдругъ подошелъ къ вамъ и сказалъ... Онъ слышалъ какъ голосъ его перервался въ горлѣ, — подошелъ и сказалъ (онъ усмѣхнулся и опять дѣланно): Вѣрочка, будьте моей женой... Воображаю, какъ бы вы удивились!..

Но она не удивилась...

Нѣтъ, вдругъ уронила свою голову на подушку и заплакала.

— О чемъ, о чемъ вы? растерялся Рядновъ.— Чтѣ съ вами?

Она подошелъ, взялъ ее за руку, но она вдругъ притянула его руку къ своему лицу и поцѣловала ее...

VI.

Бабушка Серафима благословила заочно, Варлаама— тоже. Въ обители даже отслужили молебны. Монахини писали Вѣрочкѣ, что ждуть ее съ мужемъ къ нимъ на побывку и просятъ только дать знать ранѣе: надо привести де въ порядокъ ихъ домикъ и снабдить его всѣмъ чѣмъ слѣдуетъ. Улыбающаяся и счастливая Вѣрочка читала эти письма своему жениху и только краснѣла когда Марья Францовна говорила торжествующимъ тономъ:

— А чтѣ, я предсказывала, вы не вѣрили тогда,— вышло по моему все-таки.

Дѣвушка расцвѣла такъ, что „Кирь-царь-Персидскій“ во-первыхъ вообразилъ себя влюбленнымъ, во-вторыхъ почему-то ему представилось, что онъ неоднократно уже объяснялся Вѣрочкѣ, но та не вѣрила его пламеннымъ клятвамъ, въ-третьихъ что онъ ужасно несчастный человекъ и ему только и остается умереть. Встрѣтись съ дѣвушкой у Ряднова, Кирь-царь-Персидскій вытаращилъ глаза, взбилъ шевелюру, нахмурился,

Панно профессора К. Е. Маковскаго, писаннаго для бар. фонъ-Дервиза. „Музыка“.
Съ фот. (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Искусств.“ грав. Флюгель.
Библиотека „Руниверс“

Рыбачьи тони на низовомъ Бѣломорскомъ берегу. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Рашевскій.

сдѣлалъ отчаянное лицо и когда къ нему обратились съ просьбой прочесть что-нибудь, онъ не заставилъ долго себя просить объ этомъ. Напротивъ, сначала принявъ „меланхолическій видъ“, потомъ точно небрежно уронилъ:

— Я вамъ прочту свое послѣднее стихотвореніе... Оно соотвѣтствуетъ вполнѣ моему нравственному состоянию...

И не успѣла еще Вѣрочка опомниться какъ онъ выпалилъ съ трескомъ: *Ей*.

— Кому ей? спросила она.

— Не узнавайте лучше... Это моя тайна... Тайна бѣднаго, разбитого сердца! Нѣтъ, не узнавайте и будьте счастливы.

И онъ опять повторилъ: *Ей*.

Затѣмъ перевелъ свой взглядъ на Вѣру и, усиливаясь сдѣлать свои бараньи глаза печальными, началъ читать съ паосомъ и чтѣ называется трескомъ:

Ты не вѣрила мнѣ — не хотѣла понять
Какъ любилъ я тебя, какъ умѣлъ я молчать,
Когда въ сердце тоска заползала змѣей,
Когда смѣхъ твой звучалъ безпощадный и злой...
Долго маску носилъ я, съ тобой говоря,
Хоть горѣла въ душѣ золотая заря,
Хоть свѣтилась она въ каждомъ взглядѣ моемъ,
Самому мнѣ на зло,—некороннымъ огнемъ.
Въ каждомъ словѣ моемъ отражалась она,
Какъ въ холодной росѣ — золотая луна;
Въ каждомъ звукѣ, когда говорилъ я съ тобой,
Бились нульсы любви, беззавѣтной, святой...

Тутъ онъ страшно заворочалъ глазами, ступилъ шагъ впередъ по направленію къ Вѣрочкѣ, еще отчаяннѣе взбѣрошилъ свою шевелюру и, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, горько продолжалъ:

Я готовъ былъ пойти за единый твой взглядъ
Хоть на лютую казнь, на мученія—въ адъ.
Ничего я не ждалъ, ничего не хотѣлъ...
Такъ любилъ я тебя, такъ молчать я умѣлъ...
И когда я сгоралъ весь въ безумномъ огнѣ —
Ты, мой свѣтъ, ты, мой Богъ — ты не вѣрила мнѣ.

Окончивъ, Кирь-царь-Персидскій почувствовалъ что у него слезы на глазахъ, разомъ понялъ, что все въ этомъ мірѣ для него кончено, что онъ несчастнѣйшій изъ смертныхъ и, окинувъ мысленно всю бездну своего горя, не протыся выскочилъ вонъ на улицу.

Онъ шелъ по ней съ видомъ человѣка собирающагося утопиться по меньшей мѣрѣ; но добравшись до Лейнера, вспомнилъ что еще не обѣдалъ сегодня и, взбѣжавъ къ нему, гробовымъ голосомъ заказалъ себѣ порцію бифтека, съѣлъ его съ аппетитомъ, выпилъ пива и опять углубился въ созерцаніе собственнаго несчастія... Вѣрочка, впрочемъ, могла не особенно волноваться за это бѣдное, разбитое ею сердце... Кирь-царь-Персидскій закончилъ вечеръ въ Аркадіи, увѣряя всѣхъ будто только что онъ пережилъ ударъ, отъ котораго постарѣлъ разомъ и утратилъ послѣднюю вѣру въ жизнь и въ людей. Потомъ онъ съ увлеченіемъ апплодировалъ каскадной примадоннѣ и, убѣдивъ маленькую хористку что для него въ будущемъ осталось только одно горе, повезъ ее ужинать къ Пивато...

Вѣрочка съ Рядновымъ рѣшили, что тотчасъ же послѣ свадьбы они уѣдутъ за-границу, въ Италію.

Она всѣ эти нѣсколько мѣсяцевъ упорно и долго работала со своимъ учителемъ и привязалась къ нему до такой степени, что ни его сѣдины, ни его года не пугали ея, полного любви и признательности, сердца. Она сдѣлала громадные успѣхи, и послѣ того какъ ея будущее опредѣлилось, до наступленія этого счастливаго дня, продолжала работать то у жениха, то у себя. Въ свободные часы она убѣгала въ Эрмитажъ и попрежнему вся уходила тамъ въ созерцаніе чудесъ искусства, старалась разгадать по нимъ тайны творчества, представляя себѣ потускнѣвшія краски яркими, сливавшіеся контуры—опредѣленными...

— Еще два года такой работы,—и твои картины могутъ появиться на выставкѣ.

Она только жмурилась. Ей было и страшно, и хорошо въ одно и то же время.

— Я боюсь этого, сказала она ему разъ.

— Чего?

— А вотъ этого момента когда картина выставлена и чужіе подошли къ ней...

— Я прежде боялся тоже, пока новичкомъ былъ.

— Нѣтъ, знаешь... она еще краснѣла говоря ему *ты*. — Знаешь, это все равно мнѣ кажется, что повиснуть высоко-высоко въ воздухѣ на чемъ-нибудь легко обрывающемся. Всякое мгновеніе кажется послѣднимъ. Ждешь — вотъ-вотъ сорвешься и полетишь внизъ.

— Или вверхъ? засмѣялся онъ.

— А если будетъ плохо?

— Я первый не пуцую такую картину — если она не будетъ *chef-d'oeuvre* омъ. Въ этомъ отношеніи будь спокойна.

И она лихорадочно работала, дѣлала эскизы, дописывала начатыя картины и цѣлыми часами просиживала надъ одной, давно задуманной ею. Она ее назначила для роднаго ей монастыря, и дѣвушка хотѣлось всю силу любви своей къ нему, этому взростившему ея тихому уголку, всю сердечность и теплоту своихъ воспоминаній о немъ передать своей кисти, сообщить краскамъ, выразить на этомъ полотнѣ. Ей казалось что ничего не выходитъ, она становилась нервною, нетерпѣливою, и только когда Рядновъ, внимательно осматривая работу, улыбался ей и говорилъ:

— Молодцомъ Вѣрочка... Это настоящее, я могу кажется поздравить тебя — удастся.

Она опять лихорадочно схватывалась за кисть и продолжала работу, счастливая, увѣренная, до первыхъ сомнѣній и колебаній.

Идея картины была необычна... Чтобы осуществить ее нужна была вся глубина ея дѣтской вѣры, ея искренняго обожанія, воспитаннаго въ ея душѣ монастыремъ и ранними восторгами ея молитвъ въ таинственномъ сумракѣ того далекаго храма, колокола котораго казалось благословляли каждый день ея однообразнаго существованія... Это была картина, гдѣ каждый мазокъ кисти являлся молитвой. Она не старалась ни о чемъ другомъ думать, гнала прочь мечты о счастьи, оставаясь наединѣ со своимъ полотномъ... Подъ конецъ она начала даже заператься отъ Ряднова. Даже онъ помѣшалъ бы ей, нарушилъ бы благоговѣйную тишину царившую вокругъ ея мольберта... Ей хорошо удалось лицо умиравшей монахини — жизнь съ ея недугами и заботами почти сбѣжала съ ея землистаго, измученнаго, истощеннаго лица, ввалились щеки, глубже стали глаза съ безконечной радостью обращенные къ дивному видѣнію, представшему ей въ послѣднее мгновеніе ея жизни и освѣтившему ея ослѣпительнымъ блескомъ восторга... Умирающая не видитъ ни уголка угла кельи, ни наклонившагося къ ней духовника... Все отошло въ сторону; стѣны тамъ, куда она смотритъ, раздвинулись и точно рухнули въ какія-то бездны... Ихъ нѣтъ, все безконечное пространство открывшееся за ними тонетъ въ мягкомъ полусвѣтѣ, въ томъ полусвѣтѣ, тайну котораго Вѣрочка такъ страстно хотѣла угадать у Мурильо... Куда-то въ недосыгаемую даль уходитъ послѣдній взглядъ монахини и тамъ рисуется ему кроткое, обращенное къ ней лицо, явленное лицо Богоматери протягивающей смиренной инокини своего божественнаго Младенца... Казалось, инокиня хочетъ подняться, протянуть руки и взять эту святую ношу...

Когда Вѣрочка дописывала Пречистую Дѣву, всю смутными тонами, чуть-чуть намѣчивающуюся вдали, она сама испугалась окончивъ съ ея глазами. Ей показалось что эти живые глаза взглянули на нее съ полотна, она

уронила кисть и блѣдная отошла было прочь... Потомъ начала смягчать рѣзкіе контуры, слишкомъ опредѣленные черты... Видѣніе дѣйствительно явилось видѣніемъ, казалось — зажмуришься и откроешь глаза — и его уже не будетъ на этомъ мѣстѣ... Мягкій полусвѣтъ сольется и заслонитъ его, и этотъ благодѣльный ликъ словно растаетъ въ полусвѣщеніи удавшагося художницѣ воздуха... Тишина, кротость, спокойствіе вселились вмѣстѣ съ этой картиной въ мастерскую дѣвушки. Послѣдніе дни, оканчивая свою работу, она уже не показывалась совсѣмъ никому. Когда Рядновъ стучался къ ней, она кидала ему:

— Не могу, прости... На-дняхъ... Теперь работаю.

И онъ уходилъ, понимая ея смущеніе, сознавая, что въ такія святія минуты самый близкій человѣкъ является трудно выносимымъ бременемъ.

Когда она кончила и вышла къ Ряднову, тотъ даже вскрикнулъ. Такъ она осунулась, такимъ серьезнымъ и благоговѣйнымъ восторгомъ, такимъ святымъ вдохновеніемъ сіяли ея точно разомъ измѣнившіеся глаза... Она уже не сомнѣвалась. Подведя его къ своей картинѣ, она только и проговорила:

— Смотри теперь.

И отошла прочь.

Все время пока онъ смотрѣлъ, она сидѣла въ креслѣ, безсильно уронивъ утомленные руки и казалось возвращаясь мысленно съ своихъ небесъ на землю... Прошло нѣсколько минутъ — онъ не говорилъ ни слова... Еще... все такъ же молча стоитъ онъ передъ картиной... Она не видитъ его лица, — онъ обернулся къ ней затылкомъ... Вотъ онъ повернулъ картину нѣсколько къ окну. Солнце заходило, розовый свѣтъ направлялся на полотно сливаясь съ свѣтомъ дивнаго видѣнія...

— Невѣроятно!.. слышалось ей наконецъ.

— Что?.. точно вернулась она совсѣмъ къ землѣ и міру.

— Это воплощеніе молитвы... Это все что ты хочешь... Я не могу даже хвалить... Ты дала душу всему этому. — Онъ посмотрѣлъ на нее съ завистью. — Зачѣмъ ты показала мнѣ ее?

— Я не понимаю тебя.

— Мнѣ больно, откровенно признался онъ. — Тутъ масса технических промаховъ... Есть большіе и, для настоящаго крупнаго художника, уже сложившагося, непростительные недостатки, но если бы я могъ написать это, я былъ бы безконечно счастливъ. Я завидую тебѣ, Вѣрочка...

Вернувшись изъ церкви домой послѣ свадьбы, только для того чтобы переодѣться въ дорогу, Вѣрочка нашла у себя на столѣ письмо матери Серафимы.

Въ ея обители уже получили картину.

„Что сказать тебѣ“, писала ей бабушка, „мы смотримъ и плачемъ... Плачемъ и смотримъ. Ты эту картину сторицей заплатила намъ за тѣ хлопоты наши о тебѣ, о которыхъ упоминаешь въ своемъ письмѣ...“

И Вѣрочка знала что въ эти дни вся обитель молится о ней и ея счастіи.

VII.

Рядновы, мужъ и жена, уже годъ какъ за границею. Любимымъ чтеніемъ Вѣрочки въ монастырѣ были путешествія. Теперь она жадно пользовалась всѣмъ что ей являлось на пути. Проживъ день въ Берлинѣ, она съ мужемъ остановилась на двѣ недѣли въ Дрезденѣ, и всѣ эти двѣ недѣли провела въ Королевской галереѣ въ безмолвномъ восхищеніи передъ Мадонною Рафаэля, уходя въ отель только по звонку сторожа. Когда ее спрашивалъ Александръ Петровичъ, она только и могла объясняться междометіями.

— Смотри, весь запасъ восклицательныхъ знаковъ израсходуешь, ничего для Италіи не останется, смѣлся онъ...

Но у нея и для Италіи хватило восторга и увлеченія.

Всю зиму здѣсь проработала Вѣра... Студія ихъ выходила на Тибръ, и желтыя воды его катились внизу, подъ тяжелыми арками стараго моста. По ту сторону, прямо изъ рѣки подымались такія же желтыя облупившіяся стѣны домовъ... Вдали чуть рисовались едва намѣченные на голубыхъ небесахъ горы Лаціума, надѣло точно все давилъ своей могучей массой царственный куполь Ватикана... Рядновъ забылъ свои работы. Онъ весь отдался расцвѣту ея таланта, и слѣдилъ съ ревнивою любовью за каждымъ ударомъ ея кисти... Онъ въ теплые дни уходилъ съ нею въ величавыя руины Колизея, въ арки котораго смотрѣло на нихъ темное, синее небо... Они писали тамъ. Эскизы росли, и Вѣрочка стала замѣчать теперь какъ наивно работала она прежде. Подъ этимъ солнцемъ, среди этого художественнаго міра, великая тайна искусства наконецъ давалась ей... Рука усвоивала себѣ смѣлость, мысль — дерзость необходимую большому таланту.

VIII.

Да, тайна искусства уже давалась ей.

Иногда Вѣрочкѣ казалось что она взошла на какую-то страшную высоту... Голова ея кружится, внизу бездонная пасть черной пропасти, но впереди столько огня, красокъ и свѣта, яркаго, все затопившаго свѣта... Голова ея кружится, но только по старой привычкѣ. Она уже чувствуетъ за плечами сильныя крылья. Она знаетъ, что можетъ смѣло ринуться въ этотъ просторъ и утонуть въ немъ. Посѣщая галерею и подолгу останавливаясь у картинъ старыхъ и новыхъ мастеровъ, она съ удивленіемъ замѣчала, что въ ея душѣ уже нѣтъ прежняго смятенія и тѣхъ взрывовъ восторга, въ одно и то же время благоговѣйнаго, умиляющаго и созерцательнаго, который охватывалъ ее еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ Дрезденѣ... Теперь она наслаждалась меньше, думала и разбирала больше. Въ ней мощно развертывался профессиональный критическій умъ. Она уже всматривалась, что можетъ занять изъ этого неисчерпаемаго источника и чего ей не надо. Приходя домой, она заносила въ свои эскизы подмѣченныя ею черточки, какъ писатель записываетъ въ свою памятную книжку подслушанное слово, характерную особенность интересующаго его типа, трудно уловимую и случайно давшуюся ему поэтическую искорку удачнаго сравненія... Въ садахъ виллы окружающихъ вѣчный городъ, гуляя подолгу съ мужемъ, Вѣрочка забывалась и часто не отвѣчала ему на слова. Она вся была въ своемъ мірѣ... А кругомъ лились нѣжныя благоуханія, сквозь черный агатъ сплошной дубовой аллеи, кое-гдѣ прерываясь, сыпалось расплавленное золото солнечнаго свѣта и катилось впередъ по темнымъ дорожкамъ... Среди этихъ работъ самоуглубленія и созерцанія, вдругъ словно нежданно диссонансъ ворвалось несчастье или по крайней мѣрѣ такимъ оно показалось молодой художницѣ.

Разъ Рядновъ вернулся весь похолодѣвшій...

Его насквозь пронизало дождемъ. Въ комнатахъ, какъ вездѣ въ Римѣ, было холодно и сыро... На другой день, мужъ Вѣрочки жаловался на страшную головную боль, на третій — къ ней присоединился ознобъ. Къ счастію, подъ руками оказался русскій врачъ.

— Что это? вся похолодѣвъ, спрашивала его Вѣра Васильевна.

— Обычная вещь у насъ... Мalaria... Я вамъ его въ двѣ недѣли поставлю на ноги... Весна теперь, Кампанья дышетъ на Римъ убійственными парами... Какъ только онъ оправится, везите его въ Неаполь отогрѣться. Слышите.

Вѣрочка не отходила отъ постели больнаго мужа... Онъ глоталъ хининъ неимоверными дозами и дѣйстви-

тельно, не прошло и двухъ недѣль, какъ сталъ на ноги...

— Ну, теперь въ Неаполь, въ Неаполь! съ суетливою точностію выполняла жена его совѣтъ врача.

— Подожди... ты еще не кончила своихъ работъ.

— Есть о чемъ разсуждать... Я и тамъ могу...

И въ первое ясное, счастливое, улыбающееся утро, когда Римская Кампанья не дышетъ, за то солнце всю ее грѣетъ своимъ тепломъ и обливаетъ свѣтомъ, Вѣрочка выѣхала съ Рядновымъ изъ города императоровъ, папъ и королей. По дорогѣ, на темной синевѣ неба рисовались имъ то круглый храмъ, то полуобвалившіеся зубцы какой-нибудь башни. Изъ густой травы подымались громадные рога воловъ... Кое-гдѣ вила дразнила мраморомъ своихъ колоннъ, спрятавшихся за ревивую чашу платановъ, или ажурнымъ балкономъ повисшимъ среди черныхъ молитвенныхъ кипарисовъ.

— Туманъ опять! досадливо заговорила Вѣрочка, боявшаяся за мужа.

— Гдѣ?

— Да вонъ, видишь.

Рядновъ засмѣялся.

— Это не туманъ... Это горы сдвигаются къ намъ. Вотъ погоди еще минуточку, двѣ-три...

И дѣйствительно, въ голубомъ освѣщеніи подошли къ дорогѣ горы...

На одной изъ станцій вошелъ въ купе какой-то старый патеръ. Поклонился, услышалъ говоръ Вѣрочки и Ряднова и изумился.

— На какомъ изъ азіатскихъ языковъ говорите вы, синьора? вѣжливо спросилъ онъ у нея.

— Это не азіатскій языкъ, а русскій.

— Русскій... знаю... Un grande impero ¹⁾... Помолчалъ-помолчалъ:—Freddo immenso ²⁾?... Еще помолчалъ и закончилъ со вздохомъ:—Poveri polacchi ³⁾!..

Рядновъ такъ уже привыкъ къ этому опредѣленію Россіи, что не улыбнулся даже.

— Это — Сибирь, куда былъ сосланъ Овидій и гдѣ вино рѣжутъ кусками.

— Сибирь не вся Россія, смѣялась Вѣра.

— О, синьора!.. Я знаю это... Разумѣется, сибирскій холодъ не мѣшаетъ у васъ цвѣсти такимъ розамъ, — и галавнѣйшій падре граціозно наклонился въ ея сторону, — но что я знаю, то знаю. Сибирь — это Россія и только край ея прилегающій къ Европѣ называется Россіей отъ слова rosso — красное.

— Почему это?

— Потому, увѣренно поучалъ онъ, — что по русски красное значить самое лучшее и самое красивое.

На станціяхъ вертлявые какъ обезьяны, черномазые веселые люди — смѣхъ, пiski, крики... Что-то словно вихремъ захватываетъ нашихъ путниковъ. Они сами начинаютъ смѣяться и кричать. Глазастая мелюзга кишми-кишитъ по пути, горы то сдвигаются, то расходятся... Какой-то свѣтлый хаосъ, даль не пугающая, а маниющая и зовущая въ свои поэтическія захоластья... Вдругъ горы принизились и вдали разомъ выдвинулся двуглавый великанъ — Везувій.

— Ну, здѣсь ты будешь здоровъ, другъ мой!.. въ какомъ-то безсознательномъ порывѣ счастья шепчетъ она.

И онъ улыбается ей, счастливый хлынувшими на него отовсюду воспоминаніями его юности и гордый ею — любимую женщиной, такъ довѣрчиво глядящей на него...

И опять веселая, поющая толпа, воздушное море, какіе-то корабли, пестро расцвѣченные флаги словно въ паутигѣ ихъ снастей запутались яркія бабочки... Залитыя солнцемъ улицы, залитые солнцемъ дома, залитые солнцемъ люди, залитыя солнцемъ души.

¹⁾ Огромная имперія.

²⁾ Страшные холода?

³⁾ Бѣдные поляки!

IX.

Они не долго оставались въ Неаполѣ.

Островъ Тиверія, лазурный Капри дразнилъ Вѣрочку. Послѣ маляріи Рядновъ сталъ страдать глазами. Это бываетъ часто на благословенномъ Югѣ. Пыль и грязь большого да еще итальянскаго города были ему вредны. Онъ все жаловался, что нѣтъ-нѣтъ да на него и надвинется какое-то облако и заститъ ему видѣть. Даже и въ спокойномъ состояніи передъ его глазами постоянно мелькали такъ-называемыя mouches-volantes. Какъ изъ Рима въ Неаполь, такъ и изъ Неаполи вонъ скорѣе — погнажи его врачи.

— Вы знаете, теперь весна: у насъ, случается, слѣпнуть въ это время и привычные люди! объясняли они.

Рано утромъ, когда голубое небо влюбленно смотрѣлось въ голубой заливъ, а на востокѣ еще клубился золотисто-розовый паръ, въ которомъ точно плавалъ синій Капри, Рядновъ съ женою сѣли на бортъ небольшого парохода, уже занятаго дюжиною англійскихъ миссъ съ кляками на выносъ и такими рыжими огненными волосами, что объ нихъ хотѣлось закуривать папиросы. Съ ними ѣхали мамыши и священникъ. Когда послѣ невообразимой суетни (неаполитанцы суетятся даже въ церкви) наконецъ отвалили отъ берега и чудный миражъ города съ Чертозою, Санъ-Мартиную и грозными стѣнами С.-Эльмо наверху сталъ отходить, на палубу явились неизбежныя пѣвцы съ неизбежными канцонами, между коими ни съ того, ни съ сего вдругъ послышалась и русская „народная“ пѣсня: „Тигренокъ“. „Это настоящіе русскы“, убѣждали Ряднова пѣвцы, получая отъ него франкъ. Вѣрочка дорого бы дала чтобы не было ни этихъ пѣсень, ни этихъ стрекотавшихъ какъ дрозды по вечерамъ англичанокъ. Такъ волшебю прекрасно былъ заливъ, такъ красиво лежалъ сегодня на краю его двуглавый Везувій, въ такой дивный туманъ уходили берега Позиллипо направо и Кастеламара съ Сорренто налево. А Капри все росъ и росъ и когда черезъ нѣсколько часовъ пароходъ присталъ наконецъ къ очарованному острову, Вѣрочка и Рядновъ почувствовали себя опять счастливыми и вся жизнь показалась имъ радостно улыбающимся утромъ. Дорога шла вверхъ. Громадные кактусы подымались по сторонамъ, подставляя солнцу свои толстыя и большія ладони съ желтыми и красными цвѣтами по краямъ, высоко торчали словно гигантскія свѣчи стволы алоя, нѣсколько пальмъ чуть колысали свои вѣтви, словно говори нашимъ путникамъ: „добро пожаловать“. За низенькими стѣнками домиковъ алѣли, золотились, голубились тысячи невиданныхъ цвѣтовъ, запустившихъ глубоко свои корни въ скалы лазурнаго острова. Въ темной зелени апельсиновыхъ деревьевъ, горячимъ золотомъ горѣли плоды и еще ярче казалось сіяли очи женщинъ и дѣтей попадавшихъ имъ навстрѣчу...

Вѣра здѣсь опять принялась за работу.

Солнце-ли это, прозрачный-ли воздухъ, тишина-ли острова, но она точно почувствовала приливъ какихъ-то небывалыхъ еще силъ. Утромъ мужъ ея еще спалъ, а она въ другой комнатѣ уже усаживалась къ мольберту и лихорадочно быстро писала задуманное еще въ Римѣ и словно расцвѣтшее на Неаполитанскомъ югѣ. Когда Александръ Петровичъ вставалъ, онъ неизмѣнно пробовалъ сердиться...

— Ты ужь опять за дѣломъ. Послушай, ты себя уходишь!

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Ну, брось, отдохни...

Она покорно оставляла кисти, чутко понимая что ему досадно сознавать пока полную невозможность работать самому; ему, творцу и художнику, больно видѣть другихъ, исполненныхъ бодрости и силы... Кромѣ того, она и не могла поступать иначе. Днемъ они

Любимцы. Картина Роберта Бейшлага, грав. Бонгъ.

гуляли, читали вдвоемъ. Только утро и часа три передъ обѣдомъ она могла урвать для работы... Рядновъ и самъ было принялся за дѣло, но долженъ былъ тотчасъ же бросить... Понятно, это не увеличивало хорошаго расположенія его духа. Глаза опять разболѣлись послѣ первыхъ попытокъ.

— Что съ тобою?

— Какъ ты не понимаешь! раздражался онъ.—Образы, сочетанія красокъ, идеи такъ и бродятъ въ головѣ. Я вижу какъ ошибался въ нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ работахъ и какъ хороши были бы новыя... какъ бы жизненны и свѣжи вышли онѣ, и долженъ бродить сложа руки, переживая въ самомъ себѣ творческіе процессы и не давая имъ возможности вырваться на свободу, выразиться, воплотиться.

Что она могла сказать ему?

Подожди, скоро выздоровѣешь?

А развѣ она не понимала что это настроеніе быть-можетъ не вернется, что такъ ярко развивавшееся сегодня въ замыслѣ, завтра потускнѣетъ какъ крылья попавшей подъ дождь бабочки, что не будетъ той страстной жажды передать все это на полотно которая сегодня такъ палила возмущенную душу. Точно каждый день приходитъ это вдохновеніе! Завтра — останется привычный выработанный пріемъ — но не будетъ души, отлетѣвшей далеко-далеко... Вѣра молчала и сама старалась работать больше и больше.

— Странное дѣло со мною, раздумчиво проговорилъ ей мужъ.—Чего я никогда не ждалъ... Я всегда радовался чужимъ работамъ, теперь, повѣришь-ли, меня злитъ твои... Когда подумаю, что ты можешь въ сутки сорокъ восемь часовъ, усмѣхнулся онъ,—просидѣть за мольбертомъ, а я долженъ бродить безцѣльно, только любуюсь твоей работой, мнѣ становится такъ больно, такъ скверно... Неужели это зависть?.. Нѣтъ не думаю. Какъ могу я завидовать тебѣ!..

— Хочешь я брошу работу?

— Ну вотъ, возмущался онъ,—только этого еще не доставало! Работай, работай и не обращай вниманія на стараго брюзгу.

Онъ опять старался совладать съ собою. Садился у

Кто-же?

Разсказъ Петра Дорошенко.

(Продолженіе).

XIV.

На выраженное мною желаніе допросить сначала самого графа, какъ ближе всѣхъ стоявшаго къ покойной, изящный камердинеръ просилъ повременить немного.

Сраженный неожиданностью этого удара, графъ Клевецкій весь предыдущій день провелъ безъ маковой росинки во рту и возбужденно шагалъ всю ночь по освѣщенному кабинету. Рядомъ, въ его спальню, немедленно перенесли кровать единственнаго сына, и только на самой зарѣ, незадолго до нашего пріѣзда, графу удалось заснуть тяжелымъ сномъ.

Я сдался на основательность этой причины, и просилъ только о немедленномъ увѣдомленіи, когда онъ окажется въ состояніи дать мнѣ необходимое показаніе.

Прежде чѣмъ добратся до иностранки, упомянутой исправникомъ и столь памятной мнѣ лично, я счелъ полезнѣе выслушать разсказъ горничной, какъ перваго лица узнаваемаго грозную вѣсть. Я расчитывалъ вѣрнѣе почерпнуть изъ этого скромнаго источника свѣдѣнія проливавшія истинный свѣтъ на семейныя отношенія графской четы,—отношенія, на мой взглядъ, привнесшія къ этой ужасающей развязкѣ.

Считая утомительнымъ стенографически заносить допросы на эти столбцы, я ограничусь только группированіемъ добытыхъ подробностей въ то оформленное цѣлое, которое мало-помалу складалось въ моемъ напряженномъ умѣ.

Камеръюнгфера графини (какъ ее именовали въ домѣ), представшая передо мною, была женщина сорока трехъ лѣтъ, высокая, худая, со сдержанно-суровымъ выраженіемъ въ сѣрыхъ пронизательныхъ глазахъ и слѣдами безспорной красоты на поблекшемъ лицѣ. Все, начиная съ мягкой, неслышной поступи, до полного отсутствія жестовъ, до самой манеры говорить, обличало ту выдержку, мало свойственную русскимъ женщинамъ изъ простаго званія, которая приобрѣтается ими только постояннымъ вращеніемъ въ барскихъ хоромахъ.

ея картинъ, всматривался, отмѣчалъ ея ошибки и промахи — но это продолжалось минуты, часъ, не болѣе. Въ концѣ — опять смутное облако становилось между его глазами и картиною, облако за которымъ тускли краски и какъ-то сливались контуры.

— Знаешь? обратился разъ онъ къ Вѣрочкѣ. — Ты начинаешь небрежно вырисовывать контуры.

— Какъ это? удивилась она.

— Разумѣется я не требую чтобы ты подчеркивала ихъ, какъ это дѣлалъ Тьеполо, но нельзя впадать и въ расплывчатость.

— Гдѣ ты видишь расплывчатость?

— Да вотъ хотя-бы здѣсь.

Вѣрочка посмотрѣла, съ изумленіемъ перевела взглядъ на Ряднова и только теперь замѣтила, что съ его глазами творится что-то странное. Онъ усиливался фиксировать взглядъ—вслѣдствіе этого и выраженіе ихъ получало какое-то неопредѣленное, странное, напряженное, какъ у гипнотизируемаго.

— Что ты на меня такъ смотришь?

Ее что-то ударило въ сердце... Первый разъ еще она поняла серьезность того положенія, въ которомъ онъ находился.

— Да, правда, согласилась она, хотя именно на этой картинѣ контуры фигуръ были вырисованы пожалуй слишкомъ рѣзко.—Да, правда, спасибо что ты замѣтилъ.

— Вѣрно значить? обрадовался онъ.—Вѣрно? Я думалъ сначала, что мнѣ это кажется, что глаза шалютъ. А значить дѣйствительно? Справедливо, да?..

И онъ расцвѣлъ весь... А ей хотѣлось плакать надъ нимъ въ эти минуты.

Теперь она работала уже по утрамъ, вставала для этого съ солнцемъ. Онъ спалъ въ своей комнатѣ, завѣшанной плотно голубыми гардинами. Когда онъ выходилъ, картины Вѣры Васильевны были уже повернуты къ стѣнѣ и не бросались ему въ глаза. „Пойдемъ, я хочу гулять“. И она торопливо вводила его въ садъ, окружавшій эту виллу, гдѣ среди ослѣпительнаго блеска итальянскаго дня стояла густая темень пышныхъ аллей и прохлады, такъ хорошо дѣйствовавшая на Ряднова.

(Продолженіе будетъ).

На мое замѣчаніе: что побуждало ее держать въ такомъ отдаленіи своего единственнаго ребенка,—Варвара, по неожиданности вопроса, слегка смутилась. Это не ускользнуло отъ меня.

Я настойчиво сталъ преслѣдовать эту мысль, и изъ менѣе осторожныхъ и двусмысленныхъ отвѣтовъ остальной прислуги, не трудно было прійти къ заключенію, что ребенка систематически удаляли отъ матери.

Я предугадывалъ конечно чье нравственное давленіе должно было тяготѣть надъ жизнью покойной, но цѣль преслѣдуемая этимъ насильственнымъ отчужденіемъ до времени оставалась сокрытою.

По Варвариному объясненію выходило, что графъ пытался этимъ избѣгнуть чрезмѣрнаго баловства, которому мальчикъ подвергался съ самой колыбели, по милости не знавшей предѣловъ материнской любви. Въ послѣдніе же годы онъ сталъ опасаться какъ бы постоянная и все возрастающая меланхолическая графиня не повлияла на его впечатлительную натуру.

Первое время своего замужества, графиня не то чтобы пристрастилась къ свѣтской жизни, но выѣзжала всюду и охотно. Затѣмъ, два года спустя, пока они продолжали жить заграничей, ея мать умерла въ Москвѣ. Она тосковала, порывалась на родину, тревожилась о своихъ. Графъ не переставалъ заботиться объ нихъ издала, но отказался вернуться на зиму изъ опасенія за здоровье годовалого сына. Спусти въкоторое время они поселились въ Петербургъ. Три года съ небольшимъ прошли самымъ обыкновеннымъ, мирнымъ теченіемъ. Двухъ старшихъ сестеръ она взяла къ себѣ въ домъ; младшія воспитывались въ институтѣ, по настоянію графа. Вдругъ, по какой-то никому не понятной, странной причудѣ, графиня, по собственному почину и вопреки не разъ высказанному желанію мужа, полюбившаго ихъ веселое общество, удалила ихъ отъ себя, отдавъ на попеченіе бездѣтному дядѣ. Даже рѣдко къ себѣ въ домъ пускать стала, до выхода замужъ старшей, Марьи Андреевны, за какого-то Винева, незначущаго столоначальника въ вѣдомствѣ дяди. Графъ отнесся къ этому браку несочувственно. Сама Варвара отзывалась о немъ свысока, давая почувствовать что со связями Клеменскихъ и съ приданымъ, которое онъ навѣрно далъ бы при болѣе подходящей партіи, можно было бы куда лучше упрочить участь сестры. Въ словахъ ея звучалъ укоръ Ольгѣ Андреевнѣ за настойчивость проявленную въ этомъ дѣлѣ.

Одновременно съ этими событіями, характеръ ея видимо измѣнился. Оживленіе исчезло, выѣзды и пріемы стали въ тягость. Она избѣгала даже общества мужа; улыбка появлялась на лицѣ только въ играхъ да бесѣдахъ съ подроставшимъ сыномъ. По совѣту докторовъ, принявшихъ эту постоянную, подтачивающую грусть какой-то мудреной, нервной болѣзни, вся семья уѣхала за границу, гдѣ снова пробыла годъ.

Къ этому путешествію относится появленіе француженки въ домѣ. Въ слѣдующую весну (по слѣданному мною исчисленію, нѣсколько мѣсяцевъ спустя нашей встрѣчи), графиню постигъ внезапный ударъ: самоубійство старшаго, любимаго брата. Николай Коринъ былъ уже давно гвардейскимъ офицеромъ, и изъ намековъ Варвары я узналъ, что она много горя отъ него вытерпѣла. Пораженный этимъ страннымъ совпаденіемъ, я тутъ же сталъ доискиваться причины и безъ всякаго труда узналъ, что наканунѣ смерти онъ проигралъ въ карты значительный кушъ.

Всѣ карманныя деньги графини, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пособій бѣднымъ, переходили въ его руки, такъ что простота и однообразіе ея туалетовъ не разъ гнѣвили мужа, находившаго что она омрачаетъ блескъ своего положенія и имени.

Истощены ли были всѣ ея средства въ этотъ моментъ, тяготилась ли она обратиться за помощью къ мужу, или можетъ быть рѣшилась проучить брата, полагая предѣлъ его возрастающей расточительности?—этого, конечно, никто изъ прислуги не могъ знать; достоверно только то, что послѣ бурной сцены, братъ вышелъ отъ нея блѣдный, съ искривленнымъ лицомъ и сверкающими глазами; а она не появлялась къ обѣду и запершись въ своей комнатѣ проплакала всю ночь. На утро, посланный изъ гостиницы принесть оставленное письмо на ея имя и роковую вѣсть, что Коринъ выстрѣломъ изъ револьвера раздробилъ себѣ голову.

Эта развязка чуть было самой графинѣ не стоила жизни. Какъ скошенная трава упала она и цѣлыми днями потомъ лежала неподвижно съ распыренными зрачками, уставленными въ одну точку, а блѣдныя губы безмысленно лепетали: „Жертва... вотъ и жертва... на что?.. кому?..“

Всѣ кругомъ стали опасаться проявленій сумасшествія. Но мало-по-малу острый кризисъ отчаянія улегся. Она жадно стала собирать и окружать себя предметами напоминавшими погибшаго брата. Такъ, наиримѣръ, всѣ единогласно указали на то, что гдѣ бы она ни находилась, рядомъ съ божицей всегда висѣлъ поясной портретъ покойника, а подъ нимъ, на гвоздѣ—револьверъ съ сохранившимися слѣдами его запекшейся крови. Всѣмъ былъ данъ строжайшей запретъ прикасаться къ этому оружію.

Въ самый день происшествія, Варвара хорошо помнила, что, раздѣвъ графиню и кое-что прибравъ на-ночь, она вышла, оставивъ ее колѣнопреклоненно совершать вечернюю, весьма

продолжительную, молитву. Взглядъ ея разсѣянно упалъ на зловавшее оружіе, висѣвшее на обычномъ мѣстѣ, и невольно поддавшись суевѣрному страху, она еще мысленно подвигалась мужеству Ольги Андреевны, такъ хладнокровно относившейся къ тайнамъ и ужасамъ загроможденной жизни. Не чаяла она такъ наглядно признать дѣйствіе нечистой силы, удрѣвъ на другой день этотъ самый пистолетъ въ остывшей рукѣ, вторично загубившимъ человѣческую жизнь.

Капли холоднаго пота выступили у меня при этомъ сообщеніи. Неужели роковое предопредѣленіе сказывало свою власть въ этой таинственной нити, приведшей два близкія существа, полныя жизни и силы, къ преждевременной кончинѣ?

Я инстинктивно чувалъ въ этомъ самомъ револьверѣ какъ бы узелъ предугаданной мною драмы—и вдругъ безспорная принадлежность его молодой женщинѣ подтвердилась цѣлой толпой неурочающихся свидѣтелей!

Сооставляя признаки гнетущей меланхолической, вытекавшей изъ мелкихъ фактовъ собранныхъ дознаніемъ, я близокъ былъ къ мысли отречься отъ запавшаго въ сердце подозрѣнія, и допуская минуту душевнаго аффекта, порожденнаго чуждою и холодною атмосферою, сознаніемъ бесплодно потраченныхъ силъ и наступившей безпомощности, хотѣлъ уже признать неоспоримость докторскаго заключенія. Но смутное предчувствіе тѣмъ не менѣе упорно боролось съ логическими аргументами разума и очевидностью явленій, поощряя меня слѣдовать по развѣянному пути.

Впрочемъ, за послѣдніе полтора года жизнь молодой женщины казалось улеглась въ обычную колею. Религіозное настроеніе сильно развилось въ ней. Она часто посѣщала церковь, постоянно молилась за упокой брата, и слѣды благотворнаго умиротворенія освѣтили ея блѣдныя, измученныя черты. Любимымъ ея времяпровожденіемъ была личная помощь немущимъ. Съ пріѣздомъ въ Элвразъ ея благотворительность обрѣла широкое поле. Графъ, въ своемъ олимпійскомъ величіи, не допускалъ къ усадьбѣ чернаго, рабочаго люда; зато она, съ утра, успѣвала обойти бѣднѣйшія хаты, оставляя повсюду вещественные слѣды своего сочувствія.

Остальное время дня она проводила въ своемъ кабинетѣ, гдѣ на всѣхъ предметахъ еще лежалъ отпечатокъ ея обычныхъ занятій. Общеніе съ мужемъ ограничивалось совмѣстнымъ присутствіемъ въ столовой два раза въ день, такъ какъ утренняя и вечерній чай подавался всѣмъ отдѣльно. Ей оставили право разъ въ день заходить къ сыну, и она обыкновенно молча присутствовала и слѣдила за его уроками. На сонъ грядущій его приводили къ ней, и это обязательное посѣщеніе продолжалось отъ пяти минутъ до получаса, смотря потому кто сопровождалъ ребенка, M-lle Laure или Miss Maxwell. Не трудно было понять что присутствіе первой сокращало и эту малую утѣху.

Никто изъ тщательно опрошенной прислуги не могъ припомнить не то что бурной сцены, но даже явнаго недоразумѣнія между супругами. Духовный разрывъ, тяготѣвшій надъ всѣмъ домомъ, произошелъ такъ же незамѣтно, какъ и давно. Слова жалобы или стованія на судьбу никогда не сорвалось изъ устъ покойной. Можетъ-быть посреди этой темной толпы наибольшее сердце не чуяло ни единого искрено преданнаго существа, способнаго чистосердечно отозваться. Систематически подстроенное одиночество служило затаеннымъ цѣлямъ недремлющаго врага. Холодная небрежность мужа проглядывала во всемъ его поведеніи; онъ предоставлялъ ей полную свободу дѣйствій, за исключеніемъ единственнаго предмета имѣвшаго цѣну въ ея глазахъ, а именно—воспитанія сына. Отказа она ни въ чемъ другомъ не испытывала. Правда, поясняя нѣкоторые, что за послѣднія пять лѣтъ, замкнувшись въ себя, она видимо тяготилась всѣмъ исполненіемъ мужа.

Положеніе Laure Derlong въ качествѣ признанной фаворитки и всевластной повелительницы въ домѣ, настолько ясно вытекало изъ вынужденныхъ отвѣтовъ, что даже сама Варвара не сочла возможнымъ отрицать его. На мой вопросъ: не оскорбленно-ли супружеское достоинство и поправное самолюбіе довели графиню до роковаго намѣренія,—она многозначительно повела плечами и промолвила съ авторитетомъ бывалыхъ людей:

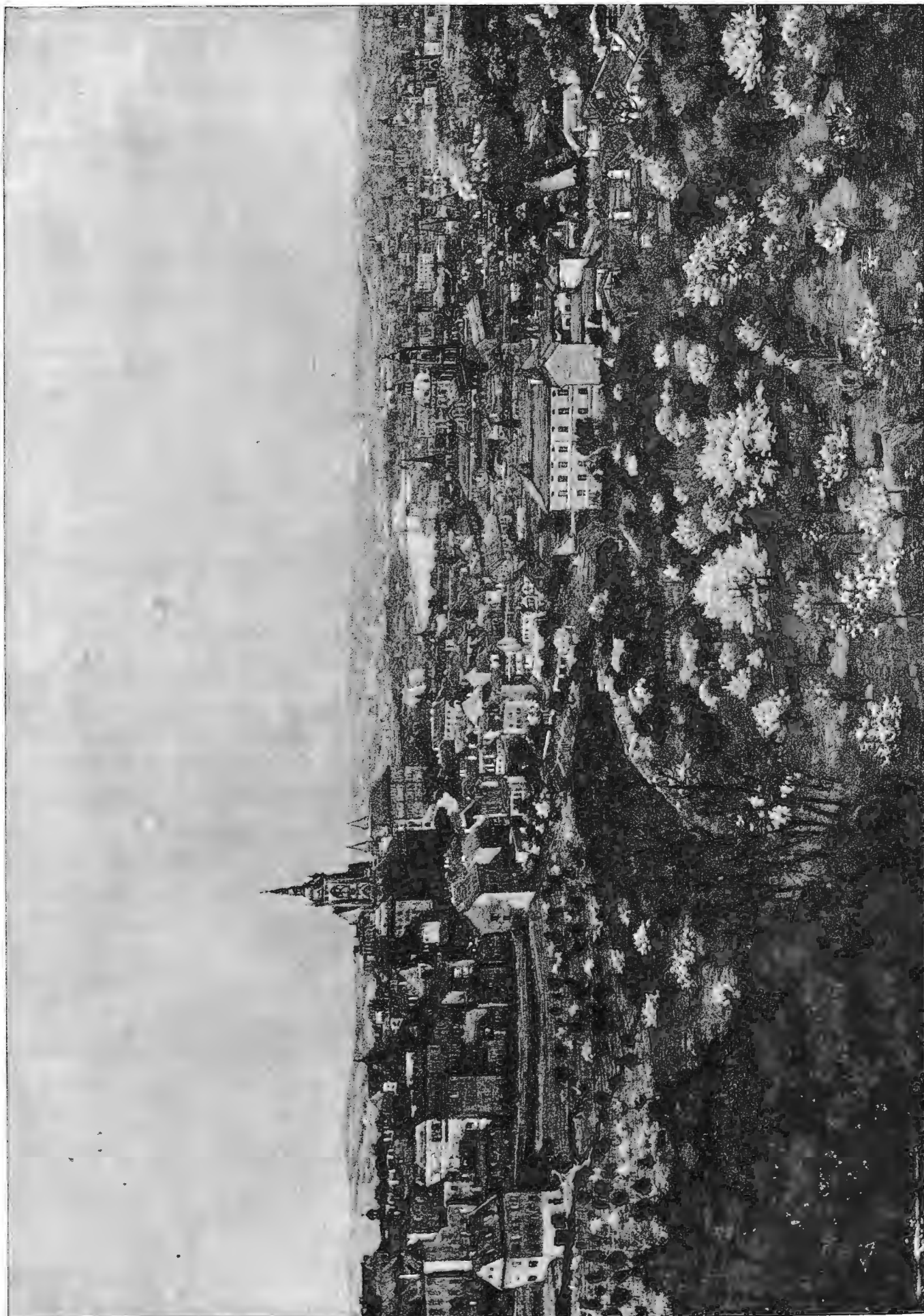
— Съ чего же тутъ? десять лѣтъ какъ замужемъ была, а больше половины какъ совсѣмъ чужіе прожили. Эта не первая, да и врядъ-ли послѣдняя. Въ господскомъ быту такими пустяками не сокрушаются.

И въ этихъ словахъ: „господскій бытъ“ заключался какой-то таинственный лозунгъ, удовлетворительно объяснявшій всей дворнѣ всю тяжесть ненормальныхъ отношеній Клеменцкой чегы.

Я чувствовалъ что выжалъ изъ Варвары все что было въ моихъ силахъ. Существенность остальныхъ многочисленныхъ показаній была набросана на бумагу, и я со смутнымъ волненіемъ готовился ко встрѣчѣ съ француженкой, собираясь помѣряться силами съ искуснымъ противникомъ, какъ меня поспѣшили увѣдомить что графъ Клеменцій ожидаетъ меня. Я, ни минуты не теряя, слѣдовалъ за посланнымъ.

XV.

Вправо отъ танцевальной залы находилась бильярдная, даѣе просторная бібліотека. Въ старинныхъ рѣзныхъ шкалахъ,

Общій видъ Праги. Рис. Хитусси, грав. Кнезингъ.

По деревнямъ съ краснымъ товаромъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Великанова, грав. Дудъ.

высвистывая до самого потолка, виднѣлись дорогія, рѣдкостныя изданія, отъ одного вида которыхъ сердце ученаго или археолога радостно бы замерло, но очевидно обреченныя тутъ на безплодный покой. Массивная дубовая дверь беззвучно распахнулась передо мною, и спутникъ мой моментально исчезъ.

Я очутился на порогѣ мужскаго кабинета, совмѣщавшаго тѣлесную роскошь дѣдовскихъ временъ со всею утонченностью современнаго комфорта. Густые, ярко-пестрые персидскіе ковры заглушали шорохъ шаговъ; высокія окна съ расписными стеклами въ готическомъ стилѣ, пропускали мягкій свѣтъ, фантастическими переливами игравшій на драгоценномъ оружіи, рукой умѣлаго артиста разбросанномъ то на аломъ фонѣ бархата, то на распростертой шкурѣ дикаго звѣря. Разныя статуи съ серебряною, старинною утварью отдѣляли по стѣнамъ разнородныя группы. Въ простѣнкахъ грузныя фигуры рыцарей въ средневѣковыхъ латахъ рѣзко подчеркивали всю изысканную вѣгу низкихъ, мягкихъ креселъ, причудливой кушетки съ кружевной подушкой, надъ которою широколиственная пальма, пересаженная въ дорогую японскую вазу, распространяла поэтическую тѣнь. Самые достопримѣчательные предметы искусства мелькали въ глазахъ; но взглядъ мой, бѣгло окинувъ всю комнату, остановился на серединѣ ея.

У чернаго мраморнаго камина, устало склонивъ голову на облокотившуюся руку, стояла высокая, сухоощавая фигура графа Клеменцаго. Я имѣлъ полную возможность разглядѣть досыта его черты, прежде чѣмъ онъ замѣтилъ мое присутствіе.

За эти четыре года онъ видимо постарѣлъ. Никакая уловка прически не могла уже скрыть безпощадную лысину; въ тусиломъ сѣромъ взорѣ величавая скука смѣшалась притупленною апатіей. Въ мелкой сѣткѣ морщинъ испещрившихъ виски, въ болѣзненно-сѣромъ цвѣтѣ лица краснорѣчиво сказывались слѣды жизненнаго пресмѣненія. Въ сгорбленныхъ колѣняхъ можно было уловить слабое трясеніе.

Я слегка кашлянулъ, чтобы привлечь его вниманіе. Онъ мгновенно встрепенулся. Черты его уже приняли величаво-грустное выраженіе, когда онъ медленно подался мнѣ на встрѣчу.

— Судебный слѣдователь Забѣльскій, счелъ я нужнымъ сообщить.

Онъ протянулъ мнѣ костлявыя пальцы холодной руки тѣмъ снисходительнымъ жестомъ, который невольно подчеркиваетъ различіе социальныхъ положеній между людьми, случайно сведенными судьбою.

— Я крайне сожалѣю, началъ онъ беззвучнымъ голосомъ, — что нервное потрясеніе, испытанное мною, не дозволило мнѣ лично слѣдить за исполненіемъ тяжелой процедуры, вынашившей вамъ на долю въ моемъ домѣ; но лишь только мнѣ доложили о вашемъ желаніи освѣдомиться лично у меня о нѣкоторыхъ подробностяхъ этого неожиданнаго и ужасающаго происшествія, я собрался съ силами, и какъ вы теперь видите, исполнилъ къ вашимъ услугамъ.

Онъ грузно опустился въ бархатное кресло, указывая мнѣ рукою послѣдовать его примѣру.

— Экспертиза доктора Журина привела къ признанію факта самоубійства, началъ я, — исполнѣли вы раздѣляете это мнѣніе? И я не сводилъ съ него взора, напрягая всю прозорливость и силу воли, чтобы заглянуть въ тайникъ его души.

Онъ удивленно приподнял отяжелѣвшія вѣки. Мы помѣрлись глазами, но я не могъ уловить въ немъ и тѣни смущенія.

— Если-бы я не причислилъ вашъ вопросъ къ соблюденію формальностей, то онъ показался бы настолько же наивнымъ, насколько излишнимъ.

— Въ такомъ случаѣ, мой служебный долгъ предписываетъ мнѣ добраться до причины столь прискорбнаго факта. Я, кажется, въ правѣ полагать, что моя цѣль должна идти навстрѣчу вашему желанію?

Онъ кивнулъ головою въ знакъ молчаливаго одобренія.

— Всякій на моемъ мѣстѣ пришелъ бы въ недоумѣніе при видѣ молодой женщины-красавицы, въ самыхъ исключительно-счастливыхъ условіяхъ жизни, какъ мнѣ довелось судить, рѣшающейся на роковой, безвозвратный шагъ—обыкновенно или послѣдствіе непосильной борьбы, или исходъ безпредѣльнаго отчаянія.

— Кто вызовется истолковать сердце женщины вообще, а моею несчастной жены въ особенности? отвѣтилъ онъ послѣ минутнаго раздумья съ подавленнымъ вздохомъ.

— Тѣмъ не менѣе, я считаю себя въ правѣ настаивать, такъ какъ мнѣніе лица, ближе всѣхъ стоявшаго къ покойной графинѣ, неминуемо должно пролить свѣтъ на обстоятельства породившія самый фактъ.

— Вотъ цѣлыя сутки—и одинъ Богъ свидѣтель, какъ онѣ мнѣ томительно длинны показались! — я стою лицомъ къ лицу съ этой таинственной загадкой и сознаюсь откровенно: она мнѣ не по силамъ.

Голосъ его чуть замѣтно дрогнулъ.

Я, въ свою очередь, поглядѣлъ на него съ изумленіемъ. Комедія такъ не разыграть. Онъ былъ безспорно искрененъ въ эту минуту.

— Я, по мѣрѣ силъ, тщательно выслѣдилъ всю жизнь покойницы, наирая особенно на послѣдніе мѣсяцы и дни. Изъ показаній вашей многочисленной прислуги, ничто не указываетъ на внезапный мотивъ, могшій повлечь къ подобному рѣшенію, но, понятно, бываютъ тайны, способныя породить неожиданнаго, тяжелаго или обиднаго для женскаго достоинства столкновенія, а это легко могло сокрыться отъ ихъ назойливаго любопытства.

— Я понимаю всю прозрачность вашего намека.—Ироническая улыбка скривила тонкія губы графа.—Ваши обязанности вовлекли васъ въ невольное вторженіе въ мою семейную жизнь. Вамъ, вѣроятно, истолковали ее превратно. Я не хочу, чтобы вы считали себя въ правѣ упрекнуть меня, я не знаю, какъ это выразить: въ *manque de bonne volonté* ¹⁾, вы понимаете меня?

Я молча кивнулъ головою.

(Продолженіе будетъ.)

Лица и напитки на Востокѣ.

Въ большихъ восточныхъ городахъ, гдѣ образъ жизни „франковъ“ (такъ называютъ здѣсь всѣхъ вообще европейцевъ) достаточно привился, какъ Смирна, Бейрутъ, Іерусалимъ, Александрія, Каиръ, въ настоящее время къ услугамъ путешественника находятся вполне комфортабельныя гостиницы, въ которыхъ прѣзжіи англичанинъ найдутъ свой бифтекъ и пуддингъ, французъ—любимое рагу и салатъ, итальянецъ—родныя макароны, а нѣмецъ—шнелльглопсъ и пиво. Но если случится отправиться глубже въ страну, то уже придется захватить провизію съ собою, чтобы наравнѣ съ восточными кушаньями имѣть возможность останавливаться въ караванъ-сараяхъ или ханахъ, гдѣ кромѣ бесплатнаго пристанища ничего нельзя получить и прѣзжіимъ предоставляется самимъ заботиться о своемъ столѣ.

Такъ какъ при подобномъ путешествіи приходится иногда имѣть дѣло съ мѣстными кушаньями, то небезинтересно съ ними познакомиться. Дальнѣйшая наша рѣчь будетъ посвящена этому вопросу.

На всемъ Востокѣ пилавъ издавна составляетъ національное кушанье, ибо уже за триста лѣтъ до Р. Х. онъ подавался къ столу персидскихъ царей. Смотри по приговору, различаютъ простой, золотой и персидскій пилавъ. Первый состоитъ просто изъ отвареннаго въ водѣ риса, облитаго жиромъ; лучше готовятъ его изъ отвареннаго риса, перемѣшаннаго съ кусочками баранины или курицы, а въ Средней Азіи сюда прибавляютъ еще моркови и чернослива. Какъ при пилавѣ, такъ и въ другихъ мясныхъ блюдахъ, употребляютъ преимущественно баранину, благодаря чему, во время праздника Байрама, барановъ колютъ тысячами. Впрочемъ, послѣдніе, а также и агнята, здѣсь очень вкусны вслѣдствіе того, что кормомъ имъ служитъ сочная, душистая трава, произрастающая на горахъ и горныхъ долинахъ, известную здѣсь подъ названіемъ „вади“,—вотъ почему всѣ почти мясныя блюда готовятся почти исключительно изъ мяса этихъ животныхъ. Изъ такихъ кушаній особеннымъ предпочтеніемъ пользуется „кебабъ“ или „шиш-кебабъ“, какъ здѣсь называютъ маленькіе кусочки мяса, поджаренные на вертелѣ; дагѣ изъ рубленнаго

мяса готовятъ „кіма“, а вареная баранина съ обильной подливкой носитъ названіе „яна“. Въ Персіи особенно любятъ „дуле-кебабъ“, приготовляемый изъ жирнаго рубленнаго мяса, которое нанизываютъ на тоненькій прутыкъ и такимъ образомъ подрумяниваютъ.

Насколько восточные народы любятъ свою баранину, настолько же они къ говядинѣ чувствуютъ отвращеніе; это укоренилось у нихъ вѣками, благодаря тому, что она по ихъ понятіямъ вредна. Поэтому коровъ и телятъ рѣжутъ здѣсь исключительно только для христіанъ и евреевъ; туземецъ же ни за что не станетъ ѣсть мясо этихъ животныхъ. Если нубійскій крестьянинъ и вырѣжетъ изъ ляжки своего рабочаго вола кусокъ мяса на бифтекъ пробажаму англичанину, то преспокойно будетъ ждать заживленія раны, не убивая животнаго.

Очень вкуснымъ блюдомъ считается еще такъ-называемая „долма“, которыхъ мѣстные гастрономы насчитываютъ до пятидесяти сортовъ. Это названіе означаетъ вообще все, что чѣмънибудь фаршировано; такъ, великолѣпный султанскій дворецъ на берегу Босфора—Долма-Бахче, означаетъ собственно „фаршированный садъ“, т. е. почва котораго искусственно удобрена. Потому оно означаетъ еще начинку, и вотъ отсюда названіе любимаго кушанья. Приготавливаются онѣ изъ сильно приправленнаго мяса птицъ или рыбъ съ рисомъ или овощами, затѣмъ все это завертывается въ листь винограда или тыквенныхъ растеній въ видѣ колбасы. Особая долма, болѣе всего любимая турками, представляетъ начинку приготовленную съ масломъ и употребляемую въ пишу въ холодномъ видѣ, вслѣдствіе чего она постоянно сопровождаетъ путешественниковъ какъ по морю, такъ и на сушѣ, а также и отправляющихся гулять на кладбище.

Птицы находятъ себѣ на восточной кухнѣ многоразличное примѣненіе. Поэтому въблизи базара всегда можно встрѣтить крестьянокъ съ большими корзинами куръ и голубей на головѣ; на самомъ же рынкѣ можно найти „ката“ (родъ куропатки), переледокъ, дрохвъ, болотную и водяную дичь, наловленную по большей части при помощи силковъ, а въ странахъ около рѣки

¹⁾ Въ недостаткѣ доброй воли.

Евфрата, для ловли ихъ пользуются охотничьимъ соколомъ. Изъ четвероногой дичи наибольшему преслѣдованію подвергается быстроногая газель; около Мертваго моря бедуинъ выслѣживаетъ каменнаго барана Іудейской пустыни. Горная Аравія изобилуетъ красною дичью, также нерѣдки зайцы, которыхъ, впрочемъ, магометане-шиты не ѣдятъ, считая ихъ за нечистыхъ животныхъ, запрещенныхъ къ употребленію въ пищу. На Востока также встрѣчаются огромными стаями дикіе кабаны, которые здѣсь свободно размножаются, не подвергаясь преслѣдованію со стороны мѣстныхъ охотниковъ.

Что касается рыбы, то на рынкахъ приморскихъ и прирѣчныхъ городовъ ее можно найти въ большомъ выборѣ. Константинопольскій рыбный рынокъ славится лучшими макрелями и тунцами или скумбрами (*Scomber thynnus*), а въ каирскомъ „муски“ въ большомъ изобиліи находятся какъ свѣжія морскія рыбы изъ Александріи, такъ и жареный пильскія.

Изъ кухонныхъ растений первое мѣсто занимаютъ тыквенныя (дыня, арбузъ, огурцы), чеснокъ и лукъ. Дыня въ здѣшней жаркомъ климатѣ является драгоценнымъ фруктомъ, восхитительный ароматъ котораго распространяется по всему базару, причемъ, благодаря тому что за нѣсколько возами мѣдныхъ монетъ всякій можетъ на рынкѣ купить себѣ ломтикъ, не только богатый, но и послѣдній бѣднякъ имѣетъ возможность насладиться имъ. Лучшія дыни раскупаютъ въ Хивѣ и Персіи, восточнее онѣ распространены въ странахъ прилегающихъ къ Кавказу, во всей передней Азій и Египтѣ, вплоть до Венгріи и нижняго теченія Дуная. Мѣстная дыня, вслѣдствіе своего пріаго аромата и нѣжнаго вкуса, можетъ стать на ряду съ лучшими фруктами; она до того сочна, что такъ и таетъ во рту, а при разрываніи сокъ ея падаетъ густыми, тяжелыми каплями. Куски арбуза, очень здѣсь ароматнаго и сладкаго, съ хлѣбомъ составляютъ въ высшей степени освѣжающее лакомство, которымъ наслаждается все населеніе. Такимъ образомъ дыни и арбузы являются очень важными фруктами и привозятся ко времени ихъ спѣлости цѣлыми возами на базаръ съ полей, гдѣ ихъ разводятъ. Затѣмъ, широко распространенными въ народѣ овощами являются огурцы. Мѣстный огурецъ имѣетъ твердое, сладковатое мясо. Крестьяне Вилееса и Виеаніи приносятъ по утрамъ большое количество огурцовъ на рынокъ Іерусалима, гдѣ любимую пищу народа составляютъ преимущественно длинные сорта ихъ. У восточныхъ народовъ очень важную роль въ приготавленіи кушанья играютъ чеснокъ и лукъ. Благодаря тому, что эти растенія пользуются такимъ предпочтеніемъ семитическихъ народовъ, ихъ разводятъ повсюду, причемъ, благодаря культурѣ, имѣется горькій и сладкій лукъ, отличающіеся другъ отъ друга тѣмъ, что послѣдній не обладаетъ такимъ сильнымъ запахомъ и болѣе нѣжнаго вкуса, чѣмъ обыкновенный; также и чеснокъ здѣсь имѣется такой, который въ значительной мѣрѣ утратилъ свой характерный, противный запахъ.

Большее всего почитаютъ на Востока конфеты и всѣ вообще сладости. Безъ сладкаго не кончается ни одинъ обѣдъ, а въ Персіи даже мясо обсыпаютъ сахаромъ и корицей. Кромѣ конфетъ, называемыхъ въ Турціи „татлиликъ“, въ Персіи „ширини“, въ Аравіи „шекерлама“, очень любятъ халву, продаваемую халваджамъ, которые приговариваютъ ее изъ рисовой муки съ сахаромъ или медомъ и кунжутнымъ масломъ; затѣмъ идетъ „баклава“—жирное тѣсто, густо обсыпанное сахаромъ; далѣе „буреки“—пирожки со сладкими овощами, преимущественно же „рахатъ-лукумъ“, т. е. удовольствіе или успокоеніе горла. Лучшіе кондитеры Востока—персіяне. Въ болѣе тонкомъ поварскомъ искусствѣ, въ которомъ арабы ихъ превосходятъ, тогда какъ турки въ этомъ стоятъ значительно ниже, вездѣ видно вліяніе персіяне. Въ Турціи, Аравіи и Персіи всегда увидишь кондитера этой національности, съ его очень красивыми пирожными на деревянныхъ тарелкахъ, вносящихъ названіе „гонджа“. Въ торжественные дни сладости играютъ громадную роль, такъ во время свадебной процессіи везутъ цѣлыя корзины ихъ, а во время праздника по случаю обрѣзанія, равно какъ и при похоронахъ знатныхъ лицъ, слуги съ нагруженныхъ верблюдовъ пригоршнями кидаютъ народу различныя лакомства.

Фруктовый сокъ также находятъ себѣ примѣненіе; виноградный и арбузный сокъ, а также и сокъ константинопольскихъ розковъ или стручьевъ сгущаютъ до консистенціи сиропа, причемъ арбузный сокъ вездѣ на Востока употребляется вмѣсто сахара. Очень вкусны варенье и засахаренные фрукты, особенно же экстрактъ изъ розъ, фіалокъ или ванили, приготавленіемъ которыхъ Востока уже издавна славится. Какъ въ Каирѣ и Александріи, такъ равно въ Дамаскѣ и Стамбулѣ можно освѣжиться мороженымъ („дондурмакъ“), причемъ два послѣдніе города пользуются для этой цѣли льдомъ Олимпа въ Виеаніи и Гермона.

Изъ фруктовыхъ деревьевъ въ Аравіи, Египтѣ и другихъ странахъ Африки первое мѣсто занимаетъ финиковая пальма; въ Аравіи финики, кромѣ того что представляютъ главный предметъ торговли, служатъ почти ежедневной пищею народу. Также и апельсиновое дерево распространилось изъ своей родины—Индіи, во всѣхъ этихъ странахъ, причемъ въ Палестинѣ лучшими апельсинами считаются справедливо ѳфескіе, которые поэтому можно встрѣтить на всѣхъ рынкахъ Сиріи. Гранатное дерево, пользуясь особенною любовью арабовъ, вездѣ сопровождаетъ

ихъ, такъ что, какъ извѣстно, и городъ Гренада получилъ свое названіе благодаря этому обстоятельству. Изъ другихъ фруктовъ Востока справедливо славятся дамасскіе и аленскіе абрикосы и сливы, смоввы изъ Смирны, виноградъ изъ Ширази и Таифа, груши изъ Натенца, персики съ Родоса и египетскіе бананы; къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить миндаль и орѣхи передней Азій, фисташки изъ Алеппо и кокосовые орѣхи верхняго Египта.

Во всей пустынѣ главная пища—масло, въ которомъ бедуины положительно купаются, затѣмъ хлѣбъ, размазня и степной сморчокъ. Барана здѣсь закалываютъ только въ томъ случаѣ, когда у шейха гости, или же въ праздникъ.

Какіе напитки въ употребленіи на Востока? Нужно замѣтить, что въ этихъ жаркихъ странахъ воду цѣнятъ гораздо выше чѣмъ на сѣверѣ Европы, и свѣжая вода является здѣсь очень дорогимъ питьемъ. Мѣстные поэты воспѣли въ своихъ нѣсняхъ источники, вытекающіе изъ подножія палымъ среди песковъ или голога камня, и вмѣстѣ съ ними „тѣхъ князей, которые ихъ выкопали“. Народъ благословляетъ устраивающихъ колодецы, изъ-за обладанія которыми часто происходить кровавыя распри. Многіе, даже большіе города, имѣютъ всего одинъ колодець, а иногда даже и того нѣтъ, такъ что жители собираютъ себѣ въ цистерны дождевую воду, выпадающую во время зимы. На улицахъ всякаго восточнаго города можно увидѣть носильщика воды, который часто совершаетъ далекія прогулки, чтобы снова наполнить свой заплатанный козій мѣхъ водою.

Изъ составныхъ напитковъ восточные люди больше всего любятъ „шербетъ“ (фруктовый сокъ съ водою). Потребленіе его въ этихъ жаркихъ странахъ громадное, причемъ сокъ лимонный, персиковый, гранатъ и другихъ фруктовъ, пріятно охлаждающій свѣгомъ или искусственнымъ льдомъ, доставляетъ восточному лакомкѣ большое наслажденіе. Къ числу лучшихъ шербетовъ принадлежитъ занесенный изъ Греціи „розатомъ“ (засахаренные лепестки розъ), который до сихъ поръ въ Дамаскѣ и другихъ мѣстахъ остается любимымъ напиткомъ. Арабы называютъ этотъ шербетъ „фокка“, также „кошабъ“, т. е. пріятная вода; впрочемъ, это названіе они даютъ и другимъ фруктовымъ шербетамъ.

Необходимымъ напиткомъ восточнаго человѣка является чашка кофе, которою и кунецъ считаетъ долгомъ угостить своего покупателя. Въ арабскихъ кофейняхъ, лишенныхъ по большей части почти всякаго комфорта, этотъ ароматный и вкусный напитокъ можно получить за нѣсколько „чара“ (около $\frac{1}{4}$ коп.). Во всякомъ арабскомъ домѣ имѣется „кхавахъ“—кофейная комната, которая служитъ для варки кофе и вмѣстѣ съ тѣмъ сборнымъ пунктомъ мужчинъ. Въ Персіи пьютъ также много чаю, иногда ради разнообразія вышеть его и важный турокъ, но преимущественно все-таки остается за кофе, который является здѣсь вполнѣ мѣстнымъ напиткомъ. Лица, которымъ приходится побывать въ нѣсколькихъ домахъ, выпиваютъ его до десяти, пятнадцати чашекъ въ день. Когда въ „кхавахѣ“ находится гость, то первую чашку выпиваетъ всегда тотъ, кто его варитъ, чтобы показать, что „нѣтъ смерти въ его горнѣхъ“.

Пророкъ запретилъ мусульманамъ пить вино, ибо какъ до Магомета, такъ и въ его время пьянство было народнымъ несчастьемъ. Греческіе христіане рассказываютъ преданіе, будто Магометъ, выпивъ вина, убилъ своего учителя, монаха Сергія, о которомъ онъ такъ сожалѣлъ, пріидя въ нормальное состояніе, что запретилъ и своимъ послѣдователямъ употребленіе этого напитка. Говорятъ также, будто онъ лишилъ своихъ послѣдователей вина изъ ненависти къ христіанамъ, у которыхъ оно употребляется въ таинствѣ Причащенія. Вѣроятное же объясненіе этого запрещенія заключается въ томъ, что онъ уже у нѣкоторыхъ іудейскихъ сектъ видѣлъ воздержаніе въ этомъ отношеніи и передалъ своимъ послѣдователямъ это аскетическое правило, какъ и многія другія; въ Коранѣ онъ называетъ вино „нечистымъ, отвращеніемъ и произведеніемъ сатаны“. Однако въ настоящее время, особенно въ высшихъ, не столь религіозныхъ слояхъ общества, это далеко не исполняется такъ строго. При дипломатическихъ обѣдахъ въ Константинополѣ и Каирѣ шампанское льется рѣкою, впрочемъ подъ названіемъ „шинучаго лимонада“. При вечернихъ собраніяхъ у эфенди въ вилахъ, лежащихъ у Босфора, напиваются водкою или „раки“, употребленіе которой не запрещено Кораномъ, впрочемъ единственно потому, что при Пророкѣ этотъ напитокъ еще не былъ извѣстенъ; а въ Персіи жены шаха устраиваютъ цѣлыя попойки. Вообще однако слѣдуетъ сказать что отъ пьянства страдаетъ на Востока лишь высшій классъ, тогда какъ народъ отличается болѣею трезвостью сравнительно съ европейцами.

Теперь представимъ себѣ, что мы присутствуемъ на восточномъ обѣдѣ. Каждый арабскій обѣдъ начинается общимъ вослицаніемъ „бисмиллахъ“ (именемъ Божьимъ). Предъ трапезой всѣ умываютъ себѣ сначала руки, затѣмъ садятся всѣ на корточки вокругъ стола, вмѣсто котораго у бедуинскаго шейха служитъ деревянная доска, обитая гнѣздомъ, обыкновенно же кусокъ кожи, который послѣ обѣда стягивается на подобіе маны и служитъ для сохраненія остатковъ обѣда. Ѣдятъ безъ ножа и вилки, пользуясь единственно пальцами; впрочемъ, мясо такъ разварено, что разваливается отъ одного прикоснове-

вия. Хозяинъ радушно угощаетъ сидящаго отъ него по лѣвую руку (на почетномъ мѣстѣ) гости, а въ нѣкоторыхъ странахъ послѣднему выпадаетъ такая высокая честь, что хозяинъ собственноручно кладетъ ему въ ротъ кусокъ рису въ формѣ колбасы. При этомъ ѣдятъ поснѣшно, занимая только водою, и все время молчатъ или же разговариваютъ очень мало. Умывъ руки, всѣ встаютъ изъ-за стола съ восклицаніемъ „эль хамдуль иллахъ“ (благодаримъ Тебя, Господи!). Въ центральной Аравіи существуетъ обычай окуриваться послѣ обѣда, для чего пользуются жаровнею съ кусочками ароматнаго дерева, которая подносится къ подбородку, ушамъ, бородѣ и груди.

На торжественныхъ обѣдахъ въ Константинополь—по большей части около одиннадцати часовъ утра—по старому восточному обычаю присутствуетъ дѣлая толпа прислуги, большая часть толкается безъ дѣла. Армянинъ приноситъ кушанье на большомъ деревянномъ блюдѣ въ первый этажъ, куда затѣмъ собираются мужчины, слышавъ призывъ „иемекъ чикти“ (кушанье подано). Превънная низкая доска, замѣнявшая обѣденный столъ, теперь понемногу приняла форму стола на одной ножкѣ, на который кладется „сини“, круглая мѣдная пластинка, съ блюдами, нѣсколькими ложками и оладьями, замѣняющими хлѣбъ. Все общество усаживается со скрещенными ногами (по-турецки) вокругъ стола безъ всякаго порядка, только гости помѣщаются всегда вблизи отъ хозяина. Подаютъ на обѣдъ отъ шести до пятнадцати блюдъ. Турокъ ѣстъ очень быстро и такъ много, что послѣ обѣда совершенно неспособенъ ни къ какой работѣ. По знаку хозяина, хлопочащаго въ ладоши (какъ вообще на Востоку принято звать прислугу), прислуга быстро приноситъ новую перемѣну кушаній, причемъ одно и то же блюдо служитъ для различныхъ яствъ. Здѣсь подаются кисляя и сладкія кушанья, инья жаркое посыпанная перцемъ, различные пилавы, курица, жаркое, цикорный, обыкновенный и крессъ-салатъ, маслины, каперсы и т. д. Вообще же, какъ еще и во время процвѣтанія халифатовъ, сна-

чала подаются кисляя кушанья, затѣмъ уже сладкія; конфеты и снѣжки никогда не появляются за обѣденнымъ столомъ, а служатъ забавою въ другое время.

Веселая бесѣда рѣдко сопровождаетъ обѣдъ, такъ какъ гдѣ же взять остроумія и шутокъ, когда нѣтъ хозяйки дома, водушевающей своимъ присутствіемъ мужское общество? Обыкновенно обѣдъ оканчивается въ полчаса. Затѣмъ облизываютъ запачканные пищею пальцы, послѣ чего слуга подаетъ воду для того чтобы умыть руки, хозяинъ вытираетъ ихъ тонкою съ золотыми вышивками салфеткою, причемъ самъ иногда положитъ водою ротъ, и всѣ подымаются изъ-за стола. Послѣ обѣда, всѣ отправляются на террасу, чтобы подъ сладкое журчаніе фонтана предаться пріятному кейфу, потягивая дымъ изъ кальяна и любясь окружающею природою.

Въ Персіи объ опрятности хлопочутъ гораздо меньше. Для вытиранія рукъ тамъ служитъ длинная, изъ бумажной матеріи, ширинка, которая разстилается на колѣни всѣхъ участвующихъ въ обѣдѣ, а послѣ обѣда она служитъ мѣстомъ хранения остатковъ его до другаго дня. Здѣсь обѣдаютъ, не поджавъ ноги по-турецки, а сидя на корточкахъ. Кушанья подаются всѣ сразу на кусочкахъ войлока и каждый выбираетъ себѣ любое, по вкусу, причемъ пользуется лишь правою рукою, лѣвая же остается все время спрятанною въ рукавъ верхней одежды. Главная забота за обѣдомъ состоитъ въ томъ чтобы не запачкать кушаньями бороды, которая считается, какъ извѣстно, на Востоку священною и правовѣрные даже кланутся бородою Пророка. Омовеніе рукъ совершается больше изъ нежеланія нарушать установленный обычай, чѣмъ въ видахъ опрятности.

Вообще лица со временемъ измѣнились на Востоку значительно. Прежде арабы питались лишь хлѣбомъ и масломъ, прибавляя къ этому, по праздникамъ, верблюжье мясо; теперь же столъ отличается большею роскошью, особенно у болѣе знатныхъ; впрочемъ, простой народъ и до сихъ поръ живетъ сравнительно съ европеемъ очень просто.

Къ рисункамъ.

Затравили. (Рис. на стр. 697).

Не все то золото чтѣ блеститъ, и не всякаго зайца можно травить, какъ бы онъ ни былъ пушистъ и долгоухъ. Эта истина еще незнакома молодымъ таксамъ, въ которыхъ однако уже заговорила охотничья страсть,—и вотъ щенки, захвативъ дѣтскую игрушку, тормозятъ ее съ усердіемъ не по разуму.

Панно проф. К. Е. Маковского, писанная для г. фонъ-Дервиза. „Музыка“. (Рис. на стр. 700).

Продолжая серію извѣстныхъ читателямъ *Нивы* панно, помѣщаемъ изображающее музыку въ видѣ красивой молодой женщины, аккомпанирующей на арфѣ хору амуровъ, которые поютъ по нотамъ. Изящество компановки говоритъ само за себя. Возносящее душу дѣйствіе музыки выражено тѣмъ, что нога играющей едва касается земли, а вся фигура и легкокрылый хоръ уже тонутъ въ облакахъ.

Рыбачьи тони на Бѣломъ морѣ. (Рис. на стр. 701).

Тони Бѣлаго моря очень похожи на наши столичные: тотъ же помостъ на свалхъ, тотъ же кабестанъ для вытаскиванія невода, тѣ же рыбачьи лодки, причаленныя у помоста, и надо всѣмъ этимъ сѣверное небо съ блѣдными, какъ бы льдыстыми звѣздами, а понизу въ водѣ золотистый столбъ луннаго отраженія.

Любимцы. (Рис. на стр. 705).

Извѣстный нѣмецкій живописецъ Юлій Робертъ Бейшлагъ родился въ Нердлингенѣ, въ Баваріи, 19 іюня 1838 года. Поступивъ въ Мюнхенскую академію, онъ занимался подъ руководствомъ Филиппа Фольца. Впослѣдствіи онъ усовершенствовался въ своемъ искусствѣ въ Парижѣ и Италіи. Среди многочисленныхъ его произведеній, изображающихъ простыя бытовые сцены, причемъ видное мѣсто въ нихъ всегда играютъ дѣти и молодыя женщины, чрезвычайно изящно имъ изображаемая, не послѣднее мѣсто занимаетъ его картина „Любимцы“, помѣщенная на стр. 705.

Прага. (Рис. на стр. 708).

Столица королевства Чешскаго, Прага, третій по величинѣ и населенности городъ Австро-Венгерской монархіи, расположенъ на обоихъ берегахъ Молдавы. Посреди окружающаго городъ возвышенностей, съ шумною рѣкою, на которой разбросано нѣсколько островковъ, со своими мостами, многочисленными церквами, башнями и средневѣковыми постройками, Прага представляетъ своеобразно красивую картину.

Городъ состоитъ изъ семи частей; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: Старый городъ, на правомъ берегу Молдавы, расположенный совсѣмъ внизу долины, съ узкими и кривыми улицами, и Новый городъ, охватывающій съ юга до востока полукругомъ Старый городъ. Самый городъ до сего времени частью окруженъ крѣпостными стѣнами, построенными во второй по-

ловинѣ XVII столѣтія; но такъ какъ Прага давно потеряла значеніе укрѣпленнаго города, то съ 1875 года стѣны постепенно разбираются. Изъ достопримѣчательностей города должны быть упомянуты его мосты, среди которыхъ выдающееся мѣсто занимаетъ Карловъ мостъ, отстроенный въ теченіе почти полутора столѣтія съ 1357 года по 1503 годъ. Почти въ полверсты длиною, съ 16 пролетами, онъ оканчивается двумя башнями, изъ которыхъ въ архитектурномъ отношеніи замѣчательна башня построенная со стороны Стараго города въ готическомъ стилѣ, въ 1452 году. Кромѣ того, во всю длину моста обращаютъ на себя вниманіе стоящія по обѣимъ сторонамъ его статуи. Изъ нихъ особенно почитается бронзовая статуя Іоанна Непомука. Церквей съ монастырями особенно много въ Прагѣ. Однихъ католическихъ насчитываютъ 47, съ 23 капеллами, 3 евангелическихъ, 1 православная и 22 монастыря. Кромѣ того въ городѣ 10 синагогъ. Изъ зданій особенно замѣчательнъ университетъ. Основанный въ 1348 году Карломъ IV по образцу Парижскаго, онъ одно время былъ единственнымъ высшимъ образовательнымъ заведеніемъ въ Германіи и въ началѣ XV вѣка въ немъ было свыше 10,000 учащихся. Раздѣленный въ 1882 году на два университета, чешскій и нѣмецкій, онъ насчитывалъ въ 1886 году до 258 учащихся и 3674 учащихся.

Основанная, по преданію, Любушей въ 722 году, Прага была уже весьма значительнымъ городомъ въ XIII вѣкѣ. Нынѣ она имѣетъ населенія болѣе 170,000, считая въ томъ числѣ до 6,500 человекъ гарнизона.

По деревнямъ съ краснымъ товаромъ.

(Рис. на стр. 709).

„Эй, Ѳедорушки! Варварушки!
„Отпирайте сундуки!
„Выходите къ намъ, сударушки.
„Внесите пятаки!“
Жены мужнія — молодушки
Къ коробейникамъ идутъ,
Красны дѣвицы-лебедушки
Новины свои несутъ.
И старушки важеватыя,
Глядь туда же приплелись.
„Ситцы есть у насъ богатые,
„Есть миткаль, кумачъ и плисъ.
„Есть у насъ мыла пахучія —
„По двѣ гривны за кусокъ,
„Есть румяна неляночія —
„Молодись за пяточокъ!
„Видишь, камни самоцвѣтные
„Въ перстенькѣ какъ жаръ горять.
„Есть и любчики завѣтные—
„Хоть кого приворожать!“

Н. Некрасовъ.

Ужъ и травяная лягушка, Рис. и грав. Шпехтъ. Библиотека "Руниверс"

Ужъ и травяная лягушка. (Рис. на стр. 713).

Лягушки составляютъ главную добычу ужей. По словамъ известнаго естествоиспытателя Линка, лягушка во-время угадываетъ намѣреніе приближающагося ужа, въ которомъ инстинктъ и воспоминаніе когда-то счастливо миновавшей опасности заставляютъ ее узнать злѣйшаго врага; она тотчасъ старается убѣжать, какъ всякое животное за которымъ охотятся. Но страхъ отнимаетъ у нея присутствіе духа, такъ что она скачетъ рѣдко и небольшими прыжками, а между тѣмъ только крупныя прыжки и могли бы спасти ее. Чрезвычайно странно звучитъ полный отчаянія крикъ испуганной лягушки, вовсе не похожій на ея обыкновенное кваканье; онъ похожъ на блеяніе овцы, по протяженіи и дѣйствительно вызываетъ состраданіе. Преслѣдованіе длится не долго, чрезъ минуту змѣя уже хватается и проглатываетъ добычу. Змѣѣ стѣдуетъ не малаго труда справиться съ подвижною добычей, но послѣдней тѣмъ не менѣе рѣдко удается освободиться отъ неумолимаго врага. Маленькихъ лягушекъ ужъ легче глотать, чѣмъ большихъ, надъ которыми онъ возится иногда по нѣсколькимъ часамъ и очень устааетъ; маленькіе же лягушекъ голодный ужъ можетъ проглотить до дюжины одну за другой. При сильномъ голодѣ онъ можетъ съѣсть до 100 головастикавъ и до 50 лягушекъ только что околѣвшихъ свое превращеніе изъ головастикавъ.

Н. Д. Заіончковская (В. Крестовскій).

(Портр. и рис. на стр. 716).

Невдалекѣ отъ столицы, въ Старомъ Петергофѣ тихо скопчалась, въ очень бѣдной обстановкѣ, Надежда Дмитриевна Заіончковская, одна изъ талантливейшихъ нашихъ писательницъ, пользовавшаяся въ публикѣ большою известностью не подъ своею настоящею фамиліею, которую знали весьма немногіе, а подъ своимъ псевдонимомъ *В. Крестовскій*. Обнаруживъ съ перваго своего произведенія недюжинный талантъ и, проработавъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, она до конца дней сохранила свое дарованіе. Дѣвичья фамилія писательницы была — Хвоцинская; подъ этой фамиліею она и дебютировала въ литературѣ рѣдомъ стихотвореній, появившихся въ *Литературной Газетѣ* и *Иллюстраціи* 1847 года и полныхъ мысли, чувства, гармоніи. Стихотворенія были присланы изъ Рязани, гдѣ писательница прожила большую часть жизни почти безвыѣздно и гдѣ она родилась 15 мая 1825 года въ дворянскомъ семействѣ, очень небогатомъ, глава котораго, Дмитрій Андреевичъ Хвоцинскій служилъ окружнымъ начальникомъ, а потомъ по интендантству, былъ жевать на дѣвчужь польскаго происхожденія, свѣтски образованной, и имѣла большую семью, состоявшую изъ нѣсколькихъ дочерей, сдѣлавшихся впоследствии писательницами. Изъ нихъ Надежда Дмитриевна была старшая и рано стала настоящею опорой семьи, которую почти до конца жизни поддерживала своимъ литературнымъ заработкомъ. По недостатку средствъ, образованіе она получила домашнее и своимъ развитіемъ, своими знаніями обязана самой себѣ. Стихи г-жи Хвоцинской обратили на себя вниманіе редактора *Литер. Газеты*, В. Р. Зотова, который сталъ вести съ молодой поэтессой переписку, давалъ ей совѣты, указанія и, сколько известно, подалъ ей мысль попробовать свои силы въ повѣствовательномъ родѣ. Результатомъ этого явилась повѣсть „Анна Михайловна“ — во многомъ несовершенная, но не лишняя живаго вдохновенія, известной глубины мысли и нѣкоторой художественности. На эту повѣсть критика обратила вниманіе, и Хвоцинская, ободренная успѣхомъ, пріѣхала послѣ этого въ Петербургъ „увидѣть свѣта“, гдѣ была весьма радушно принята въ писательскихъ кружкахъ и лично познакомилась съ г. Зотовымъ, ставшимъ съ этихъ поръ руководителемъ ея въ литературныхъ работахъ. Повѣсть „Анна Михайловна“ была напечатана въ *Отеч. Запискѣхъ* 1850 года, и въ этомъ же изданіи, да еще въ *Наптеонѣ* (при редакціи В. Р. Зотова) появились и другія произведенія г-жи Хвоцинской: „Приходскій учитель“, „Искушеніе“, „Кто-жь остался доволенъ?“, „Испытаніе“, „Фразы“, „Баригонъ“, „Доброе дѣло“, „Старое горе“, „Братецъ“, нѣсколько сценъ и проч. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ дарованіе писательницы весьма замѣтно росло и крѣпло, художественность все болѣе и болѣе выступала на первый планъ, характеры обозначались рѣзко, типы являлись живыми, языкъ становился весьма характеристичнымъ, и въ особенности писательница трудилась надъ анализомъ сердца.

Въ этихъ повѣстяхъ и разсказахъ г-жи Хвоцинской, взятыхъ изъ провинціального быта со всеми его странными условіями, своеобразными личностями, мелкими интересами и мелкими характерами, не было ничего утрированнаго, ничего похожего на предвзятую идею, ничего аффектированнаго. Тонъ спокойный, ровный, безпристрастіе и многосторонность взглядовъ на жизнь, какой-то всепримиряющій и всепрощающій духъ — составляли отличительныя качества этихъ произведеній писательницы. А между тѣмъ она, болѣею частью, изображала отрицательныя стороны жизни. Большою художественной тактъ и благородство души спасали писательницу отъ крайностей, отъ увлеченія и сдѣлали то, что, при видѣ крайне непріятной картины провинціальной жизни, рисуемой даровитою писательницей, читатель не испытываетъ тяжелаго, отталкивающаго чув-

ства — и если не мирится со многими безобразными фактами и дурными личностями, то какъ-то невольно извиняетъ многіе факты и многое прощаетъ этимъ жалкимъ, въ сущности, людамъ, „не вѣдающимъ, что творять“. Произведенія г-жи Хвоцинской были оцѣнены сразу людьми тонко чувствующими и проницательными, и одинъ изъ такихъ людей, чуткій критикъ Аполлонъ Григорьевъ, привѣтствуя новый, свѣжій талантъ, по его мнѣнію, „ярко обозначившійся въ литературѣ“ пятидесятихъ годовъ, говоритъ что повѣсти Крестовскаго „представляютъ собою вѣчто цѣлое, связанное одною мыслию, чрезвычайно благородною и внушающею полную симпатію“.

Живя долго въ провинціи, г-жа Хвоцинская изучила ее превосходно, и оттого-то она такъ вѣрно и обстоятельно рисуетъ эту жизнь, портреты и типы провинціи, съ тѣми мелкими, но характерными чертами семейнаго быта, которыя могли быть подмѣчены только наблюдательнымъ умомъ женщины, да еще такой талантливой. Картины природы въ произведеніяхъ г-жи Хвоцинской чрезвычайно мало; она любитъ природу несравненно менѣе, чѣмъ людей, и ими она преимущественно занята, ихъ психическій міръ изображаетъ она съ такою тщательностью и любовью. Она тонкій знатокъ чертовскаго и въ особенности женскаго сердца, въ которомъ умѣетъ подмѣтить самыя неувидимыя движенія и перемены чувства, и, рисуя характеры, удивительно правильно и послѣдовательно переходитъ отъ одного фазиса чувства къ другому, улавливаетъ рѣдко малѣйшіе изгибы сердца. Въ знаніи жизни, сердца людскаго, въ знаніи свѣта она почти не имѣетъ соперницъ между русскими писательницами и иногда не уступаетъ во многомъ и мужчинамъ-писателямъ Тургеневской школы. Объ этомъ упоминаетъ тотъ же Аполлонъ Григорьевъ, находя, что г-жа Хвоцинская, въ отношеніи знанія свѣта и свѣтскихъ женщинъ и умѣнья говорить ихъ языкомъ, описывать рельефно ихъ обстановку — стоитъ выше многихъ писателей. Какъ ни мелка жизнь, изображаемая г-жей Хвоцинской, какъ ни низка сфера, которую писательница избрала для художественнаго воссозданія, она умѣетъ поддерживать въ читателѣ неослабѣющую интересъ къ этой жизни, мелкой и пустой, къ этому муравейнику, въ которомъ, силой своего таланта, она находитъ содержаніе для тяжелыхъ драмъ, умѣетъ вызвать глубокое сочувствіе къ непримѣтнымъ страданіямъ и мелкимъ чувствамъ непримѣтныхъ и мелкихъ героевъ. Изъ типовъ и характеровъ писательницъ наиболѣе всего удаются женскіе и притомъ характеры по преимуществу отрицательныя. Она любитъ сводить женщинъ съ романтическихъ холдулъ — и многихъ страдалицъ, гордились своими муками, умѣетъ низвести до уровня самыхъ обыкновенныхъ женщинъ, не знающихъ чѣмъ наполнить свою душевную пустоту. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея найдется не мало личностей и идеальныхъ, которыхъ она не трогаетъ своею сатирою. Есть у нея недурно обрисованные и мужскіе характеры и портреты, по опи, такъ же какъ и нѣкоторыя ея женскія лица, „интересны не столько отдѣльно, сколько въ группѣ, какъ обстановка сценъ семейнаго и общественнаго быта, прекрасно рисуемыхъ авторомъ“.

Все сказанное относится главнымъ образомъ къ характеру перваго періода литературной дѣятельности г-жи Хвоцинской. Вторая половина ея литературнаго поприща носитъ нѣсколько иной характеръ. Писательница, увлекшись влѣніями шестидесятихъ годовъ, стала затрогивать въ своихъ произведеніяхъ разныя серьезные общественныя вопросы и такіе мотивы, которые часто шли въ разрѣзъ съ требованіями чистаго искусства; она рѣдко рѣшала ихъ крайне односторонне и старалась выдвигать впередъ тенденцію, порою хотя и модную, но узкую, фальшивую. Несмотря, однако, на эти недостатки, писательница оставалась такою же талантливой, что было замѣчено критиками различныхъ лагерей, между прочимъ и критикомъ *Русскаго Вѣстника*, разбиравшимъ весьма подробно ея огромный романъ „Большая Медвѣдица“, возбудившій много толковъ. Но есть еще другое произведеніе ея, въ которомъ писательница хотя и не задается такъ широко, какъ въ „Большой Медвѣдицѣ“, за то даетъ болѣе вполне жизненныхъ, мастерски очерченныхъ характеровъ и которые вообще доставляютъ несравненно болѣе эстетическаго наслажденія. Это — романъ „Въ ожиданіи лучшаго“, номѣщенный въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 г. и названный однимъ изъ критиковъ „мертвыми душами большаго свѣта“. По мнѣнію безпристрастныхъ цѣнителей, этотъ романъ — лучшее произведеніе г-жи Хвоцинской. Въ 1865 г. Хвоцинская вышла, уже не молодою, замужъ за врача Заіончковскаго, вскорѣ однако умершаго. Надежда Дмитриевна скончалась 64-хъ лѣтъ, 8 іюня.

П. Б.—овъ.

Амфитрита. (Рис. на стр. 717).

Подъ названіемъ „Амфитриты“ съ недавняго времени дается интересное представленіе. Передъ зрителемъ въ театрѣ небольшая сцена, на которой въ кругломъ отверстіи виднѣется за прозрачною кисеею декорация, изображающая море съ восходящимъ изъ-за горизонта солнцемъ и тучками на небѣ. Подъ звуки музыки изъ морской поверхности появляется Амфитрита,

въ костюмѣ театральнѣй нимфы. Она то плаваетъ въ волнахъ, то подымается изъ нихъ и иногда, описавъ въ воздухѣ полу-кругъ, снова опускается въ волны театральнаго моря. Наглядное объясненіе этого непонятнаго на первый взглядъ явленія можно найти во второмъ рисункѣ на стр. 717. За кисеею, предохраняющею отъ брошенныхъ на сцену предметовъ, помѣщено стекло ММ, подъ угломъ въ 45°, за которымъ находится

декорация ТТ. Въ этомъ стеклѣ отражается Амфитрита, лежащая на вращающейся вокругъ оси А подставкѣ РР, окрашенной въ черную краску. Сама супруга Посейдона одѣта по возможности въ яркій и свѣтлый костюмъ. Выдвигая подставку или убирая ее, и вызываютъ появленіе и исчезновеніе богини моря. Она лежа производитъ всѣ тѣ движенія, которыя видитъ передъ собою зритель на сценѣ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— По словамъ финляндскихъ газетъ, императорская эскадра прибыла въ Або 24 іюня, въ 1 час. 30 мин. дня. Въ тотъ же день Государыня Императрица, въ сопровожденіи другихъ Высшихъ Путешественниковъ, изволила посѣтить городъ и предмѣстье Рунсаль.

— 22 іюня, въ 6 часовъ утра, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ выступилъ въ рядяхъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка изъ города Царскаго-Села въ лагерь подъ Красно-Село.

— По Высочайшему повелѣнію, Е. П. В. Бел. Кн. Петръ Николаевичъ, 27 іюня, отбылъ изъ Петербурга, по Варшавской желѣзной дорогѣ, въ городъ Цетинью, для посѣщенія родителей своей высоконаренческой невѣсты княжны Миллицы Николаевны Черногорской.

Дѣла церкви.

— Въ Калугѣ, 24 іюня, пресвященнымъ Афанасіемъ съ большою торжественностью совершена закладка храма, сооружаемая гражданами Теренинымъ и Горбуновымъ въ память чудеснаго событія 17 октября.

— Въ Москвѣ, по дѣлу о завѣщаніи Медынцевои, отдавшей свое миллионное состояніе на церковь и монастыри, 27 іюня постановленъ окончательный приговоръ, по которому завѣщаніе признано дѣйствительнымъ.

Правительственныя распоряженія.

— Со введеніемъ въ дѣйствіе закона о земскихъ начальникахъ, губернскаго и уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и непременные ихъ члены будутъ упразднены. Въмѣстѣ губернскаго присутствія будутъ учреждены губернскаго по сельскимъ дѣламъ присутствія, а вмѣсто уѣздныхъ присутствій особыя коллегіальныя учрежденія съ административными и судебными функциями. Должность земскаго начальника, замѣщаемая министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по представленію губернатора, основанному на соглашеніи съ уѣзднымъ и губернскимъ предводителями дворянства, изъ числа помѣстныхъ потомственныхъ дворянъ, положена въ VI классѣ, съ содержаніемъ въ 2500 р., въ томъ числѣ 650 р. на разѣзды и канцелярскіе расходы.

— Возбужденъ вопросъ объ улучшеніи порядка общественнаго призрѣнія въ селеніяхъ.

— Министерство Финансовъ, озабоченное содѣйствіемъ болѣе успѣшному развитію коммерческаго плаванія, приступило къ пере-

смотру правилъ взиманія сборовъ за приходъ и отходъ судовъ въ российскіе порты съ цѣлью сокращенія тяжести сборовъ какъ городскихъ, такъ и казенныхъ съ приходящихъ судовъ.

— Государственные кредитные рубли 3-хъ-рублеваго достоинства будутъ въ недалекомъ будущемъ замѣнены новыми.

Военное и морское дѣло.

— Въ Тулѣ, на тульскомъ заводѣ выработана великолѣпный образецъ ружья-магазинки, которое оставляетъ за собою все существующее до сихъ поръ въ этомъ родѣ.

— Пароходовладѣльцы содержаніе сообщеніе по Дунаю выше Турнъ-Северина до Вѣны и Буда-Пешта—предлагаютъ Обществу Черноморско-Дунайскаго пароходства открыть прямое сообщеніе по Дунаю между Одессой и названными городами.

— Русская трехмачтовая бригантина „Алекскій“ кемскаго купца г. Савина, съ грузомъ зеленой рыбы, потерпѣла крушеніе у Мурманскаго берега, близъ Гавриловскихъ острововъ.

— Возвратившійся на-дняхъ изъ кругосвѣтнаго плаванія клиперъ „Наѣздникъ“, ушелъ изъ Кроиштадта 30 сентября 1886 г. и прошелъ всего 55,521 миль; изъ нихъ 23,518 миль подъ парами и 32,003 миль подъ парусами. Въ теченіе всего времени плаванія онъ выдержалъ нѣсколько жестокихъ штормовъ, причѣмъ выказалъ превосходныя морскія качества.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Промыселъ рыбы на Мурманскомъ берегу съ 12 по 23 минувшаго мая былъ весьма ограниченный и во всѣхъ становищахъ оставалось не болѣе 40 шнякъ промышленниковъ. Въ губѣ Печенгѣ появилась въ большомъ количествѣ сельдь, но ея ловъ былъ незначителенъ вслѣдствіе неимѣнія специальныхъ сѣтей для этого промысла. Китовъ первымъ китобойнымъ обществомъ было убито восемь.

— Обильные дожди всиравили посѣвы ржи почти во всемъ Юго-Западномъ краѣ. Сборъ яровыхъ хлѣбовъ будетъ ниже средняго, жатва начнется недѣлей раньше обыкновеннаго.

Торговля.

— Недавно въ петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло, возбужденное торговой полиціею о невѣрности вѣсовъ въ мясной лавкѣ купца Д., въ Апраксиномъ переулкѣ. Дѣло это интересно по той строгости наказанія, которое наложено на виновника преступленія. Судъ приговорилъ купца Д.

одновременно къ тремъ наказаніямъ: денежному штрафу въ 50 рублей, заключенію въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ и воспрещенію торговли навсегда.

Народное просвѣщеніе.

— На-дняхъ утвержденъ давно ожидавшійся законъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. По новому закону, всѣ содержатели частныхъ учебныхъ заведеній обязаны приступить немедленно къ постепенному введенію въ своихъ училищахъ преподаванія на русскомъ языкѣ.

— Въ министерствѣ Государственныхъ Имуществъ разработанъ проектъ открытія въ черноземной полосѣ Россіи нѣсколькихъ низшихъ земледѣльческихъ и среднихъ сельскохозяйственныхъ училищъ, съ преобразованиемъ существующихъ въ высшія.

— Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія выработана новая правила для содержанія частныхъ пансіоновъ и приготовительныхъ училищъ.

Изобрѣтенія.

— Техникомъ Агатовымъ изобрѣтенъ электрическій укротитель звѣрей и животныхъ, состоящій изъ длинной налки съ шаромъ вмѣсто рукоятки, въ которой и помѣщается батарея.

— Технику Д. Д. Полевому удалось изобрѣсти славякъ для изготовленія рельсовъ, отличающийся чрезвычайною прочностью.

Изъ губерній и областей.

— 25 іюня, въ Москвѣ происходило открытіе сооруженнаго, съ Высочайшаго Государя Императора разрѣшенія, московскою нѣмецкою колоніей, въ саду Нѣмецкаго соборанія и пріюта имени Фридриха-Вильгельма-Викторія, на Божедомкѣ, памятника покойному императору Германскому Вильгельму I. Памятникъ поставленъ недалеко отъ входа въ садъ, на первой отъ него площадкѣ.

— На Владикавказской желѣзной дорогѣ необычайнымъ ливнемъ, продолжавшимся съ полудня 23 іюня до 4 часовъ утра, была затоплена станція Тихорѣцкая и размывы насыпи на 168, 173 и 174 верстахъ; задержанное движеніе поѣздовъ возстановлено 24 числа, въ 12 часовъ дня.

— Изъ Одессы, 25 іюня, выѣхала на Кавказъ экспедиція изъ семи англичанъ, направляющаяся на Араратъ для розысковъ погибшей тамъ съ прошлымъ году экспедиціи.

Политическое обозрѣніе.

Времена переменчивы, и одно событіе слѣдуетъ за другимъ, доказывая, что среди Славянства все болѣе и болѣе распространяются политическія идеи восторжествовавшія въ недавнее время въ Сербіи. Вмѣстѣ съ ними исчезаетъ нерасположеніе къ Россіи, всегда горячо отстаивавшей своихъ меньшихъ братьевъ, а чувство благодарности и дружбы къ нашей родинѣ высказывается нынѣ искренно и открыто. Въ Кралевѣ, какъ уже извѣстно, происходило муромомазаніе короля Сербскаго при громѣ орудіи и восторженныхъ кликахъ, въ присутствіи представителя Государя Императора и высшихъ сановниковъ. Вечеромъ, 20 іюня, Сербскій король давалъ обѣдъ въ честь русскаго представителя. На обѣдъ приглашены были представители городовъ и округовъ. На немъ король провозгласилъ тостъ за Государя Императора, оказавшаго ему, по словамъ княго вѣнценосца, особую честь назначеніемъ въ качествѣ своего представителя при муромомазаніи, своего посланника, г. Персіани. Русскій посланникъ благодарилъ, представивъ Сербскому королю увѣренія въ милостивѣйшихъ и самыхъ дружественныхъ чувствахъ Государя Императора, и предложилъ тостъ за короля, съ желаніемъ ему славнаго царствованія. Оркестръ исполнилъ русскій и сербскій гимны. Присутствіе только русскаго представителя при священномъ муромомазаніи Сербскаго короля Александра является новымъ

доказательствомъ сердечнаго участія, съ которымъ Россія относится къ Сербскому королевству, равно какъ къ его царствующему дому, и, конечно, не осталось незамѣченнымъ заграничною печатью.

Neue Freie Presse, отмѣчая, что поѣздка г. Персіани на муромомазаніе короля Александра походила на триумфальное шествіе, очень недовольна тѣмъ, что г. Персіани присутствовалъ при этомъ торжествѣ и говорить, что это присутствіе является „поддержкою великосербскихъ стремленій, направленныхъ прямо противъ Австріи“.

Другое заявленіе благорасположенія къ Россіи происходило въ Черногоріи. Изъ Цетиньи сообщаютъ объ обширныхъ празднествахъ, происходившихъ по случаю совершенствія князя Данила. Принимая присягу, юный князь торжественно обѣщавъ всегда оставаться преданнымъ отцу, родинѣ, православной церкви и Императору Александру III.

Новыя политическія вѣянія стали замѣтны также въ славянскихъ земляхъ Австріи. Состоявшіеся въ сельскихъ общинахъ Чехіи выборы въ Чешскій сеймъ завершили блестящею побѣдой младочеховъ. Въ Галиціи на выборахъ въ сельскихъ общинахъ приобрѣли нѣсколько мѣстъ русскіе; до сихъ поръ русскіе выбраны 16. На городскихъ выборахъ въ Крайніи избраны все словенцы, за исключеніемъ одного только нѣмца.

Католическая газета *Vaterland* считает побѣду младочеховъ пораженіемъ католицизма въ борьбѣ съ русскимъ „византийствомъ.“ *Fremdenblatt* называетъ ее натискомъ гусситовъ и панславистскихъ агитаторовъ, а *Neue Freie Presse*, говоря о побѣдѣ младочеховъ въ земскихъ выборахъ и вступленіи русскихъ и польскихъ крестьянъ въ Галицкій сеймъ, увѣряетъ, что господствующія въ Австріи партіи идутъ къ своей гибели. Въ вѣнскихъ политическихъ кругахъ выборы въ Чешскій сеймъ считаются серьезнымъ событіемъ, могущимъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ служить поворотнымъ пунктомъ во внутренней политикѣ.

Не сопоставляя слѣдующее событіе съ совершающимися выборами, нельзя не указать, что въ то-же время министръ народного просвѣщенія издалъ распоряженіе о томъ, чтобы въ Пражскомъ университетѣ студентамъ юридического факультета было предоставлено сдавать первый государственный экзаменъ по всемъ предметамъ на чешскомъ языкѣ.

Занятые славянами, австріяцы оставили въ покоѣ и не обращаютъ вниманія на венгровъ, отправившихся въ Парижъ на выставку и по дорогѣ завернувшихъ въ Миланъ къ Кошуту. Престарѣлый бывший диктаторъ Венгріи, Кошутъ далъ обѣду въ честь своихъ соотечественниковъ. Въ произнесенной при этомъ рѣчи Кошутъ, между прочимъ, сказалъ, что посѣщеніе парижской выставки венграми является не только выраженіемъ сочувствія къ Франціи, которая послѣ ужасныхъ испаній вновь приобретаетъ почетное мѣсто между народами, но и протестомъ противъ неадекватнаго оскорбленія, нанесеннаго въ свое время венгерскимъ министромъ-президентомъ Тисой національной чести Франціи.

Порицаніе несочувствія къ Франціи, почти въ то же время, раздалось и со стороны другой союзницы Германіи, — Италіи. Въ газетѣ *Secolo* напечатано письмо одного изъ депутатовъ итальянской палаты, въ которомъ итальянское правительство порицается за неприязненное отношеніе къ парижской выставкѣ и за образъ дѣйствій противорѣчащій интересамъ итальянцевъ. Въ письмѣ сказано, что Италія, какъ готова заявить истинные патриоты всѣхъ партій, должна заниматься своими дѣлами, чтобы жить въ мирѣ со всѣми. По словамъ автора, патриоты осуждаютъ колониальную политику Италіи и особенно политику союзовъ, оскорбительныхъ для народнаго чувства

и постоянно угрожающихъ миру, котораго желаетъ страна и который Криспи все болѣе компрометируетъ. Въ заключеніе, авторъ говоритъ, что только нейтралитетъ могъ бы отвратить отъ Италіи ужасы несправедливой войны, что Италія должна жить въ мирѣ со всѣмъ свѣтомъ. Но не такъ смотритъ на вещи г. Криспи и въ этомъ отношеніи онъ совершенно другаго мнѣнія съ Деланисомъ, который при пріемѣ въ Парижѣ депутации отъ студентовъ, на вопросъ: возможно-ли присоединеніе Греціи къ тройственному союзу? отвѣчалъ, что Греческій народъ очень нерасположенъ къ подобной политикѣ; „а вы знаете — прибавилъ онъ — что въ конституціонной странѣ правительство всегда должно подчиняться волѣ народа“. Итальянское правительство, напротивъ, связало себя тройственнымъ союзомъ вопреки желанію страны, и связало настолько, что, по словамъ *Diritto*, Италія обязалась предоставить въ распоряженіе Австріи два корпуса для дѣйствій, въ случаѣ войны, противъ Россіи. Перспектива возможности того, что итальянцы будутъ драться подъ австрійскимъ знаменемъ, вызываетъ сильное раздраженіе среди итальянскихъ патриотовъ.

Въ Англіи въ настоящее время гоститъ шахъ Персидскій, которому оказывается повсюду самый блестящій пріемъ. Въ отвѣтъ на это, Насръ-Эддинъ заявляетъ, что онъ высоко цѣнитъ дружбу, могущество и промышленность Англіи и надѣется, что его нынѣшнее посѣщеніе послужитъ началомъ новой эры въ отношеніяхъ между Англіею и Персіей. Желаніе „варвара кофейнаго цвѣта“, какъ успѣли прозвать властителя Персіи нѣкоторыя англійскія газеты, — желаніе установить самый тѣсный союзъ, разделяется и англійскимъ правительствомъ, которое устами лорда Солсбери разъяснило, какого рода дружбы хочетъ Англія отъ Персіи. „Никакихъ исключительныхъ привилегій — говорилъ на автракѣ въ Гильдголдъ англійскій премьеръ — мы не хотимъ, мы желаемъ только свободы торговли для себя и для другихъ народовъ. Мы не навязываемъ Персіи дружбы, которая могла бы привести къ войнѣ, а желаемъ такой съ нею дружбы, которая ведетъ къ завоеваніямъ торговли и промышленности всего міра“.

Впрочемъ, на Востокѣ не особенно обезокоиваются появляющимися за послѣд-

Н. Д. Заюнчковская (рожд. Хвоцкиная) — В. Крестовскій (псевдонимъ). † 8 июня 1889.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

*Семь летъ... вѣдѣла блаженство передъ тѣмъ
Въ кругу солдатскихъ компаній,
Мне вѣдѣла вѣдѣла страданья и невѣдѣла;
— Когда, въ сонномъ тѣлѣ упрямомъ,
О свободѣ и о тѣхъ — поблѣдѣла...*

Н. Д. Заюнчкова

Факсимиле рисунка и автографъ Н. Д. Заюнчковой (рожденной Хвоцкиной).

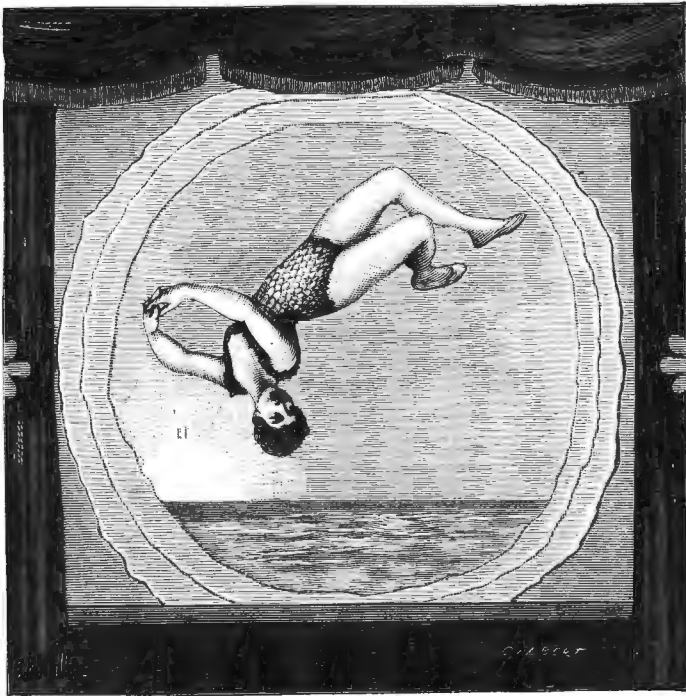
нее время тревожными извѣстіями и понимаютъ, что они безпричинны или преслѣдуютъ своекорыстные цѣли, не вы-

текающія изъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. По этому поводу *Journal de S.-Petersbourg* пишетъ: „Отзывы печати Востока объ общемъ политическомъ положеніи Европы всегда запаздываютъ, что объясняется разстояніемъ. Вотъ почему мы можемъ только сегодня констатировать, что алармистскіе толки, господствовавшіе нѣсколько времени тому назадъ въ западной прессѣ, нашли отголосокъ на берегахъ Босфора. Но тамъ поняли, сколько весь этотъ пессимизмъ малоразсудителенъ. Подтверженіе тому мы находимъ въ газетѣ *Turquie*, которая возстаетъ противъ воинственныхъ тенденцій извѣстныхъ газетъ и констатируетъ, что такой взглядъ на вещи ли-

шевъ всякаго основанія. Изагая причины, недопускающія нарушенія мира и которыя кроются въ сознаніи великими державами собственннхъ интересовъ, турецкая газета въ заключеніе говоритъ: „Нельзя по истинѣ не удивляться тому, что и „соображеніе это, ясно вытекающее изъ обсужденія вопроса, не достаточно для того, чтобы предостеречь публику противъ пессимистическихъ извѣстій, которыя ей сообщаютъ ради своеобразныхъ цѣлей“. Вотъ несомнѣнно благоразумная рѣчь. Что касается Россіи, то мы были твердо убѣждены въ томъ, что въ Константинополѣ извѣстенъ истинный характеръ намѣреній этой державы“.

С М Ъ С Ъ .

Къ характеристикѣ императора Николая I. Въ „Дневникѣ“ пѣвца А. В. Никитенки, помѣщенномъ въ *Русской Старинѣ*, разсказывается любопытный анекдотъ. Онъ относится къ двадцатимъ годамъ и записанъ Никитенкой въ эпоху нашей войны въ

Увеселительная физина. Амфитрита.

1829 году. Государь, разсуждая съ фельдмаршаломъ Витгенштейномъ объ осадѣ Шумлы, спросилъ у него:

— Можно ли взять сію крѣпость, которая считается неприступною?

— Да, ваше величество, только это можетъ стоять намъ пятидесять тысячъ храбрыхъ солдатъ.

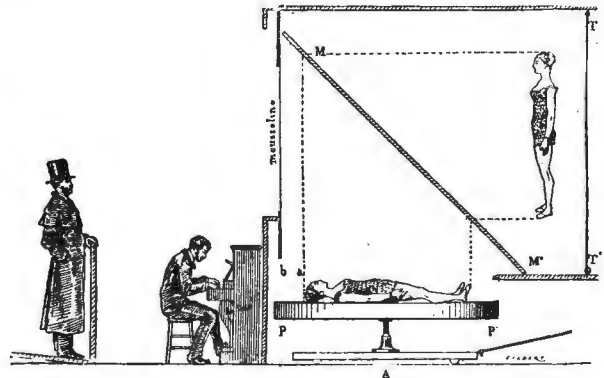
— Такъ я лучше буду стоять подъ ней, доколѣ она не сдастся сама, хотя бы мнѣ это стоило пятидесяти лѣтъ жизни! воскликнулъ императоръ. (в.)

Первые мѣнялы въ Москвѣ. Въ любопытныхъ очеркахъ Старой Москвы, авторъ ихъ, г. Пыляевъ, вотъ что разсказываетъ о возникновеніи мѣняль. Въ старину трудно было себѣ представить хоть одну улицу въ Бѣлокаменной, которая не изобиловала бы нищими, ходившими по ней сотнями. А о церквахъ и рядахъ и говорить нечего: здѣсь отъ нищихъ и прохода не было. Между ними попало не мало и такихъ, которые просили по привычкѣ, дѣлая изъ этого ремесло, и отъ подаенія только богатыли. По стариннымъ разсказамъ, тогдашніе ростовщики всѣ прежде были нищими; они вначалѣ собирали себѣ съ міру по ниткѣ, да шли себѣ рубашки, но послѣ тотъ же міръ не расплачивался съ ними и кафтанами. Эти же нищіе держали у себя разнѣжъ мелкой монеты и получали почти всегда за промѣнъ значительную прибыль на вынесенный суточный капиталъ. Вотъ откуда берутъ начало наши мѣняльныя лавки. (в.)

Странный дождь. Недавно надъ Кіевомъ около полудня надвинулась съ сѣвера темная туча и пролилась дождемъ. Когда онъ пересталъ, на поверхности лужъ, и въ особенности большихъ, легко было замѣтить тонкую пленку ярко-желтой пыли, цвѣтомъ напоминавшей сѣру, отчего народъ и называетъ подобный дождь „сѣрымъ“. Вслѣдствіе своей легкости, эта пыль только плаваетъ на поверхности, не смѣшиваясь съ водою, а по мѣрѣ высыханія лужи откладывается по ея краямъ въ видѣ желтыхъ полосъ. Эта пыль—какъ оказывается подъ микроскопомъ—есть не что иное, какъ скопленіе маленькихъ зеренъ, овальной формы, длиной около 0,08 мил-

лиметра. Среди овала перехватъ, представляющій зернистое строеніе и имѣющій цвѣтъ болѣе свѣтлый, чѣмъ концы овала. Цвѣтъ зеренъ ярко-желтый. Такой видъ пыли показываетъ, что это растительный порошокъ, именно цвѣточная пыль нѣкоторыхъ видовъ сосны—*pinus sylvestris*. Сосна эта цвѣтетъ обыкновенно въ началѣ мая; порывами вѣтра цвѣточная пыль сосны уносится часто на значительныя разстоянія и нерѣдко осѣдаетъ не только съ дождемъ, но и просто въ видѣ тонкаго слоя пыли. Кіевъ снабжается ею изъ сосновыхъ лѣсовъ, расположенныхъ за Днѣпромъ, въ Черниговской губерніи. Въ прошломъ году въ маѣ наблюдался такой-же „сѣрый“ дождь. (в.)

Вызовъ на дуэль за стихи. Безъ сомнѣнія всѣмъ извѣстно стихотвореніе Некрасова „Княгиня“, но вѣроятно никто и не подозревалъ сколько хлопотъ доставило оно его автору. Въ „Воспоминаніяхъ“ г-жи Панаевой-Головачевой разсказывается, что Некрасовъ написалъ это стихотвореніе какъ разъ въ то время, когда весь Петербургъ говорилъ о смерти одной русской графини. Уже на сорокалѣтнемъ возрастѣ, она вторично вышла замужъ въ Парижѣ за доктора-

Увеселительная физина. Объясненіе опыта Амфитриты.

француза и умерла, одинокая, въ нищетѣ, въ какой-то парижской больницѣ. Ходили слухи, будто мужъ-докторъ тиранилъ ее и отравилъ медленнымъ ядомъ съ дѣлю воспользоваться ея деньгами и драгоценностями. Надо замѣтить, что эта графиня играла нѣкогда большую роль въ свѣтѣ и была такъ хороша собой, что Лермонтовъ написалъ стихотвореніе къ ея портрету. Однажды, когда, черезъ годъ послѣ появленія въ печати „Княгини“, Некрасовъ и Панаевъ жили на дачѣ, къ нимъ явились два француза, изъ которыхъ одинъ оказался докторомъ, мужемъ умершей графини и объявилъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ специально для объясненія съ авторомъ стихотворенія „Княгиня“, чтобы вызвать Некрасова на дуэль. Послѣдній принялъ вызовъ; но затѣмъ французъ обратилъ свой вызовъ къ Панаеву, послѣ того какъ ему объяснили, что въ виду болѣзненности Некрасова шансъ при дуэли будутъ неравны. Дуэль, однако, все-таки не состоялась, ибо французъ удовольствовался тѣмъ, что лицо, которое вело переговоры о дуэли, отправилось вмѣстѣ съ Панаевымъ къ мнимо-обиженному доктору и разъяснило ему, что стихи Некрасова написаны не на умершую жену этого доктора. Тѣмъ дѣло и кончилось. Осенью, послѣ этого, Панаевъ узналъ случайно отъ родственника умершей графини, что „докторъ-спекуляторъ“ пріѣхалъ въ Петербургъ не ради дуэли, а за полученіемъ имущества, оставшагося послѣ умершей, котораго, однако, не получилъ. Но съ какой цѣлью и по чьему наущенію былъ сдѣланъ вызовъ Некрасову—это такъ и осталось загадкой. (в.)

Новый желѣзнодорожный сигналъ. Обществомъ желѣзной дороги „Парижъ-Лионъ-Средиземное море“ производятся опыты надъ сигналомъ новаго устройства для безопасности путешественниковъ. Онъ изобрѣтенъ инженеромъ названнаго общества и состоитъ изъ дѣйствительнаго и цѣлесообразнаго всѣхъ употребившихся до сихъ поръ. Для подаенія сигнала, вмѣсто электричества, употребляется въ дѣло сгущенный воздухъ тормазовъ. При натягиваніи шнура, проведеннаго чрезъ каждое отдѣленіе вагона, раздаются два свистка, изъ которыхъ одинъ находится на вагонной крышѣ,

другой вблизи управляющего локомотивомъ. Вслѣдствіе дѣйствія тормазовъ поѣздъ долженъ остановиться на протяженіи 50 метровъ. Свистъ раздастся до тѣхъ поръ пока его не прекратитъ кто-либо изъ служащихъ, такъ какъ для пассажировъ механизмъ недоступенъ. Сигналы не дѣйствуютъ лишь въ томъ случаѣ, если въ трубѣ образуется трещина; но тогда поѣздъ остановится самъ собою. (с.)

Балъ въ честь Гаррисона, при его вступленіи въ должность президента, по словамъ американскихъ газетъ, былъ обставленъ весьма роскошно. На однихъ цвѣтахъ ассигновано было 5000 долларовъ (10,000 р.); на украшеніе потолка употреблено было нѣсколько тысячъ футовъ цвѣточной гирлянды. Когда президентъ и его свита вступили въ залъ, надъ нимъ разверзся цвѣточный шаръ и осыпалъ

его цвѣтами; дойдя до противоположнаго конца зала, президентъ снова былъ осыпанъ цвѣточнымъ дождемъ. Шары кромѣ того заключали въ себѣ множество канареекъ и другихъ пѣвчихъ птицъ. На потолокъ висѣлъ цвѣточный корабль въ 30 футовъ длины. Газовые рожки и колонны, поддерживающія галереи, были обвиты лавровыми вѣтвями. Семь цвѣтниковъ, установленныхъ на галереяхъ, изображали собою различныя министерства. Надъ фонтаномъ по срединѣ зала возвышалась двухэтажная японская пагода, въ которой помѣщались музыканты. Все это скорѣе напоминаетъ описаніе праздника въ честь какого-либо восточнаго повелителя; для президента Соединенныхъ Штатовъ подобнаго излишества жалуются нѣсколько странными. (с.)

1-й заемъ 1864 года.

49-й тиражъ 1-го іюля 1889 года.

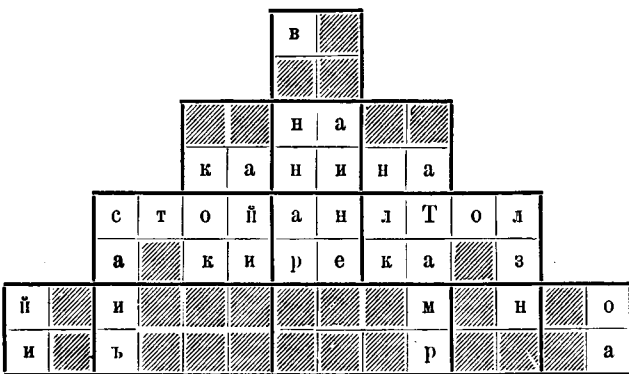
ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.						
44	10	1030	2899	48	500	5082	42	500	7430	34	5000	10254	15	500	12752	22	500	14822	24	500	17888	38	10090
152	16	500	2924	43	500	5089	43	500	7516	35	40000	10409	22	20000	12813	30	500	15190	1	500	17418	14	8000
203	8	500	2926	8	500	5201	19	500	7533	26	500	10496	44	500	12822	9	500	15103	23	5000	17422	25	500
253	7	500	2949	43	500	5364	42	500	7554	8	500	10534	28	500	12890	40	500	15148	3	500	17500	39	500
256	19	500	2977	23	500	5544	19	500	7574	23	500	10560	40	500	12923	10	500	15167	7	500	17522	50	500
372	49	1000	2997	32	500	5630	48	500	7589	26	500	10568	37	500	12949	6	500	15197	40	500	17871	24	500
538	18	500	3052	22	500	5701	7	500	7610	39	500	10645	11	1000	12991	50	500	15381	50	500	17890	4	500
549	49	500	3065	2	500	5707	5	500	7944	17	1000	10632	9	75000	13017	49	500	15389	18	500	17970	17	1000
702	4	500	3172	27	500	5716	10	1000	7958	9	500	10830	35	500	13039	9	500	15457	46	500	18173	29	500
732	7	1000	3212	15	500	5878	41	500	8019	35	1000	10904	12	500	13043	39	500	15490	34	500	18174	11	500
743	20	500	3257	28	500	5948	29	500	8230	8	500	11039	46	500	13084	47	500	15526	29	500	18310	50	500
843	43	500	3270	12	1000	6107	49	500	8263	32	500	11054	45	500	13179	29	500	15622	47	500	18329	40	500
921	41	500	3313	39	500	6120	14	500	8410	19	1000	11073	30	500	13268	30	500	15636	9	500	18467	5	500
1038	34	500	3366	32	5000	6125	6	500	8421	24	500	11363	23	8000	13275	16	500	15639	11	500	18466	19	500
1063	41	500	3368	19	500	6146	16	500	8430	26	500	11394	27	500	13350	10	500	15747	14	500	18505	21	500
1211	14	500	3418	16	500	6146	45	500	8494	24	500	11400	13	500	13367	8	500	15758	23	500	18519	1	500
1260	21	500	3459	29	500	6187	33	500	8600	21	500	11627	23	500	13372	46	500	15765	14	500	18521	14	500
1351	4	500	3648	45	500	6225	44	500	8666	35	500	11641	32	500	13404	44	500	15810	14	500	18562	16	500
1397	22	500	3654	39	500	6404	6	500	8888	8	500	11769	31	500	13420	9	500	15865	14	500	18597	32	500
1410	29	500	3691	16	1000	6460	25	500	8956	21	500	11919	15	500	13461	47	500	15879	20	500	18674	7	500
1517	18	500	3739	26	500	6469	27	500	9153	31	500	11924	53	500	13653	8	500	15987	41	500	18689	39	500
1592	49	500	3890	48	500	6555	47	500	9155	23	500	11948	17	500	13680	36	500	16071	10	500	18812	39	500
1801	19	8000	3938	26	500	6583	16	500	9168	27	500	11948	24	500	13752	32	500	16223	39	500	19048	3	500
1611	50	500	3980	44	500	6666	35	500	9170	56	500	11969	10	500	13818	28	500	16232	42	500	19126	16	500
1618	28	500	4084	31	500	6675	26	500	9199	15	500	11996	4	500	13827	12	500	16257	26	500	19266	9	500
1636	39	1000	4346	5	8000	6678	4	500	9420	37	500	12141	29	500	13906	50	500	16311	43	500	19285	29	500
1680	10	1000	4372	17	500	6774	32	500	9552	18	500	12147	27	500	13910	1	500	16347	2	500	19447	33	500
1792	38	500	4405	39	500	6809	29	8000	9637	13	1000	12210	38	1000	13916	40	500	16364	5	500	19491	48	500
1923	3	500	4419	47	500	6820	28	500	9659	13	500	12212	27	500	14034	19	500	16553	22	500	19548	11	500
1931	27	500	4478	45	500	6906	9	500	9704	33	1000	12392	41	500	14059	6	500	16583	9	500	19564	35	500
2017	47	500	4542	36	500	6945	44	500	9715	2	500	12414	9	500	14118	17	10000	16604	9	500	19587	45	500
2415	12	25000	4732	37	500	6965	1	500	9797	26	500	12465	11	1000	14146	21	1000	16647	47	500	19638	8	500
2449	21	500	4749	46	500	6989	6	500	9887	6	500	12476	23	500	14166	10	500	16940	49	500	19776	25	500
2475	11	500	4789	26	500	7062	16	1000	9948	18	500	12536	21	500	14180	19	500	17095	33	500	19807	12	500
2746	32	500	4838	45	500	7168	24	500	10087	7	500	12537	6	5000	14221	37	500	17148	19	500	19821	46	500
2868	2	500	4862	45	500	7293	30	500	10145	8	5000	12560	16	500	14721	33	500	17208	47	10000	19864	31	500
2886	35	500	4908	29	1000	7402	44	1000	10177	27	500	12657	33	500	14759	9	500	17299	36	500	19943	26	500
2894	16	500	4937	49	500	7430	4	5000	10250	24	500												

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

30, 210, 580, 1333, 2097, 2316, 2326, 2334, 2444, 2629, 2632, 2734, 3379, 3458, 3703, 3871, 3914, 4488, 4652, 4907, 5051, 5538, 5835, 5965, 6151, 6221, 6227, 6193, 6640, 6651, 6653, 6719, 7217, 7614, 7987, 7988, 8022, 8104, 8160, 8293, 8281, 8315, 8377, 8619, 8772, 9044, 9329, 9337, 9409, 9512, 9530, 9605, 9640, 9714, 9832, 9868, 9945, 10066, 10241, 10326, 10833, 10841, 11188, 11638, 12117, 12152, 12190, 12715, 12857, 13058, 13222, 13906, 13999, 14235, 14566, 15009, 15124, 15261, 15465, 15719, 15916, 16437, 17599, 17732, 17791, 17899, 18354, 18667, 18735, 19061, 19312, 19833.

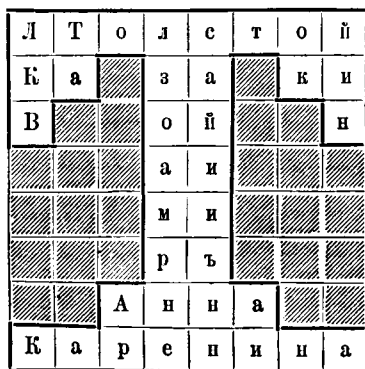
Рѣшеніе задачи буквъ № 36 (помѣщенной въ № 21).

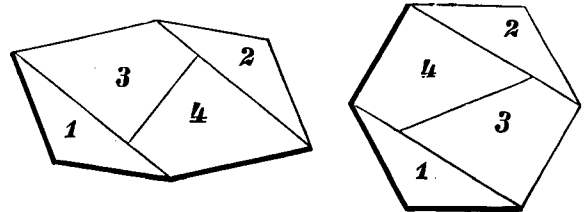
- 1) Дертонговъ.
- 2) Катилина.
- 3) Зной.
- 4) Рай.
- 5) Каски.
- 6) Нина.
- 7) Аа.

Л. Толстой.
Казани.
Война и миръ.
Анна Каренина.

Вѣрные рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Н. В. Панкова и Ф. Воронина въ СПБ., и В. К. Терскаго въ Б. Коровино.

Рѣшеніе геометрической задачи № 37 (помѣщ. въ № 21).

Вѣрные рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. А. Писырева, Н. В. Панкова, В. О. Никель, А. А. Ильина, П. Т. Ипполитова, И. Е. Иванова-Кузнецова, А. А. Коломенскаго, Ф. А. Боронина, Москва — А. Хаустова, В. В. Щербова, А. Шеръ, В. Журкова, Архангельскъ — А. Мележеничъ, Алексинъ — П. Губина, Буй — М. Никифорова, Вязьма — Л. Уварова, И. Ф. Романенкова, Владимказъ — Р. Зименко, Вез ибергъ — Ф. Эброкъ, Дисна — С. А. Дунакова, Енартиславъ — С. Глованскаго, Киевъ — А. Н. Шульженко, М. Д. Адлеръ, Временчугъ — Е. Е. Доброуцкаго, М. Б. Кермана, Калуга — С. В. Магдорна, Клинъ — А. Королева, Нишинецъ — Б. Г. Комарницкаго, Лезеданъ — В. И. Чурилина, Манарьель — М. Лафина, Новгородъ — С. Бончъ, Нарва — Т. А. Плавской, Нийолаевъ — Е. Пивлева, Э. Фолькеръ, Осиново — О. Листопадова, Одесса — В. К. Гуммель, Плоцкъ — Баера, Перновъ — Ф. Микель, Сергѣево пос. — И. А. Стромъничева, Рязань — П. Постникова, Смоленскъ — К. П. Олицкаго, Самара — М. А. Смирнова, Тифлисъ — Г. Г. Карникова, Терны — В. И. Матвѣева, Томсово — Д. Д. Лапина, Устюжна — А. Масникова, Узинская — С. Басатина, Харьковъ — С. Бизяева, Харцискъ — Ф. Е. Левлева.

Рѣшеніе шутки-шарады № 38 (помѣщенной въ № 21).

Римъ — миръ. Roma — amor (любовь).

Вѣрные рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. В. Евтхьева, Н. В. Панкова, В. И. Шонина, Л. П. Григорьева, П. Александрова, О. К. Комарова, И. П. Рогова, В. О. Никель, Е. Балакиной, Москва — А. Иванова, М. Цвѣткова, Садовина, Смирнова, А. Комовскаго, Шураи-Мурин, И. Корниева, Б. Коровино — В. К. Терскаго, Богородицъ — В. Постылова, Бобруйскъ — Е. Мольской, Баталинскъ — А. Кирьева, Вильна — Р. Брумъргъ, М. Сегаль, Дисна — К. И. Жемужина, Киевъ — А. Н. Шульженко, К. Кѣглискаго, Кузнецы — Ф. И. Перова, Кострома — П. Колодкина, Каменецъ-Подольскъ — К. Добролюбова, Лебедянь — В. И. Чурилина, Мянскъ — А. Никитина, Мелитополь — Хабабазова, Лоевъ — Л. Мартынова, Немировъ — Р. Шлеяиль, Невель — И. Кошко, Новогорьскъ — М. Гуновича, Одесса — Рейшевскаго, Петровское — М. Г. — на, Гостовъ и/Д. — П. Лебедева, Судогда — В. И. Голубева, Сомиряны — Стржемецкаго, Семеновна — Д. Герценвицъ, Тула — А. Динина, Юскъ, Тверь — З. М. Назаровой, Уфа — М. Суценко, А. Корнилова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ предсдѣлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть II. (Продолженіе). — Кто-же? Разсказъ Петра Дорошенко. (Продолженіе). — Пища и напитки на Востокѣ. — Къ рисункамъ: Затравили (съ рис.). — Панно проф. К. Е. Мановскаго, писанныя для г. фонъ-Дервиза. „Музыка“ (съ рис.). — Рыбачьи тони на Бѣломъ морѣ (съ рис.). — Любимцы (съ рис.). — Прага (съ рис.). — По деревнямъ съ красными товарами (съ рис.). — Ужь и травная лягушка (съ рис.). — Н. Д. Заюнчковская (В. Крестовскій) (съ портр. и рис.). — Амфитрита (съ 2 рис.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Сибѣрь. — Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ. — Рѣшенія задачъ. — Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ЛЕВНИНСКІЙ и ГРОЗНИЦКІЙ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!
Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка)
Требовать иллюстрированные каталоги *gratis et franco.*

Юг. Закъ и Ко.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ
Германи. В. № 3734
Берлинъ, Ринтерплаттсассе. 88.

Изданіе ЮРГЕНСОНА.

Приобрѣтены въ собственность

РОМАНСЫ и ПЬСНИ Д. А. УСАТОВА,

для пѣнія съ аккомп. фортепиано
7 тетрадей, цѣна каждой 1 р. 50 к
Москва, у П. Юргенсона.
С.-Петербургъ, у І. Юргенсона.

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная англійская карманная двухиточная швейная машина СЪ МО ЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающійся челнокомъ.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступитъ самымъ дорогимъ машинамъ. Онѣ шьютъ нераспарываемымъ швомъ, какъ самая тонкая, такъ и самая толстая матерія равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и хороша и въ военномъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полнор. орѣхъ, ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к. Въ Сибирь и на Кавказъ за 4 фунта.

Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Мясницкая, д. Ермаковыхъ.
Въ Нижегородской ярмаркѣ: Бразилскій пассажъ, № 58. № 3961

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3925
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жителства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Существующая нынѣ въ г. Нижнемъ-Новгородѣ и состоящая въ вѣдѣніи Нижегородскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества Постоанная выставка кустарныхъ произведеній Нижегородской губерніи принимаетъ заказы на нижеслѣдующіе предметы: судовыя цѣпи, желѣзные и мѣдныя полотно для ситъ и другихъ надобностей, топори, долота, лопаты, вилы, сошники, подильники, на полевой товаръ, ножицы, желѣзные сундуки, замки, металлическія части для вазачныхъ пилъ, пряжки на пояса нижнихъ военныхъ чиновъ, малыя пряжки для амуниціи, крючки и петли, рыболовные крючки, металлическія игрушки, мозаичныя работы изъ дерева, мебель крашеную въ русское стѣль, деревянную посуду, Вазахинскія кружева, вышиванія гладью и въ выдержку и проч. Заказы слѣдуетъ адресовать или въ гор. Нижний-Новгородъ, въ Нижегородское Отдѣленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества или въ гор. Нижній-Новгородъ, Забѣдующему Постоанной выставке кустарныхъ произведеній Нижегородской губерніи. № 3917 5-5

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ БОЛЬШАЯ ГРАВЮРА:
ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ
СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

- 1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.
- 2) Государыня Императрица Марія Феодоровна.
- 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.
- 4) Великій Князь Георгій Александровичъ.
- 5) Великій Князь Михаилъ Александровичъ.
- 6) Великая Княгиня Ксенія Александровна.
- 7) Великая Княгиня Ольга Александровна.

Гравюра артистически исполненная съ фотографій С. Л. Левицкаго и Ко и отпечатанная на отличной веленовой бумагѣ, размѣромъ 10 1/2 вершк. выш. и 7 1/2 вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатанн. на скалку 1 р. 25 к. Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 р., съ перес. укрупн. до 1000 верстъ 3 р. 50 к., а до 2000 верстъ 4 р. 50 к. Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей астаминной бумагѣ, размѣромъ 13 7/8 вершк. выш. и 9 7/8 вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалку 2 р. 50 к. Въ изящн. рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.; съ перес. и укрупной до 1000 верстъ 7 р. 50 к., а до 2000 верстъ 9 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6. С. П.

2 рубля на 6 1/2 мѣсяцевъ, съ 15-го іюня по 1-е января 1890 г. принимается подписка на газету биржевую и торгово-промышленную, съ расширенной программой, въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи: Петровка, д. Кабанова. Цѣна съ пересылкой. № 3936 4-1

Въ книжномъ магазинѣ
Н. Киммеля въ Ригѣ
вышло изъ печати:
Зимъ
дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ
Практическое Руководство къ
культуры Розъ
И. А. Штегманна.
Цѣна 75 коп., съ пересыл. 80 коп.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и за границей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисо-висмутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ПРОДАЖА ГРЕВНЕЙ РОГОВЫХЪ, КОСТЯНЫХЪ, МАМОНТОВЫХЪ
и ВСѢХЪ ПРОЧИХЪ СОРТОВЪ БИЛЛИАРДНЫХЪ ШАРОВЪ
совѣстной фабрикѣ **ВРАТЬЕВЪ БОГОМОНОВЫХЪ**
въ Москвѣ. П. № 3955
Нижегородскія ярмарка, Фотографическая лавка, противъ Костюкова.

ТОРГОВЛЯ въ ЧЕРКАССКОМЪ переулкѣ, д. Обидной, бывшій Насташева.

ФАБРИКА БЛИЗЪ БУТЫРСКОЙ заставы, въ собственномъ домѣ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не мѣнѣе двухъ флаконовъ.
Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (73) № 3946

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на **„РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ“**.
50 №№ въ годъ и 100 листовъ отдѣльныхъ приложеній. Множество рисунковъ и чертежей всевозможныхъ образцовъ издѣлій по различнымъ ремесленнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ. Моды, новости и пр. Подробная программа высылается немедленно. — Издается 5-й годъ.
За 1/2 года 4 р.; за 6 р. высылается годовое изданіе, начиная съ № 1. Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ЮСИФА
Натуральная минеральная слабительная вода источника **ФРАНЦА-ЮСИФЪ**
въ Будапештѣ, по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается вездѣ. Для нормальнаго приема достаточно одного виннаго стакана. Ц. № 3722 6-6
Дирекція въ Будапештѣ.
Главное депю въ С.-Петербургѣ, у Франца Диль, Гостинный Дворъ, 93.

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“
для НАРУЖНАГО употребленія разбѣившій медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Главное депю: Б. Колюшенина, № 14 ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Продается: въ Казани, Перми, Ирбитѣ, Уфѣ и Екатеринбургѣ, во всѣхъ колоніальныхъ маг. и аптекахъ.
Цѣна 1 р. 20 к. за стилинну.

ПИСЬМУЩАЯ МАШИНА **„РЕМИНГТОНА“**.
Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и много правительствъ и частныхъ учрежд. Преисъ-курантъ, соерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.
Вс. С. Соловьева.
Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI в. Томъ этотъ украсивъ 20 рис. художника И. С. Панова. Изд. III. СПб. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 коп., съ перес. 3 р. 25 к.

Утвержденная Министерств. Внутр. Дѣлъ съ полными курсомъ Консерватори, основанная въ 1872 году

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА О. И. РУССО

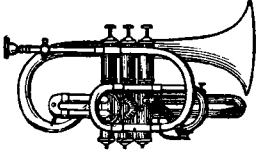
СПБ. Б. Садовая, д. 12, прот. Гостиного Двора. Приемъ ежедневно отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Составъ преподавателей: Профессора и преподаватели СПБ. Консерватори, классные художники, солисты Императорской русской оперной сцены, солисты 6. итальянской оперы, солисты оркестровъ Императорской русской оперы и балета, камерсолисты и прочие артисты-педагоги.

Плата за преподаваніе: фортепiano отъ 20 до 60 р. за учебное полугодіе; пѣніе отъ 35 до 60 р. за учебное полугодіе; скрипка, альтъ, виолончель и контрабасъ—отъ 20 до 40 р. за учебное полугодіе. Дополнительные предметы бесплатно.

Лица окончившія полный курсъ ученія въ школѣ О. И. Руссо получаютъ дипломъ. Во всѣ музыкальные классы могутъ поступить лица каждаго возраста, а въ электарный и младшіе курсы даже безъ всякой музыкальной подготовки. Въ научные классы принимаются не старше 12 лѣтъ. На полный пансіонъ директриса школы принимаетъ исключительно дѣвчѣ, съ платою 320 р. въ годъ, кромѣ платы за преподаваніе. Учебный годъ начинается 1 сентября и продолжается до 15-го мая. Подробныя программы выдаются и высылаются бесплатно. № 3983

КОРНЕТЬ-А-ПИСТОНЪ

по 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже. Школа Баганца для самоученія ч. I и II по 1 1/2 руб. за каждую.

Трубы, тромбоны, вальторны, альтгорны, теноргорны, баритоны, басы и пр.

ФЛЕЙТЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 120 и 160 руб.

Школа Келера для самоученія ч. I и II по 1 1/2 руб. за каждую.

Кларнеты въ 7, 12, 18, 25, 30, 45, 60 и 80 р. Школа Литгера для самоученія, ч. I и II по 3 руб. за каждую. Гобой, фаноты, флажолеты, чаканы, мандолы; барабаны, литавры, тарелки и пр. Иллюстрир. прекуррантъ—бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо № 3958
Музыкальных инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 38 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

Вышелъ ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИЛКВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большого туалетнаго зеркала со шатуллою.

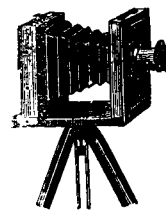
Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребности любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотой стили и безукоризненно выполнены въ литографическомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительна, а именно 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ИНОСТРАННЫЯ МАРКИ продаются оптомъ и въ розницу. Каталогъ 20 к. Б. Гостонскій, г. Кіевъ, Рейтарская, 17. № 3874 4—4

ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Велѣдствіе повѣдшаго изобрѣтенія фотографиров. доступно каждому, и этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать и очень хорошія портреты, группы и ландшафты.

Цѣна полн. прибора 18, 24, 35, 50 руб. и дороже.

Коллекц. принадлежностей отъ 9 рублей. Просимъ не смѣшивать съ рекламир. крайне дешев. аппаратами.

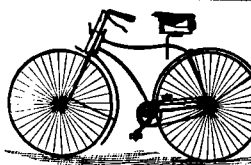
Е. КРАУСЪ и Комп.
Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ.
ДЕПО ДЛЯ РОССИИ: въ С.-Петербургѣ, Мойка, № 40.
Руководство и иллюстр. прекуррантъ высылаются бесплатно. № 3914 2—2

Исторически велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи велосипедовъ: (Синотъ, Вишнетъ, Русскій Клубъ, Молни (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВУСТЬ
Общедоступный Свѣтъ № 2 = 150 руб. =

Прекуррантъ высылаются бесплатно. Исторически велосипедовъ Русской Арміи

НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

изячно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и фансимиле.

Настоящее изданіе дополнено въѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошныхъ коленкоров. переплетѣхъ съ золотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ СПбургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки. Они-же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлорвта въ Англіи и знаменитаго завода сѣноуборозокъ, жнеенъ „Дези“ и сноповязалокъ Манъ Норрима въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодарта, редюны сѣлки Сакка и проч. № 3959 (1)

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенковъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

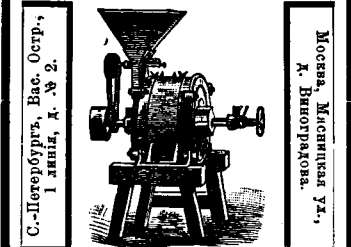
Покровская Община сестеръ милосердія сими обявляетъ лицамъ, желающимъ помѣстить своихъ дочерей, родственницъ или опекаемыхъ ими въ число пансіонерокъ Покровской женской гимназіи (Министерства Народнаго Просвѣщенія) съ 8 педагогическимъ классомъ, что плата за полную пансіонерку 230 р. въ годъ и 30 р. единовременно на вѣнчикровку, плата за обученіе музыкѣ отдѣльно по 50 р. въ годъ. Французскій языкъ обязателенъ для всѣхъ учащихся. Преподаваніе латинскаго языка входитъ въ программу бесплатно. Приходящія платятъ 60 р. въ годъ. № 3948 3—2

Дочери священно и церковно-служителей пользуются обученіемъ музыкѣ бесплатно. Прощенія принимаются въ Канцеляріи Государяни Великой Княгини Александры Петровны (Васильевскій Островъ, 4 линия, д. № 21) ежедневно кромѣ праздниковъ.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКОЕ гразе-лечебное заведеніе товарищества врачей въ Крыму, въ г. Нерчи. Сезонъ съ 20 мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюру, которая высылается за 1 семимко. марку. Адресов. въ г. Нерчь, д-ру Филимонову.

НАВОУДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ ТОВ. БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ

обращаетъ вниманіе гг. хозяевъ на шумо-мольныя мельницы „ТРИУМФЪ“ съ вертикальными жерновами, какъ на самыя простыя, производительныя и доступныя. Строимъ 3 размаѣр.

ЛОКОМОБИЛИ
3, 4 и 6 силъ (спеціальность). Большой выборъ ручныхъ и конныхъ

МОЛОТИЛОКЪ,
ВЪЯЛОКЪ-СОРТИРОВОКЪ,
НАСОСОВЪ,

ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ и проч. Иллюстрир. каталоги по востребованію.

Изготовляемые подъ этою фабричною маркою

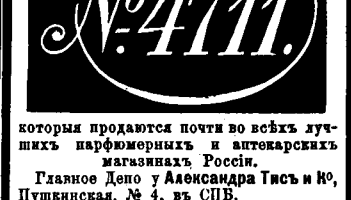
О-ДЕ-КОЛОНЪ,
ДУХИ,

Туалетныя мыла высokaго достоинства, ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА, Препараты для кѣжности кожи, ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА,

ПАУДРЫ,
МАСЛА ДЛЯ ВОЛОСЪ, ПОМАДЫ,

Туалетная вода и т. п. приобретаю благодаря ихъ высokaимъ качествамъ и ихъ дешевой извѣстности во всемъ мирѣ.

Просимъ всѣхъ покупающихъ парфюмерныя издѣлія требовать при покупкѣ издѣлія, снабженнаго настоящей фабрич. Ц. № 3937, вой маркой 5—3

которые продаются почти во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Главное Депо у Александра Тисъ и Ко, Пушкинская, № 4, въ СПБ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ КОРОБЧЕВСКІЙ

Приготовленіе искусств. зубовъ на каучукѣ (безъ крѣчювокъ) и металлѣ; пломбированіе и леченіе. Приемъ отъ 10 до 4 ч. кромѣ воскресныхъ дней. 2—2

Офицерская ул., д. 13, кв. 2.

ВЪЧНОЕ ПЕРО

новѣйшей конструкціи съ самодѣйствующимъ чернильнымъ приборомъ—вмѣсто стального пера съ золотымъ штифтикомъ, практично для каждаго—цѣна за экз. 4 р. съ футляромъ. Подробное объясненіе бесплатно, складъ: **ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ,** Садовая, 12, второй дворъ, кв. № 22.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

г. XX

№ 29

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаѣтъ 15 июля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
страни.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

9 р.

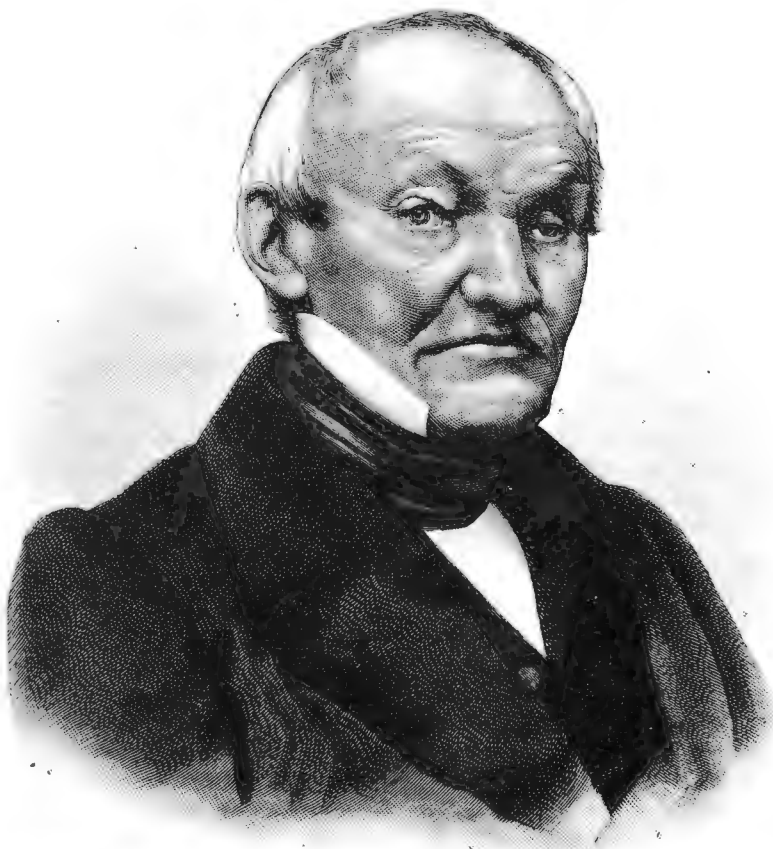
ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

П. И. Кеппелъ.

Когда тридцать лѣтъ тому назадъ торжественно праздновалось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности извѣстнаго академика Кеппена, юбиляръ, въ отвѣтъ своемъ на поздравленія, между прочимъ, сказалъ: „Вся моя жизнь была посвящена Россіи“. Этими немногими словами онъ совершенно вѣрно охарактеризовалъ общее направленіе своей разнообразной и незабвенной дѣятельности. Этотъ замѣчательный труженикъ науки, дѣйствительно, оказалъ огромныя услуги нашему отечеству, и теперь будетъ весьма кстати почитать память Кеппена, въ виду исполнившагося въ маѣ нынѣшняго года двадцати пятилѣтія со дня его смерти. Весьма немногимъ изъ публики извѣстно имя Кеппена, его многочисленныя работы, его неутомимые труды на пользу отечественнаго просвѣщенія; за то всѣ занимающіеся у насъ статистикой, наученіемъ древностей, исторіи, этнографіи, филологіи, палеографіи, прекрасно знаютъ это по-

П. И. Кеппелъ (по поводу 25-й годовщины смерти). Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

читенное имя. Труды Кеппена были главнымъ образомъ посвящены статистикѣ Россіи, и важнѣйшіе изъ нихъ—о числительномъ составѣ народонаселенія отечества, объ этнографическомъ его распредѣленіи, исчисленіе по картѣ пространства губерній и уѣздовъ имперіи, самое полное и подробное тогда, списки населенныхъ мѣстъ страны,—по своей основательности и точности служили правительству надежною опорой въ его соображеніяхъ. Кеппену приходилось при этомъ пролагать новые пути въ области малозвѣданной, почти нетронутой другими. Его извѣстная „Этнографическая карта Европейской Россіи“, выдержавшая нѣсколько изданій, работы по составленію „Географическо-статистическаго словаря Россійской имперіи“, указатель инородческихъ поселеній въ Крыму, списокъ городовъ и селеній Тульской губерніи—считаются, по справедливости, трудами въ высшей степени добросовѣстными, образцовыми. Въ области археологич. и филологич. Кеппелъ

также оказавъ немаловажныя услуги, занимаясь этими науками въ годы молодости, „когда Карамзинъ, Румянцевъ, Востоковъ, митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) едва начинали свое великое дѣло“. Издавъ еще въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ сборникъ снимковъ и описаній памятниковъ русской древности, чѣмъ онъ указалъ на возможность существованія русской археологической Кеппенъ въ послѣдствіи еще болѣе расширилъ свой взглядъ, обративъ вниманіе и на камни съ надписями, и на каменные бабы, курганы, городища и т. д. Погодинъ называлъ драгоцѣннымъ, классическимъ изданіемъ книгу Кеппена „Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся въ Россіи“. Кеппенъ считается однимъ изъ самыхъ внимательнѣйшихъ русскихъ палеографовъ; онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ у насъ вниманіе на древности классическія и первый же коснулся вопроса объ изученіи всѣхъ славянскихъ нарѣчій безъ исключенія, а также болѣе важныхъ, ближайшихъ языковъ — венгерскаго и литовскаго; еще юношей началъ онъ собирать матеріалы для русскаго словаря, общаго и областнаго. Такимъ образомъ, занимаясь вопросами филологической и литературы, Кеппенъ и въ этихъ занятіяхъ, по свидѣтельству Срезневскаго, явился однимъ изъ вожаковъ науки. Ему принадлежитъ мысль о филологическихъ путешествіяхъ по славянскимъ землямъ, и какъ широко былъ у него взглядъ, можно судить по его „Библиографическимъ Листамъ“, служащимъ и понынѣ необходимымъ матеріаломъ для специалистовъ. Драгоцѣнные по точности, по научному интересу, матеріалы заключаются и въ многотомномъ изданіи Кеппена, посвященномъ исторіи просвѣщенія въ Россіи и прочихъ славянскихъ земляхъ. Въ этихъ матеріалахъ необыкновенно трудолюбивый ученый обратилъ вниманіе и на старину книгопечатанія, и на школы и учебники, и на учителей и ученыхъ, и на нужды въ будущемъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить, для полноты представленія о трудахъ Кеппена, еще одну сторону крайне плодотворной его дѣятельности, выразившуюся въ его трудахъ по разработкѣ вопросовъ практической полезности для сельскаго хозяйства и, такъ-сказать, государственнаго хозяйничанья въ Россіи. Въ этой области особеннаго вниманія заслуживаютъ его учено-практическія изысканія: о винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи и въ особенности на южномъ берегу Крыма, о потребленіи хлѣба, о торговлѣ у насъ скотомъ, укрѣпленіи летучихъ нескотовъ, шелководствѣ на Кавказѣ, о запасахъ водъ и лѣсовъ въ верховьяхъ Волги, о мочальномъ промыслѣ и лѣсномъ и проч. Такова необыкновенно разносторонняя дѣятельность этого чрезвычайно трудолюбиваго ученаго, которому многіе изъ позднѣйшихъ жрецовъ науки обязаны и указаніями, и отличными вліяніемъ на юныя поколѣнія, видѣвшія въ Кеппенѣ примѣръ терпѣнія и того какъ надо умѣть работать.

Начавъ трудиться съ юныхъ лѣтъ, Кеппенъ неутомимо работалъ и въ преклонныхъ лѣтахъ, почти до самой кончины, причемъ нельзя не воздать ему хвалы за то, что будучи происхожденія не русскаго, онъ всѣ свои силы и способности посвятилъ странѣ, гостеприимно пріотившей его семью. Фамилія Петра Ивановича Кеппена происходитъ изъ браденбургскаго города Шведта (при Одерѣ), гдѣ дѣдъ нашего ученаго былъ городовамъ физикомъ, т. е. собственно врачомъ. Иванъ Кеппенъ (Johann Koerren), отецъ Петра Ивановича, докторъ Марбургскаго университета, состоя лейбъ-хирургомъ при Гессенъ-Кассельскомъ Дворѣ, въ 1786 году былъ вызванъ въ Россію императрицей Екатериною II, которая поручила ему медицинскую часть въ Харьковской губерніи, гдѣ онъ завѣдывалъ разными больницами. Петръ Ивановичъ Кеппенъ родился въ самомъ Харьковѣ

19 февраля 1793 года. Послѣ домашняго обученія, онъ на 14-мъ году опредѣлился въ губернскую чертежную, занимаясь межеваніемъ и изготовленіемъ плановъ, подъ руководствомъ землемѣровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщая приготовительный для студентовъ классъ при Харьковскомъ университетѣ. Получивъ первый офицерскій чинъ, онъ въ 1809 г. поступилъ въ университетъ и въ 1814 г. былъ удостоенъ степени магистра правовѣдѣнія. Въ томъ же году онъ поступилъ въ С.-Петербургскій почтовый департаментъ. Въ Петербургѣ его обласкало семейство бывшаго харьковскаго профессора Якоба, черезъ котораго Кеппенъ познакомился съ домомъ извѣстнаго Ф. П. Аделунга, видѣлъ здѣсь много знаменитостей, особенно иностранныхъ путешественниковъ и дипломатовъ, и въ 1830 году женился на дочери хозяина этого дома. Затѣмъ Кеппенъ участвовалъ въ учрежденіи Вольнаго общества любителей Россійской словесности, въ 1816 году, а въ слѣдующемъ, при образованіи комитета по ученой части Императорскаго человеколюбиваго общества, поступилъ въ комитетъ членомъ-секретаремъ. Вскорѣ изслѣдованіе его о Югорской землѣ и прочіе первые литературные труды обратили на него вниманіе государственнаго канцлера Н. П. Румянцова и благодаря ему онъ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ О. П. Козадавевѣ и должность втораго редактора, основанной министромъ, первой въ Россіи официальной газеты *Сверной Почты*. Порученіе обрѣзывать почтовую станцію по тракту бѣлорусскому до Крыма и Кавказа, дало Кеппену возможность ближе ознакомиться съ Россіей, изучать которую у него явилось желаніе еще на студенческой скамьѣ, для чего еще въ 1810 г. онъ началъ объѣзжать Россію. Но тутъ, по словамъ автобіографической записки Кеппена, онъ оставилъ службу и отпривился путешествовать по Европѣ, съ благословенія митрополита Евгенія, друга своего. Побывавъ въ Вѣнѣ, Прагѣ и другихъ городахъ, Кеппенъ познакомился почти со всѣми находившимися тогда въ живыхъ славистами, и во время поѣздки по Славоніи и Сири, по Венгріи и Трансильваніи, а затѣмъ по Германіи, производилъ научныя изысканія, занимаясь древними рукописями, памятниками и прочими остатками старины, списывалъ, между прочимъ, древнѣйшіе памятники словенской письменности, которые потомъ издавалъ, входя въ сношенія съ первостепенными учеными и представителями литературы, критики, поэтами, а также музыкантами. Въ 1824 г. Кеппенъ возвратился въ Россію и поступилъ на службу въ департаментъ Народнаго Просвѣщенія, въ 1826 г. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, а въ слѣдующемъ перешелъ на службу въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ, съ цѣлью получить въ Крыму мѣсто помощника главнаго инспектора шелководства. Въ Крыму, нерѣдко объѣзжая его съ учеными цѣлями, онъ служилъ съ 1829 г. по 1834 г., когда, по приглашенію президента Академіи Наукъ, гр. С. С. Уварова, возвратился въ Петербургъ, для редактированія „СПбуржскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей“. Въ январѣ 1837 г. Кеппенъ былъ избранъ въ адъюнкты Академіи Наукъ по части статистики, исполняя различныя порученія, числясь академикомъ и служа по министерству Государственныхъ Имуществъ, участвуя, въ 1847 г., въ учрежденіи Имп. Русск. Геогр. Общества, издавая свои ученые труды. Въ декабрѣ 1859 г. П. И. Кеппенъ праздновалъ свой пятидесятилѣтній юбилей, а черезъ пять лѣтъ скончался въ Крыму, въ своемъ имѣніи Карабагѣ, 23 мая 1864 г. Послѣ Кеппена осталось до ста тридцати сочиненій по географіи, статистикѣ, этнографіи, археологій, библиографіи, политической экономіи и проч.

П. Быковъ.

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Х.

Когда Рядновъ бросилъ работу совсѣмъ и Вѣра перестала показывать ему свои — художнику нѣсколько полегчало.

Онъ носилъ теперь большіе синіе очки и зеленый козырекъ надъ глазами, что Капріотскимъ мальчишкамъ подало поводъ тотчасъ-же прозвать его сагоzza (фаэтонъ).

— За чтѣ это ты называешь меня кароцпой? смѣялся онъ, останавливая одного мальчугана съ громадными глазами, горѣвшими совсѣмъ не подѣтски.

— А зачѣмъ-же вы поднимаете верхъ! съ хохотомъ показалъ тотъ на зеленый козырь и убѣжалъ прочь поскорѣе.

Александръ Петровичъ теперь становился все спокойнѣе. Скоро, облако застилавшее передъ нимъ предметы исчезло и только изрѣдка скользили въ глазахъ

mouches-volantes, да и то все рѣже и рѣже. Къ лѣту онъ былъ уже почти здоровъ, но доктора запрещали ему приниматься за работу. Онъ выдержалъ двѣ недѣли, да разъ какъ-то, когда Вѣрочка пошла брать ванну, забрался въ ея комнату, откинулъ завѣсу золотистаго шелка надъ окномъ — и сталъ разсматривать ея картины. Первая вызвала въ немъ чувство гордости и восторга. Онъ сознавалъ что самъ не мало потрудился надъ созданіемъ этого большаго таланта. Вторая шевельнула въ немъ какое-то страшное, ему самому непріятное чувство.

О! она не теряла времени... Нѣтъ, не теряла... Слѣшкомъ даже много работала.

„А чтѣ я сдѣлалъ въ это время?“ гвоздемъ входило въ его мозгъ. „Ничего... Къ выставкѣ у меня нечего будетъ показать“.

Когда онъ перешелъ къ двумъ послѣднимъ карти-

памь, его раздраженіе перешло прямо на Вѣру. Онъ пристально, внимательно приглядывался къ нимъ, къ каждому мазку—отходил и подходил ближе. Найди онъ въ нихъ недостатокъ, ему было-бы легче, но увы! все то, что онъ такъ часто и много говорилъ своей жепѣ и ученицѣ, было принято ею въ расчетъ, усвоено... Эти работы оказывались уже чужды ей прежнимъ недостаткамъ. Нѣтъ-ли прежней слащавости лицъ, создававшихся ею?.. Нѣтъ. Они совсѣмъ реальны, сама жизнь въ полнотѣ своихъ красокъ и блеска смотрѣла на него съ этихъ полотень. Не слишкомъ-ли она подчеркнула реализмъ? еще разъ сталъ онъ доискиваться. Нѣтъ... Всюду жизнь облагорожена вложенною въ нее искрой поэтическаго вдохновенія. Грязь и ея несовершенства не выдвинуты впередъ... Нѣтъ-ли небрежности?.. „Нынче вѣдь все пишутъ швабрами, наскоро!“ вспомнилъ онъ свое любимое выраженіе. Только и можно смотрѣть сегодняшнихъ геіевъ что на почти-тельномъ разстояніи,—онъ сталъ тщательно допытываться у картинъ этой манеры, не проскользнула-ли оза. Подошелъ ближе и окончателю ему стало почему-то жутко.

„Ахъ, если-бы я могъ работать!“ думалось ему. „Я бы сдѣлалъ лучше“.

И опять цѣлымъ вихремъ вырвались и закрутились идеи, безилотные еще образы, эти души картинъ, ожидавшія тѣла... Дерзкія сочетанія красокъ... Розовыя деревья въ цвѣту, безлистные, на темносинемъ небѣ, пестрота Юга безсознательно умѣющаго соединить колера считавшіеся несоединимыми...

— Только-бы два мѣсяца мнѣ...

Въ эту минуту какъ разъ вошла Вѣра, вся свѣжая и бодрал, еще болѣе дразнившая его своею силой и здоровьемъ.

— А, ты здѣсь? Смотришь ужъ мои работы. Ну что?

Она такъ и впиалась въ него вопрошающимъ взглядомъ.

— Прекрасно. Отлично.—Онъ только почему-то отводилъ свои глаза отъ нея.—Я искалъ прежнихъ недостатковъ работы и не нашелъ ихъ. Выписано хорошо... Реально и благородно въ то-же время. У насъ такъ теперь не умѣютъ. Я вообще не безъ гордости...

И вдругъ что-то словно подступило ему къ горлу... Онъ поперхнулся и замолчалъ на минуту.

— Что не безъ гордости?

— Вижу твои усѣхи, торопливо закончилъ онъ и перешелъ къ главному, что только сейчасъ повернулось ему на мысль и за что онъ схватился съ лихорадочною поспѣшностью. И отъ этого ему разомъ стало легче.— Да это еще не все, а вотъ скажи мнѣ: что ты это дѣлаешь?

— Что?

— Ремесло это для тебя, какъ сапоги для сапожника, или искусство? Сапоги для сапожника—чѣмъ ихъ больше спито тѣмъ лучше, тѣмъ онъ больше наплется въ воскresенье и станетъ лучше опохмѣляться въ попедѣльникъ. Пара—плохо, двѣ—недурно, три—еще лучше, а четыре—такъ и совсѣмъ превосходно.

— Насчетъ чего ты? стояла она изумленная.

Онъ въ волненіи, не давая еще себѣ отчета, куда идетъ, прошелся по комнатѣ.

— Ты что-же воображаешь... Верещагинскую манеру себѣ усвоила? Коли выставить такъ не одну—а двадцать картинъ? Вали въ кучу побольше, тамъ разберутъ потомъ? Что это за неуваженіе къ искусству! Что за ремесленная поспѣшность, „за вкусъ не берусь, а горячо будетъ!“ Это что-ли? Ты знаешь какъ писали когда-то — годами одну картину создавали. Вспомни Иванова... и да будетъ тебѣ стыдно. А то тяпъ да ляпъ и вышелъ карась...

— Неужели-же такъ плохо это?.. Неужели видна во всемъ написанномъ мною спѣшность?

— Нѣтъ, я уже тебѣ сказала... Но если-бы, вмѣсто этихъ, за восемь мѣсяцевъ ты написала одну, такъ она бы на вѣки вѣковъ осталась чуднымъ вкладомъ въ искусствѣ. А это что?.. такъ себѣ... хорошо... Но я знаю, я убѣжденъ, ты лучше можешь... А то, слава Тебѣ Господи, пользуется тѣмъ, что здорова, глаза не болятъ, рука не утомляется и цѣлые дни знай себѣ сидить да малюеть. Ты не на каторжной работѣ и мы съ голода не умремъ если будемъ помельше сидѣть за мольбертомъ. Поняла ты меня?

„Поняла, слишкомъ хорошо поняла!“ И чѣмъ больше онъ раздражался и злился, тѣмъ больше ей становилось его жалко. Какъ онъ долженъ былъ страдать въ эти минуты!.. Она не знала что сказать чтобы успокоить его.

— Развѣ я, напримѣръ, такъ работала?.. Я обдумывала, выносила въ себѣ образы... И никогда не разрѣшался двойнями или тройнями... А ты взяла да и обрадовалась!..

Увидѣвъ ея поблѣднѣвшее лицо, онъ почувствовалъ разомъ, какъ былъ несправедливъ къ ней.

— Я не хотѣлъ тебя обидѣть, угрюмо заговорилъ онъ.—Съ этою болѣзнию проклятой я можетъ быть говорю желчно... Но въ сути самой я правъ, разумѣется правъ (точно онъ самого себя хотѣлъ убѣдить въ этомъ). Еще-бы не правъ! Я въ твоихъ-же интересахъ... Мнѣ дорогъ твой талантъ, я смотрю на него какъ на частицу самого себя. Я не мало поработалъ надъ нимъ. Ты пойми, что дарованіе это капиталъ — его нельзя полными горстями швырять направо и налево. Разоришься—новаго не наживешь, живи процентами съ него. Повториться развѣ—такъ вѣдь это скоро и раскусятъ. Мало-ли у насъ такихъ! Всѣмъ нашимъ золотымъ тельцамъ стѣны ихъ завѣшали своей мазней. Одинъ все сосну подъ вечерней зарей рисуетъ, другой—лужокъ съ коровой задравшей хвостъ, третій на Филемонахъ въ виць-мундирахъ и Бавкидахъ въ чепцахъ выѣзжаетъ, четвертый — на счетъ синей и розовой краски съ палевымъ славу свою сдѣлалъ и держится на ней, точно онъ воробей и кромѣ своего *чигъ-чигъ* ничего другаго не знаетъ. Этакъ вѣдь и поугай говорятъ...

Она сѣла и уронила руки.

Она сознавала какъ неправъ онъ былъ къ пей. Ей хотѣлось-бы плакать.

„Какъ онъ долженъ былъ страдать!“ думала она. „Какъ ему самому больно въ эту минуту! И какъ ему будетъ тяжело, когда онъ сознаетъ свою несправедливость!“

XI.

Александръ Петровичъ то чувствовалъ себя лучше и какъ жаждущій елень на источники водные кидался на работу, то утомленный опять начиналъ жаловаться на глаза и цѣлые дни злился... Вѣра совсѣмъ забросила свои картины. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже вполне закончены, другимъ недоставало только пѣсколькихъ „ударовъ“ кисти, какъ выражался Рядновъ. Главное было сдѣлано, мелочи она могла выполнить потомъ. Погода стояла дивная и голубой Капри подъ строгимъ темносинимъ небомъ, среди влюбленнаго лазурнаго моря, казался уголкомъ рая со своими нагрѣтыми утесами, причудливыми кактусами и граціозными пальмами. Вѣра—чтобы не напоминать мужу объ искусствѣ, о работѣ — бросила свою, дождалась, чтобы картины высохли, свернула ихъ и спрятала.

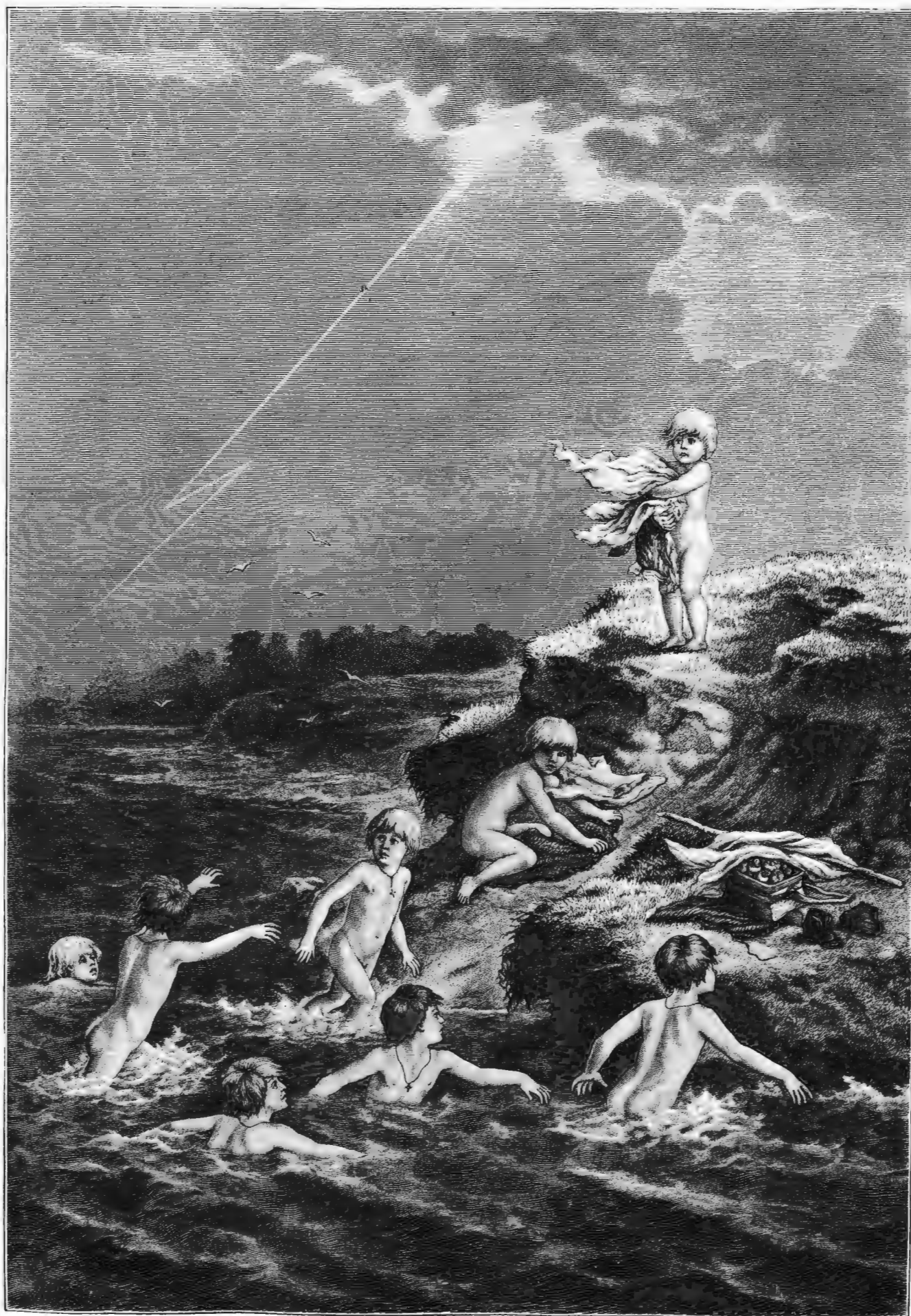
— Ты что-же это больше ничего не дѣлаешь? удивленно спрашивалъ ее Рядновъ.

— Довольно... Я кончила... Я рѣшила по твоему совѣту сначала обдумать и выносить въ душѣ кое-что, а потомъ уже взяться за кисть... Правда, вѣдь такъ? ласкалась она къ нему.

— Ну, разумѣется. Хотя и времени терять тебѣ не-

Лѣсная дорога. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ф. Гумберга, грав. Рашевскій.

Застигнутые грозой. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Флюгель.

зачѣмъ... сдавался онъ.—Да это ты не изъ-за меня-ли вдругъ? оглядывался онъ на нее подозрительно.

— Ну, вотъ еще чего!.. Надо и очнуться, и отдохнуть. Я давно не читала, не ходила.

— То-то... Я, знаешь, терпѣть не могу всякихъ этихъ самопожертвованій...

Она видѣла что онъ становится и несправедливъ, и золь, но все это приписывала его несчастной болѣзни. Изъ итальянскихъ газетъ они узнали что извѣстный русскій докторъ пріѣхалъ и остановился въ Сорренто. Вѣра воспользовалась этимъ и разбудила мужа рано утромъ, когда солнце еще только позолотило вершины утесовъ и только у виллы Тиверія сіяло уже разливомъ розоваго свѣта по открытымъ ему скатамъ и отвѣсамъ. Скоро лучи добрались до плоскокровельныхъ домовъ, на громадныхъ круглыхъ аркахъ, разогнали тьму густѣвшую подъ этими арками, засвѣтились въ ущельяхъ и живо разсѣяли спрятавшіеся туда за ночь туманы.

— Рано еще! отбывался Рядновъ.

— Опоздаемъ на парходъ... Смотри какъ быстро подымается солнце.

Она распахнула окно... Морская свѣжесть и прохлада точно ждали этого и живоительно, ласкающею волной вилыли въ комнату. Далекое-далекое, сквознымъ, прирачнымъ, текучимъ фарфоромъ голубѣло море. Точно ползли по нему суда, паруса которыхъ казались розовыми крылами невѣдомыхъ птицъ. Внизу зеленѣли вершины деревьевъ; какъ громадный факель, у самаго окна недвижно темнѣло алоо. Вѣтка акаціи вмѣстѣ съ легкимъ вѣтеркомъ послала въ комнату, словно утренній привѣтъ, нѣсколько желтоватыхъ лепестковъ, запутавшихся въ золотистыхъ волосахъ Вѣры.

— Чтò съ тобой дѣлать, дѣлнво потягивался ея мужъ.

— Скорѣе, скорѣе... торопила она его.

Она, подъ вліяніемъ какого-то радостнаго порыва, не помнила дороги внизъ среди скалъ и кактусовъ, осликовъ которыхъ перегоняли лошадки, быстро уносившія къ берегу небольшой экипажъ съ нашими путниками, черноглазыхъ дѣвочекъ весело кричавшихъ ей свое *buon-giorno*, кидавшихъ ей съ звонкимъ хохотомъ цвѣты на платье и бѣжавшихъ потомъ за парой сольди, вровецъ съ дверцами коляски, статныхъ жепцинь съ корзинами на головахъ, медленно двигавшихся внизъ по пути, наконецъ деревни внизу и бѣлыхъ кружевъ приборъ, разбивавшагося по песчанымъ отмелямъ... Парходъ уже ждалъ—еще нѣсколько минутъ и они-бы опоздали. Тѣ-же пѣвцы — на палубѣ привѣтствовали ихъ какъ знакомыхъ банальною но сладкою какъ это утро „мандолиной“, потомъ наивными, словно цвѣтки выросшіе на утесахъ Капри—пѣсенками Косты. Она не помнила потомъ и Синей Искіи съ топушей въ золотистой дымкѣ Прочидой... Все это были отдѣльные аккорды, нотки всецѣло входившія въ общую канцону этого дня, рождавшася такимъ яснымъ и счастливымъ. И самъ Александръ Петровичъ сегодня видѣлъ лучше чѣмъ прежде и радовался этому.

— Сегодня мнѣ ничего не заститъ, торжествовалъ онъ и тутъ-же прибавилъ:—Если и завтра будетъ такъ—то послѣ-завтра принимаюсь за настоящую работу.

Тихо-тихо выступили надъ своими мраморными террасами дворцы-отели Сорренто, этого города солнца, еще издали привѣтствовавшася путниковъ чуднымъ дыханіемъ апельсинныхъ цвѣтовъ.

— Пристаемъ! съ какимъ-то сожалѣніемъ проговорила Вѣра.

— Уже!..

Они пошли вверхъ къ отелю *Vittoria*, гдѣ остановилась петербургская знаменитость. Ящерицы, сверкала изумрудными глазенками, скользили по скаламъ; кружа голову, душно и сладко пахли цвѣты, запустившіе въ горячій камень свои цѣпкіе корни; словно желая до-

рваться до ея погъ, долго гнались за Вѣрой голубыя волны приборъ; съ палубы пархода — пѣвцы и мандолины за одно съ ними точно умоляли послѣдними долетавшими до нея отзвучіями: „*dimmi, dimmi d'amor*“... Потомъ сумракъ и прохлада, сырая прохлада подземной жилы, которая вела вверхъ, съ золотыми снопами солнечныхъ лучей въ отверстіяхъ, пробитыхъ въ ней только недавно, апельсинный садъ отели—и вѣжливо:

— *Signor principe russo fa colazione* (русскій князь завтракаетъ теперь).

— Какой князь? спросила Вѣрочка.

— Какъ какой князь? Запнялъ онъ померъ дороже пяти франковъ—значитъ князь!

— Принимаетъ-ли онъ больныхъ?

Лакей обидѣлся за князя.

— Никого! Станетъ такой богачъ съ большими возитись, какъ жел.. Развѣ онъ Везувій чтобы постоянно работать? Только Везувій работаетъ вѣчно!

— Что же князь дѣлаетъ теперь?

— Э! чтò дѣлаютъ всѣ великіе люди—*fa niente* (ничего не дѣлаетъ).

Тѣмъ не менѣе Рядновъ передалъ лакею свою карточку и былъ принятъ тотчасъ же.

— Не нашего-ли знаменитаго... началъ по опредѣленной формулѣ питерскій эскулапъ, сидѣвшій дѣйствительно за завтракомъ, и узнавъ, что „это тотъ самый, который“... сдѣлалъ строгіе глаза и увѣрилъ что считаетъ за честь быть полезнымъ, умоляя только дать ему полчаса дозавтракать.

Рядновъ вспомнилъ, что они спѣша съ Капри не напились кофе, и приказалъ себѣ подать его. Въ громадной столовой было мало народу. Нѣсколько англичанъ, съ надутыми какъ парусъ вѣтромъ физиономіями, дѣловитые нѣмцы и какая-то эксцентричная американка вся въ брилліантахъ, не смотря на утро и почти дачную обстановку. На столѣ стояли громадные букеты; только что срѣзанныя розы, пышныя, страстныя, всею полнотой жизни дышавшія, сливали свой ароматъ съ еще болѣе пышными магноліями... Въ ихъ запахѣ тонуло нѣжное благоуханіе апельсинныхъ цвѣтовъ, какъ тихіе и робкіе звуки флейты гаснутъ въ трескѣ и гамѣ духовыхъ инструментовъ.

— Хорошо здѣсь! усмѣхнулся новый знакомецъ, по докторской привычкѣ слѣдя за „пациентомъ“ пытливымъ и точно недовольнымъ взглядомъ.

— Да...

Странно. Рядновъ „тотъ самый, который...“ чувствовалъ какую-то робость, знакомую тѣмъ кто часто возился съ докторами.

— Много здѣсь работаете?..

— Нѣтъ, почти ничего...

— Какъ же это, помилуйте? Подъ этимъ солнцемъ и небомъ...

И распозитировавшійся докторъ широко развелъ рукою, державшей на концѣ вилки баранью котлетку.

— Потому и къ вамъ пріѣхалъ что не могу работать, попробовалъ было усмѣхнуться Рядновъ, но усмѣшка вышла грустная и неудачная.

— Глаза? коротко спросилъ докторъ и сдѣлалъ лицо еще строже, точно сидѣвшій передъ нимъ пациентъ былъ ужасно виноватъ въ чемъ-то передъ нимъ.

— Да! Попортились.

— Гм!.. мало-общающимъ тономъ пустилъ эскулапъ и задумался.—Отъ утомленія? вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, послѣ маларіи.

Лицо петербургской знаменитости стало совсѣмъ зловѣщимъ.

— Послѣ маларіи... знаю... Жаль, очень жаль... душевно жаль... ронялъ онъ такимъ тономъ, какимъ величественный министръ отказываетъ рѣшительно жалкому и трепетно взирающему на него снизу, изъ какой-то темной глубины, просителю.—Послѣ маларіи...

скверно, очень скверно.—И посмаковывая кончикомъ языка мадеру, онъ вдругъ дѣловымъ тономъ спросилъ Ряднова:— Ну, а „Отрокъ Христосъ во храмѣ“ у васъ еще, не продали его?

Рядновъ растерялся было.

— Это вы насчетъ...

— На послѣдней выставкѣ замѣтилъ, хотѣлъ приобрѣсти да уѣхалъ. Телеграммой вызвали. У васъ?

— Да, въ Петербургѣ остался.

— То бишь, сколько вы за него назначили, забылъ...

— Семь тысячъ.

Докторъ одобрительно мотнулъ головой, ткнулъ вилкой въ картофелину и, засмотрѣвшись на нее, точно желая самъ себя загипнотизовать, помолчалъ-помолчалъ.

— А сколько менѣе?..

— Вамъ уступлю...

— Примѣрно?..

— Пять катенекъ долой сброшу... Шестъ съ половиной...

Знаменитость перенесла картофелину отъ глазъ ко рту... пожевала-пожевала...

— Ладно, беру... Кстати мнѣ бы и головку ту... Помните, справа была?..

— Цыганка?

— Ну, вотъ... Какъ, гуртомъ дешевле, а?

— Чтò съ вами торговаться. Берите ее на придачу.

— Рука руку моетъ. Вы ее на придачу, а я своею специальностью всегда къ вашимъ услугамъ. А шесть съ половиной за мной. Какъ приѣду въ Питеръ, посылайте картину... Да... маларія... скверно, скверно, маларія... У меня былъ одинъ пациентъ, тоже знаете...

— Умеръ?

— Нѣтъ, женился на моей племянницѣ, ну такъ онъ купилъ у *** картину за три тысячи, а потомъ ее англичанину одному дурашному за десять смаклевалъ! Вотъ оно!.. Да... маларія... Въ Римѣ должнъ?

— Въ Римѣ.

— Подлецъ-городъ, чтò говоритъ! Я радъ... очень радъ... Маларія!..

И поднеся кофе ко рту, онъ вдругъ сдѣлалъ самыя строгіе глаза, обвелъ ими всю фигуру Ряднова и сухо спросилъ:

— Вина не пьете?

— Нѣтъ.

— Горячительныя — горчицы, сои... возбудительныхъ чего-нибудь?..

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Н-да!.. полѣчимъ-полѣчимъ...—И вдругъ переходя въ добродушный тонъ:—Никто какъ Богъ, никто какъ Богъ...—и забарабанилъ пальцами по столу.—Не пьете... Хорошо... Хотя знаете, „Капри“ здѣсь красное... Опять же *Vino di Ravello*...

И онъ даже отъ полноты чувствъ причмокнулъ языкомъ.

Докторъ пригласилъ ихъ къ себѣ... Рядновъ все больше и больше чувствовалъ самое дѣтское смущеніе. Точно онъ въ чемъ-то жесточайше проштрафился и что-то съ нимъ сію минуту сдѣлаютъ. Можетъ-быть въ карцеръ потащутъ, а то и высѣкутъ... У эскулапа глаза стали совсѣмъ совиными. Вѣроятно, у совъ такіе когда онъ уже держитъ въ когтяхъ крошечную птичку съ безильно разинутымъ клювомъ, свѣсившимися крыльшками, трепетно бьющимся сердчишкомъ и взглядомъ уже заволакиваемымъ сизовато пленкой...

— Ну-ко пожалуйста, пожалуйста вотъ сюда, сюда, сюда! указывалъ онъ съ любезностью и граціей палача на эшафотъ.— Изслѣдуемъ, изслѣдуемъ... У меня все съ собой.

Вѣрочка слѣдила пристально за эволюціями доктора. Лицо его дѣлалось все страшнѣе и страшнѣе, онъ пыталъ, хмурился, потомъ таращился и опять хмурился,

опускалъ голову и задумывался сопя, вскидывался вновь на Ряднова, тормозилъ его всячески и наконецъ глубокомысленно изрекъ:

— Вотъ оно чтò!..

Рядновъ привскочилъ даже.

— Вы вѣдь не маленькій, знаете. Съ вами откровенно надо... Не пужливы?

— Нѣтъ, нѣтъ...

А у Вѣры такъ и заколотилось въ груди.

— Ну-съ... Вы отъ этой подлой малашки, я знаете маларію такъ называю, схватили большущую пакость... Это у васъ самое зловредное...—И онъ съ удовольствіемъ выпалилъ въ пациента какимъ-то латинскимъ названіемъ.— Да-съ, штучка, скажу я вамъ... Не дай Богъ никому.

— Ослѣпну? скорѣе простоналъ Рядновъ чѣмъ проговорилъ.

— Не сейчасъ еще, успокоилъ его докторъ.— Не сейчасъ же... Но знаете... я вамъ прямо скажу. Хотите спасти этотъ глазъ, лѣвый? онъ у васъ здоровъ.

— Хочу... разумѣется... Оба даже.

— Оба нельзя. На правый плюньте, онъ у васъ безнадеженъ. Хотите спасти лѣвый—можно. Надо правый вонъ.

— Какъ вонъ? подскочилъ больной.

— Вонъ его, шельму, совсѣмъ чтобы и не пахло имъ. Вонъ его!

И онъ толстымъ, корявымъ пальцемъ ткнулъ по направлению къ виновному глазу.

— Не понимаю.

— Мы его вамъ вынемъ. А то черезъ него заразится лѣвый и тогда пиши пропало, тогда я *нассъ*... А вы *безъ двухъ!*—И онъ самъ засмѣялся своей остротѣ.— Въ винтъ играете?

— Нѣтъ, позвольте, докторъ... вы меня совсѣмъ... Вѣдь я художникъ—для меня глаза...

— И съ однимъ можно отлично. Онъ двѣ службы отслужитъ. Еще лучше работать станете. Такой законъ въ экономіи природы... А безъ этого и лѣчить нечего, не стбитъ. Этотъ глазъ заразить тотъ.

— Вы можетъ-быть ошибаетесь, докторъ? умоляюще посмотрѣла на него Вѣрочка.

— И радъ бы для васъ не только что ошибиться, но даже ушибиться,—и самъ засмѣялся плохой остротѣ,—но не могу. Такого рода болѣзнь легка для опредѣленія. Любой здѣшній врачъ вамъ такой же діагнозъ сдѣлаетъ и скажетъ чтò у господина Ряднова. Да вы не беспокойтесь, мы его шельму такъ съ васъ снимемъ, что кромѣ удовольствія ничего не получите. Тихо, смиренно, благородно выйдетъ.

Александръ Петровичъ съ Вѣрочкой вышелъ вонъ совсѣмъ очумѣлый.

Они пошли между двумя стѣнами, за которыми круглились вершины пышныхъ садовъ. Зеленѣли вершины С.-Анджело... Толстый добродушный падре шельмъ навстрѣчу, блаженно потирая животъ.

Вдругъ Рядновъ захохоталъ, да такъ что падре даже сконфузился, снялъ шапку и низко ему поклонился, а когда художникъ прошелъ дальше, священникъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, помахивая головой.

— Чтò ты? удивилась Вѣрочка.

— Дуракъ этотъ докторъ. Вынь одинъ глазъ, чтобы спасти другой!

— И мнѣ показалось страннымъ.

— Не даромъ онъ все мадеру посасывалъ за завтракомъ, ну и насосался...

Рядновъ мало-по-малу успокоился. Вернулись назадъ къ берегу... А тамъ уже торчать неугомонный докторъ, играетъ съ мальчуганами и издали еще кричитъ:

— А я съ паршивцами этими для моціону... Да кстати, остановился онъ, задыхаясь,—вотъ еще: убирайтесь-ко вы скорѣе „отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ“.

— Куда?

— Въ Россію. Это солнце знаете для васъ теперь все одно, что въ огонь масло... и краска здѣшняя, колоритъ то-есть... И чѣмъ скорѣе вы уберетесь, тѣмъ лучше... Я ѣду на слѣдующей недѣлѣ, и успѣю во-время вынуть вамъ мерзавца... Ничего, успокаиваль онъ, — и одноглазому отлично жить... Особенно когда у васъ дочь такая.

И онъ галантно расшаркался передъ Вѣрочкой.

— Не дочь, а жена! разозлился еще пуще Рядновъ.

Но доктора мудрено было сбить съ толку.

Онъ добродушно расхохотался, ткнуть Ряднова кулакомъ въ животь, лукаво подмигнувъ Вѣрочкѣ и пробазилъ:

— Ну, а за женой-то вы и однимъ глазомъ усмотрите... И одного глазенана съ васъ предовольно для этого.

И сталъ опять бѣгать и баловаться съ мальчишками.
XII.

Розовая вѣтка какихъ-то цвѣтовъ, тонкое благоуханіе которыхъ давно уже наполняло воздухъ кругомъ, нѣсколько разъ подъ тихимъ вѣтеркомъ, дувшимъ съ моря, колеблясь и нѣжно шелести, касалась лица Вѣрочки, сидѣвшей внизу. Золотыя капли солнечнаго свѣта, пронизывавшаго густую листву дерева, падали на землю и словно ртуть разбѣгались по ней. Дроздъ, забравшись около въ самую чащу, давно уже насвистывалъ что-то меланхолическое, красивое, просившееся въ душу къ человѣку, точно допрашивался, о чемъ это она тоскуетъ... Порою издали слышался глухой шумъ прибоя набѣгавшаго на песчанья отмели и шорохъ камешковъ сдвигаемыхъ неугомонными волнами... Но Вѣрочка не чувствовала ласковаго привѣта исходящихъ своимъ ароматомъ цвѣтовъ, не слышала пѣсни дрозда, шепота вѣтвей и важнаго, торжественнаго, какъ мольба столѣтней дубравы, говора моря... Ея любимица, крошка Ануццата, съ глазами больше ея самой, робко подошла къ ней и положила ей на колѣни лилію, на бѣлыхъ и пышныхъ лепесткахъ которой еще дрожала бриллиантовая роса. Она машинально погладила головку дѣвочки и забыла о ней. Неужели правда то что сказалъ ей докторъ?.. Мужъ ея смѣется надъ нимъ, но сегодня итальянскій врачъ, съ которымъ она совѣтовалась, подтвердилъ ей то же самое... Она осторожно заговорила съ Александромъ Петровичемъ, сообщила ему объ этомъ; тотъ только прикрикнулъ на нее, да такъ какъ еще никогда, въ самыхъ сильныхъ пароксизмахъ раздраженія, не позволялъ себѣ онъ.

— Убирайся ты съ этими дураками! Этакъ отъ насморка они начнутъ носы ампутировать, а отъ ревматизма — ноги... Въ ухѣ у тебя станеть стрѣлять, ты дашь себѣ ухо отхватить!

Потомъ помолчалъ немного.

— И отъ души прошу тебя, не зли меня и не напоминай обо всѣхъ этихъ глупостяхъ. Вообще мнѣ всѣ эти медицинскіе разговоры до такой степени надоѣли что я больше слышать о нихъ не желаю. Ни о болѣзняхъ, ни о докторгахъ, ни о ихъ остроумныхъ совѣтахъ! Иначе, право, я съ тобой серьезно ссориться буду...

Она видѣла какъ подъ вліяніемъ этой болѣзни и раздраженія, вызываемаго ею, тучи мало-по-малу заволакивали ихъ маленькое счастье. Она видѣла это, молчала и прощала все.

— Единственно резонный совѣтъ, какой я слышалъ до сихъ поръ отъ нихъ, это ѣхать домой скорѣе. Просто у меня глаза болятъ отъ этого преувеличеннаго солнца, отъ этого свѣта и яркости красокъ... Дома оправлюсь сразу. Даже, если хочешь, для твоего успокоенія къ самому Добровольскому обращай или Магавли. Эти-то навѣрное не стануть мнѣ совѣтовать вынуть глазъ. Точно зубъ вырвать!..

— Тогда ѣдемъ завтра...

— Не сейчасъ-ли еще?.. Погоди.

Недѣли шли за недѣлей, наконецъ ей удалось черезъ полтора мѣсяца убѣдить его ѣхать. Да и то потому что ему стало хуже опять.

— Застить, чувствую что застить что-то мнѣ. Вижу все словно черезъ кисею какъ-то, или будто черезъ запотѣлыя стекла... Завтра поѣдемъ пожалуй; у тебя все уложено?..

Она пришла послѣ этого сюда въ свой любимый уголокъ, проститься съ поэтическимъ Капри.

На другой день они дѣйствительно уѣхали.

Яркій миражъ Неаполя остался позади, шумная Казерта, дремлющая Капуя, Фоджія вся точно горящая въ золотомъ пламени заката, серебряная Анкона облитая солнечнымъ свѣтомъ надъ тихою Адриатикою, Верона до сихъ поръ еще не забывшая времена Скалигеровъ и грезящая о Данте, точно вчера читавшемъ на ея площади свои терцины, Верона по тихимъ и средневѣковымъ уликамъ которой бродитъ свѣтлый призракъ Джуліеты, наконецъ умирающая, но не сдающаяся красавица-царица Венеція, развѣнчанная повелительница Востока и Запада—однѣ за другими смѣнялись передъ жадными взглядами Вѣрочки, и черезъ три дня послѣ того, за Варшавой, посыпался мелкій дождь сразу заставившій расплакаться стекла вагоновъ, все небо заполонили грузныя непривѣтныя тучи... Вечеръ отгоралъ въ ихъ сѣромъ маревѣ и день родился въ немъ же...

— Съ отечествомъ поздравляю!.. кисло улыбался Александръ Петровичъ.— А глазамъ-то здѣсь все-таки легче... И смотрится лучше, и боли нѣтъ.

Легче, но какою холодною, ужасною и тусклою показала имъ ихъ петербургская квартира послѣ солнечной Италии! Вѣра думала, что самыя краски ея картинъ поблекли, она на время даже опустила руки. Не лучше чувствовалъ себя и ея мужъ. Глазамъ было легче, но онъ не поберегся, вышелъ въ сырую погоду, петербургскій дождь захватилъ его на улицѣ и пробилъ своими холодными струями до костей—къ вечеру онъ слегъ. Повторилось что-то въ родѣ малярии. Какъ всѣ долго здоровые люди, не привыкшіе болѣть, онъ сдѣлался до такой степени капризенъ и раздражителенъ, что жена его потеряла голову. Она попробовала заговорить съ нимъ о картинахъ, онъ досадливо обрывалъ ее:

— Тебѣ только и дорого что твоя мазня, чортъ бы ее взялъ совсѣмъ.—Потомъ вдругъ помолчалъ:—Вообразятъ люди что у нихъ талантъ и давай все въ мірѣ приносить въ жертву этому Ваалу, а въ сущности вмѣсто таланта такъ какое-то дарованіе въ грошъ цѣною!

Стала было она предлагать ему читать вслухъ.

— Что ты, зачитать меня хочешь? слава Богу, я еще не нуждаюсь въ читальницахъ.

Пробовала говорить и получила въ отвѣтъ:

— Пожалуйста не старайся ты развлекать меня. Можетъ быть это по вашему монастырскому—доброе дѣло, а по нашему это называется свинствомъ.

Передъ ней былъ совсѣмъ другой человѣкъ, не тотъ котораго она знала въ далекой обители, не тотъ что возился съ нею въ Петербургѣ, не тотъ что такъ внимательно относился къ ней въ первый годъ ихъ совместной жизни... „Ну что жъ“, утѣшала она себя. „Жизнь, какъ и картины, состоитъ не изъ однихъ свѣтлыхъ тоновъ; и тамъ, и здѣсь нужны тѣни. Я попала въ такую полосу—и слава Богу! Надо молиться...“ И она молилась горячо и страстно... Ходила въ Казанскій соборъ, припадала тамъ къ образу Богоматери и со слезами на глазахъ умоляла Ее послать миръ душевный... Разъ, когда она стояла такъ на колѣняхъ, вся ушедшая въ свое маленькое горе, рядомъ съ нею толкнулось

Амазонка конца прошлого вѣка. Картина Р. Бейшлага, грав. А. Веберъ.

что-то. Она подняла глаза—оказалось: монахиня, которую она часто видела у паперти, собирающею на книжку... Вбра всмотрелась в ее лицо, старое, на первый взгляд грубое, сморщенное, обветренное, и вдруг ее поразили кроткие, добрые глаза этой инокини. Кроткие и добрые и так же мигавшие, как у „бабушек“.

— А ты не плачь!.. точно ждала этого старуха. — Молитесь молитесь, а не плачьте... Плачь—грѣхъ, ибо имя ему есть отчаяніе... Чтѣ такое наше горе? — вчерашній вѣтеръ. Гдѣ онъ?—ищи его, слѣда ему нѣтъ... Даль тебѣ Господь бремя—значитъ любить Онъ тебя и любя испытуетъ, и носи ты это бремя съ радостью... Дамаскина канонъ знаешь? Поди нѣтъ. Куда вамъ, мірскимъ! Вы больше романцы любите...

— Знаю, матушка.

— Ну, если знаешь, удивилась та, — слѣдовательно и это тебѣ памятно: „Безвременно мечтателенъ трудъ житія земнаго“ и потомъ: „Вся привременная жизнь—

адъ и погибель, тѣнь непостоянная, сѣнь заблужденій“, такъ-то! А мы думаемъ: рай здѣсь—и радуемся. Нѣтъ, потерпи сначала, да пострадай, помни: „воистину все суета и тлѣніе, житіе же сонъ и тѣнь... И о напрасномъ смущаетъ себя земнородный“.

— Гдѣ же счастье?

— Въ насъ самихъ счастье... Истерзаютъ тебя—радуйся о Господѣ и вотъ счастье; оскорбятъ и оклеветаютъ—пой „слава Тебѣ“... Изгонять со стыдомъ—благослови изгоняющихъ,—вотъ счастье.

Домой Вѣрочка пришла совсѣмъ точно просвѣтлѣвшая. Даже Рядновъ замѣтилъ.

— Что это ты? Точно Римскую премію получила.

„Больше“, подумала Вѣрочка, — „счастье обрѣла.“

И по старой обительской привычкѣ загадывать на Евангеліе, подошла и раскрывъ его прочла:

„Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть...“

(Продолженіе будетъ.)

Кто-же?

Разсказъ Петра Дорошенко.

(Продолженіе.)

— Можетъ-быть, продолжалъ Клеменцій,—мнѣ самому легче станеть, если вамъ удастся разобраться въ этомъ хаосѣ воспоминаній, гдѣ все само по себѣ такъ мелко-мелко, а неоткуда для всѣхъ сложилось и разрослось до такого колоссальнаго результата. Укажите мнѣ сами явную причину ея смерти, и я сознаюсь съ благодарностью, что никакой человѣкъ въ мірѣ никогда не оказалъ мнѣ подобной услуги. Вотъ основная мысль побуждающая меня исповѣдаться передъ вами мою жизнь, или по крайней мѣрѣ тотъ періодъ ея, который для вашихъ изслѣдованій особенно интересенъ. Я женился на Ольгѣ Коринной десять лѣтъ тому назадъ. Въ глазахъ родственниковъ и всѣхъ друзей моихъ, это показалось величайшей глупостью, и сообразивъ, какъ необдуманнаго рѣшенія справедливо именуются. Впрочемъ, въ необдуманности меня упрекнуть здѣсь нельзя. Я цѣлыхъ три мѣсяца упорно боролся съ увлеченіемъ, разросшимся, благодаря непредвидѣннымъ препятствіямъ, въ обликъ настоящей, сильной страсти. Я ни на минуту не упустилъ изъ виду бездну раздѣлявшую ту скромную, вульгарную обстановку, въ которой она родилась и воспитывалась, отъ блестящей, широкой сферы, въ которую она должна будетъ вступить во слѣдъ за мною. Все мое извиненіе — въ ея рѣдкой красотѣ. Теперь вы не можете судить о ней, вы увидели лишь слабый слѣдъ былого. Завлекся-ли я помимо хитро веденной интриги, какъ утверждали многие? Можетъ статься, такъ какъ въ то самое время, какъ любая изъ аристократическихъ дѣвушекъ всего Петербурга съ восторгомъ приветствовала бы возможность сдѣлаться графиней Клеменцкой, она, Ольга Корина, заброшенная судьбою въ какую-то невозможную трущобу, безприданная дочь темнаго армейца, вздумала мнѣ диктовать условія. Я долженъ былъ, видите-ли, неустанно заботиться о всей этой оравѣ, а главное, никогда не различать ея съ ними! *Erouser la famille entière, en un mot* ¹⁾. Понятно, человѣкъ мысленный до безумія ни передъ чѣмъ не остановится; и я мысленно только усмѣхнулся этому ребяческому требованію. Тотчасъ послѣ свадьбы, я принялся за осуществленіе задуманнаго плана. Прежде всего надо было оторвать Ольгу отъ этой вредной почвы; но не такъ легко было справиться съ неопытною, кроткою дѣвочкой, какъ я это предполагалъ. Вмѣсто мягкаго воска, у меня очутилась въ рукахъ упругая сталь... Я назначилъ всей семьѣ Коринныхъ ежегодное содержаніе въ восемь тысячъ, и только благодаря увѣщаніямъ старухи, доброй женщины *à tout prendre, mais impossible de tenir* ²⁾ (я горѣлъ бы со стыда, если кому бы довелось застать ее въ моей гостиной), я могъ увести жену за-границу. Два года мы прожили въ постоянныхъ путешествіяхъ, и не безъ труда! Она упорно напоминала поставленное и принятое условіе, требуя его исполненія. Даже рожденіе сына не способно было заглушить этихъ интенсивныхъ привязанностей. Про себя я долженъ сознаться, какъ это ни прискорбно моему самолюбию, что Ольга никогда не любила меня той любовью, которую я до сей поры привыкъ внушать женщинамъ. Она не сошла даже нужнымъ притвориться въ этомъ чувствѣ. Ея постоянное тяготѣніе къ своей семьѣ, мое непреклонное намѣреніе избѣгать всякой короткости,—вотъ первое сѣмя раздоровъ, возникшихъ между нами. По смерти ея матери, которую я считалъ главнымъ камнемъ преткновенія, я сдѣлалъ на ея просьбы. Мы вернулись въ Петербургъ. Я открылъ свой домъ и блескомъ приемовъ думалъ облегчить графинѣ доступъ въ самую разборчивыя гостиныя. Но тутъ на каждомъ шагѣ испытывалъ я горькое разочарованіе, мелкіе но раздра-

жающіе уколы, ежедневно создавалъ, что за подобную *trésaliance*, рано или поздно, расплата неизбежна. Красота Ольги за это время дошла до аллегіи; благодаріи моимъ стараніямъ, изящность ея манеръ обезоружила-бы строжайшаго критика, но, къ несчастію, за ея поведеніе мнѣ не разъ пришлось краснѣть...

— Не можетъ быть! перебилъ я горячо, и краска негодованія бросилась мнѣ въ лицо.

— Успокойтесь, М-г Забѣльскій. Мнѣ не пристало, и я къ тому-же далеко отъ мысли бросать какую-либо тѣнь на покойную жену. Нравственность ея была „без-упречна“ (онъ съ ироніей напыривалъ на каждомъ слогѣ). Она ея какъ-то придавливала обыкновенныхъ смертныхъ. Впрочемъ, врядъ-ли это можно причестъ къ личной заслугѣ. Женщины, которыя своей экзальтированной любовью обнимаютъ весь міръ, не способны отдаться беззаветно одному человѣку. Гдѣ имъ составить счастье одного, когда онѣ мечтаютъ благодѣтельствовать всеенную! Но это замѣчаніе не къ дѣлу. Возвращаюсь къ поведенію графини. Она отъ своего первобытнаго воспитанія сохранила нелѣпныя воззрѣнія и необузданную рѣзкость сужденій, отъ которыхъ считала постыднымъ отступать. Напрасно умоляла я ее хоть для виду подчиниться жизненному строю, вѣками освященному, не оскорблять своими сумасбродными выходками *les traditions de notre monde* ³⁾. На всѣ мои предостереженія, увѣщанія *que cela ne se fait pas* ²⁾, она съ безтолковостью ребенка приставала *отчего и почему*, какъ будто въ этой фразѣ не заключался уже самый существенный доводъ. Женщины, сраженные ея ослѣпительною красотой, предугадывали близость реванша и злорадно усмѣхались за спиной. Я все это зналъ, видѣлъ, страдалъ, а совладать съ ней не могъ. Какъ далеко ускользалъ изъ ея рукъ тотъ завидный свѣтскій скиптръ, который, въ первое время моей женитьбы, я стремился вложить ей въ руки чтобы хоть этимъ оправдать въ строгихъ глазахъ общества мой легкомысленный выборъ! Вдаваться въ подробности я не стану. Каждый день видѣлъ новую каплю желчи въ мою чашу, добавлялъ новый камень къ невидимой, но нравственно осизаемой стѣнѣ разединяющей насъ.

Остатки прежней любви быстро таяли въ постоянно возобновляющихся недоразумѣніяхъ. Она стала чуждаться меня. Я считалъ ее нравственно отвѣтственной въ постигнутой меня неудачѣ. За это время, двѣ ея сестры окончили свое воспитаніе въ институтѣ, и по моему настоянію продолжали жить въ Москвѣ при родственницѣ или пріятельницѣ, я тамъ хорошо не знаю, ихъ умершей матери. Разумѣется, ихъ содержаніе широко оплачивалось мною. Такой порядокъ вещей шелъ въ разрѣзъ желаніямъ графини; но, сознайтесь сами, это постоянное напоминаніе ея происхожденія, этотъ Коринскій элементъ вторгающійся въ мой домъ на равноправной ногѣ, могъ быть поухой моей цѣли, и пока горестный опытъ не вынулъ меня на все махнуть рукою, я остался непоколебимъ. Рѣдкую постоянность проявила она въ ту пору и наконецъ-то ей удалось водворить сестеръ въ моемъ домѣ.

Теперь, для полной откровенности, я вынужденъ коснуться довольно нескотливаго эпизода. Мое правило въ жизни: урвать у ней какъ можно болѣе наслажденій; слѣдовательно, мнѣ изрѣдка приходилось отстранять отъ себя стѣснительный ригоризмъ. Мы провели лѣто всѣ вмѣстѣ здѣсь. Кромѣ охоты, до которой я былъ прежде страстный любитель, развлеченій никакихъ. Отъ скуки и нечего дѣлать я обратилъ вниманіе на

¹⁾ Жениться на всей семьѣ, однимъ словомъ.

²⁾ ...впрочемъ, но невозможной въ обращеніи.

³⁾ Традиція нашего свѣта.

⁴⁾ Что это не дѣлается.

старшую изъ дѣвочекъ. Un piquant minois de brune ¹⁾, и нравственно тотъ-же рѣзкій контрастъ съ моею женою. Она стремилась къ радостямъ съ азартомъ бабочки летящей на свѣтъ. Наши отношенія, я спѣшу заявить, не заходили далѣе весьма безгрѣшной болтовни, но Ольга Андреевна не хотѣла слушать никакихъ объясненій, и это неожиданное столкновение вызвало между нами единственную бурную сцену которую я припомню за все время нашего супружества. На другое утро, мнѣ на зло, она отвезла обѣихъ дѣвочекъ къ вдовому дядѣ, изъ чиновниковъ. Выборъ былъ удаченъ. Опъ ненавидѣлъ меня, за то, что, при рѣдкихъ встрѣчахъ, я обращался съ нимъ свысока и никогда не отдавалъ ему его докучливыхъ визитовъ. Теперь, въ свою очередь, онъ съ наслажденіемъ не пускалъ меня къ себѣ, и устроилъ вокругъ нея такой бдительный караулъ, что мои попытки увидѣться съ этой бѣдной, насильственно секвестрированной дѣвучкою, не увѣнчались успѣхомъ. Но имъ этого было мало! Чтобы меня въ концѣ раздражить, они уговорили ее выйти замужъ за un Dieu sait qui ²⁾, какого-то мелкаго чиновника, изъ дядюшкинаго вѣдомства.

— На графинѣ лежала святая обязанность заботиться о счастьи оставленныхъ на ее попечение сиротъ, вырвалось у меня съ псевольной рѣзкостью.

— Счастье—такое условное понятіе! Развѣ участь выпавшая на долю Ольги Корониной не казалась всѣмъ и каждому апогеемъ его? А вы однакожь видите къ чему она ее привела! Въ порывѣ гнѣва она тутъ-же, во время этого достопамятнаго объясненія, категорически заявила, что подавленная моимъ нравственнымъ уродствомъ (мнѣ это выраженіе глубоко врѣзалось въ память), убѣжденная въ невозможности того чисто буржуазнаго счастья, о которомъ она мечтала, она считаетъ себя въ правѣ порвать со мною, ограничиваясь однимъ обимъ кровомъ, ради подростоваго сына. Ревность была тутъ не при чемъ, но вѣрная своей узкой морали, она съ той поры ни на одну черту не уклонилась отъ принятаго рѣшенія. Такъ какъ у меня ничего общаго не было съ натурою анахорета и дѣвственнаго обѣтовъ не въ правѣ была отъ меня требовать, то въ послѣдствіи появленіе въ домѣ (онъ слегка занулся) той... извѣстной особы, не могло узавить ее. Это логичное послѣдствіе согласно ея воли установившагося *modus vivendi*. Согласитесь сами, что положеніе съ которымъ человекъ осваивается въ теченіе пяти лѣтъ, не способно вдругъ вложить ему въ руку револьверъ.

— Нѣтъ, я не согласенъ, въ особенности въ томъ случаѣ когда борьба ведется между двумя женщинами. Та, на сторонѣ которой, силою обстоятельствъ, окажется перевѣсъ, будетъ безошадна къ приниженной соперницѣ.

— Да, но вы ведете рѣчь о борьбѣ, а ея быть не могло. Нѣтъ посягательства тамъ гдѣ послѣдовало добровольное отреченіе отъ правъ своихъ.

— И до дѣтской привязанности включительно? не безъ прощія освѣдомился я.

Черная тѣнь пробѣжала по оживавшему лицу графа.

— Ага! и вижу что до васъ уже дошли эти нехвѣныя слетпи. Но если я высказалъ твердость въ этомъ отношеніи, то совѣсть меня ни въ чемъ упрекнуть не можетъ. У меня одинъ сынъ. Онъ долженъ быть достойнымъ представителемъ своего рода, а подъ безконтрольнымъ вліяніемъ матери изъ него выработался-бы, со временемъ, вредный, для себя и для другихъ, мечтатель, и во всякомъ случаѣ un gars de malvaise compagnie ³⁾. Впрочемъ, спросите кого угодно, доступъ къ нему ей всегда оставался свободнымъ.

— Для материнской любви оскорбительнъ постоянный надзоръ.

— По вашему мнѣнію, я долженъ былъ предоставить ей возможность возражать противъ меня сына?

— Привязанность покойной графини къ ея роднымъ—лучшая порука за ея трезвое пониманіе семейныхъ обязанностей.

— Мнѣ, кажется, самому приличнѣе о томъ судить, сухо отгвѣтилъ онъ.

Наступило довольно тягостное молчаніе. Я мысленно перебиралъ слабые пункты дознанія.

— Развѣ исключительно эгоистическій доводъ руководилъ мною? продолжалъ онъ уже въ смигченномъ тонѣ.—Всякій, на моемъ мѣстѣ, призадумался-бы оставить впечатлительнаго мальчика на рукахъ женщины до того странной, что она единственный исходъ гнетущей тоски обрѣтала въ какомъ-то суровомъ мистицизмѣ. Одно время, въ Петербургѣ, всѣ знаменитые доктора, не безъ основанія, опасались помѣнательства.

— И объ этомъ слыхалъ. Это душевное состояніе не послѣдовало-ли тотчасъ послѣ роковой смерти брата?

— Именно. Цѣлою нитью софизмовъ Ольгѣ удалось убѣдить себя въ своей причастности къ ней. Николай Коринъ не въ семью уродился. Онъ прожилъ жизнь не хуже любого великосвѣтскаго кутлы. Въ бракѣ сестры онъ видѣлъ неисчерпаемый источникъ доходовъ и слѣдовательно наслажденій. Она не скупилась, при каждомъ удобномъ случаѣ, на слащаво поучительную мораль, ни дать ни взять тирады изъ *Verquin*, который мнѣ въ дѣт-

ствѣ оскомину набилъ. Опъ, понятно, клалъ пособія въ карманъ, а слова пропускалъ мимо ушей. Я иногда и самъ подзадоривалъ его, открывая кредитъ, отнюдь не изъ расположенія къ повѣсѣ, а изъ понятнаго желанія ей насолить, не сестрою, такъ братомъ. Надо вамъ сказать, что свыше условленной ежегодной суммы на семью она ни за какія-бы блага въ мірѣ не попросила-бы лишней кофѣйки; такимъ-же образомъ поступала она относительно себя самой. Часто потѣшался я надъ этимъ Коринскимъ *point d'honneur* ⁴⁾. Странна, въ самомъ дѣлѣ, гордость въ людяхъ, которымъ и гордиться-то не чѣмъ! Вскорѣ мой ученикъ превзошелъ всякія ожиданія. Ольгины ресурсы далеко не покрывали его требованій. Всякій разъ что она колебалась или пробовала пугнуть его отказомъ, онъ грозилъ обратиться ко мнѣ, а мучительнѣе этой перспективы ничего не могло быть для нея. Она и не подозрѣвала, что онъ не разъ, подъ строжайшею тайной, прибѣгалъ къ моей помощи. Въ послѣднемъ бурномъ объясненіи все произошло по обыкновенной программѣ, съ той только разницею, что у ней ни гроша не оставалось, и даже всѣ драгоцѣнности, которыми она считала себя въ правѣ располагать, были втайнѣ заложены. Угроза даже потеряла свое дѣйствіе. Ольга молчала съ тупою покорностью. Но Коринъ стѣснялся прибѣгнуть ко мнѣ, не далѣе какъ за десять дней получить крупную субсидію. Онъ, скрывая это обстоятельство, непрежнею стала умолять ее спасти ему честь, выпросивъ у меня нужную сумму. Она упорствовала. Тогда, раздражаясь все болѣе и болѣе, онъ сталъ упрекать ее въ безсердечности, въ холодномъ эгоизмѣ, въ полномъ и предвзятомъ нерадѣніи о нуждахъ ея семьи. Тутъ она не выдержала, и въ порывѣ негодованія излила ему всю душу, посвятивъ его въ разрывъ происшедшій между нами, и заодно открывъ ему настоящую причину удаленія сестеръ изъ дому,—удаленіе къ которому онъ отнесся со свойственнымъ ему легкомысліемъ, на слово повѣривъ придуманному объясненію. Вѣроятно и въ немъ еще таилась искорка ихъ пресловутой семейной гордости. Выйдя отъ сестры, онъ предпочелъ смерть сознательному униженію передо мною, и въ тотъ-же вечеръ, по своему, расквитался съ долгомъ.

Онъ такъ часто страдалъ графиню этимъ роковымъ исходомъ, что она извѣрилась въ него, и въ слѣдствіе этого неожиданности удара окончательно сразила ее. Ни днемъ, ни ночью, она не знала покою. Мысли ея путались, но въ этомъ хаосѣ ощущеній медленно совершалось сознаніе, что она и ея непомирная гордость довели его до гибели. Цѣлые два года она не снимала траура и бродила по дому мрачною, молчаливою тѣнью. Этимъ продолжительнымъ періодомъ апатіи, мы... т. е. я (быстро поправился онъ) воспользовался, чтобы мало-по-малу отдалить отъ нея сына. Ея слабоуміе могло-бы легко отразиться на немъ. Впрочемъ, послѣднее пребываніе за границей, а главное—время благотворно подѣйствовали на нее. Безъ странностей конечно не обходилось. Обыкновенные люди старательно избѣгаютъ тяжелыхъ воспоминаній, а она точно ими только и питалась. Вамъ, вѣроятно, извѣстны подробности касающіяся пистолета, выбраннаго ею?

— Онѣ не могли не поразить меня.

— И, навѣрно, удивили-бы васъ ея сильнѣе, ежели-бы вы, какъ я, знали складъ ея ума. Знаете-ли вы, что болѣе всего терзало ее при мысли о кончинѣ брата? Не разлука съ любимымъ существомъ, не понятный ужасъ смерти, даже не взлебянное ею угроженіе совѣсти, а главное—суровый, безошадный взглядъ церкви на самоубійство. „Я отвѣчу за него тамъ, я загубила его душу на-вѣки“, твердила она въ то время, часами, ломая себѣ руки въ неописанномъ отчаяніи. Въ послѣдствіи, религія утолила, какъ я вамъ уже передавалъ, эти страстные порывы. Она возвращалась изъ церкви спокойною, и не пропускала ни одного нищаго безъ милостыни, прося у него молитвы за упокой раба Божьяго Николая. Всѣ жители Элво-раза хорошо знаютъ это имя.

— Съ такими воззрѣніями дойти до діаметрально-противоположнаго результата, это невозможно! почти вскрикнулъ я.

— Вотъ теперь и сами сознаете, что разгадка не по плечу, отвѣтилъ онъ, нервно проводя рукой по лбу. — Ахъ, зачѣмъ тутъ нѣтъ психіатра, и какъ добыть его въ этой глуши! Одна наука можетъ доискаться до настоящаго смысла этой темной страници.

— Позвольте, мы еще не кончили. Какое впечатлѣніе производило на васъ душевное настроеніе графини по пріѣздѣ вѣшемъ въ деревню?

— Мы, какъ вамъ извѣстно, сообщались мало. Однакоже отъ меня не скрылось, что ея распатанное здоровье видимо поправлялось. Счастливей или веселѣе я Ольгу себѣ представить не могу. Она принадлежала къ тѣмъ *natures exceptionnelles* ⁵⁾, у которыхъ потребность за кого или за что нибудь страдать и печалиться, а этого добра на свѣтѣ не переводится. Тѣмъ не менѣе, я съ нѣкоторымъ удивленіемъ сталъ замѣчать, что ея постоянная меланхолія уступила мѣсто какому-то тихому, даже свѣтлому умиротворенію.

— Но всѣ эти данныя лишь еще болѣе затемняютъ разгадку!

— Тутъ я невиненъ. Я по совѣсти отвѣчаю на предло-

¹⁾ Искантное лично смуглянка.

²⁾ Богъ знаетъ кто.

³⁾ Парень дурнаго общества.

⁴⁾ Вопросъ чести.

⁵⁾ Исключительнымъ натурамъ.

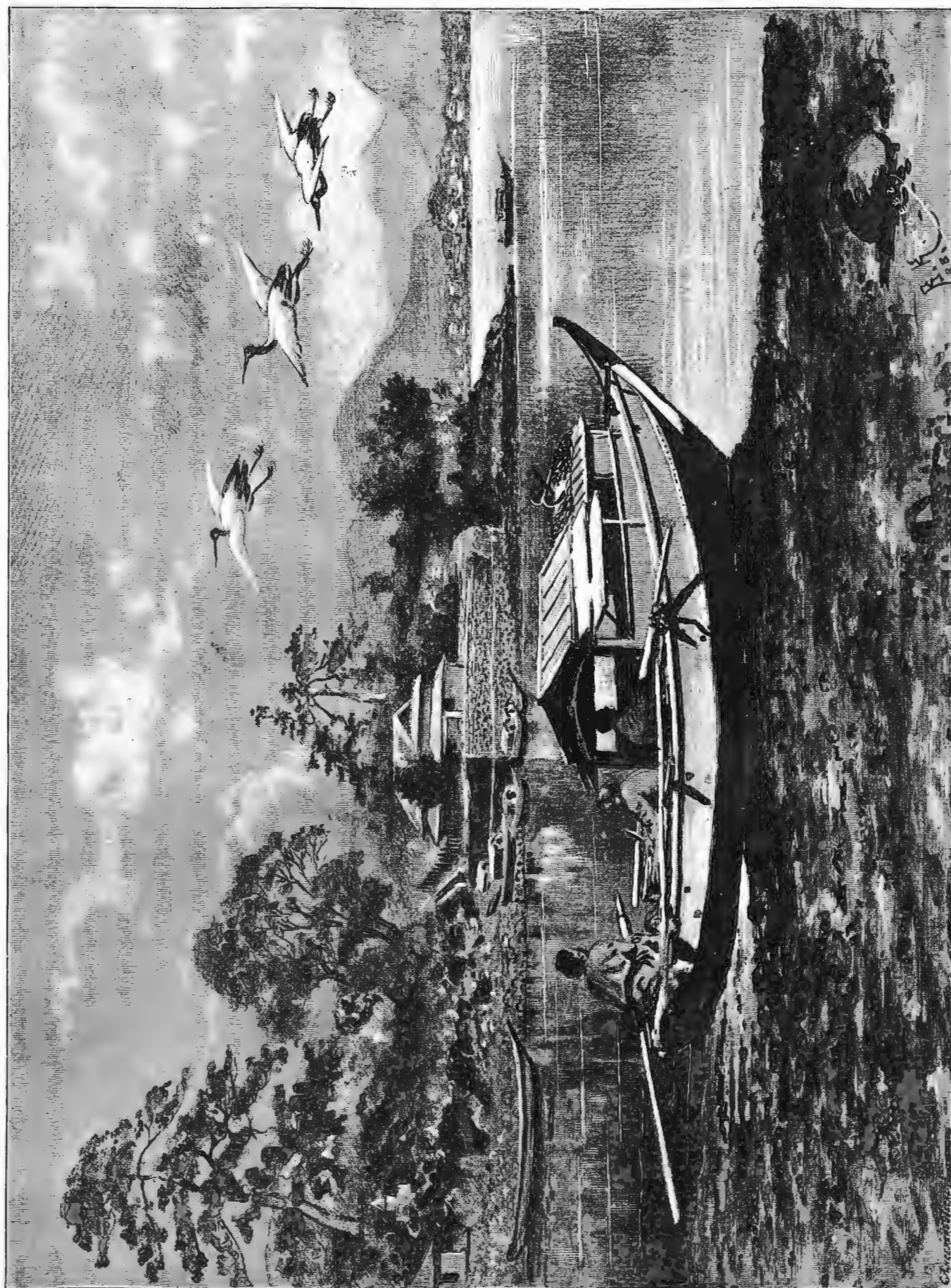

Каюта «Горностаг».

Пароход Добровольного Флота «Петербург»,
Чайная баржа.

Видъ гавани въ Ханькоу. Ориг. рис. (собств. «Нивы») В. Китаева, грав. Ангереръ.

Английскій пароходъ «Ladwen Castle».

Русский кварталъ въ Ханькоу. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Китаева, грав. Ангереръ.

женные вопросы, и даю вамъ слово, что ничего существеннаго не утаилъ отъ васъ.

— Можете-ли вы мнѣ поручиться что за эти дни никакой обидной или крупной сцены не произошло между графиней и M-elle Derlong? Не забылась-ли она? Не нанесла-ли она графинѣ оскорбленіе, которое женщина, даже столь возвышенная натура, не способна ни перенести, ни позабыть?

— Сцепъ въ моемъ домѣ никогда не было и не могло быть, отчеканилъ онъ и высокомерное выраженіе снова появилось на его осунувшемся лицѣ. — Можете провѣрить. Что-же касается M-elle Derlong, то она слишкомъ умна и свѣтски образована, чтобы когда-либо уступить изъ виду уваженіе, которое она обязана питать къ графинѣ Клеменцкой; а въ случаѣ надобности, я и самъ привелъ-бы ей это на память.

— Наша продолжительная бесѣда все-таки не открыла мнѣ вашего личнаго взгляда на печальное происшествіе, и я повторю, что я именно имъ особенно дорожу.

Морщины какъ-то еще глубже врѣзались въ его желтую кожу, когда послѣ кратковременнаго молчанія онъ, съ разстановкой, тихимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Полное отсутствіе причинъ, логически оправдывающихъ подобный поступокъ, въ связи съ давнишними признаками, указывающими на несомнѣнность душевной болѣзни, даютъ мнѣ поводъ думать, что подъ обманчивымъ удрученіемъ медленно готовился неистовый взрывъ этого грознаго бича человечества, противъ котораго сама наука бессильна. Жена моя лишила себя жизни въ припадкѣ сумасшествія.

— Пожалуй, это будетъ самое удобное объясненіе для непо-стижимаго, замѣтилъ я съ прорывающейся горечью.

Клеменцкій счелъ лишнимъ возражать, и медленнымъ движеніемъ вставая съ кресла, далъ мнѣ почувствовать, что считаетъ свой допросъ оконченнымъ.

— Я не стану васъ долѣе задерживать, по мнѣ интересно знать, какимъ образомъ вы объясняете то обстоятельство, что покойная не оставила ни одной строки ни вамъ, ни для передачи сыну впоследствии... Какъ она не позаботилась указать на принятое намѣреніе, хоть бы для того чтобы не павлечь на кого-нибудь напраснаго подозрѣнія въ убійствѣ?

— Она хорошо понимала, что подобное подозрѣніе невозможно, немисливо. *Cela tombe sous le coup* ¹⁾.—Глаза его на мгновеніе загорѣлись, подбородокъ замѣтно дрожалъ.

— Неужели! А представьте себѣ, оно у меня съ первой минуты зародилось, и къ сожалѣнію, собранныя у васъ свѣдѣнія далеко не разсѣлили его...

— Довольно! замолчите!—и онъ судорожно схватилъ и сжалъ мнѣ руку.—Понимаете-ли вы весь ужасъ валихъ словъ? Задумались-ли вы хоть на минуту, *dans votre chasse au crime* ²⁾, о позорной тѣни, которую вы способны вызвать и бросить на незапятнанное имя? Да наконецъ, кому-же могла помѣшать ея ничтожная, прозябающая жизнь?

— Во французскомъ судопроизводствѣ давно сложился афоризмъ: первымъ дѣломъ доискаться до того, кому явная выгода отъ происшедшей смерти, громко и твердо произнесъ я.

— У ней никогда собственнаго гроша не было и нѣтъ. Это достоверно всѣмъ извѣстно.

Клеменцкій выпрямился во весь ростъ; безпощадно рѣзко звучалъ его негодующій голосъ.

Я всталъ въ свою очередь, нагнулся къ нему такъ близко, что мое взволнованное дыханіе обдало его, и глядя въ упоръ, тихо проронилъ:

— Да, но за то оказалось имя и положеніе достаточно завидны, чтобы породить и осуществить тщеславныя мечты.

Онъ понялъ сразу. Можетъ быть мой зловѣщій голосъ лишь мгновенно разорвалъ то таинственное покрывало, за которымъ онъ смутно чуялъ истину, съ дѣтской пугливостью отвращая отъ него глаза.

Смертельная блѣдность покрыла его черты; необъятный ужасъ, при видѣ внезапно открывшейся бездны, сказался въ его застывшемъ взорѣ. Онъ безпомощно опустился въ покинутое кресло. Съ видимымъ усиленіемъ, превозмогая себя, онъ еле-еле выговорилъ:

— Улики есть?... нашли?... у васъ въ рукахъ?..

— Нѣтъ... откровенно сознался я,—но теперь я чувствую, я знаю, что добуду ихъ.

Слабый вздохъ сорвался съ его трясущихся губъ.

— Мой домъ предоставленъ вашей власти. Распоряжайтесь, ищите. Но пока... доказательствъ нѣтъ, я въ правѣ требовать... я прошу васъ (и голосъ его принялъ непривычную, мягкую интонацію): соблюдайте тайну. Никому ни намека.

— Я даю вамъ слово молчать, если вы въ свою очередь покладаетесь, что все это умретъ между нами. Помните, графъ, малѣйшая опрометчивость съ заинтересованнымъ лицомъ—развяжетъ мнѣ руки. Я скандала не боюсь.

— Клянусь сыномъ, честию имени,—дороже у меня ничего нѣтъ,—соблюдать ваше условіе.—И прозрѣвъ черту сомнѣнія, невольно просвѣчивавшую въ моемъ озабоченномъ взорѣ, онъ поспѣшно добавилъ:—Скажите тамъ... всѣмъ, что я изнемогаю подъ бременемъ горя. Никого видѣть не могу, не хочу. Мой

камердинеръ одинъ сохраняетъ доступъ ко мнѣ. Ему я самъ подтвержу, что исключеній нѣтъ; ну, а онъ умѣетъ слушать.

И молча поклонился и вышелъ.

Теперь мнѣ ясно стало, что этотъ равнодушно-безсознательный падачъ Ольгиной жизни не былъ, по крайней мѣрѣ, примымъ участникомъ ея кровавой развязки.

XVI.

Наступила очередь французенки. Мнѣ хотѣлось застигнуть ее врасплохъ. Узнавъ, что она находится въ верхнихъ апартаментѣхъ, я приказалъ немедленно провести себя къ ней. Комнаты ея оказались пустыми. Приставленная къ ней быстроглазая дѣвушка сообщила, что она рядомъ, у графчика, и проворно кинулась къ сосѣдней двери.

Я повелительнымъ жестомъ отстранилъ ея посредничество. Изошряясь скрыть звукъ моихъ шаговъ, я почти прокрался и кинулъ жадный, вполне инквизиторскій взглядъ въ полуотворенную дверь.

Посреди обширной комнаты, заваленной разнородными игрушками и кое-какими учебными приспособленіями, на низкой оттоманкѣ, я засталъ молодую женщину въ полу-лежащей позѣ. Въ ея погахъ, на табуретѣ, блѣдный, худенькій мальчикъ, въ черномъ бархатномъ костюмѣ, съ вьющимися бѣлыми кудрями локонами по плечамъ, вилло перелистывалъ какой-то англійскій альбомъ.

— Дуняшъ, ти? разсѣянно спросила она, услыша шорохъ.

— Господишь слѣдователь, доложилъ шедшій за мною лакей.

Она вскочила точно подъ вплиномъ электрическаго тока. Мнѣ почувдилось, будто внезапное облако заволочло ея жгучій, оживленный взоръ, учащенное дыханіе заколыхало черной кашемиръ, обтягивающей ея высокую грудь; но мгновеніе спустя, она такъ свободно стояла передо мною, такъ естественно оправляла мягкія складки своего длиннаго, траурнаго платья, такъ довѣрчиво встрѣчала мой устремленный взоръ, что я невольно усомнился въ первомъ впечатлѣніи, готовый приписать его предвзятой мысли.

Ребенокъ, вспугнутою пташкой, инстинктивно прижался къ ней. Въ рученкѣ, нѣжно охватившей ея роскошный станъ, сказывалась вся сила любви, безжалостно уворованной у обездоленной матери.

Эти четыре года ничѣмъ не отозвались на ея внѣшности. Ни строгость одѣянія, ни сосредоточенная печаль ея выразительныхъ глазъ не ослабляли впечатлѣнія ея оригинальной, вполне чувственной красоты.

— M-lle Derlong, если я не ошибаюсь? освѣдомился я въ отвѣтъ на ея поклонъ.

— Oui, monsieur le substitut, c'est bien cela n'est ce pas? Entendez-vous le français ¹⁾? живо спросила она.

И молча кивнулъ головой.

— Voilà qui est parfait, nous nous passerons d'interprète. Je comprends le russe à merveille, mais je l'écorche sans pitié ²⁾.

— Прежде всего, я желаю васъ допросить наединѣ, приступилъ я въ официальномъ тонѣ.—Присутствіе этого несчастнаго ребенка будетъ стѣснительно.

И я съ душевнымъ состраданіемъ вглядывался въ него, напрасно доискиваясь свѣтлаго образа матери. Онъ свозилъ въ правильныхъ линіяхъ, въ очертаніи глазъ, во урѣ лишенній ея былой лучистой теплоты—отблескъ сухой гордости Клеменцкихъ восторжествовалъ надъ нею.

— Ваше замѣчаніе справедливо, согласилась она и, обратившись къ долговязой, молчаливой англичанкѣ, которую я тутъ только и примѣтилъ, прилежно работавшей надъ какой-то тряпочкой, приказала ей увести ребенка. Затѣмъ все еще по-англійски она сказала ему нѣсколько ободряющихъ или ласкательныхъ словъ, и приняла долгимъ, страстнымъ поцѣлуемъ къ его блѣдному лицу.

Эта, не лишенная театральнот аффектаціи, сцена разыгрывалась конечно для меня, но вызвала во мнѣ лишь худо скрываемое омерзевеніе при видѣ торжествующей наглости.

Можетъ-быть, съ прозорливостью женщины, она съ перваго слова угадала во мнѣ безпощаднаго врага, но ничто, ни въ плавности движеній, ни въ ровномъ звукѣ голоса, не выдало малѣйшаго признака тревоги или смущенія.

Я началъ съ обычныхъ вопросовъ относящихся до ея личности. Войскій рассказъ о прошломъ оказалась во всѣхъ существенныхъ пунктахъ схожимъ, хотя и клонящимся въ ея пользу, вариантомъ того что мнѣ довелось подслушать въ театрѣ.

Переживъ дѣлу эпопею злосчастныхъ приключеній, гдѣ всякая другая, менѣе закаленная добродѣтель не преминула бы погибнуть, она мечтала отдохнуть въ этой далекой Россіи на лонѣ тихой семейной жизни, могущей замѣнить ей оторваннаго привязанности; но не то опредѣлило ей злой, безпощадный рокъ. Съ самаго вступленія своего въ домъ Клеменцкихъ она не извѣдала ни минуты покоя.

— Но что-же было тому причиною? освѣдомился я.

— Мужскому уму никогда не измѣрять всѣ незримыя и убійственныя нити, опутывающія дѣвушку обреченную на под-

¹⁾ Да, господишь слѣдователь... такъ-ли я васъ называю? Вы понимаете по-французски?

²⁾ Вотъ и прекрасно, мы обойдемся безъ переводчика. Я по-русски понимаю отлочно, но коверкаю слова немилосердно.

¹⁾ Это не выдерживаетъ здраваго размысленія.

²⁾ Въ погонѣ за преступленіемъ.

властное существование. Въ особенности, если силой обстоятельств, ей вѣчно суждено быть между молотомъ и наковальней.

— Что вы подъ этимъ разумѣете?

— Супружескія отношенія между графомъ и графиней не могли укрыться отъ вашего зоркаго вниманія. Разрывъ уже вполне состоялся до моего приѣзда къ нимъ и естественно создавалъ для меня фальшивое, почти невозможное положеніе.

— Съ которымъ вы однако преспокойно жили въ теченіе многихъ лѣтъ. Я полагаю, была бы только охота, а затрудненія большаго нѣтъ найти себѣ другое мѣсто, въ другой семьѣ, при болѣе нормальныхъ отношеніяхъ.

— Вы, пожалуй, правы, если бы въ одиночку, падломленной жизни такъ легко было заглушить зародившуюся привязанность.

— Можно полюбовнѣе относиться, на чью сторону она клонилась?

Вѣлые, острые зубы, по непреодолимой привычкѣ, впилась въ пижную губу, но спокойствіе не измѣнило ей.

— Графиня была, въ ту пору, сильно потрясенная, любящая душа; во время протянутой рукой она спасла меня отъ бездны, доверчиво поручила единственнаго сына; она страдала, наконецъ. Изъ чувства женской солидарности, изъ врожденнаго влеченія къ справедливости, моя симпатія всегда принадлежала ей, ей одной!

— Неужели и тогда, когда подъ ея кровлей, у пей на глазахъ, въ стали признанной фавориткой ея мужа? съ презрительной ироніей возразилъ я.

— Кто осмѣлился вамъ это сказать?

Она вскопчила съ яростью подстрѣленной пантеры; широко раскрытые зрачки метали молніи, судорожнымъ движеніемъ она всплеснула руками. Никакому ваятелю не придумать болѣе удачной позы, болѣе страстнаго выраженія оскорбленной гордости и негодованія.

— Настоящее положеніе ваше въ домѣ, повелительницы de facto, краснорѣчивѣе всѣхъ словъ, но хотя я не обязанъ вамъ отвѣтомъ, я пойду далѣе. Въ виду несомнѣнной важности этихъ тяжелыхъ минутъ, самъ графъ явился откровеннѣе васъ. Онъ не счелъ возможнымъ отрицать этого.

Въ мгновеніе ока картина измѣнилась. Покорно склонивъ голову подъ неожиданностью удара, она какъ-то всѣмъ тѣломъ опустила на покинутое мѣсто, преобразившись въ женщину убитую сознаниемъ своего преступнаго ничтожества. Сквозь бѣлые, тонкіе пальцы, закрывавшіе ея пылавшее лицо, слезы по одиночкѣ медленно, беззвучно падали на колѣни.

— Позоръ! вѣчный позоръ! лелекала она надтреснутымъ голосомъ. — Всякій считаетъ своимъ правомъ безнаказанно оскорблять погибшее... нѣтъ, это не правда, я клевету на себя, — увлекшееся созданіе! Онъ, онъ самъ, главный, единственный виновникъ, ни во что не ставитъ честь мою! Такъ легкомысленно бросить на терзаеи, на издѣвательство эту тайну сокрушающую всю мою жизнь. Нѣтъ, видно никакому раскаянію не стереть съ прииженнаго чела печать отверженія, никакимъ кровавымъ слезамъ не смыть это постыдное пятно!

Все ея существо дышало такимъ художественно-потрясающимъ отчаяніемъ, что на всякаго, менѣе предубѣжденнаго зрителя должно было неминуемо оказать разсчитанное дѣйствіе. Я сосредоточено слѣдилъ за ней, изучая этотъ изумительный даръ, не доволившій даже равнодушному оку вѣрно разграничить искренность отъ притворства, и мысленно взвѣшивалъ всю трудность борьбы со столь искуснымъ противникомъ.

Должно быть, въ расчетъ не утомлять моего терпѣнія, острый кризисъ продолжался не долго.

Она внезапно подняла голову, откинула нависшую прядь волосъ и съ грустною рѣшимостью, еще влажными, чарующими глазами, взглянула на меня. Она обладала рѣдкой способностью плакать безъ явныхъ и столь некрасивыхъ слѣдовъ печали.

ли. Слезы прозрачною росой стекали по неизмѣнившимся чертамъ.

— Да, подумалъ я, „сердце тутъ не причемъ!“

— Вы заставили меня много выстрадать, приступила она тихимъ, ласкающимъ голосомъ, — но я васъ не виню. Обстоятельства слагаются противъ меня, вы должны судить по нимъ, до той поры, пока вы не заглянете въ самую суть. Сама графиня, я скажу это смѣло, толкнула меня на этотъ скользкій путь.

— Это голословная выдумка, перебилъ я живо, — тѣмъ болѣе удобная, что она съ того свѣта не явится опровергнуть ее.

— Вамъ легко провѣрить здѣсь у прислуги, невозмутимо продолжала она, — или хоть въ петербургскомъ свѣтѣ, а въ страсти ко мнѣ ихъ всѣхъ заподозрить трудно, что первый годъ графиня всячески приближала меня къ себѣ. Мы были неразлучны. Затѣмъ послѣдовало самоубійство ея брата, такой страшный слѣдъ оставившее на всемъ ея организмѣ. Вамъ, конечно, не безизвѣстенъ удостовѣренный наукой фактъ, что люди подверженные даже временному сумасшествію — прежде всего мѣняются къ окружающимъ ихъ. Всякая привязанность, за рѣдкими исключениями, смѣняется враждой. Присутствіе сына ей стало въ тягость; моего — она просто не выносила. Великій разъ, когда возбужденный пароксизмъ смѣнялъ апатію, она прискивала злорадно случай оскорбить, унижить меня. Это была не жизнь, а каторга.

— Зачѣмъ же вы добровольно подвергались ей?

— Потому что я считала преступленіемъ бросить на произволъ судьбы ребенка, который всѣмъ сердцемъ привязался ко мнѣ. Въ эту годину испытанія, я болѣе чѣмъ когда должна была ему замѣнить невѣрляемую мать. Я сознательно принесла себя въ жертву ему, трезво взвѣсивъ будущность, напередъ зная, что иду навстрѣчу общему удѣлу, т. е. неблагодарности; но теперь, какъ и тогда, я сочла бы малодушіемъ покинуть свой тяжелый постъ изъ эгоистическаго расчета.

— Я не возражаю противъ похвальнаго побужденія; но кто мнѣ порукою, что въ свое оправданіе, вы не перетасовали дѣтъ? Упомянутая перемена въ обращеніи съ вами покойной графини, весьма вѣроятно, произошла вслѣдствіе вашего проступка передъ ней, а вовсе не породила его, какъ вамъ угодно было заявить.

— Другаго поручителя у меня нѣтъ, кромѣ голоса истины, который звучитъ въ моихъ показаніяхъ. Я не скрываю, что вскорѣ послѣ моего вступленія въ домъ, графъ обратилъ на меня вниманіе. Я была тогда моложе и уже знала по первому опыту, что могу нравиться мужчинамъ. Красота, этотъ высшій даръ неба для остальныхъ женщинъ, обращается для насъ, несчастныхъ труженицъ, въ источникъ всякихъ бѣдъ и униженій. Клянусь вамъ всѣми святынями, я избѣгала, по мѣрѣ силъ, присутствія его, изошряясь предотвращать самую возможность разговоръ наединѣ. Но увя, бурный потокъ страсти одолеваетъ всѣ преграды. Пока дружба жены служила мнѣ вѣрнымъ щитомъ, я не допускала даже мысли о проступкѣ. Могла-ли я предчувствовать, что гроза уже собиралась надъ домомъ, что судьба такъ безжалостно меня обезоружитъ! Теперь передъ вами, одинъ лишь голый фактъ, а предположеніямъ предоставляется такое широкое поле! Почему знать, ужъ не я-ли опитъ своими безсердечными кознями довела непонятную страдальницу до смертнаго грѣха? Но надъ вами есть еще вѣчный, нелицеприятный Судья! Онъ одинъ видѣлъ мое сопротивленіе, исчислилъ терновый путь отчаянной борьбы. Невинно отвергнувъ меня, графиня покачнула во мнѣ вѣру въ правду и справедливость, безпомощность моего положенія довершила остальное.

Тонкій, раздушенный платокъ скрылъ на секунду ся взволнованныя черты.

(Продолженіе будетъ).

Рейдъ города Ханькоу и чайные пароходы.

(Рис. на стр. 732 и 733).

Ханькоу, городъ въ китайской провинціи Хуне, на рѣкѣ Янцзи-или Инцикиангъ, средоточіе иностранной торговли съ западными и центральными провинціями Китая, открытъ для европейцевъ съ 1858 года. Главнйй предметъ вывоза чай, изъ коего $\frac{1}{2}$ кирпичный; главныя статьи ввоза хлопчатобумажныя ткани и русское сукно. Выѣстъ съ тѣмъ Ханькоу служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ русско-китайской торговли; товары отсюда идутъ водою въ Тянь-Цзинь, а оттуда въ Калганъ, затѣмъ наперерѣзъ чрезъ Монголію въ Сибирь (Кяхту). Кромѣ чая изъ вывозныхъ товаровъ для Европы имѣютъ значеніе: кожи, мускусъ, черпильные орѣшки и ремень.

Рисунку на стр. 732 представляетъ часть рѣки Янцзи-Кингъ у города Ханькоу въ томъ мѣстѣ, гдѣ сосредоточиваются ежегодно чайныя операціи. Каждый годъ, въ эту рѣку, за чаемъ легко входятъ, среднимъ числомъ, 20 — 30 большихъ океанскихъ пароходовъ, длиною до 400 футъ и глубиною 24 фута.

Всѣ прибывающіе пароходы становятся въ строй у лѣваго

берега Янцзи по порядку прибытія и затѣмъ приступаютъ къ нагрузкѣ чайныхъ ящиковъ.

Нижняя часть рисунка изображаетъ пристань и закрывающуюся герметически баржи для перевозки чая съ берега на пароходы.

Городъ Ханькоу, не вошедшій въ рисунокъ, состоитъ изъ трехъ частей: одна лежитъ на правомъ берегу Янцзи, другая на лѣвомъ и часть его находится на островѣ посреди рѣки. Численность его населенія доходитъ до милліона душъ, но въ лѣтнее время еще значительно возрастаетъ. Самая красивая часть города: European Settlement — европейскій кварталъ наполненъ консульскими и торговыми домами; каждый изъ нихъ тонетъ въ зелени и цвѣтахъ. Каменная набережная съ паркомъ служитъ дополнительнымъ украшеніемъ этого квартала. Зданія европейцевъ отдѣлены отъ китайскихъ высокою каменною стѣною.

Во дни монгольскихъ празднествъ и особенно въ праздники „Дракона“, консулы обязательно предупреждаютъ евро-

пейцевъ не выходить въ городъ за китайскую стѣну, чтобы не быть побитыми червю каменьями. Внутренность города безобразно грязна и надо удивляться, какъ живутъ въ немъ китайцы, за отсутствіемъ воздуха годнаго для дыханія, и какъ не предупредить ихъ эпидемія въ сезоны сильныхъ жаровъ, которые здѣсь достигаютъ наибольшаго предѣла съ начала іюля.

Вода Янци глинистая, желтая, густа и оставляетъ сильныя красноватые осадки. Отъ устья его миль на сто въ открытомъ морѣ замѣчаются струи этого „Сына Океана“, смѣшивающіяся съ зеленоватою морскою водою.

По всей рѣкѣ, подчасъ стѣсненной обрывами берега, масса большихъ и малыхъ водоворотовъ, носящихъ характерное названіе: „чоу-чоу воторъ“—„пожирающая вода“. Множество рыбацкихъ шлюпокъ дѣлались и дѣлаются жертвою такихъ мѣсть. Между прочимъ, у китайцевъ существуетъ пристрастный предразсудокъ: если человѣкъ тонетъ, то, по ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ его спасать, такъ какъ судьба, значитъ, заранее предначертала ему погибнуть. Англійскій вице-консулъ въ Шанхаѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сдѣлался жертвою такого предразсудка. Подъѣзжая на шампункѣ (лодкѣ) къ берегу, онъ поскользнулся и уналь въ воду. Теченіемъ его понесло внизъ по рѣкѣ и, обезсиленный въ борьбѣ, онъ потонулъ. Толпа монгольскихъ лодочниковъ хладнокровно созерцала это несчастье. Суточная перемѣна уровня воды въ Янци (правда, въ рѣдкихъ случаяхъ) доходить до 51 фута и самый городъ не разъ страдалъ отъ наводненій. Это бываетъ въ сезонъ тропическихъ дождей и тогда можно видѣть на поверхности рѣки плывущіе клубки мелкихъ змѣй, вѣроятно смываемыя потоками съ берега.

Островъ Ханькоу, раздѣляя рѣку, дѣлит ея теченіе на два русла. Эти два потока бываютъ очень стремительны: если пароходъ стоитъ близко отъ слиянія этихъ теченій, то его какъ игрушку вертитъ водоворотомъ, а потому суда ставовятся подаль отъ острова и города, какъ показано на рисункѣ.

Случается, что бурныя воды обрываютъ цѣны у одного изъ стоящихъ кораблей и наносятъ его на ближайшаго изъ сосѣдей; разумѣется, пароходы получаютъ при этомъ взаимныя поломки.

Весь юморъ этого явленія только тогда ясенъ, когда является сознаніе, что это мѣсто находится въ глубинѣ страны и отстоитъ отъ устья на разстояніи тысячи ста верстъ.

Стоянка здѣсь требуетъ необыкновеннаго вниманія къ кораблю, чтобы не быть оборванымъ съ якоря, или, что еще хуже, не остаться совсѣмъ на сухомъ пути.

Вверхъ по рѣкѣ пароходы, подъ проводкою лоцмана, поднимаются около четырехъ съ небольшимъ дней, а спускаются внизъ къ устью въ двое сутокъ по теченію. Лоцмана за проводку по Янци вверхъ и внизъ получаютъ около 800 талей—2,400 рублей съ каждаго корабля.

Берега Янци, почти на двѣ трети длины рѣки, низки, однообразны, поросли тростникомъ или нажитыми риса; къ верховью же попадаются горы и стѣсняють его своими крутыми обрывами.

Одно изъ такихъ мѣсть носитъ на скалѣ надпись, сдѣланную китайскимъ печатнымъ шрифтомъ; должно предполагать въ ней какое-нибудь легендарное значеніе. Здѣсь свистокъ парохода, данный одинъ разъ, повторяется сотнями эхо. Это мѣсто въ то-же время представляетъ „Ключъ Янци“, т. е. его природную защиту, и здѣсь въ послѣднюю войну китайцевъ съ французами возведены грозныя батареи при посредствѣ германскихъ инженеровъ.

Понадаются скалы въ рѣкѣ въ видѣ поставленнаго копуса; небольшой лѣсокъ покрываетъ вершину и въ немъ виднѣется пагода (храмъ), почти единственное живописное мѣсто на Янци.

Иногда пароходу приходится миновать различныя опасности и онъ становится грознѣе, когда пароходъ идетъ по теченію и дѣлается вслѣдствіе этого менѣе послушнымъ рулю. Напримѣръ, проходить межъ двухъ потонувшихъ въ рѣкѣ пароходовъ, совершенно скрытыхъ водою. Каждый разъ лоцманъ, минуя это мѣсто, приходитъ въ нервное состояніе: „see, all time she moves, she moves“ (смотрите, все время пароходъ уклоняется отъ пути) досадливо пристаётъ лоцманъ къ рулю и облегченно сплевываетъ, когда мѣсто пройдено.

Къ рисункамъ.

Лѣсная дорога. (Рис. на стр. 724).

Въ красноствольномъ сосновомъ бору пролегаетъ и вьется дорожка, изрѣзанная глубокими колеями телѣгъ... Безлюдно и тихо кругомъ, только поскрипываютъ мачтовые деревья, да изрѣдка залязгаетъ колесо по сухой почвѣ рывинъ... Выбѣжить на дорогу зайца, поднимется на задніе лапки, поведитъ ушами, послушаетъ и опять скроется въ чащѣ... Это впечатлѣніе тишины, уединенія и величавой поэзіи бора прекрасно передано молодымъ художникомъ.

Застигнутые грозой. (Рис. на стр. 725).

Только что собрались ребятишки покататься въ жаркій, то-

Масса дровяныхъ плотовъ несется по рѣкѣ къ низовью, и если ихъ наносить на цѣны стоящаго въ рѣкѣ парохода, то много шансовъ послѣднему значительно пострадать. Китайцы же, плывущіе съ дровами, приходятъ отъ такого пассажа въ отчаяніе и бросаютъ все на произволъ судьбы, обращаются въ слуги лишь къ молитвѣ, зажимая свои трескучія раветки и стараясь этимъ умилостивить рокъ.

Пароходной прислугѣ приходится собственными силами освобождаться отъ непрощенныхъ и опасныхъ гостей.

Внизъ по теченію пароходъ несется лихо; города и деревни такъ и мелькаютъ.

Русскихъ чайныхъ фирмъ въ городѣ Ханькоу четыре, англійскихъ же около двадцати.

Всего отправляется нашими фирмами по разнымъ путямъ до пятидесяти милліоновъ фунтовъ чая; треть этого количества идетъ моремъ.

Чай при покупкѣ пробуются и сортируются особыми пробниками—„титестерами“, получающими свое образованіе въ школѣ въ Англии. Приѣзжаютъ они сюда на чайный сезонъ и получаютъ за два мѣсяца 12,000 руб. за работу; но за то съ утра и до позднихъ часовъ послѣ полудня, титестеръ пробуетъ чай, смакуя его изъ чашекъ и выплевывая, не припимая при этомъ никакой пищи, чтобы не испортить вкуса.

Большая часть изъ нихъ отъ такой работы страдаетъ нервнымъ разстройствомъ.

Цѣны чаевъ опредѣляются ими съ точностью до 5-ти копѣекъ за фунтъ. Лучшій черный чай здѣсь обходится 57 центовъ (1 р. 14 коп.) фунтъ.

По Янци поднимаются лишь за первосборнымъ чаемъ и обязательно посѣщать къ первымъ числамъ мая; въ половинѣ іюля мѣсяца рѣки сильно понижаются въ уровнѣ и операціи остальныхъ сборовъ переносятся въ Шанхай, Гон-Конгъ и Тянь-цзинь. Англичане хлопочутъ о конкуренціи съ Китаемъ, разводя чайныя плантаціи на островѣ Цейлонѣ и въ дальней Индіи.

Англійскія торговыя компаніи строятъ съ каждымъ годомъ все лучшія и лучшія суда для перевозки чая, какъ самаго дорогаго груза.

Изъ большихъ компаній выдаются пароходы Gleen-line и Castle-line.

Послѣдняя компанія приобрѣла въ 1885 году пароходъ Sterling-Castle, который, принявши въ Ханькоу 55,000 ящиковъ чая, сдѣлалъ переходъ отъ Янци въ Лондонъ, около 12,000 морскихъ миль¹⁾, въ 27 дней. Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ переходовъ когда-либо совершенныхъ пароходами дальняго разстоянія.

Sterling-Castle сдѣлалъ лишь одинъ рейсъ и уже проданъ итальянцамъ на Бразильскую линію за невыгодностью для пути въ Китай.

Компаніи, конкурируя между собою доставкою чаевъ, даютъ командиру перваго прибывшаго въ Европу съ чаемъ парохода 1,000 фунтовъ стерлинговъ въ премію. Это побуждаетъ чайныя корабли къ гонкѣ между собою по морямъ и Индійскому океану.

Грузоотправители, судовозлева держатъ пари на большіе куши, каждый за свои пароходы.

Мѣстныя индійскія и китайскія газеты и телеграфъ зорко слѣдятъ за прибытіемъ пароходовъ въ Сингапуръ, Аденъ и Суэзъ. Судя по времени прибытія въ эти порты, рассчитывается, кто попадетъ первымъ въ Европу.

Наибольшую интензивность гонка принимаетъ въ Китайскомъ и Красномъ моряхъ, гдѣ пути кораблей сосредоточиваются почти въ одномъ горизонтѣ; въ необятныхъ же пространствахъ Индійскаго океана корабли идутъ разбросавши, выбирая каждый сообразно сезону и погодѣ свои пути.

Изъ русскихъ пароходовъ, сдѣлавшихъ блистательные переходы: пароходъ „Петербургъ“ Добровольнаго флота, совершившій обратный рейсъ изъ Китая въ 35 дней, прибылъ одинъ разъ вторымъ въ Европу.

Ежегодно для обезпеченія торговыхъ интересовъ подходятъ къ Ханькоу вмѣстѣ съ коммерческими пароходами и военныя канонерскія лодки, одна русская и одна англійская, и остаются во все время чайныхъ операцій. На рисункѣ—послѣдній корабль слѣва.

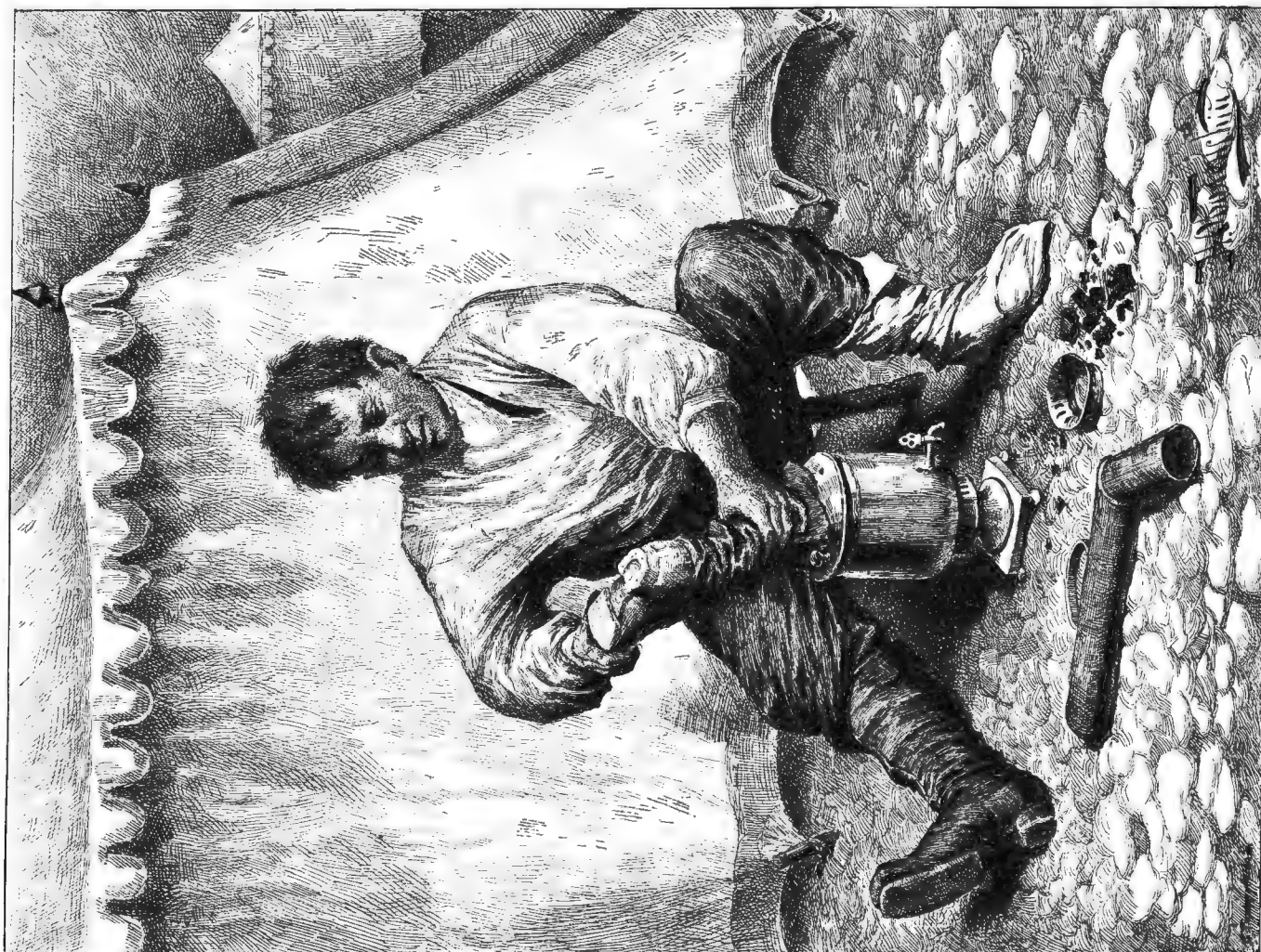
Томи.

мительно-знойный день — вдругъ откуда ни возьмись туча — и яркая молнія, прорѣзавъ тяжелый воздухъ зигзагомъ отразилась въ водѣ со страшнымъ грохотомъ и перекатами отголосковъ за близкимъ лѣскомъ... Переполохъ такой какъ послѣ выстрѣла дробью въ кучѣ воробьевъ!

Амазонка прошлаго вѣка. (Рис. на стр. 729).

Изящная фигурка конца прошлаго столѣтія, напоминающая поэтическій образъ Эдмунда Мопра въ извѣстномъ романѣ Жоржъ-Занда. Какая бездна вкуса въ этомъ костюмѣ сравнительно съ нашими обтяжными и внизу словно обрубленными амазонками, казенными и однообразными какъ мужскіе фраки!

¹⁾ Морская миля=1 3/4 версты.

Літні типи. Утро деньщина вь лагерѣ. Ориг. рас. (собст. „Нивы“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

Літніе типы. Торговка ягодами. Ориг. рас. (собст. „Нивы“) А. Піотровскаго, грав. Ангереръ.

Утро деньщика. (Рис. на стр. 737).

Раннее утро в лагерь. „Барин“ деньщика еще изволят почивать, но время близится к пробуждению. Об этом легко догадаться по той торопливости, с которой деньщик ставит самовар. А самовар, как на зло, не кипит. Не долго думая, изворотливый служивый стащил с ноги сапог и ну раздуть им, вместо мѣховъ, отсырѣвшіе на утреннемъ холдѣ уголья.

Торговка ягодами. (Рис. на стр. 737).

На стр. 737, рядомъ съ деньщикомъ, помѣщенъ другой типъ, встрѣчающійся въ лѣтнее время какъ въ городѣ, такъ и въ дачныхъ мѣстностяхъ. Старуха-торговка, примостясь у какого-нибудь забора, день-денской сидитъ, поджидала непреходящихъ покупателей ея невзрачнаго товара.

Мельхиоръ де-Вогюэ. (Портр. на стр. 740).

„Бессмертные“ Французской Академіи недавно избрали въ свою среду не безызвѣстнаго въ Россіи Мельхиора де-Вогюэ. Избраніемъ своимъ въ число членовъ этого учрежденія онъ обязанъ своимъ замѣчательнымъ трудамъ, число которыхъ, а также и значеніе ихъ гораздо значительнѣе, чѣмъ предполагаютъ многие. Чрезвычайно разнообразны, они касаются археологии, исторіи, этнографіи, литературы и эстетики. Съ особенною любовью и замѣчательною пылкостью онъ изучаетъ избраннѣйшіе для наблюденія предметъ, преимущественно останавливаясь тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ или мало замѣтно вліяніе дряхлѣющей западно-европейской цивилизаціи. Особенно заслуживаютъ вниманія его труды по изученію Россіи. „Открывая нашему уму, говорить *VIllustration*, почти совсѣмъ неизвѣстныя богатства русской литературы, онъ насъ заставилъ полюбить и понять нѣкоторые изъ ея образцовъ, и можетъ справедливо гордиться пріобрѣтѣнъ тѣмъ не мало сокровищъ къ нашимъ національнымъ богатствамъ. Имъ создано въ концѣ настоящаго столѣтія то-же, что сдѣлано около 1800 года тѣ первыя писатели, которые, открывъ готическую и средневѣковую Германію, дали рождавшемуся романтизму главную составную часть и сильнѣйшій толчокъ его расцвѣту. Какія послѣдствія вызоветъ сдѣланное М. Вогюэ начало изученія иностранныхъ литературъ, покажетъ будущее. Но Французская Академія поступила благодарно не выжидая законной награды потомства трудамъ де-Вогюэ и избравъ его нынѣ въ свою среду.“

Новый академикъ началъ свою дѣятельность въ качествѣ члена посольства подъ руководствомъ своего дяди, извѣстнаго археолога, въ то время посланника въ Константинополь. Шесть лѣтъ спустя, онъ былъ назначенъ секретаремъ въ Петербургъ и занималъ эту должность цѣлыя шесть лѣтъ при генералахъ Лефлю и Шанзи. Въ это время онъ женился на сестрѣ генерала Анненкова, извѣстнаго строителя Закавказской дороги.

Въ теченіе 12 лѣтъ, проведенныхъ М. Вогюэ на Востоку, онъ много занимался изученіемъ русской литературы. Въ настоящее время г. де-Вогюэ оставилъ дипломатическую карьеру, всецѣло посвятивъ себя литературѣ. Изъ его работъ наиболѣе извѣстны книга путешествій: „Сирія, Палестина и Авопъ“, вышедшая въ 1876 году, „Восточные рассказы“ 1880 года, изъ жизни древняго Египта, „Зимніе рассказы“ 1885 года и въ особенности его главный трудъ 1886 года „Русскій романъ“.

Кромѣ того имъ написано очень много статей въ *Journal des Débats* и въ *Revue des Deux-Mondes*, гдѣ онъ постоянно сотрудничаетъ.

Прогулка верхомъ изъ-подъ Полтавы на Парижскую выставку. (Рис. на стр. 741).

Цѣлые столбцы заграничныхъ газетъ и журналовъ наполнены описаніями неслыханной доселѣ кавалерійской проѣздки М. В. Асѣва черезъ всю Европу и его портретами. Занимствуемъ нѣсколько выдержекъ изъ интересной корреспонденціи г. Яковлева въ газетѣ *Новое Время*:

„Во время царскихъ маневровъ прошлой осенью на югѣ Россіи, офицерская молодежь, собравшись однажды за ужиномъ, толковала о качествахъ русской фронтовой и офицерской лошади. Всѣ были согласны относительно ея силы и выносливости, осаживая только товарища, когда онъ, по ихъ мнѣнію, уже черезчуръ заносился въ своемъ патріотическомъ пылѣ. Отъ лошади къ всаднику — одинъ шагъ, и по этому поводу каждый изъ офицеровъ съчелъ нужнымъ сообщить извѣстные или слышанные имъ подвиги верховой ѣзды. Между прочимъ упомянули о гошедѣ гр. Зубовичѣ, который пятнадцать лѣтъ назадъ совершилъ верхомъ путешествіе изъ Вѣны въ Парижъ. Фактъ этотъ считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ мѣрѣ спорта.“

— Да и больше сдѣлаю, я проѣду изъ Лубенъ въ Парижъ верхомъ, спокойно замѣтилъ молодой корнетъ 26-го драгунскаго полка М. В. Асѣвъ.

— Всѣ расхохотались.

— На какой-же лошади?

— Да на какой угодно фронтовой лошади.

„Это утвержденіе показалось до такой степени фантастиче-

скимъ, до такой степени дикимъ, что офицеры съ удивленіемъ посмотрѣли на товарища.“

Таково начало этого по истинѣ изумительнаго предпріятія. При выборѣ маршрута г. Асѣвъ остановился на системѣ императора Николая Павловича, рѣшивъ, что самый прямой путь — самый короткій. Укрѣпивъ на картѣ Европы шелковинку на Кіевѣ, онъ протянулъ ее до Парижа, и этотъ путь былъ тотъ, по которому онъ проѣхалъ. Въ Россіи, по которой Асѣвъ ѣхалъ 15 дней, этотъ путь не представлялъ особенныхъ затрудненій — дорога шла гладкая. Но, начиная отъ Богеміи, въ Баваріи, Гессенъ-Дармштадтѣ, Люксембургѣ почти все время приходилось то подниматься въ гору, то спускаться съ горы. Ночью, при незнаніи мѣстности, неустрашимый корнетъ не разъ рыскалъ свернуть себѣ шею. Ѣхалъ Асѣвъ безостановочно, среднимъ числомъ по 11 часовъ въ сутки. А ночью, пріѣхавъ на ночлегъ, нечего было и думать о немедленномъ отдыхѣ. Пужио было помѣстить лошадей, напоить ихъ и накормить. Все это онъ дѣлалъ самъ, изъ боязни, чтобы лошадей не испортили. На это уходило часа два. Затѣмъ за обѣдомъ нужно было удовлетворить любопытство публики, которая сбѣгалась, чтобы получить подробности относительно таинственнаго наѣздника...

„А когда все это кончалось, Асѣвъ уходилъ спать на копыти, вмѣстѣ съ лошадьми. Двѣ мысли клиномъ сдѣлали въ его головѣ во время этого долгаго, 30-дневнаго путешествія: чтобы лошадей не украли, и чтобы онъ не заболѣлъ. Два раза ему приходилось перековывать лошадей за границей, и до сихъ поръ онъ не можетъ вспомнить объ этомъ безъ волненія. Закуаютъ лошадь, тогда все пропало: предпріятіе столь интересное теперь, когда оно удалось, показалось бы смѣшнымъ донкихотствомъ въ случаѣ неудачи, хотя бы неудача произошла только оттого, что лошадь была дурно подкована или зашла погу...“

„Лошади Асѣва не были, какъ говорится на языкѣ спорта, *тренированы*. Привыкнувъ къ отличной пицѣ и сравнительно ничтожному движенію, онъ не могъ бы освоиться съ виазнымъ переходомъ къ усиленной работѣ. Асѣвъ имѣлъ это въ виду, какъ опытный наѣздникъ, и задаясь цѣлюю пріучить организмъ своихъ кобылицъ мало-по-малу къ такой непопулярной работѣ спеціальнымъ режимомъ. Лошади его получали сначала только отрубни и сѣно, потомъ овесъ пополамъ съ отрубями и наконецъ овесъ безъ примѣси, изрѣдка съ солью. Въ среднемъ обѣ лошади сдѣдали по пуду (17 килограммовъ) овса и $\frac{1}{4}$ пуда сѣна (4 кил.). Судя по анкетити лошадей, опредѣлялось и количество работы, которое можно было отъ нихъ требовать. Въ первое время приходилось не больше 48 километровъ въ сутки. Это пространство постепенно увеличивалось, такъ что въ послѣдніе дни достигло до 115. Себя самого Асѣвъ не подвергалъ никакому спеціальному режиму. Въ теченіе всей своей поѣздки онъ спалъ не больше 5—6 час. въ сутки, вставалъ рано утромъ и отправлялся въ путь. Усталость онъ чувствовалъ только первую неделю. Затѣмъ, откатавъ 115 кил., послѣ 11 часовой ѣзды, онъ слѣзалъ съ лошади такой же бодрый, какъ садился. Онъ пришелъ къ заключенію, что чѣмъ меньше лошадь подъ сѣдломъ, тѣмъ для нея лучше. Поэтому онъ ѣхалъ такъ: первые три дня шагомъ, потомъ пять минутъ рысью каждые полчаса, далѣе 5 минутъ рысью въ каждые $\frac{1}{4}$ часа и наконецъ шагъ и рысь поровну — 10 минутъ рысью и 10 минутъ шагомъ. Скорость при этомъ получалась въ 11 кил. въ часъ. Обѣ лошади Асѣва — кобылицы. Одна — „Влага“, 7 лѣтъ, новороссійской породы, простая фронтовая лошадь. Другая — „Діана“, англо-донской породы, $\frac{3}{4}$ крови, 5 лѣтъ. Обѣ лошади, по туркменскому способу, работали попеременно. Первые 45—50 верстъ — „Діана“, остальные 40 верстъ прівала, „Влага“. Когда работала „Діана“, „Влага“ пользовалась полюбѣйшей свободой, въ виду своего замѣчательнаго ума, и бѣжала зачастую въ нѣсколькихъ стахъ саженьныхъ позади. Она ѣла траву по дорогѣ и пила воду, гдѣ бы ее ни встрѣчала, въ ручьяхъ, бассейнахъ, фонтанахъ или ведрахъ мимоходящей служанки. Если же теряла изъ виду „Діану“, то громко и спокойно ржала и въ карьерѣ догоняла своихъ компаньоновъ...“

„Наконецъ, на 30-й день, вдали, прорѣзывая сивеватый туманъ, показалась цѣль путешествія русскаго офицера — верхушка Эйфелевой башни. Асѣвъ радостно вздохнулъ и, припорируя лошадь, скоро затѣмъ въѣхалъ въ Парижъ. Онъ оставилъ за собою 2,457 верстъ (2,633 кил.), послѣ 339 $\frac{3}{4}$ часовъ сидѣнія въ сѣдлѣ, и былъ бодрый и веселый, точно послѣ обыкновенной прогулки. Въ физическомъ отношеніи результатомъ этого путешествія было только то, что онъ потерялъ 4 кило (10 фунтовъ) въ вѣсѣ. Никакихъ приключеній съ нимъ въ дорогѣ не было, кромѣ того, что вездѣ къ нему относились съ подозрительностью, принимая въ Россіи за гонимаго (примечъ онъ потерялъ 2 дня, задержанный въ Новградѣ-Волынскѣ), въ Силезіи — за поляка, въ Богеміи — за мадыра, въ Баваріи — за француза, во Франціи — то за прусскаго дезертира, то за англичанина.“

Слухъ о замѣчательномъ подвигѣ Асѣва облетѣлъ весь Парижъ, всю Францію, и онъ сдѣлался героемъ дня. На докладѣ объ этомъ военнаго министра Государь Императоръ, по сообщенію *Южнаго Края*, собственноручно изволил начертать: „Молодецъ! Весьма оригинальная поѣздка.“ Генералъ-адью-

тантъ Радецкій, объявляя объ этомъ въ приказѣ по Харьковскому военному округу, выразилъ удовольствіе, что офицеръ изъ состава вѣренихъ ему войскъ удостоился столь лестной Высочайшей похвалы.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ, Государыня Императрица, Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ, Вел. Кн. Ксенія Александровна и Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, 5 іюля, въ 7 час. пополудни, изволили прослѣдовать съ лхты „Царевна“ на катерѣ „Петергофъ“ въ Александрію.

Вѣсть съ Ихъ Императорскими Величествами прибыли также въ Александрію Королева Эллиновъ, Великая Книгиня Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская, принцъ Николай и принцесса Марія Грецкіе.

Для церкви.

— Надняхъ исполнилось сорокъ лѣтъ со времени окончанія высокопреосвященнымъ Іоанниемъ, митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, въ 1849 году академическаго курса. Высокопреосвященный Іоанникій уже 28 лѣтъ состоитъ въ епископскомъ санѣ и изъ нихъ 25 лѣтъ самостоятельнымъ архіепископомъ, считая съ его назначенія въ 1864 году въ Саратовскую епархію. Ему въ настоящее время 62 года отъ роду.

Правительственныя распоряженія.

— Льготы по возврату владѣльцамъ русскихъ паровыхъ судовъ пошлинъ, уплаченныхъ за проходъ черезъ Суэцкій каналъ, продлены до 1 января 1900 года.

— Усилены наказанія военнотружущихъ за похищеніе и растрату казеннаго оружія, патроновъ и пороха въ приморскихъ мѣстностяхъ Кавказа и Приамурскаго края.

Искусства изобразительныя.

— 17 іюня, въ селеніи Скржинско, Опоченскаго уѣзда, Радомской губерніи, состоялось освященіе памятника, сооруженнаго на добровольныя пожертвованія жителей сего селенія въ память въ Вѣзѣ почивающаго Императора Александра II. Памятникъ сооруженъ самоучкою мѣщаниномъ Сасомъ изъ мѣтнаго камня, съ желѣзною рѣшеткою вокругъ.

— Окончательное сооруженіе въ гор. Пятигорскѣ памятника поэту Лермонтову, за устройствомъ уже вполне сквера на планированной мѣстности, въ которомъ предполагено поставить памятникъ, зависящій отъ возведенія на готовомъ уже фундаментѣ гранитной скалы и доставленія въ Пятигорскъ колоссальной бронзовой статуи Лермонтова. Массивныя гранитныя глыбы, числомъ восемь и вѣсомъ свыше 2,000 пуд., уже доставлены и скала будетъ окончательно изготовлена мраморщикомъ Тонети и поставлена на предназначенномъ ей мѣстѣ не позже перваго іюля. Колоссальная же статуя поэта, художественно выдѣленная изъ

глины академикомъ А. М. Опекушинымъ, слана въ гипсъ въ началѣ мая на бронзовую фабрику Моранъ и К^о, для отливки таковой изъ бронзы, и будетъ отправлена изъ Петербурга въ Пятигорскъ между 15 и 20 числами іюля.

— Генераль-майоръ А. А. Насвѣтвичъ, чрезъ посредство германскаго посла, поднесъ Германскому императору альбомъ снятыхъ имъ моментальныхъ фотографій во время пребыванія императора Вильгельма II, въ 1888 году, въ Петергофѣ, за что удостоился получить драгоценный, украшенный бриллиантами и рубинами, перстень, съ вензелевымъ изображеніемъ имени его величества.

Изъ губерній и областей.

— 30 іюня, въ 12 час. 50 мин. утра, въ Ташкентѣ чувствовалось продолжительное землетрясеніе. Получено извѣстіе, что этимъ землетрясеніемъ наполовину разрушенъ городъ Джаркентъ.

— Въ Вѣрномъ, 30 іюня, въ 3 часа 15 м. утра, было сильное землетрясеніе, продолжавшееся около 13 минутъ непрерывно. Поврежденія въ строенияхъ ничтожны, но несчастія съ людьми не слышно. Землетрясеніе было колебательное, а не ударное, какъ въ 1887 году. Въ 7 часовъ опять былъ чувствительный толчокъ. По донесеніямъ изъ уѣздовъ оказывается, что многія селенія сильно пострадали отъ землетрясенія; глиняныя зданія разрушились; насчитываютъ до 20 убитыхъ. Пржевальскъ пострадалъ незначительно; лагерь на берегу озера потерялъ сильнѣе. Прибывшіе изъ восточныхъ селеній очевидно землетрясенія говорятъ, что въ деревенномъ выселкѣ Иссыкъ одинъ домъ, поставленный высоко на доколѣ, сдвинуло съ мѣста, въ нѣкоторыхъ глиняныхъ селеніяхъ дома истрескались, въ нѣкоторыхъ распались, люди успѣли убѣжать, землетрясеніе продолжалось цѣлый часъ. Таранчи изъ Курама вознамѣрились бѣжать въ Кульджу, полагая, что тамъ не было землетрясенія, но оказалось, что въ Суйдунѣ и ближайшихъ мѣстахъ оно тоже было. Таранчи остановились въ китайскихъ селеніяхъ. 4 іюля въ Вѣрномъ было чувствительное дрожаніе земли.

Изъ Омска, отъ 4 іюля, сообщаютъ, что землетрясеніемъ разрушено много зданій въ селеніяхъ Михайловскомъ и Зайцевскомъ, Вѣренскаго уѣзда, а с. Маловодное разрушено все. Въ Талгарской лѣсной дачѣ убиты упавшими камнями двое. Частныя зданія по берегу озера Иссыкъ-Куля разрушены, берегъ мѣстами осылъ, земля дала трещины, въ лагеряхъ люди не могли стоять на ногахъ. Почтовое сообщеніе прервано; мосты

разрушены. 2 іюля въ Джаркентѣ были довольно сильныя толчки и колебанія, отъ которыхъ совершенно отошла одна стѣна въ джаркентской тюрьмѣ.

— 23 іюня, по приказанію генераль-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, начальника Терекской области объявлено собравшимся въ Налчикѣ уполномоченнымъ Большимъ и Малой Кабарды и горскихъ обществъ Высочайшее соизволеніе объ оставленіи за населеніемъ въ постоянномъ его пользованіи 315,383 десятинъ пастбищныхъ земель. Вѣдѣ за объявленіемъ совершенно было по мусульманскому обряду торжественное молебствіе о здравіи и долголетіи Всемилостивѣйшаго Монарха и всего Царскаго Дома. Уполномоченные обратились затѣмъ къ начальнику области съ ходатайствомъ просить князя Дондукова-Корсакова повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства ихъ безпредѣльной преданности за высоко милостивое вниманіе къ ихъ народнымъ нуждамъ. Тѣ-же уполномоченные, желая увѣковѣчить день столь благоприятно разрѣшившагося для нихъ поземельнаго вопроса, заявили, что они опредѣлили: ежегодно 21 мая, въ день состоявшагося Высочайшаго соизволенія, совершать торжественныя молебствія во всѣхъ аудіальныхъ мечетяхъ о здравіи и долголетіи Ихъ Величествъ, съ напоминаніемъ народу о неизреченной милости къ нему Государя Императора; въ этотъ-же знаменательный для Кабарды день учредить въ Налчикѣ народную скачку, съ ассигнованіемъ 400 рублей на призы для лучшихъ лошадей; установить ежегодно особый сборъ 6,100 р., которые, съ присоединеніемъ къ нынѣ отпущаемымъ общественнымъ суммамъ—4,900 р., должны быть средствами для преобразованія настоящей городской школы въ учебное заведеніе, наиболѣе соответствующее пользѣ населенія, при этомъ ходатайствовать о присвоеніи преобразованному учебному заведенію наименованія училища Императора Александра II, и на ежегодный сборъ, въ размѣрѣ 1,200 руб., учредить въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ двѣ стипендіи Имени Государыни Императрицы.

— Въ окрестностяхъ Казалинска появились густыя массы вѣшей саранчи.

Некрологъ.

— 29 іюня, внезапно скончался отъ паралича сердца заслуженный профессоръ университета Св. Владиміра, докторъ философіи и древней филологіи, д. с. с. Сильвестръ Сильвестровичъ Гогоцкій.

— 5 іюля, въ Москвѣ скончалась старѣйшая артистка Малаго театра С. Ш. Акимова.

Политическое обозрѣніе.

Политическое положеніе европейскіхъ дѣлъ, не вызывая въ сущности серьезныхъ опасеній, какъ это думаютъ пессимистически настроенные люди, на самомъ дѣлѣ является довольно смутнымъ и у многихъ возбуждаетъ чувство недовольства. Одинъ недовольны общими еврейскими настроеніемъ, другіе отдѣльными событіями, происшедшими за послѣднее время.

Въ Австріи руководящія правительственныя партіи недовольны послѣдними успѣхами младочеховъ. Незадолго до закрытія сессіи делегаций, прошедшей на этотъ разъ съ небывалою ооспѣшностью и необычнымъ спокойствіемъ, самъ императоръ Францъ-Иосифъ, на послѣднемъ обѣдѣ въ честь делегаций, бесѣдуя съ моравскимъ делегатомъ Фандерликомъ о выборахъ въ Чешскій сеймъ, сказалъ: „Исходъ выборовъ въ сельскихъ общинахъ удивилъ меня: онъ составляетъ свидѣтельство недомыслия для интеллигенціи сельскаго населенія, которое дало увѣчь себя пустыми фразами въ такую крайность. Необходимо энергическое вмѣшательство“. Фандерликъ заявлялъ, что правительство недостаточно поддерживало старочеховъ, на что императоръ сказалъ: „Да, очень много было недосмотровъ“. Закрывшаяся уже сессія делегаций, несмотря на свою кратковременность, явственно обнаружила, по словамъ *Neue Freie Presse*, антагонизмъ между Россіей и Австро-Венгеріей, или,

правильнѣе было бы сказать, непріязнь нашей сосѣдки къ Россіи.

Во Франціи, подъ шумъ всеобщаго довольства выставкой, буланжисты едва-ли могутъ быть довольны послѣдними событіями. *Journal des Débats* сообщилъ, что 28 іюня обвинительная камера постановила резолюцію, по которой Буланже, Дильонъ и Рошфоръ предаются верховному суду. Повѣстки о явкѣ въ верховный судъ уже разосланы 4 іюля въ мѣста жительства Буланже, Дильона и Рошфора, и верховный судъ соберется, вѣроятно, 29 іюля. По свѣдѣніямъ *Temps*, на Буланже взводится тройное обвиненіе, а именно въ покушеніи на безопасность государства, въ устройствѣ заговора и въ растратѣ казенныхъ денегъ. Шифрованные денешни, ключъ къ которымъ былъ недавно обнаруженъ, доказываютъ фактъ покушенія. Организовано было движеніе на Елисейскій дворецъ и Буланже ожидалъ результатовъ движенія; нѣсколько высшихъ офицеровъ общали Буланже свое содѣйствіе. Факты растраты касаются торговъ относительно поставокъ въ казну, между прочимъ поставокъ кофе для войскъ и военныхъ кроватей. *Temps* сообщаетъ, сверхъ того, объ употребленіи министерскихъ суммъ на личныя нужды Буланже. Сторонники генерала Буланже пускаютъ въ ходъ всѣ средства, чтобы поразить своихъ про-

тивниковъ, по счастью, улыбавшееся до того, кажется, ихъ покинуло, и они, если не перестаютъ интересоваться многими, то все-таки значительно утратили симпатіи своимъ усердіемъ не въ мѣру. Газетныя разоблаченія о неблаговидныхъ поступкахъ министровъ и другихъ правительственныхъ лицъ, скандалы съ палатъ и на улицахъ, драки и дуэли не привели ни къ чему, и палата, а за нею и сенатъ, вотировали передъ своимъ закрытіемъ законъ, запрещающій многократныя кандидатуры. Законъ этотъ сильно помѣшаетъ популярности генерала Буланже, который уже и въ самомъ Парижѣ не вызываетъ прежнихъ бѣшеныхъ восторговъ. По крайней мѣрѣ, въ день національнаго праздника, 2 іюля, въ окнахъ помѣщенія „Лиги патриотовъ“, на Биржевой площади, были поставлены транспаранты, изображающіе генерала Буланже верхомъ на лошади, въ черномъ фракѣ и съ лентою Почетнаго Легиона. Толпа, среди которой слышны были только рѣдкіе свистки, останавливалась передъ транспарантами и только забавлялась ими.

Довольно можетъ быть только Германія по поводу развязки небезызвѣстнаго читателямъ *Нивы* инцидента съ Вольгемутъ. Швейцарскій союзный совѣтъ въ длинной нотѣ отъ 10 іюля къ германскому правительству констатируетъ, что Вольгемутъ былъ арестованъ и затѣмъ высланъ швейцарскими властями потому, что онъ вызывалъ смуту. Союзный совѣтъ рѣшилъ прекра-

тить въ Швейцаріи всякую агитацію; онъ отвергаетъ упрекъ въ нарушении договора и высказываетъ надежду, что представленными объясненіями ему удалось успокоить императорское правительство и убѣдить его въ томъ, что пѣтъ грѣшицъ приписать невыгодныя для обонхъ государствъ мѣры. Союзный совѣтъ исполненъ твердой воли въ точности соблюдать международныя обязательства, особенно касательно Германіи, съ которой онъ всегда старался поддерживать наилучшія отношенія.

Съ острова Крита получаются все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія. Недовольство критякъ существующимъ положеніемъ дѣлъ все увеличивается, а Турція, якобы, отказалась даровать, по словамъ телеграммы „Агентства Рейтера“ изъ Сиріи, требующія реформы, вслѣдствіе чего партія недовольныхъ рѣшила прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. „Мы надѣемся еще“, говоритъ по этому поводу *Journal de S.-Petersbourg*, „что это сообщеніе преувеличено, и во всякомъ случаѣ ждемъ болѣе точныхъ извѣстій. Можно пожелать только, чтобы на Критѣ положеніе окончилось рѣшеніемъ принятымъ въ умѣренномъ и миролюбивомъ направленіи. Несомнѣнно въ интересахъ Порты, чтобы умиротвореніе послѣдовало за состояніемъ нынѣшняго кризиса и, кажется, именно къ этой дѣли направ-

Мельхиоръ де-Вогюэ. Съ фотогр. граф. Тирія.

лены въ настоящее время всѣ усилія Порты“.

С М Ъ С Ъ .

Персидскій шахъ отличается большимъ остроуміемъ, доказательствомъ чего можетъ отчасти служить слѣдующій рассказъ самого шаха. Въ послѣднее время онъ страдалъ зубною болью. Когда онъ въ первый разъ былъ въ Парижѣ, эта боль у него не была въ такой сильной степени, тѣмъ не менѣе ему пришлось обратиться къ извѣстному дантисту Эвансу. „Тотъ посмотрѣлъ больной зубъ“, разсказываетъ шахъ, „и просилъ у меня позволенія вырвать зубъ, съ тѣмъ, чтобы оставить его потомъ у себя, на память. Но я предпочелъ ему дать на память орденъ Льва и Солнца, а зубы оставить у себя тоже на память во рту“.

Интересныя раскопки. Недавно, по сообщенію одесскихъ газетъ, профессоръ Эварницкій раскопалъ курганъ въ деревнѣ Богарѣ, Екатеринославской губ., Александровскаго уѣзда. Въ первомъ слое ничего не найдено, во второмъ открытъ скелетъ человѣка, положенный лицомъ вверхъ, головою на востокъ, съ руками, сложенными на крестъ на лобковой кости; ни гроба, ни другихъ вещей не было. Въ третьемъ слое опять ничего не было, а въ четвертомъ и пятомъ найдены: двѣ лошадиныя головы, положенныя на кости собственныхъ ногъ, и взнузданныя желѣзными удилами, довольно примитивнаго устройства, а близъ нихъ скелетъ собаки, три желѣзныхъ метательныхъ копейца и три костяныхъ иголки, толщиною немного болѣе карандаша; потомъ, подъ головами три скелета: женщины, мужчины и взрослого мальчика. Скелетъ женщины при этомъ покрытъ плечевыми лопатками лошади, какъ бы замѣнявшими гробъ; скелетъ мальчика былъ покрытъ толстой кожей и имѣлъ близъ правой руки желѣзныя съ деревянной рукояткой ножъ; скелетъ мужчины огражденъ съ правой стороны доской и раздѣленъ на нѣсколько частей: въ одномъ мѣстѣ руки, въ другомъ—ноги, и, наконецъ, голова, близъ которой найденъ глиняный горшечекъ на половину бѣлаго, на половину землястаго цвѣта, съ

орнаментикой по вѣличкамъ, сдѣланной, очевидно, частію ногтемъ въ видѣ крестика, частію тупой палочкой въ формѣ точки. Около каждаго скелета находились костяныя иглы и желѣзные дробки. Судя по черепамъ всѣхъ найденныхъ скелетовъ, въ курганѣ были зарыты люди, если не славянскаго, то видимо арійскаго происхожденія. (в.)

Гнусь. Описывая въ *Историческомъ Вѣстникѣ* первый Амурскій походъ и всѣ бѣдствія, которые претерпѣвали люди изъ отряда подпоручика Глена, г. Даниловъ упоминаетъ, что особенно отрядъ терпѣлъ отъ „гнуса“. Гнусомъ въ Сибири называютъ комаровъ, мошекъ, оводовъ, даже пауковъ и тому подобныхъ животныхъ. Ихъ водятся въ глухихъ, неотоптанныхъ уголкахъ Сибири такая масса, что ходить тамъ иначе невозможно, какъ съ волосаю сѣткою на лицѣ. Гнусъ—это бичъ сибирской тайги, онъ мучаетъ днемъ, не даетъ сомкнуть глазъ и ночью и особенно сильно кусаетъ въ сѣрне, туманные и дождливые дни. Даже „дымоккуръ“, т. е. костры изъ гнилаго дерева и сырыхъ листьевъ, разводимые для выкуриванія назойливыхъ насѣкомыхъ, мало помогаютъ. Бывали случаи, что „гнусъ“ на смерть забѣдалъ домашнихъ животныхъ. Туи этихъ кровопійцы такъ облепляютъ несчастное животное, что оно, наконецъ, выбившись изъ силъ, падаетъ на землю и окольваегъ. Случаи такіе бывають не только въ самой тайгѣ, куда иногда, отбившись отъ стада, попадетъ скотина, а даже въ отдаленныхъ, болѣе глухихъ уличахъ сибирскихъ городовъ, какъ, наиримѣръ, это было лѣтъ шесть семь назадъ въ городѣ Хабаровкѣ. (в.)

Послѣдній изъ пугачевцевъ. Въ настоящее время въ Самарѣ проживаетъ дряхлый ста сорокалѣтній старецъ, Даниилъ Самойловъ, прибывшій не такъ давно въ родную сторону изъ Сибири къ своей внучкѣ, тоже старой старухѣ. Даниилъ Самойловъ— послѣдній изъ пугачевцевъ, бывшій чѣмъ-то въ родѣ адъютанта у Чики,

„фельдмаршала“ Пугачева. Будучи волжским казакомъ и жителемъ Самары, Самойловъ присталъ къ шайкамъ Пугачева, участвовалъ въ штурмѣ Казани, огнемъ и мечемъ прошелъ все нагорное Поволжье, бралъ приступомъ Симбирскъ, участвовалъ при канонадѣ Самары, когда ядрами изъ 24 пушекъ Пугачевъ разогналъ толпы вѣрныхъ самарцевъ, выгонялъ Бошняка изъ Саратова. Этотъ человекъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ, доставленъ въ Симбирскъ и, по приговору слѣдственной комиссіи, получилъ 180 плетей и отправленъ въ каторгу безъ срока, гдѣ прибылъ 38 лѣтъ. Теперь Самойловъ купецъ, имѣетъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ. Старецъ видѣлъ Екатерину II, лично давалъ показанія графу Панину и жилъ въ одной избѣ съ Суворовымъ, караулившимъ Пугачева въ Симбирскѣ. Разказы Самойлова полны историческаго интереса. (в.)

Аудифонъ. Студентъ физико-математическаго факультета Харьковскаго университета, Левъ Шкляръ, изобрѣлъ приборъ, посредствомъ котораго глухой и даже глухонѣмой можетъ ясно слышать разговоръ, музыку, словомъ разные звуки. Одинъ глухонѣмой, который былъ снабженъ этимъ, вновь изобрѣтеннымъ „аудифономъ“,

ривъ, настаиваютъ два-три дня на солнцѣ или въ тепломъ мѣстѣ. Черезъ дни три и немного ранѣе получается настойка средней крѣпости чая изъ сухихъ стволотъ и зеленого цвѣта изъ свѣжихъ, съ запахомъ и вкусомъ подсолнечника. Настойку можно дѣлать изъ цвѣтовъ, изъ свѣжаго или изъ сухаго ствола растенія,—дѣйствіе такой настойки одинаковое. Взрослымъ даютъ по маленькой рюмкѣ три раза въ день; приемы приходится продолжать не больше одной недѣли. (в.)

Православные японцы. Близко знакомое съ православными японцами лицо рассказываетъ интересныя о нихъ подробности въ *Московск. Видомостяхъ*. Этому лицу, между прочимъ, пришлось присутствовать на японскомъ православномъ богослуженіи. Благоустройство и выдержка были поразительныя. Пѣвчіе размѣшались по обѣ стороны, въ церкви, правильными рядами. Богомольцы тихо и спокойно входили въ храмъ, а когда стали прикладываться къ кресту, никто не спѣшилъ, не старался протиснуться впередъ раньше другихъ, хотя ни одинъ человекъ не удался изъ храма не приложившись. Передъ причащеніемъ, Семень Мін, кончившій курсъ

Прогулка верхомъ изъ-подъ Полтавы на Парижскую выставку. М. В. Астѣвъ и его кони. Съ фот. грав. Шюблеръ.

прекрасно различалъ всѣ музыкальные звуки и сказанія ему шепотомъ слова. Приборъ этотъ состоитъ изъ пояса, представляющаго собою электрической элементъ, изъ пряжки пояса, представляющей собою микрофонъ, который служитъ воспринимателемъ звуковъ извнѣ, и изъ двухъ миниатюрныхъ микрофоновъ, вкладывающихся въ наружный слуховой проходъ и ушную раковину. Эти миниатюрные микрофоны передаютъ звуки слуховому нерву. Приборъ этотъ весьма удобенъ для употребленія, его можно носить подъ сюртукомъ. (в.)

Подсолнечникъ, какъ лѣкарство. Въ одной изъ медицинскихъ газетъ разсказанъ случай съ больною, которая въ продолженіе четырехъ лѣтъ страдала лихорадкой, рѣшительно не поддававшейся никакому лѣченію. Больная принимала въ огромныхъ дозахъ хину, іодъ и проч. безъ всякой пользы, и вдругъ, послѣ нѣсколькихъ приемовъ настойки подсолнечника, въ теченіе трехъ дней, совершенно излѣчилась отъ лихорадки. Д-ръ Казачковъ, авторъ замѣтки, приводитъ и еще нѣсколько наблюденій, когда самая упорная лихорадка, мѣсяцами не уступавшая хинину, мышьяку и прочимъ лѣкарствамъ, прекращалась въ теченіе трехъ-семи дней послѣ приемовъ крѣпкой настойки подсолнечника. Жители Кавказа и Поволжья пользуются этимъ средствомъ противъ лихорадки уже давно и тамъ оно весьма распространено. Приготовленіе и употребленіе этого лѣкарства слѣдующее. Въ бутылку, наполненную цвѣтами и стружками ствола подсолнечника, наливаютъ воду, и закупо-

кандидатомъ Кіевской духовной академіи, сказалъ, за отсутствіемъ преосвященнаго, проповѣдь и притомъ очень умѣло. Вся служба исполнялась на японскомъ языкѣ. Передъ проповѣдью всѣ прихожане сѣли на полъ по японскому обычаю. Многие изъ стариковъ и старушекъ все богослуженіе оставались на полу и часто на коленяхъ горячо молились и клали земные поклоны. Японцевъ упрекаютъ въ матеріализмъ, говоритъ авторъ замѣтки, но преосвященный Николай разсказывалъ ему нѣсколько примѣровъ подвижничества и самоотверженія. Ему приходилось не разъ удерживать православныхъ японцевъ отъ ревностнаго желанія поститься и подвергать себя разнымъ лишеніямъ, что было имъ совсемъ не по силамъ. Къ числу такихъ ревнителей принадлежалъ священникъ Іоаннъ Сакай, котораго преосвященный Николай долго удерживалъ при себѣ, съ цѣлью наблюдать за нимъ, а потомъ, наконецъ, уступилъ его просьбамъ, далъ ему отдѣльный приходъ, гдѣ онъ ревностно проповѣдывалъ православіе. Онъ питался лишь нѣсколькими щепотками риса и водой въ теченіе цѣлаго дня и умеръ отъ истощенія силъ послѣ сорокадневнаго поста, наложеннаго имъ на себя добровольно. Кромѣ отца Іоанна, бывали еще и другіе примѣры удивительнаго подвижничества. (в.)

Запись зарытаго многомилліоннаго клада. Послѣ удаленія, въ 1775 году, запорожцевъ изъ предѣловъ Россіи въ Турцію, на Дунай, очень много стали говорить о скрытыхъ ими кладахъ, которые запорожцы, поспѣшно уходя изъ своихъ земель, будто-бы за-

рыли въ разныхъ мѣстахъ. Чтобы не забыть мѣсть зарытыхъ сокровищъ, они ставили записи, съ точнымъ обозначеніемъ мѣсть, количества и качества кладовъ. Рядомъ съ такими подлинными записями по рукамъ стали ходить и подложныя. Одною изъ подобныхъ записей, истинною или подложною, владѣть сельскій учитель Чайкинъ, въ селѣ Покровскомъ, Екатеринбургской губ., Александровскаго уѣзда. Подлинникъ писанъ на скверной, сброй бумагѣ, довольно безграмотно. При записи приложенъ подробный планъ къ отысканію клада, въ концѣ стоитъ помѣтка: 1764 годъ. Вотъ текстъ записи съ исправленною орфографіею: „1764 г., іюль, 12-го дня. Милостію и счастьемъ Божиимъ, мы желаемъ, чтобы наши грѣшныя души были помянуты, и молили о нашихъ душахъ истиннаго, вѣчнаго и всемогущаго Бога, вообще за сорокъ братьевъ, которые лишены вѣчно страны Россійской. Отъ города Херсона, въ восьмидесяти верстахъ, на дачѣ Дюфимской, деревни Одаренкова, въ двухъ верстахъ отъ одной деревни есть трактиръ, а отъ трактира въ одной верстѣ есть кошара, а отъ кошары есть дикій камень пять саженъ длины, на немъ надпись; на томъ мѣстѣ погребены сорокъ казаковъ запорожскихъ, отъ того камня есть плита около трехъ аршинъ, а другая плита въ полтора аршина отнесена на 12 саженъ. Еще 12 арш. плита ребромъ вконана, еще въ 12 арш. камень, стоя, вконанъ; еще отъ того камня 12 шаговъ камень круглый, а отъ того камня круглаго отъѣрнй 12 саж. вдоль балки; какъ кончиль 12 саж., то въ сторону круго поверни прямо направо, тоже 12 саж.—будетъ небольшой бугоръ, заваленный соромъ и землею. Всѣ сіи примѣты вдоль балки, а по сторонамъ небольшіе пригорки, а по срединѣ тропинка пѣшему ходитъ“. Затѣмъ слѣдуетъ забыть—клятвенно, въ точности исполнить желаніе владѣльцевъ клада: раздать по миллиону на церковь, на бѣдныхъ, на обанкрутившихся, на построение домовъ для бѣдныхъ. Въ заключеніе упоминается, что „всей суммы двадцать семь миллионъ, золотомъ и серебромъ полтора миллионъ, да разныхъ вещей на пять миллионъ“ и затѣмъ слѣдуетъ просьба „выполнить все въ точности подъ великимъ заклятіемъ“ кладовладѣльцевъ. „А если вы не выполните,—говорятъ они,—то вѣчная вамъ будетъ гибель“. (в.)

Изъ нравовъ старины стародавней. Какъ въ старину землевладѣльцы другъ у друга оттягивали земли, объ этомъ рассказываетъ *Кіевская Старина*. Земельные споры были всегда въ большомъ ходу въ Малороссіи: если крупному пану не удалось отнять или захватить себѣ въ собственность земли своихъ сосѣдей, онъ придирался къ нимъ—подавалъ въ судъ, доказывая, что тѣ захватили его дѣдовщину, и требовалъ выѣзда суда на мѣсто для изслѣдованія его правъ собственности на эту землю посредствомъ присяжнаго разслѣдованія,—свидѣтели, конечно, представлялись имъ заранѣе. Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ оттягалъ немало земель у своихъ сосѣдей казаковъ, причемъ, рассказываютъ мѣстные старожилы, нерѣдко случались такого рода казусы. „Якъ мы будемъ прислать, що стонмъ на вашей землѣ, якъ то земля зъ давнихъ давней казацкыя,“ говорятъ свидѣтели.—Панъ, нисколько не смущаясь возраженіемъ, въ свою очередь, озадачиваетъ совѣстливаго свидѣтеля вопросомъ: „А теперь на чьей землѣ ты стоишь?“—„Теперичка? Та на вашей, добродію, бо стою я на вашемъ дворѣ.“—„Ну, такъ снимай сапоги, сядь въ нихъ мою землю, надѣнь ихъ снова, и гдѣ бы ты ни былъ, ты всетаки будешь на моей землѣ стоять!“—Свидѣтель продѣлываетъ въ точности панскій приказъ и, не смущаясь, присягаетъ передъ судомъ, что земля на которой онъ стоитъ, съ дѣда, прадѣда, была панская, и что онъ не знаетъ, какъ она сдѣлалась казацкою. (б.)

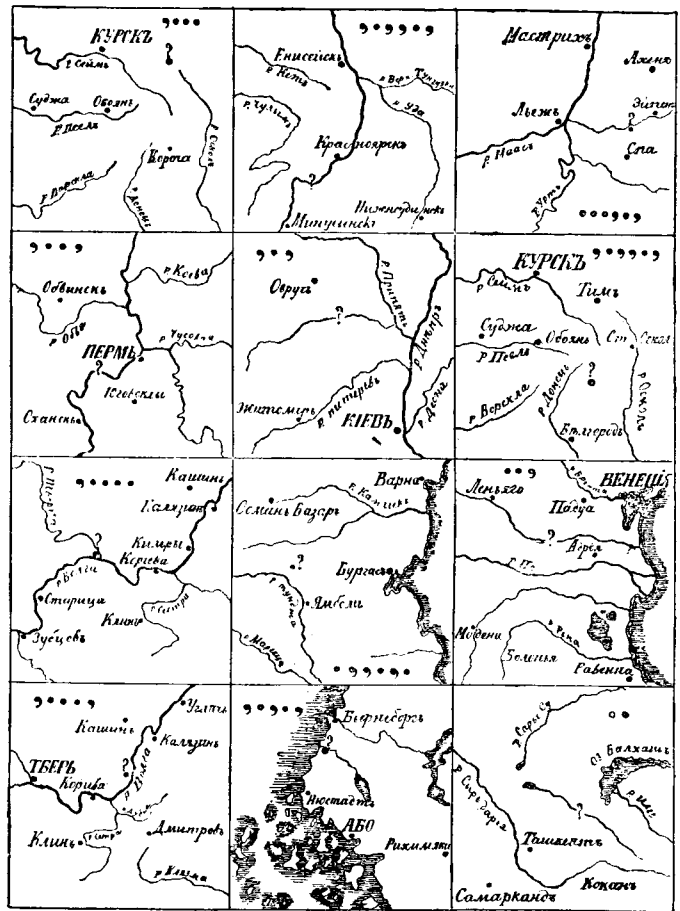
О лѣченіи головныхъ болей, мигрени и невралгій лица антипириномъ, парижскій врачъ Жерменъ Сэ сообщаетъ слѣдующее: Наиболье удачно излѣчивались тѣ головныя боли, которымъ бывають подвергнуто дѣти, занимающіяся въ школахъ. Причину этихъ головныхъ болей,—которыя очень сильны и упорны, ощущаются обыкновенно во лбу и отличаются тѣмъ, что появляются даже при незначительномъ умственномъ напряженіи,—профессоръ Сэ усматриваетъ въ ненормально медленномъ ростѣ сердца по отношенію къ величинѣ тѣла. Благодаря ежедневнымъ приемамъ 3 граммовъ антипирина, головныя боли чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени устранились, а при правильныхъ занятіяхъ съ ребенкомъ не возобновлялись болѣе. Не менѣе вѣрнымъ средствомъ оказался антипиринъ и противъ мигрени, отличающейся отъ вышеупомянутыхъ головныхъ болей тѣмъ, что она появляется въ одной половинѣ головы и легко узнается по выраженію лица больного. Если пациентъ при пробужденіи чувствовалъ начало мигрени, ему тотчасъ-же давали 1 граммъ антипирина и черезъ часъ такую же дозу, расущенную въ полъ-стаканъ воды; чрезъ 20—30 минутъ исчезали всякіе признаки возобновленія припадка. Противъ невралгій лица употребленіе антипирина оказывало замѣчательное дѣйствіе даже въ самыхъ упорныхъ и признанныхъ неизлѣчимыми формахъ. Въ послѣднемъ случаѣ проф. Сэ даетъ его не только внутрь, но и втираетъ подъ кожу. (с.)

Маленькій нантонъ Базель устыдилъ принятыя имъ мѣрами по народному образованію всѣ большія государства Европы. Въ крошечной странѣ обученіе какъ въ народныхъ и низшихъ школахъ, такъ и въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, даровое, причемъ выдаются также безвозмездно книги и всѣ школьныя принадлежности. Такимъ образомъ до университета на школу не тратится ни гроша, ни на обученіе, ни на книги, тетради и

другія учебныя пособія. Кроме того, въ смертныхъ случаяхъ, погребеніе совершается на счетъ государства. Въ память сильнаго землетрясенія 1356 года основано учрежденіе для раздачи ученикамъ сукна. Въ истекшемъ 1888 г. учрежденіе это роздало 11,000 метровъ сукна 1675 мальчикамъ и 1287 дѣвочкамъ. Принималъ далѣе въ расчетъ даровую раздачу платья, обуви и пищи и заботливое попеченіе о всѣхъ больныхъ вообще, нельзя отказать старинному прирейнскому городу Базелю въ глубокомъ уваженіи за его человѣколюбивыя стремленія. (с.)

Въ англійскихъ газетахъ сообщаютъ, что греческое правительство предлагаетъ уступить Дельфы, древнее мѣстопребываніе дельфійскаго оракула и совѣта амфиціоновъ, Соединеннымъ Штатамъ за 80,000 долларовъ, для производства тамъ раскопокъ. Придется скупили и перенести деревню Кастро, расположенную на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли Дельфы. Профессоръ Нортонъ изъ Гарвардскаго университета пріѣхалъ съ этимъ предложеніемъ въ Нью-Йоркъ и хлопочетъ о полученіи необходимой суммы. (с.)

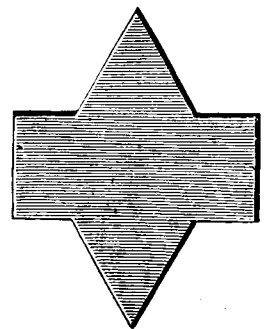
Географическая задача № 48.

Найти по атласу городъ или рѣку не подписанные въ клѣткахъ и отмѣченные вопросительнымъ знакомъ, выкинуть тѣ буквы, которыя придутся на мѣсть занятыхъ. Изъ полученныхъ такимъ образомъ буквъ слѣдуетъ составить посредствомъ хода коня русскую пословицу.

Геометрическая задача № 49.

Данную фигуру раздѣлить на 5 частей, изъ которыхъ требуется составить правильный шестиугольникъ.

СОДЕРЖАНІЕ: П. И. Клепъ (съ портр.).— Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть II. (Продолженіе).— Кто-же? Рассказъ Петра Дорошенко. (Продолженіе).— Рейдъ города Ханьчжоу и чайныя пароходы (съ 2 рис.).— Къ рисункамъ: Лѣсная дорога (съ рис.).— Застыгнутое грозой (съ рис.).— Амазонка прошлаго вѣка (съ рис.).— Утро деньщица (съ рис.).— Торговня ягодами (съ рис.).— Мельхюръ де-Вогюэ (съ рис.).— Прогулка верхомъ изъ-подъ Потапы на Парижскую выставку (съ рис.).— Иллюстрическое обозрѣвіе.— Разныя извѣстія.— Сибѣ.— Задачи.— Объявленія.

Издатель А. Марисъ. Редакторъ В. Плюшкинъ.

ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1889 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всё уже вышедшіе въ 1889 г. №№ со всеми приложеніями.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКОЕ

грязе-лечебное заведение товарищества врачей въ Крыму, въ г. Керчь. Сезонъ съ 20 мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрь, которая высылается за 1 семикоп. марку. Адресов. въ г. Керчь, д-ру Филимовичу.

ЛИНИИ И ГРОЗНИИ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПРЕССЪ-КУРАНТЫ GRATIS вЪ ФРАНЦУЗ.

ШТУРМА УКУСУСЪ
НАТУРАЛЬНЫЙ
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
БЕЗЪ ВЪРДЕЛЕВЪ
ЧИСТАГО ВКУСА И ЗАПАХА.

УКУСУСНЫЙ ЗАВОДЪ
Г. Ф. ШТУРМЪ

Складъ: Невск. 98/1, по Невле-данск., маг. 26.

Выработываю только натураль-ный укусъ: окисляемъ (при помощи атмосфернаго воздуха) въ Оливна, Солода и Винограднаго тит.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собрата. издаѣли продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 недѣлями по 4 р. и 4 р. 50 к.
" 7 " " съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей
Самый легкій инструментъ для изученія. Принятый тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

Г. Ф. МЮЛДЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъъ въемъ инструментамъ безплатно. (6) Ц. № 3884
Торгощамъ дѣлается скидка.

Вышелъ ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИЛКИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

Дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большого туалета зеркала со штатной.

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительная, а именно 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ
Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

2 рубли на 6 1/2 мѣсяцевъ, съ 15-го іюня по 1-е января 1890 г. принимается подписка на **„Русскій Справочный Листокъ“**, газету биржевую и торгово-промышленную, съ расширенной программой, въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи: Петровка, д. Кабанова. Цѣна съ пересылкою. № 3936 4-4

МАГАЗИНЪ БОН-МАРШЕ

ФИРМА АРИСТИДА БУСИКО

Магазинъ въѣмъ извѣ- стень прекраснымъ каче- ствомъ и дешевизной на- ходящихся въ немъ то- варовъ.

ПАРИЖЪ
Галантерейный магазинъ содержитъ въ себѣ самый полный, богатый и изящ- ный выборъ товаровъ.

Весь купленный товаръ, переставшій нравиться по- купателю или не отвечающій данной гарантіи, пере- мѣняется безъ затрудне- ній или возвращается плата.

Шелковыя и шерстяныя матеріи, ситцы, холсты, кашемиръ, занавѣси, столовое бѣлье, костюмы для дамъ и дѣтей, готовые платья, пенюары, юбки, жерсе, мѣха. Костюмы для мужчинъ и дѣтей, шляпы, моды, обувь, готовое бѣлье. Приданое, дѣтское приданое. Мужскія и женскія рубашки. Мебель, ковры, постели, одѣяла. Принадлежности для путешественниковъ. Парижскія издаѣли. Мелочи, отдѣлки, ленты, кружева, платки носовые, перчатки, чепчики, галстухи, зонтики, вѣера и т. д.

Цѣль магазина Бон-Марше—получить за все небольшое вознагражденіе и довѣ- ріе покупателей. Цѣль эта, постоянно и точно преслѣдуемая, сдѣлала нашъ магази- нъ извѣстнымъ. Безплатно высылаются всѣмъ желающимъ нашъ каталогъ, образ- чики и т. д. При покупкѣ товаровъ болѣе чѣмъ на 25 франковъ магазинъ прини- маетъ пересылку на свой счетъ. Магазины Бон-Марше, специально устроенные для торговли галантерейными товарами, самыя большія, самыя удобныя и самыя бо- гатыя, и содержатъ въ себѣ все, что только было изобрѣтено полезнаго, удоб- наго и комфортабельнаго и въ этомъ случаѣ составляютъ одну изъ достопри- мѣтельности Парижа.

Къ услугамъ иностранцевъ, желающихъ посѣтить магазинъ, имѣются переводчи- ки. Магазины Бон-Марше по преимуществу посѣщаются путешественниками и иностранцами; они постоянно стараются заслужить это предпочтеніе. Обширное помѣщеніе даетъ возможность прибавить каждый разъ что-нибудь новое и предло- жить въ этомъ году въ предстоящей выставкѣ, болѣе чѣмъ когда либо, всѣ свои преимущества и удовлетворить своихъ покупателей, обращающихся въ магазинъ Бон-Марше, какъ въ одинъ изъ лучшихъ магазиновъ въ мірѣ.

Фирма Бон-Марше не имѣетъ представителей ни во Франціи, ни за границей и предостерегаетъ покупателей противъ поддѣлки товаровъ.

Фирма Бон-Марше будетъ находиться на всемірной выставкѣ 1889 г.—1-й классъ, 18 отд. Мебель, портьеры, ковры. 2-й классъ, 36 отд. Готовое бѣлье для дамъ, мужчинъ и дѣтей. 3-й классъ, 35 отд. Костюмы для дамъ и дѣтей, готовые платья для мужчинъ и дѣтей. 4-й классъ, Общественная экономическая выставка.

Посылки для Россіи не могутъ быть высланы безъ платы и мы просимъ нашихъ заказчиковъ высылать деньги за товаръ и также за упаковку посылки. Если по- купка сдѣлана болѣе чѣмъ на 25 франковъ, то мы высылаемъ ее безплатно до гавани или до послѣдней границы Австро-Венгрии или Германіи. А. № 3872 2-2

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

По свидѣтельству врачейъ авторитетовъ зтогъ Purgativ имѣетъ слѣдующія пре- имущества:

Аккуратное и ВЪРНОЕ дѣйствіе, МАГКІЙ ВКУСЪ, МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ **ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.**

Ц. 3934 10-8

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со- держащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину- нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просить непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла- кона,—пров. Кинуненъ. (74) № 2946

ГАРМОНИИ

Однорядная в 23/4
4 1/2, 5 1/2, 6, 8, 9, 10,
12, 16 и 24 р.
Двурядная в 12,
14, 18, 20, 22, 25, 30
и 35 руб.
Трехрядная в 30,
50, 60 и 75 р.
Самоучитель Со-
колова по 1 руб.
Ноты его же по 75
коп и 1 р. за тетрадь.
Иллюстрир. преис-курантъ бесплатно.
Юлий Генрих ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальных инструментов и нотъ.
С.-Петербург, В. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкий мостъ, д. Захарьина.

С. ПЕТЕРЬ. ВЕНА ПЕШТЬ. БЕРЛИНЕ

„ЕКСИКАТОРЪ“

1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ
ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДРЕВО ОТЪ ГРИБКА
ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ И ПР.
БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИЩУ АГЕНТОВЪ
АДР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

Новые получены вороненой стали
часы отъ 12 р.; съ календаремъ по
23 р.; также же съ фазисами луны
стальные и серебряные по 30 р. Ни-
келевые отъ 6 р. Будильники амери-
канской системы отъ 4 р. 50. Прини-
маю поставку призывныхъ часовъ за сѣрьбу
по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Гг. иногород-
нымъ карманные часы высылаю на свой счетъ.
№ 3949 Главное депо часовъ (2)
Э. Д. ВУРХАРДА,
СПб., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
Отдѣл. Вознесенск. пр. у Синяго м., № 68/3.
Преис-куранты высылаю бесплатно.

КАРАГОЛИНЪ—ВЫСОКІЙ БЕЗПЛАТНО

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ
и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они-же состоятъ главными агентами
извѣстнаго англійскаго завода паро-
выхъ молотилокъ и локомобилей Клей-
тона и Шутлорвта въ Англіи и знамен-
итаго завода сѣноуборочныхъ маши-
нъ „Дези“ и сѣноуборочныхъ Маи-
Норинна въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочная
борона Рандаля и коньяки грабля
Тигръ завода Стодартъ, рядовыя сѣ-
ялки Сакка и проч. № 3959 (2)
Завасилия части ко всемъ машинамъ.
Фабрика и Главная Контора въ Мос-
квѣ. Мясницкая ул., соб. домъ, бывш.
Бр. Бутенцовъ. Отдѣленіе въ Харько-
вѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ПОСТАВЩИКИ ВЕЛОСИПЕДОВЪ РУССКОЮ АРМІИ

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкий Мостъ, Б. Морская д. 21.

имѣетъ
единственный складъ для всей
Россіи велосипедовъ: (Свифтъ,
Виппетъ, Русскій Клубъ, Мол-
ния (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Вопре послѣдней Свѣти № 2
= 150 руб. =

Преис-куранты высылаются бесплатно.
ПОСТАВЩИКИ ВЕЛОСИПЕДОВЪ РУССКОЮ АРМІИ

новое, ПЯТОЕ изданіе
**ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА,**
издано изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора,
гравированнымъ на стали, и факсимиле.
Настоящее изданіе дополнено всеми послѣд-
ними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно
просмотрѣно и исправлено авторомъ.
Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Ко-
митета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено:
книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендо-
вать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ сред-
нихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ,
въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній,
оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ
журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес.
6 р. 75 к.; въ роскошныхъ коленкоръ. переплетѣхъ съ зо-
лотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою 9 руб.
Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.;
въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.
Съ требованіями просить обращаться въ СПбургъ, въ кон-
тору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ

Предлагаемъ: сѣялки, жнейки, косилки, вилки, плуги разныхъ системъ и бороны.
Цѣны самыя умѣренныя.
Преис-куранты высылаются бесплатно. № 3719 12—12

во всехъ складахъ духовъ и у всехъ парикмахе-
ровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисо-
вистутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ К. К. МАЗИНГА въ Москвѣ,

между Воздвиженкой и Знаменкой, Вагановской нереулокъ.
Пользуется всеми правами казенныхъ реальныхъ училищъ
и состоитъ изъ 6 основныхъ классовъ и химико-техническаго отдѣленія дополнител-
наго класса. Во всѣхъ классахъ воспитанники принимаютъ приходящими и пансіонерами.
Въ приготовительное отдѣленіе принимаются воспитанники съ 8 лѣтъ. Начало при-
имныхъ экзаменовъ 8 августа, начало ученія 16 августа. Прошенія принимаются еже-
дневно кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. до 2 часовъ.
Въ іюнѣ былъ произведенъ VIII выпускъ учениковъ, при чемъ получили аттестаты и
свидѣтельства объ окончаніи курса 41 ученикъ, а именно:
По основному отдѣленію 1) Альшвангъ, 2) Барнетъ, 3) Богдановъ, 4) Бушинъ,
5) Варженевскій, 6) Вильямсъ, 7) Вологодскій, 8) Ворошиловъ, 9) Герасимовъ, 10) Гон-
заго-Павличинскій, 11) Гривановъ, 12) Гривовъ, 13) Ивановъ, 14) Келейникоу, 15) Ла-
макинъ, 16) Масловъ, 17) Перещъ, 18) Ростовцевъ, 19) Соловьевъ, 20) Хлуденевъ,
21) Шахровъ, 22) Шмелевъ.
По химико-техническому отдѣленію: 1) Алексѣевъ Владимиръ, 2) Алексѣевъ Миха-
илъ, 3) Алдартъ, 4) Васильевъ І., 5) Васильевъ П., 6) Воронисъ, 7) Желудинъ, 8) Зуб-
цовъ, 9) Ивановъ, 10) Казачковъ, 11) Литовинскій, 12) Митрофановъ, 13) Мѣшковъ,
14) Недѣлко, 15) Персияниновъ, 16) Симоновъ, 17) Сильцовъ, 18) Уколовъ, 19) Шешковъ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ УДѢЛОВЪ

сими доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что имъ приобретено, въ полную и исключи-
тельную собственность, виноторговое дѣло подъ фирмою:
„КНЯЗЯ С. М. ВОРОНЦОВА“.
Продажа Воронцовскихъ винъ будетъ и впредь продолжаться Департаментомъ Удѣловъ
подъ тою же фирмою „Князя С. М. Воронцова“, право на которую отнынѣ принадлежитъ
исключительно Департаменту.
Всѣ, безъ изыятія, вина, какія приняты удѣльнымъ вѣдомствомъ и будутъ имъ вы-
пущены въ продажу, были подвергнуты химической экспертизѣ и найдены вполне добро-
качественными, не содержащими никакихъ примѣсей, тѣмъ болѣе вредныхъ. Удосто-
вѣреніе это даетъ Департаменту Удѣловъ возможность гарантировать публикѣ безъ
примѣсятой и добросовѣстности предлагаемаго ей вина. Экспертизу производилъ
профессора гг. Пель — въ С.-Петербургѣ и Верито — въ Одессѣ и доцентъ г. Эрен-
бургъ — въ Харьковѣ.
Вино будетъ впредь отпускаемо не иначе, какъ розлитымъ въ бутылки и полубутылки,
подъ бандеролью Департамента Удѣловъ, при непосредственномъ надзорѣ за торговлею
со стороны чиновъ удѣльнаго вѣдомства.
Продажа винъ и отправка иногороднымъ попрежнему производится: въ собственныхъ
торговльяхъ: въ С.-Петербургѣ — Невскій пр., Милитиный рядъ, д. № 27; въ Москвѣ —
Большая Никитская, близъ церкви Малаго Вознесенія, д. № 131; въ Харьковѣ — Николаев-
ская площадь, городской домъ; въ Одессѣ — Дерибасовская, д. № 18, и у комисіонеровъ
гг. Демисели и Ю — въ Симферополѣ. Сверхъ того, взаимнъ упрежденнаго длинискатъ
комисіонерства, открыта въ Ялтѣ, въ Ливадіи домъ, собственная винная торговля
удѣльнаго вѣдомства. Гг. иногородные могутъ также обращаться съ заказами непосред-
ственно въ Массандровское Удѣльное Управленіе (въ Массандрѣ, близъ Иты).
Торговцамъ и крупнымъ покупателямъ дѣляется уступка. Преис-куранты выси-
лаются бесплатно, но первому требованію.
О всехъ имѣющихъ послѣдовать переимѣнахъ, какъ въ преис-курантѣ, такъ и дру-
гихъ, будетъ своевременно доведено до свѣдѣнія публики. № 370

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ, НАСОСОВЪ ВСЯКАГО РОДА И ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИИЪ

молотилокъ, вѣлковъ, мельницъ Триумфъ,
локомобилей 3, 4 и 6 силъ, сѣнныхъ прессо-
въ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, соломо-
рѣзокъ, десятичныхъ вѣсовъ, натковъ для
№ 3942 бѣлья и пр. 6—2

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линия, № 2.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.
Иллюстрир. каталоги высыл. бесплатно.

Порочная Община сестеръ милосердія
сими объявляетъ лицамъ, желающимъ
помѣстить своихъ дочерей, родственницъ или
опекаемыхъ ими въ число пансіонерокъ По-
роцкой женской гимназіи (Министерства
Народнаго Просвѣщенія) съ 8 педагогиче-
скимъ классомъ, что плата за полную пан-
сіонеру 220 р. въ годъ и 30 р. единоре-
менно за экзиторировку, плата за обученіе
музыкѣ отдѣльно по 50 р. въ годъ. Фран-
цузскій языкъ обязательенъ для всѣхъ уча-
щихся. Преподаваніе латинскаго языка вхо-
дитъ въ программу бесплатно. Приходящія
платятъ 60 р. въ годъ. № 3948 3—3
Дочери священно и церковно-служителей
пользуются обученіемъ музыкѣ бесплатно.
Прошенія принимаются въ Канцеляріи Го-
сударяни Великой Княгини Александры Петро-
вны (Васильевскій Островъ, 4 линия, д.
№ 21) ежедневно кромѣ праздниковъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

СПбургъ, Невскій пр., № 62.
прот. Им. Публ. Библиотеки.
Оптовая и рознич. продажа.
Специалистъ хронометровъ.
Рекомендую волот. глухія дамскіе часы, за-
водъ безъ ключа, изящный фасонъ, въ 45 р.
Ручательство на 2 года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный ил-
люстрированный преис-курантъ высылается
по востребованію бесплатно. № 3947 10—2

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ и/М.
фабрикантъ велосипедовъ
„ОРЕЛЬ“.
Великаго рода двухъ- и
трехъ-колесные велоси-
педы для взрослыхъ и
дѣтей. Составныя части
и принадлежности. Ищутъ
агентовъ. Илл. и стр. ри-
сованный каталогъ за 10
пфен. марками. 12—11

CORSETS

20-16
LEOTY
adoptés
par le
High-Life pa-
risien.
8. Place de la
Madeleine, Paris.

ПИСУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Писать въ 3 раза
быстрѣе пера. Чисто-
та, четкость и красота.
Введена во всехъ
Министерствахъ и
много правительствъ
и частныхъ учреждъ.
Преис-курантъ, содерж. многочисленн.
отзывы отъ Правительства и другихъ учре-
жденій, высылаются бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ,
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

XX г.
№ 30

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX
1889

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 22 іюля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
стороню непарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
25 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

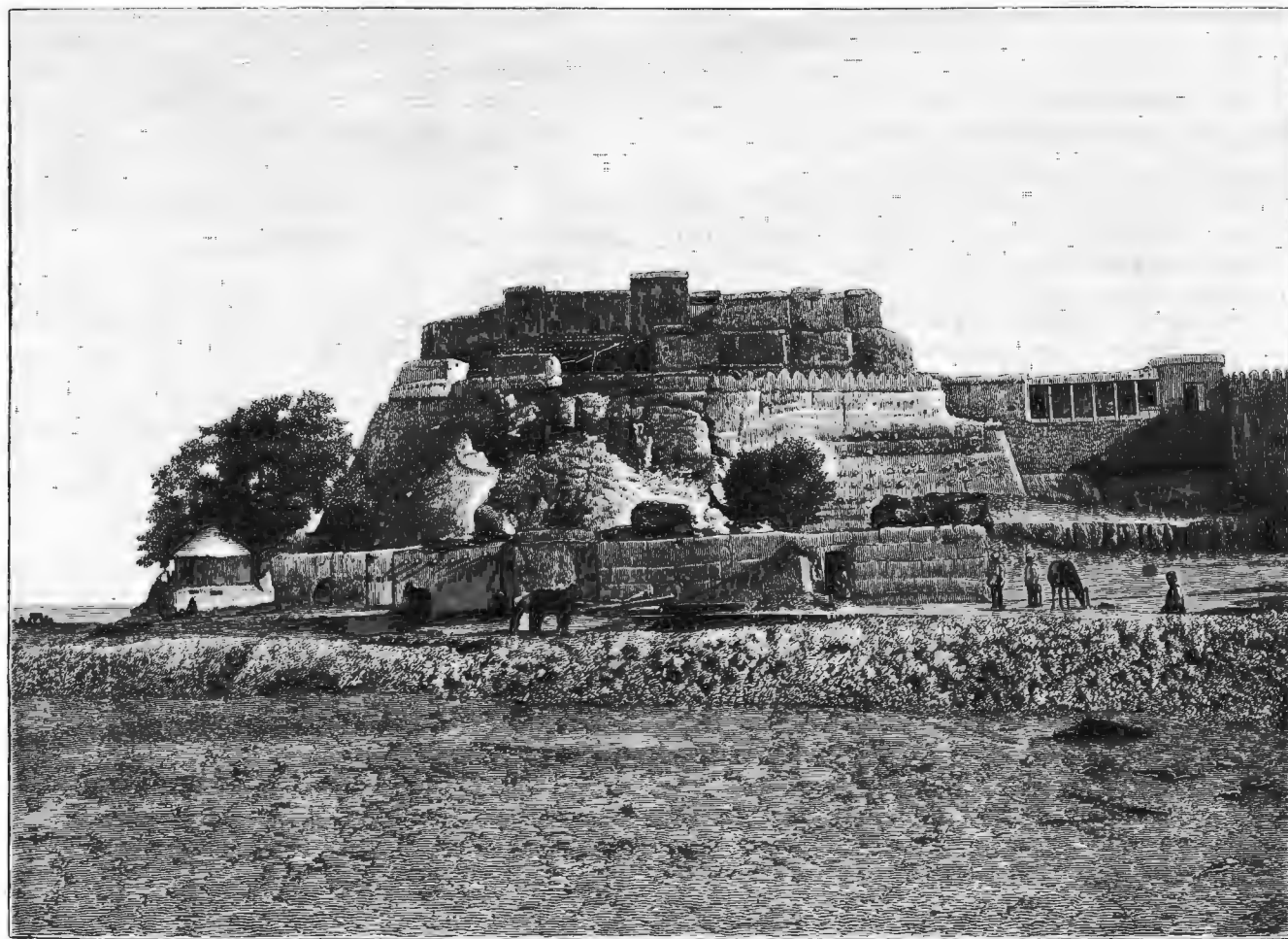
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говьихъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Везъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Крѣпость Керки (Бухара). Съ фот. грав. М. Рашевскій.

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Она потомъ часто встрѣчалась съ монахиней и по долгу бесѣдовала съ нею. Мать Пареевнѣ была поистинѣ незлобивою женщиной. Чтò она только терпѣла—и ни разу не жаловалась, развѣ съ добродушной улыбкой повторяла: „не вѣдятъ бо чтò творять“.

— Меня развѣ даже, чадо, въ участокъ забрали! улыбалась она, точно ей этимъ самымъ хотѣли сдѣлать большое удовольствіе.

— За чтò это?..

— А я по евангельской притчѣ „толпыте и отверзетъ вамъ“, толкнулась къ енаральшѣ одной... Ну, дама, надо сказать правду, во всѣхъ фасонахъ, великатная, нѣжная, мягкая, бѣлая!.. Сейчасъ она позвала своего хамка... „Проводить“, говорить. Хамокъ меня, оглашенную, за это мѣсто: „пожалуйте“, говорить, „матушка, тѣмъ же трактомъ“, да съ лѣстницы меня какъ толкнетъ, я, мать, и покатила... Точно-что ушиблась и возроптала: подымаюсь и говорю ему: „Богу за сіе отвѣтишь“... Но Богъ-то по Своей правдѣ не его за дерзновеніе, а меня за ропотъ наказалъ. И въ самомъ дѣлѣ—послалъ старицѣ испытаніе легкое, а она, замѣсто того чтобы радоваться, какъ собака зубы оскалила... И взяли меня рабу швейцаръ (мордастый такой) съ дворникомъ и повлекли къ офицеру, а офицеръ въ кварталѣ „посадить“, говорить, „ее, бродягу, для личнаго удостовѣренія“—и посадили... И сколь я потомъ этому радовалась—и сказать нельзя. Богъ зналъ гдѣ счастье послать... Сижусь я, мать, этакъ день, а вечеромъ слышу шелкъ-шелкъ замочекъ, и „іерихонъ-не милостивый“, стража моего такъ я прозвала потому что онъ мнѣ водицы испить не далъ, кричитъ: „вотъ тебѣ, говорить, бродяга—товарка“... Смотрю—пьяная, мать ты моя, пьяная, ругается, о стѣну колотится, такіа словеса говорить что я и отъ купцовъ не слыхала. Потомъ накинулась на меня да хлестъ объ это мѣсто! Я ей кротко: „спасибо!“ Она еще. Я еще кротче: „Христось тебя благослови“. Опомнилась: „ты что“, говорить, „смѣешься надо мной?“ — „Нѣтъ, благодарю, потому Господь черезъ тебя кротости меня учить...“ Посидѣла она посидѣла, да какъ поблѣтеть, да какъ ударится о-земь и давай плакать. Ну, тутъ стали мы плакать вмѣстѣ и такъ душе-радостно, истинно въ сердцѣ обрѣли обильнѣйшіе источники слезъ, омывающихъ въ жизнь вѣчную... „Я потерянная“, кричитъ она и головой о камень.— „Что же“, говорю, „ты—потерялась, анъ глядишь Богъ-то тебя и обрѣтетъ.“ — „Я недостойная“... — „Для людей“, говорю, „можетъ и недостойная, а у Господа Своя мѣрка на все... Коли бы недостойная была, не послалъ бы Онъ тебѣ и плача покаяннаго...“ Притихла... Стали мы съ ней молиться—ну совсѣмъ какъ въ кельѣ точно, мирно и богобоязненно. А утромъ за ней ея хозяйка пришла и тоже добрая оказалась, на монастырь пожертвовала и квартальнаго офицера увспросила отпустить меня. Онъ тоже добрый вышелъ: „чтò“, говорить, „съ нею взять, гоните ее старую дуру въ три шеи отсюда.“ И выгнали. Такъ вотъ, мать, въ какихъ видахъ иной разъ правда-то себя оказываетъ.

— Вы всегда здѣсь у Казанскаго собора?

— Всегда, мать, всегда. Послушаніе мое такое что-бы стоять здѣсь.

— Зашли бы когда чайку попить ко мнѣ.

— Вечеромъ развѣ... Только зачѣмъ утруждать тебѣ, голубка, сѣмъ-лучше такъ когда побалакаемъ.

— Нѣтъ, приходите. Я сама въ монастырѣ выросла. Мнѣ пріятно...

— Ну, коли не гнушаешься, Христось тебя спаси... Я приду.

И дѣйствительно, какъ отошли вечерни—пришла... Помолилась, оглядѣлась и обмерла.

— Это образа-то все... недоумѣвала она,—торгуешь ими что-ли?..

— Нѣтъ, я сама пишу.

— Сама. Ишь какъ Господь-то тебя умудрилъ, хорошо! Только, вижу я, не духовнаго, а свѣтскаго писанія. Это чтò же за мытарь такой? ткнулась она на неаполитанскаго риффаго.—Гусларь, по нашему... Тоже, мать, и у нихъ жизнь, будемъ правду говорить, горькая... А это?.. Небо-то ужъ больно синее, должно краски не жалѣла, во всю пустила; ну да коли деньги есть, чего жь ее жалѣть... Пуцай играетъ краска-то... А мужъ-то твой?..

— Спать онъ тамъ. Боленъ. Да сегодня ему лучше. Вотъ встанетъ, познакомлю.

— Хорошій онъ у тебя?

— Да. Только недужится ему, глаза у него.

— Недужится, авторитетно перебила монахиня,—это отъ Бога, и глаза отъ Бога. Онъ, братъ, милостивый по Своему учить. Ты думаешь вонъ куда вознесись, хвостъ-отъ трубой пустила, а Онъ тебѣ: на сѣмъ самомъ мѣстѣ стой, опаматуйся... За Нимъ не послѣдишь, какъ Онъ Себя, Господь-то объявить...

— Ты что жь это, на продажу, что-ли? тянулась она опять къ интересовавшимъ ее картинамъ.

— Пока нѣтъ еще... улыбалась Вѣрочка.

— А ты попробуй, къ маклакамъ-то толкнись, одинъ у меня на рынкѣ есть знакомый. Сестра его у насъ въ обители. Онъ, если я ему поговорю, пожалуй купить. Ему тоже надо... При мнѣ малявки эти носили ему образа свѣтскаго писанія. Ну, онъ которымъ по пятишницѣ, а овымъ и по красненькой платилъ. Онъ щедрѣ... Тоже у меня и купчиха есть, нашему монастырю благодѣтельница, ну та насчетъ котовъ больше. Коли малявка кота ей напишетъ, сейчасъ ему деньги рука въ руку, а кота на стѣну. У ей честь котамъ-то... Чтò жь и по Писанію такъ, сказано: „блаженъ иже и скоты милуетъ“, а вотъ что, мать,—и на лицѣ у протодушной инокони появилось хитрое, дѣловое выраженіе,—ты и иконы можешь?

— Могу.

— Ну вотъ, благодарю! Какъ тебя Господь-то умудрилъ!..—и она замотала головой и губы сжала.—И настояція можешь, какъ слѣдуетъ—въ храмахъ Божіихъ.

— Какъ же... Отчего же, я много такихъ писала.

— Чтò-бы тебѣ насъ, скудныхъ и убогихъ, облагодѣтельствовать?.. а? Чтò-бы въ самомъ дѣлѣ!

И вдругъ мать Пареевнѣ поднялась и положила передъ смущенною Вѣрочкой земной поклонъ.

— Чтò вы, что вы, матушка...

— Это я тебѣ не отъ себя, недостойная, а ото всей обители значить вкупѣ. Вишь ты горе какое—занадобился намъ запрестольный образъ. И желаемъ мы Христа возносящагося во всей славѣ Его... Ну, по письму матушки-игуменни розыскала я тутъ одного малявку, сказываютъ—надежный онъ. Генералы и тѣ его уважаютъ. Пришла. Сначала думалъ онъ—я за подаюшемъ, гнать было хотѣлъ. Ну, я объяснила чтò и какъ, смиловался. Ласковымъ сталъ. Ипостасный господинъ, гордый, ну вотъ какъ въ Писаніи, Сарданапаль совсѣмъ. Чтò жь бы ты думала, выслушалъ онъ меня до конца, потомъ сталъ этакъ головой мотать. „А что“, говорить, „вашъ монастырь богатъ?“—„Нѣтъ“, я то ему, „не для денегъ, а для Бога старайся.“—„Ладно“, говорить, „мать, я и безъ тебя-то Бога самъ чудесно помню,

а только Богъ Богомъ, а деньги деньгами.“ Ну я прихилилась, извѣстно свой антирець держу; вижу, мужчина—жамокъ, все твое сокровенное прозираетъ и своего профиту не упуститъ. Прихилилась я, прихилилась и всплакнула даже, для Бога-то не грѣшно, знаешь. „Бѣдная,“ говорю, „господинъ ты нашъ милостивый, наша обитель, ой какая бѣдная! Когда разрѣшеніе вина и елея— у насъ ни вина, ни елея, все на сухояденіи сидятъ-то.“ Что жъ бы ты думала: и нисколько онъ сими моими словесами не тронулся, а засмѣялся и точно изъ ружья въ меня: „три тыщи, а менѣе ни копѣйки“. Сижу я, мать, глазами хлошаю, а душенька-то во мнѣ такъ и торпыхаетъ. Ну вотъ все едино что овечій хвостъ. Хочу сказать—уста безмолвствуютъ. Точно что зеленое передо мной ходитъ, зеленое и съ искрой... Ну только во благовременіи опаматовалась, спрашиваю: „Въ умѣ-ли ты, господинъ, экое ты слово сказалъ! Я двадцать семь годъ съ книжкой у папертей стою, собираю, во хладѣ и гладѣ и наподобіе былія стихіями застигнутаго, а и то еще трехъ тыщъ не собрала на обитель нашу, благослови тебя Христосъ!“— „Это,“ говоритъ, „какъ вамъ угодно... А я дешевле не беру.“— „И для Бога?“ спрашиваю. „И для Бога“, отвѣтствуетъ... Ну увидѣла я тутъ жестоковѣйство его и прочъ пошла... Въ дверяхъ оглядываюсь. „Что жъ,“ говорю: „ужли краска такъ дорога?“— „Да, и краска не дешевая.“ А у меня москательщикъ тутъ знакомый, тоже благодѣтель нашъ. Семъ, я думаю, краску-то ему пообщаю даромъ. „Ну, а коли,“ спрашиваю, „краска моя пойдетъ?“ Засмѣялся онъ: „Идите, идите,“ говоритъ, „матушка, что тутъ пустое съ вами растабарывать... Сказана вамъ моя цѣна и знайте...“ Пообщала я ему вѣчное поминовеніе, сорокоусты— и слушать не желаетъ. Самъ и дверь за мной заперъ... Что бы вы вотъ, мать, для нашей обители потрудились, а?... И намъ бы хорошо, и вамъ для души?—И она, зорко воззрясь на Вѣру, еще разъ отдала ей земной поклонъ.—Ты вотъ что, благодѣтельница наша. Дай обѣтъ теперь Богу, если Онъ по нашимъ молитвамъ исцѣлитъ мужа-то твоего, такъ запрестольный образъ намъ безо всякаго значить антирецу, а я завтра отпишу матери Антонидѣ, чтобы начали за него молебны служить. Какъ зовутъ-то?.. Александромъ... Ну вотъ, будь спокойна. Такъ по рукамъ значить?

— По рукамъ... улыбалась Вѣрочка.

— И слава Господу! Мать Антониды-то обрадуется. Подумай какая польза обители! перешла она въ добродушный и откровенный тонъ.— Послѣ я совѣтовалась съ разными господами. Ну всѣ въ одинъ голосъ: „меньше полоторыхъ тыщъ не получишь, мать, образа-то“. А я даромъ съ тобою-то обладила; ты *по усердію* своему, а обитель приметъ *по убожеству* во спасеніе... И ахъ какъ хорошо теперь вышло-то...

И мать Паренія съ удвоеннымъ аппетитомъ принялась за чай.

Александръ Петровичъ весь этотъ день чувствовалъ себя особенно скверно. Заснулъ и проснулся со всѣми своими недугами, съ головою болью сверхъ того... Онъ долго лежалъ не шевелясь, въ головѣ стучало, какое-то отчаяніе охватывало душу. Сталъ думать о своихъ начатыхъ работахъ— еще хуже. Да полно, кончить-ли еще онъ ихъ когда-нибудь?.. Тьма кругомъ давила его. Точно какая туша обнесла, въ которой онъ задыхался. Воздуху не хватало. Душно, скверно...

— Вѣра! раздражительно крикнулъ онъ.

Изъ той комнаты, гдѣ была его жена, доносился до него шумъ голосовъ.

— Что у тебя за сборище такое? недовольно проговорилъ онъ.— Сама знаешь, я боленъ, а ты Богъ знаетъ какой народъ принимаешь.

— У меня монахиня, мать Паренія...

— Изъ твоей обители?..

— Нѣтъ...

— Гдѣ жъ ты съ ней познакомилась?

— Въ Казанскомъ соборѣ...

— Не на паперти-ли? Этого еще не доставало. Что ты купчиха что-ли? Заведи еще странница да странниковъ и сиди съ ними цѣлые дни. Совсѣмъ невозможно... Пожалуйста прогони ее вонъ. Чтѣ это, покоя дома нѣтъ. Моя квартира не страннопримница какая-нибудь... Всякую шваль...

— Опомнись, Саша...

— Чего мнѣ опомниться!..

И онъ разомъ взбѣсился и голова заболѣла хуже, и глаза словно жгло что-то.

— Чего мнѣ опоминаться! Опомнись ты, я у себя хозяинъ кажется и могу жить какъ я хочу, по моему собственному вкусу. Это чортъ знаетъ что такое. Силь никакихъ нѣтъ. Я на тебѣ, а не на всѣхъ женскихъ монастыряхъ Россійской Имперіи женился...

Онъ накиннулъ на себя платье и вышелъ.

Мать Паренія встала и низко ему поклонилась.

— Здравствуйте... Отпили чай?

— Отпила, господинъ милостивый, отпила...

— Ну и прощайте... Семень!.. Покажи дорогу... И запахъ чортъ знаетъ какой... Отвори пожалуйста форточку.

Мать Паренія схватилась, заторопилась, выронила книжку свою...

Вѣрочка бросилась къ ней.

— Простите, матушка.

— Богъ простить... Богъ простить... суетилась та.— Богъ простить...

А сама во всѣ ноги торопится на лѣстницу.

— Простите пожалуйста, чуть не плакала Вѣрочка, хватая ее за руку и цѣлуя.

— Что ты, мать, что ты... нешто я чтѣ? Господи всеблагій!.. Да я...

— Видите сами, больной онъ... Злой поэтому, а то онъ у меня добрый. Теперь на себя не похожъ.

— Ну, вотъ... и добродушное лицо матери Паренія опять расцвѣло.— Да ты не сокрушайся, я ужъ приобыкла къ этому. Купцы меня и не такъ еще травили; у нихъ для этого особья такія собачки заведены. Вѣрныя собачки, своимъ господамъ неліцемерныя слуги. Ну такъ они меня самыми этими собачками... А это чтѣ... Не желаетъ и только— благородно, по деликатному. А ты на него смотри не ропщи. Это тебя Господь испытуетъ. Слава Ему! Вернешься, какъ будто и не случилось ничего. Подойди, приласкай его. Ну у него сердце-то и отойдетъ. И тебѣ хорошо, и дьяволу что смущаетъ его—непріятность...

— Такъ вы не сердитесь?

— Чего же сердиться. Мнѣ обида-то во спасеніе... А только ты насчетъ запрестольнаго образа помни— обѣтъ дала. Я сегодня отпишу.

— Хорошо... Читайте что онъ уже у васъ.

— Ну, спаси тебя Богородица!..

И она снизу перекрестила Вѣрочку...

XIII.

Ряднову не долго удалось сохранить свое возвращеніе въ тайнѣ.

Какой-то знакомый увидѣлъ его на улицѣ и проговорился объ этомъ репортеру. Репортеръ, немного отощавшій послѣ закрытія Аркадіи и Ливадіи, обрадовался и полетѣлъ въ редакцію, при чемъ сообщил не только о возвращеніи „нашего извѣстнаго, гениальнаго“, но и описалъ при этомъ цвѣтъ и покрой платья, въ которомъ тотъ вернулся, количество багажа бывшаго съ нимъ и, главное, число новыхъ картинъ „его божественной кисти“. Распалывшаяся фантазія скромнаго слушателя прессы, дойдя до „божественной кисти“, понеслась впередъ закусивъ удила безъ удержу.

Чтение завещания. Картина О. Эрдмана, грав. Бонгъ.

— Позвольте описать и картины г. Ряднова? обратился онъ къ редактору.

— А вы ихъ видѣли? сомнительно протянул тотъ.

— Видѣли!.. не сморгнул даже репортеръ.

— Врете вѣрно все... Ну да ничего, валайте. Только смотрите въ общихъ чертахъ, а то пожалуй влетитъ. Еще опроверженіе вызоветъ.

У репортера даже подъ ложечкой заныло. Онъ описалъ самыя картины, мѣста гдѣ „нашъ несравненный“ создавалъ ихъ. Кстати развернулъ „Русскій энциклопедическій словарь“ и столбца на полтора прибавилъ „Рима“ и „Неаполя“, подъ конецъ свернулъ легенду о томъ какъ Рибейра грабилъ въ послѣднемъ итальянскихъ мастеровъ. И „преподнесъ.“ Редакторъ сосалъ сигару и читалъ съ одобреніемъ. На другой день замѣтка появилась на видномъ мѣстѣ, и Александръ Петровичъ, чувствовавшій себя сегодня нѣсколько лучше, не успѣлъ еще окончить завтрака, какъ къ нему влетѣлъ запыхавшійся и лучезарный „Кирь-царь-Персидскій“.

— А, обрадовался ему Рядновъ, — вы это какъ узнали?

— Сегодня въ газетахъ о васъ.

— Ну? заинтересовался художникъ. — Чтѣ же тамъ? Надѣюсь, не бранятъ?

— Понятно — всѣ прилагательныя на лицо: и божественный, и гениальный, и проч., и проч., и проч.

— Я, знаете, не обращаю вниманія на это, величественно по привычкѣ уронилъ Рядновъ. — Пусть пишутъ.

— Да, да. А гдѣ жена ваша?

— Вѣра! позвалъ ее Рядновъ, чувствовавшій себя виноватымъ послѣ вчерашней сцены съ монахиней, виноватымъ тѣмъ болѣе, что жена ни однимъ словомъ не дала ему понять этого. Такъ же ровна и ласкова была. — Вѣра, „Кирь-царь-Персидскій“ пришелъ.

— Это вы меня? напыжился Дороцкій.

— Да.

Вѣра радушно съ нимъ поздоровалась, при чемъ онъ сдѣлалъ меланхолическіе глаза, вздохнувъ, подержалъ ея руку въ своей на секунду дольше чѣмъ слѣдовало бы, потомъ, словно отрывая что-то отъ сердца, опустилъ ее и взбилъ свою шевелюру.

— Ну, чтѣ вы писали за это время? весело спросила она у него.

— Я... ничего... Страдалъ молча.

— Боленъ былъ? обратился къ нему Александръ Петровичъ.

— Да, обрадовался тотъ случаю. — Тутъ, знаете, въ сердцѣ... У меня вѣдь аневризмъ... Я умру разомъ... Отличная смерть, все неудобство не для меня, а для окружающихъ. Бацъ и готовъ!

Онъ зажмурился. Представилъ себя умирающимъ и самъ расчувствовался. Когда онъ открылъ глаза, на нихъ были слезы.

— Чтѣ съ вами? участливо заговорила Вѣра. — Вы въ самомъ дѣлѣ не хороши.

— Я знаю и не боюсь...

И потомъ точно въ раздумьи продекламировалъ, по обыкновению совравъ:

И только гробъ его увидя —
Какъ сильно чувствовалъ поймутъ
И какъ любилъ онъ, ненавидя!..

— Да, братъ, ты и на видъ плохо! покачалъ головой Рядновъ, хорошо понимавшій Кира.

Тотъ бросился къ зеркалу и струсилъ, самъ себя показавшись блѣднымъ. Даже языкъ высунулъ. Его привелъ въ себя только смѣхъ Александра Петровича.

— Ну, у васъ, у художниковъ, всегда глупыя шутки.

Потомъ съ разсѣяннымъ видомъ подошелъ къ картинамъ разставленнымъ на мольбертахъ.

— Эге-ге-ге... да это все новенькое... Великолѣпно, удивительно!.. Восторгъ... Это просто, — и онъ поцѣловалъ

кончики своихъ пальцевъ, — ну, Александръ Петровичъ, да вы давно такими образцовыми произведеніями не дарили насъ. За послѣднія десять лѣтъ я ничего у васъ не помню подобнаго этому...

Еслибъ онъ обернулся къ Ряднову, его болтливый языкъ навѣрное прилипъ бы къ гортани. До того тотъ сдѣлался мраченъ.

— Да, да... разливался Кирь-царь-Персидскій. — Поздравляю, отъ души поздравляю... Ну куда имъ, молодымъ, сравниться съ этимъ... И не сравниться даже, а только подойти... Никогда. Ничего подобнаго. Знаете это мнѣ напоминаетъ первую вашу выставку, когда вы сразу сдѣлали себѣ такое колоссальное имя. Потомъ вы, злодѣй этакій, хуже стали работать. И это замѣтили, но теперь, теперь всѣ признаютъ что вы до подобной высоты и не доходили еще... Удивительно!

Вѣра въ это время выходила изъ комнаты. Она вернулась, чтобы услышать недовольный и мрачный голосъ своего мужа.

— Чего вы раскудахтались!.. Это вовсе не мое. Я ничего кромѣ тѣхъ первыхъ эскизовъ не сдѣлалъ. Это все работы моей жены.

„Кирь“ растерялся; онъ потоптался на мѣстѣ, безпомощно посмотрѣлъ по сторонамъ и опять принялъ глубокомысленный видъ.

— Ну, это понятно, ваша школа на всемъ видна. Великолѣпно... Какая манера! — вы передали ей вашъ священный огонь... О, вы должны гордиться! Очень гордиться...

— Что объ насъ толковать, желая отвести его въ сторону сказала Вѣра, — вы бы прочли свое что-нибудь. Мы такъ давно не слыхали хорошихъ стиховъ.

— Да у меня право ничего нѣтъ... слабо отбивался онъ, оглядываясь на Ряднова, не попросить-ли и тотъ его.

Но Рядновъ хмуро молчалъ.

— Пожалуйста, умоляла его Вѣра. — И Александру Петровичу интересно будетъ...

— Ну, если Александру Петровичу... то... пожалуй... Это, знаете, рисуется состояніе души моей...

Волосамъ досталось опять; вздохнувъ ихъ достаточно для того чтобы казаться вдохновеннымъ, онъ вышелъ на середину комнаты и началъ:

Нѣтъ — я избѣрился! Надеждою безиллюдной
Душа не гѣшится... Поблекнули мечты.
Такъ поздней осенью туманной и холодной
Съ вѣтвей увядшіе уносятся листы...
Идетъ зима опять... Опять завоюетъ вьюга,
И будетъ жизнь моя беззвучна и темпа.
Вы рано сорваны, живыя розы Юга,
Ты рано отошла, души моей весна!..
Я вѣрился...

Тутъ онъ обернулся къ Вѣрѣ Васильевнѣ и повтѣрилъ:

Я вѣрился, что меня она полюбитъ страстно,
Что чувство жаркое въ ея душѣ живой
Могучимъ полымемъ раскинется и властно
Охватитъ жизнь ея... Что объ руку со мной
Она пойдетъ туда, гдѣ солнцемъ незакатнымъ
Насъ слава вѣчная таинственно манитъ,
Въ тотъ міръ великихъ дѣлъ, гдѣ вихремъ благодатнымъ
Борьба все спящее и мертвое живить.

Лицо поэта сдѣлалось мрачнымъ, онъ приподнялся на носкахъ и простеръ руку впередъ.

Одинъ, всегда одинъ, не тратя даромъ силы,
Не вѣря никому, я росъ какъ великанъ,
Хотѣлъ заставитьъ жить безмолвныя могилы,
У ногъ своихъ (персть внизъ) — смиритъ могучій океанъ,
Изъ камня выдавить души горячей слезы,
Въ позорной слабости титановъ воскрешать,
Не вѣря небесамъ — заставить даже грозы
Передъ людскою грозой покорно замирать...
Была рука крѣпка и сердце было твердо...
Обманутый — въ себя я вѣры не терялъ...
Осмѣянный людьми — презрительно и гордо
Упорно шелъ впередъ и выи не склонялъ.

Бросая я вызовы—въ отвѣтъ на оскорбленья,
Молчалъ на клевету и не искалъ друзей,
И одинаково я полонъ былъ презрѣнья
Къ безсилію рабовъ и къ злобѣ палачей...

Рядновъ не слушалъ его. Онъ посмотрѣлъ какъ-то на Вѣру, и его поразили страдальческій видъ жены. Онъ вспомнилъ все послѣднее время, вчерашній день, подумалъ какъ она должна была мучиться, и вмѣстѣ съ сознаниемъ своей неправоты, что-то грустное прокралось въ его ожесточившуюся душу. Пока Кирь-царь-Персидскій декламировалъ, вращая глазами и пучась, Александръ Петровичъ мысленно клялъ себя и невольно умилялся передъ долготерпѣніемъ своей жены. Такая молодая, талантливая, красивая... такъ любить его... а онъ?.. И художникъ поймалъ руку жены и тихо пожалъ ее. Вѣра вздрогнула, посмотрѣла на него благодарно и чуть-чуть прижалась къ его плечу своимъ.

— Ну, а дальше? вдругъ развеселился Рядновъ.

— Какъ вы находите это? мрачно спрашивалъ поэтъ.

— Великолѣпно! поддержала его Вѣрочка.

— Великолѣпно, да? И это говорите вы... вы, которая... Развѣ вы можете понять что каждый звукъ этихъ стиховъ, капля за каплей точился кровью изъ моего сердца!.. И вы... вы...

Онъ отчаянно помоталъ головой, отмахнулся рукой, подошелъ къ окну и прижался къ его стеклу какъ будто пылающей головой.

— Вы насморка не боитесь? спросилъ его Рядновъ.

— А что? отскочилъ Кирь.

— Такъ... Именно такимъ образомъ простуживаются.

Кирь-царь-Персидскій потрогалъ себя за носъ, точно желалъ убѣдиться: на мѣстѣ-ли онъ.

— Ну, а дальше? приставала къ нему Вѣра.

— Дальше?.. Зачѣмъ смущать вашу покой! Дальше рассказывается трогательная, но къ сожалѣнію обычная исторія, какъ поэтъ полюбилъ... Какъ его избранница вышла за другаго и уѣхала, а онъ остался одинъ, одинъ съ своей тоской... Да, одиночество—удѣлъ великихъ... Тотъ кто хочетъ оставить свой слѣдъ въ исторіи человечества, долженъ выстрадать сначала и быть одинъ, одинъ, одинъ...

И онъ вдругъ всталъ въ третью позицію. Носки врозь и локти фертомъ—вотъ-вотъ сейчасъ пустится выдѣлывать четвертую фигуру кадрили.

И вотъ разбито все любимую рукою,
Надъ нами въ небесахъ не грянула гроза...
А твой алтарь въ пыли... Нѣтъ Бога надо мною,
Не свѣтять мнѣ твои прелестные глаза.
Опять я одиночекъ. Уже не тотъ могучій
Ростетъ во мнѣ боецъ, что смѣло шелъ на бой—
Кругомъ зловѣщія все заслонили тучи,
Нѣтъ цѣли, нѣтъ пути, и тьма передо мной!..
А звѣздочка моя...

И онъ опять устремилъ меланхолическій взглядъ на Вѣру.

что ярко такъ свѣтила,
Невѣдомо куда, загадочно ушла...
За то кругомъ, грозя, растетъ иная сила,
Бушуетъ океанъ ликующаго зла...

Вѣра посмотрѣла на мужа и чуть не фыркнула, до того смѣшливо смотрѣлъ онъ на Кира.

— Ну что, какъ?.. спросилъ тотъ у Ряднова.

— Отлично, шалопай вы этакій!.. Очень хорошо... чего лучше...

— А вы какъ находите?.. Вы, подчеркнулъ онъ,— вы, Вѣра Васильевна?

Онъ постарался придать своему голосу и лицу нѣчто внушительное.

— Да... очень... Кофе хотите?

— Кофе!—поэтъ казался слетѣлъ съ небесъ на землю.— Кофе... Что жъ, давайте пожалуй.

Онъ сказалъ это такъ трагично, точно готовился принять синильной кислоты, — рѣшительнымъ и глухимъ голосомъ.

Вѣра едва удерживалась отъ хохота.

— Со сливками или съ ромомъ?

— И со сливками и съ ромомъ...

Пропадай де все на свѣтѣ—умирать такъ умирать съ трескомъ.

XIV.

Не прошло и дня какъ случилось посѣщеніе Дороцкого, совершенно неожиданно для Вѣры.

Все это время Рядновъ былъ съ нею удивительно внимателенъ и добръ. Она уже думала что вернулись счастливыя времена ея пріѣзда сюда изъ монастыря и первой половины ихъ заграничнаго скитальчества. Онъ казался забылъ самого себя, заставлялъ ее работать и готовиться къ выставкѣ. Она не хотѣла было посылать на нее своей „мазни“, какъ сама шутя говорила.

— Ну, ну! хмурился онъ.—Ты вѣдь моя ученица, слѣдовательно нечего разговаривать, дѣлай что тебѣ велятъ.

— Да примуть-ли?

— Передвижная-то?.. Нашла о чемъ спрашивать!.. Ты, кажется, о себѣ слишкомъ скромнаго мнѣнія. Я бы тебѣ не совѣтовалъ этого. У насъ надо держать носъ выше и прежде всего знать себѣ цѣну.

— Почему это?

— А потому что иначе затрутъ. А вы какъ полагали?

— Ты что выставишь свое?

— Ну, наша о комъ говорить—моя пѣсенка свѣта. Я теперь буду твоими интересами заниматься. Выставлю только послѣднія двѣ картины и баста.

Утромъ принесли газеты и положили ихъ на столикъ къ Ряднову. Вѣрочка попрежнему вставала рано и работала пока ея мужъ еще спалъ. Она дорожила солнцемъ и особенно утреннимъ. Оно будило въ ней какую-то невыразимую бодрость души. Да и шума на улицахъ еще не было, оказывалось возможнымъ писать не закрывая оконъ и любясь въ минуты усталости царственнымъ силуэтомъ Исаакія, такъ величаво выдѣлявшимся на блѣдномъ фонѣ сѣвернаго неба, и чахлою зеленью Сѣвера, хотя и не напоминавшею садовъ Капри и Сорренто, но все-таки составлявшею веселое пятно среди каменнаго великолѣпія окружавшихъ ее громадъ. Такъ и сегодня она сѣла дописывать небольшую картину, начатую еще въ Италіи. Она, какъ и во многихъ другихъ своихъ произведеніяхъ, черпала содержаніе изъ своего прошлаго. Заслушавшейся дѣвчкѣ съ разинутымъ ртомъ и жадно раскрытыми глазенками, больная и пожелтѣвшая монахиня рассказываетъ что-то... Это Вѣрѣ удавалось. Самъ Рядновъ находилъ эту картину лучшимъ изъ всего что она написала.

— Ты работаешь, Вѣра? послышалось изъ той комнаты.

— Да...

— Поди-ко сюда, почитай что этотъ шалопай Дороцкий наболталъ.

— О комъ?

— О тебѣ! Хвалить такъ что въ слѣдующій разъ ты должна будешь по крайней мѣрѣ заплакать отъ его стиховъ и тѣмъ утѣшить бѣдное, разбитое сердце.

Вѣра вошла къ нему и пытливо посмотрѣла въ глаза мужу.

Нѣтъ и тѣни прежняго раздраженія, смотритъ спокойно, только ироническая улыбка на губахъ.

— Читай-читай.

„Нашъ извѣстный и высокоталантливый художникъ А. П. Рядновъ на-дняхъ пригласилъ насъ въ свою студию...“

— И что онъ вретъ, никто не приглашалъ его, самъ навязался.

„Признаюсь, какъ и всегда, мы ожидали встрѣтить тамъ истинныя сокровища искусства, которыми такъ

часто дарилъ насъ авторъ „Ярославны на башнѣ терема“, „Петра и фрейлины Гамилтъонъ“, дивныхъ этюдовъ вывезенныхъ имъ изъ Греціи и Палестины, и многихъ другихъ картинъ, которыми, какъ своимъ неоспоримымъ національнымъ богатствомъ, въ правѣ гордиться Россія. Но оказалось что великій художникъ на сей разъ пожелалъ явить и великую душу. Въ самомъ дѣлѣ, онъ точно улитка спрятался пока въ раковину и, отговариваясь болѣзнью, далъ полный просторъ своей женѣ и ученицѣ В. В. Рядновой, замѣчательный талантъ которой подъ руководствомъ мужа развернулся съ невиданною пышностью. Правду говоря, мы сильно подозрѣваемъ, что лучшими свойствами сего послѣдняго, молодая артистка обязана тѣмъ, что взяла за идеалъ своего мужа. Она старается приблизиться къ нему и надо ей отдать справедливость, это удалось ей свыше всякой мѣры. Между ея вещами...

— Какъ это глупо, прервалъ Рядновъ, — „вещица“! Серьезная работа у нихъ называется вещицами.

„Между ея вещицами есть нѣсколько напоминающихъ произведенія Ряднова въ лучшую пору полного расцвѣта его генія. Я думаю, онъ самъ не отказался бы подписать подъ ними свое имя. Я не говорю о жизненности этихъ картинъ и глубокой наблюдательности обнаруженной въ нихъ молодою „maestra“; надо видѣть какъ онѣ написаны!.. Такъ у насъ давно не пишутъ, — тщательно, внимательно, съ полнымъ уваженіемъ къ своему дѣлу... Мы смѣло можемъ говорить и теперь уже, что какъ колористка г-жа Ряднова можетъ занять мѣсто наряду съ лучшими нашими художниками; что же касается до таланта, то она выше ихъ всѣхъ головою... Особенно хороши ея эскизы далекаго Юга, откуда она только что вернулась. Но въ этомъ отношеніи посовѣтуемъ ей не злоупотреблять пестротой красокъ умѣстныхъ тамъ и яркостью письма не соответствующаго сѣренькой нашей дѣйствительности. Закончимъ нашъ совѣтъ ей словами поэта:

Но не мѣняй на солнце Юга
Художникъ родину свою,
Есть красота въ твоёмъ краю...
Улыбка робкая недуга,
Свѣтъ умирающаго дня
Равно прекрасны для меня,
Какъ пышный блескъ красы здоровой...
Останься здѣсь въ странѣ суровой,
Душою вмѣстѣ съ ней болѣй,
Не зная свѣта и свободы,
О горѣ родины твоей!..“

— Это, видишь-ли, у нихъ называется рецензія. Наставилъ восклицательныхъ знаковъ, раскудахтался, захлебнулся прилагательными — и готово. Ни недостатковъ не указано, ни достоинства твои не выдвинуты какъ слѣдуетъ. Ты кажется не особенно радуешься?

— Я нахожу это пока незаслуженнымъ.

— Ну, привыкай. Одни такъ со слѣпу и скороговоркой хвалить, а другіе съ пѣной на губахъ накинута и изорвутъ въ клочки. Все, другъ мой, будетъ, все!..

Но на другой же день послѣдовала полная перемѣна декораций.

У Ряднова были друзья и много, а также не мало значило и враговъ, когда-то оскорбленныхъ его высокомеріемъ или просто не выносившихъ угловатостей, присущихъ каждому большому таланту. Эти господа разумѣется воспользовались случаемъ напомнить художнику о своей враждѣ. Замѣтка Дороцкаго дала имъ для этого основательный поводъ.

Утромъ Вѣра не узнала своего мужа.

Онъ вошелъ въ мастерскую мрачный и озлобленный и, швырнувъ ей какую-то скомканную газету, только и могъ проговорить:

— Прочти.

Она сначала взглянула на него. Онъ былъ желтъ и казался измученнымъ, но лицу бѣжали нервныя судороги.

— Что случилось?

— Прочти, говорятъ тебѣ!

— Гдѣ, что?

— Да вотъ здѣсь, въ „Новостяхъ печати“... Отдѣлъ у нихъ такой!

Она отыскала. „Невѣдомый зоилъ“, взявъ изъ вчерашняго сообщенія Кира-царя-Персидскаго нѣсколько строкъ, сдѣлалъ къ нимъ громадное примѣчаніе „отъ себя“.

„Поняли-ли вы читатели что-нибудь въ этой обычной белибердѣ нашего прихлебателя всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ мастеровъ, которыхъ мы по свойственному намъ добродушію называемъ художниками? „Истинныя сокровища искусства“ въ мастерской г. Ряднова. Признаемся, это сильно сказано! Очень сильно! Лилии и розы — въ хлѣву. Можетъ быть и бываютъ, да мы-то ничего подобнаго не видавали. Г. Рядновъ, сія наскоро испеченная, горячо подавшая и разомъ всѣмъ пріѣзжая всероссійская знаменитость, созданная рекламой и для рекламы — оказывается *гордостью Россіи!* Можетъ быть это гордость г. Дороцкаго отождествляющаго себя съ Россіей. Вѣдь для поэтовъ и... законъ не писанъ. Изболтался, исписался вѣчно повторявшійся г. Рядновъ, самому ему опостыдѣли его произведенія, дошелъ онъ до полной протраціи — и вотъ у услужливаго диѳирамбиста является готовое оправданіе: г. Рядновъ показываетъ свою *великую душу* и прячется въ раковину. Заболѣй завтра г. Рядновъ разстройствомъ желудка — вѣроятно и въ этомъ г. Дороцкій отыщетъ нѣчто изумительное, одно изъ проявленій титанической природы *гордости Россіи*. Попалась г. Ряднову въ руки талантливая ученица дѣйствительно, научилъ онъ ее держать кисть, а дальше, если у нея есть искра Божья, разумѣется она пошла сама — и вотъ оказывается, что сей заурядный художникъ передалъ ей тайну искусства. Изволите видѣть — она безъ него пропала бы, бѣдная. Намъ искренно жаль начинающую г-жу Ряднову. Если она даровита, то подъ такимъ руководствомъ живо утратитъ все что въ нее вложено природой, а взамѣнъ пріобрѣтетъ мертвящую правильность академическаго рисунка и станетъ зализывать свои картины, какъ зализываетъ свое „божественное“ письмо г. Рядновъ, или начнетъ тщательно выдѣлывать комаринымъ носомъ миниатюры, относящіяся скорѣе къ ювелирному дѣлу, чѣмъ къ искусству. Уже и теперь, насколько мы могли сообразить изъ стихотвореній въ прозѣ неудобопонятнаго г. Дороцкаго, г-жа Ряднова грѣшитъ пестротой красокъ и яркостью, т. е. приближается къ банальному и суетному творчеству своего бездарнаго, не въ мѣру захваленнаго и нынѣ почти забытаго мужа. О глупыхъ стихахъ, приведенныхъ въ заключеніе своей замѣтки г. Дороцкимъ, мы не говоримъ. Онъ въ этомъ отношеніи не исправимъ и съ нимъ мы давно покончили свои расчеты...“

— Нѣтъ, каково! точно сорвался съ мѣста Рядновъ.

— Подло, ничего больше.

— Какъ ты это спокойно...

— Да развѣ можно раздражаться этою мерзостью! Вѣдь тутъ все отъ первой до послѣдней строки грязь, личность, клевета и ложь. Кто это писалъ?

— Тоже художникъ, только изъ непризнанныхъ. Пробовалъ онъ выставять свои картины...

— И не продолжай пожалуйста! вспыхнула Вѣра. — Я — дѣвчонка въ сравненіи съ тобой, да и то очень мало трогаюсь этими глупостями.

— Еще бы! Тебя онъ не задѣлъ...

— Полно, Александръ Петровичъ...

— Нѣтъ, знаешь, мнѣ это надоѣло наконецъ... Выбери себѣ какой-нибудь псевдонимъ и не выходи въ публику подъ моимъ знаменіемъ. Это, знаешь, и для тебя, и для меня одинаково невыгодно. Тебя будутъ

Въ кружалъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Кошелева, грав. Шюблеръ.

ругать за меня, а меня, желая уязвить, постоянно будить укорять тобою...

— Какъ хочешь, покорно вздохнула она.

— Да чортъ возьми, не вздыхай ты пожалуйста, не играй роль жертвы... Что касается меня, то теперь докторовъ къ чорту! До выставки остается два мѣсяца съ половиной и даже всѣ три. Я успѣю кончить начатыя картины. Посмотримъ, кто кого... Меня, видите-ли, *забыли!* Я „бывшій“ художникъ, ну такъ я имъ напомню о себѣ. Съ сегодняшняго же дня за работу!..

— Послушай, побереги себя... свои глаза.

— Вотъ-вотъ... предоставь право тебѣ одной блистать... Г-жа Ряднова—затмившая своего мужа, г-жа Ряднова — ученица перецеголявшая своего учителя.

— Какъ тебѣ не стыдно!..

— Какъ *вамъ* не стыдно, Вѣра Васильевна! Вы всѣмъ обязаны мнѣ, да, всѣмъ. Если бы не я — вы бы до сихъ поръ кисли у себя въ монастырѣ, въ прекрасномъ обществѣ моей сестрицы, присноблаженной матери Серафимы и старыхъ дурь, выжившихъ изъ ума. И вы еще смѣете меня укорять, указывать, что я долженъ дѣлать! Нѣтъ, довольно. Слишкомъ много я забывалъ себя для васъ, показывая свою великую душу, по выраженію Дороцкаго. Теперь attendez. Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ. И вотъ что—эта мастерская съ нынѣшняго дня нужна мнѣ. Вы для работы наймите старую вашу комнату у Марьи Францовны внизу. Такъ мы другъ другу мѣшать не будемъ. А впрочемъ, если вамъ это неудобно, то я возьму, и буду ходить туда писать... Я, видите-ли, только привыкъ къ *моей*

мастерской. Что дѣлать, у насъ, у старыхъ, у забытыхъ художниковъ свои капризы!

— Хорошо, Саша, я сейчасъ пойду и распоряжусь.

— Отлично! Свои картины перенесешь туда. И тебѣ, и мнѣ удобнѣе будетъ такъ.

Глотая слезы, Вѣра вышла вонъ и войдя въ спальню опустила на колѣна передъ образомъ Черниговской Богоматери, которымъ ее благословили въ монастырѣ.

— За что, за что!.. только и могла проговорить она глухо рыдая и стараясь чтобы *тамъ* не услышали ее.— За что!..

И ей вспомнился миръ и покой обители; торжественный и важный говоръ колоколовъ, тѣнь отъ монастырскихъ стѣнъ, подъ защитой которыхъ стоитъ ея домикъ; тишина и мистическая тайна стараго храма, черные силуэты добрыхъ бабушекъ,—какъ далеко теперь все это, какъ далеко!..

— Что это?.. вошелъ ея мужъ.—Драматическое представленіе съ колѣнопреклоненіемъ?.. Вы знаете, я боленъ — если возможно, избавьте меня отъ этого!..

Вѣра поднялась и вышла вонъ, не отвѣтивъ ему ни слова.

На этотъ разъ она была оскорблена. Она молилась о немъ когда онъ вошелъ къ ней.

Марья Францовна внизу обрадовалась.

— Я знала!.. Мастерская вашего мужа слишкомъ мала для обоихъ. Вы мнѣ позволите вынести отсюда лишнюю мебель... Вамъ для работы она не нужна. Свѣта вамъ будетъ здѣсь вдоволь.

И къ вечеру Вѣра устроилась.

(Продолженіе будетъ).

Стихотворенія

Кп. Д. Н. Цертелева.

I.

Бывало, вечеромъ вѣзжаю одиноко,
Зимой, въ глухой, уѣздный городокъ;
Соборъ, ряды, правленье видны издалека,
Потомъ управа и острогъ.

Безлюдно все кругомъ—ни говора, ни шума;
Не слышно въ голыхъ ветлахъ и грачей,
И окна черныя всѣ смотрять такъ угрюмо
На снѣгъ пустынныхъ площадей;

Но вдругъ и площади, и улицу, и зданья
Огонь волшебный разомъ озарить,
И городъ вспыхнетъ весь отъ яркаго сіянья,
И каждое окно горить...

А за лѣсомъ заря, блѣднѣя, догораетъ,
Все уже, уже алая черта,
И вмѣстѣ съ ней бѣжитъ, скользитъ и угасаетъ,
Заемной жизни блескъ и красота.

II.

Смеркается; знакомыми полями
Подходить поѣздъ къ станціи; лѣсокъ
И мельница за прудомъ и кустами...
Еще минута—и звонокъ!

А тройка ждетъ уже — тревоги, горе,
Забыто все, и хочется скорѣй
Уйти и потонуть въ нѣмомъ просторѣ
И тихомъ сумракѣ полей.

III.

Да, пламя жгучее въ груди не угасаетъ...
Его минутный яркій блескъ исчезъ,
Пылающимъ костромъ оно не озаряетъ
Кровавымъ заревомъ луга и лѣсъ,
Ночь надвигается все ближе и чернѣе,
И въ искрахъ дождь не брызжетъ золотой;
Но угли жаркіе лежатъ на сердцѣ тлѣя,
Пока не стануть пепломъ и золой.

IV.

Когда поднимается туча средь блеска дневнаго
И вдругъ надвигаются холодъ и тѣнь,
Не бойся—гроза пронесется безслѣдно и снова
Заблещетъ весенній сверкающій день.
Пускай безпощадно тебя увлекаетъ и тянетъ
Бездонная пропасть промчавшихся лѣтъ,
Пусть ночь непробудная грозно въ лицо тебѣ глицеть —
Не бойся, и *тамъ* загорится разсвѣтъ.

Кто-же?

Разсказъ Петра Дорошенко.

(Продолженіе).

— Изъ вашей рѣчи вытекаетъ, что ваши отношенія къ покойной графинѣ были настолько же тяжелы, какъ и дурны, сказала я, — впрочемъ, оно и не могло быть иначе.

— Не перетолковывайте того, что я говорю, твердо возразила она.—Я постараюсь ихъ характеризовать краткими словами. Во время ея, пожалуй хоть нервной, болѣзни, графиня возненавидѣла меня безъ причинъ. Впослѣдствіи, когда горе стихло, она продолжала относиться ко мнѣ враждебно, горько попрекая меня тѣмъ, что, въ ущербъ ея правамъ, я завладѣла исключительно любовью ея сына.

— Конечно и это также было напрасно?

— Съ ея точки зрѣнія—нѣтъ. Но сердце не машина, имъ управлять нельзя. Странная, молчаливая, вѣчно-тоскующая мать, помимо своей воли, порой отталкивала беззаботнаго, умнаго, живаго мальчика.

— И при взаимодействіи враждебныхъ вліяній, полное отчужденіе легко достигалось?

Она съ невыразимой грустью покачала головой.

— Право, несправедливо на меня одну взваливать всѣ тяжелыя явленія въ этомъ домѣ! Georgy не далеко; въ вашей волѣ

опросить и его. Подучить я не успѣла. Истина неподкупна въ устахъ младенца. Онъ одинъ въ состояннн разсѣять ваше предубѣженіе.

Изъ самоувѣренности ея тона я заключилъ, что мальчикъ не иначе смотритъ на все, какъ ея глазами, и что всякая очная ставка лишь укрѣпила бы за ней очевидное преимущество.

— Я, кажется, помѣшалъ вамъ высказаться вполне насчетъ вашихъ отношеній къ покойной?

— Столкновѣній или стычекъ, даже самыхъ мелкихъ, между нами никогда не было. Я сошлюсь на Miss Maxwell и всѣхъ остальныхъ домашнихъ. Но тѣмъ не менѣе, она, безпредѣльно добрая ко всѣмъ, ко мнѣ одной относилась свысока, избѣгалъ подарить меня простымъ словомъ. Я все носила покорно, какъ заслуженную кару сознаваемого преступленія, а между тѣмъ хорошо знала, что не ревность и не оскорбленное самолюбіе руководили ею. Она вышла замужъ не любя графа, изъ-за какихъ-то восторженныхъ бредней, измышленнаго самоотверженія ради семьи, и скоро худо-скрываемаго холодность уступила мѣсто раздражительному пренебреженію. Впрочемъ, для этой сложной природы человѣческой увлеченія навѣкъ остались мертворою буквой. Она сердце свое дробила всѣмъ страждущимъ, щедротами такъ и сыпала вокругъ себя, а всѣ близкіе: мужъ, сынъ, братъ, даже сестры, неоспоримо, въ извѣстной степени, пострадали отъ нея. Она стремилась къ ихъ благу по своей мѣркѣ, а не въ силахъ была совладать ни съ жизнью, ни съ волною страстей. Конечно, не мнѣ судить о ней, смиренно заключила она, опуская глаза долу.—Теперь, въ лучшемъ мѣрѣ, она ясно можетъ читать въ моихъ помыслахъ и убѣдиться, что постоянно проявляемое мною уваженіе было не лицемѣрною маской, а молчаливою данью хотя и грѣшного, но сокрушеннаго сердца!

Эти слова звучали такимъ искреннимъ порывомъ, что я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее. Она уловила этотъ взглядъ.

— Да, эта аномалія васъ поражаетъ. Вы не можете такъ быстро отречься отъ надежды отыскать во мнѣ одну изъ нравственныхъ причинъ ея смерти, а никто сильнѣе меня не потрясенъ этимъ ужаснымъ эпизодомъ; никто, навѣрное, искреннѣе меня не оплакиваетъ ея безвременную кончину. Какъ въ былое время я не задумалась бы бѣжать на край свѣта, если бы мое исчезновеніе могло водворить согласіе у разбитого домашняго очага, такъ точно и нынѣ я съ восторгомъ отдала бы свою бурную жизнь, чтобы предохранить ея мирные дни, въ сознаннн что на вѣсахъ Всепрощающаго Суднн эта жертва послужила бы мнѣ искупленіемъ!

Несмотря на мистическое возбужденіе, преобразившее ея страстный взоръ, эта выходка положила конецъ минутному колебанію. Она хватилась черезъ край, и достаточно было припомнить нѣмую сцену нашей случайной встрѣчи, чтобы оцѣнить по достоинству ея дешевое краснорѣчіе.

Соображая, какъ перевести допросъ на другую почву, я разсѣянно спросилъ:

— За это послѣднее время не послѣдовало-ли ухудшенія въ вашихъ отношеніяхъ къ графинѣ? Случай или обстоятельства не сводили-ли васъ ближе?

— Напротивъ, живо возразила она.—До васъ вѣроятно дошло извѣстіе о благотворной перемиѣнѣ совпадающей съ нашимъ прїѣздомъ въ Элворазъ. Она даже и на мнѣ отразилась. Обращеніе графини со мною стало мягче. Я до того дорожила этимъ смыслождненіемъ, что вслѣдствн старалась ступеньватъса передъ нею. Miss Maxwell сопровождала Georgy при ежедневныхъ вечернихъ посѣщеніяхъ. Вотъ уже три недѣли, что моя нога не переступала порога ея покоевъ. Это всѣ знаютъ, всякій подтвердитъ.

Она привела эту ничего не значущую подробность съ такою горячностью, невольно наирая на нее, что мнѣ взбрела на умъ чуткость подсудимаго, предугадывающаго опасность и старающагося заблаговременно выгородить свою личность.

— Мнѣ любопытно было-бы узнать, чему вы, по собственному наблюденію и выводу, приписываете самоубійство графини Клемецкой?

— Какъ чему? Вѣдь это яснѣе дня—внезапной вспышкѣ стараго недуга. И къ тому-же—примѣръ Корина. Покончить съ жизнью изъ-за какихъ-то двухъ тысячъ рублей, когда графъ ежегодно тратилъ въ четыре раза больше на ихъ содержаніе, и ужъ конечно его заѣвшіе враги не попытаются упрекнуть его въ расчетливости. Тогда, въ Петербургѣ, всѣ доктора единогласно предписывали слѣдить за нею. Оказывается, что это не первый случай былъ въ семьѣ. Гнетущая, безпричинная меланхолія несомнѣнно можетъ довести до мономанн самоубійства даже и помимо наследственности. Какъ иначе объяснить суевѣрный страхъ, внушаемый братнинымъ нистолетомъ, и непреодолимую потребность держать его всегда передъ глазами? Ничья рука не смѣла до него прикасаться. Мнѣ во всей этой драмѣ сказывается грозное предопредѣленіе, которое болѣзненно тяготѣло надъ графиней. Она словно предвидѣла, что рано или поздно прїбѣгнетъ къ нему.

— А можете себѣ представить, и съ перваго впечатлѣнія усомнился въ самоубійствѣ, да и теперь, признаться, плохо въ него вѣрю.

Я глядѣлъ на нее въ упоръ. Она выдержала приступъ. Сла-

бое содроганіе въ разрѣзѣ рта едва намекнуло на душевную тревогу.

— Что-же, по вашему, ее убили?

Голосъ не выдалъ фальшивой ноты.

— Какъ-же иначе?

— Никто посторонній не могъ проникнуть въ ея спальню. И къ тому-же Барвара удостовѣряетъ, что всѣ драгоценности цѣлы.

— Развѣ только на брилліанты да на деньги польститься можно?

— На что-же другое? Я, право, не понимаю, съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣтила она.

Тяжелое молчаніе длилось нѣсколько секундъ.

Отступать было поздно.

— Упроченное, блестящее положеніе, графская корона, сознайтесь, никогда вамъ не снились?

И я нарочно отчеканивалъ слова.

— Мнѣ? Мнѣ!? воскликнула она съ расширенными зрачками.—Боже Праведный! да вѣдь онъ меня подозрѣваетъ!

Негодование, стыдъ и мука выразились за-одно въ ея бархатномъ взорѣ. Она не опускала его, какъ-бы подчеркивая, что страхъ ей остается чуждымъ.

— Теперь вамъ всѣ шансы открыты заступитъ ея мѣсто; вашу энергическую натуру борьба не устрашитъ. Свѣтскія условія сломили ее, а вамъ сущая бездѣлица покорить предрасудки. Что-же вы теперь молчите? Отчего не пытаетесь опровергнуть мои подозрѣнія?

— Оттого, что я не желаю унижить себя до подобнаго объясненія. А подозрѣваете-ли вы, въ свою очередь, что меня всего болѣе занимаетъ въ настоящую минуту?

Я озадаченно поглядѣлъ на нее.

— Твердая увѣренность что я впервые въ жизни встрѣчаюсь съ вами и ясное сознаніе что вы уже предвзятымъ врагомъ переступили этотъ порогъ. Чѣмъ могла я передъ вами провиниться? Развѣ вы знали... можетъ быть любили ее?

И она повелительно-проницательнымъ взглядомъ прожигала меня.

— Я вчера вечеромъ въ первый разъ узналъ о существованн графини Клемецкой, невозмутимо отвѣтилъ я, прїбѣгалъ къ іезуитской лазейкѣ.

— Странно. Я было догадался... но не объ этомъ рѣчь. Теперь я вижу ясно, что моя чистосердечность пропала даромъ. Предубѣжденіемъ начали—довершили оскорбленіемъ. Что-жь, вольному воля. Изощряйтесь въ провицательности, проявляйте настойчивость, и вамъ, можетъ статься, посчастливится обратить меня изъ свидѣтеля въ подсудимую.

Она скрестила руки на груди, и слегка приподнявъ голову, съ насмѣшливымъ, дерзкимъ выраженіемъ въ сверкавшихъ глазахъ, бросила мнѣ вызовъ.

Трогательное воплощеніе страждущей, приниженной, но любящей женщины не отуманило меня; все стараніе пропало даромъ. Она своенравно, быстро возвратилась къ своей настоящей, эмѣнной натурѣ.

Къ чему долѣе лицемѣрить? Она знала, что опирается на тщательно подготовленную безнаказанность, и заранѣе предвкушала свое торжество надъ моимъ напраснымъ стараніемъ.

— Я здѣсь въ интересахъ правосудія, и совѣсть не дозволяетъ мнѣ уклониться на іоту отъ возложенной обязанности.

— Правосудіе... совѣсть... пустыя слова! возразила она занальчиво.—Имъ въ угоду безнаказанно можно оскорблять беззащитную женщину, иностранку, не задумываясь надъ отсутствіемъ малѣйшей улики.

— Вашимъ показаніемъ завершается слѣдствіе. Но я лично не буду имѣть покоя до той минуты, пока не доконаюсь до таинственнаго побужденія къ самоубійству графини. Если вы невинны, вы отъ всего сердца должны мнѣ пожелать успѣха. Это вѣрнѣйшее средство облить васъ на-вѣки.

— А если виновна? вы это докажете?

— Съ Божіей помощью, спокойно отвѣтилъ я, отвѣшивая глубокой поклонъ.

Она долгимъ, недобримъ взглядомъ проводила меня до самаго порога.

„Да“, заключилъ я мысленно, „эта женщина умѣетъ ненавидѣть“.

XVII.

Въ уединенной тиши отведенной мнѣ комнаты, я долго трудился надъ приведеніемъ въ ясность добытыхъ мною свѣдѣній, и группируя факты, медленно воссоздавалъ картину тяжелой жизни, выпавшей на долю бѣдной Ольги, такъ довѣрчиво улыбавшейся грядущему.

Упорно взводимое на нее обвиненіе въ ненормальности умственныхъ способностей казалось мнѣ болѣе чѣмъ когда-либо хитро придуманною оговоркой недремлющей злобы. Виновность Derlong ярко очерчивалась передо мною, но я сознавалъ всю необходимость подкрѣпить нравственное убѣжденіе вѣскими данными, чтобы не нарушить слова, вытребованнаго Клемецкимъ, и имѣть какой-нибудь поводъ возбудить столь важное уголовное дѣло, вопреки ясно выраженному заключенію представителей полиціи и медицины.

Длинный, суетливо тревожный день истекъ, ничѣмъ не вознаградивъ моихъ страстныхъ поисковъ. Поздно вечеромъ, въ об-

Даръ Божій. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) в. Казачинскаго, грав. Флюгелъ.

Гнѣвъ Божій. Ориг. рис. (собств. «Нивы») в. Назачинскаго, грав. Флюгель.

ширной залѣ съ завѣшанными зеркалами, надъ тѣломъ графини, совершена была первая панихида.

Графъ сталъ у изголовья, съ блѣднымъ, угрюмымъ лицомъ, тщательно исполняя все предписываемое обрядомъ. Немного поодаль, скрестивъ обѣ руки на стоящей передъ нею стулѣ, и съ неподражаемою граціей склоняя изнемогающую голову, французенка привлекала общее вниманіе своею подавляющею скорбью и порывами страстной молитвы. Маленькій Юрій, прижавшись къ ней, съ боязливымъ любопытствомъ оглядывалъ эту мрачную обстановку смерти, машинально творя за отцомъ крестное знаменіе.

Въ отдаленномъ углу, гдѣ толпился темный людъ, раздавалось тихое всхлипываніе и сдержанное причитаніе.

По окончаніи службы, графъ тяжело опустился на колѣни; видимо превозмогая себя, заглянулъ съ затаеннымъ страхомъ въ лицо покойной, и посибно прикоснулся къ ея холодной рукѣ. Затѣмъ онъ подождалъ сына, приподнял его, и мальчикъ послѣдовалъ данному примѣру. Обводя присутствующихъ тусклымъ взглядомъ, графъ сдѣлалъ общій поклонъ, и не проронивъ ни единого слова, направился къ себѣ.

M-elle Derlong пыталась было послѣдовать за нимъ обѣ руку съ ребенкомъ, но онъ однимъ взглядомъ оставилъ ее. Тогда она круто повернулась, и не смотря на то, что подобно Miss Maxwell могла уклониться отъ тяжелого, чужеземнаго обряда, она твердыми, мѣрными шагами подошла къ покойницѣ.

Съ минуту она лежала простертою долу... Затѣмъ всѣ могли разглядѣть, при слабомъ мерцаніи высокихъ свѣчей, ея долгій, скорбный взоръ, застывшій на мраморномъ чель. Послушныя слезы мѣрно капали на бѣлое погребальное одѣяніе, и вдругъ, въ сильномъ порывѣ, она припала долгимъ, страстнымъ поцѣлуемъ къ рукамъ покойницы.

Сердце невольно содрогнулось во мнѣ при видѣ этой кощунственной игры. Когда она выпрямилась, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ, только тихій вздохъ вырвался изъ стѣсненной груди. Затуманенные глаза окинули присутствующихъ и остановились на мнѣ.

Ожидала-ли она награды за совершенный подвигъ? „Что жъ, нервы крѣпки, коль такъ владѣешь ими“, думалось мнѣ, и я зналъ что она прочла мою мысль.

Но остальные, навѣрно, оказались менѣе прозорливы чѣмъ я. Для нихъ-то, она изогнулась, судорожно схватила мальчика, отчаянно прижала его къ своей груди и, какъ бы изнемогая подъ наплывомъ ощущеній, шатаясь вышла изъ комнаты.

Я подошелъ къ старичку-священнику, молча разоблачавшемуся въ углу. Не прольетъ-ли онъ лучъ свѣта на терзающую меня загадку?

— Какое неожиданное и ужасное происшествіе стряслось надъ домомъ, батюшка! сказала я вполголоса.

— Вы судебный слѣдователь будете? спросилъ онъ, мгновенно оживляясь.

— Точно такъ.

— Неужели фактъ самоубійства законно подтвердился?

— Да, отвѣтилъ я. — Графиня наложила на себя руки въ придачу умопомѣшательства. Васъ это удивляетъ?

— Помилуйте, да развѣ это возможно! Въ самый этотъ день, Ольга Андреевна выслушала обѣдню, и какъ молилась! такъ одни ангелы на небѣ молятся. Зашла ко мнѣ чайку выпить, все совѣтовалась со мною о своей завѣтной мечтѣ, какъ бы лѣчебницу устроить у насъ на селѣ. Вѣдь она и съ жизнью-то примирилась лишь сознавая могучія средства для вспомошествованія близкому, ниспосланныя ей Самимъ Господомъ. Не то что успокоенною, а можно сказать радостною вышла она отъ меня, распорядившись на завтра своимъ днемъ, и вдругъ, въ эту самую ночь... Нѣтъ, воля ваша, а я этому никогда не повѣрю.

— Вы часто видали графиню?

— За этотъ послѣдній пріѣздъ нѣсколько разъ на недѣлѣ. Она разрѣшила мнѣ свободный доступъ по поводу всякой бѣды, — а въ крестьянскомъ быту развѣ ихъ мало встрѣчается. Да и сама частенько жаловала, о комъ-либо справиться или о чемъ посоветоваться. Она одно утѣшеніе признавала собственному горю—это облегченіе чужихъ печалей. Невозвратимая потеря всему околотку! Видно свѣтлая душа Богу повадилась, что онъ отнял ее у насъ, грѣшныхъ.

— Вотъ, батюшка, вы же сами тотчасъ упомянули о ея горѣ (я нарочно прибѣгалъ къ противорѣчію въ расчетѣ заставить его опредѣленнѣе высказаться); что же мудренаго если женщина нервная, болѣзненная, какъ многіе мнѣ ее описали, въ минуту возбужденія не совладала съ собою, не осилила тоски?

— Нѣтъ, сударь мой, я вамъ порукою что она не изъ такихъ была. Съ евангельскимъ смиреніемъ несла она свой крестъ. Не вольнодумствовала, не мудрствовала лукаво, а свято хранила завѣты Православной Церкви. И до болѣзненности-то что же и доведло ее какъ не душевное страданіе, какъ не тяжелый страхъ за братннѣ грѣхъ? Всю свою жизнь она замаливала его. Если бы вамъ хоть единый разъ довелось послушать какъ она скорѣла о немощи человѣческой, доводящей до отчаянія, какъ она тревожно, по-христіански измѣряла глубину этого страшнаго преступленія, посягающаго на милосердіе Божіе,—вѣрьте мнѣ, во-

преки всѣмъ доводамъ, вашъ умъ ни на минуту не примирился бы съ подобнымъ заключеніемъ!

— Изъ вашихъ словъ, батюшка, я долженъ понять что вы подозреваете здѣсь темное дѣло. Но указаній на преступленіе нѣтъ, а слѣдовъ убійства еще менѣе. Можете-ли вы мнѣ указать виновнаго, или хоть намекомъ облегчить задачу?

Онъ испуганно вскинулъ на меня свои кроткіе, старческіе глаза.

— Тайна сія превышаетъ мой умъ. Не мнѣ, смиренному служителю алтаря, изрекать необдуманно обличеніе своему близкому. Вы молоды, энергичны, вамъ власть предоставлена, твердо держитесь великаго слова: „ищите и обряцете!“ Я близко знаю душу покойной и благоговѣлъ передъ нею. Меня смущаетъ печать строптивости и отверженія, которою стремится на вѣкъ заклеить ея свѣтлый образъ. Церковь запрещаетъ молиться о заблудшихъ чадахъ своихъ, своевольно положившихъ предѣлъ своему бытію; ужели я такъ спокойно, съ такимъ твердымъ упованіемъ могъ бы взывать ко Господу о ново-преставленной страдальницѣ, если бы тѣнь сомнѣнія прокралась мнѣ въ душу?

И двѣ слезинки заблестали на его сѣдыхъ рѣсницахъ.

Тщетно послѣдовалъ я за нимъ; ничего болѣе существеннаго я отъ него добиться не могъ. На предлагаемые вопросы онъ отвѣчалъ односложно, видимо находясь подъ вліяніемъ двухъ преобладающихъ чувствъ: непоколебимой увѣренности въ невозможности самоубійства и тревожнаго опасенія напрасно обвинить близкаго въ злодѣяніи.

Всѣ до единаго были переспрошены мною въ этомъ многлюдномъ домѣ, а мракъ попрежнему оставался непропицаемъ.

XVIII.

Послѣ плотнаго ужина, товарищи мои по слѣдствію исправно завалились спать. Журиновъ совѣтовалъ мнѣ послѣдовать ихъ примѣру, присовокупляя что на другое утро чѣмъ скорѣе можно будетъ убраться въ городъ, тѣмъ лучше для всѣхъ. Я отмогался.

Не смотря на проведенную ночь въ тарантасѣ и на неожиданный ударъ сразившій меня въ Элворазѣ, необходимость отъѣзда не давала себя чувствовать. Лихорадочное волненіе удвоило только мои физическія силы.

Въ эту ночь все должно было рѣшиться. Послѣ отъѣзда доктора и исправника мнѣ не было никакого благовиднаго предлога оставаться подъ этою кровлею. Неутомимо шагала по комнатамъ, я подвергался еще неизвѣданной мукъ. Миѣние священника только сильнѣе укоренило созрѣвшее подозрѣніе. Убійство несчастной Ольги принимало въ моемъ воображеніи какъ бы осязательныя формы. Я слѣдилъ за нравственнымъ процессомъ, доведшимъ за эти четыре года убійцу до кроваваго преступленія. Она расчленивала сперва душевными страданіями извести свою жертву, но вопреки коварно придуманному плану, всѣ единогласно признали въ графинѣ замѣтное возстановленіе силъ. Надежда измѣняла, терпѣніе истощалось. Долой преграду!

Я, казалось, видѣлъ ее, крадущуюся въ ночной тиши, своею змѣиною поступью, по безмолвнымъ поклоямъ. Вотъ ужъ она приближается къ безмятежно спящей соперницѣ. Все тихо. Выстрѣлъ въ упоръ. Свершилось. Въ невольномъ страхѣ она дико озирается. Учащенное биеніе преступнаго сердца одно лишь нарушаетъ безмолвіе кровавой ночи. Но задача не вся исполнена. Обманувшая всѣхъ обстановка—плодъ задолго и хладнокровно намѣченнаго плана. Присутствіе духа не измѣнило ей—и въ упоеніи добытой безнаказанности, она беззвучнымъ видѣніемъ скользитъ и свершаетъ свой обратный путь.

Мнѣ чувствовался яркій лучъ истины въ воссозданной мною картинѣ, но нить, долженствовавшая предать въ мои руки торжествующаго врага, исчезала въ какомъ-то заколдованномъ кругу, и я въ изнеможеніи хватался съ отчаяніемъ за пылавшую голову.

Вдругъ, по какому-то наитію, во мнѣ пробудилось ненормальное желаніе посѣтить еще разъ комнату графини. Могъ-ли я надѣяться что укрывшееся при дневномъ свѣтѣ отъ тщательнаго розыска привычныхъ глазъ, попадетъ мнѣ внезапно при обманчивомъ колебаніи принесенной свѣчи? Я сознавалъ ясно всю безразсудность подобной попытки, и тѣмъ не менѣе не въ силахъ былъ противустоять пробудившемуся инстинкту, гнавшему меня впередъ.

Съ осторожностью вора, отправляющагося на опасный промыселъ, я пробрался мимо Журина и исправника, спавшихъ въ смежной комнатѣ, чтобы избѣгнуть докучливыхъ замѣчаній или насмѣшекъ.

Я хорошо запомнилъ топографическое распредѣленіе комнатъ, и безъ всякаго затрудненія дошелъ до столовой. Тутъ мнѣ представлялось два пути. Одинъ — черезъ залу, откуда долеталъ сдержанный голосъ дьячка, читавшаго монотонно Псалтирь надъ усопшею; другой — черезъ зимній садъ и уже описанный будуаръ.

Не желая несвоевременнымъ появленіемъ обратить на себя вниманіе и возбудить комментаріи чередующейся у гроба прислуги, я повято избралъ послѣдній.

Жутко было мнѣ войти въ комнату гдѣ все, за исключеніемъ опустѣлой кровати, сохранило неприкосновенно слѣды неразгаданной драмы.

Массивная серебряная лампада теплилась передъ кіотомъ, проливая слабій свѣтъ на темные лики Святыхъ и затрогивая косымъ лучемъ висящій портретъ молодого, красиваго Корина. Рядомъ съ постелью стояло кресло, на которомъ еще лежало снятое ею платье; изъ-подъ отброшеннаго одѣла выглядывалъ кончикъ бронзовой туфли, и съ неотразимой силою магнита приковывало глазъ широкое, бурое пятно на нѣжномъ фонѣ мягкаго ковра.

Я безсознательно вздрагивалъ, когда медленно выплывая изъ полутьмы, какой либо предметъ поражалъ меня своимъ фантастическимъ очертаніемъ, но съ неутомимою энергіею оглядывалъ по нѣскольку разъ злосчастное ложе, трогалъ великую вещь, ползалъ по полу, все отыскивая предательскій слѣдъ.

Напрасно усомнился я въ тщательности предшедшихъ поисковъ.

Такъ провелъ я томительнѣйшій часъ въ моей жизни, и по нуря голову, проклиная свое безсиліе, собирался уйти съ пустыми руками. Погруженный въ безотрадные мысли, я мимо-

ходомъ наткнулся на уголь письменнаго стола. Мы напрасно перешагивали въ ящикахъ, осматривая его со всѣхъ сторонъ. Кой-какія завалившіяся письма отъ сестеръ и братьевъ, отдѣльные списки мужскихъ и женскихъ именъ или прозвищъ и рядомъ номѣченныхъ вспомоществованій вещами или натурой, бѣглыя замѣтки о предпринимаемой дѣлѣ—вотъ единственная доставшаяся мнѣ добыча, ничѣмъ къ дѣлу не причастная.

Я для вящаго очищенія совѣсти вздумалъ было снова приняться за просмотрѣнныя бумаги, и порывистымъ жестомъ, ставя свѣчу на столъ, нечаянно столкнулъ кожаный, складной портфель. Онъ раскрылся при паденіи.

Я нагнулся чтобы поднять его, и со внезапнымъ замираніемъ сердца увидалъ мелко-исписанный листъ тонкой бумаги. Благодаря свѣжести чернилъ онъ крѣпко присталъ къ облежавшему его лапше-буварю, чѣмъ я только и объяснилъ себѣ что онъ могъ укрыться отъ нашихъ поисковъ.

Уже исслѣдованный мною почеркъ Ольги Андреевны мнѣ такъ и бросился въ глаза.

(Оконч. въ слѣд. №).

Взрывныя силы природы.

Природа проявляетъ иногда присутствіе разнообразныхъ взрывныхъ матеріаловъ въ такихъ тѣлахъ, въ которыхъ никто не предполагаетъ ничего подобнаго. Напр. случай въ 1886 г., съ однимъ изъ ассистентовъ музея Пибоди въ Йелѣ (Yale), въ Коннектикутѣ, хотѣвшимъ просверлить яйцо страуса, чтобы препарировать его для коллекціи. Во время опыта яйцо взорвало съ такой силою, что ассистентъ упалъ и его пришлось вынести безъ чувствъ. Дѣло въ томъ, что яйцо сгнило и наполнилось смертными гнилостными газами; но замѣчательнѣе всего, что скорлупа могла выдержать напоръ скопившихся газовъ. Вѣроятно до этого случая ни одинъ зоологъ не заподозрилъ бы въ ней такого свойства, такъ какъ вообще яичная скорлупа, по своей пористости, легко пропускаетъ газы. Весьма возможно, что передъ перевозкою яйцо было покрыто лакомъ. Какъ бы то ни было, случай, происшедшій въ августѣ 1886 г., подтвержденъ вполне серьезными научными журналами, такъ что въ достоверности его нѣтъ никакого сомнѣнія.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что нѣкоторые виды животныхъ и растеній одарены способностью метать твердые, жидкія или газообразныя вещества.

Животнымъ эта способность служить средствомъ самозащиты—и въ этомъ случаѣ трудно провести точную границу между простымъ и взрывнымъ выбрасываніемъ. Такъ напр. когда разсерженная лама оплевываетъ врага своею жѣдкою жвачкой прямо изъ желудка, дѣйствіе это можетъ быть приравнено ко взрыву или выстрѣлу въ широкомъ значеніи слова; точно также и способъ самозащиты хорька, когда онъ на разстояніи нѣсколькихъ метровъ обладаетъ запахомъ особыхъ желѣзъ и приводитъ своего преслѣдователя въ такое состояніе, что онъ становится противнымъ и людямъ, и самому себѣ. Про дикобраза рассказывали, будто онъ можетъ метать свои иглы, что вѣрно; рассказы эти могли возникнуть вслѣдствіе того, что животное, окруженное преслѣдователями, старается неожиданными боковыми прыжками рвануть или испугать противниковъ, причемъ случайно на нихъ остаются его иглы; на нашихъ глазахъ однажды имѣлъ мѣсто подобный случай, причемъ грызунъ запустилъ въ ногу человека одну изъ своихъ иглъ. Морскія птицы часто бываютъ одарены способностью въ родѣ той, какой отличается лама: онѣ обрызгиваютъ неприятеля, тревожащаго ихъ гнѣздо, зарядомъ жира, но большую часть только пока онъ молодой; по достиженіи же ими того возраста, когда онѣ могутъ летать и нырять, жировой аппаратъ становится излишнимъ и исчезаетъ.

О томъ какъ жаба „выпустила весь свой ядъ на свѣтлагося жучка“, мы всѣ знаемъ съ юныхъ лѣтъ изъ трогательной басни; въ дѣйствительности же способность опрыскиванія у жабы не велика и она рѣдко ею пользуется, даже въ случаѣ испуга. Но въ родственномъ ей классѣ рыбъ имѣется китайскій солунъ, обладающій способностью пускать изъ заостренной мордочки струю воды въ нѣсколько капель, которую онъ, какъ говорятъ, сбиваетъ на лету жучка на разстояніи отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ метра. Между личинками насѣкомыхъ встрѣчаются такія, которыя могутъ испускать жѣдкую жидкость на довольно далекое разстояніе. Такова толстая, съ темно-коричневой спинкой, гусеница крупна-древоточца; въ затруднительномъ положеніи она выпускаетъ изъ рыльца зеленоватый сокъ на разстояніе около двухъ футовъ; онъ очень жѣдокъ и имѣетъ такой острый запахъ, что привычное обоняніе распознаетъ присутствіе насѣкомаго за нѣсколькими метрами, если даже оно спокойно точитъ дерево. Муравьи не только кусаютъ и жалятъ, они крошечныя выпускаютъ на неприятеля на удачу особаго рода кислоту. Если вскопнуть кучу обыкновенныхъ темно-коричневыхъ лѣсныхъ муравьевъ, раза два прихлонуть ее рукой и затѣмъ держать руку на высотѣ $\frac{1}{2}$ фута, то можно замѣтить, какъ убѣгающія насѣкомыя приостанавливаются и погибаютъ заднюю часть тѣла кверху. Если смотрѣть на все это съ боку, на свѣтъ, надъ кучею можно увидѣть сотни тонкихъ стру-

екъ жидкости, поднимающихся на высоту до двухъ дециметровъ; такова самозащита муравьевъ.

У вполне развитыхъ насѣкомыхъ, однако, это средство защиты при помощи неприятныхъ жидкостей, большею частью значительно ослабѣваетъ; только извѣстная хлопучая жужелица, имѣющая не болѣе сантиметра величины, въ случаѣ преслѣдованія, пускаетъ съ легкимъ трескомъ тонкое паровое облачко. Она прибѣгаетъ къ этому средству и въ ту минуту, когда собиратель насаживаетъ ее на булавку; а при обыкновенныхъ условіяхъ, пользуется своимъ зарядомъ для отпугиванія жуковъ-хищниковъ, которые ее преслѣдуютъ. Полагаютъ, что нары, испускаемые жужелицей, содержатъ въ себѣ самовозгорающійся фосфорно-водородный газъ и горятъ въ воздухѣ въ теченіе одной секунды; впрочемъ относительно вѣрности этого мнѣнія въ послѣднее время возникли сомнѣнія, и мы не имѣемъ возможности ни подтвердить, ни опровергнуть его.

Многія морскія животныя, какъ напр. голотурія (родственные морскимъ звѣздамъ и морскимъ ежамъ, но имѣющія огрцеобразную форму), пускаютъ на врага, вытаскивающаго ихъ изъ моря, сильную струю воды. Въ этомъ случаѣ, точно такъ-же какъ и въ другихъ, выкидываемая жидкость не причиняетъ вреда, но неожиданность выстрѣла достаточна, чтобы испугать робкаго неприятеля, и такимъ образомъ цѣль достигается. Даже человекъ, не приготовленный къ этому, бываетъ вынужденъ выпустить добычу изъ рукъ.

Очень можетъ быть, что многія изъ мелкихъ животныхъ, образъ жизни которыхъ намъ мало извѣстенъ, имѣютъ подобное же устройство, но мы объ немъ ничего не знаемъ. Въ растительномъ царствѣ метательные снаряды тоже очень распространены и здѣсь они еще поразительнѣе, чѣмъ въ царствѣ животныхъ. Животное для выкидыванія заряда употребляетъ мускулы, правильно развитые органы движенія; растенія же не имѣютъ мускуловъ, вслѣдствіе чего ихъ метательные органы должны имѣть особое устройство. Послѣдніе служатъ всегда одной главной цѣли и имѣютъ одно общее основаніе: во время роста, въ нѣкоторыхъ плодовыхъ частяхъ, образуется эластическая напряженность, приводящая къ расстрѣкиваніямъ.

Уже у очень низко-стоящихъ растеній, какъ грибы и лишай, во вмѣстителяхъ зародышей находится особые выбрасывающіе органы, болѣею частью въ формѣ спиралей изъ очень упругаго фибрина. Ко времени зрѣлости спирали эти напрягаются, подобно эластическимъ, стиснутымъ пружинамъ; наступаетъ минута, когда прилегающая ткань не въ состояніи болѣе сдерживать ее, пружина отскакиваетъ, съ силою выпрыгивается, вылетаетъ изъ плодывмѣстителя, увлекаетъ за собою сосѣднія сѣмена и разбрасываетъ ихъ вокругъ главнаго растенія.

Многія изъ высшихъ цвѣтущихъ растеній снабжены сѣмянными коробочками, которыя ко времени зрѣлости достигаютъ большаго напряженія, затѣмъ расстрѣкиваются и разбрасываютъ сѣмена кругомъ. Если въ теплый лѣтній день сѣсть на краю нашия, то при нѣкоторомъ вниманіи можно услышать тонкій трескъ; это сѣмянныя коробочки сорныхъ травъ лопаются отъ солнечной жары и раскидываютъ по землѣ свое содержимое.

Въ одномъ изъ весьма извѣстныхъ растеній способность выбрасыванія достигла замѣчательнаго совершенства; мы говоримъ о травкѣ „не тронь меня“, дикомъ бальзаминѣ съ желтыми цвѣтами, очень распространенномъ во влажныхъ мѣстностяхъ Германіи. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ растеніямъ, которыя впервые заставили человека обратить вниманіе на чудеса ботаники, такъ какъ по всей вѣроятности уже въ теченіе многихъ тысячелѣтій половина всѣхъ играющихъ дѣтей забавлялась стрѣловою плодовою бальзамина. Плоды его состоятъ изъ пяти долевыхъ, сросшихся полосокъ; каждая отдѣльная полоска имѣетъ еще внутреннюю скрѣпляющую нить; ко времени зрѣлости онъ находится въ сильно напряженномъ состояніи и имѣетъ стремленіе раскрыться. Пока растеніе находится въ покоѣ, напряженіе можетъ достигать довольно высокой сте-

пени и плодъ не лопається; но при малѣйшемъ давленіи, ослабляющемъ какъ-нибудь связь волоконъ, эластическія силы берутъ перевѣсъ, весь плодъ растрескивается по длинѣ, полоски съ немовѣрною быстротою развертываются по направленію къ маковкѣ и сѣмена съ силою выбрасываются; они иногда отскакиваютъ на 2 метра.

Въ растеніи, носящемъ названіе ослинаго огурца, это напряженіе достигается нѣсколько иначе. У насъ это растеніе разводится иногда въ садахъ для забавы, на югѣ-же Европы оно

струю длиною въ 3—4 метра; часто вслѣдствіе сотрясенія лопається и верхній, противоположный стеблю, конецъ огурца и тогда изліаніе происходитъ съ двухъ сторонъ. Изливающаяся при этомъ жидкость переполнена сѣмями и имѣетъ горькій вкусъ. Даже животныя остерегаются быть облитыми ею; замѣчаютъ, что греческія и итальянскія козы, несмотря на свою прожорливость, тщательно избѣгаютъ ослинаго огурца. Такимъ образомъ вышеупомянутое свойство растенія выполнять двойную обязанность: оно не только обез-

Милица Николаевна, княжна Черногорская.

Е. И. В. Великій Князь Петръ Николаевичъ.

Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

растеть въ дикомъ состояніи по морскимъ берегамъ и очень распространено, такъ какъ скотъ его не трогаетъ, слѣдовательно на невоздѣланныхъ склонахъ его ничто не беспокоитъ. Листья его похожи на листья обыкновеннаго огурца, а плодъ совершенно такой же формы, какъ маленькій (въ 8 сантиметр. длины) огурецъ, только покрытъ ворсинками. Пока плодъ незрѣлъ, въ немъ не замѣчается ничего особеннаго, но ко времени зрѣлости сокъ скопляется въ такомъ изобиліи, что околоплодникъ раздувается въ родѣ наполненнаго воздухомъ воздушнаго шара. Если оторвать его отъ стебля (что сдѣлать очень нетрудно, если плодъ дѣйствительно вполне созрѣлъ), то чрезъ образовавшееся отверстіе сокъ находитъ себѣ выходъ и съ силою выбрасывается вонъ.

Во вполне зрѣлыхъ южныхъ экземплярахъ онъ образуетъ

нечиваетъ распространеніе сѣмянъ, но и отпугиваетъ непрощенныхъ гостей.

Варынная сила нѣкоторыхъ внѣ-европейскихъ растеній гораздо значительнѣе, чѣмъ у ихъ европейскихъ родичей. Особенно славится одно южно-американское дерево, называемое *Hura crepitans* (crepitans—значитъ трескучій), потому что плоды его послѣ отпаденія, высухая, разрываются съ громкимъ трескомъ.

Въ прошломъ году, рассказываетъ одинъ англійскій ученый, онъ привезъ съ собою въ Англію экземпляръ этого плода и сохранялъ его въ шкатулкѣ. Въ одинъ прекрасный день плодъ разорвало съ трескомъ, похожимъ на листоетный выстрѣлъ, и въ комнатѣ наши разбросанными не только куски плода, но и обломки шкатулки. (С).

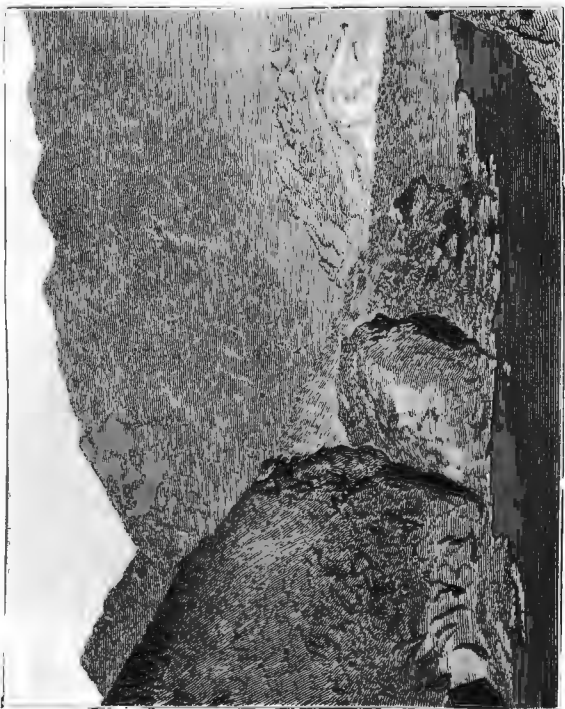
Къ рисункамъ.

Крѣпость Керки. (Рис. на стр. 745).

Бухарское селеніе (кишлакъ) или пожалуй городъ Керки, такъ какъ это резиденція Керкинскаго бека (нѣчто въ родѣ уѣздной власти, болѣе смахивающей впрочемъ на должность исправника), лежитъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарья, немного южнѣе 38° сѣв. широты и почти на пересѣченіи 35° долготы. Въ этомъ мѣстѣ Аму-Дарья прорвала известково-мѣловые отроги Гисарскихъ

горъ, образовавъ ворота съ отвѣсными стѣнками, впрочемъ не достигающими ста футовъ. По рассказамъ, крѣпость была прежде на правомъ берегу, и дѣйствительно, очертанія этой высоты даютъ возможность сдѣлать это предположеніе; теперь же—эта высота необитаема¹⁾ и вблизи нея устроены нечи для выжиганія отличнаго алебаstra, тутъ-же въ изобиліи выламываемаго.

¹⁾ Находятся иныя кости разныхъ животныхъ и человѣческія, въ поразительномъ количествѣ.

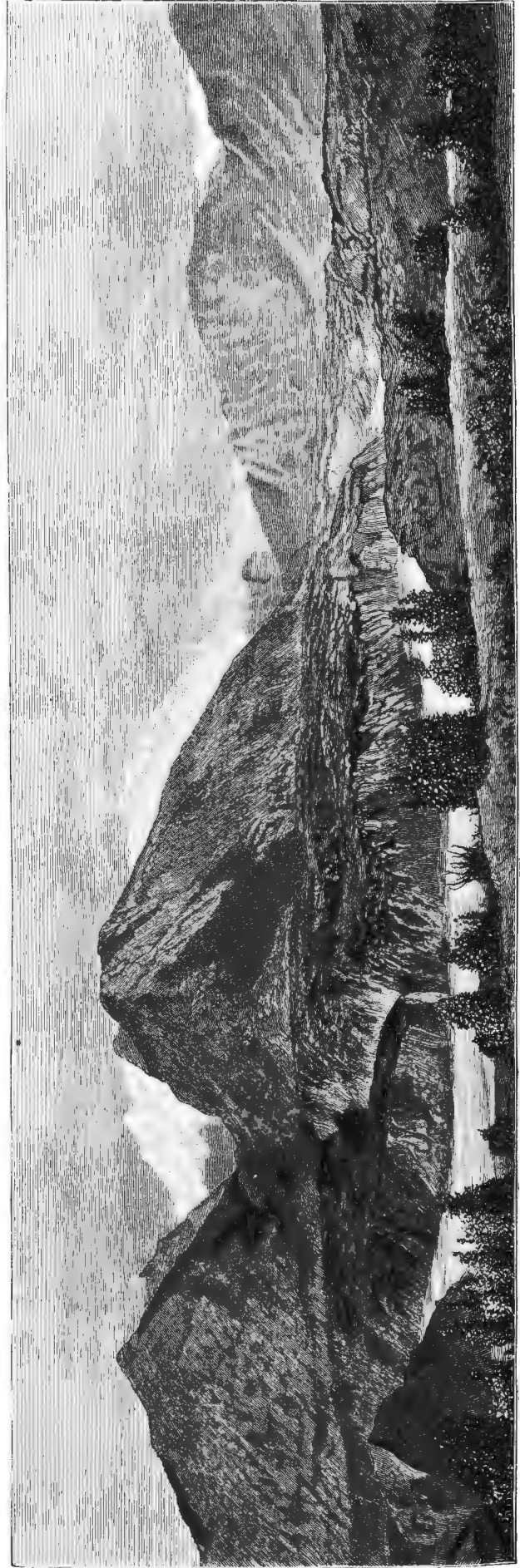
Экспедиція Громбчевскаго. Залежи нефрита на р'язі Раскень-Дарья, близъ урочища Ташъ-хана, противъ ущелья Пиль. Съ фот. грав. Рашевскій

Б. Л. Громбчевскій. Съ фот. Мечковскаго, грав. Шюблеръ.

Экспедиція Громбчевскаго. Крепость Алтытъ (Кала-и-Алтытъ), вторая столица Канджугскаго ханства. Съ фот. грав. Рашевскій.

Экспедиція Громбчевскаго. Видъ на долину Канджугскаго р'яни (конечный пунктъ экспедиціи). Съ фот. грав. Рашевскій.

До прихода сюда Русских, Керки считался мѣстом ссылки и назывался „бухарской Сибирью“. Дѣйствительно, по разсказамъ, кажется нѣтъ ни одного здѣшняго жителя, который бы не былъ сюда сосланъ эмиромъ за какую-нибудь провинность. Во всякомъ случаѣ, Керки, съ крѣпостью перенесенною на лѣвый берегъ, на высоту, гдѣ теперь и помѣщается бекъ, представляла весьма важный торговый пунктъ, такъ какъ при-амурскіе туркмены (эрсари, кара-туркмены и др. роды) хотя номинально и считались бухарскими подданными, но это выражалось лишь въ уплатѣ подати. Туркменскіе старшины (сердари) дѣлали раскладку и сборъ ея безъ участія бухарскихъ сборщиковъ (зекетчи) и, конечно, уплата ея бухарскому правительству дѣлалась не всегда исправно; къ тому же, туркменамъ было безразлично грабить какъ афганскіе, такъ равно бухарскіе купцы, а зачастую они не церемонились обирать и свою братію.

Съ цѣлью обузданія туркменъ и упорядоченія сборовъ, была заложена крѣпость Керки, съ крѣпкою, по тогдашнему, цитаделью. Беками сюда назначались всегда энергичскіе люди, какъ напр. при покойномъ эмирѣ—бекъ Пиръ-Назаръ-Парманачи, который считался грозой туркменъ и безцеремонно отправлялъ захваченныхъ на аламани (грабежъ) къ праотцамъ. Беку было разрѣшено имѣть своихъ сарбазовъ (солдатъ) и пукеровъ (милицію). И до сихъ поръ подъ воротами, у входа въ цитадель, стоитъ одиноко, на сгнившемъ лафетѣ, мѣдиная старинная пушка и висятъ на стѣнахъ какіе-то допотопные пишалы и самоналы, свидѣтели грознаго вооруженія этихъ сарбазовъ. И теперь изъ Бухары высылается въ Керки на 4 мѣсяца или 1/2 года рота въ 200 человекъ; но такъ какъ съ приходомъ сюда Русскихъ мѣры предосторожности со стороны бухарцевъ не пужны, аламани прекратились, то эта рота скорѣе составляетъ почетный караулъ бека, чѣмъ отрядъ дѣйствующей арміи. Выслаемые сюда преступники содержатся въ небольшой камерѣ, подъ воротами бековой цитадели.

Чтеніе духовнаго завѣщанія. (Рис. на стр. 748 и 749).

Кому не случалось слышать, что люди иногда изъ бѣднjackовъ становятся богачами вълѣдствіе неожиданнаго полученія наслѣдства; по рядомъ съ этимъ бывають перѣдки случаи, что богатые наслѣдники ошибаются въ своихъ ожиданіяхъ и наслѣдство ускользаетъ отъ нихъ, какъ миражъ. Поэтому вскрытіе духовнаго завѣщанія можетъ произвести самыя неожиданныя впечатлѣнія. Изобразить ихъ — трудная и заманчивая задача для художника, которую разрѣшить не легко. О Эрманъ, художникъ бытовыхъ сценъ изъ времени рококо, справился съ этою задачею очень удовлетворительно. На лицѣ каждаго изъ присутствующихъ, при чтеніи нотаріусомъ духовнаго завѣщанія, на его картинѣ можно прочесть, какъ распорядился умершій со своимъ имуществомъ.

Въ кружалѣ. (Рис. на стр. 753).

Оригинальный рисунокъ г. Кошелева очень характерно передаетъ выраженіемъ лица и всею позою ратника, сидищаго за столомъ съ кружкой въ рукѣ—веселое и даже нѣсколько игривое настроеніе человека, который улучилъ часокъ отъ тяжелой воинской службы и забѣжалъ въ „царское кружало“ или въ „царевъ кабакъ“, какъ поется въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ и разсказывається въ народныхъ сказаніяхъ. Этотъ государевъ служилый человекъ, вѣроятно только-что сошедшій со стѣны городскаго кремля или сѣвшійся съ коня,—и шелома съ себя не снялъ, и доспѣховъ не разстегнулъ у оюаски, и оружія изъ рукъ не выпустилъ; но все-же сѣвшійся насладиться вполнѣ минутою и крѣпко сжимая въ рукѣ оловянную кружку съ хмѣльной брагой, оживляетъ душу веселымъ смѣхомъ и бойкимъ словцомъ... Кстати замѣтимъ, что „царское кружало“, въ которомъ въ былыя времена продавали не вино и не водку, а только меды, хмѣльную брагу и ниво различныхъ сортовъ, вовсе не носило на себѣ того характера, которымъ отличаются современныя намъ нитейныя заведенія нашихъ городовъ и селъ. Иностранцы съ похвалою отзываются о трезвости русскаго народа и даже поляки, жившіе въ Москвѣ въ XVII в., отмѣчаютъ эту черту русскаго народнаго характера съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Нѣкоторые изъ иностранцевъ-путешественниковъ утверждаютъ даже, что вино было воспрещено продавать простонародью въ „кружалахъ“ и „кабакахъ“ XVII в.

Даръ Божій. (Рис. на стр. 756).

Посмотрю пойду,	Словно Божій гость,
Полюбуюсь,	На всѣ стороны
Что послалъ Господь	Дню веселому
За труды людямъ:	Улыбаются;
Выше поеса	Вѣтерокъ по ней
Рожь зернистая	Плыветъ доспитая,
Дремлетъ колосомъ	Золотой волной
Почти до земли;	Разбѣгается... (Нольцовъ).

Гнѣвъ Божій. (Рис. на стр. 757).

Печальный, убогий равнина!
Недавній и страшный картины,
Стѣсняя грудь, проходить предо мной.
Ужели Богъ не скажется надъ нами,

Сожженныхъ нивъ дождемъ не оживить,
И мельница съ недвижными крылами,
И этотъ годъ безъ дѣла простоятъ! (Некрасовъ).

По еще ужаснѣе засухи, совсѣмъ уже непоправимое бѣдствіе градобитія, изображенное на второмъ рисункѣ О. Казацкаго. Это по истинѣ гнѣвъ Божій, уничтожающій въ нѣсколько минутъ надежды и плоды трудовъ дѣлаго года.

Его Императорское Высочество Великій Князь Петръ Николаевичъ и Ея Высочество, Высоконареченная невѣста его, княжна Милица Николаевна Черногорская. (Портр. на стр. 760).

Въ виду ожидаемаго прибытія Высоконареченной невѣсты въ Петербургъ, на Варшаву, 16 июля, отправленъ особый поѣздъ съ придворною прислугою. На этомъ поѣздѣ придутъ въ Петербургъ ихъ высочества князь и княгиня Черногорскіе съ Ея Высочествомъ Высоконареченной невѣстою Великаго Князя Петра Николаевича. Августѣйшій женихъ, 13 июля, въ 4 1/2 ч. дня, возвратился въ С.-Петербургъ изъ своей поѣздки въ Черногорію.

Экспедиція Б. Л. Громбчевскаго.

(Портр. и рис. на стр. 761).

Нашъ извѣстный путешественникъ, капитанъ Брониславъ Лудвиговичъ Громбчевскій, портретъ котораго помѣщаемъ на стр. 761 этого номера, 6 апрѣля нынѣшняго года выѣхалъ изъ Петербурга въ Фергану для сформированія и снаряженія новой экспедиціи, во главѣ которой онъ предполагается посѣтить и обследовать нѣкоторыя горныя долины Гималайскихъ горъ и другихъ мѣстностей высокой Азіи.

Мы имѣемъ свѣдѣнія отъ 5 июля, изъ горъ Ново-Маргелана, что экспедиція эта перешла уже Алайскія горы и слѣдовательно теперь находится въ глубинѣ Памировъ.

Снаряженная главнымъ образомъ на средства дарованныя Государемъ Императоромъ Цесаревичемъ, а также и на средства ассигнованныя Императорскимъ Географическимъ Обществомъ—экспедиція эта рассчитана на срокъ отъ 1 до 1 1/2 лѣтъ, смотря по обстоятельству, и въ матеріальномъ отношеніи обставлена гораздо лучше, чѣмъ предшедшія экспедиціи Громбчевскаго. Въ составъ ея, кромѣ главы экспедиціи, входятъ: препараторъ, 7 конвойныхъ казаковъ и нѣсколько человекъ прислуги изъ туземцевъ.

Б. Л. Громбчевскій, стяжавшій извѣстность на поприщѣ изслѣдованій Центральной Азіи, составившихъ ему репутацію неустранимаго, находчиваго, энергичнаго путешественника и серьезнаго изслѣдователя, еще совсѣмъ молодой человекъ, родился въ 1855 г., въ дворянской семьѣ, получилъ прекрасное воспитаніе и образованіе. Поступивъ въ военную службу офицеромъ въ 3-ю гвардейскую дивизію, онъ затѣмъ хотѣлъ было уѣхать на дальній Востокъ, по Кокапскій походъ 1875 г. увлекъ его въ Центральную Азію, съ которой онъ до сихъ поръ и не расстается.

Принимая дѣятельное участіе въ Кокапскомъ походѣ, а затѣмъ и въ горныхъ Алайскихъ экспедиціяхъ, онъ на первыхъ же порахъ хорошо ознакомился съ Ферганскою долиною и съ сосѣдними горными странами. По замиреніи края, онъ, къ счастью, перешелъ на службу по военно-народному управленію, которая тамъ сопряжена съ постоянными, иной разъ очень трудными и продолжительными разъѣздами по странѣ, сосѣдними споненіями съ туземцами и пришельцами изъ сосѣднихъ странъ. Это дало Громбчевскому возможность изучить главныя употребительныя въ Центральной Азіи языки: узбекскій и таджикскій.

Въ 1885 г., когда онъ состоялъ уже въ должности старшаго чиновника особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ Ферганской области, ему пришлось по дѣламъ службы бывать въ Кашгарѣ, и оттуда, совместно съ уполномоченными отъ китайскаго правительства комиссарами, обойти и провѣрить на мѣстѣ пограничную линію между Фергаою и Кашгаріей. Успѣшно выполнивъ это отвѣтственное порученіе, онъ, взявъ отпускъ, снова поѣхалъ въ Кашгаръ, а оттуда совершилъ весьма рискованную экспедицію на югъ до горъ Хотана.

Прозвѣденными во время этой экскурсіи съемками онъ связалъ предшествовавшія тамъ топографическія работы генераловъ Н. М. Пржевальскаго и А. Н. Куронаткина, а прекрасный отчетъ о поѣздкѣ по Кашгаріи, о современномъ состояніи этой китайской провинціи и о положеніи въ ней китайцевъ— сразу поставилъ Громбчевскаго въ число немногихъ опытныхъ и серьезныхъ изслѣдователей Центральной Азіи. Императорское Географическое Общество наградило его за этотъ отчетъ серебряною медалью. Такое прекрасное начало на новомъ поприщѣ не осталось безъ продолженія. Въ 1886 г. мы видимъ Громбчевскаго въ глубинѣ Тянь-Шаня, на верховьяхъ рѣкъ Нарына и Су-самыра; а въ прошломъ году, на средства Императорскаго Географическаго Общества, имъ совершенно чрезвычайно трудное и опасное путешествіе къ верховьямъ рѣки Инда, въ горное, полудикое ханство Канджуть, на южномъ склонѣ Гималайскихъ горъ.

Чтобы достигнуть цѣли путешествія—города Бальхита (столица Канджутскаго ханства), Громбчевскому съ его спутниками надо было пересѣчь Памиры съ сѣвера на югъ, пе-

ревалить нѣсколько горныхъ хребтовъ, гдѣ и перевалы лежатъ выше линіи вѣчныхъ снѣговъ; ежесуточно на пути находится въ опасности нападенія полудикихъ жителей этихъ горныхъ трупобъ или отъ преслѣдовавшаго со стороны чиновниковъ и военныхъ пограничныхъ отрядовъ китайскихъ и афганскихъ, — а не доходя цѣли своего путешествія, ханства Канджута, пути къ которому чрезвычайно трудно доступны, пришлось оставить свой обозъ и слѣдовать черезъ ледники и по горнымъ карнизамъ пѣшкомъ, переходя горные потоки въ бродъ или по вислячимъ веревочнымъ мостамъ и неся свой багажъ на себѣ, не зная, какъ примутъ незваныхъ гостей власти и жители этого суроваго уголка. Только громадная энергія, опытность въ путешествіяхъ и находчивость Громбчевскаго довели экспедицію до благополучнаго окончанія, а результаты ея повидимому весьма значительны, такъ какъ Императорское Географическое Общество за нихъ уже наградило его золотомъ медалью. Подробный отчетъ объ этомъ путешествіи появится вѣроятно скоро, а сообщеніе о немъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ состоялось 1 февраля сего года. Привезенныя изъ этого путешествія коллекціи этнографическія, зоологическія, ботаническія, геологическія и фотографическія, затѣмъ маршрутная съемка почти всего пройденнаго пространства, на протяженіи болѣе 2,000 верстъ, астрономическія работы и метеорологическія наблюденія — представляютъ громадный интересъ и большой вкладъ въ географическую науку. Поистинѣ удивительно, что при такой исключительно-трудной обстановкѣ, при постоянной борьбѣ съ природой и людьми и при ничтожныхъ материальныхъ средствахъ, молодой ученый сдѣлалъ такъ много.

На обратномъ пути изъ Канджута Громбчевскій сдѣлалъ боковую экскурсію на верховья рѣки Раскемъ-Дарьи, истока Яркендъ-Дарьи (главная рѣка Кашгаріи) и, между прочимъ, нашелъ и обследовалъ залежи нефрита, о которыхъ мы до сихъ поръ знали только изъ указаній Парко Поло. Далѣе онъ направился прямымъ путемъ на Кашгарь, гдѣ, радушно принятый членами нашего консульства, отдохнувъ отъ чрезмѣрнаго утомленія и затѣмъ чрезъ Фергану и Ташкентъ прибылъ въ Петербургъ для разработки добытыхъ матеріаловъ и для представленія отчетовъ. Помѣщаемъ фотографированные имъ виды долины рѣки Канджугъ, крѣпости Альтитъ и берега Раскемъ-Дарьи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится упоминаемая залежь нефрита. Г.

М. Н. Загоскинъ. (Портр. на стр. 764).

„Прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку *Юрія Милославскаго* — лучший знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполне заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковский провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи...“ Такъ писалъ, въ январѣ 1830 г., Пушкинъ Загоскину, привѣтствуя появленіе его знаменитаго романа „Юрій Милославскій“, который прочла вся грамотная Россія и благодаря которому имя Загоскина прославилось не только въ отечествѣ, но и за предѣлами его. Слава его была такъ велика, что онъ переводился на всѣ главные европейскіе языки, и нѣкоторые иностранные критики говорили, что Загоскина можно смѣло поставить рядомъ съ Вальтеръ-Скоттомъ, а въ одномъ отношеніи даже выше его, такъ какъ авторъ „Юрія Милославскаго“ не страдаетъ утомительною оспаловкой на подробности. Изображеніе русскихъ нравовъ критики признавали мастерскимъ, обрисовку характеровъ — художественною. И дѣйствительно, Загоскинъ далъ первый въ своихъ произведеніяхъ живыя картины простонароднаго быта, прекрасное изображеніе жизни нашихъ предковъ, отличающееся необыкновенною увлекательностью разсказа, согрѣтое теплымъ, задушевымъ чувствомъ. Кроме того, его произведенія, проникнутыя высокимъ патриотизмомъ, свѣжія, оригинальныя по замыслу, являлись совершенной новостью въ русской литературѣ: у Загоскина, на томъ новомъ поприщѣ въ литературѣ, которое онъ избралъ, не было ни образца, ни предшественника“ и тѣмъ не менѣе онъ выступилъ съ историческимъ романомъ, который, такимъ образомъ, былъ у насъ первою попыткою въ этомъ родѣ. Попытка имѣла неслыханный успѣхъ, объяснявшійся, помимо таланта автора, тѣмъ, что первый историческій отечественный романъ явился какъ разъ въ время, когда всѣ были исполнены пламенныхъ патриотическихъ чувствъ и требовали только русскаго и русскаго. Когда наша литература и общественный вкусъ значительно подвинулись впередъ, произведенія Загоскина стали быстро утрачивать свое обаяніе и мало-по-малу отошли въ область историко-литературныхъ явленій. Уже Бѣлинскій, отдавая должное таланту Загоскина, его льщеному, легкому, увлекательному разсказу, его удивительной теплотѣ и добродушію, его великому мастерству завязать и развязать узелъ романа, замѣтилъ, что въ историческихъ романахъ Загоскина историческаго собственно очень мало, что въ „Юрія Милославскомъ“ русскіе люди первой половины XVII вѣка у него очень похожи на мужичковъ и бородатыхъ торговцевъ нашего времени. Позднѣйшіе критики пришли, что Загоскинъ, плохо понявъ народность, которой онъ хотѣлъ служить, наговорилъ много дѣтски-панвншихъ вещей — что его герои, большей частью, безцѣльны и ходульны, а содержаніе романовъ носитъ характеръ чего-то слишкомъ приторнаго. Такъ, между прочимъ,

взглянулъ на автора „Юрія Милославскаго“ и Аполлонъ Григорьевъ, въ замѣчательной статьѣ своей о развитіи идеи народности въ нашей литературѣ. По его мнѣнію, Загоскинъ, какъ человекъ — одно изъ отраднѣйшихъ явленій нашего стараго быта, натура въ высшей степени нѣжная и добродушная, хотя и ограниченная, — пользовался какъ романомъ успѣхомъ совершенно невѣроятнымъ и необъяснимымъ въ наше время и съ нашей точки зрѣнія... Какъ-бы то ни было, но Загоскинъ сказалъ *свое слово* въ литературѣ и какъ талантливый писатель, какъ первый русскій историческій романистъ, остается жить навсегда въ исторіи отечественной словесности.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ, потомокъ именитаго рода, вышедшаго изъ Золотой Орды и обрусѣвшаго въ Великомъ Новгородѣ, родился ровно сто лѣтъ тому назадъ, 14 іюля 1789 года, въ селѣ Рамзѣ, Пензенской губерніи, въ имѣніи отца. Образованіе получилъ онъ дома, самоучкою приобрѣтилъ познанія въ наукахъ, безъ всякихъ руководителей. Проблески творчества вмѣстѣ со страстью къ чтенію обнаружались въ немъ очень рано: на одиннадцатомъ году онъ уже сочинилъ трагедію „Леонъ и Зыдея“ и повѣсть „Пустышникъ“, возбуждавшія общее удивленіе. Имѣя не полный 14 лѣтъ, онъ поступилъ на гражданскую службу въ С.-Петербургѣ, въ канцелярію государственнаго казначея, и продолжалъ ее въ Горномъ департаментѣ, Государственномъ банкѣ и въ Департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Прослуживъ десять лѣтъ, въ народную войну Дѣсятилѣтняго Гола онъ поступилъ въ ополченіе и участвовалъ въ бою 7 октября подъ Полоцкомъ, гдѣ получилъ рану въ ногу. По выздоровленіи находился при графѣ Левизѣ адъютантомъ, занимая эту должность вплоть до сдачи Данцига. Когда ополченіе было распушено, Загоскинъ вернулся въ свое пензенское помѣстье, написалъ здѣсь комедію „Проказникъ“ и въ 1815 г. отправился съ нею въ Петербургъ, гдѣ снова поступилъ въ Департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Комедія „Проказникъ“ была передана на судъ кн. А. А. Шаховскаго, очень ему понравилась и шла на сценѣ съ успѣхомъ. Вслѣдъ за ней на сцену поставлены новыя пьесы Загоскина: „Комедія противъ комедій, или урокъ волокитамъ“, „Богатонь“, „Вечеринка ученыхъ“, „Макарьевская ярмарка“ и „Лебединская ярмарка“; всѣ онѣ имѣли успѣхъ и положили основаніе извѣстности ихъ автора. Въ 1817 г. Загоскинъ опредѣленъ на службу въ дирекцію театровъ, а также назначенъ почетнымъ бібліотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки. Служба не помѣшала ему работать для театра и участвовать въ литературѣ; онъ поставилъ на сцену комедію „Романъ на большой дорогѣ“, „Добрый малый“, „Урокъ холостымъ“, „Деревенскій философъ“ и „Благородный театръ“, имѣвшую тогда успѣхъ неслыханный; кроме того, писалъ стихи, редактировалъ вмѣстѣ съ П. А. Корсаковымъ журналъ послѣдняго „Сѣверный Наблюдатель“. Въ 1820 г. Загоскинъ переѣхалъ въ Москву, поступилъ здѣсь черезъ два года чиновникомъ особыхъ порученій къ генералъ-губернатору, съ исправленіемъ должности инспектора по театальному отдѣленію, а въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ конторы театра по хозяйственной части. Загоскинъ, помимо службы, давно занимался собраніемъ матеріаловъ для задуманнаго имъ историческаго романа и въ 1829 г. выступилъ со своимъ „Юріемъ Милославскимъ“. Появленіе этого романа, говоритъ С. Т. Аксаковъ, составило эпоху въ жизни Загоскина, въ литературномъ и общественномъ отношеніи; всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и кунечество, ученые и литераторы, выражалъ ему лично и письменно восторженныя похвалы и знаки уваженія. Пушкинъ, Жуковский, Крыловъ, Дмитриевъ, Гнѣдичъ, князь Шаховской, Оленинъ и друг. привѣтствовали въ Загоскинѣ новый могучій талантъ; его поздравляли и иностранные писатели: Вальтеръ-Скоттъ, Просперъ Мериме, фонъ-Ольбергъ. „Юрій Милославскій“ выдержалъ девять изданій и былъ по нѣскольку разъ переведенъ на разные европейскіе языки. Утвержденный въ 1830 г. управляющимъ конторою московскихъ театровъ, а затѣмъ произведенный въ дѣйствительнаго камергера, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и получившій должность директора московскихъ театровъ, Загоскинъ вынулъ свой второй историческій романъ „Рославль или русскіе въ 1812 году“, встрѣченный публикою также радушно. За нимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ повѣстей и романовъ: „Аскольдова могила“ и „Тоска по родицѣ“, передѣланныя въ оперу, „Вечеръ на Копрѣ“, „Три жениха“, „Кузьма Рошницъ“, „Искуситель“, „Кузьма Петровичъ Мирошневъ“, „Москвы и москвичи“, „Брянскій дѣсъ“, „Русскіе въ началѣ XVIII ст.“, „Официальный обѣдъ“ и проч. Послѣднимъ произведеніемъ его была комедія „Иванъ и Ганна“, написанная въ 1851 г. Въ слѣдующемъ году, 23 іюня, Загоскинъ скончался въ должности директора Московской Оружейной Палаты, которую занималъ съ февраля 1842 года. Загоскинъ погребенъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ; онъ оставилъ послѣ себя дѣтей отъ брака съ дѣвицей Повосильцевой. С. Т. Аксаковъ въ своей блестящей характеристикѣ Загоскина говоритъ о его основныхъ качествахъ: честности, веселости, неограниченномъ добродушіи и довѣрчивости, — о томъ, что онъ дѣлалъ много добра, не помня о немъ, и что при всемъ добродушіи онъ не выносилъ, если задѣвали Россію или русскаго человека. П. Быковъ.

Политическое обозрѣніе.

12 іюля въ Бѣлградѣ прибылъ бывший король Миланъ. На границѣ его встрѣтили Белимарковичъ и Груничъ, а на вокзалѣ король Александръ, митрополитъ Михаилъ, регентъ Протичъ, министры, посланники турецкій, румынскій и германскій. Миланъ обратился къ митрополиту съ рѣчью, въ которой горячо благодарилъ его за то, что онъ встрѣчаетъ отца короля, въ чемъ онъ, Миланъ, видитъ новый знакъ преданности митрополита династии Обреновичей и царствующему королю. „О происходившемъ между нами—прибавилъ Миланъ—здѣсь говорить не мѣсто, но я не могу не выразить благодарности и глубокаго уваженія главѣ сербской національной церкви.“ Миланъ благодарилъ регентовъ и министровъ за преданность королю-отроку, забота о воспитаніи котораго привела его сюда. Но не одною этою заботою стараются объяснить прїѣздъ Милана въ Сербію. Въ *Times* телеграфируютъ изъ Софіи: „По слухамъ, бывший король Миланъ высказался въ томъ смыслѣ, что по совѣту Австріи и Германіи онъ попытается вновь взять въ свои руки власть въ Сербіи, чтобы предотвратить угрожающую этой странѣ опасность“. Подобный слухъ гораздо ранѣе *Times'a* напечатала *Neue Freie Presse*, но съ оговоркою, что осуществленіе намѣренія Милана объявить свое отреченіе отъ престола недѣйствительнымъ едва-ли возможно. Миланъ теперь можетъ давать только совѣты, но отнюдь не приказы по управленію Сербіею. Относительно телеграммы *Times*, та же газета вновь замѣчаетъ, что такихъ совѣтовъ Германіи и Австріи никакъ не могли давать, потому что непремѣннымъ послѣдствіемъ этого были-бы международная война и анархія. Вторичное царствованіе Милана было-бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если-бы сербы добровольно предложили ему управлять страной;—какая же опасность грозитъ Сербіи, отъ которой хочетъ избавиться ее Миланъ? По извѣстіямъ изъ Вѣны, настоящее положеніе непрѣменно должно привести къ междоусобной войнѣ. Опасность эту можно де предотвратить только вмѣшательствомъ Австро-Венгріи въ сербскія дѣла. Отмѣчая эти слухи, *Nord* говоритъ: „Упомянутыя извѣстія получены изъ Вѣны, а этого одного уже достаточно для того, чтобы признать ихъ тенденціозными. Нѣтъ ничего удивительнаго, если въ Вѣнѣ сгораютъ нетерпѣніемъ вмѣшаться въ сербскія дѣла. Весь вопросъ заключается въ томъ, найдется-ли подходящий предлогъ для такого вмѣшательства... Утверждаютъ, будто главной пружиной въ данномъ случаѣ послужить бывший сербскій король Миланъ, который, по возвращеніи своемъ въ Бѣлградъ, будто бы обратится къ Австріи съ просьбой о военномъ вмѣшательствѣ. Допустивъ даже, что бывший король можетъ рѣшиться на такой антипатріотическій шагъ, надо будетъ признать, что означенный шагъ все же останется совершенно безплоднымъ, такъ какъ Миланъ, послѣ отреченія своего отъ престола, не играетъ уже никакой роли въ управленіи сербскимъ королевствомъ.“

Безъ вмѣшательства въ чужія дѣла Австро-Венгрія жить не можетъ. Только подъ ея вліяніемъ, а быть можетъ и прямо вслѣдствіе конвенціи съ Италіей, о заключеніи которой ходило не мало толковъ, — изданъ въ Римѣ декретъ закрывшій тамъ комитетъ для освобожденія Триента и Триеста. Мѣра эта мотивируется соображеніемъ, что учредители комитета стремятся къ узурпаціи власти короля и парламента и имѣютъ цѣлью нарушить отношенія съ союзною державой и расторгнуть союзъ, служащій не только устойчивою основой европейскаго мира, но и залогомъ независимости и единства Италіи. Въ политическихъ кругахъ помянутый декретъ считаютъ официаль-

нымъ и окончательнымъ отказомъ отъ всѣхъ дальнѣйшихъ вѣдъ Италіи на Триентъ и Триестъ. Повсюду въ Италіи закрытіе комитета по освобожденію Триента и Триеста произвело сильное волненіе.

Лига мира даетъ себя знать итальянцамъ. А къ ней, поговаривали, хочетъ присоединиться также Турція. Слухи эти были такъ упорны, что, по словамъ *Correspondance de l'Est*, Порты сочла нужнымъ разослать своимъ представителямъ заграничюю ноту, въ которой называетъ невѣрнымъ распространенное газетами извѣстіе, будто Турція присоединилась къ троитвенному союзу. Въ нотѣ сказано, что Порты сохраняетъ за собою полную свободу дѣйствій и соблюдаетъ строжайшій нейтралитетъ. Въ

настоящее время Турція исключительно занята критскими дѣлами, которыя усложняются.

По извѣстіямъ съ Крита, революція признается неизбежною. Мусульманскіе крестьяне стекаются къ прибрежнымъ городамъ. Въ Регименскомъ округѣ христіане сожгли мусульманскую деревню, а въ Египетскомъ округѣ они прогнали мусульманъ, намѣревавшихся собраться около городовъ, при чемъ были убиты три мусульманина и одинъ христіанинъ. *Агентству Рейтера* редактъ: „Инсурденты на островѣ Критѣ прогнали представителей власти изъ Вамоса и Сидоніи и сожгли тамъ архивы. Сельское населеніе, облитое паникой, укрылось въ Региме. Со времени отъѣзда Махмудъ-Джелалединъ-наши съ Крита Порты не приняла никакихъ мѣръ къ успокоенію острова. Если Порты будетъ медлить согласіемъ на введеніе реформъ, то, какъ опасаются, мѣстныя партіи составятъ коалицію и потребуютъ присоединенія Крита къ Греціи.“ Иностранные консулы отправились къ собравшимся въ Буцумаріи

критскимъ главарямъ и обѣщали имъ, что добьются отозванія губернатора и удовлетворенія главнѣйшихъ требованій населенія острова. При этомъ консулы посоветовали, чтобы народъ, въ интересахъ острова, не нарушалъ порядка. Главари еще не дали отвѣта. Изъ Турціи продолжаютъ посылать на Критъ подкрѣпленія. *Kreuz-Zeitung*, обсуждая событія на островѣ Критѣ, сомнѣвается въ возможности участія Австро-Венгріи и Германіи въ блокадѣ острова и заявляетъ, что уступка Крита Англіи была бы ничѣмъ не мотивированною и ошибочною мѣрою. Если уже Турціи суждено лишиться острова, то пусть онъ сдѣлается достояніемъ Греціи, которая одна только имѣетъ на него права. Самымъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы совокупное представленіе европейской дипломатіи въ Константинополѣ и Афинахъ съ цѣлью побудить Турцію и Грецію къ улаженію смуты на островѣ.

Законы о многократныхъ выборахъ во Франціи, а также обвинительный актъ не остались безъ отвѣта со стороны Буланже и его друзей. Въ особой прокламаціи Буланже заявляетъ, что законъ противъ выборовъ является покушеніемъ на всенародное голосованіе, но это де не помѣшаетъ народу проявить свою державную волю, какъ первый энергичный протестъ противъ гнуснаго нарушенія его правъ. Комитетъ національной партіи рѣшилъ выставить въ восьмидесяти кантонахъ кандидатуру Буланже въ члены генеральныхъ совѣтовъ. Буланже предлагаетъ выборщикамъ подавать за него голоса лишь въ тѣхъ кантонахъ которые онъ самъ укажетъ. Въ заключеніе Буланже говоритъ, что этотъ первый вердиктъ народа послужитъ прелюдіей къ великому торжеству, до котораго, что бы ни предпринимали правители, теперь уже не далеко. Прокламація заканчивается виватами въ честь Франціи и національной республики. По поводу обвинительнаго акта, Бу-

Михаилъ Николаевичъ Загладинъ (по поводу 100-й годовщины рожденія).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

лажке, Дильонъ и Рошфоръ опубликовали новую прокламацію, составленную въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. „Мы, говорится въ прокламаціи, — пренебрегли отвѣтомъ на клеветы правительства. Факты оправдываютъ такое съ нашей стороны воздержаніе. Верховный судъ и правительство обратились къ бѣжавшимъ изъ тюремъ лицамъ, чтобы добыть живыя показанія, но гѣмъ не менѣе ничего противъ насъ не могли обнаружить. Выборщики насъ расзудятъ. Спокойно ждемъ ихъ при-

говора“. По рѣзкія выраженія прокламаціи ничтожны въ сравненіи съ той брабью, которою осыпаютъ буланжистскія газеты правительство. Со своей стороны и финішскія французскія правители не остаются въ долгу и, серьезно приготавлиаясь къ избирательной борьбѣ, безнашадно „очищаютъ“ администрацію отъ буланжистскихъ элементовъ и увольняютъ по всѣмъ вѣдомствамъ чиновниковъ заподозрѣнныхъ въ сочувствіи генералу Буланже.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Е. И. В. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ нѣкоторое время замѣтно недомогалъ, но Самъ не придавалъ этому особаго значенія. Въ четвергъ, 6 іюля, въ 12 часовъ дня, Вел. Князь, вмѣстѣ съ Августѣйшею Супругою и Сыновьями, встрѣчалъ на платформѣ Павловской станціи желѣзной дороги Королеву Эллинову, прибывшую въ Павловскъ изъ Петергофа. Вечеромъ Вел. Князь чувствовалъ себя вполне хорошо. На другой день, Е. И. В. всталъ въ четверть девятого часа утра, и только что сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ обнаружился параличъ на явленіи правой стороны тѣла, съ потерю рѣчи. Тотчасъ явились врачъ Е. И. В., докторъ Дмитріевъ, и проживающій въ Павловскѣ профессоръ военно-медицинской академіи, академикъ Мержеевскій, дававшій уже нѣсколько времени совѣты Вел. Князю. Врачи предписали Августѣйшему больному полное спокойствіе. Къ вечеру Вел. Князь нисколько не поправился; ночь была проведена очень пестройно. 8 іюля, въ 4 часа утра, Вел. Князь, на сдѣланное Е. И. Высочеству предложеніе, изъявилъ желаніе приобщиться Святыхъ Тайнъ. Въ комнатѣ Августѣйшаго больного собралось Его Семейство. Духовникъ Е. И. Высочества, настоятель павловской придворной Маринской церкви, протоіерей Шафрановскій, исповѣдалъ и причастилъ Вел. Князя. Вечеромъ Августѣйшаго больного, по желанію Ихъ Императорскихъ Величествъ, посетилъ лейбъ-медикъ Воткинъ. Ночью волненія повторялись, сонъ былъ безпокойный и короткий. 10 іюля въ положеніи Е. И. Высочества произошло незначительное улучшеніе, выразившееся возвратомъ нѣкоторыхъ движеній въ парализованной правой ногѣ; сонливость меньше; Августѣйшій больной проснулся самопроизвольно, къ окружающимъ относился вполне сознательно; ночь проведена удовлетворительно. 11 іюля въ состояніи здоровья Е. И. Высочества улучшеніе продолжалось. Августѣйшій больной могъ внятно произнести нѣсколько словъ; появилась небольшая апнегия; силы крѣпче; Е. И. Высочеству могъ присидѣть нѣсколько времени въ креслѣ. Ночь проведена спокойно. 12 іюля въ состояніи здоровья Е. И. Высочества особыхъ переменъ не произошло. Температура тѣла и пульсъ нормальны; движеніе въ парализованной ногѣ продолжаетъ восстанавливаться, хотя медленно и въ незначительной степени, но постепенно. Ночь проведена спокойно, аппетитъ лучше, силы крѣпче.

Для церкви.

— 7 іюля, московскій женскій Вознесенскій монастырь праздновалъ пятисотлѣтіе со дня своего основанія.

— Въ усадьбѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны, близъ Кіева, учрежденъ женскій Покровскій общежительный монастырь.

Правительственныя распоряженія.

— Предоставлено министерству Финансовъ прислужить къ новому, VII выпуску мѣдной монеты, пятидесятирублеваго въ пудѣ достоинства, на сумму въ три милліона рублей.

— Съ привозимыхъ къ Батумскому порту и отправляемыхъ изъ онаго товарамъ установленъ временный, на десять лѣтъ, сборъ, на основаніи особыхъ правилъ.

— Для огражденія правильной торговли чаемъ, часторговцамъ разрѣшено выкупать въ продажу чай, разсыпанный имъ въ мелкія помѣщенія, съ наложеніемъ на эти помѣще-

нія казенныхъ бандеролей. Обандероленіе чая производится съ разрѣшенія Правительства, подъ надзоромъ назначаемыхъ для этого чиновъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— По сѣдѣніямъ департамента торговли и мануфактуръ, число фабрикъ и заводовъ, за исключеніемъ улачивающихъ акцизные сборы и горныхъ заводовъ, равняется въ Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ 18,963 съ производствомъ на 1,074,967,000 рублей, а включая Кавказъ, Сибирь и Туркестанъ—21,247 заводовъ, съ производствомъ въ 1,120,252,000 рублей.

— Къ 4 сего іюля положеніе полевой растительности въ Россіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Озимые хлѣба, за весьма немногими исключеніями, *удовлетворительны* въ 9 губ.: Архангельск., Вятск., Пермск., Московск., Рязанск., Казанск., Лифляндск., Эстляндск. и Радомск. *Частію удовлетворительны*, *частію посредственны* также въ 9 губ.: Вологодск., Владимірс., Смоленск., Тамбовск., Пензенск., Орловск., Черниговск., Оренбургск. и Уфимск. *Посредственны*: въ 15 губ.: Ярославск., Костромск., Калужск., Тульск., Нижегородск., Симбирск., Саратовск., Самарск., Минск., Ковенск., Курляндск., Калишск., Кѣлецк., Петровск. и Сѣдлецк. *Частію посредственны*, *частію неудовлетворительны* въ 14 губ.: Сиб., Курск., Воронежск., Харьковск., Астраханск., Таврическ., Херсонск., Бессарабск., Кіевск., Могилевск., Гродненск., Виленск., Витебск. и Сувалск. *Неудовлетворительны* въ 12 губ.: Новгородск., Олонек., Псковск., Тверск., Полтавск., Екатеринославск., Подольск., Волынк., Варшавск., Ломжинск., Люблинск. и Плоцкой.

Яровые хлѣба *удовлетворительны* въ 10 губ.: Архангельск., Вятск., Пермск., Московск., Пензенск., Полтавск., Нижегородск., Казанск., Симбирск. и Самарск. *Частію удовлетворительны*, *частію посредственны* въ 15 губ.: Псковск., Ярославск., Костромск., Владимірс., Рязанск., Тамбовск., Орловск., Курск., Харьковск., Черниговск., Саратовск., Оренбургск., Уфимск., Астраханск. и Херсонск. *Посредственны* также въ 15 губ.: Вологодск., Тверск., Калужск., Тульск., Таврическ., Минск., Могилевск., Гродненск., Ковенск., Виленск., Витебск., Курляндск., Лифляндск., Эстляндск. и Радомск. *Частію посредственны*, *частію неудовлетворительны* въ 10 губ.: Сиб., Воронежск., Екатеринославск., Бессарабск., Кіевск., Волынк., Калишск., Кѣлецк., Петровск. и Сувалск. *Неудовлетворительны* въ 9 губ.: Новгородск., Олонек., Смоленск., Подольск., Варшавск., Ломжинск., Люблинск., Плоцк. и Сѣдлецкой.

Литература и наука.

— Въ Петербургѣ пріѣхалъ венгерскій профессоръ, филологъ Бела-Викаръ.

— Въ зоологической музей Императорской Академіи Наукъ поступаетъ новый вкладъ—черепъ допотопнаго животнаго, найденный недавно на югѣ Россіи.

— Профессоръ Сиб. университета Э. Ю. Петри отправился въ киргизскія степи, гдѣ ему поручено: 1) произвести научное изслѣдованіе и 2) ознакомиться съ условіями жизни киргизовъ.

— Извѣстный геологъ, баронъ фонъ-Унгерн-Штернбергъ, въ текущемъ году предпринимаетъ экспедицію съ цѣлію изслѣдованія высокогорной области между Казбекомъ и Эльбурсомъ.

— Недавно члены германско-австрійскаго альпійскаго клуба гг. Гукешель и Гирнъ совершили подъемъ на вершину Казбека, ку-

да проводилъ ихъ извѣстный своими восхожденіями заграничекъ, присяжный проводникъ Францъ Гоферъ изъ Пинч-Гау, въ Тироли.

Изъ губерній и областей.

— Семирѣченскій губернаторъ телеграфируетъ: „Землетрясеніемъ 30 іюня въ Пржевальскѣ: въ домахъ трещины; повреждены: церкви, въ тюрьмѣ и въздомъ управленія—стѣны. Въ домѣ уѣзднаго начальника выпала часть стѣны. Во всемъ городѣ свалились трубы. Въ Тенлоключинскомъ въ домахъ значительныя трещины; въ Сливкиной и Джергесѣ нѣсколько слабѣе. Трубы повсемѣстно повалились. Дачи, кромѣ двухъ, всѣ разрушены. Возвышенный берегъ нѣсколько осанался. Три Джергалавскихъ моста исковерканы. Русларѣкъ измѣнились: берега изуродованы, мѣстами опустылись, разорвались уступами; выступила вода изъ вздутій. До Сазановки дорога въ трещинахъ; нѣкоторыя шириною аршинъ и глубиною четвере. Въ Преображенскомъ церковь и училище частью сильно повреждены, частью расстрескались; станція разрушена, новый мостъ на Турѣ изломанъ. Въ Уйтальѣ всѣ 29 домовъ и магазинъ разрушены; одинъ старикъ и шестеро малолѣтнихъ убиты, раненыхъ четыре.

„Въ Сазановкѣ всѣ 167 домовъ, станція, училище и магазинъ частью развалились, частью въ громадныхъ трещинахъ; легко раненыхъ 23, тяжело — 10. Зданія монастыря рухнули. Въ киргизскихъ Кеусуйской и Турангырской волостяхъ убитыхъ 14. Въ горахъ много погибъ скота. Сильныя сотрясенія продолжаютъ непрерывно. Районъ сильнѣйшаго землетрясенія: между Сазановкою, Преображенскимъ отъ Кунгей-Алатау противъ Вѣрнаго до Пржевальска. Западиѣ Сазановки сотрясенія легкія; поврежденій и пострадавшихъ тамъ нѣтъ. Согласно приказанію генерала-отъ-инфантеріи Колпаковского, предложено привести въ извѣстности убытки частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ землетрясенія, и образовать, по примѣру 1887 года, подъ предѣлительствомъ губернатора, комитетъ помощи, въ который передать 16,000 р., оставшихся отъ прежнихъ пожертвованій, съ обращеніемъ на выдачу пособій наиболѣе пострадавшимъ сельскимъ обывателямъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Кромѣ того, для увеличенія средствъ помощи, выслана губернатору одна тысяча рублей изъ наличнаго генералъ-губернаторскаго кредита“.

— Въ Вѣрномъ, въ ночь на 12 іюля, трп раза было землетрясеніе; дома трещали.

— Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатана слѣдующая телеграмма н. д. туркестанскаго генералъ-губернатора Военному Министру, отъ 4 іюля, изъ Ташкента: „Жары, наступившія внезапно послѣ долгой холодной весны, слѣдовавшей за многочисленной зимой, вызвали быстрое таяніе снѣговъ въ горахъ, вслѣдствіе чего произошли небывалыя наводненія въ уѣздахъ: Ошскомъ, Наманганскомъ и Маргеланскомъ, причинившія много бѣдствія населенію. По донесенію военнаго губернатора, многія земли испорчены наводненіемъ и негодны для эксплуатаціи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, нѣкоторыя-же стали окончательно негодными, пострадали также мосты, постройки, ирригаціонныя сооруженія. Кромѣ сложенія подачей съ разоренныхъ бѣдствіемъ хозяевъ, потребуются денежная помощь казны наиболѣе пострадавшимъ и нуждающимся“.

— Минувшею весною и въ началѣ лѣта настоящаго года, во многихъ мѣстахъ Закавказскаго края выпали обильные дожди, отъ

погорыхъ рѣки разлились и надѣлали немало бѣдъ и несчастій, причинившихъ населенію большіе убытки. Насколько значительны эти убытки, можно судить потому, что въ одномъ Елисаветпольскомъ уѣздѣ убытки простираются, по словамъ газеты *Кавказъ*, на сумму свыше 70 тысячъ рублей. Въ этомъ уѣздѣ, во время дождей, вода, выступивъ изъ береговъ рѣкъ Куры, Алазани и Юры, затопила дома, шелковичные сараи и уничтожила хлѣб-

ные посѣвы селеній: Пчонкуй, Саигери, Алпаутъ, Такламачь, Еленчугъ, Аликендъ, Адабашъ, Мансурли и Караковахъ. Кромѣ того, въ этихъ-же селеніяхъ унесено водою много скота.

— Изъ Кашгара сообщаютъ, что 3 июня окончена тамъ постройка памятника, воздвигнутаго русскимъ консуломъ въ Кашгарѣ Петровскимъ надъ могилою извѣстнаго путешественника по Средней Азій, Адольфа

Шлагинитвейга. Памятникъ, имѣющій видъ пирамиды съ желѣзнымъ крестомъ наверху, воздвигнутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Шлагинитвейгъ былъ казненъ 14 августа 1857 года, по приказанію завоевателя Кашгара, Вали-Ханъ-Тюри. Мѣсто подлѣ памятника уступлено китайскимъ правительствомъ, которому принадлежитъ Кашгарь.

— Въ окрестностяхъ Благовѣщенска появилась сибирская язва.

С М Ъ С Ъ .

Интересное двухсотлѣтіе. Въ нынѣшнемъ году исполнилось ровно 200 лѣтъ со времени послѣдняго бракосочетанія въ Россійскомъ Царствѣ Домъ православнаго съ православной по рожденію. Это былъ бракъ молодого царя Петра Алексѣевича съ Евдокією Феодоровною, дочерью боярина Ф. А. Лопухина, въ 1689 году. Слѣдовательно, недавнее бракосочетаніе члена благополучно Царствующаго Дома, Е. П. Вел. Кн. Павла Александровича съ греческою королевною Александрою Георгиевною, есть такое событіе, котораго не было въ русской державѣ ровно 200 лѣтъ. Припомнимъ ксати, что изъ великихъ князей Рюриковой династіи были жены на князяхъ славянскаго происхожденія: Великій князь Святославъ на Преславѣ, Владиміръ на Милоликѣ (мать св. князей Бориса и Глѣба) — князяхъ болгарскихъ. Великій князь Владиміръ и всея Россіи Всеволодъ III „Большое гнѣздо“ (съ 1175 г.) былъ женатъ на Маріи, князѣнчѣ чешской, Дмитрій, внукъ в. к. Иоанна III, именованійся съ 1498 по 1502 г. великимъ княземъ Владимірскимъ и Московскимъ, былъ женатъ на Еленѣ, дочери Стефана VI, государя Молдавскаго. (в.)

Клубъ пѣшеходовъ. Въ Варшавѣ организуется, по словамъ мѣстныхъ газетъ, оригинальный клубъ—пѣшеходовъ. Онъ въ программу свою включаетъ: 1) совместныя прогулки пѣшкомъ на разстояніи трехъ миль отъ города; 2) болѣе отдаленныя экскурсіи въ провинціи на срокъ отъ недѣли до мѣсяца; 3) конкурсы скороходовъ. Кромѣ того, клубъ будетъ выдавать стипендіи лицамъ, совершающимъ экскурсіи пѣшкомъ съ научной цѣлью, и лицамъ, вынужденнымъ много ходить, напр. почтальонамъ, телеграфистамъ, посыльнымъ и проч. Врачи при клубѣ будутъ постоянно наблюдать за состояніемъ здоровья „членовъ-пѣшеходовъ“. (в.)

Курьезная переписка между однимъ сельскимъ старостою и стаповымъ приставомъ воспроизведена въ газетѣ *Елисаветградскій Вѣстникъ*. „Препровождая при семъ крестьянина (имя рекъ)—рапортовалъ староста—честь имѣю довести его всклб. г. пристапу ... стана, что онъ, какъ видно изъ его выраженій и поступковъ, нездоровъ какой-то умственной неспособностью, а потому имѣю честь покоришше просить зависящаго распоряженія“. Приставъ написалъ на этомъ рапортѣ слѣдующее: „Понменованнаго крестьянина препровождю въ ...скую земскую больницу и покорию прошу освѣдѣтельствовать его съ цѣлью признанія, дѣйствительно-ли онъ страдаетъ умственными способностями“. (в.)

Образцовый рапортъ по начальству напечатанъ въ одной изъ южныхъ газетъ: „Вѣтренный мѣдъ сотскій Сидоровъ—говорится въ рапортѣ—перваго числа сего мѣсяца противозаконно застрѣлился, а съ чего ему послѣдовала смерть—неизвѣстно. По освѣдѣтельству какъ будто вовсе вонъ извлечены изъ головы въ отверстіи лбы. Потолокъ на второй половинѣ прострѣленъ дыроку, ибо комната имѣла направленіе на востокъ, такъ какъ задомъ была построена на западъ“. (в.)

Тарпанъ. Не такъ давно въ Московскомъ зоологическомъ саду палъ тарпанъ (дикая лошадь), въ весьма преклонномъ для этого животнаго возрастѣ. Онъ прожилъ въ зоологическомъ саду съ самаго основанія этого учрежденія и представлялъ собою весьма рѣд-

костный экземпляръ выродившагося вида лошади. Подобнаго экземпляра, какъ говорятъ, не было еще ни въ одномъ изъ европейскихъ звѣринцевъ. Тарпану зоологическаго сада было болѣе тридцати лѣтъ. Послѣдніе три года отъ старости онъ не вѣлъ уже ни овса, ни сѣна, и его кормили мѣшкой. За нѣсколько дней передъ издыханіемъ онъ совсѣмъ не принималъ никакой пищи. Изъ кожи животнаго сдѣлали чучело, которое поступило въ число рѣдкостей зоологическаго музея при Московскомъ университетѣ. (в.)

Возобновленіе древняго храма. Въ Муромѣ съ начала нынѣшняго лѣта происходитъ земляныя работы по возобновленію древняго забытаго Козьмо-Даміанскаго храма, построеннаго на холмѣ, который оснывался и грозилъ опасностью. По словамъ ревнителя и знатока историческихъ древностей Н. Г. Добрынкина, возникъ этотъ храмъ такъ. Въ 1552 г. царь Іоаннъ Васильевичъ пребывалъ въ Муромѣ на берегу Оки, гдѣ для него былъ раскинутъ роскошный шатеръ; отсюда царь обозрѣвалъ свои войска, во множествѣ плывшія на судахъ по Окѣ и временно расположившіяся на противоположной сторонѣ рѣки въ войменной долигѣ. Здѣсь царь простудился и нѣкоторое время лежалъ больной. По выздоровленіи онъ повелѣлъ на мѣстѣ шатра воздвигнуть каменную церковь. Искорѣй перковь была сооружена и освящена во имя Св. безречбинниковъ Козьмы и Даміана. Такъ гласитъ устная молва муромскихъ жителей. (в.)

Одному предпріимчивому трантирщику въ Лондонѣ пришла въ голову оригинальная мысль: возить по самымъ оживленнымъ улицамъ столицы такъ-назв. „Lunchon-waggon“ — фургоны съ завтракомъ. Въ каждомъ подобномъ фургоноѣ находится поваръ, жаровня и достаточное количество сырыхъ принасовъ, для того чтобы каждый желающій могъ получить свѣже-приготовленное кушанье. Чтобы не затруднять движенія по улицамъ, посетители „подвижнаго ресторана“ должны влѣзать въ фургоны и такимъ образомъ, во время завтрака, они могутъ пробѣжать часть своего пути, что составляетъ не малую приманку въ странѣ, породившей поговяду „время—деньги“. (с.)

Интересный и совершенно исключительный юбилей будетъ въ скоромъ времени праздновать *Пекинская газета*, а именно, тысячную годовщину своего основанія. По случаю торжественнаго событія будетъ, конечно, обнародована исторія газеты, составляющая солидную томъ и представляющая положеніе пекинскіи печати въ весьма благопріятномъ свѣтѣ. Оказывается, что *Пекинская газета* за тысячу лѣтъ своего существованія ни разу не была конфискована. (с.)

Въ Барнумскомъ звѣринцѣ въ Бриджпортѣ (Коннектикутъ) не такъ давно были произведены электрическіе опыты надъ различными животными. Принадлежащіи къ кошачьей породѣ оказались наиболѣе чувствительными къ дѣйствію электричества; что же касается морскихъ львовъ и бегемотовъ, то пропускаемый чрезъ ихъ тѣла токъ, не вызывалъ въ нихъ ни малѣйшаго признака раздраженія. Обезьяны и волки начинали вѣть. Только на словесныя опыты оказывали самое пріятное впечатлѣніе. При дѣйствіи 42 элементовъ Лекланшъ, они отъ удовольствія терли себѣ ноги и ласкались къ сторожамъ. (с.)

Рѣшеніе ребуса № 39

(помѣщенн. въ № 23).

„Часомъ опоздалъ и годомъ не воротишь“.

Рѣшеніе задачи буквъ № 40

(помѣщенной въ № 23).

(3) (1) (4) (2)

с	н	у	с
т	я	л	ѣ
т	о	в	ѣ
л	ѣ	с	ѣ
п	о	м	а
л	н	н	у
п	е	х	о
д	я	т	ѣ

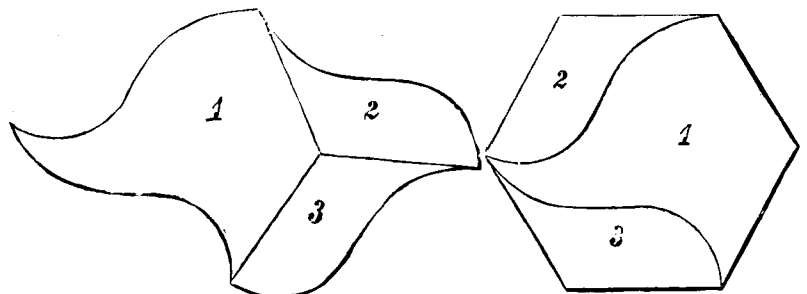
1) Мулъ.	5) Плесо.
2) Тля.	6) Яхта.
3) Вѣно.	7) Сѣти.
4) Пудъ.	8) Носъ.

„Спустя лѣто въ лѣсъ по малину не ходятъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: СПб. — Н. Е. Иванова-Кузнецова, С. П. Зимица, А. Н. Тонова, Л. Н. Свенторжскаго, Н. В. Панкова, М. Н. Кочергина, Ф. А. Боронина, А. А. Колмоленскаго, П. Н. Пастухова, Москва — И. Волгина, Арзамасъ — Хомутильниковъ, Александрополь — Г. Ф. Келхасуло, Ёлгородъ — Ф. З. Мазуръ, Бирскъ — П. Огаркова, Б. Норовино — В. К. Терскаго, Владивназъ — Р. Зинъ, Вязьма — Н. Вейденбахъ, Л. Александрова, Грязи — Е. Н. Милосильной, Диска — С. А. Дубникова, Демидова — С. Подвысоцкаго, Екатеринбургъ — Ф. Ильиневича, Износново — Дмитровскаго, Кременчугъ — Г. С. Рабиновича, Невъ — А. П. Шульженко, Камисная — В. Е. Севрюгова, Лебедни — В. И. Чурилина, Манарьевъ — М. Лафина, Мценскъ — В. Максимона, Н. Новгородъ — В. Обрадчикова, Новогрудонъ — Г. Котарскаго, Одесса — Рейженскаго, А. И. Повани, Основа — Ф. К. Листопадова, Перновъ — Ф. Михель, Рязань — П. Постникова, Самара — М. А. Смирнова, Сергеевъ посадь — С. Н. Заботина, П. А. Строминцева, Смоленскъ — К. П. Олцкаго, Тотья — А. В. Горохова, Устюжна — А. Мисникова, Царское Село — М. Ф. Таубе, П. Н. Видливева.

Фолькерта, Перновъ — Ф. Михель.

Рѣшеніе геометрической задачи № 41 (помѣщенной въ № 23).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: СПб. — Н. Е. Иванова-Кузнецова, С. П. Зимица, А. Н. Тонова, Л. Н. Свенторжскаго, Н. В. Панкова, М. Н. Кочергина, Ф. А. Боронина, А. А. Колмоленскаго, П. Н. Пастухова, Москва — И. Волгина, Арзамасъ — Хомутильниковъ, Александрополь — Г. Ф. Келхасуло, Ёлгородъ — Ф. З. Мазуръ, Бирскъ — П. Огаркова, Б. Норовино — В. К. Терскаго, Владивназъ — Р. Зинъ, Вязьма — Н. Вейденбахъ, Л. Александрова, Грязи — Е. Н. Милосильной, Диска — С. А. Дубникова, Демидова — С. Подвысоцкаго, Екатеринбургъ — Ф. Ильиневича, Износново — Дмитровскаго, Кременчугъ — Г. С. Рабиновича, Невъ — А. П. Шульженко, Камисная — В. Е. Севрюгова, Лебедни — В. И. Чурилина, Манарьевъ — М. Лафина, Мценскъ — В. Максимона, Н. Новгородъ — В. Обрадчикова, Новогрудонъ — Г. Котарскаго, Одесса — Рейженскаго, А. И. Повани, Основа — Ф. К. Листопадова, Перновъ — Ф. Михель, Рязань — П. Постникова, Самара — М. А. Смирнова, Сергеевъ посадь — С. Н. Заботина, П. А. Строминцева, Смоленскъ — К. П. Олцкаго, Тотья — А. В. Горохова, Устюжна — А. Мисникова, Царское Село — М. Ф. Таубе, П. Н. Видливева.

СТАТЬИ, рисунки и стихи для „Нивы“ должны быть доставлены с подписью и адресом автора, а также с обозначением условий гонорара. Безлатными считаются те статьи, на которых условия не обозначены.

Статьи по почте не возвращаются. Большие статьи, фотографии и рисунки сохраняются три месяца до востребования; мелкие же, признанные неудобными к печати, уничтожаются.

СОДЕРЖАНИЕ: Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть II. (Продолжение). — Стихотворенія кн. Д. Н. Цертелова. — Кто-же. Рассказъ Петра Дорошенко. (Продолжение). — Взрывная сила природы. — Къ рисункамъ: Крѣпость Керчи (съ рис.). — Чтеніе духовнаго завѣщанія (съ рис.). — Въ кружалѣ (съ рис.). — Даръ Божій (съ рис.). — Гитѣвъ Божій (съ рис.). — Е. И. В. Великій Никлаъ Петръ Николаевичъ и Милица Николаевна, княжна Черногорская (съ 2 портр.). — Экспедиція Б. Л. Громбчевскаго (съ портр. и 3 рис.). — М. Н. Загоскинъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Сибѣсь. — Рѣшенія задачъ. — Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА. ШЕСТЬ КОМЕДИЙ П. П. ГНѢДИЧА.

ДЛЯ ТЕАТРА, ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ И ДОМАШНИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ.

- 1) Горяція письма. Ком. въ 1 дѣйств.
  - 2) На хуторѣ. Ком. въ 3 дѣйств.
  - 3) Жена. Ком. въ 1 дѣйств.
  - 4) На южномъ берегу Крыма. Комед. въ 2 дѣйств.
  - 5) Въ цвѣтахъ. Ком. въ 3 дѣйств.
  - 6) Старая сказка. Ком. въ 4 дѣйств.
- Большой томъ, въ 8-ю долю листа, заключающій въ себѣ 390 стр., напечатанный на хорошей вѣленовой бумагѣ и украшенный вынѣт-камп. Цѣна этому изящному изданію 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к. Съ требованіями обращаться въ Редакцію журнала „Нива“, Невскій, № 6.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1888 годъ,

закрывающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, рассказъ И. А. ГОНЧАРОВА: „Слуги“, большой историч. романъ Д. В. АВЕРКІЕВА: „Вѣчу не быть“, историч. романъ П. Н. ПОЛЕВОГО: „Братья Соверники“ и его же: „Бытовые наброски русской исторіи“, Я. П. ПОЛОНСКАГО: „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа Е. А. САЛАСА: „Бригадирская внучка“, большую повѣсть Н. СТАНИЦКАГО: „Исторія одного таланта“, рассказъ Макс. БЪЛИНСКАГО: „Заловѣднѣйшій дѣлъ“, комедію В. КРЫЛОВА: „Сорванецъ“, повѣсть А. ЗАХАРОВА: „Защита Нарвы“, рассказъ Е. А. САЛАСА: „Онъ-же“, рассказъ ТХОРЖЕВСКАГО: „Рекогносцировка“ и нѣсколько рассказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологій, гигиенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологій, новейшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ бесплатныхъ приложений, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельными красками, „Сборника повѣстей и рассказовъ“ извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ перенесенному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала Ю. КЛЕВЕРА: „ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“ (14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всеми бесплатными преміями и приложениями:

Броннпорова. . . . . 4 р. Въ колѣн. перепл. 5 р. 50 к.
 Съ пересылкою до 1000 . . . . . Съ пересылкою до
 версть . . . . . 6 р. 1000 версть . . . 7 р. 50 к.

Свыше 1000 версть за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., № 6.

Изданіе А. Ф. Мариса въ СПБ.
НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ
 РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ,
 состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стилей; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ издѣн. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія просить адресовать: въ СПБ. къ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVIII в., въ 3-хъ ч. II. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣн. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

МОЛЬДАКОТЪ
 Усовершенствованная английская карманная двухшпинтальная швейная машина СЪ КОЛѢСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колѣсомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ самая тонкая, такъ и самая толстая матерія, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колѣсомъ доступна всемъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководствъ. Всѣмъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ толщ. орѣх. ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к. Въ Сибирь и на Кавказъ за 4 фунт. Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Мясницкаго, д. Ермаковскихъ.

Въ Нижегородской ярмаркѣ: Бразильскій пассажъ, № 58.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКОЕ
 грязе-лечебное заведеніе товарищества врачей въ Крыму, въ г. Керчь. Сезонъ съ 20 мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрь, которая высылается за 1 семикоп. марку. Адресов. въ г. Керчь, д-ру Филимовичу

Поступила въ продажу **НОВАЯ КНИГА:**
ДОМАШНЯЯ ТЕХНИКА
 Простейшіе способы распознаванія продуктовъ первой необходимости и открытіе въ нихъ поддѣлокъ. Составилъ б. секретарь Русск. Технич. Общества П. Андреевъ. Цѣна 40 коп. № 3967

№ 4711.

Изготовляемые подъ этою фабричною маркою

О-ДЕ-КОЛОНЪ, ДУХИ,
 Туалетная мыла высokaго достоинства, **ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА,**
 Препараты для лѣжкости кожи, **ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА, ПУДРЫ,**
МАСЛА ДЛЯ ВОЛОСЪ, ПОМАДЫ,
 Туалетная вода в т. п.

приобрѣли благодаря ихъ высокимъ качествамъ и ихъ дешевой извѣстности во всемъ мірѣ.

Просимъ всѣхъ покупающихъ парфюмерныя издѣлія требовать при покупкѣ издѣлія, снабженнаго настоящей фабричною маркою

№ 4711.

которыя продаются почти во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Главное Дѣло у Александра Гисъ и Ко, Пушкинская, № 4, въ СПБ.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маршанта. Пер. съ фр. П. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

МАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ ГИСТЮБЛЕРЪ
 ЧИСТЫЙ ЩЕЛОЧНОСЛАННЫЙ ИСТОЧНИКЪ ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ И ЗДОРОВЫЙ **СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ**
 можно всездѣ получить.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
 строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки. Они же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Нейтона и Шутлеворта въ Англійи и знаменитаго завода стѣнокопаловъ, минерныхъ „Дези“ и сноповязаловъ Мак Нормана въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандала и конныя грабли Тигръ завода Стодаркта, ридовыя сѣлки Сакка и проч. № 3959 (3)

Запасныя части ко всемъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутковъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и заграничій.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-пшеничная пудра.

CHATELAIN, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (18).

ДЕПАРТАМЕНТЪ УДѢЛОВЪ

силь доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что имъ приобрѣтено, въ полную и исключительную собственность, виноторговое дѣло подъ фирмою:

„КНЯЗЯ С. М. ВОРОНЦОВА“.

Продажа Воронцовскихъ винъ будетъ и впредь продолжаться Департаментомъ Удѣловъ подъ тою же фирмою „Князя С. М. Воронцова“, право на которую отпущено принадлежати исключительно Департаменту.

Всѣ, безъ изыятія, вина, какія приняты удѣльнымъ вѣдомствомъ и будутъ имъ выпущены въ продажу, были подвергнуты химической экспертизѣ и найдены вполне доброкачественными, не содержащими никакихъ примѣсей, тѣмъ болѣе вредныхъ. Удостовереніе это даетъ Департаменту Удѣловъ возможность гарантировать публикѣ безпримѣсность и доброкачественность предлагаемаго ей вина. Экспертизу производилъ профессоръ гг. Пель — въ С.-Петербургѣ и Верно — въ Одессѣ и доцентъ г. Эрнбургъ — въ Харьковѣ.

Вино будетъ впредь отпускаемо не иначе, какъ розлитымъ въ бутылки и позубутылки, подъ бандеролью Департамента Удѣловъ, при непосредственномъ надзорѣ за торговлею со стороны чиновъ удѣльнаго вѣдомства.

Продажа винъ и отправка винограднымъ попрежнему производится: въ собственныхъ торговыхъ: въ С.-Петербургѣ — Невскій пр., Милитинъ рядъ, д. № 27; въ Москвѣ — Большая Никитская, близъ церкви Магдадо Вознесенія, д. № 131; въ Харьковѣ — Николаевская площадь, городской домъ; въ Одессѣ — Дерибасовская, д. № 18. и у комисіонера гг. Демики и Ко — въ Симферополѣ. Сверхъ того, взаимѣ упрядденнаго атлннскаго комисіонерства, открыта въ Ялтѣ, въ Ливадскомъ домѣ, собственная винная торговля удѣльнаго вѣдомства. Гг. виноградники могутъ также обращаться съ заказами непосредственно въ Массандранское Удѣльное Управленіе (въ Массандрѣ, близъ Ялты).

Торговцамъ и крупнымъ покупателямъ дѣляется уступка. Прейсъ-куранты высылаются бесплатно, по первому требованію.

О всѣхъ имѣющихъ послѣдовать переѣмахъ, какъ въ преісъ-курантѣ, такъ и другихъ, будетъ своевременно доведено до свѣдѣнія публики.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣн. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Начало занятий 1 сентября.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ

Программы выдаются и высылаются бесплатно.

СОСТАВЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ: **ПѢНІЕ:** проф. Е. Ф. Цванцигеръ, З. П. Гроппло. **ФОРТЕПИАНО:** А. К. фонъ-Дрейеръ, А. И. Полетика, Е. П. Рапгофъ, г-жи Ярушь, Диллонъ, Горчичева и другіе. **СКРИПКА:** гг. Поповъ и Радике. **ВИОЛОНЧЕЛЬ:** г-нъ Потаповъ. **ФЛЕЙТА:** Э. Келеръ. **БАЛЕТНО:** г-нъ Франкъ. **ТЕОРІЯ:** К. фонъ-Бахъ, г-нъ Липшольдъ и В. Соколовъ. **СОЛЬФЕДЖІО:** М. А. Данилевская. **ФРАНЦУЗСК. и ИТАЛІЯНСК. ЯЗЫКИ:** г-жа Отсолигъ и г-нъ Нардуччи. **МИМИКА и ТАНЦЫ:** г-нъ Аистовъ. **КЛАССЪ ПЕДАГОГИКИ ФОРТЕПИАННОЙ ИГРЫ:** Евг. Павл. Рапгофъ. **КЛ. ДРАМ. ИСКУССТВА:** С. М. Сосновскій.

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: Смотри по предмету и по курсу отъ 15—75 руб. въ полугодіе или отъ 5—20 р. въ мѣсяцъ. | Всѣ дополнительные предметы преподаются бесплатно. Директоръ курсовъ **Евген. Павл. Рапгофъ.**

СПБургъ, Малая Морская, д. № 7. Приемъ по пятницамъ съ 2—6 ч. веч. Съ 17-го августа ежедневный.

Настоящій, патентованный

ГЕРОФОНЪ

обыкновенный съ 10-ю пьесами

30 руб.

Герофонъ съ приспособленіемъ для громкой и тихой игры съ 10 пьесами

32 руб.

Добавочныя пьесы въ громадномъ выборѣ по 60 коп. за каждую. Перес. за 50 фунт.

Каталогъ пьесъ — бесплатно.

Иллюстрированы, преѣсъ-курантъ въсѣхъ музыкальн. инструментахъ — бесплатно.

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 3973

Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ колѣнк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-ми красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ ТОВ.

БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, д. № 2.

Москва, Мясницкая ул., д. Виноградова.

обращаетъ вниманіе гг. хозяевъ на мундольныя мельницы „ТРИУМФЪ“ съ вертикальными жерновами, какъ на самыя простыя, производительныя и доступныя. Строятъ 3 размѣр.

ЛОКОМОБИЛИ
3, 4 и 6 силъ (спеціальность).
Большой выборъ ручныхъ и конныхъ

МОЛОТИЛОКЪ,
ВЪЯЛОКЪ-СОРТИРОВОКЪ,
НАСОСОВЪ,
ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ и проч.

Иллюстрир. каталоги по востребованію.

ЛЮБИМЫЕ и ГИЗЫМЫЕ

имѣютъ честь сообщитъ, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПРОИЗВОДСТВО
ЗОЛОТЫХЪ ОЧКОВЪ и ПЕНСНЪ

А. Н. КИСЛЯКОВОЙ.

Противъ Рождественскаго монастыря, домъ монастыря П. № 3968

ВЪ МОСКВѢ.
Высылка съ надлежащимъ платежемъ.

Разрѣшенное **СПРАВОЧНОЕ БЮРО** и обезпеченное залогомъ.

„Н. ДОНИЧЪ“

въ 1884 г.

Принимаетъ заявленія и выдаетъ справки всякаго рода: о покупкѣ, продажѣ, залогѣ и арендѣ: извѣстій, домовъ, дачъ, фабрикъ, заводовъ, торговыхъ, промышленныхъ, фабричныхъ, заводскихъ, ремесленныхъ заведеній и друг. дѣлъ; о капитал. подл. залогъ недвижимости.

АДРЕСОВАНІЕ писемъ и телеграммъ на „Справочное Бюро“ подл. № или лит. до востребованія.

Принимаетъ печатаніе **ОБЪЯВЛЕНІЙ** въ газеты и журналы **ПО ЦѢНАМЪ ГЕДАКЦІИ.** Лица, не желающія оглашать въ заявленіяхъ или публикаціяхъ своего адреса и фамиліи, замѣняютъ таковые № квитанціи, выданной отъ Справочнаго Бюро.

АДРЕСЪ для городскихъ и иногородныхъ: Москва, Софійка, противъ насажда, Справочное Бюро „Н. ДОНИЧЪ“. № 3971 3—1

Арчеръ СПИННЕРЪ.
Апаратъ для ловли рыбы на живца; живецъ надвѣвается на иглоку и прикрѣпляется металл. чешуйскими плавничками; съ боковъ подхватывается крючками. Цѣна 1 руб. 50 коп., на пересылку отъ 1 до 3 прибавляется 50 к., кромѣ Азиатской Россіи и Сибіри.

Преѣсъ-курантъ рыболов. принадл. высылается за 7 к. марку. № 3970

П. Ф. Наратаевъ.
Невскій пр., Милотинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ

ВЪ КАМЫШАХЪ.

Повѣсть Н. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе второе.

Съ 39 рис. автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 н.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. по безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не меньше двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (75) № 2946

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!
Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка). Требуется иллюстрированные каталоги *gratis et franco.*

Юг. Занс и №.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. R. № 3734

Берлинъ, Риттерштрассе 88.

Поставщики великосиловъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, | С.-Петербургъ,
Кузнецкій мостъ, | Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи-Велосиловъ: Спидотъ, Виплетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Обновленный Спидотъ № 2 = 150 руб. =

Преѣсъ-Куранты высылаются бесплатно.

Поставщики великосиловъ Русской Арміи.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Вс. С. Соловьева.

Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI в. Томъ этотъ украшенъ 20 рис. художника И. С. Панова. Изд. III. СПБ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ маленк. перепл. 2 р. 75 коп., съ перес. 3 р. 25 к.

ИИЩУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Ищетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствъ и много правительств. и частныхъ учрежд.

Преѣсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва | С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. | Б. Морская, 21.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ.
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Суды подл. всѣ % бумаги.
Страхованіе американскихъ залговъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3925

Также нужны върныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

г. XX

№ 31

1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ три листа съ 8—10 рис. и ежемѣсячнымъ даровымъ приложеніемъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.).
Выданъ 29 іюля 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫНРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ . . . . . 6 р. 50 к.
Безъдост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи . . . . . 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Лѣтняя идиллія. Рис. Шлезингеръ, грав. Кезебергъ.

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XV.

Оскорбленный художникъ съ бѣшенствомъ принялся за работу.

Въ первые дни онъ едва-едва говорилъ съ Вѣрочкой, не потому что въ его душѣ было еще раздраженіе противъ нея, нѣтъ, а потому что его мысли были сильно заняты картиною, которую онъ дописывалъ. Онъ разсѣянно глоталъ куски за обѣдомъ, не доѣвъ срывался и уходилъ къ мольберту; когда жена подходи оставалась около, онъ безсознательно поднималъ на нее глаза и она видѣла, что онъ вѣрно даже и не замѣчаетъ ее въ такія минуты. Рядновъ сталъ вставать рано, онъ худѣлъ и желтѣлъ, въ всклокоченной за эти дни бородѣ прибавилось много сѣдыхъ волосъ. Часто ночью онъ просыпался и, присѣвъ на кровать, обдумывалъ что-то, потомъ босикомъ бросался въ другую комнату, наскоро набрасывалъ свои мысли и ложился, чтобы до утра не смыкать глазъ. Вѣра, по его приказанію, стала класть на столикъ у его изголовья бумагу и карандашъ и каждое утро находила первую исписанной. Александръ Петровичъ даже забылъ ее поблагодарить за ея заботливость... Глаза его пока видѣли хорошо. Ничто не застидало — вѣрно долгій отдыхъ послужилъ имъ въ пользу... Глядя какъ лихорадочно работаетъ его кисть, Вѣра боялась какъ бы на самомъ созданіи не отразилась спѣшность и недодуманность; она какъ-то сказала объ этомъ мужу, тотъ угрюмо отвѣтилъ:

— Мнѣ некогда. Если бы я былъ твоихъ лѣтъ, дѣло другое. Да я вѣдь по ночамъ обдумываю, когда ты спишь...

Черезъ двѣ недѣли общій обликъ картины былъ уже готовъ. Главныя фигуры выдѣлялись изъ нея странно, словно живныя среди хаоса еще ожидавшаго творческихъ усилій художника. Тучное, раскормленное тѣло Тиверія, его лицо съ властными и въ то же время подозрительными глазами, слѣдами разврата въ чертахъ, драблное, пожелтѣвшее, было просто страшно; дѣвушки, привезенныя къ нему изъ Капуи, въ полной свѣжести и яркости красокъ, пугливыя какъ серны, съ ужасомъ смотрѣли на бессмысленную судьбу, олицетворяющуюся для нихъ въ образѣ ихъ повелителя; подлое лицо сенатора, угоднически-раболѣпное, льстивое, съ отпечаткомъ того же животнаго страха за себя; — все это выдѣлялось изъ миража набросковъ, разсѣянныхъ мазковъ, начатыхъ и брошенныхъ деталей... Только вверху въ амбразуру окна смотрѣло знакомое Вѣрочкѣ глубокое, строгое, темно-синее небо Капри съ бѣлою искоркою голубка, утонувшаго въ его недосигаемой выси...

— Ну, что скажешь?.. обратился къ ней Рядновъ.

— Развѣ я могу... По моему, это великолѣпно... Это лучшее изъ всего, что я у тебя видѣла...

— Да, полагаю. Я имъ утру носъ. Я покажу имъ былаго художника. Ну-ко пускай вывѣшныя попробуютъ такъ?

— Знаешь-ли... Я бы только это общее выраженіе страха бросила отсвѣтомъ и на лицо Тиверія...

— Что? не сообразилъ онъ въ первый моментъ...

— Я бы и ему сдѣлала присущимъ этотъ ужасъ такъ или иначе умирающаго міра. Власть, оргіи, бѣшенство страсти—и въ то же время тамъ гдѣ-то въ глубинѣ, въ потемкахъ, темный, бессмысленный ужасъ передъ томительнымъ „завтра“...

Рядновъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее, потомъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Да... да... Откуда это у тебя берется—не понимаю... Да, это вѣрно... Это будетъ удивительно хорошо.

И онъ заработалъ съ бѣшенствомъ, съ какимъ-то

страданіемъ и ужасомъ, точно этотъ страхъ передъ „завтра“ умирающаго языческаго міра передался и ему.

Вечеромъ онъ первый подошелъ къ Вѣрѣ.

— Знаешь, твой совѣтъ точно освѣтилъ картину новымъ выраженіемъ...

Теперь, какъ только заходило солнце, вплоть до восхода онъ давалъ отдыхъ своимъ больнымъ глазамъ. Лампу зажигали въ другой комнатѣ, въ этой были потемки. Въ слабomъ, едва достигавшемъ сюда свѣтѣ, чуть мерещились золотыя рамы, едва-едва намѣчивались серебряныя кубки и парча, разбросанные по кресламъ. Рядновъ цѣлые часы сидѣлъ въ одномъ изъ нихъ и думалъ-думалъ... Вѣрочка замѣчала, что за все это время она уже не занимаетъ мѣста въ его сердцѣ. Художникъ весь ушелъ въ свою работу, передъ нимъ носились миражи другихъ ожидавшихъ воплощенія картинъ, онъ усиленно, съ болью, истомой, напряженіемъ представлялъ ихъ себѣ уже написанными со всѣми деталями, обдуманнми такъ, чтобы потомъ ему остался только трудъ копировальщика, вѣрнаго вполнѣ намѣтившемуся въ головѣ оригиналу... Чтò ему было до женщины заботившейся о немъ, до Вѣрочки, которая старалась неслышимо быть около него, тѣнью слѣдовать за нимъ, предупреждая его раздраженіе, его нравственныя боли и муки. И рядомъ съ этимъ, рядомъ съ торжествомъ художника, уже видящаго свое созданіе воплощеннымъ въ чудныя и безукоризненныя формы настоящаго вдохновеннаго творчества, что-то странное, холодное, незамѣтное сначала заползло въ его душу.

Это былъ „страхъ“... Глухой, безотчетный страхъ...

— Не упадетъ-ли тамъ лампа?.. Ты знаешь, керосинъ разольется, вспыхнетъ и моя картина...

— Нѣтъ, лампа стоитъ прочно...

— Хорошо-ли заперты двери парадной лѣстницы?.. Не можетъ-ли войти кто?..

Какъ-то прилетѣлъ Дороцкій и сорокою заболталъ въ гостиной. Вѣра хотѣла уже провести его къ мужу, но тотъ озабоченно вышелъ, сумрачно посидѣлъ минуту, ушелъ и заперся...

— Можно къ вамъ? постучался къ нему гость.

— Не могу... Заходите когда кончу...

Потомъ онъ объяснялъ Вѣрочкѣ:

— Ты знаешь, это случается... Дороцкій болтунъ... Начнетъ вездѣ звонить о моей картинѣ. Ну, другой художникъ и воспользуется мыслью. Это случается. Воровство сюжетовъ не такъ рѣдко какъ думаютъ...

Онъ и на Вѣрочку сталъ смотрѣть подозрительно.

— Чтò ты пишешь теперь внизу?..

— Такъ кое-что.

Ея уклончивый отвѣтъ ударилъ Ряднова по сердцу. Онъ не сказалъ ни слова, а какъ только она пошла внизъ работать, онъ заперъ свою мастерскую и спустился къ ней... Вѣра изумилась и обрадовалась увидя его.

— Какъ я рада!

Но онъ ее не слушалъ, а весь дрожа и ревниво озираясь шелъ къ ея картинамъ... Осмотрѣлъ ихъ, потомъ бросился къ недоконченной, надъ которой она работала.

— Отчего ты не хотѣла сказать?.. Отчего?.. разсѣянно ронялъ онъ подходя.

И разомъ успокоился.

Передъ нимъ была когда-то видѣнная имъ монастырская „рисовальня“... Съ одной стороны сбились въ кучу испуганныя бѣлицы, а съ другой—у рамы картины, стоялъ онъ, Рядновъ, и съ ласковой усмѣшкой созерцалъ наивное созданіе монашеской кисти. Въ картинѣ было много правды, искренности и свѣта.

— Да... а я думалъ...—И кровь прилила къ его желтому лицу. — Знаешь, Вѣрочка, ты вообще пока не сердись на меня... Мнѣ иной разъ самому кажется, что я дѣлаю сумасшедшимъ...

Онъ пошелъ было уже къ дверямъ, какъ остановился разомъ. Около стояла спиною прислоненная къ стѣнѣ картина.

— А здѣсь что, здѣсь что?..

Опять лицо его подернулось ревнивою подозрительностью.

— Ты не вставай, я самъ, я самъ...—Онъ торопливо повернулъ къ свѣту картину и опять покраснѣлъ. — Да-да, недурно, очень недурно... Уголокъ Капри. Солнце хорошо бьетъ въ эту стѣну и золотые блики на кактусахъ живо переданы. Море вонъ тамъ какъ будто слишкомъ сине... А у тебя больше нигдѣ нѣтъ картинъ, а?.. Можетъ-быть ты куда-нибудь ставишь ихъ...

— Нѣтъ, Саша... Зачѣмъ же бы я стала ихъ прятать.

— Такъ, знаешь... бываетъ... бываетъ.

И онъ все такъ же торопливо, порывисто, лихорадочно пошелъ къ себѣ приниматься за прерванную работу.

XVI.

Совѣтъ Вѣрочки дѣйствительно придалъ картинѣ какой-то невыразимый ужасъ. Цѣлая эпоха становилась понятною и одинаково жалкими казались и палачи ея, и жертвы... Но и для самого художника работа эта не прошла даромъ. Къ прежнимъ страхамъ, когда онъ уже доканчивалъ ее, присоединился новый...

Она почти была дописана... Выдѣлились прозрачные мраморы Тиверіева дворца. Солнце заиграло на ихъ бѣлой поверхности, ушли въ сумракъ высокаго свода стройныя колонны, заестрѣла чудными сочетаніями красокъ мозаика половъ, чуть мерещилась на стѣнахъ помпейская живопись, курился и краснымъ огонькомъ подернулся жертвенникъ, голубая сквозная глубь бассейна вспѣвилась подъ холодною струей, падавшей изъ пасти мраморнаго льва. Въ глубинѣ темныхъ нишъ заблѣбли строгіе бюсты—въ окнахъ уже горѣло полуденное небо... Капуанскія дѣвушки были околочены и лица вышли изумительно прекрасны. Оставалось только додѣлать кое-гдѣ ноги, пройти еще по картинѣ нѣсколькими мазками и въ глубинѣ арки дописать видные сквозь нее пышные платаны и кактусы. Оставалось работы дня на четыре, на пять, какъ вдругъ разъ Александръ Петровичъ сбѣжалъ внизъ къ Вѣрѣ.

На немъ лица не было.

— Что съ тобою?..

— Пожалуйста, подымись ко мнѣ на одну минуту...

Она поспѣшила исполнить его требованіе.

— Ты ничего не замѣчаешь?

— Ничего, кромѣ того что картина будетъ превосходна. Я бы только на голый черепъ этого вотъ сенатора бросила нѣсколько солнечныхъ бликовъ... Вѣдь окно—вонъ гдѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, а краски... краски-то вѣрны?

— Совершенно.

— Ты мнѣ говоришь правду?.. подозрительно переспросилъ онъ ее.

— А что-же другое я бы могла сказать тебѣ?

— Слава Богу!.. Я положительно сойду съ ума... Теперь мнѣ стало казаться, что эти краски только моему испорченному зрѣнію являются такими, а въ дѣйствительности онѣ совсѣмъ другія. Эта проклятая болѣзнь глазъ. Я потеряю съ нею вѣру въ себя... Теперь меня постоянно мучаетъ страхъ, что я ослѣпну, не кончивъ картины...

Вѣра внимательно посмотрѣла на него.

Края глазъ были сильно воспалены, даже вѣки вспухли на немъ и покраснѣли.

— Они болятъ у тебя?

— Нѣтъ... Колетъ какъ-то временами, да я не замѣчаю—некогда. Все это разумѣется болѣзни воображенія. Глуности.

— Ты-бы сдѣлалъ перерывъ.

— А къ выставкѣ у меня ничего не будетъ готово? Такъ!.. впрочемъ, что-же? Тебѣ-же будетъ лучше тогда. Ряднову не будутъ сравнивать съ Рядновымъ... Не такъ-ли?

— Какъ тебѣ не стыдно...

— Ну да ужъ тамъ стыдно или нѣтъ... Иди—я сажусь за дѣло.

И она еще была въ дверяхъ, а кисть его уже лихо радочно заработала.

На другой день онъ былъ въ ужасномъ состояніи. Боязнь ослѣпнуть какимъ-то неизмѣннымъ призракомъ стала около и не отходила отъ него. Чтò онъ ни дѣлалъ, какъ ни старался заработать до измору, о чемъ ни думалъ—она своими холодными руками сжимала ему сердце. Да—онъ ослѣпнетъ не кончивъ картины, этой картины которая должна будетъ зажать ротъ всѣмъ тѣмъ негодяямъ, и если ихъ клеветамъ повѣрять, онъ станетъ для всѣхъ бездарностью, все прошлое его забудутъ... И Рядновъ съ головокружительною торопливостью набрасывалъ мазокъ за мазкомъ, схватываясь порою за голову, такъ она у него ходила во всѣ стороны и болѣла въ вискахъ. Вѣра не могла спокойно смотрѣть на него. Ея мужъ не былъ похожъ самъ на себя. Онъ дрожалъ, смотрѣлъ на все какимъ-то безумнымъ взглядомъ; при разговорѣ губы его трепетали и изъ груди вмѣсто дыханія вырывались сильные стоны.

Когда по вечерамъ онъ отдыхалъ, сидя въ креслѣ и зажмурился, тишина его комнаты, полумракъ, спокойное чтеніе Вѣрочки не приносило ему успокоенія. Онъ не слушалъ ея вовсе. Ему казалось, что это не темнота, а просто онъ уже пересталъ видѣть.

— Принеси лампу! приказывалъ онъ.—На минутку! пояснялъ онъ ей.

Лампу вносили. Рядновъ жадно смотрѣлъ какъ выступало изъ угловъ дописанное имъ полотно, какъ загорались рамы картинъ, какъ изъ потемковъ выдѣлялась статуя, давно стоявшая тамъ, и намѣчивались алые цвѣта на пестромъ коврѣ около.

— Довольно!.. Унеси! говорилъ онъ, успокоенный.

И вдругъ ему представлялось, какъ его будутъ водить слѣпаго изъ комнаты въ комнату. И пожалуй его картину, эту еще никому неизвѣстную картину, выдаютъ за свою. „Кто выдастъ?.. Некому... Вѣра не дастъ... А чтò если она завидуетъ ему такъ-же, какъ онъ завидовалъ ей?.. Всѣ—люди. Ей стоить только сказать...“ И онъ вдругъ сорвался съ мѣста.

— Вѣра, посвѣти мнѣ на секунду одну въ мастерскую.

— Ты вечеромъ хочешь работать?

Въ ея вздрогнувшемъ отъ опасенія голосѣ онъ прочиталъ подтвержденіе его мысли.

— Я тебѣ говорю, возьми лампу. Вѣдь я и самъ...

Она покорно понесла туда лампу.

Александръ Петровичъ сѣлъ къ картинѣ и написалъ въ углу ея своимъ обычнымъ росчеркомъ:

„Александръ Рядновъ,
Петербургъ, Сентября 188... года.“

— Развѣ бы ты не успѣлъ сдѣлать это завтра?..

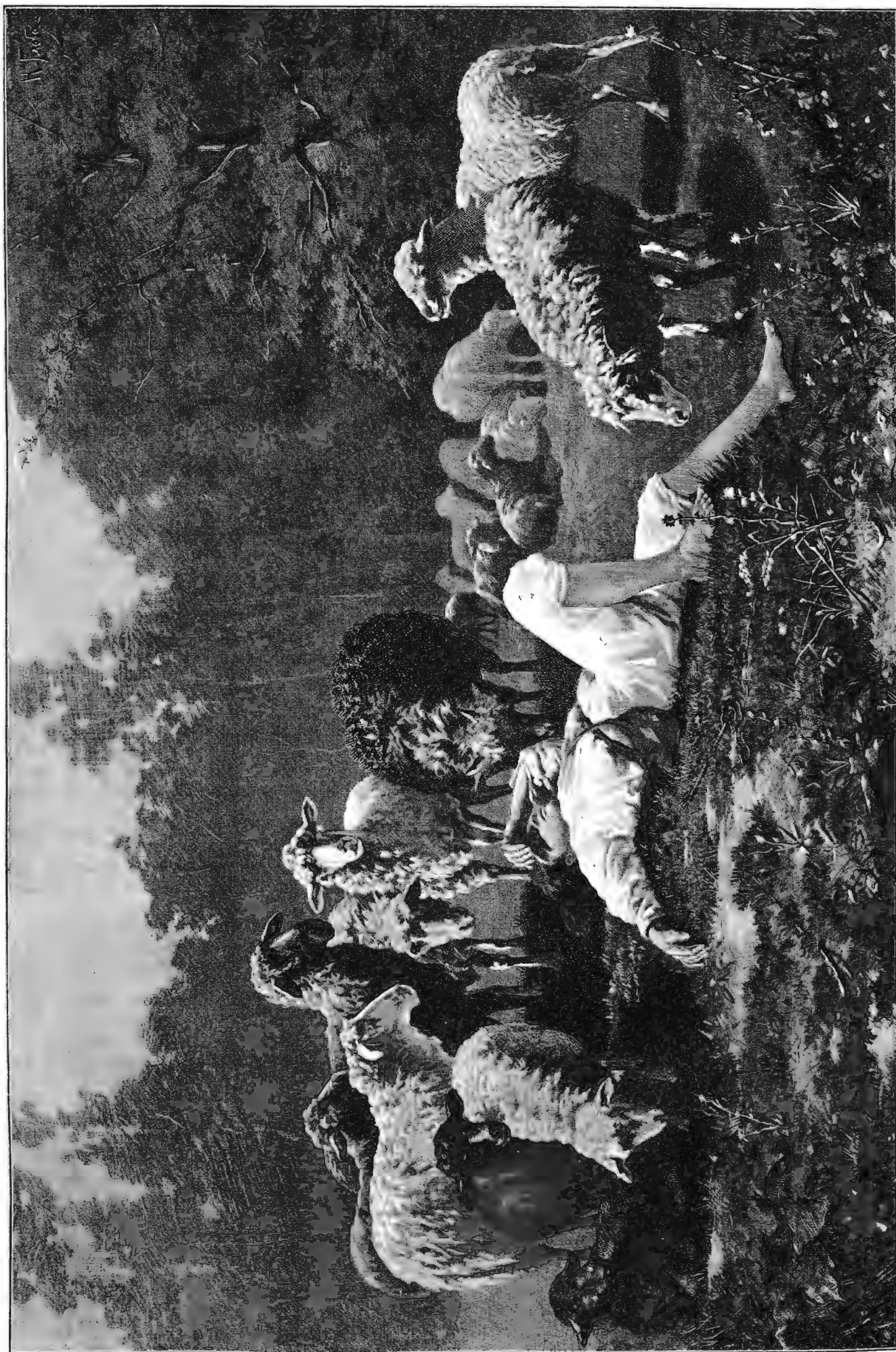
— Завтра можетъ быть было бы поздно...

Потомъ онъ позвалъ Семена.

— Семень, ты видишь эту картину? Ну, такъ помни: ее нарисовалъ я, я одинъ. Никто не помогалъ мнѣ, никто не участвовалъ въ этомъ. Я... я одинъ.

Весло упустиль! Оргг. рис. (собств. „Нивы“) Иманевича, грав. Шюблеръ.

Пора на водопой! Ориг. рис. (собств. „Мивы“) Н. Глоба, грав. Ангереръ.

Проснувшись ночью, во мракѣ, онъ вскрикивалъ, ему казалось, что онъ ничего не видитъ. Онъ протягивалъ руку, покрытую холоднымъ потомъ ужаса, къ столу, бралъ коробку спичекъ, зажигалъ одну, и радостно улыбался, смотрѣлъ на желтый огонекъ. Давалъ спичкѣ догорѣть, опалия себѣ руку. Бралъ другую, третью и съ ними продѣлывалъ то же. Потомъ, подымая высоко надъ собою ихъ и освѣтивъ такимъ образомъ углы, засыпалъ счастливый и спокойный до перваго пробужденія и новыхъ предчувствій несчастья, которое онъ какъ будто уже чулъ надъ собою.

XVII.

Картина была кончена и сохла.

Теперь только изрѣдка подходилъ къ ней Рядновъ и клалъ то тамъ, то здѣсь блики. Смягчалъ кое-гдѣ слишкомъ рѣзко выступавшую краску, сливая оттѣнки. Положеніе Вѣрочки было невыносимо. Онъ уже не дускалъ ее къ себѣ.

„Неужели я стала ему до такой степени противна?“ думала она, вспоминая какъ онъ ласкалъ ее когда-то.

— Послѣ, послѣ, встрѣчалъ онъ ее въ дверяхъ мастерской.—Послѣ...

— Ты вѣдь кончилъ, позови врача. Теперь займись глазами.

— Глупости!

Онъ запирался на цѣлые дни и стерегъ свое сокровище.

Теперь онъ въ волю пускалъ сюда свѣта. Ему все казалось, что темно кругомъ. Онъ выходилъ къ обѣду веселый и все чаще отъ него пахло коньякомъ. Вѣра знала, что въ послѣдніе дни работы онъ искусственно поддерживалъ свою бодрость,—онъ, никогда не пившій до тѣхъ поръ. Теперь бутылка съ отвратительнымъ пойломъ стояла у него на окнѣ, и всякій разъ какъ Вѣра заговаривала объ этомъ, Александръ Петровичъ выходилъ изъ себя:

— Чтѣ я развѣ пьяница, что-ли? Ты кажется совсемъ сошла съ ума, или воображаешь себя моей гувернанткой. Пожалуйста успокойся, мнѣ не нужны твои попеченія.

И какъ будто не замѣчалъ въ жару спора, дѣлалъ самъ глотокъ за глоткомъ.

— Какъ вамъ кажется, чтѣ лучше: ослѣпнуть или оглохнуть и онѣмѣть? задавалъ онъ вопросы знакомымъ, когда тѣ его навѣщали.

— Право не знаю, чтѣ сказать вамъ!.. И то, и другое скверно.

— А я думаю, что всего ужаснѣе ослѣпнуть. Тьма кругомъ, вѣчная тьма—точно могила сомкнулась надъ тобою. Знаешь, обращался онъ къ Вѣрочкѣ,—я пожалуй согласенъ съ докторомъ, съ профессоромъ—помнишь? Глазъ вынуть хотѣлъ мнѣ—для него это все равно что зубъ вырвать... Я все равно правымъ уже ничего не вижу. То-есть временами вижу, а временами нѣтъ...

У него явился теперь сверхчеловѣческой страхъ за свой другой глазъ. Онъ готовъ былъ Богъ знаетъ на чтѣ, только бы спасти его. Онъ съ завистью смотрѣлъ на жену, подолгу засматривался на небо, воображал, что быть-можетъ придетъ моментъ, когда эта блѣдная сѣверная лазурь закроется для него навсегда. И тамъ будетъ тьма, и въ душѣ—кругомъ станетъ темно.

Онъ поѣхалъ къ доктору вмѣстѣ съ Вѣрочкой.

— А, почтеннѣйшій! встрѣтилъ его весело эскулапъ.—А картину-то вы мнѣ не послали?

— Я думалъ, что вы раздумали, профессоръ.

— Ну, нѣтъ-съ. Я чтѣ скажу, то свято... Жду, жду-съ... Денежки готовы, получайте... Ну, что ваши глазки?..

— Я прѣхалъ къ вамъ—посмотрите. Если вы находите, что надо вынуть одинъ, берите его. Богъ съ вами! попробовалъ Рядновъ пошутить.

— Н-да!.. Посмотримъ, посмотримъ. Садитесь-ко вотъ сюда.

Онъ зажегъ лампу, сталъ изслѣдовать больной глазъ и по привычкѣ забралъ свои усы въ ротъ. Все это замѣчала Вѣра. Не укрылось отъ нея, какъ онъ вдругъ нахмурился, повелъ плечами и откинулся назадъ.

— Ну? спросилъ его Рядновъ.

— Не торопе-ву па! попробовалъ пошутить профессоръ и загадочно посмотрѣлъ на художника.—Да... Потомъ задумался и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, продекламировалъ:

Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Никакихъ послѣдствій.

Да-съ, такъ. Именно. Никакихъ послѣдствій. Ну-ко, позвольте теперь другой глазокъ.

Вѣра замѣтила, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ онъ сталъ наблюдать его, какъ все болѣе и болѣе забиралъ въ ротъ усы, пыхтѣлъ, хмурился, потомъ опять, по своей привычкѣ, отвалился назадъ и забарабанилъ пальцами по колѣну.

— Надо вынимать, докторъ? постарался оставаться бодрымъ Рядновъ.

— Вы давно прѣхали?

— Четыре мѣсяца.

— Тамъ вы не лѣчились?

— Нѣтъ, почти не лѣчился.

— Четыре мѣсяца тутъ, да двѣ недѣли тамъ... Не предвидя отъ сего... птичка ходитъ... Да-съ.

Онъ озабоченно посмотрѣлъ на него, опасливо, какъ-то бокомъ на Вѣру, всталъ и началъ мыть руки.

— Чтѣ-же вы мнѣ скажете, докторъ?

Профессоръ заговорилъ не оборачиваясь, очевидно онъ нарочно полоскался дольше.

— Вынимать нахожу излишнимъ.

— Значитъ, вы тогда ошиблись?

— Да, знаете... это случается... съ нами... Единъ Богъ безъ грѣха, единъ Богъ безъ грѣха. На улицѣ двѣ курицы съ пѣтухомъ дерутся, вдругъ невыносимо фальшиво запѣлъ онъ.—А дѣвицы изъ окна смотреть и смѣются... Напрасно вынимать-съ! Не надо теперь.. Теперь не надо..

И онъ невольно, самъ того не желая, подчеркнул *теперь*.

— Я вотъ сейчасъ... прописочку маленькую, рецептикъ... убирался онъ къ столу на своихъ коротенькихъ ножкахъ, стараясь не встрѣтиться взглядомъ съ этой пытливо глядѣвшей на него женщиной. Онъ дѣйствительно написалъ рецептъ, потомъ набросалъ нѣсколько строкъ, зажалъ ихъ въ руку и, значительно посмотрѣвъ на Вѣру, показалъ.

Рецептъ онъ подаль Ряднову, а бумажку незамѣтно взяла Вѣрочка. Когда Рядновъ вздумалъ было расплачиваться, профессоръ возмутился:

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста—съ писателей, художниковъ и артистовъ не беру. Мы вѣдь всѣ, какъ говорится, люди свободныхъ профессій, товарищи, рыцари одного и того же ордена, слышите... Сильно работаете вѣрно? какъ будто вскользь замѣтилъ онъ.

— Да, кончилъ только теперь картину. Еще два штриха и готово.

— Ну, и Богъ съ вами...

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви,
Но, ахъ, кто, сердце, можетъ
Противиться тебѣ!

— Чтѣ вы это сегодня, профессоръ, въ пѣвучемъ настроеніи, кажется?

— Въ козлиномъ. Козлитонъ у меня, вмѣсто баритона, отшучивался онъ.

Приѣхавъ домой, Вѣрочка прочла:

„Вооружитесь бодростью. Лѣвый глазъ можно было спасти еще два-три мѣсяца назадъ. Теперь поздно. Онъ зараженъ такъ-же, какъ и правый, извлекать который напрасно. Все равно ничему не поможешь. Вашъ мужъ ослѣпнетъ, и скоро... Медицина тутъ безсильна“.

Дня черезъ два послѣ того, Рядновъ, веселый, позвалъ Вѣру къ себѣ въ мастерскую.

На него нашла спокойная минута и онъ радовался ей какъ ребенокъ. Сидя передъ своей картиной, онъ взялъ кисть. Ему осталось сдѣлать нѣсколько выразительнѣе глаза у одной изъ капуанокъ.

— Такъ будетъ лучше... А?..

Вдругъ онъ крикнулъ и рухнулъ со своего табурета внизъ.

Вѣра бросилась къ нему.

— Что ты?..

— Глазь... глазъ мой, глазъ!..

Онъ подымался, держась рукою за правый глазъ.

— Нѣтъ его, нѣтъ!.. Господи!.. Что это?..—Наконецъ зажмури лѣвый, онъ открылъ правый. — Вотъ оно... вотъ оно... Пришло... Я думалъ...

И вдругъ, прислонясь къ ея плечу, онъ зарыдалъ горько, неудержимо, отчаянно, какъ плачутъ люди, для которыхъ уже нѣтъ надежды на спасеніе.

— Я имъ ничего... ничего не вижу... Съ утра, съ утра было плохо... думалъ ничего, пройдетъ.

Вѣра подвела его къ креслу и усадила.

Черезъ всю картину, отъ головки намѣченной имъ капуанки, вплоть до рамки шелъ длинный мазокъ скользнувшей внизъ, вмѣстѣ съ художникомъ, кисти.

XVIII.

Рядновъ нѣсколько дней уже лежалъ въ своей спальнѣ. Плотны опущенныя занавѣсы не пропускали сюда свѣта вовсе. Полумракъ стоялъ кругомъ. Блѣдная и измученная Вѣра не отходила отъ мужа совсѣмъ. Даже когда раздраженный, доходявшій почти до помѣшательства, онъ гналъ ее отъ себя, она пряталась въ другой комнатѣ, безмолвно плача тамъ или молясь, пока его крикъ или звонокъ не призывали ее къ нему. Она послала за „профессоромъ“; тотъ приѣхалъ. Посмотрѣлъ больного и сталъ съ нимъ шутить.

— Выздоровлю я? опасново спрашивалъ онъ.

— О, да, разумѣется. Да вы не тарашитесь. Вамъ надо быть спокойнымъ, слышите: спокойнымъ. Со спокойствіемъ все опять вернется къ вамъ. Нечего бояться.

— Глазь вернется? недовѣрчиво перебилъ онъ его.

— Ну разумѣется... Только надо не волноваться, слышите: не волноваться.

— Такъ скажите, досадливо заговорилъ онъ, —моей женѣ, чтобы она не раздражала меня... А то я не имѣю ни минуты покоя. Ни секунды.

Докторъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Я очень несчастливъ, профессоръ, очень несчастливъ. Не могу выразить, чего мнѣ стоитъ все это. Можетъ-быть потому у меня и этотъ глазъ закрылся, что я все время злился, выходилъ изъ себя... У нея, онъ заговорилъ тихо, —у нея ужасный характеръ. Она все молчитъ, но я знаю, о чемъ она думаетъ...—Рядновъ вдругъ приподнялся на локти. — Она вообразила, что ея картины гораздо лучше моихъ, что я уже ничего не стою... Я написалъ теперь „Тиверія“... На этомъ можетъ-быть и глазъ потерялъ... Я хочу, чтобы вы его посмотрѣли и знали... и потомъ, если понадобится, засвидѣтельствовали, что это моя... моя картина. Тамъ ни одного мазка чужаго нѣтъ... Ни одного. Все я, все самъ...

Когда докторъ вышелъ, Вѣра ждала его внизу у себя.

— Ну, барыня, пожалъ онъ ей руку, — вооружитесь

теперь большимъ терпѣніемъ. Съ нимъ—не хорошо. Второй глазъ у него тоже зараженъ, но вопросъ, когда онъ его потеряетъ. Можетъ—черезъ годъ, а то и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Все бываетъ. Бываетъ вотъ что и курица пѣтухомъ кричитъ, неуклюже по привычкѣ пошутить онъ.—Теперь главное—исполнять всѣ его капризы. Онъ не нормаленъ. На васъ жалуются, вы де всему причина. Но вы—терпите и ни слова... „Объ этомъ ни слова, ни слова, ни слова... Молчи... молчи!“ вдругъ запѣлъ онъ.—Откуда это бишь... да изъ „Периколы“. Такъ вотъ. Какія бы глупыя фантазіи ему въ голову ни приходили—пускай... „Ахъ пошто за мечъ воинственный я свой посохъ отдала...“

— Да, но если онъ опять работать захочетъ?

Докторъ завертѣлъ пальцами одинъ около другаго.

— А вы думаете захочетъ?

— Отъ него станеть. У него теперь недовѣріе ко всѣмъ...

— Будеть работать, ослѣпнетъ въ мѣсяцъ... Это ужъ такъ... А и мѣшать нельзя. Помѣшаешь—спятить... И это бываетъ... Но вы уже присмотрите, какъ-нибудь... У васъ, у женщинъ, на это особенный тактъ есть, вы умѣете... И со слѣпцами. Да... какъ это...

Малютка, шлемъ нося, просилъ

У Бога нищи лишь дневныя

Слѣзцу, котораго водилъ,

Кѣмъ славны Римъ и Византия...

Въ моей молодости хорошіе стихи писали, Вѣра Васильевна. Теперь такихъ не пишутъ.

Подайте мальчику на хлѣбъ —

Онъ Велизарія питаеть...

— Чтѣ же мнѣ посовѣтуете?

— Ничего... И такъ скверно, и этакъ не хорошо. Значить, поступайте по вдохновенію.

Ночью, когда Вѣрочка, утомленная, только что задремала, ее разбудилъ крикъ Александра Петровича.

— Чтѣ, чтѣ съ тобой?

— Тамъ въ мастерской люди... Я слышалъ шумъ...

Вѣра зажгла свѣчу и пошла туда.

— Побойся Бога, никого нѣтъ...

— Не можетъ быть, я самъ слышалъ, понимаешь, самъ, своими собственными ушами. Картина моя цѣла?

— Цѣла...

— Такъ внеси ее съ Семеновъ. Разбуди и внеси сюда... Я хочу, чтобы она здѣсь была, въ спальнѣ. Иначе я не вѣрю... Я вѣдь знаю... Нечего на меня такъ смотрѣть. Я все вижу еще однимъ-то глазомъ, сдѣлайте одолженіе, меня не надуете...

Вѣра разбудила лакея. Картину внесли. Александръ Петровичъ успокоился, но не на долго. Часъ спустя ему почудилось, что если онъ заснетъ, ее могутъ все-таки взять у него изъ спальни, а онъ не услышитъ... Онъ приказалъ ее поставить за кровать у стѣны. Пошупалъ подъ подушкой револьверъ—тутъ-ли? и только тогда успокоился.

Недѣлю или двѣ, потрясенный организмъ его шалить такимъ образомъ. Потомъ, привыкнувъ къ потерѣ глаза, Александръ Петровичъ пришелъ въ себя. Разъ утромъ, когда вставшая ранѣе Вѣра вошла къ нему, онъ поймалъ ея руку и прижалъ ее къ губамъ. Блѣдная женщина даже растерялась отъ ласки, отъ которой она давно отвыкла.

— Прости меня. Я кажется измучилъ тебя. Мнѣ представлялось Богъ знаетъ чтѣ... Ты не должна сердиться на меня, вѣдь я больной и ты не принимай моихъ выходокъ къ сердцу.

Въ этотъ день онъ всталъ и показался въ другія комнаты. Скоро онъ успокоился совсѣмъ.

— Я однимъ глазомъ теперь еще лучше вижу... Такъ только иногда заститъ кое-что...

— Ты знаешь, заговорилъ онъ нѣсколько позже, —

я даже думаю, что къ выставкѣ успѣю отдѣлать свою „Байю“, помнишь въ Капри началъ, развалины храма въ Байѣ...

— Побереги глазъ.

— Да вѣдь этотъ глазъ здоровъ. При тебѣ же тогда докторъ говорилъ, еще въ Итали, что онъ за оба глаза будетъ одинъ отлично работать.

— По крайней мѣрѣ этотъ годъ ты не утомляйся.

Къ нему опять вернулось странное выраженіе лица, которое она замѣчала во все время его болѣзни.

— Да, подождать... Еще бы! Это будетъ отлично для тебя... Ряднова выставитъ пять-шесть картинъ, а ея мужъ одну. Ну, разумѣется, услужливые рецензенты, для которыхъ у насъ есть и веселая улыбка, и заманчивый взглядъ...

— Саша, Саша, какъ тебѣ не стыдно! Знай же что я рѣшилась уже не выставлять своихъ картинъ совсѣмъ.

— Да? Поздно немножко, когда объ нихъ дуракъ Дороцкій прокричалъ. Скажутъ: „бѣдная жертва... Мужъ изъ зависти заставляетъ ее оставаться въ тѣни.“

„Боже мой, какъ онъ перемѣнился за нѣсколько мѣсяцевъ!“ думала Вѣра, глядя, какъ какая-то жесткая улыбка безобразила его губы.

— Нѣтъ, довольно о глупостяхъ. Твои картины будутъ, и мои тоже. Ты что же вообразила, крикнулъ онъ на нее,—что я боюсь соперничества, что-ли? Съ тобою? Я еще никогда и никому не завидовалъ и всѣмъ отдавалъ должное. Я не таковъ какъ другіе художники.

И онъ черезъ нѣсколько дней, считая себя вполне оправившимся, принялся опять за работу.

Вмѣстѣ съ этимъ и нравственное состояніе его стало лучше. Онъ началъ даже шутить.

— Вѣра, а ты видишься еще съ этой... какъ ее, мать Синекдоха или мать Тарантула?

— Вижусь.

И она строго посмотрѣла на него.

— Ну не буду, не буду... Я даже и спросилъ потому, что она вѣрно сердится на меня... за тотъ вечеръ... Я бы не прочь даже извиниться.

— Мать Пароевѣя настолько безобидна и добра, что она тогда же тебя простила. И за себя...

И Вѣра Васильевна примолкла.

— И за тебя. Оканчивай. Ну будетъ, не станемъ ссориться. Мнѣ случается думать, что я схожу съ ума. Приведи ее сюда.

— Она не пойдеть.

— Ну я пойду къ ней.

— Напрасно. Ты еще больше разобидишь ее.

— Что же мнѣ сдѣлать?

— Если ты каешься въ этомъ, помолись, чтобы тебѣ Богъ простилъ, а она на тебѣ зла не помнитъ.

— Ну это по вашему, по монашескому...

Еще черезъ недѣлю Рядновъ сталъ уже выходить.

Онъ возобновилъ старыя знакомства, побывалъ въ нѣкоторыхъ дружественныхъ ему редакціяхъ, пригласилъ къ себѣ Дороцкаго и показалъ ему картину. Дороцкій разумѣется разблаговѣстилъ о ней въ печати. На другой же день къ художнику побѣжали репортеры. Враждебныя ему изданія промолчали.

Александръ Петровичъ торжествовалъ. Къ вѣщему своему удовольствію, онъ встрѣтилъ „профессора“-доктора на улицѣ, а тотъ сдѣлалъ веселое лицо и поздравилъ его съ выздоровленіемъ.

— Вотъ такъ-то лучше.

— А какъ же съ этимъ глазомъ?

— Да развѣ онъ вамъ мѣшаетъ?

— Нѣтъ... Но я въ него только и различаю свѣтъ отъ мрака.

— И слава Тебѣ, Господи. До перваго дня мірозданія и самъ Господь не раздѣлялъ ихъ. Что же вы больше Бога быть хотите?

— Вы все смѣтаете, докторъ.

— Отчего же не смѣяться? Для пищеваренія это вотъ какъ хорошо!..

Да какъ еще смѣтаетъ,

Да ну ихъ, говоритъ,

Да ну ихъ, говоритъ,

Вотъ, говоритъ, потѣха,

Ей-ей умру,

Ей-ей умру,

Ей-ей умру отъ смѣха...

Что же по вашему лучше плакать, что-ли?

Вѣра встрѣтилась съ Дороцкимъ.

— Послушайте.—И она вся покраснѣла. Ей впервые приходилось еще лгать и притворяться и прибѣгать къ изворотливости. — У меня къ вамъ просьба.

— Весь къ вашимъ услугамъ.

— Будьте добры, когда вы станете писать о картинахъ мужа, не упоминайте обо мнѣ, или скажите вскользь... Даже „обругайте“, засмѣялась она.

— Васъ, васъ, ругать... Божественная!

И Кирь-царь-Персидскій, забывъ что онъ на улицѣ, ткнулся ей губами въ перчатку.

— Пожалуйста, я серьезно... Онъ боленъ, раздражителенъ...

И она, стыдясь самое-себя, потупилась. Даже Дороцкій сообразилъ въ чемъ дѣло.

— Довольно... довольно, и ни слова... Ни одного слова, я понимаю и молчу. Слышите: молчу. Вы... вы... онъ отступилъ на шагъ назадъ и сдѣлалъ жестъ,—вы велики!..

На другой день въ газетѣ еще разъ заговорили о картинѣ Ряднова, при чемъ какъ бы кстати, невѣдомый авторъ прибавилъ: „Что же касается до работъ его жены, то хотя ей и нельзя отказать въ талантѣ, но все лучшее что у нея есть—она заняла у своего мужа, а если говорить о своемъ, то свое у нея еще не представляетъ особенно выдающихся достоинствъ. Впрочемъ, ея картины довольно милы и несомнѣнно понравятся публикѣ.“

Рядновъ въ то же утро влетѣлъ къ ней въ мастерскую сіяющій.

— Ты читала газеты?

— Нѣтъ

— Тутъ опять о моей картинѣ. Обрадовались. Молчали-молчали, а теперь во всѣ колокола. Я къ этому довольно равнодушенъ. Но воображаю какъ всѣ мои недруги злятся. Вскользь онъ и о тебѣ говорить. И не дурно, знаешь, говорить. Не много, но вѣрно. Я тоже нахожу, что молодыхъ художниковъ захваливать не слѣдуетъ. Они тогда воображаютъ что въ предѣлѣхъ земнаго свершили все земное и начинаютъ работать спустя рукава. Надо чтобы слава давалась съ трудомъ, а то у насъ за послѣднее время слишкомъ уже щедро стали раздавать лавровыя вѣнки. Кому только не швыряли ихъ. Мальчишкамъ, у которыхъ въ письмѣхъ кромѣ молодой дерзости еще ничего нѣтъ... Нѣтъ, хорошо, право, хорошо

„Спасибо Дороцкому“, думала про себя Вѣра. — „Спасибо ему.“

— Какой вы милый! встрѣтила она его, когда онъ пришелъ къ нимъ.

— Ни слова.. Я понимаю все.. Ни слова. Пусть умретъ здѣсь.—И онъ трагически ткнулъ себѣ въ грудь противъ сердца —Только вы да я. Больше никто.

Съ этого времени Дороцкій сталъ смотрѣть на Ряднова съ соболѣзнованіемъ и, встрѣтивъ взглядъ Вѣрочки, дѣлалъ ей ужасно глупые глаза, что должно было изображать всю глубину его уваженія и сочувствія къ ней.

— Ни слова.. Я понимаю все.. Ни слова. Пусть умретъ здѣсь.—И онъ трагически ткнулъ себѣ въ грудь противъ сердца —Только вы да я. Больше никто.

Съ этого времени Дороцкій сталъ смотрѣть на Ряднова съ соболѣзнованіемъ и, встрѣтивъ взглядъ Вѣрочки, дѣлалъ ей ужасно глупые глаза, что должно было изображать всю глубину его уваженія и сочувствія къ ней.

„Спасибо Дороцкому“, думала про себя Вѣра. — „Спасибо ему.“

— Какой вы милый! встрѣтила она его, когда онъ пришелъ къ нимъ.

— Ни слова.. Я понимаю все.. Ни слова. Пусть умретъ здѣсь.—И онъ трагически ткнулъ себѣ въ грудь противъ сердца —Только вы да я. Больше никто.

Съ этого времени Дороцкій сталъ смотрѣть на Ряднова съ соболѣзнованіемъ и, встрѣтивъ взглядъ Вѣрочки, дѣлалъ ей ужасно глупые глаза, что должно было изображать всю глубину его уваженія и сочувствія къ ней.

Съ этого времени Дороцкій сталъ смотрѣть на Ряднова съ соболѣзнованіемъ и, встрѣтивъ взглядъ Вѣрочки, дѣлалъ ей ужасно глупые глаза, что должно было изображать всю глубину его уваженія и сочувствія къ ней.

Съ этого времени Дороцкій сталъ смотрѣть на Ряднова съ соболѣзнованіемъ и, встрѣтивъ взглядъ Вѣрочки, дѣлалъ ей ужасно глупые глаза, что должно было изображать всю глубину его уваженія и сочувствія къ ней.

(Продолженіе будетъ).

Малороссійская жница. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Котляревскаго, грав. Шюблеръ

Кто-же?

Разсказъ Петра Дорошенко.

(Окончаніе).

„Не взыщи, дорогая Маша (такъ начиналось письмо), что такъ долго не подавала о себѣ вѣсточки. Мысленно я часто съ вами, слѣжу за вашимъ жизненнымъ путемъ, и всѣми рѣдкими радостями, выпавшими мнѣ на долю за эти долгіе годы, я исключительно обязана вамъ однимъ...“

„О себѣ же сообщать было нечего, да по правдѣ сказать—и охоты никакой. Къ чему навѣвать мрачное облако на раскинутый передъ вами ясный горизонтъ? Наша духовная связь крѣпка и неизмѣнна; оттого-то слыше силъ моихъ трактовать съ вами о постороннихъ, ничего не значущихъ предметахъ, когда скорбное сердце жаждетъ излиться передъ сочувствующимъ другомъ. Теперь я сознаю, что благотворный переломъ, происшедшій въ моемъ нравственномъ мірѣ, долженъ обрадовать всѣхъ васъ, такъ горячо меня любящихъ, и слѣшу подѣлиться съ вами моими новыми впечатлѣніями. Смотрите только, не теряйтесь въ догадкахъ и не предполагайте несуществующаго. Отношенія мои къ графу—все тѣ-же; даже единственная оградная цѣль моей жизни (теперь когда, слава Богу, вы всѣ во мнѣ болѣе не нуждаетесь), любовь моего бѣднаго, обоеденнаго Юрія все еще является въ неопредѣленномъ будущемъ. Къ условіямъ вѣшняго міра я безучастна, вы хорошо это знаете, и справедливо недоумѣвая, ждете разъясненія. Вотъ оно.“

„Съ прїѣздомъ въ Элвразъ, мое разстроенное здоровье стало видимо крѣпнуть. Это ли повліяло на мое душевное состояніе, или ежедневное столкновение съ тяжелою, но нравственно здоровою жизнью простаго народа отрезвило меня, и я сама въ толкъ не возьму,—но дѣло въ томъ, что я устыдилась своего малодушія, и съ бодрой рѣшимостью стряхнула угнетавшую меня апатию. Да, малодушіе; и я только теперь уяснила себѣ всѣ его пагубныя послѣдствія. Еслибъ, вмѣсто того чтобы нянчиться со своей безумною печалью, послѣ Колиной безвременной смерти, я твердо отстаивала бы свои материнскія права, ей не удалось бы такъ легко завладѣть умомъ и сердцемъ моего бѣднаго малютки, такъ систематически возвести между нами преграду. Чѣмъ болѣе я вникаю въ свою прошлую жизнь, тѣмъ яснѣе вижу свою слѣпоту, вводившую меня въ заблужденіе. Я чистосердечно считала другихъ виновными въ своей горькой участи, въ полномъ отчужденіи отъ семьи, утиская изъ виду что свою суровую холодностью я оттолкнула мужа и собственноручно открыла двери дома грѣху. Передъ Богомъ также я оказалась неблагодарною. Развѣ лично извѣданное горе не окулилось сторицею достиженіемъ первоначальной цѣли? Одинъ Коля погибъ; ты же, бѣдная, искушенная Маша лишь вѣрнѣе теперь оцѣниваешь тихую пристань; остальные всѣ на твердомъ, честномъ пути. Я грѣшила ослѣпленіемъ—и Онъ справедливо покаралъ меня. Когда я только подумую что и такъ долго, денно и ночью испрашивала себѣ смерти, какъ единственнаго исхода изъ унижительнаго, невозможнаго положенія! Всеблагій Богъ не внялъ преступной молитвѣ обезумѣвшей матери. Чтѣ сталося бы съ моимъ сыномъ? Какой человекъ выработался бы изъ Юрія подъ этимъ тлѣтворнымъ вліаніемъ?“

„Теперь, я чувствую, время еще не ушло. Въ его годы, всякое дурное направленіе поправимо. Я всего какихъ-нибудь мѣсяца два вступила въ фазисъ возрожденія (не смѣйтесь надо мной, не думайте что я увлекаюсь), а плоды этой перемѣны даютъ уже себя чувствовать. Враждебность графа, не подстрекаемая моимъ холоднымъ пренебреженіемъ, мало-помалу теряетъ свою острую форму. Я наблюдаю за нимъ. Не любовь свѣтитса въ его взглядѣ, обращенномъ къ ней, а не то привычка, не то поработанное ослабшей природы сильному характеру. Юрій безъ нея приходитъ ко мнѣ, и я вполнѣ наслаждаюсь этими блаженными минутами. Онъ уже становится довѣрчивѣе ко мнѣ... Сегодня въ первый разъ приласкала самъ, и я встрепенулась отъ этой ласки. Въ тридцать лѣтъ жизнь еще не кончена. Добиться-бы только ея удаленія, и я чувствую—мужъ и сынъ оба спасены. Эта свѣтлая мечта способна придать мнѣ исполнителскую силу для неравной борьбы. Съ ней постараюсь я заснуть; авось приснятся мнѣ новые, лучіе дни. Уже поздно, завтра допишу.“

Листъ былъ помѣченъ 15 октября. Несчастная не подозрѣвала что смерть коварно стерегла ее у изголовья, и что ожидаемое *завтра* уже принадлежало вѣчности.

Руки мои дрожали отъ волненія, пока я слѣшно пробѣгалъ драгоцѣнную находку. Документъ вполнѣ оправдывалъ возникновеніе уголовного дѣла. Трогательная исповѣдь Ольги Андреевны, ея робкая надежда на возможность если не семейнаго счастья, то умиротворенія, весь ужасъ этой смерти, застигшей ее въ самый моментъ пробужденія жизненныхъ силъ, разжигали во мнѣ жажду мести. Я зналъ что теперь въ моей власти отвѣтить на вызовъ Лауры Дерлонъ привлеченіемъ ея къ суду въ качествѣ подозрѣваемой въ убійствѣ графини Клеменцкой, но отнюдь не увлекался вѣроятными послѣдствіями этого крупнаго скандала. Отсутствие прямыхъ уликъ, проявлен-

ное самообладаніе, изворотливость ума и наконецъ—почему не сознаться?—обаяніе жгучей красоты, обезпечивало ей заранѣе оправдательный приговоръ и въ глазахъ равнодушной легкомысленной толпы пожалуй даже ореолъ мученичества.

Кровь хлынула мнѣ въ голову при одной мысли о возможности подобнаго исхода. Теперь, нужно было добиться большаго, и ободренный уснѣхомъ, я вернулся снова на мѣсто преступленія. Тщетно напрягалъ я всю силу ума, всю способность зрѣнія; блѣдный лучъ разсвѣта застигъ меня за утомительною задачею...

Я задумъ догорѣвшую свѣчу, запряталъ на груди портфель, и пройдя будуаръ, уже перешагнувъ порогъ, отдѣлявшій его отъ зимняго сада, какъ вдругъ, въ самомъ космѣ дубовой двери, какое-то свѣтлое пятно неволью привлекло мои еще машинально наблюдавшіе глаза.

Я нагнулся и не безъ труда освободилъ изъ металлической петли трехугольный лоскутокъ голубой матеріи. Высокая доброта ткани и нестрѣй разводъ узора въ индійскомъ стилѣ указывали его принадлежность дамскому роскошному туалету.

Вопросъ теперь заключался въ томъ: окажется-ли этотъ лоскутокъ оторваннымъ отъ платья самой графини, или доказана будетъ его принадлежность другой особѣ. А кромѣ французенки кто бы могъ это быть? Я хорошо зналъ что этотъ проходъ былъ устроенъ для удобства сообщенія матери съ сыномъ, и тутъ мнѣ припомнилось, что вѣдь не даромъ же Дерлонъ такъ подчеркивала, что почти мѣсяцъ не входила къ покойной.

Поспѣшность ухода всего пропе объяснила присутствіе лоскутка. Именно съ этой стороны я считалъ вѣроятнымъ нападеніе, и по непонятной самому оплнности ограничился лишь поверхностнымъ осмотромъ мѣстности.

Неужели этому ничтожному клочку суждено пролить истинный свѣтъ на столь сложное дѣло? Онасяя преждевременно придать ему значеніе, я поспѣшилъ къ себѣ и не раздвѣляясь бросился на постель, разсчитывая заснуть часа на два, чтобы скорѣе дожидаться общаго пробужденія въ домѣ. Но расхолодившееся воображеніе не давало мнѣ покоя. Блѣдный обликъ убитой графини смѣнялся торжествующимъ призракомъ безнаказанной соперницы. Я судорожно сжималъ въ похолодѣвшихъ пальцахъ единственную добытую нить, и еслибъ моя собственная участь зависла отъ доказанной принадлежности ничтожнаго лоскутка, я не могъ-бы съ болѣе захватывающимъ трепетомъ ожидать разъясненія вопроса.

Я каждую минуту слѣдилъ за часами, мысленно проклиная медленность стрѣлокъ. Наглядно убѣдившись въ невозможности сна, я вскочилъ, вылилъ себѣ на голову чуть не цѣлый кувшинъ воды и принялся пересчитывать показаніе французенки съ напряженнымъ вниманіемъ.

Дойдя до подробностей, касавшихся Коринскаго пистолета, я не на шутку призадумался. Тутъ скрывался вѣрнѣйшій отпоръ обвиненію.

Варвара утверждала, что наканунѣ вечеромъ револьверъ висѣлъ на обычномъ мѣстѣ, и не было повода заподозрить ея правдивость. Слѣдовательно, убійцѣ надо было завладѣть имъ, зарядить, и все это такъ осторожно и искусно чтобы не потревожить чуткаго сна избранной жертвы.

Всякому, даже заурядному адвокату, это обстоятельство являло благодарную почву чтобы посягать выгодное недоумѣніе въ присяжныхъ.

Даже при осуществленіи моихъ надеждъ, т. е. въ случаѣ безспорной принадлежности лоскутка Лаурѣ Дерлонъ, револьверъ могъ послужить камнемъ преткновенія уснѣшному ходу судебного слѣдствія.

Въ безпомощной злобѣ на неодушевленный предметъ, я схватилъ оружіе и сталъ его вертѣть во всѣ стороны, какъ бы силъ сорвать послѣдній покровъ мучительной тайны.

На блѣдомъ листѣ, рядомъ съ только что добытой матеріей, лежало единственное вещественное доказательство: пуля, вынутая Журинымъ изъ тѣла.

— Боже мой! какъ? чѣмъ указать на недрогнувшую руку зарядившую его? вырвалось у меня болѣзненнымъ воплемъ, и я, естественно побуждаемый ходомъ мысли, опустил пулю въ барабанъ.

Она такъ свободно проскочила, что у меня вырвался крикъ радостнаго удивленія. Нѣтъ, это не ошибка, не плодъ разгоряченнаго воображенія, — не тотъ калибръ оказался.

Я нѣсколько разъ повторилъ опытъ, и тутъ только сообразилъ что мы съ Журинымъ были введены въ заблужденіе малымъ объемомъ пули, вполнѣ соответствующей на-глазъ размѣру Коринскаго револьвера.

Осмотрѣвъ еще разъ пулю, я остановился на предположеніи что смертельный выстрѣлъ былъ направленъ изъ такъ-называемаго Монтекристо, чѣмъ и объяснялось полное отсутствіе звука. Всѣ не даромъ удивлялись, что Варвара и остальные женщины, живущія въ коридорѣ, не слышали даже отдаленнаго гула.

Очевидно, слѣдствіе теперь только начиналось. Въ ослабленіи первыхъ минутъ мы съ Журинымъ не догадались даже взглянуть подъ спущенный курокъ Коринскаго револьвера—камера подъ нимъ должна была оказаться или пустою, или заткнутою выстрѣленнымъ патрономъ Монтекристо. Поднимать этотъ вопросъ теперь, когда револьверъ побывалъ уже въ нѣсколькихъ рукахъ и камера дѣйствительно оказывалась пустою—было уже поздно. Тѣмъ не менѣе я торжествовалъ.

Теперь мы сочтемся, M-elle Derlong, подумалъ я. Тяжелое бремя мигомъ скатилось съ плечъ. Я хорошо зналъ что никакимъ ухищреніямъ, никакимъ софизмамъ не пошатнуть невыблемой основы моего обвиненія.

XIX.

Часы протяжнымъ боемъ прозвонили восемь. На порогѣ своей комнаты я столкнулся съ полуодѣтымъ докторомъ, который, еще потягиваясь со сна, пришелъ со мной совѣтоваться относительно скорѣйшаго отъѣзда. Я нетерпѣливо махнулъ рукой, и не придавъ значенія его недоумѣвающему лицу, отправился, первымъ дѣломъ, на поиски Варвары.

Онѣ всю ночь продежурили у покойницы, доложила мнѣ первая спрошенная женщина. — Только сейчасъ вышли, кофейку испить.

И тотчасъ вызвалась проводить меня къ ней.

— Варвара Кузьминишна! васъ, матушка, спрашиваютъ, оповѣстила она, почтительно постучавъ въ дверь.

Когда я вошелъ, она встала со стула, во вчерашнемъ одѣніи, съ еще болѣе осунувшимся лицомъ и явными признаками тяжелой, безсонной ночи.

— Вы! невольно воскликнула она, смущенная моимъ раннимъ и нежданнымъ появленіемъ.

— Такъ точно; да вы не тревожьтесь. Маленькое дѣло привело меня къ вамъ; въ сущности бездѣлица понадобилась.—И я, подъ личиной развязнаго равнодушія старался скрыть переживаемое волненіе. — Такъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ... мнѣ сію минуту нужно взглянуть вотъ это самое платье покойной графини.

И не выпуская изъ рукъ, я ей показалъ вырванный лоскутокъ.

Но женщину эту было не легко провести. Подозрительно взглянувъ на меня, она процѣдила сквозь зубы:

— А гдѣ жъ мнѣ его взять?

— Разглядите хорошенько и отвѣчайте осмотрительно, продолжалъ я въ болѣе суровомъ тонѣ, — помните, что не простое любопытство руководитъ моими дѣйствіями и что законъ обязываетъ васъ ничего не утаивать.

— Да помилуйте, къ чему стращать козь я не виновата? Матерію эту съ перваго взгляда признать можно. Я присягу прииму что, за всѣ года моей службы, у графини такого платья или шафрока не было. Да вотъ и ключи вамъ въ руки. Гардеробная рядомъ, сейчасъ проведу; проверьте сами.

— Если вы утверждаете что такого платья не было у графини, я готовъ вамъ вѣрить; но помогите мнѣ, въ свою очередь, отыскать чье же оно.

Варвара опустила голову, и помолчавъ немного, какъ бы соображая, беззвучно отвѣтила:

— Мало-ли ихъ тутъ въ домѣ! чужими туалетами я не занимаюсь.

Женщина, проводившая меня, мучимая любопытствомъ, топталась въ углу, старательно прибирая что-то. При этомъ отзывѣ, она долѣе не выдержала, и просовывая голову изъ-за Варваринаго плеча, широко улыбаясь воскликнула:

— Ну, такъ оно и есть! Чтой-то вы, матушка, не догадались? Мамзелинъ утрешній капотъ, то бишь, теперь даже и не мамзелинъ, а Дуняшинъ. Еще вчерасъ вечеромъ она въ дѣвичьей похвальной, что изъ-за трювера по покойницѣ, Царство ей Небесное, онѣ ей и достался. Еще мы ей всѣ присоветовали къ вѣнду приберечь!

Легкая тѣнь раздраженія пробѣжала по пасмурному лицу Варвары и не ускользнула отъ меня.

— Сдѣлайте милость, голубушка, обратился я къ словоохотливой кумушкѣ, — раздобудьте вы мнѣ эту Дуняшу, и устройте такъ чтобы она сама принесла сюда этотъ дареный капотъ. Обо мнѣ лучше не упоминайте, чего добраго побойтесь. Ну, скажите ей, что Варвара Кузьминишна полюбознать хочетъ. Главное, чтобы до самой француженки не дошло. Не даромъ по глазамъ вижу что вы баба смышленная—и не Дуняша провести можете!

— Не сумѣвайте, сударь мой. Съ превеликимъ удовольствіемъ, все однимъ мигомъ обдѣлаю.

И видимо польщенная моимъ комплиментомъ, она даже не замѣтила слабо протестующаго жеста Варвары и орометью бросилась къ двери.

Въ комнатѣ воцарилось глубокое молчаніе. Я мысленно соображалъ какъ, добывъ это послѣднее вѣское доказательство, я представлю въ своемъ всеоружіи передъ ничого не чающей преступницей, и разомъ увичтожу ее. Я до такой степени увлекся картиной послѣдней эффектной атаки, что невольно вздрогнулъ когда, вдругъ, словно привидѣніе, Варвара выросла передо мной.

Ея блѣдныя, дрожавшія губы съ трудомъ вымолвили:

— На что вамъ оно?

Я даже не успѣлъ сообразить всю неумѣстность вопроса и, бессознательно повинуясь ея молящему взору, тихо отвѣтилъ:

— Для вѣщаго подтвержденія истины. Графиня не свосю смертью умерла.

— Вы доискались уже? Доказать... можете?

Ея голосъ оборвался.

— Выходя отсюда, я это во всеуслышаніе объявлю. Убійцѣ не отвертѣться теперь!..

— Для того и понадобилось?.. Она?

Я молча кивнулъ головою. Пораженный неожиданностью этихъ вопросовъ, я глазъ не сводилъ съ Варвары.

Блѣдность этой женщины приняла какой-то земляной оттѣнокъ; невыразимая мука сказалась въ глубокомъ, темномъ взорѣ и надтреснутымъ шепотѣ:

— А самъ... не причастенъ? Ради Бога пожалуйте!

Все далекое прошлое этой истомленной души внезапно предстало предо мной. Рабская преданность всосавшаяся въ плоть и кровь, минутный капризъ породившій жгучую, скрытую страсть, страшное затаенное подозрѣніе, отчаяніе граничащее съ безуміемъ — все слилось во-едино и терзало нечеловѣческую муку.

Мнѣ жаль стало ее.

— Помысли людскіе одинъ Богъ вѣдаетъ, такъ же тихо проронилъ я,—а за дѣйствіи свои графъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не въ отвѣтъ предъ судомъ.

Прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, Варвара схватила мою руку и въ безумномъ порывѣ радости осыпала ее поцѣлуями. Когда мнѣ удалось положить предѣлъ этому восторженному изъявленію благодарности, она, не стѣняясь болѣе моимъ присутствіемъ, метнулась въ уголъ и, съ блаженными слезами на глазахъ, простерлась до земли передъ иконами. Набожно учащая крестныя знаменія, она лепетала сухими, воспаленными устами:

— Слава Тебѣ, Создателю, не прогнѣвался въ конецъ! Заступница Святая! отвратила бѣду грозную, пожалела сироту малаго, не дала роду древнему запятнать себя кровью. Услыхала Ты, Пречистая, молитву грѣшницы окаянной! Не отрини меня отъ пристанища тихаго... свято обѣщаясь завѣтъ хранить... Подъ чернымъ клубкомъ грѣхи давніе, тяжкіе, замалывать стану...

Звукъ приближающихся шаговъ долетѣлъ до ея чуткаго уха. Она встала, выпрямилась, провела ладонью по глазамъ. Внезапно вслыхнувшая страсть и на мигъ воскресшая красота снова улеглись въ безжизненную раму величавой степенности. Метаморфоза была мгновенна. Когда юркая Дуняша, въ сопровожденіи моей посланной, перешагнула порогъ, Варвара такъ безучастно стояла на прежнемъ мѣстѣ, что никому не удалось бы выслѣдить въ ней признаковъ пережитой бури.

На лѣвой рукѣ у молодой горничной виднѣлся бережно сложенный голубой капотъ. Она было направилась къ Варварѣ, но я быстрымъ движеніемъ преградилъ ей путь.

— Покажите-ка прежде мнѣ, сказалъ я, протягивая руку.

Она не дерзнула противиться, но подвигнувъ личико подернулось досадою и сердито-укоризненный взоръ, брошенный по-смѣивающейся женщиной, выдалъ ея тревожное опасеніе.

Я разложилъ платье на столѣ, и въ виду сосредоточенной Варвары и двухъ недоумѣвающихся женщинъ, приставилъ находившійся у меня лоскутокъ къ лѣвому краю подола, гдѣ, черезъ значительную дырку, просвѣчивалъ розовый атласъ подкладки.

Дружное восклицаніе встрѣтило мою попытку. Тождественность бросалась въ глаза.

— И какъ въ только его добыли, Господи Іисусе Христе! изумилась любопытная женщина, — такой малюсенькій—апъ не пропалъ. Неровень часть, ищешь, ищешь чего и покрупнѣе день-то деньской, да такъ и илжонеш; точно въ воду кануло.

— Отдайте его мнѣ, взмолилась Дуняша.—Вамъ онъ не къ чему, а я такъ важно заптопаю, что никто и не примѣтитъ. Не повѣрите, какъ я тужила, что изъ-за него цѣлое полотнище у меня пропадаетъ.

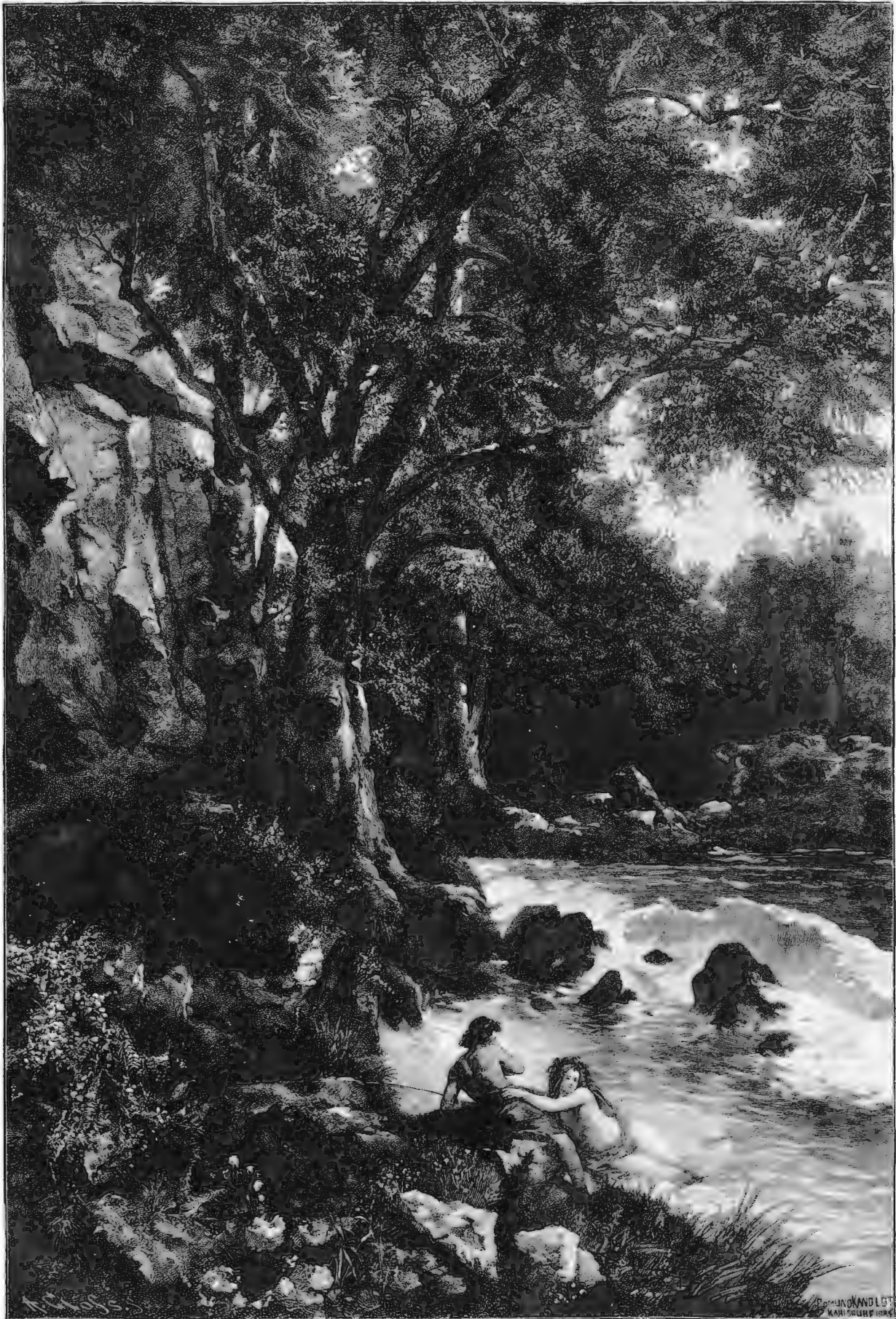
— Ну, теперь не въ полотнищѣ дѣло.

— Что-жъ это такое? Ужъ не хотите-ли въ его отнять у меня?—И ея быстрые глазенки приняли испуганно-злое выраженіе.—Воровкой меня никто не обзоветъ. Это моя собственность. На самое Лауру Викторовну сошлюсь; не далѣе какъ вчерась утромъ подарила. Теперь трауръ въ домѣ, самой носить не пристало. Мало-ли что завистники болтать примутся, не вѣрить же имъ всѣмъ.

И двѣ слезинки блеснули на ея густыхъ рѣсницахъ.

— Прежде всего успокойтесь. Никто не думаетъ ваше доброе имя поносить или отнимать у васъ вашу собственность. Вѣдь вамъ извѣстно, что я здѣсь по поводу слѣдствія о кончинѣ графини. Это самое платье понадобилось мнѣ для извѣстныхъ соображеній. Неужели вы побойтесь доверить его мнѣ на нѣкоторое время? Я ручаюсь вамъ, именемъ графа, что вы никакого ущерба не потерпите.

— Ахъ, съ моимъ удовольствіемъ-съ! Развѣ я смѣю сумнѣ-

Литературный альбомъ. „Рыбакъ“, Гёте. Картина Канольдта, грав. Клоессъ.

Карль Анжуйскій въ Бордо. Картина Рамопа Тюске, грав. Геданъ.

ваться, согласилась она, радостно вспыхнув. — А все-таки, если не обесудите за смѣлость, интересно было-бы узнать, какимъ манеромъ оно вамъ пригодится-то можетъ?

— Потерпите немного. Вспомните поговорку: „Много будешь знать, скоро состаришься“, отшутился я.

— Да, прости Господи, вмѣшалась болтливая кумушка, — и кому только покойница, не тѣмъ будь помянута, хлопотъ-то не причинила своимъ грѣшнымъ дѣломъ! И на людяхъ даже не слышано, чтобъ рядомъ съ образницей такую смертоносную пицаль держать. Что-жъ мудреного, что лукавый-то ее и попуталъ. Вотъ и на Варвару Кузьминичну я не разъ дивилась. Полагать надо, что обтерѣлась съ привычки. Ей, бывало, ничего, а вотъ и рѣдко въ тѣ покои вхожа-то была: какъ за дѣломъ какимъ пошлеть, да одна тамъ очутишься, такъ морозъ по кожѣ и продеретъ. Молитву примусь творить, а въ энтотъ уголь обернуться и не моги. Человѣческую душу загубилъ, ну, значить нечистая сила какъ есть тамъ на просторѣ гуляй.

— Это все только ваши деревенскія понятія, горяча возразила хорошенькая Дуниша, желая щегольнуть передо мною своей образованностью. — Развѣ можно на эти глупости вниманіе обращать? Пистолетъ небось самъ не выстрѣлитъ, а господа даже очень привычны съ нимъ обращаться. Спервоначала, оно, конечно, боязно кажется. Я это довольно знаю. Когда Лаура Викторовна, примѣрно, для графика цѣль выписали, и сами все нарвовли попасть въ самую эту точку, чтобы страшная такая рожа объявилась, такъ вѣрите-ли, даже не хлопнетъ, искорка только блеснетъ, а у меня колѣнки затрясутся, такъ и подкашиваются. Теперь же такъ приглядѣлась къ нему, что когда ея бѣлье изъ комода достаю, такъ самый энтотъ пистолетъ для плезира въ руки беру.

Богатство доставшихся мнѣ свѣдѣній значительно превышало все мои надежды. Мѣшать было нечего. Я обмѣнялся съ Варварою многозначительнымъ взглядомъ, и убѣжденный, что найду теперь въ ней вѣрнаго союзника, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Ступайте къ графу; если онъ спитъ, добейтесь, чтобы его разбудили. Скажите, что мнѣ нужно его видѣть для безотлагательнаго сообщенія. Я стану его ждать тамъ.

— Все исполню, отвѣтила она.

Дуниша, не безъ нѣкотораго безпокойства слѣдила за участіемъ капитала, неумѣло вятаго мною. Она проворно сложила его, сама пристроила его мнѣ на руку, и въ видѣ напугствія, заботливо шепнула:

— Поберегите его, баринъ дорогой! Другой такой-то наша сестра не легко наживетъ.

Я обнадѣжилъ ее какъ умѣлъ; вѣроятно успѣшно. Она не сочла нужнымъ слѣдить долѣе за моею драгоценною пошею, и проводила меня до двери, прощмыгнула въ дѣвичью, чтобы на просторѣ потолковать объ этомъ любопытномъ, загадочномъ событіи.

Тогда я досталъ изъ кармана пулю, бережно завернулъ ее въ лоскутокъ, и направился прямо наверхъ, въ апартаменты Лауры Дерлонъ.

XX.

Я вступилъ въ изящно меблированную гостиную, гдѣ бездна дорогихъ бездѣлушекъ, стариннаго фарфора и легкимъ ароматомъ пропитанный воздухъ далеко превосходили утонченною роскошью излюбленный будуаръ графини.

Въ глубинѣ, за мягкой, шелковою драпировкою, обрѣтался входъ въ спальню. Не услышавъ и постучавшись, какъ, слышавъ мужскіе шаги, знакомый мнѣ голосъ окликнулъ:

— Кто тамъ?

— Судебный слѣдователь.

— Вы должно быть ошиблись дверьми?

— Не думаю.

— Да вамъ кого нужно?

— Французскую подданную, Лауру Дерлонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А знаете-ли вы, милостивый государь, что крайне неприлично тревожить женщину въ такой ранній, неурочный часъ?

— Чтѣ прикажете дѣлать, обстоятельствамъ подчиняюсь чаще, нежели руководить ими.

— Предупреждаю васъ, что я еще въ постели.

— Охотно извиняюсь, что нарушилъ вашъ покой, но убѣдительно прошу принять меня.

— Вооружитесь терпѣніемъ. Я не привыкла одѣваться на скорую руку.

— Это удобная, но мало вѣсная отговорка для неприятныхъ случайностей. Впрочемъ, пустая перестрѣлка ни къ чему не поведетъ. Я предоставляю вамъ получасовой срокъ и кладу часы на столъ. Если, по истеченіи его, вы ко мнѣ не выйдете, или къ себѣ не впустите, то я прибѣгну къ другимъ мѣрамъ, и на себя пеняйте, если отъ этой проволоочки произойдетъ огласка, которой я считалъ возможнымъ избѣгнуть.

Отвѣта не послѣдовало.

Я не вполне былъ доволенъ вступленіемъ. Она конечно предугадала истинную цѣль моего посѣщенія, а изворотливости ея болѣе ума всегда можно было опасаться. Мало-ли чтѣ подобная женщина передумаетъ и придумаетъ въ назначенный мною срокъ. Но чтѣ же другое я могъ предпринять? Не-

лѣпо было бы тотчасъ ломиться къ ней въ дверь, звать всю прислугу. И нравственно успокоенный невозможностью другаго исхода, я приготовился терпѣливо выждать близкой развязки.

Осажденная сочла должно-быть выгоды отступить отъ брошеннаго вызова, такъ какъ, по истеченіи не болѣе десяти минутъ, ключъ звякнулъ въ замкѣ, дверь распахнулась, и она предстала передо мной.

Бѣлое одѣяніе мягкими складками охватывало ее, искусно подчеркивая ея роскошныя формы. Длинные, греческаго покроя рукава, обнажали полныя, выточенныя руки; густые, вьющіеся волосы ниспадали живописною волною по плечамъ. Ея чувственная краса выступала еще обаятельнѣе подъ этимъ, на видъ, безпритязательнымъ покровомъ. Въ томныхъ глазахъ таился лучъ самоувѣренности и надежды.

Я поспѣшно всталъ и холодно поклонился ей. Мы обмѣнялись взглядами.

Многозначительна была эта короткая, нѣмая сцена!

Свѣтлыя искры потухли мгновенно; одной рукой она оперлась о косякъ двери, другая безпомощно повисла. Она ясно сознавала, что неподкупная совѣсть судьи закалила человѣка...

Вдругъ блуждающій взоръ упалъ на капотъ, котораго я не выпускалъ изъ рукъ. Зрачки расширились, мраморная бѣдность разлилась по надменному челу, но сила воли превозмогла мимолетное смущеніе и съ бѣдкой насмѣшкой она обратилась ко мнѣ:

— Это чтѣ за тряпки? Да, я не ошибаюсь, это мой старый капотъ у васъ въ рукахъ! Не посягаете-ли вы свои досуги перекупкѣ разнаго добра, и пожалуй все это неотложное дѣло клонится къ тому, чтобы...

— Перестаньте, перебилъ я рѣзко, — вся эта постыдная комедія неумѣстна между нами. Вчера еще-я предугадалъ истину въ этомъ темномъ, кровавомъ дѣлѣ, но вы, отуманенная мнимой безнаказанностью, не страшитесь грозы. За эту ночь роли измѣнились. Все то чтѣ предполагалъ, я теперь въ силахъ доказать.

— Попробуйте потѣхи ради.

И она задорно смотрѣла на меня.

— У меня хранится собственноручное, еще не доконченное письмо графини. Оно писано за нѣсколько часовъ до ея смерти, и она ясно говоритъ въ немъ о пробудившемся желаніи жить и о свѣтлой надеждѣ на лучшее будущее. Эта возможность примиренія супруговъ и побудила васъ покончить скорѣе съ ней.

— Чтѣ-же, она загробнымъ призракомъ уже окончила его, съ указаніемъ на меня какъ на убійцу?

И ядовитая усмѣшка замерла на ея искаженныхъ чертахъ.

— Не безпокойтесь. Суду этого указанія не требуется, чтобы добраться до того лица, кому эта загадочная смерть болѣе всего въ руку. Но все-же не лишнее будетъ сопоставить съ приведеннымъ аргументомъ вотъ энтотъ доскутокъ, найденный въ щели двери зимняго сада. Вамъ, конечно, шуточное дѣло будетъ объяснить, какимъ образомъ онъ туда попалъ, когда вы собственнымъ починомъ указали на то обстоятельство, что вашей ноги не было въ покояхъ графини почти цѣлый мѣсяцъ.

Мрачная тѣнь все болѣе и болѣе заволакивала ея энергичное лицо. Пальцы нервно перебирали кисти широкаго пояса.

Я уже предвкушалъ близкое торжество.

Все это были только цветочки, ягодку и прибережь къ концу.

— Теперь всѣмъ станетъ понятна ваша нѣжная забота о бездыханномъ тѣлѣ графини! Чего удобнѣе, въ самомъ дѣлѣ, схоронить концы въ самомъ гробу? Но, къ несчастью, не всѣ расчеты оказываются вѣрны въ итогѣ. Вотъ пуля извлеченная докторомъ. Хотѣлъ бы я поглядѣть, кто ухитрится зарядить ею пистолетъ игравшій такую печальную роль въ судьбѣ Корина и такъ ловко подсунутый въ руку графинѣ Клеменкой?

Появленіе самой покойницы не произвело бы болѣе разительнаго дѣйствія чѣмъ видъ нѣмага обличителя предъявленнаго мною.

Она инстинктивно закрыла глаза; нервная дрожь пробѣжала по тѣлу, но съ послѣднимъ проблескомъ энергіи, она пыталась еще отпарировать грозный ударъ и еле выговорила коннѣющимъ языкомъ:

— Можетъ-быть все это вѣрно... но почему же именно я преступница?... У графа цѣлый арсеналъ въ кабинетѣ, но передъ нимъ конечно и никнуть не смѣютъ!.. А я—дѣло другое... и завѣситъ не потрудятся, откуда мнѣ оружіе добыть?

— Энтотъ послѣдній пунктъ мы сообщимъ сейчасъ рѣшимъ.

И быстрымъ движеніемъ я направился въ спальню, гдѣ изъ-за двери я успѣлъ разглядѣть объемистый комодъ краснаго дерева съ бронзовой насѣчкой.

— Тамъ не прибрано. Я не потеряю, чтобы вы туда взошли.

— Въ такомъ случаѣ обойдусь и безъ вашего разрѣшенія. Вотъ и все.

Она въ изступленіи схватила меня за руки. Ея большіе глаза блестя отчаянною отвагой волдицы, чужою неминуемую гибель отъ обмѣнившей ее голодной стай.

Мнѣ противна стала эта унижительная борьба съ женщиной.

— Вы правы, иронически замѣтилъ я. — Къ чему слѣшивать,

когда самое сопротивление ваше—вѣрнѣйшее доказательство тѣхъ драгоцѣнныхъ находокъ, которыя я тамъ могу обрѣсти.

Логичность довода сразила ее.

Она мгновенно отскочила отъ меня, смѣрила съ головы до ногъ преисполненнымъ безпомощной ненавистью взглядомъ. Холодная рѣшимость сказала въ судорожно-сжатыхъ бровяхъ; подбородокъ изрѣдка вздрагивалъ.

— Ступайте за мной; я сдамся добровольно, проинтала она, и быстрымъ, твердымъ шагомъ подошла къ примѣченному мною комоду. Она достала изъ кармана ключъ, отперла, пошарила въ углу—что-то блеснуло у ней въ рукѣ...

Я невольно метнулся въ сторону. Она уловила это движеніе.

— Не бойтесь! разразилась она злымъ, презрительнымъ смѣхомъ,—я не достигну на столь полезную жизнь. Карайте ближняго въ волю...

И что-то тяжелое полетѣло къ моимъ ногамъ.

Я нагнулся, поднялъ небольшой пистолетъ и, пристально разсматривая его, тутъ же убѣдился въ тождественности калибра. Торжествуя послѣднюю побѣду, я поднялъ глаза на уличенную преступницу, да такъ и замеръ на мѣстѣ...

Опираясь на комодъ откинутымъ бюстомъ, Лаура Дерлонъ стояла передо мною съ искаженнымъ предсмертнымъ судорогами лицомъ; злобѣщая пѣна обрамляла посинѣвшія губы; расширенные зрачки блуждали кругомъ въ мучительной агоніи,

уже коснѣющая рука выронила на полъ кругленькій золотой флаконъ. Я пытался крикнуть, призвать на помощь, но голосъ измѣнился мнѣ; тогда я стремительно кинулся чтобы поддержать ее. Собравъ послѣднія силы, она злобно оттолкнула меня.

— Quand on perd... on paie en beau joueur... едва переводя духъ, пролетела она.—Je vous échappe au moins...¹⁾

Былая искра промелькнула въ затуманенномъ взорѣ и угасла на вѣкъ. Я еще хлопоталъ около безжизненнаго тѣла отравившейся красавицы, не допуская возможности такой внезапной кончины, какъ вдругъ пронзительный, зловѣщій смѣхъ раздался надъ самымъ моимъ ухомъ.

Я вскочилъ какъ ужаленный.

Графъ Клеменцій, покачивая равномерно головою, съ оставшимися стекляннмъ взоромъ и бессмысленной улыбкой на губахъ, твердилъ безъ умолку:

— Ольга внизу, Laure наверху... Обѣ заразы! Nini, c'est fini.

Его ослабшій организмъ не выдержалъ напора бурныхъ ощущеній послѣднихъ дней; подоспѣвшій докторъ только безнадежно покачалъ головой.

Уже впоследствии я узналъ что всѣ европейскія знаменитости единогласно подтвердили приговоръ неизлѣчимости.

Графъ умеръ недавно въ какомъ-то нѣмецкомъ городѣ.

И съ тяжелымъ чувствомъ вспоминаю осиротѣвшаго сына Ольги Кориной, но что случилось съ нимъ—не знаю...

Лиственничный лѣсъ Петра Великаго.

Я. П. Полонскаго.

(Рис. на стр. 784).

Никогда ни отъ кого въ Петербургѣ не слышалъ я о лиственничномъ лѣсѣ, посаженномъ въ Финляндіи Петромъ Великимъ. Упоминаетъ-ли объ этомъ Устряловъ въ своей исторіи—не помню. Едва-ли помнить объ этомъ и любой русскій патриотъ, самый безпамятный между всѣми европейскими патриотами. Зналъ-ли даже объ этомъ самъ вѣщественный воспитанникъ Лагарпа?

Здѣсь-же, на Финляндской желѣзной дорогѣ, близъ станціи Райвола, всѣмъ чухонцамъ извѣстно это преданіе, и каждый воочию можетъ убѣдиться въ его достовѣрности: стодитъ только нанять таратайку и отправиться за четыре версты отъ станціи. Поѣзжайте и убѣдитесь что это историческій фактъ, а не историческій вымыселъ въ родѣ побѣды финляндцевъ надъ русскими и т. п.

Мнѣ говорили, что дорога туда плоха и что лучше всего туда пѣшкомъ идти, но идти пѣшкомъ (за 9 верстъ отъ нашей дачи) не позволяла мнѣ больная нога. „И радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ“, говоритъ русская пословица...

Вмѣсто меня въ эту лиственницу пошли пѣшкомъ сосѣди и моя семья.

Это было въ прошломъ году, вскорѣ послѣ того какъ Германскій императоръ привезъ намъ хорошую погоду.

Отправилась семья моя въ четвертомъ часу пополудни и вернулась въ сумерки около 10 часовъ вечера. Вернулась радостная, вполнѣ довольная своимъ путешествіемъ, и всѣ рассказы ихъ были такого свойства, что я, какъ художникъ въ душѣ, не могъ не позавидовать женѣ и дѣтямъ. По ихъ мнѣнію, это было самое живописное мѣсто какое только видѣли они въ окрестностяхъ, и самая роща, посаженная Петромъ, со своими красноватыми стволами, дымчатой зеленью, высокая и стройная, стояла того, чтобъ пойти и увидѣть ее.

Это дѣло—посадка лѣса, какимъ-бы ни казалось оно маленькимъ и незначительнымъ дѣломъ, есть все-таки дѣло того чудотворца-исполина, который по счастливому выраженію другаго чудотворца—Пушкина,

„Дробя стекло коваль булатъ“,

и изъ Московскаго государства выковалъ великую Имперію. Какъ-бы ни было мало это дѣло, оно для каждаго изъ насъ, обыкновенныхъ и заурядныхъ смертныхъ, было-бы великимъ дѣломъ.

27 іюля, пользуясь тепловатымъ, солнечнымъ утромъ, послалъ я за маленькимъ Петромъ, который здѣсь всѣмъ извѣстенъ, какъ неподкупный и строгій сельскій староста и судья, какъ хорошій извозчикъ и какъ умный, знающій русскій языкъ чухонецъ. Я зналъ, что онъ не станетъ запрашивать лишняго, что ему извѣстны здѣсь всѣ пути и дороги, что лошадь его не пуглива, и что этотъ маленький практической человѣкъ, въ кожаной курткѣ и дѣтскихъ штанахъ, самый пріятный изъ всѣхъ здѣшнихъ чухонцевъ, о которыхъ напрасно думаютъ, что они глупы; впрочемъ, если и глупы, то не пьяницы, не воры и не мошенники, а это чего-нибудь да стоятъ.

Я взялъ съ собой бумагу и карандашъ, хотя, признаюсь, рисовать карандашомъ съ натуры нѣтъ у меня ни навыка, ни тѣхъ техническихъ приспособленій, которыя сокращаютъ работу... Но кто-же не знаетъ, что писать съ натуры, значитъ смѣшать. Солнце заходитъ и безпрестанно перемѣщаетъ свѣтотвы и тѣневныя пятна.

„Ну, авось что-нибудь и удастся!“ подумалъ я садясь въ таратайку вмѣстѣ съ сыномъ и отправляясь тѣмъ-же путемъ, какимъ всѣ мы ѣздимъ на станцію (черезъ русскую деревню и лѣсопильный заводъ).

Не доѣзжая до станціи, возница нашъ свернулъ направо, осторожно переѣхалъ рельсы желѣзной дороги и по бревенчатой мостовой, очень тряской, выѣхалъ на проселочную дорогу. Мы поѣхали такимъ-же лѣсомъ, какъ и вездѣ въ этихъ мѣстахъ, куда бы мы ни поѣхали.

Всѣ здѣшніе хвойные лѣса однообразны, скучны и неряшливы—завалены буреломомъ, сухими сучьями, гниющими стволами и почернѣвшими отъ времени корнями ихъ. По такимъ лѣсамъ, мѣстами каменистымъ, мѣстами болотистымъ, трудно ходить—проѣзжать же въ экипажѣ и верхомъ въ сумерки или ночью едва-ли возможно. Еслибы финляндскія власти дозволили крестьянамъ очищать эти лѣса отъ всякой суши и лѣму, на многіе годы хватило-бы имъ топлива. При надзорѣ и строгихъ взысканіяхъ, конечно, никто бы на незаконную порубку и покушаться не сталъ, но... это не наше дѣло...

Сначала дорога шла такая, что можно было ѣхать рысью, но когда мы свернули влѣво, вынуждены были ѣхать шагомъ. Колеса таратайки то задрывали за корни деревьевъ, то одно изъ нихъ попадало на камень, тогда какъ другое погружалось въ тину или дождевую лужу. Мостики были сомнительны—но и погода сдѣлалась сомнительною. Со всѣхъ сторонъ наплывали тучи. Солнце пряталось, въ воздухѣ пахло дождемъ.

Когда ѣдешь шагомъ, точно горшокъ съ молокомъ везешь—версты кажутся гораздо длиннѣе, особенно тамъ, гдѣ о нихъ и въ минувъ нѣтъ.

„Да когда-же это мы доберемся!.. Тутъ конца нѣтъ!..“ думалъ я, поглядывая на небо.

Наконецъ-то мы наткнулись на изгородь. Возница слѣзъ съ облучка, отвелъ лошадь съ дороги въ сторону и выдвинулъ изъ изгороди жерди. Дальше дороги нѣтъ, мы должны были пѣшкомъ идти.

Но насъ обступилъ такой-же сосновый, еловый и можжевельный лѣсъ, немного старѣе, немного выше и нѣсколько живописнѣе.

— Это? спросилъ я не безъ удивленія.

— Э! нѣтъ еще... и спрашивать будетъ не нужно... сразу видно будетъ!.. отвѣчали мнѣ.

Чухонецъ, хозяинъ тарантаса, шелъ вмѣстѣ съ нами, покинувъ позадѣ и таратайку, и лошадь, не изъ безнечности, а изъ увѣренности, что все будетъ цѣло: здѣсь о конокрадахъ и помину нѣтъ. Говорятъ, что и казнокрадоловъ нѣтъ; но если вамъ скажутъ, что и волковъ нѣтъ—не вѣрете. Есть и волки, и даже лисицы.

-- Ты самъ сейчасъ увидишь разницу, подтвердилъ сынъ мой, помогая мнѣ, опирающемуся на костыль, перебираться черезъ рывины съ увязнувшими въ нихъ неровными и скользкими камнями.

И дѣйствительно, не нужно было и сказывать. Разница сама бросалась въ глаза. Лиственничный лѣсъ былъ не похожъ на тѣ лѣса, которые остались за синной. Незамѣтно, мы вошли въ него и очутились точно въ сумрачномъ старинномъ храмѣ, подъ колоннами такихъ прямыхъ и такихъ высокихъ деревьевъ, что не запрокидывая головы нельзя было и видѣть тонкихъ

¹⁾ Когда проиграешь, умѣй и расплачиваться... Отъ васъ по крайней мѣрѣ отдралась...

вершинъ ихъ, развѣтвленныхъ въ видѣ пучка или зеленой рагульки. Все кругомъ было глухо, мрачно, даже страшно. Казалось, не на небѣ собирается гроза, а этотъ лѣсъ, сизый и непроглядный, охватилъ насъ, какъ грозовая туча. Вѣковыя лиственницы посажены рядами и, уходя въ перспективу, кажутся рядомъ колоссальныхъ коридоровъ въ готическомъ стилѣ, въ особенности тамъ, гдѣ онѣ, какъ-бы стрѣльчатые своды, сходятся своими вершинами. Этому очарованію не мало способствуетъ и то, что стволы вислоко не закрываются сучьями, видны снизу до самаго верху. Сучья, какъ и у старыхъ сосенъ, начинаются высоко отъ корней, очень длинны, обнажены и только на концахъ, развѣтвляясь, покрыты мягкой бахромистою зеленью или висящими космами сѣдаго моха.

Вѣтеръ былъ небольшой, тучи ушли куда-то, верхушки подъ яснымъ, полуденнымъ небомъ казались неподвижными, и все же какой-то смутный гулъ перекатывался по лѣсу.

Что же бы могло быть, если бы дунула буря и раскатала эти колонны!.. А буря, сказывалъ намъ чухонецъ, прошла здѣсь недавно и повалила не мало деревьевъ — шестнадцатисаженные стволы ихъ были проданы съ аукциона и почти что даромъ, по два рубля за стволъ, пошли на какія-то финляндскія верфи. Въ лѣсу остались только вывернутые изъ земли корни и стали издали похожи на какихъ-то фантастическихъ, черныхъ и косматыхъ животныхъ вставшихъ на дыбы, разинувшихъ пасти и протянувшихъ когтистыя лапы...

Ни въ бурю, ни въ ливень не дай Богъ очутиться въ этомъ лѣсу — нигдѣ здѣсь не найти вамъ пріюта, ни избы, ни шалаши; говорятъ, гдѣ-то есть домикъ лѣсника, но никакой заѣзжей дачникъ здѣсь въ темъ или дождь не найдетъ его. Можетъ-быть, съ другой стороны лѣса и есть что-нибудь жилое; мы не видали ничего кромѣ слѣдовъ костра на опушкѣ, вокругъ котораго несомнѣнно совершалось чаепитіе. Будь тутъ лѣсъ посаженъ не Петромъ Великимъ, а какимъ-нибудь Шведскимъ королемъ или хоть богатымъ финляндцемъ — здѣсь была бы и гостиница и даже памятникъ съ надписью по-фински и по-шведски: когда и кѣмъ была посажена эта лиственница, — и тогда вела бы сюда шоссеиная дорога, и никто изъ дачниковъ не смѣлъ бы да и нужды бы не имѣлъ разводить костры у корней этого живаго памятника великой старины — словомъ все было бы такъ какъ подобаетъ. Но... вѣдь и я только случайно узналъ объ этомъ лѣсѣ.

А странное чувство охватывало меня когда, переходя лѣсъ, я останавливался, оглядывался или смотрѣлъ на эти древесныя выси...

Лиственничный лѣсъ Петра Великаго. Съ карт. Я. П. Полонскаго, грав. Шлипперъ.

тоже покатою и протянувшейся вдоль рѣчки Райвола, которая течетъ у опушки лѣса и, какъ кажется, служить ему границею. Рѣчка эта не широка, но живописна, течетъ по камнямъ и по валунамъ, которые высовываются изъ воды какъ тюлены. При солнцѣ и ясномъ небѣ цвѣтъ рѣчки казался мнѣ коричневымъ. Быть-можетъ желѣзистая вода придаетъ ей такой видъ. Черезъ поляну, на которую мы вышли, ключевая вода пробивается изъ лѣсу къ рѣкѣ. Трудно было перебраться черезъ эти насыщенные водой и прикрытыя травой полосы. Ноги вязли въ нихъ.

Даже это маленькое, изъ всѣхъ дѣлъ самое незначительное дѣло, совершенное Петромъ, носить печать великой души его. Только гений, „въ надеждѣ славы и добра“, могъ насадить этотъ лѣсъ; не ради каприза, или собственнаго своего удовольствія, не у себя въ лѣтней резиденціи онъ насадилъ его, а въ странѣ только-что занятой имъ, дикой и малолюдной.

Онъ насаждалъ эту лиственницу въ увѣренности, что вырастетъ матчовый лѣсъ, и лѣтъ черезъ двѣсти пригодится его имперіи, у которой окажется свой собственный, не привозный материалъ для флота. Какая любовь къ Россіи, какая прозорливость и какая непоколебимая увѣренность что все имъ завоеванное будетъ русскимъ и никогда не вернется въ руки враговъ его!

Почему онъ выбралъ это, а не другое мѣсто? Почему онъ предполагалъ что эти деревья примутся и не погибнутъ? Откуда перевезъ онъ лиственницу? Долго-ли и чьими руками рыли эту каменистую сырую почву и вырубали корни стараго лѣса, чтобъ дать мѣсто новому? Все это — не мѣлъ рѣшать...

Ясно только что и здѣсь, въ завоеванной странѣ, онъ оказался такимъ же преобразователемъ какъ и у себя на родинѣ. Вѣдь лиственница сама собой здѣсь не растетъ — ее даже и теперь не видать нигдѣ кругомъ, даже въ садахъ у помѣщиковъ, даже въ бывшемъ помѣстьѣ министра Замятина, а тогда, въ прошломъ вѣкѣ, смѣю думать, здѣсь о лиственницахъ и помина не было.

Все было обдумано Петромъ, и несомнѣнно выполнено по его плану и по его указанію.

Спускался все ниже и ниже по неровному лѣсному скату, дошли мы наконецъ до зеленой поляны,

но на этой же полянѣ нашлось и сухое мѣсто недалеко отъ покосившагося сруба, набитаго сѣномъ. Только тутъ нашлась возможность сѣсть на траву и наскоро набросать видъ лиственницы, которая темной стѣною шла по рѣкѣ, круто завернувшей отъ насъ направо. Отсюда былъ далеко не лучший видъ, — но что же дѣлать: я настолько усталъ, что не могъ искать лучшаго.

Къ рисункамъ.

Лѣтняя идилія. (Рис. на стр. 769).

Авторъ этой прелестной картинки, изображающей дѣдушку съ двумя внучками, жанристъ Феликсъ Шлезингеръ, родился 9 октября 1833 года въ Гамбургѣ, 1850—51 учился въ Дюссельдорфской академіи и работалъ въ мастерской Йордана, затѣмъ прожилъ много лѣтъ въ Парижѣ, и наконецъ поселился въ Мюнхенѣ. Картины его отличаются художественною простотою содержания и блестящимъ колоритомъ.

Весло упустилъ! (Рис на стр. 772).

Комично безвыходное положеніе гребца-дилеттанта — раскачавъ по неумѣлости лодку и струсивъ при этомъ, онъ упустилъ весло, а нагибаясь за нимъ, потерялъ и картузь... Мать шалуна причитаетъ ему съ плоту обычное: „говорила тебѣ, пострѣльнокъ, не суйся въ воду, не берись не за свое дѣло“ и т. д.

Пора на водопой. (Рис. на стр. 773).

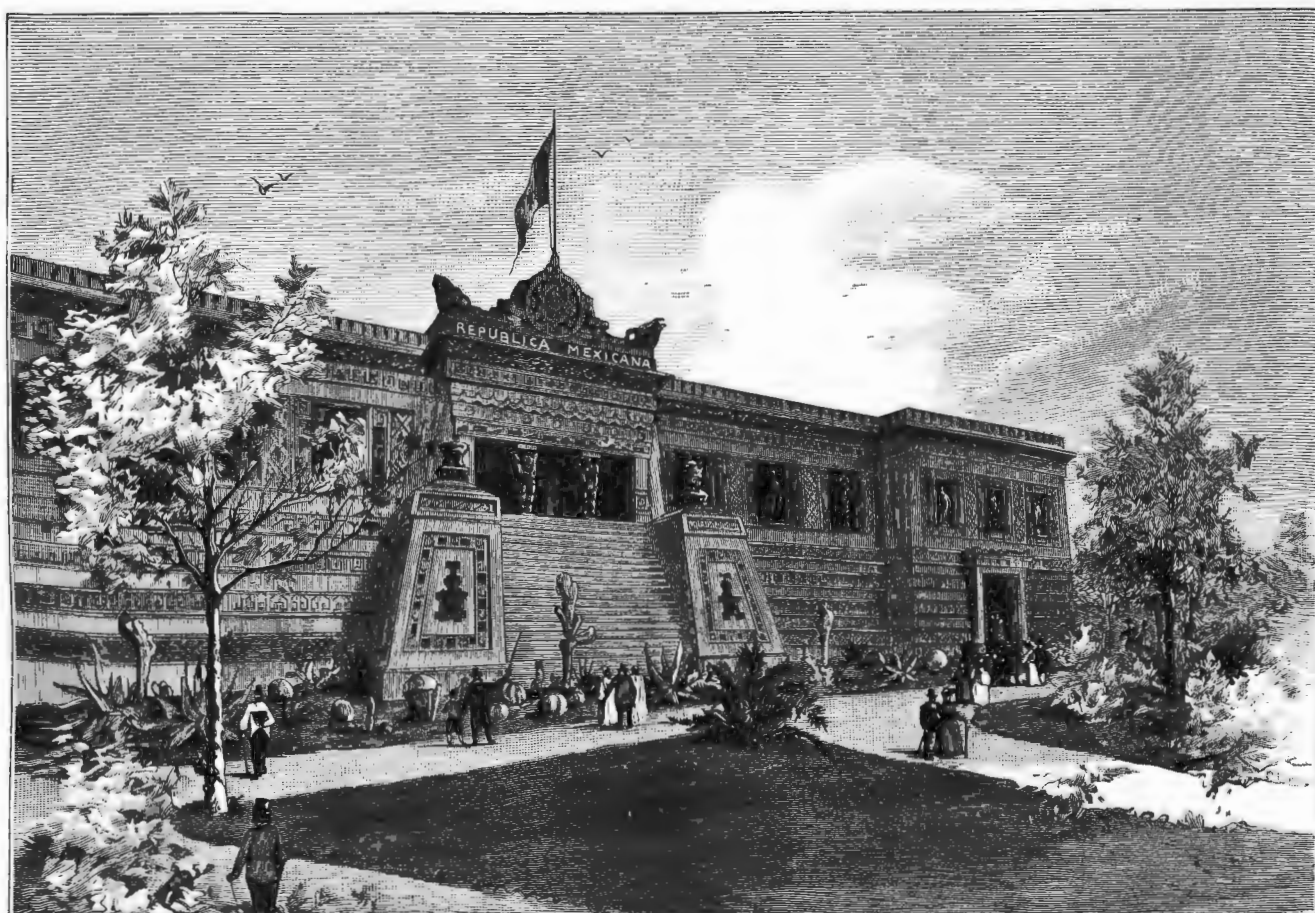
Домашнія животныя удивительно привыкаютъ къ обычному порядку ихъ жизни и хорошо знаютъ время выгона на пастбище, доенья и т. п. Вотъ настала часъ водопоя, а пастушокъ, сморенный зноемъ, заснулъ на припекѣ... Овцы, дожидаясь водопоя, окружаютъ его съ жалобнымъ блеяньемъ, а баранъ даже нарываетъ слегка бодрнуть его подъ бокъ.

Малороссійская жница. (Рис. на стр. 777).

Засверкали на нивѣ серпы,
Какъ на небѣ вечернемъ зарница...
Съ пѣсней вижеть и носить снопы
Молодая, прекрасная жница.
Черноброва, румяна, свѣжа;
Станъ и гибокъ, и строенъ, какъ колосъ;

Парижская всемирная выставка 1889 г. Павильонъ Аргентинской республики. По рис. М. И., грав. М. Рашевскій.

Парижская всемирная выставка 1889 г. Павильонъ Мексики. По рис. М. И., грав. М. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

Рѣжетъ пламенный взоръ безъ ножа;
Летитъ въ душу чарующій голосъ.
Какъ въ лазурныхъ кристалльных струяхъ
Днемъ играетъ на солнышкѣ рыбка—
У стеньячки на адыхъ устахъ
Плутовская играетъ улыбка.
Душетъ воздухъ. Огненнымъ лучемъ
Солнце жжетъ ея смуглое тѣло,
Мучитъ жажда... Но все ни почемъ—
Ей, красавицѣ сильной и смѣлой.
И всегда-то она весела,
И поетъ, и щебечетъ какъ птица—
Украшенье роднаго села,
Молодая, прекрасная жница.

п. б.

Литературный альбомъ. „Рыбакъ“, Гёте.

(Рис. на стр. 780).

Волна бѣжитъ, шумитъ, колышетъ
Едва замѣтный поплавокъ;
Рыбакъ поникъ и жадно дышитъ
Прохладой, глядя на потокъ.
Въ немъ сердце сладко замираетъ...
Онъ видитъ—женщина изъ водъ,
Ихъ разсѣкал, выплываетъ
Вся на поверхность, и поетъ...

Волна бѣжитъ, шумитъ, сверкаетъ...
Рыбакъ поникъ надъ глубиной.
Невольный жаръ овладѣваетъ
Въ немъ замирающей душой.
Она поетъ... Рыбакъ несмѣло
Скользитъ къ водѣ... его ноги
Ушла въ потокъ... волна вскипѣла—
И опустѣли берега...

Я. П. Полонскій.

Карль Анжуйскій въ Бордо. (Рис. на стр. 781).

Еще въ глубокой древности, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Библия, а также древнїи священныя писанїя Персовъ, споры отдѣльныхъ лицъ, а иногда и цѣлыхъ народовъ, рѣшались поединкомъ. Въ среднїе вѣка особенно часто прибѣгали къ такому рѣшенїю „суда Божїа“.

Такимъ-же судомъ Божїимъ хотѣлъ рѣшить Карль Анжуйскій свою исконную вражду съ Петромъ Арагонскимъ.

Это случилось въ 1280 году 20 мая. Весь городъ Бордо былъ въ сильномъ возбужденїи. Тамъ долженъ былъ произойти поединокъ, на который вызвалъ Карль Анжуйскій своего злѣйшаго врага, Петра Арагонскаго. Известная въ исторїи „Сицилианская вечерня“ вырвала Сицилїю изъ-подъ власти Карла и престолъ достался Петру III. Послѣ тщетныхъ попытокъ снова овладѣть островомъ, онъ вызвалъ Петра рѣшить единоборствомъ кому быть властителемъ, и благородный Петръ, хотя и знакомый съ вѣроломствомъ своего противника, принялъ вызовъ. Двѣнадцать рыцарей были избраны судьями; мѣстомъ поединка назначили Бордо. Каждая изъ сторонъ обязалась привести съ собою по 100 рыцарей. Первымъ явился къ мѣсту поединка Карль, чтобы устроить, по его словамъ, все по возможности торжественнѣе и пышнѣе. На самомъ дѣлѣ у него на умѣ было совсѣмъ другое, и къ своему счастью, Петръ узналъ объ его зломъ умыслѣ своевременно. По прибытїи его изъ Сицилїи въ Арагонїю, ему допели, что Карль собралъ около Бордо сильное войско. Петръ въ сопровожденїи трехъ спутниковъ, переодѣвшись, лично убѣдился въ низкихъ помыслахъ Карла, и открывъ себя судьямъ, и объявивъ имъ, что онъ былъ на мѣстѣ поединка, послѣднїи за тѣмъ обратнo въ Сицилїю. Узнавъ о томъ, Карль послалъ за Петромъ погоню, но безуспѣшно. Чтобы хотя повидимому сохранить за собою правоту въ неудавшемся единоборствѣ, онъ прибылъ къ назначенному мѣсту битвы и съ утра до поздней ночи тщетно ожидалъ своего соперника, въ неистовствѣ отъ разрушившихся козней посясъ на конѣ и въ полномъ вооруженїи по аренѣ. Эта сцена и изображена на рисункѣ, помѣщенномъ на стр. 781.

Парижская всемирная выставка 1889 г.

(Рис. на стр. 785).

Къ числу наиболѣе характерныхъ зданїй на всемирной выставкѣ относятся изображенные на нашихъ рисункахъ отдѣлы Мексиканской и Аргентинской республикъ.

Аргентинцы поручили постройку своего роскошнаго павильона г. Баллю, съ тѣмъ, что послѣ Парижской выставки павильонъ будетъ перенесенъ въ Буэнос-Айресь, для тамошнихъ выставокъ. Это — великолѣпное зданїе около 35 саж. длины и около 12 ширины, обошедшееся въ 1.400.000 франковъ. Основою ему служить металлическая сѣть, заполненная и украшенная фарфоромъ, кафлями и мозаикой, производящими самое прїятное общее впечатлѣнїе. Аргентинская республика выставила преимущественно предметы промышленности и торговли. Во второмъ этажѣ расположены кожи, шерсть и т. п.; въ первомъ — хлѣбъ, дерево, вина и мясные консервы. Кстати замѣтимъ, что пресловутый „мясной экстрактъ“ — чисто французское изобрѣте-

нїе и принадлежить двумъ французскимъ ученымъ Пру и Пармантье; Либихъ только популяризовалъ мясной экстрактъ и указалъ его важность, благодаря чему имя его и осталось свиданнымъ съ этимъ изобрѣтенїемъ.

Мексиканскїй павильонъ своею суровою внѣшностью и особенно крутою лѣстницей напоминаетъ древнїе теокали Ацтековъ; фасады украшены геометрическими рисунками, тщательно скопированными съ древне-мексиканскихъ памятниковъ. Двѣнадцать колоссальныхъ полурельефныхъ бронзовыхъ фигуръ изображаютъ доисторическихъ повелителей Мексики, которымъ приносились сотни человѣческихъ жертвъ. Здѣсь выставлены: кофе, индиго, хлопокъ, кожи, сахаръ, ваниль, цѣнное дерево, минералы, драгоценные камни и нѣсколько картинъ.

С. П. Акимова. (Портр. на стр. 788).

Рано утромъ, 4 июля, въ селѣ Раменскомъ, находящемся по Московско-Рязанской желѣзной дорогѣ, тихо отошла въ вѣчность артистка Императорскаго Московскаго Малаго театра Софья Павловна Акимова, сорокъ лѣтъ служившая лучшимъ украшенїемъ казенной сцены. Съ ея смертью исчезло наглядное представленїе о томъ блестящемъ, „золотомъ времени“ русскаго драматическаго театра, о томъ знаменитомъ періодѣ московской сцены, когда на ней вкупѣ подвизались незабвенные Щенкинъ, Садовскїй, Шумскїй, Живокинн, Васильевъ, Никитинъ, Полтавцевъ, Сабурова, Васильева и друг. Акимова занимала драматическое амплуа „комической старухи“, нынѣ почти не существующее, котораго она была послѣдней представительницей. Комизмъ этого женскаго амплуа, родственнаго амплуа итальянской оперы „basso buffo“ и амплуа „протесковъ“ въ балетѣ, заключался во внѣшней смѣхотворности, въ шаржѣ. Артистка по натурѣ, Акимова за свой неподдѣльный комизмъ, юморъ и заразительную веселость, получила у завзятыхъ театраловъ прозвание „Живокинн въ юбкѣ“ и заставляла хохотать неудержимо всю залу; по разсказамъ старожиловъ, участїе Акимовой въ водевилѣ, особенно когда она играла съ Живокинн, удерживало всю публику въ театрѣ до самаго конца спектакля, какъ-бы поздно онъ ни затягивался, и публика надсаживалась отъ смѣха, хохотала такъ, какъ нынѣ уже не смѣется. И не мудрено. С. П. Акимова, какъ говоритъ известнѣйшій театралъскїй критикъ и знатокъ сцены г. Васильевъ, въ значительной мѣрѣ обладала фантастическимъ комизмомъ, тѣмъ талантомъ комизма, который французы называютъ „le comique phantaisiste“. Она была необыкновенно талантлива въ своемъ амплуа и составила себѣ въ немъ огромную известность. Молодое поколѣнїе, заставшее лишь послѣднїе годы артистической дѣятельности С. П. Акимовой, не можетъ составить себѣ понятїя о тѣхъ оцѣнкахъ, которыя она вызывала, о популярности, какою она пользовалась среди посѣтителей Малаго театра. Талантъ артистки выражался не въ одномъ лишь „комизмѣ для смѣха“, внѣшнемъ комизмѣ, но и въ созданїи живыхъ народныхъ типовъ, которымъ она умѣла придавать чрезвычайную колоритность. Такими типами въ ея прекрасномъ, яркомъ исполненїи были: сваха въ „Женитьбѣ“ Гоголя, слесарша въ „Ревизорѣ“, странница въ „Грозѣ“, тетка въ „Не въ свои сани не садись“ и другія лица, преимущественно въ пьесахъ Островскаго. Доказательствомъ ея добросовѣстности, ея любви къ театру, къ искусству, вообще ея артистической жилки можетъ служить то, что, молчаливая и сдержанная вообще, она необыкновенно оживлялась на сценѣ или когда рѣчь заходила о театрѣ, и то, что она трусила, волновалась передъ каждымъ выходомъ на сцену, какъ новичокъ-дебютантъ. „Въ горлѣ что-то схватить, и кажется, что всю роль перезабыла“, говаривала артистка. А между тѣмъ она периграла болѣе пятисотъ ролей и обладала громаднымъ опытомъ, усвоила технику въ совершенствѣ. Даже разбитая уже параличемъ, въ дни облегченїя, она жаждала играть и страшно обижалась на театральную дирекцію, которая, щадя здоровье артистки, передавала ея роли другимъ.

Софья Павловна Акимова съ первыхъ дней появленїя своего на свѣтѣ Божїй уже дышала театральною атмосферой. Она была дочь Ребристова, даровитаго музыканта въ оркестрѣ московскаго казеннаго театра и родилась въ 1824 году, въ Москвѣ. Образование она получила хорошее, знала отлично языки французскїй и нѣмецкїй. Лѣтъ восемнадцати-девятнадцати она вышла замужъ за Акимова, режиссера драматической труппы Малаго театра и черезъ нѣсколько времени поступила на сцену, по страстному влеченїю къ ней и вопреки желанїю мужа, противъ воли родныхъ, пророчившихъ ей полнѣйшїй неуспѣхъ на сценѣ. По секрету отъ всѣхъ разучивала она свои первыя, дебютныя роли и своимъ артистическимъ образованїемъ обязана артисткѣ Аграфенѣ Тимофеевнѣ Сабуровой, принимавшей въ ней большое участїе. Акимовой было всего 22 года, когда она выступила на театральныхъ подмосткахъ, въ пьесѣ М. Н. Загоскина „Благородный театр“, дебютируя ролью Кутерлиной. Несмотря на пророчества родныхъ и мужа, она имѣла успѣхъ и все болѣе обращала на себя вниманїе своей смелой игрой, появившись для втораго и третьяго дебютовъ въ роляхъ Праксагоры въ водевилѣ „Эзонъ у Ксанова“, гдѣ Эзона исполнялъ Щенкинъ, и Клушиной въ водевилѣ П. С. Федорова „Шутанца“. Несмотря на молодость лѣтъ своихъ,

она избрала для себя ампулу комических старух, угадавъ своимъ артистическимъ чутьемъ свое настоящее призваніе. Замѣчательно, что, несмотря на видимые успѣхи артистки на сценѣ, театральное начальство объявило ей, что она принята на службу единственно въ уваженіе заслугъ ея отца и мужа, и чтобы артистка и не думала, будто у ней есть какой-нибудь талантъ. При такомъ взглядѣ на нее начальства, С. П. Акимовой приходилось буквально завоевывать себѣ роли, а слѣдовательно и положеніе на сценѣ. По оставленіи артисткой А. Т. Сабуровой сцены, дирекція открыла конкурсъ на замѣщеніе ея ампулы; явилось не мало претендентовъ, но Акимова затмила исполненіемъ своихъ конкурентокъ и вышла побѣдительною, оставивъ за собою ампулу, въ которомъ рѣшительно не имѣла соперницъ на московской сценѣ. Последніе годы она не часто появлялась на сценѣ: память стала измѣнять артисткѣ, она съ трудомъ разучивала роли; силы измѣняли ей. Въ послѣдній разъ она участвовала въ пьесѣ Островскаго „Воевода“, а послѣдней ея ролью была роль старой няньки въ комедіи „Послѣдняя воля“. „Это была — говорить г. Васильевъ, — даже не роль; это было воспроизведеніе дѣйствительности... На сцену выводили подъ-руки разрушившуюся старушку, сажали ее на диванъ и черезъ нѣсколько времени вводили обратно“. И тѣмъ не менѣе, публика каждый разъ аплодировала дружно артисткѣ; она рукоплескала ея блестящему прошлому и той безавѣстной любви къ искусству, той вѣрности долгу, которая до послѣднихъ минутъ жизни не покидала С. П. Акимову. Служа сценѣ, артистка пыталась силы и въ драматической литературѣ: она перевела съ нѣмецкаго драму „Мать и сынъ“ (за которую ее вызывали, какъ переводчицу) и помогала мужу въ переводѣ нѣсколькихъ пьесъ съ французскаго: „Женихъ безъ фрака“, „Пробужденіе льва“, „Пятница“ и друг. П. Б.—овъ.

Д. Д. Минаевъ. (Портр. на стр. 788).

10 июля, въ Симбирскѣ, послѣ тяжелой болѣзни, скончался извѣстный поэтъ-юмористъ Д. Д. Минаевъ, пользовавшійся за свое остроуміе огромной популярностью и въ столицѣ, и въ провинціи. Экспромты Минаева на всякіе важные и пустые случаи, на разные общественныя и литературныя явленія переходили изъ устъ въ уста, разносились по всѣмъ угламъ и закоулкамъ Россіи, и едва ли у насъ найдется такой грамотный, слѣдящій за литературою человекъ, который не зналъ бы какого-нибудь изъ этихъ экспромтовъ или вообще юмористическихъ стиховъ Минаева. Необычайныя, по истинѣ изумительныя плодовитость, бойкость, легкость, веселость, богатство рифмъ и щедрость формы — были отличительными признаками его талантливой и причудливой музы. Минаевъ быстро откликался на всѣ интересы минуты и своимъ остроуміемъ, своими, подчасъ колкими, эпиграммами преслѣдовалъ и настоящее зло, невѣжество и лицемеріе людей несимпатичныхъ, одержимыхъ корыстью, шаткостью убѣжденій и прочими общественными недугами, и точно такъ же высмѣивалъ зло мнимое, такіа явленія, такихъ почтенныхъ дѣятелей, надъ которыми потѣшаться было и стыдно, и грѣшно. Минаевъ одинаково глумился и надъ либеральнымъ лагеремъ, къ которому онъ себя причислялъ, и надъ лагеремъ консервативнымъ, порою, единственно ради возможности удачно съострить, пустить въ дѣло какой-нибудь ловкій каламбуръ. Надъ „своими“ онъ всего больше и всего удачнѣе смѣялся, заклеивъ довольно злыми эпиграммами и расколъ въ либеральной партіи, и рьяное разрушеніе авторитетовъ. Когда, отъ презрѣннаго усердія къ этому разрушенію, Лермонтовъ былъ низведенъ до „пошляка“, а Пушкинъ названъ „поэтомъ побрикушекъ“, Минаевъ ополчился противъ подобнаго святотатства и написалъ остроумную сатиру-пародію „Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ, совращенный и исправленный по статьямъ новѣйшихъ лже-реалистовъ“, одну изъ удачнѣйшихъ своихъ юмористическихъ вещей, которая была до нѣкоторой степени подвигомъ со стороны Минаева, ибо въ то „комическое“ время дозволялось разрушать вслѣдствіе авторитеты и изречать, что „салонъ выше Шекспира“, но отнюдь не дозволялось касаться такихъ кумировъ современныхъ, какимъ былъ авторъ пошлыхъ и вздорныхъ статей о Пушкинѣ, Писаревъ. Въ стихахъ и прозѣ Минаевъ всегда вооружался противъ теоріи искусства для искусства, а межъ тѣмъ онъ самъ первый осуществлялъ эту теорію на практикѣ — онъ смѣялся ради того только, чтобы смѣяться и, какъ говорить пословица, „ради краснаго слова не жалѣя и роднаго отца“. Безспорно, Минаевъ обладалъ большимъ стихо-

творнымъ талантомъ, но чисто внѣшняго свойства, который не шелъ дальше округленности, гладкости формы, нѣкоторой картинности; о чувствѣ, гармоніи, образности въ стихахъ Минаева, конечно, не можетъ быть и рѣчи: чувство замѣнялось у него холоднымъ резонерствомъ, гармоніи, мелодіи стиха — звучными рифмами, риторическими украшениями, вылощенностью формы. Оригинальнаго въ его не юмористическихъ стихахъ ничего не было и они представляли собою болѣе или менѣе удачныя переиначенія произведеній Некрасова, которому Минаевъ слѣпо поклонялся, и, говоря откровенно, мнилъ себя его продолжателемъ. Минаевъ не отличался особеннымъ умомъ и развитіемъ, не получилъ серьезнаго образованія и не заботился, какъ это мы видимъ у другихъ писателей, о поношеніи его проблѣ; идеаломъ высокихъ у него тоже не было, какъ равно и стойкости въ убѣжденіяхъ; таланта его хватало только на мелочи, почему юморъ его не отличался глубиною, серьезною подкладкой и вращался болѣею частью въ узкой сферѣ обличенія повседневныхъ явленій и отдѣльныхъ личностей, интересовъ своего муравейника и одностороннихъ партійныхъ взглядовъ. Вотъ почему также Минаевъ пережилъ свой талантъ, и въ его послѣднихъ произведеніяхъ, натишутыхъ, шаблонныхъ, замѣчаются однѣ только жалкія потуги на остроуміе и притомъ ужъ совсѣмъ неразборчивое.

Кромѣ юмористическихъ стиховъ, Минаевъ занимался переводами поэтическихъ произведеній Ювенала, Барбье, Гюго, Мольера, Мюссе, Байрона, Шели, Борса, Данте, Гейне, Сырокомли и другихъ иностранныхъ писателей мелкихъ и крупныхъ. Но такъ какъ самъ онъ совсѣмъ не зналъ языковъ и перекладывалъ въ стихи подстрочно переведенныя для него другими произведенія, то его переводы, очень гладкіе, даже блестящіе по формѣ, не передавали ни красокъ, ни духа подлинника и часто были не только невѣрны, но и грѣшили несообразностями, нелѣпостями, каковы, напримѣръ, въ особенностяхъ, его переводы большихъ поэмъ Байрова („Донъ-Жуанъ“, „Чайльдъ-Гарольдъ“, „Бенно“, „Манфредъ“, „Кайнъ“) и Даптовской трилогіи; чтеніе этихъ переводовъ невольно вызываетъ и смѣхъ, и досаду. Изъ серьезныхъ произведеній Минаева, удачнѣе всего его стихотворныя комедіи: „Либераль“, „Сибѣйскій пѣснь“ и „Разоренное гнѣздо“, въ которыхъ затронуты довольно остроумно современные мотивы, есть нѣсколько весьма жизненныхъ типовъ и правдоподобныхъ сценъ и много юмора; кромѣ того, все это скрашено необыкновенно блестящею формою. Последнее произведеніе, комедія „Разоренное гнѣздо“ своими прекрасными стихами, напоминающими грибоѣдовскіе, подкупила даже одного изъ академиковъ, А. В. Никитенко, которому она, какъ конкурсное произведеніе, была отдана на разсмотрѣніе; онъ одобрилъ ее, и Минаевъ получилъ за эту пьесу Уваровскую премію въ пятьсотъ рублей.

Дмитрій Дмитриевичъ Минаевъ происходитъ изъ дворянскаго рода и родился въ Симбирскѣ, 21 октября 1835 года. Дѣдъ его былъ ветеранъ екатерининскихъ временъ, а отецъ, Дмитрій Ивановичъ, участвовалъ въ литературѣ и какъ второстепенный поэтъ сороковыхъ годовъ и, особенно, какъ переводчикъ „Слова о полку Игоря“ пользовался нѣкоторою извѣстностью; онъ былъ отставной капитанъ, служилъ въ Провіантской комиссіи, занималъ должность смотрителя Измайловскаго провіантскаго магазина въ Петербургѣ, куда онъ перѣхалъ въ 1847 г. съ одиннадцатилѣтнимъ своимъ сыномъ. Дмитрій Дмитриевичъ поступилъ, послѣ домашняго воспитанія, въ Дворянскій полкъ, откуда выпущенъ съ чиномъ XIV класса, въ 1852 году, затѣмъ служилъ года два въ Симбирской казенной палатѣ, послѣ чего вышелъ въ отставку и прѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ снова опредѣлился на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ земскій отдѣлъ по крестьянскому вопросу, гдѣ оставался до половины 1857 года, когда окончательно оставилъ службу и исключительно занялся литературою. Писать стихи онъ началъ еще на школьной скамьѣ, но печататься сталъ въ 1858 году, дебютируя лирическими пѣснями, переводами изъ Гейне и повѣстями, которыя помѣщались въ мелкихъ, ежедневныхъ изданіяхъ. Сдѣлавшись усерднымъ сотрудникомъ *Искры*, гдѣ онъ печатался подъ множествомъ псевдонимовъ, онъ вскорѣ получилъ извѣстность, и безъ его серьезныхъ, юмористическихъ и переводныхъ стихотвореній, замѣтокъ и фельетоновъ не обходилось почти ни одно изъ изданій шестидесятихъ-семидесятихъ годовъ, преимущественно либеральнаго направленія. Д. Д. Минаевъ умеръ еще не старымъ человекомъ, всего 54 лѣтъ отъ роду, но его дарованіе состарилось уже давно... П. Б.—овъ.

Политическое обозрѣніе.

Франція въ настоящее время всецѣло поглощена происходящими выборами въ генеральные совѣты. Результаты ихъ интересны уже потому что буланжисты употребляютъ всѣ мѣры, чтобы доставить своему главарю, по возможности, наибольшее число избранныхъ и устроить изъ мѣстныхъ выборовъ какъ бы плебисцитъ. Выбѣсъ съ тѣмъ тѣ же результаты покажутъ настроеніе страны при предстоящихъ общихъ выборахъ. Къ сожалѣнію, точнаго числа дѣйствительныхъ избранныхъ, въ виду

многочисленныхъ перебаллотировокъ, еще нельзя опредѣлить, но уже по ходу дѣла можно видѣть, что старанія буланжистовъ не увѣнчаются успѣхомъ. По поводу земскихъ выборовъ *Journal de St.-Petersbourg* говоритъ, въ среду 19 іюля: „Наши дѣшеи изъ Парижа относительно результата выборовъ въ воскресенье (16 іюля) еще очень скудны подробностями. Но изъ совокупности этихъ скудныхъ свѣдѣній вытекаетъ, что „плебисцитъ въ миниатюрѣ“, — какъ выражается *Temps*, — устроенный

бывшим военнымъ министромъ, не привелъ къ немедленному торжеству достигнутому послѣ борьбы. Если, какъ утверждаютъ газеты, кандидатура генерала была поставлена въ ста-пятидесяти кантонахъ, то избранія всего въ двѣнадцати мѣстахъ, не считая перебаллотировокъ, нельзя считать особенно блестящимъ результатомъ и съ этой точки зрѣнія можно сказать, что буланжистская манифестація не произвела ожидаемаго эффекта. Перипетии кандидатуръ Буланже представляютъ, впрочемъ, любопытный предметъ изслѣдованія. Въ своемъ недавнемъ манифестѣ, обращенномъ къ выборщикамъ, генералъ самымъ формальнымъ образомъ заявилъ, что онъ поставилъ свою кандидатуру лишь въ восьмидесяти кантонахъ. „Эта цифра — утвер-

находящіяся нынѣ въ Бѣлградѣ, по очереди были приняты Миланомъ въ аудіенціи. 18 іюля имѣлъ аудіенцію у Милана русскій повѣренный въ дѣлахъ, г. Сергѣевъ. Въ тотъ же день Миланъ отправился во Вранью въ сопровожденіи Белимарковича, Груича и, вѣроятно, Таушановича. Поѣздка приводитъ въ связь съ вопросомъ объ регулированіи положенія королевы. По этому поводу телеграфъ сообщаетъ, что правительство заявило о необходимости пріѣзда королевы въ Сербію и предложило Милану уступить для жительства ея дворецъ въ Нишѣ, гдѣ король могъ бы по временамъ видѣться съ матерью. Миланъ отвѣтилъ, что въ принципѣ не имѣетъ права противиться возвращенію королевы, но что у него, кромѣ 72 статьи кон-

С. П. Анимова († 4 іюля 1889). Съ фот. Конарскаго, грав. Шюблеръ.

Д. Д. Минаевъ († 10 іюля 1889 г.). Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

ждалъ онъ — установлена безповоротно⁴. Онъ даже настоятельно просилъ выборщиковъ не подавать за него голоса въ тѣхъ кантонахъ, которые не будутъ имъ самымъ открыто указаны. Затѣмъ, наканунѣ выборовъ, тактика эта внезапно измѣнилась. Не только не было опубликовано списка этихъ восьмидесяти кантоновъ, но кандидатуры Буланже были поставлены вездѣ понемножку, либо самимъ генераломъ, либо его сообщниками съ г. Тюркѣ во главѣ. Но въ то же время, тотъ же г. Тюркѣ заявлялъ въ буланжистскихъ газетахъ, что до дня выборовъ ни одного кантона не укажутъ официально, что будетъ соблюдаема строжайшая тайна и что по окончаніи выборовъ будетъ объявлено, въ какихъ именно кантонахъ генералъ Буланже выставилъ свою кандидатуру. *Temps* замѣчаетъ, что генералъ Буланже, слѣдуя этой новой тактикѣ, могъ предложить или допустить голосованіе въ свою пользу во всѣхъ тѣхъ кантонахъ, гдѣ онъ полагалъ имѣть шансы на успѣхъ, а затѣмъ, тотчасъ послѣ выборовъ, онъ могъ собрать названія восьмидесяти кантоновъ, въ которыхъ онъ получилъ наибольшее число голосовъ и заявить странѣ: „Вотъ указанные мною восьмидесять округовъ, во другихъ же мѣстахъ слѣдуетъ видѣть лишь внезапную манифестацію, устроенную выборщиками по собственному ихъ почину; они вотировали за меня, не смотря на представленія, заключавшіяся въ моемъ манифестѣ“. *Temps* заранѣе протестовала противъ этой военной хитрости. „Позвольте!“ восклицаетъ эта газета: „далеко не одно и то же — одержать побѣду въ восьмидесяти предварительно указанныхъ кантонахъ, или же быть избраннымъ восемьдесятъ разъ въ совокупности всѣхъ кантоновъ. Первый операція не представляетъ особенныхъ затрудненій, коль скоро между округами сдѣланъ былъ тщательный выборъ, но при всемъ томъ вторая операція несравненно легче. Еслибъ даже вы располагали большинствомъ въ ста округахъ, все-таки это было бы не важнымъ успѣхомъ, коль скоро вы понесли поражение во многихъ другихъ“.

Въ Сербіи, Миланъ, по пріѣздѣ въ Бѣлградъ, сдѣлалъ визиты митрополиту Михаилу, регентамъ Груичу и Мравовичу. По свѣдѣніямъ *Correspondance de l'Est*, принимая министровъ, онъ выразилъ искреннее удовольствіе по поводу господствующихъ въ странѣ спокойствія и порядка. Кромѣ того, всѣ посланники,

стивуціи, есть письменное условіе съ регентами, по которому мать можетъ видѣться съ сыномъ только за границею и лишь въ городахъ, гдѣ разрѣшитъ отецъ. Миланъ, однако, готовъ уступить, но только подъ условіемъ, чтобы правительство письменно признало фактъ развода. Правительство это предложеніе отвергло.

Положеніе дѣлъ на островѣ Критѣ продолжаетъ быть возбужденнымъ и опаснымъ. Многія семейства переселяются въ Грецію и иностранные консулы обратились къ ихъ правительствамъ съ просьбою прислать военные суда. На Критѣ, однако, почти всѣ греки надѣются на мирное улаженіе конфликта, благодаря отозванію губернатора и примиренію либераловъ съ христианами консервативной партіи. Тѣмъ не менѣе критяне не положить оружія до прекращенія кризиса. По послѣднимъ извѣстіямъ, нуждающимся впрочемъ въ подтвержденіи, произошли вооруженныя столкновенія между христианами и турками, причемъ нѣсколько человекъ было убито. По свѣдѣніямъ *Агентства Рейтера*, греческое правительство также сильно надѣется на мирное улаженіе критскаго вопроса. Всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ партіямъ, по телеграммѣ изъ Лондона, Англія дала ясно понять, что британское правительство придаетъ величайшее значеніе тому, чтобы Критъ и впродолженіе оставался составною частью Оттоманской имперіи. Въ Константинополѣ 17 іюля состоялось засѣданіе совѣта министровъ, въ предсѣдательствѣ султана. На немъ рѣшено послать на островъ Критъ новую комиссію съ предсѣдательствомъ ионискаго губернатора Риза-паша, а также восемь батальоновъ войскъ и нижнихъ чиновъ для комплектованія расположенныхъ уже на островѣ батальоновъ; съ Крита же въ Константинополь выѣхала комиссія, состоявшая изъ двухъ мусульманъ и четырехъ христианъ. Изъ христианскихъ комиссаровъ двое принадлежатъ къ большинству національнаго собранія, а двое служатъ представителями инсургентовъ.

Интересно сдѣланное 18 іюля заявленіе маркиза Солсбери въ палатѣ лордовъ на требованіе лорда Стратедена относительно представленія парламенту дальнѣйшей дипломатической переписки касательно Болгаріи. „Исторія Болгаріи съ 1887 г. — заявилъ премьеръ — не богата событиями и невозможно пока сказать, ожидается-ли Балканскій полуостровъ иная судьба

чѣмъ Турцію, но теперь нѣтъ никакой причины опасаться большихъ нарушеній порядка чѣмъ въ послѣднее время. Съ другой стороны, существуютъ ободряющіе симптомы усиливающихся устойчивости и прогресса и обнаруживается меньшая склонность различныхъ крупныхъ и мелкихъ вѣстителей спекулировать на возможность беспорядковъ въ Турціи. Россія держалась весьма правильнаго образа дѣйствій и, судя лишь по событіямъ, Русское правительство всегда и вполне оправдывало на дѣлѣ свои миролюбивыя завѣршенія. Вообще я по-

лагаю, что Восточный вопросъ будетъ тѣмъ болѣе стремиться къ скорому, здравому и мирному разрѣшенію путемъ естественнаго развитія населеній Балканскаго полуострова, чѣмъ болѣе всѣ другія стороны будутъ воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій или заявленій въ поощреніе возникающихъ отъ времени до времени прискорбныхъ недоразумѣній. Съ нѣкоторою увѣренностью я могу выразить мнѣніе, что моральная картина ближайшаго будущаго, нарисованная лордомъ Стратендомъ, не оправдывается фактами*.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 21 іюля, въ 4 часа дня, съ экстреннымъ поѣздомъ прибыли изъ-за границы въ Петергофъ: князь Николай Черногогорскій, наслѣдникъ Черногогорскій князь Даніилъ, высоконаренченна невѣста Вел. Кн. Петра Николаевича княжна Милица Николаевна и сестра ея княжна Анастасія Николаевна. Съ этимъ же поѣздомъ прибылъ и Вел. Кн. Петръ Николаевичъ, выѣзжавшій на встрѣчу своей высоконаренченной невѣсты до границы, въ сопровожденіи своего адъютанта барона Стаала и свиты Его Величества генераль-маіора Пушкина, назначеннаго состоять при князѣ Николаѣ Черногогорскомъ. Въ свитѣ августѣйшихъ гостей находится воевода Божидаръ Петровичъ и адъютантъ его высочества князя Николая г. Николаичъ.

— По послѣднему бюллетеню изъ Павловска отъ 19 іюля, особыхъ перемѣнъ въ состояніи здоровья Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича не произошло. Сонъ, аппетитъ продолжаютъ быть удовлетворительными. День и ночь проведенъ спокойно.

Правительственныя распоряженія.

— Предоставлено министру Народнаго Просвѣщенія принимать мѣры къ постепенному введенію въ нынѣ существующихъ и во вновь открываемыхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія учебныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, не распространяя его требованія на преподаваніе закона Божія лютеранскаго исповѣданія, нѣмецкаго языка и мѣстныхъ нарѣчій.

— По слухамъ, министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи вырабатываются особыя правила по огражденію крестьянъ отъ хищническихъ вымогательствъ различныхъ уездныхъ судей и нелегальныхъ ходоатаевъ по дѣламъ.

Дѣла церкви.

— Въ Св. Синодѣ поступило ходатайство о разрѣшеніи издавать особый печатный органъ для военнаго духовенства, подъ названіемъ „Вѣстникъ Военнаго Духовенства“. „Вѣстникъ“ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ и замѣнить для военнаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“.

— 4 апрѣля, преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ, было получено донесеніе отъ священниковъ Елабужскаго уѣзда, села Куракова—о. В. Домрачева, и села Игры—о. Романова, о присоединеніи къ православнои церкви семи семействъ язычниковъ черемисскаго племени, въ числѣ сорока человѣкъ и одной дѣвicy-мусульманки.

Въ той-же епархіи, священникомъ села Поволошенскаго, Сарапульскаго уѣзда, о. І. Утробиннымъ, 4 февраля, просвѣщены Св. Крещеніемъ четыре семейства, въ которыхъ числятся 7 чел. муж. пола и 8 женск., а 5 февраля—6 семействъ, въ 16 чел. муж. пола и 9 женскаго. Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ третье и четвертое воскресенье Великаго поста, тѣмъ же о. Иоанномъ Утробиннымъ присоединено къ православію изъ язычниковъ черемисскаго племени 12 человѣкъ.

Финансы.

— Въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ (января—апрѣля) текущаго года поступило государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи 1889 г.: обыкновенныхъ и оборотныхъ 248,084 милл. руб. и чрезвычайныхъ 5,736 милл. руб., итого 253,820 милл. руб., въ сравненіи съ поступленіемъ доходовъ въ первые четыре мѣсяца 1888 г. въ счетъ росписи 1888 г., болѣе на 27,084 милл. руб. Съ присоединеніемъ доходовъ льготнаго ерока въ счетъ росписи 1888 г. и въ счетъ будущихъ смѣтъ (11,473 милл. руб.), общая сумма поступленія въ нынѣшнемъ году составила 265,293 милл. руб., болѣе противъ общей суммы января—апрѣля 1888 г. (243,565 милл. руб.) на 21,728 милл. р.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Изъ Одессы сообщаютъ, что въ три года борьбу съ филлоксерой уничтожено 29 десятинъ 898 квадрат. саженъ виноградниковъ, т. е. около 0,06 процента всѣхъ виноградныхъ садовъ въ Бессарабской губерніи.

— Въ послѣдніе годы развиваются въ Вирюченскомъ и Валуискомъ уѣздахъ, Воронежской губ., посѣвы аниса. Онъ засѣвается исключительно крестьянами, на надѣльныхъ и даже на арендованныхъ земляхъ.

Наука.

— Николаевская Пулковская обсерваторія дѣятельно готовится къ своему пятидесятилѣтнему юбилею. Всѣ помѣщенія обсерваторіи: музей, библиотека и проч. обновляются; составляются новые каталоги, описываются архивы и проч. Въ торжественномъ актѣ, который состоится 7 августа, изъявили желаніе принять участіе многочисленныя депутации отъ различныхъ учреждений.

— 3 іюля, прибыла во Владикавказъ экспедиція на ледники Кошантау, снаряженная англійскимъ альпійскимъ клубомъ для поисковъ слѣдовъ погибшихъ въ минувшемъ году, между 18 и 20 августа, при восхожденіи на одну изъ вершинъ Кошантау, членовъ альпійскаго клуба гг. Фокса и Донкина съ двумя проводниками, Штрайхомъ и Фишеромъ. Экспедицію составляютъ президентъ клуба г. Дента, секретарь королевско-британскаго географическаго общества г. Фрешфильдъ, нѣсколько разъ посѣтившій Кавказъ и въ 1868 году взойшедшій на Казбекъ, и гг. Воуллей и Повель. При нихъ 4 проводника изъ швейцарскихъ горцевъ, между которыми и братъ погибшаго Фишера.

2 іюля отправилась, черезъ сел. Нальчикъ, на Кавказъ, другая экспедиція, состоящая изъ 6-ти лицъ, во главѣ съ итальянцами, братьями Эрминіо и Витторіо Селла; цѣль этой экспедиціи—фотографированіе горныхъ видовъ и ледниковъ, съ восхожденіями на нихъ, въ окрестностяхъ Везинги. По сообщенію *Терск. Вѣд.*, эта экспедиція также изъявила готовность принять участіе въ поискахъ слѣдовъ погибшихъ.

— 5 іюля, въ 7¼ часа вечера, въ гор. Петрозаводскѣ наблюдалась необыкновенная радуга, или лучше сказать—четыре радуги, изъ которыхъ каждая пара шла концентрически, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла свой особый центръ.

Смѣсь.

Изъ археологическихъ изысканій на островѣ Эзелѣ (Лифляндской губ.) можно вывести заключеніе, что островъ былъ населенъ въ доисторическое время, чему доказательствомъ служатъ добытыя при раскопкахъ многочисленныя каменные орудія; слѣдовъ

бронзоваго вѣка уцѣлѣло очень мало. Между найденными здѣсь монетами встрѣчаются и съ кувическими надписями VI и VIII вѣковъ, что также доказываетъ населенность острова во времена глубокой древности. (в)

Открытія и изобрѣтенія.

— Техникомъ Д. М. Козловскимъ изобрѣтенъ особый составъ для покрытія судовъ, съ цѣлью сообщенія имъ непроницаемости для воды и предохраненія отъ гніенія.

— Въ Усть-Ижорскомъ саперномъ лагерѣ въ настоящее время производятся опыты движенія особаго типа локомотивовъ, ходящихъ по обыкновеннымъ дорогамъ.

Изъ губерній и областей.

— Изъ Харькова пишутъ, что на Еккатерининской желѣзной дорогѣ, вблизи станціи „Печугино“, пассажирскій поѣздъ № 3-й налетѣлъ, по оплошности стрѣлочника, на товарный поѣздъ № 12-й. Разбито восемь вагоновъ. Легко ранено, какъ говорятъ, шесть человѣкъ. Нѣкоторыхъ пассажировъ выбросило при столкновеніи изъ вагоновъ на полотно дороги.

— Изъ Бухары, отъ 19 іюля, телеграфируютъ, что среди городского сартскаго населенія столицы Эмира обнаружилась необычайная смертность. По свѣдѣніямъ двавъ-бегі Бухары, 14, 15 и 16 іюля умерло 702 человѣка, не считая дѣтей. Жители не выходятъ изъ домовъ на базары, вслѣдствіе чего обнаруживается сильный застои въ торговлѣ. Жары стоятъ тропическіе.

Новыя книги.

а) *Изданія книгопродавца К. Л. Риккера въ СПб.:*

1) *Зубы и ихъ сохраненіе.* Публичныя лекціи П. Ф. Фодорова. Съ 7-ю рисунк. въ текстѣ. 95 стр.

2) *Курсъ русской стенографіи* по системѣ В. Штольце. Публич. лекціи С. М. Длусскаго, читанныя въ университетѣ Св. Владимира. Курсъ начальный. Панстенографіи. Изд. 4-е исправленное. СПб. 1889 г. 138 стр.

3) *Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнотизма* д-ра Р. Ф. Крафтъ-Эбинга, проф. психіатріи и нервныхъ болѣзней при университетѣ въ Грацѣ. Переводъ со 2 дополненаго и исправленнаго нѣмецкаго изданія „Eine experimentelle Studie auf dem Gebiete des Hypnotismus“ д-ра О. И. Майзель, подъ ред. пр.-доп. П. Я. Розенбаха. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. СПб. 1889 г. 92 стр.

4) *Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними.* Двѣ публичныя лекціи проф. А. В. Пеля, читанныя въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, въ пользу нуждающихся студентовъ Императорской Военно-Медицинской Академіи. СПб. 1889 г. 63 стр.

б) *Изданія книгопродавца А. Ф. Цензерлина въ СПб.:*

Домашняя техника, П. П. Андреева. Простейшіе способы распознаванія доброкачественности продуктовъ первой необходимости. СПб. 1889 г. 52 стр.

с) *Изданіе О. Л. Брамсона въ Кіевѣ:* *Краткіе очерки* классической міеологіи для учащихся обоаго пола. Составилъ О. Л. Брамсонъ. 3-е изданіе, дополненное „Очеркомъ религиозныхъ обрядовъ и празднествъ“, равно многими прижчаніями для старшихъ классовъ. Кіевъ 1889 г. 132 стр.

Интересное совпадение. Въ *Русскомъ Архивѣ* помѣщена слѣдующая „историческая замѣтка“ известнаго археолога и любителя старины архимандрита Леониды (въ мѣрѣ Кавелина). Замѣтательно, говоритъ авторъ замѣтки, что слишкомъ девяносто лѣтъ тому назадъ, въ семьѣ перваго изъ православныхъ Россійскихъ великихъ князей, Владимира „Красное солнышко“, въ послѣдніе годы языческаго періода его жизни, была княгиня славянскаго происхожденія, одинаковаго (по своему значенію) имени съ высочайшею невестою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича. Это—*Милолика*, изъ болгарскихъ князей, мать святыхъ князей Бориса и Глѣба. (в.)

Еще о проказахъ Булгакова. Еще будучи въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, К. А. Булгаковъ изумлялъ и начальство и товарищей своими невозможными шутками и проказами. Зимой однажды онъ продѣлалъ слѣдующее. Въ классные часы онъ выпросилъ у дежурнаго офицера позволенія выйти, спустился внизъ на площадку передъ лѣстницей и замѣтивъ, что тамъ нѣтъ на лицо ни одного сторожа, надѣлъ на себя бѣлизью шубу и мѣховую шапку „батьшки“, преподавателя Закона Божьяго, знаменитаго тогда проповѣдника, протоіерея Исаакіевскаго собора, Малова. Поднявъ воротникъ и выбѣжавъ въ палисадникъ, находившійся во дворѣ школы, онъ на срединѣ его дѣлаетъ нѣсколько самыхъ уморительныхъ, козлообразныхъ пируэтовъ, возвращается затѣмъ въ снѣгъ, вѣшаетъ шубу и шапку на мѣсто, и, никакъ неузнанный, въ отсутствіе сторожей, пробрается въ классъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, усаживается на свое мѣсто. Но тутъ и начинается суматоха. Директоръ школы, генералъ Шлиппенбахъ, и инспекторъ полковникъ Павловскій, видѣли изъ своихъ оконъ, выходящихъ во дворъ, пляску протоіерея Малова въ палисадникѣ. Озадаченные, они спѣшатъ разъяснить себѣ это видѣніе. Допрошенные сторожа объявляютъ, что они стояли на мѣстахъ, никого, ни входящимъ, ни выходящимъ, не видѣли и что шуба и шапка „батьшки“ висятъ на мѣстѣ. Непостижимо!—Начальство отправилось тогда въ классы. Изъ коридора

сквозь стеклянныя двери директоръ и инспекторъ видятъ Малова, сидящаго на кафедрѣ и благочестиво объясняющаго свой предметъ. Послѣ окончанія класса, Шлиппенбахъ поздоровался съ отцомъ-протоіереемъ и не безъ нѣкотораго смущенія спросилъ его, не выходилъ-ли онъ изъ класса. Тотъ, не малое удивленный вопросомъ, отвѣтилъ отрицательно. Тогда разумѣется началось дознаніе. Дежурный офицеръ указалъ, что въ числѣ выходящихъ изъ класса былъ и Булгаковъ. Увидавъ, что заперательство только повредитъ ему, шалунъ признался и давалъ свое объясненіе съ такимъ комизмомъ и наивностью дурачка, что самъ Маловъ, при этомъ присутствовавшій, хохоталъ до слезъ и выпросилъ смягченіе наказанія виновному, который и отдѣлался карцеромъ. (в.)

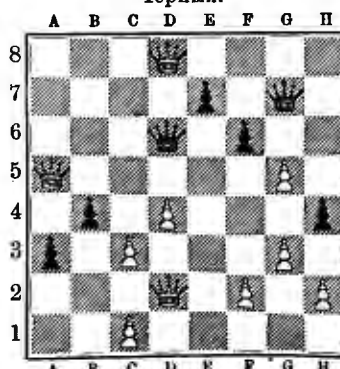
Женскій трудъ. Одна изъ провинціальныхъ газетъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о развитіи женскаго труда въ приволжскихъ колоніяхъ. Главное занятіе рабочихъ—грузка хлѣба въ амбары и на суда, занятіе довольно тяжелое. На Волгѣ въ послѣднее время понастроили чрезвычайно высокіе амбары, напоминающіе многоэтажные дома; прежде амбары росли въ ширину и длину, теперь растутъ только въ вышину, ибо въ колоніяхъ, въ Баронскѣ, напримѣръ, платятъ ежегодно по 20 коп. за квадрат. сажень, и строители изъ экономіи подстраиваютъ амбары вверхъ. Трудъ рабочаго ссыльца сталъ гораздо тяжелѣе, ибо сотни разъ теперь приходится карабкаться по высокимъ лѣстницамъ, имѣя на спинѣ грузъ отъ 4 до 5 пудовъ. Мѣстныя женщины однако не боятся этого тяжелаго труда, легко принимаютъ за него и работаютъ иногда болѣе мужчины. Конечно, вмѣсто 5 пудовъ женщина-ссылица зерна несетъ на вершинѣ амбаровъ не болѣе 3—4 пудовъ и получаетъ при этомъ не 40 коп., получаемыхъ работниками въ день на своихъ харчахъ, а кофеекъ 30—35. При этомъ рабочий день начинается съ разсвѣта, съ четырехъ часовъ пополудни и кончается въ сумерки, а на обѣдъ дается за все время полутора-часовой перерывъ. Пусть эмансипированныя дамы отъ скуки разглагоствуюція о трудѣ и ищущія „самостоятельной работы“ примутъ это сообщеніе къ свѣдѣнію. (в.)

Ребусъ. Задача № 50.

Шашечная задача № 51.

В. Шопша.
Черныя.

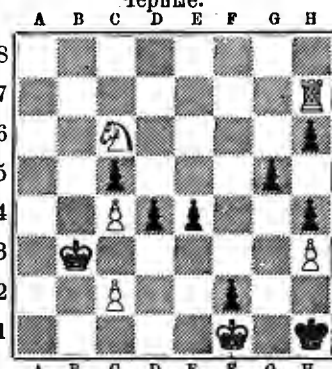

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ 2 дамки и три простыхъ черн.

Шахматная задача № 52.

Г. Г....а.
Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Алгебраическая задача № 53.

Если 20 буквъ одной русской пословицы замѣнить цифрами соответственно порядку ихъ въ русскомъ алфавитѣ, то между полученными такимъ образомъ числами будутъ слѣдующія соотношенія:

- 1) Второе равно суммѣ перваго и шестаго.
- 2) Утроенное седьмое равно третьему съ четвертымъ.
- 3) Удвоенное тринадцатое равно разности между суммою десятаго и десятаго и седьмымъ.
- 4) Разность между суммою шестнадцатаго и семнадцатаго и девятнадцатымъ равна разности между суммою пятаго, четырнадцатаго и пятнадцатаго и третьимъ съ шестымъ.
- 5) Второе равно корню квадратному изъ суммы тринадцатаго и восемнадцатаго.
- 6) Корень кубическій изъ разности между двадцатымъ и третью пятнадцатаго равенъ единицѣ и двѣнадцатому безъ одиннадцатаго.
- 7) Отношеніе третьяго къ четвертому равно отношенію седьмаго къ двадцатому.
- 8) Сумма четырнадцатаго и пятнадцатаго безъ единицы равна суммѣ шестаго и одиннадцатаго.
- 9) Девятое равно полусуммѣ восемнадцатаго, девятнадцатаго и пятнадцатаго.
- 10) Корень квадратный изъ суммы седьмаго, девятаго, тринадцатаго и двѣнадцатаго равенъ пятнадцатому.
- 11) Три четверти четырнадцатаго равны суммѣ корня квадратнаго изъ восьмаго, такого же корня изъ пятнадцатаго, втораго, шестаго безъ пятаго.
- 12) Разность между семнадцатымъ и восемнадцатымъ равна разности между шестнадцатымъ и третьимъ.

$$13) \text{ Четырнадцатое равно: } \sqrt[6]{2,985,984}.$$

14) Сумма восьмаго и корня квадратнаго изъ разности между двадцатымъ и первымъ безъ третьяго равна половинѣ четырнадцатаго.

$$15) \text{ Двѣнадцатое равно значенію } x \text{ изъ урав:}$$

$$\sqrt{x+4} + \sqrt{x^2-185} = 7.$$

- 16) Первое и второе равны суммѣ одиннадцатаго и трети десятаго безъ семнадцатаго.
- 17) Сумма восьмаго и девятаго равна восемнадцатому и девятнадцатому.
- 18) Четырнадцатое и пятнадцатое равны суммѣ втораго и седьмаго.
- 19) Сумма четвертаго, шестаго и восьмаго равна десятому и шестнадцатому.
- 20) Двадцатое, девятнадцатое, восемнадцатое равны суммѣ удвоеннаго пятаго, десятаго, одиннадцатаго и четырнадцатаго.

СОДЕРЖАНІЕ: Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть II. (Продолженіе). — Кто-же. Разсказъ Петра Дорошенко. (Окончаніе). — Листвничный лѣсъ Петра Великаго. Я. П. Полонскаго (съ рис.). — Въ рисункамъ: Лѣтняя идиллія (съ рис.). — Весло упустилъ (съ рис.). — Порѣ на водопой (съ рис.). — Малороссійская жидца (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Рыбачъ“, Гѣта (съ рис.). — Карлъ Анжуйскій въ Бордо (съ рис.). — Пармисная всемірная выставка 1889 г. (съ 2 рис.). — С. П. Анимова (съ портр.). — Д. Д. Минаевъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Задачи. — Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева, Ром.-хрон. XVIII в. в 3-х ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

НИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и много правительствъ и частныхъ учрежд.

Пребъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются безплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.
НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ, состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стила; въ немъ выключена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умеренная: въ издѣн. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія просить адресовать: въ СПБ., къ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Вышелъ ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большого туалетнаго зеркала со шкатулкой.

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотой стила и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительная, а именно 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и фансимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученого Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошныхъ колѣнкор. переплетѣхъ съ золотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ СПБургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

СПБ. ЧАСТНОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ П. И. БОГДАНОВА,

состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Государя Великаго Князя Сергѣя Александровича.

Основ. 1872 г. Невскій, 79, противъ Знаменія.

Пріемъ прошеній вновь поступающихъ пансіонеровъ и приходящихъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 10—3 ч. Пріемныя испытанія съ 18-го августа. Начало уроковъ 1-го сентября. М. № 3979 2—1

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и заграничей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ ВЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жироанда) Франціи.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

По свидѣтельству арчебныхъ авторитетовъ этотъ Ригативъ имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и ВЪРНОЕ дѣйствіе, МЯГКІЙ ВКУСЪ, МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ У ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ И АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ДЕПАРТАМЕНТЪ УДѢЛОВЪ

симъ доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что имъ приобретено, въ полную и исключительную собственность, виноторговое дѣло подъ фирмою:

„КНЯЗЯ С. М. ВОРОНЦОВА“.

Продажа Вороновскихъ винъ будетъ и впредь продолжаема Департаментомъ Удѣловъ подъ тою же фирмою „Князя С. М. Воронцова“, право на которую отнынѣ принадлежитъ исключительно Департаменту.

Всѣ, безъ изыатія, вина, какія приняты удѣльнымъ вѣдомствомъ и будутъ имъ выпущены въ продажу, были подвергнуты химической экспертизѣ и найдены вполне доброкачественными, не содержащими никакихъ примѣсей, тѣмъ болѣе — вредныхъ. Удостовереніе это даетъ Департаменту Удѣловъ возможность гарантировать публикѣ безпримѣсивость и доброкачественность предлагаемаго ей вина. Экспертизу производилъ профессоръ г. Пель — въ С.-Петербургѣ и Вериго — въ Одессѣ и доцентъ г. Эрнбургъ — въ Харьковѣ.

Вино будетъ впредь отпускаемо не иначе, какъ розлитымъ въ бутылки и полубутылки, подъ баннеромъ Департамента Удѣловъ, при непосредственномъ надзорѣ за торговлею со стороны чиновъ удѣльнаго вѣдомства.

Продажа винъ и отправка иногороднымъ попрежнему производится: въ собственныхъ торговыхъ: въ С.-Петербургѣ — Невскій пр., Милютинъ рядъ, д. № 27; въ Москвѣ — Большая Никитская, близъ церкви Малаго Вознесенія, д. № 131; въ Харьковѣ — Николаевская площадь, городской домъ; въ Одессѣ — Дерибасовская, д. № 18, и у комиссіонера гг. Демибели и Ю — въ Симферополѣ. Сверхъ того, взаимныя упродѣленные латинскаго комиссіонерства, открыта въ Ялтѣ, въ Ливадскомъ домѣ, собственная винная торговля удѣльнаго вѣдомства. Гг. иногородные могутъ также обращаться съ заказами непосредственно въ Массандрское Удѣльное Управленіе (въ Массандрѣ, близъ Ялты).

Торговцамъ и крупнымъ покупателямъ дѣлается уступка. Пребъ-куранты высылаются безплатно, по первому требованію.

О всѣхъ имѣющихъ послѣдовать перемѣнахъ, какъ въ пребъ-курантѣ, такъ и другихъ, будетъ своевременно доведено до свѣдѣнія публики. № 3864

ПРО ЧТО ЩЕБѢЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Штильманна. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ блянишихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптен. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (76) № 2946

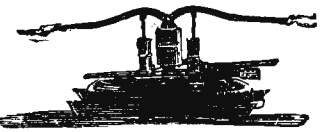
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

РОСКОШНАЯ ГАРМОНИИ ДЕШЕВО

Иллюстриров. Преискурантъ-Безплатно. С.Петербург, Волыш. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкий мостъ, д. Захарьина.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ, НАСОСОВЪ ВСЯКАГО РОДА и ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХЪ МАШИИНЪ. Механический заводъ Буркгардтъ и Урлаубъ.

С.Петербург, Вас. Остр. 1 линия, № 2. Москва, Мясницкая, д. Виноградова. Иллюстрир. каталогъ высыл. безплатно.

ВРАЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ

Ив. Вас. МАЛЯРЕВСКОГО. Для дѣтей болѣзненныхъ, нервныхъ, непослушавшихъ, съ недостатками рѣчи и пр. Классныя занятія, ремесла, земледѣліе. СПб. Выборгская стор., Александровская ул., 15.

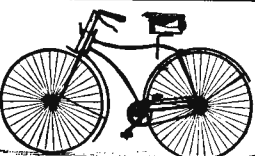
НОВОСТИ!

Веселыя свинки, очень интересная игра. Вопросъ Эйфелевой башни, фокусъ съ Парижской выставки. Цена за обѣ игры 1 руб. съ пересылкой (игры для взрослыхъ и дѣтей). Ц. № 3978

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.Петербургъ, Кузнецкій Мостъ. Б. Морская № 21. Имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппегъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ. Общедоступный Свифтъ №2 = 150 руб. =

Преисъ-Куранты высылаются безплатно. Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

У ИЗДАТЕЛЯ-КНИГОПРОДАВЦА А. Д. СТУПИНА,

Москва, Никольская ул., поступили **НОВЫЯ КНИГИ** въ продажу. 6-е, единственное доступное изданіе въ Россіи:

САМОУЧИТЕЛЬ СТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА. Специально-практическое руководство для архитекторовъ, техниковъ, столяровъ, плотниковъ, каменщиковъ, печниковъ, управляющихъ, агрономовъ, мельниковъ, домовладѣльцевъ и подрячниковъ по разнымъ отраслямъ строительнаго - хозяйственнаго искусства. Въ 4-хъ книгахъ, съ дополненіями нужнѣйшихъ статей изъ Высочайше утвержденаго учебнаго положенія и устава строительнаго, съ 476 чертежами въ текстѣ и съ приложеніемъ атласа на 32 листахъ строительныхъ рисунковъ. Составилъ Инж. Строитель Сирабучинскій; 6-е исправленное и дополненное изданіе; М. 1889 года. Цѣна 3 р., въ корешкѣ 3 р. 50 к., въ коленкор. пер. 4 руб. На почтовую пересылку прошу прилагать 60 коп.

АЛЬБОМЪ ГОРОДСКИХЪ, ЗАГОРОДНЫХЪ и СЕЛЬСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ. Пособіе къ простому изученію всевозможныхъ сооружений въ современномъ вкусѣ. Фасады и планы, съ детальными чертежами на 50 лист., на александрийской бумагѣ, печатаны въ краскахъ, съ подробнымъ текстомъ строительнаго искусства и смѣтнаго исчисления на количество материаловъ и рабочихъ, потребныхъ на каждое строеніе. Сост. инженеръ-архитекторъ В. Г. Залѣвскій. Цѣна въ папкѣ 10 р., въ коленк. перл. 12 р., въ роскошномъ перл. съ золот. обрѣз. 15 р. На почтовую пересылку прошу прилагать 1 рубль.

ЛѢТО ЛУЧШАЯ ПОРА излѣченія тяжкихъ, застарѣлыхъ болѣзней: ревматизма, геморроя, подагры, одышки, упорнаго кашля, золотухи и пр. и пр. деконтами, травами, растительными соками, минеральными водами, ваннами и другими лѣчебными способами, подробно изложенными въ предлагаемомъ лѣчебникѣ.

ШКОЛА ЗДОРОВЬЯ (домашній лѣчебникъ). Практическое руководство къ самосохраненію здоровья и продленію жизни до глубокой старости. Предупрежденіе и распознаваніе всѣхъ болѣзней: наружныхъ и внутреннихъ, скоротечныхъ и длительныхъ, простыхъ и заразительныхъ и ихъ лѣченіе испытанными и врачевскими средствами, безъ помощи врача и аптеки, но правнлами алопатіи, гомеопатіи и всѣхъ прочихъ способовъ врачеванія; самопомощь въ несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Больше 3000 рецептовъ лѣкарствъ (на русскомъ и латинскомъ языкахъ). Полный популярный курсъ медицины, 4-е изданіе, въ 2-хъ частяхъ, съ 137 рисун., общедоступно изложен. д-ромъ Андреевскимъ. 1.120 стр. убористаго шрифта, Москва, 1887 г., цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ корешков. перл. 4 р., въ коленкор. перл. 4 р. 50 к. **ШКОЛА ЗДОРОВЬЯ** (еще 1-е изданіе) удостоилась многихъ лестныхъ отзывовъ со стороны периодической печати.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЛѢЧЕБНИКЪ для НАРОДА и всѣхъ нуждающихся во врачебной помощи. Самопомощь въ несчастныхъ случаяхъ и различныхъ болѣзняхъ: наружныхъ и внутреннихъ, простыхъ и заразныхъ, скоротечныхъ и длительныхъ, простыми домашними и общедоступными средствами, которыми всякій можетъ имѣть подъ рукою и употребленіе которыхъ нимало не опасно. Съ краткими описаніемъ строенія человѣческаго тѣла и съ 27 общепонятными рисунками. Составилъ д-ръ Андреевскій. Москва, 86 г., 200 стр. убористой печати. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к., въ переп. 1 р.

ЛѢТОМЪ и ОСЕНЬЮ домашній скотъ страдаетъ и гибнетъ отъ разныхъ заразныхъ и повальныхъ болѣзней, наскокныхъ и пр. Разумныя и своевременныя мѣры спасаютъ его отъ гибели. Эти мѣры указаны въ предлагаемой книгѣ.

ВЕТЕРИНАРНАЯ ШКОЛА (ПОЛНЫЙ СКОТОЛѢЧЕБНИКЪ). Въ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ, лѣченіе простыми, домашними и врачевскими средствами. Домашняя аптека, дѣйствіе и употребленіе различныхъ лѣкарствъ и приготовленіе ихъ домашнимъ способомъ. Больше 1000 рецептовъ лѣкарствъ (на русск. языкѣ). Хошеніе и другія операции. Съ 113 рис. Въ 2-хъ част. Общепонятно изложено ветеринаромъ - практикомъ П. Павловскимъ. 2-е дополн. изд. М. 1888 г., цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к., въ корешк. пер. 4 р., въ коленкоровомъ перл. 4 р. 50 к. **Вѣсто мочочи** можно присылать по почтовой мажк. № 3977

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ

СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Оптовая и рознич. продажа. Специалистъ хронометровъ. Рекомендую золот. и серебр. мужские и дамскіе часы въ большомъ выборѣ. Ручательство на 2 года. Пересылка на счетъ магазина. Подлинъ иллюстрированный преисъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3947 10-8

МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ и ПАЛЬТО

Л. КЮТНЕРЪ ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ДОМЪ ФУЛЬДА ВЪ МОСКВѢ.

Магазинъ английскихъ рыболовныхъ принадлежностей П. Ф. КАРАТАЕВА, С. - Петербургъ, Миллютинъ рядъ, № 18, удостоенъ медали на первой Россійской рыболовн. выставкѣ въ 1889 г. въ С. Петербургѣ, высылаетъ новый иллюстрированн. преисъ-курантъ за 7 к. марку.

CORSETS LEOTY

adoptés par le High-Life parisien. 8. Place de la Madeleine, Paris.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ, Покупаеъ всѣ % бумаги. Суды подъ всѣ % бумаги. Страхование выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3925. Также нуженъ вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства. **АГЕНТЫ.** Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ПОМОЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ д-ра РЕГЕЛЯ и КЕССЕЛЬРИНГА,

на Выборгской сторонѣ за Католическимъ кладбищемъ, при настоящемъ удобномъ времени для посадки хвойныхъ деревъ, предлагается самую полную существующую коллекцію выносливыхъ въ петербургскомъ климатѣ всѣхъ видовъ разной величины, а также красиво-цвѣтущихъ многолѣтнихъ растений и земляники. Съ заказами обращаться въ помологическій садъ, а съ тѣлоуваніями каталога къ д-ру Регелю въ Императорскій Ботаническій садъ. № 3981

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко. строители земледѣльческихъ машинъ и орудій. Специальность: плуги и молотилки. Они-же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлелворта въ Англии и знаменитаго завода сѣносносилкоу, именнаго "Дези" и сноповязалоу Манъ Нормана въ Чикаго. Кроме того имѣются: тарелочныя бороны Рандали и конныя грабли Тигръ завода Стодартта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 3959 (4) Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенкоу. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКОЕ

граве-лѣчебное заведеніе товарищества врачей въ Крыму, въ г. Керчи. Сезонъ съ 20 мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрѣ, которая высылается за 1 семикоп. марку. Адресов. въ г. Керчь, д-ру Филимовичу.

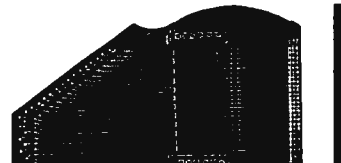
МАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА МАТТОНИ ГИГЕНБЛЕРЪ чистый щелоческый источникъ. Освѣжительный и здоровый столовый напитококъ. Можно везде получить. 600000 (миллион) бутылокъ годового вывоза.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ и/М. фабрикантъ велосипедовъ „ОРЕЛЬ“. Великаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищущъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. 12-12

ЛЕНИНГСЪ и ГЮЗИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ: съ 3 педалами по 4 р. и 4 р. 50 к. „7“ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рубль. Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многа тысяча. За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт. **И. Ф. МЮЛЕРЪ** Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. преисъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (7) Ц. № 3864 Торговцамъ дѣлается скидка.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 5 августа 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1889 Г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Безъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1889 г., съ 33 рисунками и отд. листъ съ 32 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 23 рис. руководѣльныхъ работъ.

Рыбачьи хаты въ окрестностяхъ Кіева. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) П. Васильченко, грав. Рашевскій.

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

ХІХ.

Въ залахъ выставки Рядновъ точно помолодѣлъ.

Она еще не была открыта для посѣтителей. Кругомъ казалось пусто и кто-то уже сострилъ: „Ну, господа, мы какъ горохъ въ пузырь“. Александръ Петровичъ самъ выбралъ мѣсто для своей картины и теперь стоялъ около триумфаторомъ. Товарищи окружали его, и со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ ласкавшій его ухо гулъ похвалъ, то искреннихъ, то полузавистливыхъ.

— Нѣтъ, братцы, продолжалъ все тотъ же острякъ.— Ряднову дай Богъ поскорѣе на правый глазъ прозрѣть, а то съ однимъ лѣвымъ онъ начинаетъ слишкомъ хорошо писать. Этакъ онъ насъ совсѣмъ въ уголь загонитъ.

Поминутно вносили новыя картины, разоблачали ихъ изъ-подъ холста. Пахло потомъ отъ носильщиковъ, соломою, въ которую были уложены полотна присланныя издалика. То и дѣло посѣшно, порывисто, съ какою-то лихорадочною жадностью вбѣгали новыя художники, торопливо оглядывали чужія картины и торопились къ своимъ—такъ-ли помѣщены, достаточно-ли свѣту и хорошо-ли онъ падаетъ. Одинъ жаловался что его запрятали слишкомъ высоко, другой претендовалъ—слишкомъ низко, третій плачущимъ голосомъ обращался ко всѣмъ—его миниатюры были дѣйствительно затеряны между произведеніями слишкомъ громадныхъ величинъ. Четвертый потѣлъ самъ, уставляя свое сокровище то такъ, то этакъ...

— А все-таки, господа, картина Ряднова лучше всѣхъ... слышалось издали Александру Петровичу.

— Я бы на его мѣстѣ второй и не поставилъ.

— А почему?

— Послѣ ужина горчица. Кто станетъ смотрѣть на его „Байю“ послѣ Тиверіа...

— А гдѣ картины твоей жены?

— Онѣ тамъ, въ той залѣ, неопредѣленно указывалъ Рядновъ.

— Что же ея нѣтъ?

— Да я и то едва убѣдилъ ее выставить. Скромничаетъ.

— Бойтся.

— Она?.. Нѣтъ, чтѣ ей бояться. Изъ молодыхъ да ранняя. Талантлива. Это мы съ тобою, душа моя, боялись; а нынѣшніе—помнишь: „страха не страшусь“! Имъ наплевать на публику.

— Что это точно ты недоволенъ ею?

— Публикою или женою? засмѣялся онъ.—Первою—еще не знаю, а вторую очень доволенъ. Какъ учитель, я бы не желалъ лучшаго ученика. Только, знаешь, вѣдь это дѣйствительно что у нихъ, у нынѣшнихъ, слишкомъ рано профессиональное самолюбіе развивается... что ты думаешь? Вотъ расхвали ее рецензенты, до нея пальцемъ не достанешь.—И онъ тотчасъ же, круто обернувшись, взявъ подъ руку одного господина сновававшего разсѣянно отъ одной картины къ другой съ видомъ оцѣнщика передъ аукціономъ и съ тѣмъ нѣсколько скучающимъ выраженіемъ лица, которое принадлежитъ людямъ являющимся по обязанности.—Модестъ Савичъ... Какъ я радъ что вы здѣсь... Мнѣ вамъ надо нѣсколько словечекъ...

— Я вашу картину видѣлъ.

— Ну что?..

Модестъ Савичъ сдѣлалъ значительное лицо, пожевалъ-пожевалъ губами, точно желалъ придать особенную важность тому что воспослѣдуетъ.

— Да... знаете... хорошо... Не ожидалъ... не ожидалъ.

— Чего не ожидали? изумился Рядновъ.

— Того,—онъ махнулъ указательнымъ перстомъ въ воздухъ.—Сочно, очень сочно. Кисть выразительная. Благодарю... Доставили мнѣ истинное художественное наслажденіе. Разумѣется, не изъ самыхъ лучшихъ вашихъ...

— У меня для васъ есть этюдикъ дома... Недурной, какъ будто нечаянно уронилъ Рядновъ.

— Съ итальяночки? оживился Модестъ Савичъ.

— Да... съ итальяночки... Знаете, въ Капри написано, только что изъ воды вышла.

— Ну, вотъ спасибо... вотъ спасибо... Не изъ лучшихъ—это я про ту, про маленькую вашу картину, а большая, помилуйте, ей мѣсто въ Эрмитажѣ. Такихъ у насъ уже нѣсколько выставокъ не было картинъ. Это перлъ, сокровище, это... это цѣлая поэма человѣческаго духа. Я о ней непременно буду писать отдѣльно. Помилуйте, да тутъ и знанія исторіи не надо: посмотрѣлъ—и вся эпоха передъ тобою.

Куда дѣвался его вялый и равнодушный тонъ.

— Такъ я за итальяночкой-то пришло къ вамъ.

— Пожалуйста... Кстати, Модестъ Савичъ, хотѣлъ я васъ попросить. Вы знаете что я свою жену люблю, а какъ мою ученицу ставлю ее ужасно высоко. Ужасно высоко. Но тутъ-то и закорючка. Я ее изучилъ отлично. Не очень-то вы ее возносите. Отмѣтите талантъ, но главное подчеркните, что ей надо вырабатывать самостоятельность, а то, какъ мнѣ ни лестно, но на одной подражательности, хотя бы и мнѣ, она далеко не уйдетъ. Самъ я ей это говорилъ; но, знаете, отъ такого авторитета какъ вы услышать это будетъ для нея гораздо значительнѣе...

— Мм!.. зажевалъ опять Модестъ Савичъ.—Мм! да... Что же, я могу. Вообще отнесусь справедливо, но строго...

— Именно, строгость нужна. Если бы она была еще не такъ талантлива, тогда куда ни шло, пиши что хочешь; а отъ нея надо требовать многого. Тутъ какъ-то и кто-то, въ этой, знаете, „Легучей Газетѣ“, сказалъ что ея картины лучше моихъ... Что же вы думаете?—повѣрила... И совѣтовъ моихъ не стала слушать... А вы знаете этакъ тономъ дружескимъ, но серьезнымъ. Это полезно.

— Полезно. Еще бы... Я всегда стою за строгость.

— Именно... Однако я вижу, что Геннадій Васильевичъ подбирается къ вамъ...

Старикъ-художникъ подошелъ къ рецензенту и отвелъ его въ противоположную сторону для какого-то конфиденціального разговора.

Выставка мало-по-малу принимала настоящій видъ. Черныя подставки для картинъ были уже почти всѣ заняты ими. Лучи солнца весело играли на золотыхъ рамкахъ и яркихъ краскахъ. Рядновъ, проходя мимо, разсѣянно любовался на зеленые пейзажи, багровые закаты, жанры такъ и бившіе въ глаза подчеркнутымъ реализмомъ. („Ты какъ написалъ кожухъ“, слышалось ему около,—„думаешь хорошо? оно дѣйствительно хорошо, но отъ него не пахнетъ; а ты такъ напиши что бы пахло, вотъ это будетъ художественная правда.“) Улыбаясь, Александръ Петровичъ пробѣгалъ взглядомъ по полотнамъ необыкновенно эффектныхъ баталистовъ, гдѣ изъ клубовъ порохового дыма неслись куда-то разъяренные всадники, такъ что хотѣлось посторониться, чтобы они, выскочивъ изъ рамы, не растоптали васъ; по претенціознымъ изображеніямъ необыкновенно свирѣпыхъ урядниковъ съ ногайками, выше которыхъ гражданская смѣлость ихъ авторовъ не подымалась... „Каковъ урядничекъ-то, хоть сейчасъ въ Юліи Цезари...“

Только когда же это они въ церкви дерутся? Кажись этого не бываетъ?" — „Ну вотъ еще. Надо возбуждать протестъ — бить публику молоткомъ по нервамъ. Первы теперь грубы и бить надо такъ чтобы было чувствительно.“

— Ну ужъ это слишкомъ, останоуился Рядновъ передъ одной картиной.

— А что?.. подбъжалъ художникъ. — Это у меня попъ Аввакумъ горитъ въ срубѣ.

— Да рука-то его вытинулась въ пламени изъ крыши?

— Да, черезъ крышу! убъжденно подтвердилъ счастливый авторъ.

— И выше трубы оказалась?.. Вѣдь этакого попа Аввакума ни въ какую избу не помѣстишь.

— Отчего же? Вѣдь эта грозная среди огня рука — вещь смыслъ картины.

— Да размѣры-то, размѣры... Соотвѣтствие частныхей.

— Ну, вы съ вашими старыми традиціями!.. Наплевать мнѣ на ваши соотвѣтствія. Я импрессионистъ. Я хочу производить впечатлѣніе, а до „соотвѣтствій“ мнѣ никакого дѣла нѣтъ.

— Да какъ же онъ горящую крышу проломалъ?

— Такъ и проломалъ... Захотѣлъ я — онъ и проломалъ. Отчего же ему не проломать?

— Смѣло! засмѣялся Рядновъ.

— Да, не ваши старая академическія капдалы. Мы на Рафаэляхъ да на Муриляхъ не росли и передъ Тиціанами изъ самихъ себя не выскакивали... Не на розовой водицѣ — на крови и на потѣ народились!..

Александръ Петровичъ отмахнулся и пошелъ дальше.

Вотъ и картины его жены. Онъ долго стоялъ противъ нихъ и пристально всматривался. Трудно было бы сказать, что онъ чувствовалъ въ эти минуты. И зависть, и тихое умиленіе, и ревнивую жажду отыскать крупный недостатокъ, и невольно вкрадывавшееся въ душу убъжденіе, что это настоящій, дѣйствительный талантъ, которому онъ пожалуй недостойнъ и башмака развязать... И тутъ же ему представилось робкое личико его Вѣры: какъ она поблѣднѣла за послѣднее время, точно еще больше выросли глаза и какое печальное выраженіе въ нихъ! Онъ вспомнилъ о чемъ только-что говорилъ съ рецензентомъ. Ему сдѣлалось стыдно и больно. Неужели это онъ, онъ, который всегда такимъ привѣтомъ и ласкою встрѣчалъ каждое начинающее дарованіе? Нѣтъ!

И онъ быстро пошелъ по заламъ.

— Гдѣ Модестъ Савичъ? обратился онъ къ одному изъ говорящихъ.

— Уѣхалъ уже... Геннадій повезъ его кормить...

— Не знаешь куда?

— Нѣтъ, не знаю...

— Значитъ не судьба!

И Александръ Петровичъ опять поддался какому-то враждебному чувству къ своей женѣ... Знать не судьба! И онъ былъ почти радъ тому, что не захватилъ вліятельнаго критика.

— Что же по вашему, налетѣлъ на него авторъ „Аввакумовой десницы“, — картины вашей жены лучше?

— То есть какъ? Правильнѣе, во всякомъ случаѣ.

— Правильнѣе! съ презрѣніемъ протянулъ „многообъщающій юноша“, какъ называли его въ газетахъ. — Я не чертежникъ, а художникъ. А знаете какъ я называю такая вотъ полотна, какія прислала г-жа Ряднова? Разслабляюще живописью. Въ наше время умилять и мирить вздумала. Скажите пожалуйста, какал мирносида выискалась! Нѣтъ-съ. Надо чтобы публика, чортъ ее подери, на дыбы становилась; она вѣдь толстошкурая, ее — какъ? топоромъ въ носъ или всей пятерней по затылку... Знаете какъ котовъ учать чтобы не шкодили, за шиворотъ и — носомъ, носомъ...

— Въ вашу картину? разозлился Рядновъ.

— Чего-съ? не понялъ художникъ.

— Носомъ-то въ вашу картину? Слуга покорный, тыкайтесь на здоровье.

И онъ пошелъ вонъ отсюда, пожимая руки направо и налево.

— Что ты такъ рано? догналъ его пріятель.

— Нельзя мнѣ долго. Глазъ. И то опять нѣтъ-нѣтъ да и начнетъ застилать. Я думаю, что это отъ воображенія. Съ правымъ это было, ну мнѣ и съ лѣвымъ тоже чудится. Лѣвый у меня, знаешь, совсѣмъ здоровъ, увѣрю тебя, я имъ отлично вижу. Ты не думай... убъждалъ онъ пріятеля, вовсе въ этомъ и не сомнѣвавшася, и въ то же время ловилъ на его лицѣ, не проскользнетъ-ли сомнѣніе въ его словахъ или не замѣчаетъ-ли тотъ чего-нибудь въ его глазу. — Вѣдь ты видишь, никакой тусклости въ немъ нѣтъ. Чистъ вѣдь зрачокъ?

— Чистъ!.. Чистъ.

— Ну то-то...

И Рядновъ, успокоенный, вышелъ вонъ.

XX.

Эта выставка была изъ удачнѣйшихъ въ Петербургѣ.

Даже скверная погода стоявшая все время, какой-то насморкъ въ воздухѣ, уступила солнцу и дни проходили за днями въ яркомъ серебряномъ уборѣ подъ блѣдно-голубымъ, но чистымъ зимнимъ небомъ. Въ залахъ было свѣту довольно — и картины точно выступали изъ своихъ рамъ навстрѣчу жаднымъ взглядамъ толпы, съ утра наполнявшей просторныя комнаты. Торопливый гулъ стоялъ кругомъ, смѣшиваясь съ шорохомъ женскихъ платьевъ, шумомъ шаговъ, съ лязгомъ сабель и скрипомъ передвигаемыхъ стульевъ. Въ двери видѣлись залы одна за другою, тонувшія, казалось, гдѣ-то далеко-далеко, въ веселомъ маревѣ золота, чернаго дерева, яркихъ красокъ и пестрыхъ костюмовъ. Передъ нѣкоторыми картинами толпа стояла стѣною, то безмолвная и внимательная, то разомъ лихорадочно вспыхивавшая спорами, болтовнею, бессмысленными восторгами и еще болѣе бессмысленными восклицаніями. Къ числу такихъ картинъ принадлежали и „Тиверій“ Ряднова, и всѣ выставленные его женою... Она сама было пошла на выставку, чтобы прислушаться къ суду „публики“, но судъ этотъ сначала показался ей дикимъ, потомъ сбилъ ее съ толку и наконецъ закружилъ ей голову. Особенно дамы — прости имъ Господь всемилостивый! Въ ихъ щебетаніи и стрекотѣ совсѣмъ потерялась и утонула внимательная мысль молодой художницы. Потомъ она подошла къ картинѣ мужа и къ ужасу своему услышала:

— Ну какъ же сравнить его съ его женою! У той молодость, сила, свѣжесть. А у него все старое. Техника изумительная — и только. *Tempi passati*.

— Да, постарѣлъ, постарѣлъ! Это и видно.

— Повторяться сталъ Рядновъ.

— За-то у его жены видѣли вы въ той залѣ нѣсколько вещицъ?

— Да, прелесть.

— Восторгъ!

— Вотъ, батюшка, дарованіе-то! Какое ваше мнѣніе? обратился говорящій къ подслѣповатому малому, съ видомъ скучающаго верблюда бродившему по заламъ.

— О чемъ это?

— О Рядновой. Не правда-ли... хорошо, а?

Малый оживился, ткнулъ носомъ куда-то въ сторону, прищурился и захрипѣлъ:

— Да, это настоящій, настоящій талантъ. Какъ олопъ изъ кремня. Такъ и брызжетъ!.. Глупо, очень глупо, но хорошо.

— То-есть, что-же глупо? ошеломились зрители.

— Помилуйте, что-же она хочетъ доказать своими монахинями?.. Мысль, мысль мнѣ подайте! Чему она служить, ея убъжденія? Я ихъ не вижу, замѣчаю та-

Изъ города въ деревню домой. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Дмитриева-Оренбургскаго, грав. Шюблеръ.

Юаннъ Грозный за письмомъ Курбскому. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Р. Радомскаго, грав. Шюблеръ.

лантъ, силу большую и вмѣстѣ догадываюсь, что въ головѣ у нея пусто и свободно. Я понимаю — изображать монастыри, какъ ея мужъ когда-то. Помните, его инокъ, звѣрь-звѣремъ, весь мохомъ покрылся, отъ чело-вѣческихъ интересовъ ушелъ въ пустыню и одичалъ. Это ясно. Это протестъ... А у нея что?.. Глупо... глупо...

— Н-да... растерялись слушатели.—Протеста дѣйстви-тельно нѣтъ.

— А если нѣтъ, такъ на кой чортъ мнѣ ея картины?

Вѣра не дослушала и пошла дальше. Но неугомонный верблюдь нагналъ ее и въ кружкѣ внимательныхъ поклонниковъ уже ораторствовалъ передъ „десницею попа Аввакума“.

— Вотъ вамъ прямая противоположность вашей Рядновой. Вѣдь этотъ олухъ писать не умѣетъ. Посмотрите, вѣдь это онъ не кистью, а половой щеткой наваллялъ, и таланта у него ни на грошъ. Вѣдь вытяните эту руку въ пламени, и она выше трубы будетъ, да и притомъ, какъ же это человѣкъ горящую крышу рукою проломастъ... Неимовѣрно? а? какъ по вашему-то?.. А по моему—молодецъ. Мысль есть—видишь и понимаешь, что это идея. Слышите—идея... Онъ, подлецъ, попа Аввакума-то съ воспитательною цѣлью съ того свѣта вернулъ и въ этакую глупую позу поставилъ. Тутъ сила граждаискаго развитія. Такъ и понимаешь художника, что ему до техники, до образовъ—папелать. И безъ нихъ, говорить, обойдусь—и обошелся. И вотъ его картина, по моему, являється общественнымъ событiемъ. Я смотрю и думаю: и жгли, и мучили свободную совѣсть чело-вѣка—и все-таки ничего съ нею не подѣлали. Попадобится—и еще найдутся попы Аввакумы. Не оскудѣла ими земля Русская.

— Божественная! налетѣлъ на Вѣру Дороцкій.—Вы здѣсь? Хотите сейчасъ заору на всѣ залы: Mesdames et messieurs, вотъ она, царица здѣшнихъ мѣстъ, вотъ Ряднова... Хотите?

— Что вы, что вы! испугалась Вѣрочка.—Ради Бога! Вообщее не кричите, видите на насъ оглядываются.

— Чего же вы боитесь, вѣдь не вы кричите, а я... Ну, поздравляю! Поздравляю!.. Эта выставка вашъ триумфъ. Толпа передъ вашими картинами сплошь стоитъ. Слышите какой гамъ—и это тамъ... А?.. Особенно нравится эта дѣвочка, что на монастырской стѣнѣ нама-левала углемъ монахиню, да не замѣтила, какъ ее за ухо схватилъ оригиналъ ея рисунка. Хороши и похороны монахиня. А монастырское кладбище—какая чудная вещь... И молодая бѣлица играющая на колокольнѣ съ голубями, тоже восторгъ. А ваши итальянскіе этюды—одна прелесть!

— Вы не знаете, кто это постоянно ругаетъ мужа въ „Летучей Газетѣ“?

— А! Мочаловъ вѣрно. Есть, есть тамъ. Онъ вообще ничего Александру Петровичу не спускаетъ. И тѣмъ досаднѣе, знаете, что чело-вѣкъ онъ не безъ остроумія. Языкъ у него—бритва. И ничѣмъ его не проймешь вѣдь. Вызывали его—на чемъ угодно можетъ. И изъ пистолетовъ въ туза лупить, и на сабляхъ мастеръ. Онъ собственно грѣше военный былъ; сталъ картины писать, его обругали. Бездаренъ оказался—ну, такъ онъ теперь сердце на всѣхъ срываетъ. Преловкая шельма, знаете.

Вѣра простилась съ Киромъ-царемъ-Персидскимъ, еще разъ услышавъ отъ него, что она „несравненная, божественная“ и проч., и проч., и проч. Купивъ у подвѣзда „Летучую Газету“, она поѣхала по указанному въ пей адресу въ редакцію. Она давно задумала кое-что, заставившее ее долго колебаться и волноваться, но всякій разъ, взглянувъ на мужа, она укрѣплялась въ принятomъ ею рѣшеніи. Взбѣжавъ по лѣстницѣ, она позвонила.

— Поздно, у насъ послѣ двухъ часовъ не принимаютъ! встрѣтилъ ее мрачный, точно начитавшійся передовыхъ статей, „чело-вѣкъ“.

— Мнѣ не то... Не можете-ли вы сообщить мнѣ адресъ г. Мочалова?

И она дала ему мелочи.

„Чело-вѣкъ“, не чуждый экономическимъ соображе-ніямъ, сначала посмотрѣлъ сколько, потомъ смягчился.

— Господинъ Мочаловъ? Они живутъ напротивъ.

— Дома онъ теперь?

— Куда-же имъ уйти! Да вы насчетъ пѣтуховъ?

— Что? изумилась Вѣра.

— Насчетъ пѣтуховъ, спрашиваю?.. Потому господинъ Мочаловъ по всей Россіи первый специалистъ по пѣтушиной части. Къ нему изъ Москвы ѣздитъ даже, по этому самому-съ пернатому предмету.

И показавъ свою образованность, „редакціонный чело-вѣкъ“ пасунился. Эту манеру онъ занялъ отъ редактора, у котораго брови росли отъ самыхъ глазъ, что ему въ достаточной степени замѣнило умъ и даже со-здало извѣстное положеніе въ литературѣ.

XXI.

Вѣра отправилась къ Мочалову.

„Не ошибается ли онъ? Тотъ ли это?“ думала она. И дѣйствительно, еще на лѣстницѣ ее оглушило до-носившееся изъ-за дверей пѣніе пѣтуховъ.

Когда она позвонила и вошла, какой-то ошалѣлый пѣтухъ налетѣлъ на нее съ азартомъ, клюнулъ ее въ ботинку и, величественно растопыривъ крылья, замахалъ ими, громогласно сообщивъ другимъ пѣтухамъ о томъ, что оказанномъ имъ безпримѣрномъ подвигѣ отчаян-наго мужества. Другіе „пернатые предметы“ точно такъ-же громко одобрили его достойное поведеніе.

— Насчетъ пѣтуховъ? спросила ее горничная.

— Нѣтъ. Мнѣ надо видѣть г. Мочалова. Онъ дома?

— А гдѣ-же имъ быть. Всегда-съ при пѣтухахъ со-стоятъ.

— Это тотъ, который пишетъ въ газетахъ?

— Они самые. Только два дѣла у нихъ и есть что пѣтухи да газеты.

Когда Вѣра Васильевна вошла въ комнату, на нее отовсюду заорали пѣтухи, сидѣвшіе и на подоконни-кахъ, и на столахъ, и на зеркалахъ, и на рамахъ запыленныхъ картинъ. Одинъ, вѣроятно желавшій тоже заслужить общее удивленіе, налетѣлъ было на нее съ геройскимъ видомъ, но его своевременно схватилъ за распушенный хвостъ во-время появившійся хозяинъ.

— Простите, я сейчасъ... Только вотъ сорванца этого накажу. Чтѣ я тебѣ, подлецу, говорилъ? а? чтѣ гово-рилъ? Помилуйте, словно оправдываясь, оглянувшись онъ на Вѣрочку,—сладу нѣтъ съ этимъ негодяемъ.

Пѣтухъ таранился, зная вѣрно, что его ждетъ экзекуція.

— Я тебѣ вчера простилъ, а сегодня не помилую.

Получивъ должное воздаяніе, пѣтухъ, словно со слѣпу, покрутился-покрутился по полу и растерянно забрался въ уголъ, гдѣ молодой и смиренный пѣтушокъ до того воодушевился его униженіемъ, что клюнулъ несчастнаго въ голову и тотчасъ же прошелся гоголемъ между дру-гими, точно говоря: „посмотрите-ка на меня, какой я молодецъ...“

— То-есть, знаете-ли, сладу у меня нѣтъ съ этими господами. Самая не дисциплинированная публика. Хотя собственно экземплярики есть отмѣнные между ними. Вотъ напри-мѣръ—взгляните.—И безцеремонно пойманъ за хвостъ самаго важнаго, называвшагося между дру-гими пѣтухами Далай-Ламой, онъ поставилъ его на столъ.—Обратите вниманіе на штаны... Видѣли вы такое опереніе? А воротничекъ?.. а?... А на груди—видите какъ завивается. Каковъ?.. Аполлонъ, совсѣмъ Апол-лонъ!.. Впрочемъ, что-же я, сконфузился вдругъ Моча-ловъ.—Виноватъ... Пожалуйте ко мнѣ въ другую комна-ту. Тутъ у меня нѣтъ этой поющей и вопиющей публики... Только пожалуйста погромче, съ ними трудно слышать.

И дѣйствительно, какъ только хозяйка вышла, пѣ-
пухи заорали и загомонили во всю.

— Съ кѣмъ имѣю честь?

— Вѣра Васильевна Ряднова.

И она покраснѣла вся.

— Какъ-съ?

Очевидно Мочалову показалось, что онъ ослушался.

— Ряднова.

— Та самая, которая... совершенно глупо уже пере-
спросилъ онъ, очевидно растерянный.

— Жена художника... еще болѣе терялась она.

— Какъ-же, какъ-же... Только напрасно вы себя на-
зываете женою художника... Вы сами художникъ, про-
стите меня, цѣлой головой выше своего мужа.

— Я знаю—вы его не любите.

— Не люблю-съ!—И Мочаловъ ожесточился разомъ.—
Не люблю-съ. Талантъ его признаю, но не люблю-съ.
Высокомѣренъ и претенціозенъ. Не въ мѣру захвалили...

— Я не о томъ... я пришла къ вамъ...

И Вѣрѣ вдругъ стало страшно и больно и обидно.
Она только теперь поняла, какое униженіе предстояло
перенести ей.

— Къ вашимъ услугамъ...

— Видите-ли... это такъ трудно, такъ тяжело...

Мочаловъ замѣтилъ ея растерянность, и ему стало
разомъ жаль бѣдную женщину. Онъ добродушно улыб-
нулся.

— Видите-ли... продолжала она.

— Вижу-съ... Пришли въ берлогу къ вѣдомому аспиду
и василиску и теперь себя клянете, зачѣмъ сунулись
къ оному звѣрю лютому... Не правда-ли?— Онъ засмѣ-
лся.—А вы по простотѣ. Я люблю такихъ, которые
прямо... знаете, какъ это въ объявленіяхъ пишутъ—
безъ посредства коммисіонеровъ... Ну-съ, чтѣ вамъ
угодно?

— Я къ вамъ съ просьбою... Я обращаюсь къ ва-
шему сердцу и великодушію... Мужъ мой—боленъ...
Очень боленъ.

— Да?... Чтѣ у него? равнодушно переспросилъ Мо-
чаловъ.

— Онъ уже ослѣпъ на одинъ глазъ. Докторъ *** го-
ворить, что и другой... если онъ станетъ волноваться...

— Понимаю!—И Мочаловъ положилъ на ея руку
свою.—Понимаю-съ. Довольно. Больше себя не мучьте
и не волнуйтесь. Не беспокойтесь, я не оскорблю само-
любія господина Ряднова. Напротивъ!.. И не рассказы-
вайте дальше... ничего... Лучше вашего знаю... все...
все... Успокойтесь. Въ одномъ могу позавидовать госпо-
дину Ряднову, что у него такая милая, хорошая и
добрая жена. Это великое, великое счастье... И хоть бы
не ему право!..

Она поднялась, радостная и благодарная.

— И такъ, продолжалъ онъ уже въ дверяхъ.—Спите
спокойно. Если ему и станетъ хуже, то во всякомъ
случаѣ не отъ меня. Ради васъ желаю ему здоровья и
благополучія. До свиданія. Радъ случаю познакомиться
съ вами.

— И еще... Она опять вспыхнула.—Пожалуйста обо
мнѣ поменьше. Чтобы не было сравненій...

— Хорошо, хорошо... Ахъ, ужъ мнѣ эти артисты!
улыбнулся все такъ-же добродушно Мочаловъ.—Вѣдь
вотъ дотронуся до меня, ничего и не замѣчу пожалуй...
А онъ весь сожмется и скорчится и заоретъ, точно у
нихъ у всѣхъ кожа содрана!..

Пѣтухи проводили Вѣру Васильевну торжественными
криками, хлопали за нею крыльями и таращили свои
огненные глаза, точно хотѣли сразу проглотить ее и не
подавиться при этомъ.

XXII.

Первое время Александръ Петровичъ былъ радостенъ
и спокоенъ. Старыя сомнѣнія его не мучили, на зло

врачамъ—глазъ его какъ будто поправлялся. Вѣрочка
даже сообщила эту вѣсть встрѣченному ею профессору.

— Жаль мнѣ, знаете, васъ разочаровывать, серьезно
пачаль онъ, по разумѣтся не могъ не закончить шу-
товствомъ:

Не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!..

продекламировалъ онъ.

— По крайней мѣрѣ онъ не жалуется.

— И отлично. Радуюсь... А по временамъ покалы-
ваетъ?

— Да.

— Гм!.. И мухи этакъ мелькаютъ въ глазу?

— Мелькаютъ.

— Ничего-съ, къ крайнему сожалѣнію своему, ничего
измѣнить въ этомъ не могу... Дѣло идетъ своимъ по-
рядкомъ. Болѣзнъ значить развивается согласно науч-
нымъ даннымъ вполне послѣдовательно, повторилъ онъ.—
Вполнѣ-съ. Никакихъ отступленій отъ естественнаго
хода ея не вижу... Никакихъ, слышите?..

Ахъ, почто я сердце юное

Сновидѣньямъ предала...

Но наступившее спокойствіе продолжалось недолго.

Вѣра Васильевна какъ-то вернулась домой съ вы-
ставки и Семенъ встрѣтилъ ее въ передней мрачнѣе
мрачнаго.

— Что баринъ?

— Опять-съ... Совсѣмъ изъ себя царь Саулъ стали.
Въ предчувствіи чего-то неприятнаго, ожидающаго
ее, Вѣрочка вошла къ царю Саулу.

— Можете полюбоваться, вонъ тамъ на столѣ лежать
рецензіи о выставкѣ.

— Неужели Мочаловъ?.. вырвадось у нея.

— Нѣтъ, господинъ Мочаловъ пока молчитъ, онъ
всегда попозже. А тутъ другіе. Должно быть въ очень
ужъ хорошо дѣйствовали вашими прекрасными глазами.
Весьма васъ эти господа одобряютъ, а одинъ даже по-
вѣдалъ міру, что всѣ недостатки вашихъ картинъ, взя-
тые вмѣстѣ, выше достоинствъ моего произведенія...
Слава Богу, глазъ вернулся, могу работать какъ слѣ-
дуетъ и зажать имъ ротъ.

— Сегодня передъ твоей картиной сплошная толпа.
Добраться до „Тиверія“ невозможно.

— Да?... Публика всегда справедлива... Я думаю,
намъ лучше не мѣшать другъ другу, Вѣра. Ты бы шла
работать къ себѣ внизъ... Я обдумывалъ тутъ. Мнѣ
одному лучше...

Вѣрочка вспыхнула.

— Я только переодѣнусь и пойду.

— Я не гоню тебя, но все-таки лучше... Эти раз-
говоры... ты вѣдь даже не можешь говорить со мной
безъ раздраженія.

Она съ удивленіемъ взглянула на него.

— Да, разумѣтся. Я это замѣчаю давно, вдругъ вы-
шелъ онъ изъ себя.—А разъ ты не можешь говорить
со мною спокойно, такъ лучше молчи. Ты знаешь, я
боленъ и мнѣ волненіе вредно.

— Когда же я такъ говорила съ тобой?

— Что же я, по твоему, лгу? Чортъ возьми, только
этого еще не доставало. Женившись на тебѣ я ослѣпъ,
имѣю удовольствіе слышать на каждомъ шагу, что ты,
моя ученица, оставила меня далеко за собой, да еще
попалъ и въ глушцы...

Еслибы Вѣра, выходя, обернулась назадъ, она бы
похолодѣла вся, замѣтивъ, какимъ упорнымъ, полнымъ
ненависти взглядомъ провожалъ ее Александръ Петро-
вичъ.

„И кто меня толкалъ жениться?“ думалъ онъ.—
„Точно мнѣ не было такъ спокойно и хорошо. Съ той
минуты счастье обернулось ко мнѣ спиною...“

Вмѣсто того чтобы переодѣться, Вѣрочка сѣла въ
кресло и уронивъ руки на колѣна, скорбно задумалась
обо всемъ, чтѣ случилось въ эти два-три года.

„Боже мой, какъ подъ вліяніемъ болѣзни и неудачъ измѣнилось это когда-то такое благородное и великодушное сердце!“ думала она. У нея въ душѣ не было злости и отчаянія. Она вѣрила, что тучи, заслонившія отъ нея ея небо, разойдутся и свѣтлая лазурь опять ласково откроется ей... Во всякомъ случаѣ, что бы ни случилось, она не измѣнитъ себѣ, она будетъ около него, такая же кроткая, тихая и любящая. Онъ „ненормалень“ теперь, сказалъ ей профессоръ. Не на одну же радость, не на одно же счастье она сошлась съ мужемъ!.. Теперь-то, именно теперь она и должна быть около него. Даже, чтобы больше не было ничего между ними, ничего чтобы не портило ихъ отношеній, она до наступленія лучшаго времени совсѣмъ броситъ работу. Богъ съ нею! Пусть онъ только не волнуется и не страдаетъ. Даже ко лжи она должна будетъ прибѣгнуть; что-жь, бываетъ и ложь во спасеніе...

Веселая уже и спокойная, она вернулась къ нему.

— Пожалуйста, Александръ Петровичъ, если я тебѣ мѣшаю, ты мнѣ скажи, я могу совсѣмъ перебраться со всѣми моими вещами.

— Нѣтъ, ты мнѣ не мѣшаешь... колебался онъ. — То-есть, видишь-ли, мнѣ, разумѣется, лучше остаться одному... Гораздо лучше, но что же дѣлать... Вотъ что...

И онъ задумался о чемъ-то.

Подъ вліяніемъ болѣзни онъ словно одичалъ. Ему мало-по-малу становилось противно видѣть людей, встрѣчаться и говорить съ ними. Очевидно, онъ тяжело переживалъ свою славу. Ему невыносимо было видѣть другихъ, мало-по-малу становившихся на мѣсто занимаемое имъ когда-то. И главнымъ образомъ, конечно совершенно безсознательно, его мучило то, что рядомъ расцвѣтала такая пышная, здоровая и сильная жизнь, какую представлялась ему Вѣрочка. Онъ и ненавидѣть ее сталъ безсознательно. Если бы его спросили за что онъ такъ относится къ ней, онъ не нашелъ бы ничего отвѣтить. Самъ себя онъ никогда не спрашивалъ объ этомъ; все время онъ ощущалъ не сознательное и не давалъ себѣ отчета въ этомъ, погруженный каждою своею мыслью въ несчастіе, казавшееся ему такимъ громаднымъ, такимъ великимъ... Часто онъ цѣлые часы просиживалъ наединѣ съ самимъ собою, переживая свое безконечное горе. Окружающая его обстановка, плотно завѣшанная гардины, полумракъ, тишина, заставляли еще ярче выступать передъ нимъ зловѣщій призракъ его воображенія, звучать еще громче голоса мрачные и торжественные, рождавшіеся въ немъ самомъ... Когда онъ выходилъ на выставку, на улицы, въ рисовальную школу, свѣтъ яркаго солнца гналъ его опять домой. Часто даже глазъ у него не болѣлъ, но ему становилось безсознательно страшно за него и онъ чувствовалъ покаяваніе, котораго въ дѣйствительности можетъ быть и не было вовсе. Ему становилось легко только тогда, когда онъ садился за свой мольбертъ и брался за кисти. Но легко лишь въ первые минуты; дѣло въ томъ, что въ душѣ, измученной отчаяніемъ и завистью, уже не было прежней вѣры въ самое-себя, въ ней какъ будто изсякъ источникъ чистаго вдохновенія, когда-то такимъ ключомъ бившій изъ нея. Онъ возбуждалъ себя и самъ замѣчалъ послѣ, что эти возбужденія не были тѣми проблесками экстаза, какой прежде такъ часто носѣщалъ его. Подъ вліяніемъ этого насилуванія воображенія, прекрасное обращалось въ манерное, преувеличенное; трагическое дѣлалось чудовищнымъ, трогательное — сантиментальнымъ. И краски, и лица кричали, грубость проступала вездѣ и во всемъ. Онъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ уходилъ внизъ къ женѣ, и когда ея не было, приказывалъ отпереть ея мастерскую. Съ тоской и ненавистью всматривался онъ въ ея работы. Да, это „онъ“, онъ „прежній“ въ нихъ. Точно отъ него къ ней перешла вся чистота

души, весь свѣтъ генія, вся искренность чувства, тонкость пониманія... Вотъ именно такъ писалъ онъ прежде. Такъ, какъ она пишетъ теперь. Это его головки, эти глаза, сіяющія такимъ свѣтомъ, эти одухотворенныя лица украдены у него, именно у него. И самъ же онъ, самъ помогалъ этому, самъ указалъ ей дорогу, по которой она пошла, оставивъ его далеко за собою... Разъ, когда ея не было, онъ сѣлъ передъ ея картиной. Вѣра только что начала ее.

Всего и было въ ней, что маленькая дѣвочка на монастырскомъ кладбищѣ, приложившая ухомъ къ могильному холмику и чутко прислушивающаяся къ чему-то, по ея убѣжденію творящемуся подъ нимъ. Сверху лилось солнечное сіяніе, золотыми брызгами сверкавшее на росѣ и на цвѣтахъ, въ густой травѣ; кругомъ—пышныя раины вязовъ и тополей; уголокъ темносиняго неба былъ жарокъ.

Рядновъ долго смотрѣлъ на это дѣтское лицо, полное въ одно и то-же время и любопытства, и страха, и тихаго восторга. Онъ даже сѣлъ передъ картиной и сталъ злобно, бѣшенно всматриваться въ ея детали. Да, это онъ... онъ научилъ ее класть эти блики, онъ передалъ ей секретъ этихъ вотъ черточекъ, придающихъ такой блескъ глазамъ, самый эффектъ про-блесковъ солнечныхъ въ травѣ заимствованъ ею у него; онъ рассказалъ ей о сочетаніи повидимому самыхъ неподходящихъ красокъ, давшихъ въ результатѣ такое живое и дѣйствительное освѣщеніе. Онъ, онъ, вездѣ и во всемъ онъ. Ненависть росла въ немъ и душила его все больше и больше. Особенно эти глаза, этотъ свѣтившійся въ нихъ восторгъ... какъ это вышло у него когда-то!.. Какъ онъ славился именно „душою“ картины, чѣмъ-то неуловимымъ, жившимъ въ ней, благословеніемъ Божиимъ, просвѣчивающимся сквозь краски... А теперь...

Не зная самъ, что онъ дѣлаетъ, Рядновъ сначала толкнулъ мольбертъ ногой; съ громкимъ шумомъ и трескомъ картина упала на полъ. Но и оттуда, съ полу, на него смотрѣли эти дѣтскіе, чистые глаза... Они „нарочно“ смотрѣли на него. Они точно дразнили его бѣшенство, будто говорили ему: „А ты все-таки ничего съ нами сдѣлать не можешь... А мы все-таки живемъ, живемъ на зло тебѣ, и живемъ, и видимъ, и осуждаемъ все недоброе, что творится въ твоей душѣ“. Онъ отвернулся отъ нихъ, но ему почудилось, что эти глаза смотрятъ на него, смотрятъ и насквозь пронизываютъ своимъ чистымъ взглядомъ. Онъ отошелъ къ окну—они слѣдуютъ туда за нимъ... Что-то словно кровавой волной хлынуло ему въ грудь, сдавило горло.

Голова кружилась, въ вискахъ стучало.

— Да что-же вамъ надо? совершенно обезумѣвъ, крикнулъ онъ. — Что вамъ надо? Убить... убить вы меня хотите?!

И не понимая самъ что онъ дѣлаетъ, бросился къ лежавшей на полу картинѣ, и сталъ топтать ее, именно это чистое, кроткое, дѣтское лицо, своими каблуками, приговаривая:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!

Это его и успокоило, и испугало.

— Что я надѣлалъ, что я надѣлалъ! растерянно проговорилъ онъ.

И бросился вверхъ, позабывъ затворить за собою двери.

Марья Фрапцовна, попавшася ему въ коридорѣ навстрѣчу, точно отшатнулась прочь, увидѣвъ его раскраснѣвшееся лицо и волосы, поднявшіеся надъ разгоряченною головою. Она прижалась къ стѣнѣ, пропуская его мимо, а онъ даже и не замѣтилъ ее. Добѣжавъ къ себѣ, онъ все не зналъ, что ему дѣлать съ этой кружившейся комнатою, съ этими мыслями, странными и дикими, въ какомъ-то вихрѣ вращавшимися въ его мозгу, съ этими странными голосами и звуками, пре-

Вѣнчекъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Иманевича, грав. Ангереръ.

слѣдовавшими его по пятамъ, онъ бросился къ крану, вѣланному въ стѣнѣ, подставилъ подъ холодную струю, бывшую изъ него, свое темя. Вода мало-по-малу привела его въ себя, онъ съ удивленіемъ оглянулся кру-

гомъ и когда вспомнилъ что совершилось тамъ внизу—схватился за голову, да такъ и замеръ на нѣкоторое время въ одномъ выраженіи тоски и ужаса.

(Продолженіе будетъ).

Жена великаго человѣка.

П. И. Вейнберга.

„Геній и злодѣйство — двѣ вещи несомнѣтныя“, говорилъ, какъ извѣстно, Пушкинскій Салери, хотя тутъ-же, припоминая обвиненіе, тяготѣвшее надъ Микель-Анджело, находилъ, что это неправда, т. е. что гениальный человѣкъ можетъ въ то же время быть и злодѣемъ.

Не знаю, что справедливо — первое или второе, но собственноручное свидѣтельство одного изъ гениальнѣйшихъ людей нашего времени привело меня къ убѣжденію, что такіе люди могутъ быть величайшими тиранами, способными съ безпощаднымъ эгоизмомъ и возмутительною черствостью губить все окружающее ихъ, поклоняющееся имъ, отдающее за нихъ и имъ свою жизнь... Сквозь очки увлеченія гениальнымъ ореоломъ, всегда обаятельно дѣйствующимъ на наблюдателя, подобные поступки такихъ людей представляются этому наблюдателю естественнымъ и не подлежащимъ никакому общенію проявленіемъ натуры выходящей изъ ряда, не признающей и не могущей признавать никакихъ законовъ, созданной на то чтобы подчинять себѣ все окружающее, не заботясь о томъ, каковы результаты этого подчиненія... Для наблюденія трезваго, безпристрастнаго, такой образъ дѣйствія, повторяю, есть не что иное, какъ эгоистическое, грубое, ничѣмъ не оправдываемое безсердечіе...

Гениальный человѣкъ, о которомъ я говорю — Томасъ Карлейль, умершій, какъ извѣстно, въ 1881 г. и оставившій бумаги и записки, на основаніи которыхъ онъ и представляется намъ чудовищемъ эгоизма и черствости. Жертва этихъ свойствъ знаменитаго автора „Исторіи французской революціи“—его жена.

Исторія ихъ отношеній исполнена глубокаго трагизма и въ высшей степени интересна въ психологическомъ отношеніи, если принять во вниманіе, что герой ея, виновникъ этого трагизма—такой умъ, какъ Карлейль...

Передъ нами двѣ совершенно противоположныя другъ другу натуры, противоположныя уже при первоначальномъ развитіи ихъ, въ первые годы своего формированія.

Будущая жена Карлейля, Женни Вельшъ, единственная дочь весьма почтеннаго шотландскаго семейства — красавица, веселая, талантливая, блистательная во всѣхъ отношеніяхъ, обворожительная своими вишними и внутренними достоинствами, по въ то же время и своею эксцентричностью... Онъ, будущій мужъ ея, старше ея четырьмя годами, — сынъ камешника, человѣка честнаго и примаго, но до такой степени суроваго, съ такимъ „замурованнымъ“, по словамъ самого Карлейля, сердцемъ, что жена и дѣти „не смѣли любить его“. Эти свойства онъ унаследовалъ отъ своихъ предковъ, которые всѣ были въ такомъ же родѣ, и въ свою очередь передалъ ихъ сыну, нашему знаменитому историку и критику, которому въ этомъ отношеніи предстояло даже превзойти своихъ предшественниковъ въ семьѣ. Замѣтимъ еще, что его мать была одно время помѣшана. Уже въ дѣтствѣ Томасъ Карлейль поражаетъ и отталкиваетъ своею грубостью, мрачною суровостью, эгоизмомъ, доходящимъ до дикости упрямствомъ, какою-то ненавистью къ людямъ — и все это растетъ по мѣрѣ его физическаго роста; по его собственнымъ позднѣйшимъ словамъ, онъ живетъ въ эту пору — пору своей университетской жизни — „одинокій, поѣдал свое собственное сердце, служа добычею невыразимой внутренней борьбы, невыразимыхъ страданій...“ И наружность его соответствуетъ этому внутреннему настроенію: низкій лобъ, вздерошенные волосы, самъ неуклюжій, грязноватый.

Таковы эти два существа въ то время, когда они встрѣчаются, — встрѣчаются для того, чтобы чрезъ нѣсколько времени блестящая красавица, пріученная ко всевозможному комфорту, почти извѣщенная своею обстановкой, сдѣлалась женой далеко не изящнаго, мрачнаго, почти до ничеты бѣднаго человѣка. Въ чемъ же объясненіе этой странной развязки? Въ явленіи очень обыкновенномъ: обаяніи, которое производитъ талантъ, выдающаяся натура, а ужъ и подавно гений, на женскую натуру вообще, а такую какъ Женни Вельшъ — въ особенности. Женни Вельшъ давно уже, съ самыхъ юношескихъ лѣтъ, была проникнута стремленіемъ къ умственной эмансипаціи, жаждою умственнаго труда, порывами къ выходу изъ повседневной житейской среды. Со свойственною женщинамъ — и притомъ такой женщиной какъ она — чуткостью, умственный и сердечный глазъ ея угадалъ подъ отталкивающимъ наружностью молодого Карлейля печаль гения, и мысль — поддерживавшаяся ихъ взаимными сношеніями — работать вмѣстѣ съ нимъ, помогать ему въ трудахъ, имѣть влияние на его судьбу, помочь ему сдѣлаться знаменитымъ человѣкомъ, совершенно поглотила эту молодую, восприимчивую, часто экзальтированную душу, — явленіе, какъ извѣстно, встрѣчающееся очень часто. Мысль эта тѣмъ глубже пускала

корни въ этой головѣ и въ этомъ сердцѣ, что Женни съ каждымъ днемъ, даже не смотря на свое инстинктивное сопротивленіе, нечувствительно для себя подчинялась все больше и больше обаянію этого человѣка, пока еще однако не залитвавшего своей гениальности ничѣмъ фактическимъ и только дававшего такъ-сказать предугадывать ее. „Я не знаю — писала молодая дѣвушка своему будущему мужу — какимъ образомъ вашъ умъ приобрѣлъ такую власть надъ моимъ вопреки моей гордости и моему упорству. Но это совершилось. Упрямая относительно другихъ, какъ мулъ, съ вами я гибка и покорна. Я слушаю вашъ голосъ, какъ голосъ второй совѣсти, почти столько же страшной, какъ та совѣсть которую поселила во мнѣ природа. Откуда въ васъ эта власть надо мною? Ибо тутъ играютъ роль не только вашъ гений и ваша добродѣтель...“ Подъ этою „добродѣтелью“ Женни Вельшъ понимала тѣ нравственныя качества Карлейля, которыя она тоже открыла, отчасти и вообразила, подъ его грубою оболочкою — прямоту, честность, даже великодушіе...

* *

Но въ то время, когда писались эти строки, красавица и не думала сдѣлаться женою того, кому онъ адресовалась. Она смотрѣла на себя только какъ на его товарища, сотрудника. „Я буду — говорила она ему въ другомъ письмѣ — вашимъ другомъ, самымъ лучшимъ и самымъ преданнымъ изъ вашихъ друзей, до конца моей жизни; но вашею женою — никогда! Никогда, хотя бы вы были богаты какъ Крезъ, знамениты такъ, какъ конечно сдѣлаетесь со временемъ“. И она имѣла тѣмъ болѣе основаній говорить такимъ образомъ, что любила другаго; но съ этимъ другимъ судьба разлучила ее, и онъ вскорѣ послѣ того умеръ. Женни стала все больше и больше привязываться къ Карлейлю, — но любовь попрежнему не играла въ этой привязанности никакой роли, и настоятельныя просьбы молодого дикаря сдѣлаться его женою встрѣчали съ ея стороны постоянный и энергическій отпоръ.

Что же было причиною этихъ настояній Карлейля, этого несокрушимаго упорства, которое въ концѣ-концовъ все-таки окончилось побѣдой? Причина въ высшей степени характеристическая. О любви тутъ не было и рѣчи; на любовь Карлейль уже тогда, какъ и впоследствии, смотрѣлъ какъ на чувство совершенно вадорное, недостойное серьезнаго человѣка. Уже будучи его женою и въ то время, когда его окружала уже громкая извѣстность, Женни писала: „Для величайшаго философа нашего времени (такъ выражалась она о своемъ мужѣ) въ послѣднемъ романѣ Теккерея наиболѣе ненавистно, признается имъ за „безусловно фальшивое и достойное осужденія“ то, что любовь изображена тутъ какъ чувство охватывающее собой все наше существованіе и составляющее великій интересъ его; тогда какъ, напротивъ того, любовь — вещь которая называется любовью — занимаетъ собою только весьма малое число годовъ человѣческой жизни, и даже въ это незначительное пространство времени она есть не что иное какъ одинъ изъ предметовъ, которыми человѣкъ занимается среди множества другихъ предметовъ, гораздо болѣе важныхъ. На взглядъ Карлейля, любовь и вся возня съ нею — такой жалкій вадоръ, что въ героическую эпоху никто бы и не сталъ о немъ думать, а тѣмъ менѣе — говорить“.

Женитьбу Карлейль добивался такъ настоятельно потому, что ему, съ одной стороны, нужна была „хозяйка“ (вѣрнѣе какъ увидимъ ниже, прислуга), ибо всякія житейскія, практическія заботы были для него ненавистны, до такой степени, что войти за чѣмъ-нибудь въ лавку составляло для него мученіе, — съ другой стороны, въ немъ сложилось убѣжденіе, что когда около него будетъ женщина, заботящаяся о всей его житейской обстановкѣ, ему будетъ легче, удобнѣе работать, такъ какъ въ то время въ головѣ его было уже много литературныхъ замысловъ. Биографъ, у котораго и почерпаю эти свѣдѣнія, на основаніи вышеупомянутыхъ бумагъ и записокъ, называетъ эти побужденія Карлейля „побужденіями такого свойства, какія подобаютъ натурѣ философа“. Я полагаю, что замѣна „философа“ „безсердечнымъ эгоистомъ“ была-бы здѣсь совершенно основательна и правильна, тѣмъ болѣе, когда принять въ соображеніе, какую именно женщину такъ упорно желалъ онъ сдѣлать своею хозяйкой и служанкой...

* *

Какъ-бы то ни было, побѣда была одержана: Женни Вельшъ сдѣлалась женою Карлейля, не смотря на свое убѣжденіе, что она для него не что иное (по ея собственнымъ словамъ) какъ „одно изъ обстоятельствъ его судьбы“; она сдѣлалась женою человѣка, который ей, уже невѣстѣ, завладалъ, какъ „вѣчную — по его словамъ — аксіому, какъ законъ природы, отъ котораго

пе отстывает безнаказанно ни один смертный, что поведывать въ домъ долженъ безусловно и неограниченно мужъ; она сдѣлалась женою человѣка, который говорилъ: „когда я требую, чтобъ мнѣ сварили супъ изъ камней, то супъ изъ камней долженъ быть сваренъ...“ Но она въ то же время инстинктивно чувствовала и сознательно понимала, что этотъ человѣкъ—великій умъ и могучая натура,—и склонилась. А разъ склонившись, она дала себѣ слово быть, какъ-бы ни сложилась ея жизнь, безусловно преданною и покорною этому человѣку и со своей но крайней мѣрѣ стороны сдѣлать все, что въ человеческихъ—а какъ увидимъ ниже, и сверхъ-человѣческихъ—силахъ, чтобы дать ему возможность дойти до своей великой цѣли.

Такъ исполнить принятый на себя долгъ, какъ это сдѣлала Женни Вельшь, теперь Женни Карлейль, можетъ только истинная героиня, и я сказалъ-бы, истинная мученица, если-бы адъсь не было передъ нами самоистязаніе добровольнаго, отъ котораго, если-бы она *желала*, то могла-бы избавиться во всякое время.

* *

Уже съ первыхъ дней мѣсяца, къ которому эпитетъ „медовый“ шель-бы какъ самая горькая насышка, мы видимъ молодую чету въ самой бѣдной обстановкѣ. Женни отдала все свое состояніе матери, Карлейль не имѣлъ почти ничего, а работать, т. е. писать только ради денежнаго заработка, сдѣлаться „литературнымъ поденникомъ—для него было немислимо, невозможно; да и жена ни за что не допустила-бы его до этого, ибо въ такомъ случаѣ вѣдь не была-бы достигнута ея высокая цѣль: „хлѣбныя работы“ отвлекли-бы его отъ тѣхъ трудовъ, которыми предстояло ему создать себѣ бессмертную литературную славу.

И вотъ въ то время, когда онъ, запершись въ одной изъ двухъ-трехъ комнатокъ убогаго домика, напятаго и кое-какъ мебелированнаго матерью Женни для новобрачныхъ, обдумываетъ свои будущія великія произведенія,—она, еще недавно парившая въ комфортной и даже блестящей обстановкѣ, готовитъ кушанье, моетъ полы, штопаешь платье и бѣлье мужа, даже печетъ хлѣбъ. И при этомъ, не только ни слова упрека или грусти, но, напротивъ, бодрость, живость, даже веселость. „У нея—писалъ Карлейль уже послѣ ея смерти, въ припадкѣ поздняго раскаянія, позднихъ угрызений совѣсти—у нея всегда находилось для меня какое-нибудь веселое слово... въ самые тяжелые дни не вырывалось у нея ни звука, который могъ-бы вызвать тоску или скуку; она замалчивала все грустное и хранила его исключительно для себя...“

Читатель думаетъ вѣроятно, что въ такихъ случаяхъ эту удивительную женщину поддерживало нравственное чувство общенія между ею и мужемъ, поддерживала взаимность духовныхъ интересовъ, которая для такихъ натуръ замѣняетъ отсутствіе матеріальнаго достатка. Нѣтъ, и этого не было. Мрачный, желчный, вѣчно страдая желудкомъ и печенью, приходилъ въ раздраженіе отъ малѣйшаго шума и движенія вокругъ него, не впуская къ себѣ въ домъ буквально ни одного посетителя, заставляя жену уничтожать посредствомъ смертной казни или иными способами всѣхъ куръ, собакъ, кошекъ, имѣвшихъ несчастіе очутиться въ домѣ или по сосѣдству съ нимъ,—Карлейль почти съ первыхъ дней брачнаго сожительства проводилъ дни и ночи или въ своемъ „кабинетѣ“, или на прогулкѣ, съ женою видѣлся, за очень рѣдкими исключениями, только въ часы обѣда, да и тутъ мало говорилъ съ нею, а иногда цѣлую недѣлю не обращалъ къ ней ни слова, даже не смотрѣлъ на нее. Онъ весь ушелъ въ свой умственный трудъ, но о томъ „сотрудничествѣ“, о которомъ мечтала бѣдная Женни, рѣшившись связать свою судьбу съ судьбой этого человѣка, не было и рѣчи. Для Карлейля жена — которую онъ впрочемъ любилъ *по своему* — была хозяйкой и служанкой, и онъ находилъ это совершенно естественнымъ, когда, покуривая свою трубочку и обдумывая свою будущую знаменитую „Исторію французской революціи“, смотрѣлъ, какъ его Женни мыла въ это время полъ въ его комнатѣ. „Ему — замѣчаетъ его біографъ — казалось въ порядкѣ вещей, чтобъ она некла для него хлѣбъ дома, такъ какъ онъ не любилъ хлѣба изготовлявшагося въ булочной, и почила его саюги. Каждому свое: мужчинѣ — благородная работа ума, женщинѣ—работа служанки...“

И ужъ если такъ стояло дѣло въ „медовые“ мѣсяцы, то съ теченіемъ времени оно конечно должно было ухудшиться,—что дѣйствительно и случилось...

* *

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы мы находимъ чету уже не въ Эдинбургѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ можно было видѣть и слышать живыхъ людей, а въ одной изъ самыхъ уединенныхъ, самыхъ печальныхъ и самыхъ безобразныхъ мѣстностей Шотландіи—маленькомъ клочкѣ земли, доставшемся Карлейлю отъ матери и называвшемся Крейгеніетокъ. Здѣсь, въ полномъ отчужденіи отъ свѣта, среди отвратительной пустыни, Карлейль надѣялся преодолѣть ту страшную умственную борьбу, которая происходила въ немъ—борьбу между великими мыслями, толпившимися въ его умѣ, и трудностью, даже пока невозможностью придать имъ опредѣленное, удовлетворяющее творца ихъ выраженіе; другими словами, онъ надѣялся здѣсь, благодаря „безусловному уединенію и чистому безмолвію при-

роды“ преодолѣть тѣ трудности занимавшей его въ это время литературной работы, которая для него—странное дѣло!—были не Простыми трудностями, а истинными муками, — муками, среди которыхъ ему—говоря его собственными словами—казалось иногда, что мозгъ его превратился въ черную грязь...

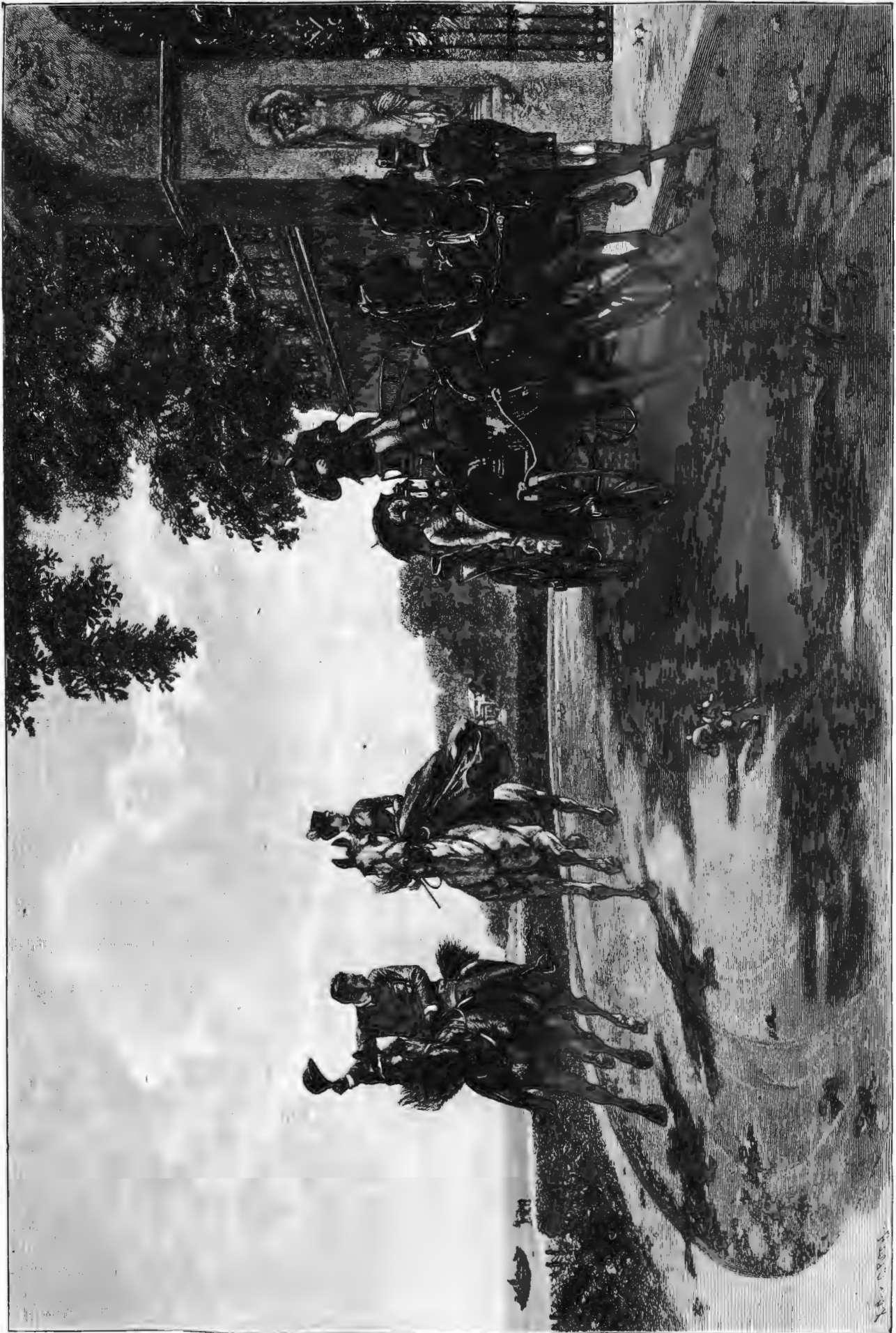
Само собой разумѣется, что какіи-бы то ни было соображенія о женѣ, которую онъ обрекалъ на ужасную жизнь, не приходили ему въ голову,—точно такъ-же какъ не пришли они къ нему ни разу въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ, проведенныхъ имъ глазъ-на-глазъ съ женою въ этомъ дикомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ писала потомъ несчастная женщина, „изъ ея непосредственныхъ трехъ предшественницъ двѣ сошли съ ума, а одна сдѣлалась пьяницею“.

* *

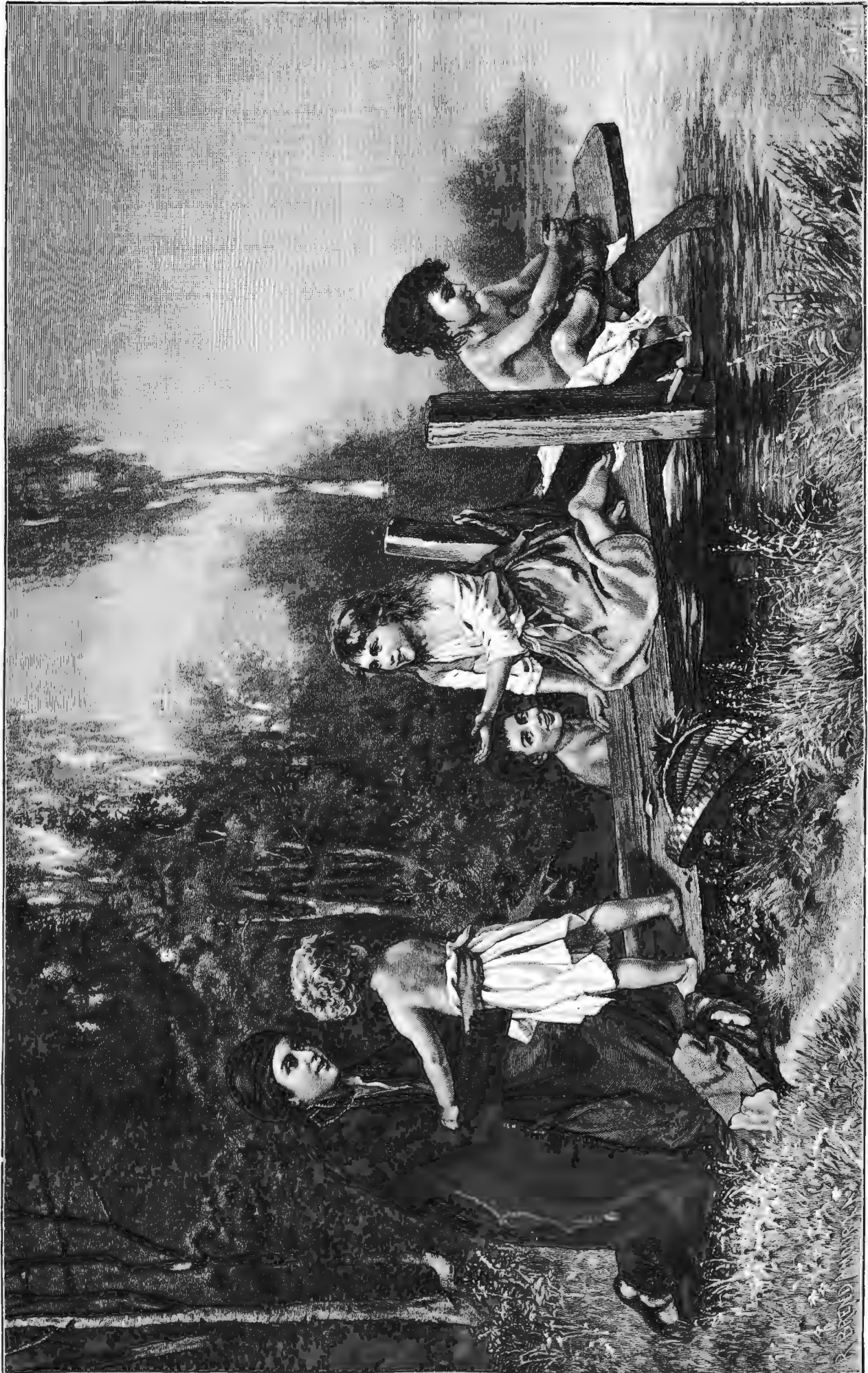
А она въ теченіе этихъ шести лѣтъ является тою-же мученицей своего долга, тою-же самоотверженною и героическою рабыней человѣка, покоряющаго ее своимъ умомъ и великою нравственною силою. Какова была внѣшняя сторона ея жизни въ этой трупобѣ, можно видѣть изъ сѣдующихъ наприимѣръ словъ одного изъ ея писемъ, писаннаго уже гораздо позже: „Я поселилась съ своимъ мужемъ въ маленькомъ домикѣ, уютномъ въ болотѣ. Это была очень печальная мѣстность, и жить тутъ приходилось очень скверно. На шестнадцатилѣтнюю миль въ окружности нельзя было найти никакихъ матеріальныхъ ресурсовъ: никакихъ лавокъ, даже ни одного почтоваго отдѣленія. Кроме того, мы были очень бѣдны, а что еще хуже — я, какъ единственная дочь и воспитанная для „блестящаго положенія въ свѣтѣ“, отлично знала латынь и математику, но оказывалась блистательною невѣждой въ вещахъ практическихъ. Въ этихъ необычайныхъ обстоятельствахъ мнѣ надо было выучиться шить. Я съ ужасомъ убѣдилась, что удѣлъ мужей—рвать свои носки и постоянно растеривать свои пуговицы, и что для наблюденія за всѣмъ этимъ разсчитывали на меня. Пришлось также выучиться стряпать, такъ какъ ни одна порядочная кухарка не соглашалась жить въ такой ужасной гущи, а у моего мужа было очень дурное пищевареніе, чѣмъ страшно усложнилось положеніе дѣла. Въ довершеніе бѣдствій, хлѣбъ, который намъ привозили изъ Дѣмфри, „производилъ у него въ желудкѣ кислоту“, и очевидно, что на мнѣ, какъ истинно христіанской женѣ, лежалъ долгъ—нечъ хлѣбъ собственноручно...“

Но всѣ эти занятія и заботы были сущее бездѣлице въ сравненіи со многими другими подробностями этой домашней обстановки, представляющей намъ особенно ужасною, варварскою потому, что молодая женщина, несшая на себѣ все это бремя, являлась не помощницею своего мужа, не товарищемъ его въ горѣ и нуждѣ, а безответною служанкою, на которую господинъ обращалъ весьма мало вниманія. Всѣ тѣ прежнія мечты ея о сотрудничествѣ, о духовномъ общеніи, которыя, какъ мы видѣли выше, служили этой несчастной женщинѣ однимъ изъ могущественныхъ стимуловъ къ выходу за этого человѣка,—всѣ эти мечты разбались все больше и больше о жестокою дѣйствительностью. Карлейль посвящалъ своей женѣ ровно полчаса въ день; въ продолженіе цѣлыхъ тридцати минутъ ежедневно удостоивалъ онъ ее бесѣдою, или, вѣрнѣе говоря, молчаніемъ съ-глазу-на-глазъ, ибо великій человѣкъ, славившійся вообще своею молчаливостью, „платонически любившій молчаніе“, какъ выражалась о немъ жена, примѣнялъ это свойство свое самымъ широкимъ образомъ и въ своихъ отношеніяхъ къ той, для которой ироніею „подруги жизни“ представлялось самою горькою ироніею. Правда, что когда это молчаніе по временамъ прерывалось, когда масса мыслей, накопившихся въ гениальной головѣ, требовала себѣ простору, и Карлейль, забывая или не обращая вниманія, кто именно былъ его слушателемъ, вдругъ дѣлался краснорѣчивъ такъ, какъ умѣли быть краснорѣчивы весьма немногіе,—тогда съ избыткомъ вознаграждался длинный рядъ часовъ суроваго, часто даже озабоченнаго безмолвія. И великій писатель, какъ видно, самъ понималъ это. „Я помню — писалъ онъ уже гораздо позже, уже послѣ смерти своей несчастной жертвы—я помню, что однажды, во время одного изъ ея кризисовъ (важности которыхъ я въ ту пору не подозревалъ) я три вечера сряду приходилъ къ ней, весь проникнутый сраженіемъ при Мольтцѣ, которое я, къ моей великой гордости, наконецъ понималъ, и ни о чемъ другомъ не говорилъ въ продолженіе этихъ трехъ получасовъ. Она отвѣчала мало, думалъ, быть можетъ, что не умѣла говорить достаточно хорошо для меня, но видимо не скучала, и мнѣ кажется даже, что это интересовало ее“.

Слово „интересовало“ не выражаетъ и сотой доли того, что испытывала въ эти минуты Женни Карлейль: она была вся вниманіе, вся слухъ, вся подчиненіе этому магическому вліянію. И тутъ, конечно, скрывалась одна изъ существеннѣйшихъ причинъ не только безропотнаго, но даже отчасти радостнаго перенесенія ею всѣхъ невзгодъ и мукъ ея жизни; тутъ скрывалось различіе такихъ словъ, какія мы встрѣчаемъ наприимѣръ въ одномъ изъ ея писемъ къ мужу, въ одну изъ ихъ временныхъ разлуку уже послѣ выѣзда ихъ изъ этого страшнаго мѣста. „Дѣлайте—писала она—все возможное, чтобы быть терпѣливымъ и снисходительнымъ къ вашей маленькой Гудѣ, потому что она любитъ васъ и готова исполнить все, что вы желаете на свѣтѣ, готова полѣзть на луцу, если вы прикажете.“

Дачный сезонъ. Рис. Г. Марксъ, грав. Рогъ.

ЛѢТНІЙ ДЕНЬ. Съ карт. Эрнестини Фридрихсенъ, грав. Брендамуръ.

Но когда у моего господина не находится для меня ни одного привѣтнаго взгляда, ни одного добраго слова, что остается мнѣ, кромѣ отчаянія?..»

Если эта умственная сила генія подчинила себѣ женскую воспримчивую душу уже въ ту пору, когда геній не заявилъ себя еще ничѣмъ фактическимъ, когда будущая „подруга жизни“ его только предугадывала, предчувствовала въ немъ великаго человѣка,—то обалтѣ этой силы естественно должно было увеличиться въ очень сильной степени теперь, когда она сказывалась все болѣе и болѣе ослзательными результатами... Но къ обаянію умственному присоединилась тутъ еще и причина сердечная: Женни Карлейль видѣла своего мужа глубоко несчастнымъ, видѣла его не только мучителемъ, но и мученикомъ—мученикомъ его собственной нервности, жесткости, ипохондріи, мученикомъ настроенія въ которомъ онъ смотрѣлъ на міръ какъ на пріютъ испорченности и цѣлѣпости, на жизнь—какъ на жестокую и смѣшную трагедію, на себя—какъ на добычу какаго-то демона, который заставлялъ его все глубже и глубже впасть въ „покрытой глубокииъ мракомъ гризи...“ А извѣстно, что для женщины состраданіе—пружина весьма могущественная, особенно когда она въ соединеніи съ другими въ родѣ вышеприведенныхъ...

* * *

Такъ или иначе, по тѣмъ или другимъ причинамъ и побужденіямъ, но Женни Карлейль героически переносила свое положеніе и героически надѣялась на лучшее будущее. Только оно не наступило для нея и тогда, когда Карлейль вышелъ на свою дорогу, когда его окружила громкая слава, когда слѣдовательно ей, какъ подругѣ его жизни, не зачѣмъ уже было подчиниться его деспотизму, его грубому пренебреженію, его эгоистическимъ соображеніямъ, чтобы давать ему возможность работать и достигать своей великой цѣли.

Нравственное положеніе несчастной женщины теперь не только не улучшилось—оно даже ухудшилось, ибо она узнала еще то, чего не испытывала до тѣхъ поръ—ревность. Вошедшій въ славу Карлейль проводилъ дни и вечера въ блестящихъ салонахъ (особенно у леди Амбѣртонъ, скоро совсѣмъ завладѣвшей имъ), жена оставалась дома совершенно одна, уже потому, что онъ—Карлейль!—находилъ ее недостаточно изящною, слишкомъ деревенскою для этихъ салоновъ. Она оставалась одна, предава-

лась отчаянію—и заштопывала его брюки, чинила его халаты. „Сегодня—читаемъ мы, напримѣръ, въ ея дневникѣ 6 ноября 1855 г.,—сегодня я починила халатъ г. Карлейля. Много движенія на воздухѣ необходимо мнѣ для того, чтобы помѣшать моему сердцу выскочить въ голову и свести меня съ ума... Въ настоящее время моя самая безпредѣльная и самая настоятельная забота—сбѣжать не попасть въ Бедламъ...“—„О, Господи!—воскликаетъ она въ томъ же дневникѣ нѣсколько мѣсяцевъ спустя,—скалься надо мною, потому что я слабѣю! О, Господи, исцѣли меня, потому что мои кости страшно болятъ. Страшно болитъ также моя душа; но, Господи, когда же прійдешь Ты? Прійди освободить мою душу! Спаси меня Твоимъ милосердіемъ!..“

Что въ этихъ мукахъ играла значительную роль ревность, видно изъ многихъ мѣстъ того-же дневника, точно такъ-же, какъ видно изъ него, что между супругами по поводу этого обстоятельства происходили не разъ „бурныя сцены“. Страданія нравственныя осложнялись физическими: шестилѣтнее пребываніе въ ужасномъ Крейгенштетокѣ принесло свои плоды. Несчастная женщина хирѣла со дня на день, а несчастный случай во время одной поѣздки въ экипажѣ усилилъ болѣзнь. Жестокія, невыразимыя мученія продолжались долго,—но смерть пришла внезапно. „Жена великаго человѣка“ умерла въ 1866 г., шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду.

* * *

И тутъ „повязка спала съ глазъ“ великаго человѣка. Онъ понялъ все, почувствовалъ все, и съ той минуты нѣтъ конца его угрызѣніямъ совѣсти. Единственное оправданіе, которое онъ позволялъ себѣ,—что онъ ничего не замѣчалъ...

Но для насъ, конечно, это не оправданіе, а обвиненіе. Сѣтованія на себя, укору себѣ, въ которыхъ изливаются знаменитый писатель послѣ смерти жены, апофеозъ, которымъ онъ окружаетъ ея память,—не только не примиряютъ насъ съ нимъ въ этомъ отношеніи, но еще болѣе усиливаютъ чувство негодованія...

И если вся эта исторія, съ одной стороны, блистательно доказываетъ совѣстимость гениальности ума и грубой ординарности сердца, то съ другой стороны, какъ ярко выразилась здѣсь одна изъ поразительнѣйшихъ загадокъ женскаго сердца!..

О способахъ пицедобыванія въ животномъ царствѣ.

Профессора Н. Э. Линдемана.

Безъ питанія немислимъ никакой организмъ. Вещество составляющее часть живаго тѣла—находится въ постоянномъ движеніи, безпрестанно измѣняется и разрушается подъ вліяніемъ поступающаго въ организмъ извнѣ кислорода. Это безостановочное разрушеніе вещества, образующаго организмъ, есть одинъ изъ характернѣйшихъ признаковъ жизни. Подъ вліяніемъ этого разрушенія всѣ вещества животнаго тѣла постоянно превращаются въ простѣйшія соединенія, именно: въ угольную кислоту, воду и мочевины, которыя, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ минеральныхъ солей, удаляются изъ организма. Этотъ химическій процессъ сопровождается развитіемъ теплоты, электричества, мускульной и нервной работы или дѣятельности железистыхъ аппаратовъ, т. е. всей совокупностью тѣхъ процессовъ, какіе мы видимъ совершающимися въ организмѣ животныхъ и которые являются въ одно и то же время и слѣдствіемъ химическихъ измѣненій вещества, и вмѣстѣ съ тѣмъ причиною его. Это разрушеніе вещества можетъ поэтому остановиться лишь со смертію животнаго.

Такая постоянная потеря веществъ, какую несетъ организмъ каждаго животнаго во время жизни его, дѣлаетъ необходимымъ столь же постоянное введеніе въ организмъ извнѣ новыхъ веществъ, которыя могли бы стать на мѣсто разрушенныхъ и такимъ образомъ поддержать существованіе организма въ теченіе продолжительнаго времени. Подъ вліяніемъ такой необходимости каждое животное питается, т. е. принимаетъ изъ окружающей его природы различныя вещества, перерабатываетъ ихъ опредѣленнымъ образомъ въ своемъ тѣлѣ и размѣщаетъ ихъ по различнымъ тканямъ своимъ, гдѣ въ нихъ является необходимость для замѣны веществъ утраченныхъ вслѣдствіе жизнедѣятельности въ предшешіе моменты. Въ этомъ сложномъ рядѣ явленій и состоитъ сущность питанія. Въ нижеслѣдующемъ я хочу остановиться на одной группѣ явленій этого ряда, именно на различныхъ формахъ нищенпріятія или пицедобыванія, которыя представляютъ весьма большій интересъ.

Животныя далеко не одинаковымъ образомъ спискиваютъ себѣ свое мронитаніе. Мы можемъ отличить четыре главныхъ способа пицедобыванія, а именно: 1) простое; 2) коммензализмъ; 3) симбіозъ и 4) паразитизмъ.

1. Большинство животныхъ добываютъ нужную имъ пиццу прямо, безъ всякихъ особыхъ приспособленій, пріемовъ или ухищреній. Назовемъ этотъ способъ пицедобыванія *простымъ*. Такія животныя либо обѣдаютъ кормящія ихъ растенія на пастбищахъ своихъ, либо нападаютъ на другихъ животныхъ

долженствующихъ служить имъ пиццою, не вступая ни въ какія особыя отношенія ни съ этими растеніями, ни съ этими животными. Повидимому это самый наименѣе интересный способъ пицедобыванія, но для зоолога онъ представляетъ чрезвычайно много важнаго и поучительнаго, преимущественно потому что разнообразіемъ второстепенныхъ особенностей его онъ различно отражается на организациіи животныхъ, обуславливая происхожденіе такихъ чертъ въ формѣ различныхъ частей тѣла, которыя оказываются въ прямой зависимости отъ рода такъ принимаемой пиццы или отъ другихъ условій, необходимо сопровождающихъ такое принятіе именно данной пиццы. Стоитъ вспомнить различіе въ формѣ зубовъ травоядныхъ и плотоядныхъ млекопитающихъ, различіе въ устройствѣ скелета (напр. конечностей) у тѣхъ и другихъ, настоятельно рѣшительно выраженные, что по одному обломку кости или зуба мы безошибочно опредѣляемъ, принадлежалъ-ли онъ травоядному или плотоядному звѣрю. Я напомию, напримѣръ, различіе формъ языка птицъ, обусловленное свойствами обычной ихъ пиццы: такъ, у дятла языкъ, приспособленный для того чтобы доставать личинокъ насѣкомыхъ изъ ходовъ ихъ въ глубинѣ древесныхъ вѣтвей и стволовъ, имѣетъ форму остраго шила, вооруженнаго назадъ направленными зубцами; у клеста, внимающаго языкомъ сѣмена изъ-подъ чешуйки хвойныхъ шишекъ, языкъ имѣетъ форму ложечки, со вдавленіемъ на кончикѣ, приспособленнымъ для того чтобы вмѣстить въ себѣ и зацѣпить самое сѣмячко; у колибри, достающихъ языкомъ нектаръ изъ цвѣточныхъ трубокъ, языкъ имѣетъ на верхушкѣ кисточку изъ тонкихъ нитей, между которыми остается большія канля сладкой жидкости, когда погруженный въ нее языкъ будетъ снова втнунъ въ ротъ. Можно было бы представить здѣсь много еще подобныхъ примѣровъ, доказывающихъ, что тѣ или другія особенности формъ органовъ обуславливаются различными видоизмѣненіями простаго пицедобыванія; но ограничусь приведенными выше, какъ типическими, достаточно убѣдительными, ибо имѣю въ виду остановиться нѣсколько подробнѣе на другихъ способахъ пицедобыванія, знакомство съ которыми менѣе распространено,—дополнивъ вышесказанное лишь тѣмъ указаніемъ, что почти каждое животное, простымъ способомъ добывающее свою пиццу, имѣетъ въ своей организациіи тѣ или другія особенности, находящіяся въ зависимости отъ специальныхъ свойствъ его обычной пиццы, или отъ тѣхъ особенныхъ пріемовъ, которые необходимы для ея добычянія.

2. *Коммензализмъ*. Весьма нерѣдки въ животномъ царствѣ такіе случаи, когда животное, мало одаренное, ищетъ покровительства какаго-нибудь другаго, болѣе могущественнаго жи-

вотного, чтобы добывать себѣ пищу подъ его защитою, или пользоваться крохами отъ стола своего амфиотриона. Такое взаимно-отношение животных и составляетъ сущность коммензализма. Въ простѣйшемъ случаѣ послѣдній принимаетъ форму союза между различными животными. Такъ въ стенахъ Африки страусы и квагга пасутся очень часто вмѣстѣ, и такой союзъ столь различныхъ животныхъ объясняется тою пользою, какую они другъ другу оказываютъ при этомъ. Благодаря длиннымъ ногамъ своимъ и длинной шеѣ, страусы могутъ осматривать болѣе далекій горизонтъ и ранѣе видѣть приближеніе какой-либо опасности чѣмъ менѣе высокорослыя квагги. Послѣднія же привлекаютъ къ себѣ страусовъ тѣмъ, что въ навозѣ ихъ поселяются большіе жуки, составляющіе любимое лакомство страусовъ. Другимъ примѣромъ такого коммензализма могутъ служить намъ муравьи, въ гнѣздахъ которыхъ очень часто поселяются общества травяной тли, платящей особую выдѣляемую сладкою жидкостью, охотно облизываемою муравьями, за ту защиту, которую тли находятъ въ гнѣздахъ могущественныхъ хозяевъ.

Но въ большинствѣ случаевъ союзы между животными принимаютъ характеръ гораздо болѣе тѣсныхъ, причемъ коммензализмъ поселяется внутри тѣла своего покровителя, чтобы такимъ возможно совершеннѣйшимъ образомъ стать подъ его защиту. Такъ напр. въ Тихомъ океанѣ водится рыба изъ рода *Fierasfer*, рѣдко встрѣчаемая на свободѣ, а обыкновенно поселяющаяся въ полости желудка морскихъ звѣздъ или кубышекъ (голотурій). Живя здѣсь, рыба питается не частями тѣла обитаемой ею животнаго, а лишь содержимымъ желудка. Въ Бразиліи водится сомъ, *Platystome*, въ полости рта котораго находятся верѣдко цѣлыя общества маленькихъ рыбокъ, совершенно спокойно живущія здѣсь между разнообразными выростами и складками стѣнокъ обитаемой полости. Первоначально полагали, что эти мелкія рыбки суть дѣтеныши сома, ибо намъ дѣйствительно извѣстны нѣкоторые виды рыбъ, котормы, выметавъ икру, выбираютъ ее въ ротъ и носятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не выведутся изъ нея рыбки; таковы напр., *Chromis*, *Arius bookei* на Цейлонѣ и др. Но болѣе внимательное изслѣдованіе показало, что рыбки живущія въ полости рта сома суть вполне развитыя, зрѣлыя существа, самцы и самки, рѣдко отличныя отъ своего хозяина, принадлежащія къ особому роду, именно *Stegophilus insidiosus*. Живя въ указанномъ мѣстѣ, находя здѣсь достаточную защиту отъ своихъ враговъ, *Stegophilus* перехватываетъ частицы пищи, поступающей въ ротъ сома, и такимъ образомъ кормится.

Такіе примѣры коммензализма мы еще чаще наблюдаемъ между животными низшими. Извѣстно нѣсколько морскихъ раковъ (*Pinnotheres*, *Pontonia*), которые живутъ въ раковинахъ живыхъ еще моллюсковъ, двустворокъ и др., не только не причиняя имъ никакого вреда, но даже приносятъ повидимому нѣкоторую пользу. Такъ еще Плиній разсказывалъ о дружбѣ между крабомъ, котораго онъ называлъ *Cancer custos*, и болынымъ двустворчатымъ моллюскомъ называвшимся *Chama* (*Pinna patina*), весьма хорошо извѣстнымъ въ древнемъ Римѣ, гдѣ этотъ моллюскъ содержался въ особыхъ водовыстилицахъ какъ полезное домашнее животное, доставлявшее особые нити, byssus, служившія для изготовления тонкихъ шелковистыхъ тканей. Сидя между полуоткрытыми створками моллюска, крабъ энергическими движениями своихъ конечностей привлекалъ къ своему хозяину струи воды, приносящія питательныя вещества, и за это находилъ себѣ защиту подъ твердыми створками, зажатый помощью сильныхъ мускуловъ моллюска.

Въ полости тѣла губки Великаго океана, такъ-наз. *Euplectella aspergillum*, живутъ раки *Palaeomon* и *Aega*, настолько обросшіе тканями тѣла ихъ хозяина, что они уже не могутъ выйти оттуда наружу, а принуждены оставаться вѣчными узниками, питаясь частицами пищи, внесенной губкою въ каналы своего тѣла для собиравшихъ надобностей.

Въ широкихъ каналахъ тѣла той же самой губки очень часто встрѣчается особая гидромедуза, *Amphibrachium euplectellae*, настолько приспособленная къ обитаемой ею средѣ, что за предѣлами ея никогда не была находима. Въ средиземноморской губкѣ *Aplysina aerophoba* очень часто живетъ особый гидродей *Stephanoscyphus mirabilis*. Въ сложно-развѣтвленныхъ каналахъ тѣла губки *Euplectella* живетъ особый кольчатый червь, *Syllis ramosa*, настолько приспособленный къ своему вѣстожительству, что утратилъ обычную форму тѣла червя, а принялъ форму многообразно, древообразно развѣтвленнаго тѣла.

Въ такой коммензализмъ вступаютъ не только члены животнаго царства, но бывають также случаи, когда тѣсный союзъ оказывается полезнымъ для членовъ обоихъ царствъ живой природы. Такъ въ тропической Америкѣ наблюдаются примѣры такого союза между растеніемъ *Cecropia* и муравьями. Муравьи защищаютъ растеніе отъ насѣкомыхъ портящихъ листья ихъ, напр. гусеницъ, тли и т. п. Для того чтобы привлечь муравьевъ къ себѣ, упоминаемая *Cecropia* приспособилась по двумъ направленіямъ: во-первыхъ на листьяхъ ея образуются особые смолистыя выдѣленія, особенно охотно поѣдаемыя муравьями (*Asteca instabilis*) и потому сильно привлекающія послѣднихъ; во-вторыхъ, на стеблѣ растенія вырабатываются

особыя приспособленія, могущія служить этимъ муравьямъ убѣжищемъ или даже постояннымъ жилищемъ. Въ опредѣленномъ мѣстѣ каждого междузлія на стеблѣ *Cecropia* стѣнка стебля о боенно сильно утончена; муравьи легко прогрызаютъ здѣсь отверстіе, чрезъ которое получаютъ доступъ ко внутренней полости стебля, въ которой и устраиваютъ свои гнѣзда. Исполняя полицейскія обязанности на растеніи *Cecropia*, муравьи получаютъ отъ послѣдняго за такія ихъ услуги удобную квартиру и лакомство.

На стволахъ деревьевъ очень часто растутъ печеночныя мхи *Radula*, *Lejeunia*, *Fruillania*. На листовыхъ лонастихъ этихъ мховъ образуются особые карманы, въ которые можетъ затекать дождевая вода и въ нихъ задерживаться на нѣкоторое время. Въ этихъ карманахъ живетъ, обыкновенно по-одиночкѣ, маленькое водное животное, особая коловратка, *Calcidina symbiotica*. Обитая въ этихъ карманахъ, названная коловратка не вредитъ своему хозяину, питаясь лишь тѣми водорослями, которые заводятся въ наполняющей ихъ водѣ, и пользуясь выдыхаемымъ здѣсь кислородомъ. Когда вода въ этихъ карманахъ высыхаетъ, коловратка заключается въ цисту и засыпаетъ; но когда дождь или обильная роса смачиваютъ растеніе и наполняютъ водою ихъ карманы, коловратка сейчасъ же высвобождаетъ свои рѣсничныя колеса и начинаетъ дѣлать ими водвороты.

Приведенные примѣры достаточно ознакомляютъ насъ какъ съ сущностью коммензализма, такъ и съ тѣмъ разнообразіемъ, какое могутъ представлять взаимоотношенія существъ, связанныхъ между собою этою формою симбиоза. Возникая въ видѣ простаго союза, не требующаго никакихъ особыхъ приспособленій съ той или другой стороны, коммензализмъ вырабатываетъ постепенно болѣе или менѣе сложныя, спеціальныя приспособленія, какъ со стороны существа ищущаго покровительства сильныхъ міра (напр. *Syllis ramosa*, *Fierasfer* съ его рудиментарными плавниками), такъ и у амфиотриона его (напр. костные складки и выросты въ ротовой полости сома; карманы у печеночныхъ мховъ и др.). Но каково бы ни было вліяніе коммензализма на связанныя имъ существа, всегда ихъ взаимныя отношенія остаются совершенно дружественными, въ томъ смыслѣ, что никогда жилецъ не причиняетъ никакого вреда своему хозяину.

3. *Симбиозъ*. Особую форму коммензализма представляетъ симбиозъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что союзъ между нѣкоторыми различными существами становится столь тѣснымъ, что они въ функциональномъ отношеніи являются какъ бы частями тѣла одного и того же организма. Такая интересная форма соединенія совершенно различныхъ существъ была первоначально открыта ботаниками у нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ растений, носящихъ названіе *лишайниковъ*. Извѣстно, что каждый лишайникъ есть организмъ, происшедшій чрезъ тѣсное единеніе нѣкотораго грибка съ водорослями. Союзъ, заключаемый между этими различными растеніями, принимаетъ всегда столь опредѣленныя формы, что внѣшній видъ такъ образуемыхъ лишайниковъ всегда является совершенно одинаковымъ для извѣстнаго рода и неизмѣнно передается изъ поколѣній въ поколѣнія. Въ послѣднее время удалось констатировать, что и въ животномъ царствѣ такое тѣсное единеніе организмовъ наступаетъ очень часто при извѣстныхъ условіяхъ.

Уже давно было извѣстно, что въ тканяхъ различныхъ водныхъ животныхъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ (напр. у полиповъ, медузъ, гидръ, инфузурій), отлагаются зерна того же хлорофилла, который присутствіемъ своимъ обуславливаетъ цвѣтъ зеленыхъ частей растеній. Этотъ хлорофиллъ считали принадлежностью клѣтокъ тѣла помянутыхъ животныхъ. Но въ новѣйшее время накопились факты, которые заставили измѣнить взглядъ на это обстоятельство. Оказалось, что хлорофиллъ въ животныхъ не просто отлагается въ клѣткахъ организма послѣднихъ, а заключенъ въ особыхъ, меньшихъ клѣточкахъ, обладающихъ своею самостоятельною оболочкою изъ клѣтчатки и вложенныхъ иногда во множествѣ въ протоплазму значительно болѣе объемистыхъ клѣтокъ животнаго тѣла. Оказалось далѣе, что эти хлорофиллы содержащія маленькія клѣточки обладаютъ значительною самостоятельностью, ибо, будучи изолированными, могутъ жить свободно и размножаться, причемъ содержимое ихъ всегда одинаковымъ образомъ дѣлится на четыре новыя клѣточки (тетрады) и переходитъ въ особое состояніе, такъ-наз. *Palmella*. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что эти зеленыя клѣточки суть водоросли, вросшія въ ткани животнаго и тамъ размножившіяся. Сначала признали въ нихъ самостоятельную форму водорослей, получившую названіе *Phyllozoon* или *Zoochlorella*. Но затѣмъ оказалось, что зеленыя клѣтки, напр. въ тѣлѣ губокъ, суть фазы развитія многихъ различныхъ водорослей, каковы: *Palmella spongiorum*, *Oscillaria spongelliae*, *Scytonema*, *Nypheotrix coerules*, *Polyisiphonia*, *Callithamnium membranaceum*, *Thamnooclonium flabelliforme* и многихъ другихъ. Относительно клѣтокъ содержащихъ въ себѣ желтое видоизмѣненіе хлорофилла, и также очень часто встрѣчающихся въ тканяхъ различныхъ водныхъ животныхъ, полагаютъ нынѣ, что онѣ суть не чтд иное, какъ перешедшія въ состояніе покоя споры обыкновенныхъ морскихъ водорослей изъ группы *Melanophyceae*.

Живя в различных тканях тела животных, эти зеленые и желтые растительные клетки не причиняют решительно никакого вреда своим хозяевам. В этом мы найдем возможность убедиться прямыми наблюдениями. Так в листьях нашей обыкновенной зеленой гидры почти всегда присутствуют в большом числе зеленые клетки водорослей, иногда совершенно наполняя протоплазму листа. А между тем это несколько не мешает таким листьям совершенно правильно развиваться и производить новое существо вполне способное к самостоятельной жизни. Даже болбе. Живя внутри тканей водяных животных, эти водоросли приносят им весьма большую пользу. Исследования показали, что в воздухе выделяемых животными, ткани которых заключают в себя множество зеленых клеток, содержится очень много кислорода, иногда даже до 38% (у анемоны). Этот кислород выделяется зелеными водорослями, причем в столь значительном количестве, что лишь часть его потребляется обитаемыми животными тканями, другая же часть выделяется, как мы видели, наружу. Кроме того, эти водоросли полезны своему хозяину тем, что уже прямо в тканях его поглощают и перерабатывают образующуюся в них углекислоту, и в то же время готовят крахмал и другие вещества, могущие служить для питания обитаемого животного. Такое присутствие водорослей, которых мы можем рассматривать как маленькие заводы для приготовления кислорода, в тканях животных, имеет особенно полезное значение для животных водных и преимущественно морских, обитающих на такой глубине, где проникновение атмосферного кислорода является весьма затрудненным и обмен его вообще очень замедленным. Жизнь животных в море на некоторой глубине его стала бы совершенно невозможной, если бы эти животные не были одарены способностью улавливать в своем теле, во всех почти тканях его, помпучты многочисленные фабрики кислорода, с большим избытком фабрикующие этот нужнейший жизненный эликсир. Этих слов достаточно, чтобы выиспать ту значительную пользу, которую приносят некоторым животным гостям в теле их водоросли. Последние же пользуются за свою услугу тою угольною кислотой, которая происходит в окружающих тканях, и минеральными солями их соков, на счет которых они растут и множатся.

Между растительными организмами найдены приметы еще более тесного соединения чем только что описанные. Так установлено, что на корнях дуба, бука, каштана, вовсе нет волосков и что корни этих деревьев, также как и корни лесного орешника (лещины), всегда покрыты толстым слоем грибовых нитей, от которого отходят во все стороны ниточки, так что лесная почва пронизана целюю сетью последних. Эти грибовые нити доставляют корням дерева влагу и минеральные вещества из почвы, взамен которых получают из соков дерева необходимые им питательные вещества. Таким образом, в этом случае, грибки и дерево настолько согласовали свои взаимные отношения, что представляются как бы частями одного сложного организма.

4. Последняя форма пищедобывания в животном царстве есть *паразитизм*. Сущность его состоит в том, что некоторое животное поселяется внутри или на поверхности тела другого животного или растения, но не для того чтобы принести своим хозяевам некоторую пользу, как в предыдущих случаях, а для того чтобы питаться частями тела или его соками, обуславливая этим возникновение болбе, нередко приводящих к смерти существа пораженного паразитами.

Паразитизм есть весьма распространенная форма пищедобывания в животном царстве, и мы знаем паразитов во всех типах его, за исключением лишь позвоночных. Паразитируют либо оба пола, либо только одни самки. Последние мы наблюдаем у некоторых насекомых (Stylops, Pulex penetrans) и у многих раков (напр. Phronima, Cryptoniscus и др.). Никогда не бывает так, чтобы паразитировали только самцы, а самки вели свободную жизнь. Такое явление объясняется тем, что самки, развивающиеся в себе значительное количество личек, нуждаются в большем количестве пищи, и требуют болбе обезбеченного и правильного притока ее, что вполне и достигается при паразитизме, при котором они буквально топчут в нужной им пище. Одни паразиты, как напр. глисты, живут внутри тела обитаемого ими животного; другие (напр. клещи, рачки) — на наружной поверхности тела последнего. Первые называются энтопаразитами, вторые — эктопаразитами.

Гораздо сильнее чем комменализм, паразитизм отражается на внешней форме и внутреннем строении тела животных, этим способом добывающих себя пропитание. Так у энтопаразитных червей появляются особые крючки и присоски для лучшего прикрепления к коже или жабрам обитаемых ими рыб; у некоторых эктопаразитных раков развиваются особые корневидные отростки, врастающие внутрь тела обитаемого животного и служащие как для прикрепления паразита, так и для питания. Но не только таким образом, т. е. появлением некоторых специальных средств, отражается паразитизм на животном. Очень часто влияние его простирается гораздо глубже, обуславливая болбе или менше значительное

упрощение всего организма паразита. Живя в теле другого животного, окруженный со всех сторон в избытке притекающей к нему пищей и находя себя здесь защиту от врагов, паразит не нуждается во множестве органов, необходимых для животного свободно живущего. Конечно, органы чувств и много других совершенно не нужны для существа всю жизнь свою неподвижно проводящего напр. в кишках или в общей полости тела другого животного. Поэтому мы знаем множество паразитов которых организация представляется чрезвычайно простою, сравнительно с родственными животными, не ведущими паразитный образ жизни. Так глисты не только лишены внешних придатков для движения и органов чувств, но даже не имеют вовсе ни кишечного канала, ни кровеносных сосудов, так как пластичное тело их, со всех сторон омываемое уже переваренною пищею, может черпать из последней нужные ему вещества прямо всю поверхность своею. Так некоторые паразитные раки (Sacalina) имеют вид простого пластичного мшечка, содержащего лишь органы размножения и лишённого всяких паружных органов, так что без знания истории развития этих существ невозможно было бы определить их родственные отношения к другим классам животных.

Можно высказать как общее правило, что паразитизм чаще ведет к упрощению организации животного, что особенно сильно выражается у энтопаразитов. Так такое упрощение организма паразита есть следствие именно его обезбеченного паразитного существования, в этом мы можем убедиться на фактах.

В брюшке осы нередко встречаются слабые паразитные существа, в виде удлиненных мшечков с небольшою пуговкообразною головкою на одном конце. Никаких внешних органов эти паразиты не имеют, и внутренняя их организация представляется также весьма упрощенною. Эти паразиты называются *Stylops*, и принадлежат к насекомым, в чем легко убедиться, ибо из личек их образуются личинки, похожие на личинки других насекомых. Эти *Stylops* интересны для нас здесь тем, что не все особи имеют форму таких простых мшечков, как сейчас сказано; таковыми представляются только одни самки. Самцы же чрезвычайно резко отличаются от них тем, что имеют тело раздвоенное на обычны в теле всякого насекомого области; голова их вооружена членистыми усиками, ротовыми органами и снабжена глазами; на грудной области присутствуют две пары крыльев и шесть правильно построенных ног. Одним словом, эти самцы имеют обычную внешнюю форму насекомого и, глядя на них, никто ни на минуту не усомнится в том, что они должны быть относимы именно к этому классу животных. Чем же объясняется такая громадная разница между самцом и самкою одного и того же вида? Ближайшее знакомство с образом жизни того и другого дает удовлетворительный ответ на этот вопрос. Самка всегда живет паразитно, внутри других животных; самец всегда, подобно другим насекомым, ведет свободный образ жизни, питаясь на цветах пылью их тычинок. Это позволяет сделать заключение, что именно паразитизм является причиною упрощения организма у самки *Stylops*. Многие аналогичные приметы позволяют обобщить этот частичный вывод и утверждать, что паразитизм влияет на животных главным образом деградируя их.

Не только на самом паразите так или иначе отражается избранный им способ пищедобывания, но также не остается он без влияния и на существо обитаемое, на хозяина, который нередко вырабатывает в себе специальные изменения, являющиеся как бы внешним выражением той реакции, которая вызвана в теле его влиянием поселившегося на нем паразита. Я имею здесь в виду не те болбежные припадки, которыми сопровождается паразитизм, а те внешние изменения, какие нередко появляются на наружной поверхности тела животного, обитаемого паразитами. У животных появление таких внешних изменений под влиянием паразитов бывает, правда, очень редко. Я приведу здесь, напр., появление волдырей на спине рогатого скота при паразитизме личинок оводов под кожей; я напомню, напр., появление характерных костных наростов на лицевых костях рогатого скота, под влиянием паразитизма особого грибка (*Acanthomyces*). Но на растениях очень часто наблюдаются изменения, появления характерных наростов, под влиянием паразитизма животных. Я напомню всем известные черничные орешки на дубах. Они происходят таким образом. Самка орехотворки кладет яйцекладом укол в определенном месте дуба и кладет туда личку. Развивающаяся личка, питаясь тканями растения, раздражает эти ткани, вызывает усиленное размножение составляющих их клеток, вследствие чего в данном месте появляется нарост всегда одинаковой формы, так назыв. орешек. Такие образования, как их теперь называют: *цецидии*, имеют столь постоянный внешний вид, что по форм их, но расположению на той или другой части известного растения, мы можем определить вид насекомого их образовавшего. Происхождение таких цецидий представляется явление в высшей степени интересное, к сожалению, в

постоящее время еще не совсем выяснено. Происходят цедины на растеніяхъ не только подъ влияніемъ насѣкомыхъ, но еще нѣкоторыхъ другихъ животныхъ. Поэтому принято различать нѣсколько формъ ихъ, именно: Insectocidiae, Ascogocidiae (происшедшія вслѣдствіе паразитизма клещей) и Hel-

minthocidiae (происшедшія подъ влияніемъ паразитизма червей, родственныхъ, напр., трихинамъ).

Между рассмотрѣнными здѣсь четырьмя формами пищедобыванія въ животномъ царствѣ нѣтъ рѣзкихъ границъ. Онѣ связаны между собою постепенными переходами.

Къ рисункамъ.

Рыбачьи хижины на берегу Днѣпра у Кіева.

(Рис. на стр. 793).

Рыбная ловля на Днѣпрѣ, за исключеніемъ его низовьевъ и лимана, не составляетъ особаго промысла. Выловленная рыба потребляется и продается на мѣстѣ. Во время разливовъ рыба заходитъ въ заливы и рукава, образуемые теченіемъ почти по всему протяженію, и тамъ ловится съ ранней весны до поздней осени. Но особенно много ея понадается во время половодья. Въ Кіевской губерніи, гдѣ дно рѣки песчано, на Днѣпрѣ особенно много отмелей, которыя перемѣняютъ свое положеніе, чѣмъ не мало затрудняютъ судоходство. Около такихъ-то отмелей обыкновенно и рыбачатъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ невзрачныя мазанки рыбаковъ, занимающихся рыбною ловлею подъ Кіевомъ.

Изъ города въ деревню.

(Рис. на стр. 796).

По дорогѣ изъ города въ деревню, въ негустомъ лѣску, молодой парень, повидимому сидѣлецъ въ городской лавкѣ или прислуживающій въ трактирѣ, выгналъ трехъ попутчицъ. „Балуясь“ папироской, онъ ведетъ съ ними бесѣду. Его вниманіе особенно обращаетъ на себя милостивая дѣвушка, одѣтая также по городскому. Веселыя шутки и рассказы красной парни видно не совсемъ пришлись по вкусу красавицѣ и она замахнулась на навязчиваго любезника, полусердито глядя на него.

Эта полная движенія и жизненной правды сценка принадлежитъ кисти извѣстнаго баталиста и даровитаго рисовальщика бытовыхъ сценъ Николая Дмитриевича Дмитриева-Оренбургскаго.

Иоаннъ Грозный, пишущій отвѣтное посланіе Курбскому. (Рис. на стр. 797).

Въ комнатѣ, освѣщенной утренними лучами солнца, за сто-

ломъ, поставленнымъ въ опочивальнѣ около царскаго ложа, сидитъ царь Иоаннъ Васильевичъ Грозный и пишетъ отвѣтъ

на „укоризненное посланіе“ своего измѣнника, бѣжавшаго въ Литву князя Андрея Курбскаго. Царь видимо взволнованъ: онъ обдумываетъ и взвѣшиваетъ каждое слово своего письма... Онъ безпрестанно проводитъ рукою по своему высокому челу, которое уже успѣли избородить суровыя морщины преждевременно наступившей старости... Скуфейка, которою всѣ русскіе знатные люди прикрывали въ XVI в. голову даже и въ домѣ, слегка шевелится при движеніи этихъ морщинъ и взмахѣ грозныхъ бровей... Все вниманіе царя поглощено тѣмъ отвѣтомъ Курбскому, который разрастается все болѣе и обращается въ объемистую книгу. Царь Иоаннъ Грозный, одинъ изъ самыхъ начитанныхъ людей своего времени, знаетъ, что пишетъ къ человѣку, который, при всей низости своего характера, принадлежалъ къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени—къ кружку людей, воспитанныхъ въ древней Руси знаменитымъ Максимомъ Грекомъ. Царь превосходно знаетъ Священное Писаніе, онъ свѣдущъ и въ лѣтонисіяхъ русскихъ, но онъ понимаетъ, что и ему не легко тягаться въ просвѣщеніи и образованности съ Курбскимъ, который знакомъ и съ древними языками, и съ польскою литературою; который постоянно укоряетъ и стыдитъ въ своихъ письмахъ Иоанна за грубость его выраженій, за непослѣдовательность его выводовъ и неискusstvenный оборотъ рѣчи. Царь Грозный, передъ которымъ трепещетъ все Московское государство, пишетъ къ своему подданному, къ измѣннику и бѣглецу за рубежъ Русской земли, и выбираетъ выраженія, и взвѣшиваетъ слова, и боится уронить передъ врагомъ свое достоинство не сумѣвъ защититься отъ его нападокъ.

Вотъ сюжетъ картины, взятый молодымъ и талантливымъ художникомъ изъ того царствованія, которое уже послужило бо-

Памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ. Статуя работы академика Опекушина, отлитая на заводѣ Морана въ СПб. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

къ своему подданному, къ измѣннику и бѣглецу за рубежъ Русской земли, и выбираетъ выраженія, и взвѣшиваетъ слова, и боится уронить передъ врагомъ свое достоинство не сумѣвъ защититься отъ его нападокъ.

Вотъ сюжетъ картины, взятый молодымъ и талантливымъ художникомъ изъ того царствованія, которое уже послужило бо-

гатою канвою для стольких живописцев, поэтов и драматургов русских. Замѣтилъ въ заключеніе, что Курбскій бѣжалъ въ Литву въ 1564 году, и что переписка его съ Иоанномъ длилась нѣсколько лѣтъ. Письма Иоанна посятъ на себѣ величайшій отпечатокъ государственной мудрости и сознанія своей правоты—и какъ мелка въ сравненіи съ ними казуистика Курбскаго!

Вѣночекъ. (Рис. на стр. 801).

Малютка-дѣвочка неумѣлыми пальчиками сплела себѣ кое-какъ вѣнокъ и, надѣвъ его на голову, кажется сама миловиднымъ полевымъ цвѣточкомъ. Непослушныя приди волосъ спускаются по смуглой щечкѣ, а лукавые глазки задумчиво смотрятъ изъ-подъ ленты полевыхъ цвѣтовъ.

Дачный сезонъ. (Рис. на стр. 804).

Изящная картинка дюссельдорфскаго художника, Г. Маркса, изображаетъ весьма обыкновенную сценку приморской вилладжиатуры. Въ обычный часъ прогулки въ экипажахъ и верхомъ, у подъѣзда одной изъ дачъ встрѣчаются дама въ цегольскомъ фазонѣ и амазонка со своимъ кавалеромъ. Въ исполненіи рисунка замѣчательна бойкость, съ которою переданъ галопъ верховыхъ лошадей, въ тотъ моментъ, когда всѣ четыре ноги на воздухѣ.

Лѣтній день. (Рис. на стр. 805).

Далеко раскинулась зеркальная поверхность озера. До самаго небосклона играетъ оно золотыми нитями, подъ яркими лучами солнца. А въ тѣнистомъ заливѣ тихо и прохладно. Прибрежные кусты и деревья отразились въ водѣ, какъ въ зеркалѣ, и кажется, что подъ водою растетъ другой зеленый и прекрасный лѣсъ. Деревенскія дѣти давно уже излюбили эту бухточку и съ наслажденіемъ купаются въ ней въ лѣтніе жары. Безбоязненно плещутся они на золотомъ пескѣ неглубокаго озера. Только одинъ мальчуганъ боязливо, но съ завистью, смотритъ на своихъ маленькихъ друзей и, несмотря на уговоры матери и приглашенія другихъ дѣтей, не рѣшается последовать ихъ примѣру.

Памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ.

(Рис. на стр. 809).

Какъ извѣстно читателямъ *Нивы*, въ Пятигорскѣ готовится къ постановкѣ памятникъ величайшему послѣ Пушкина русскому поэту, на гранитной скалѣ, изъ восьми громадныхъ глыбъ. Что касается самой статуи, она исполнена авторомъ Пушкинскаго памятника (въ Москвѣ, на Страстномъ бульварѣ), академикомъ Опекушинымъ, который окончилъ ея лѣпку еще въ апрѣлѣ. Затѣмъ статуя отливалась на заводѣ Морана въ СПб. и въ началѣ іюля была уже совсѣмъ готова выставлена на дворѣ литейнаго заведенія. Она изображаетъ Лермонтова сидящимъ на обломкѣ скалы, въ задумчивой позѣ, склонивъ голову на правую руку. На немъ разстегнутый офицерскій сюртукъ и снушенная съ плечъ шинель. Взглядъ поэта устремленъ вдаль, на вершины Кавказскихъ горъ, панорама которыхъ открывается съ мѣста постановки памятника. Вышина статуи $3\frac{1}{2}$ аршина. Гранитная, нетесанная скала, служащая иедесталомъ, будетъ украшена отлитымъ изъ бронзы же рельефомъ лиры, перевитой лавровымъ вѣнкомъ, съ подѣтмъ въ него перомъ.

Открытие памятника предполагается въ началѣ августа. На возможный вопросъ: почему памятникъ всероссійскому поэту поставленъ на такой дальней окраинѣ Россіи, лучше всего отвѣтитъ слѣдующія строки посвященія къ поэмѣ „Демонъ“:

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мол
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ волными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушный.

Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ;
Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостей и свѣтелъ;
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенью бѣду
И дружески на дружный зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь, въ полуночномъ краю,
Все о тебѣ мечтаю и пою.

Но и окончить жизнь суждено было поэту на Кавказѣ-же,

почти на мѣстѣ постановки памятника. Какъ извѣстно, роковая дуэль, на которой пале Лермонтовъ, происходила въ полутора верстахъ отъ Пятигорска, у подошвы горы Машука.

Е. Н. Андреевъ. (Портр. на стр. 812).

Русская наука понесла новую потерю. Близъ Парижа, въ Сенъ-Жерменѣ (St.-Germain en Laye), вечеромъ 12 (24) іюля скончался главный комиссаръ русскаго отдѣла выставки, тайный совѣтникъ, членъ совѣта министерства Финансовъ, Евгений Николаевичъ Андреевъ, бывший профессоръ сельско-хозяйственной технологии въ Земледѣльческомъ институтѣ, много поработавшій какъ ученый и какъ практикъ въ качествѣ председателя комиссіи по техническому образованію и въ качествѣ члена-учредителя Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Онъ родился въ Таганрогѣ, въ 1829 году, первоначальное образование получилъ въ мѣстной гимназіи, а высшее въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1849 году, по отдѣленію камеральныхъ наукъ. Черезъ два года назначенъ помощникомъ инспектора классовъ Петербургскаго технологическаго института, а въ 1857 году сдѣланъ инспекторомъ классовъ. Прослуживъ здѣсь три года, онъ причисленъ затѣмъ къ Департаменту мануфактуръ и внутренней торговли, въ качествѣ технолога по активной части, при чемъ ему было поручено рассмотреть вопросъ о взиманіи акциза съ приготавлиаемаго у насъ свекло-сахарнаго неску. Передъ этимъ, въ 1856 г., Андреевъ ѣздилъ за границу, командированный туда для осмотра техническихъ учебныхъ заведеній и для пригтовленія къ занятію каѳедры въ технологическомъ институтѣ. За границей онъ много работалъ, занимался между прочимъ, и у Бузена, въ Гейдельбергѣ, гдѣ въ его лабораторіи произвелъ изслѣдованіе „Объ удѣльномъ вѣсѣ и расширеніи нѣкоторыхъ сгущенныхъ газовъ“, которое привело къ выводу, что жидкости, при извѣстной температурѣ, выше точки кипѣнія, расширятся сильнѣе газовъ. Этимъ подтвердилось замѣчаніе Тилорье о сильномъ расширеніи углекислоты и возведено на степень общаго закона. Результатомъ заграничной поѣздки Андреева было также нѣсколько статей спеціальнаго содержанія и составленный имъ планъ преподаванія въ технологическомъ институтѣ, который потомъ, съ дополненіями, былъ принятъ въ основаніе предложенныхъ въ этомъ заведеніи преобразованій. Освободившись отъ службы въ институтѣ, Андреевъ достаточно потрудился надъ переработкой „Курса химической технологии“ профессора П. А. Ильенкова, совершенно устарѣвшей, и за это удостоился лестныхъ отзывовъ академиковъ нашихъ Фришле и Зинина, какъ редакторъ руководства, получившаго въ 1862 г. малую Демидовскую премію. Въ это же время онъ дѣлалъ частыя поѣздки по заводамъ, изучая вопросъ о свекло-сахарной промышленности въ отечествѣ. Радя о распространеніи въ Россіи прикладныхъ знаний, онъ еще въ 1860 г. задумалъ основать общество технологовъ, но встрѣтилъ много затрудненій и осуществилъ свой планъ лишь въ 1864 году, сдѣлавшись однимъ изъ учредителей Русскаго технического общества и первымъ секретаремъ его и навсегда связавъ неразрывно свое имя съ исторіей этого учрежденія, для котораго онъ сдѣлалъ все, что могъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1862 г. онъ принялъ на себя редакцію техническаго отдѣла въ журналѣ *Русскій Ремесленникъ*, а потомъ три года (1864—1866) редактировалъ *Журналъ Мануфактуръ и Торговли*, гдѣ помѣстилъ много цѣнныхъ статей и замѣтокъ. Съ 1863 по 1878 г. онъ занималъ каѳедру сельско-хозяйственной технологии въ Лѣсномъ институтѣ, и затѣмъ много потрудился въ должности председателя комиссіи для разработки вопроса о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи, учрежденной въ 1879 г. И. Вольно-Экономич. Обществомъ; кромѣ того, онъ былъ въ числѣ инициаторовъ желѣзнодорожныхъ школъ и представилъ нѣсколько проектов по техническому образованію и объ ограниченіи труда малолѣтнихъ на фабрикахъ, именно объ ограниченіи работы дѣтей. Больше всего трудился онъ въ комиссіи по техническому образованію, и дѣятельность его здѣсь главнымъ образомъ состояла въ организаціи и администраціи школъ для взрослыхъ фабричныхъ и ихъ дѣтей, причѣмъ онъ желалъ подыять нравственный и умственный уровень рабочихъ, и заботился о научно-практической подготовкѣ мастеровъ или второстепенныхъ техниковъ. Обзорная фабрики и заводы, русскіе и заграничныя, Андреевъ постоянно наталкивался на факты истощенія дѣтей работою и сталъ серьезно заботиться объ ограниченіи и насѣ труда малолѣтнихъ. Съ этой цѣлью онъ, при содѣйствіи профессора Янсона, составилъ докладъ и проектъ закона о работѣ малолѣтнихъ—и проектъ этотъ, одобренный общимъ собраніемъ членовъ технического общества, въ 1874 году былъ представленъ на усмотрѣніе правительства. Черезъ десять лѣтъ онъ выпустилъ объемистое сочиненіе, посвященное разработкѣ того-же вопроса, подъ заглавіемъ „Трудъ малолѣтнихъ въ Россіи и въ Европѣ“, обратившее на себя вниманіе спеціалистовъ, административныхъ сферъ и всѣхъ образованныхъ людей. Много времени и труда Андреевъ посвятилъ изслѣдованію у насъ кустарной промышленности, горячо отдавшись этому дѣлу еще съ начала семидесятыхъ годовъ, особенно когда при Департаментѣ торговли и мануфактуръ была учреждена комиссія по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, въ кото-

рой опъ былъ главнымъ и усерднѣйшимъ дѣятелемъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Благодаря ему и трудамъ комисси, выяснилось огромное значеніе этой промышленности для отечества нашего, и на нее обратили серьезное вниманіе и правительство, и земство, и инныя учрежденія. Андреевъ читалъ о кустарной промышленности публичныя лекціи, путемъ долгаго труда составилъ прекрасное собраніе образцовъ кустарныхъ издѣлій, печаталъ по этому предмету брошюры. Съ закрытіемъ названной комисси, въ которой онъ былъ предсѣдателемъ, Андреевъ настоялъ на учрежденіи отдѣла (V-го) кустарной и ремесленной промышленности при Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговли, и, будучи избранъ предсѣдателемъ этого отдѣла, выказалъ не мало усердія при исполненіи своей обязанности. Андреевъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ выставкахъ отечественныхъ и заграничныхъ, устраивая на нихъ русскіе отдѣлы, первый способствовалъ возникновенію у насъ выставокъ женскихъ изящныхъ издѣлій, участвовалъ и въ международныхъ конгрессахъ: статистическомъ въ Петербургѣ и гигиеническомъ въ Брюсселѣ. Множество статей разнаго содержанія, принадлежавшихъ перу Андреева, разсыяно по нашимъ периодическимъ изданіямъ. Онъ состоялъ также членомъ общества улучшенія народнаго труда и другихъ подобныхъ учрежденій. Удивительное трудолюбіе, энергія, настойчивость, горячая преданность дѣлу, за которое онъ брался, честность и безкорыстіе были отличительными качествами этого въ высшей степени полезнаго дѣятеля и прекраснаго человѣка.

П. Б—овъ.

Робертъ Гамерлингъ. (Порт. на стр. 812).

Скончавшійся 1 (13) іюля въ Грацѣ, нѣмецкій писатель Робертъ Гамерлингъ занималъ первое мѣсто въ ряду представителей современной нѣмецкой поэзи, нынѣ весьма бѣдной талантами. Какъ лирическій поэтъ, онъ еще въ одномъ изъ первыхъ сборниковъ своихъ пѣсень „Мысли и любовь“ („Sinnen und Minnen“) обнаружилъ много чувства, искренности, удивительное благородство мысли и большое мастерство въпшней отдѣлки. Его лирическія пѣснь всегда содержательны, отличаются разнообразіемъ мотивовъ, обиліемъ образовъ, ясныхъ и смѣлыхъ, нерѣдко глубоки по мысли и носятъ характеръ полной объективности. Ихъ возвышенный тонъ порою напоминаетъ поэзію Шиллера, хотя въ стихотвореніяхъ Гамерлинга нѣтъ и тѣни подражанія кому бы то ни было; онъ поэтъ вполнѣ оригинальный и имѣетъ крайне своеобразную литературную физиономію, вслѣдствіе которой онъ стоитъ почти особнякомъ въ нѣмецкой поэзи. Гамерлинга можно упрекнуть въ нѣкоторой мрачности красокъ, проскальзывающей у него, впрочемъ, довольно рѣдко и являющейся слѣдствіемъ того пессимистическаго настроенія мысли, которое явилось и у него, и у другихъ нѣмецкихъ поэтовъ новѣйшаго времени подъ вліяніемъ доктринъ Шопенгауэра, возобновившаго старыя буддистскія идеи міровой скорби и міроваго отрицанія, и Эдуарда Гартмана, развившаго и дополнившаго міросозерцаніе своего предшественника. Гамерлингъ, впрочемъ, хотя и поставилъ нѣсколько скептическихъ вопросовъ, напримѣръ, въ собраніи своихъ стиховъ „Лебединая пѣснь романтизма“ и далъ на нихъ отвѣты съ пессимистическимъ оттѣнкомъ, но тѣмъ не менѣе онъ не разрушаетъ вѣры въ идеаль. Онъ, напротивъ, полонъ вѣры въ идеалы и всегда старается провести свѣтлый взглядъ на земное назначеніе человѣка; въ „Пѣсняхъ изъ Венеціи“, въ сборникахъ „Венера въ изгнаніи“, „Мысли и любовь“, „Лебединая пѣснь романтизма“ и въ другихъ, онъ, воспѣвая красоты природы, рисуя прелести и чуда Венеціи или восточнаго и греческаго міра, — вездѣ выдвигаетъ такую мысль, что могущество человѣка, объемлющаго своимъ умомъ и всю красу природы и искусства, этимъ самымъ становится выше ихъ. Еще ярче, еще рельефнѣе выразился талантъ Гамерлинга въ его эпическихъ произведеніяхъ, изобилующихъ рядомъ замѣчательныхъ картинъ, грандіозныхъ образовъ и проникнутыхъ могучею фантазіей, силою которой поэтъ необыкновенно живо олицетворяетъ передъ читателями то языческій Римъ временъ Нерона, съ его баснословно-роскошными ирами, сценами гибели христіанскихъ мучениковъ, ради потѣхи травленыхъ звѣри, сценами пенитенныхъ оргій, то во всей оригинальной ея обстановкѣ интересную личность „пророка“, короли анабаптистовъ, то мистическій міръ борьбы дѣховъ ночи съ свѣтлыми дѣхами, то наконецъ войну херусковъ съ римлянами. Такихъ эпическихъ произведеній у Гамерлинга — пять, это поэмы „Агасееръ въ Римѣ“, „Сіонскій царь“, „Аспази“,

„Семь смертныхъ грѣховъ“ и драматическія сцены „Тевтъ“; всѣ онѣ весьма серьезны по мысли, прекрасны по исполненію и производятъ сильное впечатлѣніе, особенно поэмы „Агасееръ въ Римѣ“, и „Сіонскій царь“, въ которыхъ авторъ обнаружилъ много вкуса, большія знанія, выказалъ ослѣпительно-ирскую, иногда слишкомъ даже роскошную живопись. Личность Агасеера, по имени котораго названа поэма, изображаетъ не „вѣчнаго жидка“, какъ это можно было предположить, а перваго убійцу, Каина, пощаженаго смертью въ награду за то, что онъ первый внесъ въ міръ ея царствованіе; онъ имѣетъ съ „вѣчнымъ жидомъ“ общаго лишь одно пламенное желаніе умереть, чѣмъ и противопоставленъ въ поэмѣ Нерону, жаждущему испить всю чашу наслажденій, непастому въ отыскиваніи новыхъ утѣхъ жизни. Благодаря такому сопоставленію, авторъ проводитъ очень искусно параллель между этими двумя диаметрально противоположными характерами. Нерона онъ рисуетъ не по рутинѣ, т. е. не только мучителемъ, себлюбцемъ, развратникомъ, но и весьма умнымъ, развитымъ человекомъ, который презираетъ ничтожную, рабѣнствующую передъ тираномъ толпу и понимаетъ, что съ подобными низменными личностями можно не церемониться. Поэма „Агасееръ въ Римѣ“ прославила имя автора и въ Германіи, и за предѣлами ея; она превосходно переведена на русскій языкъ покойнымъ поэтомъ Э. Б. Миллеромъ, въ числѣ другихъ его поэмъ и лирическихъ пѣснь, которыя переводились также Вейнбергомъ, Плещеевымъ, Якубовичемъ. Не ниже по достоинству должна быть поставлена и другая большаго Гамерлинга „Семь смертныхъ грѣховъ“, гдѣ онъ остается вполнѣ вѣренъ своимъ прекраснымъ творческимъ приемамъ и переноситъ читателя въ фантастическій міръ борьбы мрака со свѣтомъ, въ царство страстей и пороковъ, легендарно олицетворяемыхъ въ видѣ зла. Дѣйствующими лицами являются здѣсь „высшіе духи ночи“, старающіеся другъ передъ другомъ шегольнуть своей работой въ дѣлѣ разрушенія міра, опустошенія земли, сперва являющіеся побѣдителями, а потомъ уступающими силѣ духовъ свѣта. Эту поэму, которую въ Германіи встрѣтили восторженно, лучшіе, солидные критики признали весьма выдающимся произведеніемъ, многие отрывки котораго напоминаютъ самыя удачныя мѣста произведеній Байрона. Далеко не такъ встрѣчена была драматическая сатира Гамерлинга „Тевтъ“, въ которой введена борьба херусковъ съ римлянами. Соотечественники увидѣли въ ней ясный намекъ на франко-прусскую войну и хорошо поняли, что поэтъ, не зараженный духомъ милитаризма, въ этой очень остроумной и злой сатирѣ, тонко насмѣхается надъ пресловутымъ германскимъ единствомъ, надъ нѣкоторыми пессимистическими чертами своихъ соотечественниковъ. Гамерлингъ скончался далеко не старымъ человекомъ. Онъ родился въ мѣстечкѣ Кирхбергъ, въ Нижней Австріи, на границѣ Чехіи, 24 марта 1830 года. Научась съ грѣховъ похваломъ, онъ поступилъ нѣвчимъ хора въ цистеріанскій монастырь Цветель. Его родители, по происхожденію австріецы, были очень бѣдны и не могли дать сыну сколько-нибудь сноснаго образованія, если бы не подоспѣла помощь постороннихъ добрыхъ людей. Благодаря имъ, Гамерлингъ помѣщенъ былъ въ вѣнскую гимназію, и обнаружилъ проблески поэтической дарованія. Окончивъ высшее образованіе на медицинскомъ факультетѣ въ Вѣнѣ, онъ былъ учителемъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Грацѣ и Триестѣ, но въ 1866 году, вслѣдствіе болѣзни, оставилъ педагогическую дѣятельность и, получивъ небольшую пенсію и денежный подарокъ отъ одной изъ большихъ поклонницъ своего таланта, поселился въ Грацѣ, гдѣ, весь отдавшись поэтической дѣятельности, прожилъ безбѣдно до самой смерти. Еще при жизни Гамерлинга, ему былъ поставленъ, 23 іюля 1883 г., монументъ на Союзной горѣ (Vereinsberg) близъ Шремса.

П. Быковъ.

Ангкорская пагода. (Рис. на стр. 813).

Особенное вниманіе на всемірной парижской выставкѣ обращаетъ на себя точное воспроизведеніе ангорской пагоды. Подъ именемъ Ангжора или Онгкора извѣстны замѣчательныя развалины въ индо-китайскомъ государствѣ Камбоджѣ, близъ границы съ Сиамомъ, къ сѣверу отъ города Смиррипа. Изъ нихъ славится храмъ Наконъ-Фатъ со множествомъ надписей, рельефовъ и статуй. Одну изъ пагодъ этихъ развалинъ, куда до сихъ поръ стекаются буддійскіе паломники, и воспроизвелъ до мелочей архитекторъ Фабръ наусупротивъ деревни съ Зандскихъ острововъ на эксиланадѣ Инвалидовъ въ Парижѣ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 22 іюля, въ высокородственный день Тезоименитства Ея Величества Государни Императрицы, въ Петергофѣ происходилъ малый выходъ въ церковь большаго Петровскаго Дворца.

Къ двумъ часамъ дня, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императ-

рица, Герцогъ и Герцогиня Эдинбургскіе и другія Особы Императорской Фамиліи отправились, привѣтствуемыя на пути кликами „ура“, на парходную пристань въ военной гавани, для встрѣчи Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго и Его Супруги Е. И. Выс. Великой Княгини Анастасіи Михайловны.

Ихъ Высочества Великіе Герцогъ и Герцогиня Мекленбургъ-Шверинскіе прибыли изъ-за границы на Имп. яхтѣ „Держава“ и въ Кронштадтѣ перешли на Имп. яхту „Александрія“.

Стоящая на петергофскомъ рейдѣ яхта „Царевна“ отсалютовала „Александрія“. Когда яхта подошла къ пристани, караулъ отдалъ честь. Музыка заиграла полковой

маршъ. Ихъ Величества радушно привѣтствовали Высочайшихъ Гостей; затѣмъ подъ звуки германскаго гимна, Великій Герцогъ, въ сопровожденіи Его Величества, прошель по фронту почетнаго караула и по-русски поздоровался съ нимъ. Со станціи Ихъ Величества и Высочайшіе Гости прослѣдовали въ экипажахъ въ Александрію, откуда Герцогъ и Герцогиня Мекленбургъ-Шверинскіе отбыли въ Михайловское, имѣніе Вел. Кн. Михаила Николаевича.

Въ половинѣ девятого часа вечера, состоялся Императорскій фамильный обѣдъ на 38 особъ, во время котораго игралъ оркестръ придворнаго музыкантскаго хора. Толпы на-

церомоніи шествія участвовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Королева Эллиновъ Ольга Константиновна, Владѣтельный Князь Черногорскій Николай, съ Наслѣдникомъ Княземъ Данииломъ, Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, съ Супругою, Е. И. В. Вел. Княгиней Анастасіею Михайловною, Великою Герцогинею Мекленбургъ-Шверинскою, Герцогъ Эдинбургскій съ Супругою, Е. И. В. Вел. Княгиней Маріею Александровною, Герцогинею Эдинбургскою, и другія Особы Императорской Фамиліи. Высочайшепочтенный Женихъ и Невѣста шли рядомъ. Въ числѣ Особъ Импе-

нынѣшнемъ году, испытанія для лицъ, поступающихъ въ войска вольноопредѣляющимися втораго разряда.

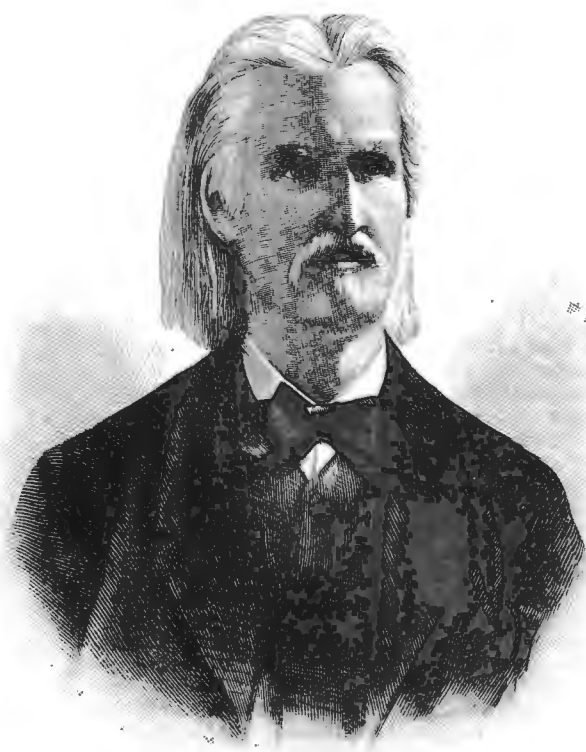
Народное просвѣщеніе.

— Предоставлено Министерству Народнаго Просвѣщенія сдѣлать распоряженіе о закрытіи, въ теченіе трехъ лѣтъ, гимназій Императора Александра II въ м. Биркекруэ и Феллинской, съ прекращеніемъ, начиная съ будущаго 1889/90 учебнаго года, приема учениковъ въ эти заведенія и съ сохраненіемъ въ нихъ, впредь до закрытія, преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ.

— Новгородсверская женская прогимна-

Е. Н. Андреевъ († 12 Іюля 1889 г.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Робертъ Гамерлингъ († 1 (13) Іюля 1889 г.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

рода стояли передъ Дворцомъ, привѣтствуя каждое появленіе Ихъ Величествъ у оконъ восторженными „ура“.

Въ это время, въ Нижнемъ паркѣ начали зажигать иллюминацію, и къ окончанію обѣда весь Нижній паркъ уже сіялъ тысячами огней. Особенно эффектно были убраны Самсоніевскій каналъ, противъ Дворца, и Монплеизиръ.

Ихъ Величества и Особы Императорской Фамиліи катались въ открытыхъ коляскахъ въ аллеяхъ парка, гдѣ двигались десятки тысячъ народа, восторженно привѣтствовавшего Ихъ Величествъ. Августѣйшія Особы пили чай въ Монплеизирѣ, причѣмъ игралъ духовой оркестръ придворнаго музыкантскаго хора, и съ площадки смотрѣли на блестящій фейерверкъ, снущенный на взморь съ судовъ.

— 26 іюля, въ 3 часа дня, въ Петергофѣ, въ Большомъ Дворцѣ, согласно церемониалу, состоялось бракосочетаніе Е. И. В. Вел. Кн. Петра Николаевича съ Ея Свѣтлостію Княжною Черногорскою Милицею Николаевною. Вѣчаніе совершалъ духовникъ Ихъ Величествъ протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, благодарственное молебствіе служилъ высокопреосвященный митрополитъ Новгородскій и С.-Петербуржскій Исидоръ, съ членами Свѣтѣйшаго Синода и придворнымъ духовенствомъ. Шаферами были: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Наслѣдникъ Черногорскій Князь Даниилъ, И. И. В. Вел. Князь Сергій Михайловичъ, Александръ Михайловичъ, Дмитрій Константиновичъ и Николай Николаевичъ Младшій.

На бракосочетаніи присутствовали и въ

раторской Фамиліи шли также рядомъ помолвленные накануне — Е. И. В. Князь Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій, Георгій Максимиліановичъ и Ея Свѣтлостъ Княжна Анастасія Черногорская. Шествіе началось въ 3 часа дня; вѣчаніе окончилось въ 4 ч. Въ 5½ часовъ былъ обѣдъ въ залахъ Дворца и въ 8 часовъ вечера состоялся отъѣздъ Высочайшепочтенныхъ въ село Знаменское.

Правительственныя распоряженія.

— 7 іюля послѣдовало Высочайшее утвержденіе мѣрнѣ Государственнаго Совѣта о нѣкоторомъ ограниченіи компетенціи суда присяжныхъ. Этими законами изъ числа дѣлъ, подвѣдомственныхъ составу суда съ присяжными, изъяты дѣла по нарушеніямъ, такъ называемыхъ, „уставовъ казеннаго управленія“. Сюда относятся уставы: горный, соляной, таможенный, телеграфный, путей сообщенія и, наконецъ, кредитный. Равнымъ образомъ, изъменяются изъ компетенціи суда присяжныхъ дѣла о сопротивленіи властямъ, объ уничтоженіи казенныхъ печатей, объ оскорбленіяхъ должностныхъ лицъ, дѣла о печати и, наконецъ, двоеженство или двуужество.

Военное дѣло.

— Въ настоящее время въ войскахъ Краносельскаго лагернаго сбора испытывается новый шанцевый инструментъ и новые приемы по самооканыванію, оказавшіяся весьма практическими. Въ нѣсколько минутъ стрѣлокъ можетъ возвести для себя прикрытіе отъ неприятельскаго ружейнаго огня.

— Въ октябрѣ, при Николаевскомъ кадетскомъ корпусѣ состоится, послѣдній разъ въ

зія преобразуется въ гимназію съ открытіемъ при ней съ начала 1889/90 учебнаго года 7-го класса.

Спортъ.

— 23 іюля, въ Царскомъ Селѣ, во время скачки съ пренятствіями А. А. Левашовъ, скакавшій на „Миссъ-Мидели“, бар. И. О. Таубе, на барьерѣ упалъ, вслѣдствіе неудачнаго прыжка лошади. Ыздокъ получилъ сильный ушибъ лѣвой половины лба и сотрясеніе мозга.

— 22 іюля въ Петергофѣ прибыли изъ Павловска 9 велосипедистовъ, на велосипедкахъ, и въ ночь отправлялись обратно.

Изъ губерній и областей.

— Изъ Симбирска, отъ 21 іюля, телеграфируютъ, что 20 іюля въ сильную бурю вспыхнулъ пожаръ въ посадѣ Мелекесь; сгорѣла лучшая часть посада.

— Изъ Ташкента, отъ 26 іюля, сообщаютъ, что, какъ видно изъ опубликованныхъ свѣдѣній о наводненіи, убытокъ простирается свыше 360 тысячъ рублей, отъ погибшихъ шелковичныхъ червей убытокъ до 40 тысячъ рублей.

— 30 минувшаго іюня, въ 2 ч. 50 м. утра, въ Ташкентѣ ощущалось весьма продолжительное, хотя и довольно слабое землетрясеніе. Славшіе крѣпкими, утреннимъ сномъ, конечно, его не замѣтили. Но тѣ, кто бодрствовалъ, ясно ощущали сотрясеніе земли, длившееся, по крайней мѣрѣ, минуты 2 или 3. Рамы въ окнахъ и посуда въ шкафахъ звенѣли, висячія лампы и лампадки качались. Никакихъ другихъ послѣдствій въ Ташкентѣ

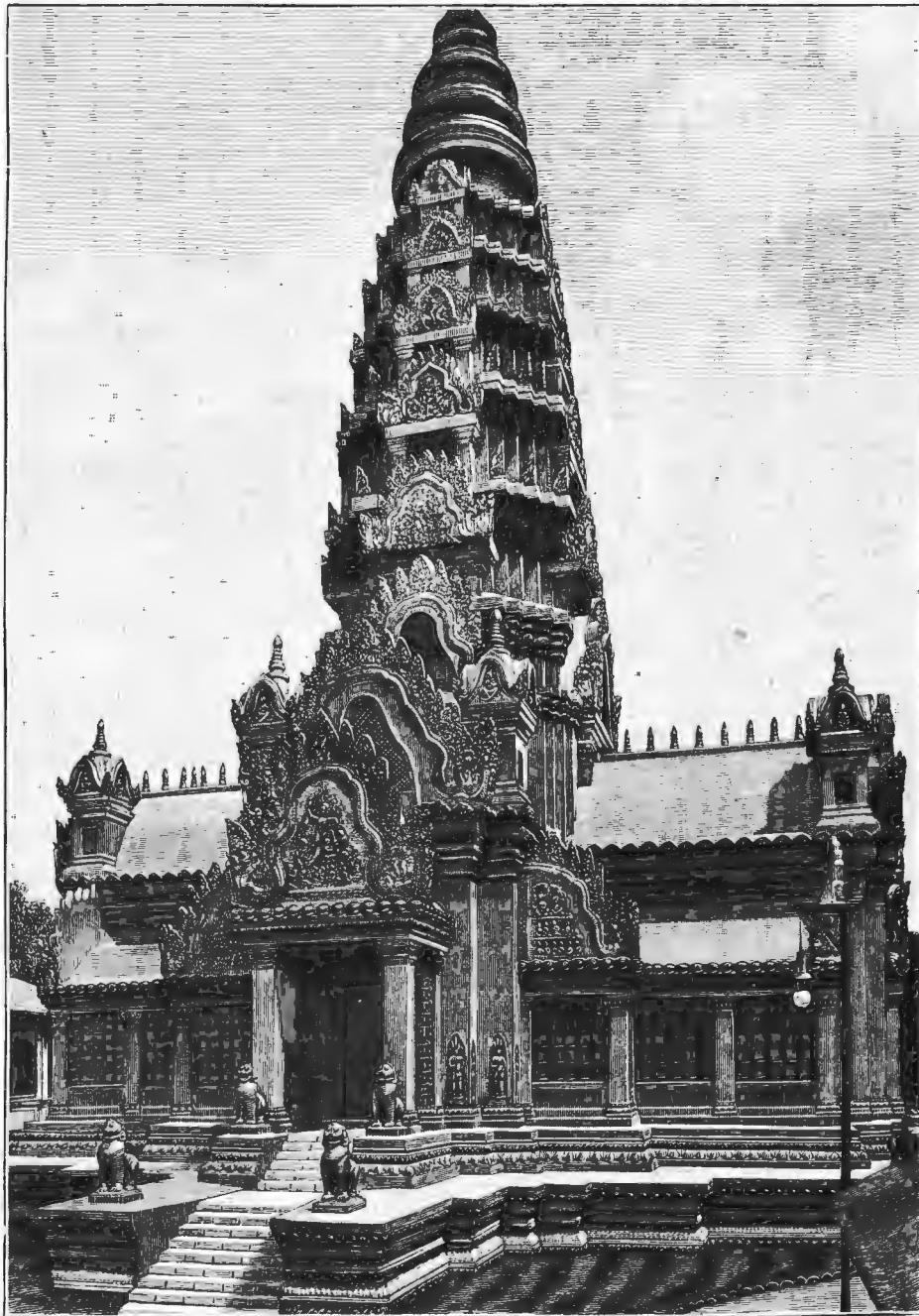
землетрясение не имѣло, и многіе думали, въ Ташкентѣ, какъ сообщаютъ *Турк. Вид.*, чившагося въ эту ночь на восточной окраинѣ что это весьма обыкновенное въ Средней телеграммы, извѣщавшія, что ощущавшееся средне-азиатскихъ владѣній, въ укр. Джаркентѣ, Семирѣченской области, на китайской 9 часовъ утра того же дня были получены быль отголоскомъ страшнаго несчастія, слуграницѣ, по дорогѣ въ Кульджу.

Политическое обозрѣніе.

Давно ожидаемая поѣздка Германскаго императора въ Англію совершилась. 20 іюля вечеромъ Вильгельмъ II прослѣдовалъ

принцевъ, осмотрѣлъ нѣсколько наиболее значительныхъ военныхъ судовъ, причемъ подробно ознакомился съ ихъ конструкціей. Обѣздъ

сопровожде-
ніи десяти во-
енныхъ судовъ
мимо Дувра и
на слѣдующій
день прибылъ
къ Портсмуту,
а затѣмъ, соглас-
но установлен-
ной программѣ,
вечеромъ, въ Ос-
борнѣ. Принцъ
и принцесса
Вельскіе на ях-
тѣ „Osborne“
встрѣтили яхту
„Hohenzollern“
въ началѣ шеста-
го часа. Герман-
ская эскадра
произвела сал-
ютъ изъ орудій,
на который отвѣ-
чали орудія
англійскаго фло-
та. Затѣмъ яхта
„Osborne“ по-
шла впередъ въ
Каузъ, за нею
слѣдовала яхта
„Hohenzollern“,
сопутствующая
согнанами паро-
ходовъ, напо-
ленныхъ зрите-
лями, привѣт-
ствовавшими им-
ператора. По
приходѣ въ Ка-
узъ принцъ Вель-
скій перешелъ
на яхту „Hohen-
zollern“ и серд-
ечно привѣт-
ствовалъ импе-
ратора. Почет-
ный караулъ от-
далъ воинскія
почести, послѣ
чего императоръ
выѣхалъ съ
принцемъ и
принцессою
Вельскими от-
правился въ от-
крытомъ экипа-
жѣ въ Каузъ,
гдѣ былъ встрѣ-
ченъ у парад-
наго подъѣзда
королевою, ко-
ролевскою фа-
милиєю и марки-
зомъ Солсбери.

Парижская всемірная выставка 1889 г. Ангорская пагода. По рис. Р. I. грав. Флюгель.

Особенно замѣчательнымъ и удачнымъ вышелъ морской смотръ англійскому флоту на Спитгедскомъ рейдѣ. Отложенный въ виду дурной погоды съ субботы на 24 іюля, онъ прошелъ въ блистательномъ порядкѣ. Въ пятомъ часу пополудни пушечный салютъ съ береговыхъ батарей извѣстилъ, что императоръ Вильгельмъ, въ сопровожденіи своего брата принца Генриха, а также принца и принцессы Вельскихъ, двухъ ихъ дочерей и герцога Кембриджскаго перешелъ на англійскую королевскую яхту „Викторія и Альбертъ“, которая сейчасъ же и двинулась. За королевскою яхтою слѣдовала германская императорская яхта „Готензоллерн“ и англійскія яхты, на которыхъ находились придворные чины, сановники, лордъ-мэръ и представители разныхъ корпорацій Лондона. Кортѣжъ объѣхалъ линіи украшенныхъ флагами англійскихъ военныхъ судовъ, на реяхъ которыхъ стояли матросы и привѣтствовали императора дружными криками „ура!“ Императоръ, въ сопровожденіи англійскихъ

принцевъ, осмотрѣлъ нѣсколько наиболее значительныхъ военныхъ судовъ, причемъ подробно ознакомился съ ихъ конструкціей. Обѣздъ окончился въ шестомъ часу, послѣ чего императору Вильгельму на королевской яхтѣ были представлены адмиралы и капитаны собравшагося на смотръ флота. Свое пребываніе въ Англіи императоръ Вильгельмъ рѣшилъ продлить до пятницы 28 іюля. 25 числа утромъ онъ присутствовалъ при выходѣ судовъ британскаго флота на морскіе маневры, а вечеромъ былъ на банкетѣ въ королевскомъ яхт-клубѣ въ Каузѣ. Принцъ Вельскій провозгласилъ на банкетѣ тостъ за здоровье Германскаго императора. На другой день императоръ отправился на маневры войскъ подѣ Ольдершотскимъ лагеремъ.

Лондонскія газеты привѣтствуютъ въ сочувственныхъ выраженіяхъ пріѣздъ въ Англію императора Вильгельма. Органъ маркиза Солсбери, *Standard*, объясняетъ визитъ отчасти родственными чувствами, отчасти желаніемъ императора ознакомиться de visu съ вооруженными силами Англіи. „Англія и Германія — говорятъ газета — не только связаны родственными узами ихъ царствующихъ домовъ, но и общими интересами, и противъ этого мелочная зависть извѣстныхъ лицъ общаго національного характера окажется безсильною. Визитъ императора усугубитъ, бесспорно, крѣпость личныхъ, политическихъ и племенныхъ отношеній, существующихъ между обоними государствами“. *Times* посвящаетъ Германскому императору сочувственную передовую статью, въ которой въ заключеніе говоритъ: „Существуютъ важныя причины противъ формальнаго присоединенія Англіи къ лигѣ средневропейскихъ державъ, но за то не существуетъ никакихъ препятствій проявить, что Англія, грозная сила которой обнаруживается нынѣ на Спитгедскомъ рейдѣ, симпатизируетъ цѣлымъ тѣмъ, кто искренно желаетъ сохраненія европейскаго мира.“

Залогомъ сохраненія европейскаго мира, по словамъ маркиза Солсбери, произнесеннымъ на годичномъ обѣдѣ лондонскаго

лорд-мэра въ честь министровъ въ Мешенгаузѣ,—служать колоссальныя военныя приготовления въ Европѣ: они отбиваютъ въ государственныхъ людяхъ желаніе начать войну, которая для побѣжденной стороны можетъ завершиться уничтоженіемъ. Тѣмъ не менѣе, глава британскаго министерства вынужденъ былъ замѣтить, что миръ нарушенъ въ двухъ мѣстахъ, къ счастью, въ незначительныхъ размѣрахъ: въ Египтѣ, который дервиши собираются вновь атаковать, несмотря на удачное сопротивленіе англо-египетскихъ войскъ, и на Критѣ. Изъ послѣдняго мѣста постоянно получаютъ извѣстія очень тревожнаго свойства и положеніе вещей считаютъ чрезвычайно опаснымъ. *Агентству Рейтера* телеграфируютъ изъ Константинополя, что султанъ очень недоволенъ поведеніемъ критянъ и рѣшилъ подавить возстаніе оружіемъ, если дѣло до этого дойдетъ. По свѣдѣніямъ отсюда-же, полученнымъ изъ итальянскаго источника, Порты рѣшила провозгласить на островѣ Критѣ осадное положеніе.

Изъ Аѳинъ телеграфируютъ *Агентству Рейтера*, что греческое правительство разослало великимъ державамъ ноту, въ которой настоятельно предлагаетъ имъ посредничество въ дѣлѣ возстановленія порядка на островѣ Критѣ, выставляя на видъ, что въ противномъ случаѣ Греція вынуждена будетъ сама принять мѣры къ охранѣ греческихъ подданныхъ.

По поводу Критскаго возстанія *Journal de St.-Petersbourg* пишетъ слѣдующее:

„Уже нѣсколько дней многочисленныя телеграммы сообщаютъ намъ о возникшихъ на островѣ Критѣ смутахъ и о мѣрахъ, которыя турецкое правительство сочло полезнымъ принять для предупрежденія дальнѣйшаго распространенія ихъ. Что касается причинъ этого взрыва, то, насколько можно пока судить, онѣ имѣютъ исключительно мѣстный и административный характеръ. Но это не мѣшаетъ *Politische Correspondenz* и *Koelnische Zeitung* видѣть тамъ руку Россіи. Для этой державы, будто-бы, важно не допустить, чтобы его величество императоръ Германскій, отправляясь въ Аѳинъ для присутствованія на бракосочетаніи своей Августѣйшей сестры съ Греческимъ принцемъ, могъ осуществить приписываемый ему проектъ отправиться также въ Константинополь, такъ какъ этотъ визитъ могъ-бы имѣть результатомъ присоединеніе Ближательной Порты къ тройственному союзу. Для предупрежденія такой комбинаціи, стараются вызвать въ Портѣ и во дворцѣ опасеніе относительно затрудненій, могущихъ возникнуть вслѣдствіе пріема Вильгельма II въ

Константинополѣ. Нѣкоторые лица даже приводятъ эти усилія русской дипломатіи въ связь съ поощреніями, оказываемыми русскимъ консуломъ на островѣ Критѣ тамошнему движенію. Въ Петербургѣ дѣйствительно де надѣются, что если волненіе на островѣ Критѣ приметъ крупныя размѣры, то императоръ Вильгельмъ II будетъ вынужденъ отказаться отъ поѣздки въ Грецію.“

„Надо по истинѣ перечитать нѣсколько разъ столь дерзкія выходки для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что ихъ смѣютъ печатать серьезныя газеты. Прежде всего позволяютъ себѣ безъ какихъ доказательствъ говорить о „поощреніяхъ, оказываемыхъ русскимъ консуломъ на островѣ Критѣ тамошнему движенію“. Между тѣмъ ничего подобнаго не было. Мѣстные власти воздали должную справедливость самому правильному образу дѣйствій представителя Россіи въ Канѣ. Что касается слуха, утверждающаго, будто Критѣ предполагается уступить Греціи и что Германія собирается хлопотать объ этомъ по случаю бракосочетанія Греческаго королевича, то если этотъ слухъ произвелъ ободряющее дѣйствіе на инсургентовъ, то наши собратья конечно согласятся съ тѣмъ, что онъ исходилъ не изъ Петербурга. И такъ макиавелическія намѣренія, приписываемыя Россіи въ этомъ случаѣ вѣнской и кельнской газетами, отличаются часто фантастическимъ характеромъ. Россіи нѣтъ слишкомъ глубокое и слишкомъ искреннее расположеніе къ Эллинскому народу для того, чтобы ея политика могла вызвать затрудненія и непріятности въ родѣ тѣхъ, которыя произошли бы отъ продленія волненій на островѣ Критѣ. Сверхъ того, Россія въ теченіе многихъ лѣтъ представляла доказательство своимъ образомъ дѣйствій, насколько она исполнена желанія содѣйствовать сохраненію спокойствія на Востока. Вотъ почему мы болѣе не будемъ обращать вниманіе на нелѣпыя заявленія нашихъ австрійскихъ и германскихъ собратьевъ.“

Во Франціи общій результатъ выборовъ по возобновленію генеральныхъ совѣтовъ, сообщенный въ совѣтъ министровъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, показываетъ, что избрано 949 республиканцевъ и 489 консерваторовъ. Консерваторы приобрьли вновь 29 мѣстъ. Что касается до происковъ генерала Буланже, то брюссельская газета *Nord* констатируетъ полное фіаско буланжистовъ на земскихъ выборахъ, но при этомъ замѣчаетъ, что изъ результата послѣднихъ все-таки трудно вывести заключеніе о томъ, къ какимъ результатамъ приведутъ парламентскіе выборы.

С М Ъ С Ъ .

Изъ жизни императора Николая въ одномъ изъ историческихъ изданій нашихъ напечатанъ интересный анекдотъ, записанный извѣстнымъ А. В. Никитенкой, профессоромъ и писателемъ. Въ одну изъ прогулокъ государя Николая Павловича передъ нимъ падаетъ на колѣни какой-то человекъ и проситъ у него правосудія, жалуясь на нѣкоего богатаго помѣщика, который занялъ у него восемь тысячъ рублей, составлявшихъ все его достояніе, и теперь не отдаетъ долга. А межъ тѣмъ давши эти деньги терпѣть со своей семьей крайнюю нужду. „Есть у тебя нужные документы?“ спросилъ государь. „Есть ваше величество, вексель—и вотъ онъ...“ Императоръ, удостоверившись въ законности документа, приказалъ отнести его къ маклеру и потребовать, чтобы тотъ сдѣлалъ на немъ надпись о передачѣ его Николаю Павловичу Романову. Проститель сдѣлалъ по приказанію, но маклеръ принялъ его за сумасшедшаго и отправилъ къ генералъ-губернатору. Послѣднему тѣмъ временемъ уже приказано было выдать займодавцу всю сумму съ процентами, что и было имъ тутъ-же исполнено. Государь, получивъ вексель, протестовалъ его и на третій день тоже получилъ всю сумму съ процентами. Тогда онъ призвалъ къ себѣ должника, сдѣлалъ ему строгій выговоръ, а начальству внушеніе, чтобы оно впередъ не допускало подобныхъ послабленій и не менѣе скоро удовлетворяло законныя требованія его подданныхъ, какъ и его собственныхъ. (в.)

Экспромты Минаева. Умершій недавно поэтъ Минаевъ особенно отличался своими стихотворными экспромтами, которыми просто сыпалъ во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ. Однажды поспорилъ онъ со своимъ соперникомъ по части богатства рѣшъ въ стихахъ, Г. Н. Жулевымъ, тоже довольно остроумнымъ поэтомъ-юмористомъ,—поспорили, кто скорѣе подберетъ рѣшю къ слову „окунь“. Жулевъ долго возился надъ этимъ, но безуспѣшно. Какъ разъ въ это время они оба ѣздили верхомъ въ Юки на чухонскихъ клячкахъ и тамъ изрядно кутнули. На обратномъ пути Минаевъ всю дорогу острлил и шутилъ, а Жулевъ „клевалъ носомъ“. „Что, братъ, трудно дается рѣшю? спрашивалъ его Минаевъ,—видно, со вчерашняго еще хмѣль въ головѣ.“ — „А что такое вчера было? я и забылъ“, говоритъ Жулевъ.—„Ахъ, ты, Жулька, Жулька! дразнилъ его Минаевъ,—забылъ, что съ нами вчера было.. Вспомни только—

Верхомъ мы ѣздили далеко
И всю дорогу шли конь-о-конь,
Я говорилъ былъ какъ сорока,
А ты былъ вѣмъ, какъ окунь...“

Академія Наукъ выдала Минаеву демидовскую премію за написанную имъ комедію въ стихахъ „Разоренное гнѣздо“. Получивъ эти деньги и „вспрыснувъ“ ихъ въ небольшомъ ресторанѣ на Вла-

димірской улицѣ (гдѣ Минаевъ обыкновенно проводилъ всѣ свои досуги съ пріятелями), въ кругу товарищей-литераторовъ, Минаевъ вдругъ расхохотался и сказалъ экспромтъ:

Да, въ Академіи Наукъ
Плохи хозяева, ей-ей:
За „Разоренное гнѣздо“
Вдругъ дали мнѣ пятьсотъ рублей!.

Въ пору провѣтанія оперетки на сценѣ Александринскаго театра, Минаевъ смотрѣлъ первое представленіе оперетки „Зеленый островъ“, переведенной В. С. Курочкинымъ. Въ тотъ день онъ обѣдалъ у кого-то изъ пріятелей на Васильевскомъ Островѣ и оттуда поѣхалъ въ театръ. „Ну, какъ вамъ понравился „Зеленый островъ?“ спросили послѣ спектакля Минаева. Не долго думая, онъ отвѣтилъ:

Хоть не близка была дорога,
Но шель смотрѣть я пьесу съ Острова;
Скажу, *зеленая* въ ней много,
Но очень, очень мало *остраго*. (в)

Жестокіе нравы. Къ одному изъ могилевскихъ адвокатовъ приходитъ благообразной наружности мужикъ съ просьбою защищать его на судѣ и, на вопросъ адвоката, какое онъ преступленіе совершилъ, рассказываетъ слѣдующее: Во время Масляницы повезъ онъ въ городъ на базаръ свинью съ семью поросятами. Дорогой нападаетъ ему жидъ и проситъ его подвезти. Мужикъ беретъ его въ сани. Вдругъ откуда ни возьмись волки. Сталъ мужикъ гнать лошаденку... волки настаиваютъ. Видитъ онъ—дѣло дрянъ и сталъ бросать имъ по поросенку; пришлось отвязывать и свинью. А волки тѣмъ временемъ въ сани лѣзутъ... „Тутъ грѣхъ меня и погубилъ“, говоритъ мужикъ, „взялъ я, да и спихнулъ волкамъ жидъ.. Пріѣхавъ домой сильно мучился, а потомъ я повинился властямъ“. (в.)

Собачья солидарность. Различныя отбросы и части больныхъ животныхъ, признанные негодными на кievскихъ городскихъ бойняхъ, вывозятся въ одинъ изъ отроговъ Прозоровскаго оврага и тамъ закапываются. Для этого вырываются глубокія ямы въ архинѣ слишкомъ глубины и засыпаются землею. И вотъ что, по рассказу одной изъ мѣстныхъ газетъ, продѣлываютъ собаки. Онѣ собираются въ Прозоровскій оврагъ дружнымъ обществомъ и не сорася, „не прибѣгая къ бесполезнымъ преніяшъ“, приступаютъ энергично къ работѣ. Незамѣтно наблюдая за „труженицами“, очевидецъ замѣтилъ, что яму начинаютъ разрывать одна изъ собакъ-техничковъ; всѣ остальные терпѣливо сидятъ въ ожиданіи. Когда землекопъ устаетъ, приступаетъ, по очереди, другая собака и т. д. При правильномъ распредѣленіи труда работа спорится и яма, къ общему собачьему удовольствію, разрывается довольно быстро. (в.)

Рѣшеніе шашечной задачи № 42 (помѣщ. въ № 25).

Бѣлыя. Черныя. e 3 - f 4 d 4 - g 1 d 8 - f 6 h 4 - f 2 f 4 - d 2 b 4 - e 1 d 6 - e 7 a 7 - b 4 h 6 - g 7 f 8 - c 5 f 6 - d 4 c 5 - e 3 g 7 - c 3 b 4 - d 2 a 1 - b 2

Вѣрная рѣшеніе этой задачи присланы отъ гг.: СПб. - Н. В. Панкова, А. Куз-ова, И. В. Басильева, С. Т. Грибова, Ф. А. Боронина, А. А. Пospelъева, Москва - А. М. Челышева, С. Череповскаго, Н. П. Смирнова, В. Широкова, Бѣгородъ - Ф. З. Мазуръ, Вербова - П. М. Оболенцова, Городиня - С. В. Писарева, Гатчино - Я. Аргоболескаго, Диска - С. А. Дубякова, Илуда - М. Волокова, Назанце - В. Бонташъ, Штеръ.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 44 (помѣщ. въ № 25).

- 1) a. a - d : c = h : l a. = 18 = С
2) b. n : b + e = c : l b. = 14 = Н
3) c. d : m = f - g : k - b c. = 15 = О
4) d. n - b : e = a - k : d + m - g d. = 3 = В
5) e. a : c + m = h + d : k + e e. = 1 = А
6) f. c : n = h : n f. = 8 = З
7) g. l : d = h : m g. = 5 = Д
8) h. sqrt(f + k) = g h. = 15 = О
9) k. sqrt(k + g^2) = d k. = 17 = Р
10) l. f^2 = k - g l. = 15 = О
11) m. f - g = m m. = 3 = В
12) n. h + n = c + b + e n. = 15 = О

„Снова здорово“.

Вѣрная рѣшеніе этой задачи присланы отъ гг.: СПб. - Ф. А. Боронина, К. Конюхова, Н. В. Панкова, А. А. Пospelъева, Москва - Т. Калининна, В. Е. Соколова, И. Федюшина, И. Я. Романова, Бѣгородъ - Ф. З. Мазуръ, Бр.-Литовскій - П. М. Арсениева, Б. Норвино - В. К. Терскаго, Бахмутъ - Н. Трифилъева, Елецъ - Х.

Леоно - Гольдштейнъ, Молога - М. Н. Неустроева, Одесса - Н. Банкетова, Островъ - С. Судоплатова, Прильцы - А. Фарберъ, Суздаль - М. Помаранцева, Самара - И. Старостина, Тамбовъ - И. М. Аваньева, Царское Село - Д. К. Коретъ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 43 (помѣщ. въ № 25).

- Бѣлые. Черные. 1) С c 5 - f 8 Кр. e 4 - d 4
2) Кр. g 7 - f 6 Кр. d 4 - e 4
3) С f 8 - g 7 Кр. e 4 - d 4
4) Кр. f 6 - f 5 + +

Вѣрная рѣшеніе этой задачи присланы отъ гг.: СПб. - А. А. Пospelъева, В. И. Шощина, В. Родзеевскаго-Колупайло, В. Талявскаго, Москва - А. Эйбаумъ, Вознесенскъ - П. И. Самаржи, Вагаршанатъ - В. Мушегянцъ, Диска - С. А. Дубякова, Елецъ - Х. Розенфельдъ, Жмеринка - В. К. Шнейдеръ, Киевъ - Е. Лебединскаго, Мариуполь - К. Пичахи, Ровель - Ф. И. Штеръ.

Розенфельдъ, Керчь - Д. Н. Блаватскаго, Лебедия - В. И. Чурилина, Одесса - Рейзенскаго, Д. Раппопортъ, Тотьма - А. В. Горюхова.

Рѣшеніе ребуса № 45 (помѣщенного въ № 25). „Дѣлай дѣло Божье, свое само поспѣетъ“.

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, по поводу предстоящаго 18 ноября с. г. празднованія 50-лѣтняго юбилея Антона Григорьевича Рубинштейна, между прочимъ, открыта въ средѣ Имп. Рус. Музыкальнаго Общества и между почитателями А. Г. Рубинштейна подписка на составленіе капитала, который будетъ предоставленъ въ распоряженіе юбиляра.

Въ видахъ обезпеченія лицамъ, кои пожелали бы принять участіе въ составленіи этого капитала, возможности и удобства дѣлать взносы, Высочайше утвержденный Распорядительный Комитетъ по устройству чествованія юбиляра А. Г. Рубинштейна, обратился къ намъ съ предложеніемъ открыть въ редакціи Нивы приемъ помянутыхъ взносов.

Доставляемые въ редакцію Нивы взносы будутъ немедленно пересылаться въ Комитетъ и отчеты о поступившихъ взносахъ будутъ печататься въ журналѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть II. (Продолженіе). - Жена великаго человека. П. И. Вейнберга. - О способѣ пищедобыванія въ животномъ царствѣ. Профессора К. Э. Линдемана. - Къ рисункамъ: Рыбачьи хижины на берегу Днѣпра у Киева (съ рис.). - Изъ города въ деревню (съ рис.). - Иоаннъ Грозный, пишущій ответное посланіе Курбскому (съ рис.). - Вѣточекъ (съ рис.). - Дачный сезонъ (съ рис.). - Лѣтній день (съ рис.). - Памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ (съ рис.). - Е. И. Андреевъ (съ портр.). - Робертъ Гамерлингъ (съ портр.). - Ангорская лагода (съ рис.). - Разныя извѣстія. - Политическое обозрѣніе. - Смѣсь. - Рѣшенія задачъ. - Объявленія. При семь № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1889 г., съ 33 рисъ и отдѣльный листъ съ 32 чертеш. выроекъ въ натур. величину и 23 рисъ рукодѣльных работъ.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПб. НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ, состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и ни гдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. И. СЕРГѢЕВА. Альбомъ этотъ отличается изысканствомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ вышита масса превосходныхъ вещей - отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цена этого изданія назначена крайне умеренная: въ изданіи литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к. Требованія просить адресовать: въ СПб. къ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ Невскій, 57, собств. домъ, Покупаютъ всѣ % бумаги. Суды подъ всѣ % бумаги. Страхуваніе выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3925 Также нужны вѣрные съ постояльцами мѣстомъ жительства АГЕНТЫ. Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ЛЕВИНГЪ и ГЮЗИГЪ царь-дѣвица. Вс. Соловьева, Ром.-хрон. XVII в. имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405 въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перекл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

СПБ. ЧАСТНОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ П. И. БОГДАНОВА, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Государя Великаго Князя Сергѣя Александровича. Основ. 1872 г. Невскій, 79, противъ Знаменія. Приемъ прошеній вновь поступающихъ пансионеровъ и приходившихъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 10-3 ч. Приемныя испытанія съ 16-го августа. Начало уроковъ 1-го сентября. Мѣ. № 3979 2-2

НОВАЯ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА „ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ будетъ выходить съ 30-го августа 1889 года, по слѣдующей программѣ: I. Правительственныя узаконенія и распоряженія, касающіяся элементарнаго образованія въ Россіи. II. Теорія и практика школьнаго дѣла. III. Корреспонденція, касающіяся веденія школьнаго дѣла. IV. Педагогическая библіография. V. Современное обозрѣніе воспитанія и обученія за границей. Очерки и статьи, знакомящія съ современнымъ состояніемъ и организаціей народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. VI. Иностранная хроника. Текущія событія школьной жизни на Западѣ, по послѣднимъ №№ иностранныхъ спеціальныхъ газетъ и журналовъ. VII. Лѣтописи русской начальной школы. Руководящія статьи и извѣстія по школьному дѣлу въ Россіи. VIII. Политическія извѣстія. IX. Новости русской жизни. X. Смѣсь. Наблюденія и замѣтки изъ школьнаго міра. Педагогическія темы. Отвѣты редакціи. Объявленія о новыхъ книгахъ, одобренныхъ Мин. Народн. Просв. и частныя объявленія. Въ газетѣ „Школьное Обозрѣніе“ предполагается принять участіе слѣдующія лица: К. К. Абаза, Я. В. Абрамовъ, М. К. Артемьева, И. П. Влиновъ, И. С. Бороскій, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, П. И. Вейнбергъ, Е. Н. Водозова-Семеновская, С. Ф. Горюнская, проф. И. Я. Гротъ, К. В. Ельцинскій, В. Е. Ермаковъ, Л. Е. Ефимовичъ, Л. Д. Журавлевъ, В. В. Ивановъ, А. Н. Карасевъ, проф. А. И. Кириничниковъ, О. Н. Кологеруполо (изъ Авинь). Е. И. Конрадъ (изъ Парижа), проф. П. Ф. Лесгафтъ, В. Н. Макъ-Гаханъ (изъ Нью-Йорка), В. В. Михайловъ, П. А. Нагель, Е. С. Некрасова, М. В. Овчинниковъ, В. П. Острогорскій, В. Ф. Охрѣменко, М. Л. Песковскій, В. О. Португаловъ, А. С. Пругавинъ, Д. Д. Семеновъ, Д. А. Смирновъ, В. К. Суходольскій, С. И. Сычевскій, М. М. Соколова, А. Ф. Соколовъ, Е. Н. Тихомирова, Д. И. Тихомировъ, Н. В. Трупиенниковъ, В. Г. Турчаниновъ (изъ Христіанія), И. Ф. Федоровскій, И. О. Фосенко, Е. И. Челпановъ и друг. Прилагаемая при этомъ программа нашей газеты настолько широка, что всѣ теоретическія и практическія вопросы учебнаго дѣла за границей и въ Россіи могутъ войти въ наши рамки. Это - большая выгода и большое удобство. Будущіе читатели нашей газеты, конечно, поймутъ, что мы постараемся исполнить нашу программу въ полномъ ея объемѣ. Но имъ не стоить очевидно слѣдующее: новое предпріятіе, - даже имѣющее всѣ шансы наиболѣе успѣха и содѣйствіе многихъ серьезныхъ педагоговъ, - не можетъ идти съ мѣста въ карьеръ. Поэтому, - общая исполнить нашу программу честно и искренно, - мы просимъ естественнаго снисхожденія нашихъ читателей къ первымъ шагамъ, которые мы вовсе не желаемъ сдѣлать показными, такъ какъ основная дѣла нашей газеты нужна всякой остенціи. Одно скажемъ: мы постараемся добросовѣстно исполнить все, что обещается въ программѣ, а именно: учителя и воспитатели получатъ рядъ руководящихъ статей по всѣмъ отраслямъ педагогическаго дѣла, родителей, между прочимъ, найдутъ статьи по вопросамъ домашняго воспитанія и обученія; лица, по дѣлу службъ сопряженныхъ со школою, какъ напр.: члены земскихъ и городскихъ управъ, уѣздныхъ и губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, почетныя училищныя и т. д., будутъ имѣть подъ руками массу справокъ и указаній на всѣ практическія вопросы школьнаго дѣла и школьнаго быта. № 3983 Подписка принимается въ книжничъ магазинахъ и въ главной конторѣ (Одесса, Коллесская, 28). Подписная цена съ доставкой и пересылкой, на годъ - 5 р., на девять мѣсяцевъ - 4 р., на полгода 3 р. и на три мѣсяца - 2 р. Для начальныхъ школъ и учителей въ годъ - 4 руб., за границу - 6 руб. Редакторъ-издатель П. И. Гусаренко. Издательница М. Д. Гонзаль.

МАГА ЖИРАДОВСКИХЪ ГИЛДІИ и СИНЪ МАНУФАКТУРЪ № 3799 9-5 Москва, Софіяма. Надѣянъ собственныя фабрики: по тонца, дѣтныя матеріи, купальныя принадлежности, разныя бумажныя издѣлія. Большой выборъ чудотныхъ товаровъ. Готовое приданое. Мужское, дамское и дѣтское бѣлье. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

Вовсю въ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграничій. LA VELOUTINE Специальная рисово-висмутуовая пудра. CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ К. К. МАЗИНГА въ Москвѣ, между Воздвиженкой и Знаменкой, Ваганьковскій переулокъ. Пользуется всѣми правами казенныхъ реальныхъ училищъ и состоитъ изъ 6 основныхъ классовъ и химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса. Во всѣ классы воспитаніи принимаютъ приходившихъ и пансионеры. Въ подготовительномъ отдѣленіи принимаются воспитанники съ 8 лѣтъ. Начало приемныхъ экзаменовъ 8 августа, начало ученія 16 августа. Прошенія принимаются ежедневно кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. до 3 часовъ. Въ іюлѣ былъ произведенъ VIII выпускъ учениковъ, при чемъ получили аттестаты и свидѣтельства объ окончаніи курса 41 ученикъ, а именно: По основному отдѣленію: 1) Адамъвантъ, 2) Барнетъ, 3) Богдановъ, 4) Буниинъ, 5) Варжаневскій, 6) Вильямъ, 7) Волгородскій, 8) Ворошиловъ, 9) Герасимовъ, 10) Гонзаго-Давидовскій, 11) Грибановъ, 12) Грибовъ, 13) Ивановъ, 14) Калейниковъ, 15) Ламакинъ, 16) Масловъ, 17) Персидъ, 18) Ростовцевъ, 19) Соловьевъ, 20) Хлудневъ, 21) Шахровъ, 22) Шилевъ. № 3965 По химико-техническому отдѣленію: 1) Алексѣевъ Владиміръ, 2) Алексѣевъ Михайль, 3) Алдартъ, 4) Васильевъ І, 5) Васильевъ ІІ, 6) Воронскій, 7) Жезуанъ, 8) Зубцовъ, 9) Илановъ, 10) Казанковъ, 11) Литошинскій, 12) Митрофановъ, 13) Млышковъ, 14) Недѣлко, 15) Персиянниковъ, 16) Симоновъ, 17) Стѣпановъ, 18) Уколовъ, 19) Шешковъ.

ФИСГАРМОНИИ

лучшихъ французскихъ и американскихъ фабрикъ въ 100, 110, 130, 150, 160, 175, 200, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 руб.

Играть на фисгармоніи можно легко выучиться. Кто немного играетъ на фортепиано, тому игра на фисгармоніи не составляетъ никакого труда.

Школа для фисгармоніи въ 3 руб. Иллюстрированный прейсъ-курнтъ инструментовъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи—бесплатно.

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо №3985
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ПЕЧАТЮЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курнтъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки. Они-же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Клейтона и Шутлорфта въ Англии и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеи и „Дези“ и сноповязалокъ Мау Корнма въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандала и копныя грабли Тигръ завода Стодартта, ридовыя сѣлки Сакка и проч. № 3959 (5)

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, б.мыш. Бр. Бутоновъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ВЫШИИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ДО БУДУЩИХЪ ВОЛОСНИКОВЪ ПОСТОЯННО НА СКАЛѢ ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЫ.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій мостъ. Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виннеръ, Русскій Клубъ, Модерн (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Одинъ изъ лучшихъ Свифтъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Курнтъ высылается бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Вышелъ ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЪХИЛИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туалетнаго зеркала со шнатулкой.

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотой стили и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительна, а именно 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Двадцать главныхъ

НАГРАДЪ

НА РАЗНЫХЪ

выставкахъ.

приготовленіе и продажа мыла

РАЗРѢШЕНЫ

МОСКОВСКИМЪ

Врачебнымъ Управленіемъ.

потому что оно не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

ЛУЧШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

НАХОДИТСЯ ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНАХЪ

А. РАЛЛЕ и Ко.

въ Москвѣ.

№ 3768 3-1

Оптовая продажа:

Розничная продажа:

Богоявленскій пер., д. Чижовыхъ. Кузнецкій мостъ. д. Солодовникова.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ въ Гогенгеймѣ.

Зимній курсъ начинается во вторникъ, 15-го Октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаетъ по желанію бесплатно

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ Гогенгеймъ въ Іюль мѣс. 1889 г.

Vossler.

Разрѣшенное Справочное Бюро и обезпеченное въ 1884 г. „Н. ДОНИЧЪ“ ное залогомъ.

Принимаетъ заявленія и выдаетъ справки всякаго рода: о покупкѣ, продажѣ, залогѣ и арендѣ: имѣній, домовъ, дачъ, фабрикъ, заводовъ, торговыхъ, промышленныхъ, фабричныхъ, заводскихъ, ремесленныхъ заведеній и друг. дѣлъ; о капиталѣ, подл. залогъ недвижимости.

АДРЕСОВАНІЕ писемъ и телеграммъ на „Справочное Бюро“ подл. № или лит. до востребованія.

Принимаетъ печатаніе ОБЪЯВЛЕНІЙ въ газеты и журналы ПО ЦѢНАМЪ РЕДАКЦІИ. Лица, не желающія оглашать въ заявленіяхъ или публикаціяхъ своего адреса и фамиліи, забираютъ такыя № квитанціи, выданной отъ Справочнаго Бюро.

АДРЕСЪ для городскихъ и иногороднихъ: Москва, Софійка, противъ пассажа, Справочное Бюро „Н. ДОНИЧЪ“.

№ 3971 3-2

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

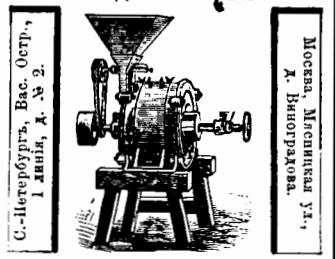
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптеки или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ не преможно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (77) № 2946

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ ТОВ. БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ

обращаетъ вниманіе гг. хозяевъ на мукомольныя мельницы „ТРИУМФЪ“ съ вертикальными жерновами, какъ на самыхъ простыхъ, производительныхъ и доступныхъ. Строймъ 3 размѣр.

ЛОКОМОБИЛИ 3, 4 и 6 силъ (спеціальности). Большой выборъ ручныхъ и конныхъ

МОЛОТИЛОКЪ, ВЪЯЛОКЪ-СОТИРОВОКЪ, НАСОСОВЪ,

ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ и проч. Иллюстр. каталоги по востребованію.

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.

Въ никелиров. оправѣ въ 5 и 6 р. 50 к. по рубли за 2 фунт.

Въ полир. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р. Тоже съ термометромъ отъ 13 до 22 р.

Барометр. баром. и для измѣренія высотъ отъ 12 р. 50 к. до 50 р.

Е. КРАУСЪ и Ко.

Фабрика въ Парижѣ, Aven. d. l. Républ. 4. ДЕПО ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 40. Иллюстр. прейсъ-кур. высылается бесплатно.

О-ДЕ-КОЛОНЪ, ДУХИ,

Туалетныя мыла высokaго достоинства, ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА, Препараты для нѣжности кожи,

ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА, ПУДРЫ, МАСЛА ДЛЯ ВОЛОСЪ, ПОМАДЫ,

Туалетная вода и т. п. приобрѣли благодаря ихъ высokaимъ качествамъ и ихъ дешевизнѣ известность во всемъ мѣрѣ.

Просимъ всѣхъ покушающихъ парфюмерныя издѣлія требовать при покупкѣ издѣлія, снабженнаго настоящею фабричною маркой

которыя продаются почти во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Главное Депо у Александра Тисъ и Ко, Пушкинская, № 4, въ СІБ.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушки). Требуется иллюстрированное каталоги gratis et franco. Іог. Заксъ и Ко. Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. Р. № 3734 Берлинъ, Риттерштрассе 88.

ПЕЧАТЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. II. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

XX г.
№ 33

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 12 августа 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
страни.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особья приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

В. Я. Струве.

Семьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1813 году, молодой докторъ философіи, только что получившій эту степень, защищалъ диссертацию о географическомъ положеніи Дерпской обсерваторіи. Защита была блестящая, но едва ли кто-нибудь подозревалъ въ этомъ цвѣтущемъ, двадцатилѣтнемъ юношѣ будущаго знаменитаго астронома, именемъ котораго вполне можетъ гордиться русская наука. Георгъ-Фридрихъ - Вильгельмъ-Струве—такъ звали юнаго диссертанта—позднѣе сталъ извѣстенъ подъ именемъ Василія Яковлевича Струве и приобрѣлъ достаточную популярность не только какъ русскій астрономъ, но и какъ директоръ нашей Пулковской обсерваторіи, въ исторіи которой его имя занимаетъ самое почетное мѣсто. Когда вслѣдствіе личнаго доклада академикомъ Струве и Паррота, императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ соорудить главную обсерваторію на Пулковской горѣ, въ окрест-

В. Я. Струве (по поводу 50-лѣтняго юбилея Пулковской обсерваторіи).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

ностяхъ Петербурга, Василій Яковлевичъ, въ научномъ отношеніи, сталъ душою этого дѣла. Зданіе, въ коемъ теперь производятся наблюденія, располагалось по его указаніямъ; всевозможные астрономическіе инструменты изготовлялись также по его мыслямъ лучшими европейскими мастерами и притомъ въ усовершенствованномъ видѣ, на основаніяхъ выработанныхъ послѣднимъ словомъ науки. Грандіозная парижская обсерваторія, на сооруженіе которой потрачено около двухъ милліоновъ франковъ, оказалась, въ концѣ концовъ, неудобною и долго приводила въ отчаяніе французскихъ астрономовъ. Наша же Пулковская обсерваторія, благодаря заботамъ Струве, сразу поставлена была на надлежащую высоту и уже въ то время представляла полное осуществленіе того что требуется для преуспѣванія астрономіи, и того что можно было сдѣлать при современномъ состояніи оптики и практической механики. „Я убѣжденъ, писалъ Эри, директоръ

Гриничской обсерватории,—что без прилежного и внимательнаго изучения всѣхъ соприходящихъ въ Пулковѣ, никакой астрономъ не можетъ считать себя вполне знакомымъ съ практическою стороною нашей науки въ томъ совершенствѣ, какого она теперь достигла; занятія астрономовъ и ихъ точные способы наблюдений тамъ столь-же поучительны, какъ и самое устройство зданій, установка, выборъ и свойства инструментовъ⁴. Но не одно устройство нашей обсерватории и совершенство ея инструментовъ заслуживало удивленія; она прославилась и прекрасными трудами, въ силу того, что Струве умѣлъ выбрать себѣ помощниковъ изъ ученыхъ весьма талантливыхъ, дѣятельныхъ, горячихъ приверженцевъ науки.

Еще важнѣе его заслуги какъ ученаго, такъ много поработавшаго и на почвѣ практическихъ занятій, и въ области кабинетнаго труда. Едва приступивъ къ первымъ астрономическимъ наблюденьямъ, онъ опредѣлилъ широту и долготу Дерптской обсерватории несравненно вѣрнѣе, нежели прежде было извѣстно. Занявшись еще въ то время интереснымъ вопросомъ о сложныхъ звѣздахъ, Струве вскорѣ, при помощи соединенія двухъ лучшихъ инструментовъ, обнаружилъ относительныя перемѣщенія звѣздъ въ нѣкоторыхъ системахъ и для двухъ изъ нихъ вывелъ даже періоды полныхъ оборотовъ; затѣмъ онъ сдѣлалъ наблюденья надъ 405 сложными звѣздами и за эти работы удостоенъ былъ самаго лестнаго отзыва отъ берлинскаго астронома Энке. Онъ измѣрилъ также, съ барономъ Врангелемъ, дугу меридіана въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ и результаты этихъ работъ изложилъ въ двухтомномъ сочиненіи. Въ отношеніи микрометрическаго измѣренія двойныхъ и многократныхъ звѣздъ, произведеннаго съ образцовою точностью, едва-ли кто изъ современныхъ астрономовъ сдѣлалъ такъ много какъ Струве. Вообще, важнѣйшія изысканія его о сложныхъ звѣздахъ, по отзыву Бю, знаменитаго французскаго физика, заключаютъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для будущихъ открытій. Среди астрономовъ также высоко цѣнятся его работы по изслѣдованію эллиптическаго вида Юпитера, о размѣрахъ поперечника Сатурна и его колецъ и положенія этихъ колецъ относительно эклиптики, наблюденья надъ кометами, отличающіяся величайшею точностью. И практическія занятія и кабинетные труды Струве отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Онъ изслѣдовалъ вѣроятную степень полноты и точности огромной росписи звѣздъ, изданной Академіею Наукъ, представивъ при этомъ свои остроумныя соображенія объ устройствѣ окружающей насъ системы звѣздъ въ экваторіальной полосѣ неба; разсматривалъ мнѣнія разныхъ астрономовъ и философовъ о млечномъ пути и объ устройствѣ вселенной; руководилъ при окончаніи измѣренія большой дуги меридіана между Дунаемъ и Ледовитымъ океаномъ, участвовалъ и лично, и наставленіями въ хронометрическихъ экспедиціяхъ для опредѣленія разности долготъ. Воспользовавшись звѣздными росписями Брадлея, Пиацци, Лаланда и Грумбриджа, путемъ поправки, тщательныхъ сравненій, онъ вывелъ движенія для полуторы тысячи звѣздъ. Кромѣ всего этого, онъ оказывалъ не мало услуги и для болѣе тѣсной области геодезіи, между прочимъ изложивъ новые способы для изслѣдованій преломленія лучей свѣта при выводѣ высоты горъ и другихъ земныхъ предметовъ. Наконецъ, Струве руководилъ

также болшею частью географическихъ работъ, производившихся въ его время, и былъ однимъ изъ первыхъ учредителей нашего Географическаго общества. Какъ членъ совѣта и предсѣдатель его по отдѣленію русской и математической географіи, онъ много содѣйствовалъ успѣхамъ, которые сдѣлало это общество.

Василій Яковлевичъ Струве, сынъ директора альтонской гимназіи, родился 4 (15) апрѣля 1793 года въ Альтовѣ и первоначальное воспитаніе получилъ въ мѣстной гимназіи, гдѣ пріобрѣлъ основательныя свѣдѣнія въ элементарной математикѣ и древнихъ классическихъ языкахъ. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, въ которомъ онъ проходилъ курсы филологическихъ наукъ и за разсужденіе „De studiis criticis et grammaticis apud Alexandrinos“ былъ награжденъ золотою медалью, причѣмъ самое разсужденіе признано достойнымъ къ изданію на счетъ университета. Филологіей Струве заваялся съ увлеченіемъ, но слушалъ также и лекціи физики, которыя читалъ директоръ Дерптскаго университета Парротъ. Онъ первый замѣтилъ въ молодомъ филологѣ необыкновенныя способности къ наблюдательнымъ наукамъ и, развѣивая эти способности, указалъ Струве его настоящую дорогу. Когда училищный комитетъ Дерптскаго учебнаго округа, цѣня обширныя познанія Струве въ древнихъ языкахъ, предложилъ ему мѣсто старшаго учителя гимназій (и выгодное и почетное для молодого, небогатаго человѣка), Парротъ прямо отсовѣтовалъ ему принять это лестное предложеніе. Струве сталъ ревностно заниматься высшею математикой, изучилъ ее безъ посторонней помощи и, защитивъ диссертацию „De geographice positione speculae astr. Dorpatensis“, въ 1813 году, былъ, въ концѣ того-же года, опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ и астрономомъ-наблюдателемъ въ университетской обсерваторіи Дерпта. Съ этого времени начинается его въ высшей степени плодотворная дѣятельность на пользу науки, которая продолжалась пятьдесятъ лѣтъ непрерывно до конца дней знаменитаго астронома. Успѣшныя труды его обратили на себя вниманіе Императорской Академіи Наукъ, и она избрала его еще въ 1822 году своимъ членомъ-корреспондентомъ, а спустя четыре года почетнымъ членомъ. Въ 1832 году онъ сдѣлался дѣйствительнымъ членомъ академіи, получивъ право продолжать ученія занятія въ Дерптѣ за неизмѣнимъ въ С.-Петербургѣ хорошей обсерваторіи. Съ 1833 года началась постройка Николаевской обсерваторіи въ Пулковѣ и въ 1839 году Струве, оставивъ Дерптскій университетъ со званіемъ заслуженнаго профессора, вступилъ въ управленіе этой обсерваторіи. Кромѣ разнообразныхъ занятій въ ней, Струве читалъ еще публичныя лекціи въ Дерптѣ и въ Петербургѣ. Въ 1858 г. онъ тяжело занемогъ, такъ что долженъ былъ оставить Россію по совѣту врачей; но возвращеніи изъ-за границы онъ испросилъ, въ 1861 г., увольненіе отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей, оставилъ обсерваторію, но не смотря на упадокъ силъ, ежедневно занимался наукой по нѣскольку часовъ. Онъ скончался 11 ноября 1864 года, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Струве былъ членомъ почти всѣхъ академій наукъ и ученыхъ обществъ въ Европѣ и Америкѣ и кавалеромъ многочисленныхъ орденовъ русскихъ и иностранныхъ.

П. Быковъ.

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XXIII.

Прошелъ день.

Въ обращенномъ на него, все попрежнему кроткомъ и любящемъ взглядѣ Вѣрочки, онъ не прочелъ укора.

И... возненавидѣлъ ее еще болѣе.

— Что-же, тебѣ не жаль что-ли картины? угрюмо проговорилъ онъ, глядя куда-то въ сторону.

— Ахъ, ты объ этомъ... Я и сама была ею довольна... ты отлично сдѣлалъ...

И она принудила себя улыбнуться.

— Ты и лгать ужъ выучилась?.. Впрочемъ,—повинуясь внезапно нахлынувшему на него порыву накипѣвшей злости, кончилъ онъ,—вѣдь у васъ въ монастырѣ учатъ: „Ложь во спасеніе“.

— Нѣтъ, вспыхнула Вѣрочка, не выносившая нападковъ на обитель,—у насъ учатъ другому.

— Чему-же? зорко взглянулъ онъ на нее.

— Прощать и забывать зло—помнить только добро.

Нужно было видѣть Ряднова въ эту минуту.

— Уйди пожалуйста, я хочу остаться одинъ... Я еще не читалъ газетъ.

Она увидѣла цѣлую пачку ихъ передъ нимъ.

— Не хочешь-ли, я прочту тебѣ ихъ?

— Это все заботливствъ о моемъ глазѣ?.. насмѣшливо протянулъ онъ.—Да?.. Не безпокойся пожалуйста, я и самъ могу, безъ тебя... Опять-же я знаю, какъ ты пропускаешь все черезъ свою цензуру. Я не ребенокъ, чтобы мнѣ читались только пріятныя вещи...

Вѣра вспыхнула и вышла вонъ.

Третьяго дня, читая нѣкоторыя рецензіи о выставкѣ, она скрыла отъ него указанія недостатковъ, замѣченныхъ присяжными цеховыми критиками въ его картинахъ.

Рядновъ дождался, когда шумъ ея шаговъ замеръ вдали.

— Семень! крикнулъ онъ.

— Что-съ?

— Запри двери и никого ко мнѣ не пускай.

— Слушаю-съ... Окромѣ барыни?..

пою, риторическою въ художествѣ посредственностью, мнѣнью себя чуть ли не гениемъ?”

„Какимъ образомъ двадцать лѣтъ техника моя—нынѣ „предѣлъ возможнаго для русскихъ художниковъ“—оказывалась „замазываніемъ и сплошною банальностью?“

„Какимъ образомъ сюжеты моихъ картинъ „обнаруживающіе глубокую философскую мысль“, двадцать лѣтъ были только „жалкою претенціозностью русскаго доморощеннаго Мартына Задеки (такъ, кажется, не разъ вы меня называли) на общечеловѣчскія темы, отражавшіяся въ моемъ мозгу, какъ солнце въ грязной лужѣ?“

„Когда же вы лгали, г. Мочаловъ,—тогда или теперь? Что означаетъ вашъ покаянный вопль по поводу моихъ картинъ?“

„Со своей стороны, прибавлю одно: мнѣ ваши похвалы оскорбительны, тогда какъ ваша брань была только смѣшна... Я не нуждаюсь въ первыхъ и совсѣмъ не обращаю вниманія на вторую. Пожалуйста продолжайте въ томъ родѣ, котораго вѣрнымъ выразителемъ вы были вотъ уже двадцать лѣтъ. Роль вдохновеннаго Пиндара вамъ не къ лицу совсѣмъ. Вы были гораздо интереснѣе для вашей публики, т. е. для улицы и площади, когда ругались. Этотъ языкъ былъ имъ сроднѣе и понятнѣе... Самое лучшее, что вы можете сдѣлать для меня,—это забыть обо мнѣ совсѣмъ, и ужъ если хотите вспоминать иногда, то лучше продолжайте свой сплошь двадцать лѣтъ раздававшійся лай, не переходя въ другое амплуа, для котораго вы вовсе не годитесь. Оно къ вамъ идетъ, какъ къ коровѣ сѣдло.“

Написавъ это, Рядновъ прочелъ, самъ пришелъ въ восторгъ и отослалъ тотчасъ же въ редакцію „Ежедневнаго Вѣстника“ съ письмомъ къ „Киру-царю-Персидскому“.

Киръ черезъ часъ отвѣтилъ:

„Редакція отъ вашего письма въ экстазѣ. Оно будетъ напечатано завтра же. Воображаю бѣшенство Мочалова и злость почтеннаго редактора „Летучей Газеты“.

Этого „завтра“ ждалъ Рядновъ съ какимъ-то тупымъ и ноющимъ чувствомъ.

Сегодня, пока всѣ читаютъ такъ неожиданно оскорбившую его статью—онъ не хотѣлъ показываться никуда.

XXIV.

Пришло это завтра.

Мочаловъ, какъ нарочно, былъ въ самомъ злобномъ настроеніи духа.

Его пѣтуховъ точно обулѣлъ какой-то бѣсъ. Они съ утра разодрались; лучшему изъ нихъ, штанишками и воротникомъ котораго такъ гордился Мочаловъ,—другой озорникъ и воинственный бочетъ прокливалъ глазъ; третій—тоже изъ доморощенныхъ героевъ, подготовленный хозяиномъ на выставку, вылетѣлъ куда-то въ открытую форточку и отправился гулять по карнизамъ и крышамъ. Не смотря на посулы, дворники пока еще никакъ не могли отыскать бѣглеца.

Сверхъ того, и самъ Мочаловъ чувствовалъ себя скверно. Всталъ съ головою болью, въ кисломъ расположеніи духа, знакомомъ кореннымъ петербуржцамъ. Началъ было статью, но она у него не клеилась. Въ заключеніе явился одинъ изъ его безчисленныхъ кредиторовъ, одинъ изъ тѣхъ непризнанныхъ библиографовъ, которые любятъ при жизни еще описывать литераторовъ... понятно черезъ судебнаго пристава—и наговорилъ бѣдному Мочалову тысячи неприятностей. Въ концѣ-концовъ привесли „Ежедневный Вѣстникъ“ и не успѣвъ рецензентъ прочесть первую строчку Рядновской отповѣди, какъ свѣта Божьяго не взвидѣлъ и такъ заоралъ, что всѣ пѣтухи живо попрятались у него подъ столы, подъ скамьи, подъ стулья.

— Что это такое? Вотъ бездѣльникъ!..

Потомъ ему представилось, что все посѣщеніе Вѣрочкою его логовица было сообще съ ея мужемъ задуманною комедіей.

— А! вы—такъ? бормоталъ онъ.—Вы—такъ... Ну хорошо, хорошо. Теперь и я съ вами не стану церемониться... Я вамъ покажу, какъ со мною шутить, я вамъ покажу... вотъ-вотъ сейчасъ...

Если бы авторъ захотѣлъ описывать его бѣшенство, у него въ распоряженіи не нашлось бы для этого ни выраженій, ни красокъ, и начинать пришлось бы не иначе какъ съ классической фразы:

Гнѣвъ, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...

Самъ даже не сообразивъ что онъ изобразилъ сгоряча, Мочаловъ, дописавъ, отправилъ въ редакцію...

Нельзя сказать чтобы и Рядновъ былъ спокоенъ.

Утромъ на другой день онъ проснулся рано и, когда Вѣра постучала къ нему, былъ уже одѣтъ.

— Ты не хорошо чувствуешь себя?

— Пожалуйста не приставай... оборвалъ опъ ее.— Пожалуйста не приставай... Иди по своимъ дѣламъ. Самое лучшее что ты можешь сдѣлать—это оставить меня въ покоѣ.

— Я хотѣла сказать тебѣ, что вернусь домой прямо къ обѣду.

— Отлично. Мнѣ-то вы сегодня не нужны совсѣмъ.

Онъ хотѣлъ прибавить: „и не только сегодня, но и потомъ“, да увидѣвъ ее неволью остановился на полуфразѣ.

Вѣра за это время очень перемѣнилась. Она похудѣла и поблѣднѣла. Очевидно, что ея здоровье не выдержало и сильно пошатнулось. Глаза ввалились, на лицѣ то проступалъ лихорадочный румянецъ, то исчезалъ совсѣмъ, и только взглядъ ея загорался тогда, печальный и безнадежный въ одно и то же время. До сихъ поръ какъ-то Рядновъ не обращалъ вниманія на свою жену. Теперь же его неволью поразила перемѣна съ нею.

„Надо ее отправить изъ Петербурга куда-нибудь“, думалъ онъ.

И ни разу въ разившемся эгоистѣ не шевельнулось упрека самому себѣ, что ни Петербургъ, ни сѣверная зима не причинны въ этомъ, что виноватъ онъ, и одинъ онъ.

„Да... да... Пусть поѣдетъ... И мнѣ будетъ покойнѣе все-таки!“

И это было для него главнымъ въ вопросѣ о его женѣ. Впрочемъ, онъ не долго останавливался на этой мысли... Онъ позвонилъ.

— Что, Семень, еще не приносили газетъ?

— Нѣтъ. Еще часа черезъ два подадутъ.

— Ну, хорошо, ступай.

Онъ легъ въ постель опять одѣтый и попробовалъ было заснуть, но сонъ не шелъ къ нему, да и въ уцѣлѣвшемъ глазу покалывало. На этотъ разъ уже боль была дѣйствительная, не воображаемая. Онъ лежалъ закрывъ его, стараясь успокоиться.

— Это все нервное, нервное, утѣшалъ онъ самъ себя.— Стоитъ мнѣ быть одному и не волноваться, глазъ пройдетъ совсѣмъ... Остаться одному. Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы ей не поѣхать погостить въ свой далекій монастырь, гдѣ ее такъ знаютъ и любятъ, и главное онъ тогда исключительно можетъ заниматься собою и не знать больше никакихъ тревогъ...

И онъ уже сталъ мечтать, какъ одинъ здѣсь онъ мало-по-малу отдастся своей работѣ безъ помѣхъ и какъ „впослѣдствіи“ она вернется къ нему примиренною... Впослѣдствіи. Это „впослѣдствіи“ онъ отодвигалъ подальше.

Тишина, царившая кругомъ, сумракъ, котораго здѣсь лучи яркаго дня не могли разогнать изъ-за плотно опущенныхъ шторъ и занавѣсей, мало-по-малу погрузили Александра Петровича въ забытье. Онъ даже

Привалъ на охотѣ съ борзыми. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Кившенко, грав. Ангереръ.

— Я тебѣ сказала: *никого...*

Семень, постарѣвшій у него на службѣ, укоризненно покачалъ головой.

— Пошелъ вонъ, болванъ!..

Лакей вышелъ и хлопнулъ за собою дверь. Ворчанье его слышалось за нею.

Рядновъ выскочилъ.

— Ты что это бормочешь тутъ про себя?

— Не хорошо-сь, Александръ Петровичъ... Не хорошо-сь.

— Что не хорошо?.. едва сдерживалъ онъ приступы начинавшагося бѣшенства.

— Такъ... поступки поступаете... Вѣра Васильевна, истинный кладъ Господень...

— Вонъ! затопалъ онъ ногами.—Если ты еще разъ осмѣлишься—я тебя выгону на улицу... Это еще что за манера! Хамы учить меня будутъ... Вонъ!

Семень, не опуская глазъ передъ нимъ, остановился въ слѣдующихъ дверяхъ, выждалъ, пока баринъ ушелъ къ себѣ и замкнулся.

— Подлинно царь Сауль... вздохнулъ онъ.

А царь Сауль, желая успокоиться, бросился къ газетамъ, и лихорадочно развертывая ихъ, искалъ отчетовъ о выставкѣ. Они тянулись давно — нѣкоторые изданія уже дали отзывы о его картинахъ, другія — нѣтъ. Теперь онъ, пробѣгая столбцы, искалъ своего имени и имени жены. Каждая строка точно впивалась въ его сердце, съ болью проникала въ него и тамъ оставалась тяжелымъ грузомъ тоски и злобы. Большая часть писавшихъ восторженно говорили о Вѣрочкѣ. Увы! въ словахъ, посвященныхъ ему, онъ не видѣлъ той искренности и восторга, къ которому они приучили его прежде. Было уваженіе, признаніе его заслугъ. Его называли „нашъ знаменитый“, „нашъ столько потрудившійся“. Одинъ даже произвелъ его въ „маститые“. Другой, воображая, что онъ говоритъ величайшую ему любезность, сравнилъ Ряднова съ ярко закатывающимся солнцемъ и тутъ же прибавилъ: „За то восходитъ другое въ лицѣ его жены... И одно закатывающееся кидаетъ свой розовый отвѣтъ на молодое восходящее“. „Два солнца сразу“, досадливо проговорилъ Рядновъ, скомкалъ и швырнулъ газету въ уголь. Маленькія газеты не щадили его самолюбія. Одна сравнила лицо его „Тиверія“ съ московскимъ Кить-Китычемъ и прошла стихами насчетъ того, что Рядновъ ищетъ своихъ оригиналовъ, для картинъ изъ римской жизни, на Таганкѣ. Другая, зло подчеркивая, что онъ исписался, прошла не безъ яда, что де какъ существуютъ фирмы „Гаврило Пузановъ и сынъ“, такъ и Рядновъ, желая не умереть въ памяти потомства, связываетъ себя со свѣжимъ и могучимъ дарованіемъ своей жены. „Александръ Рядновъ и супруга“, такъ мы и будемъ называть эту художественную фирму: „Торговый домъ Александра Ряднова и супруги!..“ Дальше шли тонкія инсинуаціи, что если въ картинѣ Ряднова выписаны хорошо лица дѣвушекъ, то не помогала-ли ему въ этомъ нѣжная и тонкая кисть его супруги. И эта газета послѣдовала за первой. Наконецъ ему бросилась въ глаза подпись: „Мочаловъ“. Мочаловъ—вѣчный врагъ его, находившій въ самое счастливое время возможность осаживать его, смѣяться надъ нимъ съ чуткостью ищейки попадавшей на самую больную мѣста, и отыскивавшій недостатки въ его письмѣ, недостатки незамѣченные другими. „Мочаловъ“ на него дѣйствовалъ какъ красная мулета ¹⁾ на испанскаго быка. Онъ при одной только подписи этой фамиліи выходилъ изъ себя. И на этотъ разъ онъ уже не хотѣлъ читать что этотъ врагъ его нашелъ нужнымъ сказать о немъ. Онъ бросилъ газету на столъ, но его тянуло къ ней. Зналъ, что вѣдь обруганъ, не дорожилъ мнѣніемъ критика и все-таки рука

¹⁾ Плащъ или кусокъ матеріи, которыми тореро дразнятъ быковъ.

такъ и направлялась сама къ статьѣ, глаза поневолѣ точно отъскаивали начало ея.

„Опять наболталъ глупости должно - быть!.. Ну, да вѣдь я не обращаю вниманія на эту сволочь!“ старался самъ себя увѣрить онъ, пробѣгая начало отчета (гдѣ Мочаловъ вскользь сказалъ о его женѣ—призналъ за ней „нѣкоторое“ дарованіе), и вдругъ, къ удивленію своему, наткнулся: „впрочемъ, на ней отразился громадный талантъ ея мужа...“ Какъ будто мимоходомъ замѣтивъ, что строгость отношенія къ сему послѣднему объясняется уваженіемъ къ величинѣ его генія, чѣмъ больше де дано, тѣмъ больше и спросится, г. Мочаловъ вдругъ разсыпался передъ Рядновымъ въ такихъ похвалахъ, что тотъ даже глазамъ не повѣрилъ и прочелъ еще разъ. Да... это дѣйствительно написано Мочаловымъ. Вотъ и его мѣтка Н. М.-ч-ловъ. Онъ, онъ и есть!.. Что сей сонъ обозначаетъ? Разумѣется, похвалы не особенно искренни. Въ самой преувеличенности ихъ, чуткій Рядновъ угадалъ, что не отъ сердца шли онѣ.

Неужели же онъ, Рядновъ, такъ упалъ, такъ сталъ ординаренъ, плохъ, что теперь даже Мочаловъ великодушничаетъ и расхваливаетъ его? Да, эта похвала хуже всякаго оскорбленія. Каждая буква ея жжетъ и мучитъ. Не вѣря себѣ, художникъ дочиталъ до конца всю эту статью и съ какимъ-то страннымъ успокоеніемъ всталъ и прошелся.

Въ немъ точно все упало. Ему казалось необходимымъ сейчасъ же сдѣлать что-то, а что—онъ еще не зналъ самъ. Но такъ оставить этого нельзя было. Нельзя, нельзя... Ему представлялось, что статья Мочалова сегодня читается и цитируется всѣми, что всѣ смѣются надъ Рядновымъ.

— А что если подумаютъ, будто я самъ заискивалъ въ Мочаловѣ?.. будто онъ смилостивился надо мною ради моего собственного малодушія?

Ряднова даже шатнуло отъ этого предположенія.

— Да какъ-же чѣмъ-нибудь другимъ объяснить это? Какъ?.. Тѣ, кто меня не знаютъ, легко повѣрятъ этой „клеветѣ“. (Она уже сложилась въ его головѣ вся съ деталями). Кто меня знаетъ, но не любитъ, не станетъ противорѣчить ей... А найдутся такіе, которые, выдумавъ, расскажутъ, какъ я ѣздилъ къ Мочалову, упрасивалъ его... Нѣтъ, это уже слишкомъ... слишкомъ!.. Надо что-нибудь предпринять... Но что?..

И онъ опять тяжело зашагалъ изъ угла въ уголь.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ, ему хотѣлось чуть не секундантовъ послать къ Мочалову, потомъ пришло въ голову ѣхать сейчасъ же и потребовать у него объясненій... Третье показалось ему лучше всего.

— Разумѣется, эта газета не помѣститъ... нечего и думать; зато другія не откажутся... Особенно если я отправлю въ „Ежедневный Вѣстникъ“. Они съ „Летучей Газетой“ въ самой отчаянной враждѣ. Напечатаютъ сейчасъ же.

И плохо отдавая себѣ отчетъ, что онъ дѣлаетъ, Рядновъ присѣлъ къ столу и написалъ:

„Открытое письмо г. Мочалову.“

„Въ № 000 „Летучей Газеты“, вы, г. Мочаловъ, помѣстили замѣтку, несказанно мени удивившую и, простите, оскорбившую во мнѣ не только художника, но и человѣка.“

„Вы меня признаете „высокоталантливымъ“.“

„Техника моя, по вашему,—„предѣлъ возможнаго для русскаго живописца“.“

„Сюжеты моихъ картинъ, помимо „прекраснаго“, обнаруживаютъ еще и глубокую философскую мысль.“

„Очень вамъ благодаренъ, г. Мочаловъ!“

„Позвольте мнѣ только предложить вамъ по этому поводу нѣсколько вопросовъ.“

„Какимъ образомъ двадцать лѣтъ подъ-рядъ вы находили меня—„высокоталантливаго“ теперь—„напыщен-

сталъ засыпать, какъ вдругъ въ комнатѣ рядомъ слышались шаги.

— Неужели ты, Вѣра? досадливо крикнулъ онъ.

— Никакъ нѣтъ.

— Что тебѣ, Семень?

— Приказывали насчетъ газетовъ. Принесли-съ...

— Давай сюда...

Онъ приказалъ приподнять штору. Свѣтъ залилъ всю эту комнату...

Рядновъ живо отыскалъ номеръ „Ежедневнаго Вѣстника“... Вотъ онъ лихорадочно прочиталъ оглавление и наткнулся на подпись „Мочаловъ“.

У него даже сердце забилось сильнѣе. Тѣмъ болѣе что и статья значилась обращенною къ нему. Такъ и красовалось въ заголовкѣ „Господину Ряднову въ назиданіе“. Александръ Петровичъ скорѣе рванулъ, чѣмъ перевернулъ газету; вотъ она—эта статья. Сталъ читать, вскочилъ съ мѣста, бросился къ окну. Какой-то неудержимый приливъ бѣшенства залилъ его щеки яркимъ румянцемъ... бѣшенства и стыда въ одно и то же время. Опять она, опять она, на его дорогѣ!.. И на этотъ разъ онъ безсиленъ. Онъ опозоренъ ею вполне...

„Господину Ряднову угодно знать, когда я лгалъ“, мстительно писалъ рецензентъ,—„ему видите-ли оскорбительна показалась „вымоленная“ у меня похвала... Странно! Не оскорбляется же нищій, когда на его назойливое и жалобное „подайте“—подають, и чѣмъ больше, тѣмъ разумѣется онъ долженъ чувствовать себя лучше. А я на сей разъ подаль г. Ряднову даже не двугривенный, а цѣлый золотой, котораго разумѣется онъ не былъ и въ правѣ ожидать отъ меня. Но я вижу отсюда недоумѣніе читателя. Чтò значить „вымоленная похвала“, золотой поданный нищему? А то, милостивые государи, что никому и отнюдь не слѣдуетъ заниматься благотворительностью въ литературѣ, и какъ свой карманъ, такъ и сердце надо держать довольно крѣпко. Особенно бѣда съ сердцемъ нашему брату-писателю: поддашься, напимѣрь, женскимъ слезамъ, да откроешь его, ну и кончено—попалъ въ дураки. Пусть г. Рядновъ успокоится, на сей разъ я дѣйствительно оказался въ дуракахъ, да еще въ какихъ!.. Не знаю, съ его-ли вѣдома... а можетъ быть и по собственному побужденію, его ученица и жена... Впрочемъ, позволю себѣ нѣсколько пріостановиться. Впередъ прошу извиненія у г-жи Рядновой, что я мѣшаю ее въ эту исторію. Если бы ей мужъ не позволилъ себѣ вчера грубой, дерзкой и наглой выходки на мой счетъ, я разумѣется ни за какія блага въ мірѣ не раскрылъ бы читателямъ нашей маленькой обоюдной тайны. Но г. Рядновъ, котораго я хотѣлъ помиловать, позволилъ себѣ заподозрить мою правдивость и честность. Признаемся, до сихъ поръ мы еще не помнимъ примѣра такой неблагодарности или, если хотите, не знаемъ столь ловко и искусно задуманнаго и выполненнаго іезуитскаго подвоха... Судите сами... Сидить себѣ вашъ покорнѣйшій слуга у себя дома и зпать ничего не хочетъ. Вдругъ является молоденькая, хорошенькая (это подтверждаю охотно) женщина, вся въ смущеніи, съ слѣдами слезъ на своихъ очаровательныхъ глазкахъ, растерянная и сразу подкупающая въ свою пользу самаго нелицепріятнаго судью... Понятно, что я, Мочаловъ, не изъ сердобольскаго же гранита сооруженъ—растаялъ и давай утѣшать: „сударыня, вашего слова довольно“ и т. д. по вѣсѣмъ правиламъ танцовальнаго искусства. Сударыня тоже играетъ свою роль великолѣпно:

— Ахъ, мсье Мочаловъ, мой мужъ, мой бѣдный мужъ (голосъ ея становится драматическимъ)... Его убиваютъ ваши рецензіи. Если бы вы знали какъ онъ боленъ. Онъ ослѣпъ на одинъ глазъ; скоро, по словамъ профессора NN, долженъ ослѣпнуть на другой. Пощадите его... Умилосердитесь. Не губите, не убивайте...“ И

при этомъ слезы, фонтанъ слезъ, рѣка слезъ, море слезъ, океанъ слезъ... Понятно что я боялся утонуть въ этихъ слезахъ и обѣщаль все...

„Какося—обѣщаль пощадить и не губить ея мужа.

„И пощадилъ, и не погубилъ; въ первый разъ въ жизни покрививъ душою, воспѣлъ сего російскаго полишинеля, ухитрявшагося обманывать публику двадцать лѣтъ, и ослабѣвъ, прибѣгающаго къ такимъ неблагоприятнымъ приемамъ для пріобрѣтенія рецензентскихъ милостей и снисхожденія... Теперь—не моя вина. Tu l'as voulu, George Dandin!. Теперь я васъ, г. Рядновъ, какъ гоголевскій будочникъ, казню безъ милосердія. Каковъ въ самомъ дѣлѣ джентльменъ!.. Разжалобитесь слезами его жены, помилуете его—а онъ...“

Дальше Рядновъ не читалъ.

Онъ сидѣлъ весь посинѣвшій, страшный, такой страшный, что когда Семень вошелъ въ комнату, то пошатнулся...

— Не прикажете-ли доктора?..

— Нѣтъ... хрипло отвѣтилъ Рядновъ.— Когда надо будетъ, позову. Ступай.

— Александръ Петровичъ...

Но тотъ только сверкнулъ на него взглядомъ... Семень вышелъ. Черезъ полчаса Рядновъ позвонилъ его...

— Вотъ тутъ письмо на Васильевскій островъ... Можешь придти домой послѣ обѣда. Я уйду и запру квартиру. Раньше пяти часовъ не вернусь...

— А барыня?

Проклятье сорвалось у Ряднова.

— Я тебѣ сказалъ... крикнулъ онъ съ такимъ бѣшенствомъ, что старый лакей бросился прочь.

Оставшись одинъ въ квартирѣ, художникъ не тронулся съ мѣста...

Онъ туно смотрѣлъ передъ собою въ стѣну. Обрывки какихъ-то мыслей и звуковъ съ головокружительною быстротою смѣнялись въ его умѣ. То ругательства, то совѣтъ не идущія къ дѣлу соображенія о томъ, какая теперь погода, жарко-ли, какъ Доменико Морелли написалъ своего Христа и почему онъ такъ низко склонилъ его голову... И опять она, она, какъ ему казалось въ порывѣ сумасшествія, опозорившая его навсегда, навсегда.

— Это подлость, подлость, подлость! повторялъ онъ про себя.

— Этому нѣтъ имени... Пойти къ нему!.. зачѣмъ?!.. Какъ и чѣмъ она вымолила?..

И воображеніе ему рисовало отвратительныя картины, воображеніе человѣка потерявшаго самосознаніе.

Часы шли за часами, а онъ все сидѣлъ, не трогаясь съ мѣста, какъ вдругъ въ передней прозвучалъ звонокъ.

Рядновъ не тронулся.

Позвонили еще разъ, громче.

Рядновъ всталъ и машинально пошелъ отворять, какъ автоматъ пошелъ, какъ автоматъ отодвинулъ задвижку и повернулъ ключъ въ замкѣ.

— Здравствуй! Чтò съ тобой?

Вѣра смотрѣла на него со страхомъ и слезами.

Онъ загородилъ ей двери собой, хотѣлъ сказать что-то, но только въ горлѣ у него захрипѣло.

— Ты... ты... наконецъ проговорилъ онъ.

— Александръ, ты не узнаешь меня, что-ли?

— Какъ же, узналъ-узналъ... Вонъ!.. и навсегда вонъ... Вонъ—къ Мочалову, къ кому хочешь, на улицу... Продажная...

— Опомнись...

— Вонъ!.. прочь!..

И скомкавъ газету, все еще бывшую у него въ лѣвой рукѣ, онъ съ такой силой толкнулъ ею Вѣру въ лицо, что та, съ дикимъ, полнымъ ужаса крикомъ, упала навзничь на площадку лѣстницы.

Онъ долго вспоминалъ потомъ это мгновенно помертвѣвшее лицо, это тѣло падавшее внизъ, этотъ крикъ, замершій въ воздухѣ... Вспоминалъ *потомъ*. Въ эту же минуту онъ, прохрипѣвъ еще разъ: „вонь!“—заперъ свою дверь...

Когда явился Семень, Рядновъ лежалъ глядя все такъ же, безъ смысла и цѣли, передъ собою.

Отворивъ ему, Александръ Петровичъ коротко приказалъ:

— Все что тутъ есть принадлежащаго Вѣрѣ Васильевнѣ, снеси къ ней внизъ. Слышишь—все. И помни: если она придетъ, меня для нея нѣтъ дома. Ее сюда не пускать вовсе.

— Господь съ вами...

— Если же ты за нее, то завтра можешь убираться вонъ.

— Что-жъ дѣлать. Силъ моихъ нѣтъ, я уйду-съ... Я не могу видѣть этого.

— Иди... иди прочь... Вонь!.. Мнѣ никого не надо...

XXV.

Вѣра только черезъ двѣ недѣли стала поправляться.

Она лежала у Марьи Францовны внизу—раза два зашелъ къ ней Семень, уже не служившій у Ряднова.

Когда она наконецъ настолько собралась съ силами, чтобы спросить у хозяйки о своемъ мужѣ, та коротко ей отвѣтила: „потомъ“, и только черезъ нѣсколько дней сообщила, что мужъ ея переѣхалъ со своей квартиры на Васильевскій островъ. Она теперь по часамъ лежала закрывъ глаза, нарочно, чтобы съ ней не заговаривали, и переживала все это недолгое прошлое, ея прошлое, начавшееся такъ свѣтло и радостно, такъ много обѣщавшее и, побаловавъ ее нѣсколькими ясными днями, измучившее ее разомъ... Да... она не могла вспомнить безъ ужаса о мукахъ, пережитыхъ ею. Но ни въ душѣ своей, ни въ памяти она не находила осужденія человѣку которому была такъ много обязана когда-то и котораго такъ беззавѣтно любила. Она старалась найти ему оправданіе въ его болѣзни, въ его страданіяхъ. Это былъ не онъ, нѣтъ, не онъ, это *другой* сидѣлъ въ немъ—и кстати мелькнули въ ея головѣ рассказы Степаниды-подворотницы объ одержимыхъ. Дѣйствительно—одержимый... Развѣ не одержимымъ былъ онъ когда съ такою сатанинскою злобой отшвырнулъ ее отъ себя на лѣстницѣ? Развѣ не одержимымъ былъ онъ, оскорбляя ее день за днемъ, часъ за часомъ?.. Чѣмъ же другимъ объяснить все это?.. И съ воспоминаніемъ смутнымъ о Степанидѣ, передъ Вѣрой встала точно надежною стѣною, защитою отъ всѣхъ бурь, тишина обитали... Словно въявь увидѣла она передъ собою ея колокольни, ея соборы и церкви, кельи и садикъ, залитые солнцемъ, щедро залитые солнцемъ, отъ веселаго блеска котораго развозились чижи въ вязахъ, щелы и ласточки въ липахъ... А на кладбищѣ-то теперь поди какъ тихо! Недвижно стоитъ высокая густая трава, вся осыпанная росой. Искрится только. Не шелохнутся кусты, осыпанные цвѣтами. Тихо спятъ въ своихъ могилахъ добрыя бабушки, такъ нѣжно любившія ея далекое дѣтство. И какъ нарочно въ эту минуту ударилъ Исаакіевскій колоколь. Она даже вздрогнула въ своей постели и плотнѣе зажмурила глаза, чтобы не видать всего окружавшаго ея міра... Она слушала звонъ и заставляла себя думать, что она у себя, въ томъ крохотномъ домикѣ, что это въ монастырѣ благовѣстятъ къ обѣднѣ, что вотъ она сейчасъ выйдетъ и мать Степанида привѣтливо улыбнется ей подъ воротами и мать Варлаама ласково потреплетъ ее по щекамъ своей старческой рукою... А колоколь звонитъ все больше и больше, и чудится Вѣрочкѣ: въ полумракѣ высокаго собора одинъ за другимъ входятъ черные силуэты монахинь... Входятъ и размѣщаются. Слышенъ шорохъ отъ ихъ мантій, тихій шопотъ молитвъ, и она

сама, дѣвочкой, стоитъ въ уголкѣ, любуясь на тусклый блескъ иконостаса, доискиваясь у ветхихъ иконъ прежнихъ, написанныхъ на нихъ чертъ... А тамъ по лицу Богоматери покатила алмазная слезка...

И вдругъ неудержимо захотѣлось ей скорѣе оставить этотъ ненавистный городъ, съ его вѣчнымъ разладомъ и нравственными муками, и уйти далеко-далеко, въ ту тихую пристань, въ царство безмятежной молитвы.

Вѣрочка оправлялась быстро. Странное нравственное состояніе охватило ее послѣ всего пережитаго, что-то чего она сама не могла бы объяснить себѣ, если бы только думала или рассуждала о своемъ положеніи какъ слѣдуетъ.

Точно что-то оторвалось отъ сердца. Точно что-то сломалось въ ея груди...

Въ изломѣ еще чувствовалась тупая боль, но Вѣрочкѣ было какъ-то все равно. Внутри ныло, но вовсе не отъ сознания ужаса окружавшаго ее,—нѣтъ!.. Точно эта боль была только слѣдомъ пережитаго несчастья, о которомъ она уже успѣла совсѣмъ позабыть.

Именно—ей было все равно.

Она слушала все что передавала ей Марья Францовна, и добрая женщина, по выраженію ея лица, угадывала, что больной вовсе это не интересно.

Она улыбалась на шутки профессора, посѣщавшаго ее, хотя ея болѣзнь и не относилась къ его специальности. Даже заставляла себя слушать стихи, которые онъ декламировалъ по старой памяти. Но еслибы ее спросили, о чемъ шутить и что читаетъ онъ, она навѣрное не могла бы отвѣтить на такой вопросъ.

Профессоръ-окулистъ привелъ врача, который лѣчилъ Вѣрочку.

Она обстоятельно отвѣчала ему на всѣ его разспросы, принимала лекарства, — чаще забывала объ этомъ, и когда, придя къ ней, онъ находилъ на ея столикѣ нераскупоренныя бутылочки съ микстурами и качаль головой, она краснѣла и признавалась, что только теперь вспомнила о немъ и о нихъ.

Ей все чаще и чаще казалось, что кругомъ звонятъ ея монастырскіе колокола.

Они звонили и утромъ и вечеромъ, и днемъ и ночью, когда она просыпалась, и, прислушиваясь къ нимъ, она до такой степени вся уходила въ чудный міръ своего прежняго, что ни для чего сегодняшняго у нея не оставалось ни памяти, ни сознанія.

Разъ какъ-то пришелъ къ ней профессоръ, привязавшійся къ ней, какъ къ дочери.

— Ну, беззащитная жертва, что дѣлаете?

— Лежу...

— Лежите, это я вижу... Читаете?.. книгъ не видать—значитъ нѣтъ... Размышляете?..

Она сдвинула брови, точно думая, размышляетъ она или нѣтъ.

— Это у васъ послѣ всего пережитаго... Да... родъ умственного столбняка... Ну, да это скоро пройдетъ и вы опять будете молодцомъ. Именно молодцомъ. Да еще какимъ!.. Вотъ вамъ кстати,—и онъ ей подаль букетъ изъ розъ.—Нарочно для васъ досталъ. Поди-ка другой добудь въ этомъ сезонѣ, а я могу... Да-съ. Пусть онѣ вамъ напоминаютъ далекое ваше Капри... Знаете—въ моей юности дѣвицы, желавшія выйти замужъ, распѣвали обыкновенно:

Скажите мнѣ, зачѣмъ вылаютъ розы
Эфирною душою по веснѣ...

И потомъ самымъ пронзительнымъ голосомъ на высочайшихъ ноткахъ заканчивали:

Скажите мнѣ!
Скажите мнѣ!..

Она привудила себя улыбнуться, но улыбка вышла дѣланная. Профессоръ замѣтилъ это и огорчился. Онъ

Отъ новаго урожая. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, грав. Флюгель.

откинулся на спинку кресла и стал напѣвать, acompa-
нируя себя пальцами по колѣнямъ:

Коли я те не по праву,
Возьми въ ручки пистолетикъ,
Возьми въ ручки пистолетикъ
Прострѣли ты жизнь мою—
Я и тѣмъ буду довольна,
Что умру отъ рукъ твоихъ,
Безпокойный человекъ.

Какъ ни была апатична Вѣрочка, по послѣ этого па-
лицѣ ея скользнула, точно лучъ весны, улыбка.

— Вотъ такъ-то лучше... Такъ-то лучше.

— Вы его... — она вспыхнула опять, — его-то навѣ-
щаете?

— Да, былъ, какъ-же...

— Ну, и что-жъ?

— Относительно чего вамъ угодно знать?

— Глазь...

— Глазь?... По всѣмъ правиламъ науки... Отлично
идеть... къ вѣрному уничтоженію...

— И нельзя спасти?

— Нѣтъ... Да вы знайте ужъ лучше себя, а о немъ
забудьте. Помилуйте, что за человекъ этакій, даже до-
садно! Я заговорилъ о васъ, онъ нахмурился и выпал-
дилъ: „безъ нея я скоро поправляюсь.“ Онъ даже не по-
нимаетъ, какъ онъ виноватъ по отношенію къ вамъ.

— Богъ съ нимъ. Я не помню его вины.

— Однако!.. Помните только себя теперь, и живите
для одной себя. Этакъ, увѣрваю васъ, будетъ куда
лучше. А всякій разъ, какъ станеть забирать васъ
жалость—знаете сами, женская натура-то вѣдь подлая,—
ну, такъ вотъ, какъ станеть забирать васъ жалость, вы
сейчасъ и вспоминайте во всѣхъ подробностяхъ, что въ
послѣднее время происходило между вами.

— Я этого не помню...

— Ахъ, и это отшибло?

— Нѣтъ... Я помню каковъ онъ былъ въ первое,
счастливое время.

— Такъ!.. Я говорю, что женская натура самая
подлая какая есть! Она обо всемъ дурномъ забудеть,
а немного хорошаго, что выпало ей въ жизни, такъ и
будеть стоять передъ ней вѣчно. Потому-то вы такъ и
любите всевозможныхъ негодиевъ, какіе только суще-
ствуютъ на бѣломъ свѣтѣ. Приласкаетъ ее, а потомъ
хоть дѣлай самую сверхъестественную гадости — все
равно. Одинаково простить ихъ.

— Удобно-ли ему на новой квартирѣ?

— Я бы его, знаете, на колъ посадилъ и сталъ спра-
шивать—удобно-ли ему. Разумѣется, удобно. Какъ горо-
шина въ пузырь, одинъ болтается въ пяти комнатахъ.
Теперь еще за картину засѣлъ. А знаете что я вамъ

скажу... Самое лучшее что вы можете сдѣлать теперь—
это уѣхать изъ Петербурга. Именно убирайтесь-ко вы
отсюда вонъ. Помните, какъ наши дѣдушки пѣвали:

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.

Такъ вотъ, душа моя, и вамъ слѣдуетъ въ пустыню
удалиться отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.

— Я жду, когда подымусь.

— А тогда?

— Уѣду на время... пока онъ не опомнится и не
позоветь меня.

— Ну, на него надежда плохая! Плюньте лучше. У
меня, при моей крохотной дочуркѣ нянька состоитъ,
такъ она отъ всѣхъ огорченій одинаково лечитъ ее:
„плюнь“, говоритъ, „душенька, на каку!“ Такъ и вы
плюньте на каку. Да-съ. Ну, что вамъ, въ самомъ дѣлѣ,
стѣбитъ—взяли да и забыли.

— Я уѣду, рѣшительно заговорила она, — уѣду въ
монастырь, туда, къ себѣ...

— И отлично, и великолѣпно. Только не въ мо-
нахини.

— Нѣтъ, у меня тамъ домикъ маленькій. Много
солнца и тихо-тихо такъ. Стану рисовать тамъ, рабо-
тать.

— Великолѣпно, милая вы моя дѣвочка! Велико-
лѣпно!

И она закрыла глаза и тотчасъ-же ей послышался
звонъ знакомыхъ колоколовъ. Они точно звали ее.

„Приди къ намъ, измученная, приди къ намъ, боль-
ная и разбитая, и мы успокоимъ тебя...“

И чѣмъ дольше лежала она съ закрытыми глазами,
тѣмъ громче звонили колокола.

Такъ что докторъ, внимательно посмотрѣвъ на нее,
на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты, и наткнувшись въ
коридорѣ на Марью Францовну, замахалъ на нее ру-
ками.

— Что вы?

— Тише, тише... Спать, заснула... Не беспокойте ее.

А колокола такъ и разливались, такъ и звонили
мѣдными языками своими надъ задремавшею страдали-
цей и какое-то чудное небо раскрывалось ея же закры-
тымъ очамъ. Точно съ него сползали прочь сѣрыя,
грузныя тучи. Тихо-тихо сползали. Пригрѣвало ее
оттуда солнцемъ.

— Да, уѣду!..

И она разомъ открыла глаза и поднялась.

Къ крайнему удивленію ея, профессора уже не было,
только розы, оставленные имъ на ея столикѣ, всю
комнату наполняли своимъ ароматомъ.

(Продолженіе будетъ.)

Боръ.

Поэма Алексѣя Луговаго.

I.

Бѣжавъ изъ каменныхъ палатъ
Столицы шумной и надменной
Въ родную глушь, гдѣ такъ смиренно
Мой старій домъ и старій садъ
Надъ тихой рѣчкойю стоить, —
Я ожилъ здѣсь душой и тѣломъ,
И радость въ сердцѣ зануствѣломъ
Проснулася вновь... Давно, давно
Я не былъ здѣсь... и вотъ — оно
Передо мной, мое родное,
Мое забытое село,
Гдѣ безвозвратно протекло
То время жизни золотое,
Когда въ кругу своей семьи
Я годы лучшіе мои,
Ни горя, ни заботъ не зная,
Въ безнечной нѣгѣ проводилъ...
Я выросъ здѣсь... я здѣсь любилъ...

Но кровь кипѣла молодая,

И скученъ былъ мнѣ мой удѣлъ:
Я славы и борьбы хотѣлъ,
Покоюмъ, нѣгой тяготился
И въ даль безвѣстную стремился.

И я покинулъ барскій домъ
Съ полуразрушеннымъ крыльцомъ,
Гдѣ, сына въ путь благословляя,
Стояла мать моя, рыдая;
Покинулъ рѣчку съ островкомъ,
Рыбачью лодку, садъ тѣнистый
И прудъ широкій за селомъ;
Покинулъ сѣнокосъ душистый
И лѣсъ, обвившійся кольцомъ
Вкругъ нивы съ пышными хлѣбамъ, —
И за гранитными стѣнами,
Гдѣ люди съ черствыми сердцами,
Инаго счастья я искалъ...
И съ той поры я испыталъ
Тревогъ и горя много, много...
То было время мрачныхъ сновъ...

Но вотъ — у отчого порога
Я вновь, — и здѣсь, подъ шумъ лѣсовъ,
Заснули горе и тревога.
Привѣтъ тебѣ, сосновый боръ,
Родимый боръ, товарищъ дѣтства!..
Я снова твой!.. туманитъ взоръ
Слеза, и — юности наслѣдство —
Воспоминанья о быломъ
Въ душѣ неволью воскресаютъ...
Да, хорошо въ краю родномъ!
Здѣсь всюду надо мной витаютъ
Мечты и грѣзы прежнихъ дней,
И я какъ будто молодѣю...
И окруженъ толпой тѣней,
Въ раздумьи сладкомъ цѣпелю.

Бывало, утренней порой,
Едва румяною зарей
Зардѣеть небосклонъ далекій,
Тепло и свѣтъ волной широкой,
Проснувшись, солнце разольетъ

И, поднимаясь горделиво,
Погонить прочь туманъ болотъ
И отъ росы осушить нивы,—
Уж я не силу: скорбе въ лѣсъ,
Скорѣй подь яркій сводъ небесъ
Изъ душевной снальни убѣгаю
И долго по лѣсу блуждаю;
Тамъ, внемля голосу весны,
Бьется всюду жизнь струей кипучей;
Смолистымъ запахомъ сосны
Насыщенъ воздухъ, и колючей,
Зеленой, свѣжею иглой
Одѣвъ побѣги молодой,
Своей кудрявой голодой
Киваютъ сосны вѣковыя;
Звѣрей и птицъ незримый хоръ
Поетъ хвалебный гимнъ природѣ,
И вторитъ имъ зеленый боръ:
Въ его вершиннахъ на свободѣ
Гуляетъ вѣтеръ и шумитъ,
Какъ будто съ ними говоритъ,
И — образецъ непостоянства —
Любовной рѣчью ихъ покой
Смутить, съ отвагой молодой
Летитъ въ далекое пространство...

Уставъ бродить, ложился я
Въ тѣни, на берегу ручья,
Что изъ-подъ корня пробиваясь,
Между корнями извиваясь,
По дну песчаному бѣжалъ...
Но я не долго отдыхалъ:
Зенита солнца достигало,
Ко мнѣ сквозь вѣтви проникало,
И вотъ несносный пожда зной
Невольнo гналъ меня домой,
Гдѣ, барскія храня хоромы,
Отъ лѣтнихъ зной и истомы,
Рядъ плотно замкнутыхъ ставней
Не пропускалъ дневныхъ лучей...

А помнишь-ли, родимый боръ,
Какъ ты пугалъ меня, бывало,
Когда серебряный уборъ
Тебѣ на кудри надѣвала
Красавица-зима, и я,
Порой вечерней, одиноко,
Въ груди дыханье затая,
Лѣсной тропинкою далеко
Въ твои трупцы заходилъ?
Невольный страхъ меня томилъ,
Когда, во мракѣ зимней ночи,
Вперивъ испуганныя очи
Въ твою таинственную сѣнь,
Какой-нибудь громадный пещь,
Покрытый шапкой сѣнковой,
Я за медвѣдя принималъ
И осторожно отступалъ
Назадъ, предъ встрѣчей роковою
Бѣжать не смѣя; а за мной,
Тогда, какъ будто въ отомщенье
За твой нарушенный покой,
Ты слалъ въ догонку привидѣнья...
Но мой испуг не зналъ границъ,
Когда еще въ тотъ мигъ, случайно
Загѣбетъ трескъ необычайный
Старикъ-морозъ, и сталъ птицъ
Съ своихъ ночлеговъ встрепенется,
Съ зловѣщимъ крикомъ пронесется
И въ чащѣ скроется лѣсной, —
Я весь дрожжалъ... сѣбшилъ домой
И думалъ: больше ни ногой!..
Но страхъ пройдетъ, и манитъ снова
Меня таинственный твой видъ,
Какъ будто счастья неземного
Открыть опъ тайны мнѣ судить;
Невѣдомая страсть и вѣга
Меня, бывало, въ часъ ночной
Влекутъ волшебною рукой
Въ твои владѣнья, въ царство снѣга.

Когда-жь, бывало, чередой
Смѣняя тьму почей мятельныхъ,
Въ твоихъ чертогахъ бѣлосѣжныхъ
Ночуетъ вѣснцъ молодой,
И въ драгоцѣнные каменья,
Какихъ красивѣй не найдешь,
Ему постель ты уберешь, —
Въ какомъ восторгѣ и смущеньи

Я предъ тобой тогда стоялъ!..
Тогда я страхъ позабывалъ —
Я былъ тобою очарованъ,
Мой дорогой, дремучій лѣсъ;
Въ тебѣ былъ цѣлый мѣръ чудесъ,
И ты былъ словно заколдованъ:
Безъ словъ ты сказки мнѣ шепталъ,
И я нѣмымъ рѣчамъ внималъ...

Я сказкой съ дѣтства избалованъ
Старухой нянею моею,
И до конца печальныхъ дней
Моей отрадой будутъ сказки —
Мечты предательскія ласки.

II.

Потомъ я помню лѣтній день:
Съ утра промчался дождь, и тучи,
Разсѣявшись толпой летучей,
Еще кой-гдѣ бросали тѣни;
Но солнце жгло уже... и нива,
Что у опушки лѣса шла,
Въ лучахъ, какъ въ золотѣ, была,
А легкій вѣтерокъ лѣвною
Колосьево море волновалъ
И отъ дождя ихъ осушалъ.

Какой-то праздникъ былъ; сосѣди
Въ тотъ день на праздничномъ обѣдѣ
У насъ гурьбою собрались, —
Тогда вездѣ еще велись
Порядки прежняго довольства,
Гостеприимство, хлѣбосолецтво
Въ домахъ помѣщичьихъ цвѣло...
То время въ вѣчность отошло.

Въ числѣ гостей, съ старухой теткой,
Была она — она, чей взоръ,
Любовию сившій кроткой,
Я позабыть не могъ съ тѣхъ поръ,
Когда, еще дѣтми, играя,
Ее я назвала „дѣвѣй рая“;
Чей образъ я въ душѣ носилъ,
Кого я пламенно любилъ,
Другаго божества не зналъ,
Въ теченьи многихъ, многихъ лѣтъ...
Мнѣ въ припомнить тѣхъ названій,
Ни словъ, ни красокъ тѣхъ ужъ нѣтъ,
Какими я ея портретъ
Писалъ въ стихахъ моихъ „посланий“.
Но изъ-за скромности моею
Въ любви признаться я боялся,
И ей прочесть я не рѣшался
Всего написаннаго „къ ней“.
И все „посланий“ поэта
Огонь камина скрылъ отъ свѣта.

За-то читалъ я ей не разъ
Все, что написано въ романахъ
О сладостныхъ любовныхъ ранахъ,
И въ выраженьи нѣжномъ глазъ
Порой я могъ-бы видѣть ясно,
Что я люблю... но, все напрасно —
Простыхъ двухъ словъ: „люблю тебя“
Не смѣлъ я произнести — дити —
И, отдавая часть признанья,
Терпѣлъ напрасныя страданья...

Итакъ, въ тотъ день въ числѣ гостей
Была она... Немало дней
Прошло съ тѣхъ поръ, но сохранила
Мнѣ память все, о чемъ тогда
Она со мною говорила,
Что отвѣчалъ я, и когда,
Какъ въ наши дѣтские года,
Она была порой игрива,
То вдругъ задумчива порой,
То снова дѣтски шаловлива, —
Едва я могъ владѣть собой:
Любовь — въ словахъ изъ устъ просилась,
Любовь — въ глазахъ моихъ свѣтилась,
И для любви лишь сердце билось;
И еслибъ не толпа гостей,
Казалось, я признался-бъ ей.

Но вотъ, откушавъ, гости чинно,
Привычкѣ слѣдуя старинной,

Кто былъ постарше — разбрелись:
Тотъ въ кабинетъ, тотъ въ залъ, тотъ въ
спальню,
А кто такъ и во флигель дальній,
И потихоньку улеглись
Вздремнуть — отъ сытнаго обѣда
У хлѣбосольнаго сосѣда, —
А молодежь, шумя, рѣзвясь,
Толпой веселой понеслась
Въогнь, чрезъ поле, въ боръ сосновый
Искать грибы...

... О, счастья часть!
Когда-бъ ты могъ, вернувшись снова,
Остаться вѣчною для насъ!..

Я рядомъ съ нею шелъ; отстали
Мы почему-то отъ другихъ,
И насъ отъ взоровъ ихъ скрывали
Ряды высокихъ и густыхъ
Колосьевъ ржи; взявъ колосья снѣжныхъ,
Я изъ него рукой несмѣлой
Сухія зерна вынималъ
И, другъ за другомъ ихъ бросая,
Склонившись къ милой „дѣвѣ рая“,
„Не любить — любить“ — ей шепталъ.
Но прежде, чѣмъ отвѣтъ счастливый
Услыли зерна мнѣ сказать,
Она рукой нетерпѣливой
Схватила колосья, и бѣжать
Впередъ пустилась...

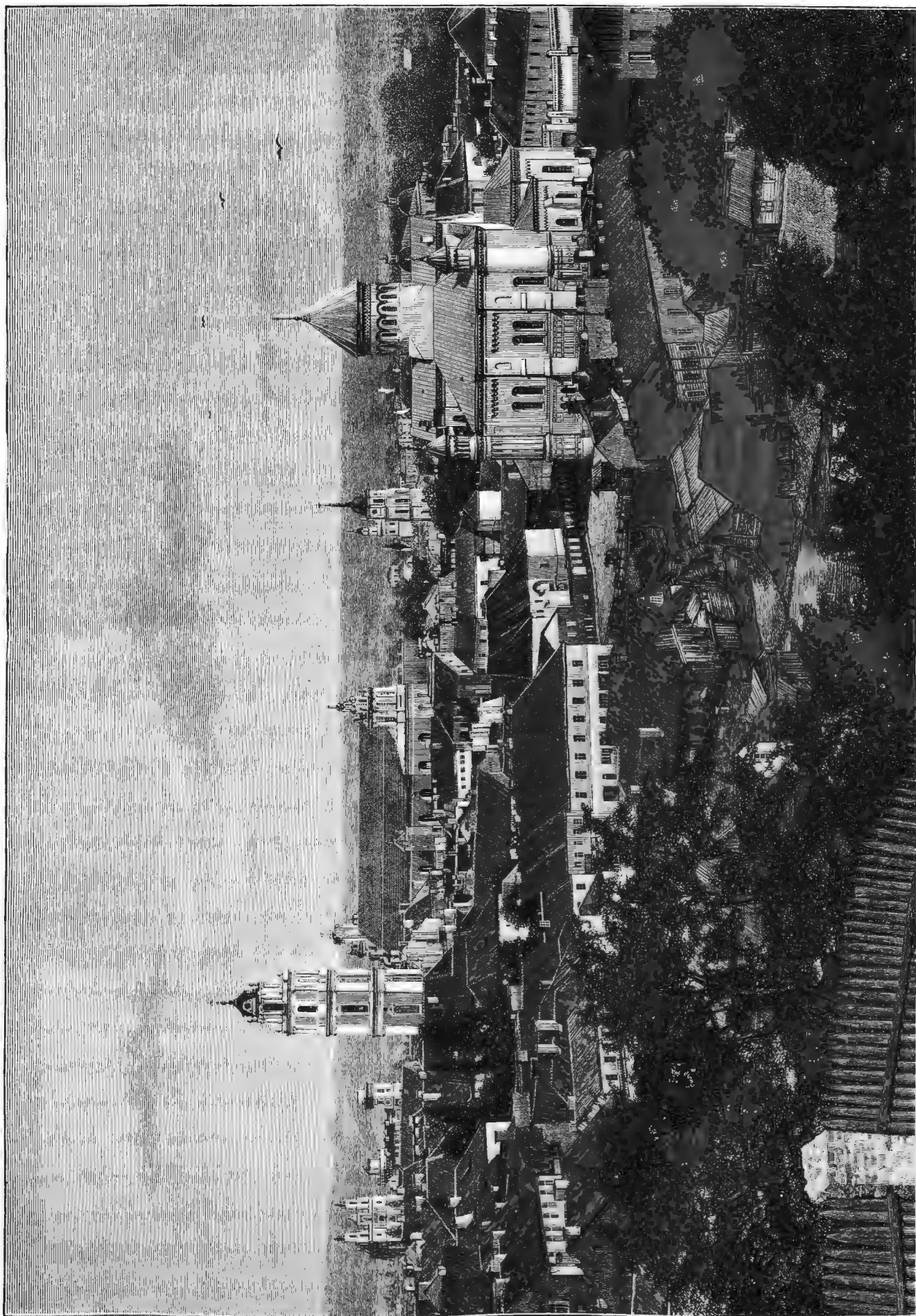
... До опушки,
Гдѣ лѣсъ сѣвнѣй примкнулъ къ полямъ,
Я не догналъ моею рѣзвухи —
А насъ давно ужъ ждали тамъ,
Чтобъ у меня спросить дорогу
Къ грибнымъ мѣстамъ, и понемногу
Потомъ въ лѣсу все разбрелись,
И скоро въ чащѣ раздалась
Веселые раскаты смѣха,
Да гулъ ауканья порою
Будиль чуть дремлющее эхо
И замиралъ въ глуши лѣсной.

III.

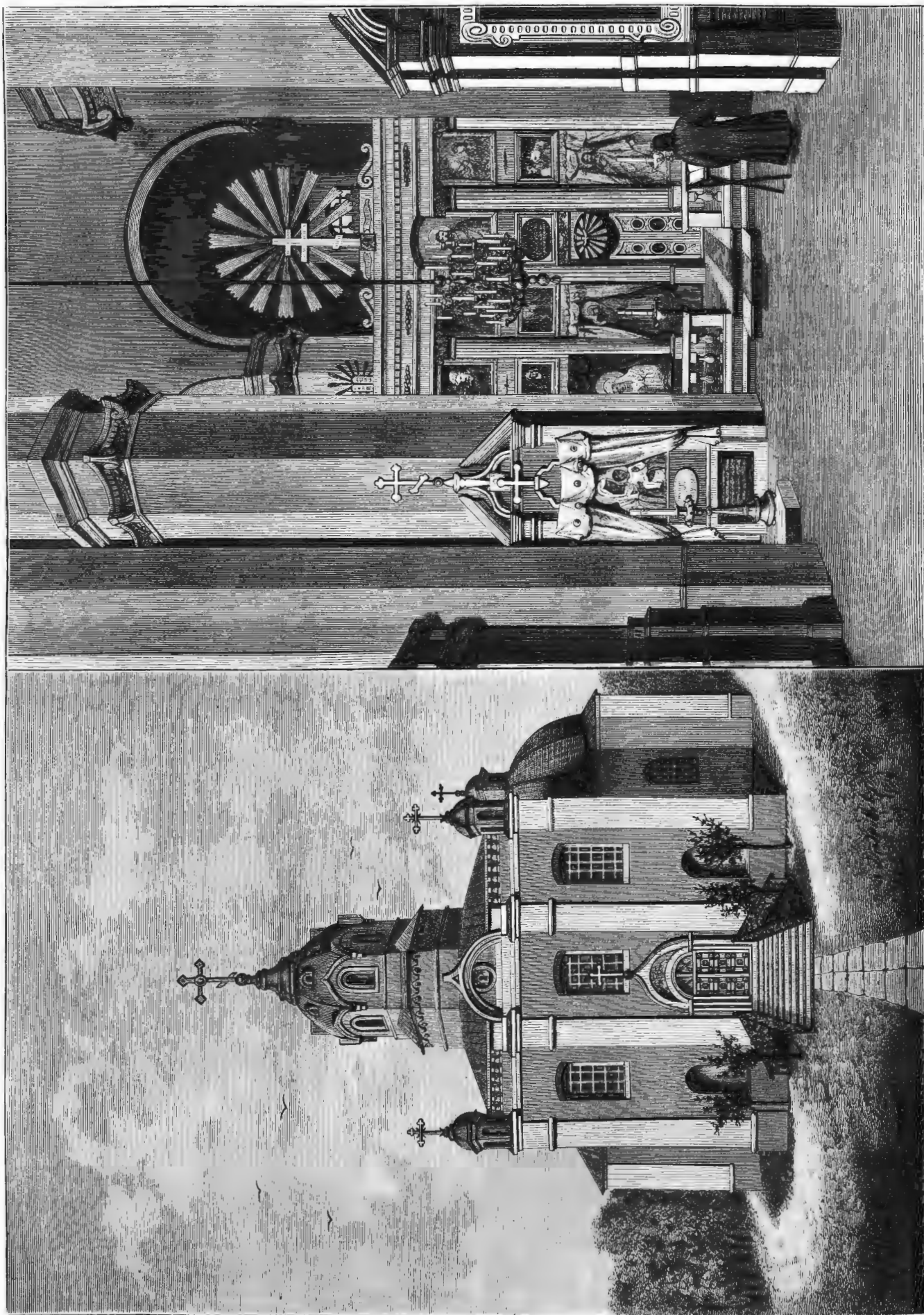
Мы долго вмѣстѣ съ ней бродили...
Она задумчива была;
По склону свѣтлаго чела
Порою тѣни проходили,
Въ ея задумчивыхъ очахъ
Читалъ я мысль — не о грибахъ:
Грибы насъ сами находили
И другъ за дружкой — скокъ, да скокъ! —
Наполнили нашъ кузовокъ, —
Нѣтъ, мнѣ казалось, что украдкой
За мною взоръ ея слѣдилъ
И о любви мнѣ говорилъ...
И думалъ я съ надеждой сладкой,
Что мигъ признанья не далекъ,
Что сердце не напрасно билось,
И та любовь, что въ немъ таилась,
Какъ пышный разцвѣтетъ цвѣтокъ.
Но и теперь я, какъ и прежде,
Искалъ отрады лишь въ надеждѣ,
А робость одолѣть не могъ,
Чтобъ, наконецъ, у милыхъ ногъ
Унасть и, переставъ скрываться,
Въ святой любви моею сознаться.

Молчали оба мы... въ лѣсной
Глаши вдвоемъ мы очутились
И, утомленные ходьбой,
Присѣсть и отдохнуть рѣшились.
Земля, какъ бархатнымъ ковромъ,
Покрыта хвоею и мхомъ,
Казалась намъ постелью пышной;
Надъ нами ты, дремучій боръ,
Намъ что-то прошептывъ чуть слышно,
Зеленый чудный свой шатеръ
Гостеприимно распростеръ.

Мы сѣли... смотримъ: передъ нами,
Не грибокъ — король между грибами,
Громадный боровикъ сидѣлъ
И съ любовитствомъ и смущеньемъ
На насъ, казалось, глядѣлъ...
Ужъ я сорвать его хотѣлъ,
Какъ вдругъ порывистымъ движеньемъ

Общій видъ города Вильны. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Церковь Троицкого монастыря въ Вильнѣ. Съ фотогр. грав. Ращевскій.

Видный видъ храма.

Внутренній видъ храма

Ея дрожащая рука
Мою остановила руку.
„Къ чему? оставь старика,
„Ему ли вынести разлуку
„Съ родимой почвой? — пусть живет!
„Онъ старъ и дрихль — пускай онъ ждетъ
„Зимы, чтобъ на постели снѣжной
„Заснуть на-вѣки безмятежно.“

И этой рѣчью тронуть былъ —
Она мнѣ музыкой звучала;
А та, кого я такъ любилъ,
Въ своей рукѣ мою сжимала
И улыбалась кротко мнѣ...

Тогда, въ какомъ-то полуснѣ,
Не въ силахъ долѣе таиться,
Не въ силахъ все еще открыться,
Предъ ней я на колѣни всталъ,
И рѣчь такую о себѣ я
Отъ имени гриба держалъ:

„Царица фей! меня жалѣя,
„Ты тѣмъ сказала мнѣ, кто ты.
„Да, я узналъ тебя: ты — фел,
„Дитя Поэта и Мечты!..
„Грибнаго царства представитель,
„Неограниченный властитель
„Всегда послушныхъ мнѣ рабовъ,
„Растущихъ здѣсь въ бору грибовъ.
„Я предъ тобой главу склоняю!
„Сегодня ты меня спасла:
„Тебѣ хвалу я возсылаю
„И выѣсть съ тѣмъ, не помня зла,
„И чуждый всякаго коварства,
„Прощаю я того, кто царство
„И жизнь взять у меня хотѣлъ.
„Теперь отъ старика сѣдого
„Прошу я выслушать два слова.
„Царица! мнѣ судьба въ удѣлъ
„Дала чудесный даръ познавша
„Любви, боящейся признанья;
„И мнѣ случилось не разъ,
„Въ моихъ владѣньяхъ отдаленныхъ,
„Вдали отъ любовныхъ глазъ,
„Встрѣчать застѣнчивыхъ влюбленныхъ:
„Всегда сочувствовалъ я имъ.
„(Я самъ когда-то былъ любимъ
„И много зналъ ночей безсонныхъ.)
„Завидѣвъ парочку, я къ нимъ
„Пошлю, какъ будто бы случайно,
„Тотчасъ изъ подданныхъ своихъ
„Кого-нибудь — онъ сблизитъ ихъ,
„И то, что долго было тайной,
„Наружу вырвется; а я,
„Любуясь новою четою,
„Смѣюсь довольный самъ собою:
„Цѣлуйте, думаю, друзья, —
„Задача кончена моя..
„Царица! жизнью и короной
„Тебѣ обязанъ я сейчасъ —
„А потому, на этотъ разъ,
„Хочу я собственной персоной
„Тебѣ открыть, въ моей глуши,
„Страдающа любящей души,
„Давно томящейся въ незнаньи,
„Какъ примешь ты ея признанье;
„И если, внявъ ей мольбамъ,
„Твоя душа сольется съ нею —
„Клянусь короною моею —
„Всѣхъ больше радъ я буду самъ,
„И всѣмъ подвластнымъ мнѣ грибамъ
„Устрою я блестящій праздникъ
„И дамъ имъ свадебный обѣдъ!..“

Я кончилъ, и, смѣясь, въ отвѣтъ
Она мнѣ молвила: „прокажись!
„Смотрите! да скорѣй, скорѣй!..“

Она въ восторгѣ вдругъ сказала,
И мнѣ на небо указала.

IV.

Я оглянулся: межъ вѣтвей,
Спустившихся кругомъ, какъ рама,
Небесъ видѣлась панорама,
И по лазурной вышинѣ
Тамъ облака толпою плыли..
Одни бѣлѣ снѣга были,
Другія, словно какъ въ огнѣ,
Въ лучахъ заката утонали
И яркимъ пурпуромъ блистали,
Иль, свившись клубкомъ густымъ,
Чернѣли пятнами, какъ дымъ.
То развивался, то свивался,
То замедляя свой полетъ,
То снова быстро удалялся,
То другъ за друга укрывался,
То выдвигаясь впередъ, —
Шли облака за облаками;
Игралъ формой и цвѣтами,
Они мѣняли передъ нами
Картинъ волшебныхъ рядъ живой,
Рядъ чудныхъ, смѣлыхъ сочетаній,
Рядъ прихотливыхъ очертаній,
Штриховъ неумовимыхъ рои!..

Восторгъ подруги раздѣляя,
Я самъ восторгомъ былъ объятъ
И, устремивъ на небо взглядъ,
Стоялъ, невольно забывай
Ту рѣчь, что я сейчасъ сказалъ..
Что на нее отвѣтъ я ждалъ..
И сердце билось, замирая..

А мнѣ межъ тѣмъ уже шепталъ
Моей подруги голосъ нѣжный:
„Смотрите! вонъ, среди цвѣтовъ,
„Въ одеждѣ легкой, бѣлоснѣжной,
„Съ толпой подвластныхъ ей духовъ —
„Малютокъ эльфовъ и фей — игралъ,
„Идетъ Титанія младая..
„Ее встрѣчаетъ Оберонъ,
„Ревнивый мужъ ея!.. А вонъ,
„Печальный Демонъ, духъ измѣнья,
„Въ пурпурной мантии своей
„Летитъ къ Тамарѣ на свиданье..
„Смотрите!.. онъ сиустился къ ней
„И рѣчью лживою и страстной
„Смущаетъ умъ княжны прекрасной..
„А тамъ, какъ будто-бы въ тѣни,
„Я вижу чей-то страшный профиль..
„Да, это онъ — злой Мефистофель!
„Хочетъ онъ.. а вонъ, они:
„Красавецъ Фаустъ!.. Маргарита..
„Обнявшись по саду идутъ —
„Ее обманъ и горе ждутъ,
„Но будущность предъ нею скрыта,
„И неземное выраженье
„Хранить ея невинный листъ!..“

Потомъ смѣшались на мигъ
Бѣгущихъ облаковъ видѣнья;
Но не надолго.. и опять,
Гонимы нашими мечтами,
Чредою понеслись предъ нами —
То рыцарей желѣзныхъ рать,
То караванъ въ пескахъ пустыни,
То мавры смуглые въ чалмахъ,
То обнаженные рабыни;
Потомъ, на вздутыхъ парусахъ,
Явились, волны разсѣкая,
Нормандскихъ викинговъ суда;
Потомъ, другъ друга обгоняя,
Неслись драконовъ, змѣй стада;
Тамъ — мрачный Давтъ и съ нимъ Виргилій

Искали въ свѣтлыхъ облакахъ
Тѣнь Беатриче; тамъ — молахъ,
Понявъ шесту своихъ усилій,
Проклявши ту, кого любилъ,
Отъ Эмеральды уходилъ;
А тамъ — вражды семейной жертвы,
Слилися въ поцѣлуй предсмертный
На ложѣ каменныхъ могилъ,
Ромео и его Джульетта!..

„Смотрите же! а это, это!..
„Вонъ, среди безжизненной равнины,
„Гдѣ прежде билися дружины,
„Большая голова лежитъ
„Одна — и своимъ глубокимъ спитъ..
„А вотъ, волшебные чертоги;
„Надъ ними куполъ золотой;
„У нихъ изъ золота пороги;
„Въ нихъ полъ, мощный бирюзой,
„И стѣны, крытыя рубиномъ..
„И здѣсь сидитъ подъ балдахиномъ
„Самъ Черноморъ, волшебникъ злой,
„Съ своей огромной бородой..
„А тамъ Русланъ въ кольчугѣ бранной
„Идетъ къ Людмилѣ — гость желанный..
„Пришелъ!.. цѣлуетъ!.. а она
„Отъ заколдованнаго сна
„Уже проснулась!.. и въ смущеньи
„Открыла очи!.. и кругомъ
„Глядитъ!.. и видитъ: отчий домъ..
„Отецъ!.. Русланъ!.. еще мгновение —
„И въ упоеньи обнимаетъ
„Онъ ту, кого давно искалъ..
„Смотри, какъ онъ ее ласкаетъ!..
„Смотри: устами онъ припалъ
„Къ устамъ красавицы Людмилы!..
„Ты видишь это?.. видишь, милый!..“
Но видѣлъ я передъ собой
Лишь взоръ подруги дорогой
И образъ страстно мной любимый;
Она сіяла красотой;
Ея слова неизъяснимо
Дышали нѣгою; они
Сомнѣнья давнія мои,
Загадку жизни мнѣ рѣшали,
Меня къ любви и счастью звали!..

Какъ сквозь преграды вдругъ прорвется
Рѣка, и вольно понесется
Потокомъ бурнымъ по лугамъ, —
Такъ и любовь, что по годамъ
Въ сердцахъ застѣнчивыхъ таится,
Рѣкою бурной вдругъ родится
И требуетъ сполна свое!..

И, помню, обнялъ я ее,
Мою красавицу-подругу,
И долго-долго цѣловалъ, —
Любви давнишнему недугу
Цѣлбобной помощи искалъ
Я въ вихрѣ пламенныхъ лобзаній,
И годы долгіе терзаній
Минутой счастья искупалъ..
Я помню, какъ она унала
Въ объятья страстныхъ мои
И первый поцѣлуй любви
Лобзаньемъ трепетнымъ встрѣчала..
Я помню, какъ тогда у ней
Разбились локоны кудрей,
Зардѣлось личико стыдливо,
И страстью вспынулъ нѣжный взоръ!..

Какъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ пор!..

Привѣтъ тебѣ, родная нива!
Привѣтъ тебѣ, родимый боръ!..

Полувѣковой юбилей Николаевской Пулковской обсерватории.

(Рис. на стр. 836 и 837).

7 августа 1889 года Николаевская Пулковская обсерватория празднуетъ наступленіе втораго пятидесятилѣтія своего существованія. По этому поводу мы нашли необходимымъ отправить заблаговременно въ Пулково нашего спеціального корреспондента-фотографа, дабы ознакомить читателей „Нивы“ съ тѣми усовершенствованіями, которыя за послѣднее время были внесены въ устройство нашей знаме-

нитой (и обширнѣйшей въ свѣтѣ) обсерватории, въ тѣсной связи съ безостановочнымъ движеніемъ механики и техники, непрерывно изумляющихъ насъ новыми открытіями и изобрѣтеніями. Слѣдующимъ подѣлиться съ нашими подписчиками тѣмъ запасомъ снимковъ и тѣми свѣдѣніями, которыми нашъ корреспондентъ вполне обязанъ просвѣщенному вниманію начальства и любезной предупредительности слу-

жащих въ Пулковской обсерваторіи представителей русской науки.

Считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ устройствомъ обсерваторій вообще. Встарину, ради болѣе обширнаго кругозора, обсерваторіи строились на высокихъ башняхъ (напр. даже Лейпцигская, выстроенная въ 1787—90 г.), но съ прошлаго столѣтія убѣдились, что такіа высокія зданія слишкомъ чувствительны къ потрясеніямъ и влѣдствіе неравнобѣрнаго нагрѣванія солнцемъ представляютъ весьма колеблющееся основаніе, почему на нихъ и невозможна та точность наблюденій, какой требуютъ нынѣ усовершенствованные инструменты и развитіе техники наблюденій. Поэтому теперь строятъ низкія обсерваторіи, а болѣе инструменты ставятъ отдѣльно на каменныхъ устойахъ, которые не имѣютъ связи съ частями самаго зданія. Затѣмъ строятся башни съ вращающеюся круглою крышею, которая позволяетъ производить наблюденія по всѣмъ направленіямъ; кромѣ того, устраиваютъ террасы и т. п. для наблюденій подъ открытымъ небомъ. Всѣ зданія обсерваторіи должны быть расположены въ тихомъ, спокойномъ мѣстѣ, подальше отъ многолюдныхъ улицъ, отиудь не внутри города. Совершенной пустоты горизонта не требуется, такъ какъ на наблюденія свѣтила близъ горизонта нельзя полагаться. Достаточно если значительная часть неба надъ головою, т. е. облагающая зенитъ, не заслоняется сосѣдними зданіями.

Пулковская возвышенность, лежащая на югѣ отъ Петербурга, по направленію шоссеиной дороги, соединяющей столицу съ Царскимъ Селомъ, поднимается довольно высоко надъ уровнемъ моря, а именно, на 240 футовъ. Въ то время, когда положено было первое основаніе нашей обсерваторіи въ Пулковѣ, шоссеиная дорога, пролегающая у подошвы Пулковской возвышенности, имѣла еще значеніе весьма важнаго и весьма оживленнаго пути, по которому совершалось, главнымъ образомъ, сообщеніе между обѣими столицами — Петербургомъ и Москвою. Движеніе на этомъ пути было настолько сильно, что однихъ рессорныхъ экипажей (кромѣ почтовыхъ повозокъ и обозныхъ телѣгъ, тянувшихся непрерывными рядами) насчитывали въ часъ, въ каждомъ пунктѣ дороги, около 60. Не успѣла еще обсерваторія и достроиться, какъ уже возникла первая въ Россіи желѣзная дорога—Царскосельская... Затѣмъ, не замедлили постройкою и другія двѣ дороги—двѣ важнѣйшія артеріи нашей государственной и народной жизни— Николаевская и Петербурго-Варшавская желѣзныя дороги, и всѣ три миновали Пулково, даже не коснувшись подножія холма, на которомъ съ 7 августа 1839 года первые русскіе обсерваторы, подъ руководствомъ ученаго астронома В. Я. Струве, впервые направили къ небу свои наблюдательные взоры, вооруженные превосходными обсервационными инструментами—въ то время лучшими въ Европѣ. Такимъ образомъ, Пулковская обсерваторія, на своемъ высокомъ холмѣ, при трехъ желѣзныхъ дорогахъ, пролегающихъ мимо ея, осталась все-же значительно удаленною отъ столицы — осталась, къ великому благоу ученой колоніи, обитающей подъ мирнымъ кровомъ зданій обсерваторіи, — въ „сторонѣ отъ большаго свѣта“, въ сторонѣ отъ шума и суеты столичной. Обсерваторія Пулковская удалена отъ зданія С.-Петербургскаго Адмиралтейства на 18 верстѣ, а отъ окраины города (Московской заставы) на 14 верстѣ, и даже отъ ближайшей стціи желѣзной дороги (Царскосельской) на 5 верстѣ... Потому-то именно, на вершинѣ Пулковскаго холма и сложилась жизнь маленькой ученой колоніи такъ спокойно и прочно, что вы, едва вступивъ подъ роскошную сѣнь парка, окружающаго обсерваторію, уже чувствуете себя гдѣ-то очень далеко отъ Петербурга, хотя онъ и виденъ весь какъ на ладони съ Пулковскаго холма,—хотя вы и знаете, что Пулковская обсерваторія, при помощи телеграфной проволоки, и водить стрѣлками лучшихъ столичныхъ часовъ, и даетъ ежедневно столицѣ точнѣйшее указаніе полудня обыкновенно вѣстовою пушкою.

Надъ дверью, ведущею въ главный или, лучше сказать, въ торжественный залъ обсерваторіи, подъ портикомъ въ строгомъ и простомъ іоническомъ стилѣ, красуется цифра МDCCCXXXIX—годъ достославнаго основанія Пулковской обсерваторіи, полвившейся по величавому мановенію императора Николая, который не пожалѣлъ средствъ на это учрежденіе и сдумалъ создать себѣ въ немъ достойный памятникъ. Залъ, въ который вы входите изъ-подъ портика, представляетъ собою только историческій музей, гдѣ собраны портреты знаменитѣйшихъ астрономовъ всего свѣта, начиная отъ Коперника и Галилея и до Араго, Леверье и новѣйшихъ астрономовъ, между которыми видное мѣсто занимаютъ и портреты основателя Пулковской обсерваторіи—Василія Яковлевича Струве и его ученаго преемника и сына, Оттона Васильевича Струве, нынѣшняго директора обсерваторіи. Портреты астрономовъ висятъ по стѣнамъ исторической залы, а средина ея, отдѣленная кругообразною колоннадою, представляетъ собою нѣкотораго рода святилище, вмѣщающее въ себя только портреты трехъ Императоровъ: Николая I, Александра II и Александра III—и прекрасный бюстъ императора Николая I, которому обсерваторія обязана своимъ славнымъ полувѣковымъ существованіемъ.

Необходимые инструменты для каждой обсерваторіи суть:

меридіанальный кругъ, полуденная труба, экваторіаль, вертикальный кругъ, гелиометръ, нѣсколько телескоповъ меньшаго размѣра, вѣрные (астрономическіе) часы, электрическіе регистрирующие аппараты и метеорологическіе инструменты.

Меридіанальный кругъ, изобрѣтенный еще Олафомъ Рёмеромъ, но только въ началѣ нынѣшняго столѣтія введенный въ употребленіе Рейхенбахомъ, есть астрономическій инструментъ, которымъ съ помощью часовъ можно наблюдать такъ-называемое кульминаціонное время, т. е. моментъ, въ который свѣтло достигаетъ наибольшей высоты или, другими словами, проходитъ черезъ меридіанъ; вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдаются разности прямыхъ восхожденій и одновременно точныя кульминаціонныя высоты свѣтила, а изъ послѣднихъ, вычитаніемъ высоты экватора, вычисляются склопенія свѣтилъ. Кругъ (рис. на стр. 837) состоитъ изъ телескопа (а,а), который движется только въ плоскости меридіана и неподвижно укрѣпленъ на горизонтальной оси (b,b), направляющейся отъ востока къ западу; уголь-же наклоненія телескопа къ горизонту отыскивается на кругѣ перпендикулярномъ къ оси. Горизонтальная ось эта помѣщается въ особой комнатѣ (меридіанной), при чемъ цапфы ея покоятся на двухъ каменныхъ стойахъ (с,с), которые проходятъ сквозь полъ и не находятся въ связи ни съ какою частью зданія. Середина оси состоитъ изъ нутаса внутри куба, который, посредствомъ привинченныхъ къ нему нутасыхъ конусовъ, соединяется съ обѣими стальными цапфами. На этомъ кубѣ, съ обѣихъ сторонъ, перпендикулярно къ оси, прикрѣплены двѣ слабо-ковчешскія трубы, составляющія тѣло телескопа. На узкомъ концѣ одной трубы находится объективъ (предметное стекло телескопа), на другой—окуляръ (глазное стекло). Въ объемѣ фокусы ихъ натянута сѣтъ изъ вертикальныхъ наутинокъ, по которымъ и заставляются пролагаться наблюдаемую звѣзду, отлѣчая время прохожденія по ударамъ часовъ или регистрируя его на хронографѣ помощью электрической проволоки. Дальнѣйшее описаніе меридіанальнаго круга потребовало-бы слишкомъ много мѣста и все-таки не было-бы повяно не-спеціалисту.

Для той же цѣли — наблюденій прохожденія звѣзды черезъ меридіанъ — служитъ изобрѣтенный Олафомъ Рёмеромъ *пассажный инструментъ* или *полуденная труба*, который отличается отъ меридіанальнаго круга лишь болѣе крупными дѣленіями. Онъ (рис. 3 на стр. 836) состоитъ изъ астрономическаго, снабженнаго крестообразно натянутыми нитями, телескопа (а, а), подобно меридіанальному кругу двигающагося лишь въ плоскости меридіана, на горизонтальной оси, покоющейся на двухъ каменныхъ устойахъ (b, b). На одномъ изъ концовъ оси находится кругъ съ алидадою, позволяющей устанавливать телескопъ такъ чтобы звѣзда, коей меридіанальную высоту требуется опредѣлить, при кульминаціи вступала въ поле зрѣнія. Для этого опредѣленія достаточно дѣленій круга, на которомъ обозначены минуты. Если-же требуется точнѣйшее наблюденіе кульминаціонныхъ высотъ, дѣленія круга должны быть возможно мельче—и тогда инструментъ получаетъ названіе меридіанальнаго круга.

Для измѣренія высоты свѣтилъ внѣ меридіана служитъ такъ называемый *вертикальный кругъ* (рис. 2 на стр. 836). Устройство его слѣдующее: на верхнемъ концѣ вертикальнаго столба (а), вращающагося около своей оси, находится горизонтальная ось подвижнаго вертикальнаго круга, а другой, равный ему и концентрической вертикальный-же кругъ неподвижно прикрѣпленъ къ столбу; такъ что по дѣленіямъ одного изъ круговъ, при помощи находящагося на другомъ кругѣ нониуса, можно измѣрить величину дуги, на которую слѣдуетъ повернуть находящійся на оси подвижнаго вертикальнаго круга телескопъ (b), для того чтобы онъ изъ горизонтальнаго положенія направились на звѣзду.

Экваторіаль служитъ для отысканія на небѣ звѣзды, коей предварительно даны часовая уголь и склопеніе.

Гелиометръ есть точнѣйшій астрономическій инструментъ для измѣренія весьма малыхъ угловъ. Описаніе завлекло-бы насъ въ подробности оптики и механики. Достаточно сказать, что имъ опредѣляется напр. кажущійся діаметръ солнца въ минутахъ и секундахъ, несмотря на то, что уголь образумый линіями идущими отъ глаза къ крайнимъ точкамъ этого діаметра почти ничтоженъ.

Изъ телескоповъ нынѣ на обсерваторіяхъ употребляются только *рефракторы*, т. е. состоящіе изъ однихъ стеколъ (лишь), въ противоположность такъ-называемымъ катоптрическимъ телескопамъ, въ составъ которыхъ входитъ и зеркало.

Всѣ эти виды астрономическихъ инструментовъ имѣютъ достоянныхъ представителей въ Пулковѣ.

Колонны историческаго зала поддерживаютъ главную башню обсерваторіи, нѣкогда составлявшую ея гордость: башню, въ которой находится превосходный 15-ти-дюймовый рефракторъ, работы Мерца и Молера въ Мюнхенѣ. Искусно маскированныхъ двери ведутъ изъ круглой исторической залы въ смежный съ нею помѣщенія обширнаго зданія обсерваторіи: въ западный залъ, гдѣ стоитъ *пассажный* инструментъ и *большой вертикальный кругъ* (оба—работы Эртели въ Мюнхенѣ); въ восточный,—гдѣ помѣщается одинъ изъ важнѣйшихъ инструментовъ обсерваторіи, *большой меридіанальный кругъ* (работы Ренсоляда въ Гамбургѣ), и наконецъ—въ южный залъ, гдѣ помѣщается еще одинъ *пассажный* инструментъ. Кромѣ главной башни, на

серединѣ зданія обсерваторіи, надъ круглою залой, по бокамъ зданія, находятся еще двѣ башни; изъ нихъ, въ восточной помѣщается *телометръ*; въ западной—*меньшій рефракторъ*, предназначенный для зашитій молодыхъ обучающихся астрономовъ. Рядомъ съ круглою залой, въ небольшомъ отдѣльномъ помѣщеніи, соединенномъ телеграфною проволокою съ нѣкоторыми столичными зданіями *), помѣщается главный хронометръ обсерваторіи, опредѣляющій нормальное среднее время. Поднимаясь по лѣстницѣ изъ круглаго зала вверхъ, къ средней башнѣ, вы проходите мимо превосходной библиотеки Пулковской обсерваторіи, въ которой собрано *все*, что наука довѣсть произвела и напечатала важнаго по астрономіи, не исключая и самой небольшой брошюры или диссертациі.

Вокругъ главнаго зданія, среди зеленыхъ лужаекъ и роскошныхъ цвѣтниковъ, расположены отдѣльныя небольшія зданія, въ которыхъ устроены особыя обсерваторіи, снабженныя всѣми необходимыми инструментами, для наблюдений не связанныхъ съ общими научными работами главной обсерваторіи.

Несмотря, однако же, на всѣ капиталныя затраты, которыя шедрою рукою императора Николая были сдѣланы при основаніи и первоначальномъ обзаведеніи обсерваторіи, быстрое поступательное движеніе науки, постоянно заявляющей новыя требованія, и необычайные успѣхи техники вызвали въ послѣднее десятилѣтіе массу новыхъ затратъ на пополненіе ученыхъ средствъ обсерваторіи и вынудили правительство къ новымъ и крупнымъ затратамъ. Оптическое вооруженіе обсерваторіи, несмотря на то, что она обладала прекраснымъ 18-дюймовымъ рефракторомъ — оказалось недостаточнымъ... Освѣщеніе ученыхъ помѣщений и мастерскихъ обсерваторіи масломъ и керосиномъ — также отжило свой вѣкъ, въ виду электрическаго освѣщенія... И вотъ, на холмѣ, занятомъ мирною колоніею, опять поднялась тревога—стали воздвигать, на югъ отъ главнаго зданія, новую огромную башню (рис. 1, на стр. 836), съ вращающимся верхомъ, для новаго громаднаго телескопа, 30-ти-дюймового рефрактора, заказаннаго новой оптической знаменитости—Кларку въ Америкѣ. И во всемъ остальномъ зданіи начались передѣлки, обновленія, приспособленія для электричества, для замѣны камня чугуномъ, для замѣны дерева и мѣди, прежде облекавшихъ главный рефракторъ — новою оболочкою изъ метала.

Въ результатѣ всѣхъ работъ и обновленій Пулковская обсерваторія обогатилась новымъ гигантскимъ телескопомъ, въ которомъ одно стекло (объективъ) стоитъ 80,000 р. с. Весь же инструментъ, со всѣми приспособленіями и особою, вновь встроеною для него башней, обошелся болѣе 300,000 р. с. Помѣщеніе для этого гиганта (рис. 5, на стр. 836) представляетъ огромный круглый залъ, саженъ въ десять вышины (при глубинѣ фундамента почти въ 1½ сажени), съ широкимъ балкономъ и вращающимся куполообразнымъ верхомъ. Телескопъ-гигантъ (а) съ величайшею легкостью и удобствомъ приводится въ движеніе посредствомъ двухъ ручныхъ колесъ, движущихъ механизмомъ, скрытымъ внутри чугуннаго столба, служащаго ему опорой; человекъ, поставленный на маленькомъ балкончикѣ, около этихъ колесъ, одною рукою вращая то или дру-

гое изъ нихъ, можетъ совершенно свободно заставить трубу подняться или опуститься или совершить полный оборотъ кругомъ опорнаго столба. Вокругъ инструмента, по круговымъ рельсамъ пола, движется и особая механическая лѣстница, съ кресломъ для наблюдателя-астронома. Такая же лѣстница съ кресломъ (еще болѣе первой, нижней) ходитъ по другимъ круговымъ рельсамъ круговаго балкона (b); на это, верхнее кресло, астрономъ-наблюдатель перемѣщается въ томъ случаѣ, когда ему приходится приводить инструментъ въ положеніе, близкое къ горизонтальному. Вся башня освѣщена электричествомъ, при помощи маленькихъ, тюльпановидныхъ лампочекъ, укрѣпленныхъ въ карнизѣ балкона; особою электрическою машиною приводится въ настоящее время въ движеніе и весь громадный куполъ башни. Прежде, когда его приходилось приводить въ движеніе при помощи ручныхъ механическихъ приспособленій, этотъ куполъ совершалъ полный оборотъ въ теченіе 25 минутъ; теперь — этотъ же оборотъ совершается всего въ 3 минуты.

Послѣ того, какъ эта оптическая диковинка была установлена въ отдѣльномъ зданіи Пулковской обсерваторіи, пришлось прибѣгнуть и къ передѣлкѣ стараго 15-ти-дюймового рефрактора (рис. 4, на стр. 836), нѣкогда составлявшего гордость обсерваторіи. Тотъ-же мастеръ, Ренсольдъ въ Гамбургѣ, который исполнилъ всѣ механическія приспособленія и установилъ новый рефракторъ, передѣлалъ и старый, согласно современнымъ требованіямъ астрономической техники. Для этой цѣли онъ долженъ былъ снять его съ того каменнаго столба, на которомъ онъ былъ прежде утвержденъ, и перенести его на новый, болѣе легкій и болѣе удобный чугунный опорный столбъ, съ массивнымъ чугуннымъ противовѣсомъ. При этомъ и вся оболочка инструмента (деревяннаго съ мѣдною оковкой) была замѣнена новою, болѣе прочною и болѣе легкою, оболочкою металлическою. Наконецъ, всѣ помѣщенія главнаго зданія и физическая лабораторія были освѣщены электричествомъ.

Благодаря всѣмъ этимъ новымъ работамъ и затратамъ, произведеннымъ въ царствованіе Императора Александра III, Пулковская обсерваторія и по истеченіи перваго пятидесятилѣтія своего существованія не измѣнила тому высокому положенію, которое она, съ самаго своего существованія, заняла въ научномъ мірѣ. Она и теперь, какъ прежде, должна быть признана величайшею изъ обсерваторій въ свѣтѣ, снабженною наибольшимъ количествомъ совершеннѣйшихъ инструментовъ, доставляющихъ возможность наблюденія наибольшему числу астрономовъ-обсерваторовъ *). Продолжая блистать въ ученое мірѣ Европы своими трудами, наша обсерваторія, попрежнему, служить для Россіи разсадникомъ ученыхъ астрономовъ, и тѣмъ выполнять высокое назначеніе свое.

Въ заключеніе сообщеннаго выше о нашей Пулковской обсерваторіи, замѣтимъ кстати, что Пулковскій холмъ пересѣкается на сѣверъ, по направленію къ Петербургу, *Пулковскимъ меридианомъ*, который матеріально изображенъ въ природѣ правильно-вытянутою въ линію густою аллею высокихъ деревьевъ, гладко остриженныхъ внутрь аллеи. Видъ съ холма на шоссе и на мелькающія вдали зданія столицы, черезъ эту аллею-меридианъ, очень оригиналенъ.

Къ рисункамъ.

Привалъ на псовой охотѣ. (Рис. на стр. 820 и 821).

Натѣшились, напорскались, на-атукались до хрипоты охотнички, много угонокъ задали борзые, много зайцевъ и краснаго звѣря виситъ въ торокахъ у сѣделъ — пора отдохнуть... И вотъ, въ тѣни высокаго стога и на припекѣ въ травѣ расположились въ перемѣну люди, кони и собаки густосовыя и чистошовыя, преимущественно полдвой и муругой масти. Прекрасный рисунокъ г. Квишненко, котораго охотничьи сцены имѣли такой блестящій успѣхъ на выставкѣ въ Академіи Художествъ, вполне передаетъ поэзію отъѣзжаго поля.

Отъ новаго урожая. (Рис. на стр. 825).

Въ pendant къ приложенному въ № 31 *Нивы* рисунку „малороссійская жница“, помѣщаемъ изображеніе украинской молодки, въ монистѣ съ двучаками, которая вмѣстѣ съ дочуркой радуется на плоды недавнихъ трудовъ въ страдную пору жатвы, вѣя новое жито. Хлѣбъ уродился на славу, зерно задалось крупное, ровное какъ на подборъ—слава Господу, нынѣшній годъ ни въ чемъ недостачи не будетъ.

Городъ Вильна и церковь Троицкаго монастыря.

(Рис. на стр. 828 и 829).

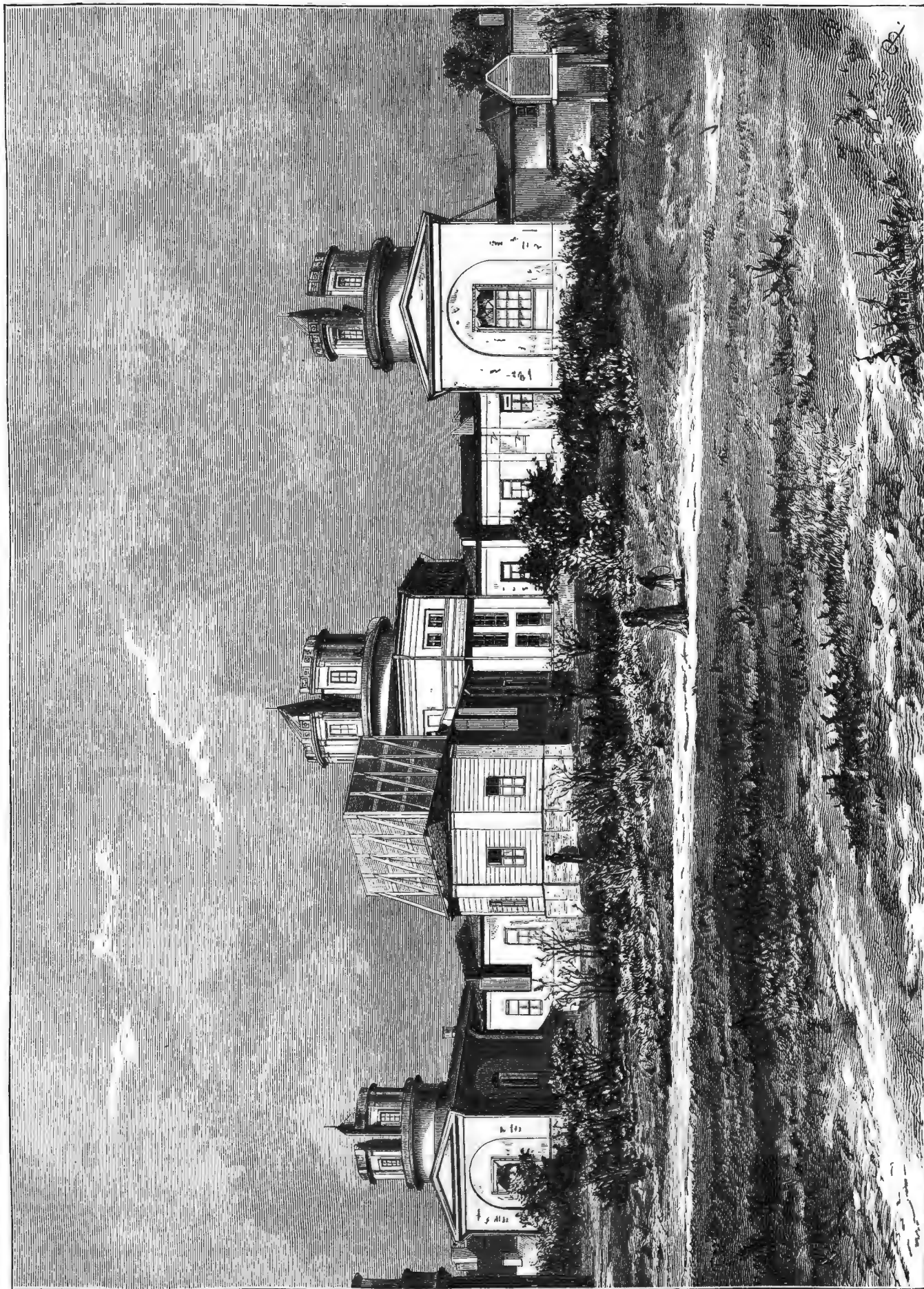
Въ № 24 нашего журнала за нынѣшній годъ, по случаю празднованія 50-ти-лѣтія воссоединенія униатовъ, было помѣщено нѣсколько гравюръ, изображающихъ главнѣйшихъ дѣятелей приснопамятнаго торжества православія, а также виды города Вильны. Нынѣ читатели найдутъ на стр. 828 и 829 общій

видъ того-же города со стороны Зарѣчья и виды наружный и внутренней церкви Троицкаго мужскаго монастыря, нѣкогда бывшаго униатскимъ храмомъ, расположеннаго рядомъ съ зданіемъ Виленской Литовской семинаріи. Основаніе нѣкогда могущественной столицы сильнаго Литовскаго княжества теряется въ глубокой древности. Впервые въ русскихъ лѣтописяхъ Вильна упоминается около 1128 года. При Гедиминѣ въ 1323 г. Вильна стала столицей Литовскаго княжества. Спустя 465 лѣтъ Вильна была взята русскими войсками; въ 1795 году вмѣстѣ Литвою присоединена къ Россіи. Въ слѣдующемъ году, въ августѣ, Вильна была сдѣлана губернскимъ городомъ Виленскаго наместничества, 12 декабря—губернскимъ городомъ Литовской губерніи и съ 1802 года—губерніи Виленской. Нынѣ въ Вильнѣ насчитывается свыше 102 тысячъ жителей, изъ которыхъ около половины католики и евреи больше четвертой части. Въ ихъ рукахъ находится вся торговля, довольно значительная, благодаря счастливому положенію Вильны на пересѣченіи нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ путей. Чрезвычайно красиво расположенная посреди живописныхъ холмовъ при впадении рѣки Вилейки въ рѣку Вилію, Вильна продолжаетъ привлекать къ себѣ путешественниковъ не только красотой своего мѣстополюженія, но и остатками старины. Особенно замѣчательны въ ней древніе храмы и костелы. Изъ первыхъ замѣчательны: соборъ Св. Николая и церковь Пресвятыя Богородицы, въ которой похоронены великій князь Ольгердъ, принявшій святое крещеніе подъ именемъ Александра, супруга его Юліана и супруга короля Польскаго Александра—Елена, дочь великаго князя Московскаго Василія Іоанновича. Изъ католическихъ церк-

*) Пулковская обсерваторія соединена телеграфною проволокою съ часами въ Императорской Публичной Библиотекѣ, съ часами въ Главномъ Штабѣ и крѣпости, а также и съ магазиномъ часовъ Эриксона, на Литейной, д. № 9.

*) Самую большую, послѣ Пулковской обсерваторіи, считается Гриничская, близъ Лондона; но тамъ работаютъ только 8 астрономовъ-наблюдателей; а у насъ въ Пулковѣ—15.

Полувековой юбилей Николаевской Пулковской обсерватории. Общий видъ обсерватории.
Съ фотогр. рис. Подбельскій, грав. Шлесскій.

вей нельзя обойти молчаніем костель Св. Іоанна, высоко подымающийся надо всіми окружающими его зданіями, какъ это видно на нашей гравюрѣ; вправо отъ него католическій кафедральный соборъ, за Пречистенскимъ соборомъ; а влѣво, вдали — костель Св. Ікова.

графъ Мольтке съ начальникомъ штаба Бекомъ. Во дворцѣ выставленъ былъ почетный караулъ отъ полка имени императора Франца-Іосифа. По обходѣ фронта, Австрійскій императоръ былъ привѣтствованъ царствующею императрицею и императрицею Августой въ верхнихъ покояхъ. Во время фамильнаго обѣда у императорской четы передъ дворцомъ исполнена была заря. Когда играли австрійскій народный гимнъ, находившіяся на балконѣ оба императора встали съ мѣсто. Въ вышедшемъ въ тотъ-же день номерѣ *Имперскаго Указателя* напечатано привѣтствіе Австрійскому императору. По словамъ газеты, Австро-Венгрія связана съ Германіей историческими традиціями, общими интересами и одинаковою любовью къ миру. Въ *Стеверо-Германской Весобийей Газеттѣ* напечатано, что свиданіе императоровъ въ Берлиѣ представляется народамъ Австро-Венгрии и Германіи признакомъ нерасторжимаго союза и дружбы. „Да почеркнетъ — восклицаетъ газета — существованіе европейскаго мира новую силу изъ этого свиданія!“ Но чешскія газеты рѣшительно отрицаютъ основательность соображеній нѣмецкихъ газетъ о томъ, будто австро-германскій союзъ будетъ длиться неограниченно долгое время. По отзыву чешскихъ органовъ, союзъ этотъ просто результатъ временной политической комбинаціи и заключенъ съ определенною цѣлью на определенное время.

Политическое обозрѣніе.

Обзорное свиданіе смѣнилось берлинскимъ. Покинувъ Англію, Германскій императоръ посѣдилъ на родину, чтобы въ Берлиѣ встрѣтить вѣнченоснаго гостя, императора Австрійскаго. Заграничныя газеты переполнены подробностями пребыванія Франца-Іосифа въ Германіи. Но наряду съ этими описаніями въ газетахъ продолжаютъ помѣщать извѣщенія о посѣщеніи императоромъ Вильгельмомъ II своей бабки и обсуждать значеніе этого визита.

Послѣ морскаго смотра на Спитгедскомъ рейдѣ состоялись въ Ольдершотѣ 26 іюля маневры, въ которыхъ участвовало 30,000 человекъ всѣхъ родовъ оружія. Во время сервированнаго въ лагерѣ по окончаніи маневровъ завтрака, императоръ Вильгельмъ отозвался о дѣйствіяхъ британскихъ войскъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ, причемъ онъ напомнилъ объ англо-прусскомъ братствѣ по оружію при Мальпакѣ и Ватерло и заключилъ свою рѣчь троекратнымъ „hoch“ въ честь британской армии. Въ заключеніе войска прошли церемониальнымъ маршемъ передъ императоромъ. Принцъ Вельскій, вслѣдствіе легкаго нездоровья, на маневрахъ не присутствовалъ. На другой день команды съ германской эскадры въ 1,500 человекъ высадились въ Осборнѣ, подъ начальствомъ императора, и командамъ былъ сдѣланъ смотръ королевою около Осборнскаго дворца. Императоръ, который былъ въ мундирѣ адмирала англійскаго флота, построилъ послѣ смотра команды въ карѣ, выразилъ имъ отъ имени королевы ея искреннее удовольствіе по поводу блестящаго ихъ вида въ строю и предложилъ троекратный „hoch“ въ честь королевы, принятый восторженно. Но на англичанъ видъ германской эскадры не произвелъ, по видимому, особенно внушительнаго впечатлѣнія. Такъ *Daily Chronicle*, между прочимъ, говоритъ, что суда, сопутствовавшія императору Вильгельму въ англійскія воды, не болѣе, какъ „плетенки“. Въ тотъ-же день на банкетѣ въ лхт-клубѣ принцъ Вельскій въ заздравной рѣчи сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ наше время каждое государство должно быть подготовлено ко всякимъ случайностямъ. Должно надѣяться, что великая германская армія, равно какъ британскій флотъ, будутъ содѣйствовать сохраненію общаго мира“. Императоръ отвѣтилъ: „Германія обладаетъ соотвѣтствующею ея потребностямъ арміею и если британскій народъ будетъ располагать соотвѣтствующимъ его потребностямъ флотомъ, то Европа вообще сочтетъ это факторомъ поддержанія мира“. Вечеромъ, 27 іюля, прощался съ королевой Викторіей, императоръ Вильгельмъ высказалъ, что онъ чрезвычайно доволенъ оказаннымъ ему въ Англіи пріемомъ и что посѣщеніе Англіи доставило ему величайшее удовольствіе. Императоръ прибавилъ, что онъ надѣется на посѣщеніе Берлина королевою. Австрійская и венгерская печать, относившаяся первоначально къ обзорному свиданію нѣсколько сдержанно, начинаетъ придавать теперь совершающимся въ Англіи событіямъ важное политическое значеніе. По словамъ *Neue Freie Presse*, визитъ императора Германскаго его Августѣйшей бабкѣ дѣйствительно имѣлъ первоначально частный характеръ, но во время пребыванія Вильгельма II въ Осборнѣ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, превратился въ первоначальное политическое событіе, которое-де должно оказать весьма серьезное вліяніе на политическое положеніе Европы вообще и юго-восточной ея части въ особенности.

Еще большее значеніе придаютъ германскія и австрійскія газеты посѣщенію императоромъ Францемъ-Іосифомъ Берлина. Въ день отъѣзда вѣнскіе органы печати посвятили этому событію передовыя статьи, причемъ офиціозная *Fremdenblatt* находитъ, будто тройственный союзъ не союзъ государей, а народовъ, а *Neue Freie Presse* высказывается въ томъ смыслѣ, что предстоящее свиданіе императоровъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ простой актъ вѣжливости, и что присутствіе въ Берлиѣ эрцгерцога Франца-Фердинанда должно свидѣтельствовать о желаніи, чтобы союзъ пережилъ теперешнее поколѣніе. Въ Берлиѣ Австрійскій императоръ и эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ прибыли, въ сопровожденіи свиты, въ 5 часовъ 31 іюля, на Тиргартенскій вокзалъ. Въ вокзалѣ находились императоръ Вильгельмъ, принцъ, князь Бисмаркъ, графъ Гербертъ Бисмаркъ и весь генералитетъ. Встрѣча обоихъ императоровъ была сердечная. Почетная стража взяла на караулъ, а музыка заиграла австрійскій національный гимнъ. Императоры прошли передъ фронтомъ почетнаго караула и, обмѣнявшись привѣтствіями съ прусскими принцами, княземъ Бисмаркомъ и прочими лицами, отправились въ коляскѣ четверкою, среди поставленныхъ шпалерами войскъ гвардіи. Публика, густою толпою стоявшая на улицѣ, восторженно привѣтствовала ихъ величества. Во второмъ экипажѣ ѣхалъ эрцгерцогъ Францъ съ принцемъ Генрихомъ; затѣмъ слѣдовали экипажи, въ которыхъ находились принцы, графъ Кальноки съ германскимъ канцлеромъ и графомъ Гербертомъ Бисмаркомъ и

графъ Мольтке съ начальникомъ штаба Бекомъ. Во дворцѣ выставленъ былъ почетный караулъ отъ полка имени императора Франца-Іосифа. По обходѣ фронта, Австрійскій императоръ былъ привѣтствованъ царствующею императрицею и императрицею Августой въ верхнихъ покояхъ. Во время фамильнаго обѣда у императорской четы передъ дворцомъ исполнена была заря. Когда играли австрійскій народный гимнъ, находившіяся на балконѣ оба императора встали съ мѣсто. Въ вышедшемъ въ тотъ-же день номерѣ *Имперскаго Указателя* напечатано привѣтствіе Австрійскому императору. По словамъ газеты, Австро-Венгрія связана съ Германіей историческими традиціями, общими интересами и одинаковою любовью къ миру. Въ *Стеверо-Германской Весобийей Газеттѣ* напечатано, что свиданіе императоровъ въ Берлиѣ представляется народамъ Австро-Венгрии и Германіи признакомъ нерасторжимаго союза и дружбы. „Да почеркнетъ — восклицаетъ газета — существованіе европейскаго мира новую силу изъ этого свиданія!“ Но чешскія газеты рѣшительно отрицаютъ основательность соображеній нѣмецкихъ газетъ о томъ, будто австро-германскій союзъ будетъ длиться неограниченно долгое время. По отзыву чешскихъ органовъ, союзъ этотъ просто результатъ временной политической комбинаціи и заключенъ съ определенною цѣлью на определенное время.

1 августа, въ Берлиѣ состоялся смотръ гвардейскому корпусу въ честь императора Австрійскаго при великолѣпной погодѣ. Императрица присутствовала на смотрѣ верхомъ. Императоръ командовалъ парадомъ лично, и парадировалъ передъ Австрійскимъ императоромъ сначала во главѣ всего корпуса, а затѣмъ во главѣ перваго гвардейскаго полка. Императоръ Австрійскій парадировалъ передъ императоромъ Вильгельмомъ во главѣ нѣхотнаго имени императора Франца полка. На парадномъ обѣдѣ въ тотъ-же день императоръ Вильгельмъ провозгласилъ тость въ честь императора Франца-Іосифа, причемъ указалъ на восторженную встрѣчу народомъ, свидѣтельствующую о горячемъ чувствѣ, возбужденномъ вѣковой дружбою обоихъ народовъ. „Народъ и армія — присовокупилъ императоръ — твердо держатся заключеннаго союза. Армія исполнена сознанія, что вѣсть съ австрійскою арміею она должна отстаивать миръ и, если будетъ угодно Провидѣнію, вѣсть сражаться“. Императоръ пилъ за здоровье высокаго гостя, его дома и доблестныхъ австрійскихъ товарищей. Императоръ Францъ-Іосифъ благодарилъ за тость, за блестящій пріемъ, за угѣнительную встрѣчу со стороны населенія и за большую сердечность, обнаруженную вѣрными союзниками. Напомнивъ съ признательностью объ искреннемъ къ нему расположеніи Германской имперіи, императоръ провозгласилъ тость за здоровье близкаго его сердцу друга и союзника, за его домъ, а также за неразрывное братство и товарищество обоихъ армій и за умноженіе и упроченіе залоговъ мира. Вся вѣнская печать привѣтствуетъ тосты, произнесенные императорами въ Берлиѣ. Католическая газета *Vaterland* полагаетъ, что торжественная встрѣча, оказанная Австрійскому императору въ Берлиѣ, служитъ для Австріи отъщепеніемъ за Садовую и доказательствомъ того, что могущество Габсбургскаго монарха не сломлено.

Судъ надъ Буланже совершился. Никто не сомнѣвался въ исходѣ его, но всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ подробностей обвиненія, такъ какъ не только сторонники генерала, но и многіе другіе считали его вздорнымъ и пристрастнымъ. Такъ, обсуждал процессъ Буланже, нѣкоторые германскія газеты, въ томъ числѣ *Vossische Zeitung* и *Kölnische Zeitung*, считали всѣ звонимыя на генерала обвиненія мало основательными, отчасти фантастическими. Даже офиціозная *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* признавала обвинительный актъ и свидѣтельскія показанія бездоказательными. Но трудно себѣ представить, чтобы верховный судъ, состоящій изъ лицъ почтенныхъ и уважаемыхъ, изъ-за какихъ-то скрытыхъ цѣлей, готовъ былъ подвергнуть себя позору и осмѣянію, осуждая чловека невиннаго. Первое засѣданіе верховнаго суда состоялось 27 іюля. Генеральный прокуроръ свою обвинительную рѣчь началъ съ заявленія, что обвинительный актъ былъ имъ составленъ въ сжатомъ видѣ съ преднамѣренною цѣлью, но нынѣ онъ скажетъ все. Прежде всего онъ старался установить фактъ заговора, изложилъ, какъ Буланже устраивалъ заговоры, будучи начальникомъ департамента пѣхоты военнаго министерства, потомъ во время командованія войсками въ Тунисѣ и управленія военнымъ министерствомъ. При этомъ прокуроръ настаивалъ на сношеніяхъ Буланже съ подозрительными личностями съ цѣлью пропаганды въ его пользу. Далѣе генераль-прокуроръ въ своей реквиизиторіи стремился доказать безчестный образъ дѣйствій Буланже, послѣ чего приступилъ къ объясненію участія Рошфора и Дильбона и выставилъ на видъ ихъ прежнее поведеніе. На другой день генеральный прокуроръ продолжалъ обвини-

тельную рѣчь, при чемъ доказывалъ, что Буланже, командиръ корпусомъ въ Клермонъ-Ферранъ, занимался вмѣсто дѣлъ корпуса политикой и велъ избирательную агитацію чрезъ посредство своихъ агентовъ, т. е. началъ нарушеніемъ дисциплины, а кончилъ заговоромъ. Прокуроръ упомянулъ также о попыткѣ Буланже войти въ сношенія съ германскимъ банкиромъ Блейхредеромъ. Затѣмъ прокуроръ коснулся денежнаго вопроса и изложилъ инциденты на лонскомъ вокзалѣ при отъѣздѣ Буланже въ Клермонъ-Ферранъ, происшедшіе 14 іюля 1887 г., манифестаціи на Лоншанскомъ полѣ, наконецъ манифестаціи по случаю президентскаго кризиса, допущенныя и одобренныя Буланже и устроенныя съ дѣлюю провозглашенія Буланже президентомъ республики. Прокуроръ приходитъ къ заключенію, что всѣ эти дѣянія составляютъ начало покушенія на безопасность государства. По возобновленіи засѣданія верховнаго суда, 30 іюля, чтеніе реквизиторіи продолжалось. Генеральный прокуроръ распространился о предосудительныхъ поступкахъ Буланже, пользовавшагося запаснымъ и секретнымъ фондами министерства для рекламъ и для устройства заговора. Прокуроръ коснулся еще другихъ дѣлъ и въ заключеніе предложилъ передать Буланже верховному суду по обвиненію въ заговорѣ, покушеніи и въ другихъ находящихся въ связи со всѣмъ этимъ преступленіяхъ. Членъ правы, Бюффе, потребовалъ слова. Среди вызваннаго этимъ требованіемъ шума Лероие заявилъ, что онъ отказываетъ Бюффе въ правѣ слова, потому что пренія верховнаго суда должны происходить въ секретномъ комитетѣ.

Верховный судъ безотлагательно собрался въ секретный комитетъ. Здѣсь Кердрель, отъ имени 53 сенаторовъ правы, внесъ предложеніе объ объявленіи суда незаконнымъ, ибо дѣянія, вмѣняемая Буланже, не составляютъ покушенія. Предложеніе это было отклонено и верховный судъ 212 голосами противъ 51 объявилъ себя компетентнымъ. Члены правы рѣшили не участвовать болѣе въ преніяхъ. Протестъ 53 сенаторовъ правы долженъ былъ произвести тѣмъ болѣе впечатлѣніе, что всѣ они принадлежатъ къ противникамъ генерала Буланже. Во вторникъ, 1 августа, верховный судъ именнымъ голосованіемъ призналъ 206 голосами (шесть сенаторовъ воздержались отъ голосованія) Буланже виновнымъ въ устройствѣ заговора, а Рошфора и Дильона сообщниками въ заговорѣ, а затѣмъ призналъ Буланже за дѣло на лонскомъ вокзалѣ виновнымъ въ покушеніи на безопасность государства. Дальнѣйшее разбирательство дѣла отложено было до 2 августа, когда верховный судъ, въ утреннемъ засѣданіи, призналъ Дильона большинствомъ 179 голосовъ и Рошфора большинствомъ 183 голосовъ противъ 18 сообщниками въ дѣлѣ покушенія, послѣ чего постановилъ, что факты, коими сопровождался министерскій кризисъ, не составляютъ покушенія. Затѣмъ верховный судъ приступилъ къ разбирательству фактовъ, касающихся растраты и казнокрадства, и призналъ Буланже виновнымъ въ растратѣ и присвоеніи казенныхъ денегъ, отвергнувъ смягчающія обстоятельства и приговорилъ Буланже, Дильона и Рошфора къ ссылкѣ съ заключеніемъ въ крѣпость.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 27 іюля, изъ Петергофа отправился особый поѣздъ Балтійской желѣзной дороги, на которомъ отбыли за границу Герцогъ Единбургскій съ Суругою Е. И. В. Вел. Кн. Марією Александровною Герцогинею Единбургскою. Отъѣзжающихъ Высочайшихъ Гостей пріѣхали проводить на станцію Ихъ Величества, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и прочія Особы Императорской Фамиліи.

— Августѣйшимъ Молодымъ, И. И. В. Вел. Кн. Петру Николаевичу и Вел. Кн. Милицѣ Николаевнѣ, въ день бракосочетанія, по приѣздѣ въ Знаменское, были поднесены Управленіемъ Дворомъ Вел. Кн. Николая Николаевича Старшаго, генералъ-майоромъ Орловымъ, отъ личнаго состава Двора, золотой массивный складень, съ изображеніемъ въ серединѣ — Спасителя, а на створкахъ — Св. апостола Петра и Св. Милицы, и отъ служащихъ во Дворѣ — хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. На другой день, 27 іюля, въ Знаменское пріѣхала депутация отъ Новгорода, — городской голова съ гласными думы, которые поднесли И. И. В. Августѣйшему Имениннику и хозяйну Вел. Князю Николаю Николаевичу Старшему произведенія и продукты Новгорода — рыбу-сыръ и ягодную пастилу, и Августѣйшимъ Молодымъ — хлѣбъ-соль на серебряномъ, золоченомъ блюдѣ.

— 1 августа Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ отбыли на морскіе маневры подъ Свеаборгомъ.

— Положеніе Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича въ трехъ-недѣльный періодъ болѣзни подвергалось колебаніямъ; въ настоящее время угрожающія жизни болѣзненные явленія ослабли, но состояніе парализованныхъ членовъ и утраченныхъ отъ правленій улучшается весьма медленно; вслѣдствіе этого печатаніе бюллетеней прекращено до наступленія замѣтныхъ измѣненій въ положеніи Августѣйшаго больного.

Правительственныя распоряженія.

— Положеніе о примѣненіи судебныхъ уставовъ Императора Александра II къ Прибалтійскимъ губерніямъ, а также правила:

а) объ учрежденіи въ сихъ губерніяхъ опекунскихъ установленій и б) о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ законоположеніяхъ объ ипотекахъ, вводятся въ дѣйствіе въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской и въ городѣ Нарвѣ, С.-Петербургской губерніи, въ теченіе второй половины 1889 года.

— Высочайше утверждёнъ проектъ временныхъ правилъ о почтово-телеграфныхъ сберегательныхъ кассахъ.

Торговля.

— За первые 5 мѣсяцевъ текущаго года отпускъ за границу русскихъ товаровъ опредѣлился въ 270,4 миллионѣвъ рублей противъ 294,3 милл. за то же время прошлаго года, представляя сокращеніе на 24,3 милл. рублей или почти на 9%. Сравнительно-же съ 1887 годомъ отпускъ 1889 года все еще представляеть крупное увеличеніе слишкомъ въ 64,1 милл. или на 31%. Привозъ за тотъ-же періодъ времени иностранныхъ товаровъ выразился въ текущемъ году въ 161,9 милл. рублей, противъ 122,8 въ 1888 году, превсивъ послѣдній на 39,1 милл. рублей или почти на 32%; противъ 1887 года превшеніе привоза нынѣшняго года составляетъ 31,8 милл. рублей или 24%. Несмотря на такое возрастаніе привоза въ Европейскую Россію иностранныхъ товаровъ и нѣкоторое сокращеніе отпуски противъ 1888 года, превшеніе отпуски надъ привозомъ все еще опредѣляется слишкомъ въ 108 милл. рублей или почти на 67%. Отпускъ за границу золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ составилъ съ 1 января по 1 іюня текущаго года ничтожную цифру въ 0,3 милл. рублей противъ 30,4 милл. въ 1888 году; привозъ за то же время изъ-за границы драгоценныхъ металловъ достигъ 6 милл. рублей противъ 2,3 въ прошломъ году.

— Вслѣдствіе неурожая пшеницы въ Сѣверной Америкѣ, а также, частью, благодаря превосходству русской пшеницы надъ сѣвероамериканскою, въ послѣднее время стали замѣчаться случаи отправки изъ Одессы дѣльныхъ пароходовъ пшеницы въ Южную Америку, а именно въ Рио-де-Жанейро. Въ іюні мѣсяцѣ туда отошелъ изъ одесскаго порта

англійскій пароходъ, на которомъ было отправлено 17,000 четвертей пшеницы. Въ настоящее время въ портѣ выдерживаетъ обсервацію другой англійскій пароходъ, который возьметъ 22,000 четв. пшеницы также для Рио-де-Жанейро. Кромѣ этого, зафрахтованъ еще одинъ англійскій пароходъ, который поидетъ съ пшеницею въ Южную Америку.

Изъ губерній и областей.

— Въ Ялтѣ открылась выставка и базаръ женскихъ рукодѣлій. Въ выставкѣ приняла участіе и Сербская королева Наталія. Сборъ съ выставки поступаетъ въ пользу недостаточныхъ ученицъ мѣстной гимназіи. Въ первый день выручено болѣе 1,000 руб. Королева уѣзжаетъ 10 августа.

— Экспедиція генеральнаго штаба полковника Пѣвдова благополучно прибыла въ мѣстность Якъ-Худукъ, Яркендскаго округа, и около 25 іюня достигнетъ, по всей вѣроятности, гор. Яркенда. Въ Тянь-шанѣ, на перевалахъ Барсъ-кунъ и въ особенности на Бедалѣ, чрезъ которые пролегалъ путь экспедиціи, лежалъ еще глубокій снѣгъ и ей пришлось бороться съ большими трудностями. Однако, всѣ животныя сохранились, а часть людей отдѣлалась легкой простудой. Китайцы встрѣтили экспедицію дружелюбно и оказываютъ содѣйствіе къ успѣшному ея слѣдованію. Научныя занятія идутъ вполне удовлетворительно. Изъ Яркенда экспедиція направится черезъ Хотанъ и Керію въ Нію, куда прибудетъ, вѣроятно, не ранѣе 20 іюля. Отъ самой границы экспедиція слѣдовала по мѣстности въ которой не были еще европейцы, и теперь пойдетъ вверхъ по р. Яркендъ-Дарь до гор. Яркенда. Это протяженіе рѣки никѣмъ еще не изслѣдовано.

— Частная экспедиція, въ составѣ офицеровъ Уманскаго казачьяго полка, урядника, казака и двухъ курдовъ, 19 минувшаго іюля, взшла на вершину Большаго Арарата. Здѣсь, по сообщенію газеты *Кавказъ*, экспедиціе былъ найденъ оставленный въ прошломъ году гг. Марковымъ и Ковалевскимъ минимальный термометръ Цельзія, показывавшій ниже 50 градусовъ холода.

Библиографія.

Изданія А. С. Суворина: Дешевая бібліотека: Н. М. Карамзинъ. *Исторія Государства Россійскаго*. Томъ V. Ц. 20 коп.
И. П. Котляревскій. *Энеида переложиванная на малороссійскій языкъ*. Ц. 20 к.
Бомарше. *Безумный день или женитба Фигаро*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ Чудинова. Ц. 20 к.
Достаточно перечислить вышеприведенныя заглавія, чтобы

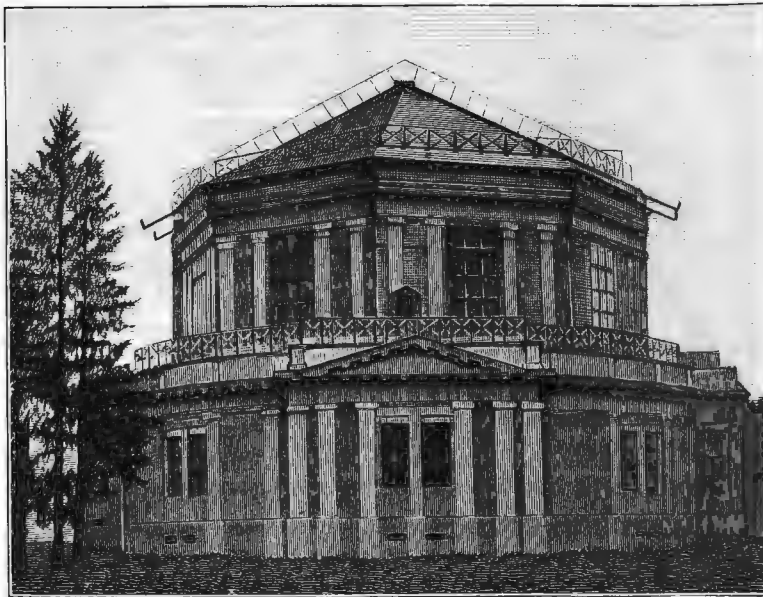
читателямъ, даже незнакомымъ съ рядомъ дешевыхъ изданій А. С. Суворина (если-бы такіе еще нашлись), стало вполне ясно, какую громадную услугу русской читающей публикѣ оказываетъ издатель, возобновляя изданія классическія или ставшія уже бібліографическою рѣдкостью, и притомъ по баснословно дешевой цѣнѣ. До сихъ поръ вышло болѣе 80 книжекъ *Дешевой бібліотеки*, составленныхъ исключительно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской и иностранной (въ переводахъ) литературы всѣхъ эпохъ.

А. В. Стернь. *Три повести*. Москва 1889.

Это сборник произведений беллетриста, летъ пять тому назадъ выступившаго въ *Русскомъ Вѣстникѣ* подъ скромными инициалами А. В. Талантъ начинавшаго писателя былъ замѣченъ съ первой же его повѣсти: *Невольная мѣсть*, и затѣмъ дальнѣйшія произведенія представляли непрерывный рядъ успѣховъ. А. В. Стернь принадлежитъ къ писателямъ строгой школы, сохранившей лучшія литературныя преданія.

Стрѣлы. Стихотворенія В. Буренина. Изданіе второе, дополненное новыми стихотвореніями. СПб. 1889.

Если и есть на свѣтѣ люди которымъ quasi-

Полувѣковъ юбилей Николаевской Пулковской обсерваторіи.

Рис. 1. Вновь выстроенная башня для 30-дюймового рефрактора. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

атическая соль шаржа серьезно портить желчь, то они могутъ утѣшиться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что въ этой книжкѣ равно достаеиъ „всѣмъ сестрамъ по сергамъ“. Второе ея изданіе, появляющееся нынѣ, служить лучшимъ доказательствомъ что стрѣлы, несмотря на горечь ихъ, охотно раскупаются, и слѣдовательно отдаются „безпристрастію“ автора.

Дѣятельность текущей воды и борьба съ нею помощью растительности. Э. Нидергерфера. СПб. 1889.

Молодой ученый, удостоенный серебряной медали И. Р. Георг. Общества за сочиненіе „О низовьяхъ Дѣйра и объ Алешковскихъ пескахъ“, выступаетъ нынѣ

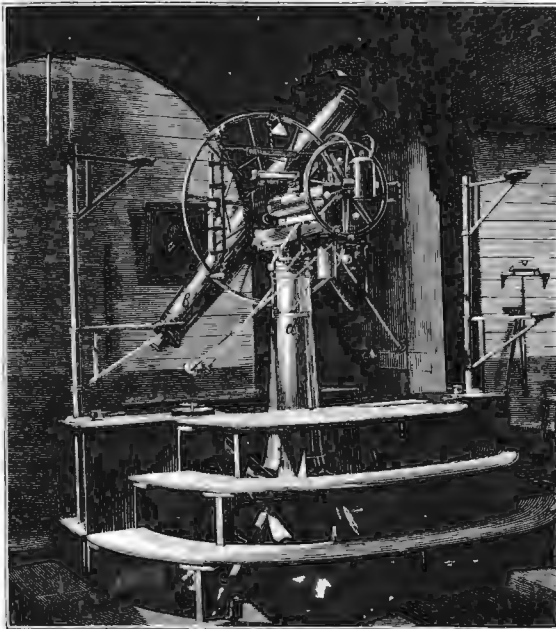

Рис. 2. Вертикальный кругъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

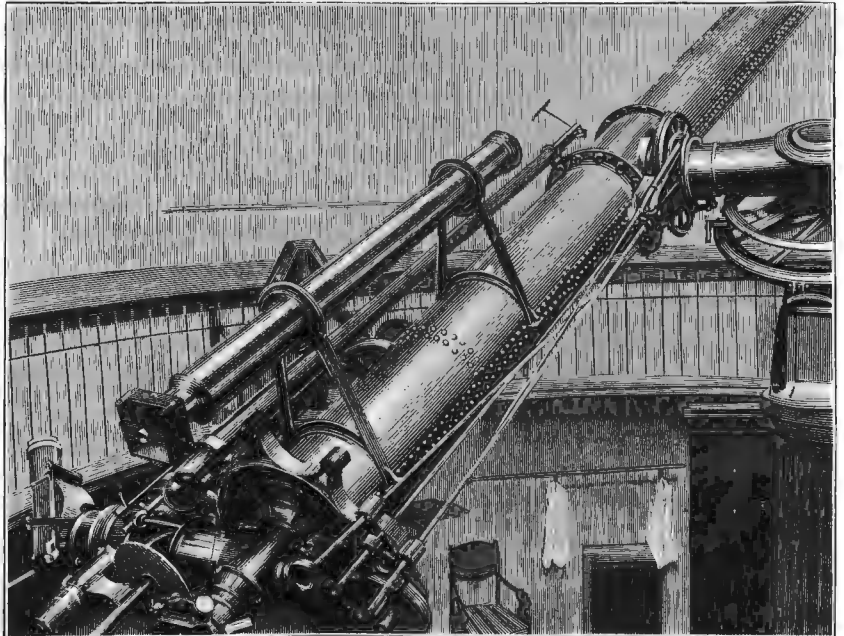

Рис. 4. Старый 15-ти-дюймовый рефракторъ. Съ фот. грав. Рашевскій.

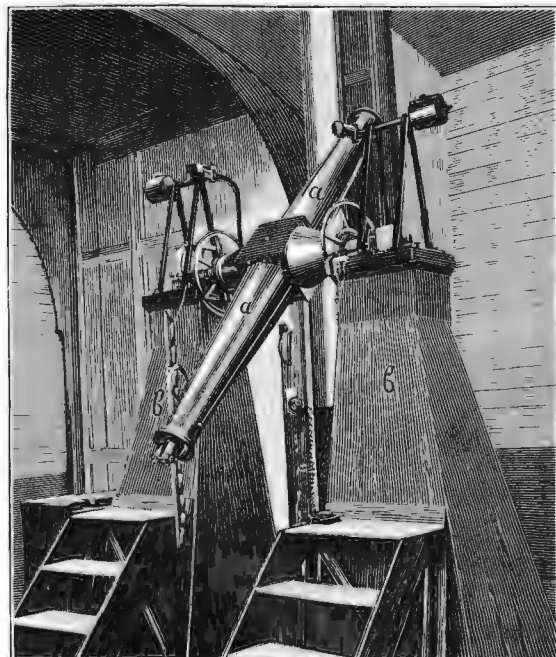

Рис. 3. Пассажный инструментъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

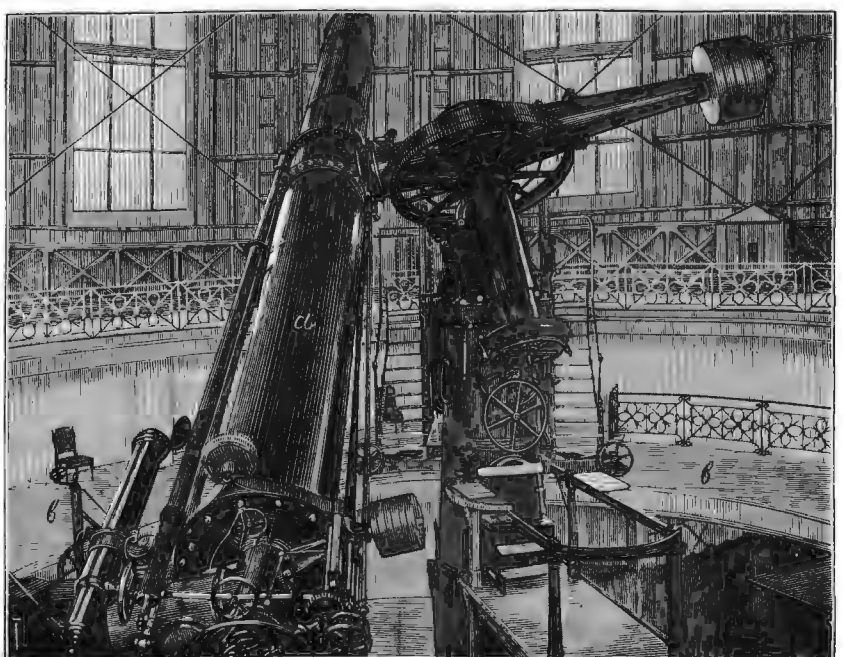

Рис. 5. Новый 30-ти-дюймовый рефракторъ. Съ фот. грав. Рашевскій.

съ новымъ изслѣдованіемъ, чрезвычайно важнымъ для инженеровъ путей сообщенія и землевладѣльцевъ, принужденныхъ бороться съ разрушительными дѣйствіями воды или ея недостат-

комъ. Всѣ сопряженные съ этимъ вопросы весьма обстоятельно изложены и разобраны авторомъ въ небольшой брошюрѣ, которая безъ сомнѣнія сдѣлается настольною у лицъ заинтересованныхъ.

С М Ъ С Ъ .

Домъ московской синодальной типографіи. Въ древности домъ Синодальной типографіи, одно изъ замѣчательныхъ зданій Китай-города по Никольской улицѣ, извѣстенъ былъ подъ именемъ „Печатнаго двора“. Его исторію рассказываетъ г. Пыляевъ въ своихъ компилятивныхъ очеркахъ „Старая Москва“. Печатный дворъ построенъ въ 1553 году, по повелѣнію царя Ивана Васильевича. Въ первое время это большое каменное зданіе было о двухъ жилахъ или этажахъ, съ подклѣтами или погребами; оконницы въ немъ были изъ слюды, кровля и другія пристройки деревянные. Типографскій дворъ обнесень былъ острымъ деревяннымъ тыномъ, а на Никольскую улицу выходила большія деревянная ворота съ кровлею. Въ 1643 году, по повелѣнію царя Михаила Феодоровича, на Печатномъ дворѣ, на пространствѣ въ длину 39 сажень по Никольской улицѣ, были сооружены двухъ-этажныя каменные палаты, а два года спустя была окончена постройка каменныхъ воротъ съ башнею. Надворная башня имѣла въ вышину 13 саж. Зданіе этого двора красивой готической архитектуры, смѣшанной съ арабскимъ и итальянскимъ стилемъ; въ срединѣ воротъ надъ створами, въ большомъ овалѣ, лѣвное изображеніе всевидящаго ока въ лучахъ. Въ бель-этажѣ надъ воротами находятся вѣрнѣйшіе солнечные часы; послѣднихъ двое и помѣщены они по сторонамъ симметрично. На срединѣ надъ бель-этажемъ—англійскій гербъ. Надо думать, впрочемъ, что фигуры коня и единорога, почтаемня за гербъ Англии, суть не что иное, какъ гербъ самого Грознаго царя Московскаго, который употреблялъ фигуры этихъ животныхъ на своей печати. Означенный гербъ повелъ къ предположенію, будто домъ этотъ нѣкогда принадлежалъ англійскимъ посланцѣмъ и что царь Алексѣй Михайловичъ, разгнѣванный на нихъ, за то, что они умертвили своего законнаго короля Карла I, отнялъ у нихъ домъ. Но это предположеніе вполне опровергается слѣдующею надписью на домѣ: „Божіею милостию и повелѣніемъ благовѣрнаго и христороубиваго царя и великаго князя Михаила и сына его государя царевича великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, сдѣлана бысть сія палата на дворѣ надъ воротами книгопечатнаго тисненія въ лѣто 7155 (1645) мѣсяца іюнія въ 30 день“. Эта надпись относится къ наружному на улицу строенію, а не къ тому чтѣ находится внутри двора и построенному Іоанномъ Грознымъ, который первый завелъ въ Москвѣ печатный дворъ. До царствованія Феодора Алексѣевича торговля иконами производилась на большой Проѣзжей улицѣ. Царь нашелъ это неприличнымъ, и именнымъ указомъ повелѣлъ, чтобы промѣтъ св. иконъ и иконный рядъ были въ сокровенномъ мѣстѣ, и для этого приказалъ на Печатномъ дворѣ сдѣлать пристройку, въ 1681 году, куда и перемѣстили весь иконный рядъ, находившійся на Никольской улицѣ, идя отъ Кремля налѣво впередъ Заиконоспасскаго монастыря. Для иконныхъ торговцевъ построено было по обѣимъ сторонамъ Печатнаго двора десять деревянныхъ лавокъ. (в.)

Тарантасъ графа Соллогуба. Разказъ гр. Соллогуба „Тарантасъ“, конечно, извѣстенъ каждому образованному русскому, но едва-ли кому извѣстна исторія настоящаго тарантаса этого даровитаго писателя, того самаго экипажа, въ которомъ графъ странствовалъ и который, кажется, навелъ его на мысль написать разказъ съ такимъ заглавіемъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ гр. Соллогубъ, разѣзжая по Нижегородской губерніи, заѣхалъ въ село Ляхово, отстоявшее въ семи верстахъ отъ Нижняго, по Арзамаской дорогѣ, гдѣ находилась усадьба П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго). Графъ Соллогубъ заѣхалъ къ нему на одинъ день,

а пробылъ почти цѣлую недѣлю. Въ это время наступила дождливая погода; дороги испортились настолько, что въ своемъ громадномъ и тяжеломъ тарантасѣ гр. Соллогубъ не надѣялся доѣхать до Нижняго, и ему пришлось отправиться въ почтовомъ экипажѣ. Свой же тарантасъ онъ оставилъ у Мельникова до слѣдующаго посѣщенія. Но такого посѣщенія уже не было: гр. Соллогубъ скоро съѣзжалъ уѣхать изъ Нижняго. Черезъ два года Мельниковъ тоже оставилъ родныя мѣста и переселился съ семьей въ Петербургъ. Ляховская усадьба цѣлыхъ двадцать лѣтъ оставалась необитаемою и тарантасъ

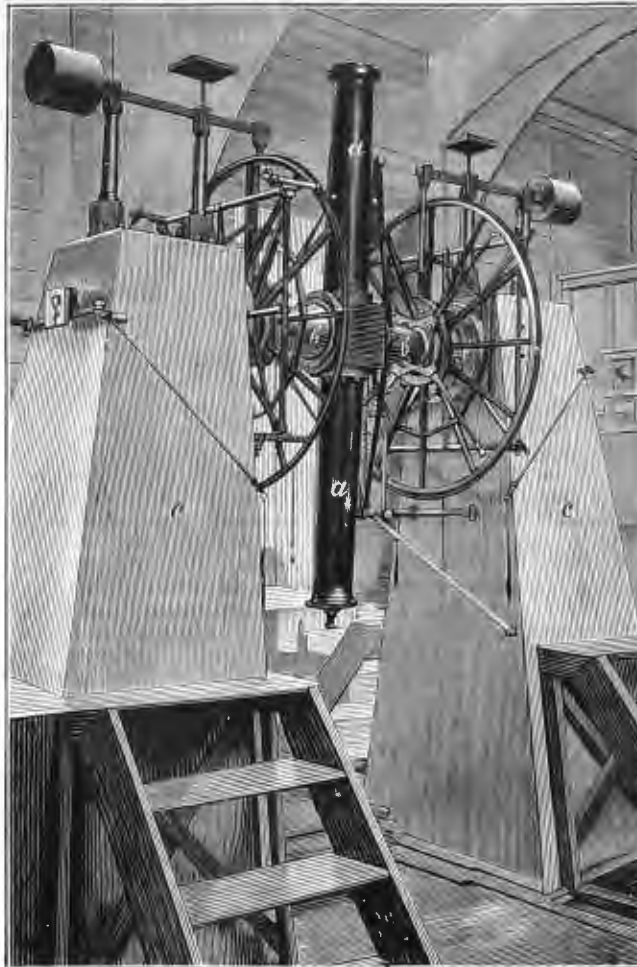
Соллогуба доживалъ свой вѣкъ въ полуразвалившемся сараѣ. Въ 1881 году въ Ляховѣ вспыхнулъ пожаръ: горѣли надворныя постройки усадьбы, и огонь угрожалъ даже дому. Мельникова, жившаго въ это время въ имѣніи, больного и разслабленнаго, вывели подъ-руки изъ комнаты. Когда онъ увидѣлъ сарай, гдѣ стоялъ тарантасъ, весь объятый пламенемъ, онъ улыбнулся и съ трудомъ сказалъ женѣ (онъ плохо тогда владѣлъ языкомъ отъ болѣзни): „Ну, матушка, и тарантасу Соллогуба пришелъ конецъ“. (в.)

Сохранившійся старый обычай. Въ селѣ Усольѣ, Соликамскаго уѣзда, Пермской губ., на владѣльческихъ соляныхъ промыслахъ сохранился старый обычай дѣлать праздникъ для заводскихъ рабочихъ въ Проконьевъ день, 8 іюля. Этотъ праздникъ имѣетъ за собою столѣтнюю давность и установленъ до раздѣла Строгановскаго имѣнія между нынѣшними наследниками—совладѣльцами промысловъ, бывшимъ управляющимъ Проконіемъ Вороновымъ, который нынѣ и торжественно справляетъ въ тѣ времена свои именины. Въ этотъ день, какъ гласитъ преданіе, стрѣляли изъ пушекъ и звонили въ колокола, когда гости пили заздравную чару. Теперь угощение рабочихъ скуднѣе прежняго, но они и этимъ остаются довольны и цѣлый годъ съ нетерпѣніемъ ждутъ желаннаго дня. Угощеніе происходитъ нынѣ въ самыхъ промыслахъ, для чего нарочно устраиваются достаточно помѣстительныя столы и лавки для сидѣнья. Такъ какъ въ Усольѣ,

въ этотъ день, 8 іюля, бываетъ храмовой праздникъ Казанской Божіей матери, то обѣдъ для рабочихъ съ приличнымъ возліаніемъ начинается послѣ церковной службы. (в.)

Переписка Кантемира. Занимаясь въ Лондонскомъ государственномъ архивѣ, одинъ изъ молодыхъ русскихъ ученыхъ В. Н. Александренко, доцентъ Варшавскаго университета, открылъ въ архивѣ весьма важную и интересную переписку извѣстнаго русскаго писателя-сатирика, князя Антиоха Кантемира съ англійскими министрами: лордомъ Гаррингтономъ и герцогомъ Ньюкестлемъ. Эта дипломатическая переписка относится ко времени семилѣтняго пребыванія (1732—1738 гг.) князя Кантемира въ Лондонѣ въ качествѣ представителя Россіи при англійскомъ дворѣ. (в.)

Рѣдкій аппетитъ. Въ Ростовѣ-на-Дону, по разказу одной изъ воронежскихъ газетъ, нѣкая дама проявила недавно особенный аппетитъ. Впослѣдствіи прилично одѣтая и солидная на видъ, особа эта, покупая какъ-то булки, замѣтила булочнику, что его трехкопѣечный бѣлый хлѣбъ очень малъ. „Укусишь одинъ разъ такую булку—и итътъ ей!“ замѣтила мимоходомъ дама. Оскорбленный булочникъ отвѣтилъ на это дамѣ, что онъ отдастъ цѣлыхъ двадцать булокъ, если такой величины булку дама съѣстъ съ пяти разъ. Храбрая дама взяла булку, немного ее сдвинула и, при хохотѣ собравшейся толпы, стала кусать булку разъ, другой... и къ третьему разу въ рукахъ у нея остался лишь маленький кусочекъ. Послѣ этого, побдоносно забравъ двадцать выигранныхъ булокъ, дама отправилась домой при всеобщемъ одобреніи глазѣвшей на даровой спектакль публики. (в.)

Полувѣнцовый юбилей Николаевской Пулковской обсерваторіи.
Рис. 6. Меридіанальный кругъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Шляпный промыселъ. Кустарная промышленность вообще процветаетъ въ Слободскомъ уездѣ Вятской губернии, но особенно развита она въ двухъ юго-западныхъ волостяхъ уезда—Шенелевской и Жеребцовской и частью въ сѣверной—Рѣдкинской волости. Въ двухъ первыхъ крестьяне, независимо отъ земледѣлія, занимаются изготовленіемъ посуды и мебели, какъ для мѣстнаго употребленія, такъ и на продажу въ городъ. Въ Воткинской волости занимаются тѣмъ же ремесломъ, а также выдѣлываютъ бочки для мѣстныхъ дегтирныхъ заводовъ. Наконецъ въ сѣверо-западной, Георгіевской волости, отстоящей отъ города въ 26 верстахъ, установился, съ 1888 г., новый промыселъ—выдѣлка соломенныхъ шляпъ. Имъ занимаются, главнымъ образомъ, мальчики лѣтъ 12—13. Первый распространитель этой новой отрасли кустарной промышленности—Елькинъ, крестьянскій мальчикъ села Шестакова, Георгіевской волости. Научился онъ шляпному мастерству у волостнаго писаря Олькова, а этотъ вынесъ шляпочное мастерство изъ Ордовскаго уезда, гдѣ промыселъ шляпочный существуетъ давнымъ-давно. Въ настоящее время изготовленіемъ соломенныхъ шляпъ занимаются до 20 мальчиковъ. Шляпы плетутся изъ обыкновенной бѣлой соломы. Сперва сбивается изъ 4 соломонокъ длинная полоса, въ формѣ плетня, который потомъ мочутъ въ водѣ, и уже затѣмъ изъ него на модели плетутъ шляпу. Цѣна шляпъ не превышаетъ 30 коп. Изъ мелкой соломы шляпа стоитъ 30 коп., а изъ крупнои—15 или 20 коп. (в.)

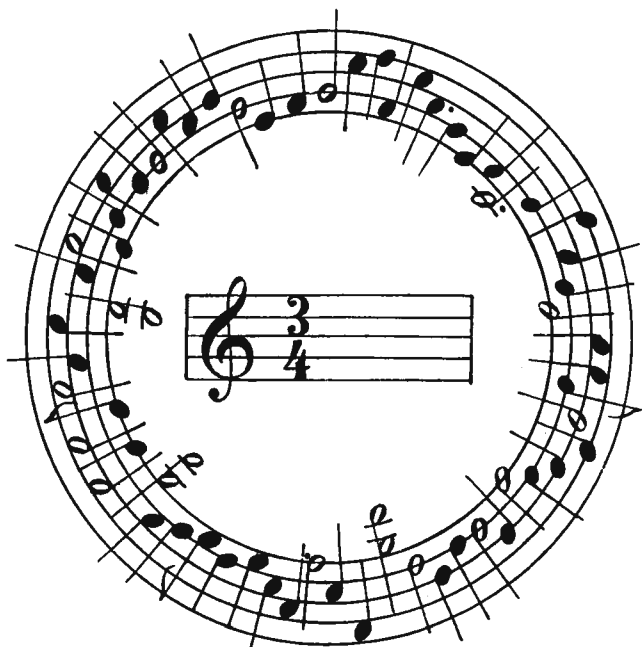
Средство отъ коклюша у дѣтей. Существуетъ не мало простыхъ лѣчебныхъ средствъ, которыя приносятъ большую пользу тамъ, гдѣ нельзя прибѣгнуть къ помощи врача немедленно, напримѣръ въ деревняхъ. Къ числу такихъ средствъ принадлежитъ и домашнее лѣченіе коклюша у дѣтей. Прежде всего не слѣдуетъ запускать болѣзни и при первыхъ признакахъ ея начать вытираніе груди, спины и конечностей больного ребенка посредствомъ шерстяныхъ перчатокъ или просто фланели. Внутрь надо давать крѣпкой настой изъ сушеной малины, процѣженный, съ прибавленіемъ одной столовой ложки краснаго меда. Приемы повторять три раза въ день, по столовой ложкѣ, прибавляя каждый разъ въ малину съ медомъ отъ 3 до 6 капель свѣчнаго сала. Кромѣ того, на груди больного укрѣпляютъ кусокъ сахарной бумаги, проткнутой во многихъ мѣстахъ булавками и сильно напитанной свѣчнымъ саломъ. (в.)

Изъ исторіи города Одессы. Профессоръ Кириичниковъ въ статейкѣ своей объ Одессѣ, помѣщенной въ *Историч. Вѣстн.*, говоритъ, между прочимъ, о томъ, какъ быстро, совсѣмъ по сказочному, росла Одесса, „эта дочка великой императрицы“. Въ 1793 году, когда мысль основать на мѣстѣ Хаджи-Бей русской городъ уже совсѣмъ созрѣла и начались работы для постройки большой крѣпости, въ поселкѣ Хаджи-бейскомъ было всего 28 жителей (22 мужскаго пола и 6 женскаго). Въ 1794 году, 27 мая, является знаменитый указъ о Хаджи-Бей, а 22 августа митрополитъ уже освящаетъ городъ, въ которомъ насчитываютъ 600 домовъ и землянокъ. Въ слѣдующемъ 1795 г. въ городѣ, уже носившемъ названіе Одессы, почти 2400 жителей (1625 мужч. и 734 женщ.), кромѣ войска, матросовъ и чиновниковъ; въ ея гавань въ этомъ году пришло 39 кораблей и 22 уѣхали съ грузомъ, а въ слѣдующемъ, 1796 г., число экспортирующихся кораблей почти утроилось. На

работы въ одесскомъ портѣ императрица, въ 1796 году, затратила огромныя по тому времени суммы въ 312,000 руб. Городъ уже былъ благоустроенъ: въ немъ былъ магистратъ, городской голова и бургомистры и была учреждена цензура для иностранныхъ книгъ. Очевидно городъ и тогда уже доставлялъ Россіи умственные товары Европы. Даже и въ царствованіе Павла, при всѣхъ невзгодахъ, Одесса росла и крѣпла и въ ней жителей было уже почти 9000 человекъ, а торговый оборотъ 1800 по 1802 г. болѣе чѣмъ удвоился.

Клѣточный промыселъ. Весьма любопытныя данныя объ этомъ промыслѣ сообщаетъ журналъ *Русскій Лѣсопромышленникъ*. Первымъ основателемъ клѣточного промысла былъ ивѣйскій Петръ Калугинъ, столяръ. Въ 1827 г. онъ привезъ изъ Москвы въ свое село, Медвѣнскаго уезда, Калужской губ., канарейку, въ деревянной клѣткѣ. Вскорѣ онъ научился дѣлать клѣтки, его примѣру послѣдовали сосѣди-односельчане и затѣмъ мало-по-малу промыселъ сталъ развиваться вмѣстѣ съ канареечнымъ. Сначала производство клѣтокъ сосредоточивалось преимущественно въ селѣ Полотняномъ Заводѣ, но потомъ оно распространилось по всему Медвѣнскому уезду, гдѣ клѣточниковъ наберется не болѣе 10 человекъ. Эти клѣточники не имѣютъ своей закладки и живутъ своимъ ремесломъ, выдѣлывая въ годъ до 4000 клѣтокъ различной формы и величины, по 50 коп. среднею цѣною. Такимъ образомъ выручается 2000 руб.; изъ нихъ на матеріалъ, т. е. на бруски, доски, клей, лакъ и политуру расходуется 200 руб., а 1800 остается на 10 семействъ. Сумма эта оказывается не вполне достаточною, но клѣточники выручаютъ еще довольно сносную сумму отъ продажи канареекъ, которыхъ разводять всѣ мастера. Клѣточное производство не требуетъ ни отдѣльнаго помѣщенія, ни сложныхъ инструментовъ. Обыкновенный столярный верстакъ съ принадлежностями, стоящій не болѣе 6 руб., составляетъ главную часть первоначальнаго обзаведенія. Затѣмъ для этого производства необходимы: маленькій станокъ съ зыбкою, для точенія столбиковъ и шпичекъ, клещи для протаскиванія и тягольная досочка, служащая для протягиванія прутиковъ и состоящая изъ стальной пластинки съ 20 дырочками различной размѣровъ. На выдѣлку клѣтокъ идутъ осиновыя доски въ $\frac{1}{4}$ вершка толщины, называемыя клѣточнымъ тесомъ. Для работы одного человека въ годъ требуется до 150 досокъ, въ 7 вершк. ширины и 3 арш. длины. Рѣшетки дѣлаются изъ клена, который продается для этого въ видѣ кругляковыхъ дровъ въ $1\frac{1}{2}$ арш. длины и отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ вершка толщины. Самая выдѣлка очень проста: высушивъ столько досокъ, сколько нужно для недѣльной работы, мастеръ распиливаетъ ихъ по шаблонамъ, т. е. заготавливаетъ передъ, верхъ и низъ или станокъ; пока станки обдѣлываютъ, верхи красятся. Когда верхи высохли, приготавливаютъ прутки, распиливая ихъ на тоненькія лучинки, которыя затѣмъ протягиваются черезъ отверстия тягольной досочки, переходя постепенно отъ большихъ къ меньшимъ; этимъ обыкновенно занимаются жена и дѣти хозяина. Покрывая лакомъ верхи, въ то же время красятъ и отдѣлываютъ станки, послѣ чего части клѣтки собираютъ. Такъ какъ видъ и отдѣлка клѣтокъ очень разнообразны, то и число выдѣлываемыхъ въ недѣлю клѣтокъ колеблется между двумя и двадцатью, также какъ и ихъ цѣна, достигающая отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 20 к. (в.)

Музыкальная задача № 54.

Отъ одного изъ помѣщенныхъ въ этомъ кругѣ нотъ требуется отсчитывать по равному числу нотъ и выписывать послѣднюю изъ нихъ, считая слѣва направо, до тѣхъ поръ пока весь кругъ окончательно не будетъ высчитанъ. Первое нотъ составляетъ за-тактъ и начало мелодіи, а первый тактъ и счетъ начинается со слѣдующей ноты. Отсчитанныя ноты выписы-

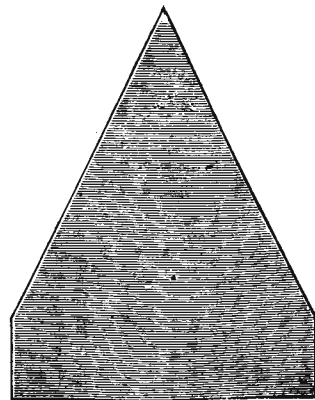
ваются по порядку и составляютъ извѣстную мелодію. Разъ выписанная нота впоследствии уже не считается.

Какъ называется мелодія, черезъ сколько нотъ высчитывается и какою нотъ начинается?

Геометрическая задача

№ 55.

Данную фигуру раздѣлить на семь частей, изъ которыхъ требуется составить правильный шестиугольникъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: В. Я. Струве (съ портр.).—Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Часть II. (Продолженіе).—Борь. Поэма Алексѣя Луговга.—Полувѣковой юбилей Николаевскаго Пулковской обсерваторіи (съ 7 рис.).—Къ рисункамъ: Привалъ на псовой охотѣ (съ рис.).—Отъ новаго урожая (съ рис.).—Городъ Вильна и церковь Троицкаго монастыря (съ 2 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Библиографія.—Смѣсь.—Задачи.—Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Рамы для премии „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Желая наиболее удешевить цѣны рамъ и такимъ образомъ сдѣлать приобретение ихъ доступнымъ каждому, мы въ настоящемъ году озаботились изготовленіемъ (на фабрикѣ Ч. Гофмана въ СПБ.) рамъ **ТРЕХЪ СОРТОВЪ**, изъ коихъ первый имѣется только изъ золоченаго полированного багета, а второй и третій—изъ золоченаго и чернаго. Размѣръ и цѣны рамъ, со вставленными въ нихъ картинами (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго багета, съ лѣпными узорчатыми украшеніями (ширина въ діам. 1³/₈ вершк.) по 3 руб., съ упаковкою въ ящикѣ для иногородныхъ по 4 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого-же золоченаго или чернаго, но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. 2 вершка) по 4 руб., а съ упаковкою въ ящикѣ для иногородныхъ по 5 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ такого-же, но болѣе богатаго и широкаго багета (ширина въ діам. 2³/₁₀ вершк.): золоченыя 6 р., и черныя 5 р. 50 к., а съ упаковкою въ ящикѣ для иногородныхъ 7 р. 50 к. и 7 р. (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки.

Такъ какъ при выдачѣ премій (въ половинѣ октября) является масса требованій на рамы, удовлетворить которыя одновременно становится совершенно невозможнымъ, мы рѣшили, для удобства тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ получить премию въ рамѣ, **НАЧАТЬ ВЫДАЧУ ТЕПЕРЬ ЖЕ.**

Гг. городскіе подписчики, при полученіи преміи, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1889 года.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить премию въ рамѣ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: № 1—по 4 руб., № 2—золоченыя и черныя—по 5 руб. и № 3—золоченыя 7 р., черныя 6 р. 50 к.

Желающихъ получить премию въ рамѣ, покорнѣе просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій просп., № 6.

По свидѣтельству
врачебныхъ авто-
ритетовъ этотъ
Purgativ имѣетъ
слѣдующія пре-
имущества:

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Аккуратное
и ВѢРНОЕ
дѣйствіе,
МЯГКІЙ ВКУСЪ,
МАЛАЯ
ДОЗА.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 8984 10-5

ЭЛЕОПАТЪ пров. **КИНУНЕНЪ**
для волосъ, средство противъ перхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
держашему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (78) № 2946

ЛЕВИНСКІЙ и ГЮЗИНСКІЙ ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева, Ром.-хрон. XVII в. въ 8-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣн. перекл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которою печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахе-
ровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-
висмутовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 8767 (31).

**Адвокатъ, архитекторъ, врачъ, ну-
пецъ, офицеръ, фабрикантъ или другое
лицо можетъ за плату отъ 25 до 47 руб.
въ годъ (смотря по роду занятій) застра-
ховать въ Страховомъ Обществѣ „Рос-
сія“ 10,000 руб. на могущія произойти
вслѣдствіе несчастнаго случая смерть
или инвалидность. Съ третьяго года стра-
хованія годичные взносы уменьшаются.
Страхованія принимаются танже съ усло-
віемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взно-
совъ наследникамъ или же самому за-
страхованному, по достиженіи имъ 65-ти-
лѣтняго возраста.**

Справиться въ Главной Конторѣ Стра-
ховаго Общества „Россия“ (С.-Петер-
бургъ, Большая Морская, 13) или у аген-
товъ въ городахъ Имперіи. По требо-
ванію высылаются бесплатно подробныя
брошюры.

№ 3935 4-2

Начало занятий 1 сентября.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКИЕ КУРСЫ РАЙГФЪ

Программы выдаются и высылаются бесплатно.

СОСТАВЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ: ПЬИИЕ: проф. Е. Ф. Цванцигеръ, З. П. Гренингъ-Вильде, г-жа Нардуччи и г-нъ Гропелло. **ФОРТЕПИАНО:** А. Е. фонъ-Дрейеръ, А. И. Полетика, Е. П. Райгфъ, г-жи Ярмушъ, Диллонъ, Горячева и другіе. **СКРИПКА:** гг. Поповъ и Радике. **ВЮЛОНЧЕЛЬ:** г-нъ Потаповъ. **ФЛЕЙТА:** Э. Келеръ. **ВАЛТОРНО:** г-нъ Франкъ. **ТЕОРІЯ:** Е. фонъ-Вахъ, г-нъ Липпольдъ и В. Соколовъ. **СОЛЬФЕДЖІО:** М. А. Данилевская. **ФРАНЦУЗСК. и ИТАЛІАНСК. ЯЗЫКИ:** г-жа Отсолигъ и г-нъ Нардуччи. **МНИКА и ТАЩИ:** г-нъ Анстовъ. **КЛАССЪ ПЕДАГОГИКИ ФОРТЕПИАННОЙ ИГРЫ:** Евг. Павл. Райгфъ. **КЛ. ДРАМ. ИСКУССТВА:** С. М. Сосновскій.

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: Смотря по предмету и по курсу отъ 15—75 руб. въ полугодіе или отъ 5—20 р. въ мѣсяцъ. | Всѣ дополнительные предметы преподаются бесплатно. | Директоръ курсовъ **Евген. Павл. Райгфъ.**

СПБургъ, Малая Морская, д. № 7. Приемъ по пятницамъ съ 2—6 ч. веч. Съ 17-го августа еженедельный.

Усовершенствованный Народный Цитры
 собств. издѣлія продаются по вновь усовершенствованнымъ цѣнамъ: съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к. съ 7 " " съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей. Самый легкий инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время продали многія тысячи.
 За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. преисъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (8) Ц. № 3864 Торговцамъ дѣляется скидка.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ
 Большой изящный сатонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія понурри, сатонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и приятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленъ для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Синоскъ пьесъ для Оркестра-Манопана, а также иллюстрированный преисъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЬ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій м., домъ Захарына.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ
 СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Специальность хронометровъ. Рекомендую золот. глухія мужские часы полухронометръ въ 120 р., которые не уступаютъ вприсости хода хронометра въ 350 р.
 Ручательство на 2 года.
 Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный преисъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. № 3947 10—4

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ, НАСОСОВЪ ВСЯКАГО РОДА и ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИИЪ
 молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ Тріумфъ, локомотивовъ 3, 4 и 6 силъ, сѣвныхъ прессовъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, соломорѣзокъ, десятичныхъ вѣсовъ, латвовъ для бѣлья и пр. 6—4

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ.
 С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 анія, № 2. Москва, Мясницкая, д. Виоградова. Иллюстр. каталоги высыл. бесплатно.

CORSETS LEOTY adoptés par le High-Life parisien.
 8. Place de la Madeleine, Paris.

МАТТОНІИ ГИСТЮБЛЕРЪ
 ЧИСТЫЙ ЦЕЛОЖИЛИСНЫЙ ИСТОЧНИКЪ ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ и ЗДОРОВЫЙ СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
 можно водѣ получить. 600000 миллионъ бутылокъ вѣсовъ.

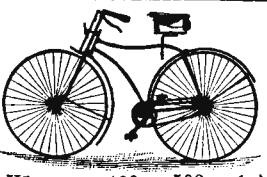
ПЕЧАТНАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
 Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Преисъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НОВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни В. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
 строители земледѣльческихъ машинъ и орудій. Специальность: плуги и молотилки. Они-же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Клейтона и Шутлворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣносносилковъ, имененъ „Дези“ и сноповязалокъ Макъ Кормина въ Чикаго.
 Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Раидаля и конныя грабли Тигръ завода Стодартъ, ридовыя сѣялки Сакка и проч. № 3959 (6)
 Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Вр. Бутенювъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
 Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ, Б. Морская № 21.
 имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Снофты, Винпеты, Русскій Клубъ, Молнии (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.
НОВОСТЬ
 Оллѣ-Постъ-Рундиль Свифтъ № 2 = 150 руб. =
 Преисъ-Куранты высылаются бесплатно.
Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,
 Варшава, Лешно, 14.
 Бяцки отъ 100 р. Роверы отъ 135 р.

новое, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,
 изящно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.
 Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.
 Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
 3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошныхъ коленкоров. переплетѣхъ съ золотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою 9 руб.
 Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.
 Съ требованіями просить обращаться въ СПБургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.
 Въ нинельров. опр. въ 5 и 6 р. 50 к. по-рѣска за 2 фунт.
 Больше чувствит., хорошо выверены. № 8882 2—2
 Въ полдр. дерев. опрѣвъ отъ 9 до 14 р. Тоже съ термометромъ отъ 13 до 22 р.
 Карманы. баром. и для измѣренія высотъ отъ 12 р. 50 к. до 50 р.
Е. КРАУСЪ и Ко.
 Фабрика въ Парижѣ, Авен. д. 1. Républ. 4. ДЕПО ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
 Иллюстр. преисъ-кур. высылаются бесплатно.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 Невскій, 67, собств. домъ, Покупаетъ всѣ 0/0 бумаги. Ссуды подъ всѣ 0/0 бумаги. Страхование выгршншихъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3925
 Также нужны вприсости по постоянн. мѣстамъ жительства **АГЕНТЫ.**
 Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

XX г.
№ 34

**ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ**

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.
Выдаѣтъ 19 августа 1889 г.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку монпарейль (1/4 шир.
страни.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . **5 р.**
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ . . . . . **6 р. 50 к.**
За границу, съ пересылкою . . . . . **9 р.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. **6 р.**
Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . **7 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

А. Х. Востоковъ.
Имя Востокова из-
вѣстно въ нашемъ оте-
чествѣ какъ автора рус-
ской грамматики, по ко-
торой училось русскому
языку не одно поколѣ-
ніе; но далеко не всѣ
даже вполнѣ образован-
ные люди знаютъ его
какъ замѣчательнѣйша-
го ученаго, какъ полез-
наго литературнаго дѣ-
теля и поэта. По по-
воду недавно испол-
нившася двадцати-
пятилѣтія со дня его
кончины, будетъ весьма
кстати вспомнить те-
перь о его заслугахъ,
которые должны быть
памятны каждому Рус-
скому. Востоковъ сдѣ-
лалъ весьма много для
языковѣдѣнія въ тече-
ніе своей слишкомъ
полувѣковой дѣятельно-
сти и въ исторіи фило-
логіи его имя стоитъ на
ряду съ первоклассными
европейскими филолога-
ми. Въ тѣ дни, когда и
въ Западной Европѣ
еще не замѣтно было
вѣяній новаго историче-
скаго направленія фи-
лологической науки, онъ
выступилъ съ рядомъ
открытій, важныхъ осо-
бенно въ томъ отноше-
ніи, что они произвели

Александръ Христіановичъ Остенекъ (Востоковъ) (по поводу 25-лѣтія со дня смерти).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

переворотъ въ понятіяхъ
о славянскомъ языкѣ,
господствовавшихъ до
тѣхъ поръ. Эти откры-
тія—плодъ долготѣлаго
усидчиваго труда—объ-
яснили коренныя свой-
ства древняго церков-
но-славянскаго языка,
какъ одного изъ древ-
нѣйшихъ проявленій об-
щаго языка всѣхъ сла-
вянъ, а также послужи-
ли ключемъ къ ура-
зумнѣію постепеннаго
видоизмѣненія славян-
скихъ нарѣчій при пе-
реходѣ отъ строя дре-
вняго къ новому. Своимъ
взглядомъ на исторію
старославянскаго языка,
важнѣйшимъ новымъ и глу-
бокимъ, который сошелъ
съ послѣдовавшими
открытіями западно-ев-
ропейскихъ филологовъ,
Востоковъ, по замѣча-
нію Срезневскаго, поло-
жилъ прочное основа-
ніе славянской филоло-
гіи, какъ самостоятель-
ной отрасли филологиче-
скихъ изслѣдованій. Ша-
фарикъ и Конитаръ во-
лей-неволей должны бы-
ли сдѣлаться его послѣ-
дователями; они стали
его учениками и послѣд-
ній всегда восторженно
отзывался о заслугахъ
Востокова: „lumen, crea-
tor philologiae slavicae,
1

Ostromiri Aristarchus"—такими именами называет Копитаръ знаменитаго русскаго филолога. Когда появился известный трудъ Востокова „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составленной по древнѣйшимъ оного письменнымъ памятникамъ“, знаменитый аббатъ Іосифъ Добровскій, приготовившій въ это время къ изданію свою работу „Institutiones linguae slavici veteris dialecti“, хотѣлъ истребить отпечатанные листы этой книги — настолько трудъ Востокова вдругъ преобразовалъ взглядъ Добровскаго, выработавшійся у него годами.

Востокову принадлежитъ также починъ въ дѣлѣ ознакомленія соотечественниковъ со множествомъ памятниковъ славянской и русской письменности древней и старинной, и въ этомъ отношеніи его имя должно быть поставлено рядомъ съ именемъ Карамзина. Востоковъ составилъ „Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго музеума“ и издалъ „Остромирово Евангеліе“ — этотъ драгоценный памятникъ XI вѣка. Съ такою тщательностью ни прежде, ни послѣ не былъ изданъ ни одинъ славянскій памятникъ. Надъ изданіемъ „Остромирова Евангеліа“ Востоковъ работалъ четыре года и, давъ намъ текстъ его, буквально вѣрный съ подлинникомъ, снабдилъ книгу грамматическими правилами языка, извлеченными изъ этого памятника и служащими для облегченія систематическаго изученія славянскаго языка по „Остромирову Евангелію“. Описаніемъ слишкомъ 470-ти Румянцевскихъ рукописей онъ оказалъ громадную услугу: только съ этого времени явилась возможность начать ученую разработку древней русской литературы и русскихъ древностей вообще, не только лицамъ могущимъ посѣщать Румянцевскій музей, но всѣмъ и каждому. Такимъ образомъ, Востоковъ, во выраженію Шевырева, „цѣрвый отворилъ намъ двери въ тайны рукописныхъ древностей до-Петровской Руси и указалъ на обиліе сокровищъ, которыя здѣсь находятся“... Отворить эти ржавыя, желѣзныя, заложеныя засовами и увѣшанныя заговоренными замками двери въ нашу древнюю Русь — подвигъ геркулесовскій. Востокова справедливо считаютъ основателемъ славянской палеографіи; ему первому пришло на мысль приурочивать памятники письма къ опредѣленному времени на основаніи разныхъ палеографическихъ примѣтъ и затѣмъ объяснить эти примѣты. Онъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ у насъ палеографовъ въ отношеніи строгаго пониманія своихъ обязанностей, старался при оцѣнкѣ памятника старины и древности вникать во всѣ мелочи историческія, хронологическія, литературныя и другія, кромѣ особенностей письма и языка. Точность, полнота и разнообразіе наблюдений въ его описаніяхъ и изданіяхъ памятниковъ и въ его „Словарѣ Церковно-Славянскаго языка“ — просто поразительны. Что касается поэтическихъ произведеній Востокова, то теперь они, конечно, устарѣли, но въ свое время они обращали на себя вниманіе своей искренностью, непринужденностью, теплотою чувства. Нѣкоторыя стихотворенія по тону своему напоминаютъ стихи Державина, но строй лиры Востокова нѣтъ. Величественныхъ образовъ, созданныхъ творческой силой Державина, у Востокова нѣтъ, по у него нѣтъ „и тѣхъ паденій гениа, слѣды которыхъ, по мнѣнію одного критика, мы видимъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ нѣнца Фелицы и которыя происходили отъ недостатка развитія тон-

каго вкуса при первоначальномъ образованіи.“ Все граціозное въ природѣ и жизни находило откликъ въ поэтической душѣ Востокова. Какъ поэтъ, онъ не проложилъ новыхъ путей въ искусствѣ, но какъ умный и просвѣщенный писатель съ широкими литературно-художественными понятіями принесъ много пользы. Онъ первый сдѣлалъ попытку ввести разнообразіе въ метрахъ, заимствуя новые стихотворные размѣры, по примѣру нѣмцевъ, у латинскихъ и греческихъ классиковъ; имъ впервые разъяснено строеніе стиха нашихъ народныхъ пѣсень и сказокъ, въ которыхъ онъ открылъ просодическіе періоды, имѣющіе около слога съ удареніемъ нѣсколько слоговъ безъ ударенія.

Мы, русскіе, тѣмъ болѣе должны быть благодарны Востокову за все имъ сдѣланное для отечественнаго языка, что этотъ благородный дѣлатель былъ по происхожденію иноземецъ, который всю свою жизнь посвятилъ странѣ для него чужой. Настоящая фамилія Востокова — Остенекъ. По совѣту близкихъ друзей, началъ заниматься литературой, онъ перевелъ свое прозвище на русскій языкъ и сталъ подъ стихами подписываться псевдонимомъ *Востоковъ*, а подъ серьезными статьями ставилъ *Остенекъ-Востоковъ*. Впослѣдствіи пламенный русскій патриотъ А. Н. Оленинъ убѣдилъ его подписываться просто *Востоковъ* и съ тѣхъ поръ и въ Россіи, и за границей онъ былъ извѣстенъ только подъ этимъ псевдонимомъ. Александръ Христофоровичъ Остенекъ (Osteneck) родился въ Арнсбургѣ (на островѣ Эзелѣ) 16 марта 1781 года и прежде всего выучился своему родному языку, нѣмецкому, живя на воспитаніи въ Ревелѣ у майорши Трейблутъ, но скорѣй выучился и по-русски, слушая рассказы сержанта Савелія, жившаго въ томъ же домѣ. На восьмомъ году онъ былъ отведенъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, откуда, вслѣдствіе сильнѣйшаго заиканія, мѣшавшаго мальчику приобрѣтать познанія, онъ былъ переведенъ въ Академію Художествъ, гдѣ, по окончаніи курса, служилъ помощникомъ бібліотекаря. Потомъ онъ находился на службѣ въ Комисіи составленія законовъ и въ Департаментѣ духовныхъ дѣлъ; съ 1815 г. занималъ мѣсто помощника хранителя рукописей Имп. Публ. бібліотеки, а съ 1830 г. утвержденъ хранителемъ рукописей ея, и служилъ здѣсь до 1845 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ старшимъ бібліотекаремъ Румянцевскаго музея и главнымъ редакторомъ археографической комисіи. Въ 1820 г. Востоковъ сдѣлался членомъ Россійской Академіи, а по преобразованіи ея, членомъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, принимая главное участіе въ составленіи Словаря, изданнаго академіей. Заниматься литературой Востоковъ началъ въ молодыхъ лѣтахъ и, будучи членомъ-основателемъ Вольнаго Общества любителей Россійской словесности, помѣщалъ свои первыя стихотворенія въ изданіяхъ этого общества. Занятія свои филологіей и палеографіей онъ началъ еще на службѣ въ Имп. Публич. бібліотекѣ. Заслуги Востокова были достойно оцѣнены и въ Россіи, и за границей: онъ былъ избранъ въ члены многихъ ученыхъ обществъ и учреждений, а въ декабрѣ 1854 г. въ нашей Академіи Наукъ праздновался чрезвычайно торжественно юбилей его пятидесятилѣтней литературной жизни. А. Х. Востоковъ скончался 8 февраля 1864 года и погребенъ на Волковскомъ кладбищѣ. Всѣ біографы Востокова говорятъ о его безпримѣрной скромности и почти отшельнической жизни.

П. Быковъ.

Увлеченіе.

Разсказъ

Князя Д. Голицына-Муравлина.

I.

Въ большомъ кабинетѣ, за огромнымъ письменнымъ столомъ, сидѣлъ Владиміръ Алексѣевичъ Ратиминъ и внимательно просматривалъ газеты, разбросанныя передъ нимъ. Нѣсколько разъ онъ поморщился, придавая презрительное выраженіе своему довольно красивому лицу тридцати-двухъ-лѣтняго брюнета. Красный карандашъ быстро вертѣлся у него между пальцами и хрустѣлъ на отмѣчаемыхъ строчкахъ.

Наконецъ, всѣ газеты были просмотрѣны. Ратиминъ всталъ, выпрямился во весь ростъ, потянулся, отошелъ отъ письменнаго стола и началъ ходить взадъ и впередъ, задумчиво водя рукой по густымъ усамъ, въ которыхъ уже виднѣлась сѣдина.

— У меня ничего подобнаго не будетъ, я ни слова не допущу, прошепталъ онъ, и его бритый подбородокъ пемного выдвинулся впередъ, привычнымъ движеніемъ, являвшимся у Владиміра Алексѣевича всегда, коль скоро онъ готовился рассердиться. Онъ взглянулъ на старинныя бронзовые часы, стоявшіе на темномъ кронштейнѣ, въ углу, тамъ гдѣ обрывались ряды орѣховыхъ полокъ, заваленныхъ книгами, рукописями, раскиданными бу-

магами. Безъ пяти минутъ одиннадцать. Бекинъ, вѣроятно, сидитъ уже наверху, въ редакціи...

Ратиминъ подошелъ къ домовому телефону, пожалъ, нѣсколько разъ подъ-рядъ, пуговку звонка и проговорилъ, пагнувшись:

— Петръ Леонтьевичъ, вы здѣсь? Прошу васъ ко мнѣ... да, ко мнѣ... поскорѣе...

И онъ сталъ ходить быстрѣе. Проснувшаяся нервозность заставляла его двигаться, словно онъ торопился куда-то и боялся опоздать. Онъ взглянулъ еще разъ на часы, потомъ на площадъ, гдѣ недавній снѣгъ успѣлъ уже побурѣть, гдѣ ноябрьскій морозъ, грязный морозъ заѣзженныхъ петербургскихъ улицъ, не сверкала подъ притупленными лучами солнца, а казался еще болѣе невеселымъ, чѣмъ въ пасмурный день.

— Изъ-за всякихъ пустяковъ волнуясь! усмѣхнулся Владиміръ Алексѣевичъ,—это даже смѣшно, тѣмъ болѣе, что и самихъ пустяковъ, такъ сказать, въ наличности еще нѣтъ...

Послышались торопливые шаги, дверь отворилась, на порогъ показался Петръ Леонтьевичъ Бекинъ, запыхавшійся, и проговорилъ:

— Здравствуйте, Владиміръ Алексѣевичъ. Что прикажете?

Ратиминъ брезгливо поморщился отъ словъ „что прикажете“ и, противъ воли, не совѣмъ дружелюбно взглянулъ на вошедшаго. Это былъ толстый господинъ, лѣтъ сорока-двухъ, рыжій, красный, съ растрепанной бородкой клиномъ и прилизанной прической. Неувѣренная, боязливая улыбка расплывалась на его лоснящемся лицѣ, готовая, по первому поводу, превратиться въ выраженіе безпредѣльнаго восторга или исчезнуть, смотря по тому, что можетъ оказаться пріятнымъ начальству.

— Возьмите, пожалуйста, я отмѣтилъ, сказалъ Ратиминъ, кивнувъ на грудѣ газетъ, — но не забудьте: слѣдуетъ воздерживаться отъ колкостей и остротъ. Напишите сами возраженіе на статьи „Публициста“ и „Времени“ по поводу нашихъ корреспонденцій изъ Загреба и покажите мнѣ... Я кое-что, вѣроятно, прибавлю...

— Да, да, да! Какже! Еще-бы! Sans doute, съ неизмѣримой радостью поддакнулъ Петръ Леонтьевичъ, соглашаясь всѣмъ своимъ существомъ со словами своего патрона, съ такимъ выраженіемъ готовности согласиться вообще съ чѣмъ бы то ни было, что, казалось, каждая пуговица его просторнаго сюртука тоже твердила: „да, да, да“...

— Сегодня, продолжалъ Владиміръ Алексѣевичъ, — во всѣхъ газетахъ помѣщены сообщенія, статьи, рекламы, отзывы о госпожѣ Негрѣховой, той родственницѣ или свойственницѣ Пронина, которая на-дняхъ дебютируетъ въ его пьесѣ. У насъ, до сихъ поръ, ничего не было о ней...

— Ахъ, да! Comment donc! Рашметкинъ долженъ добыть новыя свѣдѣнія... Я распорядился. Мнѣ нынче должны доставить подробную біографію...

— И совершенно напрасно распорядились, прервалъ Ратиминъ холоднымъ голосомъ, строго, — никакой рекламы въ моей газетѣ не бывало и не будетъ никогда. Меня удивляетъ, что вы до сихъ поръ не поняли моего взгляда на дѣло. Ни слова объ этой дамѣ, слышите, впредь до моего разрѣшенія. Я призвалъ васъ именно для того, чтобы сказать вамъ это. Я былъ увѣренъ, что вы увлечетесь, не захотите отстать отъ другихъ, а я слишкомъ дорожу честью своей газеты, чтобы давать на ея столбахъ мѣсто пошлостямъ. Пусть госпожа Негрѣхова дебютируетъ, тогда мы скажемъ свое мнѣніе о ней. Печать существуетъ не для цѣлей нахальной поддержки бездарностей, находящихся въ родствѣ съ пронырливыми авторами, умѣющими добиваться статей... Небось Пронинъ ко мнѣ не сунулся, а къ Рашметкину, навѣрно, подсылалъ услужливыхъ пріятелей.

— Вотъ, вотъ, вотъ, parfaitement juste! замѣтилъ Бекинъ съ самой неунывающей улыбкой, — оно совершенно вѣрно, что...

Онъ сдѣлалъ неопредѣленный круглый жестъ, потомъ досталъ папиросу и закурилъ, стараясь принять видъ человѣка съ которымъ, вообще, стоить разговаривать.

— Я вижу, продолжалъ Ратиминъ, — что публика привыкла къ моей газетѣ, къ ея серьезному и строгому тону. Добился я этого съ трудомъ, послѣ трехъ лѣтъ терпѣливыхъ тяжелыхъ стараній. Когда я купилъ у васъ „Столицу“, это былъ листокъ пасквилей, сплетень и комическихъ потугъ по политическимъ вопросамъ. Въ три года я ее пересоздалъ, превратилъ ее въ честную, уважающую себя и уважаемую газету. Намъ довѣряютъ, насъ слушаютъ, насъ положительно любятъ. Число подписчиковъ служитъ тому доказательствомъ. Подобралъ я хорошихъ, дѣльныхъ сотрудниковъ. Не портите-же моего дѣла и не заставляйте меня, пожалуйста, входить во всѣ мелочи. Довольствуйтесь тѣмъ, что я говорю вамъ: „пишите объ этомъ и пишите такъ“, но газетчикомъ я не былъ и никогда не стану. Не та-

кой у меня характеръ... Начать съ того, что вопросъ о подпискѣ оставляетъ меня совершенно равнодушнымъ. Пусть они всѣ бросаютъ насъ, пусть „Столица“ поглотить все мое состояніе, мнѣ все равно; я до конца не откажусь отъ своихъ убѣжденій, простыхъ, положительныхъ, честныхъ. Не заставляйте меня быть редакторомъ... Я вѣдь, наконецъ, плачу вамъ именно для того, чтобы имѣть возможность не входить въ ваши дразги. Мнѣ нужна ваша опытность, но въ предѣлахъ, указанныхъ мною...

— Oui, oui, c'est ça! счелъ долгомъ сказать Бекинъ и вдругъ просіялъ, придавъ своему лицу самое галацкое выраженіе, потому что на порогѣ показалась Валентина Петровна, жена Ратимина, блѣдная, апатичная блондинка лѣтъ двадцати пяти, которая была-бы прелестна, если-бъ хоть искра жизни виднѣлась на ея лицѣ. Но въ ней все было безцвѣтно: глаза, щеки, волосы, даже свѣтлый капоть.

— Что случилось? спросила она мужа, поздоровавшись съ Бекинымъ, — даже въ гостиной слышенъ твой голосъ...

Владиміръ Алексѣевичъ забылъ, что его женѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что его интересуетъ, забылъ, съ какимъ равнодушіемъ она относится ко всему не находящемуся въ тѣсной связи съ туалетами и модными журналами. Онъ отвѣтилъ:

— Меня такія вещи сердятъ. Я терпѣть не могу недобросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Представь себѣ, какую-то дебютантку, еще не успѣвшую выступить ни въ одной роли, Негрѣхову, сломя голову рекламируютъ, потому что она состоитъ въ родствѣ съ Пронинымъ, которому пріятно, чтобы по поводу его пьесы шумѣли, какъ можно больше...

Валентина Петровна пожала плечами, съ презрѣніемъ ко всякимъ „газетнымъ вопросамъ“, какъ она мысленно выразилась.

— Что-жъ, снисходительно проговорила она, — можетъ-быть, эта дама талантлива. Тѣмъ болѣе, что она двоюродная сестра даровитаго человѣка, а ты самъ любишь утверждать, что таланты въ семьѣ передаются.

Владиміръ Алексѣевичъ вздохнулъ. Ему стало очень скучно, не хотѣлось больше говорить, и даже совѣстно было, что онъ вздумалъ высказываться передъ женой, передъ безличнымъ Бекинымъ, котораго онъ держитъ при себѣ только потому, что ему удобенъ такой человекъ, не смѣющий разсуждать и радующійся всякому приказанію.

Петръ Леонтьевичъ подобралъ газеты и удалился, пробормотавъ нѣсколько почтительныхъ словъ. Валентина Петровна подошла къ мужу.

— Брось, брось все это! нѣжно произнесла она, и чувство блеснуло въ ея глазахъ, сдѣлало ее на секунду привлекательною, — развѣ тебѣ оно нужно?

— Именно оттого и дорого, что не нужно, мой другъ, отвѣтилъ Ратиминъ и нагнулся было съ поцѣлуемъ къ женѣ, но вошелъ лакей и подалъ барину визитную карточку.

Владиміръ Алексѣевичъ взялъ и разсмѣялся.

— Посмотри, сказалъ онъ женѣ.

Та прочла: „Евгенія Сергѣевна Негрѣхова...“

— Актриса?

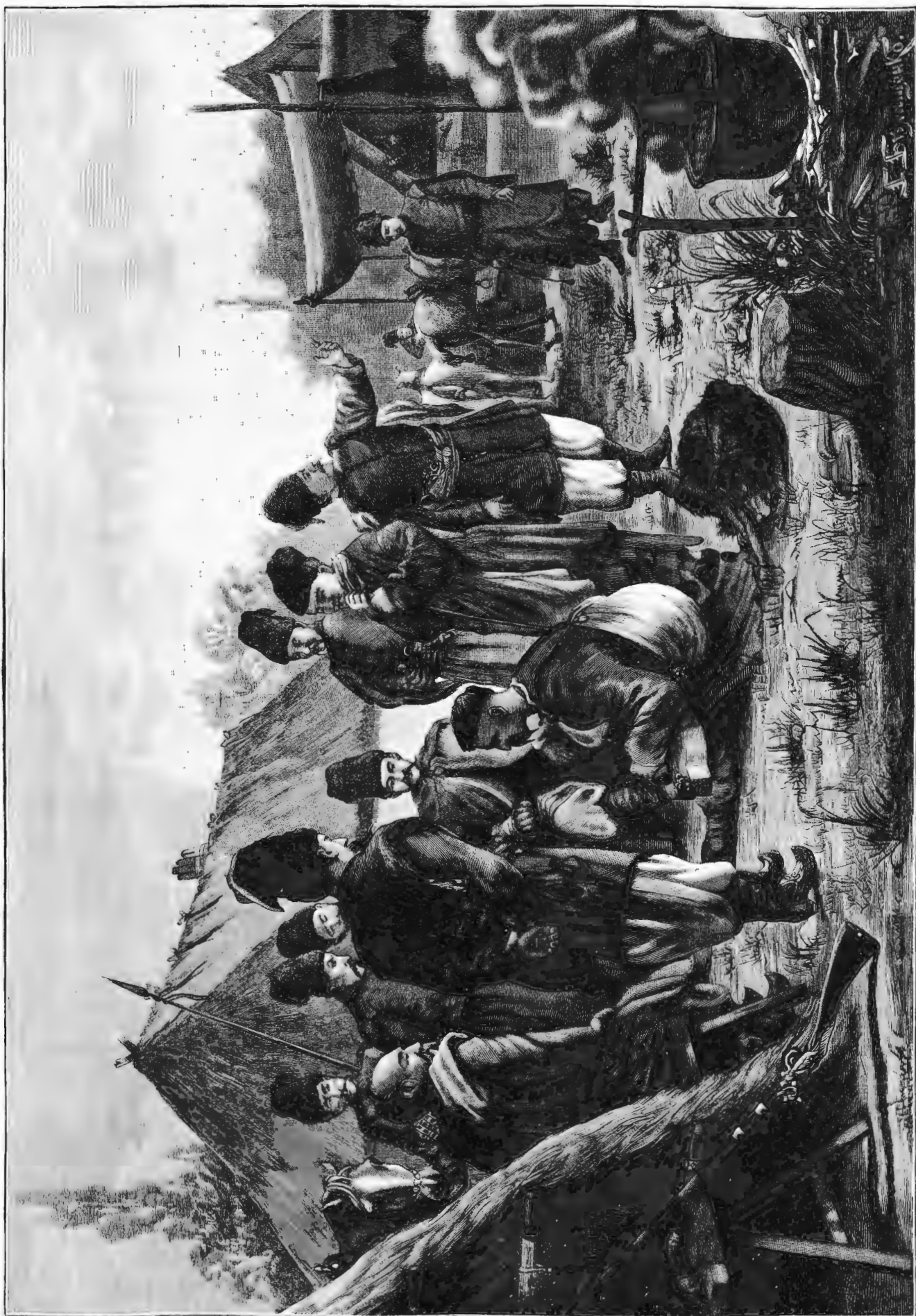
— Да, будущая. Очевидно, она пришла просить сочувственнаго отзыва... и будетъ жестоко раскаиваться, повѣрь...

— Проси! приказалъ онъ камердинеру и проводилъ жену до маленькой двери, замаскированной поддѣльнымъ книжнымъ шкафомъ. — Иди, потомъ все расскажу...

„Значитъ, есть люди, воображающіе, что меня можно подкупить, если не деньгами, то лобезностями и поклономъ!“ нервно подумалъ Владиміръ Алексѣевичъ, болѣзненно волнуясь при одной мысли о томъ, что его могутъ считать не вполне безупречнымъ человѣкомъ.

По грибы. Ориг. рис. (собст. „Нивы“) Суходольскаго, грав. Флюгель.

Кобзарь въ Запорожьѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) г Бѣлащенна, грав Шюблеръ.

II.

Онъ встрѣтилъ почти враждебнымъ взглядомъ вошедшую, но первымъ его впечатлѣніемъ было: какъ она хороша!

„Какъ она хороша!“ мысленно повторилъ онъ, кланяясь, и его поразило сходство и несходство это женщины съ его женой... Тотъ же профиль, тотъ же цвѣтъ волосъ, та-же мягкая походка, но лицо оживленное, глаза сверкающіе и какая-то сразу чарующая улыбка на полураскрытыхъ губахъ.

„И одѣвается изящнѣе,“ подумалъ Ратиминъ, поймавшій толкъ въ дамскихъ нарядахъ, какъ человѣкъ уплатившій много по счетамъ портнихъ.

— Вы господинъ Ратиминъ, редакторъ-издатель „Столицы“? спросила Негрѣхова, и ему тотчасъ представилось, что онъ ея голосъ когда-то слышалъ, очень давно или, по крайней мѣрѣ, въ былые годы юности, дѣтства, отвлеченной влюбленности, мечталъ о томъ, что въ ухахъ его будутъ раздаваться ласковыя слова, произносимыя такимъ голосомъ.

Однако онъ встряхнулся душой, подумалъ: „Богъ знаетъ, что со мной дѣлается! Мальчишество“.

— Я, отвѣтилъ онъ, — садитесь пожалуйста, чѣмъ могу служить?

Она сѣла, не спуская съ него взгляда.

Ему, отъ выраженія ея глазъ, сдѣлалось какъ-то не по себѣ, словно онъ чужалъ неуловимую насмѣшку, словно она сказала ему: „а вѣдь я вижу твою душу, и мнѣ смѣшно!“ Онъ тоже сѣлъ, нахмуривъ брови, невольно стараясь казаться занятымъ очень серьезными мыслями.

— Вы, конечно, знаете, кто я, проговорила она, — и...

— Разумѣется, перебилъ онъ, справившись съ собой, — я, по необходимости, читаю всѣ газеты и знаю много подробностей вашей жизни. Вамъ двадцать одинъ годъ, вы удивительно талантливы, но не успѣли еще это доказать, такъ какъ нигдѣ не играли; развили въ себѣ сценическія способности подъ руководствомъ вашего родственника, господина Пронина; лишились недавно отца, матери, средствъ къ существованію; отказали нѣсколькимъ женихамъ, желая посвятить себя исключительно искусству; были прежде очень богаты, воспитывались въ Парижѣ и, до сихъ поръ, проводили каждое лѣто въ Саратовской губерніи. Скажу даже впередъ: на другой день послѣ вашего дебюта, всѣ газеты, имѣющія основанье благоволить къ господину Пронину, будутъ наполнены хвалебными рецензіями, гдѣ мы прочитаемъ, что вы играли превосходно... даже если вы окажетесь самою жалкою посредственностью.

— Скажите, спросила Негрѣхова, насмѣшливо улыбаясь, — вы вѣроятно думаете, что я пришла просить отзыва, рекламы, чего-нибудь въ этомъ родѣ? Напрасно. Повѣрьте, я вовсе не добивалась тѣхъ преждевременныхъ похвалъ, какими подарили меня газеты. Явились эти похвалы благодаря тому, что у Пронина много друзей. И я, признаться, нисколько этимъ не огорчена: на меня обратятъ вниманіе, чего я, при другихъ обстоятельствахъ, не дождалась-бы.... Впрочемъ, да, я пришла просить отзыва, я пришла просить васъ непременно присутствовать на первомъ представленіи „Увлеченья“, чтобы я, на другой день, могла услышать вашъ приговоръ.

— Услышать, а не прочитать? захотѣлъ поиронизировать Ратиминъ.

— Послушайте... не смѣйтесь! Дайте мнѣ договорить.

Въ глазахъ Евгеніи Сергѣевны сверкнулъ рѣзкій огонекъ. Она откинулась на спинку стула, сложила руки на груди и, глядя на Владиміра Алексѣевича въ упоръ, продолжала твердымъ голосомъ:

— Я пришла къ вамъ, зная васъ хорошо — по слу-

хамъ, по вашей газетѣ, по тому, что о васъ писали. Я пришла къ вамъ, оттого что вѣрю вамъ и васъ уважаю. Я знаю, вы судья строгій, справедливый, не поддающийся никакимъ постороннимъ соображеніямъ. Вы мнѣ скажете, есть-ли у меня талантъ, должна ли я продолжать, надѣяться... Отъ васъ я услышу правду, поступлю такъ, какъ вы скажете поступить. Мнѣ это нужно. Вы вѣдь любите свое-то дѣло, вы поймете меня...

„Что ты: фокусница или искренній человѣкъ?“ подумалъ Ратиминъ, ища какъ разобраться въ ея словахъ, казавшихся ему одновременно слишкомъ простыми и неестественными.

„Во всякомъ случаѣ не бездарность“, рѣшилъ онъ и отвѣтилъ:

— Хорошо.

Это слово постарался онъ произнести самымъ холоднымъ тономъ.

— Хорошо, повторилъ онъ, — я исполню ваше желанье и попрошу даже Кельникова, нашего театральнаго рецензента, предоставить мнѣ написать статью объ „Увлеченіи“ и вашемъ дебютѣ...

— Благодарю васъ...

— Такимъ образомъ, тридцать шесть часовъ спустя, вы узнаете мое мнѣніе и не будете принуждены придти ко мнѣ.

Евгенія Сергѣевна медленно встала.

— Я, признаться, думала, что вы примете меня любезнѣе, проговорила она, — но я не ставлю своей ошибки вамъ въ вину. Прощайте!

И она, кивнувъ съ особенной граціозной сухостью, направилась къ двери.

„Постойте!“ хотѣлъ крикнуть Ратиминъ, но во время удержанья, и злость его охватила, когда оригинальная посѣтельница исчезла. Онъ разозлился на себя за-то, что далъ ей уйти что было, въ первый разъ въ жизни, невѣжливо съ женщиной, съ хорошенькой женщиной, которая произвела на него впечатлѣніе враждебно-чарующее, дразнящее, совсѣмъ сбивающее съ толка.

III.

— Авантюристка! сердито прошепталъ онъ, воображая, что всѣ недоковченныя бьющіяся въ немъ чувства — не что иное, какъ неудовольствіе, даже гнѣвъ. Ему было обидно, что онъ, впервые, не сумѣлъ удержаться на должной высотѣ, повелъ глупо разговоръ, вздумалъ обращаться съ Негрѣховой такъ, какъ съ Петромъ Леонтьевичемъ... онъ, всегда гордившійся своею строгою вѣжливостью, выдержкой барина. Красота этой дѣвушки испугала его, заставила быть почти грубымъ.

Досада его возросла до того, что онъ представился самому себѣ совершенно неспособнымъ на то дѣло, которымъ онъ, вотъ уже три года, наполняетъ свою жизнь. Нервный упадокъ силъ обезцвѣтилъ все, для чего онъ, донынѣ, существовалъ, надъ чѣмъ волновался, — обезцвѣтилъ оттого, что ему почудилась громадная разница между имъ самимъ и тѣмъ человѣкомъ, какимъ онъ себя считалъ. И ему сдѣлалось больно, совѣстно, потому что внезапно вошла въ его жизнь минута за которую онъ остался недоволенъ собой.

„Отъ нервности избавиться бы мнѣ, тогда все хорошо!“ подумалъ онъ, сознавая, что придаетъ значеніе пустякамъ и не въ состояніи обойти равнодушно эти пустяки.

На него часто находили такія мгновенья, когда онъ проклиналъ мигъ принесшій ему мысль о веденіи газеты, когда онъ проклиналъ двухмилліонное наслѣдство, доставшееся ему отъ ни разу не видѣннаго имъ родственника и давшее ему возможность осуществить давнишнюю мечту, на лишнія деньги. Вспоминались ему прежніе годы полунищеты, годы тяжелой работы

въ газетахъ и журналахъ, когда надо было писать чтобы жить, и когда публика обратила на него вниманіе, послѣ ряда его блестящихъ статей о Гоголь, о Жуковскомъ.

Хорошіе дни переживалъ онъ, были свѣтлыя радости, ощущалось довольство самимъ собой, пріятное сознаніе честнаго заработка. Какъ онъ былъ счастливъ, жепившись на бѣдной, любящей его дѣвушкѣ!.. И какъ это *близкое*, неуловимое счастье быстро исчезло, едва только явилось внезапное богатство! Пришла на смѣну горячая дѣятельность, дѣятельность не нравящаяся женѣ, установившая между нимъ и Валентиной Петровной неискреннія отношенія, вызывающая постоянныя неудовольствія со стороны Ратиминой.

Но онъ не горевалъ объ этомъ, отдался весь дѣлу, слѣдя за нимъ свысока, съ высоты намѣченнаго идеала, задавшись цѣлью говорить правду обо всемъ, не придерживаясь никакихъ предвзятыхъ взглядовъ и не давая никому повода сказать: „Ратиминъ принадлежитъ къ такому-то лагерю, проводитъ идеи такого-то кружка.“ Нѣтъ, онъ заботился лишь объ одномъ — чтобы всѣ поняли безупречную, во всѣхъ отношеніяхъ, честность его газеты; чтобы всѣ увидѣли, что въ „Столицѣ“ нѣтъ ни одной строчки подъ которой бы не согласился подписаться всякій уважающій себя человекъ. И это поняли. Сперва нападали на него, со всѣхъ сторонъ. Пытались глумиться надъ нимъ, доходили до самыхъ беззастѣнчивыхъ инсинуацій... Но глумленіе осѣкалось объ сдержанный тонъ „Столицы“.

Самъ онъ почти не писалъ, но сгруппировалъ около себя лучшихъ публицистовъ Петербурга, всей Россіи. Изрѣдка появлялись его статьи, когда онъ чувствовалъ, что *скажетъ* лучше всѣхъ. Порой, онъ вставлялъ два-три слова въ чужой фельетонъ... именно эти два-три слова бросались всѣмъ въ глаза, производили впечатлѣніе.

И его теперь не радовало это. Ему казалось, что нѣтъ въ немъ качествъ нужныхъ для такого дѣла, что бездарный Бекинъ болѣе его способенъ вести газету, изломавъ всѣ суставы своей душонки о публицистическое ремесло... Брало его чувство гадливости къ излюбленному дѣлу, чувство вызванное тѣмъ, что онъ не можетъ найти человека раздѣляющаго вполне его взгляды и не смотрящаго на „Столицу“ какъ на выгодный источникъ дохода. Или честныхъ людей такъ мало?

„А вѣдь она, въ сущности, необыкновенно хороша!“ прервалъ свои мысли Владиміръ Алексѣевичъ и машинально остановился передъ стуломъ, гдѣ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, сидѣла Негрѣхова.

Ему вспомнилась ея поза, ея рѣзкій взглядъ. И онъ старался объяснить себѣ, почему она произвела на него такое удручающе-пріятное впечатлѣніе. Но никакого объясненія онъ не могъ подобрать, и мысль его вернулась къ газетѣ. Въ сотый разъ задалъ онъ себѣ вопросъ, какъ быть съ Бекинымъ... и въ сотый разъ рѣшилъ онъ: оставить его, не лишая куска хлѣба. Это бездарность, но бездарность послушная, не смѣющая рассуждать, лакейскаго тиша. Съ другимъ было бы больше хлопотъ.

Вдругъ, Ратиминъ захохоталъ, до того ему показалось смѣшнымъ, что онъ вздумалъ развлекать себя мыслями о Петрѣ Леонтьевичѣ.

— Неужели, прошепталъ онъ, — эта дѣвчонка имѣетъ хоть какое-нибудь значеніе для меня! Просто миловидность, живость...

Онъ пожалъ плечами, но тотчасъ же замѣтилъ, что совершенно напрасно хочетъ самого себя обмануть. Она, дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, оставила что-то въ его душѣ. Можетъ быть, онъ только заинтересовался оригинальностью встрѣчи? Да, навѣрно такъ. Нѣтъ, тутъ не все. Вѣроятно,

играетъ большую роль недовольство собой, несомнѣнное желаніе забыть, загладить душевную недовокость.

„Въ ней огонекъ есть“, подумалъ Владиміръ Алексѣевичъ. — „Въ ней чувствуется сила, рѣзкая самостоятельность. А можетъ-быть, она просто взбалмошная дѣвица, не терпящая противорѣчій. Я круто обошелся съ ней, вотъ почему я не могу о ней забыть. Какъ она похожа на жену! Да, но какая громадная разница! Столько яркости въ каждомъ ничтожномъ движеніи лица!“

Ратиминъ улыбнулся. Ему послышались ея слова: „я не ставлю своей ошибки вамъ въ вину“, и ему снова показалось, что у нея именно такой голосъ, о которомъ можно мечтать, ласковый, теплый...

„Нѣтъ, нѣтъ!“ возмутился онъ. „Искренней потки въ ней нѣтъ. Вотъ почему я потерялъ самообладаніе...“

И, подумавъ о женѣ, онъ смутился, какъ будто онъ провинился передъ Валентиной Петровной. Эта безцвѣтная, холодная женщина, сдѣлавшаяся безцвѣтной и холодной съ того времени, какъ они разбогатѣли, прежде, въ дни бѣдности и лишеній, никогда не жаловалась на судьбу, придавала ему бодрость, но не заставляла работать во что бы то ни стало, трудиться во имя гроша.

„Очень просто!“ мелькнуло въ его головѣ. — „Очень просто! Она не жаловалась, благодаря своему неподвижному равнодушію ко всему.“

Но онъ отогналъ отъ себя это объясненіе.

„Вѣдь я съ нею счастливъ!“ подумалъ онъ. — „Мнѣ покойно, тихо. Она не вторгается въ мою жизнь... потому что ей нѣтъ дѣла до моей жизни“, неожиданно докончилъ Ратиминъ, внезапно понявъ, что онъ не въ силахъ найти доводы могущіе поставить его жену выше... выше...

Онъ не нашелъ сравненія, потому что боялся мысленно произнести „выше Негрѣховой“.

— Что это! проговорилъ онъ, — не могу отъ этой дѣвчонки избавиться!

Взглядъ его скользнулъ по письменному столу, упалъ на визитную карточку.

— Евгенія Сергѣевна, прочиталъ онъ и сконфузился, какъ будто ему представилось, что она, Негрѣхова, находится около него, слышитъ, какимъ голосомъ онъ произноситъ ея имя, и смѣется надъ нимъ.

„Да,“ подумалъ онъ, — „я былъ смѣшонъ, глупъ...“

— Можно войти? послышался вѣжливый голосокъ Бекина.

— Войдите, отвѣтилъ Владиміръ Алексѣевичъ, довольный тѣмъ, что явился человекъ и помѣшаетъ думать. Какъ нарочно, сегодня, въ пріемный часъ, никто, кромѣ Негрѣховой, не пришелъ. Иной разъ человекъ сорокъ является.

Петръ Леонтьевичъ держалъ въ рукахъ нѣсколько длинныхъ и узкихъ полосокъ бумаги, покрытыхъ печатаннымъ текстомъ.

— Вотъ гранки, сказалъ онъ, — вамъ угодно было посмотреть, въ гранкахъ, статью Бронскаго о книгахъ, вышедшихъ за послѣдній мѣсяцъ.

— Хорошо, подождите...

Ратиминъ взялъ полоски и сталъ ихъ внимательно просматривать.

— Выкиньте все, что сказано о романѣ Зарокова, проговорилъ онъ, — заявите Бронскому, что я самъ напишу объ этомъ романѣ. Сколько разъ твердилъ я: недобросовѣстно нападать на автора только потому, что онъ работаетъ въ журналъ которому мы не сочувствуемъ.

— Вотъ, вотъ, да, да, *comme de raison!* обрадовался Бекинъ и прибавилъ: — я принесъ также свою статью по поводу Кавказской желѣзной дороги... Не будете-ли добры посмотреть?

Владиміръ Алексѣевичъ началъ читать, вычеркнулъ

двѣ или три фразы, написалъ нѣсколько словъ на поляхъ и вернулъ, сказавъ:

— Такъ будетъ хорошо. Я съ удовольствіемъ замѣчаю, что вы, наконецъ, усвоили себѣ нужный тонъ и писали-бы безупречно, если-бы не имѣли пристрастія къ общимъ мѣстамъ.

Петръ Леонтьевичъ просіялъ отъ радости. Онъ опустился на стулъ, гдѣ, за десять минутъ передъ тѣмъ, сидѣла Негрѣхова, сдѣлалъ круглый жестъ лѣвой рукой и сталъ излагать всѣ соображенія, какія у него, вообще, имѣлись относительно желѣзныхъ дорогъ.

Ратиминъ разсѣянно приговаривалъ „хорошо, хорошо“, думая о Евгении Сергѣевнѣ. Его продолжало томить предположеніе, что онъ, въ ея глазахъ, не сталъ на должную высоту. Вдругъ, онъ удивленно посмотрѣлъ на Бекина, пораженный тѣмъ, что тотъ осмѣлился сѣсть на ея стулъ, и прервалъ его объясненія:

— Послушайте... вы бы пересѣли... мнѣ такъ неудобно.

IV.

Завтракъ близился къ концу. Старый лакей, прислуживавшій нѣкогда отцу Ратимина и хорошо помнящій невеселыя времена, пережитыя баринѣмъ до полученія внезапнаго наслѣдства, принесъ уже миниатюрныя чашки кофе, поставилъ коробку съ сигарами и застылъ, въ ожиданіи пока господа встанутъ.

Владиміръ Алексѣевичъ сидѣлъ, откинувшись назадъ, хмурый, съ неяснымъ томленіемъ въ сердцѣ. Пронеслось три дня съ тѣхъ поръ, какъ красота Негрѣховой сверкнула въ его душевномъ мірѣ, и не прошло часа, чтобы онъ не подумалъ о ней, все чаще и чаще, не зная еще, что собственно захватило его въ этой женщинѣ... Красота, рѣзкость, неожиданность встрѣчи?.. или-же онъ возвращается мыслію къ ней только потому, что остался въ немъ осадокъ недовольства собою, желаніе увидѣть ее еще разъ и доказать ей что онъ дѣйствительно тотъ человекъ котораго всякій долженъ уважать и бояться.

Нельзя было забыть о ней. Всѣ о ней говорили, вездѣ шли толки; куда ни поѣзжай, услышишь ея имя. У Шапиро красуется ея портретъ, поразительно удачный, дразнящій улыбкой и выраженіемъ глазъ.

И Ратиминъ теперь не смѣлъ смотрѣть на жену, точно появилось въ его жизни обстоятельство легшее на его душу пятномъ. Ему даже больно было прислушиваться, какъ она, сидя за столомъ, болтаетъ со своей сестрою, игриво-симпатично Софьей Петровной, дѣвушкой лѣтъ восемнадцати, живущей у нихъ въ домѣ вотъ уже года два, со времени смерти матери. Она оживляла ихъ бездѣтную семью.

А Софья Петровна, въ этотъ день, была особенно въ ударѣ, смѣялась, шутила, словно она хотѣла дать понять Ратимину: видишь, какъ хорошо и весело мы живемъ, а ты вздумалъ увлекаться первою встрѣчною хорошенькою женщиной, затемняешь себѣ существованіе неизбѣжною теперь ложью...

Глупости! Никто не подозрѣваетъ. Всѣ воображаютъ, что онъ поглощенъ газетой, а вотъ уже два дня какъ онъ долженъ производить надъ собою усиліе, чтобы заставить себя заглядывать въ гранки, кое-какъ просматривать нумеръ въ полосахъ... Пустяки! Никто не догадывается... Жена, попрежнему, относится къ нему съ неподражаемо равнодушною любовью, сонная душой, заспанная сердцемъ; попрежнему морщится она при одномъ видѣ листовъ „Столицы“, какъ будто эта газета отняла у нея мужа; попрежнему она бросаетъ на Владиміра Алексѣевича короткіе взгляды, полные холодной, неподвижной любви.

А Соня—развѣ она можетъ думать о чемъ-бы то ни было, кромѣ своей свадьбы съ Разволинимъ? Она считаетъ дни отдѣляющіе ее отъ седьмага января, вообра-

жая, что выходить замужъ, это ужасно смѣшная радость.

— Дядя Володя, дядя Володя! говоритъ она, называя, неизвѣстно почему, Ратимина дядей, — ты, пожалуйста, прикажи своему хроникеру описать мой подвѣчный туалетъ...

И она сама смѣется своей шуткѣ, счастливая, мило-видная, съ ямочками на щекахъ и вздернутымъ носикомъ „угрожающимъ небесамъ“, какъ увѣряетъ Ратиминъ, когда онъ въ духѣ.

Дядя Володя разсѣянно смотритъ на нее, стараясь понять, по блеску ея черныхъ глазъ безпокойной брюнетки, о чемъ она болтаетъ, и, кое-какъ улыбнувшись, отвѣчаетъ:

— Да...

— Только ужасно нехорошо, что у меня женихъ некрасивый! комично сожалѣть Соня, и она складываетъ свою подвижную физиономію въ потѣшную гримасу, передразнивая отсутствующаго жениха.

Валентина Петровна замѣчаетъ:

— Онъ превосходный человекъ, но, дѣйствительно, некрасивъ и не производитъ сразу пріятнаго впечатлѣнія.

А Соня неожиданно сердится. Ей замѣчаніе сестры кажется очень обиднымъ.

— Совсе нѣтъ, возражаетъ она,—я, напротивъ, увѣрена, что онъ можетъ нравиться очень многимъ. Я убѣждена, что онъ долженъ нравиться. Я знаю, что есть дамы которыя въ него влюблены.

Валентина Петровна улыбается. Черезчуръ смѣшнымъ является для нея представленіе о томъ, что есть женщины способныя влюбиться въ Разволина.

— Да вѣдь я его люблю, настаиваетъ Соня.

— Ты—другое дѣло. Ты его любишь и совершенно права, но влюбиться въ него положительно невозможно.

— Ты не можешь знать, ты ничего не понимаешь! Дядя Володя, вѣдь Михаилъ Константиновичъ прелесть? да? Скажи?

— Да, да, съ чувствомъ отвѣчаетъ Владиміръ Алексѣевичъ, и сердце его сжимается: онъ вспоминаетъ, что первое представленіе „Увлеченія“ назначено на слѣдующій день. Ему думается, что онъ выйдетъ изъ театра уже не такимъ безупречнымъ.

И Соня радуется, но, чтобы вполнѣ быть счастливой, она хотѣла-бы имѣть въ рукахъ доказательство того, что въ ея будущаго мужа влюбляются поголовно всѣ женщины видѣвшія его хоть разъ, непременно всѣ.

„Впрочемъ, нѣтъ!“ рѣшаетъ Владиміръ Алексѣевичъ. „Не можетъ быть дурнаго въ томъ, что я увлекаюсь, даже увлеченъ. Вѣдь я не допущу себя до предосудительнаго поступка. Мое душевное состояніе доказываетъ, что много еще жизни и чуткости во мнѣ“.

Ему приходитъ на умъ фраза изъ Онѣгина:

Любви всѣ возрасты покорны,
Ея порывы благотворны...

Его раздумье было прервано лакеемъ, подавшимъ ему на подносѣ письмо. Владиміръ Алексѣевичъ лѣниво распечаталъ... изъ конверта выпали театральныя билеты и визитная карточка Негрѣховой. На карточкѣ было написано: „Чтобы напомнить о себѣ, посылаю кресло на завтра; сдается мнѣ, что вы сочтете это взяткой, разсердитесь, не придете...“

— Ждутъ отвѣта? торопливо спросилъ Ратиминъ.

— Ждутъ-съ...

Владиміръ Алексѣевичъ, въ нерѣшительности, повертѣлъ карточку. Ему очень хотѣлось приказать: „узнай отъ посланнаго адресъ госпожи Негрѣховой“, но онъ не рѣшился, подумалъ, что это будетъ неловко. Кромѣ того, къ чему свиданье? Чтобы заявить ей: „вы мнѣ нравитесь?“ Только это можетъ онъ сказать, не солгавъ. Любви тутъ нѣтъ.

Цыганка. Съ картины Чумакова, грав. Пааръ.

— Скажи, что хорошо, проговорилъ онъ.
Лакей вышелъ.

— Отъ кого письмо? спросила Валентина Петровна.

— Отъ этой актрисы... отъ той... ну, знаешь, началъ Ратиминъ, съ дѣланной разсѣянностью, но ему сейчасъ же пришло на умъ, что такое притворство не честно, и онъ прибавилъ:—отъ Евгеніи Сергѣевны Негрѣховой, которая была у меня три дня тому назадъ. Ты помнишь? Присылаетъ билетъ на свой завтрашній дебютъ...

— Дяди Володя, дядя Володя, намъ ложу! Пожалуйста! шутливо протянула Соня, подражая капризному ребенку.

— Слушаю-съ; она, кстати, взята, весело отвѣтилъ Владиміръ Алексѣевичъ, довольный своею формальною откровенностью.

Когда встали изъ-за стола, онъ, цѣлуя руку жены, былъ совершенно спокоенъ.

— Ты ѣдешь куда-нибудь сегодня? спросила Валентина Петровна.

— Не знаю... теперь я въ редакцію зайду.

— А вѣдь дядя Володя сегодня какой-то страшный, задумчиво замѣтила Соня.

(Продолженіе будетъ).

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XXVI.

Навѣстилъ и Дороцкій большую Вѣрочку.

Бѣдный поэтъ дѣйствительно былъ разстроены.

Онъ писалъ теперь все о тиранахъ и жертвахъ, представляя подъ первыми Ряднова, а подъ вторыми—Вѣру Васильевну. Первымъ онъ грозилъ всѣми перунами какіе были въ распоряженіи его неукротимой фантазии, вторымъ обѣщалъ райское блаженство на землѣ, причемъ главною прелестью этого рая считалъ любовь поэта (подразумѣвая подъ симъ послѣднимъ не кого иного какъ самого себя)... Наконецъ, вообразивъ, что она должна умереть, онъ воспѣлъ ея раннюю кончину самыми звучными стихами, а потомъ ему представилось, что онъ долженъ будетъ послѣдовать за нею въ мракъ Аида. Онъ такъ пожалѣлъ себя, что навалилъ цѣлую поэму, въ одной части которой онъ умиралъ, во второй къ нему слетали ангелы, а въ третьей онъ являлся съ того свѣта, чтобы плакать надъ своею собственною могилою.

Вѣра встрѣтила его привѣтливо.

Ей приятно было видѣть бѣднаго Кира-царя-Персидскаго, хотя теперь онъ являлся къ ней опустивъ свои яркія крылья.

Она подала ему исхудалую руку. Онъ наклонился, поцѣловалъ ее, и сейчасъ у него въ головѣ мелькнуло начало новаго стихотворенія:

На рученкѣ твоей исхудалой
Призракъ смерти я вижу, увы!..

И вмѣсто того чтобы отвѣчать на ея вопросы, онъ тщетно ломалъ голову приискивая приличную риему на слово „исхудалой“.

— Что вы подѣлываете?

— Малый, удалый, обвалы... залы... Нѣтъ, не выходить.

— Чтò съ вами?

— Ахъ, да... Здравствуйте, вдругъ расшаркался онъ.

Она спросила его, былъ-ли онъ у Александра Петровича.

— Я?... пойду къ Александру Петровичу?—И онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ въ порывѣ благо-роднаго негодованія...—За кого вы меня принимаете?

— Отчего-же? Онъ тоже больной, измученный.

— Я у палачей не бываю!—И онъ эффектно взбилъ волосы.—Я у палачей не бываю, пусть ихъ постигнетъ всеобщее осужденіе и одиночество...

— За что вы на него злы?

— За все.

Она его больше не спрашивала... Онъ тоже молча сидѣлъ передъ нею.

— Вы пишете теперь что-нибудь?

— Я... О, да... Я пишу...—И онъ горько улыбнулся.—

Я даже готовлю къ выпуску томикъ, подъ названіемъ „Могильныя слезы или призраки бѣлой ночи“.

— Что?

— „Могильныя слезы или призраки бѣлой ночи“.

— Такъ длинно.

— Ну пусть будетъ кратко: „мои слезы!“ немедленно согласился онъ.

Потомъ онъ сдѣлалъ глаза полные упрека и меланхолично вздыхая спросилъ ее:

— И вы считали меня способнымъ пойти къ нему?

— Отчего-же... отчего-же... Вы вѣдь его другъ.

— Былъ когда-то! До тѣхъ поръ пока онъ не отнял у меня счастье всей моей жизни.

Счастьемъ всей его жизни разумѣется была Вѣрочка. Она такъ и поняла это, но почему онъ считалъ ее принадлежавшей ему когда-то, почему Рядновъ именно у него, у царя-Персидскаго, отнял Вѣрочку, это было выше ея пониманія; боясь впрочемъ чтобы онъ съ отчаянія не ринулся дальше по этому скользкому пути, она попросила его:

— Прочтите мнѣ что-нибудь ваше.

Дороцкій мигомъ встопорчился.

— Зачѣмъ тревожить сердца раны!..

— Все-таки. Мнѣ будетъ приятно.

— У меня все мрачное.

— Читайте и мрачное!

— Пожалуй... Вотъ стихотвореніе посвященное мнѣ самому. Слышите-ли: мнѣ самому.

Омъ сдѣлалъ скорбное лицо, даже возвелъ очи горѣ и началъ скандировать, всѣми четырьмя лапами упираясь въ риемы:

Я долженъ умереть—мнѣ доктора сказали—
Я долженъ умереть, скорѣе-же скорѣй,
Я не хочу чтобы жизнь на время продолжали...
Могила ждетъ меня, отдайте жертву ей!
Лежать въ землѣ сырой, холодной, непроглядной,
Лежать и гнить недвижнымъ мертвецомъ...
А если мозгъ живеть?! О жребій безпошадный,
А если чувства есть и въ тѣсномъ гробѣ тамъ?
Я долженъ умереть оставить все чтò мило,
Покорно, какъ дитя, глаза свои закрыть,
Когда въ моихъ рукахъ еще не гаснетъ сила,
Когда я жить хочу, вы слышите-ли — жить!

Вѣрочка дѣлала тщетныя усилія чтобы не заснуть.

Слишкомъ потрясенный организмъ поминутно требовалъ покоя. Она нарочно шире открывала глаза и насиливала себя держа ихъ открытыми. Но сномъ помимо ея воли обносило, именно обносило ее. А поэтъ въ это время еще выразительнѣе продолжалъ:

Я долженъ умереть... Изгнанникомъ несчастнымъ,
Чужая сторона, тебѣ я кинуть былъ;
Ты приняла меня враждой, проклятьемъ страстнымъ,
Душила ты меня, который всѣхъ любилъ...
Боролся долго я—въ борьбѣ я черпалъ силы,
Окрѣпла грудь моя и снова выросъ я...
Уже и счастья ждалъ—и вдругъ призывъ могилы...
Я долженъ умереть—допѣта нѣсна моя...

Теперь ужъ все равно,
Откройте-же окно,
Пусть въ комнатѣ моей
Горятъ снопы лучей,
Пусть вѣтерокъ съ полей
Пахнетъ въ мое окно
Теперь ужъ все равно.

Поэтъ сдѣлалъ маленькую передышку.

Онъ искоса взглянулъ на Вѣрочку, словно желая увѣриться въ произведенномъ имъ впечатлѣніи, и къ крайнему изумленію увидѣлъ ее спящею.

Сначала онъ было хотѣлъ обидѣться.

Но съ ея лица еще не исчезло такое выраженіе внутренняго страданія, что невольно чувство умиленія охватило Кира - царя - Персидскаго. Онъ наклонился къ ней и въ умѣ его стало опять складываться: „Спи—я сонъ твой стану сторожить, мой другъ!..“ Но опять не нашелъ рѣшимаго на слово „стану“ и умолкъ, какъ сдѣлалъ то же передъ нимъ докторъ, радуясь ея спу какъ признаку близкаго выздоровленія.

XXVII.

Александръ Петровичъ уныло бродилъ изъ угла въ уголъ въ своей новой квартирѣ.

Сначала его навѣщали друзья, потомъ, мало-по-малу, узнавъ о его поступкѣ съ женой — одинъ за другимъ переставали бывать; да и самъ Рядновъ далеко не являлся очень уже интереснымъ для нихъ. Его странное состояніе, вѣчное взглядываніе внутрь, въ себя, вѣчное шпионничаніе за быстро смѣнявшимися въ немъ самымъ ощущеніями, этотъ никогда не прекращавшійся надзоръ за своимъ я и притомъ разспросы: „каковъ я сегодня, какъ мой глазъ, не замѣчаете-ли вы чего-нибудь?“ — надоѣли всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь.

— Это Богъ знаетъ какъ скучно! говорили они, уходя отъ него.

А жалобы его на жену, которыми какъ будто хотѣлось ему оправдаться, не передъ ними, а передъ самимъ собой, — стали просто ненавистны. Всѣ знали Вѣру. Всѣ помнили ея кроткое спокойствіе и неизмѣнную улыбку сіявшую для мужа на ея миломъ личикѣ. Одинъ изъ его близкихъ не воздержался и замѣтилъ ему:

— Вамъ-бы держаться за нее — она одна всю жизнь вашу украшивала.

— Она! какъ будто не вѣря ушамъ своимъ восклицалъ Рядновъ. — Она?.. эта... эта...

И въ невѣдомо который уже разъ онъ начиналъ рассказывать исторію съ Мочаловымъ, разумѣется оттѣняя и подчеркивая ее, какъ ему подсказывало его неулегшея еще раздраженіе.

— Да!.. И все-таки она для васъ пошла на униженіе. Это святая женщина.

— Если она святая, то вы... вы... бѣшено схватывался съ мѣста Рядновъ.

— Чтѣ—я? негодовалъ его собесѣдникъ.

— Вы... вы просто — дуракъ!

И лучшіе друзья отходили отъ него прочь, оставляя его одинъ за другимъ — на жертву его терзаніямъ и сомнѣніямъ.

Когда Вѣрочка оправилась и встала, первую ея мыслью былъ мужъ.

Она не рисковала идти къ нему. Ей передали, что онъ сталъ недюжимомъ, что въ душѣ его еще болѣе росло раздраженіе противу нея. Она написала ему письмо — всепрощающее, кроткое, отъ каждого слова котораго вѣяло прелестью женскаго сердца, согласнаго все забыть, всему покориться и со всѣмъ примириться. Но уввы! Сѣмя и на этотъ разъ, доброе сѣмя, попало на каменистую почву. Рядновъ вскопчилъ, какъ ужаленный, получивъ его — прочелъ, взбѣсился.

— Ей еще мало! Она сдѣлала меня общимъ посмѣшищемъ. Она смѣтаетъ надо мной. Она отняла у меня моихъ друзей и теперь хочетъ опять возобновить для меня эту вѣчную пытку.

И онъ отвѣтилъ ей грубо, дерзко, оскорбительно.

Каждое слово его письма было обидой, каждый штрихъ его ударомъ по сердцу.

Прочитавъ — цѣлый день просидѣла Вѣра уронивъ свои исхудавшія руки на колѣни и вдумываясь во все чтѣ произошло кругомъ нея въ послѣднее время.. У

нея уже не было слезъ. Напротивъ, глаза ея, еще недавно такіе мечтательные и кроткіе, приняли несвойственное имъ выраженіе строгости.

— Да, довольно!.. наконецъ проговорила она. Но ей все-таки тяжело было оставлять за собой злобу.

Она знала, что нѣтъ такой души человѣческой, которая не вернулась-бы къ добру, гдѣ раздраженіе и бѣшенство совсѣмъ-бы заволокли свѣтлыя небеса, гдѣ-бы никогда не прозвучалъ призывъ къ покаянію.

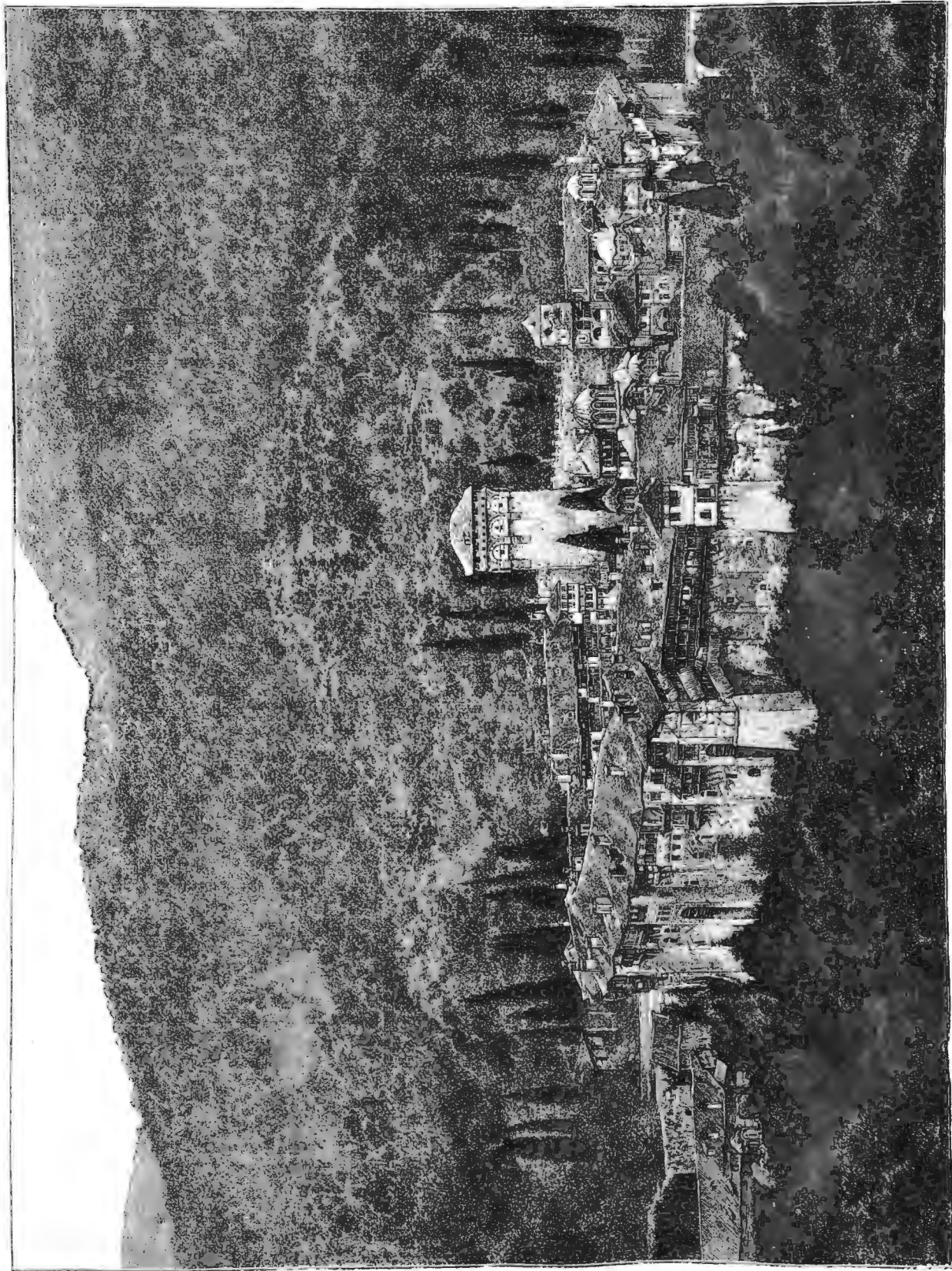
Вечеромъ она написала ему:

„Если когда-нибудь вы поймете все чтѣ вы сдѣлали и ваша совѣсть заговоритъ противъ васъ — не мучьте себя и помните, я васъ простила, простила все и забыла все... Я стану молиться за васъ вдали и если когда-нибудь моя слабая рука нужна будетъ вамъ — знайте, что я не перестала васъ любить!..“

На другой день она уже выѣзжала изъ Петербурга вонъ.

Увы! какъ этотъ отъѣздъ былъ не похожъ на тотъ яркій и свѣтлый день, который всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ встрѣтилъ ее здѣсь-же, на этомъ вокзалѣ!.. Какъ не похожа она на ту наивную дѣвушку — пугавшуюся всего и расплакавшуюся отъ напора новыхъ для нея ощущеній!.. Какъ не похожа она на ту Вѣрочку что такъ ясно и свѣтло смотрѣла своими большими голубыми глазами на міръ Божій ничего-же сумняшея, съ полнымъ убѣжденіемъ, что на всемъ его просторѣ — Богъ правду видитъ и за праведныхъ стоитъ! Теперь эта юдоль казалась ей полною тяжелыхъ испытаній. Она знала, что жизнь есть великое и трудное послушаніе, данное Провидѣніемъ человѣку, — послушаніе, крестъ котораго надо нести безропотно... Сидя въ вагонѣ и оглядываясь на все это пестрое прошлое, она видѣла въ немъ однѣ тѣни и тѣни. Изрѣдка робкія полоски свѣта прорывались между ними, но тотчасъ-же ихъ застилали непроглядныя тучи. Господи, кажется, давноли, уѣзжая изъ своей кроткой и мирной обители, она видѣла передъ собою всю свою жизнь впереди осіяною зарею слѣпящей. А теперь — теперь ночь кругомъ, темная, глухая, и въ ней словно яркая звѣздочка — манить и влечетъ къ себѣ — ея старый и вѣрный пріютъ, ея тихій и полузабытый въ шумѣ и суетѣ монастырь. Да, только тамъ покой, только тамъ умиротвореніе. Все это: слава, пышность, весь этотъ лстивый говоръ толпы, мишурный успѣхъ, общее поклоненіе — все это не давало счастья, а только кружило ей голову. И кутаясь отъ холода въ свое теплое пальто, она, полузакрывъ глаза, казалось, опять мигъ за мигомъ, часъ за часомъ, день за днемъ, недѣля и мѣсяцъ за недѣлей и мѣсяцемъ переживаетъ эту недавнюю, эту страшную боль... Да, страшную! О, какъ легки раны — нанесенныя врагами, какъ выносимы обиды — отъ клеветниковъ и недруговъ! Онѣ ошеломляютъ, но душа не болитъ отъ нихъ, сердце не точится кровавыми слезами; вся жизнь не обращается въ одну безконечную муку. Но раны которыя нанесла любимая рука, обида и клевета изъ любимыхъ устъ, вражда исходящая отъ сердца которое когда-то билось и жило для нея одной — вотъ гдѣ ужасъ, безповоротный, холодный, отъ котораго некуда уйти, некуда спрятаться... О! да чѣмъ-же она виновна передъ нимъ? — И опять она рылась въ своей памяти, въ туманѣ смутныхъ, неумовимыхъ ощущеній, доискиваясь вѣдомыхъ и невѣдомыхъ грѣховъ передъ нимъ, и не находила ихъ. Она чувствовала, что ей было-бы легче, легче за него, еслибы она могла найти часъ или мигъ когда была-бы виновата передъ нимъ. Но такихъ часовъ, такихъ мгновений не было, вовсе не было. Ни одного. Всѣ эти годы она какъ свѣча горѣла передъ нимъ — и если теперь она одинока, самъ онъ несчастливъ — она знала, что она права, но не чувствовала себя покойнѣе отъ этого...

Часы шли за часами. Однѣ станціи смѣнялись другими...

Афонъ. Хиландарскій монастырь. Съ фотогр. грав Ангереръ

Въ Рѣнскомъ лѣсу. пейзажъ Ф. Эбеля, грав. Гейеръ.

Поѣздъ со свистомъ, грохотомъ и шумомъ уносилъ ее все дальше и дальше. Смутно она помнила потомъ, будто сонъ, какъ утромъ показалась, закружила ее своимъ гомономъ и суетою—Москва, и потомъ опять дорога, опять грохотъ поѣзда, частыя остановки на станціяхъ, незнакомыя лица, сотни незнакомыхъ лицъ и наконецъ вдали показался городъ. Отсюда до ея пристани, до ея тихой и мирной обители было уже недалеко... Она даже гдѣла ея большой куполь и верхушку колокольни надъ холмами замыкавшими даль.

XXVIII.

Не успѣла еще Вѣрочка выглянуть въ окно вагона, подходившаго къ городу, какъ издали стали ее окликать радостныя, растерявшіяся отъ прилива свѣтлыхъ впечатлѣній монахини.

— Слава Тебѣ, Господи... Вѣтерокъ-то, вѣтерокъ! вся впопыхахъ торопилась толстая мать Варлаама.

— Здравствуй, Вѣрочка, здравствуй, родная! кричала ей Серафима, вся обливаясь слезами.

И Вѣрочка только слышала ихъ — не видя, потому что тѣ-же радостныя слезы мѣшали ей различать своихъ „добрыхъ бабушекъ“.

Они такъ и замерла въ теплыхъ объятіяхъ, когда наконецъ ей удалось выйти изъ вагона.

— Настралася, намучилась, голубушка! шептала ей въ одно ухо Серафима.

— Отдохни да отойди теперь съ нами! говорила ей въ другое мать-игуменья.

— Домикъ-отъ твой готовъ. Все попрежнему—только цвѣтовъ мы больше кругомъ развели, да Маруська твоя выросла совсѣмъ теперь больша, такая важная.

И когда Вѣрочка подѣзжала къ обители, колокола ея, точно этого лишь и ожидавшіе, заговорили ей на понятномъ ей съ самаго дѣтства языкѣ. Торжественно заговорили, точно укоряя ее, что она столько времени уже не внимала имъ изъ своего окошка, сплошь охваченнаго теперь голыми сучьями зимнихъ кустовъ... Слушавшая ихъ, Вѣрочка закрывала глаза—и точно не было этихъ ужасныхъ послѣднихъ мѣсяцевъ испытаній, точно еще вчера она входила въ эту обитель счастливою и безмятежною дѣвушкой. Сонъ видѣла—и съ пробужденіемъ все прошло опять; и когда, не заходя еще домой, она побѣжала по засыпанной снѣгомъ дорожкѣ къ бабушкиной могилѣ и рыдая упала на нее, ей казалось, что старушка тамъ, подъ своимъ тяжелымъ холмомъ, слышитъ ее и радуется ея возвращенію. Монахини не хотѣли ей мѣшать и оставили ее наединѣ съ ея воспоминаніями о взростившей ее старухѣ; но за то когда, отмолясь и наплакавшись вдоволь, она вышла, у воротъ ждала ее толпа знакомыхъ инокинь и Вѣрочка переходила изъ однихъ рукъ въ другія, неизмѣнно увѣряя каждую, что она ихъ не забыла, что она ихъ всѣхъ вмѣстѣ и каждую особо именно помнила все время своей Петербургской жизни. Пытливо смотрѣли на нее добрыя и ласковые глаза старицъ, радостно всматривались ихъ щеки и горячѣ бились сердца, словно вихрь жизни и счастья вмѣстѣ съ возвратившеюся бѣглянкой ворвался въ ихъ мирное и однообразное существованіе. Позади за монахинями стояли бѣлицы,—она узнавала своихъ ученицъ и подругъ; нѣкоторые уже приняли постриженіе и краснѣли на ея привѣтливья поздравленія. Она обмолвилась даже, назвала одну изъ нихъ матушкой—и молодая монахиня, застыдись, закрылась рукавомъ и отошла въ сторону. Она не помнила такого счастливаго и радостнаго дня давно уже. Это было такъ хорошо, такъ тепло становилось ей между ними, что самыя несчастья пережитыя отошли въ какую-то страшную даль, въ такую даль, что она перестала ихъ и видѣть вовсе.

А колокола заливались во всю, точно и со своей стороны привѣтствуя скиталицу.

На паперти встрѣтилъ ее знакомый старый священникъ.

— Ну, здравствуй, здравствуй, дочка, привѣтствуй оныя ея.—Здравствуй... Повсечасно мы любимъ на труды рукъ твоихъ и даже изъ другихъ городовъ есть любители, пріѣзжаютъ смотрѣть ихъ. Прославила ты и обитель пашу.

— Да ужь! заговорила Варлаама, только сейчасъ вспомнивъ объ этомъ. — Твою умирающую монахиню архіерей—былъ здѣсь—разрѣшилъ повѣсить въ соборѣ. Это, говоритъ, тотъ-же образъ. Ужъ и онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на нее, и потомъ вздохнулъ: „Подлинно—дивно и умирительно“. Вотъ какъ умудрилъ тебя Господь! Ну, теперь мы тебя скоро не выпустимъ.

— Да я и не собираюсь. Годикъ проживу.

— То-то намъ въ соборѣ-то иконъ напишешь! восхитилась Варлаама.

И Вѣрочка, войдя въ церковь, отыскала свой любимый уголокъ, и когда монахини, отдавши молитвѣ, забыли на время о ней, она незамѣтно проскользнула туда и ставъ на колѣна—вся ушла въ созерцательную и умиленную молитву. Попрежнему привѣтливо смотрѣли на нее знакомые облики святыхъ, какъ и во время оно—по лику Богоматери катилась бриллиантовая слезка, тускло горѣли оклады и ризы и тихо колыхалось пламя свѣчей и лампадъ. Попрежнему въ сумракѣ стараго собора въ вышину, гдѣ точно свершилась непостижимая тайна, уходили и тонули въ ней толстыя круглыя колонны, и какъ дѣвочки когда-то, такъ и взрослой ей теперь почудилось, что если священникъ опуститъ руки,—Евангеліе, все горя и сіяя, поплыветъ впередъ и утонетъ въ пространствѣ золотой звѣздой.

Сидя потомъ у матери Варлаама за чаемъ, Вѣрочка, не желая огорчать ее, глотала ложками и вишневое варенье, и крыжовниковое, и малиновое, и клубничное, и рассказывала старушкѣ о далекихъ стравахъ и народахъ которые она видѣла, о своихъ успѣхахъ, о Петербургѣ, о томъ какія картины она писала и какія собирается написать еще.

Она легла спать и на другой день встала подъ звонъ родныхъ колоколовъ.

Та же Маруська взобралась къ ней на кровать и разбудила ее. Вѣрочка отыскала и надѣла свое старое люстриновое платье съ кожанымъ поясомъ, набросила на голову черный платокъ и прошла мимо новой привратницы, привѣтливо ей кивавшей.

— Знаю, знаю, говорила она. — Мать Степанида сколько о тебѣ говорила-то.

— А гдѣ она теперь?

— Въ затворѣ... Въ воскресенье въ церкви увидишь... До тѣхъ поръ ни къ кому не выходитъ старика, въ молчаніи и уединеніи къ смерти готовится...

Въ рисовальной школѣ появленіе Вѣрочки было истиннымъ праздникомъ... Потомъ, когда Вѣра у себя повѣсила картины свои и пригласила мать Варлаама, Серафиму и другихъ монахинь, восторгамъ не было конца.

— Ишь какъ тебя Господь умудрилъ!.. Ахъ ты бѣдовал!.. Смотри, мать, смотри, вѣдь это Секлетей за ухо ее, нашего Вѣрка, держитъ. Ахти мѣ, а вѣдь это я... Я и есть... Ахъ ты, вѣтерокъ, вѣтерокъ, скажите пожалуйста—на весь свѣтъ насъ ославила.

И монахини толпились кругомъ, присматриваясь и по-дѣтски радуясь, узнавая ту или другую изъ своихъ сестеръ.

— И кладбище наше!..

— И пошь Захарія... А это Степанидушка... ишь ты съ розгой-то... Это когда мы ее изъ обители изгнали, Вѣрка-то нашего... Ахъ, ты лукавка этакая!

— А это мать Агнія на колокольнѣ. Она и есть.

До позднего вечера оставались монахини здѣсь, любясь ея работами и радуясь имъ.

А въ воскресенье, когда въ церкви вдругъ всѣ мо-

нахини разступились пропуская затворницу мать Степаниду, старушка разом остановилась увидя передь собою на колѣняхъ Вѣру...

Она тихо подняла Вѣру, поцѣловала ее, но памятуя объѣтъ молчанія, наложенный на себя, не сказала ей ни слова, хотя губы ея трепетали отъ не-

одолимаго желанія перемолвиться со своею любимицей. За то, стоя въ углу, Вѣрочка видѣла какъ мать Степанида все время радостно и ласково смотрѣла на нее, сіяя своими добрыми старческими глазами...

(Оконч. въ слѣд. №).

Старинныя русскія одежды.

П. Н. Полевого. (Рис. на стр. 857).

Одежды русскіхъ царей, торжественныя и праздничныя. Парское ходильное и полевое платье. Платье государя патриарха. Одежды бояръ и ближнихъ людей.

4 января 1700 г., Великій Преобразователь Россіи издалъ указъ, по которому предписывалось: „боярамъ и околыничимъ, и думнымъ и ближнимъ людямъ, и стольникамъ и стряпчимъ“ и всѣмъ другимъ служащимъ при дворѣ и приѣзжающимъ ко двору лицамъ, — „по Москвѣ и въ городахъ носить платья, венгерскіе кафтаны, верхніе — длиною по подвязку, а исподніе короче верхнихъ, тѣмъ-же порядкомъ“. Годъ спустя, выданъ былъ новый, еще болѣе строгій и подробный указъ, по которому всѣмъ русскимъ людямъ, „кромѣ духовнаго чину и пашенныхъ крестьянъ“, повелѣно было „носить платье нѣмецкое, верхнія саксонскія и французскія, а исподніе калцоны и проч., и сапоги, и башмаки, и шапки — нѣмецкія, и ѣздить на нѣмецкихъ сѣдлахъ“. Тѣмъ же указомъ запрещалось какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ пошеніе „русскаго платья и обуви“, а мастеровымъ, которые бы стали „русское платье дѣлать и имъ торговать въ рядахъ“, указъ угрожалъ „жестокимъ наказаніемъ“. Эти указы, соблюдаемые съ рѣдкою суровостью и обставленные, какъ случаи невыполненія, тяжелыми штрафами и высказаніями, оказали свое дѣйствіе: русское платье было, почти на полвѣка, вытѣснено изъ употребленія и замѣнено, не только въ высшихъ классахъ общества, но даже и въ низшихъ, иноземною одеждою, несвойственною ни нашему быту, ни нашему климату, противною нашимъ обычаямъ и понятіямъ о приличіи. Старинныя одежды были забыты, оставлены въ пренебреженіи и осмѣяны разными досужими услужниками Великаго Преобразователя, который, послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія, ужъ слишкомъ увлекся европейскими обычаями, а слѣдъ страшнаго стрѣльцкаго розыска слишкомъ проникся ненавистью къ русской старинѣ. Такое быстрое и притомъ насильственное введеніе къ намъ на Русь иноземнаго (европейскаго) платья не осталось безъ вліянія на наши общественныя нравы. Въмѣстѣ съ европейскимъ платьемъ проникали къ намъ европейскія моды и страсть къ частымъ переменамъ покроя и внѣшнихъ украшеній наряда, а это въ значительной степени способствовало развитію бесполезной роскоши въ одеждѣ; съ другой стороны, весьма значительное большинство нашего высшаго общества, увлекшись внѣшнимъ европеизмомъ, совершенно отстало отъ русскіхъ обычаевъ и утратило національный русскій отпечатокъ. И только уже значительно позже, во второй половинѣ XVIII вѣка, когда Екатерина II отменила суровые Петровскіе указы и сама стала выказывать полное и глубокое уваженіе къ русской старинѣ — вредное вліяніе внѣшняго европеизма значительно ослабло, и въ русскіхъ людяхъ вновь пробудилось желаніе быть европейцами, не переставая быть русскими.

Гоненіе на русскую одежду, воздвигнутое Петромъ, было мѣрою до такой степени странною и тягостною, что сами иностранцы были этимъ явленіемъ поражены. Старинныя русскія одежды нравились иностранцамъ посѣщавшимъ Россію въ до-Петровское время, и всѣ они посвящаютъ очень охотно цѣлыя страницы своихъ записокъ и посольскихъ отчетовъ описанію величайшей и богатой одежды русскіхъ царей, бояръ и вельможъ, — одежды, которая потому именно имъ и правилась, что она нисколько не походила на европейскую и поражала нашихъ заѣзжихъ гостей своею оригинальностью. Герберштейнъ, Гваньини, Флетчеръ, Петрей, Оларій, Мейербергъ, Лизекъ и Таннеръ — въ разное время бывшіе въ Россіи, оставили намъ такъ много подробностей о русской одеждѣ нашихъ предковъ, что мы могли бы уже составить о ней довольно ясное представленіе, если бы даже не было у насъ драгоцѣнныхъ остатковъ старинны, сохранныхъ нашими музеями. Одинъ изъ путешественниковъ, посѣщавшій Московію въ 1663 г., графъ Карлейль, даже весьма откровенно отдаетъ преимущество русской одеждѣ предъ всѣми одеждами остальныхъ европейскихъ націй. „Надо отдать Московитамъ справедливость“, говоритъ Карлейль, — „въ томъ, что къ нимъ очень идетъ ихъ одежда; всѣ они высоки ростомъ, дородны и хорошо сложены, но этимъ внѣшнимъ качествамъ еще большее значеніе придаютъ ихъ длинныя одежды, ихъ шапки, ихъ высокіе сапоги, ихъ подстриженные въ кружокъ волосы и длинныя бороды, которыми Московиты отличаются отъ большей части остальныхъ народовъ христіанскихъ. Тѣ безпрестанно тмятъ свои моды; а среди Московитовъ ничего подобнаго не видимъ, ибо они всегда носятъ платья одного и того же покроя, и знатные въ одеждѣ только тѣмъ и отличаются отъ простолюдиновъ, что ихъ одежды сшиты изъ лучшихъ матерій и богато украшены.

Знатные обыкновенно шьютъ себѣ одежды изъ атласа, узорчатыхъ матерій, багреца, бархата или шарчи; горожане — изъ толстаго сукна, красновато-лиловаго или темно-зеленаго; а простолюдины — изъ толстаго сукна, которое они сами же и выдѣлываютъ у себя домашнимъ способомъ.“ При описаніи встрѣчи, устроеной Карлейлю передъ въѣздомъ его въ Москву, онъ съ восторгомъ говоритъ о великолѣпнѣ одеждѣ бояръ, стольниковъ и другихъ вельможъ высланныхъ на встрѣчу посольству. „Одежды ихъ“, говоритъ иноземецъ, — „блестали серебромъ и золотомъ и были сшиты изъ бархата, атласа, узорчатыхъ матерій и украшены драгоцѣнными каменьями и богатыми мѣхами. Всѣ они ѣхали верхами на прекраснѣйшихъ лошадяхъ, въ роскошной сбруѣ, съ бархатными и расшитыми шелкомъ чепраками, изъ коихъ многіе были осыпаны сіявшими на солнцѣ драгоцѣнными каменьями. Особенно замѣчательны были узды и поводья ихъ коней, серебряные, прорѣзные, состоявшіе изъ кольчатыхъ цѣпей, съ очень широкими и тонкими кольцами и бляхами, которыя величаво повязкивали на ходу коней. Не менѣе замѣчательна была по богатству одежды и свита сопровождавшая бояръ и стольниковъ — вся она шла нѣшкомъ, кромѣ конюховъ, которые ѣхали на запасныхъ коняхъ, покрытыхъ прекрасными тигровыми и леопардовыми шкурами.“

Дѣйствительно, старинная русская одежда, точно такъ же, какъ и вообще великолѣпная обстановка нашего древняго Московскаго Двора, должны были производить глубокое впечатлѣніе на иноземцевъ: передъ этимъ впечатлѣніемъ блѣднѣли, въ значительной степени, всѣ понятія европейцевъ о блескѣ, всѣ представленія ихъ о роскоши и богатствѣ, вынесенныя изъ знакомства съ бытомъ европейскихъ государей. Чтобы дать нѣкоторое, болѣе ясное понятіе о нашихъ старинныхъ одеждахъ, мы и рѣшились представить читателямъ *Нивы* цѣлый рядъ рисунковъ, снятыхъ съ древнихъ памятниковъ и знаменитыхъ съ подробностями одежды нашихъ царей и царицъ, бояръ и вельможъ, ихъ женъ и дочерей. Всѣ эти рисунки сняты съ извѣстныхъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, и заслуживаютъ подробнаго описанія.

Драгоценнѣйшія царскія одежды и украшенія къ нимъ хранились на Казенномъ Дворѣ; всѣ прочія одежды и все вообще парское платье хранилось въ казнѣ такъ-называемой Мастерской Палаты, особаго вѣдомства, которое занито было исключительно заготовленіемъ и храненіемъ царскихъ одеждъ. Одежды и „утвари царскія“ (т. е. регалии) были распределены на *наряды*, т. е. подобраны, сообразно виду и цѣнности, такъ, что *каждому наряду* соответствовала и *особая утварь*. Отъ воли государя зависѣло — выбрать тотъ или другой *нарядъ*; потребовать *полный нарядъ* или выбрать *части разныхъ нарядовъ*. Смотря по степени важности выхода, определялся и *нарядъ*. Во времена царя Михаила Феодоровича, когда казна царская (послѣ разоренія Смутнаго времени) была не слишкомъ богата, мы видимъ *восемь дорогихъ* (т. е. парадныхъ) *царскихъ нарядовъ*, хранимыхъ на Казенномъ Дворѣ, и *тридцать* обыкновенныхъ переменъ царскаго выходнаго платья.

Самымъ богатымъ изъ царскихъ нарядовъ былъ такъ-называемый *большой* царскій нарядъ, иначе называемый *нарядъ Большой казны съ Казеннаго Двора*, такъ какъ всѣ принадлежности этого наряда хранились тамъ. При этомъ *большимъ* нарядѣ полагались непременно *регалии* или *царская утварь*, т. е. *бармы*, *скипетръ* и *державное яблоко*. Въ такомъ именно нарядѣ и изображенъ государь на рис. 1 (см. стр. 857). На государѣ, сверхъ нижняго платья (ферези), надѣто богатѣйшее царственное одѣяніе, широкое и съ широкими рукавами, украшенное вдоль полей и по подолу, и на рукавахъ нашивнымъ *кружкомъ*, изъ крупнѣйшаго жемчуга съ драгоцѣнными каменьями. Одѣяніе это застегнуто петлями на *пуговицы* изъ крупныхъ драгоцѣнныхъ камней (яхонтовъ, изумрудовъ, рубиновъ и т. д.). При *большомъ* нарядѣ, поверхъ одѣянія, на плеча накидывалось *накладное оплечье* (въ родѣ пелерини), называемое иначе *бармы* или *дѣдица*. Оконечности рукавовъ нижняго платья прикрывались *поруками*, которыя по подбору жемчуга и драгоцѣнныхъ камней соответствовали великолѣпнѣ убранныя всего наряда и въ особенности дѣдицами, сдѣланной изъ парчи (золотой или серебряной), съ папшными на нее образками, усыпанными крупнымъ жемчугомъ, алмазами, изумрудами и яхонтами. Самое одѣяніе шилось изъ весьма дорогихъ въ то время тканей: изъ бархата, изъ парчи, изъ алтабаса, и мѣстами (какъ и на нашемъ рис. 1) украшалось нашивными *запанами* (въ видѣ звѣздъ изъ жемчуга и каменьева).

При большомъ нарядѣ полагались *регалии* (царская утварь):

цпль съ крестомъ, надѣваемая поверхъ бартъ, *скиветръ* (царственный жезлъ) украшенный алмазами, и *царственное яблоко* (или держава). Сверхъ того, при большомъ нарядѣ была постоянно надѣваема и *шапка царская большого наряда*, которая замѣняла собою *царскій вынецъ* и была чрезвычайно тяжела отъ той массы золота и каменьева, которые ее украшали ¹⁾. „Большой“ нарядъ надѣвался въ дни въичанія на царство, во времена торжественныхъ приемовъ всякихъ посланниковъ и другихъ чужеземцевъ, при хиротоніи архiereевъ и въ великіе праздники (Рождество Христова, Богоявленіе, Вербное Воскресеніе, Свѣтлое Воскресеніе, Троицынъ День, Успеніе Богородицы). Такъ какъ „большой нарядъ“ былъ чрезвычайно тяжелъ (въ особенності шапка его), то царь спѣшилъ его снять тотчасъ по окончаніи выхода, а шапку во время богослуженія нѣсколько разъ снималъ и передавалъ стряпчему (придворному сановнику), принимавшему ее на блюдо, и вновь возлагалъ на себя.

Всѣ остальные *наряды* царскіе (выходные или парадные), кромѣ *большаго*, назывались *меньшими*. При нихъ не полагалось царственныхъ *утварей* (скиветра, державы и т. д.) и *бартъ*. Такой *меньшій* нарядъ изображенъ у насъ на стр. 857, на рис. 2. Здѣсь царь шествуетъ на выходѣ въ царскомъ *парчевомъ платьѣ*, украшенномъ нашитыми на него каменьями и драгоценными пуговицами; на головѣ царя царская шапка *меньшаго наряда*, т. е. болѣе легкая и не въ такой степени обремененная всякими драгоценностями, какъ шапка *большаго наряда*. Въ рукѣ у царя богатый золотой крестъ, съ частіцами Св. мощей и древа Животворящаго Креста. Такіе *меньшіе* наряды надѣвались на выходы въ менѣе важные праздники и при торжествахъ семейныхъ, когда не требовалось выставить весь блескъ придворной роскоши.

Въ остальное время, государи надѣвали обыкновенное *постельное* (иначе: *ходильное*) платье, которое по своему покрою ни мало не отличалось отъ общаго боярскаго платья и было весьма схоже съ народною одеждой, отъ которой, дѣйствительно, отличалось только качествомъ ткани. Носильное платье было *хоромное* (комнатное); *становое* — носимое въ городѣ; *вздовое* — дорожное; *полевое* — въ которомъ цари ѣздили *въ поле*, т. е. на охоту; *военное* — надѣваемое подѣ воинскіе доспѣхи; *столовое* — надѣваемое при столѣ, и наконецъ *смирное*, т. е. траурное, надѣваемое при погребеніяхъ, панихидахъ и др. печальныхъ событіяхъ и носимое въ теченіе извѣстнаго времени послѣ смерти того или другаго лица, принадлежавшаго къ царскому семейству. Чрезвычайно любопытно, что, по стариннымъ русскимъ понятіямъ, траурнымъ цвѣтомъ былъ не одинъ *черный*, а также и слѣдующіе три: темновиневый, темнобагровый и гвоздичный. Поэтому, *смирное* (или траурное) платье имѣлось изъ всѣхъ этихъ цвѣтовъ.

Обыкновенно царское платье *носимое* состояло изъ слѣдующихъ одеждъ, надѣваемыхъ одна на другую. Сверхъ *сорочки*, которая бывала и полотняная, и шелковая, и расшивалась около ворота, разрѣза и по краямъ рукавовъ шелками, серебромъ, золотомъ и жемчугомъ, и сверхъ такого же *исподняго платья* — надѣвался *зипунъ*, въ родѣ короткаго кафтанца, тафтяной или атласный. Зипуны облегалі тѣло вилотную и иногда шились безъ рукавовъ, съ самымъ короткимъ воротникомъ; у нарядныхъ зипуновъ пришивали стоячій воротникъ, низанный жемчугомъ. Сверхъ *зипуна* надѣвалась вторая, выходная одежда, въ которой государь уже могъ выйти изъ своей оличивальни въ домашніе, внутренне покои (или *комнату*); такую вторую одежду у государя и у бояръ и придворныхъ могли быть *терликъ*, *кафтанъ*, *опашень* или *кожуха*.

Терликъ былъ одеждою довольно длинною, ниже колѣнъ, съ перекрестомъ въ талии, съ рукавами довольно узкими и безъ сборокъ. Вдоль полъ, по рукавамъ и подолу, терлики обшивались серебряными или золотымъ галуномъ и украшались жемчугомъ и каменьями.

Кафтанъ былъ длиннѣе терлика и доходилъ почти до лодыжекъ ноги; онъ застегивался напереді, пуговицами и петлицами, по большей части длинными, а рукава, сверху болѣе широкіе, сбористые, снизу стягивались *зруквавами*, которые также украшались жемчугомъ и каменьями. Кафтаны были различны: *турскіе* и *становые*. *Становой* кафтанъ дѣлался шире, безъ *тали*, и притомъ такъ, что одна половина закидывалась на другую (какъ у нынѣшнихъ кафтановъ) — правая на лѣвую — и застегивалась только въ двухъ мѣстахъ: у шеи и на

лѣвомъ боку, при помощи особыхъ застежекъ или пуговицъ. *Турскій* кафтанъ дѣлалъ уже *станового съ талиею* и съ рукавами покороче и поуже, чѣмъ у становаго кафтана. Царское *платье* (см. рис. 2) надѣвалось обыкновенно поверхъ становаго кафтана и по своему покрою очень было близко къ кафтану.

Опашень отличался отъ *платьна тѣмъ*, что рукава у него были короче и весьма широкі (см. рис. 1). Если *опашень* подбивался мѣхомъ, то получалъ названіе *кожуха*. Собственно же говоря, *опашень* была третья, верхняя лѣтняя одежда, которая носилась отъ Благовѣщеньева дня и до осени. Самое названіе ея произошло отъ того, что ее носили *на-опашь* — безъ пояса.

Къ кафтанамъ часто пришивались высокіе, стоячіе, спереди открытые воротники; такой воротникъ назывался *козырьемъ* и почти прикрывалъ весь затылокъ. Козырь, обыкновенно скроенный изъ атласа или бархата, расшивался золотомъ и серебромъ и выплывался жемчугомъ. Нѣкоторые женскія обители особенно славились щеголеватымъ шитьемъ козырей.

Опашни дѣлались иногда и съ откладными воротниками, съ узкими, сборчатыми рукавами (см. рис. 3, фигура направо) и съ богатыми жемчужными застежками. Выѣсто *опашней* надѣвалась иногда, въ качествѣ третьяго, выходнаго лѣтняго платья, *чуга*, нѣчто въ родѣ кафтана, съ откладнымъ воротникомъ и короткими, широкими рукавами (см. рис. 3, фигура налѣво). Чуга, на нашемъ рисункѣ, надѣта поверхъ *фрегези*, которой петлицы видны наверху, около ворота.

Необходимою принадлежностью одежды царской и боярскаго была *шапка* или *тафья*. Тафья (см. рис. 3), нѣчто въ родѣ шапочки изъ бархата, низанной жемчугомъ и украшенной богатыми запонами изъ каменьева, была въ употребленіи въ домашнемъ быту, и царскомъ, и боярскомъ. Иногда, вмѣсто тафьи, затылокъ, даже и подѣ шапкою, прикрывался круглою *шапочкой*, плотно прилегающей къ головѣ (нѣчто въ родѣ ермолки), расшитой золотомъ и жемчугомъ по бархату. Шапки были, по фасону своему, очень разнообразны: то въ видѣ высокаго колпака, съ острой тульей, то съ округлой и почти плоской. Онѣ обшивались бархатомъ, дѣлались и шелковыя, и суконныя; оторачивались собольимъ, бобровымъ и куньимъ мѣхомъ. У бояръ были еще особые, высокія, такъ-называемыя *горлатныя* шапки, похожія на камилавки (см. рис. 2), которыя составляли оличительный признакъ боярскаго званія и обыкновенную принадлежность боярскаго придворной одежды. При платьѣ выходномъ и царь, и бояре носили обыкновенно *кушаки*, которые точно такъ, какъ и теперь, складывались въ нѣсколько разъ и дѣлались изъ разноцвѣтнаго шелка, часто съ примѣсью золота и серебра; или же надѣвали *пояса* — бархатные, кожаные и иные, украшенные наборомъ изъ золотыхъ и серебряныхъ бляхъ, жемчугомъ и каменьями.

Сапоги (или *чоботы*) носили сафьянные, остроносые; загнутыя вверху носкомъ подошвы ихъ подбивались мелкими гвоздиками, а каблуки обивались серебряными скобами. Сапоги бывали разныхъ цвѣтовъ сафьяна, но чаще всего *красные*, и украшались прошивками изъ серебра и золота, галунами и мудренными узорами, иногда даже жемчугомъ и каменьями.

Какъ цари, такъ и бояре, при выходѣ изъ дома, опирались на *посохи* (или трости), которые были чрезвычайно богаты и разнообразно украшены — рѣзбою, инкрустацією, золотыми и серебряными набалдашниками, осыпанными драгоценными каменьями.

Одежда высшаго духовенства, и въ особенності „государи свѣтѣйшаго патріарха“, мало чѣмъ отличалась отъ царской, въ общемъ покроѣ, и даже извѣстна была подѣ тѣми же названіями ¹⁾. Образцомъ выходной и домашней одежды патріарха могутъ служить изображенія, помѣщенные нами на рис. 4 (см. стр. 857). На первомъ изъ этихъ изображеній патріархъ представленъ въ богатой узорчатой рясѣ и въ визаномъ бѣломъ клобукѣ съ крестомъ и съ золотыми нашивными образками на челѣ и на лопастяхъ, опускающихся съ плечъ на грудь. Въ рукѣ патріарха посохъ — постоянная принадлежность его сана. На второмъ изображеніи (болѣе удаленномъ) мы видимъ патріарха въ болѣе простой рясѣ и въ бѣлой шляпѣ изъ тонкаго поярка, съ нашитымъ сверху серебрянымъ перекрестиемъ и широкими полями. Въ такой шляпѣ, сохранившейся намъ отъ времени патріарха Никона, знаменитый „патріархъ-богатырь“ (какъ называетъ его нашъ историкъ Соловьевъ) гулялъ обыкновенно въ саду своей любимой Воскресенской обители.

Къ рисункамъ.

По грибы. (Рис. на стр. 844).

Пролила дожди — настала грибная пора; бабы, дѣвки и ребятишки съ лукошками и кузовками отираются въ березовую рощу, незамѣтно переходящую въ лѣсъ... Только что подошли къ ней, а на встрѣчу имъ — вставшая на зарѣ и ужъ побывавшая въ лѣсу, шустрая молодуха съ полными до верха кузовками... Остановились — разговорились; молодка рассказываетъ

¹⁾ Нѣкоторые царскіе шапки доходили вѣсомъ почти до 12 фунтовъ; въ другихъ было около 4½—5 фунтовъ. Только одна шапка вѣсила 2 фунта 20 золотниковъ.

про *грибныя* мѣста: „а ты вотъ, милая, заверни за Оедюхинъ верхъ, такъ тамъ, по березничку-то, видимо-невидимо ихъ... Поздненько ужъ я добралась — кузовки полны были — некуда класть, да и ногу вотъ наколола еще... А ужъ грибовъ — просто сила, и все какъ одинъ къ одному — на подборъ...“ Слушаютъ сосѣдки, но слушаютъ съ недоверіемъ, знаи, что настоящаго грибнаго мѣста никто другому ни за что не укажетъ — про себя на другой разъ побережетъ.

²⁾ Мы говоримъ о домашней одеждѣ патріарха, а не о его церковномъ облаченіи.

Великий государь Московский въ большомъ царскомъ нарядѣ (XVII в.)

Великий государь Московский въ маломъ царскомъ нарядѣ (XVII в.).

Боярское и царское ходильное и полевое платье (XVII в.).

Государь святѣйшій патріархъ въ выходномъ и домашнемъ платьѣ (XVII в.).

Старинныя русскія одежды. Рис. Земцовъ, грав. Бергъ. Библиотека "Руниверс"

Кобзарь въ Запорожьѣ. (Рис. на стр. 845).

Запорожцы, какъ извѣстно, составляли отдѣлившуюся при польскомъ владычествѣ отъ украинскихъ казаковъ общину, оставшуюся на островахъ Днѣпра, изъ коихъ Хортицкій и былъ мѣстомъ первой Сѣчи Запорожской. Послѣ присяги царю Алексѣю Михайловичу, Сѣчь находилась при рѣкахъ Токмаковѣ и Никитинѣ, потомъ подъ властью турокъ переходила изъ Алешекъ въ Кодакъ и опять на старое мѣсто у рѣки Каменки, а затѣмъ, послѣ того какъ запорожцы присягнули имп. Аннѣ Ивановнѣ, въ урочище Подпольное, при впадении рѣкъ Бузудука и Подпольной въ Днѣпръ. Въ 1750 г. въ Сѣчи считалось до 40 куреней и до 16,000 готовыхъ къ бою запорожцевъ. Существованіе этой волницы, которая была очень полезна Россіи въ борьбѣ съ крымцами и поляками, при Екатеринѣ, когда области ихъ вошли въ составъ имперіи, стало уже невозможнымъ въ благоустроенномъ государствѣ—и Сѣчь была упразднена. Рисунокъ г. Бѣлащенка изображаетъ запорожцевъ за любимымъ ихъ развлеченіемъ—слушаніемъ пѣсенъ кобзаря, воспѣвающего подвиги предковъ.

Цыганна. (Рис. на стр. 849).

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ:
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ;
Мы простимся на мосту.
Ночь пройдетъ—и спозаранокъ
Въ степь, далеко, милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ
За кибиткой кочевой...

Я. Полонскій.

Аѳонь. Хиландарскій монастырь. (Рис. на стр. 852).

Изъ двадцати обителей на Св. Горѣ Аѳонской, Хиландарскій монастырь, отличающійся чрезвычайно живописнымъ мѣстоположеніемъ, началось своимъ бызанъ Сербамъ. Онъ основанъ въ 1199 году великимъ жупаномъ Сербскимъ Стефаномъ Немани, который принялъ монашество подъ именемъ Симеона въ обители Ватопедской, гдѣ и сынъ его, Савва, впоследствии первый архіепископъ Сербскій, также прожилъ нѣсколько лѣтъ. Стефанъ Немани отыскалъ и облюбилъ мѣсто на которомъ уже находилось развалины небольшого монастыря, построилъ необходимое число келій для общежитія и церковь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Начатое отцомъ, было довершено и украшено сыномъ, святителемъ Саввой. Впоследствии щедрымъ благодѣтелемъ Хиландарской обители сталъ король Сербскій Стефанъ Урошъ II Милутинь (1275—1322), сынъ и наследникъ Уроша I Великаго. Онъ обвелъ монастырь прекрасною оградой съ нѣсколькими башнями, расширилъ монастырскія строенія и построилъ новый храмъ. Изъ башенъ и донжиръ уцѣлѣла одна, прочія же частію или совершенно разрушились. На нашемъ рисункѣ изображенъ видъ на монастырь съ западной возвышенности. Милутинова башня на рисункѣ—высочайшее сооруженіе, состоящее изъ пяти отдѣленій, соединяющихся между собою деревянными лѣстницами. Монастырскія зданія представляютъ неправильный многоугольникъ, въ центрѣ коего посреди обширнаго двора стоитъ главный храмъ; кунолы нѣсколькихъ часовенъ, разсѣянныхъ по обители, выглядываютъ надъ каменною стѣной. Правѣе главнаго храма—башенка, на которой видны часы; подъ крышей ея помѣщаются колокола. Ближайшая къ этой колокольнѣ часть монастыря называется *русскою*, ибо въ XVI вѣкѣ была обновлена на русскія жертвованія. За монастыремъ мѣстность поросла низкимъ лѣсомъ, въ которомъ рѣзко выделяются пирамидальныя вершины кипарисовъ. Въ послѣднее время Хиландарскій монастырь, по племенному составу братіи, сталъ преимущественно болгарскимъ.

Въ Ренскомъ лѣсу. (Рис. на стр. 853).

Въ центрѣ Германіи, по сѣверной части Баварскаго королевства, а также по Саксенъ-Веймару и прусской провинціи Гессенъ-Нассау, тянется цѣль базальтовыхъ горъ, шириною около 70 верстъ, по направленію съ сѣвера къ югу, носящихъ названіе Рена (Rhön или Rön). Нѣкогда очень богатая букowymъ лѣсомъ, горы эти до сихъ поръ представляютъ живописную лѣсную картину, особенно въ южной своей части. Нынѣ буковый лѣсъ, кое-гдѣ сохранившійся еще на возвышенностяхъ, уступилъ мѣсто хвойнымъ деревьямъ или большимъ луговымъ пространствамъ. Рень—бѣдная область, очень дикая и пустынная въ своихъ высокихъ частяхъ, изъ которыхъ отдѣльныя вершины, какъ Крестовая гора (Kreuzberg), Даммерсфельдъ и большая Вассеркуине превышаютъ 430 сажень. Необятныя снѣговныя массы покрываютъ Рень зимою, дожди и туманы—постоянное явленіе на немъ лѣтомъ. Значительныя торфяныя, болотистыя пространства встрѣчаются повсюду на плоскогорьѣ, придавалъ ему отпечатокъ однообразія. Зато лѣсныя мѣста бывають порою чрезвычайно живописны и за послѣднія 10 лѣтъ привлекаютъ не мало путешественниковъ.

Русская изба и славяно-русская постройка на всемирной выставкѣ въ Парижѣ. (Рис. на стр. 860 и 861).

Какъ и все русское, обѣ вышепоименованныя постройки,

хотя и содержація въ себѣ на русскій взглядъ не много русскаго, привлекаютъ къ себѣ множество французовъ и вообще посѣтителей выставки. Русская изба выстроена въ лѣвой половинѣ сада вокругъ Эйфелевой башни, между зданіемъ „Folies Parisiennes“ и дворцомъ искусствъ. Второе изъ воспроизведенныхъ нами строеній quasi-русской архитектуры, находится въ ряду съ другими 43 постройками, расположенными какъ овощи на грядѣ, у подножія Эйфелевой башни и изображающими наглядно исторію человѣческаго жилья.

Е. И. В. Князь Георгій Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, и Высочайше нареченная Невѣста его, Княжна Анастасія Николаевна Черногорская. (Портр. на стр. 860).

Е. И. В. Князь Георгій Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, родился 17 февраля 1852 и былъ въ супружествѣ съ 20 апрѣля 1879 г. съ принцессою Терезой, дочерью принца Петра Ольденбургскаго († 7 апрѣля 1883).

Ея Свѣтлость, Княжна Анастасія (Стана) Николаевна Черногорская, родилась въ 1869 году и воспитывалась въ Россіи въ училищѣ Общества благородныхъ дѣвицъ (Смоленскій монастырь).

Глас Черногорца, по случаю стовора Княжны Анастасіи съ Ею Императорскимъ Высочествомъ Княземъ Романовскимъ Герцогомъ Георгіемъ Лейхтенбергскимъ и бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Петра Николаевича и Великой Княжны Милицы Николаевны, въ статьѣ по поводу этихъ торжественныхъ событій, между прочимъ, говоритъ:

„Слава тебѣ Петровъ градъ, дивный столичный градъ Православнаго Царя, за то, что въ тебѣ живетъ защита братскому согласію родственныхъ славянскихъ племенъ и забота, чтобы Славянское племя заняло достойное мѣсто среди народовъ міра. Слава Великому Царю Александру III!“.

А. А. Краевскій. (Портр. на стр. 861).

Въ ночь на 8 августа, на своей дачѣ въ Павловскѣ, скончался отъ аневризмы Андрей Александровичъ Краевскій, Несторъ русской журналистики и едва-ли не старшій изъ журналистовъ западноевропейскихъ. Онъ не былъ литераторомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова и вся его писательская дѣятельность ограничивается нѣсколькими статейками комплиментнаго содержанія, рецензіями, замѣтками весьма заурядными и по мысли, и по формѣ, но зато онъ обладалъ необыкновенно смѣтливимъ, практическимъ умомъ и энергіей, словомъ, всеми качествами настоящаго издателя. Съ большимъ запасомъ терпѣнія, съ твердой волей, онъ упорно стремился къ достиженію той или другой цѣли и всегда доводилъ задуманное имъ дѣло до конца. Оттого-то всѣ литературныя предпріятія Краевскаго стояли прочно, пользовались довѣріемъ и вниманіемъ публики. Съ самаго начала своей дѣятельности, которую онъ началъ еще при жизни Пушкина, Краевскій занялъ весьма видное мѣсто, какъ опытный журналистъ, умѣвшій группировать около себя лучшія литературныя силы и приобрести замѣтное вліяніе среди своихъ собратій по перу. Когда умеръ Пушкинъ, Краевскій былъ однимъ изъ довѣренныхъ лицъ, разбравшихъ бумаги безвременно погибшаго поэта. Съ Лермонтовымъ, Гоголемъ и прочими свѣтлами отечественной словесности и науки онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Вообще, рѣдкій изъ прежнихъ и нынѣшнихъ писателей и журналистовъ, мало-мальски выдающихся, не былъ знакомъ съ нимъ лично, рѣдкій не входилъ съ нимъ въ сношенія. Не чувствуя за собой никакого дара къ писательству и всегда умѣя выбирать людей для своего литературнаго дѣла, Краевскій давалъ полную свободу дѣйствію этимъ людямъ, а самъ, подобно опытному механику, слѣдилъ лишь за тѣмъ, чтобы машина имъ поставленная и лущенная въ ходъ, была въ исправности и дѣйствовала безостановочно. Такимъ образомъ, Краевскій былъ весьма талантливымъ журналистомъ, но талантъ этотъ былъ чисто вышшняго свойства. Внутренняго огня, который даетъ столько жизни органу печати, у Краевскаго не было. Лица, избранныя Краевскимъ, дѣйствовали *по своему*, черезчуръ свободно, слѣдствіемъ чего являлась верѣдка весьма замѣтная разногласія въ органѣ, гдѣ они работали. Едва-ли кто изъ русскихъ журналистовъ такъ часто мѣнялъ литературныя направленія, какъ Краевскій. Въ молодости онъ особенно былъ неустойчивъ и легко подчинился мнѣніямъ и убѣжденіямъ лицъ, худо или хорошо на него вліявшихъ. Позднѣе онъ съ легкимъ сердцемъ „сжигалъ то, чему поклонился, и поклонился тому, что сжигалъ“ ранѣе. Достаточно вспомнить его газету *Голосъ*, которая была и либеральною, и яро-консервативною, и анти-русскою. Когда *Отечественныя Записки*, въ шестидесятыхъ годахъ, особенно въ концѣ ихъ (подъ редакціей покойнаго Дудышкина) боролись яро противъ нигилистическаго направленія, были отданы въ аренду Некрасову, старая редакция въ своемъ прощальномъ словѣ къ подписчикамъ прямо заявила, что это дѣлается къ лучшему; Краевскій этимъ заявленіемъ какъ-бы отрекался отъ прежняго направленія.

Во вслкомъ случаѣ, русская журналистика многимъ обязана

Краевскому, по крайней мѣрѣ въ первый, ранній періодъ его дѣятельности. Краевскій много потрудился и въ качествѣ общественнаго дѣятеля. Онъ состоялъ гласнымъ Думы нашей столицы и предсѣдателемъ учрежденной при ней училищной комисіи, и въ этихъ званіяхъ принесъ большую пользу дѣлу городского управленія и народнаго образованія. Слѣдуетъ десять лѣтъ занималъ онъ должность предсѣдателя училищной комисіи и отечески заботился о нуждахъ преподавателей обоего пола въ начальныхъ городскихъ училищахъ, а равно и учащихся; съ его именемъ неразрывно связаны успѣхи народно-учебнаго дѣла въ Петербургѣ со дня передачи его въ вѣдѣніе нашей Думы. При началѣ дѣятельности Краевскаго въ этой сферѣ, въ Петербургѣ было всего 16 училищъ съ 300 учащихся, а теперь ихъ болѣе 250 съ 12,000 учениковъ и ученицъ. Здѣсь онъ проявлялъ, не смотря на свой преклонный возрастъ, то же усердіе, трудолюбіе, точность, аккуратность и расчетливую распорядительность, качества, которыми онъ всегда отличался во всѣхъ своихъ хлопотливыхъ занятіяхъ и сношеніяхъ съ литераторами и другими лицами.

Предки Краевскаго были польскаго происхожденія. Андрей Александровичъ родился въ Москвѣ, 6 февраля 1810 года. Раннее дѣтство провелъ онъ въ домѣ вельможи Екатерининскаго времени Н. П. Архарова, который сталъ его покровителемъ съ самаго рожденія. Краевскому едва исполнилось 15 лѣтъ, когда онъ поступилъ на философское отдѣленіе Московскаго университета. По окончаніи въ немъ курса кандидатомъ, онъ поступилъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора и въ то же время сталъ пробовать свои силы въ литературѣ, напечатавъ нѣсколько статей въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Съ 1831 г. онъ перѣхалъ въ Петербургъ, перейдя на службу въ департаментъ министерства Народнаго Просвѣщенія. Здѣсь онъ познакомился съ Гречемъ, участвовалъ въ его *Сынѣ Отечества*, напечатавъ статью „Борисъ Годуновъ“, потомъ сблизился съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и со многими видными писателями того времени, старыми и молодыми, вошелъ въ кругъ высшаго столичнаго общества, приобрѣлъ тутъ необходимыя связи. Вскорѣ онъ получилъ мѣсто преподавателя въ Пажеч-

скомъ корпусѣ, былъ причисленъ къ редакціи *Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія* и занималъ должность помощника редактора этого журнала съ 1834 по 1837 г. Затѣмъ, когда Плюшаръ приобрѣлъ, въ 1837 г., право на изданіе *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*, Краевскій былъ приглашенъ редактировать ихъ. Въ 1839 г. на средства одного кружка писателей и покровителей литературы основаны *Отечественныя Записки*, распорядителемъ и усерднымъ сотрудникомъ ихъ сдѣлался Краевскій, сосредоточивъ въ журналѣ лучшія силы литературы и науки. Спустя нѣсколько времени *Отеч. Зап.* перешли въ полную собственность Краевскаго, который съ начала шестидесятыхъ годовъ принялъ въ соиздатели журнала С. С. Дудышкина, извѣстнаго критика, а въ концѣ 1867 года отдалъ журналъ въ аренду Некрасову. Кромѣ того, онъ съ 1843 г. состоялъ помощникомъ редактора *Русскаго Инвалида*, съ 1847 г. его редакторомъ, а въ теченіе 1852—1862 гг. издавалъ, на правахъ аренды, вмѣстѣ съ А. Н. Очкинымъ, *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Съ 1863 г. Краевскій началъ издавать печальной памяти газету *Голосъ*, которая просуществовала до февраля 1883 г. Съ самаго начала шестидесятихъ годовъ онъ сталъ во главѣ громаднаго литературнаго предпріятія *Энциклопедическаго Словаря*, къ сожалѣнію не оконченнаго, но обѣщавшаго быть единственнымъ у насъ изданіемъ этого рода. Еще при старой общей Думѣ, съ конца шестидесятихъ годовъ Краевскій принималъ участіе въ городскомъ общественномъ управленіи Петербурга и со введеніемъ городского положенія избранъ гласнымъ, которымъ и оставался до самой кончины. Краевскій имѣлъ огромное состояніе, наймито имъ частію литературой, частію коммерческими предпріятіями и, между прочимъ, участіемъ въ дѣлѣ воздухоплавательности. Значительную долю этого состоянія онъ завѣщалъ на образованіе стипендій, Литературному Фонду, Обществу поощренія художествъ, Обществу сценическихъ дѣятелей и на разныя благотворительныя учрежденія. Самые цѣнные автографы, рукописи, цѣлѣна знаменитостей и прочія рѣдкости своей обширной коллекціи онъ завѣщалъ Имп. Публ. библиотекѣ. Краевскій умеръ 79 лѣтъ. Тѣло его погребено въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ. П. Б.—овъ.

Политическое обозрѣніе.

3 августа императоръ Францъ-Иосифъ, въ 9 ч. вечера, покинулъ Берлинъ и выѣхалъ въ Ишль. Императоръ Вильгельмъ проводилъ его до вокзала, гдѣ государи сердечно простились. Теперь остается только ожидать послѣдствій берлинскаго свиданія; пока о значеніи его газеты высказываются довольно скупно, хотя въ догадкахъ не должно-бы быть недостатка, принявъ во вниманіе хотя бы тоги императоровъ, да посѣщеніе имперскимъ канцлеромъ графа Кальвоки, съ которымъ онъ долго совѣщался, послѣ чего князь Бисмаркъ былъ принятъ императоромъ Францомъ-Иосифомъ.

Несмотря на это, старочешскіе и младочешскіе органы въ Прагѣ продолжаютъ оспаривать основательность торжественныхъ заявленій нѣмецкихъ газетъ о неразрывности австро-германскаго союза, доказывая, что такая неразрывность была бы равносильна обращенію Австріи въ провинцію Германской имперіи. Да и другія австро-нѣмецкія газеты начали высказываться тоже противъ чрезмѣрнаго расширенія союза съ Германіей, причемъ выставляютъ на видъ, что государственная самостоятельность является необходимымъ элементомъ монархіи.

На ряду со слухами о расширеніи тройственнаго союза, появились извѣстія о соглашеніи Англіи съ лигою мира. О существованіи его товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, Фергюссонъ, дважды за послѣднее время далъ объясненія, но они врядъ-ли кого могутъ удовлетворить своею неопредѣленностью. Въ первый разъ 4 августа, въ палатѣ общинъ, членъ либеральной оппозиціи Лабушеръ потребовалъ объясненій объ отношеніяхъ Англіи къ Италиі и къ тройственному союзу, причемъ желалъ узнать, опредѣлили ли яснѣе отношеніе Англіи къ тройственному союзу маркизъ Солсбери въ переговорахъ съ императоромъ Вильгельмомъ и съ графомъ Бисмаркомъ и сдѣлалъ ли онъ прямо или косвенно заявленія, могущія повести державы на предположеніе, что въ случаѣ войны Англія присоединится къ тройственному союзу. Фергюссонъ заявилъ, что еще недавно было объяснено, что Англія предоставляет себѣ полную свободу дѣйствій; Лабушеръ де повторяетъ лишь неосновательные слухи и онъ, Фергюссонъ, можетъ отвѣтить ему лишь сказаннымъ въ февралѣ 1889 г., а именно, что относительно употребленія сухопутныхъ и морскихъ силъ правительство никакихъ обязательствъ на себя не принимало, кромѣ тѣхъ, которыя уже извѣстны палатѣ. Нѣтъ страны, которая была бы болѣе Англіи заинтересована на сохраненіи мира. Имѣя интересы на всемъ земномъ шарѣ, Англія должна при всякой случайности быть свободною держаться политики, требуемой ея интересами. Во второй разъ Фергюссонъ сдѣлалъ заявленіе въ палатѣ общинъ по поводу статьи *National-Zeitung*, въ которой говорится о соглашеніи, достигнутомъ между Англіею и тройственнымъ союзомъ и обезпечивающемъ тождественность политики по европейскимъ вопросамъ: эта статья основа-

на де на догадкѣ. Сдѣланное имъ сообщеніе, что въ случаѣ войны политика Англіи будетъ такою, какою потребуютъ обстоятельства и интересы Англіи, остается въ силѣ.

Въ Парижѣ приговоръ надъ Буланже не произвелъ замѣтнаго впечатлѣнія, вечеръ прошелъ спокойно, никакихъ сборищъ или манифестацій не было. Большая часть членовъ буланжистскаго комитета выѣхала въ Лондонъ, чтобы вмѣстѣ съ Буланже составить прокламацію. Въ этой прокламаціи говорится: „Приговоръ верховнаго суда является результатомъ сдѣлки между палатою и сенатомъ, по которой палата обязана не упразднить сената. Чудовищный результатъ произведеннаго противъ насъ дознанія есть пораженіе всенароднаго голосованія, но эта оргія произвола, клеветы и мошенничества приходитъ къ концу. Несмотря на новые государственные перевороты, подготовляемые въ тѣни, мы питаемъ довѣріе къ твердости выборщиковъ“.

Новыхъ переворотовъ, дѣйствительно, можно ожидать, такъ какъ уже теперь разногласія между опортунистами и радикалами въ виду предстоящихъ парламентскихъ выборовъ замѣтно усиливаются. Въ то же время правительство не перестаетъ бороться съ происками буланжистовъ. Изъ верховнаго суда былъ доставленъ списокъ 1,500 лицъ военнаго вѣдомства, подозреваемыхъ въ агитаціи. По произведенному дознанію, по отношенію къ 59 офицерамъ дѣйствующей арміи приняты различныя строгія мѣры.

На островѣ Критѣ порядокъ начинаетъ понемногу восстанавливаться. Въ концѣ іюля греческое правительство издало циркулярную ноту касательно Крита. Въ ней излагаются происходившіе на островѣ безпорядки и указывается на то, что Турція раздала оружіе мусульманскому населенію городовъ, вслѣдствіе чего христіанамъ грозитъ рѣзня. Если дѣло дойдетъ до этого, то Греція вынуждена будетъ вступить съ кандидатами христіанъ. По словамъ *Politische Correspondenz*, въ Портѣ греческая нота произвела удручающее впечатлѣніе и вызвала опасеніе, что возстаніе разгорится неудержимо, если которая нибудь изъ великихъ державъ сдѣлаетъ по поводу этой ноты представленія въ Константинополѣ. Въ отвѣтъ на греческую ноту Порты также разослала державамъ циркулярную ноту о критскихъ дѣлахъ. Въ этой нотѣ Порты отвергаетъ заявленіе, что Турцію слѣдуетъ считать отвѣтственною за развитіе инсurreкціоннаго движенія. Далѣе въ нотѣ извѣщается, что посолъ при русскомъ дворѣ Шакиръ-паша назначенъ временно командующимъ войсками и временнымъ губернаторомъ Крита.

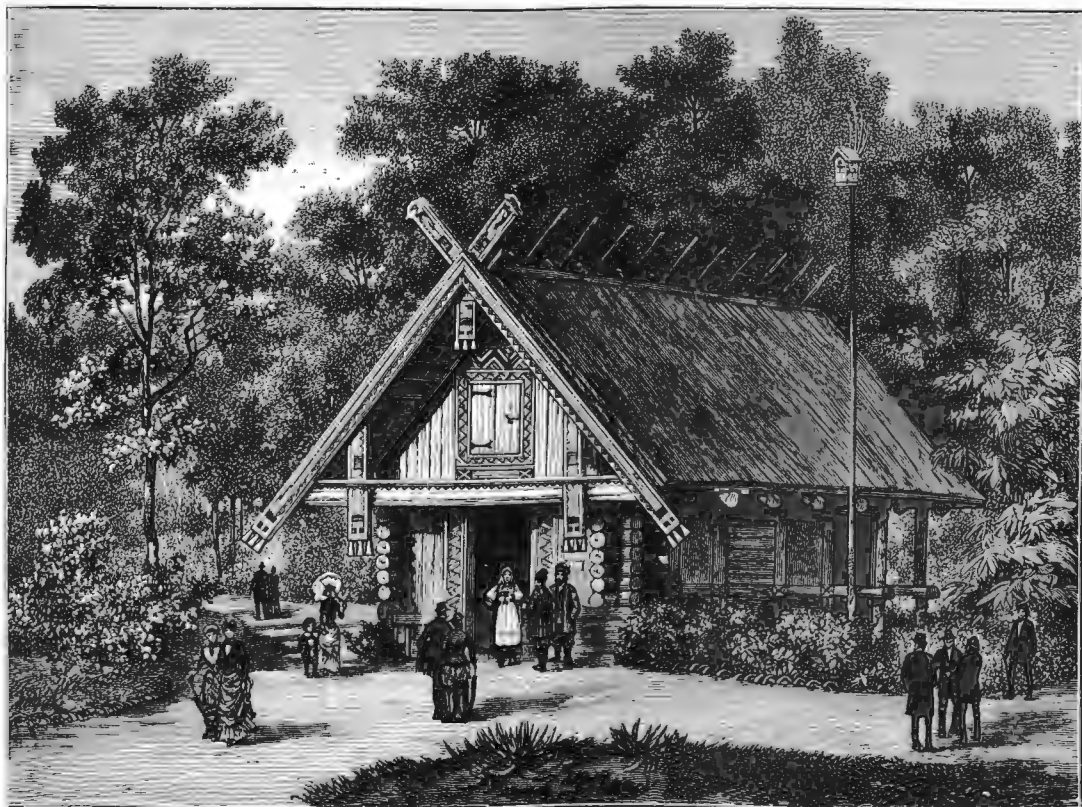
По прибытіи на Критъ, Шакиръ-паша энергичными мѣрами приступилъ къ подавленію смуты. 3 августа на островѣ было провозглашено осадное положеніе. Затѣмъ Шакиръ-паша приволокъ мусульманской черни строгими примѣненіемъ военнопольныхъ законовъ, смѣнилъ гражданскихъ губернаторовъ, назначилъ на ихъ мѣста военныхъ и занялъ войскомъ окрестно-

Е. И. В. Князь Георгій Максимиліанович Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, и Ея Святлостъ Княжна Анастасія Николаевна Черногорская.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

сти Канеи, воздвигнувъ окопы на многихъ пунктахъ. Инсургенты хотѣли этому препятствовать, но вынуждены были отступить. Джефадъ-паша отправился въ лагерь инсургентовъ, вожди ко-

торыхъ вышли къ нему на встрѣчу, увѣряя его, что христіане встрѣтатъ дружелюбно регулярныя войска, предназначенныя для возстановленія порядка. Шакиръ-паша препроводилъ тре-

Парижская всемірная выставка 1889. Русская изба. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

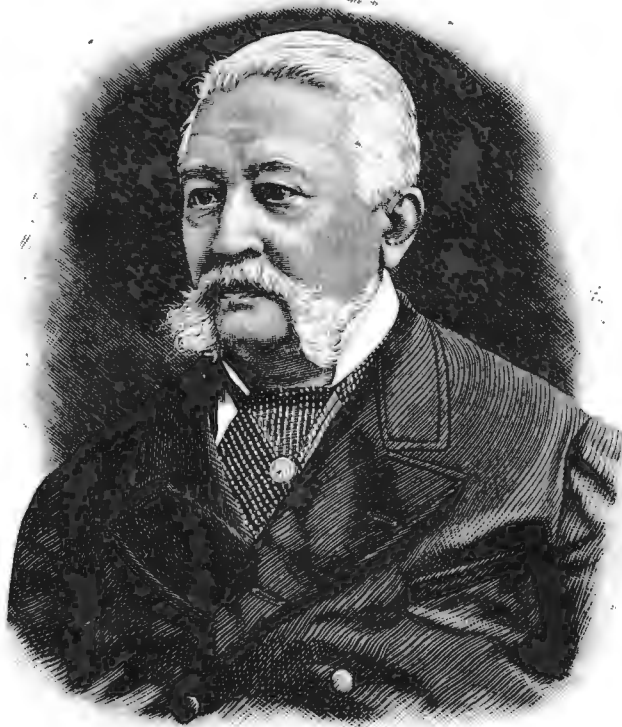
бованія христіанъ въ Константинополѣ. На островѣ вообще довольно спокойно и въ окрестностяхъ Канен порядокъ возстановленъ: сельскіе жители возвращаются въ свои деревни. Принимаемыя въ другихъ мѣстностяхъ мѣры къ возстановленію спокойствія также достигаютъ цѣли.

Смѣсь.

Лиственничій лѣсъ близъ с. Райвола, Выборгской губ. Предсѣдатель Лѣснаго общества въ СПб. сообщаетъ намъ нѣсколько дополненій и слѣдующую историческую справку къ статьѣ „Лиственничій лѣсъ Петра Великаго“, въ № 31 *Новы*.

„Описываемый лѣсъ, называемый русскими мѣстными жителями *Листвянкой*, а на официальныхъ планахъ *Линдуловской дачей*, *Лиственницей*, *Лиственничной рошей* (Krono Lärkträd Parken), изрѣдка *Екатериненской*, очень хорошо извѣстенъ всѣмъ интересующимся русскимъ лѣсомъ и неоднократно былъ осматриваемъ и описываемъ специалистами-лѣсничими. Въ 1883 году пишущій эти строки, вмѣстѣ съ восемью другими членами Лѣснаго общества, посѣтилъ „Листвянку“ и результаты лѣсоводственной экскурсіи изложилъ въ сообщеніи, прочитанномъ въ засѣданіи Общества 8 октября, изъ котораго приведу слѣдующія строки:

„Листвянка“ находится въ Выборгскомъ уѣздѣ, Выборгской губ., въ Новокирскомъ кирхшпиль (приходѣ или пасторатѣ), на сѣверо-востокъ отъ Финскаго залива (въ 5 верстахъ отъ него) и расположена по обѣимъ сторонамъ рѣчки, названной на однихъ планахъ (1837 г.) *Линдуловской*, откуда и самое названіе *Линдуловская роша*, а на другихъ (1829 г.) *Вомеляки* (Womelsun joki), т. е. рѣка Черная. Хотя существуетъ преданіе, что уже Петръ Великій намѣреался развести корабельную рошу на теперешней ея мѣстѣ, и что при Екатеринѣ I начато это разведеніе; но, судя по возрасту наиболее старыхъ изъ поваленныхъ до сихъ поръ бурями деревьевъ (130—145 лѣтъ), гораздо вѣроятнѣе, что первыя работы по *лѣсоразведенію* начались нѣ-

Андрей Александровичъ Краевскій. † 8 Августа 1889 г. Съ фотогр. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

сколько позже, именно въ царствованіе Анны Иоанновны, когда выписанный, около 1730 года, изъ Германіи *лѣсной знатель*, форстмейстеръ Фокель, авторъ перваго русскаго сочиненія по лѣсоводству („Описание естественнаго состоянія растущихъ въ сѣверныхъ Россійскихъ странахъ лѣсовъ съ различными примѣчаніями и наставленіями какъ оныя разводить“, СПб. 1766 г.), осмотрѣвъ берега Финскаго залива, выбралъ участокъ земли, площадью до 68 десятинъ, принадлежащій деревнямъ Вомелсу и Сюкли, какъ наиболѣе пригодный для разведенія лиственницы, имѣющей доставлять въ будущемъ корабельный лѣсъ для Кронштадтской верфи. Около 1738 года въ этомъ участкѣ произведенъ посѣвъ лиственничныхъ сѣмянъ въ той сѣверной части роши, на лѣвомъ берегу рѣчки, которая въ настоящее время носитъ названіе *Безтолковой* и гдѣ встрѣчаются теперь наиболѣе старыя деревья (130—145 лѣтъ).

„Далѣе, на основаніи показаній старожиловъ, выяснено г. Грешнеромъ, что спустя пять лѣтъ послѣ посѣва молодые всходы были пересажены правильными рядами, тѣмъ-же форстмейстеромъ Фокелемъ, на мѣста находящаяся вблизи первоначальнаго посѣва и, такимъ образомъ, „Безтолковая роша“ послужила разсадникомъ для образованія большаго количества находящагося въ „Листвянкѣ“ насажденій. Впослѣдствіи, въ разное время (съ 1743 по 1805 годъ и позже, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія), предпринималось было разведеніе лиственницы, какъ посѣвомъ, такъ и посадкою правильными рядами, при разстояніи 13—14 футовъ, какъ рядовъ, такъ и въ рядахъ.

„По официальнымъ свѣдѣніямъ 1872 г., „Линдуловская дача“ заключала въ себѣ 96 десят. 940 кв. саж., изъ которыхъ только пятая часть занята лиственницей (21 десят. 580 кв. саж.), $\frac{1}{3}$ же всей площади покрыто сосною (52 десят. 900 кв. саж.), остальное составляетъ насаженіе ели и березы, болѣею частью въ смѣсѣ.“

О ростѣ лиственницы въ „Листвянкѣ“ можно судить по сообщенію г. Бломквиста, директора Эвойской (въ Финляндіи) лѣс-

Парижская всемірная выставка 1889. Славяно-русская постройка. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

ной школы, который нашел там на одной десятии 464 дерева, составляющая в общем болѣе 100 кубических сажених масс.

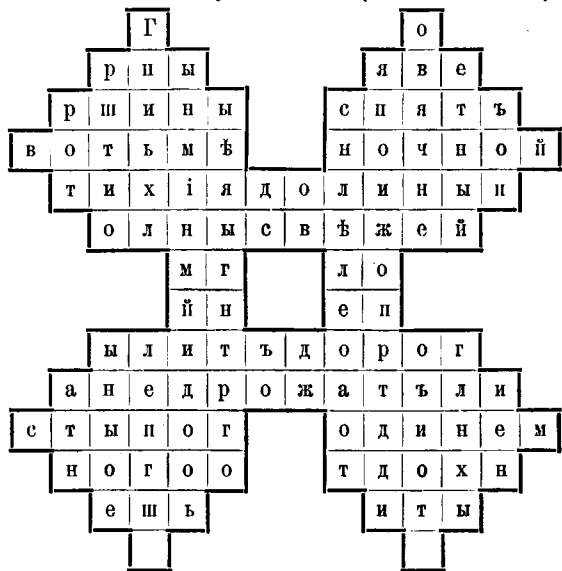
До конца семидесятых годов „Листьянка“ находилась въ за-вѣданіи управления государственнымъ имуществами С.-Петербургской губерніи, но потомъ передана Финляндскому лѣсному управленію.

Mésalliance. Извѣстная писательница Елена Владиміровна Энгельгардъ, печатавшая повѣсти подъ псевдонимомъ Ольги N, въ своихъ интересныхъ Запискахъ о старомъ бытѣ между прочимъ рассказываетъ одинъ случай, характеризующій прежніе взгляды на артистовъ. Знаменитый нѣкогда пианистъ Делеръ и младшая дочь гр. Шереметьева влюбились другъ въ друга. Послѣ долгихъ колебаній родители молодой дѣвушки согласились на бракъ ея съ красивымъ иностранцемъ, имя котораго тогда гремѣло въ Европѣ, и объ этомъ романѣ заговорили во всѣхъ гостинныхъ столицахъ. Разъ какъ-то княгиня Юсупова давала балъ, на которомъ присутствовало царское семейство. Когда танцы прекратились на нѣсколько минутъ, императоръ Николай Павловичъ прошелъ черезъ всю залу и остановился передъ графиней Шереметьевой, старшею дочерью Варвары Петровны. „Ваша сестра выходитъ замужъ за Делера?“ — „Да, ваше величество.“ — „Должно быть она начиталась романовъ, которые экальтировали ея воображеніе.“ — „Ваше величество, отвѣчала съ достоинствомъ молодая графиня, — сестра моя серьезная женщина и не выбрала бы человѣка не стоящаго ея любви.“ — „Если ваша мать согласилась на этотъ бракъ, я его запрещаю. Она должна

знать, что бракъ Русской съ иностранцемъ не можетъ состояться безъ моего позволенія, et je ne souffrirai pas cette mésalliance.“ На другой день графиня, со слезами на глазахъ, передала сестрѣ слова императора. Они произвели дѣйствіе громового удара. Идти противъ воли царя было немислимо; все семейство могло потерять отъ его гнѣва. Извѣстили Делера. Послѣ первыхъ часовъ отчаянія невѣста успокоилась и сказала: „Нѣтъ! люди не переѣлаютъ то, что Богъ опредѣлялъ.“ И предчувствіе ея сбылось. Делеръ находился тогда при дворѣ герцога Луккского, который былъ расположенъ къ нему попрежнему и принималъ живое участіе въ его женитьбѣ. Въ тотъ самый день, когда Русскій императоръ разрушилъ ее однимъ словомъ, герцогъ уничтожилъ рѣшеніе императора, поздравивъ Делера титуломъ барона. Государь не противился болѣе, но требовалъ, чтобы Делеръ не давалъ концертовъ въ Россіи, даже въ пользу бѣдныхъ, къ чему его и обязали подлинкой. Свадьбу отпраздновали въ Петербургѣ; вѣнчаніе происходило въ домовой церкви графа Шереметьева. Интересно то, что тѣ самыя личности, которыя воювали такъ горячо противъ неравнаго брака, стали напрашиваться на приглашеніе. „И вотъ общественное мнѣніе!“ какъ сказалъ Чацкій. (в.)

Новая планета. По Кильской телеграммѣ, Charlois въ Ниццѣ открылъ 3 августа новую планету 13-й величины; послѣдняя въ настоящее время находится вблизи созвѣздія Водолея. Открытая 6 іюля Бруксомъ комета, въ созвѣздіи Рыбъ, по наблюденіямъ Лікк-обсерваторіи, распалась на 3 новыя. (N.)

Рѣшеніе задачи буквъ № 46 (помѣщ. въ № 27).

1. Лермонтовъ.	7. Денди.	13. Меланхолия.	19. Вѣди.
2. Ширмы.	8. Погоны.	14. Г.	20. Ты.
3. Соня.	9. Пожни.	15. Рейнь.	21. Чай.
4. Дыня.	10. Хвой.	16. Иртышъ.	22. Ноты.
5. Стѣи.	11. Дно.	17. Жито.	23. Гете.
6. Гоголь.	12. Тополь.	18. Снопы.	

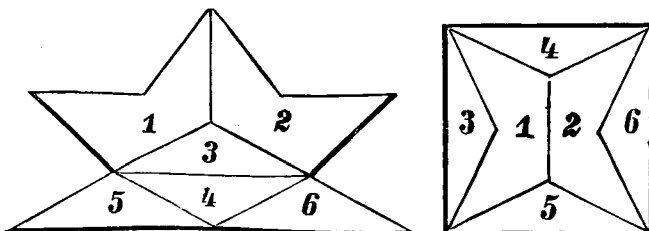
Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой.

Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы,
Погоди немного,
Отдохнешь и ты.

Лермонтовъ.

Вѣрна рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.:—А. А. Поспѣева, Н. В. Панкова, О. Гин—ло, К. Конохова, Т. Широкова, Ф. А. Борогина, А. Кошлова, Свенторжецкаго, Москва—Е. И. Глаголевскаго, Н. К. Двиганинова, И. Я. Ромонова, Б. Корвино—В. К. Терскаго, Бѣлгородъ—Ф. З. Мазуръ, Бобруйскъ—Е. Мольской, Дисна—С. А. Дубинкова, Задонскъ—К. М. Савилова, Невъ—Паткевича, Л. Е. Шилохвостова, Н. Савкина, Красное Село—А. Двоглазова, Крутица—А. Трасунова, Н. П. Андреева, Левашовъ—В. Безкровнаго, Лебедянь—В. И. Чурилина, Мелени—И. П. Герасимова, Манаревъ—М. Лафина, Н. Новгородъ—В. Исаковича, Одесса—Л. Раппопортъ, Рейжскаго, Перновъ—Ф. Михель, Ревель—Е. Худанцевой, Севастополь—М. Рабшанкина, Солнцево—Ф. Кравченко, Тамбовъ—И. М. Анапьева, Царское Село—Таубо, Ш. И. Видниѣва, Н. Хитрово, Шацкъ—А. А. Тюменева.

Рѣшеніе геометрической задачи № 47 (помѣщ. въ № 27).

Вѣрна рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—Ф. А. Борогина, Б. Корвино—В. К. Терскаго, Динабургъ—М. Загеръ, Елисаветградъ—М. Басистъ, Невъ—А. Н. Шульженко, Лебедянь—В. И. Чурилина, Перновъ—Ф. Михель, Рязань—И. Постыкова, Сергѣевъ посадъ—И. А. Стромъцева, Тамбовъ—С. Е. Которова, Царское Село—М. Ф. Вашуткина, Яновъ—А. А. Эбергъ.

Домашнее хозяйство.

Глянцъ-ланъ для гуттаперчевой (резиновой) обуви. Въ одномъ фунтѣ самаго крѣпкаго 95° спирта растворится одинъ золотникъ камфоры. По раствореніи камфоры, въ этотъ растворъ опускается шестнадцать золотниковъ гумми-сандарака и четыре золотника венеціанскаго терпентина. Въ другую стеклянку наливается четыре золотника скипидара и въ нееъ растворится два золотника хорошаго асфальта. Въ третей посудѣ растворяется одинъ золотникъ сахара обыкновеннаго, въ двухъ золотникахъ воды. Всѣ эти три жидкости смѣшиваются въ одной стеклянкѣ, и оставляются на нѣсколько дней, при частомъ взбалтываніи въ тепломъ мѣстѣ, послѣ чего лакъ готовъ къ употребленію. Очиствѣ предварительно калоши отъ грязи и пыли, ихъ натираютъ немного виннымъ спиртомъ и лакъ чуть теплый наводится равномерно мягкою кистью.

Маринovanje свѣжихъ сливъ. Въ глиняной неглазурованной плоской чашкѣ все дно выкладывается очищенными отъ стебельковъ, свѣжими, не вполне зрѣлыми сливами, такъ чтобы онѣ лежали бокъ-о-бокъ, но не одна на другой. Въ глиняній горшокъ наливается 1 литръ хорошаго виннаго уксуса и туда же кладется одинъ килограммъ (около 2 1/2 ф.) сахару, немного вина мадеры, небольшое количество корицы и нѣсколько штукъ гвоздики. Все это вмѣстѣ (безъ сливъ) варится въ теченіе полчаса, а когда уксусъ остылъ, тогда сливы обливаются и оставляются такъ на 24 часа. По истеченіи этого времени уксусъ опять сливаютъ со сливъ, нагрѣваютъ и теплымъ уже обливаютъ сливы; а по истеченіи сутокъ, опять уксусъ сливаютъ, даютъ ему вскипеть и туда же кладутъ осторожно сливы, съ которыми поддерживается кипѣніе въ теченіе не болѣе двухъ минутъ. Затѣмъ сливы помѣщаютъ въ банки, обливаютъ этимъ уксусомъ, прибавляя ничтожное количество саллициловой кислоты, и банки завязываются пергаментною бумагою. Такія маринованныя сливы долго сохраняются и весьма вкусны.

Японскій способъ сохранять мясо отъ скорой порчи. Въ фарфоровую чашку кладутъ свѣжее мясо, обливаютъ его кипяткомъ такъ, чтобы все мясо было покрыто имъ. Послѣ оставанія воды, на поверхность ея наливаютъ тонкій слой какою-нибудь растительнаго масла, въ родѣ напр., сезамнаго, рѣпнаго или сарептскаго и др., а затѣмъ все это выставляютъ въ сухое, холодное мѣсто. Такимъ образомъ, японцы сохраняютъ мясо весьма долгое время безъ вреда. Понятно, что способъ этотъ основанъ на трудности проникновенія въ глубину мяса свободнаго воздуха, отъ котораго мясо начинаетъ разлагаться. Кипяченая вода свертываетъ бѣлковину мяса, оно становится какъ бы консервированнымъ, а слой масла мѣшаетъ доступу воздуха.

Настоящая тушь, по Пиффарду. Одинъ лотъ камфоры опускается въ полфунта крѣпкой сѣрной кислоты; смѣсь эта нагрѣвается осторожно въ чашкѣ. Получается сначала студенистая красно-бурая масса, отъ которой выдѣляется (вредный для дыханія) сѣрнистый газъ, а затѣмъ уже эта жидка дѣлается интенсивно черной. При дальнѣйшемъ же нагрѣваніи удаляется избытокъ кислоты и камфоры и тогда уже получается незаменимая ничѣмъ, черная растворимая въ водѣ краска. Краска эта никогда не портится и не выдѣляетъ осадка.

СОДЕРЖАНІЕ: А. Х. Востоновъ (съ портр.).— Увлеченіе. Рассказъ князя Д. Голицына-Муравлина.— Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Евс. И. Немровича-Данченко. Часть II. (Продолженіе).— Старинная русскія одежды. П. И. Полевого (съ 4 рис.).— Къ рисункамъ: По грибы (съ рис.).— Кобзарь въ Запорожьѣ (съ рис.).— Цыганка (съ рис.).— Аювъ. Хиландарскій монастырь (съ рис.).— Въ Ренскомъ лѣсу (съ рис.).— Русская изба и славяно-русская постройка на всемирной выставкѣ въ Парижѣ (съ 2 рис.).— Е. И. В. князь Георгій Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, и высоконазначенная невѣста его, княжна Анастасія Николаевна Черногорская (съ 2 портр.).— А. А. Краевскій (съ портр.).— Политическое обозрѣвіе.— Смѣсь.— Домашнее хозяйство.— Рѣшенія задачъ.— Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Рамы для премии „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

(14^{3/4} вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Желая наиболее удешевить цѣны рамъ и такимъ образомъ сдѣлать приобретение ихъ доступнымъ каждому, мы въ настоящемъ году озаботились изготовленіемъ (на фабрикѣ Ч. Гофмана въ СПБ.) рамъ **ТРЕХЪ СОРТОВЪ**, изъ коихъ первый имѣется только изъ золоченаго полированного багета, а второй и третій—изъ золоченаго и чернаго. Размѣръ и цѣны рамъ, со вставленными въ нихъ картинами (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго багета, съ лѣпными узорчатыми украшениями (ширина въ діам. 1^{3/8} вершк.) по 3 руб., съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ по 4 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого-же золоченаго или чернаго, но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. 2 вершка) по 4 руб., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ по 5 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ такого-же, но болѣе богатаго и широкаго багета (ширина въ діам. 2^{8/10} вершк.): золоченныя 6 р., и черныя 5 р. 50 к., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ 7 р. 50 к. и 7 р. (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки.

Такъ какъ при выдачѣ премии (въ половинѣ октября) является масса требованій на рамы, удовлетворить которыя одновременно становится совершенно невозможнымъ, мы рѣшили, для удобства тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ получить премию въ рамѣ, **НАЧАТЬ ВЫДАЧУ ТЕПЕРЬ ЖЕ.**

Гг. городскіе подписчики, при полученіи премии, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1889 года.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить премию въ рамѣ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: № 1—по 4 руб., № 2—золоченныя и черныя—по 5 руб. и № 3—золоченныя 7 р., черныя 6 р. 50 к.

Желающихъ получить премию въ рамѣ, покорнѣйше просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій просп., № 6.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е издание. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (23).

ПОДГОТОВЛЕНИЕ НА МѢСТА

счетоводовъ (бухгалтеровъ), конторщиковъ, подотчетныхъ приказчиковъ путемъ практическихъ упражненій, въ конторѣ Фирмы Счетоводъ, въ С.Петербургѣ: Невскій пр., № 66.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ известнымъ книгопродавцамъ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Судитъ подъ всѣ % бумаги. Страхование вымышленныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. № 3925. Оплата купоновъ. Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства **АГЕНТЫ.** Предложенія адресовать по выше-означенному адресу.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

МЫЛО ГЛИЦЕРИНОВОЕ И МЫЛО ПРОЗРАЧНОЕ
МЫЛО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 45 к.

Миндальное.—Ирисовое.—Сюкъ де Лету.—Крымская фіалка.

МЫЛО САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 65 к.

Шипръ.	Эссъ-Буне.	Кадзура.
Шампана.	Инсора.	Жюней Клубъ.
Гелиотропъ.	Буне императристъ.	

МЫЛА
КАРБОВОЕ, ДЕГТЯРНОЕ И ПРОЧ.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 82. Рт. № 3991.
- 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
- 3) Уголь Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Бузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ.

НИИЩУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Шить въ 3 раза быстрее пера. Чистота, чистота и красота. Выдана во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748. Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнечскій мостъ. В. Морская, 21.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. Изданіе. 3-е. СПБ. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ЛЕНИНГСЪ И ГЮЗИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!
Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка). Требовать иллюстрированные каталоги gratis et franco.
(ог. Зансъ и Ко.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. В. № 3734
Берлинъ, Раттерштрассе, 88.

МАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА МАТТОНИ ГИСТЮБЛЕРЪ

Чистый целебнѣйшій источникъ освященительный и здоровый **СТОЛОВЫЙ-КАЛИТКОКЪ** можно всездѣ получить.

600000 (миллион) бутылочковой вывозъ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева, Ром.-хрон. XVIII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перекл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

СКРИПКИ въ 2 1/2, 4, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ въ 3 1/2, 5, 7, 12, 18 и 30 р.

СКРИПКИ 3/4, 1/2 и 1/4 величинны для дѣтей.

Школа Баганца ч. I—1 р. ч. II и III по 1 р. 50 к.

АЛТЫ и ВИОЛОНЧЕЛИ въ 3 1/2, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор.

Отъ 8 р. съ механизмомъ для струнъ. Школа Соколова по 1 1/2, 3 и 4 1/2 р.

Ноты въ дешовыхъ изданіяхъ. Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрированы прейс-курантъ—бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ главное депо № 3993 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко. строители земледѣльческихъ машинъ и орудій. Специальность: плуги и молотилки. Они же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Илейтона и Шутлеворта въ Англии и знаменитаго завода сѣнокоосилокъ, жнеенъ "Дези" и сноповязалокъ Манъ Кормина въ Чикаго. Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодартъ, радюны сѣлки Сакка и проч. № 3959 (7) Занесены части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. дома, бывш. Бр. Бутеневъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ПЛОДОВЫЙ САДЪ РОХЕЛЯ въ С.-Петербургѣ, уголъ Лабораторн. шоссе и Полостровск. просп. высылаютъ бесплатно иллюстр. каталогъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ, ягодныхъ нустарниковъ, крапегуса для изгородей, розъ, многолѣтнихъ раст. и пр., съ краткимъ объясненіемъ ихъ культуры.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ, Варшава, Лешно, 14. Бицики отъ 100 р. Реверы отъ 135 р.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ, Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ, Б. Морская № 21. имѣетъ единственный складъ для всей Россіи велосипедовъ: (Синотъ, Виппетъ, Русскій клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ (Велосипедъ) № 2 = 150 руб. = Прейс-Курантъ высылаются бесплатно. Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Въ отдѣленіи книжнаго склада **В. В. ДУМНОВА** ПОДЪ ФИРМОЮ **„НАСЛѢДНИКИ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ“** С.-Петербургъ, уголъ Невскаго и Екатерининскаго канала, д. № 19, и въ Москвѣ, въ его же книжномъ магазинѣ, на Мясницкой улицѣ, въ домѣ Обидной, ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ **СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ.**

Изданіе десятое, подъ редакцію проф. Н. С. Тихонравова, въ 5-ти томахъ большаго формата (болѣе 200 листовъ), съ двумя портретами автора, снимками его автографовъ, чертежей и другими рисунками, съ приписаніями редактора и вариантовъ. Текстъ этого изданія, въ составъ котораго вошли, между прочимъ, произведенія и отрывки, до сего времени не помѣщенные ни въ одномъ изъ предыдущихъ изданій, сверены и исправлены проф. Тихонравовымъ по собственноручнымъ рукописямъ поэта и первоначальнымъ изданіямъ его произведеній, выходящимъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Гоголя. Цѣна за 5 томовъ 8 р. 50 к., пересылка за 11-ть фунтовъ, но разстоянію, на счетъ покупателей. Въ настоящее время вышли I, IV, V тома, на остальные два тома выдается билетъ. До выхода въ свѣтъ всѣхъ 5-ти томовъ, желающимъ допустить подписка на слѣдующихъ условіяхъ: городские покупатели вносятъ при полученіи перваго тома 2 р. 50 к., а иногородные 2 р. 50 к. и стоимость пересылки, при полученіи же слѣдующихъ томовъ—по 1 р. 50 к. за каждый томъ. Но выходъ же всѣхъ 5-ти томовъ, о чемъ будетъ особо опубликовано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, подписка превращается и лица не живущія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня публикаціи слѣдующихъ томовъ, теряютъ право на полученіе ихъ. Служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и желѣзнодорожныхъ учрежденіяхъ могутъ получить сочиненія Гоголя въ расрочку, внося первоначально 2 р. 50 к. и стоимость пересылки, а остальные взносы производить ежемесячно, но не менѣе 1 рубля въ мѣсяцъ, при чемъ вышедшіе три тома будутъ высланы немедленно, а остальные по выходѣ въ свѣтъ. При расрочкѣ этого послѣдняго рода, требованія должны присылаться на бланкѣ и съ печатю учрежденія, за подписью и ручательствомъ казначея или завѣдывающаго денежною отчетностью. По окончаніи печатанія означенныхъ 5-ти томовъ, предполагается приступить къ печатанію VI тома, также подъ редакцію проф. Тихонравова, который поступитъ въ отдѣльную продажу. Въ этомъ томѣ будутъ помѣщены: выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя, тѣ цѣльныя произведенія, которыя до сихъ поръ оставались въ рукописяхъ (напр. „Учебная книга словесности“), первоначальныя редакціи „Женитбы“ и „Ревизора“ и первой части „Мертвыхъ душъ“, программы университетскихъ лекцій и наброски неоконченныхъ произведеній. № 3990 3—1

Двадцать главныхъ **НАГРАДЪ** НА РАЗНЫХЪ выставкахъ. **РАЗРЪШЕНЫ** МОСКОВСКИМЪ Врачебнымъ Управленіемъ, потому что оно не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ. **ЛУЧШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО** НАХОДИТСЯ ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНАХЪ **А. РАЛЛЕ и Ко.** въ Москвѣ. № 3966 3—2

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижовыхъ. Розничная продажа: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

Разрѣшенное **СПРАВОЧНОЕ БЮРО** и обезпеченное въ 1884 г. **„Н. ДОНИЧЪ“** ное залогомъ. Принимаетъ заявленія и выдаетъ справки всякаго рода: о покупкѣ, продажѣ, залогѣ и арендѣ: имѣній, домовъ, дачъ, фабрикъ, заводовъ, торговыхъ, промышленныхъ, фабричныхъ, заводскихъ, ремесленныхъ заведеній и и друг. дѣлъ; о капиталѣ подъ залогъ недвижимости. АДРЕСОВАНІЕ писемъ и телеграммъ на „Справочное Бюро“ подъ № или лит. до востребованія. Принимаетъ печатаніе ОБЪЯВЛЕНІЙ въ газеты и журналы ПО ЦѢНАМЪ РЕДАКЦІИ. Лица, не желающія оглашать въ заявленіяхъ или публикаціяхъ своего адреса и фамиліи, замѣняютъ таковое № квитанціи, выданной отъ Справочнаго Бюро. АДРЕСЪ для городскихъ и иногороднихъ: Москва, Софійка, противъ пассажа, Справочное Бюро „Н. ДОНИЧЪ“. № 3971 3—3

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Cosmet. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки. **Пров. КИНУНЕНЪ.** Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Cosmet. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ. Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (79) № 2946

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ ТОВ. **БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ** Москва, Мясницкая ул., д. Виноградова. С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1-я линія, д. № 2.

обращаетъ вниманіе гг. хозяевъ на мукомольныя мельницы „ТРИУМФЪ“ съ вертикальными жерновами, какъ на самыя простыя, производительныя и доступныя. Строить 3 размѣр.

ЛОКОМОТИВЫ 3, 4 и 6 силъ (спеціальность). Большой выборъ ручныхъ и конныхъ **МОЛОТИЛОКЪ,** **ВЪЯЛОКЪ-СОРИТРОВOKЪ,** **НАСОСОВЪ,** **ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ** и проч. Иллюстрир. каталоги по востребованію.

Изготавливаемы подъ этою фабричною маркою **О-ДЕ-КОЛОНЪ, ДУХИ,** Туалетныя мыла высokaго достоинства, **ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА,** Препараты для вѣжности кожи, **ЗУБНЫЯ ОРЕДОВТА, КРАСКИ,** **МАСЛА ДЛЯ ВОЛОСЪ, ПОМАДЫ,** Туалетная вода и т. п. приобрѣли благодаря ихъ высokимъ качествамъ и ихъ дешовизнѣ известность во всемъ мірѣ. Просимъ всѣхъ покупающихъ парфюмерныя издѣлія требовать при покупкѣ издѣлія, снабженнаго настоящей фабричною маркою № 3987 воя маркою 5—5

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА. Вышла изъ печати **„ФАУСТЪ“**, опера въ 5-ти дѣйствіяхъ **К. ГУНО,** въ новомъ переводѣ, со всѣми вставными аріями и съ прибавленіемъ сценъ „Wald-purples nacht“. Для пѣнія съ фортеп. . . . 4 р. — к. Для фортеп. въ 2 руки. . . . 1 р. 50 к. **Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.** Съ 15 Августа по 15 Сентября сего года по вторникамъ и пятницамъ отъ 1 до 3-хъ часовъ пополудни будетъ производиться приемъ лицъ желающихъ слушать лекціи на курсахъ Понечительнаго Комитета о Сестрахъ Краснаго Креста, для подготовленія къ званію Сестры Краснаго Креста. № 3989 Желающимъ записаться слушательницами этихъ лекцій благоволятъ, для ознакомленія съ условіями для сего установленными, обращаться въ Комитетъ (Нижегородск. № 9, при Главномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста). Лучшую искусную эссенцію отъ 40% до 100% по умѣреннымъ цѣнамъ предлагаетъ Химическій заводъ А. Ейнина, д. Явно, черезъ ст. Печанонку, Ю. З. ж. д. № 3996